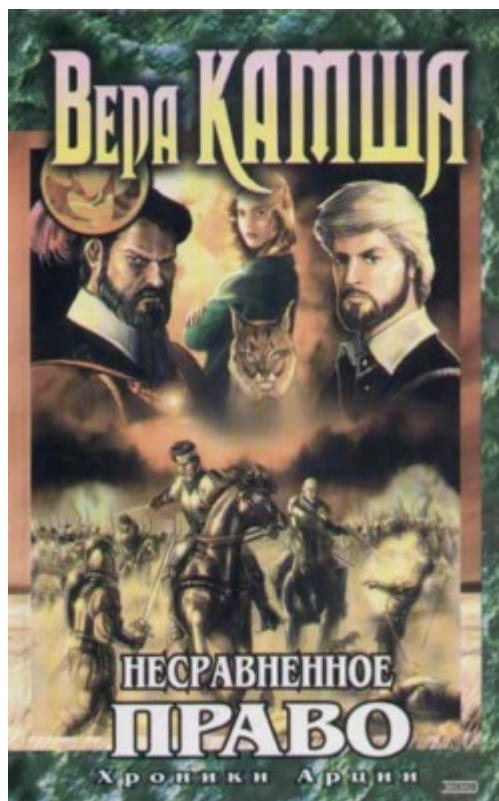

Вера Викторовна Камша Несравненное право

Хроники Арции – 2

Авторский текст

«Несравненное право»: Эксмо-Пресс; 2006

ISBN 5-04-008800-0, 5-699-17967-4

Аннотация

Темная Звезда, королева Таяны Герики, о приходе которой предупреждало древнее Пророчество, чуть было не ставшая проклятием Тарры, обретает свободу и власть над колдовской силой невероятной мощи. Теперь от того, что она выберет — Тьму или Свет зависит будущее этого мира. Вернуть ее под свою волю — вопрос жизни и смерти для адептов жестокого бога Ройгу, не останавливающегося перед тем, чтобы для достижения своей цели утопить Благодатные земли в крови междоусобной войны. Защитой Герике становятся герцог РенеАррой, его соратники и эльфы клана Лебеда, принявшие на себя ответственность за Тарру и за судьбы ныне на ней живущих. Но чтобы противостоять Ройгу, одних их сил недостаточно...

Вера Камша Несравненное право

Николаю Перумову

Автор искренне благодарит Юрия Бунакова, Майку Гончарова, Александра Домогарова, Юрия Квашу, Юрия Нерсесова, Сергея Черняева, без помощи и поддержки которых этой книги просто бы

не случилось.

Синописис, или Что было раньше

Некогда Таррой правил семеро Светозарных, но не они сотворили этот мир. Светлые боги были лишь пришельцами, победившими и уничтожившими Истинных Создателей. Однако случилось так, что в иных мирах братья Светозарных во Свете совершили ошибку и утратили власть. Дабы подобное не повторилось, престол Света повелел своим посланцам оставить захваченные миры, забрав с собой любимых Светом эльфов и уничтожив зарождающееся племя истинных магов. Но двое из Семерых — Ангез и Адена (Воин и Дева) — не согласились с приказом, считая себя ответственными за судьбу мира, чьи создатели и защитники были истреблены. Лишь понимание того, что схватка богов уничтожит Тарру, вынудило Ангеза и Адену подчиниться общему решению, но любимые ими эльфийские кланы — клан Лебеда и клан Серебряной Луны — по странному стечению обстоятельств остались. Между ними вспыхнула братоубийственная война, в которой погибли многие, а уцелевшие расстались навсегда. Лунные ушли за Серое море, Лебеди укрылись в непроходимых болотах Арцийского материка. Прошли века, и эльфов стали считать легендой.

Жизнь Тарры, мира без богов, текла своим чередом, пока в Арции не появился небывалой силы маг, проповедующий о конце света. Церковь объявила его еретиком и приспешником Зла, против него был предпринят Святой поход, окончившийся поражением. Проклятый (как впоследствии стали называть этого мага) казался непобедимым, но дочери господаря небольшого горного государства Тарски Циале, причисленной за этот подвиг к лику святых, удалось его обмануть и заточить. На Тарру снизошел покой, но в 2228 году от Великого Исхода стали настойчиво проявляться признаки, которые, согласно Пророчеству, предвещали конец света. Воспитанный среди людей эльф-разведчик Нео Рамиэрль, скрывающийся под именем барда Романа Ясного, должен был выяснить, что же происходит, и сообщить об увиденном Светлому Совету клана Лебеда и магам-людям, которых эльфы приютили у себя.

Розыски приводят Романа в Таяну, молодое королевство на северо-востоке дряхлеющей Арцийской империи. Очень скоро он понимает, что главными участниками стремительно развивающихся событий являются трое — фактический правитель союзного с Таяной Эланда герцог Рене Аррой, владетель Тарски Михай Годой и его дочь Герики. Одолеваемый жаждой власти Михай вступает в сговор с адептами культа Ройгу, древнего бога-отступника, в незапамятные времена побежденного и развоплощенного Первыми богами Тарры. Конечной целью ройгианцев является возвращение Ройгу, а орудием для этого с согласия отца избран Герики. Ей предстоит родить Младенца, который после соответствующих ритуалов пройдет посвящение и станет новым воплощением божества. После этого мать Младенца обретет силу, равную силе, подвластной ройгианцам, к тому же пока жива одна избранница Ройгу, именуемая Темной Звездой, другой не может быть. Именно на это и делает ставку Годой, рассчитывая использовать силу своей дочери, воспитанной в абсолютной покорности отцовской воле.

Силы Ройгу растут, в Таяне появляется фантом бога в образе чудовищного Белого Оленя. Его адепты организуют убийство Архипастыря Церкви Филиппа, вплотную подошедшего к разгадке Пророчества, и пытаются завладеть хранящимся в Святом городе черным кольцом, артефактом, некогда принадлежавшим одному из самых почитаемых в Арции святых Эрасти Церне. Путем интриг и магии Годой уничтожает королевскую династию Ямборов и, воспользовавшись честолюбием и ревностью последней ее представительницы принцессы Иланы, на которой женится, захватывает власть в Таяне.

Однако победа Михая и его союзников не является полной. Усиление Ройгу пробуждает уцелевших слуг Первых богов Тарры, некогда призванных защищать мир от бога-отступника. Черное кольцо попадает в руки Романа, который при этом узнает, что

святой Эрасти и тот, кого называют Проклятым, на самом деле одно и то же лицо. Посох Архипастыря достается не ставленнику ройгианцев кардиналу Амброзию, а ближайшему соратнику покойного Архипастыря бывшему рыцарю Феликсу. Чудом вырывается из смертельной ловушки герцог Рене Аррой, которому Уцелевшие предсказывают, что он и его любовь спасут Тарру. И, наконец, из рук Годоя ускользает беременная Герики. Чудовищный Младенец появляется на свет, но Роман с помощью кольца Эрасти и эльфийской магии успевает его уничтожить и вернуть умирающую мать с Серых Равнин. Теперь отыскать или уничтожить Темную Звезду для ройгианцев и Михая становится вопросом жизни и смерти, но Роману удастся вывезти ее к своим соплеменникам. Но ни Роман, ни Михай не знают, что благодаря вмешательству таинственных Великих Братьев в тело Герики вселилась душа иной женщины...

*Где ты, светлый мир? Вернись, воскресни,
Дня земного ласковый расцвет!
Только в небывалом царстве песни
Жив еще твой баснословный след.
Вымерли печальные равнины,
Божество не явится очам.
Ах, от знойно-жизненной картины
Только тень осталась нам.*

Ф. Шиллер

Голубая сойка с сомнением смотрела на невысокую девушку с трижды обмотанной вокруг головы толстой каштановой косой. На первый взгляд никакой угрозы та не представляла, а лежащие на раскрытой узкой ладони белые комочки могли оказаться очень даже вкусными. С другой стороны — осторожность никогда не помешает. В конце концов птица все же решилась и, с громким криком сорвавшись с отягощенной зелено-оранжевыми ягодами рябины, схватила угощение и укрылась с ним в густых ветвях. Девушка тихонько рассмеялась и, выбросив остатки в траву — подберут бурундуки, не спеша побрела в глубь пахнущего медом сада. Пребывание в самом отдаленном из отцовских замков не угнетало Линету. Напротив, она с радостью провела бы здесь не предписанные дроннами¹ три месяца, а целый год. Не то чтобы девушка совсем уж не хотела выходить замуж за достойного Бродерика, с этой мыслью она свыклась давным-давно, просто было бы лучше, если бы это произошло попозже. Увы, жених торопил, и у него были на то серьезные причины. Отец сообщил Линете, что Бродерик, чей младший брат и наследник недавно погиб на Большом королевском турнире, весьма озабочен продлением своего славного рода и не намерен далее откладывать свадьбу, тем паче невесте еще весной сравнялось пятнадцать.

Что ж, Лина была послушной дочерью, сердце ее пока молчало, жених же был еще не стар, недурен собой, знатен и очень-очень богат. Чего еще желать благородной девице, которую с детства готовили к тому, что она займет место во главе господского стола по правую руку от своего супруга и господина?!

Было, правда, в жизни единственной дочери одного из самых могущественных баронов Предгорья событие, о котором она давно уже не рассказывала никому. Девушке нравилось, что и у нее есть своя тайна, совсем как у героинь баллад, про которых пели заезжие менестрели. Линете исполнилось ровно столько лет, сколько должно быть девушке из легенды, ведь именно шестнадцатая осень дарит Деве великую Любовь, о которой поют веками. Потому-то она и хотела бы обождать со свадьбой. Всем известно, что прекрасные рыцари влюбляются только в непорочных дев, у ног которых возлежат белые единороги или, на худой конец, мраморно-крапчатые борзые, такие, как ее Бьянка. Страсть же к замужней

¹ Дронны — служители первых богов Тарры.

даме может быть лишь порочной и преступной. О подобном тоже пели и рассказывали, но вполголоса, тщательно прикрыв двери, и истории эти кончались всегда очень страшно. Неверных жен замуровывали в башнях, привязывали к диким лошадям, закапывали в землю живьем, поставив им на грудь гроб отравленного супруга... Баронской дочери такие рассказы не нравились. Куда приятнее было мечтать о прекрасном незнакомце, на поверку оказывающемся принцем или королем. Вот она и мечтала.

Срок, который невеста должна провести в одиночестве в отдаленном отцовском замке под присмотром верных слуг, шел ровно и тихо, и девушка почти смирилась с мыслью, что в ее жизни ничего чудесного не случится, и все же... Все же была эта странная старуха, нагадавшая восьмилетней Линете, что «быть ей последней, остаться единственной» и «хранить ей то, чему нет цены, а цена ей самой будет весь мир». Лина ничего не поняла, но запомнила и частенько гадала, что же все это могло значить. Спросить было не у кого. Старуху с белыми волосами и пронзительными зелеными глазами, склонившуюся над ее постелью, видела только она, няньки же в один голос уверяли, что это был сон. Девочка быстро убедилась, что взрослых не переспорить, и перестала и спрашивать, и рассказывать. Чем дальше, тем больше ей нравилось, что о предсказании помнит лишь она. Правда, с годами невеста Бродерика все больше склонялась к тому, что няньки были правы. Через девять дней за ней приедут, и ей станет некогда думать о рыцарях и предсказаниях...

Девушка подобрала длинное льняное платье, расшитое по подолу и горловине ветками цветущего шиповника, и поднялась на стену. С угловой башни залитое солнцем предосеннее Предгорье выглядело особенно красивым. В одну сторону до горизонта тянулась равнина, покрытая перезревшими золотыми травами, по которым скользили тени от легких облаков, подгоняемых дующим с гор ветром. С высоты было отлично видно, как играют в полях отпущенные на волю отъевшиеся кони, а чуть дальше на солнце блестит живая нитка Рысьей реки, на правом, высоком берегу которой начинаются бесконечные леса, тянущиеся аж до самых Оммовых гор.²

Лине очень хотелось побывать там, увидеть молчаливых темноволосых «богоизбранных» с их рысьими глазами и звериным оскалом, полюбоваться синими и алыми цветами, растущими на высокогорных лугах, а если очень повезет, услышать, как на крылатых конях мчатся среди закатных облаков воины великого Омма, возвращаясь в свою заоблачную обитель с небесной охоты. Когда девушка в первый и пока единственный раз оказалась на королевском турнире, ее поразил огромный гобелен, изображавший небесную кавалькаду, выезжающую из радужных ворот. Впереди на золотом коне с синим соколом на плече гарцевал сам отец богов Омм, за ним на белоснежной зеленоглазой кобылице ехала его царственная супруга с алой розой на груди, а дальше толпились сонм Бессмертных и великих воинов из числа «богоизбранных» и людей, откупленных Оммом великой ценой у Смерти, дабы выступили они на его стороне, когда подойдет черед Последней Битвы.

Линета невольно вздрогнула — неизбежность схватки Бессмертных с полчищами вырвавшегося на волю Отступника ее всегда пугала. Она надеялась, что Омм победит, но в глубине души ворочался холодный грустный червячок. Отец смеялся над дочерними страхами, говоря, что, когда наступит Последняя Битва, если она вообще наступит, и Лина, и ее правнуки дано будут собирать звездный виноград на Синих Островах. Похоже, барон не очень-то верил в то, чему учили дронны, хоть и платил им положенную десятину. Отец прожил очень-очень долго, через два года ему исполнится пятьдесят, но ни разу не сталкивался с чудесами и говорил, что о богах болтают лишь те, кто не может ничего сделать сам.

Линета, слушая резкие слова барона, немного успокаивалась, но проходило несколько дней, и она вновь просыпалась среди ночи и лежала, глядя в темный потолок и боясь пошевелиться. А вдруг Повелитель Туманов уже освободился и рыщет поблизости в поисках

² Оммовы горы — древнее название Большого Корбута. Омм — отец Первых богов Тарры.

живых горячих сердец, которые только и могут утолить его тысячелетний голод? Лина представляла его таким, как на книжных миниатюрах, которые показывал ей наставник, — высоким и таким же красивым, как его братья-боги, но с белесыми глазами без радужек и с кожей бледной и холодной, как на брюхе у жабы. Отступник запретит всем радоваться и любить, весь мир утонет в тумане, и никто не будет знать, ночь сейчас, утро или вечер. И только его дронны будут стучаться в дома и уводить с собой предназначенных насытить голод бога. Да, если воинство Омма потерпит поражение, воцарится Вечный Туман!

Как всегда, вспомнив об этом, Линета решила поддержать отца богов своей молитвой. Бегом спустившись с башни в сад, она сорвала три рябиновые ветки, отцепила усыпанную крупными сапфирами брошь, поддерживавшую обязательную для невесты вуаль, кольнула булавкой палец и, выдавив капельку крови, мазнула по обломанным концам веток, приговаривая: «Защити нас, Великий Омм, от Отступника, обереги от всякой скверны и позволь до конца дней наших днем видеть солнце, а ночью — звезды».

Теперь надлежало положить приношение на алтарь или же сжечь ветки, так как любой огонь посвящен отцу богов. Девушка предпочла последнее, так как не хотела лишний раз встречаться со здешним дронном, мечтающим перебраться из отдаленного замка в Огеллану и столь явно заискивающим перед дочерью хозяина, что это казалось оскорбительным и для бога, которому тот клялся служить, и для самой Линеты. Огонь же всегда остается огнем. Лина забралась в самый дальний угол сада — общение с Небом не нуждается в свидетелях — и, облюбовав плоский серый камень, быстро сложила на нем небольшой костерок. Какая досада, она вышла в сад без огня! Теперь придется возвращаться в замок, где за ней наверняка кто-то увяжется!

— Госпожа, позволь, я помогу тебе, — голос был молодым, красивым и почтительным. Линета стремительно обернулась. Сзади стоял высокий темноволосый юноша с ясными зелеными глазами.

— Кто ты? — она не должна спрашивать. Он наверняка не женат, а невеста может говорить со свободным мужчиной, лишь опустив на лицо вуаль, да и то в присутствии наставников.

— Я?.. Я брат второго лесничего твоего отца, меня зовут... — юноша на мгновение замялся, — меня зовут Ройко, — и он звонко засмеялся.

ЛЕТОПИСЬ ВТОРАЯ

Книга Рене

ПРОЛОГ

*Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненно право —
Самому выбирать свою смерть.*

Н. Гумилев

Если что-нибудь страшно, надо идти ему навстречу — тогда не так страшно.

А. Колчак

Зачем вы двое тщитесь продлить агонию? Этот мир слишком несовершенен. Он должен погибнуть, чтобы с ним исчезла и вся пропитавшая его скверна. То, что достойно спасения, будет спасено и без вашего вмешательства...

— Ты вопрошаешь, но не ждешь ответа. Он тебе не нужен. Тот, кто присвоил себе право судить, зная лишь свою правду, не способен понимать.

— Постой, брат! Ты собрался «спасать» Тарру, Странник? Что ж, жди своего часа, если он наступит. Смотри, как множатся преступления и страдания, предвосхищая твое явление

на развалинах, когда уже нечего защищать и можно покинуть пожарище. Что ж, подбирай тех, кто готов вцепиться в полы твоей хламиды, отряхнув с ног пепел сгоревшего дома. Спасай их, они достойны тебя, но предоставь тем, кто по доброй воле идет в огонь, пытаюсь вызволить обреченных, делать свое дело.

— А ты многословнее своего мудрого брата. Но достойно ли поступаешь ты, обрекая своих избранников на вечные муки?

— Обрекаешь ты, ибо твое спасение немногим лучше небытия. А я лишь указываю дорогу тем, кто способен по ней пройти, но они вольны идти вперед, свернуть в сторону или же остаться на обочине и ждать тебя.

— Или вообще ничего и никого не ждать... Пойдем, брат, этот разговор не имеет смысла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛЕБЕДЯ

*Я знаю свое лицо,
Сегодня оно жестоко.*
М. Цветаева

Глава 1

2228 год от В.И.³

**Полдень 21-го дня месяца Зеркала.⁴
Пантана. Убежище**

Ветерок раскачивал верхние тонкие ветви, сквозь которые виднелись высокие перистые облака. Неистовое осеннее солнце давно уже растопило утренний иней и щедро изливало свет на золотую осеннюю Пантану. В 2228 год от Великого Исхода зима не торопилась. Даже самые осторожные из Первороджденных были уверены, что Луна успеет умереть и вновь вступить в пору расцвета, прежде чем северные тучи затянут небо и зарядят изматывающие ледяные дожди, которые постепенно перерастут в снежные бури.

Тем, кто нынче утром ушел в Последние горы, такая осень дарила надежду.

Эмзар Снежное Крыло вторую ору⁵ кряду стоял у доходящего до самого пола окна и смотрел на серебристые стволы с черными разводами, просвечивающие сквозь изрядно поредевшую медную листву. Местоблюстителю Лебединого трона чувствовал себя отвратительно. Слишком давно в Убежище не случалось ничего, нарушавшего монотонное существование последних эльфов Тарры. Казалось, они будут вечно жить среди стройных высоких деревьев, отгородившись от смертных и отринутые богами, но нависшая над миром грозная туча положила конец этому растительному существованию. Эльфы должны либо

³ Великий Исход (В.И.) — начало летосчисления, принятого в Арции и большинстве сопредельных с ней государств.

⁴ Зеркала месяц — первый месяц осени. В Арции и прилегающих к ней королевствах принят календарь Звездного круга — круга из тринадцати созвездий (Иноходец, Медведь, Влюбленные, Лебедь, Дракон, Собака, Зеркало, Волк, Звездный вихрь, Копьеносец, Вепрь, Сирена, Агнец), аналог земного Зодиака. По имени созвездий названы месяцы арцийского года, каждый из которых длится 29 дней. Новый год отмечается в день весеннего равноденствия. В 1-й день месяца Агница.

⁵ Ора — одна двадцать шестая суток (половина времени, за которое над горизонтом поднимается одно из созвездий Звездного круга).

погибнуть, пусть чуть позже остальных, либо принять бой вместе с другими обитателями этих земель.

Сам Эмзар не колебался — клан Лебеда будет драться. Его смущало другое — не сомневаясь в том, что прав в большом, он не был уверен, что не ошибся в частном. Преступившие⁶ решили отправиться на поиски места Силы, о котором рассказал тот, кого люди по недомыслию называют Проклятым. Вместе с магами-людьми ушел и племянник Эмзара, избранный то ли судьбой, то ли самим Проклятым хранителем черного кольца, талисмана, проникнуть в суть которого не сумели ни Эмзар, ни Преступившие, ни уцелевшие эльфийские маги. Снежное Крыло не мог с твердостью сказать, стоило ли затевать поход в канун зимы, которая по всем признакам должна стать страшной; и имел ли он, Эмзар, право отпускать Рамиэрля, единственного из клана, хорошо знавшего внешний мир. Или — поправился про себя не терпевший неточностей предводитель Лебедей — знавший его лучше отца и его самого.

Как бы то ни было, не прошло и лунной кварты⁷ с той ночи, когда племянник и его светловолосая спутница объявились в Убежище. Объявились, нарушив казавшийся незыблемым обычай — тайна превыше всего, а потому никакой магии. По закону пришельцы, оставив коней, должны были оставаться на границе топей, пока их не заметят наблюдатели и не пошлют за ними трясинника. Но Рамиэрль не считал возможным ждать. Он и Герику перешли болото с помощью заклятья и, обойдя стражу, постучались в серую дверь Лебединого Чертога. С той ночи Эмзар не спал... Нет, он, разумеется, и раньше знал, что когда-нибудь случится нечто, что положит конец их монотонному житью, а события последнего лета свидетельствовали, что ждать остается недолго. Большой мир властно призывал добровольных изгнанников.

Местоблюститель видел, что никому не избежать надвигающейся бури, иногда ему казалось, что он ждет ее, но, взглянув в серые глаза той, что была Эстель Оскорой,⁸ Эмзар понял, что боится и, словно перепуганный ребенок, хочет, чтобы прихотливая судьба направила стопы этой женщины — колдуньи? стихии? — в другую сторону.

Увы! То, что произошло, изменить уже нельзя, и Снежное Крыло вежливо приветствовал ту, кто должна была стать Погибелью либо Спасением Тарры.⁹ Если, разумеется, Пророчество не есть вселенский обман. Эмзар зябко передернул плечами, странно, до чего знание обостряет эмоции — не скажи ему Рамиэрль, КТО его спутница, он увидел бы в ней просто женщину из рода людей. Да, странную, удивительную в своей откровенности и в равнодушии к себе (некогда и он встретил такую, но об этом лучше не вспоминать!), но всего лишь женщину из племени людей. Зная же, кто такая Герику, он невольно выискивал следы дикой, невероятно чужой силы, выискивал и не находил. Но откуда тогда это ощущение тяжести, накатывавшее на него, как волны? Хотя, возможно, все это лишь фантазии, порожденные тревогой и излишним знанием, ведь Эстель Оскора пока ничем не проявила своей чудовищной сути. Все, кто не знал правды о тарскийке, ничего сверхъестественного в ней не замечали. И все же Эмзар не находил себе места...

Тонкий, серебристый звон на грани слышимости отвлек местоблюстителя от раздумий — сработало защитное заклятие, предупреждая, что кто-то хочет войти в Лебединый Чертог.

⁶ Преступившие — маги-люди, преступившие порог Дозволенного, строго регламентированный как Церковью, так и мирскими законами.

⁷ Кварта — неделя, время, за которое луна проходит одну из своих фаз.

⁸ Эстель Оскора — Темная Звезда (староэльф.). Обо всех главных участниках событий читайте в конце книги.

⁹ Тарра — весь мир.

Этот звон — еще одно нововведение, вернее говоря, хорошо забытый старый обычай. С той поры, когда остатки клана Лебеда, покинув свои земли, укрылись в непроходимых топях, бежав то ли от смертных, то ли от бывших родичей, а скорее всего от самих себя, дворцовый этикет и дворцовые интриги утратили всякий смысл. После Исхода и Войн Монстров Лебедей осталось так мало, что власть переставала быть властью, жить по-прежнему стало нельзя, и потомки эльфийских государей перестали выставлять охрану, запирают двери и сплетать хитроумные заклятия, защищая свою жизнь от жаждущих воссесть на Лебединый трон родичей. Лишь после представления, устроенного летом в Зале Первых Фиалок племянницей, Эмзар вспомнил о том, что и в собственном доме следует быть осторожным.

Теперь несколько молодых воинов из Домов Ивы и Ириса, сменяя друг друга, охраняли вход в покои принца, но то, что это было лишь дополнением к мощной защитной магии, пущенной в ход после тысячелетнего перерыва, не знал никто.

Эмзар грациозно отвернулся от окна и, скрестив руки на груди, стал ждать. Вскоре дежуривший в этот день Элзар из Дома Ивы отдернул серебристо-алый струящийся занавес, отделявший Рассветную Приемную от Зала Огненных Настурций, и, слегка поклонившись, возвестил о приходе главы Дома Розы. По лицу Эмзара скользнуло подобие улыбки — брат был одним из немногих, с кем местоблюститель чувствовал себя спокойно и чье мнение для него что-то значило.

Астен, вопреки своему обыкновению одетый весьма тщательно, почти щеголевато, не скрывал ни своей тревоги, ни своей усталости. Братья по эльфийским меркам были совсем несхожи. Народ, у которого совершенство черт лица и фигуры считается естественным, очень внимателен к мелочам. Это в глазах смертных, оказавшихся среди Перворожденных, те разнятся лишь цветом волос и глаз да драгоценными одеяниями. Сами же Дети Звезд подмечают малейшие отличия, поэтому мечтатель Астен со своими золотыми волосами и ярко-синими глазами и темноволосый голубоглазый Эмзар, славящийся сдержанностью и ироничностью, почитались несхожими, как вечер и утро. Старший был вождем и воином, младший — поэтом. Братья всегда ладили, но лишь недавно старший обнаружил в младшем не только немалую магическую силу, но и тихое, спокойное упрямство и целеустремленность, столь характерные для мужчин Дома Розы. В наступающие смутные времена поддержка Астена стала Эмзару необходима как воздух.

Кленовая Ветвь легко коснулся плеча правителя и опустил в затканное листьями мать-и-мачехи серебристо-зеленое кресло у изящного невысокого столика. Эмзар остался стоять, для этих двоих этикет не играл никакой роли.

— Я проводил их через Северные топи, — мелодичный голос Астена прозвучал устало, — они собираются пройти за два месяца всю Северную Арцию и нагнать Уанна...

— Это возможно, если, конечно, им повезет, — задумчиво проговорил Эмзар, — но все-таки...

— Все-таки ты не уверен, что это вообще нужно? Я тоже, — Астен провел по лицу рукой, словно снимая невидимую паутину, — все спорю и спорю сам с собой... Что-то говорит мне, что нечего им там делать. И потом, мы взяли на себя слишком большую ответственность.

— Эстель Оскора?

— Да! До сих пор не понимаю, что же она такое. И, самое печальное, она сама не понимает. В ней должна быть Сила, а я этой Силы не чувствую. Но все сходится именно на ней — Всадники, которых она разбудила, Пророчество, этот ее чудовищный ребенок, которого пришлось...

— Чем меньше мы будем говорить об этом, тем лучше!

— Вот как? — Астен приподнял бровь. — Ты не доверяешь собственным заклятиям?

— А ты не чувствуешь, как здесь растет тревога? Все Дома владеют высокой магией, и я не уверен, что никто не пустит ее в ход... Хорошо хоть, мы с тобой принадлежим именно к Дому Розы.

— Эанке? Я тоже думаю, что дочь Нанниэли что-то замышляет. Она, кстати, ненавидит

Герику, невзлюбила с первого взгляда...

— Ну, этого стоило ожидать, — Эмзар наконец решил присесть, — смертная женщина в Убежище! Если тарскийка и есть легендарная Эстель Оскора, то она становится центральной фигурой пьесы, а Эа всегда отводила эту роль себе. Она не может не чувствовать значимости нашей гостии, хоть и не знает всей правды. А что ты сам? Рамиэрль поручил Герику тебе, а ты, как я понимаю, не имел ничего против.

— Ну, после того как ты убедил меня жениться на Нанниэли, и тем более после того, как я породил такую дочь, мне бояться не пристало никого и ничего. Эстель Оскора, — Астен неожиданно лихо улыбнулся, — так Эстель Оскора! Как оказалось, мне нравятся опасности... А Геро, что ж, я пока мало могу о ней сказать... Зла в ней я не вижу, правда, и Света, или, как говорят люди, Добра, тоже не ощущается. Она что-то пытается понять или вспомнить, но, кажется, сама не знает, что именно.

— Она нравится тебе?

— Пожалуй, да... И потом, она моя Эфло д'огэр.¹⁰

— Что? — Эмзар непроизвольно вздрогнул. — Ты понимаешь, что говоришь?!

— Вполне. В нашей семье всегда чуяли такие вещи. Потому-то я и молчал, когда решалось, идти ли ей в Корбут с Рамиэрлем. Я был не вправе вмешиваться.

— Проклятье, — Эмзар с силой стиснул резной подлокотник, — я так хотел, чтоб она ушла, и, вместе с тем, выпускать ее из рук опасно.

— Вернее, отдать в руки Примеро с его амбициями. Успокойся, — Астен с неподдельным участием взглянул в лицо брату. — В конце концов, избежать встречи с Судьбой еще никому не удавалось, другое дело, что исход randevu зависит и от нас тоже.

2228 год от В.И.

Полдень 21-го дня месяца Зеркала.

Вольное село.¹¹ Белый Мост

Уже четвертый день кряду Фронтеру полосовали дожди. Серые тучи затянули небо на несколько дна¹² вокруг. Жирная, плодородная почва размокла, превратившись в отвратительное, чмокающее под ногами месиво, воздух был пропитан влагой так, что даже постели в домах за день становились влажными. В это время года день ненамного отличался от ночи, а утро от вечера, и если женщины еще пытались делать какую-то работу — ходили за скотиной, пряли, готовили, — то мужчины предпочитали пережидать ненастье в уютной общей зале «Белой Мальвы». Там за стопкой царки¹³ или кружкой подогретого вина можно было до ночи обсуждать деревенские новости и слухи, передаваемые проезжими либо же вернувшимися откуда-то сельчанами.

Красотка Гвенда, после смерти своего слишком уж любившего покушать и выпить

¹⁰ Эфло д'огэр — буквально «цветок огня», эвфемизм «цветка папоротника». Эльфы так называют то, что явится впоследствии причиной их гибели, будь то предмет или существо. Считается, что Перворожденные могут узнать свою Эфло д'огэр в самом начале цепочки событий, которые приведут их к гибели. Перворожденные также полагают, что предотвратить судьбу, устранив Эфло д'огэр, невозможно, но можно попытаться ее изменить. Эфло д'огэр и все с ними связанное одна из самых популярных тем эльфийских преданий и баллад.

¹¹ Вольное село — село, жители которого не являются собственностью феодала, хотя земли общины со всех сторон граничат с землями баронов.

¹² Дна — мера длины, равная одному конному дневному переходу.

¹³ Царка — зерновой спирт, настоянный на дубовой коре и травах и вполнину разбавленный родниковой водой с небольшим количеством меда.

мужа единолично заправляющая «Мальвой», позднюю осень любила. Ей нравилось, что у нее собирается почти весь Белый Мост, что никто никуда не спешит, а все ведут неспешные беседы, отдавая должное ее стряпне и особенно знаменитой царке, но в этом году Красотке было тревожно.

Да и что могло быть хорошего, если по коронному тракту, у которого и вырос Белый Мост, ездят меньше, чем по проселку?! Ни купцов с товарами, ни весельчаков-либров,¹⁴ ни местных, собравшихся в гости к таянским родственникам, ни таянцев, навещавших своих во Фронтере... Проклятуший Михай никого из Таяны не выпускал, а дураков, готовых лезть к Проклятому в зубы ради смутных таянских барышей, не находилось. Фронтера внезапно оказалась медвежьим углом, краем света, причем опасным краем. Про то, что творится за речкой Каючкой, говорили всякое и, как правило, шепотом. Хорошо хоть непролазные Кабаньи топи, начинающиеся в половине дна пути, надежно прикрывали село от взбесившегося соседа, зато на тракт Гвенда теперь посматривали с опаской.

Известно, что кошки, твари, не способные любить кого-то, кроме самих себя, чуют землетрясения и заранее покидают опасное место. Кое-кто пошел еще дальше и утверждает, что трактирщики загодя чуют войны и всяческие безобразия и надежно прячут свои богатства. Как бы то ни было, но Гвенда приняла кое-какие меры. Друг и покровитель Красотки Рыгор Зимный, войт¹⁵ Белого Моста, то ворча, то посмеиваясь, помогал по ночам своей подружке перетаскивать в Ласковую пушу бочонки с царкой и вином, мешки с солью, сундуки со всяческим добром. Вещи побольше да подешевле Гвенда припрятала во дворе, оставив в доме только самое необходимое, а в придачу заставила Рыгора проделать потайной ход из дома в огород да сделать в заборе два тайных лаза. Последние предосторожности войт полностью одобрял, но дело тут было не в каких-то там выдуманных Гвендой врагах, а в ныне здравствующей войтихе, не оставляющей попыток поймать благоверного на горячем.

Впрочем, этим дождливым днем Рыгор открыто заявился к коханке¹⁶ через общий вход и законно занял — войт как-никак — самое лучшее место. Гвенда со своей всегдашней полуулыбочкой, от которой мужское население Белого Моста с четырнадцати до семидесяти годов бросало то в жар, то в холод, принесла блюдо с холодной свиной, замоченные перцы, утренний хлеб и, разумеется, баклагу с царкой. Рыгор с достоинством принял вожделенный сосуд, нацедил себе в малую баклажку и приготовился наслаждаться, однако чарка остановилась, не омочив густых медно-коричневых усов. Дверь «Мальвы» со скрипом растворилась, и на пороге предстала странная оборванная фигура.

Мужчина (а это был мужчина) был мокрым с головы до ног, что, в общем-то, было неудивительно, так как на улице хлестало как из ведра. Станным было другое — человек этого, кажется, не замечал. Он, глупо помаргивая, стоял на пороге, забыв закрыть за собой дверь. Сидящие в комнате люди с удивлением тарасились на пришельца, но почему-то молчали.

Говорят, поганые вести метят того, кто их принес. Сельчане не хотели слышать ничего дурного и потому ни о чем не спрашивали. Наступила тишина, которой «Мальва» еще не знала, даже стало слышно, как штурмует заклеенное на зиму окно не уснувшая по недомыслию муха.

Наконец кто-то неуверенным голосом пискнул: «Антось!»

¹⁴ Либры — люди благородного происхождения, избравшие одну из семи профессий, не считающихся позорными для дворянина (моряк, наемный воин, маг, священник, бард, лекарь, ученый). Либры добровольно отказывались от своих феодалов, освобождаясь от вассальной присяги, но сохраняли все не связанные с земельными владениями дворянские привилегии и подчинялись Кодексу Розы.

¹⁵ Войт — сельский староста.

¹⁶ Коханка — любовница, возлюбленная (фронтерск.).

Это действительно был Антось Моравик из Укропных Выселок, небольшой деревеньки с самой таянской границы. В Мост Антось иногда навещался — привозил мед и соты, выпивал чарку-другую в «Мальве» и возвращался назад. Своим он не был, но и чужим его не считали. Впрочем, признать в этом взлохмаченном мокром человеке веселого, добродушного Антося было нелегко.

Рыгор вздохнул, понимая, что как войт должен взять все в свои руки, и шагнул вперед.

— Входи, Антося! Чего ж на пороге маяться?

Тот вошел. Как-то боком, затравленно озираясь.

— Что трапылося?¹⁷

Антось брякнулся на лавку, залпом осушив большую чарку лучшей Гвендиной царки. Не закусывая, налил еще одну, выпил половину и выдохнул:

— Никого нема!

Все переглянулись. Слова казались более чем странными. Как это никого нет? Где?!

Антось допил свою чарку и пояснил:

— В Укропках нема. Все кудысь подевались. И малые, и взрослые... Никого.

Мало-помалу Рыгор вытянул из бедняги, что тот, несмотря на дождь, отправился в пуцу проверить капканы — вдруг какая дичина попадется. Так ли уж ему зайчатина понадобилось или же невоготу стало сидеть в хате с женой, славящейся сварливостью на всю Фронтеру, но Антось сбежал в лес, который знал и любил. Проблуждав до темноты, охотник не смог найти дорогу домой, чего с ним ни разу не случалось, и заночевал в лесу, ему посчастливилось встретить дерево с огромным дуплом, где он благополучно проспал всю ночь. Утром сразу же набрел на нужную тропку и поспешил домой, на ходу сочиняя, что соврать хозяйке, так как правдивому рассказу она бы ни в жизнь не поверила. Врать, однако, не пришлось — дом оказался пустым. Как и вся деревушка. Добрых две сотни человек пропало, не заперев дверей, не забрав с собой ничего.

Если там и были какие-то следы, то словно бы сошедший с ума дождь все смыл. Ничего не пропало, разве что разом издохли все собаки. Не были убиты, а именно издохли, словно их потравили.

Бедный Антось, ничего не соображая и даже не затворив дверей осиротевшей хаты, бросился пешком к ближайшим соседям — на хутор Выстрычку, что лежал в полтора весах¹⁸ от Укропок. Там было то же самое! Неизвестно, что б стал делать сходящий с ума от ужаса и недоумения Антось, но, на счастье, ему попалась чья-то отвязавшаяся лошадь, на которую он взобрался и потрусил в Белый Мост, безумно боясь, что и здесь никого не обнаружит. Рассказав все это, гость выпил еще одну чарку и, ткнувшись лицом в надраенный дубовый стол, громко захрапел.

— Нехай спит, — решил войт. — Ну, что хто думает?

Думали по-разному, но ничего хорошего. Самым простым было предположение, что Антось повредился в уме или перепил и ему все померещилось. Самым поганым, что все дело в таянской границе. Как бы то ни было, нужно было что-то делать, и Рыгор решил съездить и посмотреть. Если Антось прав, остается одно — послать людей к бару Кузергу — пусть выводит к Каючке дружину — даром, что ли, этих бездельников кормит вся округа?! А затем в город к коронному судье, пусть решает, кого тут звать: клирика али стражника.

Про третье свое решение отправить кого-то тайком в Эланд, как советовал либр Роман, буде случится что-то необычное или гадкое, Рыгор не сказал. Не время нынче говорить обо всем. И еще подумал, что его Гвенда — не только баба, каких больше нет, но и умница к тому же...

¹⁷ Что случилось (фронтерск.).

¹⁸ Веса — мера длины — примерно столько проходит лошадь рысью за ору.

Эстель Оскора

Я который раз любовалась своим отражением в роскошном зеркале. Отражение было куда менее роскошным, но меня оно устраивало, так как напоминало, что я — это все-таки я.

Конечно, среди эльфов я выглядела не более уместно, чем лошадь на крыше. За немногие дни, проведенные среди народа Романа, я познала истинную красоту и вместе с тем уразумела, что все совершенное неизбежно вызывает жалость. Эльфы были прекрасны, но в них ощущалось что-то обреченное, исчезающее, изломанное... Я так и не поняла, нравятся ли мне эти создания, для этого я слишком мало прожила здесь, и слишком очарованы были мои глаза, чтобы я могла еще и думать.

Мне бы уйти с Романом и его странноватыми спутниками, одни из которых мне нравились, а другие, во главе с коротышкой Примеро, вызывали прямо-таки отвращение. Но меня не взяли. Или, вернее, непустили. И теперь мне предстояло переживать зиму среди болотных огоньков и иллюзий. Те, кто оставался в Убежище, жили в другом измерении, они не видели, не знали, не желали понимать того, что творится за границами их дивного острова. А я, я не могла не думать о том, что оставила за спиной, не могла не думать о том, что же я такое... Эстель Оскора? Возможно. Кто бы еще объяснил мне, что из этого следует.

Я отвернулась от зеркала, которое наверняка вздохнуло с облегчением и принялось отражать привычные ему изысканные предметы. Накинув на плечи невесомую, но очень теплую шаль — подарок хозяев (как же иначе, гостеприимство обязывает), я отправилась на улицу. Правду сказать, я обещала Роману не увлекаться одиночными прогулками. Видимо, мой золотоволосый приятель не слишком доверял своим родичам. По крайней мере, некоторым из них. Разумеется, я обещала ему все, что он хотел, — последнее дело заставлять уходящего в бой волноваться за тех, кого он оставляет за спиной. Но слова — это только слова. Я не собиралась сидеть всю зиму в золоченой клетке, ожидая возвращения Рамиэрля со товарищи. Найдет он Проклятого или нет, это еще никому не известно. А хоть бы и нашел — большой вопрос, захочет ли тот помочь, да и сможет ли управиться с Белым Оленем.¹⁹ С другой стороны, мне ясно дали понять, что, пока я жива, он не сможет обрести устойчивого материального воплощения... Видимо, принцип единобрачия у этой нечисти к нашему счастью доведен до абсурда. Из этого следовало, что за мной будут охотиться, то ли чтобы вернуть, то ли чтобы прикончить.

Я в очередной раз с отвращением вспомнила свою прежнюю жизнь, которую прожила, как законченная курица. На месте Белого Оленя я постаралась бы завести себе подругу поинтереснее и поумнее, хотя, похоже, мой дражайший отец с детства готовил меня именно в супруги Оленю, или как он там на самом деле называется... Всадники вроде бы звали его Ройгу... Ну и имечко! Под стать мерзкой твари, задавшей целью скрутить весь мир в бараний рог. Я же со своим счастьем заячьим²⁰ оказалась первой, кто попался ему под руку, чтобы не сказать хуже.

Магия Романа, сначала уничтожившая то, что я носила в своем чреве (назвать это ребенком у меня язык не поворачивался), а потом вырвавшая меня из лап смерти, каким-то непостижимым образом вытравила из моей памяти чувства, оставив только события. Я помнила ВСЕ, чему была свидетельницей, но единственная эмоция, которую я могла испытывать, был стыд за себя прежнюю... Я ненавидела Герику, тупо исполнявшую отцовские приказы. И вместе с тем я отдавала себе отчет в том, что все эти глупости сотворила именно я. Это я оказалась не в состоянии бороться за свое счастье. Это я послужила причиной смерти Стефана. Эта я позволяла делать с собой все, что угодно...

В конечном счете во всем том кошмаре, который случился в Гелани, я была виновна не

¹⁹ Белый Олень — кратковременное материальное воплощение Ройгу, огромный олень с клыками хищника.

²⁰ Заячье счастье — идиома, обозначающая хроническую невезучесть.

меньше отца, теперь же следовало собраться с мыслями и подумать, как исправить то, что я натворила. В который раз взвесив свои таланты, я пришла к выводу, что мой единственный козырь — то, что никто, кроме Романа и Лупе с Симоном, не знает, что я научилась думать и разучилась слушаться. Проявятся там или нет какие-то магические способности, имея голову на плечах и волю к жизни, можно горы своротить. Пока же мне лучше оставаться среди эльфов. Никакая война до весны не начнется, а я за зиму постараюсь разобраться, во что меня превратили, и, если у меня есть способности к магии, научусь хоть чему-то полезному. Благо на острове эльфов все прямо-таки дышит волшебством.

Уходя, Роман сказал, что я могу во всем доверять его отцу и дяде, а также молодому художнику, кажется, из Дома Ивы. Зато от собственной матери и сестры он меня предостерегал так, словно они были его злейшими врагами. Похоже, так оно и было. Я сразу заметила двух красавиц, которые внимательно, не произнося при этом не единого слова, рассматривали меня, когда мы, нарушив все здешние законы, переправились на затерянный в топах остров при помощи магии. Ни красота этого загадочного места, ни радость, обычная для избежавших смертельной опасности, ни непритворное радушие Астена и Эмзара не вычеркнули из моей памяти тяжелый неприветливый взгляд двух пар прекрасных очей.

На их месте я бы радовалась появлению в Убежище женщины, на фоне которой их краса казалась еще убедительнее. Я-то прекрасно понимала, что, расставшись во время болезни с косами — моим единственным сокровищем, вряд ли вызвала бы ревность даже у человеческих женщин, не то что у эльфиек. И все равно в их взгляде чувствовался страх и зависть. Этого мне было не понять...

Поглощенная своими мыслями, я умудрилась забрести довольно далеко от палатки приютившего меня Астена. Поселение эльфов, собственно говоря, представляло собой группу вилл, разбросанных в светлом буковом лесу. Дома, украшенные высокими изящными шпилями, небольшими балкончиками с немыслимо красивыми решетками и прелестными статуями, утопали в плюще, диких розах и жимолости. Ограды казались чисто символическими, хотя я уже поняла, что видимая легкость и хрупкость отнюдь не является слабостью. На деле игрушечные замки являлись подлинными крепостями, войти в которые вопреки воле хозяев мог только очень сильный волшебник.

Астен показал мне, как выходить и входить в его дом, но чужие особняки для меня оставались запретными. Впрочем, желания знакомиться с соседями у меня пока не возникало. Надо было освоиться и понять суть этого места и его обитателей.

Благополучно миновав десять или одиннадцать голубоватых и серебристых строений, я оказалась на тропинке, ведущей вверх. Я знала, что там находится парк и Лебединый Чертог, в котором однажды меня уже принимали, и мне пришло в голову повторить свой визит. В конце концов, Роман велел мне доверять Эмзару, так отчего бы не познакомиться с ним или, по крайней мере, с его резиденцией поближе?

2228 год от В.И.

Полдень 21-го дня месяца Зеркала.

Таяна. Гелань

Кафедральный собор Гелани медленно, но верно заполнялся народом. С одной стороны, лишний раз выходить на улицу в такую погоду да еще тащиться в место, кишмящее страшноватыми воинами регента, мало кто хотел. С другой — любопытство и желание узнать все из первых рук присуще человеческой природе, да и оставаться дома многие опасались — желающий донести на соседа всегда найдется, было б кому доносить.

При Марко о Ратуше и Высоком Замке вспоминали только тогда, когда приходило время платить налоги или же коронный глашатай сообщал об очередном событии в королевской семье. Тогда геланцы живо обсуждали королевские свадьбы, рождения, смерти, а также всяческие празднества и маневры. Сейчас же шепотом передавали страшные вещи о том, что творится за несокрушимыми каменными стенами. Высокий Замок стремительно

становился символом страха, и, разумеется, немедленно появлялись те, кто в этой взбаламученной воде пытался наловить побольше рыбки — устранить соперника, отомстить, потешить чувство зависти и просто опередить того, кто мог бы донести на тебя. Потому-то, услышав глашатая, почти все заметные и уважаемые жители Гелани обрядились в хорошее, но не лучшее (по нынешним временам богатством лучше не кичиться) платье и отправились в храм.

Ровно в полдень к Преддверию²¹ возшел епископ Тиверий. Нет, уже не епископ, объемистое туловище клирика прикрывали малахитовые кардинальские одежды. Рядом стоял легат Архипастыря в темно-зеленом облачении. Любопытство собравшихся возросло. А легат красивым, хорошо поставленным голосом, которым обладают лишь клирики да лицедеи, оповестил жителей города Гелани, что Конклав единодушно избрал Архипастырем²² Благодатных земель²³ верного и благочестивого сына Церкви Единой и Единственной кардинала Амброзия Гэзского. Учитывая же заслуги епископа Тиверия перед Церковью и Творцом, новый Архипастырь назначил одного Тиверия кардиналом Таяны, Тарски и Эланда.

Посланец также поведал, что безбожие эландских властителей, закрывших храмы и иглеции²⁴ и вновь возжегших маяки в угоду мерзким фантомам, именуемым в Эланде Великими Братьями, переполнило чашу терпения Церкви, и посему объявляется Святой Поход. Дабы раз и навсегда повергнуть оплот еретиков и присоединить Эланд к благочестивой Таяне, процветающей под благочестивой же рукой Михая Годоя.

Люди молча слушали, качали головами и понимали только одно — это война. Война, в которой Церковь выступила на стороне Годоя, а раз так, то и толковать не о чем — против лома нет приема. Воевать с Эландом не хотелось: слишком памятны были годы дружбы, да и иметь в противниках людей, подобных Рене Аррою, не хотел никто. Даже если гнездо Альбатроса и не устоит, сколько крови при этом прольется! Хорошо бы, Годой увел туда по весне своих головорезов, но ведь он заставит идти с собой и таянцев. Поборы увеличатся, наверняка новоявленные фискалы начнут хватать налево и направо за симпатии к Эланду... Из храма расходились молча, настороженные и подавленные. И не только люди... Присутствовавший на службе в качестве офицера при особе регента Уррик пад Рокэ был вне себя. Он не терпел лжи — гоблины вообще очень правдивы по своей натуре. Кроме того, орк ненавидел и презирал Церковь, считая ее одним из порождений подлых пришельцев, некогда истребивших Истинных Созидателей и загнавших гоблинов в Последние горы. Собственно говоря, и на призыв Михая горцы откликнулись только потому, что Белые Жрецы²⁵ подтвердили связь тарскийского господара с Истинными.

Уррик, как и его соплеменники, пришедшие в Таяну служить Михая, а в его лице великому Омму, не любил и не уважал регента, ему претило многое из того, что делалось, но гoblin старательно закрывал на это глаза. Великая цель оправдывала средства, тем паче по отношению к тем, кто когда-то ничтоже сумняшеся уничтожал целые города. Люди, дважды предавшие богов и поклонявшиеся разрисованным доскам, не стоили жалости...

Но затем Уррик понял, что люди бывают разными. Илана, жена регента, оказалась лучше, благороднее, умнее и смелее всех, кого он когда-либо встречал. Молодой горец

²¹ Преддверие — возвышение в храме перед Небесным Порталом, за которым расположен алтарь.

²² Архипастырь — глава Церкви Единой и Единственной.

²³ Благодатные земли — земли, заселенные людьми.

²⁴ Небольшой храм, посвященный одному из святых.

²⁵ Белые Жрецы — принятое у гоблинов название ройгианцев.

полюбил ее со всей присущей его народу доверчивостью и преданностью, а ведь она была человеком! А затем, затем его встреча с эльфом — существом по определению богомерзким, злобным, отвратительным и низким. Но Рамиэрль из Дома Розы оказался не таким, каким должен был быть согласно «Завету».²⁶ Конечно, эльф был уродлив, хоть и не в той степени, как о том говорилось в сказаниях, но он был истинным воином и вел себя так, что вызвал невольное уважение Уррика, весьма щепетильного в вопросах чести.

Гоблин был искренне благодарен либру за то, что тот не выдал его тайну, не предал, выполнил все свои обещания. Про себя молодой офицер решил при случае оказать эльфу равную услугу. Кроме того, был Шандер. Шандер, чью смелость и преданность той же Илане, которую тот пытался спасти от Михая и (гоблина внутри передернуло) от Белых Жрецов, — Уррик не мог не оценить по достоинству. А эта их дорога, во время которой больной, измученный Шани держался с мужеством, достойным великих героев древности, деяниями которых Уррик бредил с детства?! Разве не так улыбался, стиснув зубы, умирающий от неизлечимого яда Великий Воитель Архтонг пад Краннаг, которого безутешные друзья несли на плаще по бескрайним Ларгам?!

Бедный гоблин не мог ничего поделать с тем, что искренне привязался к Шандеру. Да, среди людей случались исключительно достойные. И исключительно мерзкие. Такие, как Тиверий.

Пытаясь хоть как-то связать разваливающуюся на глазах простую и ясную схему, в которой на одной стороне было кромешное Зло, а на другой бесконечное Добро и Справедливость, возлюбленный Иланы цеплялся на свою ненависть к Церкви — этому средоточию скверны и мракобесия. И Тиверий в этом был для Уррика истинной находкой: лицемерный, трусливый, жирный — он воплощал в себе все самое отвратительное, а сегодня его объявили кардиналом! Объявили лживо — Уррик как никто другой знал, что легатом с помощью нехитрой магии прикинулся один из Белых Жрецов, сменивший убитого адмиралом Арроем господина Бо.

Вот этого-то честный гоблин понять не мог. Прикажи ему регент немедленно разметать по кирпичику храмы, возжечь костры в честь Истинных Созидателей и перетопить в Рысьве всех клириков Гелани, brave вояка взялся бы за дело с радостью, не испытывая не малейших колебаний, — зло должно быть уничтожено! Но те, кто говорит о том, что их единственная цель — возвращение Созидателей, решили спрятаться за Церковь! Объявляют Святой Поход, пользуются услугами жирного слизняка Тиверия и его прихлебателей! Этого Уррик пад Рокэ стерпеть не мог. Чем больше он чувствовал себя грешником, прелюбодействуя с замужней женщиной, да еще человеческого рода, чем больше он презирал и ненавидел ее мужа, тем более нетерпимым в вопросах чести и веры он становился. Теперь же удар был нанесен и по последнему оплоту.

Уррик не заметил, как оказался в Высоком Замке, — раздумья съели всю дорогу. Видеть никого, кроме Иланы, не хотелось, но ее он сможет обнять только завтра — им приходилось таиться; и прямой по натуре горец терпел это лишь из боязни навредить любимой. Коротко кивнув своим, воин прошел в зверинец.

Гоблины любят и понимают всяческое зверье не хуже, чем эльфы. Разумеется, это не мешает им быть прекрасными охотниками или снимать шкуры со своих странных горбатых быков, но за пределами неизбежного для обеспечения жизни они всегда будут помогать малым сим: кормить, лечить, защищать... Неудивительно, что заброшенный королевский зверинец незаметно оказался на попечении гоблинских наемников, опекавших зверей в меру своего разумения.

Уррик больше всего любил птиц, с которыми вечно возился, если не нес службу, не встречался со своей возлюбленной и не читал, — в последнее время с подачи Ланки он

²⁶ «Завет» — священная книга гоблинов, в которой рассказана история сотворения Тарры, пришествия Семерых Разрушителей, уничтоживших Истинных Созидателей, и Пророчества о том, что рано или поздно последыши Разрушителей будут низвергнуты и только те, кто не предал истинных Созидателей, спасутся.

приохотился к этому столь не подходящему для мужчины делу. Впрочем, читал он опять же в зверинце на голубятне, где его за этим предосудительным занятием никто не видел. Неудивительно, что расстроенный и растерянный гоблин туда и направился, дабы привести свои мысли и чувства хотя бы в относительный порядок. И там же пришла ему в голову мысль, сначала показавшаяся кощунственной, но постепенно полностью захватившая.

Доверенный телохранитель регента Таяны решил написать в Эланд! Доставить почту было просто — среди голубей, которых он каждый день кормил, было несколько почтовых эландских, о чем возвещала табличка на вольере. Да и Илана как-то проговорила, что, если бы не конфиденциальность письма, она послала бы голубя, а не стала бы подвергать опасности жизнь возлюбленного. Сейчас же главным была не тайна, а скорость.

Уррик больше не колебался. Вырвав из книги чистый лист, он принялся составлять послание, в котором говорилось о сегодняшнем подлоге кардинала и о Святом Походе. Оставшись довольным своим творением, гоблин задумался над подписью, она должна внушать доверие, но ни в коем случае не наводит на его след или, упаси Истинные Созидатели, бросать тень на Илану. Наконец его осенило. Уррик пад Рокэ обмакнул перо в разведенную сажу и старательно вывел внизу эльфийское слово «эмико».²⁷

**2228 год от В.И.
Полдень 21-го дня месяца Зеркала.
Эланд. Ветровая бухта.**

Холодный порывистый ветер бросал в лицо соленые брызги, пробирал до костей, но двоих маринеров²⁸ причуды погоды нисколько не волновали — они в своих странствиях видали и хуже. Правда, оба давно, слишком давно, не ощущали под собой танец палубы. Один был слишком стар, другого судьба выбросила на берег и заставила заниматься тем, что ему с детства внушало глубочайшее отвращение, а именно политикой. Здесь же, у продуваемых всеми ветрами скал бухты, получившей за это в древности имя Ветровой, моряки чувствовали себя как нельзя лучше; но даже бешеный грохот прибоя не мог заглушить тревоги в сердцах людей, почитаемых самыми отважными в Эланде, а значит, и во всей Тарре.

— Я не знаю, что мне делать, Эрик, — Рене Аррой не жаловался и не просил совета, он просто говорил все как есть. Говорил не столько собеседнику, сколько себе самому.

— По тебе этого не скажешь, — старый маринер с сомнением покачал головой, — я не могу тебе не верить, но все твои приказы и распоряжения кажутся очень толковыми...

— Вот именно что кажутся, — Рене ухмыльнулся уголками рта, — этого я и добивался. Люди уверены, что все в порядке, все делают именно то, что нужно, и мы обязательно победим в приближающейся войне. Мы укрепляем берег Адены, учим моряков драться на земле, выставаем дозоры. Вроде бы все правильно, но я-то знаю, что это бессмысленно.

— Вот как? — Эрик внимательно взгляделся в лицо бывшего своего ученика, а ныне герцога и почти короля. — А мне помнится, ты сумел управиться с такой нечистью, о существовании которой мы раньше не догадывались. Ты ведь боишься, что в этой войне главным оружием будет магия, не так ли?

— Разумеется, боюсь, — Аррой не скрывал своего раздражения, — что значит шпага, даже самая лучшая, против заклятий?!

— Ты забываешь о том, что твоя шпага способна творить чудеса и без всякой магии. А

²⁷ Эмиго — друг (эльф.).

²⁸ Маринер — изначально вольный моряк, иногда — торговец, иногда — наемник, иногда — пират. Маринеры имели свой кодекс чести, нарушитель которого приговаривался к смерти Советом, куда входили самые уважаемые вольные капитаны. В описываемые времена маринерами называли эландцев, связавших свою жизнь с морем.

потом, если магия столь уж всемогуща, тебя уже не должно быть на свете. Нет, мужество бойцов и выучка нужны по-прежнему...

— На это и надеюсь, — Рене привычным жестом отбросил со лба прядь волос. Несмотря на стремительно вступающую в свои права зиму, он упрямо ходил с непокрытой головой, подавая не самый лучший пример молодым воинам, особенно из числа таянцев, привыкших к более мягкому климату. — Но все равно мы должны придумать что-то еще... Успокойся, Эрик, я вовсе не считаю наше положение безнадежным, просто магии, с которой мы должны столкнуться, нужно что-то противопоставить, а я пока не знаю что. Не молитвы же Максимилиана. Оно, конечно, тоже не мешает — внушает некоторым веру в победу, а человек уверенный в себе намного сильнее. Но я видел то, что сотворило одно-единственное чудовище с сильным воином в Ласковой Пуще. Я каждый день захожу к Шани, которому не в силах помочь лучшие медикусы, и понимаю, что радоваться-то нечему. Да еще сны эти, — Рене покачал головой, — раньше они мне снились раз или два в год и всегда были связаны с какой-то бедой, а теперь через ночь одно и то же.

— И что же тебе снится? — участливо поинтересовался старый Эрик.

— Какой-то бред. Будто я ранен, умираю и надо мной пролетают какие-то птицы. А я никак не могу их сосчитать... И на этом все кончается... Хотя нет. Теперь снится что-то еще, что-то ускользающее.

— Мне кажется, ты должен вспомнить, — задумчиво сказал старый маринер. — От сна отмахиваться нельзя.

— Твоими бы устами, — отозвался Рене, — но все плывет, я ничего не могу вспомнить...

— А ты подумай. Может быть, в твоем сне кто-то появляется? Враг? Друг? Кто-то тебя добивает? Спасает? Ты что-то слышишь? Видишь? Смех? Слезы? Проклятия? Может быть, ты в конце понимаешь, сколько их, этих птиц?

— Пожалуй... — Рене наморщил лоб, — нет, не помню... Хотя... По-моему... Да, — он почти закричал, — по-моему, я вижу какую-то женщину... И еще что-то, связанное с мечом, — Аррой сосредоточенно уставился в одну точку, пытаясь ухватить ускользающий, расплывчатый образ. Эрик ему не мешал. Ледяной ветер трепал волосы, бросал в лица пригоршни колючих брызг...

Молчание грозило затянуться. Внезапно Рене толкнул Эрика с такой силой, что тот упал и отпрыгнул в сторону, одновременно выхватывая шпагу. Что-то мелькнуло в воздухе и навеки кануло в беснующиеся волны, а Рене уже мчался по берегу длинными легкими прыжками, присущими скорее не моряку, а охотнику-горцу. Добыча далеко не ушла. Низенький кудрявый человечек в неприметной темно-синей одежде собрался, видимо, отсидеться среди скал. Не удалось. Убийца не сопротивлялся — метнуть из укрытия нож он мог, но сойтись в открытой схватке с лучшей шпагой Арции ему было не по силам.

Не стал он и отпираться, охотно признавшись, что принадлежит к почтенному сословию портовых воров Гверганды, где известен своей меткостью. Убить герцога ему поручил некий арцийский купец, проведавший о некоторых его грешках, посуливший много золота и до смерти запугавший. Бедняга, дрожа, рассказывал, как на мгновение потерял способность двигаться, а потом его тело отказалось выполнять приказания обезумевшего мозга и стало непристойно выплясывать под прихлопыванья арцийца. Выбирая между более чем вероятной казнью и этим кошмаром, воришка согласился.

Рене смотрел на беднягу с жалостью. Вот что, значит, должно было произойти с Шани, будь у графа воля послабее. А вдруг за прошедшие месяцы Михай усовершенствовал свое умение? Хотя вряд ли. Будь так, он не искал бы убийц, а заставил бы его самого броситься в море или же выпить яд.

— Как тебя зовут? — Рене спросил просто, чтоб чего-то спросить.

— Ангей, — с готовностью ответил человечек.

— Ты сможешь узнать этого арцийца?

В глазах Ангeya заметался животный ужас, и бедняга бухнулся на колени, проявив

страстное желание облобызать мокрые герцогские сапоги. Рене брезгливо отпрянул.

— О не!!! Не, ясновельможный принц! Убейте меня, продайте атэвам, но я не смогу его больше видеть! Лучше повесьте!

— Повесить я тебя всегда успею, — отмахнулся герцог, — уведите!

Подбежавшая когда все уже кончилось охрана с излишним усердием подхватила незадачливого убийцу под руки.

— Да не бейте, — вдогонку приказал герцог. — Он не хотел меня убивать... Заприте где-нибудь и пришлите к нему клирика потолковей.

Проводив глазами жалкую фигурку, обмякшую в железных руках дюжих воинов, Рене как ни в чем не бывало обернулся к Эрику:

— Похоже, ты был прав. Магия не всесильна. И тем не менее они добрались до Эланда. Хотя, правду сказать, мы платим им той же монетой. Парочка моих сейчас в Таяне. Надеюсь, им повезет больше, чем этому бедняге.

— Рене, — Эрик глянул герцогу в глаза, — как ты смог его услышать? Конечно, я стар, но и в молодые годы я ничего бы не заметил и не успел. Я тебя никогда не спрашивал, где ты пропадал четыре года и кто тебя научил драться, как не умеет никто — ни атэвы, ни таянцы, ни мы — я уж не говорю про этих протухших имперцев. А теперь, когда аквэро²⁹ у самой кормы, я спрашиваю тебя, Рене Аррой. Кто ты?

— Кто? — Рене задумался. — Я — это я. Это единственное, за что я ручаюсь. Да, я угадываю чужое движение еще до того, как оно сделано, я ощущаю присутствие того, кто думает обо мне. Откуда у меня это — не знаю, догадки есть, но это только догадки. Ну а приемам боя меня научили те, с кем я провел годы, про которые ты говоришь. У них такое в порядке вещей. Именно там я и узнал, что могу то, что другим людям, видимо, не дано. Я пытался обучить тому же Стефана, Шандера, маленького Рене. Они не смогли, ну так что же! Я все равно рад, что знаю и могу! Если тебе в руки попала хорошая шпага, стоит ли думать, как и где ее ковали? Особенно когда враги на пороге.

— Я предполагал что-то в этом роде, — вздохнул Эрик, — что-то проснулось у тебя в крови, что-то мне не понятное. Но ты прав, это не так уж и важно. Эланд пойдет за тобой, но ты должен победить. Знаешь, — маринер озадаченно поскреб подбородок, — я всегда терпеть не мог дурацкую байку, которую так любят повторять клирики. Ну, про то, как их добренький бог на всех рассердился и решил утопить. И только один человек додумался построить корабль и взял на него своих родичей и кучу всякой твари, от которого мы все и пошли, потому как другие утонули... Глупо это, никогда столько народу от одной семьи не разведется, люди ведь не кошки.

А сейчас вот думаю, есть в этом какой-то смысл — если, конечно, тот корабль не был настоящим кораблем. Вот если за него считать всю Тарру, тогда да. Бог там или еще кто сильный решил род людской погубить, а мы хотим выплыть. Похоже, сейчас так и есть. И ты — наш капитан, больше некому, должен суметь, иначе никак не выходит.

— Ну, если так, — Рене внезапно улыбнулся удивительно молодо и ярко. — Если так, я сделаю все как надо. Ведь я все еще Первый Паладин Зеленого Храма.³⁰

Глава 2

²⁹ Аквэро — водяной смерч южных широт.

³⁰ Первый Паладин Зеленого Храма Осейны — первоначально — моряк, признанный одним из сорока лучших из живущих ныне мореплавателей. Паладины Зеленого Храма составляли Совет и выбирали Первого Паладина, наделявшегося королевскими полномочиями, которые могли прекратиться или с его смертью, или если он сам от них отказывался и возвращал атрибут своей власти — Черную цепь — Совету. Когда власть над Эландом стала передаваться по наследству, звание Первого Паладина стало означать лишь почетное признание непревзойденных ныне живущими морских подвигов.

**2228 год от В.И.
Полдень 28-го дня месяца Зеркала.
Пантана. Убежище**

— Кто-то прошел в сад, — удивленно обронил Эмзар. — Странно, я вроде бы никого сегодня не жду.

Астен понимающе улыбнулся. Эмзар предпочитал одинокую жизнь, но он был хорош собой, а под ледяной оболочкой скрывался огонь. Астен давно догадался, что у брата случаются подруги, которые, видимо, приходят к нему через сад. Но не в полдень же!!!

Эльф с любопытством ждал, когда Эмзар получит ответ на посланное заклятие-встречу, и это не заставило себя ждать.

— К нам решила зайти подруга твоего сына. Разве Рамиэрль не объяснил ей, что это опасно?

— Она обещала не покидать моего дома, но, видимо, Красота имеет обыкновение успокаивать. Разве человеку может прийти в голову, что здесь может быть опасно? Да и то, что я о ней знаю, заставляет думать о неожиданностях. Она не из тех женщин, что умеют и любят слушаться. Геро не терпит, когда за нее решают.

— А ты ее неплохо узнал за эти несколько дней.

— У тебя есть шанс проверить мои наблюдения. На нашем попечении Эстель Оскора, и чем быстрее мы пойдем, чего от нее ждать, тем лучше.

— Что ж, пойдем, поприветствуем гостью, — Эмзар мельком глянул в овальное зеркало в светлой резной раме, небрежным жестом поправив серебряную цепь на груди, и вышел в сад первым. Астен пошел следом, гадая, что ищет здесь Герика.

Эстель Оскора

Я сама не очень понимала, что мне было нужно от правителя эльфов. Однажды мы с ним разговаривали, но тогда я слишком была поглощена новыми впечатлениями и попытками осмыслить происшедшее со мной, чтобы обращать внимание на кого бы то ни было, хотя бы и на эльфийского владыку. От нашей первой встречи у меня осталось лишь удивительно неприятное чувство, что я когда-то видела кого-то очень похожего, но не могу вспомнить где и когда. Это был абсурд. Роман, единственный знакомый мне эльф, конечно же, походил на брата своего отца, но это было совсем иное. То же, что тревожило меня, заключалось не в схожести утонченных черт, не в очертании головы, не в изяществе фигуры. Это был какой-то смутный намек, который тем не менее меня беспокоил несколько дней кряду. И еще мне хотелось откровенности. Я должна была понять, кем или чем меня здесь считают и чего они от меня ждут.

Проще всего было поговорить об этом с Астеном, который мне очень понравился с первого взгляда, но отец Романа (эти эльфы хоть кого могут свести с ума, ведь на человеческий взгляд Астен казался не отцом, а братом своего сына, и притом младшим!) мог из лучших побуждений не сказать всей правды. Эмзар же, похоже, был жесточе. Впрочем, король, даже если он предпочитает называться иначе, таковым и должен являться.

Вход в Лебединый Чертог я отыскала сразу же. Дворец правителя главным фасадом выходил на замощенную белыми восьмиугольными плитами площадку со стройным обелиском посередине, увенчанным расправляющим крылья лебедем, сзади же к Чертогу примыкал сад, окаймленный изгородью из серебристого можжевельника, в проход в которой я и вошла. Видимо, у хозяина Убежища тоже было ко мне определенного рода любопытство — так как меня пропустили, я лишь почувствовала легкое прикосновение к щеке... Так могла бы коснуться в начале осени летучая паутинка, но это были какие-то охранные заклятья. Что ж, раз мне разрешили войти, я не преминула этим воспользоваться.

Не знаю, как выглядят райские кущи, про которые вечно разоряются клирики, но не

думаю, что парадиз, в котором блаженствуют после смерти праведники, прекраснее Лебединого сада. Может быть, больше, роскошнее, ярче, но не прекраснее.

Вся моя решимость немедленно прояснить свое положение отступила, когда я выбралась на берег небольшого озера, обсаженного серебряными ивами. Длинные гибкие ветви полоскались в черной и вместе с тем абсолютно прозрачной воде, на поверхности которой кружили в медленном танце узкие листочки, — со дна озера били ключи, заставляя воду медленно вращаться. Там, где ветви сплетались всего гуще, белела статуя, представлявшая собой выходящую из воды девушку, поправлявшую заколотые на затылке волосы. Я невольно залюбовалась изяществом и благородством позы, гордым и вместе с тем удивительно просветленным, сияющим от радости лицом. Мне почему-то показалось, что мраморная красавица, выходя из озера, встретила восхищенный взгляд единственного дорогого ей создания...

— Что хочет найти госпожа у Темного Пруда? — голос, вырвавший меня из грез о чем-то несбыточном, был приятным и дружелюбным. Я оглянулась. Сероглазый эльф с очень серьезным лицом возник словно из ниоткуда. Наверное, я его уже видела в Зале Первых Фиалок, куда собрались все значительные лица клана, дабы выслушать Рамиэрля (рассказавшего соотечественникам намного меньше, чем отцу и дяде) и посмотреть на чужеземную диковину, каковой являлась я. Больше я с эльфами до сегодняшнего дня дела не имела. Разумеется, за исключением самого Романа и его отца, но незнакомец сразу же вызвал у меня симпатию, бывшую, похоже, взаимной.

— Клэр Утренний Ветер из Дома Журавля, к услугам госпожи, — гость слегка улыбнулся, отчего его и без того юное и прекрасное лицо стало еще красивее и моложе.

— Меня зовут Мария Герики Ямбора, урожденная Годойя, — но это имя вряд ли вам что-то скажет. Ро... Рамиэрль из Дома Розы называет меня просто Геро.

— Тогда меня можно называть просто Клэр. Госпоже нравится у нас?

— Я еще не знаю. Может ли нравиться сон?

— Да, наш народ все больше становится сном, — серьезно кивнул головой мой собеседник, — что поделать, ведь мы сами в известном смысле спим тысячи ваших лет, и, значит, все меньше и меньше остается от нас в истинной жизни... Хотя это слишком грустная тема для первого разговора. Когда я вас окликнул, вы любовались ивами...

— Не только, — тут я могла позволить себе полную откровенность, — я не видела ничего чудеснее этого озера. Черная вода, черные стволы, серебряные листья и эта статуя... Женщины счастливее и прекраснее, наверное, не может быть...

Мой собеседник вновь улыбнулся радостно и смущенно.

— Эту статую... Это моя работа. Я ее начинал, когда мне было очень грустно, а заканчивал счастливеем из живущих на этой земле. Я рад, если госпоже она понравилась.

У меня не было слов, чтобы выразить свое восхищение, но мне они и не понадобились, так как наш разговор был прерван. По обсаженной бледно-золотыми кустами тропинке к нам быстро шли двое. Клэр смущенно отступил назад и склонился в изящном поклоне. Я узнала обоих пришедших — золотоволосого Астена и его брата. Вновь мелькнула мысль, что повелитель Лебедей на кого-то похож, но на сей раз думать об этом было некогда.

Клэр собрался нас покинуть, но Эмзар его остановил:

— Клэр Утренний Ветер, ты глава Дома Журавля и ты, смею надеяться, друг.

Скульптор очень серьезно посмотрел в голубые глаза правителя.

— Я друг ваш и вашего брата, но...

— Именно поэтому я и хочу, чтоб ты присутствовал при нашем разговоре. Кто-то, кроме мужчин Дома Розы, должен знать все, и я хочу, чтоб этим «кем-то» стал ты. Я думаю, нам лучше беседовать в Чертоге...

По лицам Клэра и Астена я поняла, что это что-то серьезное. Что ж, Чертог для тех, кто называет себя Лебедями, должен быть священным. Я с готовностью пошла за тремя красавцами, про себя прикидывая, какой переполох вызвали бы у таянских дам подобные кавалеры. Впрочем, чего гадать. Достаточно вспомнить Рамиэрля, слава о победах которого

гремела по всей Арции. Что-то мне подсказывало, что даже бессмертный не мог одновременно соблазнить такое количество женщин, к тому же находящихся в самых разных государствах. Видимо, бедные дуры выдавали желаемое за действительное, а ревность, зависть и болтливость их менее предприимчивых подруг на кожистых крыльях разносили вести о похождениях Романа Ясного по всем Благодатным землям. Сами же эльфы, как я поняла, относились к любви очень серьезно и к тому же никуда не спешили. Да и зачем спешить жить бессмертным?

И все равно, смогу ли я устоять перед банальнейшей женской потребностью нравиться и любить, оказавшись среди Дивного Народа? Наверное, смогу, ведь здесь у меня никаких шансов нет и быть не может. Кто, имея белый фарфор из земли Канг-Хаон, обратит внимание на глиняную тарелку... И, странная вещь, мне почему-то стало очень обидно.

**2228 год от В.И.
29-й день месяца Зеркала.
Таяна. Гелань**

— С сегодняшнего дня велено тушить огни на две оры раньше, — вздохнув, объявил Симон, распаковывая свою объемистую сумку. Дотошный лекарь не позволял себе, как многие его коллеги, перебирать ее содержимое только тогда, когда запас снадобий кончался. Симон приводил в порядок свой медицинский скарб каждый день и с превеликим тщанием, полагая, что от этого может зависеть жизнь пациентов.

— Нам-то что, — откликнулась, не поднимая головы от шитья, Лупе, — лекарь имеет право жечь огни всю ночь.

— Нам ничего, — согласился Симон, в последнее время говорить с Лупе стало очень трудно. После известий о гибели Шандера женщина так и не пришла в себя. Уж лучше бы кричала, плакала, проклинала Годоя и Ланку... Тогда можно было бы отпаивать ее травами, запираť в погребѣ, чтоб соседи не слышали крамольных криков, и за этими повседневными тревогами не думать о главном. Лупе же несла горе молча, раз и навсегда дала понять, что имени Шандера Гардани в ее присутствии лучше не произносить. Она ходила на рынок, сушила травы, возилась с Герикой, пока та жила в их доме, подносила вино свалившемуся на ее голову два дня спустя после отъезда Романа и Герики мужу... Все попытки Симона утешить ее терпели поражение. Когда же лекарь предложил покинуть Гелань и уйти во Фронтеру и затем в Эланд или Кантиску, Лупе ответила решительным отказом, так и не объяснив причины.

Маленькая колдунья отложила шитье, задернула аккуратные, пахнущие лавандой занавески, зажгла масляную лампу и повязала вышитый еловыми веточками фартук.

— Сегодня я приготовила бобы с бараниной.

— Спасибо, — Симон даже не пытался скрыть радость — бобы с бараниной были его любимым блюдом, а покушать кругленький медикус любил. Какие бы душевные терзания ни испытывал милейший Симон, они отступали на второй план при виде сдобренной пряностями подливки. Лупе знала это свойство своего деверя и, в меру своих сил, скрашивала ему жизнь.

Лисья улица³¹ объясняла их отношения по-своему. Пьяница-поэт ни у кого симпатий не вызывал в отличие от его тихой приветливой жены, помогавшей Симону и по хозяйству, и в лекарском деле. Наиболее дальновидные кумушки пришли к выводу, что между Леопиной и Симоном что-то есть, но отнеслись к этому с пониманием и сочувствием. А старая Прокла, жившая возле самой Гелены Снежной, пошла еще дальше, прилюдно желая пьяному дурню потонуть в луже и не портить жизнь двум хорошим людям. Узнав об этом, Симон и Лупе долго смеялись. Тогда они еще могли смеяться, теперь же их домик походил на

³¹ Лисья улица — улица, на которой живут члены гильдии медикусов и цирюльников, чей знак — Лис.

кладбищенский иглечий — чисто, грустно и тихо. Но отказать себе в последнем оставшемся ему удовольствии Симон не мог, а Лупе была рада хоть чем-то порадовать хорошего человека, оказавшегося рядом с ней в тяжелую минуту. Они как раз сидели за столом, когда в дверь замолотили сапогами и ввалился тарский патруль.

Симон остановился, не донеся ложку до рта, впрочем, лекарь быстро пришел в себя и, профессиональным жестом подтянув к себе сумку, деловито осведомился:

— В чем дело, господа?

— Вы медикус Симон Вайцки?

— Да, это я, — у Лупе оборвалось сердце, но толстенный лекарь не проявлял никакой тревоги, — так в чем же дело?

Ему объяснили. Дело было не в нем. Просто дан регент решили, что отныне все медикусы должны проживать в Высоком Замке, пользуясь больных в отведенном для этого помещении в отведенное время. Объяснялось сие нововведение, что в условиях Святого Похода все, кто может быть полезен в армии, должны перейти на казарменное положение.

Симон, поняв, что лично к нему у стражников претензий нет, принялся спокойно собираться, словно бы уезжал по каким-то семейным делам. Покончив со сборами, он чмокнул Лупе в щеку, велел ей быть умницей и вышел в сопровождении топающих стражников.

Лупе выглянула в окно — им не солгали. Все обитатели Лисьей улицы, имеющие бляху гильдии медикусов, понуро брели к ожидавшим в конце улицы повозкам. Женщина покачала головой и задернула занавески. Ей оставалось лишь надеяться, что Симон, как и все прочие, в относительной безопасности. Она смутно понимала, что дело уж точно не в походе — даже последний безумец не рискнул бы сунуться через Гремихинский перевал зимой. Скорее уж дело в том, что все медикусы в той или иной степени знакомы с волшбой, а многие из них могут отслеживать чужие заклинания. Эти знания входили в обязательный курс Разрешенной магии, ибо бывали весьма полезны, когда на кого-то пытались навести порчу. Как бы то ни было, обитатели Лисьей улицы могли определить, что поблизости творится что-то нехорошее, и разнести об этом по городу. Других причин, по которым лекарей следовало бы согнать под присмотр стражников, Лупе не видела.

2228 год от В.И.

1-й день месяца Волка.

Пантана. Убежище

— Тут я тебе не помощница. Мне эта особа нравится не больше твоего, но то, что ты затеяла, неблагоприятно, — Нанниэль Водяная Лилия с тревогой взглянула на Эанке. — «Он» (мать и дочь уже давно по молчаливому уговору не называли Астена по имени) сразу же догадается, что это сделали мы. Тебе только кажется, что ты овладела всеми тонкостями магии, но мужчины Дома Розы всегда превосходили женщин в этом искусстве. К тому же никто не знает, на что способна эта девица. Вряд ли Рамизрль привел бы ее сюда, если б с ней не была связана какая-то тайна.

— Она теперь неразлучна с Тиной, — в мелодичном голосе Эанке зазвучали стальные нотки, — а Клэр взялся ее лепить. Ее, на которую и с закрытыми глазами смотреть неприятно.

— Ты все еще ненавидишь Журавлей? — Нанниэль осуждающе покачала головой. — Это по меньшей мере неразумно.

— Клэр оскорбил меня, — прелестно очерченный подбородок вскинулся вверх.

— Клэр всего-навсего тебя разлюбил, как и многие другие. Дочь моя, я никогда не вмешивалась в твои дела, но ты совершенно не умеешь обращаться с мужчинами. Они не любят женщин, столь явно демонстрирующих свое превосходство.

— Мама, не думаю, что вы можете считаться благим примером в деле любви. Он вас бросил, а другие, как я вижу, не спешат воспользоваться этим обстоятельством...

— Какая же ты жестокая, — Нанниэль рассматривала Эанке так, словно видела ее впервые, — и все же ты моя дочь, и я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Постарайся быть осторожной.

— Если я буду осторожной, я сгнию в этом отвратительном болоте. Мы тут только что не квакаем. Нет, или я найду дорогу туда, где можно жить настоящей жизнью, или меня похоронят.

Эанке вышла из комнаты, даже не придержав дверь. Нанниэль вздохнула и вновь склонилась над шитьем. Еще не так поздно, и до вечера на серебристом шелке засверкают крылья двух или трех летних бабочек. Супруга Астена любила вышивать, когда она брала в руки иглу, все ее недовольство жизнью куда-то отступало. Исчезала даже досада на мужа и его брата. Некогда пренебрегший ее красотой, но продолжающий волновать душу Нанниэли Эмзар так и не женился, хотя свободных женщин в Убежище было довольно много. Нанниэль это печальное обстоятельство иногда раздражало, иногда обнадеживало. Если Эмзар свободен, то, возможно, когда-нибудь... Когда-нибудь, но не сейчас, — Водяная Лилия тихонько вздохнула и вернулась к своему шитью, пытаясь вытеснить из памяти неприятный разговор с дочерью...

2228 год от В.И.

1-й день месяца Волка.

Святой город Кантиска

Орган издал последний, ликующий возглас, и носатый брат Кантидий откинулся на спинку стула с чувством хорошо выполненного долга. Рассветная служба, которую служил сам Архипастырь, закончилась, и теперь до заката можно было отдыхать. Клирики и прихожане, равно уставшие после долгого стояния на ногах в переполненном здании, откровенно или скрыто вздыхали с облегчением.

Феликс беззлобно улыбнулся, увидев, как молоденький монашек старается незаметно размять одеревеневшие мышцы, — он и сам бы с удовольствием потянулся и скинул торжественное облачение, но Архипастырь ни на мгновение не может забыть о своем сане. Феликс важно прошествовал в свои покои, отпустил сопровождавших его клириков и только после этого позволил себе перевести дух. Свалившаяся на плечи огромная власть не радовала. Он с радостью прозакладывал бы душу Антиподу,³² только б вернуть Филиппа, который в мутной воде политики чувствовал себя уверенно и спокойно. Феликс же не знал и половины того, что должен знать Архипастырь, да еще в столь беспокойные времена. Он всегда был хорошим солдатом — смелым и быстрым, мог при необходимости принять быстрое решение, но вряд ли бы выбился в полководцы, а уж тем более в политики, где из всех возможных добродетелей смелость нужна менее всего. Но долг есть долг, и Филипп старался, тащил ненавистное бремя в меру своих сил и возможностей.

Хорошо хоть старый Иоахиммиус согласился принять сан кардинала Кантиски и настоятеля монастыря святого Эрасти. Без его советов Феликс совсем бы затосковал. Да, вояка Добори и клирик Иоахиммиус оказались надежной опорой. И еще есть Рене Аррой, странные таланты эльфа Рамизрля, и ученые занятия Парамона, просиживавшего ночами в библиотеке в надежде выискать что-то полезное. На Творца Архипастырь не надеялся — тот молчал, какая бы несправедливость ни творилась в сотворенном им мире. В божественном равнодушии этом Феликс убедился на собственной шкуре, он и в монастыре-то оказался потому, что идти ему, калеке, было больше некуда — не жить же в приживалах в собственном доме!

Архипастырь непроизвольно сжал и разжал кулак — после чудесного исцеления прошло несколько месяцев, а он все еще просыпался в холодном поту от страха, что опять

³² Антипод — церковное название Дьявола как противоположности Творца.

стал одноруким. Бывший рыцарь вздохнул полной грудью, подошел к окну и залюбовался осенней Кантиской, разукрашенной во все тона алого и золотого. Было странно думать, что в Эланде сейчас льют ледяные дожди, а Гремиху заметает снегом. В Кантиску зима придет лишь в месяце Звездного Вихря, а сейчас можно наслаждаться последним теплом и роскошью южной осени. Вернее, можно было бы наслаждаться, если б не странные и страшные новости из Гелани, в которой творится что-то несусветное.

Архипастырь склонился над картой, в который раз прикидывая, чего ждать от Михая, чем ему ответит Рене и что делать ему, Архипастырю Феликсу, объявившему Святой Поход против узурпатора.

Карта была хорошей, подробной. Видимо, монах, который ее некогда составил, знал языки и историю, потому что рядом с каждым арцийским названием было одно, а то и несколько старых с примерным переводом. Феликс впился глазами в ставшие уже привычными слова: Фронтера, Гверганда, Гремихинский перевал, Каючка, Адена, Олецка...

Когда-то, помышляя о военной карьере, молодой рыцарь жадно впитывал в себя все связанное с войной, походами, сражениями. Затем, уйдя в монастырь, он не мог отказать себе в единственной слабости — выискивать во владениях брата Парамона книги, посвященные воинскому искусству, и про себя проигрывать когда-то отшумевшие великие сражения, пытаясь переменить их исход. Кто тогда мог предположить, что столь тщательно скрываемая мирская забава сможет оказаться делом первостатейной важности?

Феликс который день копался в картах Эланда, Тарски и Таяны, разбирал донесения — Церковь, хоть и была Единой и Единственной, никогда не удовлетворялась только одним источником сведений, — и с каждым таким донесением ситуация казалась все более мрачной и безнадежной.

**2228 год от В.И.
1-й день месяца Волка.
Пантана. Убежище**

Я с интересом рассматривала свой портрет. Молодая женщина с серьезными глазами и слегка саркастической улыбкой крупного чувственного рта казалась незнакомой и странно привлекательной. Нет, Клэр не льстил мне, он абсолютно точно перевел в глину каждую черточку моего не самого красивого лица, но результат оказался неожиданным. По крайней мере, для меня.

Незнакомка, созданная руками скульптора, интриговала и притягивала взгляд. И, Проклятый меня побери, она мне очень нравилась, хотя я не могла понять, чем именно. Тина и Астен в один голос утверждали, что я такая и есть. Я лицемерно улыбалась и махала на них руками, но в глубине души мне было приятно.

Человеческое сердце устроено очень глупо, оно обязательно должно к кому-то прилепиться. До моей болезни я души не чаяла в Стефане, потом вроде бы избавилась от излишних эмоций. И на тебе! Не прошло и нескольких месяцев, как я умудрилась привязаться сразу к троим эльфам! Кстати, именно нежелание огорчать новых друзей отказом и вынудило меня просидеть несколько дней кряду на пригорке, заросшем вереском, под пристальным взглядом Клэра.

Когда он впервые объявил о своем решении вылепить меня, мне стало просто смешно. Лучший художник Дивного Народа берет за образец заурядную смертную! Но Клэр и Тина настаивали, и я сдалась. Не хотела им отказывать, они мне необыкновенно нравились. Оба.

Тина отличалась от большинства эльфиек удивительной скромностью в одежде. Она предпочитала серые и серебристые тона, что в сочетании с пепельными волосами и огромными, очень светлыми глазами делало ее почти бесплотной, как ускользающий утренний сон. Последняя Незабудка была на редкость застенчива, предпочитая блестящей стайке здешних аристократок общество Клэра и Астена. И еще мне казалось, что она чего-то опасается. Зато ко мне эта необычная эльфийка отнеслась на удивление дружелюбно. Более

того, она первой предложила мне свою дружбу.

В один прекрасный день к Астену пришел Клэр и привел жену, которая мне сразу же призналась, что настояла на их визите. Тине нравилось расспрашивать меня о людях, о том, что происходит за стенами Убежища. Слушала она, слегка склонив голову и широко раскрыв огромные глаза. Так смотрит ребенок, которому рассказывают волшебную сказку. Впрочем, так оно и было. Для запертого на зачарованном острове создания наш мир казался огромным, волнующим и непонятным, сама же Тина жила среди грез и фантазий. Они с Клэром удивительно подходили друг другу. Их любовь была чистой, праздничной и необыкновенно трогательной. Мне казалось, остальные эльфы им немножко завидуют, кто — беззлобно, а кто, как прекрасная сестра Романа, не пытаясь скрыть свою ненависть.

Чем больше я узнавала красавицу Эанке, тем гаже становилось у меня на душе. Конечно, жизнь эльфов не имела ко мне никакого отношения, но было совершенно очевидно, что злобность этой женщины рано или поздно принесет беду. Взгляды, которыми она награждала меня, Клэра, Тину, даже собственного отца, говорили о том, что змея вот-вот кого-то укусит, и укусит сильно. К сожалению, я держала свои мысли при себе, надеясь на то, что до возвращения Романа ничего не произойдет. За что и поплатилась, и если б только одна я...

По-моему, надежда — самое глупое и вредное чувство из всех имеющихся у мыслящих тварей. Именно надежда заставляет нас думать, что «пронесет», закрывать глаза на очевидное, обманывать себя и других, и в конечном счете превращает любовь в ненависть, толкает на дикие ошибки, заставляет медлить там, где это смертельно опасно. Так и я. Понадеялась на то, что «обойдется»! Ну что, в самом деле, могла сделать дочь Астена, когда все были друг у друга на виду? Она даже гадость сказать не могла, так как самолично приковала себя к допотопному эльфийскому этикету. А взгляды... Что ж, тогда я наивно полагала, что взглядом убить нельзя.

**2228 год от В.И.
Вечер 12-го дня месяца Волка.
Таяна. Высокий Замок**

Иногда Ланка Годойя ненавидела себя и всех, и сегодня как раз был день ненависти. Все не заладилось с самого утра, когда ее разбудил муж, потребовав исполнения супружеских обязанностей, становившихся для принцессы с каждым разом все более невыносимыми. Она терпела, давая про себя страшные клятвы уничтожить Михая собственными руками, как только придет время, но ждать, судя по всему, нужно было еще долго.

Михай и то ли служившие ему, то ли помыкающие им — она так и не поняла — бледные³³ были слишком сильны, и супруга регента не собиралась вступать в безнадежную схватку и ломать себе шею. К тому же втравивший ее в политику господин Бо сложил свою гнусную голову в Эланде, чему Илана в глубине души радовалась, хоть и понимала, что ее личным честолюбивым планам это изрядно повредило. Четверо оставшихся «советников» Михая то ли не знали о ее с господином Бо уговоре, то ли умело делали вид, что не знают. Что ж, сейчас не ее время. Ланка не сомневалась, что рано или поздно удача ей улыбнется. А пока... Пока супруга регента выжидала, не забывая о маленьких радостях, которые жизнь дарит красивым, молодым и сильным. Тем не менее в двенадцатый день месяца Волка самообладание ей изменило.

Анна-Илана чувствовала, что малейший толчок вызовет взрыв, чего допускать не следовало ни в коем случае. Ее будущая победа, а может быть, и сама жизнь, зависели от умения молчать. Раньше, когда принцессу одолевали приступы ярости, она седлала коня и

³³ Бледные — простонародное наименование ройгианцев высокой степени посвящения.

уносилась в окрестные поля, где бешеная скачка и ветер, бьющий в лицо, заставляли забыть обиду и почувствовать вкус к жизни. Сейчас этот проверенный способ не годился — разбухшая от постоянных дождей земля не позволяла пустить коня в галоп, да и выбраться из Высокого Замка она не могла. Жену регента то ли охраняли от покушений, то ли держали за пленницу. Как бы то ни было, ее мир сузился до размеров Высокого Замка. Ланка в бешенстве схватила блюдо кангхаонского фарфора и запустила им об стену. Бесценная вещь разлетелась на сотни кусков. Легче не стало. Женщина топнула ножкой в отороченной темно-рыжим мехом домашней туфельке и задумалась. Что ж, если ей нельзя ни взять лошадей, ни даже запереться в своих покоях (ибо, вернувшись однажды из своей ночной отлучки в совершенно жалком состоянии, Михай распорядился выставить у всех дверей стражу и снять внутренние засовы, словно опасался, что кто-то его застанет врасплох в запертой спальне), то можно на какое-то время исчезнуть другим способом. Конечно, гоблины были прекрасными стражами, но ни они, ни Годой не родились здесь и не догадывались о тайниках, с детства известных Илане и ее покойным братьям.

Лучше всех замок знали Стефан с Зеноном, но и Ланка владела двумя-тремя секретами, среди которых был не только выход, через который она однажды вывела из Замка Уррика, но и не видимая постороннему глазу дверца в Каминном зале. За дверцей находилась лестница, спиралью обвивавшая широкую каминную трубу и заканчивающаяся небольшой комнаткой без окон в самом верху Рассветной башни. В детстве принцесса частенько укрывалась там от докучливых наставниц, мать не раз делала ей на сей счет строгое внушение, но убежища не раскрывала — женщины семейства Ямборов традиционно блюли ведомые лишь им секреты.

Теперь жена регента по ночам принимала в тайной комнате любовника-гоблина, днем же она этим убежищем еще не пользовалась. Желание укрыться от чужих глаз перевесило благоразумие, и Илана решительно направилась в Каминный зал. Несмотря на то что Михай не отпустил от себя никого из таянских придворных (за исключением казенных за государственную измену и покушение на жизнь регента и его супруги), в личных покоях не было никого. Времена, когда любой принятый в Замке нобиль³⁴ чуть ли не запросто мог пройти к королю либо принцам, канули в вечность. Нынче во внутренних комнатах, кроме самого регента, обитали лишь бледные да иногда Годой приглашал кого-то для тайной беседы.

Илана решила, что, если ее хватятся, она отговорится молитвой в часовне святой Циалы, к каковой и ее супруг, и его приспешники испытывали прямо-таки отвращение и вряд ли стали бы туда заходить. Илана нажала и одновременно повернула в разные стороны две розетки на каминной доске, и одна из панелей повернулась вокруг своей оси, открыв узкий проход. Женщина скользнула туда. Ее никто не заметил.

Обычно Ланка прямо-таки взлетала по лестнице вверх, сейчас же поднималась медленно, размышляя о том, какой мерзкой иногда может быть жизнь. Именно поэтому она и услышала приглушенные голоса, один из которых заставил ее вздрогнуть от отвращения. Говорил Михай. Второй казался незнакомым, но Илане хватило и первого. Еще полгода назад гордая таянка пошла бы своей дорогой, сейчас же она не могла пропустить открывшуюся ей возможность! И как она раньше не догадалась, что ее дорогая лесенка примыкает к кабинету Михая! Уж теперь-то она будет знать о его замыслах все и придумает, как использовать эти знания!

Женщина прикинула к шершавой стенке. Оказалось, что лучше всего слышно, если присесть на корточки и еще чуть-чуть пригнуться. Это было страшно неудобно, но игра стоила свеч — вслушавшись, она узнала и второй голос, принадлежавший господину Улло, заменившему убиенного господина Бо.

Собеседники явно были друг другом недовольны, чего и не пытались скрывать, однако понять, о чем они говорят, Ланка оказалась не в состоянии — оба несли какую-то

³⁴ Нобиль — дворянин, ноблеска — дворянка.

тарабарщину, разобраться в которой, не зная подоплеки дела, было чертовски трудно. Тем не менее женщина старалась запоминать все дословно. Рано или поздно, но она поймет, в чем дело.

— Прикажете спросить у Стражей? — в голосе Михая чувствовалось раздражение и сарказм. — Не сомневаюсь, они с радостью вам ответят!

— Прекратите, — холодный пришепывающий голос Улло стал еще холоднее, — если бы вы оказались более разумным и оставили в покое эту кухонную девку, Он уже был бы среди нас. Так что не вам нас укорять в том, что псы Горды одолели Отражение Великого и укрыли проклятого эльфа и вашу дочь.

— Но след потеряли вы, — Годой не скрывал злости, — хотя кто-то заверял меня, что от глаз Ройгу даже кошка не укроется, не то что существо, отмеченное Печатью.

— Мы не приняли в расчет Всадников. Не представляю, что их разбудило. Но, раз уж это случилось, они должны были не помогать беглецам, а уничтожить эльфа.

— Но не уничтожили, — зло хохотнул Михай, — если и другие ваши обещания будут столь же правдивы, я, пожалуй, обойдусь без вашей помощи. По крайней мере, с Эландом я управлюсь к осени в любом случае...

— Ой ли? — господин Улло также зашелся неприятным кудахтающим смехом. — Нужно нечто большее, чем толпа гоблинов и горные стрелки, чтобы совладать с Рене Арроем. Один раз вы уже попробовали это сделать.

— Вы тоже, — отпарировал Михай.

— Отнюдь нет — мы не ожидали, что он объявится в Идаконе после встречи с ВАШИМИ людьми. Но нет худа без добра. Теперь ясно, что за эландцем стоит магия. Я не знаю, как он заставил себе помогать эльфов, но без них вряд ли обошлось. Впрочем, Аррой рано или поздно свое получит. Сейчас главное воплощение Его, а для этого нужна ваша дочь. Живая или мертвая.

— И где вы собираетесь ее искать?

— Везде. Она может оставаться с Всадниками или прятаться в Кантиске, но всего вернее, ее дружок-эльф потащил ее в их проклятое гнездо.

— Вам, я полагаю, хода туда нет?

— Нет, — скрипнул зубами бледный. И добавил: — Пока...

Ноги Ланки затекли, но она продолжала слушать...

Эстель Оскора

Тина зашла за мной, и мы, недолго думая, отправились на прогулку к некогда зачарованному матерью Эмзара и Астена пруду, у которого жили Преступившие. Я давно хотела взглянуть на это место, и, кроме того, стоило проверить, не даст ли там знать о себе сила, каковой, если верить Пророчеству, я должна была обладать. Сила упрямо молчала, а я не могла сказать, рада этому или наоборот. Лужа же, порожденная эльфийской магией и долгое время связанная с магией Преступивших, могла (теоретически) эту Силу расшевелить. Не расшевелила, а застывший на месте водного зеркала уродливый каменный горб мне ужасно не понравился. Даже не знай я, как и почему Примеро все это устроил, один вид этого бугра вызвал бы у меня неприязнь к магу, учудившему подобное. На мой взгляд это колдовство криком кричало о мелочности и пошлой злобе его сотворившего.

Пакости, как я заметила, вечно ходят по следам друг друга. На обратном пути мы налетели на Эанке, стоявшую на изящном мостике через никогда не замерзающий, довольно глубокий ручей, берега которого заросли густым можжевельником. Нам было нужно перейти на ту сторону, сестрица Романа это прекрасно понимала, но оставалась у нас на дороге с довольно неприятным выражением на прекрасном лице.

Это было досадно, но не более того. Можно было спокойно спуститься вниз по течению до следующего мостика или же перейти его вброд, благо здешние сапоги не скользили и не промокали. Мы с Тиной переглянулись и молча пошли по береговой

тропинке. Следующий мостик был довольно близко, но на нем в той же позе и с тем же нехорошим лицом стояла Эанке. Она явно искала ссоры, и именно поэтому я бы предпочла с ней не связываться — никогда не следует идти на поводу у того, кто тебя ненавидит. А она ненавидела нас обеих. Меня потому, что я была презренной смертной, Тину, как я поняла из отрывочных реплик Астена, за любовь Клэра. И, видимо, ненависть эта была взаимна. Обычно тихая и ласковая Незабудка внезапно переменилась, даже словно бы стала выше ростом. Я не успела ничего сказать, как Тина взяла меня под руку и решительно повела к мосту. Даже я своим слабым человеческим восприятием почувствовала напряжение, повисшее в звонком предзимнем воздухе. Впрочем, это было не только напряжение. Откуда-то взялись какие-то роящиеся светлые искры, окружившие меня и мою приятельницу облаком, как это делают летом лесные мошки. Приглядевшись, я заметила, что искры разные. Одни, их было больше во внешней сфере, были ясного, изумительно красивого синего цвета, но у меня почему-то вызвали непреодолимое отвращение. Другие, окружившие нас плотным роем, светились нежно-желтым. Я заметила, что синие пытались прорваться к нам сквозь завесу желтых, но это им не удавалось. Пламенных мошек становилось все больше, и скоро я уже не могла рассмотреть того, что было в двух шагах. Откуда-то я знала, что если синие доберутся до нас с Тиной, нам не поздоровится, но ничего поделать не могла и только тупо смотрела то на светящийся рой, то на подругу. Ее тонкое лицо было напряжено, губка закушена, на висках выступили бисеринки пота. Видимо, защита (а я уже поняла, что желтые искры — это наша защита), выставленная Тиной, давалась ей нелегко. Я вспомнила, что, по словам Клэра, его жена была необыкновенно одаренной колдуньей, но очень слабенькой. Поддерживать долго заклятие, требующее большой отдачи энергии, Тине было трудно, а именно это ей и приходилось делать сейчас.

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Синяя пакость взяла и исчезла. Тут же угасли и желтые пылинки, а Тинка прямо-таки осела на мои руки. Я подхватила подругу. Удерживать ее было довольно трудно, но взявшийся невесть откуда Астен легко подхватил эльфийку на руки.

— На этот раз она доигралась! — раньше я ни разу не видела Астена разгневанным, но, надо отдать ему полную справедливость, это ему шло. Обычное мягкое рассеянное выражение исчезло. Идеальные черты обрели завершенность, силу, которой им обычно не доставало. Это был уже не томный красавец, а боец, настоящий мужчина, и я невольно им залюбовалась. Он же был занят лишь Тиной. И это было хорошо и правильно, потому что заглядываться на эльфийских принцев с моей стороны было редкостной глупостью.

2228 год от В.И.

Вечер 20-го дня месяца Волка.

Таяна. Гелань

С колокольни Гелены Снежной пробили седьмую ору пополудни, но ненастный осенний вечер вполне мог сойти за глубокую ночь. Дождь мерно барабанил по крышам, стучал в окна, словно требуя, чтоб его впустили, ветер с воем носился по притихшим улицам, стуча и громяхая всем, что не было надежно закреплено. Ненастье тянулось с первых дней месяца, и не похоже было, чтобы собиралось прекращаться. В такую погоду даже самые ретивые стражники старались закончить привычный обход побыстрее, чтоб подольше просидеть в теплых караулах. Там, вопреки строжайшему наказу старших по званию, их ждало горячее вино с пряностями, заботливо приготовленное товарищами, которые в свою очередь твердо рассчитывали на ответную услугу, когда придет их черед впустую таскаться по продуваемым проклятым ветром улицам. И в самом деле, кому могла прийти в голову мысль по доброй воле выйти наружу эдаким вечером?

Лупе мысленно еще раз перебрала содержимое небольшого коврового мешка, в который она сложила лучшие Симоновы зелья и кое-какую одежду. Все имеющиеся в доме деньги она разделила на две части — одну спрятала в известное только им с Симоном место,

другую разделила пополам, часть убрала в нательный пояс, часть положила в общую шкатулку для дурака-мужа, когда тот вернется. Подумала и туда же сунула короткую записку, сообщающую, что уезжает к родным. Симон поймет, а супругу не обязательно. Больше делать было нечего — в доме чисто прибрано, вещи разложены по местам, сундуки и буфеты тщательно заперты. Женщина одобрительно окинула взглядом опрятную залку и подивилась про себя, до какой же степени она равнодушна к единственному дому, который у нее был.

Подбитый стриженным мехом кожаный плащ должен был на какое-то время защитить от дождя и ветра. Если ее затея увенчается успехом, ей придется идти всю ночь, прежде чем можно будет позволить себе передышку. Ее ставка была на неожиданность и непогоду, потому что выйти из города без разрешения не мог никто. Впрочем, Лупе вполне могла отвести глаза стражникам, если их мысли будут заняты чем-то более приятным, чем выискивание безумцев, собирающихся на ночь глядя выйти из-под защиты городских стен. Вместе с тем до девятой оры ворота держат открытыми — Михай почему-то свято придерживался этого обычая. Следовательно, Лупе предстояло пробраться к воротам и, воспользовавшись магией, пройти через них на глазах восьмерых опытных воинов. Теперь там дежурили еще и недавно заведшиеся в Таяне фискалы, что на первый взгляд делало попытку отвести глаза охране бесполезной. Толстяк в сероватом балахоне торчал там и сегодня — Лупе проверила, но ей показалось, что на самом деле он за Запрещенной волшбой не следит. Во всяком случае, на простенький фокус, сделанный ею для проверки, он никак не прореагировал.

То, что все, кто имел хоть малейшее отношение к магии, были согнаны в Высокий Замок, заставляло Лупе думать, что Михай и его присные творят нечто, о чем никто не должен знать, поэтому рядовые фискалы скорее всего Кристаллов Поиска не имеют. Конечно, у Михая имеются колдуны, но она очень рассчитывала, что этим вечером у ворот им делать нечего. И все равно, время, когда она будет прикрыта заклятием, надо свести до минимума. Женщина еще раз припомнила тщательно выверенный маршрут — подальше от караулок и широких улиц, на которых, несмотря на погоду, трудились фонарщики. Вроде бы все правильно, она придет к воротам за десятинку до закрытия, а там будь что будет...

Глава 3

2228 год от В.И.

Утро 21-го дня месяца Волка.

Пантана. Убежище

Астен вряд ли мог внятно объяснить, что погнало его из дома в это утро. В последнее время с ним вообще происходило что-то странное — стихи не просто не сочинялись, они перестали его занимать. Остров казался тесным и скучным, а лица эльфов — масками, лишёнными жизни. Брат правителя Лебедей с трудом заставлял себя жить прежней жизнью хотя бы внешне, разговаривать с соседями и родственниками, по ночам ложиться в кровать, утром проводить несколько ор за письменным столом.

Появление в его доме пресловутой Эстель Оскоры к тревогам Астена прибавило не слишком много. Тарскийка ему нравилась, хотя никакой магической силы он в ней не ощущал. Зато Астена казалось, что он знал эту женщину очень давно, но это, видимо, потому, что он некогда долго жил со смертной. Странное предчувствие, что его жизнь и смерть теперь связаны с Герикой, Астена не пугало, скорее уж наоборот. Он бесконечно устал от ожидания и воспоминаний, а понесшиеся горным потоком события давали возможность вздохнуть полной грудью. Лебединый принц знал, что скоро покинет Убежище, и, видимо, навсегда, и поэтому любые сумерки возбуждали его так же, как гнездящихся в лесу черных птиц, что с криком взмывали в пламенеющее небо и метались там, пока в свои

права не вступал день либо ночь. Астен каждый рассвет встречал немим вопросом, не сегодня ли произойдет то, что определит его судьбу...

Этот день начинался немного не так, как остальные. Под утро ему приснился сын, вестей о котором (как, впрочем, и о Преступивших³⁵) в Убежище не имели, и потому сны обретали особую ценность. Астен ясно видел, как Рамиэрль верхом на Топазе едет по узкой горной долине, а Перла налегке идет рядом, время от времени кокетливо потряхивая гривой. Ни Примеро со товарищи, ни Уанна рядом не было.

Роман выглядел целым и невредимым и даже не очень уставшим. Казалось, он знал, что делает, так как ехал вперед, не оглядываясь по сторонам. Впрочем, похоже, там была всего одна дорога. Склоны гор поросли темным хвойным лесом, внизу весело бежала небольшая речушка. Снега еще не было, облетевшие кусты густо облепили странные белые ягоды. Прямо перед лицом Рамиэрля пролетела большая пестрая птица, чем-то напоминавшая фазана. На другой берег речки выбежала лисица и с интересом воззрилась на всадника, похоже, в этих краях охотников не водилось, зверье казалось совершенно непуганым.

Рамиэрль улыбнулся, глядя на рыжехвостую остроносую красотку, и чуть придержал коня. Порыв ветра пошевелил ветки белоягодника, принес откуда-то несколько запоздалых темно-красных листьев, один из которых Роман поймал на лету...

Астен проснулся с непривычным ощущением покоя. Он сам себе не признавался, до какой степени ему не нравилась затея сына пройти по следу Проклятого, но, по крайней мере, сейчас никакой опасности не было. Уж в этом-то Кленовая Ветвь был уверен. Жаль, конечно, что Рамиэрль еще не догнал Уанна, но то, что он расстался с коротышкой Примеро, радовало. Кому-кому, а ему Астен никогда не доверял. Эльф взглянул в окно, за которым зеленело предрассветное небо. Зачем-то встал, оделся. Герика еще спала, и Астен решил рассказать ей про Романа попозже, а сам вышел на улицу и долго смотрел на бледнеющие звезды. Там его и застал посыльный Эмзара.

2228 год от В.И.

21-й день месяца Волка. Третья ора пополудни.

Эланд. Идакона

— И вы еще говорите, что не любите эрмет?!³⁶ — вскричал Его Высокопреосвященство, комично разводя руками. — Вы разбили меня, как жалкого послушника, — а как все хорошо сначала складывалось!

— Но я действительно не люблю эту игру. Да, пожалуй, и остальные игры тоже, — герцог Рене встал из-за массивного черного стола и, наслаждаясь каждым движением, не спеша прошел к окну, — но нигде не сказано, что то, чего ты не любишь, можно делать плохо. Скорее наоборот, ведь тогда ты быстрее закончишь. Великий Дракон! — герцог отдернул темно-серую бархатную портьеру и глянул на улицу. — Я не помню такого снега, тем более что Волк еще не ушел.

— Я еще плохо знаю здешние края, — Максимилиан тоже встал и поставил в специальный бронзовый сосуд, заполненный горячими угольями, низкий и толстый кувшинчик, — сейчас я угощу вас вином по-кантиски. Одного взгляда за окно довольно,

³⁵ Преступившие — волшебники, преступившие порог Дозволенного, строго регламентированный как Церковью, так и мирскими законами. По-настоящему Преступивших магов насчитывались единицы, причем обнаружить их фискалы, обладающие весьма ограниченными знаниями, не могли. По обвинению в нарушении Дозволенного, как правило, наказывали (вплоть до смертной казни) безвредных ведунов и знахарей или магов, лишь чуть-чуть нарушивших правила или практикующих без разрешения.

³⁶ Эрмет (от «эр-майет») — настольная игра, родиной которой считается Эр-Атэв. В чем-то аналогична шахматам, но с неравными стартовыми условиями, которые определяются вытаскиванием фигур из закрытого ящичка. Игра в эрмет означает не только схватку интеллектов, но и схватку с фортунной.

чтобы забыть о любом посте. Эта буря меня просто угнетает...

— Меня, признаться, тоже, — откликнулся Рене, — третий день невозможно выбраться из города, а до соседней улицы добраться — все равно что в Варху съездить. Но больше всего мне не нравится, что такого не упомянет даже Эрик.

— Ну, я благодарен непогоде хотя бы за то, что смог заполучить вас на целый день, — Максимилиан с блаженной улыбкой гурмана, предвкушающего праздник вкуса, разлил дымящийся напиток по высоким агатовым кубкам, — смотрите, сейчас, когда в них налито красное вино, они светятся, как костер в тумане...

— Действительно. Великолепное зрелище и великолепный запах, — герцог отошел от окна, — но я всегда ненавидел туман. Потому что он лжет, скрывает, сбивает с пути...

— Да, мои поэтические изыски не для моряка, — Максимилиан улыбнулся, — но я действительно рад вашему обществу, Рене и, кажется, начинаю любить ваши немыслимые края. Здесь холодно, но нигде так не оценишь горячее вино, горящий огонь и беседу с другом — мы ведь друзья, мой герцог, не правда ли?

— Я надеюсь, — Рене отхлебнул из кубка, — восхитительно. Но для того чтобы сказать: «Да, это так!», дружба должна быть испытана...

— Ну, за этим, я полагаю, дело не станет, на войне такие вещи происходят быстро, — вздохнул клирик, — гораздо быстрее, чем хотелось бы.

Они пили вино молча, но в этой тишине не было неловкости или отчуждения, просто каждый думал о своем. Трещали в камине еловые поленья, а за стенами резиденции Его Высокопреосвященства, под которую Рене, вынужденно перебравшийся в герцогский замок, отдал свой особняк, безумствовал ветер. Казалось, в окно бьется чудовищная птица. Внезапно Рене вздрогнул и чуть не выронил свой кубок; кардинал взглянул на своего гостя с удивлением — тот отличался почти сверхъестественной ловкостью, и подобная неосторожность выглядела несколько необычно. Дальнейшее поведение Рене удивило клирика еще больше. Тот зачем-то отошел в самый дальний угол комнаты и замер, поднеся к лицу украшенную золотым браслетом руку, словно бы к чему-то прислушиваясь, а затем твердыми шагами подошел к окну.

— Мне очень жаль нарушать ваш уют, Ваше Высокопреосвященство, но надо немедленно открыть окно и погасить огонь.

— Можете делать все, что считаете нужным, — хоть необычная просьба и вызывала недоумение, Максимилиан не изменил присущей церковникам невозмутимости. Кардинал сам засыпал огонь в камине песком из стоящего рядом обтянутого тисненой кожей ящика и даже задул свою жаровню, после чего посмотрел на Рене.

— Вынужден вас предупредить, что у нас сейчас будут весьма необычные гости, так что есть смысл закутаться потеплее, — обронил Рене, распахивая тяжелые створки, через которые немедленно ворвалась буря. Даже больше чем буря.

Легкая сверкающая фигура влетела в комнату, более всего она напоминала гигантского лебедя, если бы только бывали хищные лебеди. Белоснежная, с гибкой длинной шеей и широкими величественными крыльями снежная птица облетела по кругу комнату, от чего мебель тотчас же покрылась сверкающим инеем, а остатки тепла исчезли, словно бы никто не разводил здесь огня с самого лета, и вылетела вон. Пытаясь унять невольную дрожь, Максимилиан смотрел в разверзшуюся пасть окна, за которой в бешеной майерке³⁷ неслись снежные хлопья.

Ждать пришлось недолго. Птица вернулась, но не одна. В обледеневшую комнату ворвалось шесть или семь снежных лебедей, которые тащили в клювах странный белый сверток! Птицы небрежно сбросили его на пол у остывшего камина и со звенящим пронзительным кличем растворились в буране.

Рене рывком захлопнул окно. Кардинал стоял, не рискуя приблизиться к приношению,

³⁷ Майерка — бравурный, быстрый парный танец, особенно любимый в Таяне.

безжизненно валявшемуся на ковре. Рене же предпочел прежде всего разжечь камин. Дрова и даже сухие просмоленные шишки вспыхнули не сразу, но тепло вернулось в комнату так же быстро, как и ушло. На массивной дубовой мебели заблестели капли. Белая бесформенная фигура постепенно начинала обретать облик, схожий с чьим-то телом, окутывавшая ее снежная сеть таяла, заливая несчастный атэвский ковер...

— Творец, — что это такое? — это были первые слова, сорвавшиеся с губ Максимилиана.

— Сейчас узнаем, — Рене склонился над свертком и рывком потянул что-то напоминавшее блестящий саван. Снежная материя расплзлась прямо под руками, и маринер с клириком оторопело уставились на огромную светло-светло-серую собаку, которая была безнадежно мертва...

2228 год от В.И.

21-й день месяца Волка. Четвертая ора пополудни.

Пантана. Убежище

— Этот снег превратил и без того прелестный пейзаж в серебряную сказку. Смотрите, холод еще не сковал льдом болото, и окна темной воды на белом фоне кажутся провалами в Вечность. Великий Лебедь! Это зрелище странно завораживает своей жутковатой, болезненной красотой. — Клэр восторженно обернулся к своим закутанным в меха спутницам и сообщил: — Очень хочется рисовать...

— Так почему бы тебе этим и не заняться? — Герика улыбнулась художнику. — Я где-то читала или слышала, что каждый день неповторим. Завтра все будет пусть немного, но другим, так что, если желаешь остановить именно это мгновение, берись за дело немедленно.

— А действительно, почему бы и нет? Жаль только, что у меня с собой далеко не все краски, я собирался сделать пару набросков с вас, дорогие дамы, а не писать пейзаж.

— Ты начинай, а я принесу все, что нужно, — откликнулась Тина, — я ведь знаю, где и что у тебя. Ты пойдешь со мной?

— Пожалуй, нет, — тарскийка одновременно весело и виновато посмотрела на подругу, — мне бы хотелось посмотреть, как Клэр работает. Когда он меня лепил, приходилось думать только о том, чтобы не пошевелиться, да и смотрела я в сторону. Клэр, если, конечно, я не буду мешать...

— Ну что ты, — эльф ласково улыбнулся, — когда я пишу, я не замечаю даже Тину, хотя она почти всегда сидит рядом.

— Значит, решено, — Тина чмокнула мужа в щеку, — я принесу краски и чего-нибудь нам всем поесть. Геро, имей в виду, если Клэр всерьез возьмется за дело, мы не уйдем отсюда до темноты, — эльфийка тихонько засмеялась и легко побежала по змеящейся вдоль болота тропинке, ее серебристый плащ скоро скрылся среди густого ивняка.

Клэр устроился на высоком валуне, примостив на колени изящную доску с приколотым к ней белоснежным листом, и принялся за рисунок, то сосредоточенно хмуря брови, то мечтательно улыбаясь. Герика, закутавшись в подаренный Астеном эльфийский плащ, присела у него за спиной, рассеянно следя за рукой художника. Было необычайно тихо, казалось, пойдя сейчас снег, был бы слышен шорох падающих снежинок.

Эстель Оскора.

Эльфы умели жить, во всяком случае, магия избавляла от кучи мелких неприятностей, сопровождающих нас, людей, от рождения и до смерти. Взять хотя бы эти их плащи, в которых можно смело спать на снегу, сидеть на замерзших камнях, бросать в воду, огонь, грязь... Будь на мне самая лучшая человеческая одежда, за несколько часов на оледеневшей земле я бы окоченела, а так я даже не замечала холода. Клэр тоже. Он самозабвенно рисовал, и на белом листе проступал загадочный серебряный лес, словно бы светящийся изнутри. Это

было чудо, и я с детским восторгом наблюдала за его рождением.

Художник оказался прав, он действительно не замечал ничего вокруг, я же, с восхищением следя за его руками, думала то об одном, то о другом. Мои мысли скакали со скоростью и непредсказуемостью белок, вытаскивая на поверхность то хорошее, то плохое, которого тоже хватало.

Как и когда в мое сердце вошла тревога, я так и не поняла. Дальний лес оставался все тем же просветленно-парящим, небо не уставало переливаться всеми оттенками серебра, которые Клэр прилежно ловил кистью. Но ощущение покоя и умиротворения исчезло напрочь. Как отрезало. Наползала сосущая, отвратительная тревога и предчувствие беды. Я честно боролась со своими эмоциями, наверное, с четверть оры, но в конце концов не выдержала и окликнула Клэра. Тот обернулся с явной неохотой. Разумеется, молодой художник был воспитан по всем правилам сложнейшего эльфийского этикета и к тому же был моим другом, но любезная улыбка на сей раз казалась несколько искусственной. Да и какой художник потерпит, когда его бесцеремонно выдергивают из мира его фантазий!

Я видела, как Клэру хочется поскорее отделаться от меня и вернуться к картине, но тревога внутри меня трепыхалась с отчаяньем залетевшей в комнату птицы.

— Клэр, — я почувствовала, как мой голос предательски дрогнул, — Клэр, готовится что-то страшное. Мы... Надо что-то делать!

— Что? — в лучистых серых глазах мелькнуло недоумение. — Ты говоришь об этой начинающейся войне, или тут что-то другое?

— Нет, не о войне, — я готова была проклясть его непонятливость и свое косноязычие. — Здесь что-то будет. Здесь и сейчас. Я это ясно чувствую!

— Плохо дело! — На сей раз он отреагировал. Еще бы, к предчувствиям, снам и прочей дребедени эльфы относились с большим уважением. — С кем и что должно случиться?!

— Если б знала, сказала, — я отчаянно злилась, но не на Клэра, а на себя, потому что совершенно не представляла, что это на меня накатило. Чем-чем, а пророческим даром меня Творец обделил, да и не смахивало то, что со мной творилось, на всяческие мистические откровения, как их описывают в священных книжках. Просто душу давила отвратительная тяжесть, и я не могла думать больше ни о чем. Я честно попробовала осмыслить свои ощущения, но не преуспела.

— Клэр, — наконец объявила я, — я не понимаю, что со мной. Но я знаю, что это страшно.

— Хорошо, пойдем, — художник начал торопливо собираться, — что бы это ни было, но с тобой связана какая-то тайна. Расскажем Эмзару или, если он занят, Астену.

Я согласно кивнула головой. Это было разумным решением, до которого я могла бы дойти и своим умом. Братья-Лебеди были самыми сильными магами Убежища, и они находились на моей стороне. Клэр наконец уложил свои драгоценные краски, и мы быстро пошли, почти побежали по узкой тропке, огибавшей край болота. Летом мимо нас проносились бы зеленые и голубые стрекозы, сейчас же мне на щеку упала одинокая снежинка. Видимо, сорвалась с дерева. Клэр для эльфа шел не очень быстро, но я едва поспевала за его легкими текучими шагами. Мы не разговаривали, было не до того. А потом сдавивший мое сердце кулак разжался так же неожиданно и сразу, как и появился. Я перевела дух и хотела уж сказать своему спутнику, что тревога оказалась ложной, но слова застряли у меня в глотке. Клэр стоял, обхватив виски руками, и был бледен, словно покойник, а на обычно безмятежном лице застыло такое отчаянье, что мне стало жутко. Я попробовала окликнуть его, но он не услышал. Бросил свои краски вместе с начатым рисунком прямо в грязь и кинулся вперед. Я сразу же отстала — бегать наперегонки с эльфами могут разве что кони. Но мой страх прошел, и я вновь начала соображать. Догнать Клэра я не могла, но я могла подобрать его вещи и продолжить путь к Эмзару. Если то, чего я боялась, уже случилось, мне в любом случае придется рассказывать о своих ощущениях. Кто знает, вдруг это какой-то новенький вид ясновидения? Должна же во мне быть хоть какая-то магия, иначе зачем бы меня тут держали?!

Я как могла быстро пошла по тропке, и за первым же поворотом наткнулась на тех, кого хотела бы встретить меньше всего. На моем пути стояла Эанке Аутондиэль, отступить мне было некуда, а прятаться не за кого. Эльфийка была вместе с мрачноватым эльфом, которого я видела мельком раз или два. На меня же красotka уставилась с тем непередаваемым выражением, с которым благородная дама взирает на неожиданно оказавшуюся на ее дороге крупную жабу. В этой неприятной ситуации утонченность не позволяет подобрать юбки и завизжать, падать в обморок нельзя — грязно, а реагировать как-то надо. Я не нашла ничего лучшего, чем повести себя, как вышеупомянутая жаба, а именно, сохранить полную невозмутимость. Мне нужно было вперед, и я шла вперед.

Правду сказать, мне было страшно. Очень страшно. Я не забыла наше недавнее приключение, когда только магия Тины и своевременное появление Астена спасло нас от серьезных неприятностей. Сейчас же я была совершенно одна, и Эанке со своим спутником могли сотворить со мной все, что угодно. Кстати, этот надутый красавец — я вспомнила, он был из Дома Лилии, от которого Астен советовал держаться подальше, — уставился на меня так, как будто я была не просто жабой, а жабой ядовитой, огнедышащей и в придачу ко всему ярко-фиолетовой.

Я продолжала упрямо идти прямо на них. А что мне еще оставалось? Вся моя сила заключалась в неясных слухах о моем якобы могуществе, слухах страшных и загадочных, но ничем пока не подтвержденных. Я чувствовала, как у меня по спине бегут мурашки, платье под плащом стало липким и тяжелым, но я шла, глядя прямо и чуть вверх на поднимающийся над островом лунный серп.

Когда я почти поравнялась с Эанке, та заговорила, и в ее голосе я ясно почувствовала свою смерть. Эльфийка приказывала мне остановиться и ответить на какой-то ее вопрос, я же продолжала идти, сосредоточившись на луне и повторяя про себя всплывшие в мозгу дурацкие ритмичные строчки, памятные еще по Тарске.

Как ни странно, они расступились, освобождая мне проход. Это испугало меня еще больше, но я продолжала маршировать, не оглядываясь, так как оглянуться означало выдать свой страх. Да какой там страх — древний холодный ужас. Я топала вперед и... с ходу налетела на кого-то, стоявшего посредине тропы. Ужас наконец прорвался наружу, я дико вскрикнула. У меня перед глазами все поплыло, и я в последний раз в жизни потеряла сознание. К счастью, ненадолго. Придя в себя, я обнаружила, что пребываю в объятиях Астена, сосредоточенно вглядывавшегося в мое отнюдь не прекрасное лицо:

— Они что-то с тобой сделали?

— Нет, — честно ответила я, — просто я ужасно перетрусилась. Шла вперед, ничего не соображая, думала только о том, чтоб не оглянуться.

— Тут было чего испугаться. — В сумерках разобрать выражение лица было трудно, но голос Астена звучал устало и невесело. — Не появись я, они бы вряд ли так просто тебя отпустили. Но как вышло, что ты осталась одна? Мы же договаривались, что прогулок в одиночку и даже вдвоем с Тиной больше не будет...

Разумеется, я ему рассказала все. Кажется, на этот раз у меня вышло довольно толково, во всяком случае, принц ни разу меня не перебил, разве что произнес какое-то короткое заклинание; и камень, украшавший тонкий серебряный обруч, который Астен последнее время носил не снимая, засветился мягким серебристым светом. От этого и без того грустное лицо эльфа приобрело вовсе потусторонний вид, как у святого со старой иконы. Я в своей способности в самый неподходящий момент думать Проклятый знает о чем, поймала себя на мысли, что наши клирики где-то откопали старые эльфийские портреты и переделали в святые образа. Вряд ли люди, даже причисленные Церковью к лику святых, обладали той совершенной и как бы бесплотной красотой, какую они обрели на иконах. А вот для эльфов это было обычным делом.

Я невольно улыбнулась этой своей фантазии. Как ни странно, после обморока мне стало свободно и легко, словно страх, вызванный встречей с Эанке, и дурацкие предчувствия, охватившие меня на болоте, пригрезились в дурном сне. А реальностью были

объятия Астена и его огромные ласковые глаза.

Нет. Так дело не пойдет. Он, конечно, хорошо ко мне относится, да и как иначе, раз об этом его просил родной сын, но эта его доброта не должна меня обманывать. Между Первородженными и людьми не может быть ничего большего, чем дружба. Я невольно отстранилась от Астена, который, разумеется, этого даже и не заметил, он глядел куда-то в пространство. Такие лица бывают или у тех, кто молится, или у тех, кто творит заклęcia. Судя по всему, этим принц-Лебедь и занимался. Наконец он вздохнул и повернулся ко мне.

— Я нашел Клэра, он здесь, совсем рядом... И, боюсь, ты была права, и случилось самое страшное. Его мысли сейчас... как бы это сказать, — эльф посмотрел на меня с выражением эландца, собирающегося объяснять жителю Атэва, что такое снег... — дело в том, что я могу слышать мысли тех, кого знаю, если те не очень далеко. Но мысли Клэра сейчас словно горячие уголья, к ним не притронуться, а мыслей Тины я не слышу. Никаких. Я могу найти только одно объяснение — с ней что-то случилось. Что-то непоправимое.

— Найдем их, — потребовала я от Астена. Ничего глупее придумать я не могла, но тот кивнул золотистой головой.

— Конечно, найдем. Они где-то рядом.

Они действительно были рядом. В одном месте кусты боярышника росли не так густо, как везде, и, зная этот лаз, можно было изрядно сократить путь с берега в поселение. Тина эту дорогу, видимо, знала. Она возвращалась к нам с красками и корзинкой, в которой лежали все еще теплые хлебцы, вино и раскатившиеся теперь по маленькой треугольной полянке розовые яблоки. Смерть, похоже, была мгновенной. Это была не магия, а простая, хоть и очень красивая, стрела. Белоснежная эльфийская стрела, прекрасная, как все, что создавал Дивный Народ. К несчастью, стреляли они так же безупречно.

Последняя Незабудка лежала, зарывшись лицом в припорошенную снегом золотую траву. Она ушла туда, откуда не возвращаются. Клэр сидел рядом, бессмысленно глядя на рассыпавшиеся серебристо-пепельные волосы подруги. Странно, но он даже не попробовал ее приподнять, перевернуть. Нас он тоже не видел. Астен внезапно прижал меня к себе и так же внезапно отпустил, почти оттолкнул, а затем подошел к Клэру и опустился рядом с ним на колени. Кажется, он что-то говорил — ветер относил слова, да и по-эльфийски я пока понимала с трудом. Если б не древняя убежденность Лебедей в том, что человеческая речь — речь земли, на которой они живут, и ее нужно знать, я бы здесь долго оставалась немой и глухой. Но сейчас, в миг наивысшего горя, эльфы заговорили на древнем языке, языке Звезд, который они некогда принесли в этот мир.

Говорил, впрочем, один Астен. Клэр молчал. Наконец художник медленно поднял голову, и я отступила в тень. Это была трусость, но мы редко стремимся взглянуть в глаза тому, кому уже не помочь...

Как выяснилось, трусила я совершенно зря. Мой друг меня не узнал, да и не мог узнать. Я редко думала об Астене как о маге — слишком уж мягким и спокойным он казался. Даже давешняя история с Эанке, и та не заставила меня почувствовать не умом — умом я все понимала, — а глубинной сутью, что брат Эмзара мало в чем тому уступает. Сейчас принц что-то сделал с осиротевшим Клэром, что-то, позволившее на время притупить боль. Художник двигался словно в тумане, явно не осознавая, ни где он, ни что с ним. Астен встал с колен и легко поднял Тину на руки, совсем как тогда, когда избавил нас от жутковатых синих искр.

— Помоги мне, — отрывисто бросил он, и я послушно принялась собирать рассыпавшиеся вещи Последней Незабудки, присоединив их к краскам Клэра.

— Да нет же, — остановил меня Астен, — бери Клэра за руку и веди, а это... Это сейчас никому не нужно. — Я молча сложила яблоки и краски под разлапистым кустом и взяла Клэра за пылающую руку. Он этого не заметил.

Назад мы шли молча. Астен чуть впереди. Мягкий свет его обруча освещал тропинку, так что споткнуться я не боялась. Клэр покорно шел за мной, у меня было странное ощущение, что я веду с собой не взрослого мужчину, а олененка на уздечке. Стемнело,

деревья, обступившие нас, были уже совсем черными, и только небо в крупных холодных звездах поздней осени еще отсвечивало темной синевой. Я шла как в бреду, дорога до поселения, обычно недлинная, растянулась до бесконечности. И опять мне показалось, что за мной следят какие-то странные, ни на что не похожие глаза. Следят не со злобой и не с любовью, а как-то оценивающе, как на лошадь, прикидывая, стоит ли на нее ставить или это будет пустой тратой золота.

**2228 год от В.И.
Вечер 21-го дня месяца Волка.
Пантана. Убежище**

Это был пересказ легенд и преданий, записанных когда-то, еще до войн монстров, по прихоти его матери, королевы Лебедей, и вот теперь Эмзар сосредоточенно вглядывался в страницы древнего манускрипта. Собственно говоря, книгу эту он знал, сколько себя помнил, но до недавнего времени полагал, что за всеми этими историями не стоит ничего или почти ничего и что они могут быть интересны либо поэту или историку, либо жадному до чудес детскому уму. Но сейчас, когда над Таррой поднимался ураган безумия, когда самому существованию этого мира грозила малопонятная, но, несомненно, смертельная опасность, местоблюститель Лебединого трона вспомнил о «Гиацинтовой книге» и теперь старательно пытался отыскать в куче изысканной словесной шелухи зерно истины. Дело не двигалось, и поэтому Эмзар был почти доволен, когда возникший на пороге малого кабинета юноша из Дома Ивы взволнованно, но строго по этикету доложил, что глава Дома Розы Астен Кленовая Ветвь просит аудиенции.

Гадая, что могло понадобиться брату, с которым он расстался не более полутора ор назад, Снежное Крыло поспешил в Зал Первых Фиалок. Астен стоял у окна, тонкие пальцы нервно теребили кисти занавесей. Тратить время на приветствия он не стал, а устало опустился в кресло у стола и буднично произнес:

— Только что убили Тину.

Яркие голубые глаза местоблюстителя широко раскрылись, но лицо осталось спокойным.

— Кто?

— Уверен, Эанке и ее приспешники. Но уверенность не есть доказательство. Никакой магии. Стрела в спине. Лук, из которого она выпущена, полагаю, уже покоится в болоте, должным образом обработанный. Так что заклинание сродства нам ничего не даст.

— Ты рассказывал про нападение Эанке на Тину. Я должен был понять...

— Ты не мог понять, — Астен безнадежно махнул красивой рукой, — тогда это была всего-навсего отвратительная каверза. Не более того. Девушки несколько недель проходили бы с опухшими лицами. Согласен, это неприятно, особенно женщине, но не смертельно. Все это не слишком переходило границу прежних выходов моей дочери, но убийство! Это уже серьезно. Я уж не говорю о том, что теперь будет с молодым Клэрмом...

— А где он?

— Я пока держу его в Серых Грезах.

— Боюсь, — Эмзар тряхнул темными волосами, отбрасывая назад выбившуюся из-под серебряного обруча прядь, — долго оставлять его в таком состоянии нельзя. Он не только потерял свою Любовь, он до мозга костей Художник, а Художник, задержавшись в Грезах, может там и остаться.

— Увы, я не видел другого выхода. Надо было отнести Тину домой, сообщить тебе, позаботиться о Герике, собрать родных... Я боялся, что Клэр может что-то сделать с собой или совершить какое-то безумство.

— Убить Эанке?

— Хотя бы, — синие глаза Астена стали на удивление жесткими, — возможно, смерть моей дочери необходима для спасения клана, она, похоже, совсем обезумела. Но она

слишком сильна в магии.

— То есть ты не был уверен, что Клэр выйдет победителем? — голос Эмзара стал резким. — Неужели ты допускаешь?..

— Я допускаю все. Сейчас самое время попробовать захватить власть и вырваться из мира Тарры с помощью Лебединого камня. И я не уверен, — Астен взглянул в лицо брату, — что эта попытка окажется безуспешной. Ведь защиту, если я правильно понял то, что рассказал Рамиэрль, будут ломать с обеих сторон. Мы, возможно, и уйдем, но те, кто ворвется сюда через открытую нами дверь, не оставят Тарре даже надежды...

— Не думаю, что нас отпустят, — Эмзар тяжело вздохнул, и на его лице, прекрасном лице эльфа, не знающем возраста, вдруг проступили следы прожитых столетий, — я попытался разобраться в том, что мы считали детскими сказками. Силы, что затаились по ту сторону барьера, жестоки и безумно голодны. Им все равно, что за добыча идет к ним в пасть — эльфы ли, люди ли или же, охорони Великий Лебедь, — грязные гоблины. Мы не должны позволить Эанке совершить это безумие! Ты всерьез полагаешь, что у нее есть сообщники?

— Думаю, да. Дом Лилии всегда с нежностью смотрел на трон. Собственно говоря, у них на дороге сейчас лишь мы с тобой и Рамиэрль. Эанке с готовностью отдаст свою руку Фэриэну, который из династических соображений готов будет какое-то время терпеть ее норы. Вместе они могут заполучить Камень и, кто знает, вдруг сумеют его подчинить...

— Все это так, хотя другие Дома вряд ли на это согласятся. Слишком уж эта парочка известна...

— Ты забываешь, как все сейчас напуганы. Эльфы не слепы, хоть иногда и кажутся таковыми. Стараниями Эанке и Примеро с его предсказаниями все поняли, что Тарру не ждет ничего хорошего. Мы здесь чужие, не живем, а прозябаем. Так почему мы, Перворожденные, должны гибнуть вместе с остальными, когда появился шанс уйти? В Убежище многое изменилось. Даже за последние два месяца...

— Я все же не думаю, что дело зашло так далеко, — Эмзар машинально поправил и так безупречно лежащие складки туники, — но все равно я не понимаю, зачем кому-то понадобилось убивать Тину? И как вообще это случилось?

— Как я понял из рассказа Герики, они забрались на мыс Светлячков. Клэр рисовал, Герику на него смотрела, а Тина побежала за красками и едой на всех троих. На обратном пути ее застрелили. Да, видимо, небезынтересна одна подробность. Герику внезапно почувствовала необъяснимую тревогу и потащила Клэра назад. В тот момент, когда Тину убили, они почти ее нагнали. Клэр сразу же почувствовал несчастье, а вот тарскийка, напротив, испытала облегчение. Кстати, она встретила на тропе Эанке и Фэриэна.

— И они ее выпустили?

— Да, но не думаю, что они собирались так поступить. Эанке ненавидит Геро, к тому же та видела их в очень неподходящем месте. Но в Убежище моей гостьи немного опасаются, а девочка повела себя очень умно. Она шла прямо вперед, как будто ее врагов вовсе не существовало.

— Ты говоришь так, словно видел все своими глазами.

— А я действительно видел, — на мгновение лицо Астена озарилось улыбкой, тут же, впрочем, погасшей. — Они растерялись, когда поняли, что Герику не собирается ни останавливаться, ни отступать, а потом... Ну, словом, я дал понять своей дражайшей дочери, что я тут и не допущу ни убийства, ни чего-либо еще.

— Тебе тоже стоило бы поостеречься, брат, — в голосе Эмзара чувствовалась неподдельная тревога. — Не думаю, что родственные связи служат сегодня в Убежище хорошей защитой.

— Я тоже не думаю, — сверкнул глазами Астен, став в этот миг удивительно похожим на своего спутавшегося с людьми сына, — но она мне ничего не сделает. Пока. Просто потому, что я сильнее и ее, и Фэриэна, и всех их вместе взятых.

— Ну, как знаешь, — с сомнением протянул правитель, — хотя на твоём месте я все же проявил бы осторожность. Не представляю, что же нам теперь делать. Надо изобличить

убийцу. Но ты говоришь, это невозможно?

— Боюсь, что так. Малышка убита в спину, вряд ли видела, кто стрелял, так что даже если ты рискнешь...

— Я рискнул бы, будь хотя бы один шанс, — тут не до сантиментов. Если жертва может изобличить убийцу, нужно пустить в ход любое заклятие, даже потревожить смертный покой. Но они недаром воспользовались обычным оружием, а не магией. Тут ничего не поделаешь.

Постой! — Эмзар в волнении звонко хлопнул ладонью по полированной столешнице. — Я все понял! Нас сбила с толку ненависть Эанке к Тине и ее нападение на нее. Но готов поклясться, что стрела предназначалась Герику. Они были убеждены, что Тина, как всегда, смотрит, как рисует муж. Ведь у Герики такая же накидка, как у Тины.

— Верно, — согласился Астен. — А девочка-то не так проста, как кажется с первого взгляда. Она почувствовала, что против нее что-то готовится. И, разумеется, когда они сочли ее мертвой, напряжение спало, и ее, как она сама говорит, «отпустило». Все сходится. И то, что они не ожидали никого встретить, — Клэр бы еще нескоро ушел с мыса. И то, что они обомлели, увидев Герику живой и невредимой, и, видимо, решили, что она сильнее, чем им казалось.

— А зачем ты сам пошел на берег? — неожиданно осведомился Эмзар.

— Я? — брат слегка смущенно улыбнулся. — Я просто хотел скоротать с ними вечер и догадался, где они могут быть...

— С ними? — приподнял соболиную бровь старший.

— С ними, — твердо ответил Астен, — но сейчас дело в другом. Что будем делать?

— Хоронить Тину. Приводить в чувство Клэра. Разбираться в том, кто и чем дышит и на кого можно положиться. Думаю, многие из тех, кто готов был слушать Эанке, теперь призадумаются. Незабудку любили, ее единственный враг известен. Надеюсь, Рамиэрль все же вернется, а нет, так нам самим придется договариваться и с Кантиской, и с Эландом. Хватит сидеть в болотах! — Эмзар встал. — А теперь идем к Клэру.

— А Герику? — в упор спросил Астен.

— Герику придется держать за семью замками. Покушение может повториться.

— Я позабочусь о ней.

— Я в этом и не сомневался, — ухмыльнулся местоблюститель Лебединого трона, — ты, несомненно, о ней позаботишься.

**2228 год от В.И.
Вечер 21-го дня месяца Волка.
Малый Корбут**

Запад оставался чистым, но с севера медленно и уверенно наползали тяжелые тучи. Было весьма вероятно, что ночью наконец пойдет снег. Роман не был знатоком Корбутских гор, но прекрасно помнил, что Гремиху и Лисий хребет, которые были ненамного севернее, в эту пору уже заметало. Это внушало надежду, ведь, пока Иноходец не проломит копытами зимний лед, проходы во Фронтеру и Внутренний Эланд останутся непроходимыми, а значит, у него он может успеть отыскать Эрасти.

Эльф-разведчик придержал Топаза, невольно залюбовавшись открывшимся ему видом. Закатное небо казалось расплавленным золотом, и на его фоне черными волнами вздымались Последние горы, до которых оставалось не более дня конного пути. Дальше на восток не забирался никто из известных Роману людей, эльфов или гномов. Оркские поселения должны были лежать в стороне от его пути, а след Уанна давно потерялся. Эльф вздохнул и огляделся еще раз — вполне подходящее место для ночлега. Ему повезло, что он нарвался на эту речку, вверх по течению которой можно ехать верхом. Больше всего Роман страшился дня, когда ему придется или расстаться с лошадьми и пешему углубиться в незнакомые зимние горы, или возвращаться назад. И то и другое было губительно. Выжить в одиночку без

магии в Последних горах в месяц Звездного Вихря было бы не по силам даже гоблину. Вернуться, не дойдя до Места Силы, не узнав, что с Уанном, означало крах всего предприятия, а вспоминая раз за разом события лета и осени, Роман убеждался, что он должен отыскать Эрасти, знавшего и о Пророчестве, и о Белом Олене, и об Эстель Оскоре...

Теперь Роман сожалел, что не взял с собой Герику. Несмотря на свою былую изнеженность и неприспособленность, она казалась подходящим спутником, к тому же Эрасти нужно ее увидеть. Конечно, Эмзар и отец о ней позаботятся, но сестра... Рамиэрль не то чтобы боялся Эанке, он просто понимал, что она опасна и что для Герики было бы лучше оказаться от нее подальше.

Механически устраивая лагерь, Роман думал о том, что ему предстоит в ближайшие дни. Когда он согласился идти вместе с Примеро и остальными, он не слишком задумывался о дорожных тяготах — впереди был Уанн, а рядом шли маги. Теперь он остался один.

Рамиэрль не сомневался, что поступил правильно. Он не верил Примеро и не мог допустить, чтобы тот завладел кольцом Эрасти. Эльф отнюдь не был уверен, что маленького волшебника постигнет судьба осквернителя кантисского храма. В конце концов, там сработала ловушка, подготовленная самим Проклятым, а вот обладает ли подобным свойством кольцо как таковое... Рассказа о печальной судьбе Амброзия было довольно, чтоб напугать Эанке, но Примеро был настойчивее и опытнее, а его желание завладеть талисманом росло с каждым часом — уж в этом-то Роман не сомневался. Так же, как и в том, что чем дальше они углублялись в горы, тем сильнее становился Примеро, словно бы черпая силу из некоего одному ему известного источника. Возраставшее как на дрожжах могущество сделало мага-недомерка совсем несносным, он, правда, пытался сдерживать свой нрав, но благие намерения пропадали втуне. Брюзжание и придирки становились просто невыносимыми, но затем Примеро успокоился, и это было намного хуже.

Роман насторожился сразу же, как увидел на маленьком остром личике блаженную ухмылочку. Он знал главу Преступивших не первый год и понимал, что подобное выражение могли вызвать лишь мечты о власти. И тогда Роман понял, что допустить Примеро к Месту Силы нельзя ни в коем случае. Пожалуй, тогда-то он и растерялся. В первый раз в своей жизни. Заставить девятерых неслабых магов повернуть он не мог, вести их по-прежнему вперед, повинаясь зову кольца, было опасно. Роман ничего не имел против могучего Турга или целителя Кэрля, но Примеро слишком долго ждал своего часа и слишком долго жил среди Перворожденных, ежедневно ощущая свое убожество.

То, что он завидовал многим, Роман понял давно, но до истории с Лужей это его лишь сместило. Он считал Примеро забавным, но не злобным и даже полезным. Теперь же Роман твердо знал, что маг его ненавидит. За все. За то, что, будучи эльфом, Рамиэрль Звездный Дым при рождении получил все дары, присущие его народу, — бессмертие, красоту, способность к высшей магии. За то, что он родился в семье принца. За то, что был волен приходить в Убежище и покидать его. Наконец, за то, что именно он, Рамиэрль, отыскал талисман Проклятого. Теперь эта ненависть рвалась наружу.

...В тот вечер они устроились на ночлег. Осторожность требовала, чтобы они передвигались быстро, но скрытно, поэтому магия для облегчения тягот пути по общему уговору не применялась. Кто знает, как стерегут Последние горы, а обнаружить следы волшбы мог бы самый простенький Кристалл Поиска в руках глупейшего из синяков.³⁸ Конечно, не похоже, чтобы те забрели так далеко на восток, но рисковать не стоило.

Роман как раз обтирал верного Топопа, когда его окрикнул Кэрль. Эльф искренне любил целителя за добрый нрав и невозмутимость и удивился, что бородатая, добродушная

³⁸ Синяк — простонародное название рассматривающего дела о недозволенном колдовстве следователя тайной канцелярии Арции. Название, видимо, пошло от лиловых мантий, в которых ходят служащие канцелярии (другое название — фискалы), возглавляемой лично канцлером. Формально синяки при принятии решений советовались с Церковью, на деле же выполняли только указания вышестоящих. Любопытно, что на территории святого города Кантиски деятельность канцелярии находилась под запретом Архипастыря.

физиономия кажется столь озабоченной.

— В чем дело, дан? — сочувственно осведомился Роман, любовно ероша черную блестящую гриву своего коня. Кэрль молча подал ему руку. Удивленный таким поведением, Роман честно ее пожал и с удивлением обнаружил у себя на ладони некий предмет, при ближайшем рассмотрении оказавшийся кристаллом кастеора.³⁹ Эльф оторопело уставился на пульсирующий лиловый огонек, бешено трепыхавшийся в сером кристалле. Так вот оно что! Запретная волшба, причем неимоверно сильная и совсем рядом.

— Примеро? — задавая вопрос, Роман уже знал ответ.

— Безусловно. Он знает подноготную каждого из нас. Укрыть волшбу от своих было довольно просто, но того, что у меня окажется такая вот игрушка для начинающих, он не предусмотрел. Это его вечная беда. Он никогда не мог предусмотреть все, потому-то в свое время мы и вынуждены были бежать... Ну, да сейчас не об этом. Я наблюдаю за ним второй день. Он чего-то или кого-то ждет. И мне это совсем не нравится.

— Мне тоже, — согласился Роман. — Это предательство?

— Похоже на то, — кивнул головой Кэрль, — так что лучше бы тебе, дружок, немедленно убраться куда подальше.

Роман оторопело уставился на целителя.

— Куда я пойду и зачем?!

— Мне этого знать не стоит. Думаю, туда и затем, куда ты и шел. В конце концов, Эрасти звал тебя, а не целый выводок волшебников, из которых половина метят в боги. Примеро ошибается, когда думает, что знает о нас все. Мы с Тургом не так просты, как кажемся, нам есть чем удивить и его, и тех приятелей, которых он себе нашел. Но это наше дело. Дело Преступивших. А твое дело не здесь и не с нами.

Одной из особенностей Романа было принимать решения немедленно. Он не просто поверил Кэрлю, но всем своим существом понял, что маг прав, зима надвигалась, и нужно было успеть перейти горы до большого снега.

— Вижу, ты согласен, — пробасил Кэрль. — Твои лошадки при тебе. Седлай и вперед. Я не желаю знать, куда ты двинешь, но сделаю так, что до утра о твоём уходе никто не прознает. А может, если все будет так, как надо, и до вечера.

Роман молча взнуздал возмущенно фыркнувшую Перлу. Эльфийская кобылица не то чтоб устала, но настроилась на приятную ночь в обществе Топоза и все еще вкусной травы горного луга. Однако чувство долго возобладало, и Перла покорно позволила навьючить на себя сумки.

— Может быть, уйдем втроем? — вопрос был изначально риторическим, но не задать его бард⁴⁰ не мог.

— Нет, — спокойно ответил Кэрль. — За Примеро нужен присмотр. А ты, если я хоть что-то понимаю, скоро нагонишь Уанна, и вы вдвоем сделаете то, что мы не сделали бы вдесятером. А если не сделаете вы, этого никто не сделает.

Рамиэрль больше не спорил. Спустя несколько мгновений Топаз легким галопом неся к золотым осенним лиственницам, оседлавшим пологий склон ближайшей горы.

Прошло десять дней. Либр не знал, что случилось с теми, кого он оставил, хотя на второй день бегства и уловил всплеск магической энергии в той стороне, откуда приехал. В одном

³⁹ Кастеор — минерал, используемый для изготовления Кристалла Поиска, магического инструмента, применяемого для того, чтобы узнать, не творится ли рядом запрещенная волшба. Кристаллами Поиска снабжались синяки достаточно высокого ранга. Недостатками К.П. являлось то, что они не чувствовали заклинания, произносимые в непосредственной близости от держащего их.

⁴⁰ Барды в Благодатных землях имели очень большое влияние. Очевидно, это шло от старых языческих верований, когда барды были странствующими жрецами-волшебниками. В XXIII веке барды-либры могли исполнять обязанности священника, судьи и заступника. Они обладали правом Открытого Входа и могли оспорить решение любого суда. Впрочем, последнее право использовалось редко.

Роман был уверен — его следы, физические и астральные, были запутаны так добротнo, что обнаружить беглеца можно было лишь по воле случая. Все это было бы просто великолепно, знай он, где Уанн и что ему, Рамиэрлю, сейчас делать.

Глава 4

Эстель Оскора

Я вторую ору сидела на покрытой бархатистой вишневой тканью оттоманке в бывшей спальне Тины и держала за руку Клэра, как мне и было велено. Эльфы приходили и уходили, на нас они смотрели с сочувствием и какой-то опаской. Клэр пребывал в полной прострации — заклятие Астена, видимо, мог снять только сам Астен. Или же родичи художника и Тины полагали, что чем дольше Клэр пробудет в сумеречном состоянии, тем лучше.

Последнюю Незабудку унесли закутанные в желтое⁴¹ женщины ее семьи. Я не представляла, как эльфы обряжают своих мертвецов, но отчего-то мне казалось, что их обычаи не так уж сильно отличаются от наших. Скорбь есть скорбь, и смерть есть смерть, перед ними все равны. Астен куда-то исчез, и я не знала, что делать дальше. Очень хотелось пить... Даже не пить, а выпить вина или чего-то в этом роде, но хозяева ко мне не подходили, позвать же кого-то я не решалась и точно так же не решалась оставить Клэра, хотя рука моя затекла, а в голове шумело.

Я вглядывалась в отрешенное лицо и гадала, что же будет, когда он придет в себя. Они любили друг друга. Я в первый и, возможно, в последний раз видела, как это бывает, когда любовь взаимна и лишена даже налета грязи, лжи, подозрения. И снова причиной несчастья оказалась я. Я, и никто другой. Если бы я пошла с Тиной! Или бы пошла вместо нее, все было бы иначе. Все пошло бы по-другому, и если бы я сразу же послушалась своего внутреннего голоса, а не воевала с собой, упуская драгоценное время, если б заставила Клэра немедленно пойти на поиски Тины... Хотя я не представляла, что опасность грозит именно ей.

Наконец дверь распахнулась, и вошли Астен и Эмзар в непривычном для меня белоснежном, отделанном серебром одеянии. Очевидно, для эльфов это что-то означало, так как все как по команде уставились на своего Правителя. И опять мне почудилось, что Эмзар похож на кого-то, кого я прекрасно знаю, но память предпочитала дразнить меня туманными намеками.

Астен подошел ко мне, высвободил руки Клэра из моих, зачем-то поцеловал меня в лоб и, забыв о моем существовании, повел Клэра за собой. Все или взволнованно следили за ним, или с тревожным интересом оглядывались на спокойно расположившегося у окна Эмзара, за плечами которого стояли два телохранителя с обнаженными мечами — такого я в Убежище еще не видывала. Впрочем, это были их обычаи и их заботы, а я была здесь крошечной чужой. И вообще делать мне в этой комнате было больше нечего.

Я молча вышла из осиротевшего Журавлиного гнезда и побрела по залитой лунным светом тропинке назад к краю Пантаны. После всего этого кошмара мне не хотелось ни сидеть в четырех стенах, ни разговаривать. Об Эанке я не думала, боюсь, в моем мозгу вообще не осталось ни одной мысли, даже самой глупой. Над болотом клубился туман, образуя причудливые фигуры. Пронизанные лунным светом, они казались живыми. Мир был поделен на два цвета. Белый и черный. Черное небо с белой луной. Белое болото с черными провалами незамерзающей воды, над которыми танцевали туманные столбы, черные стволы

⁴¹ В Арции и Таяне цвет траура — темно-зеленый и серый для простолюдинов, бордовый — для дворянства. Цвет траура Волингов — лиловый, у маринеров — белый, у эльфов траурная одежда желтого цвета — цвета увядающих листьев.

деревьев, черные росчерки высохшего тростника и белый, белый иней...

Не знаю, сколько я так просидела. Затем, словно бы из ниоткуда, возник Астен. Видимо, ему тоже не хотелось никого видеть, а я заняла его излюбленное место на стволе сломанного давнишней бурей бука. Принц-Лебедь кивнул мне и, плотнее закутавшись в серебристый плащ, превращавший его в невидимку, уселся прямо на землю в тени ивняка. Мы молчали, да и о чем мы могли бы говорить? Почти полная луна медленно ползла среди холодных звезд. Было до невозможности тихо, а потом раздался легкий шорох, и рука Астена столкнула меня с бревна на припорошенные робким первым снегом смерзшиеся листья. Я ничего не успела толком понять, а эльф уже лежал рядом, прикрывая меня собой. Затем он приподнялся на локте, и тут нас окружило огненное кольцо, отделив от окружающего мира. Ревущее пламя стягивалось вокруг нас. Я повела себя вполне в своем духе, а именно застыла в изумлении и могла только смотреть, как вскочивший на ноги Астен сплетал и расплетал пальцы, что-то выкрикивая. Его усилия увенчались успехом. Лепестки огня перестали тянуться к нашим лицам, они устремились вверх, малиновое свечение сменилось ярко-синим, и мне показалось, что я внутри колодца, стены которого сделаны из раскаленного летнего неба.

Я так и не поняла, сколько мы просидели в огненном плену. Вернее, это я сидела у ног Астена, а он стоял, удерживая огонь на расстоянии, и время от времени ободряюще мне улыбался. Затем пламя вновь стало меняться — передо мной пронеслись все цвета радуги, затем огонь стал белоснежным, как крыло лебедя в солнечном свете, и погас. Мы вновь стояли на поляне на краю болота, но уже не одни. Эмзар и с ним десяток эльфов с беспокойством всматривались в наши лица.

— Все в порядке, — Астен попытался улыбнуться, но когда он сделал шаг вперед, его повело в сторону, и я невольно подхватила его под локоть.

— Вас пытались убить, — Эмзар не столько спрашивал, сколько утверждал.

— Не меня — ее, — Астен кивнул в мою сторону, — за ней, видимо, следили. Я подошел позже, с другой стороны... Они меня не видели, иначе... Иначе не пустили бы в ход это заклятье... Но они его держали долго. Во всяком случае, достаточно, чтоб от нее не осталось даже пепла.

— Что ж, придется вспомнить, кого не было в этот вечер в Доме Журавля. Или кто ушел отсюда сразу же за ней, — Эмзар взял меня за руку. — Идем.

Я повиновалась. Да и что мне оставалось делать. Не появись Астен, я была бы уже мертва, что не было бы такой уж большой потерей для этого мира, если б не развязывало руки, рога, или что там у него есть, Белому Оленю. Так что, как это ни печально, моя жизнь нынче принадлежала не мне, мне же оставалось лишь слушать тех, кто умнее и сильнее.

Я давно так себя не ненавидела. Из-за охоты, которую развязали за мной эти твари, гибли те, кто достоин жизни и счастья, а я даже защитить себя не могла. Тоже мне, Эстель Оскора, «право выбора» и так далее! Что я могу выбрать, когда магии во мне не больше, чем в лягушонке? Я тупо молчала, пока мы шли к Лебединому Чертогу, пока Эмзар и Астен сосредоточенно проверяли всяческие наблюдающие, отпирающие и запирающие заклятия и расставляли стражей. Наконец мы остались одни. В обитой розовым атласом комнате было тепло, даже жарко, а у меня зуб на зуб не попадал. Со стороны это, видимо, выглядело вполне отвратительно, потому что Эмзар плеснул в кубок какого-то зелья, что-то ему шепнул, отчего кубок окутало рубиновое сияние, и велел мне выпить.

Я опять повиновалась. Положительно, в этот вечер я не была способна не только что колдовать или размышлять о том, что творится кругом, но вообще делать что-то осмысленное. Снадобье было горьковатым и пахло чем-то, напоминающим полынь с примесью меда. Дрожать я перестала, зато у меня подкосились ноги, и, буквально упав в подставленное Астеном кресло, я словно бы со стороны смотрела на двоих эльфов, темноволосого и белокурого. Без сомнения, в этот миг решалась моя судьба, но мне было как-то безразлично.

— Все же эалиа⁴² на нее, похоже, действует...

— Я поостерегся бы давать ей это зелье, — Астен был явно недоволен. Отец Романа, добровольно взваливший на свои плечи ответственность за дурацкий трофей своего сына, беспокоился о моем бесценном здоровье куда больше, чем я сама.

**2228 год от В.И.
Ночь с 22-го на 23-й день месяца Волка.
Эланд. Идакона**

Поленья весело потрескивали, выстреливая золотистыми искрами. Рене Аррой ногой отодвинул каминный экран и с наслаждением протянул руки к огню. Наконец-то он остался один. Впервые за много ор можно не ощущать на себе тревожные или вопрошающие взгляды, не ловить себя на каждом слове, не убеждать себя и других, что все в порядке.

Врать адмирал никогда не любил. Он не лгал своим женщинам и всегда получал от них что хотел. Он не скрывал правду о своих безумных предприятиях от товарищей, и те шли за ним в огонь и в воду. Даже занявшись политикой, герцог старался быть по возможности честным и с друзьями и с врагами. До поры до времени это себя оправдывало. Именно неприятие лжи и фальши заставляло Рене держаться подальше и от клириков с синяками, и от придворных интриганов всех мастей. И вот теперь на сорок восьмом году жизни он лгал ежечасно, старательно и последовательно.

С тех пор как, кивнув на прощание Рамиэрлю, герцог вскочил на спину Гибу, он ни с кем не мог быть полностью откровенным. Кроме Жана-Флорентина, разумеется. Тот, правда, мог вывести из терпения даже Доминуса Кроткого,⁴³ но зато понимал, в каком положении сейчас находится Эланд да и вся Тарра.

Жаб свято хранил тайну своего существования, даже Максимилиан и старый Эрик ничего не знали о спутнике герцога, прочих же, за исключением Шани Гардани, он и вовсе не ставил ни во что. К сожалению, после истории со снежными птицами Рене так и не удалось пообщаться со своим единственным наперсником — сначала, кривя душой, пришлось обсуждать случившееся с Максимилианом, затем к ним ворвалась засыпанная снегом Белка, затем... Затем было много чего. Покоя не было.

— Наконец-то мы одни, — скрипучей назидательный голосок Жана-Флорентина не вязался со словами, которые Счастливчик Рене привык слушать из уст хорошеньких женщин, и адмирал невольно улыбнулся.

— Не вижу ничего смешного в нашем положении, — немедленно одернул Рьего маленький философ, — смеются над вероятными несчастьями лишь глупцы. Умные ищут выход...

— А нельзя искать выход и при этом смеяться? — поинтересовался адмирал.

— Нельзя, — отрезал жаб, — смех сродни надежде — отвлекает от того, что надлежит сделать немедленно. Ты, вероятно, хочешь знать, что за создания нас посетили, когда я был вынужден обжечь тебе руку, чтоб ты соизволил обратить внимание на очевидное?

— Ты очень хорошо ее обжег, — подтвердил герцог, — до сих пор болит — так что это

⁴² Эалиа — настойка из корней эалиаса, или же «лилии забвенья». Сильнейшее успокаивающее и регенерирующее внутреннее средство, обладающее, однако, мощным побочным эффектом, абсолютно разным для рас, населяющих Арцию. Особенно причудливые последствия его применения наблюдаются у существ смешанных кровей.

⁴³ Клирик, неудачно попытавшийся своим примером обратить в лоно Церкви вождей одного из атэвских племен и зверски ими умерщвленный, причем он мог получить жизнь и свободу при условии, что ударит хотя бы одного из своих мучителей. Причислен к лику святых, хотя один из известнейших бардов Арции Конрад Веселый написал на сей счет сатирическую поэму еретического плана, утверждающую, что на самом деле такого дурака, как Доминус, не было и быть не могло.

были за птицы?

— Буранки, — пренебрежительно махнул лапой жаб, — совершенно безмозглые и безответственные создания. К сожалению, зимой в этих краях большинство Хранителей, обладающих хоть какими-то зачатками разума, впадает в сон. Даже Хозяева, и те надолго засыпают. Так что поневоле приходится обращаться к таким вот вертлявым и ненадежным существам. Вероятно, Матушка, прежде чем удалилась на зимний отдых, договорилась со Снежной Владычицей о помощи, хоть это, скажу я тебе, еще та особа. Гордости немерено, а толку чуть.

— Не отвлекайся...

— Буранки — это что-то вроде пылевичков, они летают везде, только не соображают ничего. Ну принесли они нам Гончую, сумели ее как-то закружить, но ведь нужно еще было объяснить, где и как ее изловили, была ли она одна или с Охотником... Перечислять, что они ДОЛЖНЫ были сделать, можно до вечера. А они нам предъявили останки, которые...

— Погоди-погоди, — перебил разошедшегося советчика Рене, — я не знаю, ни кого ты называешь Охотниками, ни что у них за гончие...

— А этого никто не знает, — с апломбом ответил Флорентин — жаб патетически вздохнул, — но они существуют, и это очень плохо. А что они появились здесь и сейчас, это еще хуже...

**2228 год от В.И.
Ночь с 22-го на 23-й день месяца Волка.
Пантана. Убежище.**

— Вам придется воспользоваться магией, трясинники на снегу оставляют слишком заметные следы, да и в эту пору на них нельзя положиться, они просто спят на ходу, — Эмзар озабоченно потер переносицу, — видимо, это не последний раз, когда тебе придется прибегать к магии.

— Но и не первый, — откликнулся Астен, — похоже, пора вспоминать то, чему нас когда-то обучили из любви к традициям.

— Жду тебя назад не позже чем через пять кварт, — Эмзар строго сверкнул глазами на брата, — ты нужен мне ТУТ, запомни это.

— У меня хорошая память, — спокойно откликнулся младший, — но пока меня не будет, я хотел бы, чтоб рядом с тобой был Клэр... Ему сейчас тяжело.

— А я ему предоставлю достойное развлечение? — Эмзар невесело рассмеялся. — Но вообще-то ты прав. Его нельзя оставлять одного, но и меня тоже. Одиноким правитель — мертвый правитель, особенно в эпоху великих перемен. И все равно не задерживайся у Архипастыря и не волнуйся — о Герике он позаботится лучше, чем кто бы то ни было.

— Человеческая Церковь прекрасно умеет убивать, — пожал плечами Астен, — не хуже, чем наши вельможи...

— И она же великолепно умеет прятать концы в воду, — взгляд Лебединого владыки стал каким-то странным, как будто он припомнил нечто, известное лишь ему, — как бы то ни было, мы своего обещания выполнить не смогли. Сохранить жизнь Герике нам пока удалось, но третий раз мы можем не успеть. Не сомневайся, мысль отправить ее в Кантиску единственно верная, но мне не нравится, что с ней идешь именно ты.

— Не нравится, потому что я тебе сказал про Эфло д'огэр? Но ты не хуже меня знаешь, что расстояния и предосторожности в этом случае не спасают. Единственное средство — пойти навстречу судьбе, тогда, возможно, удастся опередить ее и нанести удар первым.

— Наша мать, видимо, так и поступила. И исчезла. Астени, я никогда не говорил тебе, что ты для меня значишь?

— Не говорил, — Астен через силу улыбнулся, — но ведь и я тебе не говорил. А теперь мы можем считать, что все нужное сказано. Герика с Клэром?

— Да, он должен провести ее до берега.

— Похоже, — Астен взглянул на расшитое звездами небо, — они уже на месте. Пора.

Эмзар согласно кивнул. Провожать Астена он не пошел — место правителя было здесь, в показавшемся вдруг бесконечно пустом и холодном чертоге. Он должен был прикрыть уходящих Завесой Забвения, упрятав их следы в Синей Тени, и не мог позволить себе увидеть собственными глазами, как его единственный брат исчезает в лунном свете вместе со своей тревожной спутницей. Эмзар догадывался, что Астен вряд ли вернется, но не в его силах было что-либо изменить. Местоблюститель Лебединого трона подавил вздох и склонился над мерцающим синим кристаллом — сегодня ему потребуется все его умение...

2228 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Волка.

Таяна. Гелань

Осень наконец устала сопротивляться неизбежному и отступила, оставив обглоданный бешеными ветрами город на милость победительницы-зимы. Снег повалил около полуночи, торопливо заметая насквозь промокшие улицы, черные взлохмаченные деревья, шпили иглечиев, черепичные крыши домов.

Снег падал на окрестные холмы и взгорья, таял в темной воде пока еще не собиравшейся замерзнуть Рысьвы, оседал на могучих башнях Высокого Замка. В тревожном свете фонарей крупные хлопья снега отливали оранжевым. Казалось, они стоят на месте, а сам замок со всеми его обитателями, страстями и тревогами оторвался от надежной земли и неудержимо взлетает вверх, чтобы в конце концов вновь упасть на землю, обратившись в беспорядочную грудку камней и похоронив под собой своих безумных хозяев...

Именно такие мысли одолевали Ланку, следящую за снегопадом из окна опочивальни. Принцесса сидела на подоконнике, закутавшись в расшитую райскими птицами арцийскую шаль. Дочь Марко с детства любила наблюдать за танцем снежных хлопьев, но на этот раз они пугали. Она, никого и ничего не боявшаяся, в последние месяцы поняла, что такое страх. Нет, Илана боялась не своего мужа, не его бледных прихвостней, не молчаливых стражей-гоблинов. Этих она, пожалуй, даже любила. Она боялась будущего — весны, которая несла войну, неизбежного выбора, который ей предстоял, встречи с Рене и того, что она может никогда больше его не увидеть, так что последним воспоминанием о ее отчаянной горькой любви будет презрение и равнодушие, застывшее в голубых глазах.

Днем Илана превосходно играла роль жены регента, хозяйки Высокого Замка. Ночами же она, если только ее не посещал супруг, что в последнее время случалось, к счастью, не столь часто, просиживала на окне, вглядываясь в тревожную темноту, и думала, думала, думала...

Если бы ни Уррик, ей было бы совсем одиноко, так как любимцам Михая она не верила, а те таянские нобили, кто, спасая свои жизни и состояния, вынужденно оставались при дворе, не верили ей. Более того, они, так же как и старые слуги, в глубине души презирали и ненавидели предательницу. Уж в этом-то Илана не сомневалась. Днем ее это не волновало. Она была высокомерна и смела, а вызвавшие ее гнев долго жалели о своей неосторожности, но ночами, оставшись наедине с собой и вспоминая Высокий Замок таким, каков он был при отце и братьях, Ланка начинала ненавидеть себя едва ли не сильнее обитателей служебных дворов.

Единственный, кому она верила до конца, был Уррик. Он стал ей необходим не просто как послушное орудие или неутомимый нежный любовник, а как близкое существо, рядом с которым становится не так холодно и одиноко. Неожиданно все то, что она говорила молодому гоблину, приручая его, оказалось правдой. В полной мере Илана поняла это, отправив Уррика в Эланд. Первые несколько дней она вроде и не замечала его отсутствия, думая лишь о том, удастся ли ему передать письмо и что ответит Рене. Затем ее стала одолевать неясная тревога, и в одну прекрасную ночь принцесса поняла, что главное для нее, чтоб он вернулся.

Даже если ему не удастся ничего сделать, пусть возвращается живой и здоровый! И он вернулся. Уррик мало рассказывал о своих похождениях, да она и не расспрашивала. Главное, что письмо в Эланде, а Шандер Гардани жив. Последнее известие Ланку одновременно и испугало и обрадовало. Она всегда любила Шани и не забыла, как тот бросился ее защищать. Если бы она тогда уехала с... — как же звали того лейтенанта? Ласло? — все могло бы сложиться иначе. Но с другой стороны, если Шандер узнает про Мариту, про то, как она... В его глазах наверняка отразится то же безмерное удивление, постепенно сменяющееся отвращением, что и у Рене.

Принцесса постаралась выбросить из головы эти мысли, но они оказались сродни сорняку-ползучнику, который если уж завелся в огороде — пиши пропало. Известить его без магии нельзя.

Известно, что мужчины чаще всего топят сомнения и недовольство собой в вине, а женщины — в занятиях любовью. Пылкость, с которой Ланка отвечала на страсть Уррика, вознесла последнего на самую высокую гору наслаждений. Он был слишком счастлив, чтобы рассуждать о грехах или бояться возмездия. Ланка, к сожалению, не была столь простосердечна, и в ее голову все время заползали тяжелые мысли, а в сердце — страх перед будущим. И все равно она раз за разом открывала потайную дверь, потому что пожертвовать близостью Уррика была не в состоянии.

Колокол на ближайшей башне отзвонил четвертую ору. Стало быть, муж сегодня не придет. Даже когда он вламывался к ней пьяным или взбешенным, он никогда не делал этого между четвертой и седьмой орами. В это время он занимался какими-то своими делишками, о которых Илане до сих пор ничего не удалось узнать. Она же проводила это время с Урриком, если тот в это время не стоял в карауле. Сегодня гоблин был свободен и наверняка уже ждал ее.

Женщина легко соскочила с высокого подоконника, задула свечу на окне — если что, Уррик будет знать, что она уже идет, и решительно открыла дверь. По крайней мере, в ближайшие мгновения она забудет все эти лезущие в голову глупости.

2228 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Волка.

Пантана. Убежище

Было еще темно, когда три фигуры в мерцающих, подобно инею, в лунном свете плащах оказались на окраинах Пантаны. Кстати повалившийся крупный снег сшивал небо и землю торопливыми неряшливыми стежками. На открытом месте наверняка начиналась немалая метель, но в лесу пока еще было тихо — густые ветви сдерживали ветер.

— Странно, вы уходите в первый день Истинной Зимы, — тихо сказал тот, что был повыше, — по-моему, это означает...

— Это ничего не означает, — откликнулся второй. — Время примет кончилось. Они хороши, когда все идет, как заведено от века.

— И все-таки, Астен, — первый, казалось, вернулся к прерванному разговору, — подумай еще раз. Мне в Убежище делать нечего. Мне там каждое дерево напоминает о беде. А без тебя Эмзар остается как без рук... для всех будет лучше, если с Геро пойду я.

— Нет, Клэр, — названный Астеном говорил тихо, но уверенности в его красивом голосе хватило бы на десяток кардиналов, — ты должен остаться и пережить свою боль. Только тогда ты станешь тем, кем должен стать. И потом, ты пока еще не знаешь того, что знаю я, а мы не можем рисковать Герикой. В Убежище за ней охотились одни, за его пределами найдутся другие. Я не удивлюсь, если они уже где-то рядом и, несмотря на всю магию Эмзара, нам придется драться. Я пока еще лучший боец, чем ты, — Дом Розы всегда славился боевой магией, и я похож на своего сына, к которому внешний мир привык, а твоя внешность неизбежно повлечет пересуды. Держать же изменяющее ее заклятие — значит скрываться от людей, но криком кричать магам о том, что кто-то творит Запретную

волшбу... Нет, Клэр, идти должен я.

— Но почему, — впервые подала голос женщина, — почему Клэр не может идти с нами, если ему тяжело оставаться в Убежище?

— Потому что, — Астен вздохнул, — кто-то должен быть рядом с Эмзаром, а Клэри единственный, кому я могу верить до конца. Он не мог убить Тину, а значит, покушаться на тебя.

— Я поняла, — кивнула головой женщина, — будем прощаться.

Все трое откинули капюшоны, подставив лица падающему снегу. Слов не было. Клэр бережно поднес к губам руку женщины, а она в свою очередь провела тонкими прохладными пальцами по бледной щеке эльфа и, закутавшись в плащ, отошла в сторону. Мужчины, оставшись одни, какое-то время стояли и смотрели друг на друга, а затем обнялись совершенно по-человечески, после чего Астен быстро зашагал вслед за Герикой. Клэр долго смотрел им вслед, потом стряхнул снег с плаща и медленно побрел в Убежище.

2228 год от В.И.

**Ночь с 22-го на 23-й день месяца Волка.
Фронтера**

Лупе была рада снегопаду — теперь никто не заметит, что кто-то сошел с тракта и направился в сторону болот. Еще летом такая предосторожность всех бы только рассмешила — граница между арцийской Фронтерой и Таяной существовала лишь в головах монастырских картографов, а местные жители ходили туда и обратно, когда хотели. С купцов, конечно, пошлину брали, не без этого, но только в городах, а поскольку дальше Таяны была только Тарска и Последние горы, то поборы за провоз по таянским дорогам не взимали. Потому и застав никаких не строили уже давно — с тех самых пор, когда Таяна доказала свое право быть самостоятельным королевством, а Арцийская империя одряхлела настолько, что отдала свое восточное приграничье на попечение местных баронов в обмен за номинальное признание ими власти императора.

Теперь же Михаю зачем-то понадобилось закрыть границу, и, надо отдать ему должное, сделал он это быстро и умело. Нечего было и думать выбраться из Таяны по тракту или даже по лесу. Тарскийские стражники со свирепыми горными псами быстро отучили местных жителей ходить в гости «на ту сторону». Существовало, правда, одно исключение — в Кабаньи топи подручные Михая не совались. Да и незачем было. Непроходимые трясины, куда даже местные жители в летнюю сушь не рисковали забираться, сторожили границу не хуже самых свирепых воинов. В канун же зимы после осенних дождей туда мог пойти только безумец или самоубийца.

Именно на этом и строился план Лупе. Переодевшись странствующим школяром, женщина то пешком, то на попутной подводе добралась до городка, расположенного в половине дна от границы, где и выяснила, что дальше к западу отправляться можно, лишь заручившись разрешением начальника гарнизона и нового городского клирика. Добывать их Лупе не собиралась. Да и попутчиков в это время года найти было невозможно. Гремиха была непроходима до весны, а в приграничных селах дел ни у кого не было. Так что неусыпная бдительность стражников выглядела по меньшей мере странно. Караулить было нечего, а они караулили, да еще с невиданным даже по летней поре пылом! Нечего было и думать в один прекрасный день выйти из города и отправиться к Гремихе или же Кабанным топям. Маленькая колдунья устроилась на почти пустом постоялом дворе — когда-то приносивший неплохой доход, теперь он терпел сплошные убытки — и стала ждать подходящего вечера.

Два дня прошли в изматывающем выслушивании сетований хозяина на лихие времена, наконец дождь сменился долгожданным снегом, и Лупе поняла, что пора. Выбравшись из города еще до наступления темноты, она провела несколько часов в заброшенном сарае и, убедившись, что большинство огней погасли, перешла тракт и, как могла быстро, зашагала к

лесу, плавно переходящему в великое болото, зная, что к утру снег скроет все следы.

Лупе, разумеется, не надеялась, что сможет преодолеть топь, которую в этом месте совсем не знала. Бросаясь в свое безумное предприятие, ведунья сделала ставку на местных Хозяев. Если они вспомнят женщину, сопровождавшую летом Рамизрля и Рене, они ее переведут через болота. Затем она найдет отдых и лошадь в Белом Мосту. Дальше она пока не гадала, но твердо знала, что в селе не останется. Начиналась война, и нужно было что-то делать. Чтобы отомстить за Шандера. Чтобы оправдать свое существование. Чтобы не сойти с ума...

**2228 год от В.И.
Утро 23-го дня месяца Волка.
Пантана**

— Мне кажется, за нами кто-то идет. И довольно давно.

— Может быть, Клэр все же решил пойти с нами?

— Нет, он обещал охранять Эмзара, а Дом Журавля верен слову чести. К тому же это не эльф... И, пожалуй, не человек... — Астен остановился у необъятного каштана, так, чтобы Герика оказалась между стволом дерева и его спиной. Деревья, особенно старые каштаны, сосны и березы, могут защитить от достаточно сильной колдовской атаки. Не говоря уж об ударе мечом или стреле. За себя Астен не опасался. В мире было не так уж много магов, способных с ним потягаться, да и легкий меч, который он захватил с собой, в руках принца-Лебеда превращался в грозное оружие.

Герика спокойно встала там, куда ей было велено. Если она и испугалась, то не подала виду. Впереди была узкая ложбина, по которой летом наверняка тек ручей. Теперь же она сияла девственной белизной. Темное грузное небо только подчеркивало нетронутость снега.

— Было бы обидно получить стрелу в спину в таком приятном месте, — прошептал Астен, — ты ничего не чувствуешь? — спросил он с надеждой, вспомнив, как Герика предугадала убийство Тины.

— Нет, — шепотом откликнулась тарскийка, — ничего. По крайней мере, ничего опасного. Напротив, мне кажется, сейчас случится что-то очень славное.

— Вот как? — отозвался ее спутник, снимая руку с эфеса меча. — Постой все же тут, — и эльф, протянув вперед руки с раскрытыми ладонями в древнем, как сама Тарра, мирном жесте, сделал шаг от спасительного ствола... Герика с интересом, но без какой бы то ни было тревоги наблюдала за ним. Вскоре ветви можжевельника, окружавшего тропу, зашевелились, и оттуда вышла огромная рысь в роскошном зимнем наряде. Зверь с достоинством уселся на тропе, совсем человеческим жестом приподняв переднюю лапу.

— Преданный! — в голосе Астена был не вопрос, а утверждение. — Он, видимо, ждал тебя здесь всю осень. Ты ведь все еще носишь браслет?

— Да, — кивнула женщина, выходя из своего укрытия.

Рысь сидела неподвижно, не сводя желтых тревожных глаз с подруги Стефана. Собака на ее месте принялась бы суматошно прыгать, оглашая окрестности восторженным лаем, Преданный же продолжал сидеть как изваяние, пока Герика не опустилась перед ним на корточки, робко коснувшись пятнистой шкуры.

— Ты знаешь, я ведь его почти забыла... Мне казалось, у меня, кроме Романа и вас троих, нет никого... А он меня искал. Знаешь, если это магия, давай его отпустим, пусть идет в свой лес... У него ведь наверняка была своя жизнь.

— Боюсь, это невозможно. Преданных освобождает только смерть. И потом, они довольно быстро становятся в чем-то подобны своему господину. Эта рысь уже не совсем зверь... Она понимает куда больше самого умного пса или коня.

Астен присел рядом с Герикой.

— Я ее друг. Так же, как и ты. — Точеная рука эльфа легла на голову дикого кота, тот на мгновение зажмурился, потом издал короткий хриплый звук и извечным кошачьим

жестом потерся пушистым плечом о куртку Астена.

— Значит, ты меня принимаешь? Мы с тобой должны отвести ее туда, где она будет в безопасности. Если со мной что-нибудь случится, это сделаешь ты.

Они никогда потом об этом не говорили, но и Герике и Астену показалось, что Преданный кивнул.

**2228 год от В.И.
Ночь с 25-го на 26-й день месяца Волка.
Пантана. Убежище**

Тихо-тихо падал снег. Невесомые сверкающие пылинки совершали церемониальный танец в длинных полосах лунного света, превращая его в ожившее кружево. За окном царил зимняя ночь во всем своем безжалостном великолепии, а в Зале Первых Фиалок пылал камин, и на столе в кубках дымилось подогретое вино.

В креслах у огня сидели двое и тихо разговаривали. Это был бесконечный разговор, который могут вести только живущие одними страхами и надеждами. Местоблюститель Лебединого трона, старший сын последнего эльфийского владыки Эмзар Снежное Крыло вел неспешную беседу со своим новым советником Клэром Утренним Ветром. С той ночи, когда погибла Тина, а Герика с Астеном ушли в никуда, Клэр оставался в Лебедином Чертоге. Его родичи, опасавшиеся за рассудок и жизнь художника, постепенно успокаивались — правитель заставил Клэра загнать в самые отдаленные уголки души боль от потери и взяться за неотложные дела, от которых, возможно, зависели судьбы мира. О чем они говорили, никто не знал — разрушить защиту, которой отныне окружил себя Эмзар, было по силам разве что великим магам древности. Еще недавно доступный всем и каждому Лебединый Чертог превратился в зачарованную крепость. В Убежище это, однако, восприняли как должное.

После смерти Тины эльфы, словно бы очнувшись от тысячелетней летаргии, соизволили посмотреть вокруг и обнаружили, что мир готов рухнуть. Древние и при этом вечно юные создания оказались к этому не готовы. Кроме, пожалуй, правителя, как-то сразу взявшего все в свои руки. Эмзара слушали — ведь когда наступает час решения и час действия, мало кто готов взять груз на себя.

Нашлись, разумеется, и такие, кто считал, что Эмзар должен сделать все, чтобы увести свой народ из обреченной Тарры, но поскольку сами они не представляли, как это можно сделать, то и требования их звучали достаточно вяло. Что думал сам Эмзар, не знал, пожалуй, никто, но вид у принца был такой, словно ему все ведомо и он ко всему готов. Это успокаивало. Но, к несчастью, уверенность старшего из Лебедей была умелой игрой. Эмзар не представлял, ни что ему делать дальше, ни чем все может кончиться. Всю тяжесть положения знали только он и Клэр, и, похоже, именно это знание и спасало последнему жизнь и рассудок.

Этот вечер обещал стать одним из тех, когда собеседники в тысячный раз перебирают уже известное в надежде отыскать хоть какой-то просвет, но судьба в лице молодого воина из Дома Ивы уже маячила на пороге.

— Правитель, — Ариэн Нарсиэль учтиво склонил голову. — Вас желает видеть жена Вашего брата.

— Проведи ее в малый кабинет, — ответил Эмзар, на лице которого не дрогнул ни один мускул. Но когда воин вышел, он, подбросив в огонь несколько еловых шишек, задумчиво добавил: — Не знаю, что ей может понадобиться, но радость эта встреча нам вряд ли принесет.

— Нам? — удивился Клэр. — Но я вовсе не хочу ее видеть.

— Нам, — подтвердил правитель, — я понимаю, что она мать Эанке. Но именно поэтому нужно ее выслушать.

Клэр больше не возражал. Вдвоем они поднялись по обвивающей белоснежную

колонну пологой лестнице в башенку, где и был расположен Малый кабинет, в котором Правитель предпочитал вести доверительные беседы и который, как и Зал Первых Фиалок, был теперь окружен особой защитой. Нанниэль уже ждала их и порывисто поднялась им навстречу. Зная невозмутимость своей красавицы-невестки, Эмзар понял, что произошло что-то необычное и скорее всего неприятное.

— Садитесь, — он поцеловал тонкую, унизанную перстнями руку, — как я понимаю, что-то произошло.

Нанниэль выразительно посмотрела в сторону Клэра, но Эмзар не позволил ей и рта раскрыть:

— Дорогая, Клэр со вчерашнего дня любезно согласился стать моим Одро,⁴⁴ у меня от него не может быть тайн.

Водяная Лилия присела в классическом реверансе, но выражение ее лица не отвечало требованию даже самого незатейливого этикета — губы женщины дрожали, под глазами чернели круги, из всегда безукоризненной прически выбилась вороная прядь, падающая на белоснежную шею, но это Нанниэль, похоже, не тревожило. Взглянув в глаза деверю, она произнесла отрывисто и четко:

— Она ушла.

— Кто? — спокойно уточнил Эмзар, хотя в ответе не сомневался.

— Моя дочь и ваша племянница. Я обнаружила это лишь сейчас, когда зашла к ней. Она взяла свои артефакты, оружие и... — тут голос Нанниэли дрогнул, — драгоценности Дома.

— Она оставила письмо? Когда она ушла? Одна или с кем-то? — Эмзар говорил спокойно, но на душе у него было гадко и становилось все гаже.

— Она не оставила ничего, что могло бы объяснить ее намерения, — почти прошептала жена Астена, — ушла же она прошлой ночью. Вместе с Фэриэном и четырьмя воинами из его Дома.

— Что ж, Ниэ, — правитель коснулся ее руки. — Вы рассказали все, что знали, а теперь идите и отдохните.

— Но, — она вскинула на него измученные, но от этого еще более прекрасные глаза, — но я не знаю, что она может совершить. Она... Боюсь, она безумна...

— Идите домой, — повторил Эмзар, — а я буду думать. И действовать. Это мое дело. Идите, Ариэн вас проводит.

Нанниэль торопливо подобрала тяжелые юбки и, не оглядываясь, вышла, почти выбежала, а Эмзар повернулся к Клэру.

— Вот и началось.

— Что ты намерен делать?

— Для начала прочесать остров. Если у них хватило глупости его покинуть, надо сделать так, чтоб они не смогли вернуться.

— Выходит, ты рад, что она ушла? — не поверил своим ушам Клэр.

— Я рад. И одновременно я в ужасе, — Эмзар задумчиво повертел в руках изящную подставку для перьев, а потом бросил ее на стол, да так неудачно, что ни в чем не повинная вещица свалилась на изысканный золотистый ковер, — как правитель я до безумия рад, что эта змея избавила нас от своего присутствия и утащила с собой своего сподвижника. Останься они тут и начни разговоры о том, что эльфам нет дела до остальных, что мы должны спасать себя и так далее, у нас могли бы быть крупные неприятности. Но я боюсь, Клэр... Они ведь не просто так ушли. Они замышляют убийство.

— Но... Я не понимаю...

— Неужели ты не понимаешь, что Тина, — Клэр при звуках этого имени вздрогнул, как

⁴⁴ Одро (Сотро, Зотро) от эльф. «другой». Звание, которое носит наперсник, доверенное лицо владыки. Звание это не является придворной должностью или титулом и принимается только с согласия будущего одро, который заявляет о том, что готов разделить судьбу своего господина и друга, какой бы она ни была.

от удара, — Тина была убита по ошибке. Ей нужна Эстель Оскора, уж не знаю, сама она дошла до этой мысли или кто присоветовал, но они бросились в погоню. А я отпустил их с Астеном вдвоем!!!

— Великий Лебедь! Я так хотел пойти с ними, — простонал Клэр, — но, может быть, еще не поздно!

— Поздно, Клэр. Эанке опередила нас больше чем на сутки. Гнаться за ней почти бессмысленно. И потом, ни ты, ни я не можем покинуть Убежище, а открыть тайну кому-то еще... Я не уверен, что моя племянница увела с собой всех своих сообщников.

— Но Астен ваш брат.

— Да. А Герика его Эфло д'огэр, — Эмзар сжал кулаки, — и все равно я вынужден предоставить их самим себе. От нас тут ничего не зависит. Может быть, их не найдут. А если найдут, то справиться с Астеном непросто. Да и судьбу Эстель Оскора вряд ли кто может угадать. Они вступили на свою дорогу, и они пройдут ее до конца, а как и когда он наступит, нам знать не дано.

— Хорошо, — вздохнул Клэр, — пусть будет так. А что будем делать мы?

— Готовиться к походу.

— Ты хочешь сказать?..

— Я хочу сказать, что весной вспыхнет война и клан Лебеда примет в ней участие на стороне Эланда и Кантиски.

Эстель Оскора

Мы шли уже почти кварту. Я, Астен и нашедший нас Преданный. Впереди меня ждало туманное гостеприимство Его Святейшества, позади остался кто-то, желавший моей смерти, а я была почти счастлива, живя лишь сегодняшним днем. Мои спутники, похоже, разделяли мое настроение. Иногда мы начинали резвиться в снегу, как щенки или, учитывая природу нашего третьего товарища, как котята. Дорога не была трудной, так как Астен прихватил с собой множество волшебных мелочей, сводивших неудобства нашего похода на нет. Хватало и взятой в Убежище питьевой воды, тем более Преданный взял на себя обязанность снабжать нас зайцами и рябчиками, каковых и добывал по ночам с удивительной ловкостью. Занятно, но он явно предпочитал испеченное на углях мясо сырому.

Шли мы быстро, но эльфы, похоже, забрались в один из самых диких уголков Пантаны. Кроме нескольких лесных деревушек, которые мы обошли десятой дорогой, следов человека не наблюдалось. Зато зверья было в изобилии. Однажды мы нарвались на танцующих под луной волков, которые нас то ли не заметили, то ли не обратили внимания, а вот я навсегда запомнила их грациозные прыжки в лунном сиянии. Мне внезапно захотелось стать волчицей и всю жизнь бегать плечом к плечу со своим волком по заснеженному лесу, загонять для него дичь, ощущая на губах солоноватый привкус крови, и не думать ни о чем...

— Что с тобой? — Астен тряс меня за плечо с озадаченным видом, я в ответ только рассмеялась. Он подумал и присоединился ко мне. Мы смеялись, как два дурачка, вдали пели волки и светила полная луна. Я хорошо помню эту ночь, потому что она оказалась последней спокойной. Мы долго сидели у костра, разговаривали ни о чем и обо всем. Я узнала о том, что Астен однажды уже покидал Убежище, что он никогда не был счастлив с Нанниэлью, которая его, видимо, также никогда не любила. Лебедь говорил много, лихорадочно быстро, словно боялся чего-то недосказать. Преданный ушел на охоту, мы были совершенно одни. И внезапно я поняла, что безразлична этому бессмертному красавцу. Нет, он не сказал мне ничего и вместе с тем сказал все. Если мужчина начинает исповедоваться перед женщиной, это значит, что он или выпил, или эта женщина ему нужна. А чаще всего и то и другое...

Вернулся Преданный, волоча за собой молоденькую косулю. Жизнь жестока по определению, но в дикой жестокости нет грязи, подлости, предательства. Преданный от рождения был наделен правом убийства, так же как его жертвы изначально получали право

на трусость, ибо для них трусость была единственным щитом против когтей и клыков.

Но те, кто по уверениям Церкви получили от Творца бессмертную душу, все запутали. Эльфы тут оказались ничуть не лучше людей. Может быть, красивее, умнее, изначально одареннее, но проклятие выбора, цели, средств, совести они несли так же, как и мы. Поэтому мы могли понимать друг друга, а значит, ненавидеть. Или любить...

Любил ли меня Астен? Любила ли я его? Пока еще нет, но, если наше путешествие продлится, может случиться все, что угодно. Впрочем, до Кантиски было не так уж и далеко. Скоро мы должны будем выбраться на тракт, где можно найти лошадей. И придется решать, как быть с Преданным, который в Святом Граде был бы весьма неуместен. Но пойдет ли он в Убежище с Астеном?

— Вряд ли, он должен быть с тобой, — то ли я думала вслух, то ли мы думали об одном и том же...

— Должен?

— Ты носишь браслет Стефана. Его единственный долг защищать тебя.

— А я не могу его уговорить пойти с тобой?

— Нет. Он умнее любого зверя, но он еще не человек. Он знает только свой долг и будет ему следовать.

Мы помолчали. Разговор не клеился. Так всегда бывает, когда неотложных дел нет, а говорить ни о чем, думая о слишком многом, — значит лгать. То же, что было у меня на душе и, возможно, у Астена, казалось столь неуместным, что мы не могли себе позволить заговорить об этом. Костер горел, звезды медленно ползли по небу, зима правила свой бал. Засыпали подо льдом реки, увязали в снегу деревья, становились непроходимыми горные перевалы. Зима давала передышку всем...

— Астен, — окликнула я своего спутника, и тот немедленно вскинулся, словно ждал моего вопроса, — как ты думаешь, что я в сущности такое? И что я должна сделать?

— Я не знаю...

— Я не спрашиваю тебя, что ты знаешь, — внутри меня неожиданно поднялась какая-то веселая злость, — я хочу знать, что ты думаешь.

— Что я думаю, — эльф повторил мой вопрос, видимо собираясь с мыслями. — Я думаю, это твой жребий, и ты должна его нести, пока можешь. И даже дальше. Я пытался отыскать в тебе какую-то необычную Силу, Герика, и не смог. Но это вовсе не значит, что ее нет. Она может пробудиться, когда ты столкнешься с магией сущностей, которые хотели подчинить тебя своей воле. Или когда тебе будет грозить опасность, или когда ты, сама того не зная, вдруг выполнишь какое-то условие.

— Но когда на нас с Тиной напала Эанке и там, у Пантаны, я ничего не смогла...

— Меня это удивляет, но магия Прежних⁴⁵ нам известна очень плохо. Может быть, чары, которыми пронизано Убежище, ее гасят. Ведь когда-то приведшие нас в этот мир Светозарные уничтожили прежних его хозяев, а значит, дарованная ими магия может свести на нет «подарок» Оленя.

— Тогда почему вы его боитесь?

— Потому что он плоть от плоти этой земли, а мы лишь пришельцы, причем неразумные пришельцы, — с нарочитым смешком откликнулся Астен. — Но давай лучше поговорим о тебе. Ты спокойно обращаешься с нашими поделками, в каждую из которых вложена магическая сила, ты уже освоила парочку заклятий. Это значит, что у тебя есть способности к волшебству и то, что ты нам не враждебна.

— Но откуда?.. — я не договорила, но Лебедь все понял.

— Эльфийская магия, смешанная с магией талисмана Проклятого, оказалась смертоносной не для тебя, а лишь для того существа, которое ты носила в себе. Это оно было

⁴⁵ Прежние — сначала эльфы так называли Первых богов Тарры, а затем это слово стало обозначать все и всех, имеющих отношение к Первым богам.

воплощенным Злом. Ты же скорее всего можешь стать и Злом, и Добром, и зависит это лишь от тебя. Большого не знаю и, наверное, не хочу знать.

**2228 год от В.И.
Раннее утро 4-го дня месяца Звездного Вихря.
Большой Корбут**

Солнце еще не показалось над зубчатым горным гребнем, но света, чтобы провести коней по узкой горной тропе, Рамизрлю хватало. Хвала Великому Лебедю, дорога для лошадей еще годилась. Топаз шел спокойно, но Перла упрямылась, и Роману все чаще приходилось останавливаться и уговаривать кобылицу сделать еще шаг.

— Честное слово, дорогая, — не выдержал наконец эльф, — я начинаю подозревать, что в твоём роду был осел. — Перла обиженно повела ушами, но с места все же сдвинулась.

Зимнее утро в Корбутских горах выдалось красивым, но неуютным. Было очень ясно и очень холодно, и Роман знал, что чем выше они поднимутся, тем будет холоднее. Собственно говоря, настоящий подъем он начал вчера, а до этого петлял по долинам рек и ручьев, стараясь отыскать для перехода место поудобнее. Прав ли он оказался в своем выборе, покажет самое ближайшее будущее. Пока тропа, по которой они шли, была вполне проходимой и вела в нужном направлении, но вот от Уанна по-прежнему не было ни слуху ни духу, хотя Рамизрль не сомневался — когда маг-одиночка сочтет нужным, он его отыщет. Пока же нужно подчиниться зову кольца и идти вперед.

Если не начнутся зимние вьюги и не придется бросить лошадей, то путь через Большой Корбут отнимет дней двадцать пять, после чего они окажутся в тех самых Ларгах, про которые много наговорено и написано, но толком ничего не известно. Кроме того, что туда ушел и там сгинул Эрасти Церна, а Циала смогла вернуться. Ну а если за первой горной цепью встанут вторая и третья, а некоторые источники утверждали именно это, то ему придется в горах зазимовать, снегопады отрежут дорогу не только вперед, но и назад...

Громкий лай оторвал эльфа от ставших привычными мыслей и расчетов. Оскорбленная собачьей неучтивостью Перла пронзительно заржала. Уже почти рассвело, и эльф видел не красноватую ауру живого смертного существа, а самого пса. Это было очень крупное животное, размерами сравнимое с эландским волком. Светлая, с бежеватым отливом шерсть, пушистая и густая. Темно-коричневые «чулки» и маска на морде. Уши обрублены. Эльф знал, что у некоторых пастушеских племен существует обычай рубить собакам уши, чтоб в них не мог вцепиться волк. Значит, собака пастушья... Это могло быть и хорошо — у горцев можно спросить дорогу, и плохо — если хозяева пса окажутся недружелюбными.

Эльф ожидал, что за первой собакой последуют другие. Если поблизости деревня или стадо, их должна охранять целая свора, но пес был один. Собака подлетела пушистым вихрем. Было видно, что она устала — светлые бока ходили ходуном, язык свешивался из открытой пасти чуть ли не до земли, не скрывая тем не менее отменных клыков.

Эльф стоял спокойно, на всякий случай положив руку на рукоятку кинжала, но пес нападать не собирался. Он даже не стал обнюхивать незнакомца, а лошадей и вовсе проигнорировал. Яростно виляя хвостом и то лая, то тоненько поскуливая, волкодав совершил несколько кругов вокруг Романа, а затем немного отбежал в ту сторону, откуда пришел, и оглянулся, уставившись на барда. Тот продолжал стоять, с удивлением наблюдая за собачьими выходками.

Убедившись в том, что двуногий остается на месте, пес бросился назад, но на этот раз не кружил вокруг, а встал напротив Романа и несколько раз громко пролаял, отступил два шага и вновь подал голос. Роман начал понимать, в чем дело, когда овчарка вновь прыгнула вперед и, вцепившись зубами в край плаща Романа, потащила его за собой.

— Так ты меня куда-то зовешь? — осведомился бард. — Там твой хозяин? Ему нужна помощь? Ну, пошли...

Как только эльф сделал первый шаг, пес опрометью помчался назад, затем остановился,

коротко взлаял, словно бы умоляя поспешить, и вновь кинулся вверх по склону. Дорога была нетрудной, и Роман вскочил в седло — кто знает, вдруг тут и впрямь промедление смерти подобно. Если же там окажутся враги, то четыре ноги лучше двух. Но никаких врагов не обнаружилось.

Не прошло и полуоры, как собака привела всадника к обрыву и, жалобно скуля, застыла на краю. Спрыгнув на землю и зацепив поводья коней за кстати подвернувшийся еловый выворотень,⁴⁶ Роман заглянул вниз. Дно пропасти терялось в тумане, снизу отчетливо доносился грохот потока, но на глубине в три или четыре человеческих роста виднелся небольшой выступ, на котором он заметил мертвую косулю, в горле которой торчала черная стрела. Но главным было не это — на туше зверя неподвижно лежала человеческая фигура.

— Так вот в чем дело, — обратился Роман к собаке, так как больше обратиться было не к кому. — Вы охотились, подбили серну. Та свалилась вниз, твой хозяин полез за добычей и тоже упал. Ты думаешь, он жив?

Волкодав в ответ что-то проскулил, с нетерпением наблюдая за манипуляциями Романа, ковырявшегося в седельных сумках в поисках длинной и крепкой веревки, которая, разумеется, оказалась на самом дне. Видимо, собака прекрасно понимала смысл происходящего, так как больше не пыталась привлечь к себе внимание. Роман осмотрел края пропасти, прикидывая, где бы закрепить веревку. В одном месте он обнаружил след от недавно выпавшего камня. Видимо, именно здесь злосчастный охотник пытался спуститься или неудачно привязал ремень. Так и не найдя подходящей глыбы, Роман решил довериться сообразительности Топаза, не раз выручавшего хозяина в его многочисленных похождениях. Приведя жеребца к обрыву и велев не сходить с места, эльф закрепил конец веревки в кольцо, прикрепленном к седлу в расчете на подобную неожиданность, сбросил плащ и верхнюю меховую куртку и остался в походной одежде из замши.

Спуск с помощью веревки для столь опытного разведчика был делом совершенно заурядным, и вскоре бард стоял на небольшой каменной площадке рядом с распростертым телом. Первым делом он ощупал затылок упавшего и обнаружил, что шею тот, по крайней мере, не сломал. Тело было гибким и теплым, что обнадеживало.

Прикинув, как это сделать половчее, эльф рывком перевернул пострадавшего на спину и чуть не вскрикнул от инстинктивного отвращения — перед ним лежал гоблин. Не так давно Роман на месте бы прикончил мерзкую тварь или, из уважения к собаке, оставил бы валяться и умирать самостоятельно, ибо каждому эльфу известно, что гоблины есть Зло в его чистейшем проявлении и самое их дыхание оскверняет светлый мир Творца. Но после столкновения с Всадниками, разговоров с Рене о встреченных тем эльфам, пошедших по темному пути, и, самое главное, после мимолетного знакомства с Урриком Рамиэрль стал смотреть на Детей Тьмы более благожелательно. Конечно, их грубая звероподобная внешность не могла не отталкивать, но они были такими же разумными существами, как и любая другая раса Арции. Среди них, безусловно, были и жестокие, неумолимые убийцы, про которых со вкусом повествовалось в старинных эльфийских хрониках, но и создания, способные любить и обладающие мужеством и своим кодексом чести, тоже случались. В этом Роман убедился на личном опыте.

Эльф встал на колени и принялся осторожно исследовать тело пострадавшего. Тот, судя по всему, был совсем еще мальчиком. Его лицо еще не украшали обязательные для каждого гоблина длинные висячие усы, да и фигура отличалась юношеской хрупкостью. Закончив осмотр, Роман пришел к выводу, что бедняга здорово ударился головой, хоть ему повезло и тушка косули смягчила удар. Зато нога была явно сломана. Впрочем, и тут могло быть гораздо хуже — суставы были целы, да и перелом был закрытым. Решив, что сначала надо вытащить раненого из пропасти, а потом уже приводить его в чувство, объясняться с

⁴⁶ Выворотень — ветром вывернутое с корнем дерево.

ним и думать, что делать дальше, Роман принялся за дело. Соорудив из конца веревки петлю, бард подхватил ею раненого под мышки, проверил, хорошо ли держится, а затем внимательно оглядел скалу.

Роману доводилось только с помощью двух кинжалов подниматься по сложенным из гладко отесанных камней стенам. Раздираемая же корнями растений, обдуваемая горными ветрами скала изобиловала трещинами, и подняться по ней не составляло никакого труда. Вскоре Роман уже был наверху. Пес было встрепенулся, но, увидев, что Роман один, вновь улегся ждать. Понимал, негодник, что его друга в беде не оставят, а мешать сейчас ни в коем случае нельзя.

Роман еще раз глянул вниз — вроде никаких выступов и нависших камней. Можно поднимать. Топаз, повинувшись голосу хозяина, начал медленно пятиться, веревка натянулась, и неподвижное тело поплыло вверх. Роман лежал на краю пропасти. Свесившись чуть ли не до пояса, готовый каждый миг перехватить веревку или приказать Топазу остановиться, но все сошло благополучно. Подхватив раненого, эльф бережно положил его на загодя расстеленный плащ, куда немедленно перебрался и пес, принявшийся «умывать» бесчувственного хозяина. Эльф немного подумал и спустился вниз еще раз — за косулей. Не пропадать же добру!

Когда он кончил возиться с тушей, спасенный уже пришел в себя и, опираясь на собаку, даже умудрился сесть, хоть лицо его и морщилось от боли.

— Ты говоришь по-арцийски? — Роман старался произносить слова как можно четче и медленнее, но с таким же успехом он мог бы трещать, как сорока. Юный гоблин явно не знал ни одного из известных Роману языков и наречий Арции.

2228 год от В.И.

Раннее утро 4-го дня месяца Звездного Вихря.

Борха. Северо-западный край Пантаны

Высокий, закутанный в белый плащ мужчина в сопровождении двух свирепого вида боевых псов и небольшой охотничьей собаки уверенно шел по лесу. Если бы кто-то, обладающий разумом, проследил взглядом за ночным путником, он бы отметил, что ни он, ни его псы не отбрасывают тени, однако во всем остальном выглядят как существа из плоти и крови. Летом в эту пору уже всюду светило солнце, а остатки ночной мглы воровато заползали в лесные овраги, но в месяц Звездного Вихря эта ора еще принадлежала ночи. Впрочем, луна светила ярко, снег рассеивал ее бледный свет, и было достаточно светло, чтобы находить дорогу.

Ночной охотник двигался очень тихо, не скрипел под его сапогами снег, не шуршали раздвигаемые ветви, но подобраться незаметно к намеченной цели ему все же не удалось. Навстречу бежавшим впереди собакам вышла огромная рысь и встала, нехорошо оскалив клыки. Псы замерли, готовясь к бою, однако хозяин придержал их. Видимо, он решил начать дело с разговора. Воткнув в землю белый посох, увенчанный вырезанной из кости головой оленя с мерцающими в лунном свете опаловыми глазами, Охотник негромко, но властно позвал:

— Герика Годойя! Тебе пора возвращаться!

Ждать ответа долго не пришлось. Высокая женщина в серебристом эльфийском плаще появилась немедленно, словно ожидала зова. Встала рядом с рысью и положила левую руку на холку зверю. Тихий с хрипотцой голос прозвучал устало и равнодушно:

— Мне не важно, кто ты и по какому праву пытаешься мне приказывать. Я свободна и не собираюсь возвращаться.

— Ты отвергаешь Зов Ройгу? — в интонациях пришельца чувствовались угроза, уверенность в своих силах и, пожалуй, удивление. — Однажды ты уже послушалась, и произошло то, что произошло. Думаю, на этот раз ты покоришься сразу.

— А я так не думаю, слуга Прошлого. Вы всегда шли путем обмана и вряд ли сошли с

него теперь. Нам не по дороге. Идем, Преданный.

Женщина повернулась и не спеша пошла в глубь леса. Охотник, раздраженно передернув плечами, что-то негромко сказал собакам, и два белесых чудовища, пластаясь в воздухе, устремились за ускользающей добычей. Псы мчались молча, беззвучные и неотвратимые, как смерть. Герика ничего не слышала, во всяком случае, она не оборачивалась. Странно, но рысь тоже не проявляла признаков беспокойства. Погоня стремительно приближалась. Герика миновала странные снежные ворота — молодая береза под тяжестью снега склонилась над тропой, образовав причудливую живую арку. Спустя мгновение под заснеженные ветви влетели псы. И заскребли когтями по снегу, пытаясь вырваться из объятий внезапно ожившего дерева. По стволу березы побежали красивые синие огни, спустились по ветвям, охватили бьющихся псов. Странные твари умирали молча, корчась в голубом пламени. Точно таком, как то, что чуть не сожгло Герику и Астена на краю Пантаны.

Хозяин на выручку не пришел — у него возникли свои сложности. Прямо перед ним, положив руку на эфес меча, стоял золотоволосый эльф. Противники мерили друг друга взглядом, прикидывая, с чего бы начать. То, что солнце встретит только один из них, было очевидно обоим.

— Вот мы и встретились, Роман, — нарушил молчание Охотник.

— Рамиэрль, с вашего разрешения, — учтиво склонил голову Астен Кленовая Ветвь, — неужели вы могли предположить, что я оставляю даму одну в зимнем лесу?

— Я предполагал, что ты далеко, — нехотя признался Охотник, — я ждал Герику, потому что она должна прийти на зов Того, кому принадлежит душой и телом.

— Вот как? — в голосе эльфа послышалось вежливое удивление. — Но она свободна душой и, как вы изволили неизящно выразиться, телом. И она пойдет туда, куда сочтет нужным.

— Или куда ее отведете ВЫ, проклятые ублюдки, — гость начинал терять терпение. — Вы заставили ее забыть долг, но, как только я сотру тебя в порошок, она все вспомнит и уйдет со мной.

— Я не советовал бы вам строить столь далеко идущие планы, — Астен был сама любезность. — Возвращайтесь-ка лучше к вашему господину и посоветуйте ему отказаться от его безумной затеи.

— Что я слышу? Эльфы решили вылезти из своего болота? Поздно! — рассмеялся Охотник. — Ваше время ушло, наше время возвращается. Эстель Оскора наша. Если эта девка спуталась с вами, она ляжет здесь вместе с тобой. Мы найдем другую. Ройгу сейчас так силен, что не вашей паршивой волшебке его остановить. — Беловатое мутное облако стекло с пальцев Охотника и, изогнувшись парусом, метнулось к Астену, эльф с нарочитой небрежностью взмахнул рукой, и навстречу устремился синий луч.

Парус приобрел сходство с нелепой, но достаточно проворной белой птицей, попробовавшей с ходу облететь нацеленное на него оружие. Луч, в свою очередь, превратился в некое подобие лозы и обвил призрачную шею врага, оплетая его светящимися усиками. Там, где две силы соприкасались друг с другом, вспыхивали багровые искры, одна из которых опустилась на руку Охотника. Тот вздрогнул, как от ожога.

— Хм, ты сильнее, чем я думал, эльф. — Порыв ветра метнулся к Астену, другой, не уступающий ему в силе, рванулся навстречу, поднимая тучи снега. Два мага замерли, с ненавистью глядя друг на друга. Птица с Лозой продолжали свой чудовищный поединок уже высоко в небе. Алые искры сыпались вниз, гасли на лету. Охотник нет-нет, да и поглядывал с опаской вверх, Астен, видимо, волшебного огня не боялся. Маленькая собачонка, счастливо избежавшая участи своих собратьев, неожиданно высоко подпрыгнув, попыталась впиться эльфу в глотку, но была рассечена надвое сверкнувшим ослепительным светом мечом. Охотник издал яростный рык и погнал вперед стену тумана, Астен ее остановил стеной синего огня. Теперь эльф и Прежний мерялись силой, как это делают подвыпившие моряки в тавернах, пытаясь пригнуть к залитому ромом столу руку противника. Ни

мастерство, ни ум уже ничего не значили. Решала грубая сила, все, чем обладали соперники, было брошено на весы, оставалось лишь ждать исхода, но как раз этого Преданный делать и не собирался. Возможно, поборники рыцарских дуэлей его бы и осудили, но рыси живут по другим законам. Огромная кошка, неслышно проскользнув среди ветвей, на какое-то время застыла, выбирая подходящий момент, и прыгнула на плечи Охотника. Разумеется, она его не убила, да и не могла убить, но сосредоточенность, столь необходимая магу во время заклинания, была нарушена. Рысь, повизгивая от боли, отлетела в сторону, но и стена тумана дрогнула и попятилась назад, неровно прогнувшись. Астен не замедлил этим воспользоваться, и все было кончено в считанные мгновения. От Охотника осталось ровно столько же, сколько от его собак, а именно горстка летучего пепла...

2228 год от В.И.

4-й день месяца Звездного Вихря.

Большой Корбут

— Ну и что прикажешь с тобой делать дальше? — устало поинтересовался Рамиэрль. — Только гоблина со сломанной ногой мне для полного счастья не хватало.

Все попытки понять друг друга оказались безуспешными. Единственное, чего Рамиэрлю удалось достичь, и то с помощью собаки, это объяснить спасенному, что он не враг, да более или менее привести в порядок поврежденную ногу. Мальчишка пережил мучительную операцию не пикнув. Только в узких черных глазах вспыхнули слезы.

— И что теперь? — обратился эльф к своим бессловесным спутникам. — Роскошно. Пятнадцать ног на пятерых и еще четыре дохлые в запас! Даже больше, чем надо! Было бы глупостью не использовать их для того, для чего их создал Творец. Вопрос — куда идти. Мне через горы, а тебе, дружище, надо домой. Беда в том, что вряд ли твои родичи будут в восторге при виде эльфа, — Роман принялся собирать сумки, — представляю, что бы поднялось в Убежище, появись там гоблин.

Его превратили бы в ежа до того, как он объяснил, что сдуру кого-то спас... Нет бы мне этот ваш дурацкий язык выучить, договорились бы, что я тебя спасаю, а вы меня через горы пропускаете, а еще лучше, провожаете... Так ведь нет! И ведь с осени знаю, что ваши по уши вляпались в эту свару, мог бы хоть сотню слов заучить! Ну, ладно. Подвезу тебя поближе к дому, а дальше — извини. Я в вашу деревню соваться не буду...

Парнишка, беспокойными глазами следивший, как его спаситель приторачивает тушу косули к седлу, что-то взволнованно проговорил хриплым шепотом. Эльф быстро обернулся:

— Заговорил? Беда только, что я не понимаю. Но я тебя не брошу и твою добычу не отберу, — Роман присел на корточки и заглянул в глаза раненого, — если твои родичи меня убьют, это будет с их стороны очень некрасиво. И к тому же глупо. Потому что этот ваш Белый Олень в конце концов прикончит всех, если я раньше не доберусь до Проклятого. Ну, поехали, — гоблин вздрогнул от боли, когда Роман ловко подхватил его и усадил на Топазя впереди седла.

— Я буду тебя держать сзади. А ты сиди тихо. Я, конечно, мог бы попробовать снять боль, но кто его знает, как на тебя подействует моя магия, — у вас же, говорят, все наоборот. Что эльфу хорошо, то гоблину смерть. Куда ехать-то?

Последний вопрос гоблин, видимо, понял. Он обернулся и что-то пробормотал, показывая на своего пса, которому крикнул одно короткое слово, видимо, означавшее «домой!». Пес весело гавкнул, поколотил для порядка по бокам пушистым хвостом и бодро потрусил по узкой, но вполне проходимой тропке.

Глава 5

Эстель Оскора

Мы шли весь день, хотя это было величайшей глупостью — мои спутники едва волокли ноги. Схватка с туманным Охотником обошлась им дорого, самым же неприятным в этой истории были две вещи. Во-первых, мои хваленые способности так и не проявились. Правда, я оказалась неподвластна Зову Ройгу и учуяла врага на расстоянии, но вот поделаться с ним ничего не могла. Во-вторых, за мной, как и думал Роман, шла охота и Проклятый знает, сколько таких вот Охотников бродят сейчас по окраинам Пантаны. Собственно говоря, потому-то мы и не стали отлеживаться в кустах и зализывать телесные и душевные раны. Астен сказал, что тот магический кавардак, который подняли они с посланцем Ройгу — знать бы еще, кто это такой!!! — любой мало-мальски толковый маг услышит за несколько дна, а значит, нужно убираться с этого места как можно быстрее. Что мы и сделали.

Астен попробовал было укрыть нас под Серой Тенью, но увы... Сил на это у него не хватило. Так мы и тащились по заснеженному лесу, а за нами тащился магический след, который остынет не раньше чем через рассвет и два заката.

Я старалась не думать о том, что будет, если мы нарвемся еще на одного Охотника. Того-то я почуяла заранее, и Астен успел подготовиться к встрече. Туманный же, похоже, чувствовал себя полным хозяином, за что и поплатился. Поставь он хоть мало-мальскую защиту от немагической атаки, и Преданного с нами бы уже не было, да и конечная победа была бы под вопросом. Астен признался, что в лобовой схватке с существом такой силы он мог и не выстоять. Но, как бы то ни было, мы упорно шли на запад. Светило солнце, его лучи пробивались даже под полог леса, и это успокаивало. Почему-то я была преисполнена детской уверенности, что при свете с нами ничего плохого не случится, что приспешники Ройгу предпочитают охотиться в сумерках.

Ройгу... Неужели у нашего Оленя такое дурацкое, ничего не значащее имя?! Воистину, от страшного до нелепого один шаг.

Около трех или четырех пополудни мы остановились. Астен почти падал от усталости, и если ночью нас ждала схватка, он должен был хоть немного отдохнуть. Мы нашли подходящее место в густом березняке. Это дерево особенно любезно эльфам, а значит, рядом с березами мы были в большей безопасности, или, вернее, в меньшей опасности, чем, скажем, в ельнике. Мы свалились среди деревьев в снег и сразу же заснули как убитые. Если бы кому-то пришло в голову нас съесть, он просто не мог бы найти лучшего момента, но, видимо, судьбе было бы неинтересно, если бы мы проиграли так позорно и из-за такой ерунды. Нас никто не потревожил.

Пришли в себя мы как-то сразу. Солнце уже село, но небо на закате еще горело оранжевым. Мы наскоро перекусили и двинулись в путь. На душе было гадко и безнадежно. Я не понимала, куда и зачем я иду по заснеженному вымерзшему лесу, если позади нет ничего, кроме пустоты и боли, а впереди только бой и поражение. Но я шла, завидуя Преданному. Ему в этой жизни было все понятно — он должен идти с хозяйкой браслета и ее защищать. Так просто. Проклятье, и этот зачарованный зверь, и красавец-эльф, принц крови, высшее существо, оба стали моими добровольными спутниками, оба ради меня рисковали жизнью, а я этого не стоила.

Судьба мерзко подшутила, избрав Папессой⁴⁷ создание, годное для этой роли не более чем кошка для полета. Постепенно я поняла, что мое мерзкое настроение имеет вполне материальную причину. Охота продолжалась, а то, что поначалу казалось обычным самоковырянием, помноженным на усталость и короткий дневной сон, оказалось тем же самым предчувствием беды, что нахлынуло на меня в Убежище в день смерти Тины. Астен воспринял эту новость спокойно, даже бровью не повел. Преданный коротко рыкнул и, словно понимая, что случилось, принялся охранять нас всерьез. Он то исчезал в темноте, то

⁴⁷ Папесса (в других вариантах Повелительница демонов, Повелительница Кошек, Великая Жрица) — одна из самых сильных фигур при игре в Эрмет.

возвращался, всякий раз возникая с другой стороны. Если бы за нами гнались существа из мяса и костей, наша Рысь, безусловно, учуяла бы их задолго до нападения, да и ее когти и клыки сослужили бы хорошую службу. Но вот справимся ли мы с моими родственничками по Ройгу... Думать об этом было довольно неприятно. Не думать было нельзя.

**2228 год от В.И.
Вечер 4-го дня месяца Звездного Вихря.
Большой Корбут**

Дальние вершины все еще заливало уходящее солнце, но здесь, в заросшей лиственницами долине, ночь уже накрыла все синими мягкими крыльями. Кони неспешно шли по чуть припорошенной первым нестойким снегом золотистой хвое. Их мерная поступь укачивала, успокаивала, да и бежавшая впереди собака была совершенно спокойна. Роман с наслаждением отдался столь свойственному эльфам чувству отрешенного созерцания. Бурная жизнь внука великих властителей редко давала ему такую возможность, и он почти победил в себе столь свойственную бессмертным привычку наслаждаться тем, что все идет как заведено Творцом и ничего нельзя и не нужно менять.

Сейчас от либра ничего не зависело. Он должен был отвезти раненого домой, а там его ждет или бой, или мир. Вдруг ему все же удастся договориться с «ночным народом» о помощи или хотя бы о ненападении. В любом случае все решала встреча, и загадывать заранее не имело смысла. Он слишком мало знал об извечных врагах эльфов, чтобы пытаться что-то придумать.

Юный гоблин, которого Роман на свой страх и риск все же напоил притупляющим боль средством, дремал или делал вид, что дремлет. Длинные волосы юноши, прямые и черные, стянутые на затылке в конский хвост, лезли Рамиэрлю прямо в лицо, и тот со смешком отворачивался. Это было действительно смешно — эльф, таскающий на руках гоблина.

Деревья расступились, и кони, весело фыркнув — им нравилась сегодняшняя дорога, — вслед за псом-проводником перешли неглубокую речку. Собака бурно отряхнулась, оглянулась, негромко тявкнув, словно привлекая к себе внимание. Спящий вздрогнул, помотал головой, отгоняя сон, и, обернувшись к Рамиэрлю, что-то ему сказал. Слов, разумеется, было не понять, но по всему выходило, что они почти приехали. Правда, никаких следов деревни или хотя бы хутора видно не было. Не лаяли собаки, вековые лиственницы не знали топора, хотя... Хотя обладающий почти звериным чутьем Рамиэрль уловил запах дыма. Что ж, если здесь и живут гоблины, их не может быть много. А чем их меньше, тем проще договориться. Хотя тут вполне может быть застава, где обитают пять-шесть воинов. Что, впрочем, опять-таки неплохо. Если что, он оставит им мальчишку и ускачет. Дорога, хвала Великому Лебедю, это вполне позволяет.

Но ни бежать, ни драться не потребовалось. Молодой гоблин что-то еще сказал на своем гортанном языке, и собака затрусила вперед. Вскоре они перешли еще одну речку, вернее, большой ручей, и стали подниматься на гору. Тропинка петляла между почти облетевших кустов лещины и темного можжевельника, и Роман порадовался, что в такой темноте не промахнется только эльф. Гоблины же, даром что их величают Ночным Народом, ночью видели хуже Первороденных, а значит, стрела ему не грозит.

Наконец кусты расступились, и путники оказались на небольшой поляне, посреди которой стоял огороженный частоколом дом. Ворота были не просто заперты, но заложены изнутри чем-то тяжелым. Пес сидел у них, виляя хвостом, но не лаял — видимо, подумал Роман, вблизи от дома ему велено не шуметь. Это было весьма странно, но опасности в себе, похоже, не таило.

Его невольный спутник между тем водил рукой по неструганому дереву, явно что-то выискивая. Наконец это ему удалось. Роман так и не успел заметить, что тот сделал, но в доме наконец зашевелились. Раздался звук открываемой двери и торопливое шарканье ног. Юноша кого-то окликнул, видно, узнал по походке. С той стороны раздался возглас, весьма

напоминающий человеческое «ой-ей-ей!», и возня — лихорадочно вытаскивали запиравший ворота тяжеленный брус. Все это время мальчишка что-то торопливо рассказывал, прерываемый короткими возгласами своего невидимого соплеменника. Наконец ворота распахнулись, и Топаз с Перлой, брезгливо перебирая ногами в черных чулочках, вступили в логово Тьмы.

2228 год от В.И.

**Рассвет 5-го дня месяца Звездного Вихря.
Босха, северо-западный край Пантаны**

Астен с удовлетворением осмотрел небольшую уютную поляну, розовую от утренних лучей. Очень подходящее место для дневки. Высокие буки с серебристыми стволами казались колоннами, подпиравшими немисливо чистое небо. Подлеска почти не было, но по краям поляна заросла кустами дикой розы, на которых все еще держались не склеванные птицами оранжевые плоды.

Мелькнула странная мысль — если бы ему предложили выбрать место для своей могилы, он выбрал бы именно эту буковую рощу на окраине Босхи. Мысль была странной потому, что Астен никогда еще столь страстно не упивался жизнью. Ему казалось, что за последние несколько месяцев он передумал и перечувствовал больше, чем за сотни лет безмятежного и бессмысленного существования в Убежище. Когда-то он сделал попытку уйти в большой мир, но не смог оторваться от Пантаны. Затем... Затем он подарил Тарре своего сына.

Эльфы считали этот его поступок кто безумием, кто героизмом, а он просто дал Рамиэрлю возможность самому сделать себя. Внешний мир, разноцветный, огромный и жестокий, всегда манил Астена, но ему не хватало решимости отказаться от изысканного покоя, с головой бросившись в неизвестность. И все равно он мучительно завидовал Рамиэрлю, в своих мыслях представляя совместные безумные эскапады с погонями, приключениями, открытиями. И только об одном он не думал — о любви. Поэт, написавший десятки посвященных Прекрасной Незнакомке сонетов, женатый на красивейшей женщине Убежища, он воспринимал прелести Нанниэли холодно и отстраненно, как совершенство статуи или букет вина. Когда она ушла от него, или, вернее, когда он позволил ей это сделать, его жизнь не стала ни беднее, ни, наоборот, счастливее. Свою возлюбленную из мира людей он давно забыл и именно поэтому посвятил ей огромное количество стихов, где скромная пантанская крестьяночка именовалась то утраченным аметистом, то унесенной ветром птицей... А вот лица ее он не мог вспомнить при всем желании, лишь наплывали какие-то смутные видения — расшитый трилистниками платок, из-под которого выбивается рыжая прядка, эльфийская сережка-колокольчик в маленьком ухе, страдальчески сведенные брови... Он забыл даже имя, потому что предпочитал называть ее на эльфийский лад — Кэриа.

А вот теперь, теперь его тянет к себе существо, отмеченное клеймом Белого Оленя. Астен сам не понимал, что его привлекло в Герике — скорее всего ее яростное стремление оставаться самой собой, не обольщаясь на свой счет и не боясь правды, какой бы она ни была. Эльфу даже было жаль, что тарскийка не оказалась могущественной волшебницей, она смогла бы распорядиться Силой лучше, чем кто бы то ни было. Во всяком случае, лучше, чем его дочь. Астен не сомневался, что Эанке — убийца. Убийца по своей глубинной сути. Он удивлялся лишь тому, что она так долго выжидала. Когда они уходили из Убежища, у него мелькнула мысль, что, будь он хоть на сотую долю таким, как герои старинных сказаний, он должен был уничтожить порожденное им зло. Он же трусливо бежал, оставив Эмзара расхлебывать заваренную Эанке кашу. И был счастлив тем, что Убежище осталось позади и, как ему думалось, навсегда.

Астен не собирался возвращаться. После Кантиски его дорога лежала в Эланд. Он был уверен, что Рене Аррой примет его без лишних вопросов, а его познания в магии придутся

весьма кстати и он наконец свершит что-то по-настоящему нужное и важное.

— О чем ты задумался? — голос Герики вернул его к действительности. Тарскийка смотрела на принца-Лебеда с плохо скрытой тревогой.

— Так, ни о чем, — эльф улыбнулся, — кстати, мне пришло в голову несколько замечательных мыслей. Для начала предлагаю называть меня Астени, а тебе, если позволишь, очень подходит имя Геро. Геро — Цветущий Вереск... И потом, я не думаю, что нам так уж нужно идти в Кантиску.

Женщина молчала, явно ожидая продолжения разговора. Эанке на ее месте уже излагала бы свой взгляд по данной теме, Нанниэль бы дала понять, что его поведение неприлично, его давняя возлюбленная заранее согласилась бы со всем, что он скажет. Герики выжидала. И это ему отчего-то очень нравилось.

— У меня сто доводов в пользу Эланда, — Астен говорил с не свойственным ему напором, — во-первых, там найдется место Преданному. Во-вторых, Аррою понадобится наша помощь. Всадники Таяны просили тебя защитить Явеллу, то есть проход в Эланд, а из Кантиски ты этого не сделаешь. Да и мои познания там будут вполне уместны. В-третьих, я все равно туда собирался.

— Да? — в голосе Герики прозвучало искреннее удивление. — Но, Астени, ведь ты, — она без лишних слов приняла его просьбу, — обещал вернуться в Убежище через пять кварт.

— Все не так, — принц с облегчением рассмеялся, — брат действительно меня об этом просил, но я ему ничего не обещал. А для себя я все решил еще в тот день, когда ушел Роман.

— Но почему? — ее вопрос не был ни праздным любопытством, ни данью вежливости. Она хотела знать. И он ответил.

— Потому что я начинаю понимать, что бессмертие почти то же самое, что небытие, потому что я устал от пустоты, от бессмысленности, от покоя. Человеческая жизнь коротка, но она ЕСТЬ, вернее, МОЖЕТ БЫТЬ, если ею распорядиться как следует. А что такое моя жизнь, жизнь моих соплеменников? Ее словно бы и нет. Исчезни мы, никто не заметит. Мы существуем, и, опять-таки, это касается только нас. А теперь нам выпал шанс прожить пусть коротко, но ярко. Зная, что завтра может никогда не наступить, следует распорядиться своим «сегодня» так, что не будет ни страшно, ни стыдно уходить. Я хочу жить, Герики, — Астен почти кричал, — жить, чувствовать, надеяться, сомневаться... И все это я найду в Эланде. Мое место там, — он оборвал себя на полуслове и очень тихо спросил: — Так ты идешь со мной?

Она не колебалась.

— Конечно. Я никогда не хотела в Кантиску. Клирики, даже лучшие из них, вызывают у меня тоску. Я должна стать стражем Явеллы, и я постараюсь им стать, хотя не представляю, чем могу быть полезна. Ведь с Охотником я ничего не смогла поделать. Что это, кстати говоря, за тварь?

— Насколько я мог понять, — Астен взял Герику за руку, она этого не заметила или сделала вид, что не заметила, — насколько я мог понять, прислужники Ройгу могут подчинять себе человеческое тело, с которым со временем срастаются и которое можно уничтожить. Что мы и сделали. Изначальная сущность скорее всего уцелела и нуждается в новом материальном воплощении. Сама она, видимо, проделать это не в состоянии, ей нужна дополнительная энергия, источник которой, похоже, находится в Тарске. Вспомни, ведь все начинается именно там, в Последних горах. Думается, всякий раз после поражения Ройгу его приспешники отступают именно туда, а потом появляются, став еще более сильными. А возможно, — Астен наморщил лоб, пытаясь удержать ускользающую мысль, — Ройгу еще и не вступал в игру, а пресловутый Белый Олень, которого уничтожили Всадники, всего лишь астральный образ, наделенный малой толикой прежней силы.

— Что же в таком случае сам Ройгу, — с невольной дрожью спросила Герики, — если даже его образ обладает таким могуществом?

— У меня есть единственное объяснение, — пожал плечами эльф, — это один из

Прежних богов Тарры, каким-то образом не погибший вместе с другими и жаждущий теперь то ли власти, то ли мести... Возможно, он безумен.

— Но разве Бог может быть безумным?

— Каждая сущность, обладающая мыслями и чувствами, может в известном смысле утратить разум... Я не понимаю другого, почему он так долго выжидал, ведь со дня Великого Исхода, когда Тарру покинули Светозарные, прошло больше двух тысячелетий.

— Но, если это кто-то из Прежних, почему Всадники и болотница на нашей стороне?

— Это еще одна причина, по которой мы должны попасть в Эланд. Что-то мне подсказывает, что там можно найти ответ. Но ты меня совсем не слушаешь?

— Слушаю, — просто ответила тарскийка, — просто мне уже совсем не вмоготу бороться с этим проклятым предчувствием.

— Что, совсем как тогда? — деловито осведомился Астен.

— Хуже, — она грустно улыбнулась. — Тогда у меня на сердце лежала жаба, теперь — атэвский эр-хабо.⁴⁸

— Весело, — вздохнул Астен, — видимо, они уже недалеко. Ты перед приходом Охотника испытывала нечто подобное?

— Нет. Я спала и как бы сквозь сон слышала зов. Некто именем Всеобщего Господина велел мне следовать за ним. Я ничуть не испугалась. Просто разбудила тебя, хотя ты, по моему, не спал. А дальше ты все знаешь.

— Значит, это не Ройгу. Что ж, я так и думал.

— Тогда кто? — она взглянула в глаза принца-Лебеда.

— Мои соплеменники, я полагаю, — вот уж с кем не хотелось бы драться. Самое печальное, что я могу их всех уничтожить. И я должен скорее всего буду это сделать, но ведь я же их всех знаю! Я уж не говорю о том, что за нами скорее всего идет Эанке. Хоть бы только без Нанниэли...

Герика не ответила. Не захотела выдумывать благостную утешительную чушь. И хвала Великому Лебедю.

Астен вновь оглядел залитую веселым светом поляну, для эльфов белый день и солнце были помощниками в любых делах — и добрых, и не очень. Что ж, место вполне годится для битвы. Он аккуратно сложил все вещи, кроме меча, под особенно густой куст шиповника. Проверил, как лежит в руке эфес, как ходит меч в ножнах, расстегнул плащ, чтобы сбросить его при первой необходимости. Герика смотрела на его приготовления тревожными серыми глазами.

— Мы остаемся тут, — она не спрашивала, она утверждала.

— Да, — просто ответил он. — Бежать не имеет смысла. Эанке всегда меня найдет. Что подделаешь, родная кровь, — он судорожно вздохнул, — думаю, чем раньше все кончится, тем лучше. Может быть, вы с Преданным уйдете в лес и переждете?

— Нет, — это тихое «нет» прозвучало удивительно твердо, — я останусь. Это единственное место, где мне не будет страшно.

— Я так и думал, — принц поцеловал руку Герики, — если что, постарайся выжить и дойти. Назло всем.

— Ты говоришь так, как будто не надеешься. Не надо, прошу тебя...

— Надо, — Астен все еще не выпускал ее руки, — лучше попрощаться, чем не успеть сделать это. Ты единственная женщина, Геро, которой я могу сказать все. Даже если это больно. Я не могу сказать, что уже люблю тебя, но если удача от нас не отвернется, у нас может быть будущее.

— Странно, — она подняла глаза к небу, в котором кружила одинокая птица, — ведь я могла слово в слово повторить твои слова. Хорошо, если тебя убьют, я постараюсь выжить и

⁴⁸ Эр-хабо — обитающая в Эр-Атэве гигантская хищная рептилия, напоминающая рогатую жабу со спинным гребнем. Считается воплощением всего самого отвратительного. Легенды говорят, что эр-хабо были изгнаны из преисподней за свою тупость, жадность и неопрятность.

дойти до Эланда, если... Хотя вряд ли мне это удастся, я не колдунья и даже не воительница.

Астен бросил на землю свой плащ, и они долго сидели на нем в обнимку, закутавшись в плащ Герики. Все уже было сказано, но теперь молчание не было тягостным. Наоборот. С каждым мгновением, с каждым толчком сердца в их души входили покой и надежда. Солнце медленно клонилось к закату, птица давно улетела, а они все ждали. Наконец кусты расступились, и на поляну выпрыгнул Преданный. Если б рысь умела говорить, то и тогда она не могла бы более ясно объяснить, что преследователи близко. Астен легко вскочил и помог подняться Герике. Торопливо обнял ее, первый и последний раз прикоснулся губами к губам, быстро расстегнул подбитую стриженным мехом куртку и вытащил висящего на цепочке серебряного лебедя.

— Если что, сохрани и отдай Роману. А не встретитесь, носи сама или подари, но тому, кто станет для тебя всем. — Она серьезно кивнула и немедленно надела медальон. — А теперь забирай Преданного и иди вот к тем кустам, где я оставил нашу поклажу. Постарайся, чтоб вас не видели. Я хочу с ними поговорить, может быть, у кого-то в сердце или в голове что-то осталось. А при виде тебя они сразу же полезут в драку.

Герика не спорила. Она вообще никогда не спорила, но если раньше это шло от внутренней слабости, то теперь она просто знала, что Астена виднее и что она ни в коем случае не должна ему мешать. Тарскийка поманила рысь, которая, казалось, прекрасно поняла, что от нее требуется, и укрылась в густом кустарнике. Астен накинул, не застегивая, плащ и вновь сел на снег. Ждать пришлось недолго. Из леса одна за другой вышли шесть фигур. В своих белых одеяниях они казались близнецами. Принц Лебедей даже не пошевелился.

Первый из пришельцев, увидев сидящего Астена, остановился, и второй с ходу налетел на него. Эльфы столпились кучкой, видимо не зная, что им делать дальше. Астен не спеша встал, отряхнул от снега плащ, бросил его на ветки шиповника и спокойным небыстрым шагом направился к соплеменникам.

— Не знаете, что теперь делать? — спросил он, поочередно оглядывая каждого из пришедших. — Стрела в спину — это да, это вы, как оказалось, можете, а вот взглянуть в глаза, видимо, нет.

Эльфы настороженно молчали. Астен внутренне поздравил себя с успешным началом. Как он и предполагал, их преследовали Эанке с Фэриэном. Остальных он знал меньше. Все они были из Дома Лилии, все они были молоды и далеки от страстей, разрывавших верхушку Убежища. Астен смог, хоть и с трудом, вспомнить их имена: Дейре Осенний Сон, Веол Туманный День, Геден Виноградная Гроздь и, кажется, Илад Клеверная Дымка. Астена было жаль их, совсем еще дети по эльфийским меркам, они вряд ли понимали, во что их втянули. Если не удастся договориться, то его, Астена, новая жизнь начнется с шести смертей, из которых по меньшей мере четыре будут несправедливыми.

Принц Лебедей ничем не выдал обуревавших его чувств, хотя все в нем звенело от напряжения. Боковым зрением он заметил, что кусты остаются неподвижными, значит, Герика, хвала Владычице Лебедей, держит слово.

— Что ж, — он еще раз обвел взглядом всех шестерых, стараясь посмотреть в глаза каждому. — Вы, кажется, шли убивать?

— Не вас, мой принц, — не выдержал Геден, — ту, что ушла с вами. Она есть Зло!

— Откуда ты это знаешь? — так, не давая Эанке или Фэриэну перехватить нить разговора. — Ты можешь это доказать?

— Но... — парень явно замаялся, — нам сказали!

— Сказали? Кто сказал? — Эльфы с возрастающим удивлением смотрели на главу Дома Розы. Прежнего Астена, рассеянного и меланхоличного, больше не существовало. Перед ними стоял истинный Белый Принц, брат и наследник главы клана, потомок древних владык. Он спрашивал так, что нельзя было не отвечать. Хотелось склониться в глубоком поклоне, встать на колени, признавая право этого стройного золотоволосого мужчины распоряжаться твоей судьбой, твоей жизнью.

— Кто сказал? — повторил Астен, и трое из четверых не выдержали.

— Фэриэн... Глава Дома... Он говорил, что знает точно...

— А он не говорил случайно, что сотворил вместе с Эанке Аутондиэль из Дома Розы? — он произнес имя дочери как совершенно чужое. — Вы не знаете, что Герику их встретила в то время и в том месте, где была убита Тина Последняя Незабудка? Вы не знаете, что в этот же вечер Герику пытались убить, хотя она наша гостья, а долг гостеприимства свят?

Парни растерянно молчали. Наконец кто-то выдавил:

— Нам этого не говорили, мой принц...

А Веол робко спросил:

— Мой принц, а откуда это известно вам?

— Я видел это своими глазами. Я, Астен Кленовая Ветвь, глава Дома Розы, заявляю и в этом клянусь, что видел, как присутствующая здесь Аутондиэль Эанке покушалась с помощью магии на Тину Последнюю Незабудку и Герику Ямбору, нашу гостью. Я видел стоящих перед вами Эанке и Фэриэна, — Астен говорил с четырьмя юношами, как свидетель перед судьями, и в их изумленных глазах постепенно зажигалось понимание, — возле места убийства Тины, когда они выказывали враждебные намерения против Герики. Тем же вечером на Герику было совершено нападение с помощью магии, и я узнал магию Дома Розы, которой владеют лишь мой брат Эмзар Серебряное Крыло, я, мой сын Рамиэрль и упомянутая Эанке. Я обвиняю означенную Эанке в убийстве Тины и покушениях на жизнь Герики Ямборы, а Фэриэна в пособничестве. Я сказал и жду ответа.

Над поляной повисла тишина. Юноши переводили взгляд с Астена на Эанке и своего господина и обратно. Наконец темноволосый Илад Клеверная Дымка шагнул в сторону Астена и ломающимся голосом, но очень четко произнес:

— Я признаю обвинение!

Геден, немного поколебавшись, встал рядом с приятелем. Веол и Дэйре растерянно молчали. Эанке кусала губы, с бешенством глядя то на отца, то на Фэриэна, который нерешительно потянул из ножен меч.

— Я вызываю тебя, дабы перед лицом Вечных Звезд прояснилось, что есть истина!

— Я принимаю твой вызов, — лицо Астена оставалось непроницаемым, но его сердце пело — убийства не будет, все уйдут живыми. Фэриэн для него не противник, пусть убирается вместе с Эанке, откуда пришел, а мальчишек он им не отдаст, они все вместе уйдут в Эланд и увидят, что такое Добро и Зло, что такое Борьба, Жизнь, Любовь!

Астен отбросил в сторону плащ, следом за ним полетела куртка. Четверо молодых эльфов не могли отвести зачарованного взгляда от стройного воина с золотыми волосами, схваченными на затылке боевой серебряной лентой. Его противник, торопливо сдиравший свои одежды, словно бы утратил присущую эльфам грациозность и казался сильным, опасным и вместе с тем неуклюжим зверем.

Глава Дома Розы Астен Кленовая Ветвь и глава Дома Лилии Фэриэн Весенний Рассвет отсалютовали друг другу согласно этикету и заняли позицию. Клинки со звоном скрестились. Фэриэн сделал выпад, Астен ловко отступил. Даже не отступил, а слегка подался назад. В зимнем лесу было тихо, очень тихо, и потому каждый звук казался неправдоподобно громким и резким. В снежной тишине далеко разносился звон сшибающихся мечей и скрип снега под ногами бойцов.

Схватка была жестокой. Фэриэн был хорошим воином, даже очень хорошим, и он был уверен в победе, так как никогда не видел младшего из братьев-Лебедей с мечом в руках. Вот с Рамиэрлем, с тем глава Дома Лилии скрестить клинки вряд ли отважился бы. Фэриэн не знал, что учителем разведчика-либра был его собственный отец, чьим наставником в свою очередь был Эмзар Лебединое Крыло, по свидетельству старших эльфов чуть ли не родившийся с клинком в руке и прошедший школу у своих родителей. А в Убежище еще помнили, что последняя из Лебединых королев владела мечом даже лучше, чем ее венценосный супруг. Сегодня младший сын Залиэли с блеском доказывал, что может не

только писать стихи, но и драться.

Розы и Лилии, два самых влиятельных Дома клана Лебедя, никогда друг друга не любили, хотя до открытых столкновений у них не доходило со времен Войн Монстров. Эльфов оставалось слишком мало, чтоб они могли позволить себе роскошь убивать друг друга на дуэлях. Казалось, поединки навсегда ушли в прошлое, но кровь Тины отворила дорогу другой крови. И Фэриэн, и Астен вкладывали в бой все свое умение и силу. Первый стремился убить врага, вернув тем самым покорность своих воинов, другой... Другой собирался вывести противника из строя, не убивая. Стороннему наблюдателю вначале могло показаться, что Астен слишком легкий. У Фэриэна и руки были длиннее, и в росте он выигрывал, и к тому же был очень силен. Но, понаблюдав за схваткой самое короткое время, становилось очевидным, что принц-Лебедь творит с мечом истинные чудеса. Он фехтовал иначе, чем Фэриэн, делая ставку не на мощь, а на быстроту и неожиданность. На главу Дома Лилии обрушился настоящий водопад ударов. Безошибочно выискивая слабые стороны в обороне своего противника, Астен легко уходил от его атак.

Да, выпады Фэриэна были неистовы, но замершим зрителям становилось все более очевидным, что Кленовая Ветвь упорно щадит врага. Вскоре стало понятно, что Астен метит исключительно в правую руку Фэриэна. И добился-таки своего!

В один прекрасный момент мечи со звоном скрестились, затем Фэриэн сделал еще один выпад, несомненно достигший бы цели, не будь его соперник столь быстр и ловок. Удар, казалось бы неотвратимый, был с легкостью парирован, и, не успев Фэриэн Весенний Рассвет восстановить равновесие, как Астен наконец ударил.

Противник пошатнулся, выронил меч и отступил назад, прижимая левой рукой покалеченную правую. К нему кинулся было Веол, но Фэриэн так рыкнул на беднягу, что того прямо-таки отбросило к троице товарищам. Астен спокойно вытер клинок о снег, светло улыбнувшись, отсалютовал юношам мечом и... упал на утоптаный снег.

Он еще смог прошептать «в спину... как подло... Эанке...», и его глаза закрылись. Затем сознание к нему вернулось, и тот ужас, что он увидел, затмил в его душе ужас смерти. На поляне бесновался чудовищный вихрь, в котором корчились шесть тел. Астен смотрел на это, не имея сил не только что-то изменить, но даже отвернуться. Смотрел, пока еще мог видеть....

Герика все же владела Силой. Бедные мальчишки, ему так и не удалось их спасти...

**2228 год от В.И.
5–6-й день месяца Звездного Вихря.
Большой Корбут**

Ледяная рука сжала горло так неожиданно, что Роман выронил из рук кружку с чернорябиновым вином, и та покатилась по полу, оставляя на выструганных досках причудливый темно-лиловый след. Но Роман этого не видел. Как и изумленных и испуганных глаз хозяев. Его сердце бешено колотилось, взгляд застилала тьма, прорезываемая ярко-синими вспышками. Он не понимал ни того, что с ним происходит, ни где он находится. Он вообще ничего не понимал, превратившись в один клубок боли и отчаянья. Затем все исчезло так же внезапно, как и накатило, он вновь сидел в чистой, пахнущей сушеными травами горнице в обществе четверых гоблинов и одной собаки, которая успела положить тяжеленные лапы ему на плечи и всячески выражала свое собачье сочувствие, вылизывая лицо эльфа. Отодвинув от себя дружественную морду, Роман виновато улыбнулся, разведя руками, стараясь дать понять, что сам не понимает, что с ним случилось.

Седой гoblin глубоко вздохнул, сотворив рукой какой-то странный знак, видимо отвращающий зло, и подал гостю новую кружку, доверху наполненную все тем же рябиновым. Из четверых обитателей заимки только он один кое-как изъяснялся на старом тарскийском диалекте. Впрочем, для Романа и это было находкой. Хоть тарскийцы и

называли свой говор языком, он не очень-то отличался от таянского, который, в свою очередь, был не чем иным, как испорченным арцийским. Просто в Высоком Замке или Идаконе нобили, почитающие себя грамотными, предпочитали говорить и читать на языке империи, пусть даже та переживала не лучшие свои годы. Тарскийские же господа возвели простонародный говор в ранг языка, доказывая, что именно из Тарски, от Циалы и берет начало вся Арция. Год назад это было еще смешно, сейчас становилось страшно.

Как бы то ни было, южные гоблины давно и успешно торговали с тарскийцами, а потому вынуждены были овладевать их наречием. Старый Рэннок пад Коэй в свое время спустил немало плотов по бурным горным рекам и довольно много общался с людьми, что, собственно говоря, и заставило его задуматься о том, так ли уж они плохи и изначально греховны, как утверждали старейшины и жрецы.

Рамиэрлю опять повезло. Прихотливая судьба привела его не в расположенную в половине дна пути от места встречи с Грэддоком (именно так звали спасенного юношу) деревню Ладэка, где заправлял жрец-старейшина, всеми фибрами души ненавидящий не только эльфов, но и людей, а в гости к изгоям, которых сама жизнь сделала терпимыми и научила думать.

В доме, окруженном частоколом с насаженными на него звериными черепами (чтобы умиловить духов гор), жило четверо. Раньше всех там поселился Рэннок, который не был тогда ни старым, ни седым. Даже среди обладающих медвежьей силой гоблинов предводитель ватаги вогоражей⁴⁹ выделялся силой и смелостью. Никому иному не удалось бы спасти от расправы забравшихся в окрестности деревни людей — мужчину и женщину, видимо искавших в горах лучшей доли.

Было это, как назло, в канун праздника Начала Весны, когда нужно приносить жертву Тьме, чтобы та не отвернула лицо свое от своих детей и не позволила все выжечь яростному и несправедливому солнцу. Когда-то, во времена, которые ушли — Рэннок полагал, что к счастью, а жрец-старейшина Кадэррок пад Ухэр — к несчастью, — в жертву Владычице и Родительнице приносили красивейшего юношу, и в этот же день к Ней добровольно уходили старые и немощные, дабы не висеть камнем на шее молодых и вкусить заслуженного отдыха. Кроме того, на Темном алтаре расставались с жизнью пленники, захваченные после того, как день становился длиннее ночи, и лучшие бараны из прошлогоднего приплода. Тогда Ночной Народ был многочисленнее и сильнее.

Рассказывали, что тогда гоблины жили в нижних долинах в каменных городах с храмами, а воины то и дело отправлялись в набеги за добычей и пленными. Затем случилась Беда, и пришлось спешно собираться и уводить женщин и детей в горы. Одни ушли на север, где среди острых скал и ледников продолжали думать о месте и оплакивать Изначальных Созидателей. Другие повернули на юг, где горы были пониже и полесистей. Северяне признали главенство Белых Жрецов, предрекавших возвращение Созидателей, южанам же явился некий Волчий Пророк, заповедовавший приносить в жертву себе подобных и не спускаться с гор до той поры, пока не прозвучит Зов Великого Омма.

Поколения сменялись поколениями, южные гоблины превратились в истинных горцев, все дальше уходило время былого могущества, все больше смахивали на сказки рассказы о чудовищах-эльфах, о Созидателях, о Великой Проигранной Битве. Оставались смутная тоска да раздирающий душу интерес к поселившимся на равнинах... И еще твердое убеждение, что никто из людей не имеет права подниматься в горы выше Запретной черты. С теми, кто селился ниже, можно было даже торговать, тем более что приносили они вещи изумительной красоты, а в ответ просили всего ничего — деревья, каких в горах было пруд пруди, шкурки и шкуры, что всегда в изобилии были у каждого охотника, да вонючие травы, от которых и вовсе толку никакого не было. Напротив, стоило овцам или быкам забрести в заросли

⁴⁹ Вогораж — плотогон (гобл.).

синявки⁵⁰ или кумарки,⁵¹ как их красивая белая шерсть покрывалась отвратительными пятнами, которые не сходили до линьки.

Впрочем, люди и не рвались в горы. Видимо, и у них были какие-то запреты, а вот эти двое зачем-то пришли. И были пойманы. Вот тогда-то Кадэррок и показал зубы. Он и его дюжие сыновья, одному из которых и посчастливилось захватить добычу, решили встретить праздник так, как об этом пелось в старинных легендах. Пленникам бы пришлось умирать очень долго, если бы не вернувшийся на зиму в родную деревню спустить заработки, а может, и жениться, вогораж Рэннок. И дело было даже не в том, что он был пьян и с детства ненавидел Кадэррока и его недоумков-сыновей. Плотогон ничего не знал о Кодексе Розы,⁵² но душой чувствовал, что пытать связанных подло, истязать же женщину, какого бы племени она ни была, и вовсе противно природе.

Это могло показаться чудом, но Рэннок отбил полуживых пленников у их мучителей. Правду сказать, население деревни, хоть и молчало, было все больше на его стороне. И все равно назад ему ходу не было, ибо один из сыновей Кадэррока с проломленной головой остался лежать у котла с кипящим бараньим жиром.

Рэннок стал изгоем, но изгоем уважаемым. Он не мог жить в деревне, не мог привести себе жену. И даже не мог покинуть место своего преступления, ибо это означало, что разгневанные покровители рода убитого, не найдя виновника, могли обратить свой гнев на невинных. Вместе с тем никто не смел поднять руку на невольного убийцу, хотя все знали, где он устроился.

Рэннок построил себе дом на вершине Кумарки, горы, на которой никто не селился, так как склоны ее были покрыты никчемной ядовито-зеленой травой, что, как всем известно, означает, что местные духи-хранители почитают место сие мерзким и нечистым. Тем не менее здесь из земли били чистые и звонкие ключи, в кустах розичек⁵³ весной пели соловьи, а ранним летом ядреная зелень кумарки меркла перед сочной краснотой земляничных полей. Рэннок стойко переносил свое одиночество — охотился, резал по дереву, соорудил над пещеркой, из которой били родники, что-то типа часовни... Тяготился ли он своим изгнанием, тосковал ли по бродячей шальной юности, сожалел ли о своем шаге, никто не знал. Шли годы, и вот в одну зимнюю ночь в дверь постучали.

Он знал Грэдду с детства. Пожалуй, она ему даже нравилась, хоть и приходилась внучатой племянницей дураку-жрецу. Когда он в последний раз вернулся домой, Грэдда была смешной девчонкой, еще носившей короткую детскую юбку с бахромой и бусы из ягод рябины. Затем родичи, изредка приходившие к нему за медвежьими шкурами и горным медом и приносившие в обмен муку и холстину, обмолвились, что Грэдду сосватали в соседнюю деревню за состоятельного вдовца и что более богатой свадьбы на их памяти не было.

И вот теперь на его пороге застыла жалкая, облепленная снегом фигурка. Он не сразу ее узнал, но любой гость, пропущенный снежными духами, свят. Грэдда выглядела изможденной до последней крайности и притом была беременна. Не задавая лишних вопросов, Рэннок внес полумертвую женщину в дом, выскочил на улицу за снегом и принялся оттирать обмороженные щеки. Задаваться вопросом, что она тут делает в такую

⁵⁰ Синявка — растущая только в горах Большого Корбута трава, содержащая в себе природный краситель синего цвета.

⁵¹ Кумарка — растущая только в горах Большого Корбута трава, содержащая в себе природный краситель зеленого цвета. Особенно ценится из-за того, что именно из кумарки готовится краска для церковных облачений.

⁵² Кодекс Розы — кодекс чести, обязательный для каждого дворянина Благодатных земель.

⁵³ Горная роза, разновидность шиповника с лепестками темно-вишневого или снежно-белого цвета.

пору, времени не было. Впрочем, она все рассказала ему сама сразу же, как пришла в себя.

История оказалась самой обычной. Мужа, который был еще старше Рэннока, она не любила, хоть и исполняла все, что положено жене. Про самого Кроэрка они почти не говорили, но Рэннок сразу понял, что ни умом, ни добротой, ни красотой тот не отличался. Тем не менее Грэдда честно родила ему дочь. На сына сил у Кроэрка не хватало, но он предпочитал винить в этом жену. А затем в их деревню пришел такой же вогораж, каким был когда-то Рэннок. Он был весел, красив и смел. И она полюбила, сильно, отчаянно и безоглядно. Зима подарила им немного счастья, но потом пошли весенние дожди, и вогораж ушел за текущей водой, распроставшись со своей мимолетной подругой и даже не обещая вернуться. А она поняла, что беременна, это было счастьем, она не сомневалась, что родится сын, но... Муж уже почти год не мог иметь к этому никакого отношения и предпочел прилюдно признаться в своей слабосильности, но не покрывать измену жены.

Обвиненная при матерях всей деревни, Грэдда не стала каяться и просить прощения, а высказала все, что накопилось за годы ее невеселого замужества. Высказала и ушла, сорвав с головы расшитую серебром и сердоликами повязку и бросив в лицо мужу свадебное ожерелье. В старые времена за такое ослушницу сбросили бы с обрыва, но это в старые времена. Сейчас же все просто растерялись и дали ей уйти, тем более мужа ее в деревне никто не любил; поговаривали, что свою предыдущую жену он свел в могилу побоями и попреками, потому и должен был искать новую в чужой деревне, куда еще не докатилась его дурная слава.

Что люди, что гоблины, что эльфы — природа одна. Никто не любит принимать неприятные решения, а тем паче брать на себя ответственность за них. Беременная, кое-как одетая женщина уходит в снежную бурю? И пусть ей. Замерзнет — значит, горные духи сочли ее виновной. Выживет — опять же судьба. И никто не виноват.

Грэдда каким-то непостижимым образом добралась до родного дома и упала в объятия матери. Семья готова была ее принять, но Жрец-Старейшина не мог потерпеть такого непотребства. То ли не хотел отдавать залог, внесенный незадачливым супругом, то ли увидел повод вернуть столь любезные ему старинные обычаи. Грэдду решили вернуть в дом мужа, то есть обрекали на смерть. И она бы смирилась, сил бороться у нее почти не оставалось, если бы не ребенок, яростно заявлявший о своем праве на жизнь. И тут мать преступницы вспомнила про Рэннока. Один раз он уже пошел против всех, защитив приговоренных, может быть, поможет и сейчас?

Рэннок не колебался. Грэдда осталась у него. В его доме увидел свет и мальчишка, нареченный в честь матери Грэддоком, которому приемный дед дал свое родовое имя. По весне на Кумарку заявили бывший супруг с Кадэрроком, но ушли несолоно хлебавши. С тех пор у Рэннока появился смысл в жизни, а в доме — добрая и ласковая хозяйка.

Год шел за годом. Грэддок рос и радовал мать сходством с ее пропавшим возлюбленным, а деда — ибо старый вогораж стал для него именно дедом, строгим и любящим, — сметливостью и храбростью. А затем их нашла Криза, которой какая-то добрая душа поведала, что мать жива. Отца девочка ненавидела, а норовом пошла не в него и даже не в мать, а в ее дядю, старинного приятеля Рэннока, самого отчаянного из всей деревни.

Когда девчонке сравнялось четырнадцать и папаша приискал ей подходящего мужа, она просто вылезла в окно, прихватив с собой только любимого пса и пару хороших боевых ножей, которые ее жирному родителю были без надобности, и отправилась на поиски матери. Радость, с которой ее встретили, искупила годы разлуки, и с тех пор в доме не стихал смех. Правда, отныне приходилось соблюдать осторожность, так как Криза была слишком хороша собой да к тому же оставалась наследницей большого родового состояния, которого отец по Ночному Праву не мог лишить единственного законного ребенка.

Рэннок, несмотря на свои годы все еще обладавший медвежьей силой, был хорошим защитником, даже если забыть о том, что дом отшельника неприкосновенен. Да и подрастающий брат обещал превратиться в настоящего воина. Кризу они из дома одну не выпускали, хотя та стреляла без промаха из лука, могла найти дорогу в кромешной тьме и

ходила по горным тропам, как серна. Рэннок и Грэдда часто ночами обсуждали, как сделать так, чтобы Криза смогла встречаться со своими ровесниками. Восемнадцать для девушки предел, если в это лето ее не сосватать, она скорее всего так и проживет всю жизнь отшельницей со стареющей матерью. Мальчику легче. Еще год-два, и он сможет поискать свое счастье с любой ватагой вогоражей, которым нет дела до того, кто ты и откуда, лишь бы был силен и смел.

Но все эти ежедневные заботы отступили, когда ушедший на охоту Грэддок к вечеру не вернулся. Дед утешал Грэдду, говоря, что парень не один, а с Крохом, что скорее всего они забрели слишком далеко от дома в поисках дичи и заночевали в лесу. Грэдда, обычно спокойно переносившая отлучки своих детей, молча плакала. Пришло утро, а об ушедших не было ни слуху ни духу. Криза собралась идти на поиски, но дед ее остановил, сказав, что надо ждать еще, ведь они не знают, куда Грэд пошел, да и, случись что, пес вернулся бы за помощью. Однако к вечеру даже Рэннок понял, что что-то произошло, и заявил, что с первыми лучами солнца пойдет на поиски сам.

Они молча сидели за пустым столом, пытаясь отогнать самые невеселые мысли, когда лай Кроха возвестил о возвращении. Грэддок был жив и даже вполне весел и, пока открывались ворота, успел выложить историю всех своих злоключений. Неудивительно, что Рамиэрля приняли с распростертыми объятиями.

Странно, но и у эльфа все его предрассудки смыло, как накатившая на берег волна смывает написанные на песке дурные слова. Гоблины больше не казались ему ни отвратительными, ни страшными. Правда, Творец сотворил их уродливыми, но ведь не телесная же красота спасает мир, а ум, мужество и благородство.

Рамиэрль понял, что он может быть откровенным со своими хозяевами. Тщательно подбирая немногие понятные старику слова, он рассказал что мог. Конечно, о многом пришлось умолчать, в противном случае ему пришлось бы объясняться неделю. Но эльф сказал достаточно, чтобы старый вогораж надолго задумался.

— Гость, — Рэннок, как и все гоблины, в решающую минуту был склонен к патетике, — то, что ты говорить, есть беда для вся земля. Я знать, как глупый старый жрец хотеть беда. Те, кто пришла вниз, такая же, — Рэннок покачал седой головой. — Они не понимать, что играть для Смерть. Их надо держать.

— Ты прав, Антилэ,⁵⁴ — эльф даже не заметил, что говорит с гоблином уважительнее, чем с магом Примеро, — я прошу тебя объяснить мне дорогу через ваши горы. Для того чтобы помочь тем, кто сейчас сражается, я должен найти одно место... — он запнулся, не зная, как объяснить, что он ищет, но этого было и не нужно.

— Древний место, да, — кивнул гoblin, — такие есть. Есть хороший место. Есть очень плохой, если ходить туда, — он махнул рукой на северо-запад. — Там много Зло. Ты ищешь там, где Зло прекратить. Надо идти вверх. Затем вниз, — Рэннок задумался, затем черные глаза радостно блеснули. — Я понимать, что мы делать! Криза! — чернокобая девушка, сидевшая в углу и что-то торопливо плетущая из кожаных ремешков, вскинула гладко причесанную головку.

— Эгхо, куэрх?⁵⁵

Старик что-то принялся неторопливо ей объяснять, и с каждым его словом смуглое скуластое лицо словно бы расцветало. Рамиэрль заметил, что начинает привыкать к специфической внешности воплощений зла и находит, что среди них можно жить, не закрывая глаз. К разговору, бурно жестикулируя, присоединился и парнишка. Что-то тихо и ласково сказала женщина. О нем, казалось, забыли. И вот тут-то Роману и стало плохо.

— Прости, Антилэ, — он сам удивился, с каким трудом ему дались эти простые

⁵⁴ Антилэ — мудрый, почтенный, обращение к старшему, уважаемому мужчине (эльф.).

⁵⁵ Да, дедушка? (гобл.)

слова, — и попроси простить хозяйку. Я прибавил ей работы.

— Что с ты быть? — резко и требовательно спросил вогораж. — Ты не походить ты сам! Сказать я!

— Не знаю, — через силу улыбнулся Роман, — что-то сжало вот тут, — он показал на сердце. — Затем темнота. И какие-то огни перед глазами. А потом все прошло. Осталась лишь пустота.

— Очень пустота? Да? — участливо переспросил старик и что-то быстро сказал своим, которые обменялись понимающими грустными взглядами, а женщина неслышно подошла к эльфу и обняла его за плечи, что-то тихо-тихо приговаривая по-горски. Странное дело, но Роману от этого стало немного легче.

— Я думать так, — седой гоблин выговаривал чужие человеческие слова еще более старательно, чем раньше, — я очень думать так. Ты сейчас терять близкий или родной. Он умирать и думать о ты. Это плохо, но лучше надо знать. Такая жизнь. Вам она все равно лучшая, чем нам.

— Лучше? — Рамиэрль с удивлением поднял глаза. — Смерть всегда смерть.

— Да, но вы... У вас есть не знать, как вы звать... То, что есть всегда, даже если тело умирать или убивать?

— Душа?

— Душа? Да. Душа! У вас есть. Вы потом новая жизнь. Встретить всех опять. Мы, орки, нет. У нас нет душа. Только одна жизнь. Мы умирать. Исчезать навсегда. Только память оставаться. Песня. И еще есть эта... Честь? Да, честь. Ты не плакать. Ты идить и делать, что должный. Криза... ее зовут Криза, да... Она знать горы так, как я. Она смелый девочка. Она идить с тобой. Грэддок больной, да. Он лежать до весна и не мочь идить. Я должный быть с ним и Грэдда. А Криза идить. Весна Грэддок ходит. И я, и он ходи Ночная Обитель и смотреть и слушать много орки. А потом мы встречаться и говорить, что видеть и находить. А ты и Криза идить утро. Времени не хватать. Скоро снег. Зима. Плохо. Высоко. Лошадь оставлять тут. Им не идти гора. Они не олень. Падать. Боять.

— Спасибо, — Роман вновь заставил себя улыбнуться. — Криза, красивое имя... Нам надо научиться понимать друг друга.

Что ж, кого бы он ни потерял, это уже случилось, а ему нужно идти вперед. Это счастье, что судьба ему послала спутницу и что он может не беспокоиться о Топазе и Перле. Теперь он не сомневается, что перейдет горы и найдет Проклятого...

Эстель Оскора

Я увидела, как Астен упал лицом вперед, уткнувшись в снег. Что это конец, я поняла сразу. То, что произошло потом, я не смогу забыть до конца дней своих, сколько бы их, этих дней, ни было мне отпущено. Время замедлило свой бег, словно прозрачная быстрая река внезапно превратилась в поток тяжелой вязкой магмы. Я ясно видела божественно прекрасное лицо Эанке, на котором появилась торжествующая улыбка, видела ее изящные руки с длинными, унизанными кольцами пальцами, которые медленно-медленно вздымались в повелительном жесте, видела развевающиеся дымно-черные волосы и сверкающие сапфирами серьги... Спутники Эанке медленно появлялись из-за деревьев, медленно оправляли одежды, медленно поворачивали головы в мою сторону...

Я, видимо, вышла из своего укрытия, но как я это сделала, не помню. Эанке увидела меня и засмеялась. Для нее я была уже мертва — досадная и необъяснимая помеха на пути триумфального возвращения в прекрасные миры, заселенные бессмертными; миры, согреты божественным присутствием. Но меня мнение Детей Звезд не заботило. Единственное, что имело значение, это Астен, погибший от руки подлой твари, по несчастью являвшейся его дочерью. Поднимавшаяся во мне холодная, тяжелая ненависть, казалось, становилась осязаемой, превращалась в смертоносное оружие.

Преданный, замерший рядом со мной, внезапно отпрянул — его звериное нутро

первым почуяло происходящее. Я стремительно переставала быть собой — неуклюжей и беспомощной женщиной, оказавшейся волею судеб в центре магической круговерти. Эанке Аутондиэль не успела понять, что жертва превратилась в палача. Затопившая меня ненависть внезапно стала мною, а я стала ею. Неистовое желание уничтожить, смести с лица земли убийцу Астена породило чудовищный вихрь, подхвативший эльфов, как осенняя буря подхватывает облетевшие листья. Самым диким было то, что в лесу стояла тишина — даже самые тонкие ветви, и те были спокойны, поднятый мною смерч старательно обходил деревья, кусты, старое птичье гнездо... Ему были нужны лишь те, кого я ненавидела.

Вихрь бесновался посредине поляны, корежа, уродуя, уничтожая, а я стояла, тупо глядя, как прекрасные существа превращаются в окровавленные ошметки. Я смотрела, и в моей окаменевшей душе ничто не дрогнуло. И это была я, которая не могла заставить себя даже взглянуть на чужую кровь, хотя бы это была простая царапина, я, в нежном детском возрасте возроптавшая на Творца за то, что тот позволил утопить котят. Я с напряженным восторгом следила за пляской Смерти и не пыталась ее остановить.

Все кончилось само собой. Пятеро мужчин отныне пребывали в иных мирах, где с них, возможно, уже спрашивали за то, что они свершили. И не мне было знать, сочли ли их жертвами или же убийцами, но Эанке, хоть и чудовищно изуродованная, еще жила и прожила почти ору.

Я склонилась над ней, поймав ее взгляд, полный ненависти и удивления, и ничего не почувствовала. Даже удовлетворения. Я отвернулась от тех, кого убила, словно это были растоптанные черви. В этот миг для меня существовало только одно — Астени! Я грохнулась на снег рядом с ним. Его щека была еще теплой, но он был уже далеко. И ничто больше не имело значения.

Не помню, сколько я просидела с ним рядом. Останься эта тварь жива, она получила бы еще одно наглядное подтверждение того, что я — чудовище, нелюдь, порождение Тьмы и так далее. Я была без плаща, но я пережила эту ночь, несмотря на такой холод, что даже звезды казались ледяными. Впрочем, звезды я стала различать только к утру, когда застывшее небо стало зеленым.

Надо было вставать и идти на северо-запад. В Эланд, где я никогда не была, к человеку, с которым мы когда-то были близки, но о котором я почти ничего не могла вспомнить...

Преданный, молча пролежавший всю ночь у моих ног, неожиданно подал голос. Я вздрогнула и взглянула на своего уцелевшего спутника. Рысь уже разгребла снег и сосредоточенно разбрасывала смерзшуюся буковую листву. Зверь вновь оказался умнее меня — Астени была нужна могила. К счастью, шуба из листьев оказалась теплой — до земли мороз не добрался, и мы вдвоем к полудню вырыли достаточно глубокую яму, в которой и было суждено упокоиться сыну эльфийских властителей. То, что я сотворила потом, не свидетельствовало о моем благоразумии, но я не могла иначе — черная дыра была такой темной и холодной... Велев Преданному оставаться возле тела, я пошла назад к зарослям бересклета и шиповника, на которые мы вчера любовались.

Я ломала руками, кромсала ножом гибкие темно-зеленые ветви, покрытые раскрывшимися плодами, так смахивающими на весенние цветы. Остановила меня резкая боль — я таки умудрилась порезаться... Нарванных веток хватало, чтоб достойно проводить всех погибших, но до всех мне не было никакого дела — пусть их лежат... Они считали меня опасным животным, что ж, я таковой и стала. По их милости и для них...

Я выложила дно могилы ветками, на которые расстелила белый плащ Астени, затем кое-как спустила его самого, накрыв до подбородка своим плащом — мне не хотелось, чтоб его касались тряпки тех, кто вышел на охоту за нами... Конечно, мне придется взять плащ Эанке, но зато убитого Лебеда не затронет никакая грязь. Себе же я оставила кинжал, с которого не стала стирать его кровь. Пусть будет со мной, пока ее не смоет чья-то еще или же моя...

Я обошла убитых и собрала оружие — кинжалы, луки, мечи — эльфы не признавали шпаг, хотя те были куда легче и удобнее в обращении. Где-то из глубины памяти всплыло,

что оружие врагов — подходящее украшение для могилы воина. А Астени был воином, защищавшим до последнего вздоха эту землю и... меня. Женщину, навязанную ему судьбой в спутники и ставшую причиной его гибели. То, что я так легко смогла отомстить, делало его смерть еще более жестокой и ненужной. Я в последний раз расправила золотистые волосы, коснулась ледяной руки. Больше всего мне хотелось остаться здесь же навсегда, но тогда я была бы не чудовищем, я была бы предательницей, подсадной уткой, приманкой, из-за которой погибают лучшие из живущих на этой земле. Я не могла предать друга, стремительно становившегося для меня единственным светом в этой пакостной жизни.

Я забросала Астена ветками, сверху положила собранные трофеи и с помощью Преданного зарыла яму. Можно и нужно было идти, но я медлила. Камней здесь не было, а вот всяческие лесные твари водились в изобилии. Если не грянут совсем уж лютые морозы, то лисы и волки разгребут рыхлую землю в два счета. Сделать с этим было ничего нельзя, но мои ноги, казалось, приросли к этому месту, а в душу словно вогнали чудовищный кол... Проклятое воображение услужливо рисовало, как острые лисьи зубы рвут тело эльфийского принца, как к весне только несколько выбеленных снегом костей останется от того, кого я начинала любить.

Я не могла ни смириться с этой мыслью, ни отогнать ее, а потому тупо таращилась на разворошенную землю. Смотрела, но не видела, во всяком случае, не сразу заметила то, что стало твориться под моим взглядом. Земля начала плавиться. Текучие медленные ручейки, от которых веяло нестерпимым жаром, лениво сползали с небольшого холмика, сливались друг с другом. Могила на глазах покрывалась блестящей глазурью, словно какой-нибудь сахарный пирог. Я лихорадочно оглянулась в поисках какого-то волшебника, пришедшего на помощь. Лес был пуст, даже птицы, напуганные вчерашней схваткой и нашим с Преданным присутствием, улетели.

Мы были одни, а это означало, что я сотворила еще одну волшбу. Не представляю, как я это сделала, но мое неистовое желание защитить мертвого друга от лесных жителей каким-то образом расплавilo почву. И не только расплавilo, но и превратило ее в сверкающий лиловый камень с белыми и сиреневатыми прожилками. Могила была надежно защищена аметистовой броней, а белые пятна в камне напоминали печальных лебедей. Мимолетная эта мысль нашла немедленный отклик. Внутри лилового монолита замерцали, перемещаясь, светлые огни, и в центре отчетливо проступил силуэт прекрасной птицы.

Овладевшая мной сила меня покинула почти сразу после того, как мерцающий лебедь застыл, печально склонив гордую голову. Сразу дала знать о себе боль в изодранных руках и стало очень, очень холодно. Тот, кто в меня вселился, видимо, устал и махнул на все рукой. Вот тут бы и лечь у свежей могилы да заснуть навеки, но сидящее во мне упрямство, как всегда неожиданно, вскинулось на дыбы. Я должна была выжить и добраться до Рене Арроя! Иначе Астен погиб зря, а уж этого-то я допустить никак не могла.

Я решительно обыскала всех покойников еще раз и собрала то, что мне могло пригодиться и что я могла унести с собой. Белый плащ Аутондиэли, отороченный каким-то странным серебристым мехом, пришелся мне впору, и я, не дрогнув, тотчас его надела. Отыскалась и пара фляжек странноватого эльфийского напитка, отгоняющего усталость, и куча всякой мелочи типа колец, медальонов и амулетов. Некоторые из них наверняка имели какую-то силу, и я прихватила их с собой — если мне доведется увидеть Романа (а я должна дожить до этой встречи хотя бы для того, чтоб рассказать ему правду о том, что произошло сегодня), я отдам ему весь этот скарб. Пусть он сам разбирается с ним в меру своих знаний и понятий, а мне надо было идти.

К счастью, я достаточно хорошо знала звездное небо, по крайней мере, достаточно, чтобы идти к морю, никуда особо не сворачивая. Первые люди, к которым я могу обратиться, должны быть эландцами. Так решил Астен, и мне оставалось только следовать его решению. Я в последний раз оглянулась на сверкающий холмик в чаще леса и зашагала на северо-запад. Впереди у нас с Преданным была целая зима...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ТАЛАЯ ВОДА

*Словно вся прапамять в сознание
Раскаленной лавой текла,
Словно я свои же рыдания
Из чужих ладоней тила.*
А.Ахматова

Глава 6

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Агнца.
Святой город Кантиска**

Почерк у кардинала Таянского и Эландского был под стать ему самому — крупный и красивый. Во всяком случае, много красивее быстрых летящих каракулей Его Преосвященства, которые тот и сам не всегда мог сразу разобрать, особенно по прошествии времени. Читать письма Максимилиана было бы сплошным удовольствием, если б не новости, которые тот сообщал. Кардинал писал образно и емко, опуская присущую большинству клириков витиеватость и ссылки на Книгу Книг.⁵⁶ Разумеется, в своем официальном послании Конклаву Максимилиан соблюдал все каноны, но в личном, глубоко секретном послании Архипастырю был предельно откровенен, за что Феликс, не терпевший велеречивости и хождения вокруг да около, был своему единомышленнику и соратнику глубоко признателен. Вообще-то, говоря по чести, обаятельный, глубоко начитанный Максимилиан, с детства готовившийся к церковной карьере, был бы на месте Архипастыря уместнее резковатого, замкнутого Феликса; судьбе же было угодно вручить Посох⁵⁷ бывшему воину; и будь тот настроен более мистически, непременно углядел бы в этом волю провидения. Ибо приближалась война.

Феликс машинально поправил свечу в атэвском подсвечнике, изображавшем готового вспорхнуть голубя. Занятно, но у атэвов эта птица символизировала плотскую любовь, а Церковь Единая и Единственная видела в ней символ целомудрия и одно из воплощений Духа. Рассеянно улыбнувшись и погладив правую руку — привычка, возникшая от постоянного желания убедиться, что он больше не калека, Архипастырь склонился над письмом.

«Дела, дорогой друг, — писал Максимилиан, — оставляют желать много лучшего, хотя назвать их безнадежными я бы тоже не торопился. Когда я согласился приехать в Эланд, то полагал, что вы преувеличиваете достоинства герцога Рене и его влияние на жителей государства, но оказалось, что вы их недооценили. Рене Аррой — истинный вождь, которого обожают все его подданные (хотя это слово к жителям Полуострова вряд ли подходит) от мала до велика. Причем Аррой ничего не делает, чтоб завоевать эту любовь и поклонение.

Каюсь, мой дорогой друг, и я сам попал под обаяние этой неординарной личности и

⁵⁶ Книга Книг, Святая Книга, Книга Бытия — книга, признаваемая Церковью единственным источником Сведений по Священной Истории.

⁵⁷ Посох — знак власти Архипастыря. Посох, обвитый плющом, — символ Церкви, символизирует опору, которая необходима всем — и людям, и растениям.

теперь вполне представляю, каким мог быть император Анхель⁵⁸ в лучшие свои годы. Не скрою, если бы не это обстоятельство, я бы счел положение Гнезда Альбатроса совершенно безнадежным, но все равно без помощи нам (видите, любезный Феликс, я уже не отделяю себя от своей строптивой паствы) долго не продержаться. Вести из Таяны самые тревожные.

Не знаю, сохранились ли те источники информации, которыми располагала Церковь в Гелани, очень бы хотелось, чтобы это было так, но самозванец Тиберий находится полностью под влиянием самозванного же регента и, видимо, сообщил тому все известные ему как клирику высокого ранга тайны Церкви. Остается надеяться, что покойный Иннокентий делился со своим окружением далеко не всеми секретами. Тем не менее вред Тиберий и последовавшие за ним уже принесли и еще принесут немало. Когда настанет день расплаты, я сам буду свидетельствовать перед Конклавом против них и с чистой совестью передам эту клику в руки Скорбящих Братьев.⁵⁹ Но вернемся к делам нашим.

Если я передаю сведения, уже известные в ваших южных краях, просто пропустите эти строки, хотя я почти уверен, что то, что я расскажу, станет для вас столь же неприятной новостью, как и для меня.

Начну с того, что у нас появился некий таинственный друг, присылающий голубиной почтой послания, подписанные «Эмико», в которых содержатся сведения исключительной важности. Кроме того, совершенно очевидно, что Рене имеет в Таяне своих прознатчиков, имена которых держатся в строжайшей тайне, за что я его не виню. Люди, помогающие нам из логова зверя, заслуживают того, чтобы об их безопасности заботились.

Итак, нам достоверно известно, что в Гелани скапливаются войска, причем их численность явно превышает возможности Тарски и Альвии вместе взятых в несколько раз. Михай называет их горским ополчением, но, судя по всему, это прекрасно обученные воины, подчиняющиеся железной дисциплине и фанатично преданные делу, о котором я расскажу ниже. Рене утверждает (и у меня нет оснований ему не верить), что эти воины принадлежат к расе гоблинов, каковых мы многие годы почитали вымышленными существами. Тем не менее наш вездесущий герцог в юные годы предпринял путешествие в Последние горы и имел сомнительное удовольствие познакомиться с этими существами достаточно близко. Не столь давно последовало нападение, свидетелем которого стал брат Парамон, а теперь одного из гоблинов видел собственными глазами и я. Он принес на себе (я не преувеличиваю!) в Эланд больного графа Гардани, выполняя клятву, данную известному вам Роману Ясному. Как барду удалось вынудить гоблина это сделать, я не знаю, но мог лично убедиться в том, что Ночной Народ, как их еще называют (само название этих созданий — орки), обладает нам непонятным, но очень строгим кодексом чести.

Статью эти существа не сильно отличаются от людей, но лица их (если подобные физиономии можно назвать лицами) способны даже самого храброго человека лишить сна на несколько дней! Гоблины довольно высоки ростом, широки в плечах, их руки несколько длиннее человеческих, а сами они обладают огромной силой. Одеваются в основном в кожу и домотканое сукно, предпочитая мрачные, темные тона в одежде, что как нельзя лучше сочетается с их отталкивающими физиономиями. У них жесткие черные волосы, начинающие расти почти от сросшихся бровей, низкие, выступающие лбы, воистину волчий оскал, узкие рысьи глаза черного или желтого цвета. Они носят длинные висячие усы, а волосы или стригут в кружок, или же стягивают сзади в некое подобие конского хвоста. Это неутомимые и свирепые бойцы, исстари предпочитавшие в качестве оружия усиленные луки, дротики, пращи, кривые ятаганы и кинжалы. Копья у них были не в почете, видимо, потому, что, обладая руками такой длины, они могут достать любого врага саблей или кинжалом. До последнего времени гоблины предпочитали биться по старинке, «один на один», не имея

⁵⁸ Анхель Светлый — легендарный император Арции, символ доброго и мудрого правителя.

⁵⁹ Скорбящий Брат — клирик, ведущий следствие по делу священнослужителей, заподозренных в ереси.

практически никакого понятия о тактике, не говоря уж о стратегии, и презирая современное оружие, кроме арбалетов, к которым их приучили тарскийцы.

Но в этой области, к сожалению, в последнее время ситуация изменилась. По приказу и при личном участии Годоя гоблины осваивают длинные пики и алебарды, одновременно обучаясь атаковать или обороняться большими колоннами и действовать совместно с тарскими мушкетерами. Учитывая их огромную силу, ни в Эланде, ни в Арции противопоставить пехоте, организованной подобным образом, нечего.

Рене полагал, что численность гоблинов невелика, но, видимо, он ошибался. Вероятно, в юго-западной области Последних гор, которую он посещал, гоблины действительно живут в небольших деревнях, занимаясь скотоводством и охотой, а также рубят лес и сплавляют его по горным рекам в Тарску. Кстати, они тоньше в кости и более человекоподобны, чем их северо-восточные родичи.

Те же, видимо, живут большими поселениями и подчиняются своим вождям, которые присягнули на верность Михаю. Как нам стало известно, сделали они это по доброй воле, так как регент открыл им, что намерен вернуть в мир их богов. Мы с герцогом Арроем и Шандером Гардани провели несколько вечеров, пытаясь из полудетских воспоминаний первого и разговоров бедного Шандера с его невольным спасителем (кстати, Гардани вспоминает «своего» гоблина по имени Уррик весьма тепло, он искренне возмутился, когда я назвал того нелюдем!) составить единую картину верований этого племени и на основании этого понять, чем же их мог завлечь Михай Годой. Впрочем, я полагаю, что сам герцог Рене придает этим легендам куда большее значение, чем пытается показать. Надеюсь, что со временем он будет со мной более откровенным.

Пока же возвращаюсь к нашим неприятелям. Эти существа уверены, что были созданы (надеюсь, эта ересь не дойдет до ушей Скорбящих Братьев, иначе я рискую окончить свои дни, приняв Агва Закта, чего не хотелось бы) не Творцом, но некими Истинными Созидателями, сотворившими когда-то этот мир и населившими его сначала неразумными тварями, затем существами, сочетающими в себе животное и разумное начало — троллями, и ныне вымершими полулюдьми-полуконями, и, наконец, людьми и гномами, обладающими бессмертной душой. Последнее с точки зрения гоблинов является признаком ущербности, ибо дает право на ошибку, которую могут исправить или искупить в следующей жизни. Себя же гоблины почитают венцом творения, так как не имеют души и рождаются, чтобы выполнять свое предназначение, которое за них никто не исполнит, а затем исчезнуть навсегда, покрыв себя либо позором (если долг не исполнен), либо славой.

Шандер пытался доказать своему спасителю, что тот, как и всякая дышащая тварь, обладает бессмертной душой, но не преуспел в этом. Зато его спаситель рассказал ему весьма забавное гоблинское предание. Согласно ему, Истинные Созидатели были уничтожены вторгшимися в наш мир чужаками, которые привели с собой своих прихвостней, что как две капли воды похожи на действующих в наших сказках бессмертных эльфов. Кстати, этот гoblin не придумал ничего лучшего, чем принять победившего его барда Романа за эльфа. Видимо, чтобы оправдать этим свое поражение, ведь некогда предки гоблинов, по их утверждениям, потерпели поражение именно от эльфов.

Уничтожив Истинных Созидателей, узурпаторы установили свое господство, которое длилось семь тысяч лет, после чего вместе с эльфами внезапно покинули сей мир. Гоблины во времена владычества эльфов отступили в Последние горы, где и жили в ожидании знамения возвращения Истинных Созидателей, которых, оказывается, можно вернуть. Как это сделать, «друг» Шандера, естественно, не знает, но именно при помощи этой нехитрой приманки Михай заставил Ночной Народ выползти из своих нор и встать под свои знамена.

Как и следовало ожидать, регент внушил своим звероподобным союзникам, что начинать следует с захвата Эланда. Разумеется, никаких Созидателей они там не найдут, но беду могут причинить немалую. Я с трудом представляю, как потом наш бесподобный Годой станет объясняться с приведенной им ордой, когда гоблины поймут, что их обманули... Впрочем, боюсь, что поймут они это еще не скоро.

Рене полагает, что Годой предназначил гоблинов для того, чтобы взломать оборону Эланда, чтобы по их трупам прошли тарскийцы. Таянцы, по мнению Адмирала, вряд ли горят желанием воевать, им слишком памятна дружба Альбатроса и Рыси, к тому же они запуганы и растерянны, а страх и растерянность не то чувство, которое делает человека хорошим воином.

Видите, дорогой друг, я начинаю рассуждать о некоторых вещах как заправский воин. Однако не гоблины и не тарскийские стрелки более всего беспокоят герцога Арроя. Дело в том, что в Таяне творятся вещи, непонятные человеческому разумению. То, что Михай довольно далеко продвинулся по дороге Запретной магии, очевидно, и никто не может представить, какие страшные тайны открылись ему на путях, благоразумно запрещенных равноапостольной Циалой. Мы точно знаем, что он как-то научился подчинять тело другого человека своей недоброй воле, правда, делать это, судя по всему, весьма трудно и результат непредсказуем. Во всяком случае, принц Стефан Ямбор и герцог Шандер Гардани устояли перед этим колдовством, но ценой тяжелой болезни.

Состояние Шандера лично мне представляется безнадежным — он медленно слабеет, и помочь ему не может никто. Возможно, если бы в Идаконе находился Роман Ясный, сумевший излечить Стефана, он спас бы и графа Гардани, но где находится бард, не известно никому. Мне искренне жаль графа, который переносит свои страдания с необыкновенной стойкостью, и я полагаю, что одно это преступление делает возможным применение против Михая Годоя ЛЮБЫХ мер.

Пока же мы готовимся к войне и считаем дни, которые нам для этого отпустила великодушная зима. Не скрою, то, что весна в Эланд приходит на месяц позже, чем в Южную Фронтеру, вызывает определенную надежду. Если бы Святое воинство нанесло упреждающий удар через Гремиху, планы Михая были бы серьезным образом нарушены, ибо ему пришлось бы дробить свои силы. Без этого наше положение будет очень тяжелым, но я все же надеюсь на вашу решительность.

Остаюсь искренне ваш

Максимилиан Эландский.

Писано в двадцать шестой день месяца Вепря».

— В двадцать шестой день месяца Вепря, — пробормотал вслух Феликс. — Проклятье!!! Можно подумать, я не понимаю, что все это значит... Но я ничего не могу сделать с этими мунтскими ублюдками!

Его Святейшество еще раз пробежал глазами послание. Если он все правильно помнит, не сегодня-завтра дороги в Таяне и Фронтере просохнут. Вот тут бы и дать по рукам зарвавшемуся выскочке! Вряд ли Михай рискнет сунуться в междуречье Ганы и Фанта раньше месяца Медведя. Но время все равно упущено, и упущено безнадежно! Архипастырь нервно погладил руку, затем решительно дернул шнур звонка. Брат Парамон, уже вполне освоившийся с должностью секретаря Его Святейшества, но все еще робеющий блистательного брата Фиделиуса, возник на пороге, моргая близорукими глазами.

— Мне нужен Рафал, — отрывисто сказал Феликс, — и побыстрее.

Брат Парамон кивнул и торопливо вышел. Архипастырь откинулся в кресле, глядя в расписанный звездами потолок. То, что он собирался сделать, счел бы безумием сам Филипп, но другого выхода не было. По крайней мере он, Феликс, его не нашел за два месяца, прошедших с того злосчастного дня, как в его кабинет провели смущенного графа Нурнига, посла Его Императорского Величества Базилека.

Длиннейшее велеречивое послание, без сомнения сочиненное всемогущим канцлером Бернармом, оказавшимся достаточно дальновидным, чтобы жениться на дочери стремительно выживающего из ума Базилека, сводилось к тому, что провозглашенный Церковью Святой поход был весьма неуютен Мунту.

Феликс, как и Рене, терпеть не мог политику, но вынужден был в ней разбираться. Реакция империи его не удивила, более того, не зная он подробностей происходившего в Таяне, он бы счел ее обоснованной. В самом деле, Арция давно одряхлела и держалась лишь

потому, что никому не приходило в голову ее хорошенько потрясти. Когда-то присоединенные королевства и герцогства, ныне ставшие провинциями империи, все еще оставались в ее составе, так как местные нобили были слишком сыты и ленивы, чтобы оспаривать право на независимость. И тем не менее Феликс отчетливо понимал, что рано или поздно кто-то из них решится из герцога или графа превратиться в короля и, если ему улыбнется удача (а она улыбнется, если тот будет достаточно смел и предприимчив), то и другие, молодые и честолюбивые, поспешат отложиться от тихо умирающей метрополии.

Базилек и его окружение предпочитали не замечать очевидное, предполагая, что на их век хватит. Они опасались другого — союза Таяны и Тарски, которые все увереннее заявляли о себе. Правда, пока они не покушались на империю, раздвигая свои границы в основном за счет северных и восточных земель, примыкающих к Запретной черте, но вот многие фронтерские нобили начинали поглядывать на Рене и Марко как на возможных сюзеренов, от которых куда больше толку, чем от мунтских вырожденцев. Отставка же, данная Стефаном беспутной императорской племяннице, заставила забыть об идее объединения старого и нового центров путем династического брака. Бернар, в отличие от Базилека пекущийся о своем будущем, понимал, что усиление Таяны означает неизбежный распад Арции. В этих условиях ссора Рыси с Альбатросом представлялась чудесным спасением.

Базилек без колебания признал все права Михая Годоя и срочно отправил в Гелань с деликатной дипломатической миссией графа Фредерика Койлу, сделавшего все возможное и невозможное, чтоб укрепить регента в его желании захватить Эланд и свернуть голову Рене. Михай принял графа по-королевски, завалив его подарками и введя в круг своих избранных друзей. В этих условиях непреклонная позиция Церкви, не признававшей притязаний Годоя, не могла вызвать у мунтского двора ничего, кроме отторжения.

В своем письме Бернар указывал, что не намерен вмешиваться в дела Его Святейшества, но не может позволить Святому воинству пройти через имперские владения и воспрепятствует присоединению к Святому походу своих вассалов. Более того, Базилек был осведомлен о том, что далеко не все члены Конклава разделяют мнение Архипастыря, и намекал, что империя готова поспособствовать расколу Церкви и предоставить мятежным клирикам лежащую недалеко от Мунта Фей Вэйю, чье имя тесно связано с именем Цялы Благословенной. Были и другие угрозы и намеки, но в сравнении с первыми двумя они выглядели как мыши рядом с котами.

Феликс понимал, что сопротивление Базилека сломить ему вполне по силам и он, без сомнения, сделал бы это уже к началу осени, пустив в ход и то оружие, которым так сильны церковники, и свои личные связи в Мунте, так как в свое время рыцарь Феликс был весьма близок с убитым при Авире принцем Эллари, столь же непохожим на бездарного Базилека, как нож на репу. Увы! У Архипастыря не было времени. Он отдавал себе отчет, что склока Церкви с Арцией при любом исходе многократно усилит Годоя, да и рисковать целостностью Церкви в ожидании потрясений, которые сулило это лето, было безумием.

Феликс был вынужден ждать, копя силы в подвластной ему Святой области, собирая припасы и деньги, тренируя добровольцев, которым для того, чтоб примкнуть к войску, не требовалось разрешения сюзерена. Уже сейчас под Кантиской собралось не меньше десяти тысяч волонтеров, которые вкупе с двенадцатью тысячами отборного церковного войска представляли немалую силу. Конечно, с ними нельзя было штурмовать Гелань, но вот отвлечь Михая от Эланда возможностью удара через Гремиху было вполне возможно. Только вся эта сила была связана по рукам и ногам выжившим из ума императором и его обнаглевшими родственниками. Феликс видел, что единственным выходом является ускоренный марш на помощь Аррою, но для этого придется ждать нападения Годоя на Эланд. Тогда можно будет отринуть все условности. Только вот дорога займет не меньше полутора месяцев, и все это время Эланду придется отбиваться в одиночку. А этого-то Феликс и не мог допустить.

Лейтенант Рафал застал Архипастыря, задумчиво изучающего карту Пантаны. С той

невероятной ночи в храме Святого Эраста все свидетели явления великомученика и последовавшей расправы над святотатцами невольно держались вместе. Добори, Парамон, Рафал и Ласло стали надежной опорой Архипастыря, а связывающая их тайна заставляла относиться друг к другу с полным доверием. Поэтому Феликс не стал хитрить и ходить вокруг да около.

— Посмотри сюда, — Архипастырь указал стеклом из слоновой кости место на карте. — Тебе нужно добраться в эти места и разыскать там остров в болоте, который эльфы называют Убежищем.

Лейтенант с явным непониманием смотрел на Феликса, и тот со вздохом продолжил:

— То, что я тебя прошу сделать, может показаться безумием, но мы не имеем права оставлять Эланд без помощи и не можем по милости Бернара ударить по Годую первыми.

— Я понимаю, — кивнул каштановой шевелюрой лейтенант.

— Ты помнишь Романа?

— Либра? Разумеется. Разве такое забудешь?

— Хорошо. А теперь слушай меня внимательно. Я не сошел с ума, хотя сторонний наблюдатель с этим вряд ли согласится... Так вот, тебе следует...

2229 год от В.И.

8-й день месяца Агнца.

Фронтера. Ласковая пуща

Желтая бабочка радостно порхала над ломкой сухой травой и первыми весенними цветами. Под деревьями и по оврагам еще лежал синий, набухший влагой снег, но поляны и прогалины уже были от него свободны, а теплый южный ветер подсушил землю, на которой не замедлили расцвести желтые и белые примулы. Маленькие серые пичуги, предпочитающие зимовать в родных краях, оживленно бранились в покрытых серебристыми барашками кустах ивняка. Им не было никакого дела до худенькой женщины, с блаженной улыбкой подставлявшей лицо и руки весеннему солнцу.

Лупе была счастлива, как никогда в жизни. Ее переполняла неистовая, бурная, как весенние ручьи, радость. Женщина словно бы захмелела, и вместе с тем никогда еще она так остро не чувствовала то, что происходит вокруг. Она слышала, как бродят в деревьях молодые соки, еще не нашедшие выхода своей буйной силой, ей были понятны птичьи голоса и забота лисей четы, спешащей приготовить нору для будущего потомства. Звонкие голоса проплывающих в небе птичьих стай наполняли душу ликованием так же, как и звон ручьев, и трогательные сережки, украсившие орешник. Она ни о чем не думала и почти ничего не помнила, от прежней жизни остались какие-то смутные, туманные образы — девочка, кормящая с ладони голубей, островерхие черепичные крыши, запах сушеных трав, свет, пробивающийся сквозь низкое окошко... Все тревожащее, грустное, болезненное словно бы смыло прозрачной родниковой водой. Даже собственное имя женщина не то чтобы забыла, просто оно стало чем-то ненужным, бессмысленным. Зачем о чем-то думать, если в Тарру пришла весна? Есть один непреложный закон: весной нужно радоваться и спешить жить. И она радовалась...

Кусты за спиной вздрогнули, расступились, пропуская стройную, гибкую фигуру в темно-сером, и снова сплелись. На поляну вышел юноша с точеным эльфийским лицом, обрамленным зеленоватыми локонами. В сомкнутых ковшиком ладонях он держал пригоршню крупнозернистого снега, сквозь который пробивались сиреневые с белыми прожилками цветы. Лупе, радостно вскрикнув, подбежала к пришедшему и с нежностью погладила атласные упругие лепестки, прошептав: «Какие красивые...»

Он протянул ей цветы, которые она с восторгом приняла. Цветы пахли свежестью и слегка медом. Женщина с мечтательной улыбкой вдыхала слабый аромат и не сразу почувствовала, как узкая рука легла ей на голову, нежно коснувшись легких пепельных волос. Лицо юноши в сером приняло сосредоточенное выражение, губы зашевелились, как

будто он шепотом произносил какие-то слова. Женщина вздрогнула, словно ее кто-то внезапно тронул ледяными пальцами, и затрясла головой, словно отгоняя наваждение. Когда она подняла глаза, бывшего беспредельного счастья в них уже не светилось. Были тревога и непонимание.

— Где я? Что со мной?.. Почему весна?

— Весна потому, что она пришла. Ты очень долго спала и видела хорошие сны, — Кэриун-а-Роэбл-а-Дасто невесело усмехнулся, — мне было жаль будить тебя, но у меня нет другого выхода. Беда на пороге.

— Беда? — Лупе сверкнула золотисто-зелеными глазами. — Да, я теперь вспоминаю. Гелань, смерти, гоблины... Но как вышло, что я тут?

— А что было последним, что ты запомнила? — Кэриун опустился на землю у ног Лупе и принялся рассеянно перебирать пальцами золотистые метелки прошлогодней травы. — Я нашел тебя в лесу, ты почти совсем замерзла, и я не придумал ничего лучшего, чем навезть на тебя зимний сон.

— Зимний сон? — с удивлением переспросила Лупе. — Но разве может человек спать так же, как медведь или еж?

— Конечно, может, — пожал плечами Хозяин,⁶⁰ — только не знает об этом. Звери и деревья, те умеют усыпить себя сами, а люди слишком много думают и слишком много боятся. Им нужно помочь. Я узнал тебя и сначала хотел отнести к твоим соплеменникам или навести их на твой след, но сейчас здесь очень беспокойно, и я не мог им тебя доверить. Но и оставить тебя зимовать в лесу было нельзя, мы, Хозяева, зимой тоже теряем часть силы, выходим из своих прибежищ очень редко. Я просто не мог заботиться о ком-то еще, вот и пришлось взять тебя с собой в зимнее укрытие...

— Да, — подумав, откликнулась Лупе, — я что-то помню. Помню, я бродила по опушке леса, надеялась встретить кого-то из Хранителей, потому что по тракту идти было нельзя, а дороги через Кабаньи топи я не знала, и потом, болота еще не замерзли...

— Кабаньи топи никогда не замерзают, — махнул рукой Кэриун, — они ведь не простое болото, там есть Место Силы, правда, оно почти выдохлось, но для того, чтобы устоять против Зимы, его еще хватает. Ты хорошо сделала, что туда не пошла. Матушка, она ведь странная — кого-то пропустит, а кого-то и утопит. Так, на всякий случай. Она мало кому верит, и, по-моему, у нее есть на то все основания. Но почему ты ушла из города, да еще под зиму?

— Я не могла там больше оставаться, — вздохнула Лупе. — Всех, кого я любила, или убили, или забрали. Я оставалась одна.

— Это очень плохо, когда все погибают, — печально кивнул Хозяин Ласковой пуши, — я ведь тоже год назад остался совсем один. Сейчас я почти привык и даже справляюсь со своим делом. Зимой мы пережили очень хорошо — ни одно большое дерево не погибло и зверье тоже славнo перезимовало. Скоро у всех будет потомство, новая забота, но я справлюсь. Жаль, конечно, что окрестные Хранители почти все сбежали, да и Хозяева тоже. Если честно, я считаю это трусостью. В конце концов, хранить, когда все в порядке, может любой грибной пенек. А вот когда дело доходит до Конца Света, тут мы, дети Дуба, и должны показать, что нас не зря уважают, — Кэриун залихватски тряхнул буйными кудрями, — мы еще посмотрим, кто кого! Слушай, смертная, — оставайся здесь, со мной. Дел тут очень много, а рук мало...

— Погоди, — Лупе казалась немного растерянной, — но я ведь не умею, я человек...

— А тут и уметь нечего, или, вернее, почти нечего, — убежденно заявил Кэриун. — Главное — захотеть. Ты ведь в магии разбираешься, и есть в тебе что-то, что вызывает

⁶⁰ Хозяева — существа, оберегающие какой-то участок дикой природы. Хозяева родственны эльфам, но предпочитают жить в одиночестве и используют очень специфическую магию. В их подчинении находятся Хранители — духи, принадлежащие тому или иному месту. Последние также подвластны эльфийской магии и заклинаниям наиболее сильных магов-людей.

доверие. Тут, в Тарре, кровь у всех так смешана, что если знать, чего хочешь, всегда найдешь в себе искру, которую нужно только раздуть. Я думаю, если ты постарайся, ты сможешь стать Хранительницей. Тем более их сейчас тут нет... Да, я об этом тебе уже говорил... А иметь дело с деревьями, озером, магией леса очень приятно и продлевает жизнь. Ты вполне сможешь стать, ну, не совсем бессмертной, но проживешь много больше людей и даже некоторых деревьев. Если, конечно, Осенний кошмар нас всех не сожрет, но тогда все равно никого не останется, одни голодные тени и туман...

— Не знаю, Кэриун, — растерянно отозвалась Лупе, — я никогда не думала о бессмертии.

— А те, кто о нем думает, никогда его и не получают, — заявил дубовичок, — так почему-то всегда бывает. Так ты согласна?

— Пожалуй, я останусь у тебя. Пока. А там будет видно. Слушай, но если этот Осенний нападет?

— Мы будем защищаться, — быстро ответил Кэриун, — мы осенью много говорили и с Матушкой, и с Прашино, и кое с кем еще. Удрили все-таки не все. Нам есть чем принять эту нежить. И мы больше не одни. Всадники Горды уже не спят, их кто-то разбудил. Так что сам Осенний снова сюда пройти не сможет, а с его подручными мы как-нибудь да управимся...

**2229 год от В.И.
8-й день месяца Агнца.
Таяна. Гелань**

Ланка была просто великолепна, когда в пурпурном бархатном платье и подобранном в тон плаще, отороченном блестящим темно-коричневым мехом, поднялась на разубранное флагами и гирляндами возвышение, специально сколоченное по такому случаю лучшими плотниками Гелани. Медные волосы жены регента украшала горящая тревожным блеском рубиновая тарскийская диадема, темно-алые камни пылали в ушах. Солнце светило повесенному ясно и сильно, но в тени еще было холодно; принцесса мерзла, но капюшон роскошного плаща оставался откинутым — в такой день властительница должна предстать перед подданными во всем блеске. Рядом с Иланой стоял толстый кардинал Тиберий, которого младшая дочь покойного короля ненавидела и презирала чуть ли не с детства. Ее законный супруг — тарскийский господарь, он же регент Таяны, какового Ланка ненавидела и презирала еще больше, красовался внизу, разодетый в свои любимые черный и ярко-красный цвета. Грудь регента украшал богатый стальной нагрудник атэвской работы, голову венчал шлем с султаном из слегка подвитых перьев черного страуса. Михай Годой восседал на вороном без единого пятнышка жеребце. Рядом с ним на пышном белом муле скорчился епископ Таисий, а чуть подальше с трудом сдерживал горячего серого в яблоках скакуна арцийский посол Фредерик Койла.

Ланка не могла видеть лиц находящихся внизу мужчин, но не сомневалась, что они были торжествующими. Каждый из них добился того, чего хотел. Михай получил от императора Базилека право прохода через арцийские провинции. Таисий стоял на пороге исполнения своей многолетней мечты об искоренении какой-нибудь ереси (желательно вместе с еретиками), а красавец Койла оправдал возложенные на него надежды канцлера империи, спавшего и видевшего, как Рысь и Альбатрос уничтожают друг друга. Впрочем, жители столицы, да и большинство из марширующих внизу воинов, не предполагали, что им предстоит схлестнуться именно с эландцами. То ли для того, чтобы все еще остававшиеся в Таяне люди Рене (а что таковые имелись, Михай не сомневался) не успели предупредить своего опасного господина, то ли потому, что население Гелани весьма прохладно отнеслось к объявленному Тиберием Святому походу против эландских нечестивцев (а кое-кто из солдат гарнизона и городской стражи и вовсе бросил свои казармы и подался вон из столицы), то ли чтобы Базилек смог хоть как-то оправдаться перед Архипастырем, было

объявлено, что таянско-тарскийское войско и благочестивые ополченцы из числа горцев отправляются в Святой поход против атэвских язычников.

Правду знали только в Высоком Замке, да еще бывалые воины догадывались, что отправляются не на юг, а на север. В письме же императора было сказано, что воинству Михая разрешено пройти ускоренным маршем через Фронтеру к Гверганде, городу-порту, расположенному в устье полноводной Адены, северный берег которой от Зимней гряды⁶¹ до побережья принадлежал Эланду, а Южный — империи. Там-де армия погрузится на арцийские корабли и отправится на юг воевать с безбожным калифом Майхубом. На деле же полки должны были, воспользовавшись городскими мостами, перейти на эландский берег и, развернувшись вдоль побережья, вторгнуться во Внутренний Эланд.

Таким образом, Михай избегал переправы через Гану в единственном возможном месте и почти непроходимых болот и лесов Внутреннего Эланда, где передвигаться можно лишь по двум большим дорогам, перекрыть которые для такого полководца, как Рене, не составит особого труда. Иное дело — широкая прибрежная полоса, на которой есть где развернуться и знаменитой таянской коннице, и неутомимой гоблинской пехоте. Численное превосходство, таким образом, здесь становилось решающим фактором. Зимой, когда ледяные волны Сельдяного моря с ревом штурмуют берег, докатываясь до знаменитой скальной стены, что, по утверждению Академиков, в стародавние годы, пока море по воле Творца не отступило, больше чем наполовину была скрыта под водой, затевать подобный поход было бы самоубийством. Другое дело — короткое, но ласковое северное лето, когда залив спокоен, прибрежные пески зарастают остролистной травой, вполне годящейся лошадям, а многочисленные ручьи и речонки можно легко перейти вброд.

Побережье было единственным ключом к Эланду со стороны империи, а в Гверганде и на южном берегу Адены стояла Третья армия Арции под командованием знаменитого Сезара Мальвани, целью которого было предотвратить вторжение в империю таянско-эландских войск. Однако любую дверь можно открыть с обеих сторон, и Михай Годой счел, что лучше пожертвовать временем, чем военным преимуществом.

Илана, конечно, представляла, сколько воинов находилось в распоряжении ее покойного отца. Не была она новичком и на военных парадах, которые всегда любила больше, чем балы и даже охоту. Но такого зрелища она еще не видела. Раньше через площадь Ратуши красивым строем маршировали «Серебряные»⁶² и «Золотые»,⁶³ впереди и позади которых шли музыканты с увитыми пестрыми лентами инструментами, на рысях проходили два или три полка легкой кавалерии и один полк тяжелой, которым ее отец и братья необычайно гордились. Рослые всадники на могучих гнедых конях, все в одинаковых медных нагрудниках и шлемах с пестрыми ястребиными перьями. На плечах офицеров красовались короткие плащи из рысех шкур, а простые воины щеголяли в темно-синих суконных с искусно вышитыми таянскими гербами. Илана с детства привыкла восхищаться этим зрелищем, сожалея лишь о том, что было оно слишком коротким. Все прохождение занимало не более трех четвертей оры, теперь же войска шли третью ору кряду. Первые воины уже наверняка миновали Козий лог, а конца войску все еще не было видно. Сейчас через площадь двигались гоблинские полки, и Ланка, как и все геланцы, была поражена их многочисленностью. Таянскую столицу словно бы затопила бурая река. Гоблины маршировали тысячами по двадцать в ряд. Их чужие лица обитателям Гелани казались

⁶¹ Зимняя гряда — скальная гряда, параллельная побережью между устьем Агаи и Братним перешейком и разрываемая только долинами рек. Названа так потому, что во время особенно свирепых зимних штормов до нее докатываются волны.

⁶² «Серебряные» — личная охрана наследника престола в Таяне. «Серебряные», считавшиеся лучшими наездниками Арции, не признали Михая Годоя и ушли в Эланд.

⁶³ «Золотые» — личная охрана короля в Таяне.

совершенно одинаковыми (так же как и одежды из грубо выделанных воловьих шкур, на которые были нашиты металлические пластины), отчего людям становилось жутко. Даже Илане, привыкшей к Уррику, было не по себе. Она поискала глазами любовника и сразу же обнаружила его, застывшего за спиной регента.

Уррик, как и прочие гоблинские офицеры, одевался подчеркнуто скромно. Все попытки Михая разодеть свою личную охрану в яркие роскошные одежды натывались на непоколебимое «нет». Единственной роскошью, которую себе позволили гоблины, были легкие атэвские нагрудники и атэвские же кривые ятаганы, почти такие же по форме, как и те, что делали сами гоблины, но гораздо лучшего качества. Не удалось Годую и посадить своих охранников на коней. Те наотрез отказались, заявив, что мужчины должны ходить пешком и что лошади пригодны лишь для слабосильных людей, а также для трусов и вырожденцев, живущих в южной части Большого Корбута, которые, используя этих никчемных и уродливых тварей, рискуют навлечь на себя гнев Истинных Созидателей. Впрочем, знающие люди не сомневались, что гоблинская пехота выдержит натиск любой кавалерии и во многом именно благодаря ненависти, которую горцы питали к лошадям.

Ланка уже устала смотреть на одинаковые головы в одинаковых кожаных шлемах, и ее мысли заскользили по протеренной дорожке. Разумеется, принцессу занимал Рене Аррой. Чем больше она узнавала своего мужа, чем больше осваивала с Урриком науку любви, тем сильнее мечтала о седом эландце. Убеждение Ланки в том, что их ссора была нелепой ошибкой, на которую ее толкнул гнусный, хоть и весьма дальновидный господин Бо, окрепло окончательно и бесповоротно. Илана не сомневалась, что еще можно все исправить и судьба рано или поздно предоставит ей такую возможность. К сожалению, Уррик, которому она верила как самой себе, уходил вместе с Годоем. В этом не было никакого злого умысла — просто говорящий по-арцийски молодой офицер был нужен регенту для облегчения общения со своими соплеменниками. Уррик уходил, а вот бледные советники — нет, так что супруга регента, хоть и была объявлена в отсутствие такового местоблюстительницей трона, прекрасно понимала, что всем заправлять будет не она, а господин Улло. Кстати говоря, казалось непостижимым, почему бледные оставались в Таяне именно тогда, когда их помощь Годую была куда как необходима. Не собирался же регент схватиться с Рене, отказавшись от магии?! И это после того, как адмирал дважды оставил его в дураках! Илана не сомневалась, что объяснение существует и что она должна его найти.

**2229 год от В.И.
12-й день месяца Агнца.
Запретные земли**

Это было бескрайнее море золотистой прошлогодней травы, сквозь которую уверенно пробивался ясно-зеленый молодой подшерсток. Тут и там на золотом с прозеленью фоне алели, белели, лиловели первоцветки, над которыми кружили первые пчелы. Радостный, весенний мир ничем не напоминал ни то, как расписывали Запретные земли (они же Ларги) людские предания, ни гоблинские представления о Равнинах Смерти.

Криза и Рамиэрль быстро шли на восток. Эльф ЗНАЛ дорогу так, словно бы тысячу раз уже проходил ей, и не важно, было ли тому причиной черное кольцо на его руке или еще что-то. Криза держалась молодцом. Она тащила на себе столько, словно была не девушкой, пусть и варварского племени, а вьючным мулом, и при этом без умолку болтала. За месяцы, проведенные в дороге, Рамиэрль и орка не встретили ничего сверхъестественного. Это был обычный зимний поход в горах. Трудный, конечно, но по-своему даже скучный. Бесконечные подъемы и спуски, выбор самой удобной дороги, охота, поиски места для ночлега — вот и все.

Рамиэрль узнал, что в горах быстрее и удобнее ходить по верху гребней. Даже делая на первый взгляд огромный крюк, ты приходишь к цели гораздо быстрее и куда менее уставшим, чем если бы ломился напрямик, спускаясь в долины и карабкаясь на кручи. Криза

не просто хорошо знала горы — она их чувствовала, поэтому ни лавины, ни метель ни разу не застали их врасплох. От Рамиэрля требовалось одно — указывать, в каком направлении нужно продвигаться, а остальное орка брала на себя. Дичиться она перестала очень быстро и столь же быстро принялась овладевать арцийским. Рамиэрль от своей попутчицы не отставал, и его успехи повергли бы в ужас Эанке, для которой гоблины были существами, отличающимися от крыс лишь размером и степенью опасности. Что до ее брата, то он скорее бы согласился провести остаток жизни в окружении гоблинов, нежели месяц наедине с красавицей-сестрой.

Разумеется, либр не был бы самим собой, не расспрашивай он свою попутчицу о местных поверьях и преданьях и гоблинском житье-бытье. Криза отвечала охотно и с подробностями. Ко всему у девчонки оказался красивый сильный голос, и она с удовольствием пела старые песни и баллады, некоторые из них показались Рамиэрлю весьма красивыми. Разумеется, бард принялся их переводить, благо время было — иногда им по несколько дней приходилось пережидать бураны или прятаться в скалах, ожидая, что нависшая над дорогой снежная громада сползет вниз, сделав проход на какое-то время безопасным.

К счастью, Последние горы в том месте, в котором они шли, были не слишком высоки. Это было царство поросших густым лесом горных цепей, разделенных долинами. Некогда острые вершины были сглажены минувшими тысячелетиями, летом здесь, видимо, царствовали травы и странные белые, словно вырезанные из бархата цветы, про которые особенно любили петь гоблины, называя их Слезами Инты.⁶⁴

В целом же путешествие вышло не слишком обременительным, и не будь поставлено на карту столь многое, Рамиэрль, несомненно, получил бы от него удовольствие. Теперь же эльфа одолевали неприятные мысли, особенно невыносимые по ночам, когда уставшая Криза крепко спала, а Роман, которому для восстановления сил требовалось намного меньше времени, ору за орой вглядывался в темное небо, усыпанное огромными, как это бывает в горах, звездами. Казалось, они забрели в места, где отродясь не было никакой магии. След Уанна тоже не ощущался. Рамиэрль пытался искать мага-одиночку и посредством волшбы, и выглядывая вещественные следы того, что кто-то шел впереди. Напрасно. Уанн как в воду канул. Это могло означать одно из двух — либо тот воспользовался какими-то иными путями, о существовании которых Рамиэрль и не догадывался, либо же Уанн погиб и именно его смерть он и почувствовал в доме Рэннока.

Рамиэрль так и не смог понять, кого же он потерял — отца, дядю, Рене, Герику, Уанна... Все они были ему дороги, любой из них мог в смертный час вспомнить о нем и обладал достаточной силой, чтобы послать Последний зов. Ум услужливо подсказывал, что столь остро может быть воспринята лишь самая страшная потеря, но Роман гнал прочь мысль о смерти отца. Нет, не потому, что был готов выкупить его жизнь ценой другой, кроме, разумеется, собственной. Просто, пока он не знал, КТО, они все оставались живы. В его памяти, в его мыслях.

Наступало утро, Криза протирала глаза, потягиваясь, как горная рысь, весело бежала умываться, разводила огонь... Орка свято придерживалась обычая своего народа, согласно которому мужчина, если рядом женщина, не должен унижать себя приготовлением пищи. Каким-то образом девчонка умудрялась создавать на походном костерке кушанья, достойные королевского стола. Затем они пускались в путь и шли до самого вечера.

К концу месяца Сирены эльф с оркой почти миновали горную цепь, тянувшуюся параллельно Большому Корбуту, но более низкую и пологую, и оказались в окруженной горами равнине, похожей на дно высохшего озера. Снега в ней не было, и Романа поразила странная трава, серебристо-седая и шелковистая, как волосы пожилой женщины. Дул легкий

⁶⁴ Слезы Инты — гоблинское название эдельвейсов, по преданию выросших из слез Инты, смертной возлюбленной сына Омма, скрывавшейся вместе с детьми в Последних горах.

ветер, и по равнине перекатывались серебряные волны. Душу эльфа невольно охватила странная тоска, горькая и светлая, как последние слезы, когда потеря уже оплакана и наступает облегчение. Рамиэрль нагнулся и коснулся чуткими пальцами гитариста шелковистых травинки, казавшихся странно живыми.

— Здесь вся беда и проходила. Так давно-давно, — голосок Кризы вызвал барда из задумчивости.

— Беда? — повторил Роман. — Какая беда?

— Старая беда, — шепотом пояснила Криза, — это Седое поле. Здесь они ходили биться. Созидатели и те, кто пришел. Они все погибшие, а трава стала седая от горе. Это Подзвездное плакало о тех, кто его создавать. Новые не хотели, чтобы другие видели плач земля, и запретили сюда ходить. Мы тоже были трусливыми, мы боялись за дети и уходили за горы.

— Но вы не забыли, хоть вам и было приказано забыть, — откликнулся Рамиэрль, — не суди своих предков слишком строго.

— Я не сужу, — вздохнула Криза. — Но я хотела, чтобы это лучше была грустная сказка. А она стыдная. Тут должна быть еще колодец, из которого текут слезы всегда. Пойдем искать.

Они искали колодец до ночи, но не нашли ничего. Только шепчущую о чем-то седую траву. Лишь на закате над долиной проплыла стая странных белых птиц. Они летели клином и кричали мелодично и жалобно.

— Я тоже знаю про них. Это Белые Птицы, души тех, кто погибал на этом поле. Они вечно летать здесь и вечно звать.

Рамиэрль промолчал. Даже если эти птицы были просто птицами, не стоило разрушать очарование легенды, самой красивой и страшной из рассказанных Кризой. Сам не зная почему, эльф взял с собой прядку седой травы, спрятав туда же, где хранился пучок иммортелей с могилы Мариты. Криза с удивлением посмотрела на своего попугайчика, подумала и сделала то же самое:

— Я принесу это для бабушки, — с гордостью сказала она, — а то даже он не ходить здесь. Теперь я могу сказать, что все так рассказывают. Кроме колодца, — честно добавила она.

Они не стали разбивать лагерь на Седом поле, а вернулись в горы. Больше ничего примечательного ни в этот день, ни в следующие не произошло. Дорога становилась все более пологой, ели и лиственницы сменили сначала светлые буки, затем заросли цветущего орешника, и, наконец, путники вышли к настоящему травяному океану.

Рамиэрля продолжало властно гнать на восток. Криза радостно шагала рядом с ним, несмотря на тяжелую ношу, умудряясь собирать невиданные степные цветы, на коротких привалах украшая себя венками. Девушка всегда остается девушкой, даже если принадлежит к племени гоблинов. Как бы то ни было, реку первой заметила именно орка. И река эта была огромной. Они вышли на крутой берег и замерли, любясь на плавное, величавое течение. Даже Гана в сравнении с этой равнинной красавицей казалась жалким ручейком. Дальний берег мог рассмотреть разве что эльф или гoblin, а для человека он сливался с небом и неторопливыми волнами.

Видимо, в этих краях паводков не бывало вовсе или же они прошли тогда, когда путники еще шли через горы, река же была чистой, прозрачной и спокойной. Эльф легко спустился к воде и опустил в нее руку. Вода была холодной, но не настолько, чтоб это было невыносимым. Кое-где берег порос зеленеющим кустарником. Чуть дальше по течению Роман заметил тропу, протоптанную сотнями копыт, за которой зеленела небольшая рощица. Видимо, сюда заходил на водопой лошадиный табун, но никаких следов жилья, никакого дерева, из которого можно было бы соорудить хоть какой-нибудь плот, не было. Рамиэрль знал, что им нужно на тот берег, но не представлял, как туда перебраться. Конечно, можно было бы подняться вверх по течению или спуститься вниз в поисках брода, но он не знал, сколько дней придется потратить, чтобы найти место для переправы или помощь. Пока им не

попалось никаких свидетельств того, что в Ларгах живет кто-нибудь разумный. Эльф, однако, не сомневался, что он почти у цели, а значит, оставалось одно.

— Криза, ты умеешь плавать? — он не сомневался, что не умеет, но спросить был обязан.

— Нет, — удивилась она, — а разве можно это делать не рыбе и не жабе?

— Можно, — заверил ее Рамиэрль. — Более того, именно это я сейчас и сделаю.

Она непонимающе уставилась на него черными глазищами. Рамиэрлю не хотелось оставлять ее здесь, но выхода у него, похоже, не было — время не ждало.

— Криза, — эльф говорил медленно и ласково, как с Перлой, когда та начинала капризничать или же бояться. — Давай договоримся так. Я поплыву через реку. Ты останешься здесь. Тут, по-моему, неплохое место для стоянки. Жди меня, — он подумал и решил, — пока не родится новая луна и не состарится на четверть. Если меня не будет, иди к деду и все ему расскажи. Но я вернусь, и скорее всего не один.

Внучка старого Рэннока действительно была умной девушкой. Она, конечно, расстроилась, но поняла, что так нужно. Рамиэрль помог ей разбить лагерь в зарослях какого-то кустарника с желтыми цветочками, собранными в изящные кисти. Вроде бы в этих местах никого не было, но осторожность не помешает. Эльф с удовлетворением осмотрел дело рук своих — можно пройти в двух шагах и не заметить, что тут кто-то есть.

Прощанье отложили до утра, и это было ошибкой, потому что впервые за все время пути они не знали, о чем разговаривать. Костер, ловко скрытый в небольшой впадине, тихо догорал, прощальный ужин, сооруженный оркой из «ничего», был съеден, золотистый эльфийский напиток выпит. Просто лечь спать обоим казалось неуместным. Наконец Рамиэрль не выдержал:

— Криза, раз уж мы так засиделись, расскажи мне про Слезы Инты.

Орка с готовностью кивнула, ее тоже мучило молчание, а потом, она, по всему, очень любила эту историю. Похоже, внучку Рэннока всяческие предания волновали куда больше того, что творилось у ней перед глазами. И при этом девушка крепко стояла на земле и обо всем имела свое мнение. Рамиэрль про себя улыбнулся: именно этой глубинной уверенности в своей правоте и не хватало последние две тысячи лет его народу...

— Ну, так кто же она была, эта Инта?

— Человек, смертная, не как ты... Но и не наша. Жаль, что так было, но зачем врать? — раскосые черные глаза с вызовом уставились на собеседника. — Мы всегда помним так, как было. Пусть для нас это не так славно... нельзя ложить... лгова... говорить не так про тех, кто уже ушел. Это самый большой грех, это северные говорить, что им нужно, мы — не такие, — орка замолчала, в яме потрескивал огонь, с реки тянуло свежестью, что-то громко плеснуло, видимо, рыба здесь была под стать самой реке — огромной... — Тогда бывало все иначе, — наконец заговорила девушка. — Были холмы. Много холмов. И там жили люди. И орки. А дальше те, кто сверху как люди, ниже здесь, — она показала ниже чего, — лошады. Все воевали, мирились, умирали, жили. А Созидатели часто приходили и бродили среди живых. Но никто не знал, что это они. Они приходили и уходили. А потом у людей рождались ребенки... У нас, гоблинов, такого не получивалось... Жаль, но так было. А потом дети Созидателей уходили далеко... Они не умирали до Последней битвы, про которую знала старая гарга,⁶⁵ которая знала все. И за это Созидатель Созидателей отдал ей навсегда много земли, и она делала там, как хотела. И там никто не может жить, там воды столько же, сколько земли, и тот, кто туда идет, не вернется...

Гарга сказала, что будет битва, в ней погибать все и родится Новое, которое будет на потом. А какое оно станет, никто не знает до Последняя битва. Если больше победить Созидатели, жить будет можна. Если их враг, то жить будет очень плохо. Созидатели готовились к этой войне, но сначала пришли те, кто пришли. Они называли себя Светом, но

⁶⁵ Гарга — древняя пророчица, одна из гарг предсказала по просьбе Омма Первым богам Тарры их судьбу.

были злая беда. Они убивали всех Созидателей и их детей. Наши тоже были там... Седое поле стало седым в тот день... И теперь нет никто, когда придти время Последней битвы, поднять оружие на Зло, и все получит оно. Если только сама Земля не возвращать... для боя Созидателей. Но это трудно, почти никак сделывать...

Если б гоблины могли дать им жизнь, но мы можем только умирать за эту жизнь навсегда, но все теперь в руки дети Инты... Она была просто молодая. Людей Созидатели не делают красивыми, но они любить их, а не нас... Сын Омма увидел Инту в саду дома ее отца, и она захотелась ему. Она была дочь одного господаря из холмов, у нее бывал жених. Наш народ не помнит, кто он был. Наверное, король. Так всегда бывает. Но она ставала подруга сына Омма. Он видел ее только раз, и еще раз, когда ехал на битву с чужими. Он заходил к ней просто так, он был самый молодой из Созидателей и сказал Инта, кто он такой и куда идет.

Она просила его брать ее и показывать война. И он взял женщину, хотя не был долган это, никто из Созидателей такого не делывал. И он оставлял ее на белый камень, откуда все было видимо. И она видела все. Те, кто пришел, победили. И трава стала седой, а небо белым, солнце остановилось и стояло в небе от горя, и время тоже упало, как воин, которого бить по голове. И так и было, пока победители не погнали солнце вперед плетью, и оно не стало красным от крови и обиды, и не разбудили время, но оно уже пошло в другую сторону. Не назад и не вперед, а вбок, туда, куда не было дороги. Но это было не сразу. А сначала победители ушли, так как устали и на них тоже были много-много ран.

И тут Инта сошла с камня и хотела искать своего любимого, — в голосе Крезы послышалось с трудом скрываемое восхищение, — она не бояться страшные бессмертные, которые охраняли поле, чтоб туда никто не появляться, пока новые Хозяева залечивать раны и окружать это место горы.

Дальше было не так, как нам хотеться. Но мы не имеем правов забывать благородство, оно бывает и у врагов. Оскорбить память врага — позор для нашей чести. Инту увидела женщина из племя эльфов. Она была очень сильная, и у нее было много власти. Она была одна из королевов, но она пускала Инту на поле, потому что уважала любовь... Она так и сказала, и мы помним эти слова. Они как кусты на стенах обрыва, за которые спасается падающий. Эта королева спасать доброе имя всех своих потомков. Вот... Но Инта так и не знать ее имени. Но она находить любимого. Он был один из всех, кто еще не умирал. И он узнавать Инту и давать ей свой меч. А это был самый сильный меч против Зла, который даривал ему отец Созидателей Омм. И Инта взяла этот меч, а сын Омма тут же умирал, так как только сила меча и надость отдавать его в надежные руки делала ему жизнь после битвы.

Инта взяла меч, и он тут же менялся в ее руках, и она держать простой посох. И она пошла назад. И плакала. И из ее слез вырастали цветы белые, как побледневшее от беды небо.

Та эльфка выпускала Инту. Она была великая колдунья, но она или не увидела меч, или увидела, но отпустила его. Никто не знать, что была у нее за душа. А Инта пошла назад. Но что для коня сына Омма было две оры полета, для ноги женщины... — Криза покачала головой, — это очень долго. Пока она шла, у нее рос живот. Так рос, что было видно, что она не может вернуться к дому, отец и жених будут ее убивать. И она ушла совсем в другое место. И тут гарга вышла оттуда, где вода мешана с землей и всех любопытных тянет вниз, где живут каменные говорящие твари, знающие про все, но ничего не знающие, что есть Истина.

Гарга выползывала из своих землев и находила деревню гоблинов. И жрецу-старейшине она велела разыскивать Инту, так как в ней вся надежда Подзвездного. И они отыскивали женщину, и та жила с ними, и никто об этом не знал. Даже гоблины соседних деревнев, так как гарга велела молчать. И у Инты родилась два одинаковых дитя. Но один было мальчик, а другой — нет. И они жили еще несколько летов среди гоблинов, но потом эльфы начали гнать нас в горы. А люди стали предатели и начали молиться новым богам. И тогда жрец-старейшина и Инта решили, что она с дочь уходить назад к люди, а ее сын орки

уносят в горы и воспитывают из него воина, который помнит.

Но все всегда не так, как думывают даже умные. Инта с дочка уходила, и никто с тогда не знает, что с ними было. А на гоблинов нападывали люди, которые тоже хотели начинать жить в те места. Жреца-старейшину убивали, а сына Инты находили и решали, что он пленник, так как понятно было, что он не гоблин, а что он сын Созидателя, никто не мог понимать. И его уносили, и тоже ничего не известно больше.

— А меч? — с трудом сдерживая волнение, спросил Рамиэрль.

— Не знаем, — вздохнула Криза. — Он был у хороший воин, который должен был учить сына Омма биться. Тот прорываться из боя и пропадал. Никто его больше не находить.

— Я одного не понимаю, — после долгого молчания подал голос эльф, — откуда ты все это узнала?

— Слезы Инты, так цветы зовут все. Это так, — ответила орка, — но только те, кто родился в семьях, как моя мать, знать вся правда... Это северные все напутывать, они хотеть забывать и Инта, и эльфа. Они хотеть только убивательный меч... Это кто давно за наших дедушки жили в том селе, где прятали Инта. Мы все помним, ничего не должно быть забытое. Но мы не знаем, где сейчас кровь Омма и меч, который остановит Зло.

— А где Зло, вы знаете? — Рамиэрль сам не знал, зачем он это спросил.

— Не знаем, но чувствуем, — орка передернула плечами, — оно просыпается, и времени почти нет. Мы не победим без Созидателя. Но мы можем умирать с честью.

— Нет, эмикза,⁶⁶ — Рамиэрль шутливо дотронулся до носа своей собеседницы, — мы победим. Мы просто обречены на победу. А теперь — все. Спать!

Странно, но они действительно уснули и проснулись лишь поздним утром, ясным и радостным. Криза, изо всех сил делая вид, что все в порядке, сразу же принялась что-то обжаривать на огне. Эльф покачал головой — тому, кто провожает, всегда тяжелее — и стал быстро собираться. В легкий полотняный мешок сложил самое необходимое — одежду, оружие, немного золота и несколько артефактов — и привязал ношу за спиной, защитив от воды соответствующим заклинанием. Жаль, конечно, что можно спасти от сырости рубашки и оружие, но нельзя идти по реке как посуху, но тут уж ничего не поделаешь.

Эльф сбросил одежду, за чем с видимым интересом и без всякого смущения наблюдала юная орка, и решительно шагнул в воду. Плыть предстояло долго, а день явно клонился к вечеру...

Глава 7

2229 год от В.И.

13-й день месяца Агнца.

Гремихинский перевал и таянская Фронтера

Войско подходило к Гремихе. Людям отроги Лисьих гор еще представлялись туманной полосой на горизонте, но глаза гоблинов уже различали отдельные вершины, темную щетину лесов и даже белые пятна еще не сошедшего снега на склонах. При виде знакомых пейзажей обычно невозмутимые горцы слегка оживились, начались разговоры, а кто-то даже стал мурлыкать под нос песню о горных волках. Гоблины и сами напоминали их, пятый день кряду они без усталости бежали походкой волчьей рысью, позволяющей не отставать от лошадей.

Будь в воинстве Годоя только конница и гоблины, оно миновало бы Гремиху еще позавчера, но в армии была и другая пехота, не говоря об обозе, везущем всяческую необходимую при передвижении армии снасть и фураж. Базилек поставил условием не

⁶⁶ Эмикза — подруга (эльф.).

прикасаются к припасам арцийцев, и регент выполнял обещанное. Впрочем, спешить было особенно некуда — в Эланде и Северной Фронтере, по которой предстояло идти, еще лежал снег, который должен был успеть растаять и сойти в Сельдяное море. Так что время у Годоя вроде бы было.

Разумеется, Михай понимал, не мог не понимать, что Рене вряд ли поверит байке о Святом походе против атэвов, но положение Гнезда Альбатроса это мало меняло. Все равно эландцам придется биться на два фронта — на Побережье, где против них выступит армия, в несколько раз превосходящая их силы, и на переправе у Вархи, которую в нужное время возьмут на себя Ожидющие и горское подкрепление, что вот-вот прибудет в Таяну.

Если Рене прознает про поход Годоя, он вынужден будет оставить без защиты Внутренний Эланд, если же он будет ждать врага у Вархи, что было бы единственно правильным, не сговорись Таяна с Арцией, для него будет неприятным сюрпризом удар с Побережья. Эланд в любом случае обречен, так что проволочка в полмесяца или больше, а она будет много больше (потому что сначала регенту нужно сделать то, о чем не догадывается никто, даже бледные), ничего не меняла. Тем не менее войско шло так быстро, как только могло. И вот теперь голова живой змеи поравнялась со Стражами.

Гоблины с восторгом воззрились на это чудо — память о временах Истинных Созидателей, когда их племя еще не прозвали Ночным Народом, ибо им не нужно было скрываться и таиться, чтобы сохранить своих детей. Каменные гиганты летели над дорогой, не глядя на грешную землю, по которой ползли вознамерившиеся выиграть битву, проигранную когда-то великими. Лица Всадников были обращены на восход, тени от них смешивались с тенями летящих по синему небу облаков и казались живыми.

Уррик благоговейно созерцал Стражей Горды и не сразу обратил внимание на перемену в лице Михая Годоя, которого он поклялся оберегать. Регент был бледен, как болотный туман, побелели даже обычно яркие губы. Руки тарского господаря тряслись, а глаза были устремлены на Всадников. Неожиданно Годой хлестнул своего коня и помчался вперед галопом, словно за ним по пятам гнались твари из преисподней. Никакой пеший, будь он трижды гоблином, не может состязаться с конем в подобной скачке, поэтому за Годоем последовало лишь несколько приближенных нобилей. Уррик с удивлением переглянулся со своими товарищами — такое поведение для вождя было в высшей степени неприличным. Епископ Таисий, неизменный и ненавистный спутник регента, видимо, растерялся. Войско остановилось в ожидании хоть какого-то приказа. Люди и гоблины полушепотом переговаривались, и Уррик, как и все его соплеменники обладавший почти звериным слухом, услышал, что высокий тарскиец в плаще «Алого» обронил:

— Неужто лицо увидал? Дурная примета!

— А то как же, — откликнулся темноволосый крепыш, который, воспользовавшись остановкой, достал фляжку и отпил из нее несколько глотков, после чего, сделав над собой видимое усилие, передал собеседнику: — Он этих всадников завсегда боялся. Отворачивался, как тут оказывался, да нешто от них отвернешься. Это они решают, а не мы...

— Хорошее пойло, — вынес вердикт собеседник коренастого, — только не стоит его пить днем да еще в дороге — развезет...

— Но по чуть-чуть-то можно...

Дальше Уррик не слушал, пораженный известием, что Годой боится Всадников. Боится тех, кому должен служить и поклоняться. Молодой гоблин никогда раньше не задумывался о том, что делает регент, полагаясь на суждение старейшин и Белых Жрецов. Для саморазоблачений и угрызений совести воину хватало его отношений с Иланой и Шандером, которого Уррик, невзирая на то что они были врагами, уважал и, что греха таить, почти любил. То же, что было задумано вождями, не обсуждалось и не вызывало сомнений — Созидатели должны вернуться!

Но почему, в таком случае, Годой боится Всадников? Почему таскает с собой омерзительного клирика, который смотрит на всех безумными, ненавидящими глазами?

Почему никто из Белых Жрецов не участвует в походе? Конечно, они готовят удар через Гану, но хоть кто-то, сведущий в магии, должен сопровождать войско! Годой не такой уж сильный маг, как же он решился на схватку с Рене Арроем, каким-то образом уничтожившим самого Бо?

Уррик не нашел ответа ни на один из этих вопросов, а потому вернулся к одолевавшим его последнее время мыслям о том, что же все-таки есть Добро, а что Зло.

На первый взгляд все казалось ясным. Зло было тем, что некогда явилось в Подзвездное, уничтожило Истинных Созидателей во главе с великим Оммом, вытеснило гоблинов в горы и утвердило свою власть, опиравшуюся на богомерзких эльфов и предателей-людей. Все, что сопротивлялось этому, было Добром. Но считать добром тарского господаря Уррик не мог при всем своем желании. Так же, как и ненавидеть Романа, Шандера и... Рене. Он, конечно, ни разу не видел властелина Эланда, но его любил Шандер, да и Ланка упоминала о нем не иначе, чем с восхищением. Неужели нельзя было поговорить с герцогом, открыв ему истину, которую тот не мог знать, и сделать его своим союзником? Рене — в отличие от Годоя справедливый правитель и великий воин, именно ОН должен возглавлять правое дело.

Конечно, дело Уррика повиноваться тем, кто выше и мудрее, но зачем отказываться от союза с тем, кто может понять величие и благородство их цели, и заключать договор с существами лживыми и презренными?!

Кодекс чести, который Уррик всосал с молоком матери, гласил, что цель не должна оправдывать средства, что союз с трусом и предателем падает позором на твою голову, а с врагом надлежит поступать честно и открыто. Все это вступало в противоречие с тем, что Уррик видел в Таяне, и это толкало его на измену Годую, ведь если бы он повиновался регенту беспрекословно, то предал бы собственную совесть, что было бы еще мучительней. И на этот раз, отсылая в канун выступления последних голубей, Уррик был убежден, что поступает правильно и справедливо. Рене Аррой должен знать, когда и откуда на него нападут. Тогда он, Уррик пад Рокэ, сможет с чистой совестью сражаться и, если надо, умереть за святое дело. Но только если враг будет предупрежден и готов к встрече. Если это будет честный, пусть и неравный бой, а не предательский удар в спину, который запятнает победу и честь всех, кто в ней будет участвовать.

Посылая голубей, гoblin всякий раз боролся с искушением раскрыть свое имя и попытаться раскрыть Аррою глаза на происходящее, но здравый смысл пока брал верх. И дело было не в том, что его ожидала мучительная казнь за предательство, а в том, что Рене мог ему не поверить и к тому же это грозило Илане. То, что, попади его письма в руки регента или Белых, обвинение частично пало бы и на приблизившую его к себе жену регента. Разумеется, Уррику и в голову не приходило, что Рене Аррой был почти уверен в том, что предупреждает его Ланка.

**2229 год от В.И.
15-й — 21-й день месяца Агнца.
Белый Мост**

Белый Мост заняли в пятнадцатый день месяца Агнца. Сельчане не успели ничего понять. По Старой Таянской дороге, не останавливаясь, прошла чудовищная армия, на которую и посмотреть-то как следует не удалось, потому что следовавшие впереди всадники в серых и алых плащах быстро разогнали любопытствующих по домам и разрешили выходить, только когда последний обоз скрылся за поворотом. Больше не происходило ничего. Разумеется, в «Белой Мальве» мужчины до утра обсуждали, что бы это значило, но страха не было. Не было его и тогда, когда несколько дней спустя в Белый Мост заявился осанистый господин в сопровождении пяти десятков воинов. Сельчанам велели собраться на

площади у иглеция, и приезжий с коронного помоста⁶⁷ осчастливил их известием, что отныне Белый Мост, как и вся Фронтера, переходит под руку регента Таяны и господаря Тарски Михая Годоя, каковой будет защищать жителей Белого Моста от всех бед, село же должно исправно платить причитающиеся налоги и поставлять новобранцев в армию Таяны, буде возникнет такая необходимость, а также работников для починки дорог и мостов. Войту Рыгору была вручена большая и очень красивая грамота со множеством печатей и гербов и нагрудный знак, свидетельствующий о том, что он отныне не просто выбранный сельчанами войт, но человек на службе регента. За сим тарскиец уехал, даже не подойдя к накрытому в «Белой Мальве» столу, за которым тут же — не пропадать же добру — собрались сельчане.

Нельзя сказать, что переход под руку Годоя, про которого говорили много, но ничего хорошего, радовал, но жить вроде бы было можно и при нем. Налог был не так уж и велик, даже меньше, чем платили раньше. Конечно, жаль было отдавать в чужое войско парней, но это когда еще будет, глядишь, война к тому времени закончится, а какой король захочет кормить лишних дармоедов, глядишь, беломостцы и не понадобятся. Короче, все было не так уж плохо, и сельчане с жаром принялись за весенние работы.

**2229 год от В.И.
Утро 24-го дня месяца Агнца.
Село Лошадки. Нижняя Арция**

Луи приподнялся на локте и с интересом посмотрел на свернувшуюся калачиком пейзажечку. Похоже, он был прав, когда выбрал вчера именно ее, хотя та, рыженькая, зеленоглазая, была тоже очень ничего... Надо будет как-нибудь сюда вернуться. Интересно все-таки, кого все же зовут Сана, эту или ту?

Девушка сладко спала, и Луи раздумал ее будить — его вчерашняя подружка оказалась в определенном смысле чудо как хороша; проснись она сейчас, они никак не успеют выехать вовремя, а после рассвета охота — не охота, а так, забава для толстых негоциантов. Луи ловко собрал сорванную впопыхах одежду и совсем было собрался соскользнуть с сеновала, но его осенила мысль, показавшаяся удачной. Арциец мстительно улыбнулся самому себе и, порывшись в объемистом кошельке, вытащил тяжелое кольцо, которое и надел на руку девчонке — так Митте, Проклятый ее побери, и надо. Камень, на который она положила глаз, достался смазливой поселянке, вот она разозлилась бы... Жаль, чертова кукла не узнает, какую шутку он с ней сыграл. Луи подавил смехок — еще разбудишь эту курочку, свои же засмеют, что припозднился, — и прыгнул вниз.

Ночь была звездной и прохладной, но племянник императора Базилека в отличие от большинства ныне здравствующих родственничков привык к походной жизни, и предутренний ветерок его приятно возбуждал, напоминая о грядущих охотничьих радостях. Проклятье! Он намерен веселиться назло этому протухшему судаку Бернару и своей дурекузине!!! В конце концов, на Арции свет клином не сошелся, а корона ему, что б там ни лепетала эта сучка Митта, нужна не больше, чем кардинальский посох. В жизни и без этого много хорошего. Если б только за ним не таскался этот старый зануда Матей, поклявшийся собственноручно связать проштрафившегося принца и привезти в Мунт, чуть тот вознамерится покинуть окрестности Старой Месы. Ну да ничего!!! Рано или поздно старому перечнику надоест таскаться за ним по охотам и пирушкам, и тогда прости-прощай, Арция! В мире много куда более веселых мест, чем этот дохлый Мунт, а он молод, силен и желает радоваться жизни.

Луи, легко поигрывая мускулами, вытащил из аккуратного колодца с резным, украшенным фигурками журавлей навесом бадью с ледяной водой и с наслаждением

⁶⁷ Коронный помост — специальное возвышение на главной площади населенного пункта, служащее для проведения официальных публичных церемоний.

опрокинул себе на голову. Стало холодно и очень весело. По-волчьи отряхнувшись, принц распахнул ногой дверь в дом, где ночевали его друзья,⁶⁸ и жизнерадостно проорал бездельникам, чтоб они вставали, еще раз доказав, что, какой бы бурной ни была ночь, он, Луи че Лагг, все равно встанет раньше всех и с наслаждением проведет весь день в седле.

В доме раздалось недовольное ворчание и кряхтение людей, которым помешали досмотреть предутренний сон, но сигуранты⁶⁹ и друзья протестовали недолго. Те, кто связался с полоумным арцийским принцем и согласился разделить с ним его полуизгнание-полуарест, понимали, на что шли. Луи был не из тех, кто будет сидеть в Старой Месе и замаливать грехи, он постарается наделать кучу новых.

Небо только еще начинало светлеть, когда два десятка всадников покидали гостеприимную деревушку. К вящему неудовольствию Луи и его приближенных, у околицы к ним присоединился немалый отряд вооруженных всадников под командованием неразговорчивого лысого крепыша. Принц скрипнул зубами, но смолчал, только послал своего чалого вперед. В конце концов, он императорской крови и имеет право ехать впереди, а этот невозможный Матей — как только отец его терпел — пусть глотает пыль из-под копыт чужих лошадей. Хотя какая пыль по такой росе? Принц в глубине души был человеком справедливым и признавал за его добровольным сторожем тьму достоинств. Матей был неутомим, смел и верен раз и навсегда принесенной присяге. Впрочем, за последнее его качество изгнанник готов был убить старика. Другой на его месте давно бы позволил молодежи развлекаться, как ей угодно, а сам бы сидел себе в городке, попивая местное — очень неплохое — вино, да бросал бы кости и вспоминал минувшие деньки с такими же ветеранами. Так ведь нет! Старый волчара таскался за ними, как хвост за собакой!

Принц невольно расхохотался от пришедшего ему в голову поэтического образа, а затем еще раз, когда представил, как он вставляет его в мадригал об этой сучке кузине. В конце концов, в том, что он оказался выслан в эту богом забытую дыру, виновата была именно Митта, и нечего было ей корчить из себя оскорбленную невинность. Невинность с ней и рядом не ночевала. Она всегда была блудливой и жадной, хоть и до невозможности красивой. Даже не просто красивой. Горело в ней что-то такое, мимо чего не мог пройти ни один мужчина. Как замерзший путник мимо таверны. Ха! Именно Митта затащила его в постель, а потом, когда их застукали, подняла вопли, как циаалианка какая-нибудь...

Впрочем, похоже, что на сей раз она тоже нарвалась. Бернар был намерен терпеть эту драную кошку в Мунте не больше, чем самого Луи. И все равно это было мерзко. Вот уже пятый месяц, как он каждое утро клянется никогда не вспоминать об этом позоре, и все равно вспоминает. Ни вино, ни женщины, которые в Нижней Арции, надо отдать им справедливость, и хорошенькие, и податливые, ни столь любимая им охота не позволяют забыть о нанесенном оскорблении. Его, любимца всего Мунта, вышвырнули из столицы, как напаскудившего щенка, да еще навязали ему целую ораву стражников. А Матей сам вызвался его караулить, чтобы он, видите ли, еще больше не опозорил фамилию. Бред какой! Принц дал шпоры коню. Тот обиженно заржал — не привык к подобному обращению, да и в шпорах-то не нуждался. Хозяину было бы достаточно чуть тронуть поводья, и Атэв понесся бы вперед как птица. Бедный жеребец был не в состоянии понять, за что ему такое невезение, но честно прыгнул вперед и галопом помчался по полю.

**2229 год от В.И.
24-й день месяца Агнца.
Западные Ларги**

⁶⁸ Другари — свита молодого знатного сигнора, чаще всего вторые и третьи сыновья владетельных нобилей.

⁶⁹ Сигурант — личный охранник знатного сигнора.

Горы хороши тем, что их видно издали, ямы ведут себя скромнее, но от этого никто удовольствия не получает. Во всяком случае, Рамиэрль, бодро шагавший на восток по ровной, как стол, степи, однообразие которой нарушили лишь небольшая речушка и несколько то ли рощиц, то ли небольших лесов, окружавших степные источники, невольно вздрогнул, оказавшись на краю обрыва, тянувшегося вниз на много десятков локтей. Внизу переливалась яркими красками лесная чащоба. Оранжевая, алая, бурая и золотая листва завораживала и пугала, так как нет ничего более жестокого и неуместного, как напоминающий об обреченности всего сущего островок осени посреди весны.

Рамиэрль лег на живот и свесился вниз. Гладкие черные стены блестели на солнце, словно были отполированы искуснейшими гранильщиками. Бездна тянулась в обе стороны до самого горизонта, обойти ее не представлялось никакой возможности, да Рамиэрль и не собирался этого делать. Он знал, что почти пришел, и, глядя вниз, на разноцветные вершины, прикидывал, как спуститься.

В том, что выход есть, эльф не сомневался, так же как и в том, что многие годы, если не века, никто не нарушал покоя этого леса. Уанна здесь не было, Примеро тоже. Рамиэрлю было некогда гадать, почему они не дошли — сбились ли с пути, вернулись ли, отвлеклись на что-то иное или же с ними что-то случилось. В конце концов, его целью было отыскать Проклятого, и он был близок к этому. В сравнении с той дорогой, которая осталась позади, это — сущие пустяки: базальтовая стена и то, что прячется под пологом пламенеющей листвы. Роман посмотрел на свое кольцо, в черно-фиолетовой глубине которого уже давно появилась живая, дрожащая искра. Он не сомневался, что именно кольцо привело его сюда. Эльф ощущал магию этих мест — медленную, как бы спящую, но необычайно сильную. Что ж, так оно, видимо, и должно быть в месте Древней Силы.

Либр еще раз посмотрел вниз. Высоковато, конечно, никакой веревки не хватит. Летать он не умеет, хоть и принадлежит к Дому Лебедей. За свою долгую жизнь Рамиэрль так и не удосужился узнать, чем был обязан его клан такому названию, но уж точно не тому, что его предки были в родстве с птицами. Спуститься-то он, конечно, спустится, но вот выбраться из этой ловушки без посторонней помощи, если не удастся отыскать Эрасти, будет тяжело. Ладно, чего думать, надо действовать, а там как повезет. Бард разобрал свои немногочисленные пожитки и отобрал то, что нужно, — длинный и прочный кусок бечевки и два одинаковых кинжала. Без магии, хоть и простенькой, тут не обойтись.

**2229 год от В.И.
вечер 24-го дня месяца Агнца.
Нижняя Арция**

Охота не задалась. Птицы на знаменитых Теплых Озерах было много, но не для таких охотников, как принц Луи Арцийский и его друзья. Ни серых горных лебедей, обычно отдыхающих здесь во время весеннего перелета, ни королевских цапель, ни знаменитых своей верткостью (сбить его влет почетно для любого охотника) куликов-чернокрылок и близко не было, а бить рыжих уток, плескавшихся в воде и не пожелавших взлетать, даже когда в них с берега полетели палки и комья земли, но медленно и нагло отплывших к середине озера, было позорно. Стрелять по сидящим птицам — это не для нобилей. Были еще, конечно, дикие гуси, которые, потеряв десяток-другой своих товарищей, уразумели, что в этом месте становится опасно, и дружно устремились на северо-восток. Не ахти какая добыча, но сбитых птиц вполне хватало для того, чтобы накормить две дюжины молодых и голодных людей, которым все равно больше нечего делать.

Матей и его брэнчащие железом вояки в тростники не полезли, и Луи решил отдохнуть от их общества, а посему отыскал сравнительно сухой полуостров, глубоко вдававшийся в одно из озер, на котором и провел весь день, весело подтрунивая над своими приятелями. Хорошее настроение вернулось к принцу вскоре после полудня, когда он победил в шутовском поединке третьего по счету сигуранта. В конечном счете, жизнь была прекрасна,

даже несмотря на наличие такой гадости, как Бернар, Митта или Матей. А поскольку настроение вожака очень быстро передается всей стае, то к вечеру из леса вывалилась очень даже веселая компания, которую вид невозмутимо сидящих в седлах стражников не мог вывести из себя, скорее наоборот. День выдался солнечный, и Луи с восторгом подумал, что вот так неподвижно просидеть десять оркяду в нагретых железных горшках — достаточно хорошее наказание за назойливость.

Матей ничего не сказал, его люди молча заняли место в хвосте кавалькады и двинулись к тракту. По дороге Луи пытался решить, чего ему меньше не хочется — вернуться в Старую Месу и поплясать на гулянке, которую местный эркард по недоразумению называет балом, или же провести еще одну ночь в Лошадках с этой самой Саной или не Саной. В конце концов, желание узнать, как зовут девчонку, которой он подарил кольцо, предназначавшееся Митте, победило, и принц решительно направился к Лошадкам.

Отдохнувшие кони шли легкой рысью. Поднявшийся к вечеру ветерок приятно освежал, трава была зеленой, небо синим, а жизнь вполне сносной. Темно-серая тучка на горизонте поначалу Луи не заинтересовала. Ну, туча и туча, летит себе куда-то, и пусть ее. Больше облаков на небе не было, и арциец с полным основанием решил, что дождя ждать не приходится. Однако вскоре стало видно, что туча, упрямо висящая на одном месте, распалась на отдельные столбы и что находится она как раз там, где лежат Лошадки. Чалый Атэв недовольно потянул ноздрями воздух и тревожно, коротко заржал. Слегка встревоженный Луи сосредоточился, и ему показалось, что он чувствует едва уловимый запах дыма. Принц натянул поводья. Что-то в происходящем казалось странным. По всему выходило, что в Лошадках пожар, но не могла же среди белого дня запылать целая деревня. Луи резко обернулся к ехавшему сзади курносому сигуранту: «Жани, крикни сюда этого зануду. Он мне нужен».

Матей появился почти сразу же, хоть каждое его движение казалось неторопливым. Ветеран подъехал к Луи и спокойным, равнодушным голосом — словно никогда не качал маленького непоседу на своей ноге — осведомился:

— Вы меня звали, монсигнор?⁷⁰

— Да, Проклятый меня побери. Похоже, Лошадки горят, или я ничего не понимаю!

Матей довольно долго вглядывался в серые столбы на горизонте.

— Горят, и пусть меня сожрет лягушка, если их не подожгли. Я с вашим батюшкой наглядился на такое в Чинте, когда вас еще не было. Но кто бы мог чудить здесь?

— Сейчас разберемся, — пообещал Луи, — а ну, все в галоп!

**2229 год от В.И.
Вечер 24-го дня месяца Агнца.
Ларги. Рыжий лес**

Рамиэрль целый день шел по странному лесу, где среди яркой осенней листвы обитали удивительные существа — веселые, очаровательные и совершенно бессердечные, похожие одновременно и на белок, и на котят. Они с любопытством таращились на эльфа раскосыми глазищами с узкими зрачками, что-то верещали, дрались друг с другом, между делом ловили и убивали все, что было мельче их, — от бабочек и разноцветных лягушек, водившихся здесь в изобилии, до зазевавшихся птиц и новорожденных пятнистых зайчат. Кроме этих белок-кошек, Рамиэрлю раза два попались олени — не белые, а самые настоящие, а один раз он увидел какую-то тварь, весьма напоминающую явно неуместного в этих местах льва. Хищник, впрочем, предпочел не связываться с пришельцем и царственной поступью удалился в чащу. Преследовать его у Романа не было ни малейшего желания.

⁷⁰ Монсигнор — обращение к особе королевской крови или к главе независимого герцогства. По отношению ко всем остальным — лесть.

Идти по Рыжему лесу для кого-нибудь, кроме эльфа, было бы чистым мучением, так как, кроме пламенеющих деревьев, если б не неуместная по весне расцветка листьев, ничем не отличавшихся от привычных Рамиэрлю буков и остролистных кленов, котловина заросла густым колючим кустарником, вдобавок переплетенным плющом и диким виноградом. Только вечная дружба Детей Звезд с растениями, где б те ни росли, позволяла барду идти достаточно быстро.

Опасности он не чувствовал, но ощущалось в этой котловине что-то неправильное. И дело было не только в расцветке листьев или в том, что Рамиэрль, обладавший врожденным чувством направления, очень скоро понял, что не помнит, откуда пришел. Он знал, что идет туда, куда нужно, но как будто оставался на месте, до того все вокруг казалось одинаковым — рыжие пушистые существа, скачущие по веткам, непролазная чащоба — влажная, напоенная странными, горьковатыми ароматами, редкие поляны, заросшие перистыми роскошными листьями, напоминающими стелющийся по земле папоротник...

Иногда эльф останавливался и торопливо обшаривал окрестности в поисках чужой магии. Лес был чист и нетронут, словно бы под его сень ни разу не вступала нога существа, хоть сколько-нибудь сведущего в колдовстве. В том, что ни Уанн, ни Примеро не посещали этих мест, Роман понял еще у обрыва, но сейчас ему начинало казаться, что со времени Исхода здесь не было ни единого разумного создания. Если бы ни оживавшее на глазах кольцо, эльф бы уже решил, что все, что было в Кантиске, ему примерещилось, а его погоня за Проклятым — не более чем чудовищная ошибка и пустая трата драгоценного времени.

2229 год от В.И.

Вечер 24-го дня месяца Агнца.

Село Лошадки. Нижняя Арция

Этого просто не могло быть, но это было. Луи отдал бы полжизни за то, чтоб увиденное оказалось пьяным бредом, разум отказывался верить глазам, а вот отчаянно бьющееся сердце поверило сразу. Лошадок, где они еще вчера спали, пили, целовались с хорошенькими селянками, больше не было.

Кони отказывались идти вперед, с испугом косясь на догорающие домики. Стоившие целое состояние гунтеры⁷¹ не были лошадьми войны, привычными к запаху гари и к трупам, через которые приходится переступать.

Арция не воевала давно. Очень давно, если не считать мелкие приграничные стычки и дело пятнадцатилетней давности в Южной Чинте, когда не в меру возомнивший о себе молодой калиф решил прибрать к рукам это небольшое, но богатое герцогство, находящееся под протекторатом империи. Но атэвы не жгли дома и не вырезали людей. Они были людьми практичными и не собирались портить имущество, которое намеревались заполучить. Две армии — арцийская (к которой примкнуло Святое воинство — как же, богомерзкие еретики напали на детей Церкви — и таянская тяжелая конница — Марко не мог упустить возможности показать свою растущую силу) и атэвская некоторое время гонялись друг за другом среди бескрайних виноградников и наконец сошлись в решающей битве, после которой атэвы благополучно убрались за свой пролив, потеряв при этом — с помощью эландцев, разумеется, — полтора десятка прекрасных кораблей. Это была война, о которой мечтает любой рыцарь, — полная подвигов, взаимных расшаркиваний и богатых трофеев. То же, что произошло в Лошадках, было немыслимым. Ну кому могло помешать затерявшееся среди озер и лесов маленькое село? Но ведь помешало же...

Луи вздрогнул, налетев на лежащий посреди улицы труп. Было еще достаточно светло, чтоб он мог узнать свою вчерашнюю приятельницу, которую, возможно, звали Сана. Или не Сана. Этого он уже никогда не узнает. Девушке повезло — она, видимо, умерла сразу, так

⁷¹ Гунтеры — охотничьи лошади.

как никто не в силах перенести подобный удар в голову и остаться живым. Череп малышки был буквально размозжен чудовищным ударом сзади, тонкая рука перерублена чуть выше запястья, а отсеченная кисть куда-то делась. Это оказалось последней каплей. К горлу принца подступил отвратительный, пульсирующий комок, и арциец, схватившись руками за горло, бросился в заросли распускающейся сирени, где его и вывернуло наизнанку. Луи лихорадочно пошарил у пояса. Хвала Эрасти, охотничья фляжка оказалась на месте, и он чуть не захлебнулся крепчайшей, обжигающей горло царкой. Голова немного прояснилась, но к глазам подступили слезы. Молодой человек со злостью прикусил губу, пытаясь с ними справиться. Сколько раз в своих мечтах он скакал впереди войска, преследуя бегущих врагов, спасал прекрасных дам и с презрительной усмешкой бросал к ногам дядюшки-императора военные трофеи! А теперь он дрожал от ужаса и бессильной ярости в саду сгоревшего дома, а в голове билась мысль: это ты убил ее, подарив проклятое кольцо. Ее убили и отсеки руку с перстнем, чтоб долго не возиться... Если бы не ты...

— Выходите, — Матей был груб и спокоен. Как, собственно, и всегда, хотя кирпичное лицо ветерана было бледнее, чем обычно. — Вы арцийский принц, Проклятый вас заберите, — вот и докажете на деле, что не только юбки задирает умеете.

Луи молча кивнул и на все еще дрожащих ногах заковылял на улицу, где толпились его сигуранты и друзья вперемешку с воинами Матея, причем лица многих отливали той же изысканной зеленью, что и у принца. Странное дело, но это зрелище почему-то успокоило племянника императора, напомнив как о том, что не он один такой неженка, так и о том, что все эти люди пришли сюда за ним и из-за него и он за них отвечает. Это совсем не походило на старинные баллады. Это вообще ни на что не походило, но он внезапно понял, что следует делать.

— Коня! — Атэв отыскался тут же, и Луи легко взлетел в седло. Конь, раздраженный непривычными, страшными запахами, начал взбрыкивать, и Луи, не думая, легко ударил его рукояткой хлыста между ушей, а затем, успокаивая, погладил. Эти привычные действия окончательно привели принца в чувство, и он сообразил, что как раз конь-то тут и не нужен. Сдерживать возбужденных пожаром и трупам животных, когда возможен бой... Луи, махнув рукой, соскочил на землю и лично привязал жеребца к какой-то жердине.

— Найдется тут десяток мужчин, которые в состоянии переносить это зрелище и не блевать при этом в кустах?

Несколько сигурантов и воинов с мрачными, но решительными физиономиями вышли вперед. Странно, но яростная вражда между людьми принца и людьми Матея куда-то исчезла. Теперь они ощущали себя единым целым — небольшой кучкой людей, столкнувшихся с огромным и непонятным Злом.

— Возьмите собак на сворки. Мы сейчас обшарим деревню, — принц старался говорить спокойно, и с каждым словом это у него выходило все лучше. — Надо понять, кто тут побывал. Может быть, остались живые. Ждите нас, — он огляделся по сторонам, — вон у тех зарослей. Старшим остается сигнор,⁷² — он впервые за последние полгода назвал его так, — че Матей.

Тут Луи немного запнулся — еще вопрос, пожелает ли старик выполнить его приказ, но тот только быстро наклонил плешистую голову в знак согласия. Луи в ответ тронул эфес шпаги и медленно пошел впереди своих людей по заросшей расторопшей улочке.

Они обшаривали деревню дом за домом, благо она была небольшой. Жалкое имущество селян было нетронутым. Видимо, роскошный рубин на руке сельской девушки был единственной ценной добычей, взятой в Лошадках. Кроме его жителей. Люди куда-то исчезли, хотя трупов было куда меньше, чем обитателей деревеньки, и лежали они так, словно бы их приканчивали походя, как отбившихся от стада овец. Чем ближе к маленькой площади, на которой стоял старенький, но чистый и веселый иглецкий, тем больше убитых

⁷² Сигнор (от «сигна») — синьор, крупный феодал.

валялось на улице. Луи уже не сомневался, что сельчан зачем-то сгоняли на площадь. Странно, но боль и ужас отпустили принца, он ничего не чувствовал, словно выпил настойку плешивого гриба,⁷³ которой его однажды опоил шарлатан-медикус, взявшийся вырвать больной зуб. Принц действовал как во сне, когда видишь себя со стороны. Собаки, скуля и упираясь, все-таки шли вперед, но пока ни одной живой души обнаружить не удавалось. Он почти равнодушно переступил через полную молодую женщину, в спине которой торчала стрела, и ее годовалого ребенка, пригвожденного к земле странным белым копьём, про себя отметив, что мертвых надо будет как-то похоронить и что это работа на всю ночь.

У одного домика — видимо, здесь жил кузнец — они в первый раз наткнулись на попытку сопротивления. Деревенский силач дорого продал свою жизнь. Судя по кровавым лужам и переломанному оружию, кого-то из нападавших он достал, но трупы или раненых унесли. В доме на постели лежала хрупкая женщина в зеленом платье и трое ребят — мал мала меньше. Что-то в их позе показалось неожиданным.

— Это он сам их, — Винсен, аюдант⁷⁴ Матея, неотвязно следовал за Луи, но принца это почему-то больше не раздражало, — верно, решил, что уж лучше он сам, чем эти...

— Но кто они? — хрипло пробормотал Луи.

— Ума не приложу. Никогда такого не видел. Но оружие не наше и тряпки, — воин кивнул на разодранный светло-серый плащ, придавленный тяжелым телом кузнеца, — поговаривали, в Последних горах погань всякая гнездится, но чтобы такое...

— Куда они людей-то погнали, как ты думаешь? Может, еще догоним?

— Боюсь, недалеко, — махнул рукой ветеран, — собраться не дали. Вещи все тут. Этот вот даже детей прикончил, значит, видел, что их ждет... Думаю, найдем всех в одной яме.

И они действительно нашли всех. Но не в яме, а в деревенском иглеции. Прошел не один день, когда заглянувшие туда смогли в первый раз улыбнуться.

Бесконечный весенний вечер тянулся и тянулся, и на чистенькой площади, несмотря на дым, было довольно светло. Светло было и в храме, хотя лучше бы спасительная тьма прикрыла своими добрыми крыльями от людских глаз то, что сильные сотворили со слабыми.

Основные двери в иглеций были намертво закрыты и приперты стволами двух вековых каштанов, еще утром украшавших площадь яркой весенней зеленью. Единственным входом в здание оставалась маленькая дверка, которой обычно пользуются клирики и которая ведет в недоступное простым прихожанам помещение. Луи с детства знал, что этот порог переступать нельзя, но не колебался. По всему видно, людей согнали в иглеций, значит, что б там его ни ожидало, он должен войти. Винсен дышал в спину, и это придавало уверенности. Арциец, велел двум сигурантам, казавшимся поспокойнее, идти следом, вошел в Чистый Зал.⁷⁵ Там они нашли толстенького деревенского клирика, его возглашальщика⁷⁶ и четырех старух, из числа тех, что вечно толкутся у храмов.

Творец, дом которого они защищали изо всех своих смешных сил, разумеется, им не помог. Нападавшие, кто бы они ни были, прихлопнули бедняг, как мух. Но им еще повезло — они не увидели ни оскверненного алтарного чертога, ни сошествия Смерти в их скромный храм. А Луи Арцийский, племянник императора Базилека, разрешившего воинству Михая

⁷³ Плешивый гриб — плешка, плешивка — древесный гриб, настойка из которого обладает успокаивающим и обезболивающим действием, применяется медикусами для обезболивания. В больших дозах смертельна.

⁷⁴ Аюдант — молодой дворянин, добровольно выполняющий приказания бывалого воина благородного происхождения.

⁷⁵ Чистый Зал — помещение за Чертогом Небесного Портала, куда могут входить только клирики.

⁷⁶ Возглашальщик — помощник клирика, в чьи обязанности входит ассистировать во время службы и выпевать молитвы, поэтому возглашальщики подбирались из людей, обладающих красивым голосом.

Годоя пройти через земли Нижней Арции, увидел все.

На алтаре лежала обнаженная девушка. Та самая рыженькая, которую он заметил вчера. Она так весело заигрывала с красавцем-охотником, так бурно расплакалась, когда он предпочел ей другую, что Луи и подумать не мог, что эта милая резвушка — девственница. Лучше бы она ею не была, тогда бы ее, возможно, просто убили на месте, как пять или шесть ее подруг, чьи тела грудой валялись в углу среди переломанной церковной утвари. Сана же — теперь он совершенно точно вспомнил, что это имя носила именно она, а не та, другая, — была раздета донага и пригвождена к алтарю чудовищным подобием оленьих рогов, пробивших ее тело в десятке мест. Сначала ее, видимо, изнасиловали, прямо на алтаре, а затем оставили умирать, и умирала она страшно и долго, очень долго. По крайней мере, восковая бескровная кисть еще была теплой. Жизнь покинула тело совсем недавно.

Чья-то рука легла на плечо Луи, тот вздрогнул и обернулся. Безумный взгляд принца столкнулся со взглядом Шарля Матея, в котором читалось неподдельное сочувствие. Как тот догадался, когда и куда ему прийти, принц так и не понял. Да это было и не нужно.

— Что это? — Луи не узнал в этом хриплом карканье своего голоса.

— Какое-то камлание. Призывали кого-то... Никогда о таком не слышал, — голос Матея помимо воли дрогнул — видимо, ветеран тоже был не железным.

— Надо идти еще туда, — Луи кивнул головой в сторону Небесного Портала.

— Надо, — согласился Матей, помогая раздвигать тяжелые резные створки.

С высоты семи ступеней они смотрели в полутемный храм, битком набитый людьми. Разумеется, все были мертвы...

**2229 год от В.И.
Вечер 24-го дня месяца Агнца.
Босха**

Тенькнула птица, ветер легонько пошевелил тонкие молодые ветви... Прозрачные капли нехотя скользили по золотистым сережкам и стекали вниз на мерцающий лиловый камень.

Как это похоже на слезы, подумал Клэр Утренний Ветер, проследив взглядом их падение. Эту заросшую белой ветреницей поляну, окруженную стройными буками, они нашли на рассвете. И вот Эмзар пятую ору сидел рядом с могилой брата, положив точеную руку на аметистовое надгробие. Клэр сначала стоял поодаль, потом, поняв, что тот ничего не замечает, подошел поближе. Как ни странно, Эмзар услышал и, вздрогнув, поднял темноволосую голову, узкой рукой откинув падающую на глаза прядь.

— Хорошее место, Клэр. Думаю, если б Астени мог выбирать, где ему остаться, он выбрал бы такую поляну и... — Эмзар запнулся и махнул рукой, — я знал, что он не вернется, но надеялся, что это не будет так сразу... И так страшно!

— Но откуда эти аметисты?...

— Разве это не очевидно?

— Для меня — нет...

— Герика, — Эмзар поднялся на ноги и нарочито тщательно принялся расправлять складки плаща. — Да, ты больше не должен думать о мести, Клэр. За Тину рассчитались сполна. Смотри... Вон туда смотри, где кривое дерево, и дальше, чуть влево... Да, там... Только пригнись, я сидел, потому и увидел эту щель в зарослях.

— Но Герика ничего не могла, ты же ее видел.

— Не могла, но смогла... ТАК похоронить Астени было под силу только ей, ведь Эстель Оскора — порождение этой земли. Значит, она пережила бой, а здесь был бой, я уверен. И Астени погиб, а Герика... видимо, потеряла голову, и то, что в ней спало, вырвалось на волю... К счастью, потом она пришла в себя, раз вспомнила про Астени. А вот Эанке и всех, кто с ней был, хоронили волки.

— Чудовищно...

— Не говори глупости, Клэр, — голос Эмзара стал жестким, — это первая хорошая новость с тех пор, как Рамиэрль прошлой весной ушел на поиски Белого Оленя. Сила этой несчастной земли оживает в этой смертной. И, клянусь Великим Лебедем, она сумеет ее взнуздать.

— Но что она сотворила с Эанке и остальными? — Клэр пересек полянку и раздвинул зеленеющие ветви шиповника. — Наверное, надо их... то есть то, что я нашел, взять в Убежище?

— Они сами выбрали свою судьбу, и она их настигла. Эанке проклята, и пусть это проклятие останется с ней. Я не знаю, что может прийти с ними на Остров, а рисковать всеми, кто там остался, нельзя.

Клэр согласно наклонил голову.

— Да будет так. Простить я не могу, забыть — тоже. Постараюсь об этом не думать. И все же я рад, что Геро заплатила и мой долг. Мне было бы тяжело убить женщину.

— Значит, окажешь ей равную услугу и убьешь Михая. Вряд ли ей будет легко поднять руку на отца, каким бы он ни был, а его смерть — это жизнь всех остальных. И ты ошибся насчет долга. От него нас с тобой никто не избавит. Мы должны платить этому миру не только за себя, а за все наше племя и за наших трусивших повелителей...

Глава 8

2229 год от В.И.

Ночь с 24-го на 25-й день месяца Агнца.

Нижняя Арция

Пятьдесят четыре всадника ехали четвертую оу. Молча — какие уж тут разговоры. Обсуждать то, что оставалось сзади, они еще не могли. Слишком мало времени прошло, чтоб язык повернулся говорить об увиденном кошмаре. Мертвых не хоронили, во всяком случае, в том смысле, в каком это было принято в Благодатных землях, весьма строго относящихся к обрядам Церкви Единой и Единственной. Исключение сделали только для девушек, упокоившихся в неглубокой могиле, наспех вырытой в церковном садике среди кустов неизбежной сирени. Остальных убитых на улице — что-то около двадцати человек — снесли в иглечий, аккуратно положили в Чистом Зале и с облегчением закрыли дверь. Потом клирики из ближайшего монастыря прочитают обо всех необходимые молитвы.

«Надо будет вернуться и сжечь этот проклятый иглечий, — подумал Луи, — привезти смолы, соломы и сжечь. Со всем его ужасным содержимым. Против этого, наверное, и сам Архипастырь не стал бы возражать... Скорей всего на месте Лошадок никогда больше не будут жить люди. Приедут из ближайшего дюза⁷⁷ синяки с оброчными крестьянами, перепашут оскверненную землю, засеют волчцами... А потом останется только жутковатая легенда, и седоусые старцы в соседних селах будут с умным видом качать головами и предупреждать путников, что недоброе это место и лучше мимо по ночам не ездить...»

Луи опять потянулся к спасительной фляжке — пить перед боем последнее дело, но не пить он не мог. Да и не он один. Впрочем, в исходе схватки принц не сомневался, клокотало в нем и в его людях нечто, не оставлявшее таинственным убийцам не единого шанса. Только бы догнать — ведь те опередили их на добрых десять ор. Хорошо, что он взял с собой Гайду, — горная овчарка сразу же взяла след. От других псов толку не было — они были натасканы на птицу и перепуганы. Ненужную свору пришлось оставить в полувесе от

⁷⁷ Дюз — в Арции небольшой монастырь-тюрьма, принадлежащий равно Церкви и светской власти, где велись формально находящиеся в их совместном ведении дела о недозволенном колдовстве, оскорблении властей и богохульстве. В большинстве случаев клирики в дела следователей не вмешивались, автоматически утверждая приговоры.

бывших Лошадок на попечении обжегшего руки сигуранта. Бедняга Жани бросился на звучащий из подполья догорающего дома отчаянный детский крик и спас... совершенно очумелого от дыма и пламени кота, пулей взлетевшего на росшую под окнами сгорбленную вишню. Жани теперь не сможет даже поводья в руках удерживать несколько дней, но возиться с ним было некогда.

Все думали об одном — догнать, но опытные воины сумели втолковать молодежи, что предстоит преодолеть не одну весу, а потом еще и драться, а значит, нужно беречь силы. Через полуору Матей заставил остановиться и что-то съесть. Люди ворчали, но когда и принц не терпящим возражений тоном поддержал своего бывшего врага, неохотно принялись за оставшиеся припасы. Это оказалось весьма кстати, так как переход был не из легких.

Луи привстал на стременах и посмотрел вперед. Разумеется, ничего, кроме ночи, он не увидел. Он плохо знал эти места, это была самая настоящая глухомань, хотя отсюда было рукой подать и до больших дорог, и до Лююферы. Косогоры, перелески, леса, озера, весной и осенью служившие пристанищем пролетающим птицам, редкие деревни не бедные — кто сейчас в Арции живет бедно? Но и не богатые, во всяком случае, по арцийским меркам. Куда было здешним землям до плодородных черноземов Средней Арции или той же Фронтеры. Зато здесь прекрасно росли маленькие розовые яблоки, из которых делали лучшее в Благодатных землях яблочное вино. Потому-то здешние села и утопали в садах, которые сейчас как раз доцветали. Цветущие яблони... и у корней убитые люди, что может быть неуместнее и страшнее.

Принц в последний раз отхлебнул из горлышка и решительно завинтил крышку. Хватит, больше ни глотка. Хотя б пришлось гнаться за этими извергами до Последних гор. Но этого не потребовалась. Они нагнали их в очередной деревне, названия которой Луи так и не узнал.

Как всегда в этих краях, перед рассветом резко похолодало, с недалекой реки потянулся туман. Очевидно, у Луи разыгралось воображение, потому что длинные белесые космы показались ему живыми и чуть ли не разумными. И еще очень голодными. Молодой человек словно бы почувствовал вековую злобу и сосущую, неутолимую холодную пустоту... Обругав себя за преждевременно данную клятву, но так и не притронувшись к оставшейся царке, принц неожиданно для самого себя развернул коня и подъехал к Шарлю Матею, двигавшемуся по молчаливому уговору чуть впереди отряда рядом с неизбежным Винсеном.

Матей, казавшийся в утренней дымке очень старым и уставшим, повернулся к принцу.

— Мы их догоняем. Гайда пошла верхним чутьем.

— Я понял, — кивнул головой Матей, — что-то еще?

— Не нравится мне этот туман, — неожиданно выпалил Луи.

— Мне тоже, — согласился его собеседник, — но там вряд ли кто-то прячется, все наверняка в деревне.

— Я не об этом, — Луи досадливо поморщился. Вольно же было ему заговорить о своих страхах. И с кем? С человеком, который и снов-то наверняка никогда не видит.

— Я всегда боялся тумана, — внезапно признался его собеседник, — в тумане мы все — заблудившиеся дети.

Ответить принц не успел. Тишину разорвал страшный, воющий крик. Кричал, без сомнения, человек. Женщина. Но в крике этом не было ничего разумного. Только жуткий, смертный ужас. Луи спиной почувствовал, как напряглись его люди, но первым опомнился все же Матей, страшным голосом гаркнувший:

— Стоять!

— Стоять?! — невольно переспросил принц.

— Мы не можем очертя голову кидаться не зная куда. Нас слишком мало, а этих... — Матей запнулся, не найдя в своем солдатском лексиконе слов, достойных вчерашних извергов, — этих должно быть ну никак не меньше полутора сотен, то есть три на одного.

Так что вперед. Но очень тихо. Вон до тех кустов. И уйми собаку.

Гайда действительно была вне себя. Ее горло разрывало низкое рычание, пушистая светлая шерсть на затылке стояла дыбом, хвост совсем исчез между ног. Только впитанная с молоком матери любовь к хозяину и привычка повиноваться заставили суку замолчать и медленно пойти рядом с хозяйским конем.

«Вон те кусты» оказались все той же обязательной в здешних краях сиренью, уже распустившей листья-сердечки. Заросли примыкали к заборчику, окружавшему крайний дом, двери в который были распахнуты, так же, как и в Лошадках. Никого не было видно. Убийцы, если они еще были в селе, не озаботились поставить охрану.

— Похоже, они совсем обнаглели, — проворчал Винсен, проверяя пистолы.

— «Зло всегда есть глупость», — назидательно процитировал Книгу Книг еще один ветеран из числа воинов Матея, чьего имени Луи, нарочито презиравший своих тюремщиков, так и не удосужился узнать.

— Если бы всегда, — не согласился со священным текстом Матей, — но сейчас, похоже, нам везет. Они, — он произнес это слово с непередаваемым отвращением честного рубаки к палачам, — похоже, привычек не меняют. Наверняка гонят всех к иглецию.

— Чего же мы ждем? — дернулся вперед Луи.

— Чтобы Клод и Рауль успели зайти с той стороны, — пожал плечами ветеран. — Ни один не должен уйти.

Если бы полностью рассвело, было бы видно, как Луи покраснел. Опыт, конечно, вещь великая, но догадаться о том, что врага надо взять в кольцо, мог бы и он.

Всадники молча сидели в седлах, время, казалось, остановилось. Крики теперь звучали беспрерывно. Воюющие, жуткие вопли гибнущих в муках живых существ. Кто-то из сигурантов не выдержал и сунулся было вперед, но стоящий рядом ветеран — Луи только сейчас заметил, как ненавязчиво люди Матея перемешались с его собственными, — успокоил парня оплеухой. Это было невыносимо — сидеть и ждать, когда впереди гибли, и страшно гибли, беззащитные, но они ждали, пока Матей не поднял и опустил левую руку, словно бы рубанув невидимое чудовище, и не бросил: пора...

**2229 год от В.И.
Утро 25-го дня месяца Агнца.
Нижняя Арция**

Лисьи горы и пущи остались на севере. Армия Годоя миновала Восточную Фронтеру и теперь целеустремленно пересекала Нижнюю Арцию — Михай, несмотря на вежливые протесты графа Койлы, предпочел старый Олецкий тракт более новому Лисьему, объяснив это нежеланием раньше времени тревожить Арроя. Нижняя Арция, плоская и влажная, не нравилась Уррику, да и что можно сказать хорошее о местности, где и оглядеться-то как следует нельзя — разве что на дерево залезть, да и с его вершины увидишь одно и то же — кроны деревьев, кое-где расступающиеся, чтобы окружить зеленоватые озера, небольшие села, окруженные опять-таки деревьями и мокрыми лугами, по которым без пастухов разгуливали бестолковые, позабывшие, что значит голод и опасность, коровы и овцы.

Войско шло быстро, не заходя в деревни, которые, по счастью, были редкими. Гоблина раздражали тревожно-любопытные глаза из-за заборов, светлокожие ребятишки, открывшие от удивления рты, назойливые лохматые собачонки. Крестьяне взирали на происходящее столь же мудро и отстраненно, как пасущиеся на лугах коровы; попадавшие на дороге купцы и нобили пожимали плечами, полагая, что Базилек решил, не мудрствуя лукаво, усилить свою армию таянскими наемниками, и, морщась, принимались подсчитывать, какими новыми налогами это может обернуться.

Арцийцы пожимали плечами и принимались за прерванную работу, так и не поняв, что же такое они видели. Михай строго-настрого запрещал своим солдатам даже заговаривать со встречными. Впрочем, поскольку рядом со штандартами Михая покачивалась орифламма с

нарциссами и личная консигна⁷⁸ посланника Базилека, принадлежавшего к одной из самых влиятельных и известных арцийских фамилий, местным и в голову не приходило, что происходит что-то неправильное.

В Эланде еще лежал снег, а песчаная прибрежная полоса была непроходима из-за обычных в это время года бурь, но Годой все равно спешил. Еще один переход, и Старая Олецкая дорога разделится на Мунтский тракт, ведущий к столице империи и дальше к Кантиске, и Морскую дорогу, на которую и должна была свернуть армия Михая, чтобы в конце месяца Медведя подойти к Гверганде, городу-ключу Побережья.

Вчера, когда войско располагалось на ночлег на большом лугу у деревни со странным названием Лохматы, личный представитель императора граф Койла, утонченный и красивый в своем темно-синем, шитым золотом платье, более подходящем для увеселительной прогулки, нежели для войны, прилюдно порадовался, что они почти миновали Нижнюю Арцию, которая, что ни говори, всегда была задворками империи, и вступают в сердце империи. Михай галантно заметил, что не сомневается, что «настоящая Арция» превосходит окраину в той же степени, в которой арцийские нарциссы превосходят фронтерские колокольчики. Настроение у регента было пугающе хорошим, впрочем, радовались жизни практически все, не считая рвущихся в бой гоблинов, которым долгая пешая прогулка по сытой дружественной стране начинала надоедать. Их союзники-люди, напротив, всю радувались жизни, а привезенные нагрянувшими гостями из числа провинциальных нобилей местное яблочное вино и добротная еда подняли настроение всему воинству. Приехавшие засвидетельствовали свое почтение высокому таянскому гостю и особо — графу Койле, правой руке всемогущего императорского зятя. Разумеется, им было объявлено о походе против Майхуба, и дворяне с умным видом, кивая причесанными по мунтской моде пятилетней давности головами, обсуждали подробности будущей кампании.

После аудиенции арцийцы разошлись по палаткам пригласивших их офицеров, где продолжалось веселье, в котором не принимали участие только части, находящиеся на дежурстве, и — из упрямства — гоблины. Уррик в силу своего положения при особе регента был вынужден наблюдать сцены веселья, казавшиеся ему весьма неприглядными. Да и как еще могут выглядеть разумные создания во время войны, добровольно одурманивающие себя какой-то дурно пахнущей настойкой, в которой к тому же не было ни вкуса, ни крепости. Хорошо хоть регент, при всем к нему неуважении, на сей раз был весьма воздержан. Всю угощая гостей, Михай почти не пил. Не пил и Таисий, с явным неодобрением созерцая подвыпивших нобилей, заплетающимися языками обсуждавших атэвские обычаи, согласно которым каждый мужчина может иметь столько жен, сколько в силах прокормить, но на одну меньше, чем у старшего брата, и на две, чем у отца, если тот еще жив. Однако, несмотря на количество выпитого, ночь прошла спокойно — не было ни драк, ни каких-то других неожиданностей. На рассвете Уррик отправился в свою палатку.

Этот день регент предназначил для отдыха. Должны были подойти обозы, людям же было велено проверить амуницию и сменить одежду на более легкую — в сердце Арции уже властвовала весна. Почему для стоянки Михай выбрал именно это место, капитан гоблинской стражи не понимал. На его взгляд дневку следовало сделать два дня назад, когда начало по-настоящему припекать, но его дело было охранять особу Годоя, а не высказывать мнение о его приказах.

⁷⁸ Консигна — личный (в отличие от родовой сигны) герб, который дворянин обязан носить на плаще и оружейной перевязи. Консигна также обязательно наносится на седло. Ношение чужой консигны или самовольное присвоение ее недворянином считается одним из самых тяжких преступлений в Благодатных землях. Дворянин, принявший на службу недворянина почетной профессии (мага, медикуса или телохранителя), мог даровать ему первичную консигну, обладатели которых еще не являлись дворянами, но уже получали некоторые дворянские привилегии. Если первичная консигна даровалась трем поколениям, нобиль мог обратиться к одному из царствующих домов с ходатайством о переходе первичной консигны в потомственную, после чего ее обладатель становился вассалом своего сюзерена, пользующимся всеми дворянскими привилегиями.

Гоблин вышел от Михая и для порядка еще раз проверил охрану. Как ни странно, тарскийцы оказались на высоте — никто не спал, все были трезвы и сосредоточенны. Можно было смело идти отдыхать, но утренняя прохлада после насыщенной винными парами духоты палатки располагала к прогулке. Уррик медленно пошел вдоль края дороги, думая о своем. От приятных мыслей об Илане и несколько менее приятных — о Шандере Гардани, которого орк хотел бы видеть другом, а не врагом, его отвлек приближающийся конский топот. Навстречу галопом неслось десятка полтора всадников, которых преследовали другие, в разноцветных охотничьих плащах. Уррик узнал скачущего впереди. Этого молчаливого угловатого человека он несколько раз видел у Михая. Что ж, как бы то ни было, налицо враждебные действия. Возможно, это просто недоразумение, но... Уррик выхватил массивный бронзовый свисток — неизменную принадлежность каждого гоблинского офицера — и подал сигнал тревоги, одновременно обнажая оружие. Последнее оказалось излишним — преследователи, кто бы они ни были, явно не ожидали нарваться на целое войско. Их предводитель — а Уррик совершенно точно угадал такового во всаднике, одетом в простое темное платье, — не пожелал ни драться, ни вступать в переговоры. Он осадил коня так резко, что из-под копыт взвился фонтан земли и мелких камешков, и что-то проорал своим, одновременно выстрелив в воздух. Его люди немедленно развернулись и полетели назад. Около трех дюжин тарскийских конников поскакали за ними, но вскоре вернулись, потеряв незваных гостей, свернувших в лес.

Уррику было любопытно, почему неизвестно откуда взявшиеся охотники вздумали гоняться за доверенным человеком Михая Годоя, но это вполне могло подождать до вечера, и гоблин, зевнув, направился к себе.

**2229 год от В.И.
Утро 25-го дня месяца Агнца.
Нижняя Арция**

Все было кончено. Принц наконец смог вытереть пот со лба и оглядеться. Радостное весеннее солнце заливало кажущиеся близнецами вчерашних маленькую площадь и садик перед иглецием. Впрочем, нет. В Лошадках росла сирень, а здесь церковный садик был засажен жимолостью. Луи затравленно огляделся. Меньше всего ему хотелось идти в оскверненный иглещий. Казалось, время повернуло вспять и навязчиво воскрешало во всех подробностях вечерний ужас. Арциец отдал бы полжизни за то, чтоб кто-то за него слез с коня, пересек заросший нежной зеленой травой дворик и открыл дверь. Но есть вещи, которые нужно делать самому, как бы это ни было мучительно.

Луи соскользнул с Атэва и, насколько мог решительно, пошел вперед. Хвала святому Эрасти, кошмар не повторился. В Чистом Зале лежали трупы, но убийцы не успели довести своего дела до конца. Предполагаемая жертва — черноволосая девчушка в разорванной рубашке — валялась у алтаря с разрубленной головой. Они успели ее убить, но это хотя бы случилось сразу. Страшное орудие — деревянное подобие оленьих рогов с металлическими, острыми, как кинжалы, зубцами — валялось рядом.

Принц распахнул Небесный Портал — здесь это почему-то было куда проще сделать, чем в Лошадках. Храм был завален трупами, но и эти люди приняли смерть простую и понятную, а не казались утопленниками, месяц пролежавшими в воде, как это было вчера. Луи никогда бы не подумал, что зрелище перерезанных глоток может успокаивать, но это было именно так. Палачи не упустили свои жертвы, но и свой дикий ритуал проделать с ними не смогли.

— Может быть, кто-то еще жив? — принц тронул вошедшего с ним вместе Винсена за плечо.

— Вряд ли, — воин скрипнул зубами, — чисто сработали, твари. Одних мы колотили на улице, а другие тут спокойненько пленных резали. Помилуй нас великомученик Эрасти, такого никто и не упомнит. Бесноватые какие-то...

Луи только вздохнул — опьянение боем кончилось, и он почувствовал, как устал. Двое суток в седле — это немало, но арцийцу казалось, что от прохладного утра, когда он спрыгнул с сеновала, надев кольцо на палец навсегда оставшейся безымянной девушке, его отделяет несколько лет. Как тогда все было просто и ясно. Базилек с Бернаром — подлецы, Митта — сучка, Матей — наипервейший враг, а в целом жизнь прекрасна и полна неожиданностей... Да, задержись он тогда на ору, и они бы столкнулись лицом к лицу с убийцами. Может быть, победили, может быть, лежали бы мертвыми в опоганенном иглеции... Луи поднял воспаленные глаза к розовеющему небу: надо же, даже солнце еще не встало, а казалось, время должно подходить к полудню.

— Так всегда бывает, — принц и не заметил, откуда взялся Матей. Раньше эта привычка старика безумно раздражала, теперь же Луи поймал себя на мысли, что радуется. Одно дело беситься из-за навязавшегося на твою голову соглядателя, другое — обнаружить, что в схватке со смертью у тебя есть надежный помощник.

— Так всегда бывает, — повторил ветеран, — в бою время для воина несется галопом, а для остального мира все идет как всегда. Ты еще привыкнешь, — Шарль че Матей с силой сжал плечо принца. — А ты оказался молодцом, не хуже отца в твои годы.

Луи с удивлением уставился в грубоватое лицо и неожиданно для самого себя брякнул:

— А я думал, ты меня терпеть не можешь.

— И хорошо, что думал, — довольно кивнул головой Матей, — так и надо было. Ты, как и Эллари, отродясь ничего скрыть не можешь, так что Бернаровы шпионы твердо знали: нет между нами никакого сговора.

— Шпионы? — Луи уже ничего не понимал.

— Они, — подтвердил Шарль че Матей, — ну, чисто вчера на этот свет народился. Ты что, так и не понял, что тебя нарочно подловили и из Мунта выкинули, что письмо о свидании эта б... Митта, — ветеран произнес имя красоти, как выплюнул, — под диктовку Бернара написала.

— Ну, — протянул принц, — я потом много думал...

— Много думал, — передразнил ветеран, — много думал, хорошо хоть в суп, как тот гусак, не попал... До тебя что, так и не дошло, что тебя убить должны?!

Луи от удивления открыл было рот, но тут же его и закрыл.

— И не гляди так, а то, прости, святая Циала, мне захочется тебе затрещину влепить. Разумеется, убить, но не в Мунте, где тебя простонародье на руках носит. Еще бы! Лишенный наследства принц, сын Эллари, а из кабаков не вылезает, как портняжка... А вот в Месе тебя бы точно прикончили, если б я с тобой не навязался. Не хочу, дескать, чтоб ты имя отца позорил, а потому буду за тобой присматривать. Отказать мне Бернар не мог — сделай он это, ежу стало бы ясно, что врет. Вот он и дал своим убийцам приказ выжидать, думаю, надеялся, что ты на меня со шпагой кинешься, а потом убийство можно будет и на меня списать...

— Погоди, — Луи потряс головой, пытаюсь привести в порядок очумевшие мысли, — что за убийцы?

— Трое из твоих сигурантов и один, паршивец, мой. Да ты не думай, они под присмотром все, я тоже не веревкой штаны подвязываю...

— Но ведь их надо...

— А, ничего не надо, — махнул рукой Матей, — пока сидят тихо, чего их трогать? Прикончить или выгнать? Глупо, вместо них других пришлют, тех еще раскусить надо будет... А вот начали бы хвост поднимать, тут бы мы их на горячем со свидетелями и прихватили бы.

— Но чего они ко мне привязались? — пожал плечами Луи. — У Базилека же наследник есть...

— Правильно думаешь, — похвалил ветеран, — но все равно дурак. Из Валлиного сынка такой же наследник, как из жабы конь. А через баб корона не передается, чай не дурная болезнь. Так что помри Базилек, по всем законам, и церковным и императорским,

наследником становишься ты, народишко тебя любит, армия тоже... И отца твоего, между прочим, еще не позабыли.

— Да не собирался я императором становиться!

— И дурак, — припечатал Матей. — Надо было не юбки девкам задирасть, а думать, до чего Бернар империю довел. Еще немного, и все в тартарары полетит. А кроме сына Эллари, дать этому козлу пинка некому... Вернее, есть кому, но без смуты тогда не обойтись, а старуха-Арция и так на ладан дышит. Другое дело — ты, а если еще и Архипастырь пособит! А он пособит, я Феликса еще по Авире помню. Смелый и верный! Такие не меняются... Не повезло тогда бедняге, мы тогда все о нем жалели, а вон вишь, как дело повернулось.

— Так, выходит, ты с самого начала...

— Да, выходит! И не я один. Только вот, похоже, на нас беда похлеще Бернара свалилась. Ох, не нравится мне эта секта!

— Секта?

— А что ж еще? Сам посуди. Душегубствуют, но не грабят. Почти. Два иглеция осквернили, ритуалы какие-то мерзкие... Надо же, додумались девчонок насиловать да рожищами этими распинать. Опять же живыми не сдают. Тех двоих мы совсем было в угол загнали, и ты того патлатого здорово прихватил, да и другие тоже... Хоть и не хотелось пленных брать, а надо было. Так ведь не смогли. Гады эти с собой кончили, и рожи у них при этом были, ты сам видел... Не бояться они смерти, вот что скверно! Да и сельчане, кто живой остался, ничего не помнят. Наваждение какое-то на них нашло, навроде дурного сна. Нет, секта и есть, — знать бы еще, какой пакости они молятся.

— А не все равно?

— Ой, не скажи... Церковь, она, конечно, штука тухлая и много не того наделала. Про Феликса я не говорю, он к ним с горя подался... Но клирики наши распрекрасные не зря кое о чем даже говорить запрещают. Вроде придурь, а смысл-то в ней есть. Твой отец вот перед Авирой начал над Смертью шутить, выпить с ним после боя предложил, за него выйти, вот и дошутился... Нет, если что сдуру позовешь, оно и придет. А эти точно какую-то тварь из Преисподней кличут. Короче, вернутся наши, и начнем охоту. Пока я последнюю сволочь своими руками не придушу, а предпоследнюю в дюз не упечем, других дел не будет.

— А чего ж те тогда ускакали, раз они смерти не боятся.

— А вот это всего хуже, что удрали. Главный-то ихний, глаз даю, ушел. Он-то наверняка помирать в ближайшее время не собирается, может, даже наоборот, чужие жизни жрет и с того жиреет. А вернее всего, тут и вовсе хвост прополз, а голова змеиная совсем в другом месте. Хотел бы я ошибаться, но они кого-то предупредить решили. Да... А кони-то у них хоть сейчас в императорскую конюшню...

Луи согласно кивнул. В его голове с трудом укладывалось услышанное, поэтому он зацепился за последние слова, внушающие надежду на какую-то определенность. А корона и все прочее подождет. И очень хорошо, что Матей оказался другом, хоть и интриганом, Луи любил ветерана с детства, и даже его ненависть к старику во многом выросла из обиды. Человек, который так тебя знает, — и подумал, что он, Луи, насильник и лгун! Теперь все стало на свои места — принц поправил шляпу и нарочито внимательно стал смотреть вдаль, старательно сдерживая свои губы, готовые растянуться в дурацкой детской улыбке! Впрочем, его усилия не пропали даром — он первым увидел возвращающихся галопом всадников, которых отчего-то стало меньше.

— В засаде они половину оставили, что ли? — проворчал Матей, но в голосе его не было особой уверенности...

Но дело оказалось в другом. Аюдант графа Матея был истым уроженцем северо-запада и уложил все увиденное и собственные выводы в три слова:

— Монсигнор, это война!

Преследователи оказались в положении собаки, гнавшей кошку и нарвавшейся на быка. Впрочем, Винсен, возглавлявший погоню, не растерялся и, умело уведя своих людей от преследования, отправил самых толковых хорошенько рассмотреть незваных гостей. Пока

же было очевидным одно — в Арцию вторглась немалая армия, и таинственные убийцы связаны с этим самым непосредственным образом.

**2229 год от В.И.
25-й день месяца Агнца.
Нижняя Арция**

Фредерик Койла придирчиво рассматривал свое отражение в переносном зеркале. Нет. Пожалуй, не стоило ему вчера столько пить. Михай Годой, конечно, радушнейший из хозяев, но язык дается дипломату, чтобы скрывать свои мысли, а не для того, чтоб произносить пустые тосты. И вот результат — третья ора пополудни, а он едва встал... Лицо опухшее, глаза мутные, руки трясутся... А ведь ему уже за тридцать и, если он хочет по-прежнему радовать мунтских красавиц своей внешностью и темпераментом, нужно себя поберечь. Граф покачал головой — и что это вчера на него нашло, ведь он почти не пьет, а тут опрокидывал кубок за кубком, да еще и местных нобилей заставлял пить.

Неприятно будет, если они расскажут о его вчерашнем «подвиге» обретающемуся тут же племянничку императора. Ведь именно он, Фредерик Койла, одним из первых поддержал Бернара, потребовавшего высылки Луи из-за его постоянных пьяных походов, завершившихся попыткой изнасиловать собственную кузину. В последнее Койла, впрочем, не верил — Марина-Митта сама могла кого хочешь изнасиловать, но вот использовать ее, чтобы удалить из столицы человека, хоть и неплохого, но самим фактом своего существования мешающего Бернару, а значит, и тем, кто связал с ним свою судьбу, было весьма разумно. И все равно граф не хотел, чтобы Луи узнал о его, Фредерика, пьянстве. Надо будет тактично переговорить об этом с вчерашними гостями, если те еще не уехали, хотя вряд ли они смогли это сделать, так как тоже пали жертвой тарскийского гостеприимства.

Граф вздохнул, еще раз расправил и без того безукоризненно лежащие манжеты, подумал, достал баночку с атэвскими румянами, тронул заячьей лапкой бледные щеки и раздвинул полог палатки. Лагерь оживленно гудел. Люди и гоблины сновали в разные стороны, ржали лошади, раздавались резкие свистки горских начальников и хриплые голоса тарскийцев. Фредерик Койла без труда нашел своих вчерашних сотрапезников. Те только что проснулись и, морщась, приступили к обычному в подобных случаях лечению. К глубокому облегчению столичного гостя, провинциалы отнюдь не сочли его вчерашнее поведение чем-то из ряда вон выходящим, скорее уж они были удивлены умеренностью графа.

Койле предложили какую-то настойку, которую в здешних краях пьют на второй день празднества. Он согласился. День летел незаметно в обсуждении столичных новостей и местных сплетен, причем Фредерик с мстительным удовлетворением узнал, что Луи по-прежнему находится под присмотром старого Матея, которого ненавидит всеми фибрами своей души.

Окончательно успокоившись и полностью очаровав своих собеседников, Койла попрощался и хотел было выйти вон, однако это ему не удалось. Два молчаливых горца с обнаженными атэвскими ятаганами не пропустили посланника императора, с каменными лицами встретив поток его красноречия. Та же участь постигла и прочих арцийцев. Гости Годоя, внезапно ставшие пленниками, с недоумением уставились друг на друга.

— Возможно, у них в лагере происходит что-то, что они не хотят показывать чужим. Какой-нибудь обряд или что-то в этом роде, — граф сам не очень верил в то, что говорил, но надо как-то объяснить происходящее, чтобы сохранить лицо.

Как ни странно, арцийцы такое объяснение приняли и даже прикрикнули на молоденького сына одного из нобилей, предпринявшего попытку силой вырваться из палатки. Мальчишка обиженно закусил губу и удалился за занавеску, отделявшую основное помещение от отсека, в который слуги убирали свернутые постели. Плен, если это был плен, оказался весьма приятным, так как вскоре полог откинулся, пропуская таянцев, принесших

обильный обед, хорошие вина и известие, что вечером их ждет регент. Испортившееся было настроение улучшилось, и граф, приняв на себя роль хозяина, пригласил всех к столу.

**2229 год от В.И.
25-й день месяца Агнца.
Нижняя Арция**

— Я не видел чернил с тех пор, как моим учителям перестали платить жалованье, — Луи че Лагг с отвращением отшвырнул перо, — и вообще нам никто не поверит.

— Кто нужно, тот поверит, — Матей пробежал глазами шесть посланий, — хотел бы я посмотреть на рожу Базилека, когда тот узнает, до чего доигрался... Удавил бы! Своими руками привести сюда такую заразу...

— Может, еще удавишь, — попытался пошутить принц.

— Надеюсь, — ветеран был не склонен воспринимать слова Луи как шутку, — но пока нам придется солоно. Винсен, давай сюда ребят!

Двенадцать человек вошли в домик убитого клирика, где удалось отыскать бумагу и чернила, и замерли, переводя взгляд с принца на Матея и обратно. Старый вояка молчал, и Луи понял, что приказывать, по крайней мере на людях, отныне придется ему.

— Вот что, — он старался говорить спокойно и деловито, — тут шесть писем. Каждое должно быть доставлено как можно скорее. Ваша быстрота — это спасенные люди. Замешкаетесь, еще где-нибудь случится то же... что мы видели. Кто здесь с запада?

— Я, — отдал честь стройный сероглазый брюнет и уточнил: — Черный Лес, это рядом с Гвергандой.

— Хорошо, туда и поскачешь. С тобой поедет Риче, нужно, чтоб хоть кто-то добрался до Сезара Мальвани, но лучше, если оба. Это, кстати говоря, всех касается. Умирать вернетесь сюда, поняли? — Воины заулыбались, словно им сказали что-то невероятно приятное. — Так... Кто-нибудь знает самую короткую дорогу к Кантиске? В обход Мунта?

— Тео, — Матей, разумеется, знал о своих людях все.

— Тогда тебе — Архипастырь. И если для скорости понадобится ограбить кого-то на дороге, грабь, грехи тебе отпустят, только скорее. А ты, ты, ты и ты — поедете в Разу, Убриг и Вэртагу. Отдать начальникам гарнизонов из рук в руки, будут расспрашивать, отвечайте как на духу.

— Именно, — кивнул ветеран, — там свои. От себя добавь, чтоб шевелились, — нужно остановить эту нечисть и держаться, пока не подойдет подкрепление. Гийом и Толстяк, ноги в руки и в Мунт. Это письмо императору, но с ним успеется, а вот второе, маршалу⁷⁹ Ландею, лично и срочно!

— Возьмите деньги, — Луи высыпал на стол пригоршню монет, — больше нету, так что шутка про грабеж — не совсем шутка. Главное — скорость, помните, что от вас зависит.

Матей хмуро оглядел посланцев.

— А теперь брысь! Риче, возьми серого, он лучше других, с Жани я разберусь, — гонцы бросились вон, и вскоре за окнами простучали копыта.

— А что теперь? — Луи принялся размазывать по чистенькому столу чернильную кляксу, пытаясь придать ей очертание коровы.

— Ждать теперь, — отрезал бывший враг, — самое муторное дело, между прочим. Ждать и думать. Знал я, конечно, что Бернар тварь. Но что он такой дурак!!! Позвал поп змею с волком воевать, она его и укусила...

— Но они на Эланд идут, правда ведь? Что Годую с нами делить? Да ты же сам и говорил, что Бернар с Михаем сговариваются против Рене Арроя.

⁷⁹ Маршал — командующий армией Арции. Маршал Арции одновременно является и капитаном Гвардии. В случае смерти или тяжелого ранения маршала его обязанности принимает на себя вице-маршал. И маршал, и вице-маршал назначаются императором.

— Знаешь, парень, — Матей задумчиво взъерошил остатки волос на своем затылке, — похоже, этот шут гороховый наш император таки их пропустил. Иначе бы они Фронтеру с ходу не прошли бы, гарнизоны там сильные, их не обойдешь и не опрокинешь. Прохлопать они не могли, я знаю, кто там командует. Такая армия не иголка, наши должны были загодя все разведать и выдвинуться к Гремиех. Хороший перевал — дело такое — сотня десять тысяч остановит... Нет, по всему выходит, что Базилек их сам пустил. Иначе с чего его консигну впереди тащат.

— А что с нашими гарнизонами?

— А не знаю! — зло отрубил граф, но злость эта явно была направлена не на собеседника. Луи отчего-то вспомнил, что свой титул бастард небогатого барона нашел под Авирой, когда в одиночку защищал от атэвов тело отца Луи, принца Эллари.

— Дядька Шарль!

— Оу?

— Но они ведь на Эланд идут, ведь правда?

— Эк заладил... Эланд, Эланд! Может, да, а может, и нет. Знаю, о чем думаешь. Дескать, Рене Аррой им по рогам даст, а мы ему поможем, а вот войны здесь и сейчас ты боишься. И глазами на меня не блести — не девка! Правильно боишься. Армия наша — оторви да брось. Как твоего отца убили, а Датто в отставку подал, так и пошли дела. Для Базилека с Бернаром мы хуже атэвов, прости Господи, стали. Только и делал, что недовольных искал да по дальним гарнизонам распахивал, одна память про победы и осталась, а как воевать, так толку чуть! — Матей нахмурился. — Но что больше всего мне не нравится, так это изуверство ихнее... Если бы они на Арроя собирались, они бы здесь не свинячили, им в тылах союзники нужны.

— Но откуда же им знать, что мы все узнаем?

— Умный человек (а тарскийского Годоя отродясь дураком не называли) должен понимать, что такого шила в мешке не утаить. Догадались бы, рано или поздно нашли бы эти мертвые деревни... Нет, Луи, если б он пер на Эланд, он бы такого не творил. Боюсь, мы не Рене защищать будем, а Мунт, и пошли Творец дурню Базилеку просветление. Если он не двинет сюда армию, все пропало.

— Все?

— Ну, положим, не все. Атэвы останутся до поры до времени, Канг-хаон тоже, южане далеко, Эланд все ж за Аденой и Ганой, их еще перейти нужно, да и Рене кому хочешь зубы покажет. А вот Арция, та точно пропала. Ее и так сейчас тряхни — и развалится. Опоздали мы, — ветеран взглянул на принца почти с ненавистью, — нужно было еще лет десять назад свернуть шею императорской семейке и надеть на тебя корону! А теперь догоняй. Босиком по гвоздям да за подкованной кобылой!!!

Матей замолчал, а у Луи не было не малейшего желания продолжить разговор. Принц сидел, поставив локти на перемазанный чернилами стол, запустив руки в густую каштановую шевелюру. Каждый думал о своем, и мысли эти были не из радостных. Надо было вставать, что-то приказывать, делать веселое, знающее лицо, но не хотелось.

Вернулись разведчики, отправленные к большой дороге, и Матей с Луи вышли их встречать. Винсен и Колен были не одни, сзади аюданта сидел красивый темноволосый юноша, почти мальчик, в сером бархатном колете, на котором был вышит баронский герб — вставший на дыбы конь в воротах из радуги. Луи поразило лицо паренька — отрешенное и бледное, как на картинах старых мастеров.

— Вот, — Колен все свои доклады начинал с этого глупого словечка, и отучить разведчика от этой скверной привычки не мог даже Матей, — он из их лагеря удрал. Такое там творится, в страшном сне не увидишь. Ему только царки надо дать хлебнуть. А то он вовсе застыл от эдаких радостей. А армия сейчас на Олецку прет, а дальше на Мунт, так что гореть Базилеку синим пламенем...

— Предупредить бы их, — проворчал Матей, — да разве нас послушают? В Олецке же этот пень Вуар распоряжается. Никогда ничему без письма с двумя печатями не поверит.

— И все равно едем туда, — Луи торопливо пристегнул шпагу, — мы верхами, успеем раньше. У них обоз, пехота...

— Погодите, Ваше Высочество, — Матей отвел Луи в угол и зашипел: — Никуда мы сейчас не пойдем. Будем ждать здесь вестей из гарнизонов. Не имеем права мы сейчас на рожон переть, надо по-умному делать, а помирать и мыши умеют. Если кошка схватит...

Внезапный порыв ветра опрокинул стоявший на подоконнике кувшин, вздув парусом накрахмаленные занавески. Луи подбежал к окошку и высунул голову наружу. В лицо ему швырнуло целую пригоршню песка и пыли, на зубах противно скрипнуло. Принц взглянул в потемневшее небо — с северо-востока надвигалась гроза. Передние тучи, похожие на пригнувшихся к гривам коней огромных всадников, стремительно заволакивали горизонт, словно над миром нависала небывалая черная волна. Судя по всему, не пройдет и оры, как на них обрушится настоящий потоп. И хвала святому Эрасти, если это так! Дороги здесь немощеные, кругом глина, развезет так, что никакой обоз с места не сдвинется. А брод у Олецьки уж точно станет непроходим. А значит, у них в запасе дня два, а то и три.

Гонцы уже в пути, если дождь их и задержат, они всяко доберутся до цели много раньше, чем тарскийцы смогут вновь двинуться с места. А каждая выигранная у судьбы ора приближает помощь. Феликс, узнав о таинственных убийцах, не станет медлить со Святым походом, тем более в мешке вестника лежат и тщательно завернутые в старую занавеску окровавленные рога. Наверняка тотчас же двинет на юг войска и Сезар Мальвани, да и здесь, во Фронтере, они соберут тысяч пять-семь! Только бы гроза не прошла стороной, а Кадена разлилась пошире!

Глава 9

2229 год от В.И.

Вечер 26-го дня месяца Агнца.

Нижняя Арция. Олецька

Городок Олецька издавна славился своим дюзом, про который шепотом рассказывали страшные легенды, главную роль в которых отводили ведьмам, дето— и мужеубийцам и замурованным живьем в стены клирикам-отступникам. Во всем остальном это был обычный городишко на границе Фронтеры и Внутренней Арции, давно выплеснувшийся за когда-то окружавшую его стену, полный запаха выпекаемого хлеба и яблочного вина, окруженный садами и огородами.

Жители городка кормились в основном с дорог, на которых, собственно говоря, и выросла Олецька. Встань Таяна и Эланд на ноги лет на триста-четыре пораньше, когда Арцийская империя, хоть и клонящаяся к закату, была еще в силе, город-ключ во внутренние земли (Фронтеру императоры всегда считали ненадежной) наверняка бы был окружен мощными укреплениями и в нем разместился бы сильный гарнизон, теперь же хозяевам Мунта было не до этого. Последние войны гремели исключительно на юге, где воинственные атэвы вдруг прекратили грызться друг с другом и начали создавать единую державу.

На север империя не смотрела, почитая Эланд и Таяну сначала не стоящими внимания, а потом слишком сильными для того, чтоб играть мышцами на их границе, благо Рысь и Альбатрос пока смотрели за Запретную черту, а не на ухоженные имперские земли, да и Новая дорога из Гверганды к Гремихе не способствовала процветанию. Так что Олецька, равно как и другие северные города и городки, оставалась приютом трактирщиков, перекупщиков и ремесленников. Жило их там тысяч десять, и ненастным весенним вечером они занимались своими делами — шили, готовили, болтали о зарядивших ливнях с забежавшими выпить стаканчик вина соседями.

У опоясывавшей город с юга вздувшейся от дождей речушки, впадающей в Кадену, влюбленные героически ломали мокрые ветки расцветающей сирени, какой-то мальчишка,

насквозь вымокший, но счастливый, посреди превратившейся в море разливанное улицы забавлялся с корабликами, а из городских харчевен пахло пряным мясом и свежим хлебом. В трех иглециях и дюзе зазвонили колокола, вознося хвалу Творцу за еще один прожитый день, большой желтый кот, пробиравшийся по карнизу единственного, если не считать строений во дворе дюза, двухэтажного дома, принадлежащего эркарду, оступился и с мявом шлепнулся на мощный камень двор, отряхнулся и гордо удалился, возмущенно подняв подмокший хвост.

Символические городские ворота были распахнуты, два стражника — пузатый и худой, как весенний заяц, увлеченно метали кости в ветхой караулке. За дорогой никто не следил. Олецка была мирным городом, откуда было ей знать, что какой-то день может стать для нее последним.

Армия, показавшаяся из-за поворота, выглядела внушительно. Блестели кирасы всадников, в ногу шли тяжелые боевые лошади, вздымались вверх орифламмы и консигны, правда несколько обвисшие из-за проклятого ливня. Впереди, сразу после знаменосцев под навесом, вздымаемым на копьях восемью рослыми воинами, ехали трое — дородный мужчина с короткой черной бородой, разодетый в цвета потухающего пламени, худой клирик с глазами фанатика и изящный бледный красавец в лиловом, в котором каждый, кто бывал в Мунте, без труда бы узнал бесподобного графа Койлу.

Войско шло не таясь, и стражники, услышав за стеной шум, сообразовали выглянуть наружу. Графа Койлу они в лицо не знали, но орифламма с арцийскими нарциссами произвела должное впечатление, да и слух о том, что таянский регент собрался воевать с поганым Майхубом, разошелся по всей Фронтере.

Граф Койла остановил коня у ворот и объявил, что он сопровождает дружественную тарскийско-таянскую армию в Святой поход против Эа-Атэва и что император Базилек повелел своим подданным всячески содействовать доблестным борцам с еретиками. Стража не возражала, да и что она могла бы возразить. Армия влилась в городок сплошным коричневым потоком. Правда, не вся, вся она бы и не поместилась. Большая часть обтекла Олецку с севера, видимо намереваясь разбить лагерь на широком берегу Кадены в ожидании, когда спадет вода и переправа станет проходимой.

Прибежал растерянный эркард, на ходу застегивая отороченную седой лисой парадную мантию, из окон высунулись любопытные головы. Граф Койла все с той же застывшей обворожительной улыбкой рассказал про Святой поход и попросил проводить их в дюз. Эркард торопливо закивал головой, прикидывая, сколько съедят и выпьют за время вынужденного безделья такие гости. Гости спешили и, накинув кожаные плащи с капюшонами, зашагали за городским головой. Граф Койла продолжал говорить о каких-то пустяках. Таисий заученным жестом благословлял всех, кто попадался на его пути, Михай Годой молчал. Молчали и тарскийцы, печатавшие шаг на расстоянии половины копы от вождей.

Дюз стоял на берегу речки и в этот дождливый вечер вовсе не казался ни опасным, ни таинственным. Под крышей главного здания гнездились ласточки, несмотря на ливень, стремительно носившиеся по двору, засаженному цветущими кустами. Настоятель молился, но к высоким гостям вышел немедленно. Он был еще не стар, довольно упитан, с румяными щеками, обличающими человека, не слишком укрощающего свою плоть. Граф Койла, улыбаясь, очередной раз поведал о походе против атэвов, и аббат Вилизарий с умным видом закивал в ответ и попросил разрешения распорядиться об обеде.

Надо было отдать должное церковному повару, трапезу он приготовил отменную, а вино из подвалов дюза было и вовсе великолепным. Аббат потчевал гостей, не забывая и себя. Таисий ограничился шпинатом и сваренными вкрутую яйцами, умерщвлял плоть, Фредерик Койла только пил, причем целый вечер просидел с одной рюмкой, зато Михай Годой и несколько его приближенных угощались от души, и настроение у них было самое хорошее. Особенно же они развеселились, когда эркард поведал им о послании сосланного в Нижнюю Арцию императорского племянника, видимо допившегося с тоски по столичным

красоткам до белой горячки.

**2229 год от В.И.
29-й день месяца Агнца.
Пантана. Босха**

Рафал обреченно созерцал увязнувшие по колено кривые деревья и высохший прошлогодний тростник, среди которого настойчиво рвались к низкому небу зеленые шпаги новых побегов. Лейтенант Церковной Стражи доскакал до Босхи за двадцать четыре дня. Он почти не спал, не скупясь на ауры⁸⁰ менял лошадей и только на последнем постоялом дворе, за которым Корбутский Тракт круто уходил в сторону, огибая гиблые пантанские болота, понял, что самое трудное ожидает впереди. Эльфы, если они действительно скрывались в этих местах, позаботились о том, чтобы смертные ничего не заподозрили. При их умении колдовать и дружбе со всяческими тварями и растениями это было легче легкого. Как ни обдумывал Рафал положение, в голову не приходило ничего. Оставалось положиться на удачу, что он и сделал, решительно свернув с проселка, соединявшего две забытые Творцом лесные деревушки с трактом, на еще более глухую лесную тропинку, которая и привела его к краю болот, перебраться через которые, не имея крыльев, не взялся бы никто.

Лейтенант сделал единственное, что можно было сделать. Он стал медленно пробираться вдоль берега, время от времени заходя по колено в ледяную мутную воду и вглядываясь в даль. Пейзаж разнообразием не отличался. Темная вода, кочки, опять вода, тростники, выродившиеся от обилия выпивки деревца, кусты ивняка, разукрашенные живыми пушистыми шариками — серебряными и желтыми.

Белки и птицы, которыми Босха просто кишела, не обращали на одинокого путника никакого внимания, а кроме них, он никого не встретил. Ночью Рафал слышал, как неподалеку блаженствовали кабаны, дорвавшиеся после зимы до обильной пищи и роскошной мягкой грязи. Прямо перед лицом лейтенанта пролетела большая мягкая птица и уселась на соседнем дереве, лупая круглыми желтыми глазищами и издавая вопли, похожие на скрип двери брошенного дома. Крепкая гнедая лошадка, имевшая несчастье разделять общество Рафала в этом путешествии, беспокоилась, ее хозяину тоже не спалось.

Утро выдалось сырым и промозглым. Над болотами стоял туман, превративший их в некое подобие серых равнин, по которым обречены вечно бродить души, не достойные ни вечного блаженства, ни адского пламени.

Рафал вздохнул, с отвращением проглотил пропитавшиеся сыростью сухари и безвкусное холодное мясо и дал себе слово добыть к вечеру хоть какую-нибудь дичину. Дорога совсем раскисла, и лошадь с отвращением задирала ноги в когда-то белых чулочках, вытаскивая их из чавкающей грязи. В довершение вновь стал накрапывать дождь. Лейтенант с отчаяньем подумал, что можно бродить веками среди этих тростников и никогда не найти тех, кого должно отыскать. Здравый смысл советовал возвращаться — в конце концов, он сделал все, что мог, но он не лось и не кабан, чтобы рыскать по этим топям. Он воин. А сейчас каждая шпага на вес золота.

Архипастырь, выросший вдали от Пантаны, не мог знать, что найти кого-нибудь в болотах потруднее, чем в горах или же в лесу. Здесь не остается даже следов. Лейтенант вздохнул и решительно тронулся вперед, с отвращением слушая, как чавкает под копытами раскисшая глина. Солнце так и не появилось. Если бы он шел по лесу, то наверняка бы решил, что кружит на одном месте, но он двигался вдоль края болота, так что опасность заблудиться ему пока не грозила. Про себя Рафал решил, что будет искать эльфов столько, сколько отвел на поиски сам Феликс, и еще те пять или шесть дней, которые он выгадал в дороге. Может быть, ему повезет наткнуться на какой-нибудь след, возможно, здесь, в

⁸⁰ Аур — золотая монета, имеющая хождение в Арции.

болотах, живут люди, которые что-то слышали или видели...

За день он дважды спешил и переводил гнедую через особо гнусные местечки, один раз лошадь поскользнулась, и Рафал чудом не свалился в грязь, второй раз перед самой мордой несчастной клячи из кустов выпорхнула большая коричневая птица и со сварливым воплем метнулась в лес. Казалось бы смирная лошадка вскинулась на дыбы не хуже атэвского скакуна, и по праву считавшийся хорошим наездником лейтенант с трудом с ней справился. Затем пришлось долго пробираться через заросли лещины, что с успехом заменило падение в воду, так как проклятый дождь усилился и казалось, что на ветках растут не листья, а огромные водяные капли. И без того гадкое настроение стало еще хуже, когда кусты отступили, услужливо явив взгляду неширокий, но глубокий овраг, по дну которого тек ручей ржавой воды. Перепрыгнуть преграду было столь же невозможно, как и спуститься вниз. Предстояло решать, стоит ли продолжать путь и если стоит, то каким образом.

Объезжать овраг, который может тянуться Проклятый ведает как далеко? Лезть в болото? Бросить лошадь и попробовать перебраться при помощи веревки?

Рафал со злостью уставился на ни в чем не повинный куст и высказал ему все, что думает по этому поводу. Орешник благоразумно промолчал. Рафал огляделся еще раз и пришел к выводу, что единственное, что ему остается, это пообедать. Огонь разжигаться не желал, пока лейтенант не плеснул на собранные ветки из фляги, от содержимого которой и сам бы не отказался. Костерок, защищенный от ветра и дождя кожаным плащом, с грехом пополам разгорелся, и Рафал злобно уставился в огонь. Капли монотонно стучали по самодельному навесу, едкий дым ел глаза, но это все же было лучше, чем стекающие за шиворот ледяные капли. Лейтенант обругал себя за нарушение данного себе слова, но все же приложился к заветной фляжке, после чего смог взглянуть на жизнь более философски.

— Кого ты здесь ищешь? — голос был негромким, но Рафал вздрогнул, словно его окатили из ведра. Лейтенант торопливо вскочил. Кожаный плащ слетел с кое-как сооруженных распорок и свалился в огонь. Раздалось шипенье. Рафал, чертыхнувшись, выхватил свое имущество из огня и только после этого смог оглядеться.

Их было двое, и они, казалось, только что вышли из бальной залы, а не из мокрого леса. Один казался постарше, если, говоря о подобных существах, уместно вспоминать о возрасте. Темноволосый, с пронзительными светло-голубыми глазами и спокойным, почти суровым лицом, он стоял чуть впереди, протянув вперед раскрытые ладони в извечном жесте мира. Второй, повыше, с волнистыми пепельными волосами, держал под уздцы коней, словно вылетевших из волшебного сна.

— Ты ищешь нас, — повторил темноволосый, — не отпирайся, мы знаем это. Для чего смер... человеку наш народ?

— Меня послал Архипастырь Феликс, — Рафал чувствовал, что его обычно довольно-таки спокойное сердце то рывками подлетает к горлу, то проваливается куда-то вниз, — нам нужна помощь...

**2229 год от В.И.
29-й день месяца Агнца.
Запретные земли**

Лес менялся постепенно и незаметно. Наверное, окажись в его объятиях не понимающий с полувзгляда любую дышащую тварь эльф, а человек, гoblin или гном, он бы ничего не заметил, пока бы не стало поздно, но Рамизрль легко улавливал обрывки простеньких мыслей кошек-белок и отзвуки боли, жажды или страха, испытываемых вечно осенними деревьями этого места. И те и другие беспокоились, впрочем, провожавшие барда с самой опушки рыжие веселые зверьки поступили вполне в соответствии с извечным кошачьим правилом — любопытство превыше всего, но пока это не слишком опасно. В один прекрасный момент эльф понял, что остался один, его непрошенные склочные спутники потихоньку удрали, он успел только почувствовать их страх и неприязнь, словно бы кто-то

силком намочил их лапы и пушистые хвосты чем-то гадким. Деревья тоже изменились, того мудрого покоя и снисходительной нежности к малым сим, которое излучал этот странный лес, больше не было. Тревога приглушила яркие краски, листва казалась бурой и некрасивой, потянуло болотной сыростью. Рамиэрль потряс головой, отгоняя невесть откуда взявшиеся панические мысли, — хотелось развернуться и броситься назад, к солнцу, игривым зверушкам, ласковым трепещущим осинкам.

— Поздно мне поворачивать, — произнесенная вслух когда-то услышанная фраза сработала не хуже заклинания, и эльф решительно пошел вперед. Дорога вроде бы и не изменилась, но идти стало труднее, так как замороженные собственными страхами деревья перестали услужливо раздвигать ветви, пропуская гостя, вдруг переставшего быть желанным. Нет, в этой части леса тоже кипела жизнь, но какая-то ломаная, неправильная. Он увидел на глине отпечаток заячьей лапы, но размером этот заяц должен был быть с большую собаку. Либр не успел даже удивиться, как мимо него, отчаянно хлопая крыльями, пронеслось и вовсе нелепое создание, похожее на сильно вытянутого в длину ежа с клювом и вороньим хвостом; а затем путь преградил луг, заросший крупными лиловыми цветами на белых жирных стеблях, источающими сильный сладкий аромат. Над цветами кружило невероятное количество бледных бабочек от совсем крошечных до великанш, размером с хорошую летучую мышь.

Луг тянулся в обе стороны насколько хватал глаз, впереди же на самом горизонте маячила синеватая полоска, скорее всего опушка еще одного леса. Рамиэрль знал, что ему туда. Но отчего-то ужасно не хотел знакомиться с этими цветочками, подобных которым он никогда не видел. Оттягивая это сомнительное удовольствие, эльф пошел вдоль кромки леса, выискивая место для отдыха и одновременно надеясь на то, что кольцо цветов где-то окажется уже. Его надежды не оправдались, но зато он увидел, что через лиловый луг кто-то все же перешел. Цветы были смяты, словно по ним пробежало какое-то крупное животное или проехал всадник, и было это совсем недавно. Эльф проследил взглядом протоптанную тропу, но никого не увидел. Его предшественник, кто бы он ни был, успел скрыться на той стороне леса. Роман решил не искушать судьбу и пройти по следу. Отвращение, которое он испытал, наступив на истекающие соком жирные хрупкие стебли, по остроте почти сравнялось с болью, но эльф справился с этим чувством и, как мог быстро, пошел вперед, давя поднимавшиеся на глазах цветы. Волны аромата окружили его, и на мгновение ему почудилось, что он оказался в спальне какой-то перезрелой красотишки, не мытьем, так катаньем желающей потрясти гостя и вылившей на себя целый кувшин лучших атэвских благовоний.

Хихикнув от поэтического сравнения и сбив рукой в перчатке особенно отвратительную бабочку, так и норовившую устроиться у него на рукаве, Роман прибавил шаг.

2229 год от В.И.

1-й день месяца Иноходца.

Эланд. Идакона

— Бывают новости и получше, — отрывисто бросил Рене Аррой присмирившему Зенеку. — Можешь идти.

Аюдант вышел тихо и быстро. Просто удивительно было, как меньше чем за год неотесанный деревенский парнишка превратился в расторопного молодого офицера, что, впрочем, никак не сказалось на его фронтерском выговоре, но Рене было не до подобных мелочей. Он смертельно устал от неопределенности, от необходимости скрывать свое раздражение и накатывавшее волнами отчаянье. Герцог сидел у стола, с ненавистью глядя на послание, подписанное старым приятелем Счастливого Рене капитаном Гераром, ныне подвизающимся на императорской службе.

Герар был отвратительным придворным, неплохим моряком и хорошим другом.

Поэтому он решился написать Рене о том, что услышал, когда арцийский двор совершал увеселительную прогулку на флагмане императорского флота — за такое кощунство надо сжигать заживо, а затем отдавать ракам и жабам!

Да, в Арции, одряхлевшей от мира и ожиревшей от урожайных лет, военные корабли служили для того, чтобы катать по Льюфере полупьяных нобилей! Конечно, казна платила Герару, и неплохо платила, но он презирал тех, кто его нанял, а стало быть, не считал себя ничем им обязанным. Другое дело — друг Рене, в свое время заплативший за brave капитана долги и вместе с ним отбивший нападение челяди обманутого мужа. Рене мог рассчитывать на благодарность, и, надо отдать справедливость старому греховоднику, тот с лихвой отплатил за мимолетное юношеское великодушие третьего сына Эландского герцога.

Теперь Рене знал точно, что его неизвестный друг-«эмико» из Таяны писал правду. Император Базилек (вернее, его окружение, так как сам Базилек уже давно ничего не решал) не только не настроен помогать Эланду в борьбе с узурпатором Михаем, но и решительно запретил арцийским нобилям принимать участие в объявленном Церковью Святом походе. Он сговорился с Годоем пропустить его войска к Гверганде, прикрываясь вымышленным походом на Майхуба!

Бредовость этого предлога была очевидна, но она связывала Феликса по рукам и ногам. Пока Годой не напал на Эланд, Архипастырь обречен был или вести утомительные переговоры с арцийским двором, или же поднимать верующих против императора, начав тем самым смуту, что опять-таки играло на руку Михаю Годое. Конечно, Церковь сильна, а так называемая Церковная Стража является, пожалуй, самым сплоченным арцийским гарнизоном, способным защищать Святой город от превосходящих сил противника. Но, для того чтобы вести наступательную войну, ее слишком мало. Да и Феликс не может оставлять Кантиску без защиты, так как его власть держится на авторитете святого Эрасти, а не на поддержке большинства клириков. Кардиналы не замедлили бы воспользоваться отсутствием Архипастыря, чтобы начать плести свои бесконечные интриги.

Разумеется, за зиму к стенам Кантиски стеклось немало народа, желающего помахать шпагой во славу Божию и своего кошелька, но их еще надо вооружить и обучить. А затем они должны покинуть Святую область и пройти половину Арции, чтобы достичь границ Фронтеры — если Феликс решит ударить по Таяне, или же Гверганды, если он предпочтет соединить силы Церкви с силами Эланда.

Глядя на карту, Рене совершенно ясно видел достоинства и недостатки обоих вариантов. Удар через Фронтеру имел смысл сейчас, в начале месяца Иноходца, когда Эланд и север Таяны еще лежат под снегом, а Гремихинский перевал уже проходим. Если бы Михай был вовремя втянут в войну на юге, а Рене получал возможность ударить через Внутренний Эланд сразу же, как только подсохнут дороги, они бы могли победить. Разумеется, если бы таянцы, воспользовавшись случаем, подняли восстание. Увы! Их опередили! Время было безнадежно упущено, да и войско, состоящее из отборного ядра Церковной Стражи и оравы добровольцев, среди которых попадались как прекрасно владеющие оружием нобили, так и крестьяне с дубинами, вряд ли выстоит против объединенных сил Тарски, Таяны и гоблинов. Вполне может случиться, что Годой разобьет сначала Феликса, а затем Рене, и это при том, что поражение Архипастыря подорвет боевой дух защитников Эланда.

— Конечно, подорвет, — встрял Жан-Флорентин, — ты не подумай ничего такого. Мысли я читать не умею и вообще полагаю так называемую телепатию выдумками невежд. Зато я умею читать карту и знаком с твоим образом мышления. К тому же ты кое-что произносишь вслух. Очень мало, но достаточно, чтобы понять, если знать, над чем ты думаешь...

— Да я ничего не думал. По крайней мере о тебе, — огрызнулся Аррой.

— И совершенно зря, — менторским тоном отвечал жаб, — ибо существует только тот, кто мыслит. Ты же для человека рассуждаешь достаточно здраво, по крайней мере ты в состоянии понять одну притчу, которую я считаю своим долгом тебе изложить.

Рене Аррой промолчал, так как давно смирился с мыслью, что остановить Жана-Флорентина, рассказывающего одну из бесчисленного количества ведомых ему поучительных историй, нельзя. Жаб же, сочтя молчание знаком согласия, торжественно начал:

— Сразу же после Исхода никто не верил, что Светозарные, как они себя сами называли, или Чужаки, как их называла Матушка, ушли навсегда. Люди им верили, и они, в общем-то, неплохо с вами обращались. Впрочем, тебе бы подобное не понравилось, так как ты убежденный сторонник свободы воли и свободы выбора, а Светозарные были уверены, что они лучше других знают, что человеку делать можно и чего нельзя. Но тогда очень просто было жить тем, кто боится выбора, а выбор — это самое трудное, что только может встретиться мыслящему существу. Считалось, что право выбора, право принимать решение есть у Богов, а прочим оно вроде и ни к чему, потому что...

— Ты, милый друг, по-моему, отвлекся, — вмешался Рене, — а скоро сюда пожалуют Максимилиан с Эриком и Диманом, так что заканчивай свою притчу.

— О, сколь суетливы люди и как далеки они от высокого, — вздохнул всем телом Жан-Флорентин, но тем не менее вернулся к предмету беседы. — Так вот, сразу же после Исхода никто в него не верил. Тогда уже стали появляться всякие проповедники, которые потом образовали эту вашу Церковь. Они ходили и говорили, что никаких Светозарных нет, а есть Творец, единый в трех лицах Создателя, Карателя и Спасителя. Ну, ты же знаешь ненаучную и по сути ничего не объясняющую теорию, которая опять-таки подменяет собой право выбора...

— Жан-Флорентин! — не выдержал Рене. — Если ты не прекратишь, я расскажу про тебя Максимилиану, и веди с ним богословские споры, сколько хочешь, а меня уволь. Мне рассказы про Творца неинтересны. Раз он не может или не хочет нам помогать, не о чем и говорить.

— У тебя исключительно утилитарный подход к одному из самых сложных вопросов, — возмутился жаб, — но признаю, что в данной обстановке подобная точка зрения вполне обоснованна. Итак, знаешь ли ты, как первый Архипастырь святой Амброзий обратил в свою веру жителей Кантиски? Я говорю не о приукрашенном и позолоченном варианте, описанном в этом недобросовестном труде, который называется Книга Книг, а истинную историю. Ты меня слышишь?

— Слышу, — подтвердил Рене, — но Максимилиан уже должен прибыть.

— Ну, хорошо, — зачастил Жан-Флорентин. — В Кантиске, а это был большой по тем временам торговый город, было самое известное капище Светозарных. Это вполне объяснимо, так как каждый купец старался задобрить если не богов, то хотя бы их жрецов, которые, не чета нынешним клирикам, всюду баловались магией. Так вот этот самый Амброзий взял да и сжег один из храмов. Самый красивый, кстати. И ничего ему за это не было, так как вместе со Светозарными исчезла и их магия. Ну, люди не то чтобы уверовали в Творца, но увидели, что старые Боги сами себя защитить не могут, а этот Амброзий с его приспешниками творят, что хотят. Народ и не стал спорить, когда те на месте разрушенного храма свой иглестол соорудили. Как говорит Диман: «Нахальство — второе счастье».

— Друг мой, ты что-то стал выражаться неподобающим философу образом, — усмехнулся Рене.

— Отнюдь нет, — ответил философский жаб, — я, кажется, упоминал, что бытие определяет сознание. А я вынужден находиться среди военных людей, не очень образованных, но обладающих живым, образным мышлением, что накладывает определенный отпечаток и на мою манеру поведения.

— Короче, с кем поведешься, от того и наберешься, — подытожил Рене, поднимаясь, чтобы приветствовать вошедших советников.

Запретные земли

Рамиэрль стоял на краю, но чего? Даже курильщики атэвской конопли в самых бредовых своих видениях вряд ли могли вообразить нечто подобное. Дороги не было. Собственно говоря, не было не только дороги, а вообще ничего. Эльф уперся в странный, раздвоившийся, но не у основания, а по вертикальной оси, горб, казалось, отражающий сам себя. Более всего это походило на гигантское веретено, на которое сумасшедшая великанша намотала слишком много пряжи. Нет, не пряжи, а смятого, словно бы изжеванного холста. Самым же диким было то, что холст этот возникал со всех сторон одновременно и в нем еще можно было угадать чудовищно искаженные изображения деревьев, земли, неба.

Умники из Академии, упорно называющие все сущее материей, были бы потрясены, увидев, как это выглядит в буквальном смысле этого слова. Неизвестная, но чудовищная в своей мощи магия что-то сотворила с пространством, смяв его и намотав на незримую ось. Когда-то эти листья шелестели, ручьи звенели, а облака бежали, теперь же все они замерли, искаженные, нелепые, как на рисунке безумца.

Рамиэрль сразу же понял, что Эрасти Церна непостижимым образом оказался упрятан внутри этого нелепого кокона. Эльф ошалело смотрел на конечную точку своего похода. Огонь внутри кольца Эрасти отчаянно бился, указывая, что они у цели. Роман в сердцах наподдал ни в чем не повинный подвернувшийся валун и произнес некую подходящую к данному случаю фразу, которую почерпнул из арсенала Рене, выражавшегося иногда весьма образно. Итак, на протяжении полугода он гнался за химерой, в то время как его друзья наверняка уже сражаются и его магия, равно как и шпага, для них даже не на вес золота, а на вес жизни.

Однако ярость и разочарование не сделали эльфа ни слепым, ни рассеянным. Он заметил, что отброшенный им камень не свалился неподалеку на песок, как это должно было произойти, а завис в воздухе, медленно-медленно продвигаясь в направлении «веретена» и оставляя за собой широкую сероватую полосу, напоминающую хвост кометы. Роман с ужасом наблюдал, как камень словно бы размазывался, превращаясь в размытую черту, более плотную спереди. Наконец головка «кометы» достигла первых складок чудовищной дерюги и исчезла, слившись с измятой тканью.

Не веря своим глазам, эльф бросил еще один камень, который постигла та же участь. Итак, перейдя некую черту, предметы, искажаясь и преобразуясь, становились частью этого магического безобразия. Судя по всему, относилось это и к живому. Кроме того, был тот след в одну сторону на цветочном поле...

Похоже, Рамиэрль был единственным живым существом, оказавшимся вблизи этого проклятого места. Видимо, Кольцо Эрасти его как-то хранило. Не проведет ли оно его и внутрь? Рамиэрль сделал шаг вперед. Ничего. Еще шаг, еще, еще... Вот и первые «складки», рукой подать. Подать-то подать. Роман себя чувствовал мухой, пытавшейся войти внутрь янтаря, и одновременно мулом, перед носом которого держат палку с привязанной к нему морковкой.

Не было ни боли, ни ветра в лицо, ни увязающих в почве ног. Просто искореженные деревья и собранное в складки, как крестьянские занавески, небо стояли на месте, не приближаясь ни на шаг, хоть он старательно переставлял ноги. Затем возникло какое-то темное свечение (если свечение, конечно, может быть темным), окутавшее эльфа, в точности повторяя все контуры его тела. И это, видимо, было вовремя, так как откуда-то то ли снизу, то ли сверху, то ли с боков, а возможно, отовсюду и одновременно, на Романа надвинулись мутно-белые изгибающиеся крылья, явно намереваясь его захватить, но, коснувшись второй «кожи» эльфа, отдернулись и съежились по краям внутрь, как опаленная бумага. Роман глянул на кольцо. Оно яростно светилось.

Внутри камня бушевала буря, вспыхивали и гасли какие-то искры, свивались и развивались непонятные спирали. Только верхний уголок талисмана был мертвым, словно бы выкрошившимся. Роман поднял глаза — отпрянувшие было блеклые крылья опять

надвинулись и опять отдернулись, обожженные. А у камня Эрасти погас еще один кусочек.

Все стало предельно очевидным. Талисман оберегал своего нынешнего хозяина от довольно-таки печальной участи, при этом разрушаясь. Романа считали смелым, и заслуженно, но он довольно давно уразумел, что в некоторых случаях храбрость идет рука об руку с глупостью. Он не имел права жертвовать собой, своими знаниями и талисманом. Нужно было возвращаться.

«Что ж, прощай, Эрасти Церна. Спасибо тебе за все, но ни я тебе, ни ты мне помочь сейчас не в силах...»

Глава 10

2229 год от В.И.

Утро 11-го дня месяца Иноходца.

Арция. Мунт

Дом маршала они отыскивали без труда, так как Франциска че Ландея в Мунте знала каждая собака. Жил он на широкую ногу, и у него постоянно толклись молодые гвардейцы, а не имевшие достаточного вспомоществования из дому и протиравшие глаза императорскому жалованью задолго до поступления нового зачастую и кормились у своего хлебосольного командира. Вот и сейчас на широком, замощенном стершимися мозаичными плитками дворе упражнялись в искусстве фехтования десятка полтора молодых нобилей в черных с золотом мундирах императорской гвардии. Ворота были широко распахнуты, и на двоих запыленных путников никто не обратил никакого внимания. Мало ли кто ищет встречи с маршалом? Другое дело, что в такое время Ландей обычно еще спал, но откуда об этом могли знать двое провинциалов, прибывшие в столицу в надежде заполучить гвардейский плащ? Именно это должны были поведать о себе гонцы Матея, буде кто примется их расспрашивать, но такового не случилось, и они благополучно добрались до личных покоев сгнора, на пороге которых их встретил единственный, но свирепый страж — Кривой Жиль, многие годы единолично исполняющий обязанности денщика, лекаря и доверенного лица бравого маршала. Похоже, что единственным, что могло пробить сию нерушимую стену, было личное послание Шарля Матея, увидев которое Жиль проглотил начатую было тираду о некоторых, которые являются ни свет ни заря, и скрылся за дверь. Не прошло и полуоры, как к гонцам вывалился сам маршал — огромный и, как всегда по утрам, хмурый.

Когда-то Франциск Ландей был первым красавцем Арции и признанным любимцем дам, но годы сделали свое дело. Маршал изрядно раздобрел, а все еще красивое, породистое лицо словно бы оплыло книзу. И тем не менее он все еще являл собой весьма внушительное зрелище. В необъятном темно-красном атэвском халате и с кубком темного пива в руках, Ландей напоминал разбуженного раньше времени медведя. Неодобрительно скосив налитые кровью глаза на приехавших, он хрипло проревел:

— Ну, что там у вас?

Гийом молча протянул свиток, и маршал, отставив его на расстояние вытянутой руки, принялся разбирать корявый почерк Матея, сосредоточенно шевеля влажными красными губами. Закончив, он скомкал бумагу, бросил на медный поднос и поднес огненный камень.⁸¹ Когда послание сморщилось и почернело, Франциск оттолкнул от себя поднос, уселся в обитое потертой кожей широкое кресло, яростно поскреб седеющую гриву и уверенно изрек: «Хреново».

⁸¹ Огненный камень — камень типа кварца, обработанный печатными волшебниками таким образом, что при соприкосновении с легковоспламеняющимися предметами те загорались. Изготавлился в виде карандаша, оправленного в медь, с медной же откидной крышечкой. Стоил весьма дорого, потому большинство жителей Благодатных земель предпочитали пользоваться кремневыми зажигалками.

Гийом и Толстяк промолчали. Ландей еще немного подумал и рывкнул:

— А ну вон отсюда! Мне думать надо, а вам завтракать. Жиль, отведи их... И чтоб одна нога здесь, другая там. Да, кто-то их видел?

— Видели многие, но запомнили вряд ли, — счел нужным ответить Толстяк.

— Ладно, — маршал уставился куда-то за каминную трубу, давая понять, что первая часть аудиенции окончена.

Второй раз Толстяк с Гийомом узрели Ландея спустя три оры, когда, умывшись и наевшись до отвала — в этом доме любили угощать, — коротали время в оружейной галерее, куда их препроводил Кривой Жиль, строго-настрого запретив выходить. Маршал появился из потайной дверцы, скрывавшейся за гобеленом, украшенным изображением голенастых некрасивых птиц на фоне роз, размером и формой более напоминавших капустные кочаны.

Франциск Ландей успел переодеться в роскошный придворный костюм, лихо подкрутить усы и, видимо, поправить расстроенное с утра здоровье с помощью традиционного средства. Однако лицо маршала было угрюмым и напряженным. Следом за своим господином шествовал Кривой Жиль, обремененный несколькими футлярами и кошельками.

Ландей садиться не стал, а встал, по своему обыкновению широко расставив ноги и упершись руками в бока. Гийом и Толстяк торопливо вскочили, но Франциск только махнул на них рукой — сидите, мол.

— Вас тут не было, и меня вы не видели, — заявил он, — во всяком случае, пока не доберетесь до Матея. Вот деньги, вот гвардейские плащи, вот письма, которые вы везете и которые можете показывать, а вот письма, которые ждет Матей и за которые и вы, и я отвечаем головами. Чтоб вы знали — я своей волей подчиняю принцу Луи Арцийскому все северные гарнизоны, до которых он сможет добраться, и разрешаю провести мобилизацию.

Гийом щелкнул каблуками, а Толстяк почти робко спросил:

— А гвардия? Когда придет гвардия?

— Не знаю! — отрезал маршал. — Сделаю все, что могу, но тут такое творится! Рассчитывайте только на свои силы. Пока до Базилека с Бернаром дойдет, что они обхитрили самих себя, может и неделя пройти, и две...

— Нет, — с каким-то отчаяньем возразил Гийом, — если не ударить сейчас, через неделю от нас мокрого места не останется.

— Надо, чтоб осталось, — припечатал маршал, — голова у Матея есть, так что выкрутитесь, а там, глядишь, и Церковь подоспеет. Я же... А, что тут скажешь. На вас вся надежда — продержитесь! А сейчас марш к Матею! Жиль вас выведет. Как узнаю, что вы выехали, пойду к императору. Попробую ему мозги вправить, но, — великан поморщился, — нигде не сказано, что можно вправить то, чего нет.

Эту фразу он в сердцах повторил и несколько ор спустя, когда, поддав ногой в сапоге с отворотом ни в чем не повинную дверь, плюхнулся в любимое кресло у камина и потребовал царки. То, что Базилек и Бернар губят Арцию, он знал и раньше, но до какой степени глупости и предательства они могут прийти, все же не подозревал. До сегодняшнего дня.

...Базилек его принял почти сразу, впрочем, Франциск в этом и не сомневался. Полтора десятка лет он старательно изображал недалекого, любящего выпить и покутить солдафона, озабоченного лишь тем, чтобы его гвардия вовремя получала жалованье. Веди он себя иначе, его давно бы убили или сместили и гарнизоны командовали бы лизоблюды Бернара, а гвардией бы распоряжался недоумок Жером... Пока же Бернар полагал Франциска Ландея безопасным и мирился с ним, тем более что в столице старого вояку искренне любили и любовь эта подпирала весьма шаткие чувства подданных к императору. Базилек же всегда был рад видеть друга своего покойного брата, от которого не ожидал никакого подвоха и который напоминал ему о годах юности.

По-павлиньи разряженная дворцовая челядь знала, что кто-кто, а маршал может входить к императору без доклада, впрочем, Франциск этим своим правом не злоупотреблял.

Нужды не было, а лишний раз любоваться на освежеванного кролика в львиной шкуре было противно. Но на этот раз серьезного разговора было не избежать.

Увы! «Кролик» и повел себя как кролик. После длинной слюнявой истерики был призван драгоценный Бернар с его не менее драгоценным братцем Марциалом, которые объяснили перепуганному императору, что все написанное в письме ложь и интриги Луи, которому нужно, во-первых, поссорить Его Величество с Михаем Годоем, а во-вторых, получить разрешение на возвращение в Мунт. А может быть, и того хуже, и сосланный принц подкупил фронтерских баронов и выманивает императора из столицы, чтобы предательски убить и захватить трон.

Базилек с умным видом кивал и соглашался, а Ландей... Что ж, ему пришлось наступить себе на горло и сделать вид, что он верит всей этой чуши, так как потерять в решающий момент маршальский жезл он был не вправе. Поднимать же в столице бунт, когда в страну вторгся враг, было равносильно предательству. И все же Франциск решился бы и на это, будь он уверен, что быстро справится с прихвостнями Бернара. К сожалению, это было далеко не так. Наемное войско из южных провинций крепко держал в руках младший братец Бернара, который, несмотря на свое ставшее притчей во языцех пристрастие к молодым белокурым офицерам, неплохо разбирался в воинском деле.

Конечно, гвардейцы Франциска, искренне ненавидящие южан, готовы были искрошить их в капусту и с восторгом сделали бы это по первому слову своего маршала. Беда была в другом, при этом бы они не досчитались трети своих. А в то время, когда во Фронтере хозяйничает Годой и единственной преградой на его пути оказались мальчишка-принц и старый друг Матей, это смерти подобно.

Маршал выругался и налил себе еще. Все было из рук вон плохо и даже хуже. Потому что этот негодный щенок оказался в центре схватки, и если он удался в отца, а это так и есть, то очертя голову ринется в бой. А погибни Луи, на Арции можно будет ставить крест, даже если Годой ее и не проглотит до конца.

Франциск Ландей был человеком войны, смысл его существования заключался в том, чтоб водить в бой армии, но на сей раз война случилась или слишком рано, или же слишком поздно. Напади Годой или кто бы то ни было десять лет назад, это стало бы великолепным поводом сместить никчемного императора и возвести на трон единственного сына Эллари. Повремени тарскиец еще год или два, и Арция встретила бы его во всеоружии. Они как раз бы успели свершить задуманное, а задумывали они государственный переворот. Франциск отродясь не был интриганом, так же как и Шарль Матей или удаленный ныне на границу с Эландом Сезар Мальвани, но спасти страну можно было только свергнув императора, а вернее, всесильного Бернара.

Когда Эллари Арцийский погиб в бою, причем у Ландея не было уверенности, что смерть принца на совести атэвских стрелков (Эллари не имел обыкновения показывать врагам спину, а роковая пуля вошла именно туда), наследником стал незначительный Базилек. От природы мягкий и некрепкий здоровьем, он боготворил старшего брата, на все глядя его глазами, и друзья Эллари были уверены, что будущий император хоть и не станет великим правителем, но и не навредит, так как обопрется на другарей Эллари. Потому они скрепя сердце и согласились с волей старого императора, назначившего своим преемником младшего сына в обход малолетнего внука.

Мать Луи, дочь небогатого фронтерского барона, завоевавшая любовь наследника, снискала ненависть царственного свекра. Пока Эллари был жив, с ней мирились, но после его гибели красавицу Терезу обвинили в распутстве и заперли в одном из циалянских монастырей. Открыто объявить незаконнорожденным Луи, как две капли воды похожего на отца, не осмелились, но слухи поползли, а поскольку на щите наследника не должно быть и намека на кошачью лапу,⁸² последующий манифест Ангуара Восьмого никого не удивил.

⁸² Кошачья лапа — в Благодатных землях на гербах незаконнорожденных, в случае, если их права признаны императором и Церковью, к фамильному гербу добавлялся отпечаток кошачьей лапы. Если бастард не был

Впрочем, зная старик, что сотворит с короной его младший сын, он вряд ли бы отослал от себя внука. Но Ангуар этого не увидел, тихо сойдя в гроб вскоре после битвы при Авире.

Правление Базилека Первого убедительно доказывало, что единственный недостаток, который нельзя исправить, это слабость характера. Базилек женился раньше брата, честно взяв указанную отцом девицу знатного рода. Рядом с Эллари младший принц был бы героем, в окружении многочисленной жениной родни он стал трусом и предателем. После смерти свекра и деверя императрица Амалия с помощью своей матушки и братьев взяла безвольного супруга в ежовые рукавицы. Когда же мерзкая баба, ко всеобщей радости, отправилась в мир иной, за императора взялся ее дальний родич Бернар, загодя прибравший к рукам единственную дочь императора.

В это время молодой Луи восхищал своим молодечеством прекрасную половину Мунта, ничуть не задумываясь о том, что имеет все права на корону. Друзья Эллари, которым все эти годы стоило немалых усилий сберечь мальчишке жизнь, и злились, и восхищались новым любимцем столицы. Втихаря же они готовили переворот, о котором меньше всех знал принц. Время неумолимо поджимало — Базилек никогда не отличался крепким здоровьем, и дворцовый медикус, сделавший ставку на Луи, уверял, что года через два император тихо отойдет. Заговорщики были не придворными, а солдатами. Убийство им претило. Конечно, будь они уверены, что Базилек проживет еще лет двадцать, они скрепя сердце бросили бы жребий, и тот, кто вытащил черную метку, из одного пистолета выстрелил бы в императора, а из второго в себя. Но лучше было подождать два года, но не пятнать ни себя, ни Луи кровью Волингов.⁸³ И маршал Ландей со товарищи ждали своего часа с упорством кошки, стерегущей мышь.

Объявить императором Луи и арестовать Бернара и его приспешников — такова была их цель, ради этого Франциск изображал из себя жуира и пьянчугу, которого терпят лишь из уважения к былым заслугам и потому, что его любят горожане. Земляк Бернара вице-маршал Жером, редкостный осел, полагал, что держит гвардию в своих руках, не зная, что все было с точностью до наоборот и гвардейцы, которых канцлер полагал своими соглядатаями и сторонниками, на деле служили маршалу и сыну Эллари. Все шло, как и было задумано. Даже ссылка принца в провинцию сыграла на руку заговорщикам, но войны с Таяной не мог предусмотреть никто.

От короля Марко и Рене Арроя не ждали никакого подвоха, земли и воды им хватало, а мировая корона ни Рыси, ни Альбатросу пока не требовалась. Марко собирал по одному горные княжества и герцогства, Рене смотрел за море, фронтерские бароны и южные сигноры пока еще держались империи, и Матей с Ландеем были уверены, что время у них еще есть. Пророчества они в расчет не приняли.

**2229 год от В.И.
18-й день месяца Иноходца.
Убежище**

Опал перебирал точеными ногами и встряхивал роскошной серебряной гривой в ожидании царственного седока. Так уж повелось, что повелители Лебедей ездили только на снежно-белых жеребцах. Эмзар легко вскочил в высокое седло старинной работы. Конь, почуяв хозяйскую руку, приветственно заржал и затанцевал, радуясь предстоящей скачке.

признан, но есть четыре свидетеля, готовые подтвердить его происхождение, он может использовать герб того же цвета, что и фамильный, где в правом верхнем углу помещается уменьшенное изображение родового символа (золотого — для мужчин, серебряного — для женщин), а через весь герб наискосок изображаются отпечатки кошачьих лап.

⁸³ Волинги — потомки Воля, легендарного короля, первого повелителя Благодатных земель, от которого якобы произошли все царствующие дома Арции.

Снежное Крыло поправил выбившиеся из-под серебристого шлема волосы и, наклонившись, поцеловал в лоб юного Дэриэля, хранителя Лебединого Чертога, призванного в отсутствие вождя надзирать за жизнью клана. Клана! Громко сказано! В Убежище после их ухода останется едва ли пять десятков женщин и несколько болезненных юношей, которым Эмзар своей властью запретил идти в бой.

Сам он последние месяцы жил, словно во сне. После смерти брата, о которой никто, кроме Нанниэли и Клэра, не знал, местоблюстителя Лебединого трона ни разу не видели улыбающимся или обсуждающим что-то, кроме насущных дел. Об Астене он не говорил. Об Эанке тоже. По крайней мере, с другими Лебедами. Его единственным наперсником оставался Клэр, но о чем беседовали эти двое, потерявшие самых близких, не знал никто.

После ухода Эанке и Фэриэна власть Эмзара стала абсолютной. Его слово было столь же непреложным законом, как некогда слово его венценосных предков. Снежное Крыло заставил своих немногочисленных подданных готовиться к войне и походу и преуспел в этом. Когда же, исчезнув из Убежища на несколько дней, принц-Лебедь приказал собрать Большой Совет, все поняли, что началось. Что именно «началось», эльфы еще не знали, но то, что прежняя, спокойная, как сон или смерть, жизнь закончена, почувствовали все. Совета ждали с опаской и тайным нетерпением, словно бы не замечая ни стройных деревьев, ни журчащих ручьев с переброшенными через них причудливыми мостиками, ни увенчанных изящными шпилями маленьких дворцов.

В ночь, когда луна соединилась с солнцем и встала против красной Волчьей Звезды,⁸⁴ смешавшей лучи с голубой Аденой,⁸⁵ был открыт Великий Зал, который мог вместить более тысячи Лебедей. Увы! Сейчас он был полон едва ли на треть. И все равно, подобного сбора не случалось со времен окончания Войны Монстров! И с того же времени клану Лебедей приходилось обходиться без повелителя. Теперь же в сверкании серебра и горного хрусталя уцелевшим эльфам явился истинный владыка.

На плечах Эмзара как влитая лежала легкая переливчатая кольчуга, поверх которой был надет изумительной работы нагрудник с изображением Великого Лебеда. На боку у принца в играющих всеми цветами радуги ножнах висел фамильный меч, гордую голову венчала отцовская корона, а в левой согнутой руке он нес шлем, увенчанный перьями, столь же белоснежными, как и заколотый алмазной фибулой плащ, наброшенный на плечи. За Эмзаром шел также облаченный в парадные доспехи Клэр. Перья и плащ цвета осени говорили, что отныне он является Рыцарем Вечной Памяти и что смерть для него не несчастье, но воссоединение с ушедшей на Голубые Поляны любимой, а посему не страшна, а желанна. Осенние Рыцари не искали гибели, но не боялись ее и всегда шли вперед, в самую гущу схватки. Иногда подобный траур длился веками, так как смерть часто отвращает лицо от тех, кто потерял все, что было ему дорого в этой жизни.

Лебедеи заворуженно смотрели на вождей, и в их крови поднималось древнее пламя, которое они почитали давно погасшим. Века покоя и добровольного изгнания не смогли стереть память о прежнем величии, о том, что их народ почитал себя заступником Добра, самими Светозарными поставленным хранить Рассветные земли от посягательства Тьмы. И теперь, когда поход и битва стали неизбежными, Перворожденные вспомнили, кто они есть.

Эмзар еще не начал говорить, а его подданные уже жаждали окунуться в полузабытую

⁸⁴ Волчья Звезда, называемая также Ангеза. Одна из семи блуждающих звезд, обладает красноватым свечением. В гороскопе символизирует мужское начало, способность противостоять судьбе и вместе с тем может давать вспыльчивость и жестокость. В гороскопе женщины означает возлюбленного.

⁸⁵ Адена — Звезда Любви (эльф.). Одна из семи блуждающих звезд, обладает голубоватым свечением. В гороскопе мужчины показывает, кого и как он полюбит. Кроме того, эта звезда — покровительница искусств и наслаждений. У людей для Звезды Любви имеются два названия: когда она идет за солнцем, ее зовут Грешница (Церида-страсть), когда она идет впереди солнца и видна на небе перед рассветом, она носит название Праведница (Амора-благословение).

или, для выросших в Убежище, вовсе незнакомую стихию боя, услышать зов боевых труб и нетерпеливое ржанье коней, способных обогнать ветер. И когда местоблюститель, нет — король, объявил, что они выступают на помощь Эландскому герцогу, никто не удивился. И никто не отказался. Самым трудным оказалось то, о чем никто не думал. В Убежище оставались те, кто был бесполезен на поле боя. С ними надо было проститься, и их надо было защитить. Именно поэтому сборы затянулись. Но теперь позади и это. Взлетая в седло, Эмзар понял, что все, чем клан жил до этого дня, ушло навсегда. Брат Астена не знал, не мог знать, какой станет его новая жизнь и сколько веков, лет или дней она продлится. Не мог и не хотел.

Эмзар Снежное Крыло, король Лебедей. Нет! Король всех эльфов Тарры тронул поводья и, не оглядываясь, выехал на широкую тропу, ведущую к болотам. Сегодня тонконогие, быстрые как ветер, неутомимые эльфийские кони пойдут по непролазным топям, как по мощенным мраморными плитами площадям давно разрушенных и забытых городов. Им надо спешить, и для них нет обратной дороги, а значит, руки развязаны. Да, Первороденных осталось немного, но эльфийская магия кое-что значит в этом мире, во всяком случае, достаточно, чтоб схлестнуться с порождениями Тумана, дав Рене Аррою шанс на победу в этой немыслимой войне.

Несколько сотен всадников и всадниц в сверкающих доспехах пронесли над зеленеющими трясины и растаяли, как прекрасный сон, который избранные смертные видят однажды в юности, чтобы потом всю жизнь тосковать по несбывшемуся.

**2229 год от В.И.
18-й день месяца Иноходца.
Святой город Кантиска**

— Ты уверен? — Габор Добори был мрачнее тучи.

— Да, командор,⁸⁶ — гонец едва стоял на ногах от усталости, — мы их видели. Огромное войско... И рядом, но не вместе с ними, еще какие-то, кто жжет деревни и убивает, — запыленное лицо арцийца непроизвольно передернулось. — Эти вроде бы и сами по себе, но, как мы их прихватили, ломанулись к Годюю... Если б вы видели, что они творят... Мальчишка, который в лагере у них был, он рассказал, что Михай проделал с арцийцами. А теперь все они идут на Мунт...

— Проклятый побрал бы этого Базилека, — прорычал Добори. — Его Святейшество, как назло, не освободится раньше заката, — ветеран задумался, но ненадолго. — Ладно. Иди и отдыхай, а то сейчас помрешь на месте, а ты мне нужен вечером живой и здоровый. Эй, Ласло!

Аюдант появился немедленно и застыл в дверях.

— Дуй к сигнальщикам. Всеобщий сбор! Пусть меня поцелует старая жаба, если мы не выступаем. Ну что ты на меня вылупился? Михай в Арции! Когда парень выехал, тот торчал у Олецьки, а сейчас не удивлюсь, если эти уроды из Мунта любят на его консигны. Чего стоишь? Война это, понял! Пока Базилек выпендривался, Михай времени даром не терял.

— «Мы не станем помогать этому противному Эланду, — проныл бравый рубака, в меру своего умения изображая изысканную придворную речь, — потому что Рене Аррой нас не уважает и не признает своими императорами, и вообще война между Таяной и Эландом нам полезна». Тьфу!!! Уроды! — Добори со смаком плюнул и присовокупил подробное описание причин уродства императорской династии, основанное на самом прихотливом

⁸⁶ Командор — в Арции — командующий армией или гарнизоном, по численности и значимости приближающимся к армии. В Святой области — командующий вооруженными силами Церкви, в мирное время включающими гарнизон Кантиски и Церковную Стражу, а во время Святого похода — всеми войсками, собравшимися на призыв Архипастыря. Командор Святого воинства подчиняется непосредственно и только Архипастырю.

кровосмешении, в котором участвовал весь известный командору животный мир Тарры. — Дождались, что Михай начал не с Эланда, об который можно обломать зубы, а с них. И поделом.

— А что будем делать мы? — посмел встрять ошалевший как от обилия новостей, так и от ярости своего командора Ласло.

— Мы? Защищать Арцию, Проклятый бы ее побрал. Только, боюсь, теперь не мы подмогнем Эланду, а Рене придется тащить нас всех за шиворот из грязной лужи. Какую армию мы сколотили бы за зиму, если б не эти мунтские придурки! Сам Датто позавидовал бы! А чего ты тут стоишь?! — рявкнул командор, словно впервые заметив своего аюданта. — А ну...

Последние слова были излишни, потому что Ласло уже выскочил из комнаты.

Эстель Оскора

Там, откуда я пришла, сейчас уже наверняка зеленели листья и весело щебетали влюбленные птицы. Здесь же о весне напоминало только небо, бледно-синее и неимоверно глубокое, небо, в которое хотелось смотреть и смотреть. Зима проходила, снег стал рыхлым, зернистым и влажным и по вечерам отсвечивал густой синевой. Я не знаю, как бы я шла по этому снегу, если б не эльфийские сапоги, — бедняга Преданный проваливался по брюхо... Я не представляла, далеко ли еще до Эланда. Просто шла вперед, причем все больше ночами, так как одна из немногих известных мне Звезд — зеленоватый Тэриайкс — Око Рыси — неизменно указывала путь на Север, а я знала, что, оставляя ее за правым плечом, я рано или поздно выйду к морю.

Преданный или разделял мою уверенность, или ему было все равно, куда мы идем, но он ни разу не попытался увести меня с выбранной мной дороги. Днем мы спали — я завернувшись в один эльфийский плащ и подложив под себя другой, Преданный по-кошачьи свернувшись клубком у меня в ногах. Припасы, захваченные с собой Астени, давно кончились, и мы жили тем, что добывал Преданный. К счастью, дичи вокруг хватало, а охотником мой кот оказался отличным. Для него такая жизнь была естественной, а я... Что ж. Я медленно, но верно становилась дикой тварью, разве что до поры до времени брезговавшей сырым мясом, во всем же остальном я не так уж и отличалась от лесной рыси. Я и раньше-то любила ночь, она была ко мне добрее, чем день, ибо ночью я была свободна. В мыслях, в чувствах, в поступках. Ночью огонь становится теплее, деревья выше, а чувства обостряются... Запахи, звуки, странная, начинающаяся с заходом солнца жизнь манила меня, когда я была еще малолеткой. Боги! Как давно это было... И где, где это было? Неужели в Тарске? Нет, не помню...

В Тарске жили страшные люди, я знаю, что я их боялась до безумия, но я забыла само ощущение этого страха... Зато мне на память приходит то горько-сладкий вкус ягод, которые никогда не вызревали под этим солнцем, то ощущение дикой, захватывающей меня радости, когда я бегу по залитому солнцем склону, а большие алые цветы раскачиваются на тоненьких стебельках, и высокая трава под теплым ветром перекачивается изумрудными волнами. Вот это помню, хотя мой мозг услужливо напоминает мне, что я ничего подобного не видела, не могла видеть, ведь наследница Тарски не могла в одиночку бегать в холмах. Но то, что помнил (или знал?) мой ум, напрочь позабыло сердце. И наоборот. Может быть, причиной была та самая, чудовищная магия, превратившая меня в опасное для всего сущего создание?

Преданный довольно бесцеремонно толкнул меня лапой. Хорошо хоть когти спрятал. Мой кот не любил, когда я задумывалась, и был прав. Нужно не думать, а идти. И мы шли. Всю зиму. Иногда нам попадались занесенные снегом хутора и деревушки, иногда приходилось переходить дороги. Раз или два мы видели вдали огни больших сел или городов. Но мы обходили их, так как не знали, что там творится.

Вряд ли люди, коротающие зиму у огня за тяжелыми дверями, были бы рады диковатой

гостье, заявившейся из лесу в сопровождении огромной рыси. Они вполне могли увидеть во мне ведьму, или разбойницу, или сумасшедшую, попробовать меня схватить, а то и прикончить. А меня больше смерти — в конце концов, что такое смерть, чтоб ее бояться? — пугало, что овладевшая мною на краю Пантаны ярость вновь затопит мое существо и я начну убивать.

Нет, я не жалела о том, что расправилась с Эанке. Более того, вернись все назад, я убила бы ее снова и гораздо раньше, но вот крестьяне или купцы, которые могли увидеть во мне врага, они ведь не были виноваты ни передо мной, ни перед Астеном...

Сначала я старалась не думать о моем мимолетном друге, но мысли вновь и вновь возвращались к буковой роще, в которой мы встретили тот проклятый день. Не случилось того, что случилось, вряд ли мы следующую ночь провели бы порознь. Астен был эльфом, магом, частицей Предвечного Света. Я, и то в лучшем случае, могла назвать себя всего лишь человеком, но эльфийского принца это от меня не отвратило. До сих пор я не смогла понять, была ли я влюблена или же просто до безумия хотела тепла, хотела, чтобы кто-нибудь был рядом. Судьба отказала мне даже в этом. И мы пошли в Эланд. Я и рысь. Два диких, опасных зверя. Только Преданный умел обращаться со своими когтями и клыками, и они всегда были при нем. Я же не знала, когда ко мне придет, если придет, моя сила и что я с ней буду делать.

Несколько раз я пыталась сосредоточиться, отыскать в себе искру той чудовищной магии, что переполняла меня в день смерти Астени, но ничего не получалось. Разве что мне стали удаваться те простенькие волшебные фокусы, которым он меня учил. Я могла зажечь огонь прямо на снегу, залечить небольшую рану, овладела ночным зрением и научилась обшаривать мыслью дорогу, проверяя, нет ли впереди чужого разума. Это доказывало, что я не безнадежна, не более того.

Так мы и шли. Я потеряла счет дням, и только меняющийся звездный узор позволял прикинуть, сколько времени прошло с начала нашей дороги. Может быть, я была не права, отправившись в Эланд, может быть, стоило после гибели Астени повернуть в Кантиску и отдаться под покровительство Архипастыря? Но я совсем не знала Феликса. Не знала я и Рене, хотя память услужливо подбрасывала мне некоторые подробности нашего знакомства. Лучше бы, конечно, мне с ним не спать, но прошлого не исправить. Если же я действительно являлась живым оружием против Белого Оленя, то оно должно оказаться в руках герцога Арроя, а не в руках Церкви.

Не знаю почему, но меня пугала сама мысль о монахинях, к которым меня наверняка определят. Об их молитвенных бдениях и очах, опущенных долу. И потом, разве не мне сказали Всадники, что «они» не должны прорваться во Внутренний Эланд? Значит, мое место там. Герцог Аррой должен узнать правду обо мне, а потом пусть решает и за меня, ему не привыкать. Конечно же, между нами больше ничего не будет. Мне это не нужно, да он и сам вряд ли захочет. Тогда он выполнял просьбу короля Марко, а я... Я подчинялась. Дура и курица. Последняя дура и курица...

**2229 год от В.И.
19-й день месяца Иноходца.
Таяна. Высокий Замок**

Тиберий с благостно-просветленным выражением мясистого лица возвестил здравицу в честь регента и его супруги. Ланка, обладающая прекрасным зрением, видела мешочки под глазами кардинала и красные прожилки на его апоплексической физиономии. Тиберий был ей омерзителен почти в той же степени, что и собственный супруг. И тем не менее стоять на королевском месте было приятно, тем более повод для благодарственного молебна был самым что ни на есть обнадеживающим. Войска благополучно продвигались в глубь Арции, почти не встречая никакого сопротивления. Если так пойдет, то к исходу весны Мунт будет взят, а значит, разговоры об императорской короне смогут перейти в разряд приятной действительности.

Михай и его советники оказались хорошими полководцами, а империя была застигнута врасплох. То же, что ее супруг, как и полагается военачальнику, продвигался вперед вместе с войском, не могло не радовать. В отсутствие Михая жизнь казалась Илане намного привлекательнее. К сожалению, Уррик и его отряд тоже были далеко, грубые гоблинские сапоги топтали дороги Арции, возвещая начало новой эпохи и новой династии. Ланка улыбнулась и положила ладонь на живот — она еще не свыклась с мыслью о своей беременности. Конечно, она предпочла бы, чтоб у ее первенца был другой отец, но рождение наследника в любом случае укрепляло ее позиции и уменьшало необходимость в супруге. В конце концов, регентом при малолетнем наследнике может быть и кто-то другой.

Мысль о том, что подлинным отцом ее ребенка является не господарь Тарски, а гоблинский наемник, Ланка гнала как недопустимую. Сам Уррик когда-то с искренней горечью поведал ей, что связь гоблина и человека является бесплодной, а так как гоблины полагают величайшим грехом сожительство без продолжения рода, то их союз с точки зрения горцев является преступлением. Ланку такой поворот событий лишь обрадовал, так как теперь она могла ни о чем не беспокоиться, но внешне она изобразила все приметы подлинного отчаяния, которые пришли ей в голову. Уррик, как мог, ее утешил, и тема была исчерпана. Хотя, если говорить по чести, в своем будущем сыне принцесса хотела бы видеть такое же бесстрашие, гордость и силу, как в Уррике. Она искренне надеялась, что ребенок удастся в Ямборов, а не в Годоев, и твердо решила, что назовет его Стефан в память о погибшем брате. Женщине казалось, что это не только искупит ее вину, но и станет залогом того, что сын будет похож на погибшего таянского принца.

Тиберий продолжал свою речь, призывая всех помолиться о том, чтобы прекратились дожди, полосующие Фронтеру и Нижнюю Арцию, из-за чего продвижение благочестивого воинства замедлилось, но Ланка его уже не слушала. В храме, видимо, было слишком душно. Голова принцессы кружилась, к горлу подступала тошнота. Она, конечно, понимала ее причину — опасаться было нечего, но все равно это было очень неприятно. Илана с ненавистью смотрела на пузатого кардинала, считая мгновения до конца молебна...

2229 год от В.И.

Утро 19-го дня месяца Иноходца.

Западные Ларги

Рамиэрль сам не знал, зачем он шел по своим старым следам, ведь выйти к горам можно было и иным путем. Заблудиться он не боялся — врожденное чувство направления выводило его отовсюду, куда он забредал во время своих странствий. Если Роман куда-то забирался, то выбраться он мог с закрытыми глазами. Нет, ему решительно незачем было снова тащиться к тому месту, где он спустился в гигантский кратер. На поверхность он сравнительно легко выбрался совсем в другом месте, где обрыв оказался не столь крутым и к тому же густо заросшим каким-то ползучим растением с крепкими, как канаты, стеблями. Для эльфа это оказалось вполне достаточно. В последний раз оглянувшись на затянутую сероватой дымкой пропасть, где он пережил, наверное, самое жестокое из возможных разочарований, Роман зашагал было к горам, но потом неожиданно для себя самого повернул.

Глупо было рассчитывать, что Криза все еще его ждет. Он сам велел ей уходить, но кто их разберет, этих гоблинов. Если они себе вобьют в голову, что что-то должны, их с места не сдвинешь. Надо все же посмотреть. Девчонки, конечно же, на месте не окажется, но зато совесть его будет спокойна, а потом, потом он поищет то место в горах, где ему почуялся всплеск Силы. Надо знать, что же там такое. И хорошо, что Перла и Топаз у гоблинов, в степи кони — ноги, в горах — обуза. А вот сейчас лошадь ему бы не помешала. Эльф еще раз оглянулся. Странное все же это место. Ровное, как стол, заросшее высокой травой, лишь кое-где, свидетельствуя о наличии родника или озера, растут небольшие рощицы. И никого. Ни чудовищ, ни людей... Похоже, горы эти на самом деле Последние, за ними — пустота.

Что ж, соплеменникам Уррика и Кризы, случись что, будет куда отступить. Это отчего-то порадовало. О гоблинах, хоть они и сражались сейчас на стороне Михая Годоя, Роман Ясный при всем желании не мог думать как о врагах.

Рамиэрль прервал себя на полуслове. Человек вряд ли что-нибудь бы почувствовал, но эльф уловил легкое дрожание почвы и не сомневался в его причине. Табун! Где и водиться диким лошадям, как не в этой степи.

Кони были еще далеко, и Роман лишь слегка прибавил шаг, направляясь к рощице каких-то невысоких деревьев с ажурными листьями. Этот табун был настоящим подарком судьбы, но для того чтоб им воспользоваться, нужно было потрудиться. Эльфы легко и быстро находят общий язык с любой живой тварью, но Рамиэрлю было некогда приучать к себе никогда не знавшего узды дикаря, ему нужно было, чтобы конь подчинился ему немедленно и полностью. А потом так же быстро бы позабыл своего мимолетного наездника и вернулся к своим.

Рамиэрль не так давно проделал нечто подобное, когда подыскивал защитника для Стефана, но теперь эльфу предстояло выбрать одного-единственного скакуна из множества ему подобных. Конечно, можно было бы взять любого, не велика разница, но Рамиэрля грызла гордыня, присущая всем прирожденным наездникам. Брать — так лучшего! Глядя из-за сбившихся в кучу деревьев на приближающихся красавцев, Роман невольно залюбовался зрелищем одновременно прекрасным и страшным. Это были великолепные жеребцы, все больше гнедой масти с серебристыми и черными гривами и хвостами. Хоть они и держались вместе, мирным их бег назвать было никак нельзя. То и дело возникали яростные схватки, когда кони взлетали на дыбы, хватая друг друга зубами и норовя поразить соперника копытом. Дикая, первобытная ярость, исходящая от дерущихся жеребцов, пьянила, как хорошее вино, однако Роман не позволил себе залюбоваться великолепным зрелищем.

Кстати, эльф готов был поклясться, что кони эти не всегда были дикими. Их предки наверняка ходили под седлом у знатных сигноров. Но люди исчезли или ушли, а лошади остались и стали полноправными хозяевами этих степей. Впрочем, сейчас это было не важно. Роман заметил огромного коня темно-гнедой масти, со светлой гривой и хвостом, бешено атаковавшего темно-серого, с белой левой передней бабкой. Годится! Эльф сосредоточился, бросая магический аркан. Конь остановился как вкопанный, затем, закричав, подался назад.

Рамиэрль с трудом удержал вольное создание, неистово боровшееся за свою свободу. Увы! Силы были неравны. Каким бы могучим ни был гнедой, не ему было спорить с одним из сильнейших магов Тарры. Еще два или три яростных прыжка, и присмиривший конь, тяжело поводя боками, легким галопом помчался к рощице, все дальше и дальше уходя от товарищей. Однако Роман, видимо, не рассчитал силы своего заклятья. За гнедым как пришитый бежал его бывший соперник, связанный отныне с ним незримой нитью. Такое бывало, пока действует магия, эти кони составляют как бы единое целое. Куда пойдет гнедой, хоть бы и в огонь, пойдет и серый. Что ж, запасной конь ему не помешает, особенно если Криза его все-таки дожидается. А может, дело как раз в этом? Он сам себе не признавался в том, что надеется встретить орку там же, где оставил. Потому и вторая лошадь...

Глава 11

Эстель Оскора

Преданный насторожился, я это почувствовала сразу. За месяцы наших скитаний я научилась понимать своего единственного друга лучше, чем себя самое. И теперь, глядя на прижатые уши и медленно поднимающуюся на загривке шерсть, я поняла, что случилось что-то куда более неприятное, чем волчья свадьба или проходящий по пересеченному нами

ранним утром тракту обоз с конвоем. Преданный уже не сидел, он стоял, нехорошо оскалившись, готовый к бою, но я видела, что ему страшно, — бой казался рыси безнадежным. Тоска сжала и мое сердце — стоило пройти половину Арции, чтобы пропасть, так и не узнав, кто же ты на самом деле — Зло, Спасение или просто тварь с горячей кровью, которую Творец по прихоти своей научил мыслить и чувствовать. Моя рука потянулась к эльфийскому кинжалу и застыла в воздухе — оружие было ни к чему. Сердце мое забилося бешеными толчками, утренние краски стали еще более яркими и сочными... Я ощутила, как во мне плещется Сила и что на сей раз Сила эта мне подвластна.

Наверное, было бы куда более разумно обойти десятой дорогой это место Тревоги, которое почуял Преданный и которое пробудило во мне мои дьявольские таланты, но любопытство свойственно человеческой природе, а я, видимо, все еще оставалась человеком. Без колебаний оставив серебристый валун, сидя на котором я любовалась весенним небом, я повернула в светлый березовый лес. Идти было легко, подлеска почти не было, белые стволы словно бы светились под лучами яркого предвесеннего солнца, место было чистое и доброе, и тем нелепей и страшнее казался чужой кошмар, заполонивший светлую рощу. Ужас тек расплывавшейся струей, так бывает, когда в не очень быстрый ручей выливают ведро краски, она долго держится темным облаком, постепенно спускаясь по течению... Так и этот выплеснутый в ясный березовый лес предсмертный ужас тихо стекал нам навстречу. Преданный несколько раз судорожно дернул головой, словно пытаясь проглотить что-то застрявшее в глотке, но пошел вперед.

Магия Романа, некогда связавшая зверя с принцем Стефаном, наделила его почти человеческими чертами, обычная рысь, пусть даже и ручная, наверняка уже бросилась бы наутек, Преданный же крался впереди меня, указывая дорогу, хотя я в этом и не нуждалась. Отзвук чужих страданий, разлитый в самом воздухе, мог не заметить разве кто-то совсем уж бездушный. Мы молча пробирались вперед, дорога шла в гору, деревья редели, а подлесок исчез совсем. В конце концов нас вывело к довольно крутому холму. Снег тут частично сошел, и среди грязно-белых пятен виднелись проталины, поросшие сухой серо-золотистой травой, среди которой кое-где проглядывали низкие желтые цветочки, бывшие в этих краях первыми вестниками весны. На холме, увенчанном несколькими соснами, никого не было, но люди ушли отсюда совсем недавно.

Я услышала тихое ржанье и, обернувшись, увидела рабочую лошадь, поводья которой запутались в кустах на опушке леса. Рыжеватая кобыла с белой звездочкой на лбу взглянула мне в глаза, и я сама удивилась, как сжалось мое сердце. Это была первая лошадь, которую я увидела с тех пор, как покинула Убежище. И эти трогательные весенние цветочки тоже были первыми. На секунду я даже забыла, что привело меня сюда. Но тут бедная коняга закричала от ужаса и пуще прежнего забилась, стараясь освободиться. Еще бы! Преданный ей наверняка казался чем-то ужасным, а объяснить, что он не собирается нападать, мой кот не мог. Рыси по-лошадиному не разговаривают. Оставив свою гнедую находку на потом — если мне не удастся примирить ее с Преданным, я ее хотя бы отпущу, чтобы до нее не добрались оголодавшие весенние волки, я поднялась на вершину. Я не ошиблась. Там действительно был разбит большой лагерь. Даже не лагерь, стройка. Похоже, здесь собирались соорудить то ли крепость, то ли большой торговый склад с помещениями для купцов. Последнее казалось вполне осмысленным: я выбралась на берег очень большой реки, в которую впадала речка поменьше. Очень хорошее место для господ негоциантов.

К счастью, та моя часть, которая принадлежала тарскийской принцессе, довольно неплохо знала жизнеописание соседних краев. Большой рекой, к которой я могла выйти, направляясь к морю, могла быть только Адена, так как через Агаю я уже перебралась. А это значит, я почти в Эланде.

**2229 год от В.И.
20-й день месяца Иноходца.
Северный берег Адены**

Кардинал Максимилиан был доволен — место для нового эрастианского монастыря казалось исключительно удобным и выгодным. На высоком берегу впадающей в Адену Лещицы, в половине дня перехода от Лисьего тракта, оно, безусловно, привлечет паломников. Понравился ему и глава общины, смиренный слуга Творца Эгвант. В недавнем прошлом воин, он в одиночку брал кабана и медведя, а в его глубоко посаженных серых глазах светился незаурядный ум. Максимилиана очень занимала история Эгванта. С одной стороны, кардиналу Эландскому и Таянскому не пристало сомневаться в словах человека, уверяющего, что ему явился святой Эрасти и велел оставить службу императору земному во имя службы Повелителю небесному, отправиться в далекую Фронтеру и на берегу Лещицы заложить новый монастырь. Монастырь, который мог бы при необходимости стать не только оплотом веры, но и цитаделью против земных врагов.

То, что слышал Максимилиан от Архипастыря, позволяло поверить, что святой Эрасти вполне мог ввязаться в дела земные, и вместе с тем... Кардинал, всю свою жизнь проведенный среди иерархов, очень рано усвоил искусство политики, стал прекрасным полемистом, даже освоил игру в эрмет, но вот зримых доказательств существования Творца или, на худой конец, святых и их интереса к делам Арции и даже любимой дочери своей Церкви Единой и Единственной клирик не наблюдал. До последнего лета. Неудивительно, что Максимилиана одолевали сомнения. То, что он узнал в Эланде, заставило его поверить, что в жизнь человеческую вмешались какие-то немыслимые силы, но познать их природу пока не мог.

Герцог Рене (клирик, несмотря на то что сам приложил руку к будущей коронации, так и не смог мысленно называть Арроя принцем) смотрел на вещи куда более просто, раз и навсегда уяснив, что может случиться все, что угодно, и не стоит искать ответ, пока вопрос еще не задан, и что всемогущ Творец или же нет, но в битве с врагом лучше всего рассчитывать на свои собственные силы.

Максимилиан улыбнулся и покачал головой, словно продолжая разговор с правителем Эланда, когда Рене открыто заявил, что готов чтить Творца и Церковь, ибо сейчас они союзники, но уверовать в то, что ожидаемое нашествие происходит с божиего соизволения, не может и не хочет. Что ж, Рене верен себе — зачем лгать там, где без этого можно обойтись.

Максимилиан придержал своего красавца-коня — ничего не мог с собой сделать, некоторые мирские пристрастия, например к породистым лошадям, были сильнее требований Церкви о смирении и скромности — и знаком подозвал к себе ехавшего на крепком кареме мерине Эгванта.

— Ваше Высокопреосвященство хотели меня видеть?

— Да. Как я понимаю, мы почти у цели.

— Видите четыре сосны за излучиной, они стоят на вершине второго холма?

— Действительно, прекрасное место. Но не думаю, что оно долго будет уединенным, реки всегда привлекают купцов...

— Еще больше их привлекает мир, Ваше Высокопреосвященство.

— Так вот в чем дело, — Максимилиан внимательно посмотрел на собеседника, — святой Эрасти посоветовал тебе построить цитадель.

— На границе с Арцией, — ветеран с горечью покачал головой, — нет ни одной крепости. Даже разведчики, и те не имеют места, где преклонить голову, да и сел и хуторов здесь почти нет... Кто хочешь пройдет.

Больше Максимилиан не расспрашивал — хитрость Эгванта оказалась шита белыми нитками, но разоблачать ее кардинал не собирался. Он собирался приручить Эланд, сделать его лояльным Церкви и, кто знает, возможно, ее будущим оплотом, но для этого сначала нужно было стать плотью от плоти северян. И победить в войне. Эгвант придумал просто замечательно. Они будут строить монастырь на арцийском берегу. Появление на берегу реки смиренных монахов, возможно, и не обманет соглядатаев Базилека, но не даст тому повода обвинить Эланд в нарушении мира. Это было очень умно придумано, интересно, обошлось

ли тут без Рене, подобная выходка была вполне в его духе. Или же Эгвант действительно все придумал сам.

Кардинал задумался и очнулся от своих мыслей лишь тогда, когда холм, на котором к осени должна была вырасти небольшая цитадель, закрыл полнеба. Максимилиан направил коня к каменистой отмели, снег с которой уже стоял, но иноходец неожиданно заартачился. Другие лошади дружно последовали его примеру, всеми доступными им средствами показывая, что не желают взбираться наверх.

— Неужели волки, тут, средь бела дня, — недоуменно проговорил Эгвант.

Что бы это ни было, кони перепуганы не на шутку. Будь они в Арции, Максимилиан наверняка бы отвел отряд на середину реки и отправил бы трех или четырех человек пешком посмотреть, что же происходит. Но в Эланде так не поступали. Для того чтоб тебя уважали, ты должен идти первым. Всегда и всюду. Должности, богатство, даже древность рода здесь не то чтоб ничего не стоили, но прилагались к тому, что человек делал из себя сам. Все остальное было как ножны для шпаги. Главное — клинок, а остальное приложится.

Максимилиан уже это понял и, будучи твердо намерен подняться к заоблачным высям церковной иерархии, имея за спиной Эланд, старался во всем подражать Рене. Впрочем, делал он это с удовольствием, так как под рясой клирика скрывался воин и политик. Кардинал легко соскочил с коня, бросив поводья смешному толстенькому монаху, к которому он привык еще в Кантиске и который скрепя сердце последовал за Его Высокопреосвященством на край света. На фоне откровенной трусости и нелепости брата Бартоломея смелость и ловкость кардинала заметно выигрывали. Собственно говоря, это и было одной из причин, по которым Максимилиан везде таскал за собой нудного толстяка, утешая его вкусными обедами и возможностью предаваться одному из самых распространенных грехов, а именно пьянству.

— Мы сейчас разделимся, — коротко бросил кардинал, — именно так скорее всего поступил бы Рене Аррой. Шестеро человек из конвоя и обозники возьмут лошадей и вернутся к отмели, а мы пойдем в лагерь пешком и, как только выясним, что так напугало наших лошадей, придем за вами.

Полтора десятка вооруженных людей направились к протоптанной в рыхлом снегу обитателями лагеря тропинке, ведущей к проруби во льду, снабжавшей строителей монастыря водой.

— Странно, что нас никто не встречает, — Максимилиан с удивлением поднял красивые южные глаза на Эгванта, — мне кажется, в наше время нужно следить за рекой более внимательно.

— Ничего не понимаю, — честно ответил будущий настоятель, — на холме должна стоять стража, да и день сегодня такой, что не заметить нас мог только слепой. Спят они, что ли...

Но они не спали. Или, вернее говоря, спали вечным сном. Если бы Максимилиан подъехал со стороны Лещицы, он бы увидел всех обитателей Соснового холма, лежавших прямо на нестерпимо блестящем от выступившей воды весеннем льду. Было очевидно, что люди бросились вниз с крутого обрыва и случилось это совсем недавно. Скорее всего этим утром или ночью.

— Они все одеты для дневной работы, — прошептал кто-то из воинов.

— Значит, утром, — откликнулся второй. — Во всяком случае, лисы и вороны не успели до них добраться.

— Да тут и ворон никаких нет, — откликнулся еще один. Ворон действительно не было. Не было вообще никакой живности, даже две собачонки, взятые с собой будущими монахами, куда-то подевались. Не было вообще никого, кроме трупов.

Пораженный Максимилиан и его ставшие необыкновенно молчаливыми спутники обошли все временные хижины, в одной из которых еще тлел очаг. Все говорило о том, что несчастье произошло уже после того, как все позавтракали и направились на работу. На истоптанном грязном снегу не было чужих следов. Кардинал не обладал талантами

следопыта, но Эгвант вырос в этих краях и читал по снегу, как по книге. По всему выходило, что люди в спешке побросали свои дела и без всякой видимой причины опрометью припустились к обрыву, с которого и бросились вниз, то ли не заметив пропасти, то ли будучи охвачены таким ужасом, что смерть на речном льду им представлялась избавлением в сравнении с тем, что на них надвигалось. Но что бы это ни было, следов оно не оставило. Эландцы несколько раз прочесали лагерь и не нашли ни одного отпечатка, ни одной вещи, происхождение которой было бы им непонятно.

— Вот оно, началось, — Максимилиан почувствовал, как по его позвоночнику пробежал противный холодок. Это уже не было занимательным разговором с Феликсом о том, что все же подразумевает Пророчество, и это не захватывающий рассказ Рене о битве в Башне Альбатроса.

Эстель Оскора

Она появилась из-за кустов можжевельника — изящная, серебристо-серая, с длинной узкой головой — и остановилась, не решаясь выйти на солнце. Синеватые ноздри ловили наш запах, из горла вырывалось глухое рычание. Преданный двинулся вперед, оказавшись между мной и тварью из леса. Тварью прелестной и, я не сомневалась, смертоносной. Справиться с ней он не мог, пожалуй, она была не по плечу даже Астени с Романом, но я, я могла ее прикончить без труда. Но не хотела. Она была так хороша, словно бы сотканная из быстрых снежных облаков. Очевидно, это была собака, нечто среднее между борзой и гончей, но размером она превосходила Преданного. И еще она могла убивать не только клыками, но и чем-то еще. Я чувствовала ауру силы этого существа, чьей целью было загонять дичь для хозяина. Я положила руку на холку Преданному, мне совсем не хотелось, чтобы он ввязался в драку, в конце концов, мне не было никакого дела до того, кого гонит эта тварь. Она мне не мешала, и я не собиралась с ней связываться, однако, когда я коснулась пальцами теплого рысьего меха, меня словно бы пронзила мысль — вот они! Они пришли! Эта облачная красотка той же породы, что и Белый Олень, а значит, мне придется драться здесь и сейчас.

Как ни странно, я ничуть не разволновалась. Напротив, мои мысли выстроились в ряд, как «Серебряные» на параде. Я знала, что эту тварь я живой не отпущу, а вот она, похоже, этого не понимала. Наоборот. Нет, она не нападала, она радовалась, как радуется собака, встречаясь с хозяином, — ликуя взвизгнув, принялась охаживать себя хвостом по бокам, затем опустила на брюхо и, подвизгивая и прискуливая, поползла ко мне, выражая всем своим видом любовь и преданность. У меня неожиданно мелькнула предательская мысль, почему бы не взять с собой это создание? В конце концов, если я, Эстель Оскора, или как там меня обозвали в этом дурацком Пророчестве, могу стать казнью или спасением Тарры, то эта туманная собака в моих руках, возможно, станет оружием защиты.

Мы стояли и смотрели друг на друга довольно долго. Гончая тумана не смела приблизиться ко мне, существу в ее понимании высшему и всесильному. А я не знала, что делать. Убивать не хотелось. Прогнать? Но Великий Дракон знает, что она может натворить... Взять с собой? Вряд ли это понравится Преданному, да и на что я буду похожа, объявившись в Идаконе с эдакой племянницей Белого Оленя? Нет, пожалуй, я все же должна прикончить это создание...

Мои идиотские размышления были прерваны самым неожиданным образом. Вдали послышался гулкий прерывистый лай, вернее, звук, похожий на лай. Обычным псам из плоти и крови вряд ли могли принадлежать такие голоса, это была свора существ, подобных тому, что смотрело сейчас на меня. Туманная собака дрожала всем телом, пританцовывая на месте, разрываясь между непреодолимым желанием присоединиться к гону и рабской потребностью в хозяйском приказе. Самое страшное для меня было, что она признавала за мной право этого приказа, а стало быть, я действительно принадлежала к силам, вызвавшим из глубин Преисподней туманных бестий. Я припомнила белое чудовище, от которого нас

спасли всадники, и мне тут же захотелось убраться куда подальше, только это было невозможно. Я ДОЛЖНА была узнать, на кого идет охота, и, если это был человек, его спасти или хотя бы попробовать сделать это.

Я не знала, не могла знать, хватит ли у меня сил совладать с целой сворой, не разорвут ли они меня на куски по приказу своего настоящего хозяина, а что он где-то рядом, я не сомневалась — туманные это псы или же самые настоящие, понять, что они гонят дичь не для себя, а для охотника, труда не составляло. Я недаром выросла в герцогстве, где охотились все, и, пусть моя душа не помнила ни охотничьих радостей, ни разочарований, голова хранила множество сведений о привычках собак и обычаях охотников.

Свора кого-то преследовала. Туманная собака пронзительно заскулила — просилась к своим собратям, — и я милостиво крикнула «эй-гой!», разрешая присоединиться к охоте. Одним прыжком гончая исчезла в зарослях.

— Пошли и мы, — сказала я Преданному, — а то не успеем.

Кот двинулся следом за мной. За зиму он научился соизмерять свои прыжки с моими возможностями, так что шли мы быстро и слаженно. Песьи голоса звучали где-то впереди и сбоку, но мой кот уверенно вел меня наперерез. На душе было яростно и весело — я уже хотела этой схватки, хотела проверить свое владение непонятной силой. Сейчас, собственно, все и решится. Если я справлюсь со Сворой Тумана, значит, Пророчество есть непреложная истина и избравшее меня в наложницы чудовище в самом деле поделилось со мной своей силой. В этом случае я смогу дать отпор свите Оленя, а может, ему самому.

И еще это значит, что я свободна в своем выборе, что Эанке, называвшая меня порождением Зла, ошибалась или просто клеветала. Да, я получила Силу, но как я ею буду распоряжаться, зависит от меня. Я свободна в своем выборе... Разумеется, если сейчас я останусь сама собой и если меня хватит на то, чтобы драться и победить.

Голоса звучали совсем близко, погоня приближалась. У нас с Преданным еще было время отвернуть в сторону, но ни я, ни мой кот и не подумали сделать это. Наши тропы пересеклись на круглой неровной поляне. Очевидно, когда-то здесь прошел ледник, тащивший на себе множество камней. Потом он отступил, разбросав свою ношу по выровненному им плоскогорью. Затем вырос лес, но камни остались. Одни — побольше, другие — поменьше. Прямо у выхода на поляну лежали два серых валуна, похожих на нежащихся в болоте кабанов. Вот за ними мы и встали, ожидая неизбежного.

Действительно, не прошло и десятинок, как на поляну выбежало несколько человек. Они тоже увидели камни, показавшиеся им чем-то похожими на укрытие, — глупцы, от Гончих Тумана еще можно оборониться огнем или отгородиться текучей водой, но от них нельзя спрятаться в каменной расщелине... Интересно, откуда я это знаю? Неважно, подумаем об этом, когда все закончится...

**2229 год от В.И.
20-й день месяца Иноходца.
Святая дорога**

Феликс понимал, что он не должен, не имеет никакого права в такое время чувствовать себя счастливым, но внутри Архипастыря все пело. Все сомнения, бесконечные переговоры, в которых вязнешь, как в болоте, недоговорки и отговорки остались позади. Впереди был враг, сзади — армия, не такая сильная, как хотелось бы, но и не слабая. Все было ясно, к тому же бывший рыцарь чувствовал себя среди своих и на своем месте.

Вновь ощущать под собой боевого коня, а на боку тяжесть оружия, глотать дорожную пыль, не думать, соответствует ли каждый твой шаг или слово канонам, записанным тогда, когда не родился даже дед твоего отца. Как это было восхитительно!

Феликс только теперь понял, как же он за эти годы устал. Глупец, он искал в Церкви забвения и покоя, а нашел интриги и заботы. Если б не Филипп, калека-рыцарь вряд ли бы выдержал послушничество и наверняка бы вернулся в грешный мир. Пусть больным и

нищим, но свободным. Но теперь все позади, он там и с теми, с кем должен быть, а зеленое с белым знамя Церкви — это просто консигна, под которой нужно победить.

Архипастырь припомнил их уход из Кантиски. Он был прав, когда назвал имя своего преемника. Это сразу же сбило спесь с большинства его недоброжелателей. Старый Иоахиммиус не даст им спуска, а значит, интриговать против него, Филиппа, бесполезно. К тому же кардинал Кантисский позаботится о том, чтобы предатели, если они обозначатся, обрели утешение и покой в объятиях Скорбящих Братьев... Архипастырь покачал головой, он понимал, что Церкви без тайной службы не обойтись, но все же божеского в тайном сыске не было ничего. Скорей уж наоборот... К Проклятому такие рассуждения! Сейчас главное — разбить Годоя.

Несмотря на все свое неверие, Феликс понимал, что полосующие Нижнюю Арцию чуть ли не месяц дожди, вынудившие узурпатора остановиться в Олецке, — это чудо. Правда, за это чудо глава Церкви Единой и Единственной менее всего склонен был благодарить Творца. Скорее уж тех, к кому он послал Рафала, или же какие-то другие силы, все еще обретающиеся в этом мире и не равнодушные к его судьбе. Как бы то ни было, задержка позволила хоть немного наверстать упущенное за зиму. Каким бы сильным ни был Годой, справиться с объединенными силами Арции и Церкви ему будет непросто. Что ж, скоро все встанет на свои места. Сколько же лет он не видел Сезара и Франциска? С самой Авиры... Как быстро все же течет время. Что ж, сейчас им вновь предстоит сражаться плечом к плечу, но если тогда в их руках были лишь собственные шпаги, сейчас им доверены тысячи чужих жизней...

**2229 год от В.И.
20-й день месяца Иноходца.
Берег Адены**

Эгвант обнажил шпагу и прижался спиной к шероховатому холодному камню. За плечом ветерана шумно дышали кардинал и те воины и клирики, что нашли в себе силы не броситься с кручи, увидев приближающийся к ним кошмар. К счастью для него, Эгвант был человеком не очень впечатлительным и воином до мозга костей, а потому, увидев вырвавшихся из леса белообрывых бестий размером с хорошего теленка, не застыл от ужаса и не завопил, а, схватив за руку остолбеневшего Максимилиана, потащил Его Высокопреосвященство к лесу. Несколько человек посмекалистей, или, наоборот, потрусливее, бросились за ними, и им удалось выскочить из стремительно сужающегося кольца чудовищ. К несчастью, единственный путь к отступлению уводил их в сторону от спасительной реки.

Достигнув опушки, Эгвант не удержался и оглянулся. Так и есть, загадка Соснового холма была разгадана, только вот сумеют ли уцелеть разгадавшие ее. Несколько десятков белых тварей молча прижимали оцепеневших от ужаса людей к краю обрыва, а те отступали, бестолково, по-овечьи налетая друг на друга. Спасшиеся с ужасом наблюдали, как их товарищи безропотно пятятся к пропасти. Досматривать неизбежный конец Эгвант не стал и другим не позволил, властно погнав свой небольшой отряд вниз. Они как могли быстро спускались с холма, то оскользаясь по подтаявшему льду, то увязая в раскисшей земле или проваливаясь по колено в наполненные ледяной водой колдобины. И вот, когда Эгванту уже казалось, что они ушли, в спину повеяло цепенящим, парализующим ужасом. Захотелось упасть на землю, закрыть голову руками и лежать, пока судьба не настигнет и не произойдет то, что неминуемо должно произойти.

Но Эгвант не поддавался сам и не позволял этого другим. Волоча за собой Его Высокопреосвященство и подбадривая людей словами, весьма странными в устах будущего аббата, он гнал их вперед, чувствуя каждой жилкой приближение погони. Без сомнения, белые твари могли бы настичь их в два счета, но тем, видимо, нравилась охота как таковая. Их пьянил ужас жертв, и хотелось растянуть удовольствие.

Свора шла по следам беглецов, торжествующе завывая, но приближалась медленно, словно соизмеряя свой бег с шагом измученных людей. Наконец Эгвант понял, что силы и Максимилиана, и прочих его спутников на исходе. Мелькнула предательская мыслишка — бросить их к Проклятому и, пока свора расправляется с добычей, попробовать уйти. Но Эгвант слишком долго носил шпагу и спал на земле бок о бок с товарищами, которых ему не раз приходилось закрывать собой и которые точно так же прикрывали его, чтоб решиться на подобное предательство. Настоящий воин не оставляет своих, иначе он недостойн носить оружие и называться мужчиной. Эта премудрость пронизывала все существо ветерана, к тому же он понимал, что, пробуя удрать, он лишь затянет агонию, превратившись к тому же в жалкое, презируемое даже самим собой создание.

Тогда Эгвант вынул шпагу и вышел вперед, намереваясь защищать остальных. Кто-то из его спутников поступил так же — воин почувствовал, что спину ему прикрывают, но оборачиваться не стал. Не оглянувшись он и на треск в кустах — кто-то, видимо, все же попытался уйти. Ну и пес с ним. Эгвант смотрел только вперед, в ту сторону, с которой должна была прийти смерть. И она пришла. Кусты на той стороне прогалины словно бы расступились, и свора во всей своей красе высыпала на поляну. Собаки шли неспешной рысцой, опутив морды к самой земле. Когда между ними и жертвами осталось расстояние в два лошадиных прыжка, твари, как по команде, сели и, подняв узкие морды, издали торжествующий вой.

Эгвант слышал, как кто-то — не кардинал! — начал судорожно молиться, путая и пропуская слова. Воин еще сильнее сжал эфес, понимая, что против эдакой нечисти его оружие то же, что пучок соломы против разъяренного быка. Белые твари, однако, не нападали, и это становилось странным. Эгвант мог поклясться, что их настроение переменялось, в нем чувствовалась какая-то растерянность. Они вновь завывали, но вой этот теперь выражал недоумение и скрытую обиду, и тут на поляну вышла женщина. Она появилась сзади, из-за спин сгрудившихся в кучку людей, так что лица ее было не рассмотреть при всем желании. Эгвант только заметил, что для женщины она достаточно высока и закутана в странный плащ какого-то неуловимого цвета. Капюшон был откинут, и на солнце блестели разлетающиеся по плечам волосы, отливающие всеми оттенками от серебристо-пепельного до золотисто-рыжего. Рядом с женщиной, как пришитая, шла огромная рысь. Странная парочка оказалась между Эгвантом и вожак своры и остановилась в шаге от оскаленной белой морды. Незнакомка протянула вперед руку, в которой что-то блеснуло. Вожак заскулил, как обычный пес, и попятился, вслед за ним, точно повторяя его движения, отступили и остальные псы. Женщина с рысью сделала шаг вперед, и все повторилось.

Застывшие у древних камней люди с удивлением и вскипавшим восторгом наблюдали, как их страшные преследователи, скуля, пятились к чаще, из которой они и появились. Спасительница медленно шла вперед, и за ней неотступно следовал ее зверь. Кто-то за плечом Эгванта прошептал благодарственную молитву святой Циае, кто-то, очевидно эландец, помянул Великих Братьев. Воин услышал, как перевел дух Максимилиан, и наконец понял, что они спасены. Светловолосая женщина между тем почти вытеснила свору с прогалины. Когда хвосты псов поравнялись с первыми кустами, те резко повернулись и исчезли в зарослях. Женщина же положила руку на холку своему четвероногому спутнику и медленно пошла к людям.

Эгвант увидел, что она молода и недурна собой, хоть и не походит ни на сказочную Лесную Деву, ни на святую Циау. Собственно говоря, если б не волосы и странная одежда, она ничем бы не отличалась от сотен других. Или все-таки отличалась? Было в широко раскрытых серых глазах нечто неуловимое, что навсегда застревало в памяти. Воин с трудом представлял, что теперь надлежит делать и говорить, но Максимилиан, к счастью, все взял в свои руки. Выйдя из-за спины Эгванта и остановив того величественным жестом, кардинал приблизился к спасительнице, правда таким образом, чтобы оказаться подальше от рыси, и хорошо поставленным проникновенным голосом произнес:

— Благодарю тебя, дочь моя.

— Не стоит благодарности, святой отец, — она опустила глаза и сразу же превратилась в обычную эландскую ноблеску, — я не смогла бы вам ничем помочь, если б не одна вещь, подаренная мне другом. Осмелюсь спросить, Ваше Высокопреосвященство, далеко ли до Идаконы.

— Четыре дня конного пути, дочь моя. Но как могло случиться, что столь молодая женщина, безусловно хорошего рода, оказалась одна в лесах Северной Арции? Вам не следует нас опасаться, — добавил Максимилиан, видя, что она молчит, и Эгвант про себя усмехнулся — вряд ли женщина, владеющая талисманом такой силы, может их бояться, тем более после того, как видела их в минуту страха и слабости, — я Максимилиан, кардинал Эландский и Таянский, а это моя свита.

И тут женщина гордо вскинула золотую голову и, глядя в глаза Его Высокопреосвященству, отчеканила:

— Я Мария-Герика Ямбора, урожденная Годойя, вдовствующая королева Таяны. И я иду к Рене Аррою.

**2229 год от В.И.
Вечер 21-го дня месяца Иноходца.
Западные Ларги**

Гнедой, конечно, уступал Топазу и в скорости, и в неустойчивости, но все равно был очень и очень неплох. Истосковавшийся по езде Рамиэрль, несмотря на постигшую его поход неудачу, прямо-таки наслаждался могучим плавным ходом своего временного пленника. Серый следовал за товарищем. Над путниками плыли легкие перистые облака, лицо обдувал степной ветер, пахло созревающими травами, и не хотелось думать, что где-то за горами набирает силу угроза всему существу, так как если Михай добьется своего, исчезнут не только эльфы и люди, но и кони, и травы, и даже облака...

Конский бег не был помехой для раздумий, и Роман пытался понять, где же они допустили ошибку. По всему выходит, что Проклятый погиб, по крайней мере для Благодатных земель. Но Эрасти был сильным, наверное, самым сильным после Исхода богов и эльфов магом, а его артефакт действует до сих пор. Значит, на его силу нашлась другая, превосходящая. Неужели Циала Благословенная была не просто жаждущей власти и поклонения женщиной, а обладала огромным, чуть ли не божественным могуществом? Но в таком случае эта сила потом ее оставила, так как она доживала свои дни как смертная, не блиставшая никакими особыми талантами, кроме дара интриги.

Знаний Рамиэрля хватало, чтобы понять, какие чудовищные силы были пущены в ход, чтобы смять в один отвратительный ком разъединенные навеки Творцом Небо и Землю, Живое и Мертвое. Поверить в то, что единственная в истории женщина-Архипастырь смогла сотворить подобное и уйти оттуда живой, но лишившейся магического дара, было невозможно. К тому же утративший свой дар маг не сможет столь откровенно наслаждаться властью над жалкой кучкой смертных, даже не пытаясь продлить свои дни. Нет, Циала не имеет никакого отношения к тому, с чем он столкнулся...

Рамиэрль мысленно отмахнулся от стоящей перед глазами немыслимой картины и заставил себя думать. Для начала он отказался от попыток понять, что же такое он обнаружил. Ни о чем подобном он никогда не слышал, а раз так, значит, это или что-то совершенно новое, или же ужасно старое. Роман решил попытаться связать в единое целое хотя бы то, что поддается объяснению. Итак, он искал некое место Силы, куда каким-то образом проник Эрасти. С ним была Циала. Циала вернулась, Проклятый — нет. Это может означать лишь одно — в ту пору это место выглядело иначе, там была дверь, которую стерве в рубинах удалось закрыть. Видимо, сделать это можно было лишь снаружи, иначе Церна бы вышел... А это значит, что вся круговерть завертелась намного позднее. Значит, Светозарные к ней отношения не имеют, равно как и его, Романа, соплеменники. Прежние

хозяева Тарры, уничтоженные пришельцами, тем более ни при чем. Остается то Зло, про которое рассказывала Криза. Зло, выползшее из своей берлоги и готовящееся к Последней битве... Видимо, возвращение Эрасти было для него опасным.

Другой на месте Романа Ясного, убедившись в мощи содеянного врагом, впал бы в панику и уверовал бы в неизбежность поражения в схватке с эдаким противником, но бард, напротив, ощутил прилив сил. Странное дело, убедившись в невозможности освободить Эрасти, Рамиэрль сразу же забыл о нем. Не стоит оплакивать то, что не случилось, нужно думать о будущем, так как слово «поздно» страшнее слова «невозможно». Конечно, нынешний «могильник» Эрасти производит впечатление. Но одновременно доказывает, что Белый Олень боится Проклятого, магия которого может противостоять этой мерзости. А еще есть Всадники, Сумеречная со своим Водяным Конем, Прашинко, Уанн. Есть Герики, от которой можно ждать любого сюрприза, и, между прочим, соплеменники Романа, которых Эмзар и отец должны выгнать из опостылевшего болота. О том, что кого-то из дорогих ему существ уже нет на этом свете, эльф старался не вспоминать. Он знал одно: проигранное сражение — это не проигранная война, а каждое обретенное знание — оружие.

Романа так и подмывало броситься в битву, но он недаром многие годы был разведчиком, привычно сдерживающим первые порывы. Раз уж его занесло в Последние горы, он должен узнать все. Сколько на самом деле гоблинов, все ли они на стороне Годоя и сколько еще бойцов могут прийти на помощь самозваному регенту? Что произошло с Уанном и остальными? Имел ли к ним какое-то отношение тот магический удар, который он почувствовал? Есть ли здесь, в Последних горах, у Белого Оленя какие-нибудь тайные лежбища, или он все же обитает в Тарске?

Не ответив на эти вопросы, он не имеет права возвращаться. Пусть его поход окончился провалом, но если он раздобудет эти сведения, они смогут с открытыми глазами искать управу на Годоя. Конечно, он потратит какое-то время, но если его друзья-орки ему помогут... А они помогут! Зоркие глаза эльфа заметили на противоположном берегу реки легкий дымок. Криза была неосторожна, но это сейчас не главное. Главное, она ждала и дождалась!

Глава 12

2229 год от В.И.

Вечер 24-го дня месяца Иноходца.

Нижняя Арция. Берег Кадеры

Зов застал Михая Годоя в богатом поместье в окрестностях Олецьки. Регент поморщился от тупой боли в висках, которая всегда сопровождала появление союзников, становившихся раз от разу все навязчивей. Делать было нечего, тарские прервал весьма увлекательный разговор с аппетитной хозяйкой имения, принадлежавшей к тем мудрым женщинам, которые понимали, что победителям не отказывают ни в чем. После Ланки с ее причудами Годой предпочитал проводить время в обществе именно таких женщин, благо его марш по империи, пока не зарядили эти окаянные дожди, напоминал проход ватаги наемников через богатое село. Их появление не радовало местных, как раз наоборот, но показывать это никто не смел — себе дороже.

Конечно, рано или поздно Михая придется столкнуться с армией Базилека, но регент резонно полагал, что монарх, позволивший чужой армии безнаказанно маршировать по его территории, вряд ли будет серьезным противником. Если б это было известно заранее, можно было бы, пожалуй, обойтись и без столь навязчивых союзников, хотя нет... С Арцией он справится и императорскую корону получит без всякой магии, но вот власть над Таяной и помощь от гоблинов... Нет, тут без ройгианцев ничего бы не вышло, он или до сих пор бы носил хвост Марко, или же, если б старик понял, чем дышит его союзник, мирно почивал в

родовом склепе. Что ж, пока пользы от союзников было больше, чем неприятностей. Но этот их ужасный Зов, которому нельзя противиться...

Регент вздохнул и, шлепнув напоследок красотку Марцию по недвусмысленно обнаженной спине, распрощался с ней до заката. Запер инкрустированные перламутром двери и подошел к висящему на стене изящному зеркалу.

Магия способна на многое, в частности любое зеркало или сосуд с водой, короче все, что имеет способность хоть как-то отражать реальность, она превращает в артефакт, посредством которого можно общаться с существом, отстоящим на несколько диа. При условии, разумеется, что собеседник готов к подобному разговору.

Вызвать несведущего гораздо труднее, а тайно проследить за кем-то и вовсе невозможно, хотя, говорят, в старые времена встречались и подобные умельцы. Им, правда, для этого требовались вещи, принадлежавшие тем, кого нужно отыскать, а еще лучше их кровь или прядь волос. Эльфы же и Преступившие, про которых Михай читал и слышал, но не был до конца убежден в их существовании, по слухам, зачаровывали целые пруды, заставляя их отражать то, что находится чуть ли не на краю света. Впрочем, в это Михай не верил, равно как и в существование Колец Власти, Всепобеждающих Мечей и тому подобной чепухи. Его вполне устраивали вещи попроще и понадежнее. Магия же поиска к таковым, увы, не относилась. Во всяком случае, Михай с помощью всех своих союзников до сих пор так и не нашел собственную дочку.

Призывы на нее не действовали — то ли она их не слышала, то ли умудрялась игнорировать. Сама она вряд ли бы решилась на сопротивление, Годой был уверен, что все зло в Романа Ясном, непостижимым образом вытащившем эту дурищу из Гелани и, видимо, нацепившем на нее какой-нибудь амулет. Союзники утверждали, что Роман — эльф, и регент почти с этим согласился, хотя все его существо противилось осознанию того, что Дети Звезд еще существуют, это было бы слишком опасно. Некогда именно эльфы и их хозяева нанесли сокрушительное поражение тем, кто в свою очередь победил Ройгу, с адептами которого он, Годой, заключил договор. Он ввязался в эту авантюру, будучи уверен, что в пределах Благодатных земель никаких эльфов не осталось. Его союзники утверждали, что способности Рамиэрля оказались полной неожиданностью и для них, но Годой не слишком-то доверял подобным заверениям. Скорее всего ему лгали, чтобы он увяз по уши и потерял возможность отступления. Он и увяз.

Регент собрался с силами и ткнул палец острой булавкой из тускло светящегося белесого металла, увенчанной шаром из кохалонга. Эта часть обряда была ему особенно неприятна, но магия «открытого ока» невозможна без крови. Годой деловито снял выступившую алую каплю каменным навершием булавки и произнес несколько ничего ему не говорящих слов, от которых кохалонг запылал, словно облитый горячим земляным маслом. Регент взял эту металлическую свечу и воткнул в раму зеркала, по поверхности которого пошла рябь, а может, это только казалось и все дело было в поднимающемся вверх горячем воздухе.

Годой прибегал к этому способу довольно часто, но так и не понял, в чем тут суть. Как бы то ни было, поверхность стекла замутилась и потемнела, зеркало больше не отражало обитой лиловым шелком стены, увешанной богато украшенным, но явно не пригодным к использованию оружием. В белой мути плавало лишь изображение самого Годоя, и это было очень неприятно. Особенно когда двойник регента открыл глаза, заполненные белесой клубящейся мглой.

— Ты не слишком торопился, — недовольно прошипел Годой-в-Зеркале.

— Я не ожидал тебя сегодня, тем более днем, — огрызнулся Михай, но в его голосе чувствовался страх.

— Мы ошибались, — заявило отражение, не желая втягиваться в перепалку, — Герика не в Арции, а в Эланде.

Михай ошарашенно молчал. Тут было от чего потерять дар речи. Его расчет строился на том, что девчонка укрылась в одном из арцийских монастырей. В самом деле, куда еще

было деваться дурехе после того, как она рассталась с Романом, а о том, что они расстались, имелись самые достоверные сведения. Проклятый либр еще по осени ушел в Последние горы и, можно было надеяться, сломал там себе шею. Герику же без Романа станет лакомой добычей для любого, кто ее отыщет, и этим «кем-то» должен стать ее отец. Да, у Союзников — магия и Зов, но их Зов здесь бессилён, а сами они заперты в Таяне. Он же, что ни говори, уже в Арции и не так далеко от того места, где в начале зимы Союзники засекли вспышку магии.

Именно там пропал один из Охоты, которому посчастливилось перейти Горду еще до пробуждения Всадников. Союзники, да и сам Михай, были уверены в том, что Охотника прикончила именно Герику, причем вышло это у нее совершенно случайно. Магия преследователя самопроизвольно разбудила ее кровь, девчонка же до полусмерти испугалась и, сама не понимая как, пустила в ход проснувшуюся Силу. Что с ней случилось дальше, оставалось лишь гадать.

Рика уцелела — иначе Белый Олень вновь обрел бы способность сливаться с другими существами и зачинать себе подобных. Этого не произошло, значит, предыдущая Избранница была жива. В Кантиске она не появилась, в этом Годой был уверен — несколько весьма влиятельных клириков прислали в Таяну письма, в которых отмежевывались от решения Конклава и предлагали свою дружбу в обмен на низвержение Феликса. Разумеется, регент вступил в переговоры, потребовав для начала отыскать пропавшую Герику.

Начались поиски, вскоре завершившиеся успехом. В небольшой циалянкой обители на берегу Льюферы появилась послушница, про которую говорили, что она вдова таянского принца. Все сходилось, оставалось лишь забрать Избранницу из монастыря. Правда, девчонка, побывав на ложе Ройгу, стала смертельно опасной, но при ее характере и настроении это было не так уж и страшно. Испокон веку от мира отказываются либо отчаявшиеся и опустошенные, либо стремящиеся в обмен на отказ от плотских радостей обрести власть. К власти Герику всегда была равнодушна. Значит, она решила похоронить себя заживо, оплакивая своего Стефана. Если за ней явится отец, она по привычке ему покорится, а дальше... Дальше придется решать, останется ли Герику Тарская Эстель Оскора либо же эту роль придется отдать Ланке.

Годой предпочел бы первое — его жена была не из тех, кем можно управлять. Заполучив Силу, она стала бы играть собственную игру. Именно это он и пытался втолковать Союзникам, которые, похоже, ему не очень поверили, но согласились. Да и как они могли спорить, будучи заперты за Лисьими горами?! Герику-то таскала зеленый монашеский балахон в Арции, и, чтоб ее добыть, требовались или хитрость и золото, или небольшая победоносная война. Годой устраивал второй вариант.

Даже чувствуя за спиной многотысячное войско и поддержку Союзников, регент побаивался прямой схватки с Рене, а арцийский поход оттягивал это сомнительное удовольствие. Прекрасно разбирающийся в политике, Михай понимал, что внезапный удар по Арции развалит империю на куски и в этой мутной воде он отхватит себе столько власти, сколько сможет унести. Императорская корона влекла его больше, чем какая-то малопонятная власть над «всеми расами Арции» и бессмертие, дарованное Силами, которые они должны призвать. Императорская корона — это понятно и приятно. Годой успешно пользовался магией, но знал свой предел, а растущее могущество Союзников его настораживало, равно как и таинственные способности Рене Арроя.

Сам предававший и продававший вдоль и поперек, тарскийский господарь нутром чуял, что доверять ройгианцам нельзя, что они его в лучшем случае оставят ни с чем, а то и уничтожат. Нужно было как можно медленнее выполнять свои обязательства, ведь пока он не исполнит того, чего они ждут, с ним будут вынуждены считаться. Главным же козырем в этой игре была его недотепа-дочь.

Михай растил Герику для одной-единственной цели. Она должна стать Эстель Оскорой, но Эстель Оскорой, послушной исключительно отцовской воле. Тогда он станет хозяином положения. Смерть Младенца, так расстроившая Союзников, Годой лишь

обрадовала. Как бы медленно ни зрело Воплощение, рано или поздно оно набрало бы силу, и события понеслись бы, как бочка под гору. Зато бесплодная Эстель Оскора, обретшая могущество и остающаяся безвольной игрушкой в отцовских руках, сделает все потуги Белого Оленя вернуть себе былое величие бессмысленными. Михай же сможет наслаждаться властью, медленно, но уверенно становясь хозяином Благодатных земель. Тогда ему не будут страшны не только Рене или атэвы, но и сами ройгианцы, которых он заставит служить себе.

Разумеется, тарскиец держал свои планы при себе, а его Союзники не могли и представить, что он посмеет их обмануть. Потому что не знали Герики.

Одно время Михай начал опасаться, что любовь к Стефану разрушает его власть над дочерью, но Стефана больше не было, а раз девчонка не последовала за ним в могилу, то взнудать ее будет очень просто. В таком радужном настроении он и начал поход. Поэтому и гнал войска вперед и вперед, не становясь на дневки, не трогая города и городки, лежавшие на дороге. Ему совершенно не улыбалось пробивать дорогу бледным. Он собирался править Арцией долго и успешно, а то, что требуется ройгианцам, чтобы сломить Всадников, слишком чудовищно. Он не может себя запятнать подобными вещами, пусть сами рыщут по мелким деревушкам и исполняют свои чудовищные обряды, но его армия должна быть ни при чем. Да и не наберут они таким образом силы, достаточной для того, чтоб прорваться через Гремиху, а значит, в Арции все решит оружие, а не магия.

Годой вовсе не улыбалось, чтобы за его спиной маячили Союзники, это стесняло бы его свободу. Уж лучше барьер, который стерегут древние каменные чудовища! Но главное — Герики! Скорее вперед, чтобы никто не отыскал, не предупредил, не увез. Не надо пугать людей, пусть сидят тихо и не понимают, на самом ли деле видели они марширующую армию или же это было сном. До этих неповоротливых тупиц очередь дойдет. Впрочем, Годой был не из тех, кто кладет все яйца в одну корзину. Семеро надежных людей во главе с не единожды проверенным в деле Вайнстой вот-вот должны добраться до обители, чтобы предотвратить возможные случайности, а в случае необходимости увезти молодую монахиню и укрыть в надежном месте. Со дня на день Годой ожидал радостного известия, и на тебе!

Оказалось, он гнался за химерой — Герики в Эланде и, похоже, чему-то научилась. Михай не представлял, как его нерешительная, изнеженная дочь умудрилась тайно пройти пол-Арции, но ведь кто-то же изгнал Охоту за Явеллу! Приказ Великого Ловчего мог отменить лишь более сильный. Сам Годой не осмелился бы остановить травлю. Это могли лишь сам Ройгу, Главный Ловчий и... Эстель Оскора, если бы ей кто-то разъяснил, как это делать. Сама дойти до такого Герики не могла. Неужели проклятый бард всех обманул?!

Они были уверены, что перехитрили Романа, заманив к Месту Силы, где его и пришедших с ним ожидала теплая встреча, а он все равно сумел переправить Герику в Эланд. Теперь она в руках Рене, а это значит, что нужно захватить Эланд до того, как Ройгу, а значит и Эстель Оскора, наберет сил.

— Ты должен немедленно наполнить Чашу,⁸⁷ — прервал его размышления Годой-в-зеркале. — Слуги Покровителя нужны сейчас и здесь. Явелла для них отныне закрыта. Спешите в Эланд!

Если б Михай Годой не был Михаем Годоем, он бы так и поступил. Собственно говоря, к подобному решению регент склонялся и сам, но того же требовали и Союзники, что наводило на размышления. То, что ройгианцы рвутся в Арцию, могло среди всего прочего означать и то, что те хотят найти Герику раньше него. В таком случае сказанное двойником могло оказаться ложью, которая заставит его наполнить Чашу, то есть аккумулировать количество энергии, достаточное, чтобы сломать установленный Всадниками барьер. Тогда

⁸⁷ Наполнение Чаши — магический обряд, когда собирается жизненная сила умерщвляемых особым способом существ, которая впоследствии преобразуется в магическую энергию.

Охота, равно как и Фантом, проникнут сюда, получают возможность искать Герику и наверняка найдут. Ну уж нет! Пусть лучше сидят за Лисьими горами!

— Я не могу вести войско по болоту, — с достоинством ответил Михай Годой. — Пока идут дожди, ни я, ни арцийцы не сдвинемся с места.

— Наполни Чашу, — вновь потребовал двойник, — мы ударим по Всадникам, и дожди прекратятся. Разве ты не понял, в чем причина дождей? Они льют лишь у тебя на пути.

Да, об этом он как-то не подумал. Дожди его не волновали, так как мешали имперцам так же, как и ему. К тому же он встал как раз на перекрестье дорог на Мунт и Гверганду, и поди докажи, что он замыслил предательство. Если б не эти проклятые ройгианцы, режущие сельчан, как кур... Надо же, эти свиньи нарвались на какую-то охоту, чего и следовало ожидать. Конечно, Бернар не расторгнет соглашения из-за такой мелочи, но все же... Все же ему пришлось устранить возможных свидетелей его связи со «жнецами», да еще пришлось взнудывать арцийского посла, который слишком умен, чтобы не заметить очевидного. Лучше пусть милейший граф Койла посидит на сворке, да и клирик вместе с ним.

Проклятье! Как все хорошо начиналось. Тот, в зеркале, прав, дожди эти неспроста. Но кто в этом виноват? Применять магию Ройгу вблизи от проснувшихся Всадников нельзя, а он вынужден был это сделать, так как фронтерцев можно было просто убить, а вот Койла нужен был ему живым и послушным! И сразу же начался этот потоп. Что ж, силы, призванные сдерживать Ройгу, не дремлют. Еще один довод в пользу того, что лучше полагаться на мушкеты и шпаги, а не дразнить Неведомое. Но Чашу, видимо, все же придется наполнить. Ровно настолько, чтобы прекратить ненастье, а для этого вполне хватит такого городка, как эта нелепая Олецька... И все! Пусть наполняют свою чертову Чашу во Фронтере, у эландской границы, да хоть бы и в Гелани! Но без него. Он не желает рисковать, пока не наденет императорскую корону и не получит назад свою дочь.

2229 год от В.И.

26-й день месяца Иноходца.

Эланд. Идакона

Зарядивший с утра дождь честно смывал последние остатки снега, по всему было видно, что еще день или два, и в Эланд придет настоящая весна. Старый Эрик готов был заложить свою душу против дохлой кошки, что завтра задует южный ветер, который погонит волны Ганы вспять, и начнется разлив. Это было как нельзя кстати, ибо означало, что переправа будет недоступна еще кварту, а то и две.

Старый маринер не преминул сообщить об этом Рене, который при всех своих достоинствах пока еще не обзавелся ревматизмом, позволявшим предсказывать погоду точнее и проще мага-погодника. Аррой же поспешил рассказать о наблюдениях Эрика Шандеру Гардани, ибо погода всегда была и останется лучшей темой при разговоре с тем, с кем трудно общаться, а с Шандером было очень тяжело. Гардани слабел на глазах, и помочь ему не мог никто. Выражать же свое сочувствие словами и скорбной миной Рене был не в состоянии. Он не раз представлял себя на месте Шани и понимал, сколь страшным и унижительным было бы выслушивать слова утешения от друзей и соратников. Для обоих было бы проще прекратить мучительные встречи, но это означало признать то, что Рене ни в коем случае не хотел признавать, — полную безнадежность.

В глубине души у герцога теплилась надежда на возвращение Рамиэрля, который, возможно, справится с заклятиями Годоя. Сам Рене в последнее время лихорадочно пытался припомнить все, что ему говорили темные эльфы, и даже кое в чем преуспел. Это могло пригодиться и в бою, и в повседневной жизни, но ничего, что позволило бы спасти Шандера или докричаться до Романа, герцог не вспомнил. Оставалось ждать и пытаться вести себя как ни в чем не бывало.

Рене весело приветствовал друга и объявил ему прогноз Эрика. Шандер с нарочитым интересом выслушал и заметил, что, если Гана разольется, переправа будет недоступна для

войск Михая кварту, а то и две...

— Именно так, — уверенно подтвердил Рене и замолчал, подыскивая новую тему, — знаешь, мой сын очень дружен с Белиндой.

— Да, я знаю, она мне написала, — согласился Шандер, — передай мою благодарность Рене-младшему.

— И Диману, — торопливо добавил Рене, — именно он избавил девчонку от общества моей супруги.

— Странная вы пара, — задумчиво заметил Шандер, — мне, наверное, никогда не понять ваших отношений.

— Мне тоже, — улыбнулся Аррой. Тема была нащупана. В конце концов, обсуждать с Шани свои семейные дела можно было без утайки, а чужие неприятности на какое-то время отвлекут беднягу от собственной беды, — это ты у нас счастливчик, которому удалось жениться по любви. Мне же судьба подсунула такую радость, на которую и через порог смотреть тошно.

— Я счастливчик? — в темных глазах Шандера полыхнуло пламя. — Да, разумеется, счастливчики всегда теряют тех, кого любят, и превращаются в обузу, подыхая на руках своих друзей.

— А ну заткнись, — рявкнул Рене адмиральским голосом, в бешенстве позабыв, что находится у постели умирающего. Как ни странно, это помогло — Шандер внезапно улыбнулся, став похож на себя прежнего.

— Слушаюсь, монсигнор.

— Вот именно, — улыбнулся и Рене. — Нечего тебе приbedняться, тебя любили, и ты любил. Да, она умерла, но осталась Белка. А теперь появилась еще и Лупе.

— Так ты знаешь?

— Догадываюсь. Она любит тебя, и, готов спорить на что угодно, она тебя найдет. Так что изволь дожждаться.

Кажется, он наконец взял верный тон, потому что с лица Шандера медленно исчезали равнодушие и безнадежность. Тема Лупе оказалась неисчерпаемой, они проболтали чуть ли не полторы оры, когда в комнату влетел запыхавшийся Зенек.

— Монсигнор! Кардинал Максимилиан.

— Ну и? — весело осведомился Рене. — Что с тобой? Кардинала никогда не видел? Тут он, что ли? Зови. Ты не возражаешь, Шани? — Шани не возражал, да и не успел бы возразить. Дверь распахнулась, и в комнату вступил Его Высокопреосвященство, причем не один.

2229 год от В.И.

Ночь с 25-го на 26-й день месяца Иноходца.

Олецка. Нижняя Арция

Из-за обложивших небо облаков проследить границу между днем и ночью было трудно, но гоблину показалось, что стемнело как-то сразу. Со двора тянуло сыростью, и Уррик, всегда гордившийся своим умением переносить как тепло, так и холод, неожиданно для самого себя зябко передернул плечами. Он не видел смысла в усилении караула, но служба есть служба, и два десятка гоблинов заняли указанные им места на галерее дюза, куда вновь пожаловал регент, вознамерившийся просить Творца прекратить дождь.

Молебен подзатянулся, и гости, и монахи устали, так что дюз затих довольно рано, и только колокол отбивал каждую ору. Время тянулось неимоверно медленно. Странно, но на сердце Уррика кто-то словно положил тяжелый камень. Даже не камень, а кусок грязного подтаявшего льда. Никогда еще гоблин так страстно не ждал утра, хотя ночь, напоенная запахами нарциссов, сирени и мокрой земли, ничем не отличалась от вереницы предыдущих. Было тихо. Даже соловьи, и те не пели, измученные затянувшимся ненастьем. Впрочем, соловей — птица вольная, сам решает, где ему летать и когда петь.

Если бы только небо очистилось! Уррику отчего-то неистово хотелось увидеть извечный узор созвездий, поочередно восходивших над горизонтом. В эту пору особенно хорошо видны четырнадцать зеленоватых звезд, в горах называемых Косами Инты, а здесь — Сиреной, но все закрывали тяжелые, низкие облака. Обычное, в сущности, дело, но Уррик с трудом сохранял спокойствие, ему отчего-то хотелось закричать в голос, зажечь факелы, разбудить людей. В довершение всего с реки потянуло туманом — дело во время ливня немыслимое!

Жители Олецки ворочались и кричали в своих постелях, отбиваясь от странных кошмаров, но не просыпались. До рассвета оставалось совсем немного, когда двери келий, отведенных Михаю Годой и его спутникам, распахнулись и на галерею одновременно вышли регент, его советник, тот самый, за которым гнались арцийские всадники, и два тарскийца-телохранителя, причем все они были облачены не в свою обычную одежду, а в странные светло-серые хламиды, поверх которых болтались нагрудные украшения в виде серебристого диска с каким-то рисунком.

Годой подошел вплотную к Уррику и его людям и поочередно взглянул всем в глаза.

— Вы знаете, что должны повиноваться мне. — Гоблины согласно наклонили головы — конечно же, они знали, они один раз присягнули, и этого вполне достаточно. Регент, похоже, остался доволен. — Сегодня я делаю первый шаг к возвращению того, кому вы служите. Идите и помогайте!

Помощь, впрочем, не потребовалась. Ни аббат Вилизарий, ни его монахи, ни тем более несколько человек заключенных — так, всякая мелочь, сельские знахари и знахаришки, не сопротивляясь, направились в иглечий. Они были первыми, но не последними. Пришел эркард с женой и многочисленными детьми — от шестнадцати до четырех годов, заспанные нобили, торговцы, ремесленники... Храм, и так не очень вместительный, был забит до отказа. Затем привели двух девушек...

**2229 год от В.И.
26-й день месяца Иноходца.
Арция, Мунт**

Мунт не окружали стены, вернее, стена-то была, но столица империи давным-давно выросла из нее, как ребенок вырастает из старой одежды. Сначала за пределы города перебрались самые бедные, а затем самые богатые, которые, не забывая старые дома поблизости от императорского дворца, обзавелись виллами в предместьях. Поскольку врага в Центральной Арции не видели уже несколько веков, а немногочисленные разбойники предпочитали держаться от столицы подальше, опасаться было некого. Но ворота в старой, построенной еще при Анхеле стене, давным-давно оказавшейся в центре города, прилежно закрывались ночью и открывались ранним утром.

Было ли это данью традиции, которую должна чтить любая уважающая себя держава, или же у императоров были свои причины содержать приворотную стражу, но попасть в Старый город, не имея «золотого ключика», ночью было очень трудно. Стражники давно уже превратили свои служебные посты в источник дохода, так как подгулявшие нобили, особенно теплыми ночами, обожали ездить туда-сюда, пополняя кошельки приворотников. Однако в эту ночь им пришлось дважды бесплатно отворять ворота.

Первым в Южные ворота властно постучал высокий человек с факелом в черно-зеленых одеяниях храмового воина. С такого черта с два получишь, и заспанный страж, про себя проклиная припозднившихся клириков, налег на ворот, поднимавший решетку, — нужно было пропустить карету легата с эскортом. Второй гость явился спустя ору или две к Восточным воротам и тоже был пропущен без задержки — пропуск, подписанный маршалом, и перстень-печать его личного посланника сделали свое дело. Так в империю вступила Война, о которой до этого говорили как о чем-то далеком и совсем нестрашном. Разве мог кто-нибудь угрожать великой Арции?! Ну, атэвы еще туда-сюда, но они

предпочитали пакостить на юге. Эландские маринеры, случалось, трепали торговые суда имперских купцов, но с этим свыклись, так как тягаться на море с идаконцами было занятием безнадежным, да и вред, наносимый ими, был не так уж и велик. Но чтобы какие-то Таяна и Тарска угрожала самой Арции! Ха-ха-ха... К вечеру смеялся весь Мунт.

Не смеялись только в резиденции маршала да еще в домах тех нобилей и купцов, которые знали Таяну не понаслышке и не закрывали глаза на недостатки империи. Так, господин Ле Пуар — глава почтеннейшего кумпанства ростовщиков и держателей обменных и закладных лавок — рассудил, что война списывает слишком много долгов, к тому же императору может прийти в голову в корне порочная идея сначала вынудить господина Ле Пуара и его собратьев ссудить ему значительную сумму, а затем проиграть войну. Чтобы такого, упаси святая Циала, не случилось, ростовщик с семейством и приличествующей охраной к вечеру отбыл через Южные ворота, намереваясь временно обосноваться в Авире и там дожидаться, чем все кончится. В конце концов, еретик Майхуб купцов и банкиров не притеснял, и дальновиднее пожертвовать частью состояния, вложенного в недвижимость, и долговыми расписками, чем потерять все и в придачу голову!

Умный господин Ле Пуар подал пример наиболее трусливым и наиболее расчетливым, остальные же восприняли войну с праведным негодованием и предвкушением, что уж теперь-то наглому Годю не поздоровится. В маршальском дворе записывали в ополчение, и немало горожан, возмущенных предательством таянского регента и желающих мир посмотреть и себя показать, выстроились в очередь за вожделенным оружием и черно-золотой кокардой. Молодые нобили, сразу же выросшие в своих глазах, горделиво подкручивали усы и то с молодецким, то с томным видом ловили восхищенные взгляды дам. По городу туда-сюда носились конные, к вечеру на главной улице было сбито немало зазевавшихся пешеходов, ставших первыми жертвами, а ночью младший сынок барона Верлея со товарищи из патриотических побуждений сжег таверну «Кубок Гелани» и был задержан городской стражей при попытке изнасиловать хозяйку.

Эстель Оскора

Знакомство с красавцем-кардиналом я начала с вранья. Я никогда не верила клирикам, какому бы богу они ни молились, к тому же признаваться в добрых отношениях ко мне со стороны туманных тварей перед людьми, которых только что чуть не прикончили, было бы не слишком разумно. Меня запросто могли объявить ведьмой, и выбирайся потом из передраги как хочешь, тем паче овладевшая мной сила покинула меня сразу же, едва я прогнала Охоту. Странное это было чувство. Цель Гончих Тумана была для меня предельно ясной: их выпустили наводить страх и убивать. Нет, они не могли загрызть человека или причинить ему какое-то увечье, ведь их как бы и не существовало. Это были тени, отражения, бегущие впереди идущей на нас беды. Их сила была не в клыках — твари оживляли чудовищный, древний страх, страх, который спит в самых дальних закоулках нашего существа и, проснувшись, вынуждает бежать, пока не разорвется сердце, бросаться, не разбирая дороги, с обрыва на острые скалы, рубить топором руки своих же товарищей, цепляющихся за борта переполненной шлюпки, хотя рядом есть другие, пустые и полупустые.

Гончие Тумана несли с собой этот ужас и потому были смертоносны. Даже самые сильные не могли долго сопротивляться их магии. И это при том, что встреченная мной свора была лишь передовым отрядом древнего Зла, вознамерившегося вырваться из каких-то неведомых нор, где оно скрывалось веками. Пройдет не так уж много времени, и Белый Олень и его приспешники обзаведутся реальной плотью. Тогда их можно будет убить, но и они пустят в ход клыки, когти и кое-что похуже. Стая Соснового холма была первой, ее спустили на Южный Эланд, явно желая посмотреть, что получится. А вот Охотника с собачками не было, иначе мне не удалось бы так легко прогнать тварей туда, откуда они пришли.

Если б у меня была возможность размышлять, я вряд ли бы догадалась, что и как нужно делать, да и не могла догадаться. Нельзя умом постичь непостижимое, но я подчинилась голосу своей порченной крови. Он шептал мне, что свора видит во мне хозяйку, и я стала ею. Кровь подсказала мне, КАК я должна приказывать псам, а вот ЧТО приказать, было уже делом моей совести и моего разума. Я видела, что загнанные псами люди на грани безумия, что еще немного, и самые слабые ударят в спину тех, кто еще сопротивляется голосу стаи. И тогда я пошла вперед. За Явеллой тварям Ройгу делать нечего! Всадник меня об этом предупреждал недвусмысленно. Псы растерялись. Они признавали за мной право повелевать, но мой приказ отменял повеление Охотника. На какой-то краткий миг я испугалась, что они меня не послушают, но, к счастью, моя воля пересилила. Я многое поняла в этой схватке, многому научилась. Каждая моя догадка, подтверждаясь, превращалась в знание, давала уверенность в себе. Если мне повезет, то от стычки к стычке я буду становиться сильнее, и, кто знает, может быть, придет время, когда я на равных схвачусь с самим Ройгу.

Свора убралась. Я знала, что она будет без отдыха бежать и бежать, пока не доберется до тех, кто ее послал. Скорее всего они догадаются, что именно я прервала Охоту. Ну, тут уж делать было нечего. Рано или поздно нам предстоит встретиться лицом к лицу, ну а пока мне нужно было что-то говорить спасенным.

Мои поиски Рене закончились, ибо меня угораздило нарваться не на кого-нибудь, а на эландского кардинала, который к тому же уже встречал Преданного и знал, кому тот принадлежал. Байку о том, что я укрывалась в лесу у некоего отшельника, где меня и отыскала рысь, Его Высокопреосвященство проглотил не задумываясь. Равно как и утверждение, что странный плащ и талисман — дары все того же доброго лесного дедушки, который с наступлением весны отправил меня к людям, и я решила разыскать Рене, так как возвращаться в Таяну боялась и не хотела.

Мне повезло, что люди, пусть и не осознанно, всегда и во всем подражали эльфам. Так и Лебедь, символ клана, подаренный мне Астени, великолепно сошел за атрибут святого Эрасти. Эльфийский талисман был дружно объявлен священной эрастианской реликвией, а придуманный мною отшельник — святым старцем, умерщвляющим за каким-то бесом свою плоть. Я не спорила — пусть их верят, это их отвлекает от дурацких вопросов. Зато Рене Аррою я собиралась рассказать все, как оно есть, благо от Романа он знал и об эльфах, и о Проклятом. Я почти не помнила герцога, но, слыша про него только хорошее, почти не сомневалась, что мы поладим. Разумеется, я ошиблась. Нет, Рене меня не разочаровал. Довериться такому было бы величайшим счастьем, но я скорее дала бы себя разодрать на тысячу кусков, чем рассказала ему правду.

Мы прибыли в Идакону на склоне дня. Кардинал Максимилиан, демонстрирующий все шесть дней пути исключительную благостность и величавость (видимо, чтобы свидетели того, как он прятался за чужую спину, решили, что на самом деле ничего подобного не было и Его Высокопреосвященство просто уединился для молитвы), немедленно потащил меня к герцогу, но нам сказали, что он прошел к Шандеру Гардани. Я сразу же вспомнила чеканный профиль, темные, слегка вьющиеся волосы, вечно серьезные глаза... Шани был другом Стефана, да и ко мне вроде бы всегда был добр, теперь же, если верить Максимилиану, граф был смертельно болен. Во всяком случае, кардинал на выздоровление не надеялся.

По дороге в комнаты Гардани я лихорадочно соображала, как вести себя в присутствии герцога, чтобы, с одной стороны, не показаться ему окончательной дурой, а с другой — убедить его отослать посторонних и выслушать меня наедине. Но все мои умные фразы типа «Я рада видеть вас, Ваша Светлость, в добром здравии» моментально вылетели у меня из головы, когда нам навстречу стремительно поднялся стройный седой человек с ясными неистово-голубыми глазами. Мелькнула мысль — так вот кого мне все время напоминал Эмзар! А потом я жалобно пискнула и самым неприличным образом повисла у герцога на шее, уткнувшись лицом в черный колет. Так я плакала в последний раз в своей жизни. Плакала в три ручья, самозабвенно, всхлипывая и тряся головой.

У герцога хватило ума выставить всех, кроме, естественно, Шандера, который не мог

вставать. Рене ничего мне не говорил, просто обнимал и все. Если б я действительно была всемогущей волшебницей, я бы остановила это мгновение, так как все страшное, холодное, пустое, что держало меня последние месяцы, внезапно разжало когти и с жалобным мяуканьем кинулось наутек, а я осталась с тем, кто сильнее, добрее и умнее меня. Не знаю, до чего бы я доревелась, если бы не Шандер, посоветовавший Рене дать мне какого-то омерзительного пойла, которым пользовали медикусы его самого. Кольцо рук, сжимавших меня, разжалось, и я, все еще всхлипывая, подняла голову и огляделась. Шани смотрел на меня с непритворным участием. Великий Орел, как же он переменился! Если бы я не знала, что это он, я могла бы тысячу раз пройти мимо и не узнать. Конечно, помни я его не глазами и умом, а сердцем, я бы наверняка почувствовала благодарность и жалость, а так мне просто было мучительно стыдно, что этот полуживой человек видит мою слабость.

Рене между тем действительно плеснул в кубок какой-то пахнущей горечью жидкости и потребовал, чтобы я выпила, ласково погладив меня по плечу. Мое тело вспомнило этот жест, он и раньше меня так успокаивал. И вот тут-то я вскинулась, как норовистая лошадь, которую вытянули кнутом.

Для него я была и оставалась безвольной дурочкой, которая позволяла делать с собой все, что угодно. Он был в этом совершенно не виноват и не мог знать, что я переменилась, но как же все это было ужасно...

**2229 год от В.И.
28-й день месяца Иноходца.
Арция**

Фредерик Койла покачивался в седле и бессмысленно улыбался. При всем своем желании согнать с лица эту отвратительную гримасу он не мог этого сделать. Как не мог остановить коня, выпить вина, что-то сказать, выхватить оружие, убить Михая Годоя или же покончить с собой. Единственное, что оставил графу тарский колдун, — это мысли. Ведь пока мысль не превратилась в действие, не высказана вслух или не легла на бумагу, нет ничего более бессильного и бесполезного. И Койла думал и вспоминал, так как отогнать одолевающие его воспоминания было не в его власти. Он вновь и вновь переживал ужасы олецкой ночи, глаза и уши услужливо впитали в себя все — мольбы и стоны, безумные глаза, перекошенные рты. Теперь это будет постоянно преследовать его в том аду, в который навеки превращена его жизнь.

Он никогда не забудет, как Годой пригласил его и арцийцев к себе, как на него навалилась свинцовая тяжесть, от которой он на миг потерял сознание, а потом пришел в себя от резкой боли. Лучше бы он не выжил, как не выжило двое из гостей Михая, оказавшихся счастливыми обладателями слабых сердец. Остальные же превратились в марионеток, повинующихся любому мысленному приказу регента. По этому приказу Раймон че Вэтрон перерезал вены собственному сыну и выпил его кровь, а Рауль че Зиттке поочередно убил двоих братьев и отца. Сам же Фредерик...

Тогда, в палатке ему и Таисию было велено только смотреть и улыбаться, а потом пройти по телам убитых. Графу казалось, что это-то и есть самое страшное, но затем была Олецка, девушки на алтаре в переполненной церкви и он с Таисием, при всех... Клирик, впрочем, не сумел — подвела природа. Михай мог подчинить себе чужую волю, но не вернуть унесенное временем и строгими постами, так что Койле пришлось заменить старика с доставшейся тому девушкой. Зато Таисий помог ему, пронзив обеих странным орудием в виде оленьих рогов. Это нужно было сделать таким образом, чтобы кровь из пробитого сердца обязательно смешалась на алтаре с кровью, текущей по ногам жертв. Человек, хотя вряд ли его можно назвать таким словом, стоявший рядом с регентом, давал им четкие указания, что и как делать, и они делали. Затем, перемазанные кровью и раздетые, они отступили, а два тарскийца с лицами блаженных идиотов принесли огромную белую свечу и водрузили ее на оскверненный алтарь. Годой сделал шаг вперед и коснулся толстым пальцем

фитиля, вспыхнувшего бледным пламенем. И тотчас смертельным, звериным воем зашлась красивая рыжеволосая женщина, стоявшая у самого портала. Затем к ней присоединились и другие. Белый дым, похожий на туман над болотом, окутывал собравшихся, выпивая их жизни, их души, их разум.

Те, кто был отделен от проклятой свечи залитым кровью алтарем, нисколько не пострадали. Годой и его помощник произносили какие-то слова на непонятном, но красивом языке, нараспев, словно читали молитву или стихи. Они продолжали говорить, пока умирали люди, а затем остановились. Сразу. Видимо, заклинание имело силу, только пока жертвы были живы. После этого Фредерик ощутил приказ — пойти, привести себя в порядок, поесть и выйти во двор. И он сделал это! Смыл кровь в келье убитого монаха, деловито привел себя в порядок, не забыв подобрать воротник и ленты в тон апельсиновому колету, съел больше, чем ел обычно, и, улыбаясь, спустился по лестнице. У пояса графа висела шпага, за спиной кинжал, но все его попытки вытащить их, чтобы убить чудовищного союзника или хотя бы свести счеты с собственной жизнью, ни к чему не привели. Он все с той же блаженной улыбкой сел на коня и до сих пор едет рядом с тарскийцем, а сзади на своем муле трусит Таисий, которому Творец и аскетическое прошлое помогают не больше, чем Фредерику Койле его владение оружием. На лице монаха застыло то же блудливо-довольное выражение, как и на его собственном...

А Олецка исчезла с лица земли. Пока регент делал свое дело в дюзе, годоевцы деловито и умело уничтожали город и его жителей. Наблюдательный ум графа помимо его воли перебирал никому не нужные подробности: то, что в город вошли только тарскийцы, причем не какие-нибудь, а личная гвардия Михая, что Михай Годой связался с каким-то чудовищным культом и что он умеет превращать людей в беспомощных марионеток... Последнее арциец испытал на собственной шкуре. Мысли Фредерика бились, как голубь в окно. Неужели ум против магии — ничто? Нет, он должен придумать способ освободить себя, чтобы отомстить, чтобы предупредить других...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ МОЛЧАЩЕЕ НЕБО

— Но вот и опять слёз наших ветер не вытер.
Мы побеждены, мой одинокий трубач!
Ты ж невозмутим, ты горделив, как Юпитер.
Что тешит тебя в этом дыму неудач?
— Я здесь никакой неудачи не вижу.
Будь хоть трубачом, хоть Бонапартом зовись.
Я ни от чего, ни от кого не завишу.
Встань, делай как я, ни от кого не завишь!
И, что б ни плел, куда бы ни вел воевода,
Жди, сколько воды, сколько беды утечет,
Знай, все победят только лишь честь и свобода,
Да, только они, все остальное не в счет!..
М. Щербаков

Глава 13

2229 год от В.И.
29-й день месяца Иноходца.
Центральная Арция

Дорога была в два ряда обсажена каштанами, защищавшими в жару путников от

неистового солнца, в котором так нуждались виноградники. Теперь вековым исполинам придется послужить другим целям. Именно они должны замедлить бег знаменитой таянской конницы. Если это удастся. Если наспех сколоченный отряд, который приходится считать армией, сумеет выиграть еще день, то... Дальше Луи не загадывал, он разучился думать о том, что будет послезавтра, через месяц, через год, решительно окунувшись в насущные хлопоты — где найти новых людей и оружие, в какой пригорок или овраг вцепиться, как уйти из-под удара и как и куда ударить самому.

Он почти не спал, ел урывками, сутками не слезал с седла и сам не замечал, как превращается в воина и вождя. Впрочем, теперь его такие мелочи, как собственное реноме, не волновали. Принц еще раз осмотрел позицию и довольно усмехнулся. Годится! Чтобы идти дальше, Михаю придется завладеть дорогой — прорубаться сквозь виноградники, которые к тому же по арцийской традиции отделены друг от друга широкими канавами, значит, превратиться в пьяных черепах, к тому же рискующих из-за каждого куста получить по голове. Им позарез нужна дорога, и вот ее-то и нельзя отдавать. Нижняя Арция с ее редкими деревушками и городками оставалась позади, Михай вплотную подошел к сердцу империи, где за каждым поворотом или большое село, или город.

Конечно, теми жалкими силами, которые удалось наскрести, такую орду не остановишь, но ее можно задержать, пока люди не укроются в Пантане, куда Годой вряд ли полезет, или не уйдут в Кантиску или Мунт, о которые, как очень хотелось верить принцу, узурпатор обломает зубы. Значит, надо держаться. Если все пойдет хорошо, вот-вот подойдет арцийская армия, и можно будет отбиваться, пока не подоспеет Архипастырь, а затем еще и Мальвани, после чего с Годоя полетят его красно-черные перья. А пока держаться, держаться и еще раз держаться!

Луи не думал о том, что будет, если император струсит и затворится за стенами Мунта. Это было бы слишком страшно для сотен Лошадок, лежащих на пути тарскийско-таянского войска. Если бы не дожди, на месяц задержавшие убийц, странные дожди, потому что на Среднюю Арцию не упало ни капли, империи бы уже не было... Но ливни прекратились столь же неожиданно, как начались, Кадена вошла в свои берега, и дороги подсохли. Теперь на пути Михая Годоя остались только они... А арцийцы, похоже, не понимают, какая беда к ним идет, — ковыряются в своих виноградниках. Да и с чего бы им верить дурным вестям, если они привыкли к хорошим? Хорошо хоть с «Котами» повезло.

Этот веселый полк за излишнее пристрастие к женскому полу, без которого стать полноправным «котом» считалось невозможным, был выставлен с позором из столицы в провинцию. К счастью, командир «Котов» Жак-Здоровяк, прозванный так по строгим законам армейского острословия (после того как медикус вытащил из его спины атэвскую стрелу, Жак кашлял кровью и не мог обходиться без варева из каких-то вонючих трав), был старым приятелем Матея и поверил всему, что тот рассказал.

«Коты» встали под знамена Луи еще до того, как Гийом с Толстяком привезли приказ маршала продержаться. Они и стали ядром маленькой армии Луи, которой пока везло. Арцийцы уже неделю успешно кусали Годоя за пятки, всякий раз умело ускользая от удара. За это время сыну Эллари Арцийского удалось поднять и несколько гарнизонов лежащих в стороне от Новой Таянской дороги городов, в которых дотягивали лямку поседевшие и погрузневшие сподвижники его отца. Слух о том, что Луи с Матеем зовут «своих», заставил не одного ветерана вытащить из сундука ставший тесным мундир и отправиться на встречу со стервой-судьбой. Луи не успел оглянуться, как под наспех сшитыми знаменами с нарциссами и его личной сигной — золотой дракон на черном поле — собралось около восьми тысяч. Это было невероятно много и до невозможности мало.

Конечно, без Матея и Жака принц уже сложил бы свою красивую голову под каким-нибудь цветущим по случаю весны кустом, но ветераны знали, когда надо уходить, а когда держаться, и, глядя на них, Луи потихоньку начинал разбираться в военном деле. Смерти он не боялся, а вот не справиться, не дожидаться поддержки...

— Сколько отсюда до Кантиски? — он старался говорить спокойно.

— На день меньше, чем вчера, — Матей невесело усмехнулся, — Феликс придет, можешь быть уверен, и быстрее, чем это сделает он, не пришел бы и сам Датто. Но нам все равно не продержаться...

— Ты не ждешь Базилека? — лицо Луи было почти спокойным.

— Франциск пишет, что его с места не сдвинуть. Разве что Феликс предаст его анафеме и уведет с собой тех, кто захочет с ним пойти. Но нашим людям это, разумеется, знать не обязательно.

— Наверное, — принц вздохнул и, оглядев позиции, нарочито равнодушно обронил: — Как ты думаешь, скоро?

— Думаю, да, — Матей посмотрел на дорогу. — Главное, чтобы не побежали те, что слева...

— Тогда я пойду к ним?

— Иди, — махнул рукой Матей, — дело хорошее, — но когда принц, спешившись, легко зашагал к пикинерам, которым вскоре предстояло увидеть над собой оскаленные лошадиные морды и блестящих медью всадников, ветеран шумно вздохнул: — Парень быстро учится, очень быстро, но успеет ли он стать тем, кем должен... Эллари тоже прочили блестящее царствование.

2229 год от В.И.

1-й день месяца Медведя.

Эланд. Окрестности Идаконы

День выдался на редкость скверным, более похожим на позднюю осень, чем на весну. Даже небо и море казались какими-то грязными, а в придачу ко всему дул резкий, порывистый ветер, доведенный до бешенства упрямством облаков, никак не желающих разбегаться. Разумеется, всю свою досаду ветер выплеснул на тех, кто ему подвернулся. То есть на ни в чем не повинные деревья и на группу всадников, ехавших ходкой рысью вдоль кромки выброшенных на сушу водорослей. Бесконечная череда пустых пляжей с успехом заменяла дорогу, за которой следило само море, утрамбовывая влажный тяжелый песок.

Герике не повезло. Она оказалась в Эланде в самое неподходящее время. Ида разлилась широко и бестолково, и взгляду открывалось огромное пространство, залитое мутной водой, по которой гуляла холодная зыбь. Кое-где из воды торчали замерзшие уродливые, скрюченные деревья, вздымавшие к низкому тяжелому небу облепленные старыми грачиными гнездами и клубками омелы ветви, которые раскачивал резкий мокрый ветер.

— Трудно поверить, что и в это место иногда заходит радость, — заметил герцог Рене, останавливая лошадь у кромки воды, — паводок только еще начинается, клянусь честью, завтра здесь будут гулять не лошади, а рыбы.

Герика не ответила, она не знала, что отвечать. Было очевидно, что Рене пригласил ее на прогулку не для того, чтобы рассуждать о паводке. При первой встрече, на которой, кроме адмирала, был и Шандер, она повторила свою байку про святого отшельника и была отпущена отдыхать. Женщина была так измотана, что тут же воспользовалась этим разрешением и, наскоро приведя себя в порядок, уснула, едва коснувшись щекой подушки. Рене, зашедший спустя несколько ор узнать, как устроилась гостья, не велел ее будить. Потрепав по голове разлегшегося на пороге Преданного, герцог попросил приставленную к тарскийке солидную добродушную камеристку передать госпоже приглашение проехаться верхом. Но нахлынувшие дела и затянувшееся действительное или мнимое нездоровье гостьи оттянули эту встречу на несколько дней.

Наконец Герика решилась, и Рене немедленно велел седлать лошадей. Конечно, и он, и она помнили о том, что когда-то было между ними, но никто из любопытных, высыпавших во двор в надежде посмотреть на дочь Годоя, этого не заметил. Герцог был вежлив и обходителен, вдовствующая королева спокойна и слегка печальна. Женщины нашли ее достойной, мужчины — достаточно привлекательной, но и те и другие сошлись на том, что

бедняжке пришлось многое пережить и ее надо окружить заботой и участием. Герика же мало думала о том, какое впечатление произвела на обитателей Идаконы, ее мысли были полностью поглощены спутником, с видом величайшей почтительности ехавшим рядом.

Рене слегка придерживал коня, чтобы лошадка Герики опережала его вороного на голову. Следовавшая сзади охрана, как только они выбрались из города, приотстала, так что разговора этих двоих никто слышать не мог. Впрочем, разговора никакого и не было. До реки доехали молча.

— Хорошо, — наконец прервал молчание герцог, — поговорим о главном. О том, что нам нужно объясниться и решить, что делать дальше. Ты согласна?

— Да, конечно, — она ответила не раздумывая.

— Тогда расскажи мне, что случилось с тобой на самом деле. Ты уж прости, девочка, но я не верю в святого отшельника и его талисман.

— И правильно, что не верите, — Герика взглянула в голубые эльфийские глаза, но сразу же отвела взгляд, — я не хочу лгать вам, монсигнор. Но и сказать правду не могу. Вы мне не поверите.

— В жизни мало вещей, которые я считаю невероятными, и с каждым днем их становится все меньше. Ребенок погиб?

Она молчала довольно долго. Потом ответила вопросом на вопрос:

— Вы видели Романа?

— Нет, и не знаю, что с ним, — в голубых глазах мелькнуло удивление, — я так понимаю, что ты была с ним. Я видел Романа последний раз в месяц Собаки. Он тогда возвращался в Таяну за Маритой, я — в Эланд.

— Так откуда же вы знаете о ребенке?

— Оттуда, — находчиво ответил герцог, — теперь уже я боюсь, что ты мне не поверишь.

Эстель Оскора

Я себя ненавидела за эту ложь, но правду сказать было выше моих сил. Как просто казалось мне месяц назад выложить герцогу Аррою все, что со мной приключилось. И о том, что я должна была родить чудовище, и о том, что Роман его прикончил и, пока я жива, Белый Олень не может иметь потомства от другой женщины. Я собиралась рассказать о заговоре Эанке, о том, как ощутила в себе странную, чужую Силу и шутя справилась с самой сильной колдуньей Убежища, как под моим взглядом плавилась и превращалась в драгоценный аметист лесная рыжая земля, как я прогнала Гончих Тумана... Я хотела объяснить эландскому владыке, что не могу по своей воле вызывать Силу, но, когда та на меня накатывает, сохраняю свободу воли, и что я помогу ему.

Рене Аррой должен был знать, что я такое, потому что именно ему предстояло схватиться с моим отцом и вызванными им тварями. Пока я самим фактом своего существования защищала Тарру от возвращения Ройгу во всей его красе, но, когда Сила меня оставляла, я превращалась в обычную или почти обычную женщину. Да, капелька эльфийской крови, текущая в моих жилах, о чем мне поведал Астени, дала мне возможность овладеть зачатками эльфийской магии, но против той же Эанке мое умение было то же, что ножик для фруктов против шпаги. Впрочем, кое-что всегда лучше, чем ничего, совсем уж ни на что не годной я все же не была. И все равно, пока Ройгу не мог набрать полной силы, все решают мужчины с оружием в руках.

Интересно, если б у Гремихи нас догнал Олень, поднялась бы во мне Сила, смогла бы я выстоять в схватке с этой тварью? Думаю, нет. Я тогда была слишком слаба и очень напугана, а страх губит магию, многократно уменьшая Силу. Этот закон я открыла сама, продираясь по заснеженному лесу на северо-запад. Я слишком много думала этой одинокой зимой, и кое-что из придуманного могло пригодиться не только мне, но и Аррою, если бы...

Если бы я не влюбилась в Рене как кошка. Сразу и навсегда. Не знаю, где были раньше

мои глаза, ум, сердце, ведь я несколько месяцев прожила рядом с этим человеком, принадлежала ему, но ничего не чувствовала. Я любила Стефана? Но почему мое сердце этого не помнит? Почему, когда я встретила взглядом с герцогом, передо мной словно бы ударила молния?

Я готова была поклясться, что вижу его впервые! И вместе с тем я знала его. Знала его глаза, его голос, его руки. Помнила его жест, когда, успокаивая, он погладил меня, как глупую собаку. Да и он прекрасно помнил все, что и как было; для него я оставалась жалкой, нерешительной девчонкой, навязанной ему родственничками. Рене не мог меня не то что любить, даже уважать. Как же бы я посмела рассказать ему все, что со мной случилось?!

Если б он меня любил, он, возможно, смог бы смириться с тем, что я стала нелюдью. Теперь же герцог стал бы смотреть на меня, как на ядовитую змею. Я его не осуждала. На его месте я бы уж точно посадила подобную тварь в клетку, возможно, постаравшись сделать эту клетку удобной и незаметной, но это сути не меняло. А я хотела остаться для него человеком, женщиной, пусть и нелюбимой, а не Эстель Оскорой, от которой зависит слишком много, чтоб в ней можно увидеть что-то, кроме оружия.

И еще был Астени... Отныне я точно знала, что в моем отношении к нему любви не было, а были только благодарность и дружба. Но Аррой, тот ничего не понимал, не мог понять, а вот принц Лебедей как раз понимал все, ведь он и сам был магом, знал с разными силами. И он узнал меня уже после того, как Рамиэрль вернул меня с Серых равнин. Что-то смутно подсказывало мне, что магия Проклятого, смешавшись с магией эльфов и магией смерти, не только наделили меня Силой, но каким-то образом изменили мое естество. Я больше не была покорной овцой. Но как объяснишь это Рене? Если бы он встретился с Романом, тот, возможно, сумел бы рассказать все как есть. Но Роман был далеко. Астен погиб. А Рене, Рене спросил меня о ребенке! И я поняла, что он считает, что погибшая тварь была его сыном. То есть он ничего не знает! Ничегошеньки. И я солгала. Отвратительно, подло, низко. Это была полуправда, то есть худший вид лжи, потому что я позволила ему убедить самого себя.

Я подтвердила, что ребенок погиб, и замолчала. Все остальное дорисовало воображение Рене. Он даже попробовал меня успокоить обычным для мужчины способом. Лучше бы он этого не делал! Не знаю, как я вырвалась из его объятий, не будь мы верхом, герцог справился бы со мной шалая, но я умудрилась вовремя хлестнуть лошадь и поскакала к ожидавшим нас за поворотом воинам. Ветер свистел у меня в ушах, но не мог заглушить то отвращение, что я испытывала к себе.

Вот все и кончилось, не начавшись. Меня не хватило на то, чтобы сказать ему правду, потому что я любила его. Я вырвалась из его объятий, крикнув, что то, что было когда-то, больше не повторится, что я его ненавижу. Герцог, разумеется, за мной не поскакал. Зачем? Истеричная дура, которая ему никогда не была нужна. Он просто по-человечески хотел ее утешить в горе, естественном для любой матери, потерявшей ребенка. Она его оскорбила и удрала. Ну и Проклятый с ней! Так даже легче, что б он стал с ней делать здесь, в Эланде, при живой жене? А так все сложилось просто замечательно...

Рене присоединился к нам через десятинку, он был спокоен и вежлив. Я все же кое-что ему рассказала. Что Роман отвез меня в Убежище, а сам пошел на поиски Проклятого, что меня хотели убить, и Астен повел меня в Эланд. Что нас догнали, Астен погиб, а мне посчастливилось уйти и унести с собой эльфийский талисман, который и отогнал Охоту. Эта ложь показалась мне удачной, так как я являлась хранительницей талисмана до возвращения Романа, а значит, если во мне разыграется Сила и я смогу что-то сделать, все спишется на подарок Астени. Разобраться в этом могут только маги, а их в Эланде не было. Если не считать десятка-полтора Печатных волшебников и меня.

**2229 год от В.И.
2-й день месяца Медведя.
Арция, Лагское поле**

— Думаю, идти дальше не стоит, — маршал с удовлетворением оглядел широкое Лагское поле, — лучше не придумаешь!

— Если бы не тот холм, — Архипастырь с неодобрением махнул рукой в сторону Морского тракта, — если они в него вцепятся, их оттуда ложками не выскрести...

— Михай и так задержался, — откликнулся Ландей, — конечно, если б нападали мы, тогда эта горюшка была бы как кость в горле, но будь я проклят, если не заставлю их ползть первыми. Наше дело оборона. Их меньше, хоть они и злее. Пусть прорываются, пока не надоест.

— А ты уверен, — Феликс с сомнением оглянулся на расцвеченный множеством сигн отряд имперских знаменщиков, — что наши любезные нобили удержатся от искушения?

— Я их удержу, — огрызнулся маршал. — Будут ждать своей очереди, как миленькие. Бароны, это что... Вот от Марциала действительно любой пакости ждать можно. Он меня раскусил, так что теперь держи ухо востро...

— Раскусил?

— Да. Я как-никак маршал Арции. Идет война, так что изображать из себя придурка я, знаешь ли, больше не могу. Ну да ладно, сначала разобьем Михая, Марциал с его братцем подождут! Не до них сейчас, тем паче этот «проти-и-ивный», — Ландей попробовал придать своему рыку сюсюкающую игривость, — повел себя на удивление прилично... Даже по морде Бернару залепил при всей гвардии.

— И все же я на твоём месте спровадил бы его куда подальше. Резервом командовать, что ли. Да и приставить к нему кого-нибудь на всякий случай не мешает. Мальвани не подошел еще?

— В паре диа. Проклятые дожди его задержали... Над Лисьими горами целое море вылилось. Ни пройти, ни проехать... Хотя почему проклятые? Если б не это, Годой давно был бы у Мунта... Странные эти дожди, кстати, были. Фронтеру и Нижнюю развезло, а южнее ни облачка, все на корню сохнет.

— Знаешь, Франсуа, — Архипастырь ласково потрепал по шее своего коня, — предоставь думать о чудесах моим клирикам, Проклятый их побери. Наше дело — война. Давай-ка лучше еще разок подумаем. Вроде бы все верно рассчитали, и все же...

— Ну, давай проверим еще раз.

Они проверили. Все было правильно. Арцийская армия была заметно больше, чем войско Годоя, хотя в ней изрядную часть составляли сельские и городские ополченцы, не слишком преуспевшие в воинской науке. Зато с артиллерией и мушкетерами у империи дела обстояли много лучше, чем у захватчика. Если бы против Арции стоял покойный король Марко или его старший сын, то несравненная таянская кавалерия уравнила бы шансы, но маршал знал, что уцелевшие «Серебряные» ушли в Эланд, да и оставшиеся кавалеристы вряд ли горят неистовым желанием сложить головы за узурпатора. Нет, в том, что касается артиллерии и конницы, арцийцы впереди. Беспокоила пехота. Эти самые гоблины, о которых приходилось судить по письмам Максимилиана.

Франциск помнил, что при Анхеле Светлом именно пехота добывала победу, другое дело, что теперь чванливые бароны предпочитали держать кавалерию...

— Вся беда в том, что мы давно не воевали по-настоящему, — проворчал маршал.

— Так ведь и Годой не воевал, — отозвался Архипастырь.

— Ты уверен, — для Франциска Феликс, какие бы одежды он сейчас ни носил, оставался другом юности, от которого можно не таиться, — что все будет решать оружие? Я о том, что пишет Матей.

— Мне кажется, да. Во всяком случае, эти дожди, если в них и было что-то странное, помогли нам, а не им.

— Так-то оно так, но все равно как-то не по себе.

Феликс промолчал, не признаваясь же, что и у него на сердце лежит большая холодная жаба. Хуже нет, чем делиться перед боем дурными предчувствиями. И что это нашло на

Франсуа?

— Сам не знаю, что на меня нашло, — пробормотал маршал, — старею, что ли...

Неприятный и непонятный разговор был прерван Ласли, сообщившим, что из выдвигающегося в направлении Морской дороги авангарда доносят: впереди идет бой.

— Неужели все-таки Мальвани? — быстро переспросил Феликс.

— Не похоже. Думаю, Матей.

— Против целой армии? Он не самоубийца.

— Правильно. Поэтому они до сих пор и живы. Что ж, воспользуемся подарком судьбы. Авангард поддержит сражающихся. Чтоб до завтрашнего утра ноги Годоя здесь не было. А мы пока укрепим вон ту высоту. Пригодится...

2229 год от В.И.

Ночь с 3-го на 4-й день месяца Медведя.

Арция. Лагское поле

— Ты все понял? — времена, когда подобный вопрос в устах Матея вызывал у Луи желание схватиться за шпагу, давно канули в Лету. Принц с удовольствием развернул карту и со страстью отлично знающего урок студиязуса принялся рассказывать.

— Вот здесь, на холме, у нас укрепленный лагерь с самыми большими пушками и самыми глупыми ополченцами, подкрепленными мушкетерами и конным полком «Ловцов Жемчуга», а за лагерем в овраге находятся резервы под командованием этой сволочи Марциала. Они вступят в битву после того, как Годой прорвет, если прорвет, вторую и первую линии обороны.

— Лучше бы до этого не дошло, — проворчал Матей, — лично я думаю, паршивец увязнет во второй, ну да береженого и Судьба бережет.

— А береженный конь первым с копыт и валится, — дерзко потряхнул темно-каштановой головой принц, но злости и раздражения в его голосе не слышалось. Скорее желание слегка поддразнить, но Матей в пикировку не вступил.

— Ты лучше скажи, кто начинает.

— Начинают они, — охотно ответил Луи, — а мы будем в обороне, пока они не начнут выдыхаться.

— И запомни — вперед пойдем только по приказу!

— Да запомнил я, это уже и сорока бы затвердила, — в голосе единственного потомка Эллари на мгновение мелькнула прежняя задиристость, но он быстро справился с собой и, чтоб не продолжать неприятную тему, зачастил: — На передней линии у нас мушкетеры и легкая артиллерия, которые должны встретить атакующих прицельным огнем. Скорее всего те также начнут с перестрелки, но потом пустят вперед пехоту, чтобы сломать нашу оборону. Тут главное, как ты и сказал, устоять. «Гончие Арции», «Райские Птицы» и «Старые Быки» стоят справа за второй линией, а слева — бароны и тому подобные графы. Да, в центре второй линии стоят ополченцы, слева наемная пехота, но без Марциала, а на правом фланге — церковники. Тарскийцы попытаются взломать нашу оборону, которая начнет подаваться в центре.

— Ландей устроит все в лучшем виде, — подтвердил ветеран.

— Нужно добиться, чтоб Годой бросил в бой таянскую кавалерию, думая, что наступает переломный момент. Тогда маршал резко отойдет вправо, где за перелеском можно спокойно перестроиться, а таянцы окажутся под обстрелом из лагеря. В это время с двух сторон нанесет удар регулярная кавалерия, и маршал спустит с цепи наших дорогих графов с их конными дружинами, которые большей частью будут ждать в лесу. Правильно?

— Правильно, — подтвердил Матей. — А что делаем мы?

— А мы стоим на этом дурацком пригорке и прикрываем южан, вместо того чтобы драться, — ворчливо сообщил принц.

— Не волнуйся, — отрезал его собеседник, — драки на твой век хватит. Только помни,

что, если убьют меня, убьют только меня, а вот попав в тебя, попадут во всю Арцию.

— Глупости, — отмахнулся принц, — ничего с нами не будет. И вообще, пришло время спросить с них за Лошадки...

— Ты, я вижу, решил мстить по всем правилам, — ветеран кивнул на розовую девичью ленту, повязанную на эфес шпаги.

— Да, — коротко кивнул Луи, — по всем правилам и до конца.

2229 год от В.И.

Ночь с 3-го на 4-й день месяца Медведя.

Арция. Лагское поле

Было жарко и душно, и граф Койла никак не мог заснуть. Впрочем, дело скорее всего было не в жаре и не в первых в этом году комарах, а в кошмаре, в который превратилась жизнь арцийца. Он прекрасно осознавал, что делает, но проклятое тело ему не подчинялось, исполняя все прихоти Михая Годоя. Регент превратил графа в любимую игрушку, с которой делился своими планами, смаковал вещи, о которых Фредерик предпочел бы забыть, а иногда, находясь в особенно игривом настроении, заставлял графа проделывать то, чему бы Фредерик с восторгом предпочел смерть. Увы! Умереть он не мог и был вынужден каждый день развлекать своего мучителя. Клирик Трефиллий, оказавшийся в таком же положении, забавлял тарскийского мерзавца намного меньше, хотя иногда Михай требовал к себе и его, заставляя совершать по очереди те перечисленные Церковью грехи, на которые старик был еще способен. Впрочем, тот, похоже, воспринимал свое положение чуть ли не с удовольствием, что только укрепило Койлу во мнении, что святые отцы в мыслях, а иногда не только в мыслях, не прочь согрешить. Самого же Фредерика Койлу его положение угнетало еще и потому, что он искренне любил Арцию. Особенно мучительным было знать о замыслах Годоя, но не иметь возможности что-то предпринять. Завтра будет бой, и он, Фредерик, мог бы оказать неоценимую услугу маршалу Ландею, рассказав о вражеской армии. А вместо этого он будет гарцевать на коне рядом с узурпатором с раз и навсегда приклеенной молодеческой улыбочкой.

Хорошо хоть, занятый какими-то своими делишками Годой сейчас его отпустил. Иногда регент уединялся даже от своих гоблинских охранников. Койла подозревал, что он занялся колдовской подготовкой к завтрашнему дню. Граф вздохнул, мысленно пожелав своему мучителю сломать наконец шею. Хотя проигрыш Годоя для него, Фредерика Койлы, означает смерть. То, чем он занимался в лагере регента, не утаить, да и как жить с таким грузом на совести. Интересно, тот парнишка... как, бишь, его звали, сын одного из фронтерских баронов. Удалось ли ему убежать? Граф очень рассчитывал, что да.

Полог палатки отдернулся, и внутрь просунулась голова гоблина. Граф узнал его — один из телохранителей регента и даже вроде какой-то их командир. Странно, но диковые горцы со своим волчьим оскалом и рысьими глазами в последнее время казались Койле куда менее отвратительными, чем многие люди.

Гоблин, убедившись, что граф один, вошел и заговорил на довольно правильном арцийском языке:

— Почему ты тут? Твой император сражается, ты должен быть там.

— Как? — с горечью отозвался арциец. — Годой не отпускает меня.

— Уходи, — посоветовал гоблин, — сейчас все готовятся к бою. За тобой никто не следит.

— Но... — граф осекся на полуслове: он ответил гоблину не задумываясь. И язык послушался его, хотя должен был выговорить что-то вроде того, что он счастлив находиться рядом с Великим Годоем.

— Что? — руки графа начали трястись. — Что?! Я свободен? Я могу идти? Меня отпускают?

— Знаю, — неожиданно сочувственно вздохнул гоблин, — господарь водил тебя на

незримой цепи. Торопись. Когда он занят тайным делом, он отпускает тех, кого держит. Иначе ему не хватит сил на то, что он делает...

Как же он сам не догадался! Годой не может все время думать о нем, у него есть и другие дела. Это он сам вбил себе в голову, что побег невозможен, а на деле можно было бежать десятки раз, когда регент бывал занят. Койла торопливо набросил плащ. Скорее отсюда! У него будет возможность честно погибнуть в бою, а может быть, он даже найдет, кому излить душу. Говорят, новый Архипастырь — мудрый человек и многое повидавший. Он поймет... Если удастся выжить, то, когда все кончится, можно вступить в эрастианское братство...

Гоблин смотрел на Койлу загадочными раскосыми глазами, и граф, сам не понимая почему, протянул руку, которую тот охотно пожал. Выскользнув из палатки, Койла, внутренне холодея, направился к коновязи, где мирно стоял его жеребец. Его не задержали. Видимо, Годой был уверен, что окончательно сломил волю своей жертвы. Ну, мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Граф решительно вставил ногу в стремя. Главное, не подавать виду, что происходит нечто необычное, ведь его столько раз видели рядом с регентом...

**2229 год от В.И.
4-й день месяца Медведя.
Арция. Лагское поле**

Кто раньше поднес фитиль к запалу — арцийский мушкетер или тарскийский, — никто не заметил. Прогремел первый выстрел, и сразу же загрохотали мушкеты и легкие пушки по всей первой линии. Синий, остро пахнущий пороховой дым поднимался вверх, сменяя отползающую в овраги предутреннюю мглу. Туман еще клубился над речкой Дагой, когда пять колонн гоблинов двинулись вперед. У горцев был свой обычай — самыми защищенными в бою должны быть знаменосец, воыльщик с двумя барабанщиками и полковник. Пока звучит боевая музыка, развевается знамя клана и отдаются приказы, воин уверен в победе. Впереди же идут молодые, которые должны доказать на деле свое право распоряжаться чужими жизнями, для чего нужно научиться рисковать своей.

Гоблины не сражались давно, очень давно, но традиции жили, обретая почти мистическое значение. Горцы рвались в бой, исполненные надежды на возвращение былого величия и былых обычаев. Сомнения, которые обуревали некоторых во время вынужденного бездействия, вызванного разливом Кадены, забылись. Гоблины шли в бой весело и уверенно, как на долгожданный праздник. Их задача была предельно простой и понятной. Уррик несказанно завидовал тем, кто маршировал в колоннах. С какой радостью и он шагал бы плечом к плечу с соплеменниками под огнем вражеских мушкетов, очистив голову от неприятных и грешных мыслей. Но нет, его место при персоне регента, каковой, разряженный, как на праздник, весь в черном бархате и алой атэвской парче сидел на крупном вороном жеребце в окружении своих сигурантов.

Графа Фредерика Койлы среди них не было, и Уррик про себя порадовался за арцийца. Тот нравился гоблину, и ему было невыносимо видеть, что творит с ним заклятие Михая. Может быть, лейтенант пад Рокэ и не принял бы несчастье графа столь близко к сердцу, если бы не знакомство с Шандером. Только «Серебряный» оказался крепче духом, чем арцийский аристократ, и устоял, а того сломали. Не подсажи Уррик бедняге, что, когда Годой занят волшбой, ему не до «взнузданных», граф и не догадался бы уйти. Конечно, если судьба сведет их на поле боя, Уррик выполнит свой долг, но издевательств над пленными он не одобряет. Нет, он поступил совершенно правильно!

У гоблинов зрение лучше, чем у людей. Михая Годой подали позолоченный окуляр, позволяющий видеть картину боя, а Уррик и так видел, как тарскийские стрелки ловко расступились, пропуская колонны гоблинов, и те пошли вперед, но, попав под залповый огонь арцийских мушкетеров и легкой артиллерии первой линии, остановились и начали

медленно отходить. Уррик ожидал, что арцийцы немедленно разовьют свой успех, но те продолжали стрелять, пока противник не отошел на сравнительно безопасное расстояние. После чего одновременно, видимо по команде, прекратили огонь.

Лейтенант взглянул на Годоя, который с непроницаемым видом сжимал затянутой в перчатку рукой окуляр. Уррик пад Рокэ понимал, что его соплеменники никогда не повернули бы, если б не было приказа. Молодой горец не был великим полководцем, предпочитая всяческим тактическим тонкостям схватку один на один, но замысел Михая был очевиден, тот хотел, чтобы нападали арцийцы. Арцийский же полководец, судя по всему, придерживался прямо противоположной точки зрения. Уррик вспомнил, что Фредерик Койла отзывался о маршале Ландее как о смелом и славном, но недалеком человеке. Видимо, граф ошибался и маршал был не так прост. Во всяком случае, в первую из расставленных ловушек он не попался.

Мушкетеры в красно-черном вновь заняли исходные позиции, и возобновилась мушкетная и артиллерийская дуэль. Солнце припекало все сильнее, на небе не было ни облачка. Обе стороны выпускали в белый свет пулю за пулей, и больше не происходило ничего. Разве что Михай Годой слез со своего коня и устроился в специально принесенном кресле, созерцая с вышины укрепленного за ночь холма творящееся на поле. Так продолжалось почти две оры, наконец регент лениво махнул рукой, приказывая повторить наступление, и снова колонны, печатая шаг, двинулись вперед под бравое гудение волюнок. Снова стрелки отошли, чтобы не путаться под ногами. Снова арцийцы открыли огонь, но на этот раз гоблины перли вперед, несмотря на то что пули и ядра то и дело выхватывали из их рядов то одного, то сразу нескольких. Когда расстояние между атакующими сократилось настолько, что командиры свистнули приказ «Бегом!», арцийские стрелки проделали то же самое, что и тарскийцы. Они расступились и отошли в стороны и вбок, а перед нападающими встала арцийская пехота.

**2229 год от В.И.
4-й день месяца Медведя.
Арция. Лагское поле**

— Монсигнор, идут! — лихо козырнул молодой гвардеец.

— Хорошо, — кивнул седеющей головой маршал Ландей.

И это действительно было хорошо, потому что, когда неприятель делает именно то, чего ты от него ожидаешь, это половина победы.

Франциск че Ландей в парадной форме, которая в последнее время стала казаться маршалу слишком узкой, сидел на барабане в тени одинокой сосны, то ли кем-то посаженной, то ли случайно выросшей на небольшом холмике, расположенном как раз по центру арцийских позиций. Холмик этот словно бы самой природой был предназначен для командного пункта. Впрочем, все Лагское поле представляло собой почти идеальное место для генерального сражения. Правда, маршала немного беспокоила возвышенность на противоположной стороне поля, но уж тут ничего не поделаешь. Даже если на том холме Годой поставил свои тяжелые пушки (а они у него были — граф Койла даже сказал сколько. Шестьдесят орудий, из которых в утренней перестрелке принимало участие не более десятка), они не принесут никакого вреда, если к ним не приближаться. Да, а гоблины, или как их там, опять отходят, даже, можно сказать, бегут. И красно-черные мушкетеры тоже удирают...

— Монсигнор, — молодой воин в красно-синих цветах одного из южных графов (еще бы вспомнить какого) с горящими глазами уставился на маршала. — Его Сиятельство просит разрешения атаковать.

— Стоять, — рявкнул маршал, — стоять на месте и ждать приказа. Того, кто сунется в драку раньше времени, расстреляю, будь он хоть принц. Понял?

Мальчишка, обиженно поджав губы, козырнул и помчался к своему графу, про себя

ругая разжиревшего тугодума последними словами. Впрочем, спровадить его было куда проще, чем отвязаться от Жерома. Вице-маршал, нацепивший на себя целый арсенал, был настроен весьма решительно и намеревался примерно наказать «этих дикарей», посмевших замахнуться на империю. Для Жерома было совершенно очевидно, что атакующие сломлены и деморализованы и теперь самое время их добить, пустив на них тяжелую конницу. Жером страстно размахивал руками перед носом у маршала и требовал поручить ему командовать атакой.

Франциск обещал, но сообщил при этом, что раньше третьей или четвертой оры пополудни конница с места не тронется. Жером открыл рот и сразу же его закрыл, так как началась третья атака. Враги пятью колоннами снова двинулись вперед. Маршал уже понял, что Годой бросает в бой, отводит и снова бросает одни и те же части. В общем-то это было правильно, если бы хоть раз дошло до нормальной схватки. Но нет! Гоблины только слегка наседали на арцийцев, а потом, словно бы дрогнув, быстро отходили. В том, что они не боятся, Ландей был уверен. Он достаточно долго проговорил с Фредериком и вполне представлял характер этих неукротимых бойцов. Отходили они потому, что им приказали. Это была не атака, а демонстрация атаки. Враг не лез вперед, как следовало ожидать, а словно бы исполнял ритуальный танец-шествие: шаг вперед, поклон, шаг назад...

Маршал пытался понять, что все это значит. Гоблинской пехоты у Годоя около сорока тысяч, и вся она сейчас, похоже, в деле. Гоблины — это живой таран, способный разрушить любую полевую оборону, остановить их может либо стремительная атака тяжелой кавалерии, которая при этом поляжет и сама, либо бьющие в упор пушки. Годой же использует эту силу как легких стрелков, беспокоящих первые линии обороняющихся. Зачем? Он идиот? Ни в коем случае, это Жером у нас идиот. И Базилек идиот, но никак не тарскийский господарь. Имитирует атаку в центре, а сам ударит в другом месте? Маловероятно. Что у него в запасе, кроме гоблинской пехоты? Двенадцать тысяч тарскийских пикинеров и мушкетеров, чья пробивная сила далеко не так велика, как у горцев, и к тому же Годой не пошлет их в мясорубку. Таянские всадники? Сколько их осталось при регенте? Койла говорит, что десять тысяч тяжелой кавалерии у мерзавца есть. Это все еще серьезно, но арцийские позиции с флангов прикрывают леса и довольно глубокий овраг, а с тыла — укрепленный лагерь. Нет, флангового удара кавалерии можно не опасаться, тем более со стороны, не прикрытой оврагом, он поставил отряд Луи. Правда, сделал он это главным образом, чтобы вывести принца за пределы ожидаемой кучи-малы, но при этом все было честно. Эта вершинка, увенчанная грудой валунов, главенствовала над довольно большой частью поля и нуждалась в обороне. К тому же на всякий случай в лесу стоят четыре тысячи Марциала, а проследить за опушкой леса этот любитель белокурых корнетов в состоянии.

Да, так что у Годоя еще в резерве? Полсотни орудий и тысяч шесть мушкетеров... Похоже, тарскийский господарь, видно, выгреб все арсеналы Гелани...

— Монсигнор!

— Вижу, — Ландей, по старинке прикрыв глаза от солнца рукой: не терпел этих новомодных окуляров, да и усиливающаяся дальностьзоркость позволяла обходиться без них, воззрился на поле. Все шло как по писаному. Гоблины, устрашающе ошестинясь пиками и изредка постреливая из мушкетов, пошли в очередную, четвертую по счету атаку. На сей раз они, видимо, решили взяться за дело всерьез, несмотря на сильный огонь, и решительно поперли в лоб имперским пехотинцам и... после короткой схватки снова откатились назад, хотя было очевидно, что в ближнем бою они куда сильнее ополченцев. Зная это, маршал и расставил второй эшелон именно так, чтобы враги «пробили» брешь в рядах ополчения и, устремившись в нее, выскочили прямо под пушки. А враг, вместо того чтобы развить наметившийся успех, предпочитает плясать какую-то бессмысленную кадрили, без толку выматывая лучшую часть своей пехоты.

— Монсигнор, — Жером по-прежнему рвался в бой. — Монсигнор! Их ряды расстроены. Они отступают! Прикажете атаковать!

— Нет, — огрызнулся маршал, ведь мелькнула же какая-то мысль, когда этот осел его отвлек.

— Они что, с ума посходили? — проворчал Кривой Жиль, пытаясь меж клубами дыма рассмотреть, что происходит. — Бегают туда-сюда под огнем, словно ищут, где бы их расколотили...

Словно ищут? Вот оно! Ландей чуть не закричал. Он все понял! Да тут и понимать было нечего. Они с Годоем поставили друг другу одну и ту же ловушку! Годой рассчитывал, что гордые имперцы не усомнятся в том, что дикари бегут, и бросятся за ними, прямо под пушки большого холма! «Не выйдет! Вы пришли, а не мы. Вам надо идти вперед, а мы будем стоять здесь хоть до осени, тем паче через два-три дня подойдет Сезар, который отрежет Годоя и от дороги на Гверганду, и от Фронтеры. И вот тогда сначала попляшет узурпатор, а потом Базилек!»

— Монсигнор, они бегут!!! Пора!

— Только через мой труп, — Франциск же Ландей поднялся со своего барабана и подошел к аюдантам. — Наступать будем только по моему сигналу. Не раньше, иначе голову отверну. Поняли? — Маршал еще раз оглядел поле боя. Теперь он был спокоен, так как был уверен в своей правоте и в конечной победе. Хотя, конечно, жаль, что он не догадался оставить рядом с собой того же Добори или Матея — нет, один нужен Феликсу, а другой должен держать под уздцы Луи. Ну, тогда хоть барона Шаду, словом, кого-то из друзей юности, с которыми можно быть откровенным. Не с Жеромом же говорить, а Жиль, Жиль старый верный товарищ, но в стратегии разбирается не лучше быка. Он бы уж точно всеми четырьмя ногами угодил в расставленный капкан.

Маршал смотрел на поле и не заметил поднявшегося на холм графа Койлу. А хоть бы и заметил — тот не был прикреплен ни к какому отряду и мог болтаться, где его душе угодно. Ландей досадовал на Федерика, ставшего одним из доверенных людей канцлера. Но, с другой стороны, тот был сыном одного из приятелей юности маршала. И, хоть из парня гвардеец не получился, он очень неплохо фехтовал, да и вообще дураком не был, а то, что он рассказал о тарскийцах, пригодилось очень и очень. Побывав в лапах у Годоя, Койла, похоже, научился уму-разуму, а уж в его ненависти к регенту усомниться было невозможно. И все равно маршал с облегчением спровадил графа к Марциалу, с которым тот был весьма дружен и ранее. Поговаривали даже, что братец Бернара несколько раз предлагал Койле перевести эту дружбу в несколько иную плоскость, но тут граф, принадлежавшей к когорте величайших юбочников, был непоколебим.

Вице-маршал Жером, томящийся от безделья и желания броситься в настоящий бой на белом коне, Койлу не только увидел, но и радостно приветствовал, немедленно пожаловавшись ему на медлительность и нерешительность маршала. Граф выслушал, как-то странно улыбаясь. Затем, все с той же улыбкой, подошел сзади к Ландею и выстрелил в него в упор из инкрустированного слоновой костью пистоля атэвской работы.

Смертельно раненный маршал медленно осел на землю. Жизнь же графа Койлы прервал выстрел Кривого Жилия. Затем трое или четверо аюдантов для верности несколько раз проткнули тело убийцы шпагами, и никто не снизошел до того, чтобы закрыть ему глаза, в которых навсегда застыли ужас и мука.

Кривой Жиль поддерживал голову Ландея, кто-то вопил, кто-то бегал в поисках как назло куда-то запропадившегося медикуса, а принявший командование вице-маршал Жером садился на белого коня и махал платком. Запела труба. Подхватила другая, отозвалась третья, земля задрожала от ударов тысяч копыт...

— Жиль, — Ландей говорил тихо, но отчетливо, — что это?

— Наши наступают, — ответил тот, глотая слезы, — все хорошо. Сейчас будет медикус.

— Останови их, — глаза Франциска на мгновение вспыхнули прежним огнем, — немедленно останови... Нет... поздно... не успеть... Осел Жером... Это конец... Жиль, клянись, что спасешь Луи.

Глава 14

Эстель Оскора

Наконец-то в Идакону пришла настоящая весна. Разумеется, она не была первой в моей жизни, но такого буйного, отчаянного цветения я не видела никогда. Зелень скрылась в бело-розовом кипении садов, а луга и поляны казались золотыми от одуванчиков, лапчаток и других травок, названий которых я не знала. Если нам и на самом деле грозил конец света, то природа это, видимо, почуяла и напоследок бушевала, как могла, словно бы доказывая безумцам, что наш мир стоит того, чтобы драться за него до последнего.

Умом я, конечно, понимала, что это солнце и безоблачное небо приближают войну, что бесконечные дожди, размывающие дороги, сейчас были бы счастьем, но это умом, а душа моя захмелела от солнца и запаха цветущей черемухи, которая здесь росла повсюду, как в Тарске барбарис, а в Таяне жимолость и жасмин. Впрочем, наши мужчины на весеннюю приманку не клюнули. Они носились по Идаконе с озабоченными лицами, забывая то поесть, то поспать, или с таинственным видом запирались в Башне Альбатроса, или бренчали железом на оружейных площадках, где «Серебряные» учили эландцев пешему сухопутному бою.

Мне на этом мужском празднике жизни места не находилось. Нет, эландцы относились ко мне хорошо, но мне с ними было тяжело. Нужно было постоянно помнить, что я покорна, перепугана и оплакиваю принца Стефана. А это было противно. Во-первых, потому, что лгать тем, кто тебе верит и хочет помочь, отвратительно, а во-вторых, потому, что весна меня завертела и понесла, как весенний поток несет брошенную в него ветку. Я до безумия хотела жить, и я была по уши влюблена.

К счастью, Рене было не до меня, так что я пока еще не опозорилась окончательно. Хоть меня и разместили в герцогском дворце, хозяина я видела нечасто — он уходил и приходил затемно. Герцога проще было встретить в городе или в порту, когда он с неизменным белобрысым аюдантом мчался через две ступеньки вверх и вниз по бесконечным лестницам, заменяющим улицы в Скальном городе, тянущемся между портом, Башней Альбатроса и герцогским дворцом.

Если наши пути пересекались, Рене неизменно улыбался, махал рукой и тут же забывал обо мне. Я же в своем безумии дошла до того, что подобная мимолетная встреча заряжала меня радостью на целый день. Вот и сегодня, столкнувшись с Арроем и обменявшись с ним парой ничего не значащих фраз, я пребывала в самом радужном расположении духа... Все было чудесно, но вдруг в ноздри мне ударил запах дыма, нет, не дыма — дымов. Отвратительная вонь сгоревшего пороха мешалась с горьким запахом горящей вениссовой соломы⁸⁸ и лошадиного пота. Мне почудилось, что земля дрожит, словно где-то рядом несется тяжелая конница, сметая все на своем пути; в ушах бился крик тысяч человеческих и конских глоток, свист арбалетных болтов, редкие хлопки выстрелов. Все это было абсолютно реально, стоило зажмуриться, и я бы не усомнилась, что каким-то чудом оказалась в центре жестокой битвы. Но глаза твердили, что я по-прежнему оставалась в Идаконе на залитой солнцем площадке у Башни Альбатроса.

Деловито снующие вокруг маринеры, похоже, ничего не чувствовали, я же, оглушенная накатившей на меня волной звуков и запахов, не справилась со своим лицом. Во всяком случае, кто-то высокий и темноглазый с удивлением на меня уставился, пришлось напустить

⁸⁸ Венисса — растение, напоминающее тростник, в Арции идет на крыши деревенских домов и набивку матрасов, так как отпугивает насекомых-паразитов. Дым горящей вениссы обладает характерным горьковатым запахом.

на себя самый равнодушный и безмятежный вид. Это мне удалось, тем более то, что на меня внезапно нахлынуло, столь же внезапно и отступило, оставив на душе горький осадок и убежденность, что случилось что-то очень плохое...

**2229 год от В.И.
4-й день месяца Медведя.
Арция. Лагское поле**

— Виват! — Луи вздыбил чалого, посылая приветствия. — Вперед! Бей их!

— Стоять! — зло оборвал принца граф Матей. — Что они делают! Что делают! Франсуа рехнулся на старости лет, что ли?! — ветеран с помертвевшим лицом возрился на несущуюся карьером арцийскую конницу. Улыбка медленно сбежала с лица Луи.

— Что-то не так?

— Все не так, — отрезал Матей, продолжавший закусив губу смотреть на поле.

В густом дыму было не так просто что-либо разобрать. Казалось очевидным, что маршал бросил в атаку стоящие по обе стороны укрепленного лагеря кавалерийские части, которые, смяв нерешительно топтавшиеся на месте заслоны тех фронтерских баронов, которые присоединились к Годю, лихо и беспорядочно помчались вперед.

— Но, — принц подъехал поближе, — разве ты сам не говорил, что маршал знает, когда и что делать.

— Говорил, — согласился Матей, не отрывая напряженного взгляда от откатившейся на северо-восток битвы, — но и коню ясно, что еще не время! Эти подлецы в колоннах далеко не выдохлись...

«Подлецы» действительно не выдохлись. Луи и Матей не могли видеть, как, достигнув помеченного условными знаками места, гоблины остановились, прекратив свое якобы беспорядочное отступление, и быстро перестроились в каре. Пять ошетилившихся пиками, изрыгающих огонь и стрелы живых крепостей встретили разогнавшихся арцийских всадников и устояли. Атака разбилась о незыблемо стоящих пехотинцев, как кажущаяся всепоглощающей морская волна разбивается о прибрежные скалы. К тому же колонны Годя, наступавшие с утра расходящимися лучами, отступая, сокращали расстояние между собой, стягиваясь к подножию укрепленного холма. Преследующие их с двух сторон кавалеристы не видели, да и не могли видеть, что, по сути, лезут в бутылку. Это должны были заметить с командного пункта, но там к этому времени оставался только изрубленный в капусту граф Федерик Койла. Почувствовавший себя вождем и героем Жером лихо мчался в бой под маршальской консигной, увлекая за собой жаждущих отомстить за Франциска Ландея и покрыть себя славой гвардейцев и дорвавшихся наконец до боя нобилей. Кривой Жиль и подчиненный ему отряд личной охраны маршала, отдав последние почести своему командиру, выдвигался поближе к холму, на котором стоял Луи.

Жиль был верным и честным, но никогда не блистал умом и понял последние слова Ландея слишком буквально. Он так и не догадался послать гонцов к Феликсу и Матею, оповестив их о смерти маршала и о том, что его консигной и жезлом завладел человек, которому нельзя было доверить даже командование полком. Не проверил Жиль и что творится в лагере, и чем занят Марциал, от которого, судя по всему, и явился убийца. Для любого мало-мальски искушенного в политике и стратегии человека было бы очевидным немедленно арестовать Марциала, остановить, хоть бы и пулей в спину, Жерома и передать командование Феликсу, Матею или Добори. Жиль же старательно, но медленно пробирался вперед через расстроенное неожиданной атакой собственной конницы расположение арцийских пехотинцев, с трудом сдерживая отчаянье. Он был слишком солдатом, чтобы позволить себе все бросить и предаться своему горю или, упаси святой Эрасти, послушаться приказа. Ему приказали охранять Луи, и он думал только об этом. А в это время арцийская кавалерия, сбившись в кучу и мешая друг другу, бестолково атаковала гоблинские построения, неся бешеные потери от бьющей с холма артиллерии и мушкетеров. А в это

время Марциал объяснял начальнику охраны арцийского лагеря, что ему приказано ввести своих людей внутрь ограждения. А в это время хоть и изрядно потускневшая с уходом «Серебряных» таянская кавалерия, спрятанная за холмом, ждала сигнала, чтобы ринуться вперед, мощными фланговыми ударами вынуждая арцийцев отступать по собственным следам, сменяя свою же пехоту и артиллерию...

**2229 год от В.И.
4-й день месяца Медведя.
Арция. Лагское поле**

Годой был доволен. Немыслимое напряжение последней недели наконец-то отступило, а ведь был момент, когда казалось, что битва проиграна. К счастью, ему все же удалось удержать Фредерика Койлу, хотя все висело на волоске. Одно дело забавляться подобным образом в замкнутом пространстве, когда ничего не отвлекает, твой «друг» находится в непосредственной близости, а за дверью стоят дюжие гоблины, всегда готовые схватить пленника, если тот, паче чаяния, сумеет вырваться. Куда труднее подчинять чужую волю на расстоянии, одновременно решая множество других задач. Нет, с Койлой ему решительно повезло. Граф был храбрым человеком, но муки совести и ужас перед содеянным сыграли с ним злую шутку, расчищая дорогу очередным заклятиям Михая. Регент отдавал себе отчет, что удержать на подобной сворке кого-то вроде Рене, Шандера или даже собственной жены он бы не смог, даже если бы ему и удалось подчинить их на какое-то время. Что ж, умение выбрать самое слабое звено в чужой цепи всегда было главным и в политике, и в военном деле.

Годой поднял окуляр, с удовольствием наблюдая, как разгоряченные арцийцы, неся чудовищные потери, раз за разом бросались на гоблинские каре. Все было готово, оставалось дожидаться вестей от Марциала. Михай искренне сожалел, что был вынужден сговариваться с таким изумительным подонком не лично, а через ныне уже покойного графа Койлу.

Не забыть бы потом объяснить арцийским нобилям, что Фредерик, свято уверовавший в Арцию от Последних гор до Сельдяного моря, пошел во имя великой цели на мученическую смерть. Это даст тем, кто почитает себя порядочным, уговорить собственную совесть. Впрочем, с арцийцами после сегодняшнего вряд ли возникнут сложности. Самые упрямые и тупоголовые останутся на Лагском поле, а остальные легко и непринужденно переметнутся к победителю, буде этот победитель позволит им это сделать.

— Ваше Величество! — среди тарскийцев с самого начала похода действовал строжайший приказ именовать регента только так. — Гонец от герцога Марциала. Лагерь взят.

— Хорошо, — почти равнодушно кивнул регент и взмахнул черным платком с алой каймой. — Кавалерия! Пошла!

**2229 год от В.И.
4-й день месяца Медведя.
Арция. Лагское поле**

— Проклятье! — возглас, столь неуместный в устах Архипастыря, никого не удивил. Не до того было. Тяжелая арцийская конница, зажата между двумя крыльями все еще непревзойденной таянской кавалерии, побежала, сменяя собственных мушкетеров, с ходу врзалась в запаниковавших ополченцев, пронеслась через них, оставив на поле сотни затоптанных, и нарвалась на кинжальный огонь пушек, еще ору назад бывших своими. В адской круговерти взлетали на дыбы и заваливались на спину кони, кричали и ругались сброшенные на землю всадники, стонали раненые, а те, кто еще был в седле, налетали друг на друга и, не в силах удержать обезумевших коней, проносились по телам своих же товарищей.

Паника и лагерные пушки делали свое дело, превращая гордых воинов в стадо обезумевших страдающих животных. Ополченцы, те и вовсе, потеряв голову, побросали оружие. То, что творилось на Лагском поле, не могло привидеться и в кошмарном сне. Но и этого было мало. Годой, дождавшись своего звездного часа, вновь двинул в бой колонны гоблинов. Феликс видел, как, чеканя шаг, горцы не слишком быстро, но неотвратимо шли вперед, с явным намерением проутюжить поле, ломая последние очаги сопротивления, а вражеская кавалерия тем временем рвалась отрезать арцийцев от спасительной Святой дороги. Но на пути у них встало Церковное воинство.

Феликс не зря читал старые трактаты по воинскому искусству, коротая бессонные ночи не в молитве, а в воображаемых сражениях, представляя своим противником то Анхеля Светлого, то самого великого Воля, переигрывая по десятку раз знаменитейшие битвы прошлого, выискивая, где ошиблись проигравшие и как добились своего победители. Может быть, такое развлечение и не было богоугодным, но в этот окаянный день оно спасло тысячи жизней.

Еще до того, как расстроенная и обескураженная арцийская кавалерия понеслась назад, сметая все на своем пути, Феликс, предвидя это, быстро и четко оттянул свои полки к лесу и без потерь пропустил бегущую конницу. Затем Церковное войско стремительно вернулось на исходные позиции, на ходу перестроившись в ошетинившийся со всех сторон копьями треугольник, обращенный углом к противнику. Это было сделано вовремя. Таянцы, преследовавшие разбитую кавалерию, налетели на стоявших насмерть пехотинцев, всю зиму только и делавших, что учившихся отбивать конные атаки.

Сверкающая на солнце лавина всадников наскочила на четыре Кантисских полка и отлетела назад. Тарскийцы снова разогнали коней и опять были отброшены. Действующие под прикрытием пикинеров, разделенные на три очереди мушкетеры ни на минуту не ослабляли огонь. Пока одни целились, другие стреляли и быстро отходили назад, уступая место только что перезарядившим свои мушкеты. Не отставали и арбалетчики, выстрелы которых хоть и не пугали лошадей, зато отличались большой точностью.

В самом центре треугольника стоял личный резерв Его Святейшества, разбитый на десятки, каждый из которых в любую секунду был готов закрыть брешь, буде таковая образуется.

Вскоре перед кантисцами возникло подобие вала из мертвых и умирающих коней и всадников, что упрочило позиции обороняющихся, так как подлететь к ним на всем скаку стало невозможно. Кавалеристам приходилось придерживать лошадей, выискивая, куда бы можно было их послать. А мушкеты и арбалеты били и били...

После четвертой атаки всадники рассудили, что ломать шеи и подставлять грудь под пробивающие кирасы пули не столь весело, как топтать убегающих, и резко отвернули в сторону. Архипастырь шумно вздохнул и, вместо того чтоб осенить себя знаменем Творца, потребовал вина. К нему со всех сторон протянулось несколько фляжек, и Феликс неожиданно для самого себя рассмеялся, хотя повода для этого не было и быть не могло. Их местный успех тонул в общей катастрофе. Бывший рыцарь посмотрел на небо. Зимой в эту ору на землю уже спустились бы спасительные сумерки, но сейчас до вечера было безумно далеко.

Архипастырь не обманывал себя. Михай Годой показал себя блестящим стратегом. Конечно, военная история знавала и более дерзкие и неожиданные замыслы, но настоящий бой отличается от эрмета. Здесь ценится не изящество решения, а конечный результат. Узурпатор своего добился. Арцийская армия практически уничтожена, это очевидно. Скоро Михай получит донесения о том, что творится на поле, и наверняка прикажет добить самых упрямых.

Феликс скрипнул зубами от горечи и бессилия. Если б так, как они, сражалась хотя бы треть арцийцев, если бы эти конные идиоты не расстроили собственные ряды, если бы... Впрочем, чего толку сожалеть о том, что уже произошло. Надо думать, что делать дальше.

Его Святейшество постарался представить себе поле боя целиком. Они все еще

удерживают правый фланг, но центр продавлен, как гнилой арбуз. Что творилось слева, Феликс не знал. Что же делать? Немедленно отходить на Кантиску? Ни в коем случае! Их позиция, нечаянно укрепленная трупами противников, сейчас предпочтительнее. Если сняться с места дотемна, их погонят по дороге, как скот на бойню, и на их плечах ворвутся в Святую область. Нет, придется стоять до конца и, конечно же, выяснить, что творится в других местах...

— Рафал! — молодой офицер, после своего похода в Пантану ходивший с каким-то просветленно-отрешенным лицом, что не мешало ему блестяще исполнять свои обязанности, вытянулся в струнку. — Возьми десять человек и разведай, как дела. Всех, кого встретите и кто не наложил в штаны, гнать сюда. Раненых и перетрусивших заворачивать на Святую дорогу. Пусть уходят. В Мунт идти нечего, считай, он уже взят...

— Слушаюсь!

— Ласло! Пять сотен группами по десять. От наших тылов полукругом до вон того мостика. Перед мостиком сотню мушкетеров. Пока не разрушать!

— Слушаюсь!

Мостик честно отработал свое помилование. Не прошло и оры, как по нему в полном порядке подошла баронская дружина. Утром она не показалась бы значительной, но после чудовищной резни, в которой poleg цвет арцийской конницы, эти семьсот с лишним хорошо вооруженных всадников казались сущим кладом. Феликс вздрогнул от радости, узнав сигну, которую упрямо вздымал крепкий паренек, ехавший впереди седого здоровяка. Из облака вздымается мужская рука с золотым мечом! Барон Шада! Товарищ по Авире! Сколько лет прошло...

Барон поседел и погрузнел, но остался все таким же — неторопливым и надежным. Он не ослушался приказа вице-маршала, но тронулся со своих позиций последним, а затем, оказавшись в тылу кавалерийской атаки, быстро перебросил свои пять сотен на правый фланг, решив не усугублять столпотворение. Когда же произошло то, что произошло, люди Шады не понеслись сломя голову по своим же следам, а еще больше забрали вправо, выехав на лесную опушку, и лихо ударили в бок коннице противника, хорошо напоив кровью свои клинки и выиграв пол-оры передышки для тех, кто был сзади. К счастью, там также оказался весьма толковый народ. В результате к барону Шаде пристал полк «Старых Быков» и несколько десятков кавалеристов из разных расстроенных дружин.

Оценив положение и узнав от пойманного за плечо беглеца, что в лагере орудуют тарскийцы, а левый фланг обойден вражеской кавалерией, Шада принял единственно верное решение и, по-прежнему держась правого края, повернул к Кантисскому тракту.

— Я знал, что из тебя поп, как из меня девственница, — хрипел барон сорванным в горячке боя голосом, — тебя б в центр, и позорища бы такого не случилось! А мерзавца этого своими руками пополам разорву...

— Какого мерзавца? — Феликс, окончательно махнув рукой на свой сан, отпил еще вина. — Не забывай, мы не знаем, что творится рядом!

— А там такое творится, что выть впору, — прохрипел исполин, — все их сволочное племя такое! Думали, от Бернара избавились, так Марциала нам подсудобили! В резерве его оставили, чтоб под ногами не путался, так он же всех и предал!

— Как предал? — в голосе Феликса зазвенел металл. Для себя Архипастырь объяснял катастрофу цепью ошибок и роковых случайностей, но предательство...

— Крыса эта голубая и предала! Гарнизон пропустил их, как своих, а под их прикрытием в лагерь тарскийцы вломились.

— Что ж, — Феликс говорил это скорее для себя, и его холодные, тяжелые слова казались куда страшнее вулканической ярости барона, — что ж, мы должны выжить хотя бы для того, чтобы покарать предателей...

Арция. Лагское поле

Луи, воспользовавшись передышкой, разодрал шейный платок и повязал его вокруг лба, чтобы пот, смешанный с кровью — проклятая ссадина опять принялась кровоточить, — не заливал глаза. Солнце, хоть и клонилось к западу, пекло немилосердно. Больше всего на свете хотелось пить, но до воды было так же далеко, как до Эланда. Принц оглядел свой поредевший отряд. Сотен восемь, не более, из которых добрая треть ранена, многие тяжело. Луи приложил руку к глазам и огляделся. Бой откатился далеко на юго-восток, там что-то горело, и мутные клубы дыма тянулись вверх к безжалостному солнцу. Проклятые гоблины перли вперед, не считаясь с потерями.

— На этот раз они, похоже, своего добьются, — Матей покачал лысой головой, показывая на зашевелившихся внизу таянских конников под тарскийскими консигнами. Ветеран, как и сам Луи, давным-давно расстался со своим шлемом — раскаленное железо было страшнее смерти, — что ж, мы сделали все, что могли, и посмотрел бы я на тех, кто сделал бы больше.

— Дядька Шарль, — принц сам не понял, как с его губ сорвалось детское прозвище, — мы сделаем больше, если останемся в живых. Нам надо прорываться к лесу.

— Ты командуешь, тебе и решать, но я тоже думаю, что умирать нам рановато. Я еще посмотрю, как кое-кого вздернут вверх ногами. Ладно, подниму всех, кто остался.

Луи кивнул, прикидывая расстояние до спасительного леса. Что ж, они могут проскочить, это всяко лучше, чем ждать смерти среди раскаленных валунов. Принц проверил шпагу и кинжал. Пистолы почти бесполезны, не заряжать же их на скаку, но на два выстрела хватит. Гайда тяжело дышала, вывалив язык, — жара допекала ее едва ли не больше всех. Луи потрепал собаку по меховому загривку, и та ответила дружелюбным ворчанием. Что ж, подружка, тебе тоже придется прорываться с боем...

Жани, один из сигурантов, с рукой на перевязи и обмотанной цветным шарфом головой, что делало его похожим на атэва, свесил голову вниз и вгляделся в таянцев.

— Сейчас попрут!

— Значит, так! Сталкиваем камни и скачем следом, пока те не пришли в себя. Наше дело добраться до леса, а там... Словом, как кому повезет.

— Правильно, — поддержал вернувшийся Матей, — не старайся убить одного врага сегодня, если выживешь, завтра прикончишь дюжину. Ну, помоги нам, святой Эрасти!

— Поможет, если мы поможем себе сами, — откликнулся Луи, которому вдруг стало легко и весело, как после кубка хорошего вина. — Все, давай...

Гигантские камни нехотя покидали насиженные местечки, но, очутившись на свободе, с грохотом понеслись вперед, наслаждаясь после веков неподвижности кратким неистовым бегом.

Атакующие, поднявшиеся почти на середину холма, ничего не успели предпринять, да и что они могли противопоставить обезумевшим каменным глыбам? Некоторых убило сразу, другим удалось увернуться, и они с ужасом бросились вниз, несколько людей и коней с переломанными ногами и спинами корчились на земле, крича от боли и ужаса. Наиболее смелые или сообразительные продолжали подниматься вверх, понимая, что от катящегося камня легче спастись, пока он еще не взял разгон и когда тебя не давит обезумевшая толпа. Таких, впрочем, было немного, и выдержка их не спасла — вслед за камнями вниз лавиной бросились всадники и пешие, воспользовавшиеся заминкой, чтобы смешаться с врагами, сделав таким образом бесполезными мушкеты и арбалеты.

Луи врубился в таянцев одним из первых. Конечно, окажись на их месте гоблины, арцийцам пришлось бы не сладко, но те, к счастью, отстали, сойдясь в смертельной схватке с отрядом Кривого Жилия. Таянцы же не горели желанием умирать за регента, так что людям Луи удалось прорваться сквозь ряды атакующих. Казалось, им улыбнулась удача, лес маячил в какой-то тысяче шагов, растерянные преследователи отнюдь не рвались в бой, но, к несчастью, на дороге показалась колонна мушкетеров — Годой перегруппировывал войска,

стягивая их в один кулак, чтобы покончить наконец с сопротивлением церковников.

Командир вновь прибывших быстро разобрался, что к чему. Он не собирался вступать в бой и даже надолго замедлять движение, но и оставлять за спиной большую вооруженную группу тоже не хотел, тарскийцы уже успели испытать на своей шкуре, что могут натворить враги, появляющиеся по ночам из лесов. Один из лучших офицеров Годоя не представлял, что судьба свела его как раз с теми, кто от самой Олецки не мытьем так катаньем затруднял их продвижение в глубь империи. Впрочем, мушкетеры и так действовали четко и слаженно. Первые номера опустили на одно колено, вторые встали у них за плечами, командир поднял руку, и началось избиение.

Залпы застали отступающих на полдороге к спасительной чаще, и им ничего не оставалось, как, не оглядываясь на упавших товарищей, продолжать безумный бег. Другого выхода просто не было, разве что бросить лошадей и залечь, но это лишь отсрочило бы конец. Луи увидел, как Матей рухнул вместе с конем, и ринулся к нему. Ветеран был жив, но спина его была в крови. Принц рывком — откуда силы взялись — забросил старика в седло и вскочил сзади.

— Брось, дурак, — в бешенстве прошипел Матей, но Луи и не подумал это сделать, все свое внимание сосредоточив на большом восхитительном кусте, первым выбежавшим из леса в поле. Одна пуля просвистела над плечом принца, другая вжикнула прямо над головой, задев волосы. Видимо, кто-то взял на прицел именно их. Луи не сомневался, что следующий выстрел их накроет — до спасительного куста оставалось еще шагов двести, но внезапно их окутало пылевое облако, сквозь которое с трудом угадывались очертания леса. Мушкетерам теперь пришлось бить вслепую. Луи, немилосердно чихая — спасительница-пыль, как и положено пыли, упрямо лезла в глаза и нос, — поравнялся с вожаком куста, но не остановился, пока между ним и преследователями не встали заросли боярышника и целый строй молоденьких буков. Матей глухо застонал, и Луи, вздрогнув, торопливо положил его на землю. Граф еще дышал, но принц отчего-то сразу понял, что это конец.

Содрав остатки своего колета и положив их под голову дядьке Шарлю, Луи сидел рядом и ждал неизбежного. Незаметно подползла Гайда и, подскуливая, растянулась у ног хозяина. Люди принца, что-то около двух сотен, бестолково толкались в стороне, не решаясь подойти. Кто-то, впрочем, не поленился и, услышав журчание ручейка, принес в уцелевшем шлеме воды.

Жани, слегка отдышавшись, осторожно вернулся на опушку и с радостью убедился, что их не преследуют. Странная пыльная туча исчезла, словно ее и не было. Только на зеленой траве там и сям темнели страшные пятна. Арциец вздохнул и поплелся к своим, так и не заметив стройной фигурки в сереньком плаще, затаившейся среди серебристых буковых стволов.

2229 год от В.И.

Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.

Идакона. Эланд

Шандер не спал. По ночам ему редко удавалось заснуть. От сонных зелий, которыми его пичкали растерянные медикусы, граф отказался. Вернее, он их принимал с благодарностью, а затем выплескивал в окно или в камин, у огня которого и коротал ночи. На это сил у него еще хватало. Признаться врачам, что уж лучше бессонница, чем кошмары полусна-полубреда, в который он проваливался, как только его волю ломала настойка рысьих ушек или осьмистника, Шандер не мог. Рене он тоже ничего не говорил, так как не хотел становиться еще одним камнем на шее адмирала. Тот заскакивал дважды в день, утром и вечером, молча клал руку на плечо и в девяти случаях из десяти сразу же куда-то уносился. Иногда по вечерам присаживался, выпивал кубок вина, рассказывал о том, что творится, хотя Шандеру казалось, что он скорее разговаривает сам с собой...

Вести были тревожные, хотя, хвала великомученику Эрасти, пока речь шла просто о

надвигающейся войне. О войне нехорошей, с неравными силами и сильным врагом, но ни про каких белых оленей и прочую чертовщину слышно не было. На границе с Эландом поиск разведчиков, сожженные мосты и мельницы. На границе с Арцией — тишина.

Пока дороги как следует не подсохнут, Михай вряд ли решится на наступление, зато потом мешкать не будет. Кем-кем, а дураком самозванный регент не был. Шандер покачал головой, словно бы продолжая вечерний разговор, прерванный появлением белобрысого Зенека с очередным срочным донесением. Рене убежал, теперь он наверняка заперся с Максимилианом и Эриком в Башне Альбатроса, обсуждая очередное неприятное известие и прикидывая, как убить метлой волка. Ему же, графу Гардани, остается лишь сидеть, смотреть на огонь и ждать, чем же все закончится.

Когда Роман вырвал его из лап Годоя, Шандер почувствовал себя второй раз родившимся, вообразив себе жизнь, войну, победу, Лупе с ее удивительными пестро-зелеными глазами... Тем горше было разочарование. Он был свободен, но он стал калекой, оказавшись в том же положении, что когда-то Стефан. Год назад граф с трудом переносил раздражительность и переменчивость принца, теперь же сам едва сдерживался, чтоб не ответить на участливый взгляд грубостью. Но рядом со Стефаном была Герика, рядом с ним не было никого, способного понять и помочь. Показываться больным и слабым Белке Шандер не хотел категорически, Лупе была в Гелани, и оставалось только молить всех святых и в придачу идаконских Великих Братьев, чтобы с ней все было благополучно... Общество всех остальных было непереносимым. Кроме, разумеется, Рене, но у того на плечах лежал слишком тяжелый груз...

Граф Гардани вздохнул и сразу же пожалел об этом — опять нахлынула ноющая боль в груди. Последнее время он старался дышать поверхностно, это не то чтоб приносило облегчение, но хоть как-то сдерживало боль. За окном перестукивались, скреблись ветки деревьев, немилосердно раскачиваемых северным ветром, и барабанил не по-весеннему ледяной дождь. Какое счастье было бы в такую ночь вбежать в теплый дом на Лисьей улице, сбросить мокрый плащ, выпить залпом чарку царки, протянуть руки к огню. Но коротать ее наедине с болью и неизбежными в таком случае мыслями о том, что не лучше ли...

В дверь тихо постучали, Шандер хотел было промолчать, сделав вид, что спит, но одиночество на этот раз взяло его за горло сильнее, чем когда-либо. Даже излишне услужливый лекарь, на котором можно было сорвать зло, и тот был уместен. Стук повторился, и Шани бросил:

— Входите...

Он не видел Герику с того самого дня, как она объявилась в Идаконе. Особой радости встреча не вызвала ни у кого и вышла очень короткой. Тарскийка плакала на плече у Рене Арроя, а Шани, вынужденный при этом присутствовать, готов был провалиться сквозь землю. Потом герцог ее увел, а к вечеру Герика ненадолго появилась снова. Она произнесла несколько ничего не значащих слов, он ответил тем же, присовокупив вымученную улыбку, на чем и расстались. Про себя Шандер заметил, что Герика лишилась своего единственного украшения — роскошных кос, а под серыми глазами залегли голубоватые круги, но, как ни странно, это ее не испортило. Скорее наоборот.

Больше они не встречались, и Гардани про возлюбленную Стефана думал не больше, чем про оставленные им в Таяне вещи. Женщина, похоже, платила ему тем же. Поэтому ее ночной визит показался Шандеру более чем странным. Он выжидательно поднял глаза.

— Ты позволишь мне войти?

— Конечно, тем более не вижу, как я мог бы этому воспрепятствовать, — последнее можно было и не говорить. Тем более такой непробиваемой дурочке, как Герика, но дурное настроение требовало выхода.

Герика не обиделась. Впрочем, она никогда не обижалась.

— Мне надо с тобой поговорить. Расскажи мне об... отце.

Уж этого-то он от нее никак не ожидал. Тарскийская наследница панически боялась Михая и слушалась его во всем до того рокового дня, когда любовь к Стефану заставила ее

пойти наперекор отцовской воле, из-за чего все они, включая Рене, оказались, в общем-то, в нехитрой ловушке. Слова девушки застали Шандера врасплох, и, пока он лихорадочно соображал, что же ей ответить, она тихо добавила:

— Шани, я знаю, что он подлец и убийца, сходящий с ума по власти. Мне нужно другое: с какими силами он спутался, что он делал с тобой, с другими... Не удивляйся, что я спрашиваю. Я должна понять, чего от него ждать и что я могу сделать...

— Ты?! — Шани аж привстал, опираясь на подлокотники кресла, но тут же, скрипнув от боли зубами, опустился назад.

— Да, я, — она тряхнула головой, светлые пряди сверкнули в свете камина расплавленным янтарем, — я очень изменилась, Шани, уж не знаю, что на меня подействовало, смерть Стефана, болезнь или магия Романа и его амулеты, но я стала другой. Я теперь ничего не боюсь, мне терять нечего...

Эстель Оскора

Я опять лгала, лгала совершенно осознанно и нагло. Мне было что терять, и я смертельно боялась. Если Рене узнает, что я нелюдь, он или избавится от меня, или же, что еще хуже, постарается использовать против Михая, относясь ко мне как к опасной, смертоносной твари, меньшему из возможных зол... А милые, добрые, рыцарственные эландцы будут от меня шарахаться или, сцепив зубы, делать вид, что ничего не происходит, а в глазах их будет ужас и отвращение. Пока они видят во мне обычную женщину, у меня есть шанс разобраться в том, что творится, и в нужный момент сыграть свою игру.

Рене не знал, на что я способна. Не представляю, понимал ли, во что я превратилась, Михай (называть этого мерзавца отцом я не могла, хотя раньше у меня это получалось вполне естественно), но чего он явно не мог уразуметь, так это того, что я его больше не боялась. Я мечтала встретиться с ним на узкой тропинке, после чего моя ненависть навеки бы исчезла или вместе с ним, или вместе со мной.

Мне давно следовало бы отправиться за Явеллу и схватиться с тварями из Охоты в их же логове, но я не могла себя заставить уйти от Рене. Не могу сказать, что он меня замечал. После нашей поездки герцог был предельно вежлив и отстранен, и я слышала, что он стал бывать у какой-то молодой вдовы, а может, и еще у кого-нибудь — в Эланде на подобные забавы смотрят спокойно. Меня это не задевало — если женщин много, значит, нет никого. Поддайся я тогда на разливе минутному порыву, и я стала бы одной из этих многих...

Но Великий Дракон! Иногда я жалела о своем бегстве. Если бы только я могла быть с ним откровенной! Но это было бы концом моей любви. А время шло, и дороги подсыхали. Если уж я собираюсь разделиться с Михаем в одиночку, надо спешить.

И я вспомнила про Шани. Лучший друг Стефана, он побывал в лапах моего родителя и должен был знать или хотя бы догадываться о том, ЧТО воцарилось в Высоком Замке.

Если б только рядом были Астени или Роман! Эльфы поняли бы, что делать, и помогли бы мне. Оба, и отец и сын, хоть и были Перворожденными, не брезговали странным, чуждым и враждебным их обожаемому Свету созданием, в которое я превратилась. Но Роман сгинул в горах Корбута, а у могилы Астени сейчас отцветают дикие нарциссы. Я была одна наедине со своим долгом и со своей несуразной любовью. И я пришла к Шани.

Не могу сказать, что он был рад меня видеть. Скорее наоборот — видимо, вспомнил, чем обернулась моя прошлая глупость. Я словно бы в первый раз видела его. Измученное лицо, обрамленное темными волосами, провалившиеся глаза, лоб, покрытый испариной... Этот человек жил в аду, но терпел. Жалость его даже не оскорбляла, она лишала его надежды.

Я спросила о Михае, он не понял. Посмотрел на меня с нескрываемым изумлением. Я что-то ему ответила, сама не знаю почему накрыв ладонью его ладонь. И почувствовала тот самый липкий холод, который источали твари-спутники Белого Оленя.

Те, что мешали Шани жить, стали мне понятны, словно кто-то написал на стене

огромными буквами их Истинное Имя. Это были вызванные из небытия противоестественным, мерзким заклятием некие сущности, сотворенные из ненасытного голода и жадности. Я видела их — две не принадлежащие нашему миру и нашему времени твари, вцепившиеся в Шани неким подобием щупальцев. Это были сторожевые псы Михая, а вернее, сторожевые клопы, держащие пленника в повиновении между визитами хозяина. Теперь, разлученные с ним, они сами оказались прикованными к своей жертве. Только вычерпав до дна жизненные силы, только отдав тело Шани отвратительнейшей из смертей, гады из Преисподней могли вновь обрести свободу и найти более податливую добычу... Конечно, Михай или кто другой из его шайки мог бы их отпустить, но ждать от отца милости было так же глупо, как от козла молока. Предоставленные же самим себе, сущности эти делали то, что умели, по капле высасывая чужую жизнь. Все усилия магов-медиков лишь немного замедляли их работу. Не знаю как, но я поняла, что Шани оставалось несколько недель, если... Если я его не освобожу.

Я знала, КАК это сделать, но это значило расписаться в своей причастности к подлой отцовской магии, раскрыв себя не только перед Шани, но перед всеми, кто следил, не творится ли в Эланде какая-то волшба. Я еще раз взглянула на Шани... Стефан в свое время попал в похожую ловушку, но Роман, кажется, нашел способ приструнить этих тварей... Хотя то заклятье, похоже, было иным. Более умным, но менее сильным.

Вот я и узнала главное. Михай Годой был всего лишь подмастерьем, втихаря копировавшим действия мастера. Не он был самым страшным врагом, обретался где-то некто посильнее и поопытнее господина регента. Что ж, слова были не нужны, я узнала все, что хотела узнать, не спрашивая и даже не думая. Мне обо всем рассказала моя собственная порченная кровь. Можно было подняться и уйти, в конце концов, Шани был обречен, он меня не любил, я, нынешняя, его почти не знала.

Но я не ушла.

2229 год от В.И.

Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.

Гремихинский перевал

Они вихрем пронеслись через Босху и Нижнюю Арцию. Легконогие кони со странно длинными гривами шли крупной рысью, но обычная лошадь, скачи она хоть галопом, неизбежно бы оказалась позади. Сама земля — камни, деревья, ручьи — узнавала бывших Хранителей Рассветных Земель и, как могла, облегчала их путь. Древние леса расступались перед всадниками, разводя в стороны, казалось бы, навсегда сплетенные ветви, разбухшие от ливней реки смирляли сумасшедший бег, выпирающие из земли камни словно бы пригибались, чтобы не поранить нежные лошадиные ноги. А они скакали, похожие в свете вечных звезд на прекрасные видения, ибо нет и не может быть существ прекрасней, чем бессмертные эльфы, любимые дети Творца.

Около трех сотен всадников и всадниц на волшебных конях мчались на север, догоняя весну и пытаясь обогнать смерть. На семнадцатую ночь перед ними встали Лисьи горы, странный хребет, в древние времена какой-то неистовой силой оторванный от Великой Варты и отделенный от нее чудовищным болотом. Эльфы придержали коней на берегу Гремихи, и те, недовольно мотая гривами, ступили на козью тропу, петляющую между скал над основной дорогой. Перворожденные не хотели сталкиваться с кем бы то ни было, пока им путь не преградят те, кого они должны уничтожить.

Всадники молчали. Время разговоров давно миновало. Те, кто покинул Убежище под предводительством своего короля, выбор уже сделали и не собирались отступать. Подъем длился почти целую ночь. Наконец дорога пошла вниз. Небо было чистым и ясным, на горизонте во всей своей красе поднималось созвездие Сирены, а значит, до рассвета оставалось около трех ор. И тут что-то неуловимое заставило Эмзара, а вслед за ним и остальных резко осадить коней. Казалось бы, все было спокойно. Было темно и тихо,

успокоился даже дувший с вечера легкий ветерок. Далеко внизу плескалась Гремиха, торопясь на встречу с еще далекой Ганой. Тонко пахли высокие колючие кусты, на которых к ночи раскрылись гроздьи бледных цветов. Чирикнула и замолкла птица, хрустнула под тяжестью какого-то зверя ветка. Ничто не предвещало беды, но Эмзар каким-то непостижимым образом понял: сейчас что-то произойдет. Повинуясь приказанию короля, эльфы стали поворачивать коней в небольшое ущелье, заросшее ведьминым сном,⁸⁹ весьма кстати попавшееся на пути. Они успели вовремя. Звезды продолжали яростно сверкать на темном глубоком небе, но напоенный ароматом цветов воздух потрясли отдаленные раскаты грома. Где-то далеко бушевала страшная гроза. Или не гроза? Там, где только что проезжали всадники, раздался шум падающего камня. Затем еще и еще. Грохот падения отдельных глыб слился в мощный рокот обвала. Горы тряслись и корчились, как будто внизу под ними заворочалось древнее чудовище, решившее проснуться и вылезти наверх. Эльфы тревожно оглядывались по сторонам, однако даже их ночное зрение — один из многочисленных даров Творца — не помогало. Ясно было одно — причина катастрофы, какой бы она ни была, далеко отсюда, за перевалом. Там небо озаряли яростные вспышки, словно странные разноцветные молнии били и били в одно место.

Эмзар, сдерживая взволнованного Опала, напряженно вглядывался в развороченное небо и наконец не выдержал.

— Мне надо отлучиться, — Лебединое Крыло сказал это так, что ни Клэру, ни Нидалю, находившимся рядом с вождем, ни на миг не пришло в голову его отговаривать. — Я должен посмотреть, что случилось. Клэр, если желаешь, поехали. Нидаль, переждите день в этой долине и идите, как и шли, вдоль реки. Думаю, мы на третий день вас догоним.

— Как скажете, — кивнул глава Дома Ивы, — но разумно ли то, что вы решили?

— Не просто разумно, но необходимо, — отрезал Эмзар, — то, что творится за перевалом, — не просто гроза. Это магия. Не доступная нашему пониманию, тяжелая, страшная, чужая... Мы должны знать, что это за сила. И... мне кажется, я понял, где это. Через эти горы есть сквозной проход, который мало кто знает. Люди туда не ходят и правильно делают. Ну а мы пройдем.

— Вы безумны, — вздохнул Нидаль, — но, возможно, это безумие спасет всех нас. Да хранит вас Великий Лебедь.

**2229 год от В.И.
Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.
Идакона. Эланд**

Герика молча смотрела Шандеру в глаза, и тот почувствовал себя совершенно растерянным. Женщина была права — она действительно страшно, невероятно изменилась. Теперь в ней ощущались решимость и странная, завораживающая глубина. Шандер чувствовал, что сейчас что-то должно произойти, но словно бы со стороны. Он не боялся. Все происходящее казалось нелепым сном. Тарскийка внезапно убрала ладонь с его руки, и мир вновь встал на свое место.

— Шани, — просто сказала она, — я могу тебя только попросить никому не рассказывать, что сейчас будет. Но даже если ты меня не слушаешь, я не позволю этой мерзости тебя прикончить.

— Я не понимаю...

— Конечно, не понимаешь, — она улыбнулась печально и ласково. — Я тоже не понимаю, что сейчас сделаю, но я это сделаю. И у меня получится.

⁸⁹ Кустарник с крупными белыми цветами, чей запах вызывает у людей галлюцинации, а при длительном вдыхании сон, переходящий в смерть. На эльфов и гоблинов вредного влияния не оказывает.

Эстель Оскора

Я прекрасно видела этих гадов, похожих на плохо сшитые квадратные подушки с хвостами-присосками по углам. Они висели за спиной Шани, вцепившись ему в затылок чуть выше ушей, в шею, где их щупальца сплетались (эта мерзость ко всему еще была возлюбленной парой), и в спину, возле лопаток. Твари чувствовали мое присутствие, но оно их лишь возбуждало. Безмозглые и ненасытные, они реагировали на заключенную во мне Силу, как змеи на тепло, оживая на глазах. «Подушки» стали медленно пульсировать, а щупальца задрожали, усиленно вытягивая из уже полумертвого человека остатки жизни.

Мой визит, судя по всему, обходился бедному Шани дорого. И я не выдержала. Расскажет он или нет, но если я уйду отсюда, не вырвав его у этих туманных вампиров, я не смогу смотреть в глаза Рене... Даже если я избавлю всех от Годоя, даже если никто ничего и никогда не узнает, я не отмоюсь до конца своей жизни, сколько бы ее ни оставалось. Я приготовилась. Главное, это схватить обоих гадов одновременно. Мне это удалось без труда — они подвоха не ждали. Сама не знаю, как у меня это вышло, но сгустки недоброй волшбы, наделенные волей и вечным голодом, вдруг обрели отвратительные, но вполне осязаемые тела. И я схватила их за раздутые, пульсирующие желудки. Ибо желудки и рты были для них самым главным. Я оторвала их от Шани, с трудом удержавшись на ногах, как если бы выдергивала из стены гвоздь. Бедняга в немом удивлении наблюдал за моими манипуляциями. Разумеется, он не мог ничего видеть. Но я не только видела, я ощущала в руках осклизлые, податливые, пульсирующие тушки, жгучие, как крапива, липкие на ощупь. Я держала их, борясь с извечным женским желанием отшвырнуть от себя подальше «эту мерзость», а моя Сила свободно изливалась через пальцы, окружала их сиреневатым коконом, лишая возможности двигаться, осознавать себя, наконец, жить...

К несчастью, я не могла убить их сразу, а была вынуждена ждать, когда они исчезнут. Больше всего это походило на то, как если бы я держала в руках две тающие живые сосульки. Время тянулось медленно, руки наливались усталостью. Для того чтобы растопить этих журунов — из глубин подсознания всплыло название — они, оказывается, назывались финусы, впрочем, от этого они приятнее не стали, — требовалось время.

Я уже думала, что не выдержу. Мои руки почти совсем окоченели, сердце колотилось, как овечий хвост. Перед глазами нагло плавали круги самых гнусных расцветок. Но я победила! Твари исчезли, и исчезли навсегда, а значит, я была на правильном пути в овладении своей Силой. Не хвост вилял собакой, а собака хвостом. Моя Сила была оружием, которым распоряжалась я, Герика Годоя, и попробовал бы кто-нибудь сейчас сказать, что это оружие — зло!

Шани удивленно смотрел на меня, он так и не понял, что теперь здоров. То есть, конечно, не совсем здоров. Ему еще предстоит отлежаться, отоспаться, восстановить силы, но за этим дело не станет. Теперь любой, даже самый завалящий медикус поставит его на ноги за считанные дни. Глаза мои слипались, но я не удержалась от искушения — уж слишком удивленно он на меня воззрился, и слишком я была горда своей победой.

Глупость, которую я брякнула в следующее мгновение, была абсолютной. Я хорошенько встряхнула Шани за плечи и буквально заорала:

— Встань и иди!

И он встал и пошел. От камина к окну. Шатаясь, налетая на попадавшиеся по пути вещи, но пошел. На его лице застыло такое изумление, что я расплакалась. От счастья.

2229 год от В.И.

Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.

Эланд. Идакона

Ветер с моря пригнал тяжелые, полные дождем тучи. Сырая, холодная тьма облепила Идакону, даже привычные к непогоде маринеры предпочитали коротать такую ночь у

живого огня за кружкой подогретого вина с друзьями или же в постели у подружки. Одиночество давило, пугало, выгоняло людей из домов, заставляя искать общество себе подобных. Или не подобных. Рене Аррой уже несколько ор наслаждался обществом Жана-Флорентина, который, пользуясь моментом, развивал перед Арроем свои взгляды на государственное устройство и его связь с развитием хозяйства и торговли. Аррой слушал вполуха, думая о чем-то своем.

Адмиралу было невесело, но он держался. Очень хотелось выпить, но в последние недели он и так слишком много пил и теперь решил, что довольно. Нет, никто бы не посмел упрекнуть Первого Паладина, а теперь еще и будущего короля, в пьянстве, но Рене всегда заставлял себя что-то делать или не делать не потому, что это кому-то нравилось или не нравилось, а потому, что он считал, что должен поступить именно так. Адмирал с отвращением посмотрел на запотевшее окно, за которым тусклым пятном расплывался свет сторожевого фонаря. Он никогда не имел ничего против ветра, да и к дождю относился с уважением, если это был добрый шумный ливень. Этот же монотонный дождь выматывал все нервы. И вместе с тем он был спасением. Пока в Эланде дождь, таянцы не рискнут сунуться во внутренние болота, а дороги, что ж, дороги перекрыты.

Герцог очнулся от резкого свиста, который испускал Жан-Флорентин, чтобы привлечь его внимание. Рене собрался извиниться и спросить, каким же образом деньги вновь превращаются в деньги или что-то такое, так как это было последнее, что он разобрал в жабьей речи, прежде чем утонул в собственных мыслях. Но оказалось, что ни деньги, ни товар, ни свойственная людям невнимательность философского жаба на сей раз не занимали. Он был не возмущен и не раздосадован, а встревожен, о чем недвусмысленно свидетельствовал усилившийся металлический блеск...

— Рене, — Жан-Флорентин был на удивление немногословен, — только что совсем рядом была свершена очень сильная волшба неизвестной мне природы.

Глава 15

2229 год от В.И.

Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.

Арция. Святая дорога

Все было кончено. Остатки арцийского войска ползли по пыльной дороге. Люди так устали, что ни о чем не думали, даже о поражении, просто тупо переставляли ноги. Тех раненых, которых удалось вытащить из лагского ада, тащили на руках — подвод не хватало. Жалкая, растерзанная толпа, в которую превратилась имперская армия, брела на юго-запад. Там была Кантиска, с ее неприступными стенами и храмом святого Эрасти. Там были вода, еда, отдых... Там был Бог, который должен был защитить.

Архипастырю было не до молебнов. Он не смог предотвратить катастрофу, предопределенную как глупостью покойного Жерома, так и силой и, что греха таить, воинским талантом Михая Годоя. Но Феликс выстоял, и не только выстоял, а и надежным щитом прикрыл бегущих. Буквально вросшие в лагскую землю воины в черно-зеленом магнитом тянули к себе тех, кто еще мог драться. Упавших заменяли новые, и Святое воинство сражалось, пока не кончился этот немыслимо длинный день.

Феликс охрип, выкрикивая приказания, под ним убило четырех лошадей, но Архипастырь не получил ни единой царапины, словно тот Бог, которому бывший рыцарь служил, хоть не так уж сильно и веровал в Него, решил наконец вмешаться и прикрыл своего слугу незримым щитом. Но все остальные чудеса Феликс сотворил сам, и на закате зеленое с белым знамя по-прежнему гордо реяло на сухом ветру.

Воодушевленные вождем, уверенные в собственном предназначении воины Церкви готовы были с рассветом вступить в новую битву, но Архипастырь понимал, что нужно

отходить, воспользовавшись темнотой. Ему удалось избежать полного разгрома и беспорядочного бегства, но медлить было нельзя. Феликс жестом подозвал к себе Добори.

— От Луи ничего?

Командор покачал перевязанной головой:

— Если кто и уцелел, им сюда не пробиться. Но дрались они до последнего.

— Что ж, отныне их имена будет знать вся Арция. Хотя это мы для них сделаем. Ты уже отдал приказ? — слово «отступление» ни Феликс, ни Добори по молчаливому уговору не произносили. Командор кивнул.

...Полки Михая продолжали атаковать, но не столько для того, чтобы прорваться, сколько чтобы не давать врагу отдыха. Это не шло ни в какое сравнение с бешеным натиском, который пришлось отражать после того, как фронт был опрокинут, и опьяненные успехом победители бросились на единственную оставшуюся преграду. Архипастырь хмуро наблюдал за чужой конницей, гарцующей на почтительном расстоянии от арбалетчиков барона Шады. Солнце уже коснулось леса. Еще ора, и можно уходить. Старый друг не подведет. «В мире нет ничего надежнее друга Шады», — говорил Эллари. И был прав.

Люди Архипастыря были готовы к бою, который если и случится, то в самое ближайшее время. В темноте любые атаки потеряют смысл, люди это понимали, хоть и валились от усталости. Занятно, что после кровопролитнейшего сражения под командованием Феликса оказалось куда больше народу, чем утром. Правда, теперь эти люди, кони и одиннадцать уцелевших пушек составляли все арцийское воинство.

Подскакал Ласло на некрасивом, мосластом мерине, видимо никогда не помышлявшем о карьере боевого коня. Аюдант командора лихо вскинул перевязанную руку к шлему.

— Барон готов.

— Вот и хорошо. Пусть берет уцелевших ополченцев и... кто там к нам приблудился? «Старые Быки»? И их тоже. Передай — выдвинуться к речке, напоследок дать таянцам по ушам и уходить по Святой дороге. Под барабанный бой и с развернутыми знаменами! И чтоб те это видели. Дистанцию в арбалетный выстрел. Тревожить вылазками, чтобы жизнь медом не казалась...

— Монсигнор, — как-то так вышло, что воины в этот день перестали называть Феликса Ваше Святейшество. Тон в этом деле задали ветераны, помнившие маршала Датто и углядевшие в Архипастыре его достойного преемника по воинской части, — монсигнор, там не только «Быки». Подошли «Бешеные Псы» и «Дикие Охотники». Уцелело достаточно «Горных Барсов» и «Ловцов Жемчуга», и, кажется, я видел сигну «Райских Птиц». Я сейчас...

— Никаких «сейчас», — отрезал Феликс. — Только тех, кого я назвал, и только так, как я сказал...

— Но мы еще можем драться.

— Не сомневаюсь. Но драться — не значит умирать без толку. Брысь отсюда, я сказал!

— Я тоже не понимаю, — Добори с удивлением смотрел на Феликса.

— И не надо понимать. Твое дело под прикрытием Шады собрать всех, про кого сказал мальчишка, и своих Стражей и стянуть их к лесу.

— Хочешь ударить Михая в спину?! Но это верное самоубийство... Или ты полагаешь, что, убив его самого, мы прекратим войну?

— Нет, не полагаю, — отрезал Архипастырь, — потому что Годой — это война, но война — это не только и не столько Годой.

— Но... Что ты, Проклятый тебя побери, задумал?!

— Я хочу, чтобы Годой думал, что мы намерены дать ему бой под стенами Кантиски. Там резервы, там оружие, там надежные стены, там дороги в Верхнюю Арцию, откуда идут вызванные императором резервы. Сюда они не успели, но у Кантиски мы их перехватим и можем дать еще один бой, который наверняка проиграем. И вот тогда все действительно будет кончено.

— Когда ты так говоришь, мне становится страшно. Но ведь у нас нет другого выхода?

— Есть. Признаюсь, я понял, что делать, вспомнив слова молодого Луи. Проклятье! Какой император погиб...

— Может быть, еще нет.

— Не похоже, чтобы мальчик выжил, если его люди погибли. Он такой же, каким был Эллари, — глаза Феликса на мгновение затуманились, но он быстро взял себя в руки. — Прости, что не сказал тебе раньше, люди должны были знать, что у них нет другой возможности, кроме как стоять насмерть. Михай это должен был почуять всей своей поганой шкурой.

— А теперь?

— А теперь ты должен знать все. Мало ли что со мной случится. Сейчас мы укроемся в лесу. У меня есть основание полагать, что разведчики Годоя нас не заметят. И когда он бросится за Шадой — а насколько я знаю старого пьяницу, тот будет отступать, как лев, — мы повернем на Гверганду и оторвемся от Годоя на несколько переходов, прежде чем тот что-то поймет.

— На Гверганду?!

— Да, Проклятый меня побери! По дороге соединимся с Мальвани. Рене всю зиму готовился к бою, туда же должны подойти... ну, словом, соплеменники Романа Ясного. Их немного, но они владеют магией. А дальше... Помнишь, мы боялись, что Годой вломится во Внутренний Эланд, потому что там, кроме Вархи, нет крепостей, но...

— Хочешь сказать, что пока Годой будет стоять под Кантиской, мы с Рене и Сезаром ударим по Таяне? — теперь Добори смотрел на Архипастыря, как на самого Творца...

2229 год от В.И.

Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.

Лагский лес

Раненые были с грехом пополам перевязаны, мертвые похоронены. Луи привел на Лагское поле около восьми тысяч человек. Маршал оставил ему две. Сейчас на ногах остались едва ли пара сотен. Еще тридцать два человека были ранены достаточно серьезно, но не опасно и спустя кварту или две вполне могли вернуться в строй. Тяжелораненых почти не было — они остались в поле. Сумели вытащить только четверых, из которых до рассвета двое доживут вряд ли.

Принц, прихрамывая — он не был ранен и сам не понимал, откуда взялась ноющая боль в ноге, — медленно обошел всех, старательно глядя в осунувшиеся чумазные лица. Раньше их было слишком много, чтобы он мог запомнить всех, а теперь — в самый раз. Люди следили за Луи с каким-то странным выражением, словно от того, что он скажет и сделает, зависела и их судьба, хотя воины разгромленной армии вольны были идти на все четыре стороны. Если дойдут, конечно.

Сын Эллари невольно по привычке поискал глазами Матя и вдруг понял, что ветеран ушел туда, откуда пока еще никто не вернулся. Дыра в душе, пробитая этой смертью, была не из тех, которую можно чем-то заткнуть, но надо было жить, думать, что-то делать со всеми этими людьми, которые отчего-то не расходятся, а смотрят на него, Луи че Лагга. Принц устало провел рукой по лбу, поправляя сползшую повязку. Проклятый день наконец-то кончился, синие густые тени напоздали со всех сторон, на небе появились первые звезды, и принц отыскал среди них Волчью, ту, что стояла в зените в момент его первого крика... Что ж, будем считать это советом свыше... Луи Арцийский решительно вышел на середину поляны.

— Кто может стоять, подойдите ко мне, чтобы я мог вас видеть.

Воины вскочили со своих мест, словно только этого и ждали, впрочем, так оно и было. Луи помедлил, пока не наступила полная тишина — слышно было лишь журчание ручья, у которого завели свою извечную песню любвеобильные лягушки, и поднял руку.

— Мы сегодня хорошо дрались, — его голос в напряженной тишине показался

неожиданно сильным и звонким, — очень хорошо, и не наша вина, а наша беда, что бой проигран. Мы выполнили свой долг перед империей, сделали даже больше, чем она заслуживала. Поэтому я, Луи че Лагт, сын принца Эллари Арцийского, освобождаю вас от присяги императору Базилеку, пустившему в Арцию врагов. Все, кто устал, ранен, кому надоела эта война, могут сложить оружие и уходить. Я требую только одного, сделайте это немедленно! Империя не заплатила вам за службу, но у меня есть несколько драгоценностей, возьмите их и продайте, — Луи рванул на себе ворот рубахи и сорвал с цепочки медальон с крупным бриллиантом, а затем, чуть помедлив, снял с пальца кольцо, — я должен вам больше, но у меня, кроме этих вещей, ничего нет. Ну, вы решили?

Люди молчали, затем один, пряча глаза и путаясь в петлях, расстегнул кирасу и бросил ее к ногам принца.

— Мне не надо денег, — голос воина звучал тускло и хрипло, — но я должен спасти семью. Я уйду.

— Хорошо, — кивнул Луи. — Кто еще? — из строя вышло еще семеро.

— Это все? — Люди молчали, неприязненно косясь на решивших уйти.

— Хорошо, — еще раз повторил Луи. — Возьмите камни.

Один из воинов, хмурясь, протянул руку, и принц опустил в нее драгоценности.

— Продайте, только осторожно. Среди ювелиров всякие бывают.

— Да что ты делаешь, тварь?! — седой усач, один из немногих уцелевших «Котов», преградил дорогу уходящим.

— Пусть уходят, Ноэль, — устало отмахнулся Луи — Они имеют право.

— Да кто их держит? — презрительно рявкнул «Кот». — Но перстенок этот мы помним. Это память Эллари, и чтоб какой-то дезертир загнал его проклятым ломбардцем!.. Не позволю!

Названный дезертиром затравленно оглянулся и бросил злополучное кольцо в жесткую ладонь ветерана, пробормотав что-то вроде «я не знал»...

— Не знал он, видишь ли... А ну пшли вон, с глаз долой, зайцы драные! — Повторять не пришлось, уходящие мигом скрылись в кустах. — Ну и... с ними, — смачно сплюнул вслед Ноэль и заорал на оставшихся: — А ну, смирно! Спины прямо, брюхи убрать. Слушать мою команду. Его Величеству, императору Арции Луи Четвертому виват!

**2229 год от В.И.
Вечер 5-го дня месяца Медведя.
Северная Таяна**

Эмзар остановил Опала на вершине высокого холма и огляделся. Солнце уже скрылось за горами — черным зубчатым силуэтом на багровом бархате. Однако темнота никогда не была для эльфов помехой, и летящие Всадники были ему прекрасно видны — два стремительных черных силуэта, окруженных холодным лиловым ореолом. Эмзар привстал на стременах, словно это что-то меняло, и огляделся еще раз. Да, они оказались там, где должно. Конечно, с той поры, как он проезжал здесь, холмы стали заметно ниже, а Гремиха уже, но эльф никогда не сойдет с дороги и, сколько бы лет ни прошло, всегда найдет место, где однажды побывал.

— Ты уверен, что стоит их тревожить? Они могут быть опасны, — Клэр задал свой вопрос только для того, чтоб прервать молчание.

— Безусловно, я видел их, когда искал мать.

Утренний Ветер передернул плечами — от признания Эмзара становилось зябко. Разумеется, он, как и другие жители Убежища, подозревал, что в семье Владык произошло что-то из рук вон выходящее, но толком никто ничего не знал. И вот теперь Эмзар спокойно говорит о том, что много веков тщательно скрывалось.

— Пришло время узнавать чужие тайны, а не хранить свои, — Снежное Крыло, видимо, понял, что нужно как-то объяснить свое поведение, — как бы то ни было, я бывал в

Таяне и видел пресловутых Всадников. Это было страшно, Клэр. Я чувствовал жуткую, древнюю мощь и огромную ненависть, нет, не ко мне лично, но ко всему нашему народу. Они могли и хотели стереть меня в порошок, но не сделали этого. То, что я эльф, Стражи Горды поняли сразу, но пропустили меня. Обратно я, кстати говоря, добирался через Внутренний Эланд. Еще раз проехать мимо Всадников было выше моих сил. И я долго думал, почему меня не тронули.

— Этого мы наверняка не узнаем никогда.

— А вот и нет, — устало ответил Эмзар, — Всадники Горды, как они сами себя называют, стоят тут с одной-единственной целью — не позволить перейти перевал кому-то, кого они называют Ройгу и кто связан с этим Белым Оленем, если только он сам не есть... Белый Олень. Ах да, ты этого не знаешь... Они помогли Рамиэрлю и Герике, даже проводили их почти до Убежища своими путями. В Герике они почуяли что-то им близкое. Но ни она, ни Рамиэрль, ни я так и не поняли до конца, что они говорили. Я надеялся, что Рамиэрль, возвращаясь, их расспросит...

— Звездная мать! Но ведь они...

— Они враги Ройгу, мне этого довольно! Для начала я хочу проехаться к тем холмам и посмотреть, что там произошло.

— Там?

— Да, мы сейчас как раз по ту сторону гор, вон видишь эту двухголовую вершину, мы вчера свернули, чуть не доехав до нее. Да, это случилось здесь.

Клэр молча тронул своего коня, и два всадника шагом направились вниз.

— Как здесь пустынно, — художник обвел взглядом стремительно темнеющие холмы.

— Люди избегали здесь селиться из-за Всадников, а тракт проходит немного в стороне, мы же перешли горы через Старый перевал, который давным-давно заброшен.

— Заброшен?

— Да, была одна история, — Эмзар явно не хотел продолжать. — Как бы то ни было, нам туда.

Кони волновались, не хотели идти, но эльфы могут заставить любое животное подчиниться своей воле, а уж своих питомцев тем более. Не прошло и полуоры, как Клэр и Эмзар достигли цели. Да, вчерашняя гроза, вернее, не гроза, а бой, бушевал именно здесь. Холм стал черным и блестящим — его земляная шкура сошла, обнажив базальтовое нутро. Древний камень был покрыт свежими выбоинами, по нему змеились трещины, и из одной, самой глубокой, сочилась вода, словно кровь из раны.

У подножия холма была небольшая ложбинка, откуда тянуло тошнотворным кисло-сладким запахом. В ее глубине роскошная весенняя трава загнила на корню, растекаясь отвратительной буро-зеленой слизью, по краям же высохла и пожелтела, словно в конце знойного лета.

— Это появилось вчера? — прошептал Клэр.

— Думаю, да...

— Что это значит?

— Сейчас узнаем! — в голосе владыки Лебедей зазвенел металл. Эмзар спешил и, медленно обойдя отвратительное место, начал подниматься на холм. Клэр оставил коней, велел им стоять на месте — те, разумеется, и помыслить не могли ослушаться хозяйского слова, и бросился вдогонку.

— Ты хочешь?..

— Да, побери меня Тьма! Мы ДОЛЖНЫ знать, что здесь произошло. И не только это. Один из них назвал Герике свое имя. Отойди, это опасно.

Но Клэр не отошел, и Эмзар больше не настаивал. Пусть смотрит и слушает. Рыцарь Осени⁹⁰ ни о чем не сожалеет и ничего не боится... Снежное Крыло закрыл глаза, собираясь

⁹⁰ Рыцарь Осени — эльф, давший обет вечной печали в память об утраченной возлюбленной.

с силами. Заклятье собственным именем — одно из самых опасных, когда речь идет о существе чужом, сильном и почти наверняка враждебном. Это все равно что удержать в руках пантеру, даже если на нее надет ошейник с цепью. Демона, и того вызывать легче и безопасней, так как от него можно защититься с помощью пентаграммы и оберегов. Заклятье именем — это столкновение двух волей, и тут уж как повезет. Тем не менее Эмзар рискнул.

Оказалось, что он ломился в открытые ворота. Едва смолкла надрывно звучащая в сознании Лебединого короля неслышимая миру струна, одна из темных фигур шевельнулась, поднимая голову. На эльфов смотрели огромные скорбные глаза, в которых плескались тысячелетия.

— Ты пришел, арр. Я рад!

— Рад?!

— Да. Ты на стороне Тарры, и этим все сказано.

— Что тут было?

— Бой. Не первый и не последний. Мы не пропустили Ройгу, и мы не пропустим его еще и еще, но это все, что мы можем. Мы прикованы к Горде, а Тарра в опасности.... Помогите ей, арр. Идите в Явеллу. Остановите их. Они боятся пополнять Чашу здесь и будут черпать там, где нет Стражей... У нас еще есть силы. Но они быстро тают. Чаша Ройгу наполняется слишком быстро, а мы имеем лишь то, что имеем. К осени мы уйдем в покой, о котором я так долго мечтал. Но я не хочу получить его ТАКОЙ ценой.

— Мы пойдем в Явеллу, Древнейший, и исполним свой долг. Клянусь кровью Звезд, текущей в моих жилах, — прости нам и прощай!

— Прости и ты, арр!

**2229 год от В.И.
6-й день месяца Медведя.
Арция. Мунт**

Сезар Мальвани больше не спешил. Он и его люди и так свершили невозможное, за двенадцать дней проделав путь от Гверганды до окрестностей городка Фагоры, где их настигли вести о Лагской катастрофе. То, что произошла именно катастрофа, командор понял, едва на обсаженной вековыми каштанами дороге показалось несколько всадников на заморенных конях, одетых в изодранные и перепачканные мундиры императорской гвардии. Пальцы командующего Северной армией с силой сжали хлыст, но красивое лицо, из-за которого в юные годы полководец немало претерпел от любвеобильного батюшки Бернара и Марциала, осталось спокойным. Мальвани, давно усвоивший нехитрую истину, что лицо и голос полководцу даются для того, чтобы скрывать дурные известия и еще более дурные предчувствия, бесстрастно выслушал сбивчивый рассказ молодого офицера с опаленными бровями, задал несколько уточняющих вопросов и велел аюданту позаботиться и об этих людях, и о других, которые вскоре появятся. Затем командор приказал разбить лагерь у переправы через неширокую речку с заболоченными берегами, покрытыми сочной травой, среди которой желтели цветы ядовитого курослепа.

Войско быстро и деловито приступило к бивуачным хлопотам, однако новость о поражении разнеслась со скоростью степного пожара. Ставя палатки, расседывая лошадей, выставляя дозоры, люди думали и говорили об одном и том же, поглядывая в сторону невысокого пригорка у дороги, на котором вырисовывался четкий силуэт всадника в шляпе с пыльным плюмажем.

Стройный юноша в сером с алым мундире (старший сын командующего, взятый за излишнее молодечество из полка «Серых голубей» в штабной отряд и страшно этим тяготившийся) не выдержал и подъехал к маршалу с твердым намерением потребовать объяснений, но, как это часто бывало, в последний момент заробел.

Какое-то время оба — и сын, и отец — молчали. Наконец Мальвани, не поворачивая головы, окликнул:

— Анрио?
— Да, — отозвался сын и дрогнувшим от волнения голосом добавил: — Монсигнор.
— Ты, разумеется, все уже знаешь. Как думаешь, что мы будем делать дальше?
— Догоним узурпатора и дадим ему бой!
— Нет, — покачал головой Сезар, — нас двадцать пять тысяч, их много больше. Если чертов тарскийец разбирается в стратегии — а он разбирается, Проклятый его побери! — он встал на тех же высотах, на которых стоял Ландей. И ждет нас, чтобы расколотить.
— Но...
— Никаких «но»! Мне не больше твоего хочется отступать, но мы должны спасти армию, это, похоже, все, что осталось у Арции.
— Отступить? Теперь?! Отец! Это невозможно!
— Корнет Мальвани! Вы забываетесь!
— Прошу прощения, монсигнор!
— Так-то лучше. Мы останемся здесь день или два. За это время сюда сойдутся все, кто уцелел и у кого хватило ума пойти нам навстречу. Годой будет торчать на Лагском поле, и пусть его торчит, хоть травой порастет. Мы же вернемся в Гверганду и подготовим ее к обороне.
— Но враг у стен Мунта.
— Мунт потерян в любом случае, — отрезал Сезар, — но война пока не проиграна. Она будет проиграна с потерей армии и гибелью всех, кто может поставить этого выскочку на место. Нужно быстрее собрать силы и, чего греха таить, вступить в союз с Арроем.
— Фи, этот пират...
— Этот пират, сын мой, в отличие от Базилека истинный Волинг и не трус. А потом, у нас нет выбора. Или ты предпочитаешь сдать на милость Годоя? Он будет рад.
— Нет!
— И я не хочу. И дело даже не в том, что это позор для арцийского офицера. То, что я слышал про этого тарскийца... Ну да об этом не сейчас. А теперь иди, я хочу побыть один. Мне нужно попрощаться с Франсуа...
— Я не понимаю, отец!
— И хвала Творцу, что не понимаешь...

Эстель Оскора

Мы с Шани сидели на смотровой площадке Герцогского Замка — самого высокого здания Идаконы, если исключить Башню Альбатроса и Грозовой Маяк, но туда посторонних не пускали.

После того как Гардани не выдал меня Рене, я доверилась графу почти во всем (о моей любви к эландскому герцогу незачем было знать даже Шани) и была вознаграждена — у меня появился друг, при котором можно было не опускать глаз и не делать из себя комолую корову. На всякий случай я рассказала все, что со мной приключилось в последние десять месяцев, но с условием — Рене узнает правду, только если от этого будет зависеть что-то очень важное. Шани обещал, и я не могла ему не верить. Ему вообще нельзя было не доверять, чести этого человека с успехом хватило бы на армию рыцарей, собирающихся в Святой поход. Еще одним человеком, при котором я могла оставаться сама собой, стала Белка, которой отец сказал, что его вылечила именно я, после чего девчонка занесла меня в список своих лучших друзей. К счастью, она была слишком поглощена своими военными штудиями и кипящими вокруг событиями, чтобы задумываться о том, отчего переменялась Герики, которую она раньше презирала. Белке было не до размышлений, вот и сейчас этот бесенок унесся встречать корабль с оружием, а мы остались на площадке замковой башни, нависающей над притихшим, ласковым морем.

Шани, прикрыв глаза, дремал, подставив лицо солнцу. Я от нечего делать наблюдала за солнечными зайчиками, прыгавшими по древним камням. И тут-то моя кровь преподнесла

мне очередной сюрприз. Когда я поняла, что за мерзость мучила Шандера, я словно бы обрела новое зрение, позволяющее видеть сущности, недоступные человеческому глазу. Впрочем, те же кошки видят их совершенно спокойно, так что это вряд ли можно было считать магией, скорее древней-древней памятью крови, памятью о тех временах, когда люди меньше думали, но больше замечали.

Если финусы были отвратительны и голодны, то эти были прелестны и всем довольны. Больше всего они походили на солнечных зайчиков, но их прихотливая пляска не зависела от игры солнечных лучей с молодыми березовыми листьями. Легкие, светящиеся, словно бы сотканные из света и тени существа резвились на светло-серых нагретых камнях. Я словно бы ощутила переполняющую их радость бытия, любопытство, присущее зверенышам, и... силу. Они вовсе не были беспомощными, эти солнечные котята. Если бы им подвернулась добыча, они бы с восторгом начали охоту. А пока их вполне устраивали прихотливые прыжки среди пляшущих теней. Но мой взгляд они все же почувствовали. Игра прекратилась, и полтора десятка странных созданий замерли, присматриваясь (или что у них там было предназначено для подобных случаев) к моей скромной персоне.

Это было прелестное и совершенно невозможное зрелище: среди постоянно сменяющих друг друга солнечных зайчиков несколько светлых и темных пятен, словно бы приклеившихся к одном месту. Я тоже замерла, боясь спугнуть проказников. Наконец один, не самый крупный, но самый отважный, двинулся вперед, а за ним еще двое. Остальные выжидали. Я затаила дыхание. Живой лучик весело и целеустремленно бежал ко мне. Я видела его, хотя на залитой солнцем площадке это было не легче, чем следить за черным котенком в темной комнате, если бы тот вздумал пошутить и прикрыть глаза. Следом двинулись котята-тени, два темных бесплотных пятнышка жизнерадостно бежали ко мне вместе с приятелями.

Когда эти существа дружной стайкой взлетели мне на колени, а один пробежал по рукаву и устроился на плече, меня охватила какая-то невыносимая легкость. Я чувствовала их присутствие каким-то шестым или седьмым чувством. Это действительно напоминало игру с котятами, но котятами, являвшими собой то тепло скользящего солнечного луча, то прохладное прикосновение тени. Странное я, должно быть, представляла зрелище, сидя на невысоком каменном парапете. Надо мной не было ни облачка, а на моих коленях возились, карабкались друг на друга пятнышки света и тени, словно я устроилась отдыхать под деревом в солнечный, но ветреный день. Впрочем, похоже, их, кроме меня, никто не видел. Во всяком случае, проснувшийся Шани смотрел на меня совершенно спокойно. Я с трудом подавила в себе глупое желание спросить, не нужно ли ему чего. Он, даже когда был совсем болен, морщился от подобной заботы. А уж сейчас и вовсе старался выглядеть здоровым.

Поразительно, как наше желание кому-то помочь иногда становится для этого человека страшной пыткой! Раньше я этого не понимала.

— Как ты думаешь, какая сейчас ора? — Гардани весело улыбнулся, и я поняла, что пришел конец не только тварям, вызванным к жизни магией Годоя, но и самой памяти об этом. Шани больше не чувствовал себя калекой, и это было прекрасно. В глазах у меня что-то подозрительно защищало, и я, чтобы скрыть неловкость, вскочила на ноги:

— Думаю, после полудня прошло не больше оры, самое время спуститься к морю. Пойдешь?

Разумеется, он пошел. Впрочем, моя идея пришлась по душе и солнечным котятам, которые и не подумали разбежаться, когда я встала. Им было все равно, лежит ли моя юбка у меня на коленях или болтается при ходьбе. Эти забавные сущности каким-то образом ухитрялись держаться на ней, даже когда я спускалась по лестнице. Ну и хорошо, они мне нравились, эти котята, — любопытные, веселые и наверняка беззлобно жестокие, как любые звереныши.

Арция. Мунт

Роскошные часы, заключенные в раззолоченный футляр черного дерева, глупо и самодовольно пробили одиннадцать раз. Перед дверью в покои императора сменился караул — двое гвардейцев-южан в вычурных раззолоченных мундирах для красоты и четверо гоблинов в черной коже для надежности. Важный и благообразный, как клирик высокого ранга, слуга в сопровождении еще одного гоблина прошествовал с подносом — император изъявил желание освежиться!

Вообще-то усевшийся на троне арцийских владык человек императором не был. Но он был победителем, а победителей лучше всего называть так, как они того желают. Михай Годой желал, чтоб к нему обращались как к императору. Не обремененная излишней щепетильностью многомудрая дворцовая челядь немедленно приняла это к сведению, и в императорской резиденции все покатилося по накатанной колее, словно бы и не было никогда императора Базилека и сокрушительного поражения, нанесенного Арции на Лагском поле. Полчища лакеев, кастелянов и поваров усердно выполняли привычную работу, разве что прекратив до поры до времени воровать — Годой и его страшноватые Союзники вызывали легкую оторопь, и попасться им под горячую руку не хотел никто.

Сам же Годой, хоть и водворился в покоях Базилека, чувствовал себя не совсем уверенно. Да, пока ему все удавалось, но в каждой удаче были пусть маленькие, но червоточинки, не позволяющие насладиться полнотой победы. Он захватил власть в Таяне, но упустил Рене. Он далеко, очень далеко продвинулся по дороге тайного могущества, но проклятый эландец, похоже, знает не меньше. Наконец, он, Михай Годой, наголову разбил арцийскую армию, заодно убедившись в своем умении удерживать однажды взнузданных. Но проклятый Феликс уцелел и даже сохранил немалую силу, а пока нынешний Архипастырь жив, ни о каком примирении с Церковью не может быть и речи. Брат же Кантиску штурмом Годой очень не хотелось. Город был отлично укреплен, а Добори и Феликс показали себя умелыми военачальниками. Если б кто-то из них принял командование после смерти маршала, еще вопрос, за кем бы осталось Лагское поле. К тому же тарскиец понимал, что разорение Святого города делает его в глазах верующих святотатцем и еретиком, а он намеревался править Благодатными землями долго и спокойно, да и чудеса, которые творились в Кантиске, тарскийца волновали очень и очень. В Творца Годой не верил, но, обладая магическими знаниями, готов был допустить, что происшедшее с попытавшимся завладеть перстнем Проклятого Порраком — дело рук колдуна, балующегося Запретным, а то и вовсе треклятых эльфов, про которых известно лишь то, что они где-то есть. То, что произошло в храме Эрасти, было непонятным и пугающим. Конечно, новый Архипастырь и его дружки всего не рассказывали, но Годой представлял силу убиенного ройгианца, уничтожить которого было очень и очень непросто. Да, похоже, придется изыскивать способ устранения Феликса руками самих церковников, а для этого нужно время.

Другой, хоть и меньшей головной болью был командор Мальвани с его армией. Тарский господарь рассчитал время сражения так, чтобы тот не успел соединиться с войсками империи. Он не сомневался, что Сезар бросится на захватчиков в надежде отомстить и будет уничтожен. Но нет. Войска Годоя зря простояли на Лагском поле больше кварталы. Мальвани не пришел, и регент не мог отделаться от мысли, что где-то болтаются двадцать пять тысяч обученных и прекрасно вооруженных воинов. Хорошо хоть Мальвани и Феликс никогда не встретятся, так как между ними оказалась армия Годоя.

Решено, Феликса он запрет в Кантиске, пусть сидит там, пока что-то не произойдет, а насколько Михай Годой знал клириков, нечто произойдет обязательно. Архипастырь выступил против того, кто оказался сильнейшим, а Церковь всегда поддерживала победителей. Нет, о Феликсе можно не думать, его сожрут свои же собраты, сожрут не позже чем к осени...

Тарскиец вальяжно откинулся на мягкую спинку дивана, смакуя императорское вино.

Базилек при всей своей бездарности держал прекрасные погреба. Хорошо, что он удрал со всем семейством. Бежавший император в глазах подданных куда ниже, чем император покойный и тем паче убиенный император. Ему, Михаю Годой, осталось лишь подобрать брошенный впопыхах скипетр. Нет, положительно, проклятый Архипастырь застрял костью в горле. Без благословения Церкви императорская корона остается просто бессмысленной красивой штукой с алмазами и сапфирами, а он — отлученным от Церкви узурпатором.

Тарскийский господарь в сердцах так сжал ножку бокала, что она рассыпалась на части, и осколок пурпурного стекла поранил ясновельможную ладонь. Годой, изрыгнув парочку проклятий, зажал ранку тончайшей салфеткой и со злостью взглянул на вошедшего Уррика.

— Господарь, — гоблин не счел нужным менять обращение, а Годой не настаивал — понимал, кого можно и нужно учить пресмыкаться, а кого нет, — пришли двое, назвавших Ключ-слово. Именуемый Ванста и гонец из Лаги.

— Зови, — отрывисто бросил Годой, — сначала гонца.

Запыленный тарскиец преклонил колени и протянул свиток. Новости были не из приятных. Мальвани оказался слишком умен и, узнав о разгроме, повернул назад. А узнал он не от кого-то, а от проклятого Архипастыря, который провел всех. Церковное войско с присоединившимися к нему остатками арцийской гвардии соединилось с Северной армией, но, вместо того чтобы дать бой, арцийцы повернули на Гверганду.

Больше в письме ничего не было, но Годой не сомневался, что, выбирая между ним и Рене Арроем, Феликс и Мальвани без колебаний встанут на сторону последнего. А это значит, что у Эланда появилась очень неплохая сухопутная армия, которая намертво запирает приморский путь во Внутренний Эланд. С одной стороны, это было бы не так уж и страшно, пусть сидят у Гверганды и не мешают прибираться к рукам Арцию. Потом он с ними со всеми разберется. Но Архипастырь!!! С ним надо что-то решать, и решать быстро.

Отпустив гонца, Михай пригласил Вансту. Пишнотелый кудрявый шпион и на сей раз не унился до раболепства. Ванста знал себе цену. Это раздражало, но без его услуг было не обойтись. Скорее всего именно ему и предстоит заняться Архипастырем. Но сначала главное.

— Ну и? — Ванста только пожал полными плечами и заговорил не раньше, чем налил себе вина и устроился в кресле напротив Михая.

— Я привез женщину, именующую себя вдовой Стефана Таянского. Полагаю, она представляет некоторый интерес хотя бы потому, что является племянницей императора.

— Не Герику?!

— Отнюдь нет. Это Марина-Митта, она весьма красива и не расположена к монашеским строгостям. Про Герику же ни в указанном тобой монастыре, ни в иных, расположенных рядом, никто не слышал...

2229 год от В.И.

12-й день месяца Медведя.

Эланд. Идакона

— Итак, Годой все же прельстился императорской короной. — Старый Эрик рассуждал вслух, пытаясь представить, что творится на дорогах империи. Увы! После известий о вторжении в Арцию и переданных верными людьми сведений о том, что командор Мальвани внезапно вывел Северную армию из Гверганды и форсированным маршем направился на юго-восток, не оставив в городе не то что приличного гарнизона, но даже самого завалящего отряда, новостей не было. Оставалось лишь гадать и готовиться к бою.

— Что ж, — кардинал Максимилиан, допущенный Рене к ежедневным военным советам, поправил наперсный Знак, — сообщивший нам о вторжении Луи Арцийский оказался неглуп и смел. Надо надеяться, они сумеют задержать Годоя до подхода главных сил. В любом случае, Эланд пока в безопасности.

— Только вот поверят ли Луи в Мунте, — тряхнул темной шевелюрой Шандер Гардани, — хотя даже коту подзаборному, и тому ясно, что Базилеку следует разослать гонцов к вассалам и Архипастырю и, выйдя из столицы, форсированным маршем выдвинуться к Лагу.

— Да, Лаг — подходящее место, — почти равнодушно согласился Рене Аррой, — хотел бы я знать, жив ли сейчас этот Луи и как долго ему удалось сдерживать тарскийцев. Боюсь, те, кто сидит в Мунте, куда глупее котов и трусливее крыс.

— Рене, — Шандер задумчиво повертел все еще спадающее с исхудавшей руки графское кольцо с короной, — ты уверен, что не стоит посылать гонцов в Кантиску?

— Феликс и так знает все, что знаем мы. И даже больше, — покачал седой головой адмирал, — Кантиска от Мунта ближе, чем Идакона, а клирики всегда давали фору любым разведчикам, да и Луи ему отписал. Думаю, Святое войско уже выступило навстречу тарскийцам, и, если это так, — голубые глаза Рене нехорошо сверкнули, — Феликс совершает самую страшную из возможных ошибок!

— Ошибок? — Шандер не поверил своим ушам. — Но разве можно поступить иначе?!

— Ошибок, Шани, — повторил герцог, — он позволяет Годой бить всех по очереди, причем каждая победа делает регента сильнее и ослабляет не только проигравшего, но и того, кому вступать в бой следующим.

— Ты говоришь так, словно война уже проиграна.

— Арция проиграет войну с Таяной, мне это очевидно. Михай наверняка разобьет, если уже не разбил, имперскую армию до подхода Феликса и Мальвани, даже если у тех вырастут крылья. Феликс опоздает на три-четыре дня, Мальвани на все восемь.

— Феликсу следовало бы ускоренным маршем идти не в Мунт, а на Гверганду, на соединение с Мальвани и с нами, — подал голос Диман, — или, на худой конец, запереться в Кантиске и разослать гонцов по всем еще не захваченным землям, а не ввязываться в игру по правилам Годоя. Не хочу быть пророком, тем более черным,⁹¹ но Михай сейчас вполне может распоряжаться в Мунте, склоняя на свою сторону арцийскую знать...

— Но кто пойдет за узурпатором, тем более отлученным от Церкви? — пожал плечами Максимилиан.

— Э, Ваше Высокопреосвященство, вам ли не знать, что к победителям всегда относятся снисходительно. А Годой сейчас на коне, никуда от этого не денешься.

— Пока на коне, — уточнил Эрик.

— Да, «пока», и от нас зависит, чтобы это «пока» наконец закончилось. Проклятый бы побрал Базилека и его прихвостней! — Аррой стиснул кулаки и замолчал, пытаясь взять себя в руки. Затем нарочито спокойным голосом продолжил: — Давайте исходить из того, что Годой уже стал или вот-вот станет хозяином Арции, а Феликс разбит или заперт в Кантиске. Если дела обстоят не столь плачевно, я первый обрадуюсь, но готовиться надо к худшему. Максимилиан, вы лучше нас знаете Арцию, чего нам ждать оттуда?

Кардинал откашлялся, налил себе вина, но пить не стал, а какое-то время смотрел сквозь прозрачный кубок на свет. Затем поставил его на стол и, не торопясь, начал:

— Арция ныне не способна к подвигу духа даже во имя собственного спасения, она разнежилась и стала слишком самодовольной и равнодушной. Арцийцам приятно сознавать себя жителями величайшей из империй, но защищать ее они не поднимутся, напротив...

— То есть примут узурпатора? — холодно уточнил Эрик.

— Да, если угодно, — развел руками клирик, — если уж Таяна смирилась с властью Годоя, которого там ненавидели и презирали, и выступила против Эланда...

— Пока только против Арции, — вздохнул Рене, — хотелось бы верить, что это связано именно с тем, что таянцы не хотят с нами воевать. Одни потому, что помнят старую дружбу, другие потому, что побаиваются. Другое дело Арция. В Таяне немало таких, кто по

⁹¹ Черный пророк — человек, обладающий даром предвидеть грядущие беды.

тем или иным причинам был вынужден покинуть империю и искать удачи у Последних гор. Многие были бы не прочь расквитаться со старыми обидчиками. Те, кто бежал раньше, завещали месть своим детям. Да и пограбить Базилека приятно, добычи там хватит на всех баронов Фронтеры...

Нет, Годой прав, начав с Мунта. Если он поведет себя умно, к нему примкнет большинство арцийских нобилей. Конечно, ему будет мешать Церковь, но Церковь, к несчастью, не только Феликс и наш друг Максимилиан, — Рене кивнул кардиналу и приподнял свой кубок, словно бы смягчая этим символическим жестом горечь своих слов, — да, пока Феликс жив и свободен, официального благословения Годой не получит, но этот мерзавец владеет магией, и неплохо. У него хватит ума устроить несколько знамений и чудес, которые сделают положение Феликса крайне неприятным. Как вы думаете, — Рене резко свернул тему, — что предпримет Годой — будет укреплять свои позиции в Арции или сразу примется за нас?

— Думаю, — проворчал Диман, — сначала прикормит нобилей и разберется с Церковью. Мы в мешке и никуда от него не денемся...

— Отчего ж никуда, — Рене презрительно усмехнулся, — мы можем уйти за море, где нет и быть не может никакого Годоя, — другое дело, что речь идет не о войне Эланда с Таяной и Арцией, а о том, жить или не жить всем Благодатным землям... Именно поэтому я уверен — узурпатор ждать не станет. Что-то гонит его вперед, и он не сможет остановиться, даже если захочет.

Нельзя забывать и о другом — о гоблинах. Эти воюют не по приказу и не за награду, а за своих богов, возвращение которых им пообещал Годой. Но он не может выполнить обещанное, а значит, гоблины должны погибнуть до того, как поймут, что все обман. Думаю, он намерен перемолоть их в эландской мясорубке, одновременно укрепляя свои позиции в империи, благо это нетрудно. Базилек с Бернардом сделали все, чтобы Арция обрадовалась любому глотку свежего воздуха... Годой же будет всем обещать все и, возможно, даже кое-что исполнит. Если при этом он не будет особенно много грабить, его примут.

— Когда его ждать здесь? — тусклым голосом поинтересовался Шандер.

— Вряд ли позже, чем к началу осени. Но и не раньше месяца Дракона. Поэтому я еще раз спрашиваю, что будем делать?

— Защищаться, — сверкнул глазами старый маринер, — если он попрется из Арции, у него два пути — морем через Гверганду или вдоль берега.

— Годой — мерзавец, но дураком отродясь не был, — пожал плечами Шандер, — он не может не понимать, что вы пустите имперские лоханки на дно прямо в проливе.

— Именно, — согласился Рене, — значит, будет ломиться через побережье, а там песок, мелководье. Если нужно, можно идти прямо по воде... Единственное место, где их можно остановить, — устье Адены у Гверганды.

— Адена — хорошая река, без вывертов, — подтвердил молчавший до этого Ягоб, — ей можно верить, это не Агая, где утром не знаешь, что будет вечером... Если их не остановить там, значит, их вообще не остановить.

— У нас еще остается Братний перешеек, — задумчиво произнес Диман, — там можно держаться и держаться.

— Это значит отдать им Внутренний Эланд, — вздохнул Рене. — Нет, придется их бить у Адены, а если в нужный момент ударить Годоя в спину, у нас появляется шанс.

— Ты все же ждешь подмоги от Феликса? — быстро осведомился Шандер.

— Нет, хоть и не исключая ее. Мы должны рассчитывать на худшее, то есть только на себя.

— Неплохо б взять на корабли тех же «Серебряных» и маринеров-добровольцев и войти в устье Адены, благо Мальвани увел с собой всех до последнего солдата, — предложил Эрик.

— Замечательно, — даже ничего не понимающий в стратегии Максимилиан был в восторге от такого простого и понятного плана, — мы легко овладеем городом и...

— Нет, — неожиданно резко сказал Рене и пояснил: — Это слишком очевидное решение. Повторяю, Годой мерзавец, убийца, чернокнижник, но он не дурак. И он знает, что такое война. Сам он шпагу в руках держит нечасто, но ему это и не нужно. Он умеет думать не только за себя, но и за врага. И меня он, к несчастью, хорошо знает. Он должен заготовить какую-то каверзу...

— Какую? — нехорошо усмехнулся Шандер. — Просто фигуры встали так, что мы обречены схватиться на Аденском рубеже и выяснить, у кого лоб крепче. Так бывает, вспомни поход Анхеля или Угскую битву...

— Нет, Шани, — негромко и устало и оттого еще более убедительно сказал герцог, — Годой не из тех, кто все ставит на одну карту. Вспомни, мы ведь ни разу не смогли его обойти, даже когда у нас были все возможности. Нам казалось, мы играем свою игру, а на деле шли у него на поводу. Только самый первый раз я чуть было не одержал над ним верх, но регент больше не ошибался. В отличие от меня... Говорю вам, он ХОЧЕТ, чтобы его ждали на берегу Адены.

— Ну и что? — не понял Максимилиан. — Если это единственная дорога, значит, так и надо. Он же не Господь наш, чтобы творить по своему усмотрению сушу и воды, значит, пойдет там, где можно пройти...

— Так-то оно так, — Диман задумчиво тронул шрам на щеке, — только Паладин прав — нельзя все яйца класть в одну корзину, даже если она хорошо сплетена и украшена ленточками... Беда только, что ничего путного в голову не приходит. А вдруг он вообще не пойдет в Эланд, а благополучно вернется себе в Таяну и ударит через переправу? Или, может, у него там еще одна армия есть, и она нам в спину как раз и выйдет.

— Сомнительно, — задумчиво проговорил Шандер, — судя по тому, что пишет «эмико», Годой собрал всех, кто мог и хотел попытать счастья в походе. В Гелани остались только тарскийские головорезы и немного гоблинов, чтоб поддерживать порядок. Их он на нас не бросит — восстание в Гелани ему не нужно. А вообще-то Годой удобнее всего о нас забыть. От того, что мы сидим в своих скалах, ему не жарко и не холодно, а вот нам без таянского хлеба и железа долго не выдержать.

— Ты прав, — отозвался Рене, — и не прав одновременно. Да, если нас запереть лет на двадцать-тридцать, Эланд превратится в такое же пиратское гнездо, каким был до Рикареда. Или нам придется каким-то образом выкручиваться, вступать в морской союз с теми же атэвами и так далее. Только дело в том, что нет у Годоя этих двадцати лет. Нет, и все, я это точно знаю, — Рене яростно сверкнул глазами.

— Почему? — не понял Диман.

— Потому, — махнул рукой Аррой, — что гоблины ждут возвращения своих Созидателей, а значит, они должны сделать свое дело и упасть с доски до того, как поймут, что их надули. Михаю нужна не просто битва — резня! Резня, после которой он сможет не беспокоиться ни о нас, ни о своих клыкастых союзниках.

— Значит, он хочет, чтоб мы раскрыли его военные планы, — порадовался собственной проницательности Максимилиан, — чем лучше мы подготовимся, тем меньше гоблинов у него останется. А может, у него в их горах свой интерес есть — мужчины ушли и погибли, а стариков и детей он приберет к рукам.

— Гоблинов к рукам не прибрать, — отмахнулся Рене, — их проще перебить. Не знаю, может, мы и правильно все просчитали, но сидеть и ждать у моря погоды не по мне. Ну не может быть так, чтобы ничего нельзя было сделать.

— Договориться с атэвами? — полувопросительно-полуутвердительно произнес Шандер.

— В некоторых случаях Церковь допускает союз с еретиками, — важно кивнул кардинал, — если Майхуб ударит по южанам...

— То Годой окажется защитником отечества от неверных и с помощью ваших недоброжелателей, Максимилиан, превратится в героя и вождя. А уж если будет известно о наших переговорах — а о них будет известно, так как в Эр-Атэве можно купить все, в том

числе и любого сановника, а скупиться Годой не будет, — то мы окажемся и вовсе в незавидном положении.

— Ну что мы тогда сможем сделать? Не с гоблинами же нам договариваться, — проворчал Диман.

— С гоблинами? А что, это мысль. Если они поймут, что их водят за нос... Беда, что мы не знаем, как с ними связаться и заставить себя выслушать. Нам нужны доказательства того, что Годой их обманывает, нам нужно заставить себя выслушать, а я пока слабо представляю, как их можно добыть. Если б, конечно, найти этого... как его звали, Шани?

— Уррик, Уррик пад Рокэ. Но он вернулся в Гелань...

— Проше дана,⁹² — Зенек возник на пороге, виновато улыбаясь, — проше дана монсигнора, до бухты просится корабль. Здоровый, — аюдант широко развел руками, видимо, показывая, каким здоровым было незнамо откуда взявшееся судно.

— Какой еще корабль?! — быстро переспросил Рене. — Что за сигнала? И что, по-твоему, значит «здоровый»?

— Здоровый значит больший за все, что стоять у бухте, — уверенно ответил Зенек, — а сигнала, кажуть, императорская. И что на ем сам император с императоршю приехали.

— Этого еще не хватало! — герцог на мгновение задумался, отчего лицо его стало отрешенным, как на древней иконе. — Передай Лагару — никого не впускать, пока не разберутся, кого на самом деле принесло. Узнают — ко мне немедленно. А этих, на корабле, держать на дальнем рейде, будь там хоть сама святая Циала. Только Базилека с его уродами нам тут и не хватало для полного счастья.

— Рене, — Шандер Гардани порывисто отодвинул от себя карту, на которую для собственного удовольствия тщательно наносил все ведомые лично ему проходы в Рысьем кряже, — откуда тут взяться императору?

— Ума не приложу, — скривился Рене, — думаю, посольство какое-то, а флаг для пущей важности подняли или со страху. Наверняка ведь догадываются, что мы знаем, как они сговорились с Годоем, а он окрутил их, как глупую обезьяну ее же собственным хвостом. Только вот чего им от нас надо? Не удивлюсь, если этот мерзавец собрался просить о помощи.

— Имеешь в виду Бернара? — поднял соболиную бровь Шандер. — С него станется.

— Ты его знаешь, если я ничего не путаю?

— Видел. А знать его никто не знает, даже собственная жена. — Шандер встал из-за стола, подошел к окну и настежь распахнул створки. Герцог про себя улыбнулся — столь очевидным было наслаждение, которое граф испытывал, делая вещи, о которых обычный человек и не задумывается. Для Шандера же, полгода прикованного к постели, самому дойти до окна было счастьем.

— Ну и как тебе канцлер? — повторил свой вопрос Рене.

— Самое смешное, что никак. Человек как человек, не красавец, не урод, глаза умные, губы вечно поджаты, одевается роскошно, но смешным при этом не выглядит. Отец его по расчету женился, а сам все на смазливых корнетов поглядывал. Младший братец Бернара, тот, что наемниками-южанами командует, точно в папашу уродился, хотя в смелости и уме ему не откажешь. Про Бернара ничего толком не известно, но жене он вроде не изменяет. Одно точно, сказать правду для него то же, что для меня взлететь.

— Хороша рыба, только есть тошно, — Эрик неодобрительно покачал головой, — что ж, будем надеяться, что к нам все же послали человека с остатками совести, того же Нурнига, например.

— Думаешь, он скажет тебе правду?

— Не исключаю, — внезапно согласился Рене, — Нурниг бывал у нас и раньше, граф

⁹² Дан (дана, даненка) — сударь, сударыня. Проше дана — вежливое обращение фронтерского и таянского простолюдина к вышестоящему или дворянина к уважаемому простолюдину.

умен, и к тому же ему, в отличие от тех, кому он служит, не наплевать на Арцию. Хотя, — Аррой громко расхохотался, — все может быть куда проще — похоже, этот сумасшедший Герар просто-напросто украл Базилеков флагман и появился к нам на помощь. С него станется.

— Думаешь?!

— Почти уверен. И чертовски рад этому. Герар хороший моряк и друг настоящий, да и про Арцию может много чего рассказать.

Рене оказался и прав, и не прав одновременно. Корабль, вошедший в залив Чаек, действительно оказался «Короной Волингов», капитаном которой был Паол Герар, благополучно преведший многопушечный фрегат сначала ненадежным фарватером Льюферы, а затем через изобилующее мелями и рифами Сельдяное море и Ангезский пролив. Но Рене и ошибался — на борту в самом деле находился император Базилек с семейством, приближенными и казной.

Зенек вручил Рене два письма. Одно запечатанное личной печатью самого Бернара и другое кое-как накорябанное моряцкой ручищей, на наспех оборванном листе, правда очень дорогой канг-хаонской бумаги. Рене бегло просмотрел оба послания и нехорошо ухмыльнулся:

— Шани, ты с утра до ночи допекаешь меня тем, что здоров и жаждешь что-нибудь делать.

— Неужели ты сменил гнев на милость и я больше не буду даром есть твою рыбу?

— Не будешь. Оденься попышнее и собери тех «Серебряных», которые еще не забыли, как пускать пыль в глаза важным персонам. Выдержишь ору на ногах?

— Да хоть три, — оживился Шандер, — что случилось-то?

— Ничего хорошего, уверяю тебя, — успокоил Рене, выскакивая из комнаты вместе с кардиналом.

Адмирал стремглав пронесся по ступенькам герцогского дворца. На точеном лице последнего из Волингов не читалось ничего, но внутри его все кипело. Вместо того чтобы помочь или хотя бы не мешать Архипастырю, объявившему Святой поход, безмозглые императорские советники вступили с Феликсом в препирательства, затянули время, докатились до прямого предательства, а в итоге загубили армию и, бросив на растерзание несчастную страну, удрали. И не куда-нибудь, а в Эланд! На правах родственников!

Когда императорское семейство пускалось в бега, враг был в однодневном переходе от Мунта и сдерживать его было некому...

Глава 16

2229 год от В.И.

12-й день месяца Медведя.

Эр-Атэв, Эр-Иссар

Издали донесся заунывный, протяжный клич, похожий на закатный вой шакала в степи. Глашатай Истины возвещал адептам пророка Баадук⁹³ что пришел час полуденной молитвы. Все мужчины, достигшие четырнадцати лет, преклоняли колени там, где их настигал зов. Базарные площади, заселенные ремесленниками кривые улочки, сады вельмож и лачуги нищих — все превратилось в один гигантский, накрытый синим небесным куполом храм, в котором последователи истинной веры славили Всеотца и его пророка. Во всем Эр-Иссаре был только один человек (женщины, рабы, евнухи и иноземцы в счет не шли, у женщин, как известно, души нет, а прочие и так будут прислуживать на том свете тем, кого

⁹³ Баадук — основатель религии атэвов, у которых почитается пророком.

осенил свет Баадука), не считавший нужным напомнить о себе владыке Неба. Он мог себе это позволить, так как по эту сторону пролива не было никого, не склонившегося пред величием Майхуба сына Джуббы сына Адара.

Калиф досадливо наморщил соболиные брови — вопли глашатаев мешали сосредоточиться на том важном, что не давало ему покоя третий день. Майхуб соскользнул с низкого дивана и самолично захлопнул выходящее в глубокую лоджию окно. На первый взгляд владыка атэвов казался изнеженным и манерным, но под шелком скрывалась сталь. Не наделенный богатырским ростом и могучим сложением, как его отец и дед, он унаследовал от них ловкость и беспощадность дикой кошки и выносливость верблюда. Майхуб был четвертым сыном Джуббы, но атэвы не чтили первородства, подобно живущим за проливом презренным хансирам.⁹⁴ Главой рода должен стать сильнейший. Хараш был сильнее Майхуба, Джамал злее, Низар красивее и хитрее, а Фарид превосходил всех ученостью. Но саблю отца и седло калифа получил Майхуб.

Трое старших братьев властелина нынче вкушали вечное блаженство в объятиях райских дев, а книгочей Фарид, навеки утратив необходимость в девах, предавался излюбленному занятию в угловой башне мозаичного дворца. Царедворцы, внимательно наблюдавшие за схваткой наследников — голова у человека лишь одна, и склонить ее надо вовремя и перед тем, кем нужно, — не сговариваясь, предрекли четвертому сыну Джуббы великое царствование. И не ошиблись. Саблей и золотом он уже четырнадцать лет держал в руках весь север великого Сура.⁹⁵

Придворные не раз уговаривали владыку перейти через пролив, но Майхубу не была нужна Арция. Когда-нибудь небесно-синие знамена Атэва накроют весь мир, но это будет нескоро. Ему не увидеть. Пока же с хансирами лучше торговать, а не воевать. Они еще сильны. Майхуб хорошо помнил битву при Авире, так удачно проигранную его отважным братом. Хараш возжелал накормить коней виноградом арцийских долин и пополнить свой гарем светловолосыми девственницами, но кто уходит за шерстью, рискует вернуться стриженным... Майхуб не был склонен повторять чужие ошибки — можно и нужно брать в плен хансирские суда и тайком покупать красивых девушек и мальчиков, но воевать?

Другое дело эландцы, эти морские псы были достойными соперниками атэвских корсаров. Половина того, что добывали атэвы на море, попадало не на юг, а на север. Но Эланд был далеко, и разгромить это драконье гнездо Майхуб не мог, а быть смешным, проклиная северных разбойников, не желал. По молчаливому уговору эландцы и атэвы рвали друг друга на куски тихо. Каждый, выходя в море, понимал, что может не вернуться. Правда, эландцы были милосерднее — пленных атэвов они сразу же убивали.

Глашатай замолк, и калиф небрежным движением ударил в небольшой гонг. Обитая позолоченной медью дверь распахнулась, и перед владыкой простерся ниц дежурный евнух. Если приказание, отданное Майхубом, его и удивило, он не показал виду, а, облобызав пол, по которому ступали синие сапоги владыки, пятясь вышел.

Калиф потянулся было к кальяну, но передумал и, откинувшись на спину, прикрыл глаза. Он не был до конца уверен в том, что поступает верно, но лучше жалеть о содеянном, нежели о том, что не сделано. Беспокойство песчаной гадюкой вползло в сердце владыки атэвов после разговора с толстым ростовщиком, поспешно сменившим мунтские каштаны на мимозы Эр-Иссара. Калиф знал о происходящем в его городе все, и появление Ле Пуара со чада и домочадцы для него не прошло незамеченным. Владыка удостоил беглеца личной беседой, милостиво приняв дары, стоившие не менее трех кораблей, и узнал немало интересного про тарскийского господаря.

Если б речь шла о войне между хансирами, Майхуб одобрил бы победителя, так как

⁹⁴ Хансир — у атэвов презрительная кличка всех северян.

⁹⁵ Сур — южный материк, расположенный за Атэвским проливом.

сильный всегда прав, даже если его сила изливается на слабых потоками огня. Скорее всего атэвы бы присоединились к пиру победителя, порезвившись на юге убиваемой Арции, а затем убралась бы за пролив. Но Михай Годой не был обычным завоевателем, за ним стояли какие-то странные силы, которые могли не насытиться кровью империи, калиф же не рассчитывал, что Баадук защитит своих последователей. Позволил же пророк пять сотен лет назад упасть на Эр-Атэв железной звезде, уничтожившей старую столицу, да и шествие морового поветрия, случившееся в год Черной Коровы, Майхуб остановил не молитвами, а огнем, в котором сгорела зараза вместе с еще живыми зараженными.

Нет, ни на Баадуга, ни на самого Творца надежды не было, и калиф решил действовать не дожидаясь, когда беда осадит коня у ворот Эр-Иссара.

Дверь открылась, и давешний евнух распростерся на полу:

— Он здесь, о Лев Атэва!

— Веди.

— Но, владыка владык, этот презренный грязен и смраден, как стадо свиней, и опасен, как бешеный буйвол.

— Хватит, Юкмед, — брови повелителя на волос сдвинулись к переносице, этого было достаточно, чтобы евнух пятясь вышел и спустя мгновение в зал вступили два могучих воина в белом. Между ними на двух цепях шел высокий светловолосый человек в короткой тунике, перепачканной в смоле.

— Оставьте нас, — махнул рукой калиф.

Воины переглянулись, но ослушаться не осмелились и бесшумно удалились. Закованный молчал, глядя очень светлыми серыми глазами на развалившегося на подушках владыку атэвов.

— Ты дерзок, это хорошо, — рука с остро отточенными ногтями отсчитала несколько бусин на четках из черного янтаря, — ты был капитаном эландского корабля?

— Я маринер и умру маринером, — пленник с вызовом вскинул голову.

— Как тебя зовут, хансир? — Эландец вызывающе молчал, но Майхуба это, казалось, забавляло. — Я мог бы тебя бросить собакам или снять с тебя кожу, хансир, — калиф отложил еще две бусины, — но я поступлю по-другому. Я отпущу тебя и всех эландских рабов, еще не забывших имя отца и песню матери. Я дам вам три корабля, чьи трюмы заполню вином, зерном и оружием, и ты отведешь эти корабли к дею Арраджу и передашь ему письмо.

Пленник, на лице которого дерзость сменилась удивлением и непониманием, недоумевающе смотрел на «сурианского Льва».

— Я скажу тебе больше, чем своим воинам, — Майхуб резким движением отбросил четки, — ибо они знают сладость повиновения, а тебе она недоступна. За проливом идет война, Владыка Холодных Гор дей Миххад напал на Эр-Арсий и победил. Теперь он ищет победы над Эр-Иджакон. Но я этого не хочу, а потому возвращаю вашему дею его воинов и дарю им еду и оружие.

— Меня зовут Иоган Рамер, и я могу сделать, что хочет повелитель Атэва, но я должен быть уверен...

— Тебе придется поверить, Ходжан, — в глазах калифа сверкнула черная молния. — Дей Миххад — черный колдун, если он сломает хребет Эр-Иджакону, рано или поздно он перепрыгнет пролив. Так пусть дей Аррадж обрежет сыну змеи уши и нос и прибьет над порогом худшей из своих жен. Когда Льву Атэва и Волку Иджакону будет тесно под одним солнцем, клыки и когти решат, кому властвовать, а кому умереть. Но это будет честный бой, достойный мужчин и воинов. Пока же презренный Миххад оскверняет своим дыханьем пророка, Эр-Атэв и Эр-Иджакон встанут спина к спине. Я сказал!

— Я понял, — твердо произнес маринер Иоган, — и исполню, — он подумал и добавил: — Клянусь честью, Ваше Величество.

12-й день месяца Медведя.

Эланд. Идакона

Зала, в котором можно было достойно принять императора Арции, в Эланде отродясь не имелось. Пышность и многолюдные бестолковые сборища здесь были не в чести, маринеры предпочитали веселиться либо в тесном кругу, либо же отплясывать всем миром на берегу под треск костров и шум прибоя.

Выручил Максимилиан, как и всякий клирик высокого ранга, знавший толк в церемониях. Пока «Корона» дожидалась ненужного лоцмана и медленно шла к берегу, у Башни Альбатроса сустились люди, под руководством Его Высокопреосвященства превращавшие мощенную восьмиугольными обсидиановыми плитами площадку в некое подобие тронного зала, благо погода позволяла.

Долгий весенний день клонился к вечеру, когда венценосным гостям было разрешено ступить на эландскую землю. Идаконцы и не думали глазеть на императора. Врожденная гордость вкупе с быстро разошедшимися по городу словами старого Эрика вынудила эландцев демонстративно заниматься привычными делами. Базилека встречал лишь почетный караул, которым командовал коронэль⁹⁶ Диман, из-за плеча которого маячила белобрысая шевелюра Зенека.

Диман, поклонившись не слишком низко — как раз в меру, — сообщил Базилеку, что Его Высочество примет его у Башни Альбатроса, это совсем недалеко, и он, Диман Гоул, с радостью проводит туда высоких гостей. Щека императора дернулась, но он промолчал и, подав пример многочисленной, зеленой от качки и тревоги за собственную участь свите, пошел чуть впереди маринера. Башня действительно была недалеко, но, чтобы туда попасть, нужно было преодолеть около пяти сотен довольно крутых ступеней, что ни самому императору, ни его двору удовольствия не доставило, хотя ступени и были усыпаны зелеными ветками.

К концу подъема большинство гостей дышали, как загнанные лошади, но мужественно шли, стараясь угнаться за не по возрасту проворным маринером. Наконец проклятая лестница осталась позади, и арцийцы очутились на высокой площадке, окруженной оградой из цепей, соединявших насмерть вбитые в камень огромные якоря. Стройная, словно бы вобравшая в себя жемчужный небесный свет Башня (идаконцы привыкли видеть ее разной, то серой, как зимнее море, то сверкающей серебром в загадочном лунном свете, то черной во время шторма) закрывала вид на город, зато Чаячья бухта с ее причудливыми скалами представляла во всей своей прихотливой красе. Обладая гости зрением эльфа или же недавно выдуманным умником из Академии окуляром, они могли бы увидеть на горизонте туманное пятнышко — Полосатый мыс, за которым лежала Гверганда, город-отражение Идаконы.

Но Базилека и его свиту Гверганда не интересовала. Запыхавшийся император с удивлением рассматривал несколько высоких кресел, стоящих на небольшом каменном возвышении в углу площадки. Проследовать туда арциец не решился, так как у пологих ступеней замерло шестеро высоких эландцев с недвусмысленно скрещенными копьями. Оставалось ждать, что было весьма унизительно. К счастью, Рене Аррой испытывал терпение своих гостей куда меньше, чем любой другой монарх. Не прошло и оры, как тяжелые двери башни с шумом распахнулись, пропустив идущих попарно воинов, впереди которых шел высокий худой человек, одетый в черное с серебром. Воины сноровисто и красиво делали свое дело: одни встали у ограды спиной к морю, не сводя настороженных взглядов с гостей, другие образовали живой коридор от дверей башни к стоящим креслам, еще шестеро отточенным долгими тренировками нарочито медленным шагом подошли к копьеносцам и, проделав несколько лихих упражнений с оружием, сменили стоявших на посту. Последние развернулись и, печатая шаг, направились к лестнице, вынудив арцийцев

⁹⁶ Коронэль — полковник.

расступиться. И тут наконец появился герцог.

Аррой шел легко и стремительно, похожий издали в своем алом одеянии на оживший язык пламени. По правую руку чуть позади владыки Эланда не шел, но шествовал кардинал Максимилиан в парадном облачении, опираясь о посох, усыпанный изумрудами и богомольниками. Сразу же за Арроем крепкий темноволосый юноша вел под руку женщину в простом черном платье, однако диадема из черных бриллиантов на распущенных светлых волосах и огромный сверкающий камень на груди придавали ей царственный вид. Сзади выступали Паладины Зеленого Храма Осейны, изменившие по такому случаю нарочитой эландской сдержанности. Различные диковины, привезенные из краев, о которых большинство арцийцев знало лишь понаслышке, в один миг превратили грубоватых морских волков в ослепительных нобилей.

Рене опустил в кресло и внимательно оглядел неожиданных гостей, которые, задрав головы, в свою очередь впились глазами в эландского вожда. Впрочем, большинство эландцев было поражено не меньше, если не больше чужаков. Таким своего герцога они еще не видели. Алый цвет Волингов подчеркивал снежную белизну волос, на которых красовалась старинная герцогская корона из неведомого черного металла. Грудь герцога украшали аж три цепи — черная, с изумрудами — Первого Паладина Зеленого Храма Осейны, серебряная, герцогская, и золотая, королевская, надетая Рене впервые с того дня в месяце Волка, когда кардинал Максимилиан торжественно возложил ее на шею будущего короля. Все это великолепие дополнялось драгоценным оружием атэвской работы и алым, подбитым белоснежным шелком плащом, сколотым на плече немыслимой красоты фибулой в виде золотого созвездия Рыси со звездами-рубинами.

После того как прадед нынешнего калифа запретил живущим в Армских горах оружейных дел мастерам, единственным во всей Тарре обладателям древних секретов, под страхом смерти брать заказы от «грязных северных свиней», каждая изготовленная подгорными оружейниками шпага или кинжал имела цену небольшого корабля и встречалась реже, чем девственницы в портовых притонах. Рене же обладал оружием, несомненно вышедшим из рук лучших оружейников калифата. Это отчего-то особенно потрясло арцийцев, думавших увидеть грубого моряка, а нарвавшихся на владыку, прекрасно осведомленного о собственном величии.

Эстель Оскора

Герцог объявился неожиданно, и я не успела придать лицу тщательно отрепетированное выражение доброжелательного равнодушия. Мои губы сами собой расплылись в дурацкую, счастливую улыбку, которую герцог, к счастью, не заметил, так как весь был в предстоящей беседе с нагрянувшими арцийцами, для участия в которой я ему и потребовалась. В качестве вдовствующей королевы Таяны, разумеется. Мне было велено одеться пороскошнее и ждать. Первое было сделать не так уж трудно — Аррой в припадке то ли гостеприимства, то ли сочувствия, а вернее всего, желания избавиться от ненужных ему тряпок, буквально завалил меня маринерскими трофеями. Я могла менять платья каждый час, и прошел бы год, если не два, прежде чем мне пришлось бы повториться.

Не могу сказать, что мне совсем не нравилось крутиться перед зеркалом, ведь я была не только чудовищем, но и женщиной. Конечно, ни в какое сравнение с эльфийскими красавицами я не шла, да и доставшийся мне бархат и шелк рядом с переливчатыми тончайшими тканями Дивного Народа казался не более чем дерюгой, но по человеческим меркам все было даже слишком хорошо. Если не считать, что герцогу не было никакого дела ни до моих платьев, ни до меня. И все равно это было хоть какое-то развлечение и способ удовлетворить неумную доброжелательность трех или четырех приставленных ко мне расфуфыренных матрон. Уж не знаю, откуда в суровой Идаконе появились такие дамы, видимо, беспутный племянничек Рене в бытность свою герцогом старался следовать арцийским привычкам и выписал из Мунта камеристок и портних.

Мне было ужасно стыдно, но я их все время расстраивала, так как не желала объедаться сладостями, слушать всякие глупости, а когда наконец занялась делом — то есть своими туалетами, напроочь отказалась от бантов и оборок, чем, на их взгляд, вконец себя изуродовала. Ну и пусть, я и до Убежища подозревала, что чем меньше всего накручено, тем лучше, а после общения с Клэром окончательно в этом убедилась. Готовясь к встрече хоть и с паршивым, но императором, я сумела за себя постоять и отбила-таки право надеть черное атласное платье, лишённое всяческих выкрутасов. Уж не знаю почему, но чёрный цвет мне казался вполне приличествующим случаю, так как не прошло и года, как я потеряла сначала возлюбленного, а потом и мужа. Про мои отношения с Астени никто не знал, да это никого и не касалось, кроме меня, хотя, перебирая платья, в первую очередь я вспоминала именно о нём. Уж не знаю почему — чёрное в Арции никогда не было знаком траура, скорее наоборот.

Рене вернулся очень быстро — я едва успела управиться — и, оглядев меня критическим взглядом, велел снять вуаль, с великим тщанием прилаженную к моим отросшим за зиму до плеч волосам старшей камеристкой.

— В Таяне вдовы распускают волосы, и вообще так лучше, — уверенно заявил герцог и, взяв меня за руку, потащил за собой. Как выяснилось, в сокровищницу, во всяком случае, эта заставленная сундуками и шкатулками комната без окон показалась мне именно таковой. Решительно, пиратская юность не прошла для властелина Эланда даром — в драгоценностях он разбирался прекрасно. Мне был вручен пояс из серебряных колец, усыпанных мелкими чёрными алмазами, и огромный камень на тончайшей цепочке, в бездонной чёрной глубине которого билась и дрожала искра света. Подумав ещё немного, герцог достал диадему и водрузил мне на голову.

— Теперь эти павианы поймут, что ты и вправду королева. Насколько мне известно, они ценят людей исключительно по висящим на них побрякушкам. — Он засмеялся и сделал мне большие глаза. — Пойдем, послушаем, что скажет Их Заячье Величество.

— Заячье? — растерялась я.

— Ну, мышинное, если хочешь. Как ещё назвать правителя, удирающего со всех ног, чуть только появились враги?

— Враги? — нет, в присутствии Рене я решительно тупела.

— Годой, — бросил герцог — и я была ему страшно благодарна за то, что он не сказал «твой отец». — Он раздумал воевать с нами и для начала собрался захватить Арцию. Базилек же с Бернаром решили этого не дожидаться и, проиграв первую же битву, удрали, прихватив с собой все, что смогли. Не смотри на меня так, я не ясновидящий, но капитан корабля, который привез всю эту свору, — мой старый друг. Он прислал мне записку. Герар, кстати, все равно собирался в Эланд, но по другой причине — бедняга умеет воевать только на море и только когда уверен в тех, кто прикрывает спину. В Арции такое, как я понял, не принято... Хорошие мастера в Атэве, — Рене круто повернул разговор, — но вечно все портят своей дурацкой эмалью, — он придирчиво рассматривал то ли чрезмерно облегченный меч, то ли излишне тяжелую шпагу, — придется надеть, нужно как следует поразить этих уродов. Так с ними легче разговаривать, да и прозвончикам Годоя, буде такие имеются, нужно пыль в глаза пустить. — Рене решительно прицепил сверкающее алым и золотым оружие к поясу. — Ну, пора, они уже достаточно извелись.

И мы пошли. От Герцогского Замка к Башне Альбатроса вел специальный ход, так что карабкаться по ступенькам, как это делали арцийцы, нам не пришлось. Мы вышли у подножия Башни со стороны города и быстро скользнули в потайную дверь, где нас уже ждали маринеры, Шандер со своими красавцами и сын Рене, совершенно на него не похожий. Я вновь и вновь дивилась странному сходству эландского герцога и правителя Лебедей, в то время как в собственной семье герцог казался подменным, что особенно бросалось в глаза в портретной галерее. Зато Рене-младший, высокий, темноволосый, жизнерадостный, был истинным внуком своего деда и племянником покойных дядьев. Отца он обожал и без звука согласился в затеянном им представлении сыграть роль моего кавалера.

Мы быстро миновали первый этаж знаменитой Башни. Я давно хотела туда попасть, но сейчас было не до того, чтоб глазеть по сторонам. Я не могла оторвать взгляда от белой гривы идущего впереди Рене. Рядом с ним выступал Максимилиан, но до него мне не было никакого дела. Сзади слышалась решительная поступь маринеров, с которыми я находилась в той стадии отношений, когда незнакомая толпа начинает распадаться на отдельные лица. Я уже довольно лихо отличала Ягоба Лагара от Гарда или Рауля, хотя проще всего было со старым Эриком, которого я полюбила с первого взгляда, да и он, как ни странно, отнесся ко мне с симпатией. Теперь старый маринер шел рядом со мной и след в след за Максимилианом, что, видимо, должно было означать единство эландских традиций и церковных канонов. Вообще-то я подозревала, что эти двое терпят друг друга с трудом, но и моряк, и клирик думали в первую очередь о деле. Оставалось только гадать, как они будут выяснять свои отношения, когда война останется позади. Если, конечно, останется, кому и что выяснять.

Мы вышли из полумрака башни на залитую ярким весенним светом площадку, и я чуть не ослепла. Глаза эландцев, видимо, обладают тем же свойством, что и глаза орлов, они могут смотреть на солнце. Рене-маленький, хоть он и был заметно выше своего отца, даже не подумал сбавить шаг. Он решительно проводил меня до предназначенного мне сиденья из — бывают же совпадения — белого корбутского дубца, в изобилии произраставшего в горной Тарске. Я уселась с самым надменным видом. Рене я видеть не могла — его высокое кресло, более напоминающее трон, стояло посредине площадки позади моего, зато гостей мне было видно прекрасно.

До сего дня я мало сталкивалась с арцийцами. Разумеется, я помнила послов в Таяне и Тарске и бывшую жену Стефана, которая меня ненавидела. Когда-то ненависть эта была взаимной, но после моего «воскресения» все некогда знакомое и волнующее словно бы потеряло остроту. Я вновь открывала для себя этот мир, а память, что ж, она служила всего-навсего скучной, хоть и полезной книгой. Одно дело прочесть про что-нибудь в нуднейшем изложении академиков и совсем другое увидеть это своими глазами.

Арцийцев, допущенных к Башне Альбатроса, было немного. Остальных, видимо, оставили на корабле. Из тех же, кто пришел, заметнее всех был император Базилек — осанистый, еще не старый мужчина с правильным, но заметно обрюзгшим лицом и слабым подбородком. Одет он был, как и положено императору Арции, в красивый темно-синий камзол, но драгоценностей на нем могло быть и поменьше. Стоящая рядом костлявая старообразная дама с недовольным и скучным лицом мне не понравилась, равно как и другая, лет двадцати пяти, надменностью напомнившая мне Эанке, но без ее слепящей красоты. Рядом маялись какой-то невыразительный человек с нарочито приятным выражением лица — видимо, муж, и с десяток разряженных придворных, один вид которых должен был вызвать у самого завалящего маринера желание смачно сплюнуть и отвернуться.

Марины-Митты я не обнаружила, что меня не расстроило и не обрадовало. Впрочем, не исключено, что в арцийском зверинце эта кошка была далеко не самой гнусной. Единственным по-настоящему славным лицом во всей честной компании обладал загорелый высокий человек в простом темном платье, и можно было ставить Башню Альбатроса против пустой бутылки, что это и есть приятель Рене капитан Паол Герар.

У меня не было времени хорошенько подумать, что означало сие необычное вторжение и какая муха укусила Рене, разыгрывавшего всю эту комедию, но каким-то шестым, если не седьмым чувством я понимала — это конец. Конец в том смысле, что теперь события понесутся, как полные бочки с высокой горы, — не остановишь.

**2229 год от В.И.
12-й день месяца Медведя.
Святой город Кантиска**

— Таково мое последнее слово, — кардинал Кантисский Иоахиммиус тяжело поднялся,

опираясь на увитый благоухающими цветами посох. Этот посох да еще немалый жизненный опыт и были его единственными козырями в жутковатой игре, ставка в которой была не только жизнь, но и самый ее смысл. Иоахиммиус видел, что сила сейчас на стороне Михая Годоя. Многие из князей Церкви успели мысленно переметнуться к тарскийскому господарю, напялившему арцийскую корону. Кардинал понимал, что его почтеннейшими собратьями движет не только и не столько страх — штурм столице Церкви Единой и Единственной скорее всего не грозил, — а привычка держаться победителя. Другое дело, если бы Годой сжег и разграбил Мунт, разрушил храмы, огнем и мечом насаждая сомнительных тарских божков, но этого-то узурпатор как раз и не делал. А значит, он или не уверен до конца в своей силе, или же его цель ничем не отличается от цели других возжаждавших власти завоевателей прошлых, настоящих и будущих.

Годой, безусловно, готов золотом и мечом поддержать клириков, признающих его претензии. Неудивительно, что святые отцы, почитающие оскорблением возвышение незначительного Феликса, не прочь были сговориться с тарскийцем. Иоахиммиус знал обычаи своих собратьев и не сомневался, что ему, если он хочет исполнить обещанное Архипастырю, пора переходить на сваренные в скорлупе яйца и колодезную воду, набранную в его присутствии. Кардинал, любивший плотно и хорошо покушать, мысленно вздохнул и прошествовал к выходу. Вечером ему предстояло произнести знаковую проповедь в храме Святого Эрасти, которую сотни других клириков, нравится им или нет, донесут до ушей и душ своих прихожан.

Иоахиммиус хорошо знал, что он скажет. Земной властитель, попирающий каноны Церкви нашей Единой и Единственной, — еретик, а нынешняя победа Годоя над Базилеком — кара Господня за то, что арцийские Волинги воспротивились решению Архипастыря. Иоахиммиус напомним притчи из Книги Книг о Стелющих Мягко и о Князе Возгордившемся и еще раз огласит волю избранного самим Эрасти Архипастыря Феликса, ныне ведущего в бой Святое воинство. Нужно призвать жителей Кантиски и всей Святой области к стойкости во имя Святого дела и...

Свист выпущенной с башни стрелы совпал с предостерегающим криком кого-то из воинов барона Шады, бросившегося вперед, чтобы прикрыть кардинала грудью, но он не успевал. Время для Иоахиммиуса словно бы замедлилось, и он увидел то, что не видел никто, — летящую к нему смерть. Однако уклониться клирик не мог, ноги его словно бы приросли к земле, и он лишь следил глазами за сверкающим острием, нацеленным ему в грудь. А затем произошло чудо. В локте от Его Высокопреосвященства стрела остановилась, зависнув в воздухе, и вспыхнула синим пламенем, точно таким же, как и ее предшественницы, выпущенные в далеком Белом Мосту прошлой весной. И тотчас к Иоахиммиусу вернулась способность двигаться и говорить, которыми он и воспользовался немедленно.

Вдохновенная речь, сведенная к тому, что сам святой Эрасти защищает тех, кто служит Святому делу, подкрепленная свершенным у всех на глазах чудом, заставила Стражей, прихожан и младших клириков в экстазе осенять себя Знаком и возглашать анафему Годоя.

А в нескольких дия пути от Святого города из-под сверкающей аметистовой глыбы расплзались по лесной поляне гибкие побеги, усыпанные белыми звездчатыми цветами, точно такими же, как и те, что оплетали Посох кардинала. Астен Кленовая Ветвь был сильным магом, его заклинание действовало и после смерти принца-Лебедя. Не выпуская из рук покрытый неувядаемыми цветами Посох, ставший символом его угодности Творцу, кардинал Иоахиммиус не знал, что держит в руках собственную жизнь. Ибо пока при нем дар Астена, он защищен от многих неприятных неожиданностей.

2229 год от В.И.

12-й день месяца Медведя.

Эланд. Идакона

Следовало радоваться, что Эланд получил передышку, но Рене понимал, что воевать все равно придется. Теперь главным было не делать того, чего от тебя ждут и на что тебя толкают враги. Михай решил начать с Арции, оставив Эланд напоследок. Это настораживало. Впрочем, обсудить происшедшее с соратниками он успеет, сейчас же нужно взять верный тон в переговорах с арциями, вытянуть из них как можно больше подробностей, проливающих свет на замыслы Годоя, и решить, что делать с беглецами. Только бы Северная Кантисская дорога еще была свободна! Он просто обязан получить весточку от Феликса!

Запрет на участие в объявленном Церковью Святом походе и разрешение на проход таянско-тарскийских войск через Фронтеру и Северную Арцию обернулись оккупацией империи. А поскольку на троне Волингов сидело полное ничтожество, оно предпочло удариться в бег, прихватив арцийское золото и свиту, годную лишь на то, чтоб доносить друг на друга и запускать лапу в казну, но не для того, чтобы вести войска в бой. Герар согласился вывезти камарилью из охваченного паникой города только потому, что Базилек решил искать спасения в Эланде, куда капитан и так собирался.

Рене обвел холодным светлым взглядом кучку арцийцев и осведомился:

— Чем обязан счастьем лицезреть у себя императора Арции? — фраза прозвучала вполне по-монаршьи даже без пресловутого «мы», произнести которое Рене не заставил бы не только Максимилиан, но и сам Творец.

Базилек забежал глазами. Император давно уже ничего не говорил, не посоветовавшись с зятем, но на сей раз Бернар не мог прийти на помощь. И Базилек, глядя вниз, чтоб не видеть прожигающих насквозь голубых глаз, торопливо забормотал:

— Михай Таянский вероломно напал на Арцию, нарушив все договоренности. Мы были вынуждены спасаться, чтобы не попасть в руки узурпатора. Мы рассчитываем на то, что доблестные эландцы изгонят захватчиков и принесут... освободят... помогут, то есть победят Михая Годоя. Долг всех сынов Церкви присоединиться к Святому походу. Мы, император Базилек, будем признательны герцогу Рене Аррою за его помощь...

— Нет, — прервал императорское лепетанье Рене, и это короткое «нет» прозвучало как пощечина трусу, — Эланд не будет помогать империи.

— Но, — задержался Базилек, — мы... вы... Годой — узурпатор, убийца и предатель, его нужно остановить.

— Годоя, несомненно, нужно остановить, — согласился Рене, — но я не вижу, как это связано с тем, о чем просите вы. Император, который удрал, бросив на произвол судьбы своих подданных, теряет право называться их владыкой. Вы могли остановить Годоя у Гремихи, но предпочли пропустить его через горы, где легко держать оборону. Я осведомлен о переговорах, которые вы вели с узурпатором, надеясь, видимо, утопить его в нашей крови. Ради этого вы даже пошли против Церкви. Я не понимаю, чего вы от меня ждете? Что я буду отирать ваши слезы и таскать ради вас каштаны из огня? Так вот в присутствии всех заявляю, что не намерен этого делать. Разумеется, — адмирал презрительно скривился, — Эланд не откажет беженцам, которые просят убежища. Я готов предоставить в ваше полное распоряжение один из дворцов Вархи. Вы не будете испытывать нужды в продовольствии, одежде и прочем необходимом. Если найдутся желающие вам прислуживать из уважения к вашему титулу или за деньги, я не буду им препятствовать. Равно как и не буду никого принуждать идти к вам в услужение. Вашу безопасность обеспечит охрана, которую я вам немедленно выделю. Но это все, на что вы можете рассчитывать.

Базилек молча хлопал глазами, и, не будь он императором, своей глупостью обрекшим на гибель тысячи людей, его стоило бы пожалеть. Но он хотя бы молчал, зато его свита не выдержала подобного к себе отношения. Первой бросилась в бой Валла. Императорская дочка не привыкла проигрывать и была достаточно глупа, чтоб выказать это.

— Ты забываешься, герцог, — пронзительный голос был слышен далеко за пределами площадки. Сварливая, сбивчивая речь вогнала арцийцев, переживавших за свои головы и имущество, сначала в жар, а потом в холод, хотя для Рене стала истинным подарком —

вздорная баба выплескивала такие секреты, которые Рене и не надеялся вытянуть из опытных царедворцев. Аррой готов был слушать Валлу до бесконечности, но наскоро придуманный им с Максимилианом сценарий не предусматривал вежливой покорности.

Герцог пожалел о том, что самому придется перекрыть поток бесценных сведений, и, сердясь и веселясь одновременно, принялся складывать в уме приличествующую случаю фразу, досадуя на то, что Жан-Флорентин вынужден хранить инкогнито. Впрочем, у философского жаба нашлась замена. И какая!

— Вы уже достаточно сказали, сигнора, — презрения, сквозившего в чуть хрипловатом женском голосе, хватило бы на десяток самых чванливых нобилей, вынужденных зайти в крестьянскую халупу. — Если вы еще не поняли, что ваше положение изменилось и здесь вряд ли найдутся люди, готовые долго терпеть ваши капризы, вспомните хотя бы то, что родство принца Рене с Водем Великим не подлежит сомнению, в то время как ваша принадлежность к династии весьма и весьма спорна.

Валла от негодования на мгновение лишилась дара речи, чем не преминул воспользоваться Рене.

— Пользуясь случаем, представляю вам нашу высокую гостью, вдовствующую королеву Таяны и наследницу Тарски Герику Ямбору-Годойю.

— Так как узурпатор Годой свершил множество мерзостных преступлений, в том числе и против Церкви нашей Единой и Единственной, — кардинал Максимилиан благочестиво коснулся богато украшенного Знака, — а посему в глазах наших утратил право на трон, Церковь полагает Герику законной владычицей Тарски, равно как Рене Арроя провозглашенным принцем Таяны. Арде!⁹⁷

— Арде, — громыхнули идаконцы.

Эстель Оскора

Когда эта набитая дура набросилась на Рене, я не выдержала. Мне было все равно, соответствует ли мое вмешательство этикету и роли, которую мне отвели, я не думала даже о том, скажет мне адмирал за мою выходку спасибо или наоборот. Я была слишком взбешена для того, чтобы думать, и налетела на Валлу, как разъяренная тигрица. Та, разумеется, и не подумала заткнуться. Визгу было, как на базаре, но сведений, которые она выливали на наши головы в течение четверти оры, не собрали бы за месяц десять лучших шпионов. От одной из новостей, которую Валла обронила мимоходом, мне стало нехорошо, хотя я и могла бы к этому подготовиться.

Годой искал меня. Он, судя по всему, и в Арцию-то полез исключительно для того, чтобы вернуть Эстель Оскору. Видимо, когда я сцепилась с Эанке, то ли сам Михай, то ли его маги почуяли мою волшбу. Затем я надолго замолчала. Судя по всему, они послали прознагчиков туда, где почуяли мое присутствие. И надо ж было такому случиться, что Марину-Митту упекли в циапианский монастырь в полдья от места моей с Эанке схватки. Эта похотливая коза, разумеется, была не менее болтлива, чем сама Валла. И скоро только ленивый не знал, что в монастыре находится очень важная особа, супруга таянского принца, наследница многих корон и так далее. Шпионы приняли ее за меня, так как никому и в страшном сне не могло привидеться, что такая бестолочь, как Герика, в одиночку пройдет всю Арцию, десятой дорогой обходя человеческие жилища.

Теперь они наверняка поняли, где я, так как, спасая Максимилиана, а затем и Шани, я сорвала с себя шапку-невидимку. Доказать же Оленю, что всему причиной талисман Астена, нечего было и думать. Уж он-то отличал собственную магию от враждебной ему эльфийской. А значит, мне надо убираться отсюда куда подальше, чтобы Эланд выиграл хоть какое-то время. И в то же время я должна оставаться здесь, потому что, похоже, моя

⁹⁷ «Арде!» — «Да будет так!», заключительное слово некоторых молитв.

непредсказуемая Сила остается пока единственной защитой от своры Ройгу.

Нужно было наконец решиться и рассказать обо всем Рене. Но это означало признаться во лжи, чего адмирал никогда бы мне не простил...

— А согласна ли со мной моя возлюбленная сестра? — голос Рене вернул меня к действительности. Что ж, по этикету будущий король и должен называть вдовствующую королеву возлюбленной сестрой. Я не слышала того, что он говорил, но ответила быстро и сразу:

— Разумеется, любезный брат, я полностью присоединяюсь к вашему мнению.

Или мне показалось, или во взгляде Рене промелькнуло неподдельное восхищение...

Глава 17

2229 год от В.И.

Вечер 12-го дня месяца Медведя.

Арция. Мунт

Зов, как обычно, случился некстати. Его императорское величество Михай Годой начинал подозревать, что Союзники выбирают самое неподходящее время из мелочной мести, ведь, вступая в орден Ройгу, они добровольно расставались с некоторой стороной жизни, которой тарский господарь весьма дорожил. И вот теперь из-за их глупой зависти пришлось оставить Митту и направиться к опостылевшему зеркалу. Впрочем, ночные вызовы были ничто в сравнении с тем, как ему досаждали бледные в Гелани, и Михай мысленно возблагодарил Всадников, закрывших вздорной нечисти путь в Арцию. Чем успешнее шли у Годоя дела, тем сильнее тяготила его зависимость от ройгианцев. Будь на их месте обычные наемные убийцы, тарские, не задумываясь, отправил бы их вслед за жертвами. Увы, с могущественными колдунами такое не пройдет. По крайней мере, пока в твоих руках нет того единственного, что заставит их склониться.

Марина-Митта чуть не поплатилась головой за то, что стала причиной постигшего завоевателя разочарования. Однако изголодавшаяся по мужскому обществу красotka была столь соблазнительна и откровенна, что Годой счел глупым не воспользоваться ее прелестями, тем более это в некоторой степени было торжеством и над Стефаном, и над Рене. Племянница императора в постели творила чудеса и вскоре стала постоянной принадлежностью императорской спальни. Годой уже всерьез подумывал, что эта красавица, глупая, как стая гусынь, и похотливая, словно весенняя кошка, устраивает его куда больше строптивой дочери короля Марко, с которой ухо нужно держать востро.

К несчастью, в Митте древней крови было не больше, чем атэвского вина в луже у колодца, а значит, на роль будущей Эстель Оскоры она не годилась. Бледные же, похоже, всерьез решили не мытьем, так катаньем уничтожить Герику, если не удастся ее вернуть, после чего заняться Ланкой, так как другой женщины, способной выносить Воплощение Ройгу в Благодатных землях, они не знали. Ройгианцы предусмотрительно на протяжении веков изводили тех, в чьих жилах, по их мнению, текла древняя кровь, и связанные с ними родственными узами королевские дома. Им нужен был один Владыка по праву крови, а не множество, и из всех ветвей была избрана одна — тарская, другие же были обречены на смерть. Но пойти на охоту еще не значит вернуться с добычей! Рене Аррой вопреки всему остался жив, но это было еще полбеды. Главное, они упустили Герику.

Годой, будучи уверен, что найдет ее в Арции, оставил Илану в Гелани, в обществе ройгианцев. Как заложницу. Но он и сам при этом оказался в шкуре заложника. Если его дочь погибнет, они воспользуются Ланкой, а он... он им станет просто не нужен! Значит, необходимо вытребовать сюда супругу и держать ее при себе. И найти наконец эту чертову куклу. Неужели она и в самом деле в Эланде?! Или все же в Кантиске, иначе почему тамошний кардинал столь уверен в своих силах, хотя что он может знать? Сама-то Герика

наверняка не соображает, во что она превратилась. Умом его дочка отродясь не блистала.

— Ты скоро? — Митта картинно потянулась и перевернулась на живот, наматывая на палец блеснувший золотом локон.

— Не знаю, — огрызнулся Годой, затягивая поясной ремень, после чего вышел, громко хлопнув дверь. Удивительно, как трудно найти в императорском дворце место, где можно спокойно заняться магией. Везде толкуются слуги, в каждом углу можно наткнуться на замаскированную дверь, за которой торчит десяток лакеев.

Хорошо хоть у императорской семейки были достаточно прихотливые вкусы, и они снабдили зеркалами мраморную купальню. Михай, до глубины души возмущив смазливое молодого банщика, захлопнул дверь перед самым его носом и угрюмо уставился в затуманенное стекло. Как он ненавидел эту процедуру! Годой пролил немало крови, разумеется чужой, но вид собственного окровавленного пальца в последнее время вызывал у него тошноту и безотчетный страх. Но плох тот повелитель, который не жертвует малым во имя большего!

Стекло в вызолоченной раме, поддерживаемой двумя соблазнительными красавицами, задрожало, словно от отвращения, но честно показало Годую его двойника с неприятными пустыми глазами. Тот, в зеркале, был взбешен и напуган. И было отчего! Михая тоже стало зябко, когда он узнал, что в Эланде опять сотворена волшба, природа которой указывает на Того, Кто Придет! Но и это не самое страшное. Волшба была направлена против магии Ройгу! Да, сущности, которые грызли Шандера Гардани, были не из самых сильных, но уничтожить их, сохранив при этом графу жизнь, мог только человек, прошедший первые четыре степени посвящения!

Годой скрипнул зубами — у него самого была вторая, у покойного господина Бо — третья!

На сей раз Союзники не утверждали, что это дело рук Герики. Они сами были растеряны. Та, что в момент рождения ребенка-воплощения Ройгу становилась Этель Оскорой, обретала власть, достаточную, чтобы приказать Охоте убраться за Явеллу — Гончие Тумана не могли не узнать, КТО перед ними. Она же, вполне возможно, была просто испугана их появлением и действовала бессознательно. Другое дело финусы, порождения древней магии! Обнаружить их и истребить мог только опытный маг-ройгианец!

Разумеется, Годой знал, что Шандер жив и что винить в этом приходится Романа Ясного, скорее всего пришедшего попрощаться со Стефаном и случайно набредшего на потайную камеру. Воспоминания об оставленном там «подарке» были мучительны. Понадобились недельные усилия двоих Союзников и наполнение малой Чаши, чтобы Годой поправил пошатнувшееся здоровье и обрел подобие прежней уверенности в себе. Регент не сомневался, что одной из причин, заставившей Романа сразу же уйти, оставив ловушку, но не проследив, как она сработала, и не добив его, было желание спасти Шандера. А то, что этот то ли эльф, то ли Преступивший не смог исцелить графа — а слухами земля полнится, — говорило о том, что финусы были нынешним магам Тарры не по зубам. И вот надо же!

Двойник в зеркале давно растаял, а Годой сидел на краю мраморного бассейна с дымящейся голубой водой и думал, думал, думал...

Единственный ответ, который услужливо подсовывал шевелившийся в глубине души страх, был прост. Рене! Проклятый эландец, шатавшийся за Запретную черту и уничтоживший господина Бо, вполне мог оказаться посвященным четвертой степени, у которого хватило наглости и сноровки освободиться от излишне навязчивых учителей! Скорее всего там, в Явелле, охоту завернул именно Рене! Похоже, он вовсе не случайно покинул Эланд накануне эпидемии! Может быть, ройгианцы обратились к нему, Годую, после того, как Счастливчик Рене обвел их вокруг пальца!

Если так, он может знать или догадываться, кто такая Герика, и если девчонка и в самом деле в его руках... Хотя вряд ли! И все равно с Эландом нужно кончать, и кончать быстро! Но для этого нужно протащить Союзников через Гремиху, а это опять Чаша. И не

одна. Шила же в мешке не утаить! Как ему править, если жители империи узнают, что он якшается с нечистью, которая режет арцийцев, как баранов!

Хотя, хотя... А почему бы не выдать это за месть прорвавшихся из окружения императорских гвардейцев мирным людям, принявшим руку Годоя? Нет, пока Архипастырь жив, такое не пройдет. Как ни крути, со всех сторон лучше, чтобы бледные прорывались в Эланд через Явеллу. Пусть там и наполняют свои Чаши! Самое подходящее место. Он же ударит на Гверганду, отвлекая внимание Рене от Ганы и Вархи! Если Рене и Союзники уничтожат друг друга или хотя бы ослабят так, что победитель станет легкой добычей, он, Годой, станет повелителем Благодатных земель и спокойно разберется со всеми тайнами, проклятиями и Пророчествами. Если можно обрести бессмертие и вечную власть над миром, он их обретет, но своей головой и для себя. Но сначала надо выяснить, где Герики.

**2229 год от В.И.
Вечер 12-го дня месяца Медведя.
Эланд. Идакона**

— Великие Братья,⁹⁸ ну и уроды, — Рене сорвал с пальца кольцо с огромным рубином и швырнул на стол. Камень вспыхнул зловещим блеском.

— Излишняя эмоциональность дурно влияет на умственные способности, — Жан-Флорентин неторопливо сполз с руки адмирала и перебрался к несчастному кольцу. — Если хочешь, я его трансформирую в сапфир или морион, хотя это было бы ошибкой. Ибо изменять совершенное можно только в худшую сторону.

— Дело не в камне, — герцог устало опустил на стул, — хоть я и вправду не люблю все эти побрякушки, просто меня тошнит от этих мерзавцев. Не беспокойся, я удержусь на якорях.

— Монсигнор, — голова Зенека выглянула из-за дверного косяка, — капитан Лагар здесь.

— Прекрасно.

Капитан «Осеннего Ветра» двигался, как и многие другие маринеры, на первый взгляд не спеша и неуклюже, но точность его движений была такова, что любой другой только был бы на середине комнаты, а вольный капитан уже устраивался на подоконнике — этикета в Эланде придерживались только в самом крайнем случае. Таком, как нынешним днем.

— А молодец она, — с пустой странички начал Ягоб Лагар, — хорошо подрезала эту свиньищу.

— Да, молодец, — задумчиво подтвердил Рене. — Я не понимал Стефана, а он куда раньше нас разглядел, что песок-то — золотой... Ягоб, когда ты можешь выйти в море?

— Будет ветер, сразу после полуночи. А ветер будет — с утра все небо в «кошачьих хвостах».⁹⁹ Что ты задумал?

— Послушай, — сказал Аррой и вопреки собственным словам надолго замолчал. Ягоб молча ждал, он никогда не торопил события. — Ты понял, как обстоят дела? — наконец произнес герцог.

— Паршиво, — уверенно ответил капитан, — но ты что-нибудь придумаешь, если уже не придумал.

⁹⁸ Великие Братья — легендарные покровители Идаконы. По эландским преданиям, это высшие существа, являющиеся в облике дракона и гигантского орла и не имеющие ничего общего как со Светом, так и с Тьмой. Идаконские маринеры считают, что Великие Братья наделяют тех, кому выпадет их встретить, свободой выбора и возможностью познать Неведомое. Существует легенда, что Черная цепь Первого Паладина — подарок Великого Орла, подарок же Великого Дракона утрачен, но когда Эланду будет грозить опасность, он отыщется.

⁹⁹ Кошачьи хвосты — маринеры так называют перистые облака особой формы, чье появление предвещает сильный ветер.

— Я ничего не придумал. Пока. Все придумано за нас. Если сорвется, тогда и будем думать. Ты пойдешь в Гверганду. Там сейчас наверняка паника. А если нет, скоро будет. Эти коронованные зайцы драпали так, что опередили любых гонцов, так что день-два у тебя точно есть.

— И что? — Ягоб весьма бесцеремонно взял с невысокого столика баклагу с фронтерской царкой, незнамо как раздобытой Зенеком, и две стопки.

— А то, что тебе придется сменить паруса на четыре ноги с подковами и поехать навстречу черным вестям. Наверняка в Гверганду бросятся те, кто уцелел во время Лагского побоища, но был отрезан от Кантиски. Убеди перейти на нашу сторону тех, кто в состоянии держать оружие и хочет драться, неважно, из мести, от отчаянья, за деньги, но хочет.

— Сделаем, — Ягоб кивнул, — но ты никогда не ценил наемных вояк.

— И сейчас не ценю, но наших слишком мало, а Годой быстро подомнет под себя всю арцийскую знать с их дружинами и бросит против нас. Мы должны удержать Гверганду и устье Адены, а без сильного гарнизона этого не сделать. Тут любая наемная сволочь хороша. Другое дело, что за Аденой, если они все же прорвутся, встанут те, кто дерется не за деньги, а за свой дом...

— Понял. Что-то еще?

— Да. Я не знаю, что с Мальвани. Этот урод Базилек говорит, что тот не успел соединиться с армией Ландея. Если командор — благородный дурак, он бросился вдогонку за Годоем и уже сложил свою честную голову. Но я слышал, что при Авире он ослушался приказа и поступил, как сам счел нужным. Собственно, его отступление с последующей фланговой атакой и решили тогда исход дела. Надеюсь, что у Мальвани хватит ума отступить на Гверганду, присобрав уцелевших. Нужно уговорить его сражаться за Эланд.

— Да, тогда у нас появится целая армия, но пойдет ли Мальвани против Мунта, особенно если Михай предложит ему что-то вкусное?

— Мальвани был другом Эллари, — отозвался Рене, — надеюсь, он отличит узурпатора от Волинга. В любом случае нужно попытаться. И последнее. Постарайся узнать, что с Феликсом и можно ли до него добраться. Базилек говорит, церковники отошли в полном боевом порядке на Кантиску. Нужно, чтобы Архипастырь подтвердил Святой поход и отлучение Годоя.

Ягоб еще раз кивнул и направился к двери, но у порога обернулся:

— Как ты думаешь, когда они полезут?

— Скорее всего ранней осенью. Раньше ему не приручить Арцию, позже начнутся бури, по берегу будет не пройти.

— Я тоже так думаю — не успеют к осени, придется ждать весны, — но не проще ли нам прямо сейчас захватить Гверганду и береговые укрепления?

— Нет, — Рене покачал головой, — мы не должны нападать первыми. Нам нужна Гверганда, но со всеми потрохами. Пусть узнают все от Мальвани и выберут между отлученным от Церкви узурпатором и Волингом, приютившим своего родича-императора и имеющим благословение Архипастыря.

2229 год от В.И.

Вечер 17-го дня месяца Медведя.

Корбут. Седое поле

— Если тут бывать колодец, его нужно искать, — Криза умоляюще смотрела на Романа, — мы искать одна сутка. Только.

— Хорошо, — кивнул эльф, — отчего бы не поискать... Днем больше, днем меньше...

— Мне не нравится твоя мысль. Ты не делать, что хотел. Но ты не виноватый. Просто все не так.

— Это ты правильно сказала, все действительно не так. И это мне очень не нравится! Ладно, — Рамиэрль поправил заплечный мешок, — пошли искать твой колодец.

— Он не мой, нет, — запротестовала орка и легко побежала за Романом вниз по пологому склону, сверху поросшему сочной юной травой, сквозь которую чем дальше, тем сильнее пробивались странные серебристые стебли.

Горы захлебывались поздней весной, щебетом птиц, звоном ручьев, дурманящими запахами черемухи и диких нарциссов, а здесь по-прежнему пахло полынной горечью, и седые шелковистые травы медленно сгибались и разгибались, словно под порывами неощутимого ветра. Сердце эльфа вновь сжалось от боли, еще более острой, чем в первый раз. Волна горечи захватила и понесла его куда-то. Роман не понимал, что с ним творится, все мысли куда-то делись, остались одни эмоции, ощущение невосполнимой утраты, тоска по несбывшемуся и еще ощущение непонятной вины.

— Я не виновен перед вами, Древние, — эльф сам не осознавал, что говорит вслух, причем на старозельфийском, который меньше всего подходил для того, чтоб разговаривать с прежними богами Тарры, — я оплакиваю ваш конец и сожалею о нем. Всем, что мне дорого, клянусь, что сожалею. В наш мир пришла беда, и мы перед ней как дети в лесу. А вас нет, наши боги ушли, и мы одни перед лицом Ройгу...

Криза молча следила за своим спутником. Таким она его еще никогда не видела. Эльф стоял на озаренном ярким предвечерним солнцем склоне и что-то говорил на языке, который она не понимала, хоть некоторые слова казались смутно знакомыми. Временами Роман надолго замолкал, словно выслушивая чей-то ответ, хотя, кроме Кризы и его самого, здесь не было ни души. Ни птиц, ни зверей, ни даже водившихся в изобилии в этих краях каменных ящеров и золотистых горных кузнечиков.

Криза устала и присела на теплый камень. Она и раньше не сомневалась, что Роман — волшебник, а значит, умеет говорить с духами. Интересно, скажут ли ему духи Седого поля, где находится колодец Инты? Неужели его кто-то засыпал?

...Жалобный, тягучий крик вырвал орку из задумчивости, крик, казалось, раздавался повсюду, словно кричало само поле. Криза ошалело закрутила голову и увидела стаю птиц. Они приближались с запада, против солнца и потому одновременно казались черными и обрамленными сверкающим серебряным ореолом. Девушка вспомнила, что и прошлый раз они видели эту же стаю — издавая щемящий, надрывающий сердце клич, она медленно проплыла над их головами и исчезла за пятиглавой вершиной Великого Деда.¹⁰⁰ На этот раз птицы вели себя по-другому. Сильно и ровно взмахивая огромными сверкающими крыльями, они направлялись прямо к путникам.

Кризе стало страшно. Она позвала Романа, сначала вполголоса, потом громко, потом отчаянно закричала, но чуткий от природы эльф, поглощенный своим непонятным разговором, даже не обернулся.

Лошади, верой и правдой служившие им в степи и которых ставшая заправской наездницей орка нипочем не хотела отпускать, утверждая, что перевести их через горы летом дело нехитрое, захрапев от ужаса, куда-то унеслись вместе с поклажей. Птицы были уже совсем близко, и девушка, сама не соображая, что делает, схватила лук и пустила стрелу в вожака. Промахнуться она не могла — странные, похожие одновременно на огромных лебедей и орлов крылатые создания были уже совсем близко, а орка запросто подбивала белку в прыжке. Но боевая стрела так и не попала в цель. Она вообще никуда не попала, а просто исчезла. Та же судьба постигла и вторую стрелу. Криза жалобно пискнула и, как в раннем детстве в ожидании наказания, сжалась в комок, прикрыв руками голову в ожидании удара. Крылья зашумели прямо над ней, птичьи крики стали короче и резче.

Орка поняла, что стая напала на Романа, за которого она десять тысяч раз была готова умереть, но не смогла сдвинуться с места. Что-то древнее, могучее и властное велело ей оставаться там, где она есть. Девушка боролась, но с таким же успехом можно бороться с приливом или стрелять против сильного ветра.

¹⁰⁰ Великий Дед(гобл.) — у людей «Пятиглавец» — одна из самых высоких вершин Большого Корбута.

Наконец ей удалось поднять ставшую невероятно тяжелой голову. Хлопанье крыльев и крики к этому времени стали глуше, отдаленней. Открыв глаза, Криза ошеломленно смотрела, как Роман быстро шел, почти бежал в сторону гор, подгоняемый стаей. Белоснежные крылья, спины и шеи в солнечных лучах сверкали тем же расплавленным серебром, что и трава под ногами. Девушка облегченно вздохнула: опасность ее другу не грозила, просто птицы куда-то его вели, объясняя дорогу доступным им способом. Слегка поколебавшись, орка поглядела сначала в ту сторону, куда усакаало их снаряжение, затем на удаляющегося Романа и побежала за ним.

Криза всегда считала себя хорошей бегуньей — быстрой и выносливой, правда, она ни разу не пыталась бегать наперегонки с эльфом. Роман обогнал ее настолько, насколько она обогнала бы человека, и вскоре пропал в серебристом мареве. Казалось, бард шел не по земле, а по воздуху, во всяком случае, все попытки Кризы убедиться в том, что она взяла верное направление, были безуспешными — она не встретила ни примятой травинки, не оброненного пера. И все-таки она упрямо шла вперед, да и что ей оставалось делать?

Горы стали черными, словно нарисованными конг-хаонской тушью на темно-синем бархате, на который кто-то бросил пригоршню крупного звездного жемчуга, зато седая трава стала светиться мягким матовым светом. Кризе казалось, что земля и небо вдруг поменялись местами и под ногами у нее бездонный воздушный океан, а над головой ночная земля. Усталости она не чувствовала, только неодолимое желание идти дальше да смутное беспокойство, вызванное то ли отсутствием Романа, то ли рождающейся в голове странной мыслью, которая никак не хотела принять законченные очертания.

Орка давно уже не думала, куда идет, ноги сами несли ее, а перед ней с левой стороны плыл тоненький лунный серп. Старая примета гласила, что одинокая девушка, увидевшая слева от себя нарождающуюся луну, отдаст свое сердце распутнику, но Кризе было не до этого. С той поры, когда она тайно покинула дом отца и отправилась на поиски опозоренной матери, она не задумывалась о глупостях, которым ее ровесницы придают столь большое значение.

На Романа она наткнулась, когда уже совсем потеряла надежду. Эльф неподвижно сидел на земле, опустив голову, и светящаяся трава закрывала его по грудь. Девушка, оробев, осторожно подошла к нему, стараясь не шуметь, хотя топочи она, как стадо кабанов, бард вряд ли бы обратил на это внимание. Он был не один! Рядом лежал на спине кто-то, кого Криза никогда в жизни не видела. Коренастый и немолодой, он не принадлежал к расе гоблинов, но и на соплеменника Романа был не похож, и орка догадалась, что перед ней — человек. Он был мертв, но жизнь, казалось, покинула его совсем недавно. Рядом с покойником валялся выдавший виды дорожный кожаный мешок. Эльф не отрываясь вглядывался в грубоватое, но удивительно притягательное лицо.

Криза растерянно затопталась на месте. С одной стороны, горе достойно уважения и не любит чужих глаз, с другой стороны — дорожные товарищи должны нести груз радости и беды совместно. Отправляясь в путь, она поклялась в этом Вечной Дороге, назвав Романа-эльфа своим Спутником. Поколебавшись, Криза присела на корточки и положила ладошку на плечо эльфу. Тот вздрогнул и очнулся.

— А, Криза... Хорошо, что ты меня нашла.

— Правда, ты радый? — она не скрывала облегчения. — Я идить весь вечер и уже ночь. Он быть твой друг?

— Да, он мой друг, — подтвердил Роман, — его зовут... звали Уанн. По крайней мере, я знал его под этим именем, хотя, возможно, были и другие.

— Как он сюда приходит и как он умирать? — не унималась орка.

— Он дрался и погиб. А вот как он оказался тут, не представляю, — Роман вздохнул и поднялся на ноги, — но похоронить его мы должны. Тут хорошее место. И, Криза, вот он, твой колодец... В двух шагах.

Колодец был узким и глубоким, и на дне его была вода, потому что в ней дрожали и отражались звезды. Рассмотреть что-то еще в ночной глубине было невозможно.

— Что мы сейчас делать? — осведомилась Криза. — Копать?

— Да, — вздохнул Рамиэрль, вытаскивая нож и принимаясь споро срезать дерн. Работа заладилась, корни у седой травы были совсем коротенькими и уходили в глубину не больше, чем на треть длины клинка, да и почва была мягкая и податливая, копать такую одно удовольствие.

Орка и эльф трудились не покладая рук, и когда черный силуэт Пятиглавца окружил малиновый утренний ореол, могила была готова. Роман бережно завернул тело Уанна в старенький плащ и с помощью отыскавшейся у него же в мешке веревки бережно опустил на дно. Криза, всю ночь не щадя рук помогавшая спутнику, скромно отошла в сторону — прощание с другом дело сугубо мужское, а Рамиэрль все смотрел и смотрел вниз, не решаясь бросить в могилу первую горсть земли. Что ж, теперь он знает, кто погиб тогда, когда он пил рябиновое вино у старого Рэннока. Вот почему он не нашел следов Уанна в Рыжем лесу — старик не дошел туда. Однако не похоже, что он встретил свою смерть здесь, на Седом поле, хотя и ходил малопонятными даже Эмзару тропами... Скорее он приполз сюда умирать. На теле старого мага не было ран, но бард не сомневался, что тот погиб в бою, страшном магическом противостоянии, в котором борющиеся питают заклятия собственной жизненной силой. Но кто был противником Уанна, самого могущественного из Преступивших? Одолеть старика мог лишь кто-то, не только обладающий огромной силой, но и великими познаниями в Запретном! Неужели Примеро? Нет. Вряд ли...

Роман еще раз взгляделся в умиротворенное лицо, лицо человека, сбросившего наконец неимоверно тяжелый груз и готового вкусить долгожданный отдых. Нет, не походил Уанн на побежденного, скорее — на победителя. Он сделал то, что должно, но на большее сил у него не осталось.

— Что ж, прощай, казз! — вслух пробормотал эльф. Пора было забросать могилу землей и продолжать свой путь, потому что его долг еще не исполнен, но Роман не мог просто так взять и уйти. На могиле Мариты он заставил расцвести шиповник, а теперь нужно оказать последнюю почесть и Уанну! Решение пришло неожиданно. Эльф вспомнил об обычае маринеров, про который ему рассказал Рене, знать бы еще, где сейчас седой герцог, жив ли, свободен ли...

Обменявшись оружием с живым, эландцы становятся братьями. Обменявшись оружием с мертвым, принимают на себя все его обязательства. Эльф решительно вынул из ножен шпагу — подарок отца, поцеловал и положил на землю рядом с собой, поискал старенький клинок Уанна, не нашел и ограничился охотничьим ножом с роговой рукояткой, а затем, судорожно сглотнув, взял полную пригоршню земли и бросил вниз.

Это послужило сигналом. Криза тут же оказалась рядом. Вдвоем они быстро забросали яму, аккуратно уложив на место снятый дерн, а в ногах могилы Роман воткнул шпагу клинком вверх. Теперь можно было уходить, но оба медлили. Бард рассеянно следил, как розоватые утренние лучи играют на стальном острие, а Криза отошла к колодцу. За ночь вода поднялась, она бурлила и переливалась вровень с краями, девушка удивилась и, поколебавшись, опустила в колодец руку. Ничего не произошло, она просто ощутила холод подземного источника, не более того. Немного робея от собственного кощунства, орка ополоснула руки и лицо и только сейчас поняла, как ей хочется пить. На вкус вода тоже оказалась водой. Ледяной и необычайно вкусной.

— Роман! — Он вздрогнул и обернулся. — Иди пить вода! Вода хороший!

Эльф подошел к краю колодца, удивленно приподнял бровь, но воды зачерпнул, а потом, как и Криза, долго не мог оторваться от источника. В скромном хозяйстве Уанна, которое путники, лишившиеся собственного снаряжения, по молчаливому соглашению решили считать своим, нашлась фляга, в которую Роман набрал родниковой воды. Теперь уж точно можно было идти, но, видимо, колодец Инты не желал просто так отпускать своих гостей. Знакомое хлопанье крыльев возвестило, что птицы возвращаются. И не одни. Но если Романа они вели к колодцу хоть и настойчиво, но бережно, то несчастных лошадей стая гнала без всякой жалости. Взмывленные бока были в крови от нанесенных острыми клювами

и когтями ран. Кони опрометью мчались к хозяевам, видимо почитая тех способными защитить их от крылатой напасти. И в самом деле, птицы отступили, но не улетели, а стали кружить неподалеку.

Заботливая Криза хотела напоить несчастных животных, но обнаружилось, что вода из колодца успела уйти, и он казался высохшим и пустым. Даже стенки его из гладкого темно-серого камня с белыми и черными прожилками и вкраплениями были абсолютно сухими. Удивленно пожав плечами, Криза и Роман, с грехом пополам обтерев лошадей, предприняли попытку двинуться к горам, ведя их в поводу. Однако не тут-то было. Птицы, возмущенно крича, бросились наперерез, оттесняя путников назад к колодцу. В какую бы сторону они ни двигались, стоя бережно, но настойчиво отгоняла их назад. Роман и Криза, может быть, еще бы смогли попробовать прорваться, прикрыв лица и как-то отбиваясь, но очумелые от страха кони наотрез отказывались сделать хоть шаг от сравнительно безопасного места.

— Что ж, Криза, лошадей нам в любом случае придется оставить, — высказал очевидное Роман.

— Я не хочу, но видеть, что так надо, — согласилась орка.

Не столь уж и объемистые выюки были сняты. Этому птицы мешать не стали, но только коней освободили от поклажи, налетели, нестерпимо крича. Лошади с жалобным ржаньем кинулись наутек и пропали из виду.

— Значит, им нужны мы. — Роман задумчиво потер лоб. — Но зачем? Они привели меня к Уанну. Они сначала вернули нам коней, а затем прогнали...

— Они хотят, чтобы мы брать наши вещи, — высказала предположение Криза.

— Возможно, что ж, пойдем пешком, в горах это даже удобнее, а лошадь я тебе потом подарю...

Но пойти пешком им не удалось. Птицы не пропустили. Путники переглянулись и, не сговариваясь, уселись на землю. Думать.

— Смотреть! Так не бывать, — Криза тормозила Романа, но тот и сам видел огромный водяной столб, поднявшийся из колодца. Чудовищный фонтан рвался в ослепительно-синее небо, а над ним сверкала и переливалась удивительно яркая двойная радуга.

Птицы, призывно крича, рванулись к бурлящему холодному гейзеру и закружились вокруг. Затем вожак кинулся вперед, пролетел сквозь радужные ворота и исчез, за ним последовали еще три птицы, а остальные вернулись к путникам, недвусмысленно подталкивая их к кипящему водяному столбу.

— Так вот в чем дело! — прошептал Роман. — Это Дверь! Вот как пришел сюда Уанн! Что ж, нас зовут, и надо идти.

— Туда? — вздрогнула Криза. — Там вода, мы умирать! Вода нельзя жить.

— Ничего с нами не случится, — заверил ее Роман, хотя вовсе не был в этом уверен, — впрочем, ты права! Они звали только меня, и кто знает, что будет с тобой. Иди домой! Отсюда дорогу ты найдешь. А я, если все будет хорошо, к вам обязательно приеду.

— Нет! — выкрикнула орка. — Если мы терять друг друга, терять навсегда! Я иди с тобой!

— Но... — договорить он не успел, девушка, подхватив их пожитки, стремительно бросилась вперед и исчезла в радужном сиянье. Роман немедленно последовал за ней.

**2229 год от В.И.
17-й день месяца Медведя.
Таяна. Гелань**

Ланка не верила бледным. Более того, она их ненавидела. Из-за одного из них она потеряла Рене, а теперь они отстранили ее от всех дел. Вместо власти — почетное заточение в Высоком Замке и одиночество, ставшее после ухода Уррика невыносимым. Бежать было некуда — она так и не получила ответа на свое письмо, к тому же в ее положении в окна не вылезают и верхом не скачут. Жертвовать ребенком, пусть и от ненавистного супруга, Илана

Годойя не желала. Рождение сына (а она была убеждена, что будет сын) развязывало руки, она становилась матерью наследника и, если помогут... поминать святого Эрасти или Равноапостольную Цяалу она теперь не могла, а эландские Великие Братья были для нее пустым звуком. Неважно, кто бы ни помог... Если повезет, она скоро станет вдовой. Одна беда — бледные!

Ну да ничего, мать наследника отыщет способ справиться и с ними, вот только бы все прошло благополучно. Вообще-то в их роду женщины отличались завидным здоровьем. Но Лара все-таки умерла в родах, хотя ничто этого не предвещало. Увы, старый медикус, пользовавший Ямборов в последнее время, изрядно сдал, и Илана не была уверена, что он сделает все как нужно. Не был в этом уверен и сам Балаж Шама. К счастью, Годойя пришла блажь согнать в Замок всех обитателей Лисьей улицы, и лейб-медикус мог выбрать себе помощника. Шама выбирал дотошно, изводя томящихся от безделья коллег вопросами.

Бледные не возражали, они вообще предпочитали не вникать в обыденные дела, но их присутствие и их сила ощущались всеми обитателями Высокого Замка от супруги регента до последнего поваренка. Как бы то ни было, Шама они не мешали, и тот после множества проверок остановил свой выбор на толстеньком спокойном Симоне Вайцки, который под придирчивым взглядом лейб-медикуса принялся успешно пользоваться сначала челядь, затем придворных, а в конце концов был допущен к самой принцессе. Старый Шама, убедившийся в правильности сделанного выбора, засел в своих комнатах среди книг, реторт и ступок. Симон же с невозмутимым лицом исполнял свою работу, и исполнял хорошо, а чувства толстенького лекаря никого не интересовали. Впрочем, больных было не так уж и много, так что основной заботой Симона вскоре стала Анна-Илана Годойя. Состояние принцессы внушало тревогу — ничем и никогда не болевшая, не привыкшая плохо себя чувствовать и к тому же обуреваемая мрачными и мерзкими мыслями, Ланка или тенью бродила по стенам Замка, или часами лежала в кровати с зеленым лицом. Симон ее раздражал, но от себя она его не отпускала, одиночество было еще хуже.

Илана не привыкла быть одна, ее всегда окружали нежность и забота братьев и отца, искренняя преданность нобилей и «Серебряных» с «Золотыми», любовь прислуги. Сейчас она этого лишилась. Ее боялись, перед ней заискивали, ей прислуживали, но не любили. Во всем замке можно было рассчитывать разве что на старую Катриону, спехом вызванную из Фронтеры и сохранившую преданность дочери Акме. Но Катриона была плохой защитницей и наперсницей, и принцесса, решительный характер которой не позволял пустить все на самотек, принялась подбирать доверенных людей. Это было непросто — охвативший замок страх перед бледными, тщательно скрываемая ненависть заложников, вежливо именуемых гостями, пронырливость новоявленных синяков, которых в Таяне правильнее было бы называть серяками из-за серовато-молочных балахонов, — все это затрудняло задачу. Но Ланка не была бы Ланкой, если бы она отступилась, удовлетворившись ролью беременной и, что греха таить, полузабытой жены регента. Женщина сделала ставку не на благородство и преданность, которые ушли из Высокого Замка вместе с Шандером Гардани, а на честолюбие и зависть.

Были, были в Гелани мелкие нобили, которым никогда ничего не светило — ни при Ямборах, ни при сделавшем ставку на горцев и колдунов Годое. Были простые воины, которые мечтали о золоте и власти, были авантюристы, готовые поставить на карту голову, надеясь содрать с судьбы немалый куш. Их нужно было найти, проверить и потихоньку склонить на свою сторону.

Это было похлеще игры с огнем и пляски на тонком льду, но другого выхода у Иланы не было. Она не сомневалась, что Годой, буде арцийская авантюра увенчается полным успехом, постарается отделаться от слишком много знающей таянской жены. От гонцов из Мунта она узнала, что супруг не расстанется с племянницей императора Базилека. Ланка хорошо помнила Марину-Митту и ее таланты. Такая Годойя не надоеет, в отношении же арцийки к себе Илана не сомневалась. Та ее ненавидела, а ненависть фаворитки ничего хорошего законной жене не сулила. Единственным щитом для Иланы был бы ребенок, но он

еще не родился. Значит, нужно дожить самое меньшее до месяца Звездного Вихря, дать жизнь наследнику и окружить себя людьми, которые рискнут поставить на жену, а не на мужа!

Последняя из Ямборов боролась за свою жизнь, и судьба шла ей навстречу. Первым ее человеком стал доезжачий Гжесь, обиженный как Стефаном, так и Годоем, затем появились братья Имре и Золтан Цокаи, не желавшие прозябать в Гелани. Братья знали, где и как искать людей, а золота у Иланы хватало. Марко так и не открыл зятю, где тайная сокровищница Ямборов. Сначала узурпатору было не до того, а потом Преданный отправил тело старого короля к иным берегам. Совесть Илану не мучила — она была единственной наследницей и могла делать с сокровищами что захочет. Наемники были довольны — принцесса никогда не была жадной, единственное, с чем она не могла расстаться, были рубины Циалы.

Ланка часто открывала заветную шкатулку, любясь прихотливой игрой света на гранях темно-красных камней. Принцесса готова была часами следить за пляской холодного огня, но увы! Даже когда она только смотрела на камни, ее начинала одолевать тошнота. Если же она их надевала, становилось и вовсе худо. Катриона, некогда вынычавшая принцессу, первая углядела связь между украшениями и состоянием принцессы. Не мудрствуя лукаво, старуха объявила, что, если Илана хочет родить здорового ребенка, рубины до родов лучше запрятать куда подальше.

Все существо Иланы противилось этому решению, но желание иметь наследника, а значит, и возможность избавиться от постылого и опасного супруга, заставляло согласиться с доводами няньки. В самом деле, святая Циала, которой принадлежали камни, дала обет безбрачия и целомудрия. Известно, сколь сурово относилась святая, к слову сказать, весьма сведущая в магии, к прелюбодеянию да и вообще к плотским утехам. Таянская принцесса знала, что камень и человек взаимно влияют друг на друга. Обычно это не слишком заметно, но если камни долгое время принадлежат сильному магу, они навсегда обретают некоторые свойства хозяина. Циала полагала беременность состоянием постыдным и греховным, и столь любимые ею тарскийские рубины это запомнили. Отсюда и те боль и тошнота, которые одолевают принцессу, стоит ей хотя бы взглянуть на камни. Что ж, несколько месяцев она без них обойдется, а чтоб не искушать судьбу, отдаст ларец на хранение Церкви.

Толстый Тиберий изысканно и витиевато поблагодарил за оказанную ему честь и немедленно водрузил шкатулку с реликвией в алтарной части главного храма Гелани, куда принцессу никто бы одну не пустил. Обмороки и резкие боли в спине прекратились почти сразу же, но тошнота и раздражительность никуда не делись. Сменивший Шаму толстенький лекарь с невозмутимым видом готовил какие-то облегчающие ее состояние настойки, в сотый раз объяснял, что все в порядке, но Ланка не успокаивалась. Ее бесило все — и исчезающая красота, и отвратительное самочувствие, и, главное, что от нее теперь ничего не зависело и она могла лишь ждать срока, равного и для матери наследника, и для последней судомойки. Ждал срока и Симон. Причем в отличие от своей державной пациентки медикус был твердо убежден в том, что у Михая Годоя не должно быть наследника.

2229 год от В.И.

Вечер 17-го дня месяца Медведя.

Эланд. Идакона

Их было семеро. Сезар Мальвани, моложавый красавец, словно бы вернувшийся с праздничного парада, а не проделавший беспредельный по скорости марш от Гверганды до Центральной Арции и обратно, Архипастырь Феликс, в темном платье воинского покроя более похожий на коронэля, нежели на клирика высокого ранга, усталый, с потемневшим жестким лицом командор Добори, порывистый, черноглазый Шандер Гардани, вполне оправившийся от своей странной болезни, величавый Максимилиан в роскошном кардинальском облачении, согнутый годами Эрик и Рене, спокойный и сосредоточенный, как в море во время шторма. Их было семеро, и от них зависело, удастся ли предотвратить

предсказанное в Пророчестве или же Благодатные земли навеки скроются в смертном тумане.

На столе стояло вино, в шандалах горели свечи, за окнами буйствовала летняя ночь, полная звезд и ласкового ропота волн, но людям, собравшимся в Башне Альбатроса, было не до щедрот, изливаемых на землю Звездным Медведем.

— Так вот как оно все было, — Эрик склонил седую голову, — что ж, вечная им всем память... Но как можно было позволить предателю разгуливать на свободе?!

— Кто же знал, что Койла — предатель, — вздохнул Добори, — провел он нас, как детей, это так. Годой понимал, что все держится на маршале Ландее, и принял меры. Но чего уж теперь шпагой махать... Нужно думать, что делать дальше.

— А чего думать? — Мальвани взял со стола кубок, но пить не стал, так и держал в руке. — Выход у нас один — выстоять! Того, что здесь было сказано, достаточно, чтобы забыть и думать о переговорах. Если б речь шла просто о войне, я бы был почти спокоен — Гверганду никакая армия не возьмет, ее просто невозможно взять.

— Чего ж вы тогда ее от нас стерегли? — беззлобно поддразнил арцийца Рене. — Раз она такая неприступная.

— Да мы вас и не опасались, — махнул рукой Мальвани, — просто нужно было где-то копить силы. Мы семь лет кряду готовились голову Бернару открутить, да слишком долго копались. Вот и дождались! Хотя с вами, монсигнор Аррой, считаться тоже приходилось, от Счастливчика всегда можно ждать такого, что никому и в голову не придет. Да и флот ваш... Захоти вы не мытьем, так катаньем захватить Гверганду, Проклятый знает, чем бы дело кончилось.

— Проклятый? — непонятно чему улыбнулся Рене. — Проклятый точно все знает. И в чем дело и что делать... Я бы от его помощи не отказался, самый подходящий бы противник Годой был. Но приходится рассчитывать на себя.

— Давайте говорить по кругу, — рассудительно предложил молчавший досель Максимилиан. — Друг с другом не спорить и сказанное не обсуждать, пока не выскажутся все.

— Разумно, — согласился Сезар и наконец выпил свое вино. Остальные в знак согласия кто кивнул, кто промычал нечто одобрительное.

Мальвани отодвинул пустой кубок:

— Я буду говорить о том, что понимаю. Нас и тех, кто к нам примкнул, около сорока тысяч. Сейчас люди готовы драться, но если их не занять чем-нибудь и не ободрить хоть маленькой, но победой, начнут уходить. Вешать дезертиров не хочу, это сыграет на руку Годой. Как бы то ни было, к осени мы должны превратить побережье Адены и Гверганду в непреодолимый рубеж. Это не столь уж и трудно. Нападения с моря опасаться не приходится, хотя на всякий случай берег патрулировать придется. Время у нас есть. Как раз достаточно для проведения работ. Пусть Годой увязнет всеми четырьмя лапами под Гвергандой, а лучше всего, если останется здесь зимовать. Для армии нет ничего хуже, чем вести зимнюю осаду. Боюсь, он это тоже понимает и, если ему не удастся взять город с маху, уйдет на зимние квартиры не позже конца месяца Зеркала.

— Командор прав, — подхватил Добори, — от себя бы я добавил, что нужно что-то сделать с городом. Гверганда — порт. А в порту вечно болтаются самые разные люди. От Годоя можно ожидать любых сюрпризов, а я не хочу, чтоб в один прекрасный день взлетели на воздух пороховые погреба или была отравлена питьевая вода. С другой стороны, с купеческими старшинами тоже ссориться не резон. Нельзя, чтобы город ЗАХОТЕЛ перейти под руку узурпатора...

— А это уже наше дело, — просто сказал Феликс. — Я надеюсь, слово Архипастыря и то, что я временно перенесу Святой престол в Гверганду, сделает большинство горожан нашими сторонниками. Я предложу всем, кто не хочет сражаться против посланца Антипода, покинуть город, остальные же будут объявлены участниками Священного похода, а они могут сложить оружие лишь по воле Архипастыря.

— Вы правильно рассудили, Ваше Святейшество, — медленно и значительно проговорил Максимилиан, — но, памятуя о случившемся на Лагском поле, мы должны особо беречь вашу жизнь. Убийство маршала Ландея обернулось военной катастрофой, убийство Архипастыря будет означать окончательное поражение, так как конклав может избрать и наверняка изберет самого пронырливого конформиста из всех возможных.

— Да, мы должны беречь вождей, я никогда не считался с тем, что говорит Церковь, но сейчас нам без нее не обойтись, — Эрик по своему обыкновению говорил то, что думал, невзирая на лица, — сейчас не время спорить о Творце, а надо дело делать. Его Святейшество нам поможет — очень хорошо. Мы будем держать Гверганду, и мы ее удержим. А что будет делать Годой? Да хозяйничать в Арции!

Нельзя долго сидеть в обороне, нужно нападать самим, нужно вынудить Годоя показать свои рога. Пусть его ненавидят и боятся. На десять трусов всегда находится один мужчина, и он поднимает оружие. Нельзя, чтобы Арция поверила узурпатору, нельзя, чтобы мы выглядели смешно и глупо! Свергни Годой Эллари, империя вскинулась бы на дыбы, а плакать по Базилеку не будет никто! А Годой умен, он и Эланд-то попытался прибрать к рукам втихую, с расшаркиваниями да соболезнаваниями. Сыграл, мерзавец, на всем — на твоём исчезновении, Рене, на магии своей паршивой, на том, что Рикаред такая, простите меня, Великие Братья, и вы, господа клирики, мокрица! И в Арции он так же извиваться будет...

— Будет, — подтвердил Гардани, — тарские свил себе гнездо в Гелани, но там его точно ненавидят и боятся. Таянцам не нужно объяснять, что это за тварь! — «Серебряный» скрипнул зубами. — Он запугал людей до полусмерти, но страх еще не успел врасти им в кожу. Таяна может и должна восстать. А если он будет отрезан от Тарски и своих гоблинов и заперт в Арции между Эландом и Атэвом, ему придется крутиться, как ужу на сковородке... В Эланде меня еще помнят, а кое-кто и любит. То, что я воскрес, воспримут как знак судьбы. Если мы с «Серебряными» тайно вернемся в Гелань через Чернолесье и мои родовые земли, то соберем неплохую силу. Думаю, запалить восстание в Гелани мне по плечу, а там поднимутся Роггская долина и таянская Фронтера...

— Разумно, — не выдержал Мальвани. — И если граф Гардани берется исполнить задуманное.

— Нет, — слово Рене возымело эффект неожиданного выстрела из пистоля, а герцог слегка улыбнулся и повторил: — Нет, Шани, куда я тебя не отпущу!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ КОСТЕР В ТУМАНЕ

*Миштых лун неживая равнина
И ушедшей под землю крови.
Равнина крови старинной.
Свет вчерашний и свет грядущий,
Тонких трав неживое небо,
Свет и мрак над песком встающий.
Ф.Гарсиа Лорка*

Глава 18

2229 год от В.И.
6-й день месяца Лебеда.
Старая граница. Чернолесье

Лесная тропа не предназначалась для конных прогулок, ехать по ней можно было лишь

по двое, причем всадники то и дело соприкасались стремями. Однако даже плохая дорога лучше никакой — болотистые мелколиственные леса Внутреннего Эланда и Окраинной Таяны с густым подлеском, завалами из бурелома, оврагами и промоинами были местом скучным и гиблым. Люди здесь все больше жались либо к озерам и речкам, либо к Идаконскому тракту, что вел от Гелани до переправы и от переправы дальше в Эланд. Другой большой дороги здесь не было, чему Рене был несказанно рад. Не было тут и пограничных застав, да и зачем они были нужны, когда Эланд и Таяна несколько веков составляли чуть ли ни единое целое, а богатством здешние края похвастать не могли. Те, кто подавался из Арции в Таяну, предпочитали селиться южнее, где и земля была получше, и зима покороче, а в чащах да болотах северо-запада раздольно чувствовали себя только травники да охотники за мелким, но ценным зверем навроде черной белки, которую весьма уважали арцийские модники.

И эландские герцоги, и таянские короли на Чернолесье внимания не обращали, а немногочисленные местные жители никогда никаких хлопот никому не причиняли. Жили себе и жили. Неудивительно, что Рене знал Пограничье хуже, чем побережье и даже Предгорную Таяну. Старая дорога в Гелань не искувала всеобщего пренебрежения к этим краям, тем паче что с побережья, которое, собственно говоря, и было настоящим Эландом, сподручнее добираться до Таяны через Гверганду и Фронтеру. Да, когда-то, когда Рысь и Альбатрос только-только заявили о себе, а арцийская империя переживала пору рассвета, Идаконский тракт был оживленным и людным, но чем сильнее становились молодые государства, тем большую уступчивость демонстрировали фронтерские бароны и мунтские владыки.

В конце концов удобную прямую дорогу вдоль Лисьих гор прозвали эландской тропой, да и Гверганда последнюю сотню лет только формально считалась имперским городом, на деле же заправлявшие там купеческие старшины давно превратили ее в вольный порт, а Северную армию терпели только в обмен за право беспошлинного вывоза арцийских товаров. Шли годы, Гверганда все больше богатела, богатели и Морской Эланд и Восточная Таяна, а в лесах Пограничья ничего не менялось, за что Рене Аррой готов был благодарить всех богов прошлых, настоящих и будущих, так как их с Шани замысел мог сработать только в случае неожиданности. И вот теперь шесть сотен «Серебряных» пробирались узкой лесной тропой, распуская белок.

То, что они задумали и с чем скрепя сердце согласились и командор Мальвани, и Архипастырь, могло прийти в голову только маринеру и бывшему смертнику. Ни один военачальник и тем более политик не решился бы на подобную авантюру. Но эландский герцог, поразмыслив пару ночей, окончательно убедил себя в том, что у них есть лишь один выход. Пока Годой прибирает к рукам Арцию, они должны захватить Таяну и, закрыв изнутри Гремихинский перевал, запретить Годоя с его гоблинами в Арции. То, что последует за этим, виделось весьма смутно, а потому об этом решили не думать, полагая, что предусмотреть все нельзя, а излишняя предосторожность в том отчаянном положении, в котором они оказались, только мешает.

План был прост. Скрытно подойти к Гелани со стороны Рысьвы и отрядить кого-то из «Серебряных» на разведку в город — Рене и Шандер не сомневались, что союзников там немало. Ну не может такого быть, чтобы Гелань, в которой испокон веку жили друзья, за несколько месяцев превратилась во вражеское логовище. Судя по всему, Годой увел с собой большинство тарскийцев и тех таянцев, которых удалось купить или запугать, в городе же остался пусть вооруженный до зубов, но вряд ли многочисленный гарнизон, способный держать в страхе и повиновении безоружных и растерянных горожан. Однако за время своих скитаний по южным землям Счастливчик Рене убедился, что ни одно войско не способно остановить таких вот мирных жителей, когда они, захмелев от своей смелости, топча и своих и чужих, с ревом бросаются на ошетилившийся пиками строй, поджигают собственные дома, толкая в пламя тех, перед кем еще вчера трепетали.

Рене доводилось видеть городские бунты, и он знал, что остановить их сложнее, чем

выиграть битву. Адмирал не сомневался, что достаточно небольшого толчка, и Гелань встанет на дыбы. Несомненно, многие погибнут, но если допустить задуманную Михаем Аденскую резню, если позволить втянуть себя в изматывающую войну, жертв будет много больше. Кроме того, Аррой знал, что ему удастся взнудать восстание и направить в нужное русло.

Да, придется кое-кого повесить, а самозваного кардинала Тиберия отдать на милость толпы, но в данном случае это будет оправданно. Если в Светлый Рассвет в главном храме Гелани герцог Рене Аррой примет из рук кардинала Максимилиана объединенную корону Эланда и Таяны, вопрос о правомочности регентства Годоя будет снят. Захватив столицу королевства, он сможет ее удерживать сколь угодно долго, даже если не удастся овладеть Высоким Замком. Он поднимет Фронтеру, перекроет горные дороги, отрезав Годоя от Тарски.

И еще была Ланка... Герцог хорошо, слишком хорошо помнил гордую головку, обрамленную отливающими медью кудряшками, грациозные небрежные жесты, звонкий смех... Как могло случиться, что она примкнула к врагам, она, так остро ненавидевшая ложь и несправедливость, не скрывавшая своего отвращения к Годую? Рене и хотел бы забыть, да не мог. Их последний безумный разговор в Оленьем Замке, когда принцесса с горящими глазами развивала перед ним план захвата империи, нет-нет да и начинал звучать в ушах. Что ж, жажда власти перевесила жажду любви, и она отдалась Годую.

Рене скрипнул зубами: честный с самим собой, он не мог не признать, что свадьба Ланки стала для него личным оскорблением, а ее письмо, принесенное гоблином, лишь усилило чувство опустошенности и непонимания. Герцог не хотел больше думать об этой женщине, но думал. Он не хотел ее видеть, а ехал к ней, допуская, что, возможно, именно ему придется принуждать ее к разводу с Годоем, причем не только словами. А развод этот был необходим, крайне необходим. Впрочем, решать, как поступить с Иланой, было, мягко говоря, преждевременно. Сначала нужно было незаметно добраться до Гелани. К счастью, тянущиеся по обе стороны символической границы влажные лиственные леса со множеством троп и тропинок были хорошим убежищем. Рене собирался пройти по ним до Червоного кряжа, затем овечьими тропами до истоков Ямбера, откуда до Гелани не больше полутора дна.

Герцог неплохо знал те места, изобилующие косулями и кабанами, к тому же именно там лежали изначальные владения рода Гардани. Кто-кто, а вассалы графа не питали особой нежности к узурпатору. Там, в старинном, но все еще неприступном замке можно было надежно укрыться и ждать возвращения разведчиков. Конечно, Годой не мог оказаться столь глуп, чтобы оставить без внимания вотчину врагов, он наверняка подарил Серый Утес кому-то из своих холоуев, но Рене это не волновало — он знал, как скрытно проникнуть в замок, даже если он осажден или захвачен годоевцами. Что ж, в последнем случае у него в руках окажутся заложники или трупы, но Серый Утес — ключ к Гелани, и он будет взят! Рене не сомневался, что там найдется немало добровольцев, готовых примкнуть к шести сотням «Серебряных», везущих с собой в седельных сумках свои знаменитые доломаны.

Самозванец не ожидает такой наглости, не может ожидать. Конечно, знай Михай, что от родового гнезда Шандера до Гелани есть потайные тропы, он мог бы предвосхитить планы эландцев, но Годой был занят другим. И это вселяло надежду.

Герцог незаметно взглянул на едущего рядом Максимилиана. Клирик, надо отдать ему должное, почти сразу согласился с безумным предложением герцога — пока Годой прибирает к рукам империю, а Феликс с Мальвани укрепляют Гверганду и разворачивают городские пушки в сторону Арции, захватить Гелань. Особую привлекательность для кардинала составляла перспектива низвергнуть посягнувшего на его титул Тиберия и предстать перед жителями Таяны в романтическом ореоле борца за справедливость. Что ж, святой отец знал, чего хочет от этой жизни, и готов был ради этого многим рискнуть. Таких союзников Рене уважал.

Максимилиан связал свою судьбу с северо-западом, Арроя это устраивало. Он не

сомневался, что красавец-кардинал втайне мечтает о посохе Архипастыря, вот пусть и добывает этот посох здесь, в Таяне. Рене не стал бы полагаться на слово клирика, а изъятие дружеских чувств, не проверенных временем и морем, у него редко вызывало доверие, но когда помощь исходит от человека, чьи интересы неразрывно связаны с твоими, это достойно внимания. Кардинал и герцог нравились друг другу, хоть подчас и говорили на разных языках. В одном же они сходились — Годой должен быть побежден, и как можно скорее. «Серебряные» тоже мечтали лишь об этом. Поэтому, когда Гардани объяснил им задачу, обычно хмурые физиономии расцвели улыбками, не сулящими тарскийцам ничего хорошего.

Единственным, что слегка опечалило воинов, была разлука с их капитаном, но тут уж ничего нельзя было поделать. Шани был нужен на аденском рубеже, так как никто лучше него не знал Годоя. О другой причине, а именно о том, что Шани может быть опасно возвращаться в Высокий Замок, Рене благоразумно молчал. К тому же у графа Гардани была еще одна задача. Кто-то должен был подменить Рене, и этим «кем-то» мог быть лишь Шандер. Хорошенько припомнив то, чему он обучился у своих странных покровителей с островов, Рене сотворил простенькую иллюзию, которая должна была исчезнуть, лишь вступив в соприкосновение с ним самим.

Для Рамиэрля подобный фокус был делом минутным, Рене же провозился всю ночь, но в итоге разобрать, кто из двоих, вышедших из Башни Альбатроса с разрывом в две оры, был герцогом Эланда, а кто его двойником, сумел бы либо синяк с Кристаллом Поиска, либо человек, настолько хорошо знавший обоих, чтобы заподозрить неладное по словам и жестам.

О том, что в Гверганде сейчас находится не герцог Аррой, а его таянский друг, знали лишь Феликс, Мальвани, Эрик с Ягобом и Диманом, сам Шани и вездесущий Зенек. Рене не сомневался, что они сумеют сохранить тайну. Даже если Михай каким-то образом сможет прощупать Гверганду в поисках заклятий, он вряд ли заподозрит исчезновение человека, возглавляющего оборону. Ему и в голову не придет, что Рене оставил передовой рубеж, хотя как раз это было можно сделать со спокойной душой.

В таланте Сезара Мальвани вести наземные оборонительные бои Рене не сомневался — это было у командора в крови, равно как в крови его, Рене Арроя, было водить в сражения армады. Гверганда должна продержаться до того, как он, Рене, захватит Таяну, перекроет путь из Тарски в Арцию и, если повезет, найдет средство открыть гоблинам глаза на их подлого союзника...

**2229 год от В.И.
6-й день месяца Лебеда.
Нижняя Арция**

Уже два месяца Луи вел своих людей к Лисьим горам. Лагское поле, поле позора Арции, осталось далеко, впереди была Северная Фронтера, а за ней — Гремиха, которую нужно было как-то перейти. За время пути разношерстный отряд превратился в единое целое, словно бы из ниоткуда появилось несколько младших командиров, соорудили даже подобие орифламы. Может быть, потому, что они не только уцелели в битве, но и полностью выполнили свой долг, а еще потому, что большинство воинов Луи были молоды, а погода установилась такая, что предаваться отчаянью и не любить жизнь было просто невозможно, настроение в отряде было самым боевым, а иногда даже веселым. Они твердо знали, куда и зачем идут. К тому же по дороге им удалось немного потрепать тыловые тарскийские части и даже захватить несколько пленных.

Годой чувствовал себя в Арции как дома, победители никак не ожидали нарваться у себя в тылу на сколько-нибудь боеспособный вражеский отряд, и Луи не смог удержаться от искушения. Первый раз они сцепились то ли с группой мародерствующих фуражиров, то ли просто с мародерами, грабившими небольшую деревеньку в четырех днях ходу от Лага. Судя по всему, это был далеко не первый «подвиг» тарскийцев, так как недалеко в тенечке они

оставили несколько фур, доверху заваленных всяческим припасом. Это и решило дело. В отряде Луи было десятка два раненых, в том числе и двое тяжелых, лошади еще с грехом пополам перебивались подножным кормом, а вот людям пищи явно не хватало.

Из осторожности Луи сначала вел своих быстро, как только мог, опасаясь, что тарскийцы примутся прочесывать леса в поисках уцелевших, а для выполнения его безумного плана требовалась скрытность, скрытность и еще раз скрытность. Похоже, однако, что он переоценил узурпатора или недооценил алчность и наглость его солдат.

Перебросившись парой слов с Ноэлем, который в меру своих сил заменял погибшего Шарля Матея, принц решил, что подвернувшуюся возможность грех упустить. Захватить обоз оказалось легче легкого, но, сказав «утро», говори и «день». Отпускать мародеров было нельзя. Их и не отпустили. Те так и не поняли, что и как произошло.

Атака была мгновенной и слаженной, не прошло и четверти оры, как отряд Луи оказался полноправным хозяином деревни, пары десятков трупов и десятка пленных, оказавшихся весьма словоохотливыми. Как и следовало ожидать, это были свеженькие арцийские наемники. Совсем недавно такие же крестьяне, как и те, которых они нынче грабили. Вербовщики им обещали жалованье, красивую одежду и полную безнаказанность, так как лишь те, кто признал власть императора Микаэла Первого Годоя-Волинга, могут рассчитывать на его защиту. Крестьяне же в таких тонкостях не разбирались и если кому и верили, то войту и клирику, которым так никто и не удосужился сообщить, что в Мунте нынче сидит не Базилек.

Пользуясь этим, новобранцы объявили сельчан изменниками и с чисто крестьянской основательностью принялись вычищать чужие подворья, причем наиболее хозяйственные и дальновидные намеревались отправить отобранное добро на свою не столь уж и далекую родину. Ремесло солдат им явно нравилось, пока их триумфальный путь не пересекся с путем отряда Луи. Принц не знал, злиться ему или смеяться, но решать нужно было быстро, и он решил. Разоружив горе-вояк и вернув захваченное в деревне законным владельцам, Луи посчитал остальные трофеи своей законной добычей. Труднее было решить, что делать с пленными. В конце концов Луи оставил на попечении господина войта всех, кроме двоих вербовщиков и одного дылды с заячьей губой, ненароком прибившего до смерти старуху, грудью вставшую на защиту своих кур. Эти были прилюдно повешены. После чего Луи ушел, на всякий случай дав понять, что пробивается в Кантиску. Их не преследовали. То ли обман удался, то ли лишенные вожаков и оружия горе-годоевцы разбежались по домам, а может, их прикончили крестьяне. Принц об этом не думал.

Набег на мародеров изрядно поправил их дела, а два дня спустя они подстерегли группу из десятка всадников, сопровождавших карету. Не ушел никто, а Луи стал обладателем донесения Олецкого наместника императору. Впрочем, толку от письма не было никакого, так как хоть оно и было написано на языке, показавшемся Луи испорченным арцийским, смысл послания был темен и непонятен. Слова вроде бы складывались в осмысленные фразы, но какое отношение имела к происходящему, к примеру, какая-то вновь опустевшая Чаша, ни Луи, ни Ноэль не понимали. Пленный гонец молчал, тупо глядя в землю, а ночью умудрился как-то освободиться и попытался убить Луи, после чего его пришлось прикончить. Принц пожал плечами и повел своих дальше.

Теперь они шли очень медленно, старательно обходя города и большие села (в чем немалую помощь оказывала Гайда), пополняя запасы за счет вражеских фуражиров и безжалостно истребляя оставших от крупных отрядов тарскийцев, а недалеко от заболоченной безымянной речушки приняли бой с почти равным им по силе кавалерийским отрядом. Неожиданность и то, что врага удалось загнать в болотце, сделали свое дело, и сотня солдат была для Годоя потеряна. После каждого удачного боя Луи резко менял направление, чтобы сбить со следа возможных преследователей. Важно было, чтобы тарскийцы считали его выходы действиями разных отрядов и чтобы никто не догадался, что речь идет о горстке людей, пробирающихся в Эланд. Пока им везло, но чем ближе Луи подходил к Лисьим горам, тем больше сомнений одолевало принца, он не сомневался как в

том, что перевал охраняют, так и в том, что, даже прорвись они через Гремиху, в степной Таяне им будет не спрятаться, дорога же вдоль гор вдвое длиннее и никому из его отряда не известна...

**2229 год от В.И.
8-й день месяца Лебеда.
Старая граница**

Таянцы всегда славились тяжелой конницей, а уж «Серебряные» и вовсе были первыми всадниками Благодатных земель, оставив в этом благородном деле далеко позади и «Золотых», и арцийскую императорскую гвардию. Кое-кто, впрочем, был склонен превозносить до небес мастерство атэвов и стремительность их сухих легконогих лошадей, но знатоки полагали кошунственной саму постановку вопроса. Разве можно сравнивать стрижа и ястреба? Приоритет «Серебряных» в конном деле был столь же очевиден, как и первенство эландцев в деле морском. И тем не менее лошади вышли из повиновения. Все! Знаменитые на весь свет серые в яблоках дрыганты,¹⁰¹ выезженные и выученные так, что бегали за своими хозяевами не хуже собак и не боялись ни выстрелов, ни гроз, ни диких зверей, дрожали всем телом и отказывались сделать хоть шаг. Растерявшиеся всадники из всех сил пытались совладать с покрывшимися пеной упирающимися скакунами и не могли.

Рене опомнился первым — может быть, потому, что, предпочитая лошадиной спине доски палубы, не привык полностью доверять нервным четвероногим тварям. Герцог велел отходить, но как можно тише. Кони не только выполнили команду, но понадобилось все умение наездников, чтобы удержать их от бешеного галопа.

— Что это было, монсигнор? — вопрос задал Стах Гери, заменивший в таянском походе отбывшего с Шани на Аденские берега Зенека, и те же слова были готовы сорваться с шести сотен губ.

— Не знаю, — Рене покачал головой, — но хорошо бы «это» обойти стороной. Нельзя рисковать и ввязываться в схватки неведомо с чем. Если нам навяжут бой, придется драться, но тогда ни один — вы слышите, — ни один противник не должен уйти. Иначе весь наш поход станет бессмыслицей, если не самоубийством. Пока нам везет — ветер дует в лицо, вот кони и почуяли какую-то мерзость.

Разумеется, Рене не был уверен, что лошадей смутил какой-то запах. Вполне вероятно, их испугало нечто другое, но говорить об этом спутникам адмирал счел излишним. Равно как и то, что они могли наткнуться на барьер, выставленный Михаем вдоль всей границы. В последнее, впрочем, Рене не верил.

Сам он был не ахти каким колдуном, но понимал, что для создания магической защиты такой силы и протяженности, да еще действующей вдали от поставившего ее — а в том, что Михай Годой сейчас в Арции, сомнений не было, — нужна почти божественная мощь. И тем не менее Рене не сразу нашелся, что ответить Максимилиану, вполголоса выразившему свои сомнения. Нет, кардинал не боялся. Во всяком случае, в его словах страх не ощущался, скорее тревога о том, правильно ли они поступают. Рене не был в этом уверен, но он уже успел убедить себя в том, что другого пути нет, а раз нет, придется пройти здесь и сейчас.

Счастливчик Рене никогда не ждал у моря погоды и, если судьба загоняла его в угол, бросался ей навстречу. До сих пор это его спасало. Конечно, когда-нибудь любое везенье может прекратиться, но почему это должно случиться именно сегодня? Рене медленно покачал головой и неожиданно подмигнул клирику, ярко сверкнув глазами:

— Поздно нам поворачивать, господин кардинал Таяны и Эланда! Впрочем, если вам

¹⁰¹ Дрыганты — порода лошадей, приспособленных к передвижению по лесам и болотам. Могут при необходимости передвигаться почти оленьими прыжками.

кажется необходимым вернуться, к вашим услугам квинта¹⁰² Роцлава.

— Нет, — клирик довольно убедительно улыбнулся, — возвращаться с полдороги плохая примета, да и в Таяне я нужнее, чем на Адене. Его Святейшество может без меня обойтись. А вы — нет.

— Что ж, — Рене облегченно перевел дух, — тогда вперед, а точнее, назад! Мы не так уж далеко отъехали от последней развилки, сменим тропу, а там поглядим. Стах, возьми двоих, и проверьте, как там и что. Незачем еще раз пугать лошадей.

О том, что прошлый раз разведчики ничего не заметили, Аррой решил не напоминать. Сташек браво вскинул два пальца к несуществующей кокарде и пустил коня рысью. Рене придержал своего вороного, как две капли воды похожего на увиденного господином Бо Чивво. С пол-оры все стояли, вслушиваясь в шорох листьев над головой. В лесу было тихо. Даже слишком тихо, и это Рене, побывавшему в Ласковой пуще, очень не нравилось. Но не стоять же вечно, и герцог, к глубочайшему облегчению вороного, наконец послал его по следам Сташека.

По мере удаления от странного места чаща оживала — пестрые птицы то и дело порхали через тропу, с дерева свешивались немислимо любопытные (за что им частенько приходилось расплачиваться жизнью) черные белки... Все было как обычно в это время и в этих краях.

Тропа отыскалась там, где ее и оставили, — у причудливой старой ольхи, из расщепленного ствола которой тянулась вверх молоденькая рябинка. Лошади охотно свернули и бодрым шагом двинулись вперед. Не прошло и оры, как место, которое так напугало коней, осталось справа и позади, а еще через четверть оры под ноги разведчикам бросилось двое подростков — мальчик и девочка. Оба светловолосые и коренастые, как большинство здешних жителей. И смертельно напуганные.

Надо отдать справедливость Сташеку, действовал тот быстро и разумно. Один из разведчиков, не дожидаясь, пока ребята объяснят, что с ними случилось, бросился назад. Другой, напротив, медленно двинулся вперед по тропе. Сташек же спрыгнул с коня и, тряхнув парнишку за плечи, не терпящим возражения голосом велел рассказывать. Это помогло. Подняв на аюданта светло-голубые глаза, юнец, торопливо сглатывая и не выпуская руку подружки, забормотал:

— Убивцы... Пришли с восхода... Много... Всех половили... Мы за городкой¹⁰³ прятались, на краю... Загулялись ввечеру... забоялись запоздно домой итить... А туточка эти... Верхами... Мы как завидели, так бежать... Такой страх...

Того, что произошло в деревеньке, парочка не видела, чувство ужаса приковало их к земле, а когда к Тинке и Раво вернулась способность двигаться, они бросились бежать со всех ног и бежали, пока не налетели на Сташека.

— Что ж, немудрено, что они испугались, — лейтенант Роцлав не забыл, как дрожал его испытанный конь, повидавший куда больше выросших в лесу ребяташек, — сельцо ваше далеко?

Оказалось, недалеко, как раз в той стороне, куда отказывались идти лошади.

— Посмотреть? — Роцлав прямо-таки умоляюще взглянул на Рене — бравый лейтенант не был в Ласковой пуще и не видел растерзанного в клочья вместе с конем воина. Он много чего не видел, этот Роцлав, и рвался в бой. Виноват в этом был Рене, не желавший заранее запугивать людей неведомым. Конечно, можно приказать двигаться дальше, но... оставлять в тылу разбойников, напавших на мирную деревеньку, значило пусть слегка, но подорвать доверие воинов. С другой стороны, ввязываться в бой означало раскрыть себя.

¹⁰² Квинта — принятое в Таяне воинское подразделение, в которое входит 60 человек, делящихся на пять отрядов, во главе каждого из которых стоит додекан. Командующий квинтой носит звание лейтенанта.

¹⁰³ Городкой в Чернолесье называют плетень, окружающий деревню.

Рене на мгновение задумался.

— Проклятый знает, что там за мерзавцы, а вслепую и на мышей не охотятся. Роцлав, Сташек, — гляньте, что там. Только тихо. Если бить, то так, чтоб не один не ушел. Давайте вперед. Если лошади упрутся, спешиться.

Роцлав кивнул, и двенадцать конных тихо двинулись вперед. Остальные деловито готовились к возможной схватке. Ждать пришлось недолго — разведчики дело знали. Им удалось подобраться к самому краю деревни.

Лошадиный страх, чем бы он ни был вызван, рассеялся. В деревеньке действительно чужаки — к городке привязаны кони, но в самом селе тихо, как в могиле. Пришельцы, кто бы они ни были — странная сигна, которой были помечены седла, что-то вроде белых ветвистых рогов, — не стерегутся совершенно. Так что как только, так сразу...

— Добро, — Рене кивнул, «странная сигна» живо напоминала об Осеннем Кошмаре и Пророчестве, но пугать никого до времени не стоило, — сколько людей нужно, чтоб оттуда ни одна собака не выскочила?

— Двух квинт за глаза и за уши хватит, — отозвался Роцлав, — вообще-то и одной довольно, но чтоб уж точно никто не ушел...

— Возьмешь три, — Аррой был очень серьезен, — при попытке удрать убивать на месте. С остальными, — адмирал горько ухмыльнулся, — как только убедитесь, что это убийцы, — поступать по Коронному Праву. Пленных не брать, кроме двух или трех. Связать, чтоб пальцем пошевелить не могли. Все!

Рене и сам бы хотел броситься в бой, но как раз этого он себе не мог позволить. Будущий король Таяны и Эланда должен рисковать головой лишь тогда, когда от его шпаги будет зависеть гораздо большее, чем судьба лесной деревушки, в которой, как что-то ему подсказывало, они вряд ли отыщут уцелевших.

2229 год от В.И.

8-й день месяца Лебеда.

Фронтера

У нее были легкие пепельные волосы и огромные зеленоватые глаза, в которых, казалось, плясали солнечные зайчики. Она стояла на краю поляны, задумчиво разглядывая Луи, и молчала, решительно ничем не напоминая всех тех женщин, с которыми он когда-либо имел дело. И одета она была как-то странно, от переливчатого золотисто-зеленого платья не отказалась бы самая изысканная мунтская красавица, но рукава внизу были не скреплены запонками, а щиколотки открыты, как у простолюдинки, да и маленькие узкие ступни были босы. И еще на ее плече сидела и никак не желала улетать большая белая бабочка с остроконечными крыльями. Бойкость в обращении с прекрасным полом была у Луи в крови, но тут он растерялся. А лесное диво, видимо составив наконец впечатление о пришельцах, вышло из кустов, которые, казалось, сами раздвинули ветви, и подошло почти вплотную к принцу и стоявшим за его спиной воинам.

— Я жду вас уже давно. — Голос у нее был неожиданно низкий, грудной. — Время не ждет, нужно спешить...

— Но... кто вы? — Луи Арцийский наконец-то обрел дар речи.

— Я? Не имеет значения... Я должна проводить вас к той, которая объяснит все, что можно объяснить. — Принц слышал и не слышал одновременно, вглядываясь в нежное треугольное личико. Она не была столь юной, как показалось вначале, и она, без сомнения, не была ни крестьянкой, ни простой горожанкой. Луи прозакладывал бы последнее фамильное кольцо против обглоданной кости, что перед ним noblesse. Но что, во имя Проклятого, она делает здесь, в этом лесу, одна? И кто и зачем их ждет, ведь они из всех сил скрывали свое присутствие?

Принц щелкнул каблуками и склонил голову:

— Благородная сигнора, я и мои люди к вашим услугам.

— Вашим людям, принц, лучше дойти по этой тропе до озера и остановиться на отдых. Они устали, а там их ждет свежая вода, хорошая охота и рыбалка... Скажите им, что вы скоро вернетесь!

— Ваше Величество, дан Луи! — возмущенно зашептал Ноэль. — Она же свихнутая, сразу видно. Не ходите никуда... Ну, хоть меня возьмите!

— Нет, — также шепотом огрызнулся Луи, — я пойду один, я чувствую, что это очень важно.

**2229 год от В.И.
8-й день месяца Лебеда.
Старая граница, село Петрище**

— Вы полагаете, это ОНИ? — Максимилиан из последних сил сохранял хладнокровие.

— Помяни волка к зимней ночи... — Рене произвольным жестом убрал со лба белую прядь. — Я уже свыкся с мыслью, что любая чертовщина ведет в Тарску. А потом... Мы же видели, что творится с лошадьми. Разбойников тут отродясь не водилось — им подавай большие дороги да баронские уголья, а тут земли не то чтоб бедные, но смирные какие-то, брать, в общем, и нечего. Разве шкурки, но в эту пору зимнюю добычу уже забрали перекупщики, да и незачем для этого окружать деревню, куда проще подстеречь негоциантов, объехавших десяток, а то и два таких выселок.

— Монсигнор, — кардинал внимательно взгляделся в бледное голубоглазое лицо, — если людей, как вы полагаете, убивают посланцы Годоя, то зачем?

— Зачем? — маринер пожал плечами. — А разве Церковь в старые годы не провозгласила анафему идолопоклонникам, приносящим человеческие жертвы своим несуществующим богам? Вот за этим за самым, святой отец! Только я боюсь, что эти боги, в отличие от разрисованных досок, которым вы молитесь, не такие уж несуществующие, и каждая такая деревенька придает им силу...

— Рене, вы... — Максимилиан аж задохнулся.

— Я уже сорок восемь лет, как я, — отмахнулся эландец, — я признаю Церковь как институт политики, я очень уважал Филиппа и понимаю и ценю Феликса, да и с вами, Ваше Преосвященство, мы ладим, но сейчас идет война. Я не могу и не хочу прятать голову в песок, как дурная птица из Эр-Атэва, которая и летать-то разучилась... Я повидал много, в том числе и того, чего, по словам академиков¹⁰⁴ и Церкви, не может быть, но вот доказательств присутствия Творца Всеблагого и Всемогущего мне как-то не попадалось. Так что нам с вами придется взять его работу на себя. На людях я готов стоять на коленях со свечкой в руке — это нужно не для меня, не для Творца, а для общего дела. Но с вами я буду откровенен, и, надеюсь, вы со мной тоже, иначе у нас ничего не выйдет.

— Вы отчитали меня, как ребенка, — насупился клирик, — но я понимаю вас и со многим согласен. Только меня всю жизнь учили не называть кошку кошкой и в любом случае цитировать Книгу Книг. Это сильнее меня, я делаю это не задумываясь, когда слышу еретические речи... До встречи с вами самым большим еретиком мне казался покойный Архипастырь, так я и с ним невольно вскидывался на дыбы... Привычка.

— У каждого свои привычки, — согласился герцог. — Что это? Сташек возвращается, и поberi меня Проклятый, если с ним все в порядке!

Аюдант действительно производил впечатление человека, который среди бела дня увидел привидение. Он был не столько перепуган, сколько потрясен до глубины души. Хорошо хоть темного ужаса, которого опасался Рене, в его глазах не было. Юноша тем не менее владел собой достаточно, чтобы остановить коня и обратиться к герцогу, как и

¹⁰⁴ «Академия всех наук, духовных и светских», учреждена императором Арции Анхелем Светлым и находится под покровительством ордена святой Цялы. Ученые Академии (академики) претендуют на монополию на истину в Благодатных землях.

полагалось «Серебряному».

Рене, будучи истым эландцем, не обращал внимания на воинские ритуалы, столь любимые таянцами и арцийцами, но «Серебряные» упорно им следовали, словно убеждая самих себя, что все в порядке и они по-прежнему гвардия наследника Таянской короны. Адмирал им не мешал, даже иногда подыгрывал, но сегодня был не тот случай.

— Что там? Судя по тебе, боя не было? Они что, ушли, оставив коней?

— Нет, монсигнор, — Сташек изо всех сил старался выглядеть бывалым воякой, но когда он волновался, его семнадцать лет заявляли о себе в полный голос. — Они все там. И жители деревни тоже. Мертвые.

— Все? — Рене даже не стал скрывать удивления.

— Все, — подтвердил юноша. — Эти рогатые перебили селян, а затем кто-то прикончил и их. Я таких стрел отродясь не видал, и никто из наших тоже.

— Поехали, — бросил Рене, прищипывая коня, — тот обиженно обернулся, но промолчал. То, что ржание в дороге является страшным преступлением, он усвоил еще в жеребьячем возрасте. Максимилиан, поправив наперсный Знак, последовал за герцогом, мысленно готовясь к неприятному зрелищу. Но приготовиться к ТАКОМУ было свыше человеческих возможностей. Все жители деревни — что-то около сотни человек — с перекошенными от смертного ужаса лицами лежали на небольшой площадке в центре деревушки. Хоть Приграничье и считалось вотчиной Церкви Единой и Единственной, местные предпочитали молиться каким-то своим богам, и вместо иглеция посредине поселка возвышалась огромная ель, вокруг которой стояли четыре изукрашенных шеста, отмечая стороны света. Клирик вспомнил, что обитатели этих мест упорно поклонялись Мировому Древу, чье многочисленное потомство снабжало их всем необходимым, и Четырем Стихиям — Ветру-Восходу, Огню-Полудню, Земле-Заходу и Воде-Полуночи. Отучить их от этой дурной привычки у Церкви как-то не получалось, а искоренить ересь огнем и мечом без помощи таянских и эландских властителей было невозможно, да и рыцарей, желающих отправиться в Святой поход в эти гиблые места, не находилось.

Ямборы и эландские Волинги предпочитали с Церковью не враждовать и без напоминаний пополняли закрома Единой и Единственной, в том числе и дарами Чернолесья, так что вечное проклятие его жителям все же не грозило. Защиты, впрочем, они тоже не дождались ни от своих смешных божков, ни от Творца.

Те, кто захватил деревню, действовали умело и безжалостно. Они перебили людей, как мух, — бедняги даже не пытались сопротивляться. Матери не прикрывали собой детей, мужья не защищали жен. Во всей деревеньке не нашлось ни одного храбреца, с голыми руками бросившегося на вооруженных воинов и принявшего смерть лицом к лицу.

Луи Арцийский, оказись он тут, узнал бы руку своих недоброй памяти знакомцев, но здесь все было проделано более чисто. Убитые лежали в одинаковой позе лицом к священному для них дереву, ногами к околице. Все лица были искажены животным страхом, но никаких следов насилия видно не было. Только к стволу гигантской ели белыми ветвистыми рогами была прищиплена молодая девушка. И это была единственная кровь. Отчего погибли остальные, было непонятно.

Смерть убийц выглядела более вещественно. Около трех десятков человек в светло-серых коротких плащах валялось у окровавленного ствола и по краю площади, и в теле каждого торчала длинная белооперенная стрела. Одна-единственная. Неведомые стрелки били без промаха.

Максимилиана передернуло, когда Рене рывком вытащил из тела лежавшего ничком коренастого человека сверкающую стрелу. Клирик готов был поклясться как в том, что он никогда не видел столь совершенного оружия, так и в том, что в глазах Рене промелькнуло явное узнавание и... невероятное облегчение. Несмотря на весь ужас открывшейся им сцены, герцог на глазах помолодел. Станным образом его настроение передалось окружающим. «Серебряные» споро, повинаясь отданному приказу, принялись за невеселые приготовления, но на их лицах теперь читалась уверенность в успехе.

Максимилиан ловко спешил — он весьма гордился своим умением ездить верхом, и подошел к Аррою.

— Вы хотите их сжечь, монсигнор?

— Не бросать же так... Вряд ли лесные твари на них посягнут, но нельзя оставлять людей без последнего прибежища. А эти, — он указал рукой на отмеченных Знаком белых рогов, — мне как-то будет спокойней, если они сгорят.

— Но тогда с мыслью о тайне придется распрощаться! Дым будет виден издалека.

— Только если кто-то догадается залезть на дерево и посмотреть вверх. Но я не собираюсь рисковать.

Максимилиан пожал плечами и отошел, наблюдая, как воины сволакивают тела убитых к подножию ели. Несчастную девушку, освободить которую от страшных рогов смогли лишь трое крепких мужчин, да и то с большим трудом, положили в углубление между узловатыми корнями, и кто-то, кажется Сташек, вложил в тоненькие руки ветку можжевельника — дерева, которое эландцы почитают угодным Великому Орлу.

Убийц же, стараясь не прикасаться к ним иначе, как через найденные в домах плотные тряпки, затащили в один из деревянных, проконопаченных мхом домишек, после чего Рене велел всем, кроме квинты Роцлава, вернуться в лес. Максимилиан тоже остался, адмирал смерил его испытующим взглядом, но ничего не сказал. Когда все ушли, Рене взял еще одну ветку можжевельника и высек огонь. Острый запах горячей смолы затопил все вокруг. Рене стоял, держа в руке импровизированный факел, и молча смотрел в огонь. Кардинал, сам не понимая, что делает, быстро сотворил Знак, сердце бешено заколотилось в предвкушении чуда. И чудо произошло! Огонь не съедал ветку, а застыл на ее конце громадным рыжим цветком, затем цвет его начал меняться, становясь алым, малиновым, лиловым и, наконец, темно-синим, почти черным. Эландец высоко поднял пылающую ветвь, и в то же мгновение, словно в ответ, занялась ветка в руках убитой. Черное пламя охватило вековую ель и четыре шеста, накрыв погибших огненным плащом. Рене молча склонил голову, словно отдавая последние почести, а затем протянул руку в направлении избушки, ставшей местом упокоения убийц. Дом вспыхнул, как солома на ветру, отливающие синевой черные языки беззвучно рвались ввысь, но к небесам не поднималось ни одной струйки дыма. Жара тоже не ощущалась.

Клирик и полсотни воинов заворуженно смотрели на своего вожда, застывшего с высоко поднятой огненной ветвью между двумя гигантскими черными кострами. Потом Максимилиан не мог припомнить, сколько времени все это продолжалось, то ли целую вечность, то ли мгновение. Когда же пламя резко угасло, словно бы вросло в землю, на выжженной земле не осталось ничего — ни косточки, ни железной пряжки, ни обугленного пня. Только две черные проплешины — пятна ночи на красной лесной почве... Повинуясь странному порыву, клирик подошел поближе и пощупал ладонью место, где только что полыхал огонь, — земля была совершенно холодной.

А потом появились ОНИ. Два всадника — один в белоснежном плаще, другой в золотистом — медленно выехали на площадь, и Рене быстро пошел, почти побежал к ним навстречу.

Глава 19

2229 год от В.И.

10-й день месяца Лебеда.

Фронтера

— Этого не может быть!

— И это говорит человек, первым в Арции обнаруживший эту нечисть! — Седая зеленоглазая старуха укоризненно покачала головой.

— Но... но такое не приснится и в страшном сне.

— Нет такого страшного сна, который не заканчивался бы пробуждением, и нет такого страшного сна, который был бы страшнее жизни, — седая вздохнула, видимо вспомнив о чем-то своем. — Теперь ты знаешь не все, но вряд ли многие знают больше тебя. Что думаешь делать?

— Мы шли в Эланд к герцогу Рене. Я хотел отыскать проход в Идакону через Лисьи горы и через Внутренний Эланд...

— Вы не пройдете через Таяну, даже если я пропущу вас через свои Топи, что Годой и его клике в голову не придет. Дальше-то моя власть кончается. Над Таяной стоит туман, а вдоль Явеллы рыщут «косцы» и «охотники». Против них человеческое оружие — что деревянная шпага против атэвского клинка.

— Но мы же их били, — вскочил Луи, — клянусь, что били!

— Не их, — поправила его странная собеседница, — тем, кто прошел посвящение Ройгу, не пройти мимо Всадников. Вы схватились с мелкой челядью, которую научили наполнять Чашу. Не более того. Этих бить человеческим оружием можно и должно, но в Таяне хозяйничают другие силы. Вы не сделаете и дюжины вес, как Охота встанет на ваш след. Это арры везде пройдут тенью облака, и их никто не заметит, а вы люди...

— Значит, возвращаться? — плечи Луи обреченно ссутулились. — Что ж, нам остается одно — пробираться краем Пантаны в Святую область. К осени, может, и доберемся...

— Зачем? — удивилась Хозяйка топей. — Каждый должен стоять там, где сделает больше всего. Судьба привела вас сюда, ваше место здесь. Отрежьте Годоя от Таяны и Тарски, не дайте ублюдкам Ройгу прорваться через Горду!

— Не понимаю, — Луи казался совершенно растерявшимся, — как мы можем совладать с богом, пусть он еще и не вошел в полную силу? Нас всего двести с небольшим, у нас даже пушки нету... Если Всадники не выдержат, мы и подавно.

— Ну, подумай же хоть немножечко, — молчавшая дотоле загадочная проводница возмущенно сверкнула на принца золотисто-зелеными глазами, — чтобы протащить Ройгу через Горду, им нужно посылать сюда «сборщиков». Не понимаешь? Ну, представь, что нужно втащить что-то на гору. Хотя бы твою несуществующую пушку. Что ты сделаешь?

— Ну, если есть время...

— Есть, но мало.

— Вкопаю столб или, еще лучше, отыщу подходящее дерево, перекину через него канат и...

— Хвала святому Эрасти... Так вот нельзя позволить ройгианцам вкопать здесь столб.

— Но как?

— Очень просто, — отрезала болотница, — убивать «сборщиков», как в той несчастной деревне. Они по утрам орудуют, если с вечера не попасть внутрь замкнутого ими кольца, вы их запросто перебьете. Их меньше, чем вас, и они не воины, а палачи...

— Что ж, — оживился Луи, — это дело. Вы знаете, где их искать?

— Мы их уже нашли, — откликнулась зеленоглазая, — придут другие — найдем и других. Ваше дело, чтоб никто не ушел... Все «сборщики», перешедшие Горду, должны быть не просто убиты, они должны исчезнуть. Пусть ройгианцы думают, что это магия...

— Но ведь останутся трупы, кони...

— А вот это уже наше дело, — ответила старуха, — вы будете убивать, мы прятать следы... На это наших сил пока хватит. Вижу, хочешь что-то спросить. Спрашивай.

— Почтенная госпожа, а не проще их уничтожить прямо у Горды, ведь Всадники это могут.

— Могут, — согласилась Сумеречная, — но у них есть дела поважнее. Когда сил не хватает, приходится делать лишь то, что за тебя никто не сделает. Всадникам надо беречь себя, а не гоняться за негодяями, которых можно убить обычным оружием.

— А как же вы обходились до нас?

— С трудом, — засмеялась зеленоглазка, — мы не могли их истреблять, разве что они

сунулись бы в топи, но мы могли за ними следить и им мешать. Их талисманы могут не сработать, если в намеченной деревне, скажем, не вовремя раскричатся петухи... Беда, что нас мало...

— Было мало, — отрезал Луи.

— Тогда устраивай своих людей, и с рассветом начнем, — заключила старуха, — и помните, что отныне вы — духи леса, вас никто не должен видеть, и о вас никто не должен знать. Нагрянуть, убить и исчезнуть! Мы за вами приберем, а вас спрячем так, что никто и никогда не отыщет. Что-то еще?

— Михай Годой — посвященный Ройгу?

— Бесспорно, но это не все. Этот упырь сосет кровь из разных шей.

— Но как могло случиться, что Всадники его пропустили?!

— Запрет, — Сумеречная вздохнула, как обычная старуха, — в жилах Годоя течет кровь старых богов, и никто из Уцелевших¹⁰⁵ не может ее пролить. Это должны сделать люди. Или арры, а вернее всего те, кто пошел от того же корня, что и тарскиец.

— Госпожа...

— Да, воин... Кстати, можешь называть меня Эаритэ...

— Сигнора Эаритэ, а если мы будем бить не только тех, кого вы зовете «сборщики»? Это ведь единственная дорога из Таяны в Арцию. Тут и гонцы, и обозы, и подкрепление Годою...

— Что ж, если не будешь зарываться и оставлять следы, бей, — согласилась болотница. — Дело полезное. Но на большие отряды не кидайся, людей береги. А глаза и уши мы тебе дадим. И какие! Вот он, — старуха кивнула на взявшегося незнамо откуда худенького юношу в сером, — ходит везде и видит все. Вас он заприметил в самом начале вашей дороги и шел с вами от самой Лаги. Да и с Лесной Сестрой вы уже знакомы. Она будет вашей проводницей и помощницей.

Лесная Сестра с улыбкой протянула принцу узкую ладошку, которую он чуть было не поцеловал, но не решился и лишь слегка пожал, а женщина, видимо неверно истолковав его смущение, сказала:

— У меня есть обычное имя. Можете называть меня Леопина или Лупе...

2229 год от В.И.

8-й день месяца Лебеда.

Приграничье

— Мы направлялись к вам, — Эмзар прыгнул с Опала и с подчеркнутой теплотой приветствовал эландца, — жребий брошен. Теперь у нас одна дорога, и лишь Великий Лебедь ведает, куда она приведет. Я знал, что ты постиг наш язык и владеешь нашей магией, но не думал, что до такой степени.

— Я и сам не думал, — Рене улыбался как человек, сбросивший с плеч огромную тяжесть, впрочем, так оно и было, — пока я не сталкивался со всей этой бесовщиной, я не вспоминал, чему научился на островах. Мне хватало шпаги и корабельных пушек, но потом... Я не знаю, что рассказал Рамиэрль...

— Все, что относилось к делу, — Снежное Крыло не скрывал интереса к смертному, одаренному судьбой такими же глазами, как у него самого, — все началось со спасения деревенской колдуньи, не так ли?

— Да, — Рене Аррой и не думал что-то скрывать, — Роман мог так долго жить среди людей не узнанным только потому, что вы отгородились от мира, а мы, смертные, быстро забываем. Это сомнительный дар, но тем не менее десяти поколений оказалось достаточно, чтобы забыть то, что было, и вспомнить то, чего никогда не было. Но я-то сталкивался с

¹⁰⁵ Уцелевшие — сверхъестественные существа из свиты прежних богов Тарры, пережившие их гибель.

Дивным Народом и не мог не понять, КТО передо мной. Точно так же я не мог не понять, что осужденная околдована. Конечно, я рисковал — спустя пятнадцать лет приняться за волшебство, но навредить-то ей я не мог...

— Роман так и не понял, что же ты тогда сделал.

— Я тоже, — засмеялся Рене, — возможно, я что-то спутал, все же столько лет прошло, а может быть, как-то повлияло то, что одновременно со мной делал Роман.

— Насколько я понимаю, ты сотворил то же, что и сейчас?

— Да, и я не знаю, почему стрелы не сгорели в воздухе, а ушли в никуда, и не понимаю, что же вырвало душу Лупе оттуда, куда ее занесло, — герцог покачал головой, — довольно долго я думал, что это дело рук Романа, а то, что сделал он, наоборот, плоды моих усилий. Но когда мы виделись в последний раз, он спросил меня как раз об этом...

— Могу тебе сказать одно — ты владеешь магией эльфов, но когда ее используешь, у тебя получается нечто особенное. Ты знаешь, что Полуденный Огонь, который ты зажег, должен быть синим, а не черным?

— Нет, — отозвался Рене, — возможно, это связано с тем, что я смертный...

— Возможно, — эльф пожал плечами, — но смертные не могут овладеть магией Светозарных, если только в них нет крови Звезд. Да, да! — Эмзар прямо взглянул в глаза Рене. — И если бы я даже не знал о тебе то, что знаю, достаточно было тебя увидеть, чтобы понять — ты не только потомок Перворожденных, но и принадлежишь к Дому Розы клана Лебеда. Мне непонятно, почему кровь Звезд заговорила именно в тебе, и никто этого не знает, кроме Великого Лебеда, который рано или поздно осенит крылом всех — и смертных, и бессмертных. Но ты должен это знать, равно как и то, что имеешь право нести знак Розы и принимать участие в Светлом Совете.

Маринер Рене Аррой спокойно выдержал взгляд нежданного родича.

— Я думаю, выспрашивать подробности моего родства с вами бессмысленно?

— Отчего же, — Эмзар говорил без особого желания, но твердо, видимо полагая необходимым объяснить до конца, — очень давно, задолго до того, как Руи Аррой¹⁰⁶ высадился в Эланде, моя мать Залиэль Ночная Фиалка тайно покинула свой народ, и я могу лишь гадать, как сложилась ее судьба. Спустя две сотни лет, когда уцелевшие Лебеди окончательно обосновались в Пантане, я предпринял попытку ее отыскать и не преуспел в этом, но в моей жизни было несколько ночей, проведенных со смертной, и не могу поручиться, что эти ночи не принесли плода. Затем и мой брат, отец Романа, отдал дань желанию вырваться за пределы Убежища. Более полутора десятков лет его подругой была лесная колдунья из рода людей. Затем она тайно покинула Пантану, и никому не ведомо, что ее на это толкнуло. Возможно, она не хотела, чтобы возлюбленный видел, как она стареет, а может быть, она поняла, что должна стать матерью, и не пожелала, чтобы ребенок узнал о своем происхождении. Любая из этих трех нитей могла вплестись в твою кровь, герцог Рене. И я хочу, чтоб ты это знал, а сейчас перейдем к неотложному.

Герцог выслушал эльфа не дрогнув бровью. Он не был ни поражен, ни обеспокоен, впрочем, представив, как Максимилиан станет объяснять пастве, откуда в гербе будущего короля Эланда появилась еще и белая роза, адмирал не смог сдержать усмешку. Сам же он, как и все эландцы, не придавал особого значение своей родословной, полагая, что судьба каждого в его собственных руках, а происхождение — дело десятое. В жилах маринеров бежала весьма причудливая смесь самых разных кровей, и то, что среди прочих оказалась еще и эльфийская, интересовало герцога только в том смысле, что это обернулось дополнительным оружием в виде покорной ему магии. К тому же мысли эландца были заняты вещами куда более насущными, чем личная жизнь его отдаленных предков. Он должен был спасти Эланд, да нет, не Эланд, все Благодатные земли, остальное его сейчас не волновало. Или почти не волновало... Рене тряхнул белыми волосами и в упор спросил:

¹⁰⁶ Руи Аррой — мятежный арцийский принц, родоначальник династии Арроев Эландских.

— Как вы здесь оказались, и кто здесь был до вас?

Эмзар, похоже, был рад прекратить неприятный разговор.

...Эльфы шли в Эланд, чтобы принять участие в решающей битве на стороне Рене и Феликса. Некто, именуемый Ройгу, принял сторону Михая Годоя, или, вернее, Годой вступил в союз с Ройгу. И, если с воинством регента эландцы еще могли справиться, то с Ройгу было не совладать обычным оружием, а потому клан Лебеда должен был вспомнить то, что когда-то знали их предки, пришедшие вместе со Светозарными в этот мир. Эмзар не был среди тех, кто на легендарном Трагайском поле сокрушил прежних хозяев Подзвездного, и имел весьма смутные понятия о магии последних. Однако напасть, с которой им предстояло схватиться, пришла из прошлого, из тех эпох, когда о Светозарных никто и не думал, а земли молодого мира топтали его прежние боги.

Искра древней распри между Ройгу и сгинувшими повелителями Всадников Горды долго, слишком долго тлела в недрах Последних гор и вот вырвалась наружу, став причиной пожара, который некому гасить.

— Всадники пока держатся, — Эмзар ничего не скрывал, — я говорил с одним из них, или, — поправился эльф, — он говорил со мной и рассказал, что знал сам. К сожалению, слишком мало. Сила Ройгу растет с каждым днем, сила Всадников сосредоточена лишь в них самих. Они поставлены нести службу еще до Оммовой битвы и забыты на тысячелетия. Смена не пришла, она и не могла прийти, потому что все погибли. Но даже в ту пору их пост был лишь данью традиции. Они знали, что должны остановить Ройгу, если тот надумал бы вернуться, но для них это имя было легендой. К тому же с ними были их предводители и их боги, которые знали, что делать.

Эстель Оскора, как ее называют в Пророчестве, разбудила их, вырвала из векового сна, впрочем, они и сами начинали оживать, видимо, пробуждение Ройгу оживляло и его стражей. Это неудивительно, если учесть, что они ветки одного дерева. Видимо, — эльф невесело улыбнулся, — междоусобица знакома всем мирам и всем, обладающим разумом, смертны они или нет. Как бы то ни было, Всадники держат Горду, не позволяя Ройгу пересечь некогда проведенную черту.

— И потому Годой вынужден развязать обычную войну, рассчитывая на земное оружие и своих гоблинов?

— Да, но после гибели Всадников вся эта чудовищная мощь выплеснется наружу, и остановить ее будет трудно, очень трудно...

— Или невозможно? — прямо сказал Рене.

— Не знаю, — эльф выдержал взгляд человека, — если это невозможно, мы в этом убедимся. Но пока хоть кто-то из клана Лебеда жив, мы будем рядом с людьми. Сила этой твари, я убежден, зиждется на ритуалах, подобных тому, который мы застали здесь. Отнимаемые жизни, боль, страдание, унижение — все это перерабатывается в силу, ибо нет боевого волшебства, разрушительнее созданного из чужих страданий и преждевременных смертей. И я не сомневаюсь, подобное творится сейчас по всей Таяне, ибо обретающий каждое новолуние кратковременное материальное воплощение Ройгу питается этой силой и раз от разу становится сильнее. Он уже почти сравнялся с Всадниками, но, даже погибая, они его задержат. Он должен будет залечить раны перед новым прыжком, а для этого ему понадобятся тысячи новых жертв.

Я не уверен, но, вероятно, он может использовать и силу, высвобождающуюся во время сражений, особенно если кто-то из воинов осознанно посвятил себя его делу. А те, кого называют гоблинами, всегда хранили верность прежним богам, для них возвращение Ройгу означает справедливое возмездие. Я ответил на твой вопрос?

— Ответил, — Рене замолчал, задумчиво глядя впереди себя, — что ж, если этот Ройгу и его колдуны пока еще в Таяне, их можно застать врасплох. И они смертны. Я видел одного из них, — адмирал поморщился, — это было не очень приятное зрелище, но его удалось уничтожить, и сразу же рассеялось и его колдовство.

— Так часто бывает, — подтвердил Эмзар, — что ж, я согласен с тобой: застать их

врасплох — это выход, более того, выход единственный. Решено, мы пойдем с вами и посмотрим, так ли сильно это существо, как говорится в Пророчестве.

Эстель Оскора

Я смотрела на море из облюбованного мной узкого оконца. Мне нравилось это место и открывающийся с него вид, да и Рене, когда тот бывал в Идаконе, я часто встречала его именно здесь. Видно, ему тоже понравилась белая скала, похожая на затаившуюся кошку, в позеленевшее подножие которой бились самые высокие в бухте волны. Сегодняшний вечер был не из теплых, но мне отчего-то не хотелось уходить. Я стояла, обхватив руками предплечья, и жалела об обрезанных прошлой осенью косах, распустив которые можно было бы обойтись без плаща. Следовало бы встать и принести теплую одежду или, на худой конец, прикрыть створку-витраж с мчавшимся куда-то неестественно узким кораблем с разноцветными парусами, но я не могла заставить себя пошевелиться.

На душе было мерзко и холодно, впрочем, после исчезновения Рене это было моим обычным состоянием. Я не очень-то верила, что он уехал в Гверганду, хотя это и выглядело весьма правдоподобно. Даже такой невеликий стратег, как я, и тот понял бы — этот город-крепость в устье Адены лучшее место для обороны. Именно там нужно и можно остановить моего дражайшего родителя, ни дна бы ему ни покрывши!

На аденском рубеже шла напряженная, спешная работа. Было бы вполне естественным предположить, что в столь тайном и важном деле, как строительство укреплений, без Рене не обойтись, но я отчего-то не верила, что он там, хотя своими глазами видела, как он уезжал... Я знала адмирала не так уж и хорошо, он вообще был из тех людей, которых до конца не знает никто, но чувствовала, что мы чем-то схожи. Конечно, я ни черта не понимала в этих их войнах, но слишком уж ценны были яйца, чтоб все их складывать в одну Гвергандскую корзину.

Аденский рубеж был основным, но оставались еще болота Явеллы, которые, как сказал Эор, «они не должны перейти». Конечно, армия там незамеченной не прошла бы, да и не было в Таяне никакой другой армии! Мой богоданный батюшка вымел Таяну и Тарску подчистую, оставив только гарнизоны и заставы, долженствующие держать в узде не слишком-то к нему расположенный народ. Но «они» вовсе не означали тяжелых конников, вооруженных до зубов горцев или мушкетеров. «Они» могли принадлежать к свите Белого Оленя. Да, первую свору я без особого труда прогнала, хотя, если быть до конца честной, не было в этих псах ничего по-настоящему опасного, несмотря на то что они погубили уйму народа, разбудив древний ужас, спящий почти в каждом. Рогатая туманная тварь, схватившаяся со Всадниками, и Охотник, уничтоженный Астени, были страшнее!

Пока и во Внутреннем Эланде, и на берегах Адены было тихо и спокойно. Слишком спокойно, на мой взгляд. Поэтому я не удивилась, когда куда-то исчезли большинство «Серебряных» (меньшинство было приставлено ко мне и таскалось за мной как пришитое, стоило мне покинуть спальню). Выбор был неплох. Кому, как не таянцам, стоять на границе с любезным отечеством, но что они сделают, если против них выйдут не воины, а туманная нежить?! Лягут костями, послав гонца, который может и не успеть?

Я скрипнула зубами от бессилья — если кто-то и должен защищать Явеллу, так это я. Но для этого нужно признаться Рене во всем, а мне куда легче и приятнее умереть. И вот я под надежной охраной любовалась красивейшей из виденных мною скал, проклиная все на свете. Холод донимал все сильнее, но я упрямо не уходила, словно чего-то ждала. И дождалась. По-эльфийски изящная фигурка легко переступила через подоконник. Я с удивлением уставилась на незнакомца, в свою очередь тщательно изучавшего меня. Это был юноша-эльф, бледненький, с мягкими пепельными волосами, закутанный в незаметный серый плащ, каких я в Убежище не видела.

Точеные черты лица, огромные серебристые глаза, бескровные губы... Я поняла, что ошиблась — это создание не могло быть эльфом, на которых Творец, или кто там их

создавал, не пожалел самых чистых и ярких красок. Незнакомец был словно бы соткан из всех оттенков серого, хоть и обладал правильными эльфийскими чертами и слегка раскосыми глазищами. Впрочем, какое мне дело до расы, к которой принадлежал пришелец, гораздо важнее знать, что ему нужно и каким образом он оказался в башне.

Насколько я поняла соотечественников Романа и Астени, летать они все же не могли, хоть и владели силой, достаточной, чтобы, к примеру, пройти по болоту, не увязнув в нем. Дело тут, как мне кажется, заключалось в их дружбе с растениями, без которых трясины просто немислимы. Зеленая магия удерживала и Перворожденных, и их коней на поверхности, но уже по воде они ходить не могли и тем более не умели летать. Я смотрела на серенького гостя со все возрастающим любопытством, но без страха. Откуда-то я поняла, что это друг, и друг надежный, так не все ли равно, кто он и как тут оказался.

Моя порченная кровь молчала — значит, к тарскийским тварям пришелец отношения не имел, равно как и к родичам Всадников. Оставалось надеяться, что он разговаривает, причем на языке, который я в состоянии понять. Так и оказалось. Существо великолепно владело арцийским, и оно меня знало!!!

— Благословение навеки от Стражей Горды, — голос юноши был приглушенным и каким-то простуженным, — помнишь ли ты, Дитя Осени, свой долг?

Я ошалело молчала. Конечно, судьба распорядилась так, что я родилась в месяц Волка точнехонько на рассвете, но это еще не повод называть меня Дитя Осени, так как в осень рождается едва ли не каждый третий — ведь месяц Звездного Вихря в Благодатных землях испокон века почитался месяцем свадеб.

— Помнишь ли ты свой долг, Дитя Осени? — настойчиво повторил гость.

— Почему ты меня так назвал? — мое удивление оказалось сильнее осторожности, вежливости и решимости слушать, а не говорить.

— Значит, не помнишь, — пришелец печально покачал головой. — Сумеречная так и думала, но попытаться следовало!

— Во имя Проклятого, — я вышла из себя и сама не поняла, как повторила любимую фразу Рене, вполне приличествующую адмиралу, но не благородной даме, — чего я не помню?!

— Откуда я знаю, — пожал плечами мой серый собеседник, — Сумеречная этого тоже не знает, просто, когда в тебе заговорит кровь, ты вспомнишь. Кровь в тебе есть, это точно, но она спит.

— О чем ты? — я терялась все больше.

— О памяти крови, — он посмотрел на меня, как на слабоумную, — у людей и эльфов она слабенькая, хоть и постоянная, а вот кровь Прежних помнит все, только просыпается лишь тогда, когда не может не проснуться.

— Раз она спит, поговорим о чем-то другом, — я сдерживала себя из последних сил, — кто ты? Откуда? Зачем пришел?

— Я Хозяин дороги из Таяны, меня еще называют Прашинко, — юноша церемонно поклонился, — меня прислала Сумеречная передать Рене, что ОНИ направились к Явелле. Стражи Горды все еще слишком сильны для НИХ!

Вот оно! Слово было произнесено. Теперь нужно было что-то делать, но что?

— И что теперь делать? — глупо спросила я.

— Не знаю, — так же глупо ответил Хозяин дороги, который таки состоял в родстве с эльфами. Я вспомнила об этих существах — о них мне как-то рассказал Клэр. Прашинко помолчал и добавил: — Надо что-то делать. Где повелитель Эланда?

— Должен быть в Гверганде, — я ответила и поняла, что верю в это не больше, чем в сказки о Звездном Старце.¹⁰⁷

¹⁰⁷ Звездный Старец — детская сказка, согласно которой мифический Звездный Старец каждый год поворачивает солнце на лето и в этот же день приносит всем подарки.

— Нет его там, — Прашинко передернул плечами, словно вспомнив о чем-то неприятном, — я чуть там не вымок и никого не нашел. Его там нет. Есть чужой с его лицом, но это не он — ни знания, ни крови, ни Жан... браслета на руке.

Так я и думала! Человек с глазами Эмзара не может не нести в себе эльфийской крови, а все эльфы рождаются магами. Рене наверняка что-то смыслит в колдовстве, во всяком случае, выдать за себя кого-то, скорей всего Шандера, он смог! Потому-то он и не удивился моим сказкам про амулет, что знал об эльфийской магии, но не знал ее пределов. И если он выдал кого-то за себя, то он мог выдать себя за... кого-то!

Шани! Шани, ушедший к Восточной границе, даже не попрощавшись со мной. Он никогда бы так не поступил, если бы не было какого-то подвоха! Шани адмирал верил, как себе, значит... значит, он придал графу свое лицо, а себе взял обличье Шандера. Но раз так, ему что-то нужно во Внутреннем Эланде, а «они перешли Явеллу!».

Я, видимо, переменялась в лице, потому что Прашинко робко спросил:

— Ты знаешь, где он?

— Да, — скрипнула зубами я, — и, похоже, ему грозит беда. Он во Внутреннем Эланде!

— Но там же болота, — с отчаяньем выдохнул Хозяин дороги, — я не могу там его искать! Только если знать точно!

Точно я не знала. Из Внутреннего Эланда в Таяну вела одна дорога, но тропинок было не счесть. Да и чем мог помочь этот вестник, даже найди он Рене? Советом? Предупреждением? Магией?

— Ты знаешь, кто это ОНИ? — спросила я, уже зная ответ.

— Догадываюсь! Это те, что бродят у края Пантаны и Горды! Это страх и беда.

— Ты можешь что-то с ними сделать?

— Я?! — бедняга даже стал менее серым от испуга. — Я не могу к ним приближаться, это сильнее меня... Только Сумеречная и Всадники, пока они еще...

— Что «еще»? — с ужасом выкрикнула я, вспоминая свои сны...

— Ну, в общем, ничего, — сжал зубы Прашинко, и я поняла, что он ничего больше не скажет. Что же там с Эором? Неужели все так плохо? Хотя, если бы Всадники исчезли, ОНИ не стали бы искать обходных путей, по крайней мере мне очень хотелось в это верить. Но даже судьба Эора, и та волновала меня не так, как опасность, грозящая Рене. Чтоб совладать с этими тварями, его эльфийской магии не хватит! Что же делать?!

Я проклинала себя за свою трусость, но сейчас нужно было думать не об этом. Мне некому было рассказывать, кто я на самом деле, и я так и не научилась ни летать, ни вызывать в себе Силу...

— Вообще-то, — Прашинко робко посмотрел на меня, — есть некто, кто может найти Рене везде, где есть вода. Но он такой страшный! Только Сумеречная может с ним справиться...

— Постой, — я перебила бедолагу, — тогда возвращайся к Сумеречной, и пусть она найдет этого некто.

— Это долго, — грустно сообщил пылевичок, — я хожу быстрее людей и обычных лошадей, но не быстрее ветра.

— А кто это «некто»? — сама не знаю, зачем я это спросила, от ответа на этот вопрос пользы было не больше, чем от прошлогодних листьев.

— Гиб, — последовал честный ответ, — Водяной Конь, — последние слова Прашинко произнес с таким выражением, с которым в Тарске поминают изгнанных из собственных кланов орков-разбойников. Но я уже все поняла. Я прекрасно помнила рассказ Ягоба о том, что сотворил Рене в Башне Альбатроса, и в этом рассказе немалое место отводилось какой-то немыслимой лошади, а на стене в спальне Рене висела уздечка, меньше всего похожая на изделие нынешних шорников.

— Ты не знаешь, — я прямо-таки дрожала от возбуждения, — как вызвать этого Гиба?

— Это может Сумеречная и любой, единожды взнуздавший его. Для этого достаточно

опустить уздечку в живую воду и позвать.

— «Живую» — это как?

— Это которая свободная, — охотно объяснил Прашинко, — море, река, болото, лужа... В ведро нельзя. Там вода оскверненная, — но я уже не слушала.

— Ты ведь бывал здесь, — я не спрашивала, а утверждала, — слишком многие вести из Таяны и Фронтеры Рене узнавал раньше всех мыслимых сроков и возможностей.

— Бывал, — не стал отпираться Хранитель.

— Тогда ты знаешь его окно.

Он знал, равно как и то, что верхняя часть окна никогда не закрывалась. Конечно, в причудливые отверстия в бронзовом переплете пролезла бы разве что кошка, но я не сомневалась, что для Прашинко этого хватит.

— Принеси мне уздечку Гиба, — я сама не думала, что могу говорить так спокойно и уверенно, — а дальше мое дело.

Прашинко не спорил, то ли я его убедила, то ли он вообще привык повиноваться. Он послушно исчез и тотчас вернулся, буквально выронив из рук серебристую цепочку, словно она жгла ему руки, хотя, возможно, так оно и было. Я взяла ее — ничего особенного. Металл как металл, разве что кажется влажным, хотя на руках не остается ни капли. Теперь нужно было добраться до «живой» воды. Хороша б я была, пытаюсь вызвать Гиба на глазах моих телохранителей, которые меня ни за что не выпустили бы ни к морю, ни тем более к какому-нибудь уединенному ручью, но, к счастью, наверху смотровой башни существовала великолепная лужа, почти никогда не пересыхавшая. Димон собирался послать туда мастеров, которые бы заложили углубление в древней кладке, но сейчас было не до этого — все каменщики были отправлены к Адене. Лужа процветала, и это меня вполне устраивало.

Я галопом не хуже Водяного Коня понеслась вверх по лестнице. Уже совсем стемнело — оказывается, мы болтали и думали довольно долго, и это тоже было мне на руку. Если Гиб на самом деле представлял собой столь примечательное зрелище, как рассказывали моряки, лучше общаться с ним без свидетелей.

Лужа была на месте. Я честно присела на корточки и положила туда, не выпуская из рук, уздечку, на всякий случай трижды провозгласив: «Гиб! Гиб! Гиб!»

Не знаю, как я поняла, что он услышал, но меня будто что-то кольнуло. Теперь оставалось только ждать. Я дрожала на продуваемой резким морским ветром башне, не рискуя спуститься за плащом — вдруг Водяной Конь объявится именно в это время. Прашинко честно трясся рядом со мной, но, видимо, не от холода, а от страха и напряжения. Не знаю, сколько мы ждали — может, ору, а может, и три. Наконец вдали послышался звук, который при большом желании можно было принять за ржанье, хотя больше это напоминало рев водопада.

Громадный черный силуэт закрыл звезды, и скоро на месте уютной скромной лужи бесновался и плевался брызгами черный водяной столб, отливающий в свете Луны серебром. Я не знаю, как выглядит аквэро южных морей, но зрелище было внушительным даже в относительной темноте летней северной ночи. Не могу сказать, что мне не было страшно, — было, и еще как, но выхода у меня не было, поэтому я шагнула к луже и, подражая сержанту, дрессирующему на плацу новобранцев, завопила:

— Гиб! Кончай дурить и слушай! — кипящий столб, как ни странно, замер — эдакая живая прозрачная колонна. — Прекрати дурить, — повторила я. — Ты конь, ну и будь конем! Дело есть, — я на всякий случай потрясла уздечкой, но это было излишним. На месте водяной громады бил копытами невиданной красоты жеребец, словно выточенный из обсидиановой глыбы.

— Да слушай ты, — взорвалась я, — кому говорят! ОНИ перешли Явеллу, дурак ты эдакий! — это подействовало. Видимо, Гиб знал достаточно, чтобы его поведение резко изменилось. Конь застыл, вытянув ко мне узкую горбоносую морду. Он был готов слушать, но что я могла ему сказать?

— ОНИ перешли Явеллу, — повторила я, — а Рене там. Его нужно найти и, если

нужно... — Я задумалась. Решать за Рене я бы не взялась и никому бы не посоветовала. Конечно, можно было отправиться вместе с Гибом, но вряд ли герцог был бы в восторге от этого, да и мне тогда пришлось бы слишком много объяснять, не говоря о том, какая бы здесь из-за меня поднялась суматоха. А Гиб один раз уже справился с прислужником Оленя. Если что, он вынесет Рене из любого боя, даже если это тому не понравится. Я была уверена, что Водяному Коню при всей его капризности и непредсказуемости можно верить, если речь идет о схватке с Оленем и о Рене.

Теперь нужно было решить, что делать с уздечкой, но Гиб меня от этого избавил. Гигантская вороная лошадь лихо топнула копытом по несчастной луже и прынула вперед, сразу же исчезнув. Уздечка осталась у меня, но я вдруг поняла, что Рене она и не понадобится. Гиб и так признал его хозяином.

**2229 год от В.И.
10-й день месяца Лебеда.
Большой Корбут**

— Я скоро приходить.

Роман кивнул, и орка растворилась в рассветных сумерках. Это были ее горы, она узнала это место, бывшее для гоблинов какой-то святыней. Роман слишком устал, чтоб выяснять подробности. Кризе захотелось помолиться — ее право, тем паче ему, как он ни был привязан к девушке, хотелось побыть одному. Эльф с наслаждением опустил на каменную глыбу, провел рукой по влажной от росы поверхности. Спасибо Великому Лебедю, они наконец-то выбрались наружу, и все встало на свои места. Сверху темнело ночное небо, под ногами были обычные камни и трава, а в лицо дул несильный ветер, напоенный ароматами хвои, цветущего горного шиповника и отчего-то дыма. А дым в горном лесу — это или пожар, или кто-то разумный с огнем или огненным камнем. Либр лениво подумал, что встреча с чужаками им не нужна. Впрочем, если кто и разжег костер, то было это довольно далеко, и его можно легко обойти.

Роман поднял голову, читая путанные узоры созвездий. По всему выходило, что на тайных путях они пробыли недолго — дней пять, не больше, но за это время покрыли расстояние, которое, иди они по верху, унесло бы месяца два. Хотя кто сказал, что они были внизу? Тот странный коридор, в котором они очутились, на подземные тоннели походил не больше, чем на любую другую обычную дорогу. Их со всех сторон окружило ничто, словно они в глубокой темноте пробирались по бесконечной извилистой галерее, у которой и стены, и пол, и потолок были зеркальными или же их не было вовсе, а было лишь ощущение зыбких, размытых граней между былью и небылью. И только где-то впереди маячил даже не огонек, а отблеск далекого отблеска.

Они не останавливались и почти не разговаривали, потому что каждое сказанное слово свинцовой тяжестью давило уши, вызывая тошноту. Два раза они давали себе передышку, присаживались по-орочьи на корточки и пили из фляг набранную в колодце воду. Даже подумать, что в этом пропащем месте можно спать или есть, было невозможно. Роман и Криза шли так быстро, как только могли. Что было на уме у орки, знала лишь она, а эльф не мог отделаться от мыслей об Уанне.

Итак, одна из тайн мага-одиночки разгадана. Уанн знал древние пути, ибо то, что эта зыбкая дорога из ниоткуда в никуда была ровесницей Тарры, было очевидным. Само по себе это открытие либра не слишком потрясло — он знал о существовании быстрых дорог. Любой эльф и даже некоторые смертные умеют ходить Лесным коридором, гномьим старейшинам и жрецам ведомы коридоры подземные, а Хранители дорог и вовсе умеют устроить так, что земля скачет навстречу путнику. Но все это не то. В жутковатом пути, на который их толкнули странные птицы, ощущалась некая разумная сила, недобрая и чужая, готовая при первой же ошибке поглотить чужака, осмелившегося посягнуть на ее древнее одиночество.

Уанну, однако, законы этих троп были ведомы, потому-то он и оказался на Седом поле.

Нет сомнения, что погибший маг понимал много больше, чем они с Кризой. Он наверняка знал, как сойти с пути, чтоб устроить привал, умел открывать и закрывать тайные двери, которых тут просто не могло не быть, был знаком со здешними и, самое главное, не ошибался в выборе дороги. Роман же оказался в положении щепки, подхваченной потоком. Оставалось надеяться, что когда-нибудь их прибьет к берегу, тем более птицы, загнавшие их в колодец, не проявляли враждебности. Им просто было нужно, чтобы эльф и орка ушли именно этим путем.

Роман уже свыкся с тем, что избран какими-то непонятными ему самому силами для не совсем ясной, но важной цели. Если сейчас он оказался на дорогах Уанна, значит, ТАК НУЖНО, не будем спорить, тем более что выбора-то по сути и нет. Или все-таки есть?

Эльф потряс головой и вновь взглянул на ставшее изумрудным небо... Кризе пора бы уже и вернуться, если только девчонке не пришлось в голову попытаться подстрелить какую-то живность, что было бы не так уж и плохо. И вообще дела складываются вполне сносно. Лето еще и не началось как следует, а он уже в нескольких днях пути от заимки старого Рэннока, где остались Топаз и Перла. Надо думать, драка в Таяне идет нешуточная, и лишняя шпага Аррою пригодится.

Жаль только, что дороги к Проклятому больше нет, и, значит, нужно рассчитывать лишь на себя. Знать бы еще, что за сила сумела сотворить такое. Похоже, он все же совершил ошибку, не взяв с собой Герику, кто знает, вдруг Эстель Оскора смогла бы пройти даже там. Но да что теперь об этом сожалеть, гораздо важнее знать, что же случилось с Примеро и остальными и с кем схватился Уанн. В этих горах явно происходит что-то непотребное...

И где же все-таки Криза?

**2229 год от В.И.
11-й день месяца Лебеда.
Пограничье. Варха**

Варха была хорошей крепостью, но для развлечений и светской жизни она не годилась. С могучих стен была видна река, по ширине не уступающая морю, лес на берегах да неяркое небо, по которому бежали облака. Вот и все. Остатки императорского двора были слишком перепуганы, чтоб возмущаться вслух по поводу своего нынешнего положения, но красноречивые вздохи, поднятые к небу глаза и то и дело вспыхивающие свары говорили сами за себя. Арцийские нобили страдали от отсутствия привычной пышности и со страхом ожидали решения своей участи. Кое-кто полагал, что зря связал судьбу с Базилеком и куда лучше было бы попробовать сговориться с Годоем или же пересидеть смутные времена в собственном поместье или, на худой конец, отбыть на юг. Даже атэвы, и те казались душевнее, чем не скрывающие своего презрения эландцы. Впрочем, несколько нобилей помоложе как-то поладили с хмурыми хозяевами и отправились к Адене, где ожидалась решающая битва. Без молодежи стало еще скучнее.

Шли дни, похожие друг на друга, как дождевые капли. Придворные все больше злились и досадовали на собственную глупость, а поскольку винить себя дело неприятное, арцийцы всю свою неудовлетворенность и злость перенесли на императорскую семью. Сам Базилек, впрочем, на это внимания почти не обращал. Как ни странно, он переносил свое полузаточение со спокойствием и равнодушием, граничащими с величием. Никогда нелепый и неумный брат храбреца Эллари не был так похож на императора, правда, на императора в изгнании. Трудная и неприятная роль самодержца была наконец сыграна, и Базилек вновь стал свободен. Император проводил часы на стенах крепости, глядя то на медленную темную воду, то на плывущие к морю облака. Презрительные взгляды бывших лизоблюдов его не задевали, равно как и причитание и ворчание дочери и настырные наставления зятя, — Базилек уже был вне всего этого. Иногда в минуту откровенности он сообщал случившимся рядом воинам о своем намерении после войны, чем бы та ни кончилась, уйти к эрастианцам. Эландцы, в отличие от родственников и подданных, на первых порах относились к

императору с брезгливой жалостью, со временем же брезгливость начала уступать место сочувствию. Неудивительно, что старик все больше и больше предпочитал общество северян да кошек, водящихся в крепости в изобилии.

Другое дело Бернар. Он не для того связал свою жизнь со вздорной и некрасивой императорской дочкой, чтобы так вот сразу лишиться всего, кроме ставшей совершенно невозможной жены. Мозг бывшего канцлера лихорадочно работал, выискивая выход из создавшегося положения. Выхода не было! Даже если Годоя победят, Базилеку на трон не вернуться. Хуже того, старый мешок добровольно передаст корону мерзавцу-племянничку, выжившему в битве, о чем каким-то образом стало известно в Эланде. Мальвани с Феликсом под грохот эландских пушек возведут на трон сына своего друга, и прости-прощай власть. Но даже если Луи убьют и он не успеет обзавестись потомством, наследнику Бернара не видать Мунта как своих ушей. А ведь как удачно все складывалось!

Так удачно, что он прогнал от себя мысль о возможном предательстве Годоя. Марциал оказался умнее. И когда предостерегал от союза с тарскийцем, и когда вовремя переметнулся на сторону победителя. Говорят, сейчас получил чин командора и командует новой гвардией, предпочитая не вспоминать о проигравших родичах. По-своему малыш прав, но от этого не легче... Увы, он, Бернар, столько лет был самым хитрым и умным, что начал недооценивать противников, за что и поплатился.

Так что же?! Смириться? Прожить остаток дней в этой мерзкой крепости с дурой-женой и северянами, которые относятся к нему хуже, чем к жабе? А ведь среди эландцев немало по-настоящему красивых юношей... Жаль, здешние суеверия и предрассудки запрещают столь принятые на юге удовольствия. Увы! Слава о наклонностях мужчин семейства Одуа достигла северных гранитов и отнюдь не облегчала жизнь в Вархе, и это при том, что Бернар еще в ранней юности отказался от своих пристрастий — положение императорского зятя стоило того. За без малого двадцать лет он ни разу не сорвался, хоть и хотелось, ох как хотелось... Выбирая между властью и наслаждением, он всякий раз выбирал власть. И где же она теперь, эта власть?! Исчезла, улетела дымом в трубу, а молодость ушла, и ушла безвозвратно...

Бернар вздохнул и спустился к воде. Хорошо хоть эландцы не ходят за ним с пистолями наготове. Впрочем, это лишнее свидетельство того, что он для Рене отыгранная карта. Его просто терпят и до поры до времени кормят. Кому он нужен? Кому нужны все они, запертые в этой жалкой крепости?

Варха, хоть и стояла на скальном выступе, соединенном узким каменным перешейком с таянским берегом, давным-давно отошла к Эланду, так как добираться снизу вверх по медленной глубокой реке было куда проще, чем пробираться по топкому берегу от Старой Таянской дороги. Служила крепость в основном пристанищем для бессемейных ветеранов и местом перевоспитания особенно ретивых молодых маринеров, которым, по мнению Паладинов, было полезно остудить горячие головы в старой серой крепости. Конечно, если бы кто-то надумал напасть на Таяну со стороны моря, у Вархи бы ему пришлось солоно, но на море испокон веку господствовали эландцы, которым покушаться на союзников и в голову не приходило.

Неудивительно, что на примыкающем к крепости берегу Ганы вырос небольшой поселок, то ли эландский, то ли таянский — до недавнего времени это значения не имело. Была там и небольшая таверна. По старым эландским обычаям в пограничную крепость чужаки не допускались, зато те, кто в ней жил, в мирное время вольны были выходить за ее пределы, нужно лишь вернуться до закрытия ворот. Нынешние времена мирными не были, но в Чернолесье никогда и ничего не случалось, а потому комендант Вархи ограничился тем, что поднял мост через пробитый в незапамятные времена в скальном перешейке ров и выставил у речной пристани усиленную охрану, которая должна была проверять в лицо каждого, кто покидал крепость или в нее возвращался. Да и это сделано было исключительно для очистки совести. Предположить, что в этой глуши объявится неприятель, было бы так же странно, как ждать снегопада в Светлый Рассвет.

Конечно, Рене Аррой во время прошлогодней аудиенции говорил коменданту, к слову сказать, выходцу из Гелани, о необычности надвигающейся войны, но добряк ни в какую нечисть, кроме являющихся иногда после бутылки редкой в здешних местах царки зелененьких бесенят, не верил, порядок же соблюдал в силу въевшегося в плоть и кровь чувства долга. Появление арцийских гостей старого вояку не обрадовало, но в письме Рене Арроя говорилось, что обращаться с ними следует вежливо, особых препон не чинить, но и на шею сесть не позволять. Комендант так и поступил. Правда, он на всякий случай отобрал у цитадельного эконома ключи от арсенала и порохового погреба и воспретил гостям в одиночку подниматься на стены, но во всем остальном их свободу никто не ущемлял. Когда же бывший канцлер повадился с утра до вечера засиживаться в береговом кабачке, ветеран только хмыкнул и рукой махнул. Хочет пить? Пусть пьет, его дело...

Бернару же до такой степени опостытели серые нерушимые стены и презрительные или хмурые физиономии, что даже деревенская харчевенка казалась уютной. Бывший канцлер пристрастился до вечера просиживать в «Пьяной Бочке» за кружкой весьма посредственного пойла. Сначала его сопровождали аюдант, парочка арцийских охранников и, для порядка, эландец. Затем юный Орри сдружился с младшим сыном коменданта Вархи и вместе с ним уехал на Аденский рубеж, охранники потребовали платы и стали вести себя нагло, так что с ними пришлось распрощаться. Эландцы же утратили к персоне канцлера всякий интерес, убедившись, что тот часами сидит в углу с кислой рожей и накачивается скверным пивом. Короче, охрана отстала, и Бернар сам не знал, радоваться этому или печалиться. Было ужасно неприятно думать, что величие и власть — в прошлом, равно как и молодость.

Одуа заказал еще пива и какой-то местной рыбы с выпученными по-рачьи глазами и злобно уставился в окно, за которым серел плохонький денек.

— К вечеру пойдет дождь, вы так не находите, уважаемый? — раздавшийся голос для мужчины был достаточно высоким, но приятным. Бернар поднял отекавшие глаза. Перед ним стоял худощавый красивый человек. Хорошо одетый, бледный, и — диво дивное, смотревший на собеседника с искренней симпатией. — Вы позволите разделить ваше одиночество? — незнакомец был сама любезность.

Бывший канцлер неопределенно махнул рукой, и гость тотчас же истолковал этот жест как приглашение. Вскоре они были друзьями. От природы недоверчивый, Бернар Одуа находился в таком состоянии, что готов был излить душу кому угодно, а его новый знакомец оказался слушателем, каких поискать.

Глава 20

2229 год от В.И.

12-й день месяца Лебеда.

Таяна. Северо-Западное Приграничье

Трудно сказать, кто первым почуял опасность — эльфы или кони. Если это были эльфы, то они до поры до времени не говорили о своем открытии. Кони, естественно, тоже, потому как Творец в великой мудрости своей не наделил их даром слова. Они просто встали, дрожа и роняя хлопья пены. Людям это было знакомо, к тому же они теперь знали, в чем дело. Знали они и то, что те, кто душегубствует во славу неведомого Ройгу, на самом деле смертны, и даже очень.

«Серебряные» не сомневались, что впереди их ждет еще одна разоряемая деревушка, такая же, как те, мимо которых они уже прошли. В трех лесных поселках было поздно что-либо предпринимать, разве что схоронить покойников, что и проделали быстро и деловито после того, как Максимилиан отслужил короткую заупокойную службу. Еще на двух хуторах был бой, вернее — избиение. Спасенных — всего около пяти десятков человек — в сопровождении двух легкораненых воинов отправили назад в Эланд. Сопровождающие

должны были не столько защищать селян, сколько проследить, чтобы те не болтали языками. Еще пятерых «Серебряных» Рене отрядил в ближайший городок и далее, чтобы его именем людей выселяли с уединенных деревень и хуторов. Но все это было за Ганскими порогами, в лесной полосе, про которую даже умники из Академии не могли сказать, кому же она принадлежит: Рыси или Альбатросу. Тут была уже лесная Таяна. Выходило, что адепты Ройгу рыщут и здесь, хоть это было и вовсе странным — захватчикам свойственно бесчинствовать на чужих землях, но чтобы на своих?!

В последние дни Рене мог не думать о разведке. Эльфы все взяли на себя, исчезая и появляясь с проворством и неожиданностью солнечных зайчиков. «Серебряные» чуть-чуть робели пред неожиданными союзниками, хоть и старались не показывать виду. Отряд быстро продвигался вперед, одновременно забирая в сторону Червонного кряжа подальше от торных троп.

Местность стала суше, все чаще попадались каменные россыпи — следы древнего ледника. Наконец после перехода вброд пенистой ледяной Джавейки¹⁰⁸ на смену осинам и вязам пришли лиственницы. Сразу стало легче дышать. Отряд шел быстро, без задержек, не предполагая встретить кого бы то ни было — в этих краях, равно далеких и от больших дорог, и от больших рек и ничем особо не примечательных, если не считать древесины, которую было просто срубить и трудно вывезти, люди не селились. Но, видимо, кто-то тут все же устроился и теперь стал добычей «этих ублюдочных рогоносцев», как с чисто солдатским остроумием прозвали ройгианцев. Известно ведь, что стоит врага как следует обозвать, и он тут же теряет часть силы, так как не может настоящий мужчина бояться тех, кого презирает.

«Серебряные» уже привычно спешивались, готовясь взять врага в кольцо, чтобы никто не ушел, пока эльфийские лучники делают свое дело, а затем пройти железной сетью по домам и сараюшкам, без жалости рубя головы, так как ройгианцев можно только убивать. Молча. Без разговоров. Эти пьянеющие от чужих страданий двуногие существа, бывшие некогда людьми, оказались совершенно бесполезны, так как ничего не знали и не помнили. В их убогих, выгоревших душонках жила одна лишь страсть — убивать тех, кто им подвернется, причем особым способом. Артефакты — гладкие мутно-белые камни с отверстиями, которые носили на груди предводители отрядов убийц, сразу же после смерти первой жертвы (сначала убийцы не применяли никаких особых ритуалов, главное было убить, причем все равно кого — мужчину, женщину, ребенка, кошку, лошадь...) начинали слабо пульсировать, словно горло белесой пещерной лягушки, и тут же на жителей взятой в кольцо деревни накатывал пеленающий, тупой ужас, заставляющий бросать все и ковылять к центру некоего круга, где всех ждала чудовищная общая смерть. Только некоторым — чаще всего это были молодые матери или молодожены — по непонятной причине удавалось избежать паралича воли. Эти пытались сопротивляться и защищать детей и любимых. Что ж, смерть от удара ножом или арбалетной стрелы была чище и быстрее той, что ждала остальных.

Убийцы делали свое дело и уходили на поиски новых жертв. Они не помнили ни того, кто их послал, ни того, откуда они пришли. Они вообще ничего не помнили, даже своих имен, поэтому пленных перестали брать уже в третьем селе.

До сих пор отряду везло — ни одного серьезно раненного. Рогоносцы, пьяные от крови и безнаказанности, оказывались добычей, по глупости сравнимой с токующими глухарями или обожравшимся болотным львом.¹⁰⁹ Это несколько замедляло продвижение вперед и

¹⁰⁸ Джавейка — приток Адены, речка, берущая начало на Червонном кряже.

¹⁰⁹ Болотный лев — рептилия, обитающая в болотах Южного Атэва. Названа за счет своеобразного рогового «воротника», отдаленно напоминающего львиную гриву. Голодный Б.Л. исключительно хитер и опасен. Добычу пожирает целиком, как бы велика она ни была, после чего впадает в спячку, пока она полностью не переварится, и в это время его можно брать голыми руками.

вместе с тем, по категорическому утверждению Эмзара, ослабляло Ройгу, вернее, препятствовало восстановлению его сил. К тому же никто из эльфов, не говоря уж о «Серебряных», и помыслить не мог, чтобы пройти мимо гибнущих или не отомстить убийцам.

Подготовка к схватке была недолгой, все заняли свои места еще задолго до того, как вернулись разведчики. Клэр, чье право Рыцаря Осени первым идти в самые опасные места никто не смел оспаривать, как всегда возник неожиданно, и на его лице невозможно было ничего прочесть. Однако Эмзар что-то почувствовал. Видимо, у короля Лебедей было какое-то иное зрение.

— Что на этот раз?

— Всадники — я не смог подобраться ближе, но это не «вигорнэас».¹¹⁰ Их около сотни, и сила их собственная, не наведенная.

— То, что почуяли наши кони, — объяснил Эмзар, — не есть энергия, которую выкачивают из жертв. Я и сам заметил некоторые различия, но не был уверен. Эти существа обладают собственной магией и собственной волей.

— Я понял, — кивнул Рене, — их можно обойти?

— Наши лошади от них уйдут, ваши — нет. Но они в любом случае найдут наши следы, и тогда охотниками будут они.

— Я тоже так думаю, — согласился Рене, — если их не обойти, их придется перебить. Жаль, что наши люди стали считать эту добычу хоть и отвратительной, но легкой.

— А вам и не надо ничего считать, — Эмзар легким движением освободил стрелку шлема, и она упала на лицо сверкающей серебряной полосой, — это наш бой, а вы должны, забирая все время вправо, идти вперед. Мы вас догоним...

— Но...

— «Но» не может быть, — с горечью ответил эльф, — благодаря нашим бывшим владыкам вы, смертные, беззащитны перед любой магией достаточной силы. Судя по всему, они заметили исчезновение «сборщиков» и послали адептов более высокого ранга узнать, в чем дело. Мы были недальновидны, ввязавшись в пограничные схватки, теперь надо исправлять положение. Быстрее собирайтесь и уходите.

— Хорошо! — Рене жестом подозвал к себе Роцлава. — Лейтенант! Принять командование. Уходить на север, северо-восток, прижимаясь к горам так, чтобы только могли пройти лошади. Мы догоним.

— Это безумие, Рене, ты не должен участвовать в схватке. Ты больше не принадлежишь себе.

— Глупости, — Рене в бешенстве тряхнул серебряными волосами, — если я останусь в стороне, я перестану быть самим собой, а это еще хуже. Мне всегда везло. К тому же я тоже кое-что могу...

Эльф больше не спорил. Может быть, потому, что было не до этого. Перворожденные, быстро переговариваясь на своем звонком певучем языке, занимались вещами малопонятными непосвященным. Мелькали, сплетаясь и расплетаясь, изящные длинные пальцы, вспыхивали и гасли разноцветные искры, на свет извлекались странные предметы, на первый взгляд похожие на изделия лучших ювелиров древности — только в тысячу раз прекраснее, а на деле, видимо, являющиеся боевыми талисманами.

У Рене талисманов не было. Если, разумеется, не считать знаменитой Черной цепи, которая МОГЛА иметь какие-то никому не ведомые свойства, да Жана-Флорентина, тихо сидевшего на своем браслете. Жаб в последнее время присмирел, похоже, робел эльфов, хотя у Рене не было в этом твердой уверенности — герцог так и не удосужился поговорить со своим приятелем, который тщательно хранил инкогнито. Убедившись, что заставить

¹¹⁰ «Вигорнэас» — двурогие — эльфийское название нижней касты ройгианцев, занимающихся ритуальными убийствами. Человеческое наименование «рогоносцы», сами ройгианцы предпочитают название «жнецы», «косцы» или «сборщики».

цевца¹¹¹ сделать хотя бы шаг навстречу опасности невозможно, герцог спешился и спокойно наблюдал за сборами. Первыми закончили дела люди. Без лишних слов и эмоций «Серебряные» быстро уходили в сторону замеченной с пол-оры назад северной тропы. Рене глядел им вслед, пока его не отвлекло яростное ржание. Огромный вороной жеребец рыл копытом землю, злобно поглядывая на иноходца Рене.

— Гиб! — Рене совсем было забыл о своем водяном знакомце, и, видимо, зря. Блестящее черное чудовище нетерпеливо топнуло передней ногой и приглушенно — понимает, подлец, что не стоит заходя оповещать врага о своем присутствии, — зарычало, как и положено чудищу из легенд. Всем своим видом Гиб выражал возмущение как медлительностью адмирала, так и тем, что намечающаяся драка предполагалась без него. Рене не колебался. Мысленно ругнув себя за то, что не отправил своего коня со Сташеком, адмирал привязал беднягу к какому-то деревцу и, больше не думая о нем, вскочил на лоснящуюся спину порождения Прежних, вновь пережив острое чувство наслаждения от власти над древним могучим существом.

При виде Гиба Эмзар удивленно приподнял бровь.

— Вот оно что... Я слышал о них, но считал их сказками.

Гиб презрительно фыркнул и яростно, не по-лошадиному, а по-кошачьи, стеганул себя по бокам белоснежным хвостом. Судя по всему, об эльфах он был весьма нелестного мнения, но понимал, что сейчас у них общий враг.

— Что ж, — Эмзар взглянул на Рене с явным одобрением, — ты действительно избран, и судьба проведет тебя за руку через все пороги до того места, где уже ты будешь делать судьбу. И не только свою. Сегодня я спокоен. Клэр?

— Пора, — тихо сказал Осенний Рыцарь. Стремительные силуэты всадников бесшумно понеслись между черными лиственницами.

**2229 год от В.И.
12-й день месяца Лебеда.
Большой Корбут**

Криза почитала это место священным, и Роман готов был признать, что основания для этого были. Здесь, безусловно, чувствовалась Сила. Сердце эльфа помимо воли забилося радостно и возбужденно, словно в ожидании свидания с обожаемым существом, но все это продолжалось недолго. Рамиэрль был слишком хорошим разведчиком и слишком сведущим магом, чтоб не почуять следы недавней боевой волшбы, насквозь пропитавшей это место.

— Романа, — захлебывалась словами Криза, — такого там не бывает. Откуда вода? Умирать деревья, скала стать голая... И пусто, птицы, козы — все уходит далеко... Надо смотреть и понимать.

Эльф не спорил — ключ ко многому лежал здесь, в Последних горах. Правда, то, что девушке казалось странным и немыслимым, для эльфа всего-навсего было признаками пронесшейся по этим местам магической схватки. О чем-то подобном он слышал в Убежище, хоть и родился, когда великие войны уже отгремели и лишь остатки двух некогда дружественных эльфийских кланов продолжали бессмысленные стычки. Кто же рискнул пуститься во все тяжкие сейчас? Ройгианцы? Преступившие? Уанн? Темные?

Чем ближе Роман и Криза приближались к месту, именуемому орками Обителью Ночи, тем явственнее становились признаки не столь уж давнего боя. Когда-то здешние места были осенены тенью древней Силы, чистой и высокой, но теперь старые следы были затоптаны. Бард невольно усмехнулся, вспомнив, что арцийские контрабандисты заматали следы при помощи пастухов, за небольшую плату прогонявших по побережью бестолковые овечьи гурты, после чего даже самый умелый следопыт не мог разобраться, кто же здесь прошел

¹¹¹ Лошадь цевской породы, славящейся своей выносливостью.

раньше... Нечто похожее произошло и тут — заклинания разной силы и сложности сплелись в один тугой ком. Разобраться, кто и против кого их применял, было невероятно сложно.

Роман почти не сомневался, что отголосок именно этого боя он почуял накануне встречи с гоблинами. Вероятно, сначала Кэрль и Тург сцепились с Примеро и его сторонниками, но что было дальше?

Каменистая тропа вынырнула из ущелья и, извиваясь, поползла в гору. Криза оказалась права — зверье и птицы избегали этого места, только бестолковые ящерицы рисковали греться на солнышке там, где осенью прошумела магическая буря. Теперь уже эльф безошибочно узнавал следы, оставленные Преступившими, которые перемешались с магией, заставлявшей вспомнить Годоя, связанную с ним чудовищную туманную тварь и отвратительное и странное волшебство, встреченное эльфом в Рыжем лесу. Иногда сквозь всю эту круговерть прорывался отблеск чего-то давнего и великого, видимо присущего самой природе этих мест, некогда бывших величественными и прекрасными. Теперь же вековые лиственницы вокруг Обители Ночи были мертвы — кто-то, защищаясь или нападая, вытянул жизнь из могучих деревьев.

За века, если не за тысячелетия, каменная основа Ночной горы покрылась слоем почвы, на которой вырос лес. Теперь он погиб. По мере продвижения к вершине разрушения становились все сильнее. Деревья не просто умерли, они были переломаны и перекорежены, а с поверхности горы сползла земляная шкура, обнажив кое-где оплавленный камень. Родники, питавшие небольшое горное озеро, иссякли, зато где-то на самом верху забил новый мощный источник, и ледяная мутная вода избрала руслом единственную удобоваримую тропу в базальтовой скале, продолжением которой, собственно, и была Обитель.

Эльф и орка наконец вышли из растерзанного леса, и Роман со смесью восторга и робости разглядывал открывшуюся взгляду странную крепость, словно бы отлитую из темно-серого сверкающего металла. Обитель Ночи представляла собой одинокую стройную башню с плоской, словно бы срезанной верхушкой, словно бы выросшую из тела горы. Вокруг кто-то воздвиг каменное же кольцо, высотой равное двум вековым лиственницам. В одном месте камень расступался, образуя щель, в которую мог бы пройти человек. По словам Кризы, этой тропой и этим проходом пользовались жрецы-старейшины, дважды в год приносившие у подножия башни жертвы Истинным Созидателям, в то время как собравшиеся в широкой долине у подножия горы гоблины затаив дыхание следили, когда над кольцом древних стен поднимется ароматный можжевеловый дым, знаменуя, что еще один круг судьбы замкнулся.

В остальное время к Обители никто не смел подойти ближе, чем на две весы. Гоблинская стража зорко следила, чтоб никто вольно или невольно не совершил святотатства. Но Криза и Роман вынырнули из небытия внутри заповедного круга. Впрочем, эльфа это не волновало, он не сомневался, что им удастся прокрасться мимо орочьих караулов, тем паче те следили за входящими, а не за выходящими. Куда важнее было понять, что же здесь произошло, а для этого нужно было подойти к самой башне.

— Это не бывать раньше, — нарушила молчание Криза, глядя в мутный, пенистый поток, преграждавший дорогу.

— Чего не было, волчонок? — Роман, хоть и чувствовал себя неуютно, заставлял себя улыбаться, чтоб ободрить спутницу. — Крепости? Пролома в стене? Воды?

— Башня быть всегда, в нее нет двери. Там ходить можно во двор, — Криза чуть не плакала. — А вода течь... ниже? Низее? Теперь туда никто не ходит, если жрецы не закрывать воду... Созидатели злиться на наши, что те пошли с нехорошими, и закрывать дорогу в свой дом.

— Как же они могли закрыть дорогу, если погибли на Седом поле, — пожал плечами Роман, — но вода тут точно неспроста. Подожди, сейчас посмотрим, — подниматься по крутому каменистому склону было трудно, но эльф и орка сумели подобраться к самой стене. Роман больше не сомневался, что создавали Обитель если и не боги, то существа,

владевшие магией такой силы, которая ему, Рамизрлю, и не снилась. Они обошли крепость, но не нашли не то чтобы прохода, даже щели, в которую можно было вставить хотя бы иглу. Пришлось вернуться к пролomu, из которого продолжала хлестать вода.

Роман велел орке отойти, а сам присел на корточки, сосредоточив всю свою Силу на ревущем потоке и пытаясь проследить его истоки. Эльф сам не понимал, почему столь упорно стремится внутрь диковинного сооружения, но за свою долгую жизнь пришел к выводу, что нельзя противиться таким вот неожиданным яростным озарениям.

А ведь сначала он пошел сюда только ради Кризы, которая, не устояв перед искушением в одиночку побывать в священном месте и положить к подножию башни несколько травинok с Седого поля, обнаружила убитый лес и бурлящую реку и, пораженная, бросилась за помощью к другу. Еще бы, ведь все, связанное с Обителью Ночи, для южных гоблинов было преисполнено величайшего смысла! Однако нынешние события на первый взгляд не имели никакого отношения к тем, кого орки называли Созидателями и исполнителем чьей воли неожиданно для самого себя стал эльф из Дома Розы.

Роман был уверен, что возникновение реки никоим образом не связано с теми, кто создавал Стражей Горды и говорил с ним в Кабанных топах. А вот рука Уанна здесь угадывалась весьма четко, можно сказать, все прямо-таки кричало о маге-одиночке, в последние мгновения своей долгой и непонятной жизни совершившем деяние, достойное небожителей.

Роман надолго задумался, пытаясь осмыслить увиденное. Сначала все шло более или менее понятно. Примеро, чью магию эльф сразу же узнал, видимо, во что бы то ни стало решил попасть внутрь башни, для чего и затеял весь их поход. Кольцо ему, похоже, было нужно именно для этого. Маг-недомерок предал ройгианским жрецам своих товарищей, однако те приняли бой и погибли, забрав с собой и врагов. Судя по всему, именно на это и рассчитывал Примеро. Скорее всего маленький волшебник собственноручно прикончил выдохшихся победителей, кем бы они ни были, после чего предпринял попытку проникнуть внутрь Обители Ночи, разбудив при этом какие-то вовсе чудовищные силы. И тут появился Уанн. Маг-одиночка разделался с предателем быстро, затратив при этом не так уж много сил, но затем ему пришлось останавливать запущенный недоумком Преступившим маховик.

Магия Уанна остановила уже начавшиеся изменения, которые, Роман в этом не сомневался, должны были превратить Обитель в такое же безумное место, как и то, в Рыжем лесу, из которого барду удалось вырваться только благодаря перстню Проклятого. Уанн победил, но это до дна вычерпало его силы, и старик уполз умирать на Седое поле, напоследок перекрыв чужакам доступ в крепость простым и надежным способом. Не так ли некто, познавший основы иной магии, сделал недоступной дорогу к Проклятому для всех, кроме владевших сходной силой?

Но почему маг-одиночка так поступил? Чтобы в Обитель Ночи вновь не проник враг или безумец или чтобы оттуда не вырвалось нечто чудовищное? Роман поднял голову, рассматривая сооружение, воздвигнутое неведомыми силами. Немыслимый замок успешно сопротивлялся зубам Драконов Времени, изрядно поизгрызших некогда высокие и скалистые Корбутские горы. Творение исчезнувших богов было соразмерным и, если так можно сказать, бережным. Оно не устрашало, не давило, а логически завершало возвышающуюся над своими собратьями горную вершину. Не будь на ней башни, та казалась бы куда более недоброй, и сюда по вечерам наверняка бы слеталась самая опасная нечисть. Чем больше Роман вглядывался в загадочный замок, тем больше был уверен, что Ройгу и его последыши не имели с ним ничего общего. Сила, воздвигшая Обитель, не была злобной. И Роман решил.

— Криза! Я иду туда. Так надо.

— А река? Она не пускать!

— Пускать, волчонок, — улыбнулся эльф, — меня пускать!

— Не тебя, — отрезала девушка, — нас!

Роман с сомнением покосился на спутницу. Клан Лебеда был особенно силен в водных

заклинаниях, а Уанн слишком долго общался с Эмзаром и Астеном. Да, волшебство, примененное магом-одиночкой, не было эльфийским, но, зная старика, Роман довольно быстро сообразил, в чем тут суть. К тому же бард не сомневался — Уанн ХОТЕЛ, чтобы он, Рамиэрль-разведчик, оказался здесь. Происшедшее на Седом поле не случайно, его умышленно отправили именно сюда, а значит, водяная стена его пропустит, но вот Криза... Роман решительным жестом обнял девушку правой рукой за плечи и, прижимая к себе, увлек в ревущий поток.

Эстель Оскора

Шани объявился неожиданно, как того и требовало затеянное им с Рене представление. Правитель Эланда был непредсказуем и вездесущ, и Гардани приходилось мотаться от Гверганды до Идаконы и от Вархи, в которой коптил небо беглый арцийский двор, до рыбацких деревушек. Надо отдать справедливость командиру «Серебряных», справлялся он с герцогскими обязанностями неплохо. Граф выказал себя не только хорошим военачальником (имея в соратниках Мальвани и Архипастыря, сие было не столь уж и трудно, хотя Шани даже на их фоне неплохо разбирался в воинском деле), но и умелым политиком, способным и с гвергандскими старшинами договориться, и Бернара осадить, и, главное, внушить окружающим, что все идет как надо.

То, до какой степени неуютно Шани чувствовал себя в чужой шкуре, знали лишь старый Эрик, маршал Сезар, с которым граф коротко сошелся, а после истории с Гибом еще и я. Появляясь в Идаконе, Гардани всегда вырывал ору-другую для меня, и я не знаю, кому эти встречи приносили большую радость.

Я искренне любила этого человека — доброго, умного, мужественного и какого-то несчастного, к тому же он знал про меня если не все, то многое. При Шани я могла не лгать и не изображать из себя заблудившуюся курицу. К тому же привычка двойника коротать со мной немногие свободные часы могла подтолкнуть Рене делать то же. Традиция есть традиция...

Вот и сегодня мы сидели, в сотый раз обсуждая то, что нас ждет. Шани рассказывал, как они укрепляют Гверганду и устье Адены. По всему выходило, что у этого рубежа уже сейчас надолго застрянет любая армия, а взять его до осенних штормов, делавших Прибрежный путь непроходимым, и вовсе невозможно. Кроме того, Шани сделал то, что убедило бы в подлинности его маски самого завзятого скептика, — он, правда с помощью Феликса, очистил Гверганду. Шаг воистину дерзкий и опасный, но с военной точки зрения необходимый. Жители города могли выбирать, переселиться ли им в Идакону или уйти под руку Михая Годоя, остаться же в городе могли лишь участники Священного похода.

Те, кто решил покинуть город, получили за оставленное имущество звонкой монетой. Это изрядно опустошило казну герцогства, но скопленного маринерами золота хватило бы и не на такое. Зато теперь никто не мог сказать, что в Эланде заправляют грабители и тираны, согнавшие добропорядочных горожан с насиженных мест в чем мать родила. Впрочем, ушедших было немного — горожане надеялись на крепость стен, благословение Архипастыря и мушкеты Мальвани.

Об арцийской армии пока не было ни слуху ни духу. Михай осваивался в Мунте и в нашу сторону не смотрел. Мальвани полагал, что дел узурпатору хватит до осени, а к этому времени Адена превратится в вовсе непроходимый рубеж. Непроходимый для вражеской армии, но вот для магии...

Я понимала, что в смертельной игре, которую развязал мой, с позволения сказать, отец, я остаюсь одной из ключевых фигур. Без сомнения, до меня попробуют добраться, остается лишь гадать как. Я была уверена, что узурпатор нападет не раньше, чем заполучит меня, а значит, следует ждать похищения, и скорее всего с применением какой-то магической пакости. Если б только я знала, как в нужный момент пробудить спящее во мне чудовище, я бы из мышки превратилась в кошку, а так приходилось уповать на свой не такой уж и

великий разум да зачатки эльфийской волшбы. В своей полной неспособности обращаться с обычным оружием я успела убедиться.

Ерунда, что женщина не может быть воином. Ланка выросла на коне с кинжалом и пистолетами в руках, меня же воспитывали по-другому и для другого. Если я каким-то чудом сумела восстать духовно, то надежд на то, что мое тело, даже положи я на это все свои силы, научится сливаться с клинком, не было никаких. После череды бесполезных попыток я махнула рукой на благородное искусство фехтования и сосредоточилась на тех крохах знания, которые в меня впихнули Роман и Астени. Тут дело пошло лучше. Я довольно быстро продвигалась вперед и вполне могла отбиться от нескольких сильных мужчин, разумеется, ничего не смыслящих в магии.

— Ты меня совсем не слушаешь? — голос Шани вернул меня на грешную землю.

— Так, задумалась, прости, — этого можно было и не говорить, Шандер Гардани никогда не стал бы сердиться из-за такой чепухи, да и говорил он, похоже, о чем-то не столь уж и важном.

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. И тут я и почувствовала Зов. Ошибиться я не могла, так как это ощущение ни с чем не спутаешь. Даже в самый первый раз, зимой, на краю Босхи, я сразу же поняла, что вблизи находится некто, владеющий особой магией, и пытается мне приказывать. К счастью, на меня это действовало не сильнее, чем вопли повара на обнаглевшего кота, надежно укрывшегося на самом высоком из кухонных шкафов. Другое дело, что убитый Астени и Преданным Охотник был достаточно сильным колдуном, и я отнюдь не была уверена, что смогу в одиночку выстоять в подобной схватке — опыта у меня все же было мало до безобразия. Хорошо хоть головы от магического визга я не теряла. Зимой меня спас Астени, сегодня решать предстояло мне, ведь я оставалась единственным существом в Идаконе, хоть как-то разбиравшимся в ройгианской магии. Увы! На помощь звать мне было некого; то, что произошло в Башне Альбатроса прошлой осенью, показало, что верные клинки и отважные сердца для высокопоставленных адептов Ройгу опасности не представляют, а тот, кто осмелился меня вызывать, зная и про Охотника, и про Гончих Тумана, был не последнего разбора.

Собственно говоря, выхода у меня было два. Можно было не обращать внимания на назойливый призыв, пусть их колдуют. Они хотят, чтобы я прошла в свою спальню? Почему бы не запереть дверь и не перебраться в другое место (хотя бы к той же сестре Димана), подождать возвращения Рене, рассказать ему все и умыть руки. Решение казалось очевидным, но, во-первых, ужасно не хотелось раскрывать карты, а во-вторых, Рене не был магом и мог рассчитывать разве что на помощь Гиба, тогда как я худо-бедно шуганула Охоту и прикончила финусов. И это не говоря о том, что я сотворила с Эанке и ее сворой! Кроме того, тварь, каким-то образом забравшаяся в мою спальню, могла оттуда вылезти и натворить в городе бед. Нет, решительно, бежать нельзя!

Остается одно — собраться с силами и схватиться с незванным гостем, надеясь, что Сила вернется ко мне в нужный момент. Я немного помедлила — как-никак этот мой бой вполне мог стать последним, почему-то поправила растрепавшиеся волосы, сказала какую-то глупость Шани и отправилась совершать подвиг.

Когда я открыла дверь в спальню, меня постигло разочарование. В комнате никого не было. Конечно, под кровать и в здоровенный сундук черного дерева я не заглядывала, но вряд ли таинственный колдун уподобился незадачливому любовнику, застигнутому врасплох. Внезапно мое внимание привлекло высокое зеркало в резной раме, созданное для того, чтобы отражать разряженных арцийских ноблесок, но каким-то образом оказавшееся в суровом Эланде. С инкрустированной слоновой костью и перламутром рамой все было в порядке, но вот стекло... Оно больше не отражало затянутых шпалерами стен и узкого окна, а являло миру странную клубящуюся массу. Выглядело это довольно-таки гнусно, но не страшно.

Бедная Тина как-то рассказала мне, что любая отражающая поверхность может быть использована как окно, через которое умеючи можно многое увидеть и услышать, а то и

пройти туда, куда нужно. Эльфы для этой цели использовали водоемы с чистой водой, но годились и хорошо отполированный камень, и зеркальное стекло. Ройгианцы, видимо, предпочитали зеркала. Это было вполне объяснимо. Подчинить камень и воду могут лишь те, кто знаком с магией стихий, накладывающей на своих адептов очень серьезные ограничения, в том числе и запрет на использование чужой жизненной силы. Маг должен расплачиваться за свое умение собственной болью, тем более сильной, чем сложнее и длительней заклинание. Зеркало же — вещь рукотворная, его можно подчинить с помощью ритуалов, безболезненных для колдующего, но опасных, подчас смертельных для существ, избранных в качестве источника энергии. Разумеется, ройгианцы пошли именно этим путем.

Я чинно уселась в глубокое кресло и уставилась в помутневшее стекло. Ждать пришлось недолго, сквозь туман проступила какая-то фигура. Вскоре можно было рассмотреть высокого мужчину в роскошном молочно-белом одеянии с переливающейся опаловой диадемой на развевающихся кудрях. Он был очень красив — высокий, стройный, с безукоризненно правильным лицом. Не по-эльфийски — красота эльфов более эфемерна, у них никогда не бывает таких твердых подбородков и таких тяжелых век. Незнакомец, без сомнения, принадлежал к той же расе, что и Всадники, но если те казались мне чуть ли не единственными родными существами в нашем неуютном мире, этот из зазеркалья вызывал холодное, тяжелое отвращение. Возможно, причиной были его глаза — точная копия ослепшего зеркала. Я не знала, был ли это сам Ройгу или кто другой, но поняла, что мало мне сейчас не покажется.

Священного трепета я не чувствовала, скорее злость. Пока я не увидела того, кто навязывался мне в хозяева, моя готовность драться была не более чем отражением любви к эландскому герцогу, на которого эта тварь замахнулась, и ненависти к человеку, по недоразумению являющемуся моим отцом. Теперь же мои чувства забурлили, как кипящий рыбный суп с пряностями. Я возненавидела пустоглазого гостя с первого взгляда, и я не только сумела сохранить невозмутимость, но и заговорить уверенно и даже нагло:

— Что тебе нужно, Слепой? Я тебя не звала.

— Это я призвал тебя!

— Призвал? — я решила вести себя дерзко. Вряд ли эта тварь часто получала отпор, а значит, должна удивиться. Она и удивилась, но внешне это не выказала, а резким скачком усилила магическое давление — словно выплеснула в огонь бочку смолы. Пущенной в ход силы хватило бы, чтоб скрутить в бараний рог сотню бывалых воинов, но я вынырнула из магического огня не хуже саламандры. Мне стало жутко и весело.

— Призвал? — повторила я со смешком. — Я услышала твои вопли и пришла. Но только для того, чтобы сказать: оставь меня в покое. Я не твоя и твоей никогда не буду. И не стой у меня на пути!

С первых же слов я довела Пустоглазого до иступления, а иступление порой помогает воинам в битве, но магам — никогда. Сумей он собраться, мне, обладающей Силой, но не имеющей никакого понятия о том, как ее следует использовать, пришлось бы плохо. К счастью, мой противник лез в драку, как лезет пьяный мужик, когда загодя видно, где и как он собирается ударить. Это оказалось не так уж и сложно, решения приходили сразу; мне даже казалось, что я не одна, а стоит рядом со мной некто и спокойно и буднично, как школьный учитель, подсказывает, как и что следует делать дальше.

Как бы то ни было, но заклятья зеркального злыдня не достигали цели. Я от них частично уклонялась, а частично отбивала, причем с каждым разом у меня получалось все лучше и лучше. Судя по всему, для твари в зеркале это было больно и унижительно. Пустоглазый впадал во все большую ярость, а я каким-то образом поняла, как из этой ярости, собирая и удерживая ее, лепить собственные чары, превосходящие силой исходные, направленные против меня. Он так и не понял, что я делаю, а в моих руках оказался невидимый шипастый шар, который я приготовилась метнуть в противника, подгадав, когда тот, попробовав меня достать очередной раз, раскроется. Уж не знаю, что бы с ним случилось, но он, пытаясь меня отвлечь, помянул Рене.

Кстати, эти олухи были уверены, что адмирал сейчас в Идаконе! Видимо, вызывая меня, они заметили Шани и ничего не заподозрили. Эльфийская магия оказалась хорошим щитом против чужих глаз! Тем не менее слова Пустоглазого повлияли на меня, как хорошая оплеуха! Рене! Где он?! Что с ним?!! Я опять не поняла, как это у меня вышло, но я разорвала связь с Пустоглазым, отшвырнув его, как паршивого щенка. Это было очень больно, но, по-моему, этой твари досталось сильнее, чем мне. Он исчез и, исчезая, выпустил зеркало из-под контроля, а я как-то сумела перехватить власть над этим окном в бездну и заставить его повиноваться. Сквозь клубящуюся мглу проступила горная тропа, высокие лиственницы, полосатая скала с раздвоенной вершиной, а потом я увидела Рене верхом на осатаневшем Гибе. Там, в горах, шел бой. Передо мной мелькнул белый плащ Эмзара, рядом с братом Астена, кажется, бился Нидаль, а чуть дальше вспыхнули золотом доспехи Рыцаря Осени, в котором я признала Клэра. Их противниками были ройгианцы, я прямо-таки ощущала их ненависть и негодование. Рене поднял руку, произнося заклятие, показавшееся мне эльфийским... Все было хорошо, но только сил ему явно не доставало, по крайней мере в сравнении с теми, что переполняли меня, и я с силой послала вперед шар, слепленный мной из ненависти Пустоглазого, всем своим существом желая, чтобы Рене поймал его и пустил в дело...

Это мое усилие оказалось последним. То ли Пустоглазый все же захлопнул дверь, то ли я нечаянно разорвала нить, связавшую меня с обезумевшим зеркалом, но битва в горах вдруг распалась на тысячи холодных разноцветных огоньков, словно бы стекло мгновенно замерзло, а затем я увидела в нем себя... Так я и не узнала, чем закончился бой и смогла ли я хоть как-то помочь.

**2229 год от В.И.
13-й день месяца Лебеда.
Северо-Западная Таяна**

Гиб яростно визжал, колотя белоснежными копытами сбитого наземь врага. Водяной Конь сражался умело, словно ему не раз приходилось иметь дело с подобными существами. Хотя кто знает, из каких бездн вызвала Сумеречная это создание... Сам Рене довольно долго довольствовался ролью простого наблюдателя, не мешая коню сражаться и вместе с тем запоминая и пытаясь понять, что же происходит. Силы были примерно равными, но у эльфов была только одна цель — полностью уничтожить противника, странные же существа на бледных лошадях, похожие и непохожие на тех, кого Гиб убил в Башне Альбатроса, с остервенением защищали свою жизнь, стараясь прорваться из окружения. Нескольким это удалось, и сразу же Клэр и трое эльфов, выбравшись из общей кучи, устремились в погоню.

Бой шел словно бы в двух измерениях. На первый взгляд бледные и эльфы рубились, как обычные бойцы. Знаменитые луки эльфов были отложены после первого же выстрела, уложившего на месте десятка три противников. Насколько смог Рене разобраться в этой круговерти, как только бледные увидели, с кем имеют дело, они поставили барьер, исключающий использование оружия, непосредственно не соприкасающегося с телом своего хозяина.

Орудовали обе стороны мечами — похоже, адепты Ройгу, так же как и их противники, привыкли к старинному оружию, ничем, впрочем, не напоминавшему тяжеленные железяки времен первых королей из династии Анхеля. Тогда, после победы Циалы над Проклятым, даже жалкие остатки боевой магии были запрещены и забыты, а сумасшедший монах Фома Роканский еще не изготовил свое адское зелье, позволяющее взлетать прямо на небо. Правда, в непотребном для предстания пред Творцом виде. В те годы люди укрывали свое тело с помощью холодного железа, служившего прекрасной защитой от такого же железа. Потом, когда появились пушки, мушкеты и особенно сравнительно легкие пистолы, которые можно заряжать заблаговременно, пришлось соразмерять прочность доспехов с их легкостью, позволяющей всадникам и пехоте маневрировать. От доспехов прежних лет, когда тяжело

вооруженные рыцари и их несчастные кони таскали на себе пуды железа, уцелели лишь нагрудники-кирасы, шлемы, которых старательно избегали легкомысленные молодые нобили, и в некоторых кавалерийских полках поножи и налокотники. Мечи же превратились в более удобные в ближнем бою шпаги и сабли.

Рене немало дивился эльфийским клинкам и шлемам с забралами-стрелками, теперь же он увидел их в деле. Снаряжение Перворожденных как нельзя лучше подходило для схватки именно с бледными. Изящные доспехи, видимо, были нужны не столько для защиты от мечей, сколько от чуждого колдовства. Бледные подобной защиты не имели и потому погибали чаще, но от этого было не легче. Вряд ли у Михая был только один подобный отряд, эльфы же были здесь все. Кроме, разумеется, тех, с кем судьба свела Рене еще в юности, но между ними и Эландом расстиралось бескрайнее Серое море.

Рене с болью увидел, как светловолосый эльф схватился за горло и, пошатнувшись, приник к гриве светло-серого коня. Двое бледных бросились в образовавшуюся было брешь, намереваясь ускакать. Гиб злобно взвизгнул и прыгнул вперед, сбив противника грудью и добив копытами — это был его излюбленный прием, немало врагов уже нашли смерть под копытами исчадия ада, в которое превратился Водяной Конь. Второй бледный тем не менее вырвался из окружения и понесся к лесу. Рене, сам не понимая, что делает, внезапно вскинул руку в его направлении, произнося давным-давно забытые слова, призывающие ветер. Они и раньше-то сработали один-единственный раз, когда он на маленькой лодочке с месячным запасом пресной воды готовился пуститься через «дохлые широты», в которых неделями приходилось дожидаться самого малого ветерка.

Эльфийские спасители Рене отговаривали его от этой затеи, предлагая остаться с ними, но Рене хотел одного — вернуться к людям. Тогда ему и объяснили, что делать, попросив больше никогда не применять эти знания. Он свое слово сдержал, да так, что странные певучие слова опустились на самое дно его памяти. И вот теперь всплыли.

Рене сам не понял, как они сорвались с его губ, сопровождаемые жестами, про которые он точно не мог слышать. Прошумели верхушки лиственниц, и навстречу беглецу ринулся невесть откуда взявшийся вихрь, отшвырнувший его назад с той же легкостью, с которой мальчишка забрасывает камень в пруд. Боковым зрением Рене успел заметить, как всадник с конем со всей силой влетели в вековой ствол и так и остались лежать меж узловатых корней. Удивиться герцог не успел. С его памяти словно бы спала пелена, и в мозгу всплыли слова, значение которых он давным-давно забыл, если вообще когда-то понимал, само же время словно бы замедлило свой бег. Да нет, не замедлило, это он, Рене, вдруг стал чувствовать, что сейчас сделает тот или иной бледный, а значит, и упреждать эти маневры.

Всего пять слов: «Терез ленья че ти хогуэра!», и черно-синий огонь, подобный тому, что выручил в Белом Мосту и Петришах, охватил трех атаковавших Эмзара бледных, не тронув сражавшегося рядом эльфа. Крик «Арде», повторяющий непонятное церковное слово, и на конце шпаги Рене, в которой сроду не было ничего таинственного, расцвела огненная гвоздика. Таланты герцога как наездника заметно уступали его умению фехтовальщика, но не тогда, когда под ним был Гиб. Рене уже понял, что со спины Водяного Коня просто так не упадешь, а управлять им нет никакой нужды — эландец ощущал то же слияние со своим скакуном, что и с боевым кораблем. Они с Гибом в этом бою стали единым целым, герцогу казалось, что в него вливается сила и вековая ненависть волшебного существа, Гиб же упреждал желания наездника, оказываясь в нужное время в нужном месте.

Даже явное наслаждение, которое дарила черному жеребцу схватка и личная расправа над врагом, отступало, когда Рене видел, что надо мчаться в другое место, кого-то выручать — эльфов все же было поменьше, чем их врагов, или же, напротив, не дать очередному бледному уйти.

Горящая шпага Рене оказалась оружием, противостоять которому бледные были не в состоянии. Одно ее прикосновение сначала раскаляло их мечи, а затем превращало в струйки пара. Коня, обожженные черным огнем, бесились и выходили из повиновения, белые плащи вспыхивали, как солома на ветру жарким летом, облепляя наездников и коней, превращая их

в живые костры. Но главным было не это — видя судьбу своих товарищей, остальные, потеряв голову, бросались на эльфийские клинки, лишь бы уйти от всадника с горящей шпагой. Вскоре все было кончено. Как только последний бледный принял смерть от рук Лебединого Крыла, странное состояние покинуло Рене. Накатила страшная усталость, в глазах потемнело, и он буквально рухнул на руки кого-то из Перворожденных.

Глава 21

Эстель Оскора

Зеркало снова стало зеркалом, честно отражающим угол затканной ирисами и бабочками арцийской шпалеры и пару резных кресел. Надо будет сказать, чтобы эту гадость — не кресла, а сходящее с ума посеребренное стекло, вынесли куда подальше. Я и раньше-то не шибко любила эту женскую усладу, а уж теперь... Но, как бы то ни было, схватку со слепым гостем из зазеркалья я выиграла. Пустоглазый красавчик пришел за шерстью, а ушел даже не стриженный, а бритый. Жаль, конечно, что они теперь знают не только, где я, но и чего от меня можно ждать. Ну и пусть им! Теперь десять раз подумают, прежде чем напасть!

Да, схватка выжала меня, как губку, но это была недорогая цена за Знание и за то, что мне удалось сотворить... Еще раз взглянув на пришедшее в себя зеркало, я на ватных ногах добралась до окна, где стоял кувшин с нарциссами. Жаль их было, но вода была нужнее мне, и я опрокинула кувшин себе на голову. Наверное, царка помогла бы еще лучше, но в моей комнате ее не было — эландцы полагают ее мужским напитком.

Мокрая, как утонувшая мышь, я стояла у распахнутого окна, жадно вдыхая соленый ветер. Итак, я не безоружна перед ройгианцами! То, что угнездилось во мне с той ночи в доме геланского лекаря, поднимало голову всякий раз, как сталкивалось с их магией. Я сама не понимала, что творю, как не понимает кошка, как ей удастся упасть на все четыре лапы, но это было неважно. Главное — результат. Только что я на равных схватилась с кем-то очень сильным и победила. Да, это был не сам Ройгу или кто-то из его ближайших подручных, а то, что Астен называл астральной проекцией, но и это было очень даже неплохо. Я научилась орудовать направленными на меня заклятьями, как мечом, вырванным из вражеской руки и отрубившим эту самую руку.

Поразмыслив еще, я пришла к выводу, что дремавшая во мне Сила может просыпаться и без помощи дохлого Оленя. Вряд ли недоброй памяти Эанке имела что-то общее с ройгианцами, и уж тем более их и близко не было, когда я защитила могилу Астена от лесного зверья. Видимо, когда я выходила из себя, заложенное во мне проявлялось вне моей воли и моего сознания. Как бы то ни было, отныне я не сомневалась, что в нужный момент помогу Рене, так как страх за него неминуемо превратит меня в страшное оружие. Не знаю, совладаю ли я с самим Ройгу, но и ему справиться со мной будет непросто. Вот бы научиться управлять живой во мне Силой, вызывая ее по собственной воле! Не ждать же всякий раз визита через зеркало.

Увы! Когда на меня не покушались ройгианцы и я была спокойна, я превращалась в самую заурядную бабенку, с которой мог сладить кто угодно... Хотя что это я впадаю в самоуничижение? Эльфийские знания могут защитить очень даже неплохо, если, разумеется, вовремя заметить опасность... К тому же со мной Преданный, ишь как скребется в дверь... Сейчас сюда сбежится весь замок. Я впустила рысь и зарылась лицом в мягкую шкуру. Нет, пожалуй, не стану я убирать зеркало, это было бы трусостью. Я оторвалась от Преданного и подошла вплотную к стеклу. Из таинственной глубины на меня смотрело бледное лицо, обрамленное мокрыми слипшимися волосами. Красота, однако, неземная... А все же... Все же вправду ли мелькнул в зеркале Рене верхом на Гибе, а рядом Эмзар, Клэр и другие эльфы, или мне это почудилось?

**2229 год от В.И.
13-й день месяца Лебеда.
Червонный кряж**

Из эльфов не погиб никто, однако ранены были многие, а трое весьма серьезно. Четверо Перворожденных — три женщины и один мужчина — все, как один, отрешенные и серьезные, занимались ранеными. В сражении они не участвовали — потерять целителей означало загубить впоследствии множество жизней. Это решение владыки Лебедей обсуждению не подлежало, а по прекрасным, нечеловечески спокойным лицам понять, как к этому отнеслись те, кого оно касалось напрямую, было невозможно.

Рене с трудом открыл казавшиеся неподъемными веки и столкнулся со взглядом Эмзара, видимо ожидавшего, когда герцог придет в себя.

— Я не был ранен, — эландец говорил уверенно и четко, хотя голова разламывалась на тысячи кусков.

— Нет, конечно, — эльф накрыл рукой ладонь Рене, — это отдача, бич всех магов. Ты сделал больше, чем можно было представить...

— Если я скажу, что не знаю, как у меня это вышло, и вряд ли смогу это повторить, вы мне не поверите?

— Отчего ж не поверим? — Эмзар пожал плечами. — Ты действительно ДУМАЛ, что ничего не знаешь, однако на островах тебя обучили гораздо большему, чем ты полагал, просто до поры до времени эти знания спали, так же как и вторая кровь.

— Вторая кровь, это еще что?

— По всему выходит, что в тебе сплелись две крови — наша и Ушедших. Иначе тебе вряд ли удалось бы оседлать Водяного Коня... Для нас он существо изначально враждебное, для смертных — сказка, да он их к тому же и в грош не ставит, в тебе же он признал хозяина. В тебе точно две крови, оттого и наши заветы в твоих устах меняются до неузнаваемости — пламя становится черным, попутный ветер превращается в оружие. И еще... Овладевшая тобой Сила невероятно велика. Я помню Всадников Горды, то, что ты сотворил, по плечу разве что им... Я могу предположить лишь одно — некто невероятно сильный поделился с тобой своей мощью, хоть и не представляю как.

— Некто, — выдавил из себя улыбку Рене, — еще один некто. Великие Братья! У меня голова идет кругом от всех этих загадок. И не только от них, — адмирал, невольно сморщившись, прижал ладони к вискам.

— Да, тот, кто взялся тебе помочь, не рассчитал, — Эмзар покачал головой. — Сила, которой он тебя накачал, чуть тебя не убила. Второй раз тебе такого не выдержать. Что поделать, каждому положен свой предел, и смертным, и бессмертным. Даже могуществу Творца, и тому, видимо, есть границы...

— Именно! — Рене в последние дни почти забыл про Жана-Флорентина, а тот все это время просидел тихо, видимо не решаясь предъявить свою персону эльфам, но сентенция Эмзара оказала на философа то же действие, что свежий след на хорошую гончую. Даже недоверие, которое жаб питал к Дивному Народу, и то отступило перед возможностью бесконечного обсасывания эффектной, брошенной в сердцах фразы. — Однако, несмотря на изначальное неравенство возможностей, о котором упомянул повелитель клана Лебеда, — вздохнул жаб, — способность мыслящих существ поступать по своему усмотрению является неопровержимым доказательством того, что все создания, обладающие этой способностью, потенциально равны, и никто не может утверждать, что является выше другого только потому, что он родился в том или ином месте, в том или ином окружении и был изначально наделен теми или иными способностями...

— Разумеется, не может, — привычно согласился Аррой. — А теперь разрешите мне представить моего спутника.

— Андриаманзака-Ракатуманга-Жан-Флорентин, — учтиво произнес жаб, в порыве вежливости покинув свой золотой насест и поднявшись по руке Рене ему на плечо.

— Наслышан, — откликнулся эльф, тем не менее опутив подробности, к вящему разочарованию маленького философа. Второе разочарование, еще более горькое, заключалось в том, что оба — и Рене, и Эмзар — напрочь отказались обсуждать вопросы свободы воли и потенциального равенства перед Творцом всех наделенных волей созданий, сославшись на дела более неотложные. Жаб обиженно насупился, но с плеча не слез, намереваясь, видимо, при первой возможности вернуться к столь животрепещущей теме. Однако разговора не вышло — появившийся Нидаль, каштановые локоны которого скрылись под наложенной целителем серебристой повязкой, сообщил, что Клэр привез пленного.

Тяжело вздохнув и мысленно проклиная все на свете, Рене Аррой поднялся. Земля тут же мстительно покачнулась, желая уйти из-под ног. Тем не менее эландец отказался от помощи и пошел сам, гордо вскинув серебряную голову и надеясь лишь на то, что дорога не окажется длиннее его воли. Так и вышло, а открывшаяся взгляду адмирала сцена заставила забыть даже о больной голове.

Клэр стоял, опершись одной рукой о доходивший ему до пояса вросший в землю валун. У его ног лежал опутанный, как коконом, серебристой тонкой веревкой бледный всадник, лицо которого, искаженное страхом и ненавистью, было, однако, обращено не к эльфу, а к Гибу, стоявшему рядом в позе коня Императора-Победителя, занеся ногу со сверкающим прозрачным копытом над головой пленника.

— Похоже, они знают друг друга, — бросил Рене.

— Видимо. Жаль, твой вороной друг не может нам ничего рассказать. Или все же может?

— Нет, — авторитетно сообщил Жан-Флорентин, — в свое время род Гиба был лишен речи, потому что его предки оказались свидетелями великой тайны.

— Какой тайны? — быстро спросил Рене.

— Великой, — охотно пояснил Жан, — нет ничего надежнее заклатья, наложенного вовремя. Древние умели хранить свои секреты.

— Жаль только, если именно эту тайну нам придется выуживать из моря крови, — задумчиво проговорил Эмзар. — Что ж, попробуем поговорить с этим созданием...

— Гиб, отойди пока, — попросил Рене, — но недалеко, ты можешь нам понадобиться.

Водяной Конь, недовольно фыркнув, отступил на два шага и замер, вбирая ноздрями северный ветер.

— Ночью будет дождь, — сообщил жаб, — Гиб это чувствует. И я, разумеется, тоже. С севера идет сильная гроза. Лучше отсюда уйти, мне не нравится это место...

— Значит, уйдем, — не стал спорить Рене, — вот поговорим с этим красавцем и уйдем, — и, наклонившись над пленником, быстро спросил: — Кто ты? Кто вас сюда послал?

— Я — Оггу, — с вызовом ответил бледный. — И я больше ничего не скажу, я не разговариваю с предателями, потомками предателей и прихвостнями чужаков!

— Сильно сказано, — Рене машинально откинул белую прядь со лба, — что ж, раз ты не хочешь говорить, ты нам и не нужен. Гиб, иди сюда и покончи с ним.

Жеребец, одним прыжком оказавшись перед лежавшим пленником, вскинулся на дыбы, огласив окрестности коротким злобным ржаньем, и замолотил передними ногами по воздуху. Затем конь опустился на четыре ноги и принялся рыть копытами землю, стараясь, чтобы комья летели в сторону бледного. Погарцевав подобным образом некоторое время, Гиб решительно повернулся к извивающемуся пленнику черным блестящим крупом, занес заднюю ногу и медленно, по волоску, начал ее опускать.

Эльфы и Рене Аррой не отрываясь следили за расправой. Когда огромное копыто коснулось сероватых волос ройгианца, тот не выдержал.

— Я скажу, — это был умоляющий, задыхающийся от ужаса шепот, ничем не напоминающий прежний, высокомерный тон, — уберите его, убейте меня, иначе... Я буду, буду говорить.

Гиб обернулся, скосив зеленый глаз на Рене, и тот готов был поклясться, что конь

смеется. Адмирал кивнул головой, и прозрачное копыто плавно поднялось вверх, а затем резко опустилось вниз. Конь с силой топнул о землю в волоске от головы Оггу, который, судорожно разевая рот, пытался отползти от своего мучителя.

— Да, похоже, это старая вражда, — пробормотал Рене, ни к кому не обращаясь, — итак, что ты можешь нам рассказать? Куда вы шли?

2229 год от В.И
13-й день месяца Лебеда.
Большой Корбут

Орка даже не успела испугаться, когда Роман ее потянул в реку. Зная твердость своего дорожного товарища, девушка настроилась на длительный спор с упреками, поджатыми губами, перемирием, заключенным за обеденным костром, и решительной вечерней атакой. Она надеялась, что Роман в конце концов сдастся, но чтоб так сразу... Ледяная вода обожгла не хуже огня, но больше ничего неприятного не случилось. Орка с восторгом и удивлением наблюдала, как река расступилась, словно разрезаемая гигантским ножом, и они медленно опустились на каменистое дно. Справа и слева от них возвышались абсолютно гладкие и блестящие водяные стены из полупрозрачного зеленоватого камня, от которых веяло холодом и сыростью. Криза и Роман быстро шли по старой орочьей тропе, ставшей ныне речным дном, а сзади смыкался со странным глухим ревом пропустивший их поток. Сердце орки от восторга и благоговейного ужаса трепыхалось, как пойманная ласточка, а в голове осталось место для одной-единственной мысли, что, не встретив она прошлой осенью Романа, она так бы и осталась девчонкой с дикой заимки, никогда не узнавшей, сколь велик и невероятен мир. Путь по дну, однако, оказался недолгим, Роман резко дернул девушку за руку, ледяная вода вновь обожгла их и отступила. Орка и эльф стояли внутри Ночной Обители. Сзади грохотала река, а перед глазами рвалась ввысь темно-серая сверкающая башня. Это было царство камня, похожего на вороненую сталь, и лишь над головой сверкало ясное синее небо, по которому ползло одинокое облако, похожее на толстую собаку.

Роман и Криза дважды обошли башню кругом, все то же — ни двери, ни окна, ни хотя бы щели или выбоины.

— Бесполезно, — вздохнул бард. — Если вход был, то он где-то внизу...

— Нет, — покачала головой орка. — Дверь не знает даже жрец-старейшина. Говорить, сюда ходить лишь дети Инта. Мы не можем, я — простая орка, а ты — враг. Нас не пускать.

— Может, ты и права, — Роман задумчиво тронул отливающий металлом камень и отдернул обожженную руку. Перстень Проклятого горел и переливался всеми оттенками от алого до черного, а на месте, которого коснулась рука барда, обозначилась дверь. Тяжелая, украшенная изображением волка, задравшего морду к полной луне. Скрипнули петли, и тяжелая створка медленно отошла внутрь. Орка и эльф чуть-чуть помедлили, переглянулись и одновременно шагнули вперед.

Помещение, в котором они оказались, было просторным, сухим и пыльным. В свете луны, падавшем через отверстие в потолке, вырисовывалась одинокая сероватая колонна в самом центре. Если снаружи Обитель Ночи казалась высеченной из цельной гематитовой глыбы, то внутри ее камень стен более всего напоминал известняк меловых гор Западного Атэва. И все. Ни ужаса, ни восторга башня не внушала, разве что... Эльф невольно вздрогнул, осознав, что внутрь они вошли в разгаре дня, когда никакой луны на небе и близко не было. Более того, после зимних снегопадов и весенних ливней башня-колодец должна была заполниться водой. За века здесь должна была скопиться уйма грязи и ила, но на пыльном полу не было ни капли, а стены излучали сухое тепло, словно в каменистой пустыне после беспощадного жаркого дня.

В глубине души Рамиэрль ожидал чего угодно: живых скелетов, невиданных чудищ, хитроумных ловушек, но не этой жаркой пустоты. Мгновенный взгляд на дверь, и новое потрясение — вход исчез, вместо него серела древняя неопрятная кладка. Время как бы

замерло, а стук двух сердец казался нестерпимо громким. Роман и Криза не вдруг сообразили, что это башня начала пульсировать в такт человеческим сердцам. Эльф заметил отчаянный взгляд орки, устремленный на его руку, и обомлел. Камень кольца тоже пульсировал, попадая в такт биению башни, волны света захлестывали древнее сооружение.

Роман по наитию поднес подарок Проклятого к срединному столбу. Камень вошел в камень, словно в масло, и сразу же внутренность башни немислимо изменилась. Призрачный свет по-прежнему дрожал на древних стенах, но вместо невзрачного серого столба возникла прозрачная колонна, отливавшая той чистой, холодной синевой, которой поражает небо на исходе дня в месяце Волка, той же синевой, что плескалась в глазах Астена и самого Рамиэрля. Затем сверкающую поверхность прорезала тонкая трещина, и колонна раскрылась, как раскрываются созревшие каштаны. Роман, как-то сразу позабыв о прижавшейся к стене Кризе, шагнул внутрь прозрачного столба и оказался... на заснеженной вершине.

Холода он не чувствовал, но вокруг, несомненно, лютовала самая прекрасная из всех виденных эльфом зим. Ночная Обитель, Последние горы, Тарра — все куда-то исчезло. Он был в ином мире, сверкающем и холодном.

Небо над головой казалось лиловым, а на горизонте, над сверкающими ледяными вершинами горной грядой сиял зеленый луч — последний луч уходящего дня. Медленно поднималась луна — огромная, серебряная, девственно чистая, лишенная уродливых серых пятен, так портящих лик ночной красавицы в мире Романа. Вокруг ночного светила кружили причудливые созвездия, а внизу расстилалась слегка холмистая равнина, укутанная снегом, игравшим в лунном свете немислимыми бликами. Со своей вершины эльф разглядел несколько играющих волчьих пар. Звери свечой взмывали вверх, мягко приземлялись в пушистые сугробы, огромными прыжками носились по снежным склонам, оставляя цепочки синих следов. Иногда волки задирали головы вверх, и ветер разносил по ущельям торжествующий вой.

Несмотря на усталость и все ужасы последнего года, бард невольно залюбовался волчьими плясками. Слух Романа, однако, был не хуже звериного — какими бы легкими ни были шаги за его спиной, он их услышал и резко обернулся, схватившись за оружие. Из-за острой заледеневшей скалы вышел воин. Был он высоким и стройным, закованным в странную броню, словно бы сотканную из ночной синевы. Развевающийся плащ казался то черным, то начинал отливать холодной зеленью горных ледников. Рука незнакомца лежала на загривке огромного белого волка, послушно трусившего рядом. Но самым удивительным было узкое лицо пришельца, обрамленное темными волосами. Строгие черты могли поразить совершенством даже эльфа, а в синих глазах застыла вечность. Незнакомец с волком остановился в двух шагах от Рамиэрля. Какое-то время оба молча рассматривали друг друга. Первым заговорил пришелец:

— Приветствую тебя, потомок Ларэна, обладатель Ключа! Что же задержало тебя в пути?

**2229 год от В.И.
13-й день месяца Лебеда.
Северная Таяна**

Эландский герцог так и не понял, почему в стане Ройгу его величали предателем. Врагом — да, в этом сомнений не было, но изменником?! Кому-кому, а бледной нечисти он никогда не присягал. Пленный об этом также ничего не знал. Злоба, впитанная Оггу с молоком матери, если, конечно, предположить, что у бледных всадников бывают матери, была намного старше его самого, но великой тайны, подобной той, что хранил в себе бессловесный Гиб, бледный не ведал. Зато он рассказал многое другое.

В ройгианской иерархии он и его товарищи были не последними, но и не первыми. Бледных всадников на самом деле называли «мечами тумана», что вызвало у Рене, не терпевшего громких и глупых названий, презрительную усмешку. Делом «мечей» было

слепое повиновение, в котором они находили наслаждение. Поскольку каждый их день походил на другой, у них не было ни прошлого, ни будущего, а только настоящее. Смерть же для них была испытанием. Те, кто достойно умирал во имя Ройгу, выполняя приказ, возвращался на землю в новом качестве Охотника, а то и Ожидающего. Тот, кто перед смертью дрогнул, мог рассчитывать разве что на вторичное рождение и возможность искупить вину, если же кто-то из «мечей тумана» не справлялся со своей миссией, то рождался в шкуре «жнеца», а то и обычного человека, обреченного служить камнем, которым будет вымощена дорога, по которой пройдут последователи Ройгу. Самой же страшной была смерть от рук своры Омма, навеки ввергавшая несчастного в раскаленное царство этого страшного бога. Именно там и оказался бы Оггу, прикончи его Гиб. Неудивительно, что занесенное над головой пленника копыто заставило его разговориться...

Отряд, который уничтожили эльфы, был спешно направлен к границе после исчезновения очередной группы убийц, или, как выразился Оггу, «жнецов». Это было тем более неприятно, что Чаша вновь была опорожнена впустую у Горды и ее следовало наполнить до следующего полнолуния. «Жнецы» в Приграничье собрали обильную жатву, Малую Чашу наполнили почти доверху, оставалось влить в нее всего несколько капель, как вдруг все остановилось. Это настораживало, и к Явелле направили отряд, достаточный, чтобы справиться с небольшой армией. Они так торопились, что шли не таясь, обходясь без разведки, так как не рассчитывали встретить кого-то в этих краях. Разумеется, ближе к Чернолесью они стали бы более осторожными.

Оггу не сомневался, что исчезновение трех сотен «мечей тумана» заставит ройгианцев ответить ударом на удар...

**2229 год от В.И.
20-й день месяца Лебедя.
Арция. Мунт**

Сомнений больше нет! Герики в Эланде, и, что хуже всего, девчонка на поверку отнюдь не та, кем ее считали. Уверенная в своей силе гордячка, как же она не походит на кроткое, запуганное создание, послушно выполнявшее волю каждого, кто брал на себя труд ей приказывать! Проклятье!!! Как он мог проглядеть перемены в собственной дочери! А может, никаких перемен и не было, и маленькая дрянь обвела вокруг пальцев всех — воспитателей, многочисленных женихов, бледных и, наконец, отца?!

Михай Годой предпочитал смотреть правде в глаза, сколь бы неприятна и унижительна она ни была. Это не доставляло удовольствия, но помогало выжить и добиться своего. На сей раз правда заключалась в том, что его кровь оказалась сильнее его же воспитания. Он растил рабыню, даже не рабыню, а безотказное орудие, а выросла ловкая, беспринципная, отчаянная интриганка! Михай был взбешен, огорошен и вместе с тем в глубине души... горд! Горд, что Герики была достойной дочерью, усвоившей отцовские уроки, хоть и не так, как ему хотелось.

Тарскому господарю казалось, что он наконец-то разобрался во всем. Каждый судит по себе... Если б он вовремя догадался поставить на место Герики себя, он бы не оплошал. Дочь, без сомнения, хочет того же, что и он, — власти и полной свободы. Пойми он это вовремя, девчонка бы стала прекрасной союзницей, а он позволил провести себя, как паршивого студиязуса! Но какова доченька! Выжидала, годами ходила не поднимая глаз и добилась-таки своего! А эти бледные поганки так ничего и не поняли, Годой рассмеялся зло и весело, вспоминая недоумение Союзников, сначала потерявших след беременной королевы, а затем узнавших, что Воплощения нет, зато есть Эстель Оскора, существо, обретшее могущество, равное могуществу Ройгу, могущество, которое будет расти столь же стремительно, как и силы возвращающегося бога!

Годой не сомневался — Герики знала о своем предназначении все. То ли сама догадалась, то ли Беата успела растолковать пятилетней дочери... Он слишком поздно

понял, что жена становится опасной. Узнав, что за судьба уготована их единственной дочери, она набросилась на него, как очумелая кошка. Шрам, оставленный зубами отчаявшейся женщины, не зарос до сих пор... А если девчонка собралась отомстить за мать? Тогда с ней не договоришься! Но как же просто объяснялось ее поведение!

Она поняла, что тело Стефана избрали, чтобы в названное время зачать Воплощение, и очаровала принца, сыграв на своей несхожести с Мариной-Миттой. Но Стефан оказался обманкой, так же, как граф Гардани и этот проклятый Рене. Он как-то устоял против магии Ройгу, и все повисло на волоске. Астральное тело Ройгу оказалось запертым в теле Стефана, и как заперто! Сначала ему еще удавалось вырываться на свободу, но после того, как Рене приволок в Высокий Замок своего эльфа, ловушка захлопнулась окончательно. Воля Стефана была столь сильной, что древний Бог и смертный очутились в положении каторжников, скованных одной цепью.

Ройгу мог обрести свободу, лишь разрушив обретенную им смертную оболочку, вышедшую из повиновения. Но главным ударом стало даже не это, а то, что Стефан отказался от Герики, отдав ее собственному отцу. И опять эта маленькая дрянь оказалась на высоте. Она даже бровью не повела, продолжая играть в любовь со Стефаном, и при этом с готовностью отдалась эландскому герцогу. Видимо, уже тогда оценила его как будущего союзника.

А как ловко она с помощью Мариты отделалась от ставшего ненужным мужа и исчезла из Замка! Переждала где-то в Гелани, избавилась от ребенка, призвала на помощь Стражей Горды, спутала все следы и, наконец, во всей своей красе объявилась в Эланде. Что ж, Герику, а вернее, Эстель Оскору ясно дала понять, что понимает свою силу и любое магическое нападение будет ею отбито. Выходит, на первых порах сражаться с Эландом придется обычным оружием, а одолеть Рене Арроя без помощи магии будет непросто!

Тарскиец никогда не преуменьшал сил противника, даже, пожалуй, преувеличивал; он довольно быстро взял себя в руки и постарался взглянуть на создавшееся положение глазами игрока в эрмет.

Бледные и Герику, если все идет так, как он полагает, отныне свяжут друг друга. Магические удары лоб в лоб не принесут победы никому, разве что угрожат добрую половину Благодатных земель, а это его не устраивает. Чтобы волшба принесла пользу, нужно использовать ее неожиданно, не там, где ее будут ждать. Значит, удар должен быть нацелен не против Герики, благо врагов у него хватает. Бледные слишком уповают на свое колдовство, которое сработает, только если будет пущено в ход в нужном месте и в нужное время. А до этого нужно разлучить Эстель Оскору с Рене, а Рене с Архипастырем.

Вряд ли девчонка рискнет напасть первой, да она и не сможет это сделать. Ее сила в способности отразить удар, так стена отбрасывает назад пушечное ядро, которое может прикончить тех, кто его послал. Пока против Герики не пущена в ход волшба, она должна оставаться простой смертной. Должна или остается? Годой дорого бы дал за ответ на этот вопрос. Знай тарский господарь о том, что случилось с Эанке, он не был бы столь оптимистичен, но нельзя знать все...

Пока же, оценив ситуацию, Михай пришел к выводу, что ему нужны военные победы, одержанные без помощи магии. Кроме того, необходимо превратить Арцию из захваченной страны в свою вотчину. Пусть ненавидят, лишь бы признали за хозяина. К тому же на одного ненавидящего всегда приходится десять лижущих хозяйскую руку и двадцать по-коровьи равнодушных.

Рене будет ждать нападения и готовиться отразить его. Вот и пусть ждет. Будет ему нападение, тем паче держать гоблинов в столице становится опасно. Чтобы полностью взнуздать Арцию, понадобится около года. Прекрасно! Пусть бледные разбивают башку о Явеллу, а Рене бодается с гоблинами, пока он, Михай, становится полноправным хозяином Арции. Нужно приструнить Церковь, отточить несколько своих собственных магических приемов и, когда все будет готово... В конце концов, к арцийскому трону он шел тридцать лет, что для него еще год или два! Благодатные земли того стоят, а его дочь... Если она

поймет, что союз с отцом выгоднее игры с Рене, они договорятся, и тогда в их руках будет вся Тарра. Девчонка, обведшая вокруг пальца всех — и даже его! — стоит того, чтоб выказать ей свое уважение! Годой вспомнил кислую физиономию Союзника, нехотя сообщавшего ему о неудаче с Эстель Оскорой, и мстительно хихикнул. Так им и надо. Хотели получить его дочь тайком от него, вот и получили! Раз они признались ему в своей неудаче, сомнений нет: им нужна его помощь, а значит, какое-то время им можно доверять, и с них можно спрашивать...

**2229 год от В.И.
Утро 1-го дня месяца Дракона.
Белый Мост**

Гвенда поежилась. Ночь только-только перевалила за половину, хотелось спать, было холодно, но кохалку и вырит нужно собирать сразу после новолуния по утренней росе, иначе они не дадут нужного аромата и привкуса. Именно потому, что бабка и мать прекрасной корчмарки (а вот уже пятнадцать годков и она сама) не пренебрегали этими правилами, царка из «Белой Мальвы» славилась на всю Фронтеру. Добрая слава стоила того, чтобы пару раз в году встать раньше петухов... Женщина покрепче стянула на груди теплую шаль — когда она будет возвращаться, наверняка придется снять, дни стоят жаркие — и решительно зашагала по тракту на юг. Идти было довольно далеко: нужные травы росли только в одном месте — там, где дорога резко сворачивала в сторону, огибая болото. Если пробраться через придорожные кусты и первые лужи, попадаешь на небольшой холмик, поросший кохалкой, без недозревших ягодок которой царка не царка.

Гвенде повезло, дождей не было довольно давно. Корчмарка перебралась через болотце, почти не замочив ног, и сразу же нарвалась на россыпь низких кустиков, усыпанных круглыми зелеными горошинами. Еще кварта или две, и они побелеют, станут мягкими и будут годиться разве для отвара, чтобы отпаивать не в меру упившихся гостей, что, конечно, тоже нужно. Она, разумеется, пополнит свои запасы, но это потом. Работа двигалась споро, время летело незаметно. Небо на востоке начинало отливать зеленым — верный признак скорого рассвета, когда женщину отвлек какой-то шум на дороге. Она прислушалась. Шум повторился. Раздался крик, затем резкие трескучие звуки, словно кто-то с силой ломал о колено толстые сухие ветки.

Красотка Гвенда, как и положено трактирщице, была женщиной не робкого десятка и к тому же любопытной. Оставив корзинку с собранными ягодами между корней сломанной в прошлую зиму ивы, она осторожно, стараясь не шуметь, вернулась к дороге и выглянула из кустов. На тракте шел форменный бой, вернее, избиение. В неверном сером свете начинающегося утра метались какие-то тени, кричали женщины и кони, хрипло ругались мужчины, вспыхивали желтые огоньки выстрелов, остро пахло пороховым дымом.

Гвенда мало что понимала в воинском деле: во Фронтере разбойники перевелись лет двести назад, а конокрады и воры делали свое дело тихо. Конечно, все знали, что в Арции и Эланде идет война, но Белого Моста она пока не коснулась. И тут такое! Совсем рядом раздался торжествующий мужской рев, женский вопль, перешедший в жуткий булькающий звук, а затем хриплый возглас: «Вот они!» С тракта ответили невразумительным мычанием. Трясаясь от страха, Гвенда наблюдала, как с полсотни воинов хладнокровно добивали уцелевших. Затем от мечущейся кучи на дороге отделился высокий человек во фронтерской шапке и подошел к тому мужчине, что возился в кустах.

- Здесь все?
- Смотри сам.
- Все! Хороши, да?
- Хороши, да не про нашу честь.
- Оно и лучше, я ауры предпочитаю, у них имен нет.
- Едешь со мной. Возьми десяток Лойко, и айда. А остальные пусть приберутся...

Припозднились мы что-то, как бы кто чего не увидел.

— Ну, такое не скроешь. Всех положили?

— Как договаривались. Хорошо, болото рядом...

Дальше Гвенда не слушала. Отползши по-ужиному, она кое-как добралась до своей корзинки, подхватила ее и быстро, но тихо бросилась в глубь болота. В Белый Мост женщина вернулась к полудню. У дверей «Белой Мальвы» уже сидело несколько жаждущих, которые показались корчмарке самыми лучшими людьми на свете. Подкрепившись царкой и сменив старенькую суконную одежду на свой обычный наряд, она постаралась выбросить из головы пережитый ужас, хотя понимала, что узнает говоривших и через тысячу лет.

Годы в придорожной корчме научили Гвенду нехитрой заповеди: уши держи на макушке, а рот на замке. Вот и о бойне на тракте она не сказала даже Рыгору. Зачем? Жизнь в селе катилась своим чередом. Отыграли две свадьбы, заложили в подполы овощи, опробовали новую царку. На ярмарку, правда, не ездили, да и никто не ездил, попасть под горячую руку расплодившимся, как поганки, синякам желающих не было, тем паче что те промышляли теперь не токмо ловлей колдунов и болтунов, но и недоимщиков, а поди докажи, что ты уплатил все и в срок. Нет уж, пусть торговцы с ними разбираются по-своему, а селяне посидят да подождут, пока к ним не приедут за товаром.

По вечерам в «Мальве» поминали не столь уж старые добрые времена, когда по тракту в Таяну и из Таяны запросто ездили, люди никуда просто так не пропадали и страхов всяких по дорогам не шло. Войт Рыгор, самолично проторчавший четыре дня, наблюдая, как синяки вывозили причитающуюся императору да Церкви долю, пребывал в мрачнейшем настроении. Гвенда тоже ходила туча тучей, что не мешало ей цвести так, что другие молодницы были от зависти. Но если войт полагал, худшее позади, так как что может быть хуже сборщиков податей, то Красотка поговаривала, что мытари — это еще цветочки, как бы ягодок не дожидаться...

2229 год от В.И.

2-й день месяца Дракона.

Эланд. Идакона

— Осел! — самокритично проворчал эландский герцог, с отвращением разглядывая свое отражение в темной воде. — Последний осел и тот сообразил бы, что делать!

— Никогда ничего не предпринимай не подумав, а предприняв, не раскаивайся, — заступился за отражение Жан-Флорентин и добавил: — Нельзя объять необъятное. Ты поступил на тот момент вполне рационально и адекватно.

— Может быть, — пожал плечами герцог и поморщился, — проклятая кольчуга, вроде и не тяжелая, а день потаскаешь, ночью костей не соберешь. Старую, наверное... Да и толку от этой сбруи...

— Астрономический возраст ни при чем, — философский жаб выглядел недовольным, — любой из тебе подобных после таких нагрузок ощутил бы определенный дискомфорт, уверяю тебя, многие смертные, родившиеся позже тебя, чувствуют себя еще хуже. Однако нельзя не учитывать возможность покушения, так как ты и Архипастырь являетесь для наших противников наиболее опасными фигурами.

— Спасибо, утешил, — хохотнул герцог, растирая плечо, но смех вышел невеселым.

Какое-то время оба молчали. Рене от усталости, Жан-Флорентин готовясь к новой речи. От Адены тянуло холодком, в темном небе замелькали маленькие трепещущие тени — хафаши¹¹² вылетели на ночную охоту.

Великий герцог Эланда вернулся в Идакону четыре дня назад и старательно разгребал огромную кучу неотложных дел, свалившуюся на него по приезду. Какими бы прекрасными

¹¹² Хафаши — летучие мыши.

помощниками и соратниками ни были Шандер и Диман, многое мог решить только Рене. Новости не радовали, хотя дела могли идти и хуже.

На Адене и в Гверганде все было в полном порядке. Мальвани с помощью Архипастыря и Шандера практически закончил все работы. Теперь враг мог приходить, его ждали чуть ли не с нетерпением. Неожиданностью из разряда приятных стал странный жест калифа Майхуба. Извечный враг маринеров внезапно отпустил всех пленных эландцев, да в придачу дал три больших корабля с оружием, продовольствием и каменным маслом, которое атэвы берегли как зеницу ока и которым они пожгли немало арцийских и даже эландских кораблей. Прислал Лев Атэва и послание, которое обязательно нужно было обсудить с ближайшими советниками, но это потом. Майхуб подождет, а вот Михай ждать не будет.

Явившийся сразу же по возвращении Рене Прашинко рассказал немало.

Луи Арцийский жив, и его отряд вместе с Хозяйкой топей и Кэриуном изрядно портит жизнь своре Годоя. О том, что творится в Таяне, известно мало, так как за Гремиху Прашинко ходу нет. Всадники, однако, держатся. Настораживает, что ройгианцы прекратили прорываться через Горду. Луи и его люди истребили четыре отряда тех, кого зовут «жнецами», и на этом все прекратилось. Больше из Таяны никакая пакость не выползала, то ли силы копят, то ли что-то задумали. Арцийцы старательно подстерегали на дороге небольшие отряды, следующие в Таяну и обратно, но ничего особо примечательного от пленных узнать не удалось. Жена регента беременна. В Гелани заправляют бледные. В городе и Высоком Замке сильный тарский гарнизон, а вот гоблинов почти нет. Тиберий ведет себя так, словно его не сегодня-завтра сделают Архипастырем. Вот и все.

Ну а Годой обосновывается в Мунте. Узурпатор умудрился склонить на свою сторону южные провинции, немилосердно обирая Фронтеру и Нижнюю Арцию. Поладил он и с синяками, которые старательно отлавливают его врагов: в городе идет охота как за теми нобилями, которые были близки с Базилеком, так и за теми, кто ходил в открытых недоброжелателях удравшего императора. Марциал, однако, на коне, равно как и Марина-Митта, которой подарили загородный дворец Валлы.

Синяки раскрывают заговор за заговором и табунами ловят якобы Преступивших, причем часть имущества задержанных идет доносчикам, а часть — самым бедным. В целом Мунт признал нового правителя, но полному его воцарению мешает Церковь. Годой пытается заигрывать с клириками и как будто сговорился с циалянками, но потом промеж них наступила остуда. Говорят, куда-то подевались драгоценности Циалы, которые Годой обещал ордену в обмен на поддержку.

Святая область готовится к войне. Иоахиммиус с Шадой сломали сопротивление тех, кто хотел сговориться с узурпатором, так что Кантиска стала прибежищем всех недовольных Годоем. Если тарские рискнет напасть на Церковь, его ожидает теплый прием, хотя обученных воинов в городе мало. Зато стены толстые и на них много пушек, а защитники крепко верят в заступничество святого Эрасти, который недавно явил очередное чудо, спасши Иоахиммиуса от вражеской стрелы...

Значит, Илана будет матерью... А чего он, собственно говоря, ждал? Рене мысленно на себя прикрикнул. Если женщина вышла замуж, вполне естественно, что она ждет ребенка, и нечего вспоминать вчерашний день, когда и без того есть о чем подумать. Пока он бездарно и бесполезно болтался по Пограничью, в Вархе что-то произошло. Хотя почему бездарно? Они спасли немало жизней, уничтожили несколько отрядов «жнецов» и, самое главное, встретились с эльфами... И потом, эта странная сила, так внезапно и жестоко овладевшая Рене. Спору нет, ее помощь пришлась кстати, но непонятное всегда настораживает...

Но как Илана могла... Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Ланка всегда была смелой, гордой, искренней, бескорыстной и вдруг превратилась в подобие святой Циалы, которую интересовала лишь власть, одна только власть и ничего кроме власти. А слабенькая и безвольная Герики на поверку оказалась умницей и настоящим другом. Как же ей удалось вдвоем с рысью зимой пройти пол-Арции? Тут никакой талисман не поможет, тут нужна воля к жизни...

Рене сам подивился тому, как обрадовала его встреча со светловолосой тарскойкой, а та, та шарахается от него, как от чумы. Хотя это можно понять, слишком много на нее свалилось. Женщина, сделавшая то, что не под силу сильному мужчине, имеет право на одиночество, хотя жаль...

Эмзар уверяет: дочь Годоя и есть пресловутая Темная Звезда. Что ж, хуже она из-за этого не стала. Но сколько же ей пришлось пережить! Потерять Стефана, а потом Астена... Рене отчего-то казалось, что между возлюбленной Стефана и братом Эмзара что-то было, и герцог сам не понимал, почему это так его задевает. А Шани тоже хорош! Уж с ним-то Герику откровенна, Жан-Флорентин утверждает, что в той волшбе, которую он почуял, не было ничего эльфийского, а колдовать могла только Геро, исцеляя Шандера. И ведь исцелила же! Что ж, молчат — их дело. Он и виду не покажет, что знает про Эстель Оскору. В день похорон Стефана он поклялся себе защищать Герику и защитит ее, во что бы та ни превратилась. Тем паче Эмзар говорит, что сила к Темной Звезде приходит ненадолго, а в остальное время она обычная женщина, слабая, уязвимая, одинокая...

— Какую проблему ты обдумываешь? — философский жаб изнывал от желания поговорить.

— Что? Ах да... Разумеется, я думаю о Вархе и хотел бы знать твое мнение.

— Магия, — прошипел жаб, — отвратительная магия, и очень сильная, иначе бы Прашинко смог туда проникнуть.

Про Варху стало известно утром. Собственно говоря, все началось, когда Рене еще болтался по Чернолесью. Комендант крепости, обычно аккуратный и обязательный до невозможности, не прислал еженедельного отчета о том, что поделявают Базилек и его свита и как обстоят дела на таянском берегу Ганы. Подождали пару дней, полагая, что что-то случилось с гонцом, но когда не пришел и второй отчет, Диман забил тревогу и послал в крепость разведчиков. У тех хватило ума не лезть в зубы к Проклятому, а понаблюдать издали.

Укрыв лодку за излучиной, ибо проще и быстрее всего было добираться по реке, наблюдатели высадились на таянском берегу, вознамерившись подобраться почти к самой цитадели. Не удалось. Ощущение ужаса, охватившее в общем-то смелых и бывалых людей, заставило их одного за другим остановиться. Дальше всех прошли двое — известный своей бесшабашностью маринер Эдгар и арциец Риче, привезший в Эланд письмо от Луи. Он и обратил внимание на странную тишину в лесу и легкую дымку, висящую в воздухе, несмотря на ясный летний день. Арциец рассказал про «рогатых», он уже видел подобное и не сомневался, что во всем виноваты именно они. С ним согласились, так как других объяснений не было — все, даже отойдя на полвесы от Вархи, чувствовали себя как-то неуютно, да и вряд ли без помощи магии удалось бы захватить практически неуязвимую цитадель. Какой бы затерянной в болотах ни была вверенная ему крепость, комендант свое дело знал, он и стражники помнили в лицо всех входящих и выходящих, прорваться по узкому подъемному мосту было задачей сложной, да и мост с началом войны был поднят. Разведчики сочли свою миссию выполненной и вернулись.

Получив донесение, Шандер с Диманом посовещались и выдвинули к берегу Ганы тайные посты, а в устье реки на всякий случай ввели несколько кораблей. Конечно, флота в Таяне и в помине не было, но годоевцы могли соорудить плоты, которые корабельные пушки живо бы пустили на дно. Приличной же сухопутной дороги из Вархи в Эланд и вовсе не было. Нет, ожидать из Вархи военного вмешательства не приходилось... И все же... Как и зачем крепость оказалась в руках ройгианцев? Разве что Михаю во что бы то ни стало понадобилась голова бывшего императора...

По просьбе Рене, которому происшедшее очень не понравилось, Прашинко, несмотря на реку и болота, сходил к крепости и вернулся очень расстроенным. До самой цитадели пылевичок так и не добрался, но все и так было ясно: присутствие Осеннего Кошмара в Вархе ощущалось сильнее, чем даже в Гелани, но как выкурить его из крепости, никто не представлял.

— Дожили, — проворчал Рене.
— Стратегической роли Варха не играет, — заметил жаб, — расположена она в малонаселенном месте, и оттуда никто не выходит.
— Что ж, придется смириться с тем, что в Вархе засела эта зараза...
— Через текущую воду она не перейдет, — утешил Жан-Флорентин, — Гана — часть древней Явеллы...
— Будем надеяться на древний запрет?
— Мудрость и сила Прежних не превзойдена по сию пору, — отвечал жаб, — впрочем, ты можешь спросить совета у эльфов, если кто и может разузнать, в чем дело, так это они.
— А то я бы не догадался, — поддразнил Аррой своего приятеля.
— Ты хватаешься за двадцать дел одновременно и поэтому вполне можешь упустить нечто важное, — заметил Жан-Флорентин, — и потом, ты слишком эмоционален и уделяешь излишнее время обдумыванию отношений с женщинами таянского королевского дома. Впрочем, тебя извиняет то, что ты еще должен обрести великую любовь и спасти Тарру...
Дальше Аррой не слушал, так как рассуждения философского жаба о его миссии стали для него такой же обыденной неприятностью, как дождь со снегом в месяце Волка или вечные туманы в устье Агаи. Мысли Рене уносились к легендарной Явелле — горной речке Джавейке, впадающей в реку побольше, которая, в свою очередь, вливалась в Гану, по словам академиков, проторившую собственную дорогу к морю не столь уж давно, а до этого вливавшуюся в Адену. Сейчас Явеллу взяли патрулировать эльфы, возможно, они поймут, что происходит в Вархе.
Проклятье, почему это кажется ему столь важным? Ведь потеря в общем-то никому не нужной крепости не сравнима с лагской катастрофой. Откуда же уверенность, что он что-то сделал не так? Хорошо хоть эльфы поблизости... Эмзар решил не показываться в Идаконе, и Дети Звезд расстались с Рене недалеко от Старой границы.
Рене был с ними согласен — он не желал раньше времени кому бы то ни было демонстрировать свои связи с родичами Романа. Ройгианцы, если они знали о существовании в Арции эльфов, могли догадываться, кто приложил руку к исчезновению «жнецов» и «мечей тумана», но не наверняка, так как свидетелей (Рене очень на это надеялся) не осталось, а раз так, пусть остаются в сомнениях и дальше....
Со стороны ведущей к воде лестницы раздался быстрый топот.
— Проше дана, на вас ждут!!
— Хорошо, Зенек, скажи, я сейчас.
— Слухаю, монсигнор!
— После войны я тебя на три год загоню в Академию, — пригрозил Рене, — будешь изучать изящную словесность...

Глава 22

**2229 год от В.И.
5-й день месяца Дракона.
Арция, Мунт**

Марциал Этьен Виктор Одуа ре Изье с небрежной улыбкой сбежал по покрытой черно-желтым ковром главной лестнице императорского дворца. На красивом лице новоявленного вице-маршала не отражалось ничего, кроме уверенности в себе и удовлетворения от продолжительной беседы с императором, однако внутри его все кипело. Хуже всего, что он не понимал, был ли приказ Годоя наградой за оказанную на Лагском поле помощь или же замаскированной под милость ссылкой, если не смертной казнью.

Младший брат некогда всесильного, а ныне сгинувшего в болотах Внутреннего Эланда

Бернара никогда не страдал щепетильностью, заботясь лишь о своих интересах и своих удовольствиях, но дураком он не был, скорее наоборот. Высокий пост в арцийской армии он получил вполне заслуженно, это признавали даже многочисленные недоброжелатели семейства Одуа, полагавшие обоих братьев и их престарелого папашу выскочками и казнокрадами. Младший вполне мог греться в лучах братней удачи, прожигая жизнь, но Марциал, с молодых ногтей испытывавший тягу к армии, повел себя совсем не так, как от него ожидали. Он не чурался утомительной гарнизонной службы, внимательно выслушивал опытных офицеров, не позволял себе никаких барственных выходок по отношению к товарищам по оружию.

Всех удивило, когда молодой Одуа накоротко сошелся с сыновьями безземельных, но лихих южных дворян, в огромном количестве съезжавшихся в Мунт за удачей. Именно ему принадлежала идея собрать всю эту вольницу в один полк, капитаном которого он и стал. Как женоподобный брат ненавистного всем арцийским дворянам выскочки-временщика добился уважения и безоговорочного подчинения горячих южан, оставалось личной тайной Марциала, но его молодцы готовы были за него огонь глотать. Правда, за их верность младшему Одуа щедро расплачивалась арцийская казна, но это никого не волновало.

Заносчивые и смелые, южане объявили негласную войну арцийским гвардейцам, и потасовки между двумя привилегированными полками стали неотъемлемой частью столичной жизни. Жители Мунта решительно встали на сторону своего любимца маршала Франциска, что лишь сплотило южан вокруг их молодого командира.

Марциал и Франциск вечно вступались за своих подчиненных, надо и не надо хватавшихся за шпаги, так что неожиданное согласие брата Бернара с маршалом поразило императорский двор, как громом. Марциал в отличие от своего брата и выстарившегося Базилека встал грудью против антиэландского соглашения, предусматривавшего появление в Арции тарскийско-таянского войска. Когда же поступили сведения о том, что Годой вместо того, чтоб идти на Гверганду, повернул на Мунт, капитан южан прилюдно залепил своему брату пощечину, снискав одобрение Франциска. Оба отнюдь не обольщались насчет исхода кампании, понимая, что она будет трудной и непредсказуемой. Оба надеялись победить. Казалось, старые враги примирились.

На Лагском поле Марциалу и его южанам Франциск уступил решающую роль в конечной стадии боя. Когда Годой бросит в огонь все имеющиеся у него резервы и завязнет перед укрепленным лагерем, Марциал должен был нанести завершающий удар из засады. Это вполне устраивало младшего Одуа. Перед началом сражения он и не помышлял о предательстве, если бы все шло по плану, брат Бернара и его молодцы, без сомнения, сыграли бы свою роль с блеском. Марциал всей душой желал победы Арции, хотя бы потому, что быть третьим человеком в имперской армии и братом всемогущего канцлера было куда выгоднее, нежели родичем павшего временщика. Однако все пошло наперекосяк. Франциск погиб, идиот вице-маршал повел армию под таянские пушки, и Марциал встал перед выбором — положить преданных ему людей, а возможно, и собственную голову в безнадежном бою или же... перейти на сторону очевидного победителя, благо письмо от него он обнаружил в своем собственном кармане. Здравомыслием, что губить свой полк ради в любом случае лишившегося трона императора не стоит, он сделал то, что сделал.

Южане, которым, в сущности, было все равно, от кого получать деньги, с готовностью пошли за своим командиром. Предателями они себя не считали. Если арцийцы имели глупость так бездарно проиграть сражение, тем хуже для арцийцев, но погибнуть вместе с ними?!

На первых порах казалось, что их услугу оценили. Марциал получил пост вице-маршала, при том, что звание маршала возложил на себя сам Годой. Южане разделили меж собой жалованье, причитавшееся погибшим, и решили, что новому императору служить лучше, чем старому. Полтора месяца они пили в мунтских тавернах за своего капитана и нового императора, но все рано или поздно кончается. Сначала показали дно кошель и кисеты, а затем Марциала пригласил Годой и велел до зимы взять Гверганду и прорваться во

Внутренний Эланд.

Вице-маршалу Одуа предоставлялся карт-бланш, в помощь ему передавались две трети пришедших с Годоем угрюмых звероподобных воинов, половина передвижной артиллерии и часть баронских дружин. Сил вполне хватало, чтоб разбить хорошую армию, особенно с учетом того, что brave вояки успели растратировать свои ауры. Гверганда слыла городом богатым, а император отдавал ее на три дня своим солдатам. На первый взгляд все выглядело вполне привлекательно, но Марциал с детства привык не доверять тому, что лежит на поверхности.

Проезжая по ставшим на удивление тихим и чистым улицам Мунта, обедая, переодеваясь для встречи с командирами переданных ему полков, отдавая им приказания и выслушивая здравницы в адрес Годоя и себя, вице-маршал Одуа лихорадочно размышлял, с каждой орой укрепляясь в мысли, что оказался в ловушке. Любой военный прежде всего стал бы обдумывать план кампании, но Марциал вырос среди политиков и прежде, чем задать вопрос «как», задал вопрос «зачем», и напрашивающийся ответ ему очень не понравился.

Гверганду брать было незачем. Запершиеся там арцийцы были совершенно безопасны и могли сидеть за Аденой сколько их душе угодно. Михай Годой показал себя умелым политиком, время работало на него. Отсутствие Феликса в Кантиске позволяло надеяться, что скорее рано, нежели поздно Церковь признает в Годое наследника Циалы Благословенной и коронует его, выторговав себе что-то вкусное. Рене Аррой даже вместе с армией Мальвани не располагал силами, достаточными, чтобы совладать с Михаем, причем солдаты Мальвани весной наверняка начнут дезертировать, а гвергандские торговые старшины тосковать по барышам. Эландцам же, лишенным таянского хлеба и железа, останется вернуться к своему старинному промыслу — морскому разбою.

Спору нет, купцам придется туго, но это заставит их шарахнуться под крылышко нового императора, обходя ставшие опасными морские пути ради охраняемых имперских трактов. Пройдет лет пять, и Эланду как державе конец. Так зачем городить огород и штурмовать прекрасно укрепленный город?

Марциал видел лишь два объяснения, и оба ему не нравились. Или Годой убирал из столицы тех, кто ему так или иначе мешал, сокращая их численность с помощью Рене Арроя, или же это был способ отвлечь всех от какой-то очередной каверзы, на которые тарскиец был великий мастак. Была у Марциала мыслишка, которую он не доверял даже собственной подушке, а именно, пользуясь неприязнью, которую вызывали у арцийцев горцы, а также собственной популярностью в войсках, подготовить почву для военного переворота, и... Бернар не был императором, он довольствовался лишь тем, что правил за своего безвольного тестя, намереваясь после его смерти править и за сына. Марциал Одуа в своих мечтах шел дальше. Однако про проклятого Годоя поговаривали, что тот читает чужие мысли. Было бы крайне неприятно, если б это было так.

Хотя в таком случае куда проще было бы подослать к нему убийцу. В последнее время больше дюжины арцийских аристократов, вопреки здравому смыслу так или иначе задиравших императора, неожиданно скончались. Синяки же разоблачили огромное количество святотатцев, занимающихся запрещенной волшбой. А поскольку Годой оказался настолько щедр, что три пятых имущества разоблаченных колдунов делилось между разоблачителями и стражами, одна пятая шла на помощь сиротам и вдовам, а еще одна отписывалась Церкви (которая, правда, пока эти дары не принимала, и они тщательно фиксировались и складывались в казначействе), то оказаться в дюзе мог практически каждый.

Нет, если бы Годой подозревал Марциала, он бы не дал ему армию, а тихо или громко с ним покончил. Скорее всего тарскиец намерен использовать вице-маршала как пешку в своей игре, пешку, которой сознательно жертвуют. Но тогда... Тогда единственным спасением для него является взять Гверганду до холодов!

Конечно, сделать это непросто, но раз другого выхода нет, он это сделает. Марциал прекрасно представлял, что ему предстоит. Мальвани и Феликс — сильные стратеги, и,

безусловно, они не теряли времени даром. Что до Рене Арроя, то Проклятый его знает, каков он на земле, но о море придется забыть, на воде с эландцами не совладать, значит, придется нападать с суши. Легко сказать, нападать! Гверганда стояла в устье Адены на ее обоих берегах и была основательно укреплена и с моря и с суши. Именно потому, что от маринеров можно было ждать любых каверз, подступы к городу со стороны империи были укреплены в той же степени, как и с эландского берега, ведь эландцам ничего не стоило высадить десант на южном берегу. Стены города были крепкими и высокими, да и пушек там хватало. Взять Гверганду измором было невозможно опять же из-за доступности с моря, а воды в Адене хватит на пол-Арции, а даже если представить, что реку удастся каким-то образом отравить, в городской черте бьют по меньшей мере четыре источника. Нет, осада явно неуместна. Остается штурм.

Однако главное — не взятие Гверганды, хотя это заманчиво, особенно с учетом трех дней на разграбление, а прорыв в Эланд. Для этого нужно всего-навсего перейти Адену. Реку, по которой до порогов запросто поднимаются самые тяжелые корабли. Реку, у которой, Проклятый ее побери, эландский берег много выше арцийского, да еще на нем в излучине маячит холм, который Мальвани наверняка как следует укрепил. Лично он, Марциал, так бы и поступил. Не говоря уж о том, что участок, годящийся для переправы, не столь длинен: выше река теряется в горах, куда соваться даже летом дело почти безнадежное, а для обороны каких-то пяти вес от устья сил у эландцев хватит, тем паче что с высокого берега переправляющиеся будут как на ладони.

Марциал задумался. Что ж, отступать ему некуда, с ходу Гверганду не взять, остается одно. Выказать себя тупоголовым идиотом, пробивающим лбом стену. Для этого ему, конечно, придется положить изрядное количество народу (лучше всего этих горских образин, они только для этого и годятся). Пусть Мальвани и Аррой решат, что имеют дело с придуриком, и ослабят бдительность. Или даже напьются, одержав «крупную» победу. Он же скрытно подготовит средства для переправы и, форсировав Адену у самых гор, выйдет в тыл береговым укреплениям, уничтожит их защитников и переправит основные силы, после чего, наплевав на оставшуюся в тылу Гверганду, форсированным маршем прорвется во Внутренний Эланд, оставив достаточно сильный гарнизон в захваченном форте на вершине холма, если только Мальвани его построил... Должен был построить. Времени вполне хватило, а выхода другого у командора нет!

**2229 год от В.И.
7-й день месяца Дракона.
Эланд. Идакона**

— И ты им веришь?!

— Представьте себя, да, — отрезал Рене Аррой. — Майхуб — враг нам, но не Благодатным землям, и он умен, иначе его бы уже тысячу раз зарезали или отравили. Да и вообще вся воинская наука держится на том, чтобы поставить себя на место противника и просчитать, что он станет делать. Так вот, будь я на месте калифа, я бы поступил точно так же, как и он.

— Книга Книг, однако, советует опасаться суриан,¹¹³ даже дары приносящих, — заметил доселе молчавший Максимилиан.

— Книга Книг молчит и о Белом Олене, и о том Морском Зле, про которое пишет Майхуб. Не думаю, что нам стоит слепо следовать ее советам, по крайней мере до тех пор, пока мы не победим.

Кардинал собрался было возмутиться, но потом махнул рукой и рассмеялся:

¹¹³ Суриане — принятое у Церкви название атэвов, хотя на самом деле материк Сур населяет несколько народов, относящихся к разным расам и стоящих на разных ступенях развития.

— Представляю, что сказал бы Трефилий и иже с ним, окажись они на моем месте.

— Но в том-то и дело, Ваше Высокопреосвященство, — откликнулся Старый Эрик, — что НА ВАШЕМ месте они не оказались бы никогда. Рене, будь добр, прочти нам еще раз письмо, а то я не мастак продираться через всю эту словесную патоку.

— Изволь. «Лев Юга приветствует Волка Севера и шлет ему пожелания всех благ и радостей, коими расцветена земная юдоль.

Дошло до меня, что дей¹¹⁴ Миджед, недостойный сын шакала и гиены, по недомыслию не утопленный при рождении, возмечтал о недоступном и недозволенном и что он, позабыв сказанное сынами мудрости, уподобился напившемуся в жаркий день из скверного источника и унесшему в себе Черную Болезнь. Мор не остановить, если не убить несущего заразу и всех, с кем он пил из одной чаши, ел из одного котла, спал под одной крышей, если не сжечь дом его и не изгнать соседей его. Ставший голосом Творца Баадук Блаженный и Мудрый сказал: «Когда идет Черная Болезнь, прекращайте войны ваши, и торговлю вашу, и любовь вашу, поступитесь и обидами, и барышами, ибо Черная Болезнь голодна, как стая гиен, равно готовых пожрать и льва, и быка, если те не забудут о проходящем и не оборотят клыки и рога против мерзких». Так сказал Великий и Справедливый. И я, недостойный целовать прах из-под копыт его коня, говорю — прекратим вражду нашу, пока не повержен обезумевший Миджед.

И еще скажу то, о чем поведали наши старейшие, ибо Творец в великой мудрости своей сразу высыпал в сотворенный им мир все, что можно высыпать, и не может поэтому быть того, чего однажды не случилось уже под семью небесами. Рассказывают, что если идти от моря много дней и ночей, придешь к свинцовым горам, где обитают стерегущие золото грифы. Никто и никогда не переходил эти горы, но однажды нашелся безумный. Он не боялся смерти и не хотел золота, и звезды покровительствовали ему, и он перешел через горы и оказался в стране зловонных болот и густых лесов, населенных кошмарными тварями, приходящими в грезы курильщиков эреа.¹¹⁵ В центре черных болот стоял храм из красной яшмы, зеленого нефрита и синей бирюзы. Стерegli храм семеро жрецов. Старший был древним старцем, младшего же едва можно было назвать юношей, но были они похожи лицами, как листья одного дерева, и говорили, отрицая очевидное, что суть они единое и берут они от мира все, так как каждый возраст имеет свои радости, которые уходят, дабы им на смену пришли иные.

И многое жрецы говорили своему гостю, но тот слушал лишь то, что хотел слышать, и понимал лишь то, что хотел понять. А хотел он мести, власти и бессмертия. И узнал он, что в храме заточен великий мудрец и чародей, замысливший обмануть свою судьбу и отказавшийся от единожды данной клятвы. И пришелец убил тех, кто принимал его, лечил и учил, и освободил узника, и тот из крови семиликого жреца создал великое проклятье, и то было первое зло, которое он причинил.

И научил освобожденный мудрец своего спасителя, как воззвать к Древнему Злу, побежденному в начале мира, и это было второе зло, которое он причинил. И вскипели моря, и стало гаснуть солнце, и посыпались с небес звезды, как винные ягоды со стола, и восстали древние твари, слизистые и ядовитые, коим должно было исчезнуть задолго до появления человека, дабы не осквернять мир своим присутствием. И первым был пожран призвавший их. Но затем разверзлось небо, и оттуда явились сверкающие воины. Семь сотен лет длилась битва, и мерзостные создания были повержены и уничтожены, а о том, кто из мести и ненависти отпустил их, позабыли. Мудрец же, научивший неразумного смертного, как содеять такое, сумел бежать и укрыться в дальних морях, но до этого совратил одного из

¹¹⁴ Дей — король (атэв.).

¹¹⁵ Эреа — наркотическое средство, добываемое из семян эриалиса, травянистого, пышно цветущего растения, распространенного в горах Сура.

небесных воинов. И задумался тот, зачем ему быть одним из многих, если можно стать единственным. И думал он, что сам дошел до этой мысли, и лелеял он эту мысль, а затем от мысли перешел к делу. И это было третье и самое великое Зло, свершенное освобожденным клятвопреступником.

И смотрел он из своего укывища, и радовался, что все идет так, как он хочет, что сначала он сделал своим орудием человека, затем чудовищ и, наконец, Небесного Воина, которому доставало силы исполнить замысел клятвопреступника. А замысел его был страшен, а Отступник ослеп и оглох и не смотрел на следы ног своих, думая, что сам избрал свою дорогу, в то время как его вели, как ведут осла или верблюда.

Но братья оступившегося распознали угрозу и извергли паршивую овцу из стада своего. И бежал он, теряя силы, на север, где, говорят, укрылся в холодной пещере, оплакивая бывшее величие и лелея мечту о мести.

Великое же Проклятье за века рассыпалось на куски и было во время Второй войны унесено великой водой. И куски эти по сию пору ищут друг друга и ловят души тех, что открыты их голосу. И все они: и Великое Проклятье, и падший Небесный Воин, и колдун-клятвопреступник — ждут своего часа, и все они ищут разное, но несут одно — разрушение и гибель, дабы стать калифами над обломками, подобно змеям, поселяющимся в развалинах, когда оттуда уходят построившие их.

Вот что рассказывают старейшие, и никто пока не опроверг их, равно как и не подтвердил, пока не пошли слухи о делах дея Миджеда, владельца ледяных гор. И еще скажу, что корабельщики наши видели несметные косяки рыбы, что сворачивали с привычных путей и выбрасывались на сушу, но не шли на нерестилище в Серое море, что добытый в этом году у Звездных островов жемчуг был цвета бычьей крови, а альбатросы не свили гнезд. Я велел трем лучшим мореходам выйти в Серое море. Они ушли и не вернулись. Я велел еще троим пройти запретным путем, но те отказались и были казнены. И потому я сказал себе, что близится час Зверя, предсказанный Баадуком, и пора загасить огонь вражды тем, кто встанет против беды.

Я возвращаю тебе всех воинов-северян, которые могут держать саблю. Я посылаю тебе оружие, сработанное оружейниками Красных гор. Я знаю, что на твоих камнях растут великие мореходы и воины, но не хлеб и вино, и я посылаю и то и другое.

Бородой Баадука, подножием Трона Творца и кровью любимого сына клянусь, что мысли мои чисты и рука не держит ножа. Да пребудет мир между нами, пока не обезглавлена змея Прошлого.

Я сказал, а ты выслушал.

Писано в 8-й день Третьего месяца 985 года¹¹⁶».

Печать Майхуб приложил свою тайную. Лев, рассекающий мечом леопарда.

— Похоже, ты уже решил, — поднялся с места Эрик, — разубеждать тебя бесполезно, хотя лично я этому шелковому убийце не верю.

— То, о чем он пишет, глупые, цветистые сказки, — пожал плечами Максимилиан, — за кого нас принимает этот атэв?

— За людей, способных видеть дальше собственного носа, — взорвался герцог. — Вы, Ваше Высокопреосвященство, годами читаете себе и другим сказки ничуть не лучше этих, а ты, Эрик, уж прости меня, вообще не признаешь того, чего не видел лично... Думаю, те, кто не был в Башне Альбатроса, тоже не поверят, что три десятка вооруженных маринеров ничего не могли поделать с тарскийским колдуном...

— Я не о том, — с досадой махнул рукой старик, — а об этом проклятом атэве. Налюбовался я на них...

¹¹⁶ В Эр-Атэве принято летосчисление от прихода пророка Баадука к калифу Яффе и обращения последнего к новой вере.

— Так ведь и они, — улыбнулся одними глазами Рене, — на таких, как ты, налюбовались. Вижу, все остаются при своем, жаль...

Кардинал Максимилиан что-то хотел сказать, но передумал, и они с Эриком с достоинством вышли.

— Шани, ты тоже считаешь, что Майхуб лжет? Ты как-то странно отмалчивался.

Граф Гардани поднял темную бровь:

— Сказано же, что лучше не спорить с клириками и стариками, хотя эти еще из лучших. Заметь, они живут как кошка с собакой. Эрик не любит Церковь, а Максимилиана раздражают ваши, как он выражается, суеверия. Но ради Майхуба они отложили свои распри... Почему бы вам с калифом не последовать их примеру, ведь речь идет о гораздо большем? Но ты, по-моему, понял атэва лучше, чем все мы.

— В послании атэвского владыки, — сообщил незамедлительно обнаруживший свое присутствие Жан-Флорентин, — безусловно, присутствуют весьма интересные места. К сожалению, мы очень плохо знаем историю Сура, а там, без сомнения, имели место примечательные события.

— Я не так уж хорошо знаю этот народ, хотя мне приходилось бывать и там, — Рене задумчиво потер лоб, — но южных легенд я наслушался достаточно, и вот что я вам скажу. В половине атэвских легенд героя несправедливо изгоняют, он бежит за Свинцовые горы и встречает самых разных тварей, которые помогают ему отомстить. Храмы из нефрита в их сказках тоже сплошь и рядом присутствуют, равно как и триединые и семиединые жрецы... Видно, до Баадука там молились чему-то подобному и до конца не забыли, как мы не забыли Великих Братьев. Так что зачин, я думаю, можно отбросить.

— И что у нас тогда остается, — вздохнул Шани, — мудрец-клятвоотступник и три Зла, им причиненных... У меня мелькнула было какая-то мысль, но потом все опять запуталось.

— Надо отбросить невозможное, — посоветовал философский жаб, — и тогда у нас останется истина, какой бы невероятной она ни казалась. Главное, найти точку отсчета, с которой мы начнем строить систему наших доказательств.

— Уймись, Жан, — вздохнул Рене, — лично мне из всей этой шелухи в глаза бросилось то, что в Сером море творится неладное. Я заходил дальше атэвских мореходов, — Рене дерзко взглянул в глаза Гардани, — и готов поклясться, что там действительно не все чисто.

— Так вот где поседел Счастливчик Рене...

— Именно. Я не люблю вспоминать тот поход. Все, кроме меня, погибли, я спасся чудом. Кто или что не пускает корабли дальше некоей черты, ни я, ни кто другой не знает. Может быть, там и вправду засел этот самый клятвопреступник, совративший одного из богов.

— Это вполне вероятно, — встрял жаб, — так как грань, отделяющая богов от прочих мыслящих и чувствующих созданий, отнюдь не столь непреодолима, как внушают религиозные догматы. Если потенциально мы, — жаб поднял лапу, — равны богам, то и боги потенциально обладают теми же слабостями, что и мы.

— Ты полагаешь, — Шандер выглядел несколько обескураженным, — что под «Небесными воителями» Майхуб подразумевает тех, кого раньше называли богами?

— Майхуб — последователь Баадука, — кивнул Рене, — а они, как и наши клирики, почитают единого Творца, а все остальные силы числят или в его слугах, или во врагах. Взбунтовавшийся и поверженный своими собратьями древний бог, то ли заточенный в северных горах, то ли туда сбежавший, — разве тебе это ни о чем не напоминает?

— Ройгу?!

— Разумеется, так как он обладает всеми теми признаками, на которых основывается описание, — подтвердил жаб, хотя его никто не спрашивал.

— И Ройгу как-то связан с тем, что находится в Сером море, — медленно проговорил Рене Аррой. — А это значит, что если даже мы справимся с Михаем Годоем, опасность никуда не исчезнет. Майхуб это понимает, вот почему он протягивает нам руку. Если мы

выживем, нужно будет разузнать, что же там творится...

— Разузнавать, разумеется, будешь ты, — вздохнул Шандер.

— Вряд ли кто-то еще сможет это сделать, — махнул рукой Рене, — но не оставлять же нам корни зла... Один раз такое уже сделали. Причем недоглядели боги, а расхлебываем мы...

— Задачи нужно решать последовательно, — жаб явно был недоволен, — экспедиция в Серое море может состояться лишь после победы над Ройгу. К тому же ты еще не решил, что делать с письмом калифа.

— Отчего ж не решил, — Рене Аррой улыбнулся, — я принимаю его помощь. Я напишу Майхубу, а Иоганн отвезет мое письмо и... Пожалуй, нужно ему вернуть кое-какие драгоценности. Негоже уступать атэвам в щедрости!

2229 год от В.И.

7-й день месяца Дракона.

Фронтера. Ласковая пуща

— Этот подвиг ставит графа Шандера в один ряд с величайшими героями, — Луи Арцийский возбужденно стиснул руку Лупе, — но мы отомстим за всех. И за Гардани, и за Стефана, и за эту девушку. Клянусь тебе, пока я жив, я не опущу оружия!

Лупе ласково и печально смотрела на принца. Как же он молод и искренен. Убить Годоя... Вряд ли это под силу кому-нибудь, кроме Рене, но, даже если они победят, мертвые останутся мертвыми. Леопина вспомнила последнюю встречу с Шандером. Он стал для нее всем, а она, она даже не почувствовала, когда граф умирал. Арциец был похож на Шани. Тот, наверное, был таким, когда влюбился в свою Ванду, — молодым, отважным, свято уверенным, что все в конце концов будет хорошо.

Интересно, поняли бы они друг друга, если бы встретились раньше? Вряд ли... Ее в юности привлекал внешний блеск и красивые слова, а Шани, Шани искал нежное и незащитное создание, напрочь лишенное кокетства. Потери и разочарования сделали их другими, и эти другие поняли и приняли друг друга. Лупе не сомневалась, что с Шандером она обрела бы счастье, но он ушел и не вернулся. У него нет даже могилы, а теперь судьба свела ее с этим юношей, который вполне мог быть младшим братом Шани Гардани. Они так похожи, только глаза у Шани темно-карие, почти черные, а у Луи темно-синие, как вечернее небо.

— Почему вы молчите, дана Лупе?

— Простите, задумалась... Вы так похожи на Шандера Гардани... Это странно.

— Чего же тут странного, — Луи бережно отвел с пути женщины тонкую ветку, усыпанную розоватыми цветами, — моя бабушка по матери, урожденная графиня Шаготи, родная сестра матери Шандера Гардани. Дядька Шарль... — голос принца предательски дрогнул, — он заставил меня выучить всю мою родословную. Я не понимал зачем, а он опять оказался прав...

— Значит, Гардани ваши родичи?

— И я горжусь этим! Дана Леопина... Я должен это сказать... Я понимаю, у меня нет никакой надежды... Вы знали таких рыцарей, как Рене Аррой, Роман Ясный, Шандер Гардани, а я что... Принц без королевства, я мало знаю и еще меньше умею... Я бы вам ничего не сказал, но вечером нам опять идти в бой... Я... Я люблю вас!

Лупе молча повернулась и пошла назад. Что она могла ему ответить? Он так походил на Шани и был так молод... Луи не виноват, что жив, когда Шандер Гардани погиб, и погиб страшно, но маленькая колдунья не хотела ни видеть просящие глаза арцийского принца, ни слышать то, что он говорил...

2229 год от В.И.

7-й день месяца Дракона.

Эланд. Идакона

— Что с тобой? — Герику встревоженно смотрела на Шандера.

— Так, ерунда, — Шани виновато улыбнулся, — что-то сердце зашло. Никогда такого не было... Устал, наверное...

— Слава Творцу и Церкви, — тарскийка возвела очи горе, пародируя святую Цялу, — неужели ты наконец догадался, что устал? Иди и немедленно ложись, за несколько ор мир не рухнет, тем паче герцог с командором на ногах, приглядыт, если что...

— Хорошо, сейчас...

— Никаких «сейчас», — Герику засмеялась, — ляжешь здесь, у меня, а то твой Сташко тебя живо из-за какой-нибудь ерунды через полторы оры разбудит... Я не шучу. Попробуй только выйти...

Гардани не протестовал, он действительно не спал три ночи, мотаясь вдоль Зимней гряды. Недоступность недоступностью, но проверить не мешало. Для почтенных купцов обрыв был и правду непреодолим, но для шпионов... Выросший в горах Шани умел лазать по скалам не хуже тарскийцев и немногим уступая, если уступая, гоблинам, и нашел-таки четыре места, где лично он вполне мог пробраться на побережье. Теперь у каждого спуска караулило по десятку людей Феликса, обладавших упорством кошки над мышинной норой. Шани же, пользуясь случаем, заскочил в Идакону навестить Герику. С тарскийкой он мог быть откровенным, и она платила ему тем же. И еще с ней был Преданный, к которому любивший до самоотречения Стефана граф испытывал какую-то щемящую нежность. Дикий кот платил ему взаимностью.

Герику с улыбкой посмотрела на Гардани, уснувшего, лишь только его голова коснулась подушки. Пусть спит, она не позволит его разбудить раньше вечера, хотя бы начинался конец света. Сама Герику устроилась в кресле со старинным фолиантом. В последнее время женщина пристрастилась к чтению, выискивая из хранящихся в замке книг самые старые. Чем непонятнее и расплывчатее был смысл, тем с большим вниманием дочь Михая вчитывалась в выцветшие строчки. Она сама не знала, что ищет, но искала.

Эстель Оскора

Я с трудом разбираю полустершиеся чернила, хорошо хоть почерк у Эты Идаконской был четким и разборчивым, несмотря на присущие ее времени завитушки. Мне нравилась эта женщина, жившая и любившая еще до Анхеля Светлого, к тому же обладавшая несомненным даром слова. И все равно я не могла понять, как можно доверить свое сердце пергаменту, тем паче зачарованному специальным образом, такой пролежит и тысячу лет, и больше, храня на себе следы боли и радости давным-давно ушедших. Эта была горда, умна, скрытна, и все же она записала историю собственной жизни, озаботившись о том, чтобы с записями ничего не случилось... Почему? Я прочла рукопись от начала до конца, подумала и принялась читать снова, обращая на сей раз внимание на всяческие мелочи. В конце концов, Эта была прапрапрабабкой Рене, а предавший ее возлюбленный, судя по всему, приходился пращуром не только адмиралу, но и мне...

Я еще раз внимательно прочла про детство в маленьком горном княжестве, приезд Стефана Старого, поездку в Гелань, описание тогдашнего Высокого Замка и пресловутого турнира, на котором Эта встретила Риберто... И тут меня как обухом по голове ударило!

На дочери таянского короля были рубины! Те самые рубины, которые я отдала Ланке и которые считались фамильными драгоценностями тарских господарей! Все сходится! Тарску Стефан Старый отдал в приданое за своей дочерью, возжелавшей Риберто, от них и пошли Годои, я — последняя из рода, начавшегося так мерзко! Но до этого-то моя прародительница была просватана за тогдашнего владыку Эланда, который привез ей в подарок найденные где-то за Запретной чертой красивые красные камни! Камни, которые и моя мать, и я прямо-таки ненавидели, а бедная Марита шархнулась от них, как от змеи...

Да, я почти не помнила того, что чувствовала полтора года назад в Высоком Замке, но зато события крепко держались в моей голове. Ланка резко изменилась после того, как я отдала ей эти чертовы камни, да и Циала, предавшая Эрасти, с ними не расставалась... Ох, лучше бы Рикаред Идаконский оставил эти рубины там, где нашел...

**2229 год от В.И.
Утро 10-го дня месяца Дракона.
Олений Замок**

Ланка с отвращением смотрела на лежащие на замызганном платке драгоценности. Дивные камни казались отвратительными кусками мяса... Женщина не понимала, как она могла ради них пойти на предательства и убийства. А то, что она предательница, Ланка понимала совершенно отчетливо. Из-за красивых камешков принцесса осталась в Замке, сделав ненужной жертву Шани, спуталась с господином Бо, и не ее заслуга, что Рене вырвался из захлопнутой ими ловушки. И это не говоря о замужестве с Годоем и о том, ЧТО с ее ведома сотворили с Маритой и другими! Но и этого было мало, она, верно, обезумела, когда приказала перебить циалианское посольство и вернуть камни.

Все прошло на удивление гладко — эскорт был застигнут врасплох и вырезан до последнего человека. Трупы побросали в старые каменоломни, где их никто и никогда не найдет, а если найдет, то какое к этому отношение имеет жена регента, ах, простите, императора?! Во Фронтере случались дела и похуже. Илана совершенно точно знала, что там пропало шесть тайных отрядов, посланных бледными, да и гонцы из Мунта в Гелань пропадали один через двух, а незадолго до происшествия с циалианцами как сквозь землю провалился хорошо охраняемый обоз с арцийскими пушками, которые предполагалось установить на стенах Гелани.

Не то чтобы на столицу Таяны кто-то посягал, да и покойный король, не жалевший денег на оборону, укрепил город преизрядно. Просто Годой хотел показать, что он, хоть и обретаётся ныне в Мунте, не забывает и о других своих землях. Как бы то ни было, пушки исчезли вместе с сопровождением... Это и натолкнуло Илану на безумную затею.

Взбешенная до глубины души самоуправством мужа, посмевающим без ее ведома подарить Ордену святой Равноапостольной Циалы ее драгоценности, женщина не колебалась. Рубины она вернет, а циалианки... Что ж, если сестры посягнули на то, что им не принадлежит, тем хуже для них. Возжелай святая оставить камни своим последовательницам, она бы не отсылала их на родину. Если бы не старая Катриона, убедившая ее на время отдать рубины Тиберию! Последнее время принцесса чувствовала себя неплохо, боль и тошнота были забыты, и отказ от чудесных украшений казался суеверной глупостью. Не выстави епископ ларчик в храме, камни можно было бы спрятать, сказав, что они потеряны, а по ночам, когда никто не видит, надевать их перед старым большим зеркалом или просто касаться пальцами...

Илана не могла себе отказать в последнем удовольствии и, прежде чем передать ларец красивой чернобровой женщине в белом покрывале, провела рукой по рубинам. Ее пальцы почувствовали тепло, а в голове прозвучало: «Не отдавай нас. Мы твои. Мы единое целое...» Илана потеряла голову. Два дня она еще как-то боролась с собой, а на третий братья Цокаи поскакали в погоню за увозившими реликвию. Исполнив порученное, братья должны были до поры до времени укрыть добычу в Оленьем Замке, а сами удариться в долгий загул где-нибудь на тарскийской дороге.

Ланка знала, что посланцы вернутся не раньше, чем через месяц, но места себе не находила. Редкая возлюбленная ожидала возвращения своего рыцаря с таким нетерпением, как Анна-Илана свои камни. Она считала дни, простаивая часами на стенах. Иногда чувство утраты превращалось в почти физическую боль, принцессе казалось, что ее руки, шея, голова охвачены огнем. Женщину бросало то в жар, то в холод, руки дрожали, затем на тех местах, которые некогда соприкасались с рубинами, проступили уродливые пятна, словно от чьих-то

пальцев. По ночам она проваливалась в какой-то полубред, когда перед глазами вспыхивали алые искры, она тянулась к ним и не могла дотянуться. Или еще хуже — красные камни оказывались глазами отвратительных змей или еще пульсирующими сердцами, вырванными из кошачьих тел. Принцесса в ужасе вскакивала, подносила к глазам опухшие, трясущиеся руки...

Ни настойки старой няньки, ни тинктуры медикусов ей не помогали, да и не могли помочь. И Катриона, и Симон с Шамой первопричиной всего считали беременность. О камнях они не знали и не должны были знать, иначе вина Иланы стала бы слишком явной. Принцесса терпела, с отвращением глотая дурацкие настойки, с каждым днем ей становилось все хуже. Так прошло три кварты. Наконец старая нянька, осенив себя Знаком, на ночь глядя куда-то отправилась с мрачным решительным лицом. Вернулась она на следующий день, и измученная Илана даже не спросила, где же та была.

...В эту ночь принцесса спала как убитая. Ей ничего не снилось, а когда она разлепила ресницы, первое, что почувствовала, был запах шиповника. Женщина и не заметила, что у изголовья поставили кувшин с тремя благоухающими ветками. Вообще-то Илана была к цветам равнодушна, а если и обращала внимание, то на пышные пионы или розы. На эти же цветущие веточки она смотрела так, словно видела подобное впервые в жизни. Илана просидела возле них целый день. Следующая ночь прошла спокойно. Руки больше не дрожали, голова не кружилась, синяки потихонечку сходили, и принцесса пребывала в блаженном состоянии выздоравливающей.

Разумеется, она не слышала, как Катриона делилась на кухне с толстухой Нэнной, которая, хоть и не одобряла принцессу в последний год, к ее старой няньке испытывала многолетнюю привязанность. Повариха восхищенно качала головой, слушая, как эландка, взяв на душу грех, потащилась ночью на кладбище. Ведь всем известно, если всяческие злыдни одолевают беременную, нет лучшего средства их отвадить, чем сломать в полночь на ущербной луне три ветки с могилы покончившей с собой девушки и поставить в изголовье болящей.

Катриону вернули в Высокий Замок в конце зимы, и она не знала ни о погибшей Марите, ни о расцветшем под зиму кусте, с которого нянька Иланы по воле судьбы и срезала ветки. Слуги могли бы рассказать ей и об этом, и о многом другом, но не делали этого. В Высоком Замке научились молчать. А Илана выздоравливала на глазах. Сначала она просто наслаждалась отсутствием боли, но затем к ней пришли мысли, с успехом заменившие ночные кошмары. Возвращаясь памятью к дням, последовавшим за смертью Стефана, принцесса не понимала, как она могла так думать, действовать, говорить... Она не забыла ничего, и она ничего не понимала. Наверное, она с ума сошла от ревности — в старинных балладах говорилось, к каким безумствам и предательствам вело это чувство. И все равно, как она могла бросить на произвол судьбы Шани?! Как она могла погубить Мариту?!

Дочку эркарда Ланка вспоминала особенно часто. То на балу с белыми цветами в смоляных волосах, то на свадьбе Герики, то в спальне Михая... Почему она, пользуясь случаем, тут же не прирезала, нет, не несчастную девочку, а мерзавца Годоя? Почему не отправила Мариту в Эланд?! Странно, а ведь молоденькая свояченица Шани в ужасе шарахнулась от рубинов, которые ей предложила Герики. Да и сама тарскийка относилась к ним с ранее непонятным Илане отвращением. Зато теперь... Ее сигуранты не оплошали. Камни они привезли, но радости, облегчения, ликования не было. Напротив! Теперь принцесса понимала, что в этих сгустках вечной крови отталкивало Мариту и Герику. Холод, жестокость и равнодушие, равное самой Смерти, — вот чем на самом деле были рубины Циалы! Уж лучше бы они достались сестрам ордена, пусть бы те надели их на каменное изваяние святой, а она, Илана, никогда больше не коснется этой мерзости. Но дело сделано, кровь пролита... Кости циалианок упокоились в приграничной каменоломне, а их убийцы ждут награды. Принцесса вздохнула. Может, отдать рубины им? Но нет. Такое не продашь. Камни узнают, ниточка потянется к ней, и уже не безвестные фронтерские разбойники ответят за ее преступление, а она будет обвинена во всем, содеянном ими. Нет, с наймитами

следует расплатиться золотом. Жаль, она не может заставить их исчезнуть... Она с таким трудом тайно наскребла в Гелани полторы сотни мерзавцев, не боявшихся ни бледных, ни Творца. Это ее единственный козырь, хотя до конца можно доверять лишь Катрионе.

Принцесса решительно набросила на камни узорчатое атэвское покрывало. Ей показалось, что рубины обжигают даже сквозь плотную ткань. Куда же их все-таки девать? Оставлять в Оленьем Замке нельзя. Те же самые братцы Цокаи могут за ними вернуться или проболтаться. Придется, как это ни мерзко, тащить их в Высокий Замок.

Пожалуй, самое подходящее место — старый замковый иглечий, куда она частенько уходит якобы молиться. Там, за Небесным Порталом, в ковчежце, где лежала реликвия какого-то святого — косточка и пара бусин, — может поместиться и не такое. Конечно, проще было бы скрыть рубины в тайной комнате таянских королев, но Илана не хотела лишиться своего единственного убежища, зная, что вряд ли сможет переступить по доброй воле порог, где хранятся кровавые камни. А может, лучше выкинуть их по дороге в Гелань? Нельзя, заметят. В Рысьву тоже не бросишь, их может вынести на берег, а это значит, что следы убийц опять-таки ведут в Гелань! Нет, лучше в иглечии, ведь ковчежец никто не посмеет открыть.

Нужно было возвращаться, но Илана никак не могла себя заставить взять проклятые камни, из-за которых вся ее жизнь пошла вразнос. И надо же было до такого додуматься. Приказать Золтану и Имре спрятать рубины в той самой Морской Гостиной, где она встретила с господином Бо и где Рене уложил две дюжины сигурантов... Теперь в заново отделанной комнате ничего не напоминало о происшедшем. Собственно говоря, план Иланы и строился на том, что она поручила братцам проследить за ремонтом замка, а сама приехала якобы проверить, как идет работа. Сидя в обтянутой абрикосовым атэвским шелком комнате, Илана видела не богатые ковры, а залитый кровью мозаичный пол, трупы сигурантов Годоя и седого воина в красном, отражающего удар за ударом... Как она могла бросить его здесь?! Воистину, если святая Циала захочет наказать, она отберет разум и затемнит душу. Как просто совершить глупость и как дорого за нее приходится платить!

Анна-Илана решительно сунула сверток за пазуху, от отвращения ее передернуло — уж лучше бы это была змея или жаба! Всю дорогу до Высокого Замка она ощущала у груди попеременно то жар, то холод, однако желание немедленно вытряхнуть оскверненные украшения, как стряхивают пауков или пьявок, постепенно угасало. Она как-то забыла о них, тем паче что поджидавший супругу регента у входа в Замок господин Улло заговорил с ней об Эланде. Бледный напомнил принцессе, что многие таянцы до сих пор испытывают родственные чувства к бывшему союзнику и что управлять государством, зная, что в нем полно недоброжелателей, весьма трудно.

Ланка внутренне напряглась, полагая, что ей предложат утвердить список осужденных на смертную казнь или поставить подпись под очередным указом, направленным против недовольных. В ее сегодняшнем настроении Илана просто не могла бы это сделать. Чувство раскаяния и ненависти к себе толкали на отчаянный бунт, и только нерожденный еще ребенок удерживал таянку от непоправимого. Хотя, возможно, так было бы лучше? Зачем Михаю наследник?! Ну нет, она будет бороться до конца. Ребенок изначально не виновен, да и сам Годой... Не доставит она ему такой радости! Анна-Илана выросла при дворе и умела понимать намеки.

Циалианки вольно или невольно дали понять, что, став арцийским императором, Годой захотел упрочить свое положение посредством удачного брака. Недаром он не выпускает жену из Гелани, недаром пожертвовал ее любимыми драгоценностями. Ему нужна арцийка, дабы его перестали воспринимать как чужака? Не выйдет! Она будет бороться. Но что от нее хотят на сей раз? Как бы то ни было, смертных приговоров она не утвердит. Но этого и не требовалось. Напротив, дан Улло намеревался очистить Таяну иным способом. Все недовольные могли, разумеется, заплатив соответствующую виру, уйти в Эланд. Крепость Варха ждет беженцев, эландцы готовы принять их и предоставить им земли в Чернолесье.

Илана не поняла, как Рене удалось добиться такого. Возможно, увлекшись арцийскими

играми, Годой больше не хочет войны на севере? В самом деле, зачем ему угроза с моря? Но если это перемирие... Илана просияла глазами и поставила свою подпись на желтоватом пергаменте. Господин Улло поклонился и вышел, а принцесса торопливо поднялась в иглечий и освободилась от своей тайной ноши, на сей раз не испытывая ни наслаждения, ни отвращения.

Ночью разразилась сильная буря. Дождь ломился в окно, сплошные потоки воды стекали по высоким крышам, обрывая водосточные трубы. Улицы превратились в стремительные горные реки, а площади — в озера. Глядя на ненастье, Анна-Илана Таянская улыбалась. Она не хотела крови, пусть всем будет хорошо. Уснула принцесса поздно, а когда проснулась, первое, что она увидела, были розы. Кто-то из придворных приказал вынести кувшин с увядшим шиповником и принести корзину роскошных темно-алых цветов. Принцесса залюбовалась прихотливой игрой света на бархатных лепестках, на которых еще сверкали капли воды. Это так напоминало ее рубины... Нет. Она больше не будет носить замаранные преступлениями камни, она только посмотрит... А если и наденет, то только один раз. В конце концов, Михай не имел никаких прав отдавать ее драгоценности циалянкам, ведь сама Циала решила их оставить в семье. И разве может красота быть злом? Разве могут быть злом розы? Или загадочные камни, в которых горит негасимый алый огонь?!

Не в силах справиться с собой, Илана сразу же после церемонии одевания скользнула в иглечий и откинула крышку ковчежца. Рубины исчезли.

Ночная Обитель

— Ты эльф из клана Серебряной Луны, — голос воина с Волком был слегка хрипловатым, — долго же ты шел.

— Я Рамиэрль, сын Астена из Дома Розы клана Лебеда, — начало разговора было странным, но Роман решил говорить только правду, хоть и не обязательно всю.

— Вот как? — удивился незнакомец. — Значит, Адена была права... Что ж, законы для того и устанавливаются, чтобы их кто-то нарушал. Приветствую тебя, Рамиэрль сын Астена. Возможно, то, что ты из клана Лебеда, и к лучшему, хотя я готов поклясться, что в тебе течет кровь Лунного короля. Ты, вероятно, хочешь знать, кто я, — воин улыбнулся, но в улыбке мелькнула горечь, — некогда я был одним из тех, кто на острие меча ворвался в чужой мир и привел с собой вас, эльфов...

Роман оцепенел. Он ожидал чего угодно, но не встречи с одним из Светозарных, покинувших Тарру задолго до его рождения. К тому же его собеседник не соответствовал представлению Романа о божественной силе. Эльф стоял совсем рядом, но не чувствовал ауры мощи, которая должна окружать высшее существо. Перед ним был странник и воин, такой же, как он сам, возможно, более искушенный в воинском ремесле и успевший повидать то, чего Рамиэрль-разведчик еще не видел, но никак не один из бывших хозяев Тарры, сокрушивших и уничтоживших прежних богов. И вместе с тем Роман знал, что незнакомец говорит правду. В конце концов, боги, являясь слабейшим, могли скрывать свою силу, чтобы не раздавить тех. С трудом сглотнув застывший в горле ком, эльф дерзко сверкнул синими глазами.

— Как я должен называть тебя?

— Можешь звать меня Ангес... Я привык к этому имени, хотя и не имею теперь на него прав... Ты воспользовался Ключом, который истинный Ангес оставил Ларэну Лунному, на которого ты похож, как сын походит на отца. Это он прислал тебя?

— Я пришел сам, Ангес. Я не знал, куда и к кому иду, но я искал ответы на многие вопросы и помощь.

— Вот как. — Воин нахмурился. — Значит, в Тарру пришла беда? Мы боялись этого...

— «Мы?!» Вы бросили наш мир на произвол судьбы, истребив тех, кто создал и защищал его...

Собеседник Романа стиснул челюсти, но сдержался. Во всяком случае, святотатца, посмевшего обвинить богов, молния не поразила.

— Я не знаю, что произошло в Тарре, — в синих глазах Ангеса блеснула ярость, но Роман готов был поклясться, что направлена она не против него, — но и ты, потомок Ларэна, не знаешь многого. Я и моя сестра не можем помочь вам действием, но на некоторые из твоих вопросов у меня найдется ответ. Садись. Зимняя ночь длинна, длинен и наш разговор. Обещаю — ты пробудешь здесь столько, сколько нужно, и ни мгновением дольше.

Ангес откуда-то извлек серый волчий плащ, бросил на торчащий из снега плоский камень и сел, кивком указав Роману место рядом с собой. Волк улегся рядом с хозяином, ткнувшись седой башкой тому в колени. Светозарный задумчиво перебирал длинными сильными пальцами серебристую шкуру зверя, словно бы сошедшего с сигны эландского герцога.

— Я люблю зиму, но немного тепла нам не помешает. — Воин слегка приподнял изломанную бровь, и на камне заплесал настоящий живой огонь — рыжая горячая звезда в сине-зеленом морозном мире. Роман, уже ничему не удивляясь, смотрел на взявшийся ниоткуда вертел, унизанный кусками парной оленины, и кувшины с вином. Эльф, не став чиниться, принялся за угощение. Ангес все еще молчал, глядя в огонь, Рамизрль его не торопил, приводя в порядок разбежавшиеся мысли. Эта встреча, без сомнения, должна стать поворотом. Он должен убедить Ангеса, даже если тот потерял большую часть своей прежней силы, вернуться и бросить вызов Ройгу, так как только бог может обуздать другого бога. Наконец воин заговорил:

— Что ты хочешь знать?

— Все. И ничего. Неважно, почему вы ушли, если вы вернетесь и спасете Тарру.

Ангес покачал головой:

— Тарру может спасти только сама Тарра. Я не могу вернуться. Не хочу, а именно не могу.

Роман не ответил, только синие глаза неотрывно смотрели в лицо богу. И тот выдержал взгляд.

— Мы не можем вернуться, — повторил Ангес, — Светозарные отреклись от Тарры, а отречение обратного хода не имеет. Насколько мне помнится, во всех мирах владыки старались подражать богам, так что ты должен знать: отречься от данной свыше власти можно лишь раз. По праву силы власть берется столько раз, сколько удастся, но по праву божественному она дается единожды. Смертные, правда, часто выдают первое за второе. Мы же такой возможности лишены.

— Значит?

— Значит, Тарра для нас закрыта.

— Но я же прошел к тебе, а я не бог.

— Да, ты не бог... Ты прошел сюда и сможешь вернуться. Слушай меня, эльф. Слушай внимательно. Тот, кто побывал здесь до тебя, уверен, что от того, как обладатель Ключа поймет сказанное, зависит не только судьба твоего мира, но и куда большее.

Нас было семеро — пятеро братьев и две сестры. Мы завладели этим миром по праву Света, победив тех, кто владел им по праву создателей. Затем Свет призвал нас к себе, и мы покинули Тарру. У тебя слишком мало времени, чтобы я объяснил тебе причину этого. Важно другое. Пятеро из нас не спорили с решением Светлого Престола, но я и моя сестра не захотели уходить. Я счел это трусостью, она — предательством.

— И все же вы ушли...

— Схватка богов оставляет за собой лишь руины. Я хотел и мог драться, но Адена, покровительница клана Лебеда, клана, в котором ты вырос, удержала меня. Наша война уничтожила бы Тарру, тогда как отсутствие богов не грозило ей немедленной гибелью. Мы с сестрой подчинились обстоятельствам, но, уходя, постарались защитить оставляемый нами мир. Твое кольцо — один из двух талисманов-Ключей, отданных нами в руки правителей приближенных к нам эльфийских кланов. Черный камень я нашел в стороне от троп, по

которым ходили мои братья и сестры, нашел там, где некогда шла война, в которой победил Свет, но моя находка принадлежит другой силе. Я всегда был немного безумцем, и я принес камень сюда, не зная всех его свойств. Принес просто потому, что мне он понравился, и потому, что мне хотелось иметь свою тайну. Я представлял себе лица своих собратьев, узнай они о моем поступке, и смеялся. Затем я сотворил кольцо-Ключ, открывавший своему хозяину врата в мою обитель. Врата Воина, так их называли когда-то...

Мне нравилось дразнить Престол Света, и, клянусь Волком, мои игры не несли опасности для Тарры. Перед исходом я отдал Ключ Ларэну Лунному. Был свой Ключ и у Адены, она вручила его владычице Лебедей Залиэли. Мы хотели, чтобы эльфы хранили Тарру, пока сама земля не породит тех, кто способен принять на себя этот груз.

— Но...

— Спрашивать будешь потом, слушай дальше. Я воин и никогда не был слишком прозорлив, но ко мне пришел Некто, познавший больше других. И он открыл мне один из вечных законов — любой мир рано или поздно порождает тех хранителей и защитников, которые нужны именно ему, и дает им силу. В страшных муках, в крови, в отчаянье, но не это самое страшное, так как среди множества душ всегда найдутся те немногие, кто пойдет до конца. Хуже всего то, что никому не ведомо, когда придет беда. Может случиться, оставленный без высшей защиты мир не успеет выковать оружие для своих защитников, и тогда любая жертва окажется напрасной.

Мой клан — клан Луны — и клан Адены должны были хранить Тарру, пока не поднимутся те, кто сможет занять место ушедших богов. Затем наши посланцы были вольны уйти за нами или же остаться, если хранимая земля станет для них родной.

Я говорил уже, что нас было семеро и у каждого имелось излюбленное место, куда мы нисходили из Светозарного и где беседовали с эльфийскими владыками и повелителями и пастырями смертных. Каждый из нас создал себе ту обитель, которая более всего отвечала его сути. Я был Богом Войны и холодного железа, и я создал себе это убежище, откуда открывались пути в Светозарное к Престолу Сил и в земли людей и эльфов.

Так уж вышло, что доступный обитателям Тарры вход в мою Обитель оказался рядом с Древними Путиами, ведомыми лишь ее создателям. Это место почитали священным и гоблины, народ, избранный Первыми богами этого мира. Сначала я хотел уничтожить гоблинов, но мне было запрещено; потом я увидел в этом знак судьбы — то, что сделали бы для Тарры ее создатели, будь они живы, теперь должен сделать я. Я открылся Ларэну, и тот поклялся, что исполнит мою волю.

Лунный король больше всех эльфийских вождей любил Тарру, он и так сделал бы для нее все. Ларэн убедил глав Домов своего клана остаться. Я отдал ему кольцо, открывающее дорогу в мою обитель. Теперь Ларэн, выполнив свою миссию, мог увести Лунных этим путем. Я услышал бы это и вернулся за ними. Таким образом я не нарушал закон, запрещавший мне ступать на землю Тарры, но не оставлял ее без защиты. Мне казалось, я сумел обойти запреты, но теперь я знаю, что все пошло не так с самого начала, словно все наши планы разбились о чью-то недобрую волю. А может, так оно и было... Наша вина, что, захватив Тарру, мы сочли ниже своего достоинства узнать все о ее прошлом, познать природу действующих в ней сил, а потом стало слишком поздно. Есть проснувшееся ныне древнее Зло, о котором говорится в вашем Пророчестве. Но кто знает, вдруг существует нечто иное, до поры остающееся в тени, но влияющее на происходящее. Даже знающий не может предусмотреть все!

— Знающий?

— Возможно, ты когда-нибудь увидишь его, но я все же не очень бы рассчитывал на его вмешательство. Мне осталось досказать немного. То ли братья узнали о моем замысле, то ли они выполняли приказ Света, а возможно, в дело вмешались силы, которые не дано постичь никому, но когда мы уходили, ударило Великое Заклятье Света, разрушившее созданные нами дороги в Тарру и запечатавшее ее мир Великой Печатью, снять которую под силу лишь всем Светозарным. Я едва успел оставить в своей обители свой образ.

— Значит...

— Значит, ты сейчас говоришь с отражением того, кем я был в миг Исхода.

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Собаки.
Белый Мост**

Беды ничто не предвещало, хотя, правду сказать, ее редко что предвещает. Это потом задним числом уцелевшие вспоминают, как снились змеи, выли собаки и что-то скреблось под полом. Может быть, Расскажи Красотка Гвенда о том, что случилось на тракте, кто-то и сообразил бы, что к чему, а всего вернее, что нет. Белого Моста случившееся никак не касалось. Ну, убил кто-то кого-то, что-то отобрал, а трупы побросал в болото... Мало ли что эти таянцы вытворяют, не вешаться же.

...Село окружили ближе к вечеру, и это были не рядовые синяки с телегами и десятком-другим толстомордых стражников. В Белый Мост пожаловали гости куда более высокого ранга. Мунтских и геланских фискалов сопровождало не меньше трех сотен воинов с самыми что ни на есть погаными рожами.

Расположившись в парадной Гвендиной горнице, незваные гости сразу потребовали к себе войта и клирика и продержали их оры две, расспрашивая о каком-то дорожном злодействе, про которое те и знать не знали. Гвенда, разумеется, все слышала — на чердаке у нее не только сушились различные травы и грибы. Достаточно было поднять одну из досок, стать на колени и приложить ухо к полу, и готово дело! Сначала Гвенда хотела войти и рассказать, чему оказалась невольной свидетельницей, но, услышав голос одного из именитых гостей, передумала. Корчмарка готова была поклясться, что именно он приказал неведомому собеседнику убить всех и замести следы.

Женщина не могла видеть, носил ли ночной убийца лиловые цвета арцийских фискалов или молочные таянских, да это было и неважно. Гвенда хотела жить и не собиралась полагаться на удачу и честность других синяков. Кто знает, вдруг все они из одной шайки?

Красотке аж нехорошо стало, когда те заявили, что возле села был захвачен и перебит караван, везший из Гелани святую реликвию, и что следы ведут в Белый Мост. Ошалевшие войт и клирик клялись всеми святыми, что такого не может быть, что в селе отродясь не водилось ни еретиков, ни разбойников. Слушать их не желали, припомнив прошлогоднюю историю про убиенную Панку. Заступничество Рене и Романа по нынешним временам считалось преступлением и доказательством вины сельчан. В конце концов Рыгора отпустили, велел утром собрать все население на площади у иглеция.

Расстроенный войт домой пошел не сразу, а спустился в общий зал и потребовал стопку царки. И тут Гвенда оттащила его в сторону и рассказала все. Рыгор задумчиво потер нос, глубокомысленно вздохнул и потребовал налить еще. Корчмарка послушно плеснула драгоценного напитка, нагнулась над столом и посмотрела любовнику в глаза.

— Уходить надо, Рыгор. Собрать вещи и уходить.

— Ты с ума сошла? На ночь глядя? Всем селом? Успокойся, ничего они у нас не найдут, поорут, пострадают и уберутся.

— Не уберутся, — стояла на своем Гвенда, — вон сколько хуторов вокруг пустых стоит. Видела я, как тех на дороге положили, а главным у них был, что тебя допрашивал. Нет, пришла беда — открывай ворота. Одно хорошо — село они обложили, да про мой лаз не знают. Я их сейчас подпою, а ты по мужикам пройди. А ночью детей в охапку и в лес. Землянки выроем, перезимуем...

— Ты с ума сошла, — повторил Рыгор, видимо не найдя достойного возражения вздорной бабе, — кто ж осенью детей в болото потянет, да и с чего ты взяла, что по хуторам эти вот режут? А ежели даже они и разбойники, ну и шо? Ну, ловят сами себя, ну орут «держи вора» на всю Фронтеру, не поймают та уберутся. Ну, может, пограбят трошки, все лучше, чем вовсе дома решиться.

— Головы ты лишишься, а не дома, — в сердцах плюнула корчмарка. — Ну, ты как хочешь, а я лучше в лесу пережду.

— И ступай, — огрызнулся войт, — только хоть короб возьми. Грибов наберешь, все не такой дурой возврататься будешь. И смотри мне, чтоб никому ни слова! Еще кто, упаси Эрасти, с тобой увяжется, а те и прознают, что тот деру дал. У них же как: бежишь, значит, виноватый.

— Ну добре, — с неохотой откликнулась Гвенда, — скажу только Катре, она баба не токмо с головой, но и с пузом. На нее не скажут даже эти, а мне все меньше от совести терпеть...

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Собаки.
Гверганда**

Лес на имперском берегу Адены был старательно вырублен аж до самых порогов. И дело было отнюдь не в том, что по реке проходила граница между Арцией и Эландом. Просто практичные гвергандцы полагали излишним возить издалека то, что можно взять близко. За более чем шесть веков существования города корабельные леса, росшие на покатых песчаных холмах, странным образом затесавшихся между отрогами Лисьих гор, отделявших Таяну и Эланд от Арцийской империи и тянувшихся от городка Гумеды чуть ли не до самых торфяных болот, были сведены под корень.

С военной точки зрения сие было очень даже неплохо, так как подобраться к Гверганде незаметно смог бы разве что кролик, и это при том, что город стоял не на горе и даже не на холме, а на плоском, как доска, побережье. Впрочем, люди как могли исправили упущение матушки-природы, окружив Гверганду высокими стенами, сложенными из гранитных валунов, некогда занесенных в эти края ледниками. Теперь с башни святого Титуса, стерегшей подходы к городу со стороны Мунтского тракта, открывался прекрасный вид на достаточно-таки унылую коричневую болотистую равнину, перемежаемую чахлыми рошицами и озерами с рыжей водой, на которых гнездились полчища уток.

Прослуживший в Гверганде без малого двенадцать лет Сезар Мальвани знал в округе каждый камень, а в городе каждый дом. Так уж вышло, что красавец-командор, поставленный оборонять северные рубежи империи от Эланда, не забывал поглядывать и в сторону родного дома. Мальвани рассчитывал, что заговор против Базилека и Бернара увенчается успехом и на арцийский престол сядет сын Эллари, но в случае неудачи Гверганда с ее толстыми стенами и незамерзающим портом могла стать тем местом, где восставшие смогли бы зализать раны, отбиться от имперских войск и, чем Проклятый не шутит, вступить в союз с Эландом и Таяной. Неудивительно, что город был укреплен с учетом и этой возможности.

Гверганда была готова к бою, хотя со стороны могло показаться, что город спит или вымер. На стенах ни души, подъемный мост опущен, а южные ворота открыты настежь...

Всадники показались неожиданно — вылетели из-за чахлой осиновой рощицы, пронеслись мимо длинного озера, поросшего метельчатым тростником, и во весь опор полетели к городу. Впереди скакало десятка два воинов в черных доломанах. Их крапчатые дрыганты легко опережали гнедых ухоженных лошадей, наездники которых носили черно-желтые императорские цвета. Копыта простучали по настилу моста, и тот немедленно начал подниматься. Подлетевшая погоня резко осадилась лошадей у широкой протоки, омывающей Южный форт, в которой, несмотря на начавшуюся войну, нагло орали лягушки. Слаженный мушкетный залп со стен, прозвучавший как единый выстрел, заставил имперцев резко повернуть назад, однако шестеро всадников и две лошади остались лежать у кромки воды.

— Неплохое начало, — улыбнулся командор Мальвани, наблюдавший всю сцену через окуляр. — Простенько и со вкусом.

— Вольно же им было гнаться за «Серебряными», — откликнулся Архипастырь, —

известно же, что если таянские конники отступают, значит, затеяли какую-то каверзу.

— Ну уж и каверза, — махнул рукой Мальвани, — так, шутка. Как бы то ни было, они пришли, и их много.

— Рене говорит, девяносто тысяч. Уж не знаю, как он их считает, но я ему верю. Годой молодец, за пол-года собрать целую армию и отправить на убой. Не у каждого получится.

— На убой? Ты так уверен в нашей победе? — Феликс казался несколько удивленным.

— Нет, в нашей победе я не уверен, — пояснил свою мысль Мальвани, — но поскольку сам узурпатор нас не почтил и если люди Арроя, или кто там у него ходит в разведчиках, правильно рассмотрели консигны, на нас прет Марциал Одуа с его южанами, баронские полки и пресловутые гоблины. То есть те, кого Годой явно не жаль.

— Кого кому не жаль? — переспросил Рене Аррой, появившись на башне вместе с раскрасневшимся Шандером Гардани в запыленном мундире рядового «Серебряного».

— Годой не жаль тех, кого он бросил против нас, — пояснил Мальвани и, окинув взглядом Гардани, с усмешкой добавил: — Вижу, милейший граф успел развлечься?

— Давно не сидел в седле, — чуть смущенно улыбнулся Шани, — а тут такая оказия. Мы сначала несколько ор любовались, как они обустраиваются, и только потом позволили себя заметить. В Арции так и не научились выращивать приличных лошадей.

— Экий ты привередливый, — хмыкнул Рене и сразу посерьезнел, — так какого ты мнения об их лагере?

— Устраиваются надолго. С видом на море, пресной водой, земляными валами. Так что если нам устроят образцово-показательный штурм с налета, не стоит им верить. Марциал понимает, что с ходу ему ни Гверганду не взять, ни через Адену не перебраться.

— Как ты думаешь, — Рене с Мальвани перешли на «ты» на другой день после знакомства, — что предпримет наш арцийский «друг»?

— Если б он был не то чтобы дураком, а обычным твердолобым воякой, то попытался бы взять южный форт, ворваться в торговый город, захватить мосты через главное русло и выскочить на эландское побережье. Это кажется очевидным, тем паче в Мунте не знали, что эту сторону я укреплял восемь лет.

— Но Марциал, как мне помнится, не дурак, — заметил Феликс.

— Не дурак. Поэтому он сделает то же самое. Только это будет отвлекающим маневром, а на деле подыщет местечко для переправы. Лично я постарался бы разузнать, что творится у излучины, думаю, наши «друзья» предпримут нечто в этом роде. О, глядите-ка!

Над блестящей полоской озерной воды и гнущимися тростниками что-то сверкнуло, потом еще и еще. Армия Марциала, не торопясь, но и не мешкая, выходила к городу.

— Около трети от всех пришедших, как я погляжу, — заметил Мальвани.

— Треть не треть, — откликнулся Рене, — но драться они будут всерьез. Марциалу нужно доказать, что они намерены ворваться в город именно здесь, а те, кто полезет на стены, наверняка думают, что ворвутся. Кстати, план при всей его тупости не так уж и плох... В конце концов, нет стен, на которые нельзя залезть. Гверганда хороша, но до Высокого Замка ей все же далеко, а пушек они притащили изрядно...

— Рене, друг мой, — Архипастырь положил руку на плечо эландца, — мы не сомневаемся, что твои сведения верны, но как ты их получаешь? Ты знал об армии Марциала все, когда она была в десяти диа от нас.

— Ваше Святейшество, — сверкнул голубыми глазами Рене, — в зависимости от того, кто победит в этой войне, мое знание будет объявлено либо чудом, либо зловредным колдовством. Главное, что мой, гм, прознатчик говорит правду и вовремя. Глядите-ка, как бегают, черти!

Арцийцы действительно старались вовсю, устанавливая пушки, подвозя порох и ядра для стрельбы. Работали они не таясь, находились в пределах досягаемости крепостных орудий, но Гверганда молчала. Первым здороваются тот, кто приходит.

1-й день месяца Собаки. Фронтера

— Ну кто там? — Луи подсыпал пороха на полку своего пистоля. — «Рогатые»?

— Не похоже, Ваше Величество, — вырвавшиеся вместе с Луи Арцийским из лагской ловушки воины упрямо и вдохновенно именовали своего вожака императором, и принц оставил всяческие попытки это остановить.

— А кто же тогда?

— Больше всего смахивают на синяков и ихнюю стражу, — пояснил Хворый Жак, славящийся своим умением незаметно подкрадываться к кому угодно, — и с ними еще другие какие-то, в серых плащах. Я хотел было притащить одного, да никто из паршивцев до ветра так и не отошел. Железные они, что ли...

— Сколько их там?

— Ой, много. Вокруг деревни сотен пять, не меньше, так ведь еще и внутри наверняка есть. А назавтра они еще кого-то ждут. Думаю, грабить наладились...

— Что делать будем? — Луи всегда спрашивал совета у Ноэля, хотя далеко не всегда ему следовал. Ветеран был не в обиде, молодой предводитель оказывался прав семь или восемь раз из десяти случаев. Ноэль машинально потрогал шрам на подбородке.

— Проще всего обойти село по лесу или вдоль речки. Незачем туда лезть, их двое, а то и трое на одного нашего. Проклятый их знает, что они там делают, но за дорогой уж точно не следят...

— Да, — кивнул Луи, — всех синяков не перебеешь. Нам о «жнецах» думать надо...

Отряд, не обремененный практически ничем — все громоздкое имущество, включая отобранные во время лихого набега пушки, хранилось в непролазных для всех остальных Кабанных топях, — притаился на опушке. Прашинко уже кварту мотался между Гвергандой и Олецкой в тщетных поисках очередных «жнецов» или же небольшого отряда, который две сотни «летучих арцийцев» могли уничтожить подчистую. Увы, кроме одного большого отряда, расположившегося неподалеку, тракт был пуст, а Луи тщательно оберегал своих людей и на рожон не пер. Сумеречная втолковала принцу, как важно то, что они делают, и потом... он обещал Лупе...

Что ж, селян, конечно, жалко, ну да урожай не голова, новый вырастет. Зато ограбленные годоевцами фронтерцы, возможно, возьмутся-таки за косы. Пусть не все, но некоторые. Когда синяки уйдут, можно будет наведаться в село, поговорить... Ему нужны новые люди и, чего греха таить, припасы на зиму, хотя сборщики вряд ли оставят лишнюю курицу для резистантов. Как бы то ни было, драки сегодня не будет, надо возвращаться в топи.

Отряд тихо отошел в глубь леса и потянулся на северо-восток. Они уже почти миновали опасное место, когда Гайда осторожно тявкнула, привлекая внимание хозяев. И тут же под копыта коней чуть ли не вывалились две женщины и девчонка-подросток, тащившая за руку мальчонку лет семи. Выражения исцарапанных ветками лиц говорили сами за себя. Луи спрыгнул с лошади, даже не поняв, что делает.

— Что случилось?

Одна из женщин, высокая и статная, словно проснувшись от кошмарного сна, уставилась в лицо принцу, не забывая прикрывать собой спутницу, явно беременную.

— Кто вы? — голос у нее был низкий, грудной, слегка хриловатый.

— Арцийские воины, — Луи старался говорить как можно мягче, — пробираемся в Эланд к герцогу Рене.

И тут беременная бросилась вперед, явно стремясь обхватить принца за колени. Девчонка с ревом немедля к ней присоединилась, — не терпящий подобных верноподданнических чувств Луи раздраженно отстранился и обратился к статной, кое-как державшей себя в руках:

— Что случилось, красавица?

И Гвенда рассказала. Она, дура такая, все же послушала войта и не стала поднимать тревогу, рассказала только соседке Катре. Женщины, хоть и не решились бросить дом, на площадь со всеми не пошли, Катря с сынишкой заперлись дома, а Гвенда пробралась через лаз в заборе на задворки иглеция, где и столкнулась с Ганкой. Остальное население села столпилось на центральной площади, на коронный помост забрался предводитель синяков, и тут такое началось...

Голос Гвенды прервался. Однако воины и так все поняли. Теперь, даже приказы Луи идти дальше, его вряд ли послушались бы. Горечь Лагского поля, безымянный ужас уничтоженных Лошадок, унижение отступления не позволяли пройти мимо еще и этой беды, оттолкнув судорожно цеплявшиеся за запыленные сапоги женские руки.

Действовали быстро и слаженно. Беременную Катрю с сынишкой оставили в лесу с выючными лошадьми, при которых остались несколько человек из числа еще не вполне оправившихся раненых. Полсотни воинов засели у опушки, чтобы отсечь погоню, если таковая будет, а Гвенда с Ганкой, наскоро отерев слезы, вызвались провести два десятка арцийцев в село потайной тропой, по которой они и выскочили. Луи, как ему ни хотелось идти с передовым отрядом, стиснул зубы и остался с основными силами, которые должны были вломиться в Белый Мост, как только поднимется шум. Ноэль, нехорошо ослабившись, прошелся среди вояк, заметив, что ежели каждый сразу прикончит по одному ублюдку, силы сравняются. О втором вражеском отряде, находящемся в полувесе от села, старались не думать, хотя Луи на всякий случай отправил в ту сторону два десятка всадников посмышленнее.

Солнце поднялось уже высоко, день обещал быть жарким. Высоко в небе проплывали горделивые облака, им не было дела до nepотребства, творившегося внизу. Луи Арцийский махнул рукой, и отряд на рысях двинулся к околице, которая — редкостная удача — была отделена от открытого пространства узким, почти пересохшим ручьем, а по его берегам росли высокие кусты. Место прямо-таки идеальное для засады, если б орудующие в селе убийцы не были столь самоуверенны. Теперь же славный боярышник помогал не им, а отряду Луи, прикрывая его от случайного взгляда. Добравшись до ручейка, всадники остановились. Те, кому надлежало воспользоваться лазом Гвенды, спешили, привязали коней и один за другим исчезли в глубокой, заросшей перезрелой крапивой канаве. Обе селянки настаивали на своем личном участии, упирая на то, что они знают каждую улицу. Луи волевым решением отправил красотку-трактирщицу с пешим отрядом, а Ганку посадил на коня впереди себя. Конникам тоже не мешало знать, где какой тупик.

Ожидание показалось бесконечным, тем паче ветер доносил звуки, от которых руки сами тянулись к оружию. Наконец на дальнем конце взвилось пламя, почти сразу охватившее высохший тополь. Луи взвел курок, и полторы сотни конников обрушились на бездельничающих стражников, бестолково тарашившихся на дым. В то же время затрещали выстрелы и в деревне. Арцийцы с легкостью необыкновенной смяли заставу и вихрем понеслись по улочкам, с размаху рубя ошалевших синяков. На все про все ушло не больше четверти оры, и Луи и его люди оказались полноправными хозяевами несчастного села.

Главари нападавших и их охрана, судя по всему, были люди с головой. Они не сопротивлялись, а при первых же выстрелах дунули из села, прорвавшись через начинающийся пожар. Луи не сомневался, что их целью был большой отряд, виденный вчера его людьми. Остальные оказались не столь счастливы. Из тех, кто стоял на южной околице, удрали человек двадцать, и еще с десятков бросили оружие. Те, кто орудовал внутри села, загружая фуры всем, что попадалось под руку, побросали мешки и бочки и попрятались по щелям.

Судя по тому, как и что творили эти крысы, село так и так было обречено. «Сборщики» трудились не покладая рук, но это все же был не тот ужас, который творили в Лошадках, а обычный грабеж с поджогами и убийствами. По крайней мере, Луи так считал, пока они не вырвались на площадь к иглецию.

Там, на ветвях старого каштана, вниз головой висело несколько человек, среди

суконных селянских свит выделялось зеленое одеяние клирика. Двое повешенных еще подавали признаки жизни, и Луи с облегчением увидел, что ловкий, как белка, Хворый Жак прямо с коня сиганул на узловатую, толстую ветку и принялся возиться с веревками, не обращая внимания на продолжающийся бой. Толстый Арно, стоя на лошади, бережно принимал тела, к которым с земли тянулись руки. Затем Луи отвлекся на выстрелившего ему в спину из-за двери иглеция «сборщика» в белом плаще. Пуля просвистела над плечом принца, который мгновенно развернул коня и с разгона рубанул стрелявшего палашом. Больше, по крайней мере сейчас, на площади было нечего делать, и Луи, внутренне содрогаясь, вошел в храм.

Там никого не было, лучи света, пробивавшиеся через небольшие оконца, выхватывали лики великомучеников и заступников, в столбах света плясали пылинки, пахло воском, лилиями и чем-то особенным, свойственным только храмам. Луи немного задержался у иконы своего небесного покровителя, хотел было поставить свечку, да не успел, прибежал Нозль. Солдаты нашли селян, запертых в длинном сарае, видимо служившем складом для проезжих негоциантов и мытарей. Луи подоспел, как раз когда плачущие люди начинали выходить, и поразился, что это сплошь молодые женщины и дети. Старух почти не было, а мужчин и вовсе не нашлось ни одного. Сотни полторы доведенных до животного состояния существ выползали из темного дверного проема, как из могилы. Кто-то заходил от плача, кого-то рвало, но большинство шло, как во сне, с трудом переставляя ноги.

Скоро отыскиались и старики, и мужчины. Первые лежали в садике за иглецием. Их было много — во Фронтере люди жили, как правило, долго. Видимо, старые жизни ни для чего не годились, и стариков перебили сразу. А вот мужчин, как оказалось, загнали в подвал корчмы, откуда предварительно вывезли все запасы. Их после состоявшегося на площади «суда», признавшего Белый Мост виновным в грабеже и убийстве на тракте, должны были заклеить и вывезти на каторжные работы в Тарские горы. Походная жаровня палача с раскаленными клеймами отыскалась тут же. В арсенале заплечных дел мастера были и хорошо заточенные, но на сей раз, к счастью, не окрашенные кровью белые рога, подтвердившие подозрения Луи на предмет происхождения орудовавших в селе мерзавцев. Правда, те, похоже, не собирались заниматься ритуальными убийствами. А просто грабили, убивали и насиловали. Луи, однако, было не до того, чтоб разбираться в намерениях палачей, а мелькнувшую было мысль вытеснило новое открытие. В той же «Белой Мальве», но в бывшем общем зале было заперто и десятка три девушек и женщин, которых покамест миновала судьба загнанных в сарай. Видимо, они должны были развлечь стражей, участвовавших в уничтожении села, однако роли переменялись. Теперь уже уцелевшие сельчане с горящими от ненависти глазами рвались к пленным.

Пожар разгорался, а удравшие убийцы наверняка скоро вернутся с подмогой. Луи понимал, что на него свалилась забота о нескольких сотнях селян, однако лицо принца даже не дрогнуло. Так уже было на Лагском поле, когда на него словно бы что-то накатило, и он начал сухо и четко отдавать распоряжения, которые сразу же выполнялись.

Пленники (кроме троих — чтобы было, кому подтвердить или опровергнуть сказанное) были повешены на том же каштане, что и сельчане, мертвые снесены в иглеций, а рога с превеликой осторожностью воткнуты в кучу навоза, приготовленную для удобрения чьего-то ухоженного огорода. Сельчанам же было велено захватить с собой самое необходимое и собираться у ручья. Наиболее нерадивых и медлительных подгоняли воины. И все равно принц понимал, что они не успеют.

«Вот и все, Ваше Величество, — подумал он о себе в третьем лице, — тут скорее всего и будет твой последний и абсолютно бессмысленный бой, потому что, как только убьют тебя, прикончат и этих бедолаг, которым ты дал лишь небольшую отсрочку».

Тем не менее настоящий воин признает поражение, только умирая. Люди Луи рвались как бешеные, готовя западню для тех, кто, несомненно, сунется в село. Время одновременно летело галопом, когда мысли возвращались к приближающимся врагам, и стояло на месте, когда речь шла о копающихся крестьянах. Наконец все сгрудились в кучу у околицы и в

сопровождении легкораненых двинулись к лесу.

Последними уходили Гвенда и с трудом державшийся на ногах здоровенный мужик, вытасненный Жаком из петли. Здоровяк оказался войтом и любовником красоти-корчмарки, которая помогала ему идти, не забывая оглядываться на четверых подростков. Трое парнишек шли насупившись, глядя в землю, девочка тащила на руках большую пеструю кошку и ревела в голос, оплакивая мать, убитую при попытке вырвать мужа из рук палачей.

Нестройная толпа медленно тащилась по скошенному лугу. Между ними и спасительной опушкой оставалось еще с полвесы, когда в село ворвался тарский отряд. Те, безусловно, не ожидали, что победители на час так быстро расстанутся с добычей.

Застава из трех десятков всадников была выставлена с той стороны Белого Моста, откуда, по мнению Ноэля, следовало ожидать атаки, и годоевцы не заставили себя ждать. Это были не фискальные стражники в белых и лиловых плащах, а опытные тарские кавалеристы с черно-красными флажками на пиках. Они сразу же заприметили заставу и слаженно прищипорили коней.

Люди Ноэля, видимо не ожидавшие, что врагов будет так много, растерялись и, бестолково нахлестывая лошадей, бросились наутек. Разгоряченные погоней тарские, висая на плечах у преследуемых, стрелой пронеслись по главной улице села, но на противоположной окраине удиравшая застава внезапно развернула коней навстречу врагу, а рядом, как из-под земли, выскочил и сам Ноэль с сотней наездников.

Арцийцы помнили строжайший приказ — не стрелять, и ударили в дротики, а потом взялись за палаши.

Все решила внезапность. Первые ряды преследователей, запертых в узкой улице, были опрокинуты, и тут крыши, щедро облитые лучшей Гвендиной царкой, запылали жарким, почти невидимым в свете дня огнем. Тарские не выдержали — с грехом пополам развернули коней, пытаясь вырваться из пылающей мышеловки, и со всего маха врезались в своих же, вдребезги разнеся боевой порядок. И в это время Луи двинул вперед всех, кто у него остался.

Десятки и пятерки конников ударили со всех сторон, не давая врагам опомниться и пересчитать противника. Суматоху усугубило падение подрубленных пирамидальных тополей, окружавших пылающее село. Отряд Луи дрался умело и яростно, и тарские, атакованные с разных сторон и не знающие о своем численном превосходстве, ринулись в единственное, как им казалось, безопасное место. Но широкая сначала улица к концу резко сужалась и выводила к мельничной плотине, перегораживавшей болотистую речонку. Кони оскальзывались, вязли в тине, падали, а тех всадников, кому удалось влететь на плотину, встретили выстрелами в упор.

Принц оглянулся. Обитатели уничтоженного села уже скрылись среди молоденьких берез, а тарские, растеряв боевой задор, бестолково метались по пылающему селу. Луи с облегчением вздохнул и подал знак горнисту. По звуку трубы арцийцы развернули коней и россыпью устремились к лесу, предусмотрительно взяв в сторону от места, в котором укрылись сельчане. Однако преследователям было не до погони, да и подошедшее с севера пыльное облако прикрыло отступавших, делая стрельбу по ним бессмысленной.

**2229 год от В.И.
3-й день месяца Собаки.
Гверганда**

Марциал действовал по всем правилам. Прежде чем отдавать приказ о штурме, следовало предъявить ультиматум и провести артиллерийскую подготовку, и вице-маршал отрядил к стенам города четырех красивых всадников — трубача, двух знаменщиков с арцийским штандартом и белым флагом и молодого офицера с письмами, адресованными командору Мальвани, Архипастырю и Эландскому герцогу. Одуа не ждал от этой затеи ничего, но Михай Годой велел начать с этого, да к тому же традиция есть традиция. Вице-

маршала несколько удивило, что император сам назвал имя парламентаря — виконта Леона ре Фло че Литта, происходившего из враждебной как Базилеку, так и Годой фамилии, и к тому же дружка принца Луи. Впрочем, Марциал не собирался оспаривать приказ императора. Леон так Леон, и стройный светловолосый арциец получил три запечатанных свитка и приказ передать их по назначению. Виконт не просто исполнил приказ, он пошел дальше, вручив защитникам Гверганды не только письма, но и себя.

Не прошло и оры, как ре Фло оживленно болтал с «Серебряными», рассказывая о житье в Мунте до и после Годоя и не подозревая, какую бурю вызвала его персона среди вождей. Феликс и Мальвани вскинулись на дыбы и потребовали прогнать виконта взашей, а то и допросить с пристрастием. Шандер с пеной у рта доказывал, что парень ничем не хуже «Серебряных», ушедших в Эланд от короля Марко. Рене молча слушал, потом осведомился:

— Шани, возьми его к себе?

— Конечно, — улыбнулся Гардани, — мне он нравится.

— Тебе бы и граф Койла понравился, — скривился Мальвани.

— Ну уж нет, — отмахнулся Шандер, — Койлу я видел. За предателя я его, правда, не держал, но иметь с таким дело — увольте!

— И все же я не стал бы брать к себе этого арцийца, — с сомнением проговорил Феликс, — после того, что произошло...

— Вот именно после того, что произошло, и нужно брать, — усмехнулся Аррой, подставляя лицо проглянувшему солнцу, — вы боитесь второго Койлы? Этого не будет!

— Почему ты так уверен?

— Потому что парня подобрал сам Годой из числа тех фамилий, которые только и смотрят, как бы расстаться с узурпатором и перейти на нашу сторону. Как ты думаешь, зачем он это сделал? Да для того, чтоб мы его или отшвырнули, или, того лучше, казнили, увидав в нем предателя. Тогда другим арцийским нобилям не повадно будет с нами связываться. Расчет нехитрый.

— Что ж, — кивнул красавец Мальвани, — очень может быть... Излишняя подозрительность отталкивает, но все же, Шани, постарайся, чтоб этот Фло не оказался у тебя за спиной во время боя... Хотя, — командор неожиданно засмеялся, — если мальчишка удался в отца, его за хвост удерживать придется, чтоб не лез впереди всех. Кстати, Рене, а что на месте Марциала сделал бы ты? Я не имею в виду всяческие интриги...

— Я? — герцог рассмеялся. — То, чего ты в свое время опасался. Прорвался бы в город с моря, при хорошем ветре осенью это вполне возможно. Ваши цепи, конечно, хороши, но есть управа и на них...

— Какая это? — набычился Мальвани.

— Рене! Сезар, — Феликс укоризненно покачал головой, — кто о чем, а монах о свечах... потом разберетесь, как брать Гвергаду с моря, а сейчас нам еще нужно ответить на письма.

— Ответим, — махнул рукой Рене.

И эландцы, и арцийцы рвались в бой. Первые были уверены в своем вожде и еще никогда не терпели поражения, вторые жаждали отомстить за лагский позор. Воины пребывали в приподнятом настроении, свободные от службы собирались в кружки, звучали соленые шуточки в адрес Марциала и Годоя, которые перемежались взрывами хохота. Даже опытные вояки, и те то и дело проверяли пистолеты и шпаги. Никто не сомневался, что Годой обломает о Гверганду свои поганые зубы.

Рене и Мальвани были опытными военачальниками и знали, как дорого такое оживление. Разумеется, они, как могли, поддерживали своих людей, то и дело появляясь на стене, улыбаясь незатейливым шуткам и отпуская свои. Но на душе у них было невесело. Они не сомневались ни в крепости стен, ни в сердцах их защитников. Бесило другое — они пошли на поводу у Годоя, поступая именно так, как он и ожидал. А ожидал он, что они намертво встанут у Адены, которую можно штурмовать до бесконечности. Самозванный

регент намеренно бросал в аденскую мясорубку арцийских предателей, которых в спину гнали горцы, но не тронул своих основных сил. Тарскийцы, значительная часть наемников-южан и таянцев сейчас при Михе, который выигрывает, как бы ни пошли дела.

Они сидят за рекой и гранитными стенами? Очень хорошо! Годой окончательно подчиняет Арцию, кормит досыта своего монстра и приводит его сюда. Исход очевиден. Они выходят в поле и дают сражение. И опять лжеимператор в выигрыше, кто бы ни победил.

Победит Марциал? Прекрасно, силы Эланда уничтожены, а число арцийцев и гоблинов изрядно сократилось, можно долго не опасаться интриг и недовольства своих новых подданных. Верх одержат эландцы? То же самое. С той лишь разницей, что Годой бросит против обескровленного противника свежую армию. Нет. Принимать бой за стенами крепости нельзя. Значит, осада... Когда-то очень давно старший брат показал совсем еще юному Рене диковину — найденные по весне черепа двух оленей, сцепившихся рогами во время осеннего боя. Беспомощные, навеки связанные друг с другом, они приняли смерть то ли от волчьих клыков, то ли от голода. Эти переплетенные друг с другом могучие рога потрясли будущего герцога Эланда, и он навсегда запомнил слова Лериберта: «Это самая жуткая ловушка, которую может подстроить судьба».

Рене еще раз хохотнул незатейливой солдатской шутке и отошел от костра, у которого изъяснялись друг другу в вечной дружбе несколько маринеров-артиллеристов и мушкетеры из числа бывших «Ловцов Жемчуга». Ветер с моря приятно холодил лицо. Герцог вздохнул и пошел дальше, сопровождаемый верным Зенekom.

...Наутро затянутый в черный с серебряной оторочкой доломан Леон ре Фло сопровождал графа Гардани, который церемонно поклонился выехавшему навстречу Марциалу и вручил ему незапечатанный свиток, на котором было три слова «ует» и три подписи — Архипастыря Феликса Первого, Великого герцога Эландского и Таянского Рене Арроя и маршала Арции Сезара Мальвани.

2229 год от В.И.

14-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Все вышло именно так, как он рассчитывал, и это радовало и бесило одновременно. Радовало, потому что он не допустил в своих расчетах ни одной ошибки и все и всех оценил правильно. Бесило, потому что Рене и Сезар оказались (как он и думал) неуязвимыми. Марциал сделал все что мог и даже более того. Годой в глубине души признавал, что он прошел бы точно тем же путем и скорее всего с тем же результатом...

Новоявленный император еще раз просмотрел донесения вице-маршала Одуа и цидульи своих прознатчиков. Все совпадало, братец ныне покойного Бернара оказался хорошим стратегом, но против него были не только Аррой и Мальвани, не только славящаяся своими несокрушимыми стенами Гверганда, но и природа. Форсировать реку, в которую спокойно заходят самые большие корабли, а с одного берега с трудом (да и то через окуляр) разглядишь, что делается на другом, дело по сути безнадежное.

Одуа действовал безукоризненно и все равно остался там же, где был в начале кампании, да еще потерял добрую четверть своей армии. Впрочем, будь братец Бернара глупее и трусливее, потерь было бы меньше... Хотя одну победу Марциал все же одержал: Годой раздумал отправлять его вслед за его родственниками, по крайней мере пока не закончатся все войны. Так что просьба вице-маршала об отступлении на зиму на более подходящие позиции не станет поводом для его отставки с последующей отправкой в Варху к господину Шаддуру, отчего-то предпочитающего наполнять Чашу за счет аристократов... Можно подумать, у простолюдинов кровь другого цвета.

Михай уже принял решение, но на всякий случай еще раз склонился над картой, исчерканной зеленым и черным. Вот устье Адены, в котором расположена Гверганда. В городе — три моста и паромная переправа, но Мальвани укреплял его больше десяти лет и,

похоже, собирался воевать отнюдь не с Эландом. Во всяком случае, перестроенные при нем форты оказались для удара с юга неприступными. Марциал штурмовал их восемь раз и всякий раз отступал с большими потерями. Прознатчики особенно отмечали меткую стрельбу осажденных, и дело было даже не в качестве и количестве их пушек, хотя те и были хороши, а в ловкости и умении орудийной прислуги и артиллерийских офицеров, которыми командовал граф Гардани.

Тарский господарь скрипнул зубами — воспоминания, как он при всем честном народе полуодетый стоял на коленях, а его шею душила цепь, намотанная на руку капитана «Серебряных», были для Михая мучительны. Даже Рене, обведший тарского господаря вокруг пальца, и то его так не унизил. А ведь Шандер был у него в руках... Был да сплыл и теперь с необыкновенной ловкостью разносил в пух и перья арцийские батареи. А вот Марциалу так и не удалось нанести стенам Гверганды сколь-нибудь заметного ущерба, так как крепостные пушки били сильнее и дальше привезенных Северной армией, а стены были сложены не из жалких кирпичей или известняка, а из мощных гранитных блоков. Впрочем, Марциал Одуа и не надеялся с лету овладеть цитаделью. Он рассчитывал на то, что ему удастся перейти Адена выше города. Годой на его месте поступил бы точно так же, даже места, выбранные Одуа, не вызывали сомнений. Что ж, хорошие военачальники думают одинаково. А Мальвани, Феликс и Аррой, безусловно, были стратегами от бога, в которого, впрочем, Годой не верил. Михай вновь уткнулся в карту, пытаясь отогнать малоприятные воспоминания о Шандере Гардани.

Итак, сначала Марциал попробовал переправиться в излучине, где за рекой возвышался крутой холм, весьма подходящий для создания временного укрепленного лагеря. Увы! Река оказалась слишком широка, а противоположный берег буквально утыкан пушками, и откуда только эландцы их набрали? Под перекрестным огнем мост навести не удалось, а небольшие отряды, перебравшиеся на конях и лодках, были уничтожены или сброшены в реку. Правду сказать, от этой попытки успеха и не ожидали. Марциал заранее писал о своих планах, в которых демонстративному форсированию реки отводилась роль разведки боем.

Арцийцы выяснили, что берег укреплен, и укреплен основательно, после чего Марциал вновь вернулся к Гверганде и с упорством обреченного принялся бросаться на гранитные стены, предъявляя ультиматум за ультиматумом, на которые из крепости отвечали издевательскими выкриками. Одуа терпел и готовил тайную переправу много выше города, полагая, что, какой бы сильной ни была оборона, укрепить ВЕСЬ северный берег, даже с учетом того, что он выше южного, невозможно.

На первый взгляд все так и обстояло. Шестая по счету группа разведчиков (первые пять исчезли без следа, причем каждая последующая переправлялась на две весы выше предыдущей) успешно перебралась на другой берег выше Зимней гряды, где Адена еще не столь широка. Это пятью весами ниже, когда в нее вливались сначала быстрый холодный Цир, а затем и полноводная короткая Осса, построить сносную переправу почти невозможно, а выше Цира Адена мало чем отличается от большинства арцийских рек. Именно в этом месте в самом начале месяца Собаки крупный отряд перешел на северный берег и, преодолевая сопротивление небольших заградительных отрядов, вышел к устью Цира.

Казалось, Марциал был близок к успеху. Переправившиеся установили связь с основными силами и навели плавучий мост, по которому начала переходить армия. Увы! Брат Бернара при всем своем уме недооценил противника. Северный берег Цира оказался укреплен по всем правилам воинского искусства, Мальвани постарался. Не оплошали и эландцы, спустившие на плавучий мост заранее подготовленные брандеры. Запасливые идаконцы где-то разжились горючей черной жидкостью, по слухам бьющей из земли в атэвских пустынях, и деревянная переправа запылала сразу. Более того, атэвская дрянь продолжала гореть и в воде, в которую, спасаясь от огня, прыгали арцийцы. Около четверти людей Марциала оказались на левом берегу отрезанными водой и огнем от своих. И в это время им в тыл ударили заранее переправившиеся через Цир и укрывавшиеся до поры до времени в лесу церковники, усиленные конницей. Воинов Марциала быстро оттеснили к

вершине треугольника, образованного Аденой и ее притоком, из-за которого ударила артиллерия.

Избиение продолжалось почти сутки. На глазах у бессильных хоть чем-то помочь арцийцев их товарищи были уничтожены практически полностью. Некоторые, впрочем, сдались и были уведены черно-зелеными воинами-церковниками.

После этого желающих переправляться через реку поубавилось. Марциал предпринял последнюю отчаянную попытку прорваться в город по реке на плотях и отобранных у местных жителей лодках. Две тысячи добровольцев, прельщенные полугодовым жалованьем, согласились рискнуть, но раскошеляться не пришлось. Плоты исчезли из виду, закрытые стенами Южных фортов, и только их и видели. Немногие выбравшиеся из этой передраги рассказали, что напоролись на протянутую через реку цепь, за которой стояли эландские корабли, расстрелявшие утлые суденышки в упор.

Стало очевидным, что прорвать аденский рубеж невозможно, после чего обе стороны успокоились и лишь иногда тревожили друг друга вялой перестрелкой и небольшими вылазками, в которых опять-таки в большей степени преуспели осажденные. Скоро должны были начаться осенние бури, и место, в котором располагался основной лагерь Марциала, становилось небезопасным. Вице-маршал просил разрешения после очередного штурма отвести войска на зимние квартиры вверх по течению Адены.

Другого выхода не было, и Михай направил Марциалу приказ, предписывающий армии до начала месяца Волка подняться к Зимней гряде и встать лагерем, перекрыв Морской тракт. Расщедрившийся император повелел выплатить жалованье на три месяца вперед и поделить между уцелевшими деньги, причитающиеся погибшим. Годой полагал, что вояки Марциала это заслужили, а требовать от людей невозможного — глупо. В конце концов, Мальвани и Рене надежно заперты за Аденой, а у него в Арции и Таяне найдется достаточно людей, чтобы исполнить задуманное. После чего можно вспомнить и о Рене и Шандере... И, конечно же, о Герики, но, как ни странно, Эстель Оскора в руках Арроя устраивала Михая больше, нежели Эстель Оскора в Вархе под присмотром господина Шаддура.

Проклятье, этот ублюдок творит в Таяне невесть что и, кажется, набрал достаточно сил, чтобы попробовать провести свое чудище через Фронтеру. Как это некстати...

2229 год от В.И.

29-й день месяца Зеркала.

Гверганда

— Вот и все, — Рене проводил взглядом отходящих арцийцев.

— На сегодня все, — согласился Гардани, смахивая пот с закопченного лица.

— Да нет, не на сегодня, — Аррой устало привалился к стене, — ставлю Гиба против дохлой кошки, что это был последний штурм. Старый Эрик клянется, что завтра к вечеру задует Хьела.¹¹⁷ Это надолго. Во время Хьелы даже безумцы не полезут на стены, да и исчерпали они себя. Впрочем, и мы тоже...

— Наш друг прав. — Сезар Мальвани после битвы у излучины слегка прихрамывал, но трость или потерял в боевой горячке, или отбросил за ненадобностью. — Силы слишком равны, чтобы драться. Они поняли, что не пройдут. Мы поняли, что не выйдем. Ворваться в город по реке и захватить мосты было их единственным шансом. Они его упустили, или, вернее, мы их остановили. Кстати, мои поздравления Рене: то, что вы рискнете войти в реку при такой низкой воде, не предвидел бы сам Анхель!

— Это напрашивалось само собой, — пожал плечами Аррой, — а раз так, мы были обречены на победу. Да и Адена здесь много глубже, чем кажется.

— Значит, вы оба думаете, что Марциал теперь успокоится и станет здесь жить. —

¹¹⁷ Хьела — северный ветер (эл.).

Архипастырь умело перезарядил пистоль и заткнул за пояс, странно выглядевший на малахитовом облачении.

— Именно. История знает примеры подобных «стояний», — подтвердил Сезар, — некоторые продолжались не год и не два, а все десять. И прекращались изнутри. Кто-то ломался и отступал или кого-то свергали... Только нельзя нам ждать у моря погоды.

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Волка.
Арция. Мунт**

И Марина-Митта, и Анна-Илана смертельно бы обиделись, скажи им кто, что они хоть в чем-то сходны. Однако сходство было, и явное. Обе заглядывались на Рене, обе не получили желаемого, обе связались с Михаем Годоем, а затем обратили внимание на Уррика, и тут Ланка нанесла сокрушительное поражение племяннице Базилека. Гоблин испытывал к фаворитке Годоя лишь отвращение, а ее все более откровенные заигрывания вынудили молодого офицера обратиться к начальнику гоблинской стражи при особе императора.

Уррик коротко, не объясняя причин, просил перевести его в Северную армию. Нкрдич пад Угор был возмущен. Приказы старших у северных гоблинов не обсуждались. Самому Нкрдичу тоже не слишком нравилось бессмысленное сидение в Мунте, но ему и в голову не приходило жаловаться на судьбу или тем более проситься из опостылевшей Арции на север.

Уррик молча выслушал разбушевавшегося начальника, а наутро сделал то, что никакому другому гоблину и в голову бы не пришло. Он обратился прямо к Михаю Годое, чем того немало позабавил. Разумеется, догадайся Михай об истинной причине просьбы Уррика, Марине-Митте стало бы не до смеха, но новоявленному императору и в голову не приходило, что золотоволосая красotka не удовлетворена жизнью, причем мечтает не об императорской короне, а о ночке с мужчиной помоложе.

Годой при всем своем уме не сомневался ни в верности помилованной арцийки, ни в преданности Уррика, который, без сомнения, заскучал в теплом, мирном Мунте. Другое дело, что отпускать смышленного гоблина к Марциалу было бы так же глупо и недальновидно, как топить печку драгоценным корбутским дубцом.

Император коротко сказал Уррику, что подумает и чтобы тот утром явился за предписаниями. Гоблин склонил голову и рысью скользнул за раззолоченную дверь. Годоем не хотелось отпускать от себя такого телохранителя, но просьба упала на благодатную почву. Михаю не нравилось то, что творится в Гелани, и он как раз раздумывал, кого бы туда послать.

Годой понимал, что самый лучший план все равно приходится менять по ходу дела. В свое время он был совершенно прав, предпочтя арцийскую корону сомнительному удовольствию схватки с Рене Арроем. Но теперь, похоже, без этого не обойтись.

Как странный черный камень из Армских гор притягивает к себе железо, так Эланд и Кантиска тянут к себе всех врагов нового императора. Даже калиф Майхуб, эта помесь льва и лисы, и тот протянул руку эландцу, хотелось бы знать почему... А Герика! К счастью, это угроза прежде всего для бледных, с которыми нужно срочно что-то решать! Проклятье! — Годой со злостью пнул круглый бархатный пуф, и, как выяснилось совершенно зря, так как нутро у стульчика, похоже, было из дуба. Несколько поостынув, самозванный император уселся в кресло и задумался. Кто ему мешает? Архипастырь, фронтерские резистанты, Союзники, собственная дочь и Рене! Именно в таком порядке.

Прежде всего нужно покончить с резистантами и Феликсом. К сожалению, ставка на клириков себя не оправдала, Иоахиммиус на пару с каким-то бароном заправляют в Святой области, куда стекаются недовольные со всей Арции. Сам же Архипастырь преспокойно обретается в Гверганде под крылышком у Рене и Мальвани, и его оттуда не выкурить.

Михай Годой встал и тяжело прошелся по кабинету — нужно действовать! И начнет он с самого простого. Гоблинам в Мунте делать нечего, но у Адены и во Фронтере они

незаменимы. Дело Марциала не выпустить Рене и Мальвани из Эланда, пока он будет умирять Святую область. Дело Уррика заняться гоблинским подкреплением, которое должно подойти в Гелань. Варшани, конечно, человек преданный, но с гоблинами он вряд ли поладит, так что умерить его пыл не помешает.

Пусть они с Урриком делают что хотят, но фронтерских резистантов нужно уничтожить, причем при помощи военной силы. Никакой магии! Нужно, чтоб бледные это уразумели. Пусть, если им так уж приспичило, наполняют свою поганую Чашу и ждут. Ждут и копят силы. Рене и Герику не их дело. Михай не имел бы ничего против, если бы Союзники прикончили проклятого эландца, но пока Эстель Оскора в Идаконе, это невозможно. Рене, судя по всему, всюду балуется магией, ему ничего не стоит столкнуть лбами Герику и Оленя, а когда те уничтожат друг друга, подмять под себя всех — Арцию, Таяну, Тарску... Если же верх одержат бледные, то они получают Эстель Оскору, а вместе с ней и своего ублюдочного бога, а это еще хуже! Этого он им не позволит, в Эланде ноги, то есть копыта Оленя не будет.... Сейчас не успеть, зима, а вот весной...

...На следующее утро причесанный волосок к волоску и благоухающий лучшими атэвскими благовониями император милостиво повелел Уррику отбыть в Таяну.

Уррик ничем не выказал своего волнения, но внутри его все пело. Вместо постылого Мунта или, на худой конец, сидящей без дела армии — Гелань! Гелань, из которой рукой подать до гор! Гелань, в которой живет его королева!

Гоблин отдал честь и, четко повернувшись, скрылся за вызолоченной дверью. О Годое он сразу же забыл, а вот тарскиец отводил Уррику в своих планах немалую роль.

Гоблин должен был передать соответствующие послания супруге регента, кардиналу Тиберию и господину Улло. Вместе с Урриком отправлялось несколько арцийских военачальников, имевших опыт подавления случившегося в Пантане восемь лет назад крестьянского бунта. Когда в начале весны в Гелань придут очередные горные ополченцы, арцийцы с помощью Уррика должны будут объяснить им задачу и смести с лица земли фронтерских резистантов, начинавших Годое серьезно беспокоить.

Самым неприятным было, что стоявший во главе их юный наглец подписывался ни много ни мало, как Луи Арцийский. Михая не волновало, действительно ли тот был сыном Эллари или это было чьей-то гениальной выдумкой. Оживший принц мешал Годое не меньше строптивого Архипастыря, но погибнуть должен был первым.

Однако наглеца как будто сам Проклятый хранил, его отряд гнезился где-то в болотах, куда не отваживались заходить даже самые отчаянные. Мало того, после неудачной попытки доказать циалианкам, что убийцы ездивших за реликвией сестер строго покараны, Фронтеру охватило какое-то безумие. Люди бросали деревни и уходили в леса, появились собственные вожаки, самым известным из которых был какой-то Рыгор Зимный, спевшийся с отрядом Луи. Они не только бесчинствовали на дорогах, но и истребили несколько гарнизонов. С этим надо было кончать, но при этом ни в коем случае не должны пострадать весенние планы, планы, о которых, если он хочет добиться успеха, не должна знать даже подушка...

Эстель Оскора

Первый снег я увидела из окон замка эландских властителей. Я стояла и смотрела на крупные белые хлопья, медленно летящие вниз на мокрую темную землю, и мне казалось, что это я стремительно взлетаю в небо, а снежинки стоят на месте. Как много уложилось в один-единственный год! Прошлую зиму я встречала в Убежище, не зная и не понимая, кто я. Увы, блаженное незнание осталось в прошлом, я была порождением и заложницей чудовищных сил, которые, если их не обуздать, пожрут наш мир, и больше не будет ни белых хлопьев, ни зеленых листьев. Пожрут и примутся за другие миры, и там тоже не будет ничего...

А снег все шел и шел, призывая успокоиться, лечь и уснуть до весны. Даже война, и та зимой впадает в спячку, как медведь или полевая крыса. От Шани Гардани я знала, что

Марциал убрался на зимние квартиры, встав лагерем на Лисьем тракте чуть выше Зимней гряды. Сорвавшиеся с цепи осенние шторма его, надо думать, не беспокоят, но вот удержаться в подчинении семьдесят тысяч здоровых бездельничающих мужчин — тут воистину следует быть великим полководцем. Впрочем, имперская армия, отойдя на безопасное от моря и пушек Гверганды расстояние, наверняка уже обросла маркитантами обоего полу, которые помогут солдатам легко и непринужденно пережить зиму и спустить жалованье. У нас такой возможности не было, Идакона, приютившая многочисленных беженцев, была молчаливой и хмурой, присущее маринерам безразличие к опасности не распространялось на ту, что грозила их дому.

Я не могла не видеть, как они разрываются между желанием стоять насмерть и погрузить на корабли своих женщин и детей и уйти к далеким солнечным островам, где текут прозрачные ручьи и перекликаются невиданные птицы с сиреневыми и оранжевыми перьями. Тосковали и отлученные от дел гвергандские негоцианты, чей патриотический порыв истощился от безделья и подсчетов убытков, тем паче что из Арции доносили, что кого-кого, а торговцев, менял и ростовщиков новый владыка, которого уже не называли узурпатором, но еще не величали императором, не притеснял.

Утром я имела сомнительное удовольствие лицезреть постные рожи торговых старшин Гверганды, явившихся к герцогу, и готова была поклясться, что они приходили жаловаться на свою горькую долю и клянчить компенсации за упущенную выгоду, хотя никто их в Идакону на веревке не приводил.

Усилием воли я оторвалась от созерцания темного окна — клепсидра на камине показывала, что я проторчала у него две оры и короткий зимний вечер успел смениться ледяной северной ночью, которая обещала быть бурной. Снег все еще шел, и очень густо, поднявшийся ветер иногда разрывал облака, и клубящуюся тьму на мгновение прорезал лиловатый лунный свет, в лучах которого снежинки казались черными, как будто с небес сыпалась зола, а может, так оно и было. Зола несбывшихся надежд вполне могла выглядеть, как снег. Несмотря на царящий снаружи холод, в замке эландских Волингов было тепло, даже жарко. Чего-чего, а топлива здесь хватало.

Я зажгла свечи и, сжав зубы, повернулась к роскошному зеркалу. Летом, поддавшись минутному порыву, я чуть было не велела вынести его прочь, уж больно неприятным было воспоминание о воспользовавшемся им в качестве прохода пустоглазом госте. К счастью, нежелание объяснить эту свою причуду пересилило, и я ограничилась тем, что, оставаясь одна, занавешивала стекло шелковой атэвской шалью цвета павлиньего пера. Защитить от магии она, разумеется, не могла, но создавала иллюзию преграды на пути отвратного существа. Впрочем, меня больше не тревожили — то ли я перестала интересоваться адептов Ройгу, то ли мне удалось их хорошенько припугнуть. Понемногу я успокоилась и даже заставила себя использовать зеркало по назначению, вот и теперь я старательно рассматривала свое отражение. Обрезанные позапрошлой осенью волосы немного отросли, и я на ночь стала их заплетать в некое подобие кос, которые еще были слишком короткими. Занимаясь со своей гривой, я опять задумалась и просидела перед зеркалом чуть ли не столько же, сколько у окна. Очнулась я после того, как моей щеки коснулось что-то неуволимо прохладное, а потом я ощутила еще одно легчайшее касание. Мои друзья-светотени давали понять, что я слишком засиделась. Странно, что я раньше их не встречала, хотя, возможно, они жили только в Идаконе. Город этот был ой каким непростым, уж это-то я чувствовала.

В коридоре прозвучали тяжелые шаги. Менялся караул, а это значит, что минуло две оры пополуночи. От свечей осталась половина, а дрова в камине почти прогорели. Давно пора было отправляться спать, но что-то меня удерживало. А потом на краю моего сознания словно бы раздался хруст, как от ломающегося молодого льда. Нет, это не было ощущение чужого присутствия, как бывало, когда по мою душу являлись ройгианцы.

Я потрясла головой, отгоняя непрощенные мысли. Не помогло. Прохладные прикосновения стали чаще и быстрее. Мои маленькие друзья-тени затеяли свою обычную

возню. Я все еще не привыкла к их постоянному присутствию и невольно посмотрела на свои руки. Можно было поклясться, что я сижу летним ветреным днем под деревом, а вокруг пляшут солнечные зайчики, однако все деревья в Эланде, кроме елей и можжевельника, давно облетели...

Я еще раз поправила волосы, поддавшись слабости, все же набросила на зеркало павлинью шаль и задумалась, пытаюсь понять, чего же меня тревожит. А тревога нарастала, я уже с трудом удерживала себя на месте — хотелось куда-то немедленно бежать, что-то делать, о чем-то кричать...

В дверь постучали неожиданно. Стук был очень осторожным, но я взвинтила себя уже до такого состояния, что для меня он прозвучал мушкетным залпом. Я подскочила, как испуганный заяц, добежала до двери и, повернув ключ в замке, рывком ее распахнула.

— Вот как? — улыбнулся Рене. — Герика не спрашивает, кто ее хочет видеть в столь поздний час?

— Монсигнор! — я быстро отступила в глубь комнаты, лихорадочно умиряя глупую улыбку, появлявшуюся на моем лице всякий раз, как со мной заговаривал эландский герцог. По счастью (или наоборот), Рене был не один, а присутствие Шани, как всегда, придало уверенности. На дружбу Гардани можно было положиться.

— Мы вот по какому делу, — Рене с удивлением осмотрел занавешенное зеркало и горящие свечи, — и мне, и Шандеру эта ночь кажется какой-то странной, а вы, сгнора, бывали в Убежище, носите амулет эльфийского принца. Вы ничего не чувствуете?

Разумеется, я чувствовала, но не могла выразить словами, что именно. Я честно призналась в своей беспомощности. Рене, взглядом спросив моего согласия (как будто я могла что-то иметь против?!), уселся в одно из глубоких, обитых парчой кресел, которых в моей комнате поставили явно больше, чем следовало. Шани опустил в другое. Преданный, смирно лежавший у моей кровати, немедленно переместился поближе к Гардани, и тот с нескрываемой сердечностью пожал лапу моего зверя. В этой обстановке мне оставалось только налить гостям вина, казавшегося лично мне излишне сладким, хотя знатные дамы должны пить именно такое. Гости молчали, я тоже.

Из ступора меня вывел странный голос — резкий и скрипучий, с интонациями, живо напомнившими мне одного весьма неприятного учителя-тарскийца, голос этот явно не принадлежал ни Рене, ни Шани.

— Я полагаю, — казалось, говорили из-под кресла Рене, однако беспокойства это ни у кого из присутствующих не вызвало, — в настоящий момент происходит некое судьбоносное событие, последствия которого скажутся на судьбе вверенных нам земель!

— Нам? — хмыкнул герцог и поднял руку так, что неизменный золотой браслет лихо блеснул в свете множества свечей. — Любезная сестра! Разрешите вам представить моего просвещенного спутника!

Я не верила собственным глазам. С золотого браслета важно сползла украшавшая его золотая же жабка, которая на глазах, обретая цвет вороненой стали, важно взобралась на плечо Рене.

— Разрешите представиться — Андриаманзака-Ракатуманга-Жан-Флорентин, странствующий философ и ученый, — жаба учтиво поклонилась. — В последнее время я имею честь состоять советником при особе Великого герцога Эланда, Первого Паладина Зеленого Храма, почтенного Рене Арроя.

Я потрясенно молчала, а Рене с Шани не могли скрыть плутовской мальчишеской улыбки. Между тем странствующий философ окончательно угнезвился на плече адмирала и продолжил свою великолепную речь:

— Мы принадлежим к древней, высокоразвитой расе, которая обладает способностями мыслить отвлеченно, отличаясь также прекрасной памятью. Мы живем во имя поиска Истины, и поиск этот является целью и смыслом нашего существования, поэтому нас никогда не ослепляют вещи, столь привлекательные для более примитивных созданий. Жажда богатства и власти, стремление привязать к себе иное мыслящее существо нам

глубоко чужды. Но я отвлекся, чтобы объяснить Ее Величеству причину моего выхода на сцену, а заодно поставить ее в известность, что мое присутствие при особе монсигнора Рене является тайной, от сохранности которой зависит будущее этого мира. Целью же нашего нынешнего собрания...

Я украдкой взглянула на Рене. Адмирал слушал говорящую лягушку с абсолютно серьезным выражением лица, но в голубых глазах плясали веселые искры. Шани был не столь выдержан, и на его губах то и дело появлялась улыбка. Это было просто великолепно, что он вновь научился улыбаться. Насколько мне помнится, граф потерял эту способность после смерти первой жены. Если все заслуги этого говорящего чучела сведутся к тому, что Шани вспомнит, что такое смех, то и тогда его появление будет оправданно.

Тем не менее я прилежно слушала четвероногого ритора и, к своему удивлению, пришла к выводу, что он весьма неглуп. Если бы ни его спорная внешность и размеры, а также назидательный тон и обилие заумных слов, жаб мог бы быть весьма дельным советником. Ведь это именно ему пришло в голову, что в Идаконе находятся три человека, близко сталкивавшиеся с ройгианской магией. Двое из них — Шандер и Рене — почувствовали в эту ночь странное напряжение, и Жан-Флорентин предположил, что, если это не случайность, нечто подобное должна ощущать и я, а мои познания в эльфийской магии, возможно, позволят пролить свет на происходящее. Увы! Знаний у меня было не больше, чем у библиотечной кошки, даже если она каждый день спит на многомудрых фолиантах. Да, я ощущала, что нынешняя ночь не простая, но не более того.

Можно было воспользоваться случаем и рассказать Рене все, что я знала о себе и о чем догадывалась, но я в очередной раз струсилась, и, поскольку от меня чего-то ожидали, я сказала единственное, что мне пришло в голову. Дескать, в Убежище было водяное зеркало, позволяющее видеть то, что происходит в других местах. Астен мне показал, что и как, и я однажды попробовала проделать то же самое вот с этим зеркалом. Ничего особенного я не видела, но, возможно, стоит попытаться еще раз.

Кажется, мне поверили, а меня уже захлестнуло. Я сдернула со стекла дурацкий платок и... Разумеется, я не знала, как и что делать. У меня была лишь твердая убежденность, что сегодня и сейчас я могу разбудить однажды уже взнузданное моим незванным гостем стекло. Зачем-то я коснулась рукой серебряного лебедя, то ли пыталась доказать, что я и впрямь чему-то научилась у эльфов, то ли просто искала поддержки в памяти об Астени... А потом мне показалось, что комната, замок, город, да, пожалуй, и вся вселенная обернулись вокруг меня и встали на место. Я уставилась в зеркало. Сначала передо мной маячило мое собственное лицо со ставшими в неверном мерцании свечей огромными глазами и шевелившейся от откуда-то взявшегося сквозняка прядкой волос, выбившейся из косицы. Затем мое лицо исчезло, и зеркало отразило лишь дальнюю стену комнаты и два подсвечника, причем огоньки свечей отчего-то стремительно темнели, из золотистых становясь красными, лиловыми и, наконец, хоть такого просто не может быть, черными. Тьма наползала и изнутри зеркала — казалось, в отраженной комнате медленно гас свет... В конце концов я оказалась перед черным провалом в никуда, только на границе нестерпимым блеском светилась бронза подсвечников да на черном фоне угадывалось колеблющееся черное же пламя. А затем на меня глянули две пары глаз, не принадлежавших ни эльфам, ни людям, ни зверям, ни кому бы то ни было из виданных мною существ. Одни глаза, каждый о четырех зрачках, смотрели на меня с холодным интересом, и я чувствовала, что их обладатель знает обо мне все, даже то, что не знаю я сама. Взгляд второго напоминал взгляд огромной хищной птицы, если бы эта птица вдруг научилась сострадать. Не знаю, сколько все это продолжалось. Наконец тьма взорвалась в моем сознании мириадами радужных искр, я услышала странный, нестерпимый вой, перешедший в дикий, сводящий с ума визг, который, к счастью, вскоре заглушила музыка, вроде бы тихая и медленная, но вытеснившая сводящую с ума какофонию куда-то на периферию сознания.

Я очнулась, все еще слыша неторопливые аккорды, на фоне которых переливались и дрожали мелодичные трели. Пламя свечей вновь стало теплым и золотым, а зеркало

послушно отражало молодую женщину с полураспущенными косичками. Я провела ладонью по лбу и оглянулась. Мои гости оказались на месте и были, без сомнения, весьма и весьма озабочены.

— Что ж, — взгляд Рене стал как-то жестче, — мы знали, что рано или поздно это случится.

— Что случится? — глупо переспросила я.

— А разве ты не поняла? — Шани казался озадаченным.

— Ничего не поняла, — подтвердила я, не вдаваясь в подробности, — можно сказать, что я вообще ничего и не видела, только Тьму.

— Такое бывает, — авторитетно подтвердила каменная жаба, — тот, кто держит заклинание видения, может не видеть ничего.

Что ж, такое объяснение меня вполне устраивало.

— Понимаешь, Герика, — начал Шани, — мы видели, как...

— Ройгу прорвался через Гремиху, — перебил его Рене.

— А... — мой голос предательски дрогнул, — что Эор и...

— Всадников больше нет, Геро, — Рене ответил так мягко и понимающе, что мне захотелось броситься ему на шею и разрыдаться. Я, наверное, так бы и поступила, если бы не Шани и эта дурацкая жаба. И я просто тихо спросила:

— Как это случилось?

— Они приняли бой и погибли. Как и следовало воинам, до конца исполнившим свой долг. Они и так продержались дольше, чем можно было надеяться. Олень прорвался в Арцию, Геро. Правда, ему тоже досталось, он еще не скоро восстановит свои силы...

— Мы должны использовать это время, чтобы подготовиться и первыми нанести удар, — назидательно произнес Жан-Флорентин.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ ГОРНЫЙ ПОТОК

*И снится мне обрыв
Прямо с кручи горной,
Где сидит, глаза прикрыв,
Старый ворон черный.
Старый ворон, черный вран,
Все он ждет, зевая,
Пока вытечет из ран
Кровь моя живая.
Д. Сухарев*

Глава 23

Ночная Обитель

Значит, никто не может теперь ни покинуть Тарру, ни проникнуть в нее, — Роман не слишком сожалел об этом, потому что не намеревался спасаться бегством, но знать правду он хотел. Хотя бы для того, чтобы бросить в лицо сестре.

— Мне кажется, Адена все же отыскала способ. Она видела наших дорогих родичей насквозь. Я не удивлюсь, если она сумела их обойти, но мне она ничего не рассказала. Я ведь мог до срока бросить тайну в лицо Арцею...

— Адена... Теперь так называется река в Арции.

— Кто знает, может, это знак Судьбы. Моя сестра, в отличие от меня, давно поняла, что меч не защита от удара в спину. Я не расспрашивал, о чем она говорила с матерью твоего

отца, но, не сомневаюсь, она разгадала замыслы Арцея и обманула его, как он обманул меня. Именно в Обитель Адены ты пытался проникнуть, когда столкнулся с неведомыми нам силами. Ни о чем подобном мы даже не слышали, ни когда владели Таррой, ни когда пребывали в Свете. Но ты — принц клана Лебеда, и мне непонятно, почему тебе неизвестно, где Лазурный камень и что случилось с Залиэлью.

— Я знаю лишь, что она исчезла вскоре после рождения моего отца.

— Что ж, — покачал головой воин, — раз в твоих жилах смешалась кровь наших кланов, ты в равной степени можешь владеть обоими талисманами. Я, теперешний, могу лишь гадать, что происходило после Исхода, но мои объяснения лучше твоих, ибо многое ПОМНЮ. А память — ключ ко всему. Я не мешал сестре рассказывать Залиэли то, о чем знали лишь мы, Светозарные. Адена покровительствовала любви Ларэна и Залиэли, ее всегда умиляли чужие чувства...

Не понимаю, что за безумие охватило Лунных и Лебедей, как из двух сильнейших кланов уцелели лишь две жалкие горстки, уединившиеся в болотах и на дальних островах. Но я уверен — Залиэль и Ларэн были живы, по крайней мере тогда, когда появился тот, кого называли Проклятым и кто на самом деле мог быть лишь их учеником.

Залиэль и Ларэн поняли что-то очень важное, отсюда и Пророчество. Они решили, что ждать, пока Тарра сама взрастит своих магов, нельзя, и начали объединять и оставшуюся в их распоряжении Силу Света, и то, что сохранилось от некогда оберегавших Тарру сил. Залиэль всегда делала больше, чем говорила, — то, что рассказала тебе дочь Ночного Народа, тому свидетельство. Не скрою, я тоже пожалел бы девушку, потерявшую любимого, и позволил бы ей принять его последний вздох, но Залиэль вряд ли сделала это лишь из милосердия. И уж тем более она не могла не заметить Старый меч в руках Инты. Видимо, уже тогда она сочла полезным сохранить что-то из сил Прежних. — Воин покачал головой. — Адена как-то обмолвилась, что, по ее мнению, Лебединая королева ищет дорожку к Третьей Силе... Сестру это забавляло, а может, она сама поручила Залиэль сделать то, что для Светозарной было невозможным...

В одном я уверен. Это Ларэн отыскал человека с древней кровью и мятежной душой и обучил всему, что знал сам. Но Эрасти Церна был побежден и заточен. Тогда же скорее всего пропал и Лазурный камень, а мое кольцо оказалось в руках Церкви. Это был страшный удар и для Залиэли с Ларэном, и для Тарры. Они лишились основных талисманов и, видимо, отказались от борьбы. Возможно, кто-то из них погиб, пытаясь пройти в Лебединую Башню.

Однако тебе пора возвращаться. Драконы Времени — странные существа, в некоторых местах они двигаются быстро, а в некоторых дремлют. Река времени не может повернуть вспять, что произошло, то произошло. Но где-то ее течение едва заметно, а где-то она несется, как весенний поток.

— Что ж, — эльф поднялся, — мне действительно пора. Не скажу, что ты поведал слишком много, но, возможно, я просто не понял всего. Главное я теперь знаю — помощи не будет и не может быть, значит, мы справимся сами.

— Да, главное ты действительно понял, — сказал Ангес. — А на прощание выслушай еще кое-что. Никто не знает исхода схватки, идущей в Тарре. Даже те, кого называют Третьей Силой и кто, похоже, после нашего Исхода почтил своим пребыванием покинутый мир, оставив эландцам память о Великих Братьях. О, эта парочка ничего не делает зря. Если какой-то из миров привлек их внимание, значит, там или произошло или произойдет нечто, могущее повлиять на судьбы всего мироздания. Хотел бы я знать, что они искали, нашли ли, собираются ли вернуться... Может быть, тебе доведется встретить их.

Пока же помни: вы можете победить, а можете потерпеть поражение, но и ваши враги в том же положении, что и вы. Они не всесильны, как бы нагло они себя ни вели, а значит, каждый из ныне живущих может стать последней песчинкой, заставившей весы склониться в ту или другую сторону. Если будет совсем плохо, возможно, вмешаются Двое, но рассчитывать на них я все же не стал бы. Сил Тарры достаточно, чтобы справиться с опасностью, если собрать их в один кулак.

Вот все, что я должен был сказать. Сейчас я исчезну, так как исполнил то, что должно, а моя сила волеется в силу кольца. Помни, оно не просто талисман, дарующий защиту и помощь, не просто Ключ в эту обитель и обитель Адены и проводник в Тарру для тех, кто умудрится ее покинуть, обойдя Запрет. В черном камне скрыта чужая сила, кто знает, вряд ли ваши враги предусмотрели ее в своих расчетах. От меня же тебе достанется еще один дар. Ангес мог говорить с тысячами тысяч воинов одновременно, и каждый слышал его и понимал. Теперь и ты сможешь такое. И еще... Знай, ты теперь хозяин всего этого, — воин обвел рукой залитую лунным светом горную страну, — и всегда сможешь сюда вернуться даже без кольца. Но тогда обратной дороги для тебя не будет. А теперь прощай!

Ангес, вернее, призрак Ангеса, каким тот некогда был, улыбнувшись одновременно лихо и с какой-то горечью, взял эльфа за руку. Раздался тихий звон, в глазах замелькали незнакомые созвездия, и... эльф очнулся, коснувшись рукой шершавого камня.

— Тебя долго не бывать, — укоризненно сказала Криза, — я делаться голодная и начинала пугаться. Почему ты меня не ждешь?

— Видишь ли, волчонок, — Роман потрепал девушку по щеке, — пригласили одного меня. Хозяева очень настаивали, чтоб я был один, а для верности закрыли дверь.

— Шутить, да? — с надеждой поинтересовалась орка. — Но сейчас мы идите домой. Мама, и дед, и Грэддок нас ждать. Мне зря ходить в башню, тут нет ничто. Как я теперь молиться, если тут пусто. И пыль. Молиться можно, когда не видишь. А думаешь, что тут боги.

— Ты права, Криза. Но боги тут действительно были. Правда, не ваши, но сейчас это не важно. Хорошо, пойдем. Мы и в самом деле задержались, — эльф приложил кольцо к кладке. Повинуясь безмолвному приказу, в серой стене появилась дверь, из-за которой пахло зимним холодом, а потом ветер бросил им в лицо пригоршню снега.

— Не понимать, — Криза невольно вцепилась в рукав Романа, и тот машинально обнял девушку, — не понимать! Где лето? Это сон. Мы спимся, да?

— Я не знаю, где лето. Я заговорился с богом, а это требует времени.

— Но где лето?

— Лето кончилось, Криза, — вздохнул эльф, — да и осень тоже. Остается надеяться, что это зима нашего года. Не понимаешь? Это трудно понять. Я слышал про такое. Бывают места, где время идет медленнее, чем везде. Для нас прошло несколько ор, а сколько для остального мира — не знаю. Будем надеяться на лучшее.

— А что может быть худшее?

— Худшее, это если прошло много-много лет и все изменилось. Тогда нам с тобой придется узнавать, что творится на белом свете, думать, что врать, потому что нам никто не поверит. Но самое плохое, это если враг все-таки победил, победил, пока мы торчали здесь.

— Тогда нам надо будет побеждать его, — уверенно изрекла Криза, — но сначала надо смотреть.

— Надо, — пожал плечами эльф, — хоть и холодно.

К счастью, Криза стойчески таскала с собой зимние пожитки, так что немедленная смерть от стужи им не грозила. Хуже, если в горах лежит глубокий снег, тогда несколько вес до заимки старого Рэннока, если там, конечно, их еще ждут, придется преодолевать несколько дней. Роман отогнал от себя наиболее мерзкие мысли и решительно шагнул в холодную тьму.

Было ясно, ветер гнал по звездному небу редкие рваные облака, взметал снежную пыль, но с неба, хвала Звездному Лебедю, ничего не сыпалось. Темные, блестящие стены цитадели по-прежнему рвались ввысь, заслоня собой весь мир. Странно, но в ноздри прямо-таки бил запах дыма, да и темнота ночи казалась какой-то странной. Небо над головой было черным, но из-за стен словно бы поднималось слабое золотистое сияние.

— Я знать, какой сейчас день, — торжественно объявила Криза. — Это Праздник Последней Зимней Ночи! Там наши зажегивали костры. Перед утром жрецы будут делать

жертву, потом пировать, пока луна не делается совсем никакая. Нам надо назад в башня. Если нас видеть, убивать. Я — не мужчина, а ты — враг. Мы делать преступление, что ходить сюда!

— Подожди, не тараторь, — Роман задумался, — все не так плохо! Слышишь, река шумит, сюда никто не войдет и не выйдет, кроме нас, разумеется. В башню нам возвращаться нельзя, кто его знает, когда мы снова выйдем, а вот твои родичи... У них мы, по крайней мере, сможем узнать, в какое время попали и стоит ли нам идти на заимку или надо придумать что-то другое. Погоди-погоди... Много ваших сюда приходит?

— Весь ночной народ, который к полудню от Тугара.

— Тугар — это река?

— Да, великий река, ходить полуночь, долго ходить. Те, кто дальше жить, другую святыню ходить. Птицевая гора. Очень большая, я не видеть, дед раз был, говорил.

— Про другую святыню потом расскажешь! Значит, ваших тут много, в лицо все друг друга, надо полагать, не знают.

— Очень много, — подтвердила орка, — так много, как деревья в лесу, да! И мало кто знать друг друга. Мы сюда тоже ходим. В Последнюю Ночь можно. Мамку и деда никто не трогать. Нельзя.

— Очень хорошо. Значит, ссориться в эту Ночь не положено, никто никого не знает, и все тут собираются. Тогда и мы соберемся.

— Но у тебя лицо плохое. Тебя ловить и убивать. Жрец-старейшина...

— Твой старейшина в магии разбирается? Видела ты? Делал он что-то непонятное?

— Нет. Он только проклинать уметь. И просить духов гор помогать.

— А они помогать? Тьфу ты, вот уж с кем поведешься... Помогали они?

— Не знать. Может, помогать, может, само получаться. Если он не молиться, лето ведь все равно приходит?

— Именно! А теперь смотри! На меня смотри! — Роман сосредоточился, приложив на мгновение руки к лицу. Эльф давно научился изменять свою внешность, но одно дело, проведя не одну сотню лет среди людей, придумать себе лицо человека, и совсем другое прикинуться гоблином, каковых Рамиэрль знал всего пятерых. Семья Кризы не подходила, так как они могли оказаться тут же, и двойник бы вызвал подозрение. Оставался Уррик, к тому же подходивший по полу и возрасту. Роман старательно припомнил физиономию воина-гоблина и как мог ее воспроизвел.

— Ну, как? — поинтересовался он, отнимая ладони от лица.

— Какой ты красивый, — Криза не могла отвести восторженного взгляда от нового обличья Романа, — как витязь из сказков. Даже лучше! Ты не можешь всегда таким ходить? А? — в глазах девушки мелькнула надежда. — Это ты такой всегда, да? Ты просто хотел нас испытать и сделался страшным? А теперь ты стал опять ты?

— Нет, Криза, — Рамиэрль не знал, смеяться ему или плакать, — я такой, каким ты меня увидела сначала. Что поделать, такие уж мы, эльфы, уроды. Но ты не печалься. Воин, чье лицо я сейчас использую, существует. Он сейчас далеко отсюда, но он есть.

— Он какой? — нетерпеливо спросила Криза. — Он смелый? Умный?

— Смелый и умный, волчонок, — подтвердил Роман, непонятно почему чувствуя себя обделенным. Что ж, когда он устанет от своего бессмертия и ему некуда будет идти, он найдет приют и покой в Обители, будет следить за волчьими играми, охотиться на гигантских Ледовых тварей, а затем греться у костра в свете звезд... Но пока он от жизни не устал! Впереди схватка с врагом, слишком мерзким, чтобы даже помыслить об отступлении. Роман решительно тряхнул головой и засмеялся, поняв, что невольно перенял привычку Рене Арроя, — твоего красавца, моя дорогая, зовут Уррик. Может, ты с ним и встретишься. Жизнь — она ведь непредсказуемая. А сейчас очнись и идем!

Созданная Уанном река все еще рвалась наружу, только теперь ее исток был причудливо изукрашен ледяными наплывами, отливавшими всеми цветами радуги в свете возшедшей оранжевой луны. Роман и Криза спустились к воде, послушно расступившейся

перед учеником Уанна. Уже вступив на скользкие блестящие камни, Роман бросил взгляд чуть вбок и не поверил собственным глазам. Лунные лучи, проникшие в холодную глубину, заиграли на эфесе до боли знакомой старенькой шпаги. Шпаги Уанна, и Рамиэрль понял, что не может оставить оружие друга здесь, в чужих горах. Он заберет шпагу с собой, это будет вечной памятью о маге-одиночке.

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Сирены.
Арция. Мунт**

Ворота были намертво заперты. Сквозь кованую решетку с гербами виднелся двор, покрытый толстым слоем нетронутого снега. Снег превратил широкую пологую лестницу в белоснежный пандус, пышными валиками лежал на карнизах и подоконниках. Последний снегопад был позавчера, и не похоже, чтоб после этого кто-то подходил к особняку баронов Фло. Лупе вздохнула, понимая, что ей придется вновь тащиться через весь город, причем там ее может ждать еще один запертый дворец. Во Фронтере, разумеется, слышали, что в Мунте многое изменилось, но чтоб до такой степени...

Леопина вздохнула и повернула к Льюфере. В столице Арции она была единственный раз совсем девчонкой, но город с его дворцами, мостами и храмами запомнился на всю жизнь. Мунт был роскошен, шумен и небрежен, как подвыпивший нобиль. По булыжникам гроыхали кареты, раздавались голоса продавцов цветов и горячих каштанов, из окон многочисленных харчевен пахло мясом, пряностями, вином. Тогда семья Лупе останавливалась у родственницы, вышедшей замуж за арцийского нобилья и до смешного гордившейся своей новой отчизной. Интересно, где сейчас милая Санчия, неужели придется ее разыскивать?! Если никого из друзей Луи нет в городе, остается только она, жившая где-то у Мраморного моста.

Лупе поежилась — вроде и не холодно, но даже шубка из золотистой фронтерской лисы не спасает от пронизывающей сырости, к тому же она очень устала и хотела есть, а продавцы каштанов и пирожков, как на грех, куда-то задевались. Женщина вздохнула и торопливо зашагала к дворцу графов ре Батар, за которых Луи ручался как за самого себя.

Шпиль, увенчанный крылатым змеем Батаров, был виден издалека, но геральдическая рептилия оказалась единственной обитательницей роскошного палаццо. Лупе в пятый раз уткнулась в запертую решетку, даже привратничья, и та выглядела необитаемой. Женщина тяжело вздохнула. Итак, нужно решать — возвращаться или на свой страх и риск попытаться что-то разведать... Сдаваться не хотелось, но она обещала этому арцийскому мальчику, что ничего не станет предпринимать, только передаст письма его вельможным друзьям. А друзей не оказалось дома. Всех.

— У красавицы все в порядке? Она здорова? — Густой мужской голос заставил Лупе вздрогнуть. К ней участливо склонился высокий худощавый мужчина, держащий на плече измазанный красками ящичек.

— Спасибо, все в порядке, — тихо ответила Лупе, намереваясь уйти, но от человека с красками оказалось не так-то легко избавиться.

— Я давно наблюдаю за красавицей, — продолжал тот, обезоруживающе улыбаясь, — белый снег, черные ворота, рыжий мех, так и тянет нарисовать.

— Дан художник?

— О нет! — художники рисуют нобилей, а я — мазила. Рисую вывески, ну, может, иногда трактирщика с трактирщицей, во дворцы меня не пускают, да и ладно. Ничего хорошего там, особенно теперь, нету. Орлы разлетелись, одно воронье осталось,¹¹⁸ благо

¹¹⁸ Орел и Ворон — герб Мунта. Щит разделен на две половины. На черном — золотой орел, на золотом — ворон.

падали хватает. А красавица в гости к кому-то приехала. С севера, я вижу?

— С севера, — подтвердила Лупе, отчаявшись отделаться от мазилы, словоохотливость которого объяснял едва уловимый винный запах, — хотела на кухню наняться. Я готовлю хорошо, у меня письма есть...

Письма у нее действительно были. Одно, якобы от хозяйки поместья на границе Арции и Фронтеры, лежало в поясе вместе с тремя аурами и двумя десятками аргов,¹¹⁹ другие, с печатью Луи Арцийского, были хитрым образом зашиты в корсаже. Что ж, сказка, которую они придумали для приворотных стражников, сгодилась и для любопытного художника.

— А что, у вас вовсе худо стало? — посочувствовал тот. — Оно и понятно, чтоб умаслить юг, выжимают север. Я слышал, война у вас там?

— Нет, — входя в роль, покачала головой Леопина, — война к северу, во Фронтере, — там, говорят, все с ума посходили, а у нас тихо пока...

— Да уж, — зло махнул головой новый знакомец, — арцийцы молодцы, пока половине голову не свернут, другая и не почешется, — и резко сменил тему: — Что ж это я красавицу на улице морожу? Тут недалеко таверна есть, «Счастливая Свинья», я там как раз малюю, может, даненка со мной пойдет, согреемся, поговорим, подумаем. Вдруг хозяину не только вывеска, но и куховарка нужна? Или даненка только у графа работать хочет?

— Дан смеется, — Лупе уже увереннее играла свою роль, — мне сейчас хоть какое местечко найти.

— Значит, решили, — просиял художник, — меня зовут Жюльен. А красавицу?

— Дан мне льстит... Я даже в девушках красавицей не слыла. А зовут меня Халина, Халина Имстер...

— Красивое имя, и данна ничего себе, только маленькая очень, хоть в карман сажай, — длинный художник весело заржал, и Лупе показалось, что она знает его тысячу лет. Надо же, а ведь сначала он ей не понравился, наверное, потому, что она устала и замерзла. К счастью, «Счастливая Свинья» оказалась рядом. Это была очень уютная харчевня, скорее всего обязанная своим именем владельцу. Господин Жан-Аугуст был розов, толст и белобрыс, но его маленькие глазки светились умом и неподдельным добродушием. Приветливо кивнув художнику, хозяин без лишних слов кивнул на угловой стол.

— Понимает, что голодный художник не может сотворить ничего великого, — подмигнул Жюльен.

— А я думала наоборот, что гений должен быть голодным...

— Выдумки, любезная Халина, отвратительные выдумки, — никто не должен быть голодным, когда-нибудь это поймут. Кстати, тут все блюда готовят из свинины, никакого другого мяса Жан не признает. «Свинина и пиво» — вот его девиз! Но и то и другое выше всяких похвал, потому я у него и рисую уже квартиру. Будь он какой-нибудь болван, я бы управился за два дня, правда, сделал бы хуже. А так я в эту свинью вложил всю свою истрадавшуюся по прекрасному душу.

Леопина невольно засмеялась, разглядывая собеседника. Было тому что-то около сорока, и он, без сомнения, прожил эти годы отнюдь не аскетом. Худощавый, высокий, неплохо сложенный, с не слишком приятными чертами лица и всклокоченными волосами цвета перца с солью, Жюльен казался изрядно потасканным, но неунывающим, однако небольшие серые глаза смотрели пристально и оценивающе, как будто художник решал, стоит ли иметь с этим человеком дело или лучше заняться кем-нибудь другим.

Принесли пиво, хлеб и дымящуюся глиняную миску. Только теперь Лупе поняла, как она замерзла и устала. Нет, сегодня она больше никуда не пойдет, «Свинья» — восхитительное местечко, а решить, что делать, можно и утром, тем более Жюльен явно не дурак поболтать и наверняка расскажет ей много интересного...

¹¹⁹ Арг — разменная серебряная монета, имеющая хождение в Арции и Таяне.

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Сирены.
Корбутские горы**

Это выглядело безумием, но другого выхода не было, да и риск при ближайшем рассмотрении оказывался куда меньшим, чем представлялось вначале. Роман за свою карьеру разведчика не единожды выбирался из ловушек, и эта была далеко не самая опасная. В конце концов, гоблины, как бы много их ни было, сейчас заняты каким-то ритуальным действием, и все их внимание приковано к жрецам-старейшинам, или как их там... Если здесь кого-то и стерегутся, то с другой стороны. Им важно, чтобы никто не вошел в священный круг, центром которого является Ночная Обитель. Вряд ли кто-то станет ждать чужаков со стороны священной цитадели, да еще из реки.

Эльф помимо воли улыбнулся. Все же судьба неистощима на выдумки и шутки. Подумать только, Ночной Народ, единственный сохранивший верность Первым богам Тарры, собирается для великой молитвы у обители виновного в их гибели бога-чужака. Хотя чем лучше он, эльф, Дитя Света, путающийся с гоблинами и иными последышами Первых богов и шастающий тайными путями по следам странного колдуна? Воистину, все смешалось в этом причудливейшем из миров.

...На этот раз Роман поступил умнее, чем летом. Возможно, потому, что лезть в ледяную воду, даже зная, что она тут же расступится, не хотелось. Роман просто оттеснил бегущий поток от обледеневшего берега, так что между мерцающей водяной стеной и скалой остался узкий проход. Конечно, даже сил кольца вряд ли бы хватило, чтоб проделать такое с обычной рекой, но рожденный магией Уанна поток слушался Рамиэрля, как норовистая лошадь опытного всадника. Сначала показал свой характер, а потом смирился, хотя, возможно, в этом сыграла свою роль шпага мага-одиночки.

Кризис эльф велел идти за ним, и она шла тихо, как лесная кошка. Только иногда, когда Роман останавливался, чтоб прислушаться, она подходила так близко, что эльф чувствовал на шее ее теплое дыхание. Как все же горная девчонка отличалась от изысканных эльфийских красавиц! И, Проклятый свидетель, отличалась в лучшую сторону.

Эта часть пути была самой легкой, так как эльф не думал, что кто-то из гоблинов взберется на священную скалу только ради того, чтоб подойти к берегу и проверить, нет ли в зимней реке кого чужого. Зато там, где поток выбивался из скал в широкую долину, нужно было смотреть в оба. Они вовремя заметили отблеск пламени костра, разведенного на самом берегу. К счастью, между теми, кто развел огонь, и ними возвышалась груда камней, вдававшаяся в новоявленную реку. Лучшего места, чтоб выбраться из-под прикрытия потока, нельзя было и представить. Роман и Криза крадучись вышли на берег и зажмурились. Долина перед ними казалась пылающей.

— Никогда не думал, что вас так много, — прошептал Роман.

— А такого и не бывает ранее, — так же шепотом откликнулась орка, — тут приходится много чужие, я думать.

Глава 24

**2229 год от В.И.
1-й день месяца Сирены.
Арция. Мунт**

Граф Болдуэн ре Прю ничего особенного собой не представлял, хотя, скажи ему кто об этом, его светлость смертельно бы обиделся. Сын одного из провинциальных дворянчиков, не смевших мечтать даже о баронском титуле, он некогда попался на глаза всемогущему Бернару. К тому времени тот был глубоко женат и старательно хранил верность царственной

супруге, шарахаясь от подстерегавших мужчин из фамилии Годуа ре Озэ соблазнов в лице бравых гвардейцев и хорошеньких юношей-певчих. И все же высокий рост и прекрасные темные глаза двадцатилетнего Болдуэна сделали свое дело. Бернар обратил на молодого человека внимание. А обратив, понял, что этот провинциал очень хочет выбиться в люди и за ценой не постоит. Канцлера это устраивало, и он пристроил черноокого красавца в тайную канцелярию.

Не то чтобы зять императора не доверял главе синяков, которого знал многие годы и при помощи которого и взошел к вершинам власти. Арман Трюэль, так и оставшийся бароном, был воистину великим интриганом и прекрасно понимал, что удача Бернара есть его, Трюэля, удача. Но канцлеру хотелось показать всем и каждому, что всемогущая тайная канцелярия для него тайной не является и что он знает все ее секреты. Для этого к особе Трюэля и был приставлен советник с правами, мало чем отличающимися от прав самого господина начальника. Другое дело, что Болдуэн оказался человеком недалекого ума, способным лишь подозревать всех и каждого и бесконечно рассуждать об обилии врагов и собственной честности, то и дело принимаясь искать заговорщиков и Преступивших среди своих же товарищей. Впрочем, последние, замысли они что-нибудь подобное, с легкостью необыкновенной совершили бы это под самым носом канцлерова любимца.

Тем не менее ре Прю крепко сидел на своем месте, получал немалое жалованье, как ему казалось, честно заработанное, и за двенадцать лет беспорочной службы умудрился стать графом, жениться и родить наследника. С годами красавец заматерел и уверился в собственной значимости. Его глаза и усы упорно снились перезрелым дворцовым прелестницам, с восторгом внимавшим страшным и захватывающим повествованиям графа о точашей Арцию измене, которую только он, Болдуэн, и может известить.

Бернара все это стало раздражать, и канцлер начал всерьез подумывать о том, чтобы заменить Прю кем-то более толковым, благо это было нетрудно, но тут грянула Лагская битва. Бернар бежал. Разумеется, мог бежать и барон Трюэль, но старый волчара рассудил, что, продав свою шпагу победителю, получит куда больше, нежели скитаясь с низложенным императором по соседним государствам. И оказался прав. Узурпатор показал себя человеком разумным, приняв предложенные услуги взамен неприкосновенности и повышенного жалованья.

Судьба Болдуэна казалась более плачевной. Бегство высокого покровителя сделало его беззащитным перед сослуживцами, которые черноусого красавца, мягко говоря, недолюбливали. Барон Трюэль не счел нужным скрывать от ре Прю, что избавится от него при первом же удобном случае. В Замке Святого Духа, где с незапамятных времен обретались фискалы, не скрываясь называли Болдуэнова преемника — долгое время прослужившего во Фронтерских дюзах судебного мага Гонтрана Куи. Предполагалось, что в День святого Целеста, которого синяки почитали своим небесным покровителем, тот приступит к исполнению своих новых обязанностей, Прю же поблагодарят за все хорошее и проводят в отдаленное поместье. Причем еще вопрос, не упадет ли бедняге вскоре на голову некстати свалившаяся с кровли черепица и не разнесут ли его карету внезапно взбесившиеся лошади.

Может быть, Болдуэн и не был столь умен, как Арман или Гонтран, но годы в Замке Святого Духа не прошли и для него даром. Он понимал, что его единственный шанс — раскрыть заговор против нового императора. И лучше всего, если в нем окажутся замешаны его, Болдуэна, враги, первым из которых был выскочка Куи. Если же заговора нет, то его следует... придумать. Времени терять было нельзя, и уса́тый красавец начал действовать.

**2229 год от В.И.
2-й день месяца Сирены.
Корбутские горы**

День в канун Последней Зимней Ночи (во имя Звездного Лебедя, с чего это орки

вообразили, что зима кончается в месяце Сирены?!)) оказался сереньким и на удивление для Корбута теплым. Тяжелые слоистые облака, казалось, лежали на верхушках облетевших лиственниц, снег, пропитавшийся влагой, перестал скрипеть. Собравшиеся на праздник гоблины жарили на кострах оленину, пили принесенное с собой ягодное вино, оживленно переговаривались, сбросив с себя привычную суровость. Роман с удовольствием толкался среди горцев, пытаясь разобраться в странных обычаях, несхожих ни с изысканной печалью редких празднеств Убежища, ни с суетливыми людскими ярмарками.

По совету Кризы эльф повязал голову на манер плотогона-одиночки: такие живут вне общин, мотаются туда-сюда по рекам, до поры до времени не имея ни дома, ни семьи, ни соседей. Криза же очень мило разыгрывала деревенскую красавицу, увлечшуюся бравым вогоражем. То, что они бродили вдвоем, никого не волновало, в долине тут и там гуляли похожие парочки. После праздника Зимы во многих общинах недосчитывались девушек, зато в других появлялись очень серьезные молодые хозяйки. Гоблины постарше снисходительно усмехались в усы, наблюдая за молодежью. Парочки, устав ходить, держась за руки, подсаживались к чужим кострам, и везде для них находился кусок мяса и старые как мир шутки.

Криза и Роман без усталости кружили между костров и палаток, больше слушая, чем говоря. Чувствовавший, когда ввернуть словцо, когда промолчать, Рамиэрль к середине дня уже знал если и не все, что хотел, то все, что можно было узнать в этой глуши. Хорошо, что путешествие с Кризой и музыкальный слух, позволяющий уловить и воспроизвести любые интонации, превратили чуждый язык в почти родной. Иногда ради забавы Роман даже думал по-орочьи, и вот сейчас это пригодилось. Он узнал, что гоблины севера дружно выступили на стороне тарского господаря. Те, кто спустился с гор прошлой весной, еще не вернулись, но Годой потребовал у своих союзников пополнения, и северяне, дотоле пренебрежительно относившиеся к слишком уж очеловечившимся на их взгляд южным сородичам, вспомнили о них и прислали Избранного Воина, который будет говорить от имени Севера.

Новости были тревожными, но не безнадежными. Если Годой нужны новые воины, значит, Эланд держится. Послушать же, что будут говорить эмиссары Михая, было в любом случае полезным. Как бы то ни было, на сборы у горцев уйдет немало времени, они пойдут пешком, к тому же их наверняка задержит распутица. Роман не сомневался, что намного опередит гоблинскую армию и доставит сведения о ней вовремя. Правда, придется пробираться через Таяну и Явеллу, но это эльфа не волновало. Что ж, он не нашел Проклятого, но зато узнал много важного, а значит, его поход был не столь уж большой ошибкой.

— Смотри, — Криза незаметно, но довольно ощутимо ткнула в бок задумавшегося эльфа, — старейшины ходят слушать гостя.

— Говори тихо, но по-орочьи, — одернул ее Роман, — не хватало тут арцийских разговоров. Значит, гости будут говорить только со старейшинами?

— Да, — кивнула орка, переходя на родной язык, — горы не любят крика, особенно когда лежит снег. Крик зовет белую смерть. Старейшины выслушают, решат и все расскажут. Но ты можешь пойти. Ты вогораж, а вогораж сам себе старейшина.

— А ты?

— А я буду ждать тут. Тут хорошее место, все будет видно, а женщины, когда говорят мужчины, молчат.

— А на что ты собираешься смотреть?

— Сейчас младшие жрецы все подготовят, чтоб принести жертвы в память Созидателей и во имя их возвращения. Потом все встанут, чтоб видеть, но хорошо видно только тем, кто встанет тут. Тем, кто выше по склону, слишком далеко. Те, кто у алтарного круга, увидят только чужие головы. А потом придут жрецы-старейшины, принесут жертвы и объявят свое решение.

— А потом?

— А потом будет очень хороший праздник, всю ночь. А утром все пойдут домой. Ты

найдешь отсюда дом?

— Твой?

— Чей же еще?

— Найду, — пообещал Роман, — но ты все-таки постарайся не потеряться.

— Постараюсь, — кивнула орка, — я на всякий случай. Лучше подумать о том, что может быть, чем потом жалеть.

— Мудро, — согласился эльф, — зря у вас не дают женщинам слова. Что ж, пойду посмотрю на твоих старейшин.

**2229 год от В.И.
2-й день месяца Сирены.
Арция. Мунт**

Господин Гонтран Куи, с трудом скрывая отвращение, слушал Жюльена Пескуара, известного среди мунтских трактирщиков как Жюль-Огурец. Этот бородатый мазила был нечист на руку и однажды попался на горячем — хозяин таверны «Бычье Сердце» дядюшка Шикот застал болезного, когда тот заворачивал в стоившее немалых денег розовое атэвское одеяло два подсвечника и полдюжины бутылок лучшего дядюшкиного вина. И ходить бы вору без одного уха, если бы милейший Шикот уже лет двадцать не знался с тайной службой. Огурца по всем правилам препроводили в мрачноватый Замок Святого Духа, где и предложили ему на выбор — либо отвечать за краденое одеяло по всей строгости имперских законов, либо перейти в распоряжение тайной канцелярии.

Мазила не колебался, причем не только из врожденной трусости. Дружба с фискалами сулила какие-то, хоть и не шибко великие, деньги и возможность безнаказанно трепать языком налево и направо, отдавая нечаянных собеседников во власть осведомителя. Огурец был прямо-таки создан для такой жизни. Правду сказать, дядюшка Шикот потому и оставил дверь в свою контору приоткрытой, удалившись с помощником в погреб, что приглядел болтливого и нечистого на руку рисовальщика вывесок и решил, что из него выйдет толк. Так и оказалось. Пять лет кряду Жюль-Огурец верой и правдой служил тайной канцелярии, разнося по городу нужные слухи и выпивая с теми, кого фискалы подозревали в различных преступлениях от неодобряемых Академией научных занятий до недовольства всемогущим Бернармом. Занятно, но выявленные злоумышленники, даже оказавшись в ссылке, не догадывались, что виной их несчастий стал разговор с невоздержанным на язык художником... Как ни странно, но за все время ни одна из жертв Огурца на него не донесла, защищая собутыльника и собеседника с упорством, достойным лучшего применения.

Гонтран понимал, что в их деле без таких вот жюльенов не обойтись, но отделаться от отвращения не мог. Сегодня же почтенный фискал был особенно раздражен, хоть и не показывал виду. Всю свою жизнь Гонтран Куи верой и правдой служил Арции, борясь с разъедающей империю гнилью. Талантливый маг, он добровольно отказался от прибыльной и уважаемой работы Печатного волшебника ради сомнительной карьеры судебного заклинателя. Работа была не из легких: кроме выявления «недозволенного колдовства», приходилось заниматься нуднейшей писаниной, исправлением чужих ошибок и, самое мерзкое, работой с осведомителями, ибо только маг мог с большой долей уверенности определить, докладывают ли те правду или лгут.

Гонтран знал, что сильный духом человек порой выдерживает даже магический допрос, другое дело, что среди доносчиков сильные духом не попадают. Те свое дело делают, кто из-за денег, кто расплачиваясь за прежние грешки, а чаще всего из-за того и другого одновременно. Что до товарищей Гонтрана и его начальства, то большинство об Арции и не думало, занимаясь устройством собственной карьеры и фортуны. Доверять им было нельзя, уважать и любить тем более.

Куи быстро разобрался в этой кишащей жуками и проглотами мутной воде и начал медленно, но уверенно карабкаться вверх по служебной лестнице, полагая, что чем выше его

должность, тем больше он может сделать. Долгожданный перевод из провинции в столицу подвел черту под десятилетием каторжного труда. Здесь, в Мунте, Гонтран твердо рассчитывал создать собственную сеть прознатчиков, которая подчинялась бы только ему и работала на благо Арции, разумеется в понимании Гонтрана Куи. На это, по расчетам господина судебного мага, требовалось два или три года. Однако времени-то как раз и не оказалось. Троном завладел узурпатор!

Будучи человеком умным, Гонтран по достоинству оценил действия Годоя. Тот вел себя прямо-таки безукоризненно, а его договор с начальником тайной канцелярии бароном Трюэлем и вовсе был вершиной государственной мысли. Разумеется, господин барон согласился на все требования самозванного императора — кому хочется быть отданным на растерзание толпы горожан, еще вчера зябко передергивавших плечами, когда при них поминали Замок Святого Духа?!

Нет, в том, что Арман Трюэль договорился с Годоем, не было ничего удивительного. Он был просто обязан это сделать. И, всячески угождая узурпатору, начать скрытую работу против него! Именно этим и должна была заняться тайная канцелярия Арции! А что на деле? На деле товарищи Куи во главе с Трюэлем с восторгом вцепились в плащ тарскийского выскочки, всячески доказывая собственную незаменимость и усердие и не забывая топить соперников. Гонтран был достаточно опытен, чтобы понять — тайная канцелярия безоговорочно перешла на сторону Годоя. Сам же он так поступить не мог. Куи, нобиль в первом поколении, безумно гордился своим безупречно арцийским происхождением, и ползать на брюхе перед варваром было для него как нож острый. К тому же Гонтран был стойким и убежденным борцом с Недозволенным, а от Годоя и его окружения прямо-таки разило Запретной волшбой. Господин судебный маг имел все основания предполагать, что на Арцию свалилась напасть, рядом с которой даже ересь Проклятого — жалкая кощенка в сравнении с тигром.

Разумеется, Гонтран ни с кем подобными мыслями не делился, от природы нелюдимый и сдержанный, да еще прошедший школу Замка Святого Духа, он не доверял никому. Он продолжал усердно исполнять свои обязанности, среди которых числилось и общение с Жюльеном-Огурцом и ему подобными, но голова судебного мага была забита другим. Он должен был оценить размеры нависшей над Арцией опасности и отыскать выход. Впрочем, кое-что предпринимать он начал уже сейчас.

Гонтран прекрасно знал, что в Мунте должны быть прознатчики из Эланда, Атэва и Таяны, да и Церковь Единая и Единственная предпочитала узнавать о происходящем из собственных источников. В свое время, пока он не получил высокой должности во Фронтере, Гонтран выявил немало всяческих подсылов. К сожалению, годы вдаль от Мунта сделали свое дело: старые шпионы частью были переловлены, частью бежали, новых Куи не знал, а его товарищи не спешили делиться с соперником своими достижениями. Неудивительно, что найти ниточку, которая тянется из столицы к Архипастырю или к Рене, стало для мага вопросом жизни и смерти. Полагая Годоя узурпатором и чернокнижником, он был готов заключить союз с самим Проклятым!

Гонтран не сомневался, что Феликс и Аррой не могут не стараться узнать, что творится в Мунте, а значит, в городе неизбежно должны появиться шпионы. Нужно было их разыскать, и тут таскающийся по трактирам и гостиницам Жюльен оказался просто кладезем. Разумеется, доносчик не знал, для чего именно нужны старшему судебному заклинателю любопытные чужаки, да его это и не волновало. Свои деньги и защиту он получал, чего же еще? Огурец старался как мог, но за почти полгода не нашел никого мало-мальски пригодного. Нет, разумеется, аресты были, причем добрых два десятка ни в чем не повинных купцов и наемников в умелых руках синяков признали свою вину и были публично казнены как шпионы и колдуны. Но Гонтрану от этого было не легче. Ему были нужны не деньги и награды, а союзники. Огурец же вытаскивал пустышку за пустышкой. Мазила чувствовал, что хозяин недоволен, и буквально выпрыгивал из штанов, вот и сегодня по его наводке стражники приволокли какую-то провинциальную бабенку, возмечтавшую о

месте кухарки в господском доме.

При преступнице оказалось рекомендательное письмо, немножко денег, однако, раз уж ее видели у особняков государственных изменников, придется пожертвовать орой, а то и двумя. Иначе недоумок ре Прю вполне может донести Арману, что Гонтран Куи в заговоре с Фло и Батарами. Раньше Куи бы наплевал на такие глупости, но теперь, когда он и вправду собрался идти против тайной канцелярии, приходилось дуть на холодную воду. Господин судебный заклинатель подавил раздражение и спустился вниз, где в сводчатой, хорошо освещенной комнате с унылыми стенами дожидались своей участи арестованные минувшей ночью.

Гонтран Куи без особого интереса обвел взглядом десятка три задержанных и похолодел — вот он, шанс! Единственный и неповторимый. Он ломал голову, как связаться с теми, кто поднял оружие против еретика-узурпатора, и, видимо, Творец услышал его молитвы! Колдунья из Белого Моста, увезенная герцогом Рене...

Огурец, сам того не подозревая, поймал золотую, да что там золотую, алмазную рыбку! Просто так в Мунте она, как же ее звали? Ах да, Леопина, оказаться не могла, а раз такое дело... Но это потом. Первое, что он должен сделать, это забрать ее к себе, разумеется, не возбуждая подозрений, а затем втолковать ей, что он не враг. Сложнее всего будет вывести ее из Мунта, не возбуждая подозрений. Арестованных, даже по ошибке, тайная канцелярия и раньше-то отпускать не любила, а теперь и вовсе. Виновный ли, нет ли, а костер, веревка или же дорога в один конец тебе обеспечена. Чтобы Лупе вышла на свободу, должны исчезнуть все, кто имел отношение к ее аресту.

Хорошо, что донес на нее именно Жюльен-Огурец, Гонтрана давно тошнило от этого подонка, начавшего о себе слишком много полагать, а тут его смерть послужит благому делу.

Куи не колебался — Годой должен быть уничтожен, причем против него хороши любые средства. Сейчас же главное — не возбуждая подозрений, заполучить колдунью в свои руки. Жаль, что он не слывет охотником до женского пола. Тогда бы его уединение со смазливой бабенкой, после чего означенная бабенка всплыла бы где-то в низовьях Льюферы, никого бы не удивило.

Маг подошел к Лупе и голосом злым и скучным осведомился:

— Кто такая? В чем виновата?

Невыспавшийся пристав, чьей обязанностью было принимать «ночных гостей», порылся в бумагах и равнодушно пробубнил:

— Халина Имстер, двадцати девяти лет, вдова мещанина из Убата,¹²⁰ при ней обнаружено письмо за подписью Моники ре Атно, троюродной сестры по матери скрывающегося от правосудия Луи ре Эллари.

Лупе стиснула зубы. Как все, оказывается, просто! Луи вне закона, и письмо его родственницы равносильно приговору. Потому-то и дома стояли пустыми, даже торговцы от них шарахались, а она двумя руками влетела в капкан, и хорошо еще, если за собой не потянула беднягу-художника и толстого трактирщика. Теперь главное уничтожить письма Луи, а для этого нужно хотя бы на четверть оры остаться одной. Что бы с ней ни делали, она должна остаться Халиной из Убата, недалекой провинциалкой, подавшейся в столицу. Тогда, возможно, она и вывернется.

— Так как, говорите, ваше имя? — Лупе с усилием подняла голову и выдержала взгляд двух почти бесцветных и холодных, как зимний туман, глаз, глаз, которые она уже где-то видела.

— Проше дана, меня зовут Халина...

Глава 25

¹²⁰ Убат — город в северо-восточной Арции.

**2229 год от В.И.
2-й день месяца Сирены.
Корбутские горы**

Как понял Роман, северные гоблины не слишком высоко ценили своих южных собратьев, а потому разговор начали несколько свысока. Эльф пожал плечами, глупость его раздражала всегда и везде, к тому же высокий, затянутый в темную кожу воин с богатым оружием чем-то неуловимо напоминал его собственную сестрицу. Бесспорно, Эанке, скажи он ей это в лицо, постаралась бы, как и положено знатной эльфийке, сначала упасть в обморок, а потом отравить обидчика, но заносчивость выглядит одинаково мерзко и у эльфов, и у гоблинов. Впрочем, Роман был рад, что говорить с южанами отрядили самовлюбленного нахала. То, что бард успел узнать о соплеменниках Уррика, говорило, что тем вряд ли понравится подобное обращение. Пока же на каменных лицах трех десятков старейшин, бывших по совместительству еще и жрецами, не отражалось ничего, они внимательно выслушали все, что им хотели сказать, и начали задавать вопросы.

Если бы Роман был собакой, то его уши стали бы торчком, так как обсуждаемое в заснеженной горной долине напрямую касалось Эланда и Арции. Посол с неудовольствием признал, что прошлогодний поход против изнеженных и порочных последышей захватчиков оказался не столь уж легким делом и закончить его до холодов не удалось. Рамиэрль узнал, что основные силы гоблинов зимуют у стен какой-то морской крепости, которая, без сомнения, будет взята сразу же, как станут снега. Стройный вогораж, услышав это, иронически поднял густую черную бровь. В ответ стоявший отдельно от всех кряжистый старик в богато расшитом поясе неожиданно подмигнул ему, и Роман понял, что далеко не все орки одержимы идеей идти за тридевять земель, да еще под командованием спесивого болвана.

Что до новостей, то даже в изложении уверенного в победе и собственном величии северянина они выглядели весьма обнадеживающе. Рамиэрль, отбрасывая словесную шелуху, с жадностью впитывал главное: Эланд сопротивляется, Кантиска — тоже. Феликс и Рене живы. Во Фронтере появились партизаны, практически полностью отрезавшие засевшего в Мунте Годоя от Таяны и Тарски. Между Лисьими горами и Олецкой в относительной безопасности чувствовали себя только крупные гарнизоны, защищенные укреплениями, дороги же во власти партизан, ниоткуда появлявшихся и исчезающих в лесах.

Осенью и в начале зимы были предприняты попытки уничтожить лесных бестий, но перешедшим под руку Годоя баронам сделать это не удалось, а крупный отряд, собранный в Таяне и Тарске и вроде бы напавший на след партизан, по свойственной людям глупости сбился с дороги и сгинул в болотах.

Тут вогораж опять улыбнулся — оставшиеся во Фронтере Хозяева неплохо справлялись с новыми для себя обязанностями. Похоже, совместные действия болотной нечисти и недовольных новыми порядками фронтерцев оказались весьма успешными, да и в Гелани, судя по всему, было не так уж спокойно. Годую и его сподвижникам из числа северных гоблинов требовалась помощь, но они не привыкли просить, а зря. Из собравшихся у Ночной Обители жрецов-старейшин поддержать поход на закат соглашались лишь четверо. Роман хотел бы знать, был ли среди сторонников войны враг Рэннока. Судя по тому, что рассказывала Криза, наверняка. А вот тот гoblin, который подмигнул Роману, явно не собирался таскать из огня каштаны для тарскийского господаря и фанатиков с севера. Как понял эльф, звали его Граанч, и, судя по богато украшенным поясу и чупаге¹²¹ и по тому,

¹²¹ Чупага — легкий горский топорик, с удлиненным топорищем с заостренным концом, позволяющим ходить по ледникам.

что он всегда говорил последним, был он весьма уважаем и облечен властью. Граанч и Северный невзлюбили друг друга с первого взгляда, это было очевидно даже чужаку. Вопросы горского старейшины подразумевали ответы, весьма неприятные для посла, а слова, обращенные к соплеменникам, не оставляли простора для сомнений. Граанч сделает все, чтобы предотвратить поход. На взгляд Рамиэрля, старик был даже излишне резок. Северяне были многочисленны, хорошо организованны, их правители действовали в союзе с белыми жрецами, в которых Роман без труда узнал ройгианцев.

Граанчу следовало не дразнить могущественных соседей, а, на словах соглашаясь с ними, тянуть с выступлением, изобретать различные причины, одним словом, вести себя так, как ведут себя властители слабых стран, когда не желают исполнять волю сильных соседей. Однако искусство политики в Корбутских горах еще не сложилось, зная же ройгианцев, Роман не сомневался, что те заготовили какую-то каверзу. Эльф бы не удивился, если бы старик Граанч внезапно умер, и для себя решил держаться на всякий случай поближе к нему. Чтобы защитить или же, если не успеет, разоблачить убийц, тем самым сорвав их замысел. Рамиэрль по воле случая оказался в гуще событий, от исхода которых во многом зависел и исход войны, и он не собирался оставаться в стороне.

Итак, посол именем Истинных Созидателей потребовал у совета старейшин выставить двадцать тысяч вооруженных воинов. Они должны примкнуть к сорока тысячам, собранным на севере, и, пока еще лежит снег, спуститься к истокам Рысьвы. Оттуда часть войска повернет на Гелань, гарнизон которой следует усилить, другая же должна навести порядок во Фронтере. Гоблинам отводилась роль железного катка, который огнем и мечом пройдет по непокорной провинции. Мужчины, заподозренные в связи с партизанами, должны быть уничтожены, женщины и дети отправлены в Варху на строительство Великого Храма.

Выполнив эту задачу, южане останутся в очищенной Фронтере для поддержания порядка, путь же северян лежал дальше на юг. Белые Жрецы отводили им почетную роль в борьбе с ересью человеческой церкви и насаждении веры в Истинных Созидателей.

Видно было, что северянину неприятно просить о помощи, но выхода у него, похоже, не было.

— Ты все сказал? — Граанч, похоже, кипел от негодования. — Мы выслушали тебя, хотя в Ночь, когда рождается Весна, должно веселиться, а не говорить о делах.

— Мое дело неотложно и угодно Созидателям.

— Созидателям ли? Или тем, кто хочет глупой славы для себя? Почему мы должны верить Белым Жрецам, тогда как нам не было явлено никаких знамений, а ведь Инту приютил народ юга. Мы ждем, когда ее кровь призовет нас, а утраченный меч вновь будет обретен. Тогда мы спустимся с гор и исполним свой долг, а пока мы должны ждать.

— Но час уже пробил, — нетерпеливо перебил северянин, — в тебе говорит страх, старик. Ты врос в эти горы корнями, как дерево, и забыл и о нашей былой славе, и о нашем позоре. Уцелевший восстал и зовет нас. Да, он говорит со своим народом через Белых Жрецов, но лишь потому, что его служители разленились и отчаялись.

— Кто дал тебе право на подобные слова? — глаза Граанча метали молнии. — Ты, родившийся тогда, когда я прибил на дверь клыки сотого кабана?! Кто учил тебя так говорить?

— Созидатели, — посол стоял, гордо вскинув голову. В глазах его горел огонь.

«А ведь он верит тому, что говорит, — подумал Роман, — а пропереть такого бугая непросто. Воображения никакого, упрямство ослиное, а сомнения на десяток Примеро хватит. Наверняка ему предъявили очень серьезные доказательства воли Созидателей и его собственной избранности, иначе он держался бы иначе».

— Не прервать ли нам наш разговор? — вкрадчиво вмешался один из четырех жрецов-старейшин, поддерживавших северянина. — Верховный жрец-старейшина не мог забыть о том, что все готово для жертвоприношения. Почтенный Граанч не может более заставлять народ ждать.

Роман был уверен, что посол постарается продолжить разговор, но тот, с трудом скрыв

торжествующую улыбку, наклонил голову:

— Сначала жертва Созидателям, затем все остальное.

Граанч смерил его нехорошим, оценивающим взглядом и поднялся с места, опираясь на свою чупагу. Роман, стараясь держаться поблизости, наспех прощупал окрестности на предмет магии. По всему, во время жертвоприношения следовало ждать каких-то малоприятных неожиданностей. На первый взгляд все было спокойно, но Рамиэрль уже давно не доверял не то что первым, но и вторым, и третьим взглядам. Неприятность тем не менее появилась не в виде притаившихся бледных. Ее принес молодой гоблин, узор чупаги которого, хоть и более простой, напоминал орнамент на чупаге Верховного. Эти двое говорили шепотом, но по тому, как нахмурился неsgiбаемый Граанч, Роман понял: произошло что-то неприятное, требующее безотлагательного вмешательства. Верховный жрец-старейшина с достоинством, но явно поспешая, направился вниз, за ним, опираясь на свои чупаги и соблюдая строгий, но пока непонятный Роману порядок, последовали остальные, за которыми двинулись допущенные на совещание старейшин одиночки вроде самого Романа.

Эльф еще раз проверил все вокруг. Что бы там ни происходило, магией оно пока не пахло, а это значит, что для гоблинов он останется одним из них. Если не выдать себя каким-то дурацким поступком, у него есть все шансы через месяц-другой увидеть Рене.

Старейшины шли между взволнованными соплеменниками, почтительно, но не подобострастно расступавшимися перед ними. Наконец они оказались у подножия скалы Ангеса. Когда-то здесь начиналась трещина-тропа к Обители, ныне скрытая в ледяной воде. Достигнув подножия скалы, поток разделялся надвое, обтекая чуть выпуклое дно долины, он устремлялся вниз, прижимаясь к ее стенам и, как заметил Роман, подмывая их, и, наконец, исчезал в боковом ущелье. За время отсутствия Романа на самом конце новоявленного мыса успели установить четыре валуна, видимо предназначенных для жертвоприношения. На одном из них, самом высоком, даже развели огонь. У другого лежали, иногда конвульсивно подергивая связанными ногами, несколько овец, косуля, кабан и самый настоящий горный медведь, гордость какого-то удачливого охотника-горца. Однако глаза всех были обращены в другую сторону. Роман вгляделся, вслушался и все понял.

Какому-то гоблину удалось захватить нескольких человек, и теперь самые ярые сторонники Истинных Созидателей намеревались возродить древнюю традицию человеческих жертвоприношений. Появление новой реки, перекрывшей путь к Ночной Обители, трактовалось как знамение гнева душ Созидателей, неудовлетворенных жалкими жертвами, а также недвусмысленное указание на то, что нужно выйти из своих гор и смести с лица земли предателей, отказавшихся от богов. Большинство собравшихся, однако, безмолвствовало, видимо ожидая слова старейшин. Роман глянул на счастливчика, захватившего столь ценный трофей. Высокий, но такой широкоплечий, что казался приземистым, он с деланным равнодушием смотрел куда-то вверх, однако его прямо-таки распирало от сознания собственной значимости. Эльф вздохнул, видимо, ему предстояло увидеть весьма неприятное зрелище, хоть бы Кризе не досталось удобного места, нечего ей такое видеть.

Граанч пад Никор Ранна, тяжело ступая, вышел вперед и трижды ударил своей чупагой о камень.

— Время! — провозгласил он.

— Воистину время, — согласно наклонили головы старейшины. — В память о тех, кто создал все сущее, добровольно откажемся от лучшего, что имеем.

— Откажемся, — на этот раз грохнула вся долина. Граанч еще раз ударил чупагой, и его топорик окутало призрачное голубоватое пламя, подобное тому, что иногда пляшет на мачтах кораблей. Роман, вздрогнув от неожиданности, еще раз проверил окрестности. Нет, магией, колдовством тут и не пахло. И тем не менее холодный огонь продолжал гореть. Верховный поднял чупагу вверх, и тут же пламя охватило вершины десятка гигантских лиственниц, росших на склонах.

— Мы сказали, нас услышали, — провозгласил Верховный.

— Воистину, — подтвердили старейшины.

Дальнейшее ничем не отличалось от обрядов, многократно виденных Романом во время скитаний по странам, куда еще не дотянулась рука Церкви Единой и Единственной с ее ладаном и красным вином и куда не ступал конь последователей пророка Баадука, саблей и огнем утверждавших необходимость шесть раз на дню с воплями валиться на колени, обратясь лицом на закат. Другое дело, что, утверждая свою веру, и последователи Спасителя, и почитатели Баадука пустили столько кровищи, что в ней утонул бы самый кровожадный бог древности. К тому же и в Атэве, и в Арции люди втихаря продолжали баловать Хранителей и духов, перерезая глотки баранам и сворачивая шеи курам и уткам, выкупая кровью животных удачу. А в душных джунглях Сура до сих пор кочевали племена, жертвующие Духу Предков кто младенцев, кто только что созревших девушек, а кто и впавших в старческую немощь вождей. Кровавых жертв не признавали, похоже, лишь в Эланде — маринеры предпочитали радовать духов моря частью захваченной добычи, а не чужими, пусть и цыплячьими жизнями. Глядя на торжественные приготовления, Роман очередной раз подумал о несхожести маринеров с остальными обитателями Благодатных земель.

У алтаря между тем все шло своим чередом. Овцы и косуля безропотно приняли свою судьбу. Кабан и медведь пытались бороться, но, накрепко связанные, ничего не могли поделать со своими мучителями, и их кровь смешалась с овечьей.

Как только огромная буро-черная туша в последний раз дернулась, а дымящееся медвежье сердце было извлечено из груди горного гиганта и возложено на Высокий алтарь, Верховный поднял все еще пылающий топор, явно намереваясь что-то возгласить, но тут вперед выступил самый противный старикашка, который все время поддакивал гостю. Верховный, похоже, не был склонен устраивать человеческое жертвоприношение, но ему не дали вовремя закончить церемонию.

— Созидатели, — возопил сторонник Севера, — ждут от нас стойкости и веры. Мы должны вырвать сердца предателей, и мы должны быть жестоки к врагам, только тогда мы вновь обретем богов. Только тогда мир вновь будут принадлежать нам! Вспомним Песнь Уцелевшего: «Кровь отступников на Алтаре открывает дорогу в Небо!» Вспомним Предсказание. Колдун с равнин с рыжим младенцем знаменуют конец и начало! Кровь младенца откроет Ночному Народу дорогу вниз, а предателям — дорогу в ледяную пустоту небес! Свершилось! Мой сын привел в Великую Ночь к Обители колдуна с рыжим младенцем! Их кровь откроет нам врата удачи. Наш поход потрясет корни гор!

Беснующийся фанатик внезапно остановился, повелительно махнул рукой, и в круг гордо вступил так не понравившийся Роману здоровила, за которым воин с довольно-таки тупым лицом волок к алтарю толстенького оборванного человека, прижимавшего к груди сверток с ребенком, а за ними еще один гоблин тащил за волосы пронзительно визжащую молодую женщину.

Роману показалось, что он наконец-то сошел с ума. Каким, во имя Великого Лебеда, образом здесь, в горах, мог оказаться Симон с Лисьей улицы, деверь Лупе, соратник и друг?! Что за женщина с ним, откуда ребенок? Будь оно проклято, ремесло разведчика! Разведчик всегда предатель. Он предает тех, кто ему верит и выбалтывает сокровенное. Он предает своих, потому что... Да потому что он, Роман Ясный, не может сейчас выхватить шпагу и броситься на выручку маленькому лекарю. Это безнадежно — гоблинов тысячи, а он один, если не считать Кризы, которой он теперь не сможет никогда посмотреть в глаза. Но он ОБЯЗАН вернуться, потому что талисман Ангеса не должен вновь затеряться или, не приведи Великие Братья, попасть в руки ройгианцев! Он должен вернуться, чтобы рассказать об увиденном, чтобы встать рядом с Рене в той битве, где он принесет больше пользы, чем здесь... Будь оно все трижды, четырежды, десять тысяч раз проклято! Роман не мог даже отвернуться, так как гоблины его бы не поняли. Тысячи глаз были прикованы к алтарю.

В память Романа навеки врезалась эта сцена. Мертвенный свет пылающих, но

несгоравших лиственниц, освещавших пятнистые от звериной крови камни алтаря, шум неистового потока, притихшая толпа и семь застывших фигур. Фанатик Кадэррок — воплощение триумфа и мракобесия (и как только он, Рамиэрль из клана Лебеда, мог подумать, что проклятые гоблины отличаются от людей и эльфов лишь внешним видом?!), Верховный, все еще сжимающий пылающую чупагу, но почти утративший власть, трое воинов, тупых и свирепых (этих он, Рамиэрль, рано или поздно убьет, хотя от этого вряд ли будет легче), женщина, которая не могла уже даже кричать, и Симон, пытающийся прикрыть собой какого-то ребенка. Время остановилось, как останавливается всегда, когда мы выбираем меньшее из зол. Было видно, как лекарь обвел глазами толпу на склонах, проклятое эльфийское зрение позволяло видеть все до мельчайших подробностей: кровоточащие ссадины на лице женщины — видно, ее тащили лицом по шероховатым камням или льду, обрывки рыжей лекарской мантии Симона, разноцветные полосы толстого одеяльца, в котором заходился плачем ребенок, ослабленные зверские рожи добытчиков... Кадэррок пад Ухэр, уже не оглядываясь на Верховного, обнажил нож, вероятно специально подготовленный для такого случая. Его звероподобный сынок, перехватив поудобнее спутанную гриву волос, толкнул пленницу вперед, женщина упала на колени.

— Зрите, — вновь возопил отец удачливого охотника, — я, я, Кадэррок пад Ухэр, исполню предначертанное во имя Возвращения!

И тут в круг вырвалось новое лицо. Гредда! Мать Кризы и Греддока, орка, осмелившаяся любить того, кого захотела, и заплатившая за это изгнанием и чуть ли не жизнью. Роман ее узнал сразу, хоть и видел лишь единожды. Нет, воистину гоблины, как и люди и эльфы, способны как на великую жестокость, так и на милосердие.

Гредда озверевшей кошкой налетела на охотника и изо всех сил толкнула его. Тот то ли не ожидал нападения, то ли неловко стоял, но гoblin упал, нелепо задрал огромные ножищи. Он так и не выпустил волосы женщины, и та свалилась на своего мучителя. По рядам зрителей пронесся ропот. А потом все стихло, казалось, стало слышно, как падает редкий крупный снег.

— Ты, — закричала Гредда, поворачивая лицо к жрецу-старейшине. Кто, глядя в ее лицо, осмелился бы сказать, что орки безобразны и звероподобны?! — Ты, убийца! Упырь! На тебе крови, как на зимнем медведе! На тебе и твоих вырождах!

— Уведите безумную, — холодный, презрительный голос, без сомнения, мог принадлежать только гостю с Севера, до поры остававшемуся в тени. — Я САМ принесу жертву во имя Возвращения — уведите эту женщину! Я сказал, иначе мне придется принести в жертву и ее, дабы ее вопли не сглазили Великого Дела, — повторил посланник еще раз, в то время как его воины выстроились у алтаря по обе стороны Верховного, который рванулся было что-то сказать, но потом угрюмо опустил голову, заранее смиряясь с поражением.

Роман только сжал зубы, что ж, этого он тоже убьет! Гредда же, обнажив охотничий нож — такой же, как у Кризы, закрыла собой человека с ребенком. Она не собиралась уходить.

— Убийца, — повторила она с вызовом, — ты говоришь, что служишь богам?! Горе им, если у них такие слуги, и горе нам, если к нам вернутся такие боги. Твое дело Проклятое! — кроме ножа, у нее было только одно оружие, которым владеют даже связанные по рукам и ногам пленники, если их дух не сломлен.

Тысячи глаз видели, как Гредда плюнула в сторону Кадэррока и его хозяина. И внезапный порыв ветра бросил этот плевок прямо в лоб посланцу, который инстинктивно утерся, а потом махнул рукой. Затянутый в черную кожу с белым Знаком рогов воин шагнул вперед. Гредда, оскалившись волчицей, повернулась к нему, но защищаться ей не понадобилось. Носящий Знак рогов упал. В горле его торчала стрела. Сын не оставил мать. Вторая стрела впиалась в глаз некстати поднявшегося охотника, и юный Греддок, все еще прихрамывая, выскочил вперед, бережно, но споро помогая поднять женщину, в то время как могучий Рэннок с топором встал рядом с ними. И — у Романа совсем помутилось в глазах,

когда совсем с другой стороны с диким криком «мама!» выскочила Криза и, пролетев между ошалевшими «рогоносцами», встала рядом с братом.

Никто из них, в отличие от Романа, не знал лекаря Симона, не сидел у него за столом, не задыхался от ужаса перед Воплощением Ройгу, не спорил о том, какую цену и за что можно заплатить. Вряд ли кто-то из них, за исключением, может быть, Кризы, проводшей полгода в обществе эльфа, вообще задумывался о таких вещах, как Добро и Зло или цель и средства. Но они не колебались, когда пришло время выбирать, хотя никто их не заставлял жертвовать жизнью, пытаясь спасти тех, кого спасти было никак нельзя.

Их было четверо против... Нет, не десятков тысяч. Десятки тысяч безмолвствовали, наблюдая за разворачивающейся перед ними трагедией, о которой, очень может быть, спустя сотню лет будут петь песни, превознося то ли мудрость и решительность Воина с Севера, то ли доброту Гредды... В зависимости от того, чья возьмет. Против Гредды и ее семьи стояли чужие южным горам воины со Знаком рогов и беснующийся фанатик. Роман видел, что, не будь Верховный жрец-старейшина так подавлен, он бы еще мог взнудать судьбу. Рене, тот наверняка смог бы, Рене, но не этот согбенный годами орк, мудрый, возможно даже добрый, но опустивший руки.

Роман отвернулся от Граанча и встретил взгляд Кризы. В нем не было укора или просьбы, а было лишь непонимание. В черных глазах девушки читалось одно: «Почему ты не с нами?!» Ей было не понять, что смерть нескольких человек — меньшее зло в сравнении с гибелью Благодатных земель, что добытые ими сведения стоят того, чтоб за них заплатить тысячами жизней, а Кольцо и вовсе не имеет цены. Она бы не поняла... Да и времени объяснять у него не было.

Роман увидел, как четверо «рогоносцев» (слава Великому Лебедю, они заявили без арбалетов!) двинулись вперед. Старый Рэннок поднял свой топор и... Роман сам не понял, как это вышло, но его рука уже обхватила сзади горло гостя с Севера, а кинжал оказался приставлен к тому месту, где у всех — эльфов, людей, гоблинов — пульсирует жила с кровью, которая, опять-таки у всех, одного цвета — алого, как плащ Волинга! Крепко держа дюжего воина, Роман, толкая его перед собой, поволок добычу к друзьям.

План созрел мгновенно. Прикрываясь этой тварью, прорваться к водопаду. Передать заложника Рэнноку, заставить реку отступить, только б хватило силы держать заклятья, пока пройдут девять человек, затем бросить эту тварь в ледяную воду — не жалко, и укрыться в Обители. А там что будет, то и будет... Сразу стало легко и весело, впервые за последние несколько сотен лет Рамиэрль перестал быть разведчиком и стал самим собой.

Впереди послышался звон и сдавленный стон, Роман не мог видеть — пленник загораживал обзор, но не сомневался, что звякнул оброненный нож, а стонала женщина. Радостно вскрикнула Криза, а потом все звуки утонули в хлопанье сильных крыльев...

**2229 год от В.И.
2-й день месяца Сирены.
Арция. Мунт**

Разговор не заладился с самого начала. Колдунья из Белого Моста молчала, сжав губы. На сей раз ее глаза глядели вполне осмысленно, она не стала отрицать своего имени, сказала только, что сменила его, чтоб не быть узнанной, а в остальном продолжала цепляться за свою историю. Исходя из традиций тайной канцелярии, упрямы уже давно полагалось предать пытке, после которой она наверняка бы стала более разговорчивой. Увы, на сей раз испытанный способ не годился. Леопина нужна была господину судебному заклинателю живой и здоровой. Гонтран не сомневался, что она связана с теми, кого синяки прозвали резистантами. В отличие от недоумка ре Прю, от внимания Куи не укрылось ни имя вождя восставших Рыгора Зимного, ни то, что восстание началось вскоре после неудачной попытки свалить убийство циалианок на жителей Белого Моста.

Куи, кстати, предупреждал Трюэля, что издевательство над Фронтерой кончится

«малой войной». Проведший несколько лет в этих краях, Куи прекрасно понимал всю абсурдность обвинений против местных селян, и так недовольных поборами и уничтожением бывших вольностей. Задабривая арцийских нобилей и особенно южан, Годой осознанно жертвовал севером Арции, что, по мнению Куи, было большой глупостью, особенно с учетом того, что другой дороги в родную Годую Тарску не было. Если, разумеется, не считать Эландских дебрей. Воистину, когда Творец захочет кого-то наказать, он отнимает разум. Фронтера вспыхнула, как сухой порох, и усмирить селян оказалось делом неподъемным, особенно после того, как к ним присоединились невесты откуда взявшиеся регулярные части.

Куи видел послания, подписанные именем Луи Арцийского, объявленного убитым в Лагской битве и даже с честью похороненным благородным победителем. Господин судебный маг не сумел пробраться достаточно близко к гробу, чтобы с помощью Кристалла проверить, не была ли использована магия, но именно это и стало для него первой уликой в «Деле о Недозволенной магии, творимой неким Михаем Годоем, ложно именующим себя императором Арции».

Куи с самого начала был склонен думать, что Луи уцелел, впрочем, даже если место принца занял самозванец, он достаточно смел, умен и удачлив, чтобы стать оружием против Годоя, а в подобной схватке хороши все средства. Во Фронтере и Нижней Арции немало людей, склонных, если судьба не повернется к Луи спиной, весной встать под его знамена. Гонтрана это вполне устраивало, Годой оказывался отсеченным от своих, а имя сына Эллари для некупленных и несломленных арцийцев звучало как звук боевой трубы. Принц или не принц — какое это имеет значение.

Видимо, Луи или как его там на самом деле, понял очевидное и решил поискать союзников в Мунте. С его стороны было весьма неглупым послать туда женщину, которую никто, как им казалось, не мог узнать. Предположить, что она налетит на следователя, который разбирался с ее делом, было невозможно, но люди предполагают, а бог располагает... Гонтран, однако, богом не был. Заполучив Лупе в свои руки, он не мог убедить ее в своей искренности. Маленькая колдунья не верила, и ее можно было понять.

Уже третью ору женщина сидела перед ним, напоминая загнанную в угол кошку. Она была уверена, что дело кончится пытками, и была к ним готова. Гонтран не исключал, что она могла выдержать больше, чем сильный мужчина, а то и просто приказать себе умереть, когда муки станут нестерпимыми. Такое бывало — преступники ускользали в небытие, так как допрос мертвых почитался наизапретнейшим из всей запретной магии. Правда, фискалы самого высшего порядка им иногда пренебрегали, но риск был слишком велик.

Но что же делать с Лупе?! Гонтран Куи решил предпринять последнюю попытку.

— Леопина, я хочу, чтобы вы меня внимательно выслушали.

— Я Халина, — монотонно проговорила она, — но я слушаю.

— Я прекрасно знаю, что вы мне лжете. Если бы я велел вас обыскать по всей форме или подвергнуть допросу с пристрастием, я бы получил неопровержимые доказательства вашей связи с Луи Арцийским, но мне они не нужны. Я не собираюсь передавать вас в руки суда, а мне достаточно моих умозаключений. Итак, для меня вы лазутчица фронтерских резистантов, пришедшая в город, чтобы найти союзников. Тех, кто значился в рекомендательных письмах, вы не нашли и не найдете. Эти фамилии частью истреблены, частью сосланы, частью бежали. К их домам опасаются даже приближаться, так как это чревато допросами.

Никто, запомните, уважаемая Леопина, — никто из оставшихся в Арции потенциальных сторонников принца Луи вам сейчас не поможет. Те, кто слабее, сдадут вас с потрохами, те, кто посильней и поумнее, ждут своего часа, стараясь не поддаваться на провокации, в которых, уж вы мне поверьте, мои коллеги весьма преуспели. Вам никто не поверит, даже если вы предъявите письмо, подписанное Луи. Вы, кажется, вздрогнули? Здесь прохладно, накиньте плащ... На нем, правда, лежал мой кот, но это не страшно, у вас же, мне помнится, подобные звери водились.

Возвращаемся к нашему делу. Единственный союзник, который вам может реально помочь, это я. И я помогу вам, но за это вы передадите мое предупреждение герцогу Рене. Я знаю, что вы с ним как-то связаны, а если нет, то Аррой к весне сам разыщет тех, кто отрезал Годоя от Таяны. Вы лично ничем не рискуете. Я вас отпущу и выведу из города, после чего идите на все четыре стороны. Когда вы, или Луи, или Роман Ясный будете писать Аррою, можете описать ему нашу встречу. Герцог — человек умный, он поймет, что такой враг Запретной магии, как я, готов помогать кому угодно в борьбе против Преступившего, завладевшего арцийским тронном.

— Преступившего? — это было первое слово, произнесенное Лупе после того, как она замолчала, по четвертому кругу рассказав якобы свою историю.

— Именно. За Годоем тянется такой шлейф недозволенной магии, что мой Кристалл сходит с ума. Узурпатора нужно остановить, потому что иначе он сотворит такое, что Проклятый в сравнении с ним покажется деревенским шарлатаном. Я сейчас расскажу вам, что я знаю, а вы решите, можно мне после этого верить или нельзя.

Молчание. Испытывающий, внимательный взгляд... «Так, это уже лучше. Ну что ж, молчи. Молчи и слушай, нареченная Леопиной. Я рад, что не сжег тебя год назад, хотя не поклянусь, что не сделаю этого, когда все кончится».

Гонтран Куи присел, чем немедля воспользовался старый белый с рыжим кот, с видимым усилием вспрыгнувший на колени судебному магу. Тот механически погладил любимца за ушами, отпил из глиняной кружки травяного отвара и начал:

— Михай Годой связан с каким-то пока еще малопонятным культом, гнездовье которого раньше, видимо, находилось в Тарске, а теперь перенесено в Таяну в район Вархи. Является ли сам Годой адептом этого культа? Не уверен, поскольку он в равной степени заигрывает со всеми, кто может помочь ему утвердиться на троне. Он ведет переговоры с клириками, и у меня есть сведения, что некоторые из них пока тайно, но перешли на его сторону. Большие надежды наш друг возлагал на орден святой Циалы, оспаривающей первенство у эрастианцев, но случилось так, что реликвия, переданная Годоем ордену, исчезла, а с ней и надежда на помощь циалианок.

Я пытался разузнать, что там произошло и кто перебил эскорт и похитил реликвию. Это могли быть люди самого Годоя, если он вдруг передумал, или циалианские рыцари, если орден не захотел выполнять свои обязательства. Это могли быть, хоть и сомнительно, эрастианцы, таянцы или тарскийцы, играющие свою игру за спиной Годоя и пожелавшие разрушить намечающийся союз, это могли быть, не правда ли, Леопина, арцийские регулярные части, отступившие не на Гверганду или Кантиску, а на Фронтеру. Но это НЕ могли быть фронтерские крестьяне, однако виновными было велено считать именно их. Я видел указ регента, которым он передавал фронтерские земли во владение гвардейцам-южанам, а местных велел переселить в Таяну. Зачем? Земли хватает и до Гремихи, и за ней... А еще раньше в Таяну препроводили тех военнопленных, которые не пожелали присягнуть Годою, а потом арцийских нобилей, которые тайно или явно не приняли нового императора. Что там, нареченная Леопиной, как ты думаешь?

Женщина продолжала молчать, но в ее глазах враждебность и обреченность уступили место напряженному вниманию. Судебный маг сделал еще глоток и собирался продолжить, но не успел.

Резкий, требовательный стук в дверь заставил чашку в холеной руке дрогнуть. Часть горячей жидкости пролилась на кота, который, недовольно мявкнув, шлепнулся с колен и юркнул под стол.

Стук повторился.

— Именем императора, — кто-то за дверью говорил громко и напыщенно, но толстые, окованные медными полосами доски гасили звуки. — Бывший судебный маг Гонтран Куи, приказываю открыть!

«Бывший», одного этого слова было достаточно, чтобы понять — это конец. Болдуэн! Это ничтожество не могло найти лучшего времени, чтоб нанести удар. Охотясь на дракона,

Гонтран позабыл про гадюку, а та своего не упустила. План ре Прю очевиден и незатейлив, как сапог. Его потенциальный преемник погибает, защищаясь, а защищаться и погибнуть придется — живым его не выпустят. Он сопротивлялся — значит, он предатель. Старик Трюэль от него откажется — горе побежденным, а Прю окажется на коне и весь в белом. Лупе же, вернее Халина, под пытками подтвердит всю возведенную на него напраслину, станет ненужной и умрет. Очень простой план и беспроектный, потому что он, старый осел, потрясенный встречей с Лупе, позабыл выставить защиту, о чем не замедлил узнать ре Прю и его приспешники.

Но одного этот мерзавец не учел. Того, что попал в точку. Выдуманный им заговор против императора существует на самом деле, пусть даже заговорщик всего один.

— Леопина, — Куи говорил шепотом, хотя те, за дверью, вряд ли могли подслушать, — меня сейчас будут убивать. На это потребуется какое-то время, за которое ты должна выбраться из города. Сообщи Аррою... Не перебивай! У нас и так нет времени. Сообщи Аррою, что в Таяне существуют два капища, большое — в Вархе, и малое, недалеко от Лисьих гор. Его нужно уничтожить в первую очередь, так как именно там Годой черпает силу. Запомнила?

Лупе, неловко сглотнув, кивнула головой:

— Скоро Годой объявит себя главой Церкви. Феликса и Рене назовут еретиками и Преступившими, народу покажут несколько чудес и так далее. Потом он осадит Кантиску. Это второе. Теперь третье. Вы, дорогие мои резестанты¹²²... хоть сейчас не отнекивайся... Вы изрядно раздражили тарскийского кабана, и весной, когда Гремиха станет проходимой, ждите гостей... Решено от Фронтеры мокрого места не оставить. Этим займутся зимующие в Таяне тарскийцы и гоблины, которые подойдут весной. Узурпатор локти грызет, что отправил горцев на Адену, мешали они ему тут, видите ли. Да, в чем-то мешали, а в чем-то были незаменимы!

Сильный и вместе с тем мягкий удар в дверь — казалось, на нее бросилась кошка размером с буйвола — прервал мага на полуслове.

— Короче, гоблины и тарскийцы сожрут вас, выжгут Фронтеру и заявятся в Мунт, если вы чего-нибудь не удумаете. И последнее и самое главное. В заклинаниях Годоя явственно просматриваются две составляющие. Одна — грубая и древняя, и другая, даже не магия, а тень ее, но это гораздо опаснее. Я не успел понять, что это такое, так что уж вы сами. А теперь уходи. Сюда, скорее, — Куи приложил руку к камину, и казавшаяся вечной кладка расступилась. Маг сунул в руку Лупе тяжелый мешочек: — Пригодится!

Та отдернула руку, словно обжегшись...

— Не швыряйся золотом, девчонка, — прикрикнул Гонтран. — Тебе оно еще понадобится, а вот мне нет. Так, — он оглядел стол и повторил: — ...так, кинжал, плащ, Кристалл Поиска — их сейчас в Арции мало осталось... Сапоги великоваты, ну да ладно... Этот амулет позволит тебе пройти моей дорогой. А кольцо это вынеси и брось... В реку или в болото. Это от отца. Не ахти что, но не хочу, чтобы этим досталось...

Затем настал черед кота, изогнувшегося в воинственной позе на разоренном столе. Гонтран замотал бедолагу в скатерть и всунул Лупе в охапку.

— Все! Пошла!

— Тарра проклянет тебя, если ты лжешь, — прошептала Лупе.

— А тебя она проклянет, если ты не выживешь! — рявкнул Куи, заталкивая Леопину в узкий проход за камином, который немедленно исчез. Больше о женщине он не думал — выберется, не может быть, чтоб не выбралась, иначе все было бы ЗРЯ, а люди сильные, умирая, подобных мыслей к себе не подпускают.

У Куи еще оставалось какое-то время — те, за дверью, решали, кому и с чего начинать.

¹²² Резестанты — регулярные и нерегулярные части, объединившиеся в армию, выступающую против войск официальных правителей. Слово введено Анхелем Светлым во время его второго восстания.

Слышался глупый и уверенный голос Болдуэна, взволнованно переговаривались заклинатели, в отличие от Прю понимавшие, с КЕМ им придется бороться, и очень хотевшие жить. Маг улыбнулся, в одном он не сомневался — усатого пашенка он прихватит с собой, но сначала заставит заплатить за все несбывшееся. Колдунья, надо полагать, к этому времени будет где-то под Льюферой, а начало хода будет накрепко завалено.

Гонтран всю свою жизнь боролся с Запретной магией. Неудивительно, что он знал сей богомерзкий предмет вдоль и поперек и ему было чем удивить врага в трудную минуту. Куи давно понял, что рано или поздно ему придется пустить в ход все свое умение, но не думал, что это случится так скоро. Проклятый Болдуэн стрелял в белый свет, а попал в яблочко! Маг был достаточно умен, чтобы понимать — живым из этой мясорубки ему не выбраться. То есть живым победителем, ведь стать живым побежденным это хуже смерти. Впрочем, если колдунья из Белого Моста доберется до Рене, он оплатит им даже из Бездны. У девчонки есть шанс, потому что ее никто не знает, а укрыть астральный след в той круговерти, которую он сейчас поднимет, легче легкого. Не зная, кого именно ты ищешь, то есть не зная тайного имени, не имея крови, волос или, на худой конец, вещицы преследуемого, ты никого не найдешь. Нет, у Лупе хороший шанс уцелеть, и если она доберется до тех, кто ее послал, Годой свое получит.

Гонтран не забыл то, что сотворили в Белом Мосту Рене и Роман Ясный. Кто бы они ни были, узурпатор об эту парочку зубы обломает. Должен обломать, иначе все, что делал он, Гонтран Куи, будет бессмысленным, а этого он допустить не мог....

Окруженный в своем логове, фискал не утратил ни способности здраво рассуждать, ни своего немалого умения, которое в ход решил пускать постепенно. В арсенале же господина судебного мага было множество вещей, ныне известных лишь ему, так как дошедшие до этого своим умом волшебники давно сгинули в отдаленных дюзах или же в назидание прочим были преданы лютой публичной казни.

Болдуэн еще раз из-за двери прочитал список прегрешений Гонтрана. Все они были вымышленными, зато вывод о том, что Куи — враг Михая Годоя, активно против него злоумышляющий, был верным, равно как и утверждение об опасности Гонтрана для короны. Судебный маг не препятствовал своим убийцам, когда те высаживали дверь. Наоборот. Та открылась в самый неожиданный момент, и трое магов-исполнителей, потеряв равновесие, влетели в кабинет Гонтрана. В то же мгновение пол под их ногами расступился, и бедняги с жутким криком полетели в темноту прямо на железные копы, помнящие еще кровь адептов Проклятого. В этом не было никакой магии, а лишь обычная для Замка Святого Духа ловушка. Только такой дурак, как Болдуэн, мог в охотничьем запале позабыть об их существовании.

Гонтран поднатужился, и с потолка на нападающих обрушился ливень — магия воды всегда была сильной стороной господина судебного мага. Лишь совместные усилия четырех вымокших до нитки адептов остановили поток. Нападавшие попробовали было обратиться к стихии воздуха, но Гонтран легко унял поднявшийся ветер. Болдуэн и его камарилья были бы Гонтрану и вовсе не страшны, застигни они его в каком-либо другом месте, но Замок Святого Духа кишел магами, и их Кристаллы Поиска дружно указывали на виновного, балующегося Запретным. Другое дело, что все фискалы в той или иной степени баловались недозволенной магией. Тайная канцелярия жила по нехитрому принципу: не пойман — не вор. А Гонтран позволил себя поймать...

Методично отбивая все более сложные боевые заклятия, Куи чувствовал себя быком, на спину которого постепенно наваливают все больше груза. Сначала его несешь шутя, почти не замечая, потом приходится трудиться всерьез, и, наконец, последнее перышко ломает могучую спину.

Единственное, о чем мечтал Гонтран, было отомстить Болдуэну, но тот не просто укрылся за чужими спинами, но и обезопасился от любых магических посягательств на его драгоценную персону. Защита была простой, даже примитивной, и, не напрягайся Куи, гася одну атаку за другой, он бы с легкостью взломал оборонительные заклятия, но, увы!

Сосредоточиться на персоне усатого ублюдка маг не мог, вынужденно деля свое внимание между доброй дюжиной младших заклинателей и двумя старшими. Последние, к счастью, не слишком усердствовали, то ли берегли силы и выжидали подходящего момента, то ли надеялись одним махом избавиться от двоих соперников.

Короткие передышки Гонтран использовал, чтобы дотянуться до своего врага и прощупать его защиту. Негодяй предусмотрел все, даже гексаграмму заранее нарисовал и все углы выверил, осталось лишь в нужный час активизировать ее с помощью уменьшенной копии из заговоренной особым образом еловой пластины. Ни стихийная магия, ни наведенный ужас, ни фантомные и реальные змеи и пауки не были Болдуэну страшны. Он обезопасился даже от комаров и дурмана с болиголовом. Самым обидным было, что его защитные заклатья, выполненные пунктуально и старательно, но абсолютно бесталанно, можно было бы разрушить за какую-то десятинку, а ее-то у Гонтрана не было.

С некоторым трудом уронив летевшие ему в лицо мелкие острые гвозди, Куи механически швырнул какое-то проверяющее заклатье. И оно не отлетело назад, ударившись о защиту, а легко просочилось внутрь гексаграммы. Но радость как загорелась, так и погасла. Гонтран, не мудрствуя лукаво, механически посылал вперед по порядку все заклатья-разведчики, вбитые ему еще в Академии. То, от чего не озаботился защититься ре Прю, оказалось... заклинание, насылающее на объект находящихся поблизости стрекоз и бабочек. Составление подобных шуток, равно как и заклатий-определителей на них, было хрестоматийной задачей для начинающих, странным образом всплывшей из глубин памяти Бернара.

Да, воспользовавшись любой, самой крохотной передышкой, судебный маг мог напустить на красавца ре Прю всех окрестных бабочек. Но откуда они здесь, зимой, в подвале, да и какой от них вред?! Какой? А вот какой!!!

Человеческая природа непостижима. Гонтран погибал и знал это, он не успел сделать то, что хотел, его глупейшим образом загнали в западню, однако некрасивое лицо Куи вдруг озарилось дикой радостью, и он, небрежно махнув рукой, выкрикнул пять коротких слов.

Проследить за результатом он уже не успел, так как один из старших заклинателей взялся за дело всерьез. Отбивая летящие кинжалы, Гонтран не мог ни видеть, ни чувствовать, как на его врага налетела серенькая тучка. Ре Прю дико завопил, но все были слишком поглощены схваткой, чтобы оглядываться на господина заместителя начальника тайной канцелярии. А зрелище было захватывающим. На ре Прю напала моль. Моль из архива, располагавшегося в том же подвале. Моль, она ведь тоже бабочка, только ее гусеницы вместо листиков пожирают шерсть да кожу.

Истрадавшаяся на полуистлевших фолиантах, крупная и многочисленная архивная моль, подхлестнутая заклатьями Гонтрана, бросилась вперед. Болдуэн был в шерстяной одежде. У него была роскошная черная шевелюра. В конце концов, у него были брови и усы, и моль, стремясь обеспечить своему потомству безбедную юность, рвалась вперед, рискуя своей и без того короткой жизнью.

Болдуэн отбивался как мог, но мстительный Гонтран каждую передышку использовал для усиления и изменения заклатья. Серая туча не редела, маленькие бабочки лезли в глаза и уши, забивали нос, и Болдуэн впал в панику и начал совершать ошибку за ошибкой. Еще немного, и Куи смог бы взять его голыми руками, но силы судебного мага уже были на пределе. Он еще держался, его противники не успели понять, что они близки к победе, но бык был близок к тому, чтобы с возмущенным и вместе с тем с жалобным ревом рухнуть на колени под непосильной тяжестью.

Гонтран решил не продлевать агонию. Напротив. Собравшись с духом, он бросил в своих противников последнее заклатье, и камни, давно признавшие в Куи хозяина, покинули места, в которых лежали веками. Одна из башен Замка Святого Духа дрогнула и обрушилась внутрь себя самой, погребая под развалинами и господина судебного мага Гонтрана Куи, и его преследователей.

2229 год от В.И.
2-й день месяца Сирены.
Корбутские горы

...Они возникли из ниоткуда, просто небо полыхнуло серебром, раздался тягучий крик, и над потрясенными орками проплыл клин странных белоснежных птиц, птиц, о которых слышали все, но не могли представить, что увидят воочию. Кажется, на крылатое диво не смотрели только Роман и его противники, озабоченные тем, чтобы отбить своего предводителя у очумевшего вогоража. Однако именно Рамиэрль был объектом внимания стаи. Птицы с Седого поля в прямом смысле взяли эльфа под свое крыло. Северяне не успели и охнуть, как с небес на них обрушился шквал точных, безжалостных ударов. Говорят, лебедь, защищаясь, может крылом перебить хребет схватившему его волку, а таинственные птицы были заметно крупнее лебедей... Воины с Севера и Кадэррок, с трудом закрываясь от сыпавшихся на них с небес ударов, отступили к самой воде, после чего серебряная стая взмыла ввысь, но не исчезла в темном небе, а расселась на пылающих холодным пламенем лиственницах. Синие призрачные огни птиц, похоже, ничуть не пугали.

Нет, гоблины не упали на колени и не стали биться лбами об оледеневший камень — это было чуждо их природе, они молчали, склонив головы, но это молчание стоило тысячи молитв. Первым очнулся Верховный, воздевший к небесам руки с все еще пылающей чупагой.

— Все видели, и все поняли. Воля Созидателей — пленники неприкосновенны. Созидателям неужодна их смерть! Созидателям неужоде поход на юг! Отпусти его, сын мой, пусть уходит к тем, кто его послал, и донесет до них наше слово. Отпусти его, — Граанч требовательно взглянул на мнимого вогоража, и Роман с большим нежеланием убрал кинжал и оттолкнул от себя северянина. Инстинкт разведчика редко подводил Рамиэрля, не подвел и теперь.

Посол не смирился с поражением. Он был слишком оскорблен и слишком уверен в своем праве, чтобы склоняться перед волей каких-то там призрачных птиц.

Выхватив из ножен свой ятаган, северянин бросился вперед. Старейшины не успели остановить святотатца, и отсеченная голова Верховного упала на алтарь. Рядом должен был лечь и убийца, пронзенный дюжиной стрел, но не тут-то было: посол Севера отнюдь не был безумным. Он прекрасно знал, что делает, и ничем или почти ничем не рисковал! Кровь Верховного разбудила магию Ройгу, до поры до времени дремавшую в мече воина с Севера, по казавшемуся обычным клинку прокатилась рябь, гоблины на склонах, казалось, вздохнули все разом, и в руках пришельца оказался призрачный клинок, от которого веяло древней и страшной силой.

— Вот он, меч Созидателей, — воскликнул посланник, — меч, врученный мне Белыми Жрецами. Он вернул свою истинную суть, вкусив крови предателя. С ним в руках я поведу вас к победе во имя царства Великой Ночи! И горе тем, кто встанет у нас на пути.

Зрелище было впечатляющим. Высокий гоблин в плаще цвета тумана и кожаных доспехах со Знаком рогов держал в руке чудовищное оружие, рукоять которого украшал мутно-белый пульсирующий камень, приковывавший взгляд и сминавший волю. Ройгианцы всегда были мастерами подчинять чужие души, но на Романа подобные штучки не действовали.

Что ж, магия так магия! Либр не был в Башне Альбатроса и не видел, что сотворило с десятками сильных и смелых воинов заклятье Ройгу, для него меч противника оставался просто мечом, хоть и зачарованным, а неподвижность окружающих эльф списал на драматичность момента и нелюбовь гоблинов к внешним проявлениям эмоций.

Роман не стал взывать ни к теням истребленных Светозарными старых богов, ни к самим Светозарным. Он постарался собрать всю свою волю в кулак. В конце концов, принц из Дома Розы, хранитель кольца Ангеса, кое-чего да стоит! Конечно, против Белого Оленя он бы вряд ли устоял, но этот меч, какие бы чары на него ни были наложены, вряд ли наделает

своего хозяина всей силой твари, гнавшейся за ними у Гремихи. И уж, конечно, он не является реликвией, вынесенной с Седого поля Интой, иначе бы птицы вели себя иначе, да и ройгианцы не выпустили бы такую ценность из рук, вручив не столь уж умному, хоть и сильному гоблину. Скорей всего они зачаровали подобным образом несколько клинков и раздали своим последователям, убедив каждого в том, что именно ему вручили легендарный меч. Насколько Роман успел вникнуть в приемы Годоя и его клики, они поступили бы именно так.

Роман шагнул вперед. Заклятие, наделившее эльфа внешностью Уррика, заставило воспринимать старенькую шпагу как добрый ятаган, но как Роман оставался Романом, так и клинок Уанна не поменял свою суть. Что ж, придется драться тем, что есть, рассчитывая лишь на свою быстроту. Поединок с послем легким не будет, но Роман духом не падал. По крайней мере, ему не влачить бесконечные дни, терзаясь мыслями о вынужденном предательстве. Теперь главное — выполнить свой долг разведчика — выжить и вернуться к тем, кто его ждет. Либр подошел к самому алтарю, тронул рукой шершавый камень и совершенно искренне поклялся, что защищает правое дело, затем отсалютовал замершей Кризе и больше не отрывал взгляда от воина с Севера. Отправив на Серые равнины, Голубые поляны, Черные пределы и Великий Лебедь ведает куда еще немало самых разных душ, эльф знал, что во время поединка нельзя смотреть на оружие противника, а только в глаза, угадывая по ним каждое движение.

Бойцы стояли друг перед другом, как два ощерившихся волка, ожидая атаки противника. Первым не выдержал северянин, слишком уж он был уверен в своем мече и своем торжестве. Что для великого воителя, обладателя созданного богами оружия, какой-то вогораж? Туманный клинок взметнулся, Роман попробовал увернуться, защищая не сколько себя, сколько свою шпагу, так как меч наверняка перерубил бы плохонькую сталь, но тут что-то словно бы толкнуло эльфа под руку, и клинок Уанна столкнулся с ройгианским мечом.

Раздался глухой звук, словно сломалась гнилая деревяшка, и северянин отупело уставился на жалкий обломок в своих руках. От клинка осталось не более двух пальцев чего-то, напоминающего ноздреватый весенний лед. Белого камня в рукоятке тоже не было, он вытек, как глаз неведомого древнего ящера.

Зрители так и не успели ничего понять и потому долго рассказывали разное. Наиболее праведные гоблины утверждали, что над сражающимися поднялись две гигантские призрачные фигуры — одна в белом и словно бы мокром плаще и с головой, увенчанной рогами, другая — в темных доспехах. Темный ударил, и рогатый бежал, прикрывшись облаком тумана. Криза увидела руку со щитом, отмеченным тем же Знаком волка и луны, что и дверь в обитель. Щит взметнулся на пути белого меча, и тот, ударившись о него, разлетелся на куски. Симон же, как и положено ученому не пропустивший ни малейшей подробности, ничего необычного не заметил, зато почувствовал на себе чей-то мимолетный взгляд — тяжелый, нечеловеческий. Взгляд, выдержать который было под силу разве что богам...

Роман все еще сжимал эфес, когда в его мозгу прозвучал низкий, сильный голос: «*А теперь веди их вперед!*» Эльф вздрогнул, словно просыпаясь. Его бывший противник все еще стоял рядом, и Роман вспомнил, что теперь его полагается резать на алтаре во имя Созидателей. Эльф подошел к пленнику и резко вбросил все еще казавшуюся ятаганом шпагу в ножны.

— Ты, — звонкий и чистый голос барда разнесся в звенящей тишине горного утра, — встал за неправое дело и проиграл. Если ты был обманут, расскажи тем, кто тебе верит, правду, если ты обманывал по доброй воле и станешь лгать и дальше, твоя судьба найдет тебя, где бы ты ни был. А теперь забирай своих воинов, если они все еще твои, и убирайся. Юг не пойдет за тобой!

Северянин, злобно сверкнув глазами, скрылся за спинами своих воинов, но эльф уже не смотрел на него, его подхватила и понесла та сила, которая, пусть на краткий миг, но

каждого доверившегося ей делает равным небожителям. И тогда один останавливает тысячу, и склоняются стихии, и сама смерть отступает... Роман вскинул руку:

— Слушайте меня, Ночной Народ! — вот когда в полной мере пригодился дар Ангеса, позволявший говорить с тысячами. — Пусть сегодняшний день станет Днем Истины. Вы видели, как разлетелась ложь называющих себя наследниками Инты. Не создателей этой земли хотят вернуть они, а злую силу, некогда теми побежденную. Они лгали, лгут и будут лгать, но сама земля отвергает их ложь. Слушайте меня.

Мы — я и девушка по имени Криза — были на поседевшем от горя Оммовом поле. Птицы Памяти открыли нам тайные пути, чтобы мы оказались здесь и сейчас. Оказались для того, чтоб удержать вас, не дать вам стать орудиями Ройгу.

Но и это не все. Именем того, во что вы верите, вашей честью, тысячелетней клятвой заклинаю вас вмешаться в войну, что идет внизу. В войну между рогатым злом, возжелавшим захватить весь мир, и вставшим у него на пути истинным потомком Инты, носящим имя Рене Арроя. Я клянусь вам, что это так!

Вы знаете, что спутница тех, кого вы зовете Убийцами, позволила Инте укрыть меч богов и дала тем самым всем нам надежду. А теперь я, сын ее сына, умоляю вас подняться против тумана, против небытия, против лжи! Приведшие нас предали этот мир, но мы остались, чтобы хранить его. Но мы не боги, наши силы несравнимы с силами Древнего Зла. Я прошу Ночной Народ о помощи. Я не лгу вам, вы можете убить меня, я не стану защищаться. Мои свидетели эти птицы, моя победа и лучшая из женщин вашего племени. Решайте!

Роман провел рукой перед лицом. Вогораж с ятаганом исчез. У алтаря стоял высокий золотоволосый эльф с гордо поднятой головой.

— Он говорит правду, — оказавшаяся рядом Криза кричала, словно бросала вызов всему свету, — я прошла с ним до Седого поля, дальше и обратно. Мы пили воду из колодца и шли путями, в которых нет ни земли, ни неба — ничего, кроме одной лишь дороги. Я принесла с собой вот это! — орка торопливо вытащила из-за пазухи ладанку, откуда выпал пучочек сереньких травинок. — Сединой земли клянусь, что мы говорим правду.

И, словно в ответ на ее отчаянные слова, стая встрепелась на своих пылающих насестах, вскинув крылья и издав ликующий крик, никак не похожий на звенящие над Седым полем тоскливые плачи. Сухие травинки в руках орки засветились мягким серебряным светом. Роман знал зеленую магию, не раз прибегал к ней, но на сей раз он был ни при чем. Странная трава оживала сама по себе, и вскоре Криза держала в поднятой руке роскошный серебряный султан, победно сверкавший в лучах поднимавшегося солнца, окрасившего розовым утоптаный снег, далекие пики гор, причудливые ледяные наплывы, меж которых кипела Уаннова река.

Стая снялась с деревьев, сделала круг над алтарем, почти задев крыльями Романа и Кризу, и исчезла над Обителью Ночи. Голубые огни на ветвях взметнулись до небес и погасли, как будто их и не было. Великая Ночь кончилась.

Глава 26

2229 год от В.И.

Ночь со 2-го на 3-й день месяца Сирены.

Арция. Мунт

Лупе скорчилась в нише, прикрыв голову руками. Она с трудом вспоминала, как бежала по подземному ходу, камни которого с отвратительным чмокающим звуком смыкались прямо за ее спиной. Амулет на шее жалил, как тысяча пчел, не признавая в ней хозяйку, но и не осмеливаясь послушаться воли хозяина. Наконец бесконечная галерея кончилась, и женщина оказалась в занесенной снегом нише за городской стеной. День давно

погас, но света хватало — полная луна щедро освещала засыпанные снегом поля, которые, казалось, светились своим собственным светом — неживым, холодным, отстраненным. Маленькая колдунья вздрогнула от холода, сейчас не хватало только замерзнуть. Хорошо хоть Гонтран в отличие от нее не потерял голову и позаботился о плаще и сапогах. Она не знала, что творится сейчас в городе, в Замке Святого Духа, но оставаться поблизости от Мунта было безумием. Тем более что она узнала больше, чем могла рассчитывать. И потом, не сидеть же здесь вечность, придется рискнуть, — Лупе сотворила простенькое заклинание, которое должно отвести глаза тем, кто мог сейчас смотреть со стены в ее сторону.

Жаль, что светит луна, лучше бы шел снег, но тут уж ничего не поделаешь. Кот в охапке вывернулся и тяжело шлепнулся в сугроб. Это ему не понравилось, и он возмущенно заорал. Лупе вздохнула и вновь взяла его на руки. В конце концов, человек, который погиб, спасая ее, просил о нем позаботиться. Что же ей сейчас делать? Конечно, можно отвести глаза кому-то из придорожных трактирщиков, но это было слишком опасно. Те, кто вломился к самому Гонтрану Куи, наверняка не успокоятся, пока не разыщут ее, сведения же, которые она получила столь причудливым и страшным образом, слишком драгоценны, чтобы рисковать ими ради кружки подогретого вина и теплой постели. Леопина невольно усмехнулась, представив, что бы о ней теперешней сказали ее надутые знатные родичи.

Холод начинал забираться под плащ, и женщина решительно вышла из укрытия и сразу же провалилась, чуть ли не по пояс. Да, идти явно придется по дороге. Деньги у нее есть, в каком-нибудь селе она найдет лошадь. Похоже, она вернется на добрую квартиру раньше, чем рассчитывала, вот Луи удивится... Лупе сама подивилась, что вспомнила арцийского принца и как он не хотел ее отпускать. То ли чувствовал, то ли просто боялся, как мы всегда боимся, когда уходят те, кто нам дорог... Она тоже боялась, когда провожала Шани, и, как оказалось, правильно боялась. Но отчего ей так хочется жить, так хочется поскорее вернуться в ставшие родными места? Неужели этот мальчишка с синими вечерними глазами, похожий и не похожий на Шандера, стал для нее что-то значить? Все-таки женское сердце удивительно глупая вещь. Десять лет назад она была готова поклясться всем, чем можно и чем нельзя, что полюбила на всю жизнь. Не прошло и года, как от любви осталось лишь усталое отвращение. Затем Шани, Шани, из-за которого она решилась на Великий Расклад, который и сейчас не дает ей покоя. Все становится понятным, но лишь тогда, когда сбывается... Нет, Шандера она действительно любила, а Луи так похож на таянского графа... И потом, она так устала от холода, от одиночества...

Странная все же ей досталась судьба. Несколько ор назад она была уверена, что ее или сожгут, как ведьму, или, что гораздо хуже, отдадут самому Годую, который легко раскроет ее невеликое колдовство и узнает то, что знать ему ну никак нельзя. Потом ей показалось, что с ней затеяли какую-то игру. Правду сказать, она и по сию пору не была уверена, что случившееся не было частью какого-то дьявольского плана. Однако проверить возможности у нее не было. Оставалось надеяться, что Кэриун учует, если с ней что-то не так. У Лупе уже не осталось сил на сомнения и неуверенность, она просто хотела домой. Именно домой, потому что дом там, куда мы хотим вернуться и где нас ждут.

Лупе улыбнулась непонятно чему, поудобнее подхватила тяжеленного кота и решительно зашагала через сугробы...

**2229 год от В.И.
3-й день месяца Сирены.
Корбутские горы**

— Может быть, ты мне наконец объяснишь, откуда ты здесь взялся? — Эльф с искренним недоумением смотрел на Симона, выглядевшего в кожаной гоблинской одежде на удивление нелепо. — Я готов был встретить в этих горах кого угодно, но уж никак не тебя.

— Взаимно, — с достоинством парировал изрядно похудевший медикус, — но пути судьбы неисповедимы. Кстати, хочу тебя поблагодарить за весьма своевременное

вмешательство, если бы не ты, мы бы уже доказывали гоблинскому богу, что произошла ошибка.

— Прекрати, — Роман слегка пожал плечами. — Ты обязан спасением не мне, а хозяевам этого дома. Не вмешайся они, я бы остался в стороне, как бы мне ни было вас всех жаль...

— Понимаю. Вечное соотношение цели и средств, долг разведчика и все такое... Тем не менее ты вмешался, да еще как... Ну, раз уж ты отказываешься от нашей благодарности, остается ее выразить этой милой орке, на удивление свободно говорящей по-арцийски...

— Вот и выражай, Криза несомненно оценит твоё красноречие. Только у нас слишком мало времени, а знать я должен все.

— Обширная тема, мне придется долго говорить, — Симон с наслаждением отпил из дымящейся кружки, — у гоблинов есть чему поучиться, хотя бы этот отвар, хотел бы я знать, чего они в него кладут... Ты, как я понял, желаешь знать, что произошло после вашего с Герикой отъезда?

— Примерно...

— Я не так уж много знаю, нам в Таяне приходится довольствоваться слухами и домыслами. Из Гелани мы убрались в начале Звездного Вихря, что творится там сейчас, не представляю, но вряд ли что-то хорошее. Три месяца назад Годой все еще воевал с Эландом, но как-то странно: обе армии всю осень топтались у Гверганды, а потом, к обоюдному удовольствию, разошлись на зимние квартиры. Сам Михай засел в захваченном Мунте и корчит из себя императора арцийского и таянского. Синяки свирепствуют, как никогда раньше, хотя если кого и нужно сжечь за Недозволенную магию, так это их патрона.

— То есть Михай снюхался с фискалами, и те сочли уместным взять его сторону. А Церковь?

— С Церковью сам Проклятый ногу сломит. Архипастырь Феликс со всеми потрохами на стороне Эланда. Годой он как кость в горле, но этот мерзавец не из тех, кто отступает. В Таяне велено считать, что Церковь на стороне Годоя. Наш распрекрасный Тиберий объявлен кардиналом и за это под звуки органа лижет убийце и колдуну все места. В то, что Кантиска признала Тиберия, никто не верит, но все помалкивают, потому что особо недоверчивым на площади у ратуши по тарскийскому обычаю вырывают языки. Ты бы сейчас нашу старушку-Гелань не узнал, сосед соседа боится. Эркада нет, всем заправляет граф Варшани, троюродный брат Годоя по матери. Не скажу, что глуп, но и излишним умом не страдает. Но я отвлекся от наших святош. Вышла по осени у Годоя одна история с циалянками, но я в ней мало что понял.

— А эти-то дивы тут при чем?

— Ты, разумеется, знаешь, что святая Равноапостольная Циала, а значит, и циалянское сестринство выбиваются в первые ряды. Еще пару столетий назад Циала считалась достаточно второстепенной святой, а уж в Тарске и Таяне и вовсе сомневались в чистоте ее одежд, а теперь тарскийская красотка обошла всю нимбоносную братию, кроме святого Эрасти, которого в Благодатных землях всегда любили... Ты об этом не задумывался?

— Как-то не до этого было.

— А мне поневоле стало до этого, когда циалянки подмяли под себя Академию. Нам, медикусам, лучше держаться подале и от синяков, и от Церкви, а уж от воцерковленных баб!..

— Симон, дорогой, давай вернемся в наше время. Что эти непорочные сестры натворили?

— У меня сложилось впечатление, что они спелись с Годоем, так как тот подарил им рубины, некогда принадлежавшие самой Циале. Не думаю, чтоб это было сделано из любви к святой родственнице.

— И что же Михай получил взамен?

— А вот тут полная неясность. Посольство циалянок прибыло в Гелань. Их приняли

чуть ли не как самого Архипастыря, Илана собственноручно передала им рубины прямо в центральном храме, где они, к слову сказать, и находились. Кстати, я заметил, что эти камни отчего-то весьма негативно действуют на беременность, хотя обычные рубины никакими вредоносными свойствами не обладают...

— Симон!

— Ах да... на следующий день сестры торжественно отбыли в Арцию и сгинули где-то в Северной Фронтере. Рубины до главной резиденции циалянского ордена не доехали, непорочные девы сочли себя обманутыми, и сделка лопнула.

— И кто кого обманул на самом деле?

— Не представляю! Циалянок сопровождали тарскийские конники и их собственные паладины-охранники. Такой отряд мало кому мог оказаться по зубам.

— И вместе с тем все исчезли. Как когда-то отряд Зенона...

— Исчезли. До последнего человека. В конце концов все объяснили нападением разбойников из числа спевшихся с местными селянами дезертиров из разбитой весной арцийской армии, хотя втихаря ходили слухи про Всадников, которые зимой куда-то исчезли. Говорят — ожили, потому как наступает конец света.

— Что ж, — Роман не стал рассказывать лекарю про Кэриуна и Сумеречную, которые вполне могли поучаствовать в истреблении или пленении циалянского посольства, — будем считать, что вороны облапошили друг друга, а значит, о союзе Годоя и циалянок на какое-то время можно позабыть. А теперь, друг Симон, расскажи о себе. Где Лупе, каким ветром тебя занесло в горы, откуда взялся новорожденный гоблин и почему он рыжий?

— Лупе я оставил на Лисьей улице, но не думаю, чтобы девочка там задержалась. После гибели графа Гардани она была сама не своя...

— При чем тут Гардани?

— Ах да, ты ведь уезжал в Кантиску и ничего не знаешь. Все просто, такое случилось не раз. Лупе и Шандер любили друг друга, он погиб, она осталась...

— Но Шани жив! Он должен сейчас быть в Эланде!

— Не может быть!!!

— Может. Мы с Преданным нашли его.

— И ты ничего не сказал?!

— Ты же помнишь, что произошло, — рождение Младенца, болезнь Герики, наше бегство. Согласись, нам было не до разговоров, да и не знал я, что Лупе его любит. К тому же я поклялся тому, кто взялся дотащить больного Шани в Эланд, что буду молчать.

— А она себя мысленно похоронила вместе с ним. Когда меня забрали в Высокий Замок, Леопина наверняка почувствовала себя свободной. Уж не знаю, что она затеяла, но, готов поклясться, ее в Гелани теперь нет...

— А зачем тебя вызвали в Высокий Замок?

— Годой завел у себя собственных синяков, хотя им это имечко вряд ли подходит, так как эти достойные господа щеголяют в каких-то сероватых хламидах. Новоявленные фискалы и согнали в кучу всех, кто хоть как-то разбирался в магии, думаю, чтоб никто не проследил за их собственной волшбой. Впрочем, обращались с нами сносно, хоть и запретили любую магию, и возле нас вечно отирался синяк с Кристаллом. Правда, приходящих больных позволяли лечить, а к тяжелым нас провожали стражники, которые брали плату за лечение.

— Как же ты выбрался?

— Меня взял в помощники придворный медикус. Правду сказать, хоть он и лечил всю жизнь королей, я в этом деле понимаю поболее. Короче, не прошло и полгода, а я уже пользовал супругу регента.

— Ланку?

— Да, она ожидала наследника и очень тяжело переносила свое состояние. Принцесса не привыкла чувствовать себя плохо, с ней пришлось помучиться, к тому же она очень тяжело пережила разлуку со своими драгоценностями.

— Ты, верно, хочешь, чтобы я о чем-то догадался, — эльф укоризненно покачал головой, — но меня слишком долго не было, и я слишком устал думать.

— Придется мне покаяться, — усмехнулся медикус, — я чуть было не нарушил клятву целителя, так как полагал, что такое чудовище, как Годой, наследника иметь не должен. Но потом я одумался и решил, что младенца можно оставить в живых. Куда проще подменить мальчика (если родится мальчик) на девочку, которая не имеет никаких прав на корону. Из полдюжины дурех, которым срок выходил в одно время с принцессой, кто-то уж точно родил бы девочку.

Янка, ну ты ее тоже спас, показалась самой подходящей. Сирота-посудница, согрешила с кем-то по глупости, а о ребенке заботилась, спрашивала меня, все ли идет хорошо, приданое шила. Я и закинул удочку — предложил отдать ребенка одной знатной даме, у которой якобы рождаются урод за уродом. Девчонка пришла в восторг, что ее котенок вырастет дворянином, а она сама получит денежку и домик в деревне.

Только что мы ни удумаем, судьба окажется хитрее. Принцесса так часто меня расспрашивала о том, когда же ей срок, что я заподозрил неладное, тем паче она раз за разом наводила разговор на то, могут ли гоблины и люди иметь общих детей.

— Значит, Уррик таки стал любовником принцессы...

— Ты все знал?!

— Только что догадался. Я встречал гоблина, который любил Илану, но я и подумать не мог, что она окажется столь смела.

— Выходит, ты ее не осуждаешь? Но раньше ты, помнится, гоблинов не одобрял.

— Я поумнел, — отрезал Роман, — так, значит, принцесса родила от Уррика?

— Именно так, — подтвердил Симон, — она сама не знала, кто отец ребенка, поэтому подстроила так, чтобы, когда все началось, при ней был только я и ее старая нянька. Эта самая Катриона затащила меня в потайную комнату, заперла двери и спрятала ключи, сказав, что мы или выйдем оттуда вместе, или вообще не выйдем. Ланка тоже оказалась на высоте, редко какая женщина сохраняет в такой момент голову на плечах, а она сохранила.

— Принцесса всегда была сильной...

— Да, ею трудно не восхищаться, хотя ее замужество и то, что она творила потом... Не понимаю, почему она не убила Годоя, уж это-то она могла! Но я опять отвлекся. Родился мальчик с явными признаками гоблинской расы. И тут я пустил в ход свою задумку с Янкой. Конечно, я малость подчистил истину, сказав, что загодя подыскивал надежную кормилицу. Разыграли мы все как по нотам. Младенца мы до времени спрятали, я изобразил принцессе фальшивый живот, а Янку срочно призвали в горничные. Затем Илана изобразила схватки и выставила всех вон, кроме врача, старой няньки и горничной. Те, кто знал принцессу, не удивились ее капризу. Я заставил Янку разродиться чуточку раньше срока и предъявил толкущимся у двери нобилям и клирикам новорожденную принцессу.

Янку увела Катриона, сомлела, дескать, глупая девчонка и вообще пора ее отсылать рожать в деревню к родичам. Вряд ли кто-то стал бы думать о горничной в такой день, но осторожность не помешает.

— Дальше, я полагаю, вы решили определить младенца к соплеменникам?

— Держать маленького гоблина в Замке было глупо. Мы направлялись к северным гоблинам, у нас были пропускные перстни, но нас схватили намного южнее гоблинских земель.

— Одному из здешних жрецов-старейшин не терпелось принести человеческую жертву.

— Нам от этого было не легче. Объяснить им мы ничего не могли. Нет, не думай, я на твоих друзей не жалею, в конце концов, они оказались вполне дружелюбными, хотя Янке этого до сих пор не понять. Скажи мне лучше — как ты совладал с зачарованным мечом?

— Сам не знаю, — пожал плечами эльф, — думаю, талисман помог и эти птички. Я уже видел такое. Когда Старая магия накладывается на эльфийскую, получается странный эффект. Тьма, окруженная синим огнем. Так было в Белом Мосту, так было, когда я лечил

Герику, так было сейчас. Мне показалось, что я держал в руках черно-синий луч... Кстати о Герике, про нее ничего не слышно?

— Она в Эланде у Рене! Годой потребовал вернуть ему дочь, но Аррой ответил отказом.

**2229 год от В.И.
21-й день месяца Сирены.
Фронтера**

Армия Луи Арцийского насчитывала уже не одну тысячу человек, и каждый день принца начинался с прорыва неотложных дел, которые не могли ждать. Неожиданно для себя, Луи оказался в ответе за множество людей, спросить было не у кого. Ни Шарля Матея, ни маршала Франциска рядом не было. Его странные приятели из Пуши знали и умели много, но армии в бой не водили и не собирались. Ноэль был опытным воякой, но большим количеством людей никогда не командовал. Когда в отряде насчитывалось несколько сотен, ветеран еще брался командовать и давать советы ударить тех там и так, но когда после боя у Белого Моста к Луи валом повалили крестьяне, дикий Кот растерялся, и принцу пришлось все решать самому. Хорошо хоть вытащенный из петли богатырь-войт оказался человеком с мозгами!

Рыгор Зимный ничего не знал ни о стратегии, ни о тактике, он никогда не воевал, а из всего оружия владел лишь охотничьим ножом да рогатиной, но фронтерец обладал здравым смыслом, недюжинным умом и той крестьянской сметкой, без которой большую армию не прокормить и не разместить. К тому же Рыгор все схватывал на лету. Долгими зимними ночами сын арцийского принца рассказывал фронтерскому селянину о прошлых войнах, чертил схемы минувших сражений и не уставал поражаться уму своего негаданного соратника. Правду сказать, без Зимного Луи пришлось бы тяжело. Войт, которого вскоре все стали кликать атаманом, оказался прирожденным вождем. Он не оспаривал первенства Луи, но сам принц отнюдь не был уверен, что смог бы подчинить своей воле всех стекавшихся к Кабаньим топям без помощи беломостца.

Годой совершил большую глупость, решив подарить вроде бы ничейные фронтерские земли гвардейцам-южанам, а история с рубинами и вовсе поставила крест на столь любимом некоторыми утверждении, что худой мир лучше доброй ссоры и лучше его пересидеть в хате с краю. Фронтера, а за ней и Нижняя Арция встали на дыбы. Казни в городах ничего не давали, разве что после них в лесах и болотах появлялись новые резестанты из числа родичей погибших. Во Фронтере во всеуслышание говорили и о том, что Годой предан анафеме и отлучен, и о том, что он и сам колдун и связан с другими колдунами, приносящими человеческие жертвы. Обстоятельная селянская фантазия все расставила по своим местам — и гоблинов, и пустые деревни, и исчезнувших Всадников, и странные слухи, выползавшие из-за гор...

Зима выдалась снежной и поэтому спокойной. Засевшие не в столь уж многочисленных городах гарнизоны пережидали вьюги у огня, ни солдатам, ни офицерам не улыбалось бросаться в воющую холодную тьму ради того, чтоб изловить и повесить десяток-другой крестьян. Резестанты тоже вынужденно отсиживались по своим укryвищам да по дальним деревням, справедливо полагая, что по такой погоде никто за ними гоняться не будет.

Самые отчаянные все же караулили на дорогах, высматривая плохо охраняемые обозы, небольшие отряды, да, если повезет, гонцов и курьеров, но таких на фронтерских дорогах почти не попадалось. Видимо, Годой насобачился общаться с Таяной с помощью колдовства.

А вот Луи зима, кроме передышки, принесла уйму тревог. Кэриун, казалось, спал на ходу, Сумеречная и вовсе исчезла где-то в начале Звездного Вихря. А Прашинко, тот просто не мог показываться, пока лежит снег. Лишенный глаз и ушей, сын Эллари поддался на уговоры Лупе, вознамерившейся отправиться ни много ни мало в Мунт. Нет, в том, что это было необходимо, сомнений не было. И им, и Рене нужны союзники в столице Арции. Луи

не сомневался, что, по крайней мере, на пять могущественных фамилий можно положиться. Даже Прашинко при всей своей безотказности, быстроте и пронырливости не мог узнать некоторых вещей, которые наверняка знают бывающие при дворе. А император, самозванный ли он или же самый что ни на есть законный, должен давать приемы, на которые приглашаются знатнейшие фамилии. Нет, в Мунте стоило побывать, тем паче зимой, когда рождаются замыслы, когда на бумагу ложатся планы летних кампаний... Сначала Луи хотел идти сам, но Рыгор его отговорил. И то сказать, принца в Мунте знала каждая собака, не говоря уж о женщинах и собутыльниках. Да и характер сына Эллари не подходил для этой миссии. Действовать тайком, молчать, когда нужно, обращать внимание на каждую мелочь — этого Луи не умел. И тут вызвалась Лупе. На первый взгляд это было просто замечательно. Женщину будут подозревать в последнюю очередь, а ума и наблюдательности у маленькой колдуньи было не занимать. В случае же чего она могла и глаза отвести... Луи позволил себя уговорить, но с той поры, как одетая в рыженькую лисью шубку Лупе, помахав на прощание рукой, устроилась на запряженных мохноногой крестьянской лошадкой санках и долговязый фронтерец стегнул лошадь, принц не жил. Он ел, разговаривал, улыбался, отдавал приказы, но делал все это машинально. Его мысли занимало одно: «Где она? Что с ней?»

А потом ему приснился сон, в котором Леопина, путаясь в тяжелой мокрой одежде, убегала по болоту от всадников в нарядных охотничьих костюмах. Трубил рог, лаяли собаки, улюлюкали загонщики... Луи скакал вместе со всеми, и только он один видел, что травят они не лисицу, а женщину. Он видел, но не мог никому ничего сказать, не мог даже остановить коня. Его руки, его голос ему не повиновались...

Очевидно, он кричал во сне, потому что спавший с ним в одной комнате Рыгор Зимный растолкал его и сунул под нос стопку царки. Принц выпил, его вроде бы отпустило, но вот обуздать свою тревогу с той ночи он не мог. За кварту до предполагаемого возвращения Леопины он начал по вечерам выходить на дорогу и орами простаивать у тополя с обломанной вершиной, вглядываясь в пустой белый тракт. Лупе не было, да и не могло быть, но он все равно ждал... А в стороне стояли Рыгор и Гвенда. Беломостцы не навязывали свое сочувствие, хотя разгадали нехитрый секрет принца почти сразу. Луи был им благодарен — с ними он мог говорить о Леопине. Догадывались ли другие о его любви к Лесной Сестре или же объясняли его нетерпение ожиданием вестей из Мунта, сын Эллари не знал — в том состоянии, до которого он себя довел, ему было все равно, что про него скажут или подумают...

Вечерело, было холодно и ясно. До весны оставалось совсем немного, но зима еще и не думала убираться восвояси за Белую стену. Фронтера тонула в снегах. Если не считать темной полосы леса, все: небо, дорога, поля — завораживало прихотливой игрой розоватых и голубоватых оттенков. К вечеру голубой цвет вытеснял розовый и сгущался до синевы. Раньше вдоль тракта лежало немало деревень, превращенных во время осенней драки с тарским конным полком в почерневшие дымящиеся развалины. Теперь холодную синеву не прорезал ни единый лучик света — его просто некому было зажечь.

Потаенный лагерь резестантов находился в лесу, за не замерзающим даже в морозы болотом, через которое восставшие умудрялись каким-то странным образом пробираться, даже не замочив ног...

— Ваше высочество, — по-охотничьи тихо подошедший Рыгор тронул Луи за плечо, — пора вертаться, пока доберемся... Да и делов на вечер немерено. Придуть из-за самой Лычавки, они тоже до нас просятся, уважить треба... Опять же завтра поутру ехать туда придется, а вас, проше дана, поутру будить, что кошку купать...

— Да, хорошо, я иду! Действительно пора идти, Лупе не стоит ждать раньше, чем послезавтра. — Луи улыбнулся темно-синими глазами. — Дане атамане, а сейчас у вас нема чего-нибудь для души? Замерз я...

— Как то «нема», — заржал бывший войт, — шоб у меня, да царки не було?! — Рыгор засунул руку за пазуху и вытащил плоскую фляжку, с которой, по словам покойной войтихи,

и началось его грехопадение. Сначала была царка, а потом красotka, которая ее делала... — От, — Зимный с любовью посмотрел на фляжку, — самалучшая во всей Фронтере, — и перебил сам себя: — Глянь-ка на тракт, едет хтось...

Когда Луи с вялым любопытством повернулся на дорогу, его сердце не дрогнуло. Не было никакого предчувствия, никакого озарения. Легкие саночки неспешно двигались вперед, лошадкой, судя по силуэту в платке, правила здоровенная бабища, за спиной которой сидело несколько подростков. Луи решительно хлебнул царки, тщательно притер пробку и хотел было вернуть Рыгору его сокровище, как из санок раздался знакомый хрипловатый голос:

— Дядька Рыгор! Гвенда!

Обгоняя и атамана и его подругу, Луи бросился вперед. Маленькая колдунья легко выскочила из санок, прижимая к груди какой-то сверток. Тетка с детьми, видимо торопясь домой, стеганула лошадку, и та потрусилась вперед, но принц ничего этого уже не видел. Только блестящие из-под множества платков глаза.

— Сигнора... Леопина.... Все в порядке?

— Ой, — она как-то странно повела плечами, — вроде в порядке, хотя, думала, не выберусь... Гвенда, возьми... Это кот, он без хозяина остался... Помнишь того синяка, что меня в дюз забрать хотел...

— Еще бы, — сплюнул Рыгор, — рожа, как у тухлой рыбы.

— Я его встретила, и он меня узнал...

— Узнал!!! — Луи, как с цепи сорвавшись, схватил женщину за плечи и начал бешено трясти. — Узнал! Не смей больше никуда ходить! Никуда и никогда! Я запрещаю тебе!!! Запрещаю!!! Слышишь!!!

Гвенда, давая улыбку, потянула открывшего было рот Рыгора за полу полушубка, и беломостцы тихонько пошли к лесу. На опушке они оглянулись — два темных силуэта на белом снегу слились в один...

2230 год от В.И.

10-й день месяца Агнца.

Убежище

Прозрачная холодная росинка сорвалась с тонкой ветки и маленьким бриллиантом упала в подставленную ладонь. Нанниэль повернула руку, ловя каплей пробившийся сквозь ясную чистую зелень солнечный луч. Весна в Убежище, куда более ранняя, чем за пределами острова, всегда была томной и изысканной. Ничего яркого, излишне пестрого. Цветы, белые или нежных пастельных расцветок, изливали тонкий аромат. Мелодично звенели многочисленные ручьи и роднички, над которыми кружились прозрачные стрекозы, на покрытых причудливой резьбой стенах плясали солнечные зайчики. Все было как всегда, словно никто и не покидал лунной предвесенней ночью зачарованного острова.

Водяная Лилия медленно прошла вдоль темного пруда. Серебристые ивы полоскали готовые зазеленеть ветви в черной воде, мраморная девушка поправляла растрепавшиеся волосы, улыбаясь счастливо и просветленно. Она, Нанниэль, никогда так не улыбалась...

Каменная красавица будет вечно счастлива и любима, но создавший ее ныне одет в цвета Осени. И повинна в этом была ее дочь Эанке, а если быть до конца честной, то и она, Нанниэль, ибо это она внушила гордой и страстной девочке несбыточную мечту о власти. Потому что хотела уберечь дочь от того, через что прошла она — любя одного, принадлежать другому. Теперь она свободна. То, что Астен мертв, Водяная Лилия почувствовала сразу же, эльфийский свадебный обряд связывал двоих неразрывными магическими узами. А про гибель Эанке ей поведала ее собственная кровь.

Нанниэль не знала, как все произошло, но была уверена, что отец и дочь уничтожили друг друга. Она ненавидела мужа и боялась дочь, но с их смертью в душе образовалась пустота, которую было не заполнить. Убитая любовь оставляет кровоточащую рану, убитая

ненависть — разочарование, убитая повседневность — холод и одиночество.

Нанниэль давно считала себя одинокой, но настоящую цену самому страшному из всех существовавших слов узнала после гибели нелюбимого мужа и жестокой дочери. Когда же Эмзар увел всех, кто хотел и мог сражаться, женщина и вовсе впала в какую-то летаргию. День шел за днем, бледные завитки, проросшие на месте гибели Тины, понемногу превращались в роскошные листья молодого папоротника, которые в самую короткую ночь в году покроются жаркими, сводящими с ума цветами, а осиротевшая Нанниэль тенью бродила по Убежищу, никого и ничего не замечая. И вот теперь капля росы, упавшая с зеленеющей березы, словно бы разбудила ее.

Нанниэль поняла, что ей пора. Убежище — это прошлое, которому она больше не принадлежит. Эта жизнь кончена, и ее место в том пугающем, грубом, кровавом мире, в который ушел сначала ее сын, а затем и Эмзар Снежное Крыло, ее единственная, вечная любовь. Она должна идти к нему. Сегодня. Немедленно.

**2230 год от В.И.
10-й день месяца Иноходца.
Фронтера**

Резестанты выступили на рассвете. Восемь с половиной тысяч человек в прекрасном настроении шли на северо-восток. Светило солнце, дул легкий ветерок, вдоль обочины дороги пробивались первые желтые цветы, и очень хотелось жить.

Луи ехал рядом с Рыгором, обещавшим в ближайшем будущем стать неплохим всадником. Гайда весело бежала впереди, помахивая пушистым хвостом. Поход начинался просто отлично, и внутри Луи все пело, было отчаянно, радостно и чуть боязно, как перед прыжком в воду или перед первым свиданием. К походу готовились всю зиму, и теперь предстояло выяснить на деле, сумели ли они превратить толпу разъяренных и неумелых крестьян в боеспособную армию.

Все не столь уж и обширные познания арцийского принца и здравый смысл и немалый опыт фронтерского войта пошли на то, чтобы обратить недостатки резестантов в достоинства. Оба предводителя прекрасно понимали, что весной за них возьмется всерьез. Отсидеться по лесам не удастся — годоевцы примутся за уцелевшие деревни, наберут заложников, выжгут, вытопчут и загадят все, что можно. Да и не стоило браться за оружие, чтобы потом прятаться по углам. Оставалось одно — перенести действия на территорию противника, то есть в Таяну! И пусть тарскийцы с гоблинами до посинения стерегут Горду, резестанты пройдут через Тахену!

Луи и Рыгор знали, что в Таяне хозяйничают тарскийские ублюдки, а приграничные села опустошены. Хуже, чем есть, уже не будет. Если они пойдут туда, то не только закроют карателям путь во Фронтеру, но и оставят Михая без подкреплений. Но вот как при этом уцелеть и нанести ощутимый вред противнику? Луи располагал двумя с лишним сотнями обстрелянных и умелых воинов, а после успешного нападения на тарскийский обоз у них появилось какое-то количество легких пушек, но большинство армии составляли вчерашние крестьяне, и делать из них солдат было некогда, да и амуниции и оружия не хватало. Ко всему южная Таяна представляла собой холмистую степь, перемежаемую небольшими перелесками и мелкими речонками, где укрыться не было никакой возможности. Правда, за Геланью шли дремучие леса, но там резестантам делать было нечего — основные силы тарскийцев располагались недалеко от Гремихи, и, возможно, именно там устроили то капище, о котором говорил Куи.

Капище желательно было разрушить. Луи и Рыгор подозревали, что «рогатые» прекратили шастать по Фронтере именно потому, что стали отправлять свои мерзкие обряды в одном месте и что именно там и сгинули обитатели таянских деревень и городков. Это подлое место нужно было еще найти, и надеяться на помощь Прашинко и Кэриуна не приходилось — Таяна была для них отравлена, а власть Сумеречной кончалась у болот, так

что рассчитывать приходилось лишь на себя. Но если они не оттянут на себя резервы Годоя и не разрушат проклятый храм, Рене и Феликсу несдобровать. Да и самих повстанцев не оставят в покое, слишком много неприятностей они причинили узурпатору. Что ж, каждый должен делать то, что может, а фронтерские резестанты могли незаметно проникнуть в Таяну и поднять там немалый шум.

То, что родилось в головах Луи и Рыгора, безусловно, повергло бы в ужас любого ученого стратега, но атамана и принца сие не заботило. Главное, чтобы их детище помогло отбить в степи атаку регулярных тарскийских и гоблинских частей. Нужно было обороняться от превосходящих сил противника и при этом не стоять на одном месте? Но крепость строить некогда, да и с собой ее не увезешь... А что увезешь?! То, что Луи нацарапал ножом на столешнице в том доме, где они зимовали, выглядело довольно дико, но Рыгор все понял с лету. Бывший войт сгреб принца в медвежьи объятия и помчался собирать плотников и кузнецов. Работа закипела, и теперь за Луи и Зимным по дороге тянулся невиданного вида обоз, состоявший из прочных повозок, запряженных четверками выносливых крестьянских лошадей. С двух сторон на цепях свешивались толстые дубовые доски, закрывавшие проход под повозками, на дне которых до поры до времени лежали здоровенные деревянные щиты, которые можно было установить и на самих повозках, и между ними. В довершение всего эти чудища — на некоторых из телег были установлены захваченные по осени пушки — были скреплены между собой длинными железными цепями.

Вожди резестантов сошлись на том, что, когда они выйдут в холмы, двигаться нужно будет по четыре запряжки в ряд, причем крайние ряды будут длиннее внутренних, чтобы при необходимости быстро перестроиться в боевой порядок. Две с половиной сотни опытных кавалеристов, сопровождавших повозки, должны были при этом действовать по обстановке, ну а на марше их делом будет разведка. Крестьянской же пехоте надлежало действовать под прикрытием повозок, на которые Луи и Рыгор и возлагали главную надежду.

Принц и войт долго думали, сколько людей посадить на каждую повозку, и наконец сошлись на десятке, в котором каждый дополнял другого. Дело ездового было следить за лошадьми, стрелков — по возможности удерживать врага на расстоянии, а вот для ближнего боя Рыгор удумал нечто совершенно чудовищное, что могло прийти в голову лишь доведенному до крайности крестьянину. Учить вчерашних пахарей, пастухов да кузнецов орудовать шпагами и мечами было некогда, да и в схватке с более опытными противниками они были бы обречены, но когда в мужицких руках знакомое орудие, лучше означенному мужику на дороге не попадаться! Даже Луи стало как-то неуютно, когда он увидел изготовленные по приказу Рыгора тяжеленные цепи, подвижная часть которых была окована железом. Зато длинные пики с крюком, которым можно свалить всадника с седла, придумал Луи. Вернее, не то чтобы придумал, просто вспомнил, что в стародавние времена, когда еще не было пороха и рыцари таскали на себе пуды железа, такие крючья использовались вовсю. Впрочем, цепями и пиками резестанты не ограничивались. В ход шло все от самодельных луков и арбалетов до пересаженных наподобие пик кос, дубин и раскопанных по подвалам захолустных фронтерских замков мечей.

Вооружались и тренировались до середины месяца Иноходца, и вот наконец пришла пора показать себя в деле...

Глава 27

2230 год от В.И.

15-й день месяца Иноходца.

Варха

Небо было пустым и серым, даже птицы, и те над Вархой больше не летали. Базилек смотрел из окна, как по груде камней, сваленных в углу небольшого сада, стекает вода. Он

был совсем один, и он ничего не знал о том, что происходило за пределами дома и двора, с двух сторон ограниченных высоченной крепостной стеной, а с двух — высоким забором. Раньше бывшему императору хотя бы позволяли подниматься на стену и смотреть на Гану и зеленеющие леса, но потом что-то произошло. Его зять вернулся из своей ежедневной отлучки на берег с горящими глазами, но на расспросы не ответил ни свекру, ни Валле, на которую так рывкнул, что бедняжка совсем растерялась. Когда-то недруги императорской фамилии язвили, что Бернар живет с коронэлем в юбке, а думает о смазливых корнетах. Стоило Валле потерять свою значимость, как муж из нежного и податливого превратился в грубого и злого, словно в случившемся был виноват кто-то другой. Ведь это Бернар настоял на сговоре с Годоем, хотя Эллари всегда восхищался Счастливым Рене и говорил, что с Эландом нужно дружить, потому что там арцийской крови уцелело больше, чем в самой Арции. Эллари никогда бы не позволил так себя обмануть, а он, Базилек? Почему он позволил сослать сына брата, кому мальчик мешал?

Раньше Базилеку было некогда думать, он едва успевал подписывать подsunутые сначала супругой, а потом зятем и дочерью бумаги и говорить подсказанные слова. А вот в Вархе, в Вархе бывший властелин Арции день за днем перебрал свою жизнь и пришел к выводу, что лучше бы ее и не было. Он не знал, что произошло, где Валла и остальные, куда делись зять и добряк-комендант. В их последнюю встречу Бернар ничего не рассказал, только пришел на ночь глядя и, став таким же ласковым, как и раньше, улестил Валлу и увел ее к себе. Базилек был рад примирению супругов, а они примирились, иначе дочка бы вернулась. Подождав немного, он лег спать и проснулся в холодном поту от ужаса.

Вроде бы ничего не произошло. Было тихо, масло в лампе прогорело и кончилось, за окнами разливалась белесая мгла. Базилек встал, дошел до окна — туман, плотный, как творог, застилал все. Стыдясь своего ужаса, бывший император на скорую руку оделся и попробовал открыть дверь — та не поддавалась. Базилек знал, что ее не запирали, их свободы внутри крепости никто не ограничивал. Еще больше испугавшись, император начал колотить в дверь кулаками и ногами и кричать, призывая на помощь обычно прохаживающихся по стене воинов. Ответа не было, проклятый туман глушил все звуки. Сбив до крови кулаки и сорвав голос, Базилек опустился на пол и заплакал. К нему так никто и не пришел. Как-то ему удалось задремать. Когда он открыл глаза, за окном был серый промозглый день, дверь по-прежнему была закрыта.

Кое-как приведя себя в порядок, пленник попробовал вновь достучаться хотя бы до кого-нибудь. Бесполезно. Он побрел назад в комнаты, перекусил вчерашним холодным мясом и принялся ждать неизвестно чего. Наконец послышались шаги, и вошел кто-то неизвестный в монашеском балахоне. Очень тихим голосом он сообщил, что крепость перешла в руки какого-то ордена — названия Базилек не расслышал, но что ему, Базилеку, никто не причинит вреда и он может не беспокоиться за свою судьбу. Предвосхищая его вопрос о дочери, внуке и зяте, монах сказал, что те уехали вместе с эландским гарнизоном, поручив клирикам заботиться об отце... Это на них походило, и Базилек немного успокоился. Ему оставили его дом, молчаливые люди в белом приносили ему еду и питье, прибирали комнаты, но ничего не говорили. Видимо, вступая в этот орден, давали обет молчания. Дни шли за днями. Прошла осень, затем зима... Бывшему императору казалось, что с той самой ночи небо над Вархой ни разу не было ясным. Бедняга потерял даже ту малость, которую ему оставили эландцы, — возможность говорить с людьми и смотреть на реку. Только дом и чахлый садик с вечно плачущей каменной горкой.

Несколько раз приходил давешний монах, чьего лица Базилек так и не видел, он осведомлялся о здоровье императора. Это, похоже, его действительно заботило. Когда зимой то ли пленник, то ли гость начал кашлять, монах зачастил, отпаивая больного какими-то снадобьями, а потом пустив в ход какое-то колдовство, после которого кашель как рукой сняло, а волосы императора совсем побелели. Затем Базилека вновь предоставили самому себе, и, наверное, это было самым страшным, что с ним могли сделать. Даже на его просьбы посетить крепостной иглечий, и то отвечали молчаливым отказом. Видимо, молитвы в храме

были прерогативой лишь членов ордена. Император пробовал молиться и в доме, и в садике, но у него ничего не получалось. Серые небеса молчали.

Базилек был слабым человеком, всю жизнь он прятался за кого-то — за брата, отца, жену, зятя... Сейчас можно было спрятаться только за Бога, но тот не отвечал, и бывший владыка Арции не выдержал. Когда молчаливый прислужник принес ужин, он не сразу нашел Базилека. Тот умудрился открыть подвальный люк, приладить веревку к его кольцу и спрыгнуть вниз. Прислужник с ужасом смотрел на успевшее окоченеть тело. Шаддур ка Ройгу Исстисс виновных не пощадит...

**2230 год от В.И.
15-й день месяца Иноходца.
Эланд**

— Я пришел сразу же, как смог, — Прашинко виновато взглянул на Рене из-под опущенных ресниц, — ты же знаешь, что зимой у меня совершенно нет сил.

— Никто тебя и не винит, наоборот, спасибо тебе, — Аррой сумел выдавить из себя улыбку, — все в порядке. Тем паче что я уже знал, что стражи Горды погибли... А вот за известия от Луи и Лупе спасибо. Это очень важно.

— Правда? Тогда я возвращаюсь, — пылевичок грустно вздохнул, — мы ничего не смогли сделать, они протолкнули Осенний Кошмар зимой, когда ни у Леса, ни у Болот нет сил, а Стражи не выдержали.

— Рано или поздно это должно было произойти. Ты передашь Сумеречной и Рыгору, что я просил?

— Конечно, — Прашинко кивнул и исчез.

— Вот так, дружище, — промолвил герцог Эланда, разглядывая собственную руку, — надо бы хуже, да некуда...

— Никогда не стоит отчаиваться, — отвечал Жан-Флорентин, важно переползая с браслета на изящную нефритовую чернильницу и устрояясь на ее краешке, — мы должны победить, значит, мы победим.

— Твоими бы устами... Скорее всего то, что сказал этот Гонтран, — правда, я склонен ему верить. Я помню его, он мне не понравился, но в уме ему не откажешь.

— Да, по всем признакам это был человек компетентный и способный логически мыслить.

— Жан-Флорентин!

— Я слушаю.

— Ты понимаешь, что нам нужно как-то защитить Кантиску и уничтожить это капище? И... Великие Братья! Я знаю, где оно! Варха!

— Да, это весьма вероятно, — согласился жаб, — хотя я бы не исключил и другие возможности... Скорее всего подобных мест два, а возможно, и более. А вот и Шандер.

— Опять ходил в разведку, — Рене укоризненно покачал головой, — так не терпится шею сломать?

— А что мне остается делать? — пожал плечами Гардани. — Тебя охранять — что воду решетом носить, одна надежда — случись что, сам отобьешься... Марциал велел всем маркитанткам выметаться из лагеря до конца месяца Иноходца.

— Значит, у нас остался месяц или около того, пока соберутся, пока летний лагерь разобьют...

— Похоже, — граф Гардани поднял черные глаза и внимательно взглянул на Рене, — что-нибудь случилось? И наверняка поганое?

— Достаточно, — согласился адмирал.

— Приходил Прашинко, — сообщил Жан-Флорентин, — он рассказал, что некий судебный маг, находившийся в оппозиции к тирану, утверждает, что Годой планирует этим летом захватить Кантиску и что в Таяне появился некий храм, аккумулирующий силу для

Белого Оленя...

— Этому магу можно верить?

— Так, по крайней мере, утверждает...

— Помолчи, — неожиданно резко прикрикнул Аррой, — Шани, этим сведениям можно доверять. За них ручается, гм... Болотница за них ручается, но я звал тебя не за этим. Тебе придется съездить в Эр-Атэв.

— Сейчас?! — граф казался ошеломленным.

— Именно сейчас, — да не страдай так, к самому интересному ты вернешься. Пойми, что больше мне послать некого. Клирики с атэвами — как кошки с собаками. Маринеры мои тоже, а ты с Майхубом поладишь. А теперь прости. Давай расстанемся на пару ор — мне нужно написать письмо, тебе — собраться. Белка пока поживет у меня, с Герикой и Ри она дружит.

— Я еду сегодня?

— Да. Шани, это очень важно, намного важнее, чем подглядывать за маркитантками.

Шандер повернулся и быстро вышел.

— Ну и что это все означает? — Жан-Флорентин был не на шутку возмущен. — Ты мой сюзерен, но это не дает тебе права обрывать меня на полуслове.

— А до тебя не дошло, что ты мог натворить?

— Меня возмущает твой тон...

— А меня — твоя беспардонность. Ладно, успокойся... Я оборвал тебя, потому что боялся, что ты произнесешь имя Лупе.

— Ну и что? — не понял жаб.

— Великие Братья, — Рене скрипнул зубами, — и ты еще берешься рассуждать о любви! Неужели до тебя до сих пор не дошло, что Шани любит Лупе, а она сейчас с другим. С нашим другом и союзником!

— Это не имеет никакого значения. Во-первых, от этой любви, в отличие от предсказанной тебе Болотной матушкой, ничего не зависит, во-вторых, Лупе не единственная женщина. Я видел ее, и я знаю каноны человеческой красоты, до Иланы или Герики ей далеко.

— Для него она единственная! Не понимаешь? — Рене махнул рукой. — Значит, и не поймешь. Только прошу тебя, молчи. Ты ничего не знаешь.

— Но я знаю, — уперся жаб, — и к тому же лгать друзьям бесчестно. Наш долг открыть ему глаза.

— Чтобы потом ему же их закрыть. В гробу — он не переживет этого, неужели непонятно. Нет, вешаться Шани не будет, но полезет на рожон и сложит голову. Ты этого хочешь?

— Сильная натура переживет любое потрясение и лишь закалится в несчастьях, — стоял на своем Жан-Флорентин.

— Хорошо, — устало вздохнул Аррой, — ты мне все уши прожужжал, что я — твой сюзерен. Так вот, я ЗАПРЕЩАЮ тебе разговаривать с Шандером и с кем бы то ни было о Лупе и Луи. Понял?

— Понял, — буркнул полиловевший со злости жаб.

— Ладно, не сердись, ты по-своему прав, но правда не всегда бывает кстати. И... Что ни делается, то к лучшему. Дружба Майхуба нам действительно нужна позарез. Если все кончится плохо, а такое нельзя исключить...

— Теоретически нельзя исключать ничего, — Жан-Флорентин сменил гнев на милость и был готов продолжать беседу.

— Именно, так вот, если мы проиграем, Майхуб останется единственным, кто сможет встать на пути у этой нечисти, а без советов Шандера он наверняка наступит на те же грабли, что и мы. И, Проклятый меня побери, я хочу, чтобы Шани остался жив! Это будет справедливо.

— Справедливо будет, если вы все выживете и к тому же победите, — буркнул Жан-

**2230 год от В.И.
24-й день месяца Иноходца.
Варха**

Шаддур ка Ройгу Исстисс, вот уже сорок лет возглавлявший Орден Тумана, не страдал ни суевериями, ни излишней мнительностью, но в некоторые вещи, поведенные Древними, верил. В частности, Шаддур был глубоко убежден, что старинное тарскийское пророчество о том, что явлению Младенца предшествует гибель в одно лето Трех Великих Владык, справедливо. Именно поэтому его, в отличие от большинства его сподвижников, не удивила гибель ребенка Герики. Условие еще не исполнилось, и винить в этом было некого, кроме их самих.

Первоначально Шаддур полагал, что под тремя владыками подразумеваются Марко, Рене и Базилек и все случится еще в прошлом году. Глава ройгианцев отнюдь не собирался ждать у моря погоды. Три смерти сильных мира сего должны были стать великими свечами на алтаре Ройгу, но Рене по глупости Годоя вырвался из ловушки и оказался недостижим. Именно тогда Шаддур понял, что нужно ждать. Убить Базилека и Марко, когда тот выполнит свою миссию, казалось делом нехитрым, но опять-таки вмешалась судьба. Марко пришлось превратить в сосуд для Молчаливого,¹²³ поглотив при этом его душу, а тело короля убила сорвавшаяся с цепи рысь Стефана. На трон взойшел Годой, и тут Шаддур ка Ройгу понял, что Младенец будет рожден лишь после того, как души Рене, Базилека и Годоя покинут Тарру, причем (это было очень важно!) в одно лето, каковым Древние считали время между двумя снегами — прошлым и грядущим.

Именно поэтому захваченный вместе с семейством бывший император Арции не нашел свой конец на алтаре Ройгу, как его недалекий зять и его семья. Ведь погибни Базилек раньше срока, условие опять бы не было выполнено. Конечно, оставались еще калиф Майхуб, император желтого Канг-Хаона, южные короли и герцоги, но глава ройгианцев полагал, что речь шла о владыках тех мест, которые некогда облюбовал Ройгу. Шаддур не сомневался, что он своевременно сможет уничтожить ничего не подозревающего Годоя, Базилек смиренно сидел в своей клетке, оставался Рене, справиться с которым никак не удавалось. Для себя ройгианец решил, что как только эландец сложит свою седую голову, он, Шаддур, прикончит бывшего владыку Арции, а затем и Годоя, после чего воспоследуют ожидаемые знамения, и только после этого можно будет вплотную заняться Эстель Оскорой, благо дух Ройгу после смерти Марко свободен и силен.

Однако никчемный арциец своей смертью спутал все карты. Правда, лето только начиналось, но нужно было спешить. Рене и Михай должны погибнуть, и лучше всего будет, если они уничтожат друг друга. Господин Шаддур знал, что Годой сейчас у Кантиски. Нужно, чтобы город был взят как можно скорее, а армии Михая повернули на Эланд...

Господин Шаддур прошелся по древним камням Вархи. Хорошее место, когда-нибудь тут будет Великий храм во имя Величайшего. Он привык к этому месту, где уже наполнена одна из Больших Чаш. Жаль, но ее придется потратить на Кантиску. Хватит ждать и надеяться на никчемное человеческое оружие. Смерть Базилека — знамение Начала, и его, Шаддура, дело довести все до Конца. Хорошо, что он не послушался уговоров Годоя и смел-таки проклятых Всадников, хоть это и обошлось потерей шести адептов высшей степени посвящения (к слову сказать, мечтавших о гривне ка Ройгу Исстисс) и полностью вычерпало

¹²³ Молчаливый — так ройгианцы называют аватару Ройгу, овладевшую на краткое время телом смертного мужчины, чтобы стать супругом женщины, в жилах которой есть кровь Прежних (в Пророчестве именуемой Темной Звездой или Эстель Оскорой) и зачать Младенца. Этот ребенок явится новым материальным воплощением божества и после исполнения ряда условий и магических ритуалов должен вернуть себе божественную силу и уничтожить или поработить всех, кроме служивших его возвращению.

Чашу, наполненную прошлым летом. Ройгианец задумался — от того, на что он решится, зависит слишком многое. Дождаться конца войны или действовать прямо сейчас? Пустить в ход всю мощь? Раскрыть тщательно скрываемое множество веков? И если рискнуть, как быть с Вархой? Слишком много тут такого, что нельзя оставлять без присмотра. Нет, люди не страшны, а вот появившиеся у Явеллы эльфы и Рене с его непонятной силой... Да и собратья по Ордену, заряющиеся на его титул, могут попробовать в его отсутствие завладеть тем, чем им владеть не положено. Да, Варху придется закрыть, хоть это и потребует определенных сил. Что ж, до его возвращения пополнять Чашу будут «жнецы» Малого храма...

Господин Шаддур любовно потрогал гривну на шее. Насколько все же бесполезны принятые у большинства народов символы власти — короны, скипетры, державы... Гривна ка Исстисс не только облегчает путь Слепых Зеркал, но и будит память Древней Силы, без которой даже Великой Чаши, и той недостаточно, чтобы сделать то, что ему удалось (и вовремя!) сотворить с башней Девы и что он сделает с Вархой! А вот слишком много возомнивший о себе Кавот попробовал проделать то же с Вратами Воина, и где он теперь? Правда, ему кто-то и очень вовремя помешал... — на тонких губах Шаддура появилось подобие улыбки. Он решительно надел монашеский балахон и опустил капюшон — арцийцам до поры до времени его глаза видеть совсем необязательно. Глава ройгианцев не любил путешествий, но он не мог себе позволить сидеть и ждать, когда Годой управится с эландским выскочкой. Шаддур задумчиво потрогал рукой гривну: может, пройти путем Зеркал? Нет, не стоит... Это заберет слишком много драгоценной силы, да и дорога эта не столь уж и безопасна. Придется все же путешествовать обычным способом, благо время позволяет: Годой собирается быть под стенами Кантиски не раньше месяца Влюбленных. Заодно он прихватит с собой и засевшего в Высоком Замке господина Улло и его подручных, в последнее время затеявших собственную игру, ну а остальные соратнички пускай посидят в Вархе и подумают о Вечном. Им полезно. Проследить за Таяной вполне в состоянии и этот приятель Годоя, и принцесса Илана, от них, по крайней мере, не воспоследует никаких неприятных неожиданностей. Таяна и Тарска уже дали все, что могли, теперь игра переносится в Арцию...

Конечно, Годой вряд ли обрадуется появлению Союзников, но стоит ли думать о чувствах того, что станет очередным камнем в стене будущего величия... Отец не страшен и не столь уж необходим, важна дочь, но до нее еще черед дойдет. Сначала Трое Владык, вернее двое, потому что никчемный Базилек своей смертью дал толчок обвалу, которого ждали тысячелетия...

2230 год от В.И.

1-й день месяца Медведя.

Таяна

Отзыва не было, но Роман и не рассчитывал обнаружить в этих местах кого-то из Хранителей. Сумеречная ясно сказала, что севернее Горды никого не осталось. Да и в Последних горах и в Ларгах Роман не ощутил даже отзвука их присутствия. Видимо, Ройгу и сородичи эльфов не могли соседствовать, даже когда Белый Олень был слаб. Связываться же с местными духами Роман не решился, как знать, сумеет ли он удержать их в узде и не кинутся ли они ябедничать своим рогатым покровителям. Если пылевичок Прашинко верой и правдой служил противникам Ройгу, то какой-нибудь его горный собрат вполне мог оказаться в другом лагере. Однако сейчас они достаточно удалились от Корбутских гор, и Роман раз за разом прощупывал окрестности, ожидая сам не зная чего.

Армия южных гоблинов медленно, но уверенно двигалась вперед, и каждый день, проведенный с нею, для Романа был пыткой. Эльф по своей натуре был одиночкой, привыкшим полагаться во всем на самого себя, отвечать за других ему не доводилось. Его дело было разузнать о том, что занимало Эмзара и Уанна с Преступившими, а что уж те

делали с полученными сведениями, разведчика не заботило — его ждала новая дорога. Конечно, либру приходилось иметь дело с самыми различными созданиями, некоторые из них на время становились спутниками и соратниками, но все это было не то... Теперь же на голову Рамиэрля из Дома Розы свалилось двадцать с лишним тысяч гоблинов, которые к тому же не имели никакого представления ни о стратегии и тактике, ни о воинской дисциплине. Они искренне хотели спасти мир от ройгианской скверны и помочь наследнику Инты, они были отменными охотниками, опытными следопытами, бесстрашными вогоражами, пастухами, берущими «на нож» волка, но они не были армией. В своем большинстве южные гоблины были такими же одиночками, как и сам Роман, которому предстояло вести их в бой, и это было ужасно.

Роман был прекрасным разведчиком, но в военном деле разбирался весьма слабо. Его волновали исходы битв, от которых зависела обстановка в Благодатных землях, но применял ли кто-то из воюющих двойной охват противника или добивался успеха, используя тактику клина, эльфа не интересовало. Да и в современном оружии он разбирался постольку-поскольку. Артиллерия, занимавшая все большее место в умах арцийских стратегов, для Романа была темным лесом и даже хуже, потому как в лесу эльф никогда не растеряется. Короче, Роман, хоть и сохранял уверенный вид, чувствовал себя крайне неудобно. Единственным светлым пятном в ситуации было посетившее эльфа у Ночной Обители озарение, когда он, подняв выроненную убитым Граанчем чупагу, вручил ее Рэнноку, озаботившись тем, чтобы она вспыхнула почти неотличимым от прежнего синим эльфийским огнем, едва только руки отшельника сжали рукоятку. Вошедший таким странным образом в должность Рэннок оказался неоценимым помощником.

Вдвоем они кое-как разбили добровольцев на сотни и десятки и попытались вдолбить им азы воинского искусства, в чем немалую помощь оказали четверо уверовавших воинов изгнанного с позором северянина, жаждущих искупить прошлые заблуждения кровью. Их бывший предводитель, к слову сказать, по требованию Рэннока был тайно задержан и до поры до времени заперт под надежным присмотром, дабы ройгианцы слишком рано не прознали о постигшей их на юге незадаче. Зато другая великая мысль, придавшая южному ополчению сходство с армией, принадлежала лично Роману. Криза и Гредда с помощью самого Рамиэрля сшили несколько знамен, украшенных изображением птиц с Седого поля, а из странной серебристой травы было изготовлено некое подобие атэвского бунчука. Затем окрыленный успехом Роман придумал дать новоявленным воинам опознавательные знаки в виде все тех же птиц. Теперь начальник над тысячей носил на груди семь серебристых силуэтов, сотник довольствовался пятью, десятник тремя, а рядовой одной. Гоблины несказанно возлюбили свои эмблемы, сразу же выделявшие их среди соплеменников, остающихся дома.

Сборы не затянулись. Горцы привыкли надолго покидать родной очаг, все необходимое нося в заплечных кожаных мешках. К тому же торопила приближающаяся весна. Нужно было покинуть Корбут, пока холод еще скрепляет дороги, и постараться не очень отставать от вышедших раньше северян. Роман рассчитывал вести своих людей скрытно, при необходимости маскируя их под армию, спешащую на соединение с Годоем. От Горды он намеревался через Сумеречную послать весточку Рене и получить от него хоть какие-то указания. Ничего более умного ни он, ни Рэннок придумать не могли. Старый отшельник оказался на удивление мудрым и рассудительным во всем, что касалось организации похода, но о делах военных знал еще меньше Романа.

К счастью, начало кампании было удачным. Они шли быстро, передвигаясь все больше ночами. Сначала местность была пустынной, затем стали попадаться деревни и хутора, но их обитатели не имели ни малейшего желания связываться с марширующими гоблинами. Горная армия молча шла навстречу весне. Днем уже начинало припекать, снег стал синим и тяжелым, а на красном кустарнике, в изобилии росшем в этих местах, проклюнулись пушистые серебристые и золотые сережки, которые особенно радовали Кризу. Предприимчивая спутница Романа и слушать не пожелала о том, что останется дома с

матерью, без единого упрека собравшей в дорогу мужа и сына. Правда, одиночество Гредды делили Симон, страстно заинтересовавшийся корбутскими целебными травами, свихнувшаяся от пережитого ужаса Янка и младенец, уход за которым добросердечная орка взвалила на себя.

Роман не преминул сообщить Кризе, что судьба послала в их дом сына того самого красавца, чей облик так поразил девушку у Ночной Обители. Сообщил, а потом целый день ходил с неприятным осадком на душе, вспоминая, как Криза вспыхнула, а потом делано равнодушным тоном сказала, что надо бы разыскать отца и сказать ему о рождении сына и о том, где тот находится. Впрочем, Криза была права, Уррик должен знать правду, но гоблинский офицер сейчас наверняка находился вне досягаемости в ставке Годоя, так что объяснение с ним, равно как и сердечные дела Кризы, ждали своего часа. Пока же девушка и ее брат взвалили на себя хлопотную и важную службу аюдантов и справлялись с ней очень даже неплохо.

Гоблины привыкли все свое носить с собой и лошадей не жаловали, а создавать обоз накануне весенней распутицы было бы неуместно, не говоря о том, что отбирать у крестьян их кормильцев эльфу не хотелось, так что единственными конями в отряде оставались Перла и Топаз. Кобылица смирилась с Кризой с той же покорностью судьбе, с какой прежняя Герика смирялась с очередным женихом. Юная орка показала себя заправской наездницей, и все распоряжения от Романа и Рэннока к новоявленным офицерам, будь они в авангарде или арьергарде, доставлялись незамедлительно. Топаз же по-прежнему подчинялся лишь своему хозяину, который, не желая быть еще более белой вороной среди своих новых соратников, упрямо шел пешком. Конь ему был нужен лишь для разведки, когда эльф отправлялся вперед, посмотреть, свободна ли дорога. Оказавшись в седле и не чувствуя за спиной мерной поступи горцев, Роман оживал и с наслаждением подставлял лицо встречному ветру. Они с Топазом легко покрывали весу за весой, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться и присмотреться. В эти минуты Роман вновь чувствовал себя самым собой, Рамиэрлем-разведчиком, а не гоблинским генералом.

Вот и сегодня, объезжая по широкому полукругу слегка холмистую долину, которую им предстояло пройти за ночь, чтобы разбить дневной лагерь в синевшем на горизонте сосновом лесу, Роман не видел ничего необычного. Несколько довольно небольших деревень, все еще замерзшая река, холм, увенчанный одиноким сломанным деревом. Никаких следов Хранителей или Хозяев, никаких следов магии.

Топаз заметил больше. Мягкие ноздри жеребца напряженно ловили теплый ветер, затем конь обернулся и ударил о землю ногой. Топаз знал, что, почуяв собратьев, он не имеет права выдать себя ржанием, но должен оповестить хозяина. Кроме того, бывалый разведчик, Топаз каким-то образом отличал никому не нужных крестьянских и купеческих лошадок от коней, чьи всадники могли представлять интерес или угрозу. Роман полностью полагался в таких вопросах на суждения своего четвероногого товарища.

— Говоришь, там кто-то, на кого следует взглянуть? — Роман проверил, как ходит шпага в ножнах и на месте ли метательные кинжалы. — Ну что ж, давай проверим...

2230 год от В.И.

1-й день месяца Медведя.

Лисьи горы

Белоснежная кобылица остановилась, не желая двигаться дальше. Нанниэль удивленно огляделась, она никогда не была в этих краях. Узкое ущелье. На дне бежит поток, вдоль него змеится тропа. Кое-где еще белеют снежные островки, сквозь которые пробиваются отважные темно-синие цветы. Тихо, даже слишком тихо... Почему же упрямится Льдинка? Эльфийка соскочила с лошади и попробовала повести ее в поводу. Не вышло. Льдинка дрожала всем телом и отказывалась сделать хотя бы шаг. Она не была боевой лошадью, такой, как ее брат Опал или же Топаз и Перла Рамиэрля. Их обучали (в том числе и

магическим способом) повиноваться всадникам в любых условиях. Конечно, надо было бы взять с собой Рубина Эанке, но Нанниэль боялась всего, связанного с покойной дочерью, и отправилась на поиски Эмзара на своей лошадке, теперь вышедшей из повиновения.

Немного подумав, Водяная Лилия повернула назад и, проехав где-то с треть весы, обнаружила небольшую поляну у устья впадающего в безымянную речку ручья. Прикинув, что она не так уж и рискует, оставляя здесь Льдинку, Нанниэль привязала кобылицу и решила отправиться вперед, посмотреть, что же там творится. Свернуть с дороги эльфийка не могла, так как единственной возможностью обнаружить Эмзара для нее было пройти по его следу. Стоило с него сойти, и ей пришлось бы искать короля Лебедей по всей Тарре.

Когда стало ясно, что Лебедеи под водительством Снежного Крыла покидают Убежище, Нанниэль сотворила заклятье, почитающееся для Дочерей Звезд постыдным.

Она вынула следы Эмзара и его коня и, пустив в ход собственную кровь и когда-то давным-давно раздобытую прядь темных волос, сотворила амулет, наливавшийся теплом, когда она шла по месту, где когда-то проходил или же проезжал Эмзар. Подобное выслеживание у эльфов считалось верхом неприличия, сотворение такого артефакта допускалось лишь по просьбе того, по чьим следам собираются пройти, но Нанниэль не могла поступить иначе. Она должна была знать, что сможет отыскать Эмзара. И вот теперь глупая лошадь лишает ее этой возможности.

Вздыхнув, Водяная Лилия зашагала вперед и вскоре поняла, что Льдинка не так уж и глупа. Ощущение давящей тяжести и обволакивающего сырого холода было отвратительным, но Нанниэль слишком долго была одинока, чтобы отступить. Она шла, стиснув зубы, по лесу, в котором не было ни птиц, ни насекомых, и вскоре выбралась на небольшую скальную площадку. Внизу виднелась широкая, но неглубокая котловина, посредине которой стояло самое мерзкое сооружение, которое можно себе представить. По крайней мере, эльфийке показалось именно так, хотя с точки зрения цвета, пропорций и размера здание было даже красивым. Высокое, с узкими игольчатыми башнями и стрельчатыми окнами, оно словно бы выросло из клубящейся по дну котловины мглы.

Чувства отвращения и страха, захватившие вдову Астена, гнали ее прочь от этого гиблого места, но какое-то нездоровое, мучительное любопытство приковало женщину к земле. В гнетущей тишине внезапно раздались ритмичные жутковатые звуки, похожие на завывание своры, загоняющей зверя, и Нанниэль, сама не понимая почему, принялась торопливо спускаться вниз, все же не забыв окупать себя отводящим глаза заклятием. Она шла на звук, который все приближался... Наконец эльфийка оказалась на площади перед храмом. Двери были закрыты, вокруг не было ни души. Примостившись за невысокой изящной колонной, увенчанной ветвистыми оленьими рогами, сделанными все из того же камня, Водяная Лилия ждала. Лай раздавался уже совсем близко, но сначала на площадь высыпало несколько десятков людей. Мужчин и старух среди них не было — только молодые женщины, девочки-подростки и дети. Видимо, они пришли издалека, ноги некоторых были стерты в кровь, лица измождены, и на них застыл ужас.

Нанниэль видела, как беглецы бестолково затоптались по площади, и в это время с трех сторон, сжимая невидимое кольцо, появились огромные бледные собаки. Дойдя до какой-то, ведомой лишь им границы, свора остановилась, явно чего-то ожидая. И тут раскрылись двери храма, и оттуда выступило несколько фигур в светло-серых балахонах, между которыми шли, странно и диковато улыбаясь, три молодых нобилия. Одна из серых фигур молча обошла замерших девочек и указала на троих. Нобили, все с теми же застывшими улыбками, двинулись вперед, схватили избраниц и повлекли в храм. Две шли молча и покорно, словно овцы на бойню, но третья — рыженькая толстушка — внезапно дико завизжала и, извернувшись, ударила своего стража ногой по колену, вырвалась и бросилась наутек, смешно переваливаясь. Двое остальных этого даже не заметили. Дотащив своих пленниц до плоского камня, видимо исполнявшего обязанности жертвенника, они рывком забросили на него девушек, сорвали с них одежду и замерли, поджидая отставшего.

Рыженькая все еще бежала, а за ней, медленно, по волоску, но неотвратимо

приближаясь, двигались чудовищные собаки, за которыми следовало пятеро или шестеро закутанных в молочные плащи охотников. Им ничего не стоило схватить жертву сразу же, но, видимо, погоня их забавляла, так как они позволили девушке добежать до края котловины, заканчивающейся отвесной скальной стеной. Девушка прижалась спиной к шероховатому камню, она задыхалась, губы ее были искусаны до крови. Но она все еще не сдавалась. Нанниэль с ужасом и жалостью наблюдала, как беглянка наклонилась и подняла довольно увесистый булыжник с острыми краями, видимо намереваясь подороже продать свою жизнь.

Собаки и охотники остановились и расступились, давая проход оставшемуся без дамы нобилу. Тот, так и не согнав с лица усмешки, пошел вперед, протягивая сильные руки. Девчонка метнула камень, который угодил смеющемуся в грудь. Удар был не слабый, но тот даже не вздрогнул. Между ним и рыженькой оставалось не больше шага, когда Водяная Лилия ударила. Она не думала, что сделает это, она вообще ничего не думала, но Зло, с которым она столкнулась, разбудило в ней то, что до этого буйно проросло в ее сыне и муже, за что она их осуждала. Водяная Лилия не смогла вынести чужих страданий и бросилась на помощь, не думая о себе. Она была одна, а противников... Псов десятка полтора, с полдюжины загонщиков и столько же жрецов. Много, очень много даже для сильного мага.

В свое время Астен с трудом справился с Охотником Ройгу, но в Малом храме адептов такого ранга не было: чтобы наполнять Чашу за счет детей и молодых женщин, маги высоких степеней посвящения не требовались, да и Охотники, в последнее время питавшиеся Силой Вархи, после заклатья Шаддура изрядно ослабели. К тому же на стороне Нанниэли была внезапность. Впрочем, эльфийка ни о чем таком не знала. Она сделала то, что не могла не сделать, не задумываясь ни о причинах, ни о следствиях...

Смеющийся остановился, словно налетел на незримую стену, а затем в жутких корчах свалился на землю. Свора резко обернулась, и Нанниэль, сама не ведая, что творит, выступила вперед. Нанесенный ею удар разрушил чары прикрытия, о которых она совсем позабыла, и теперь все: и враги, и жертвы — могли видеть ее. Первыми бросились вперед собаки, но Нанниэль была сильной волшебницей, ненамного уступавшей (если уступавшей) дочери. Первые два пса, глухо взвывая, ткнулись оскаленными пастьми в каменные плиты, еще шесть или семь остановились и начали судорожно кататься по земле, окруженные язвящими их голубыми искрами. Светящихся синих точек становилось все больше, они охватили всю свору, перекинулись на стоявших позади Охотников, облепили светло-серые фигуры жрецов. Те, правда, довольно быстро их погасили, но Нанниэль, собравшись с силами, вызвала ясное голубое пламя, которое сначала окружило ее кольцом, а затем разомкнулось и, превратившись в огненный вал, пошло вперед.

Первыми погибли собаки, так и не сошедшие с места, затем наступил черед двух Охотников, но остальные, произведя какие-то пассы, остановили эльфийский огонь. На какое-то время все замерло. Силы эльфийки таяли, но и Охотники были на пределе, они уже не нападали, а лишь вяло огрызались, выгадывая время, — она чувствовала, что вскоре произойдет нечто, что придаст им силы. Этого было нельзя допустить, она не задумывалась почему, а просто знала, что в ее руках не просто жизни двух десятков смертных, которых она всегда презирала, а нечто важное, от чего зависит судьба этого мира и двух существ, вступивших на непонятную ей тропу. Эмзар, всегда занимавший ее мысли, и Рамиэрль, ее сын и сын Астена, который никогда ее не любил и которого не любила она... Оба они поставили Тарру выше клана, она осуждала их, а теперь сделала то, на что, возможно, не решились бы даже они.

Она могла бы бежать, ее вряд ли стали бы преследовать — эльфийка была очень неудобной и опасной добычей, да и охота была не за ней, а за смертными девушками и детьми, без крови которых ройгианские обряды не обретали должной мощи. Но Нанниэль стояла до конца, стояла там, где даже Эмзар наверняка бы отступил, предпочитая спасти часть, а не потерять все.

Жизнь каждого из Детей Звезд — магическая искра, высеченная самим Творцом, и

искра эта в руках опытного мага может стать страшным оружием. Нанниэль, могущественная волшебница, добровольно отдавала себя, Бессмертную, Смерти, но высвободившейся при этом магической энергии хватило на то, что свора Ройгу вспыхнула ослепительным пламенем, перекинувшись на отвратительное капище, присосавшееся к месту Древней Силы.

Дрожащие девушки и детишки с восторженным ужасом наблюдали, как серовато-молочные колонны оплавливались и таяли, как свечи, гнулись и рассыпались лестницы, котлован затягивался, словно сама земля стремительно залечивала нанесенную ей рану. Наконец вспыхнули и загорелись чудовищные серебристые рога. Нанниэль в последнем усилии подняла к небу руки, и белоснежная молния, сорвавшаяся с ее пальцев, устремилась к пропитанному кровью алтарному камню и разнесла его на тысячи осколков. В тот же момент оцепеневшие от эльфийских чар, но не сломленные ройгианцы в корчах повалились на землю, а чернокудрая красавица пропала, словно бы ее никогда не было.

Нанниэль умерла на маленькой лесной поляне недалеко от Ласковой пущи. Она не выбирала это место, она вообще не думала, куда ее забросит, а действовала, повинаясь тому древнему зову, что гонит любую живую тварь, обладающую волей и гордостью, умирать подальше от чужих глаз. А Нанниэль исчезла с людских глаз именно потому, что умирала. Схватка вычерпала ее до дна.

Позже чудом спасшиеся невинные дети расскажут о явлении Равноапостольной Циалы, грозной и прекрасной, спасшей их от слуг Антипода, и к житию святой добавится еще одна глава, а годовщину этого события циалианцы будут отмечать как великий праздник. Позже ребяташки из лесного села найдут поляну, на которой от снега и до снега цветут странные белые цветы, похожие на водяные лилии, отчего-то выросшие на суше. Несмотря на все усилия узнавшего об этом купца, пожелавшего продать это диво в столицу, растение не желало цвести нигде, кроме одной-единственной ничем не примечательной поляны. Дело кончилось тем, что один новоиспеченный нобиль, будучи родом из этих краев, сделал строптивый цветок своей консигной, которую его прапраправнуки прославят в Войне Нарциссов...

Глава 28

2230 год от В.И.

Ночь с 1-го на 2-й день месяца Медведя.

Таяна

— Утром полезут, глаз даю, — Рыгор Зимный не был напуган, но радости в глазах войта тоже не было.

— Да, не рассчитали чуток, — согласился Луи, — но что теперь поделаешь?

«Чуток» — это было еще мягко сказано: армия резестантов позволила себя самым глупейшим образом загнать в ловушку.

А начиналось все так обнадеживающе! Их появление в Таяне в обход перевала оказалось для годоевцев полной неожиданностью. Первое же нападение на небольшой тарский отряд, сопровождающий обоз с фуражом, позволило оценить тактическое творение Луи и Рыгора. Связанные между собой укрепленные повозки могли быть при желании и укреплением и ловушкой. Резестанты с ходу захватили несколько деревень, где жили люди с пустыми от ставшего привычным страха глазами, мимоходом прихлопнули пяток фуражирских отрядов и разгромили два приграничных гарнизона. Оставалось ждать ответного удара, и они его ждали, стараясь не удаляться особенно от дороги на Тахену. Луи и Рыгор намеревались немного пощипать высланный против них отряд, а затем, огрызаясь, уйти в топи, куда за ними полез бы только безумный. Ну а если бы преследователи вошли в раж, то Болотная матушка пропустила бы их в сердце трясин, откуда бы не вышел никто.

План был правильным и хорошим, но увы! Их подвела самонадеянность. Разведчики заметили довольно большой конный отряд, сопровождавший обоз с чем-то интересным, а у Луи было гораздо меньше пушек, чем хотелось бы. По всему выходило, что они вполне успевают уничтожить охрану, захватить груз и отойти до подхода высланных против них войск. Луи и Рыгор действовали из расчета, что основные силы сосредоточены в Гелани и что против них двинут не только конницу, но и гоблинскую пехоту, а посему ждать врага можно лишь завтра. Они просчитались, или же таянцы оказались столь самонадеянны, что вознамерились расправиться с дерзким отрядом без помощи горцев. Обоз же оказался обманкой. Как только резестанты бросились вперед, охрана, кинув фуры на произвол судьбы, рассыпалась по степи, а в спину нападавшим ударили тарскийские конные тысячи. Судя по всему, на каждого резестанта пришлось три, а то и четыре противника, но Луи не растерялся. Его всадники и несколько повозок с пушками, умело пользуясь каждой складочкой местности, сдерживали тарскийскую конницу (которой, к счастью, было далеко до «Серебряных»), пока возницы, нещадно нахлестывая коней, гнали повозки к довольно высокому холму. Отступавший с основными силами Рыгор быстро, но без суеты заставлял людей делать то, к чему они готовились всю зиму. Повозки, въехав на вершину холма, образовали круг, в котором оставили три прохода — боковые для пехоты и тыльный для конницы, которые прикрыли заранее сработанными четырехугольными щитами. Когда всадники Луи, разрядив последние пистолы чуть ли не в лица врагам, влетели на холм, по преследователям выстрелили из пушек и арбалетов. Тарскийцы остановились, не лезть с разгону на крутой, хорошо укрепленный холм ума у них хватило, тем паче вечерело.

Годоевцы встали походным лагерем на недоступном для стрельбы расстоянии, намертво отрезая резестантов от дороги к спасительным топям и, что было еще печальнее, от воды. Конечно, одну ночь лошади как-нибудь перебытуют, но что с ними прикажете делать дальше? И вместе с тем уходить с холма было нельзя — им бы навязали бой в степи, а это было бы еще хуже.

Если бы у резестантов была хорошо обученная пехота, способная отразить кавалерийскую атаку на ровном месте, это еще было бы допустимо, но вчерашние крестьяне, оказавшись лицом к лицу с бешено мчавшейся конницей, могли дрогнуть и растеряться.

— Надо продержаться до завтрашней ночи, — пробормотал Луи, — показать им, что мы не отступим и что у нас есть зубы, вымотать их, а потом попробовать прорваться. Если ударить сверху, может, и получится...

— Половину загубим, — Рыгор сплюнул в костер, — но делать нечего, долго нам тут не просидеть, кони без воды побесятся...

— Хорошо, что у тарскийцев нет пехоты, — заметил Луи.

— И погано, что она есть у нас...

— На повозки посадим.

— Кони быстро устанут... Дывысь, — войт удивленно поднял брови, — шо то вона?

Тут было чему удивиться. Гайда, мирно лежащая у ног хозяина, вдруг отчаянно завиляла пушистым хвостом и, радостно, по-щенячьи повизгивая, заплясала на месте, видимо желая броситься вперед и одновременно робея. Луи не успел даже удивиться, когда из-за повозок выступила стройная фигура. В свете костра сверкнули расплавленным золотом не по-фронтерски длинные волосы, и тут уже Рыгор с криком: «Романэ! Щоб я вмер! То ж дан Роман!», бросился вперед с распростертыми объятиями.

2230 год от В.И.

Утро 2-го дня месяца Медведя.

Таяна

Граф Варшани был приятно возбужден — его хитрость блестяще удалась, и невероятное мужицкое войско (и какому дураку могло прийти в голову, что им командует арцийский принц?!) было оттеснено от тракта, за которым начинались леса и болота, откуда

перепуганных селян было бы весьма трудно выкурить. С другой стороны, тарские понимали, что добыча умеет кусаться, а класть без артиллерийской подготовки своих молодцов под безымянной горушкой, когда впереди большая почетная война, он не хотел. Кому захочется, чтобы Кантиска, Гверганда и Идакона достались другим, тогда как твоей добычей станет несколько сотен дурацких повозок и головы никому не известных фронтерских мужиков, у которых хватило наглости действовать от имени убитого в Лагской битве принца? Граф Варшани недаром много лет был правой рукой Михая Годоя, кое в чем он разбираться научился. Его оставили здесь, чтобы Таяна постепенно привыкла, что не Тарска при ней, а она при Тарске, и чтобы бледные не лезли туда, где им делать нечего. Полученный с голубем приказ о необходимости покончить с фронтерским восстанием застал графа во всеоружии, он и сам подумывал о чем-то подобном, особенно после того, как во Фронтере был захвачен обоз с предназначавшимися ему легкими пушками.

Дело казалось нетрудным, хоть и хлопотным. Как только Гремеха очистится от снега, вместе с гоблинами пройти железной метлой по нижней Фронтере, за каждого убитого тарскийца отправлять к «рогатым» сотню заложников, за каждый разграбленный обоз — сжигать село. Пусть поймут, что поднимать хвост на тарскийцев смерти подобно! По прикидкам Варшани, на все про все выходило, что к концу месяца Лебеда Фронтера и Нижняя Арция будут усмирены и он, оставив там южных гоблинов, которые должны подойти со дня на день, вместе с более обученными северянами поступит в распоряжение императора и, возможно, как раз успеет к штурму Кантиски, в котором Варшани очень хотелось поучаствовать.

Однако человек предполагает, а жизнь располагает. Подкрепления из Корбута все не было, зато резистанты каким-то немыслимым образом миновали Гремеху и принялись буяннить во вверенной графу Таяне. Это было оскорблением! Варшани решил действовать немедленно. Больше всего он боялся, что армия самозванца успеет удрать тем же путем, каким и появилась. По всему выходило, что Лжелуи привел с собой не более десяти тысяч мужиков на телегах, а значит, пятнадцать тысяч тарскийской и таянской конницы изрубят наглеца в капусту. Хватило бы и пяти, но Варшани решил действовать наверняка, взяв с собой почти всех своих людей. В конце концов, вряд ли в Гелани в его отсутствие произойдет нечто такое, с чем бы не справились эркадные стражники и фискалы. Зато расположившихся в Высоком Замке гоблинов Варшани решил с собой не брать. Во-первых, пешим не угнаться за конными, во-вторых, граф не слишком ладил с начальником горцев, неким Урриком, который хоть и пользовался доверием Михая и Иланы, был созданием крайне неприятным — заносчивым, неразговорчивым и откровенно презиравшим и самого Варшани, и его окружение. Пусть сидит в Высоком Замке и гоняет до седьмого пота подошедшее по последнему снегу подкрепление из Северного Корбута. Во время похода на Кантиску без гоблинов не обойтись, а сейчас можно справиться своими силами, да еще позабавиться! Как все-таки здорово, что резистанты сами притащились волку в зубы и не нужно их выкуривать из лесов и болот.

Лишь одно омрачало завтрашний триумф: спешно покидая Гелань, Варшани забыл взять с собой парадный плащ, а значит, придется кого-то за ним посылать, победитель не может вступить в Высокий Замок в ненадлежащем виде, тем паче Михай далеко, а его супруга близко и после родов стала еще красивее...

2230 год от В.И.

Утро 2-го дня месяца Медведя.

Таяна

Рыгор, дожевывая на ходу здоровенный шмат хлеба с натертым чесноком салом, смотрел, как гарцевали черно-красные тарскийские всадники...

— Красиво, — заметил подошедший Луи, — но нагло. Ох, не знают они, чем им сегодняшний день обернется.

— Ще ужжжнають, — заверил атаман, спехом заглатывая последний кусок, — а то бач как раскакалысь... Той, возле оврага, их главный, чи шо?

— Похоже, — принц присмотрелся и уверенно кивнул, — точно, главный. Командорская консигна, конь подороже, чем у прочих, и холуев вокруг тьма-тьмушая. Ну что, Рыгор, пошел я гусей дразнить...

— Только осторожно, — пробурчал войт, — не хватало, щоб ты тут башку сложил.

— А вот и нет, — Луи залихватски подмигнул, — я бессмертный! Мне еще нужно тебе Мунт показать, да и вообще столько всего, куда уж тут умирать...

Законный наследник арцийской короны птицей взлетел в седло, и Атэв кокетливо затанцевал, хвастаясь своим наездником перед другими лошадьми. Тяжелые квадратные щиты, прикрывавшие тыльный выход из лагеря, оттащили в сторону, и кавалеристы цепочкой, стараясь не привлекать к себе раньше времени внимания, начали спускаться по дальней стороне холма.

Рыгор усмехнулся в длинные усы: тарскийцу на белой лошади удалось поймать медведя? Как бы ему, как тому дурню-охотнику, не пришлось кричать, что медведь его не пускает...

2230 год от В.И.

2-й день месяца Медведя.

Таяна

Варшани не успел махнуть алым платком, чтобы подать сигнал к атаке. Из-за холма на полном скаку вылетело несколько сот всадников, которые управлялись с конями отнюдь не как взгромоздившиеся на рабочих лошадях мужики! Кавалеристы вихрем пронеслись через позиции тарскийцев, стараясь поднять как можно больше шума и причинить максимальный вред. Варшани оторопело смотрел, как какой-то молодец в потрепанном арцийском мундире, свалив выстрелом возницу, перескочил на облучок артиллерийской запряжки и угнал пушку из-под носа зазевавшихся тарскийцев, причем его конь как привязанный скакал рядом с хозяином. Не успел граф прийти в себя, как его ждало новое потрясение: несколько сотен таянцев пустили коней в галоп, но отнюдь не для того, чтоб дать отпор вражеским кавалеристам. Видно, мало Михай сворачивал головы геланским нобилям, которые воспользовались первым удобным случаем, чтобы предать. Таянцы бросились на тарскийцев, как взбесившиеся волки! Когда же в лагере взлетел в воздух весь запас пороха, подожженный чьей-то умелой рукой, превратив в один миг тарскийские пушки в негодный хлам, стало вовсе невесело.

Граф Варшани, с трудом придя в себя, развернул две тарскийские тысячи на предателей, но те уже мчались к лагерю резестантов, откуда доносились приветственные крики. Ну что ж, прекрасно! Он не только уничтожит лжепринца, но и расправится с изменниками! Восемь сотен кавалеристов не ахти какая потеря...

2230 год от В.И.

2-й день месяца Медведя.

Таяна

Луи, сияя темно-синими глазами, обнял высокого темноглазого таянца.

— Как удачно все получилось!

— Неплохо, — тот улыбнулся, — но у Варшани осталось достаточно людей, и он не отступится.

— Так это же прекрасно, — засмеялся все еще переживающий момент боя принц, — нужно, чтоб он как следует разозлился и полез в бой, забыв себя.

— В этом можете не сомневаться, — заверил таянец. — Разрешите представиться. Граф Дьердь Ричи-Гардани, к вашим услугам.

— Луи Арцийский, — протянул руку принц, — а это — атаман Рыгор Зимный. Знаете, я ведь тоже ваш родич по женской линии. О, кажется, полезли!

Тарскийцы действительно полезли. Умело и грамотно рассредоточившись, они охватили холм полукольцом и теперь шли вперед. На мгновение Луи показалось, что время повернуло вспять и он вновь на Лагском поле пытается спасти то, что спасти невозможно.

— От, бисови диты! — Рыгор поудобнее перехватил рукоятку чудовищного цепа, с которым управлялся, как с пушинкой. — Антось! Давай туды два десятка молотил. Пишлы...

У принца отлегло от сердца. Нет, сейчас все совсем не так, как тогда. Это не по Арции топают сапожищи гоблинов, а они пришли в логово к врагу и должны победить. Вот только пусть этот, как его назвал Дьердь? Варшани? Ну и имена у этих тарскийцев, да и у таянцев не лучше... Пусть Варшани позабудет обо всем на свете, кроме проклятого холма... Впрочем, вскоре Луи стало не до рассуждений. Тарскийцы взялись за дело всерьез, они лезли и лезли вперед, их лошади оскальзывались на крови, но и пушки резестантов раскалились и стали бесполезны, так как воды, чтобы охлаждать стволы, взять было неоткуда. Арбалетчики же и лучники не могли остановить атакующих, так что вся тяжесть боя легла на плечи крючников и молотил, тем паче повозки уравнивали в высоте пеших и конных.

Луи за последний год повидал всякое, но даже он не представлял, каким страшным оружием могут оказаться окованные железом цепи. Здоровяки-фронтерцы орудовали ими, как заведенные. Могучие мышцы перекачивались под взмокшими рубашками, заваливались на спину сбитые с ног лошади, дробились черепа. Даже в старые времена, когда нобили прикрывали свои драгоценные головы железом, подобные удары надолго бы выводили из строя, теперь же головы и вовсе крошились, как гнилые тыквы, а оглушенные кони падали, подминая под себя всадников. Кровь смешивалась с потом и высыхала под жгучим весенним солнцем.

Больше всего хотелось пить, но это было недостижимо ни для атакующих, ни для обороняющихся, люди словно бы обезумели, как будто на жалкой таянской горке сошлись все тропы вселенной и от того, за кем она останется, зависит судьба мира. А может, так оно и было, ведь каждый воин должен быть уверен, что именно его удар, его стойкость и является той песчинкой на весах судеб, от которой зависит победа.

Луи давным-давно потерял шляпу и сбросил колет. В лохматом оборванце вряд ли кто-то мог признать принца. Шпага сына Эллари мелькала в самых опасных местах, но судьба словно бы простерла защитную длань над молодым арцийцем, на нем не было даже царапины. Перепрыгивая с одной повозки на другую, ругаясь, хваля, умоляя, он заставлял людей держаться, и в руки и души фронтерцев словно бы вливались свежие силы. Пару раз битва сталкивала принца с Рыгором, который все еще орудовал своим страшным цепом, защищая передний проход между повозками. Деревянные щиты там были разломаны, но люди оказались крепче дерева, они стояли насмерть. Рядом с Рыгором сражался давешний таянец, и Луи мимоходом подумал, что ТАК драться может лишь человек, побывавший в аду и получивший наконец возможность отомстить. Мимоходом заколов какого-то черно-красного, Луи перепрыгнул на следующую повозку, и как раз вовремя, чтобы заступить место рухнувшего с простреленной головой молотилы. Принц яростно отражал удары, когда снизу раздался хриплый надсадный вой горных волюнок.

Луи вздрогнул. Он слышал такое год назад и не сразу сообразил, что тогда гоблины таким образом означали смерть, а теперь — победу. Варшани мог ожидать чего угодно, но не того, что к фронтерцам подоспеет помощь, тем более такая...

**2230 год от В.И.
2-й день месяца Медведя.
Таяна**

Гоблины были идеальными солдатами. В том смысле, что, поняв, как и что делать, они делали это, не отвлекаясь на такие мелочи, как страх или чья-то смерть. Южане никогда в

жизни не ходили в бой, но им объяснили, что главное не сбиться с шага, держаться соседей и делать все вовремя: поворачивать, останавливаться, выставлять пики, стрелять, смыкать и размыкать ряды. У них не было мушкетов, как у их северных собратьев, обучаемых на арсенальных дворах Высокого Замка, а только охотничьи луки, арбалеты да основательно сработанные пики, но хватило и этого. Оказавшись между холмом, оврагом и гоблинскими тысячами, Варшани потерял голову и заметался. Каждый действовал во что горазд, стараясь спасти свою шкуру, и при этом мешал другому, озабоченному тем же.

Воспользовавшись удобным моментом, с холма вновь спустилась конница. Всадников было немного, не больше шести сотен, но они ударили вовремя и в нужном месте, а гоблины мерно шли вперед, останавливались, стреляли и снова шли, страшно и красиво, выставив вперед пики и сверкая сигналами со стаей Омма. Разумеется, убивали и их, но место упавшего немедленно занимал другой. В обычно спокойных глазах горцев сиял огонь — они бились во славу детей Инты, они карали обманщиков и предателей.

Старый Рэннок, шагавший во втором ряду срединной колонны, невозмутимо отдавал приказы, которые тотчас же выполнялись. Его чупага, как только он подал сигнал «вперед», запылала призрачным синим пламенем, вселив в сердца гоблинов уверенность в своей правоте. Вогораж распоряжался на поле боя так же спокойно и неторопливо, как в своей хижине. Впрочем, бой был не из тех, когда нужно с ходу что-то решать, менять, придумывать. Варшани был невеликим стратегом и не смог ничего противопоставить Проклятый знает откуда взявшейся пехоте. Кое-как развернув уцелевших, он бросился наутек.

2230 год от В.И.

Ночь со 2-го на 3-й день месяца Медведя.

Эланд, Идакона

Было странно тихо, молчал даже неумный Жан-Флорентин. Алый свет Волчьей Звезды, поднимавшейся над горизонтом, казался огнем далекого маяка. Рене не отводил взгляда от мерцающей точки, подставляя лицо пахнущему солью и йодом ветру. Что же все-таки делать? Они не могут бросить Кантиску на произвол судьбы, но драться на два фронта — безумие, особенно если в ход пойдет магия. Засевшие в Вархе роигианцы наверняка скоро что-то предпримут, и Рене отнюдь не уверен, что их удастся остановить.

А арцийская армия во главе с закусившим удила Марциалом снова будет раз за разом бросаться на Аденский вал. Годой может себе позволить такую роскошь — к его услугам дружины арцийских баронов и наемники из южных королевств, и это не считая тарскийцев и безотказных гоблинов! В распоряжении Марциала никак не меньше ста двадцати тысяч, то есть чуть ли не в три раза больше, чем у Рене. Правда, позиция осажденных куда как выгодна, а Мальвани один стоит десятка марциалов. Командор готов держаться до бесконечности, но от этого не легче. Годой умело блокировал на аденском рубеже все сухопутные силы своих противников, а сам в это время стал полноправным хозяином Арции. Покойный синяк прав, если узурпатор возьмет Кантиску и вынудит Церковь признать себя ее главой, продемонстрировав несколько магических фокусов, разгром Эланда даже без применения всяческой магической чертовщины станет лишь вопросом времени. Рене не сомневался, что единственный шанс разбить Годоя — это нанести удар первыми. Но как?

Если Гонтран Куи не ошибался, армия Годоя вот-вот двинется, если уже не двинулась к Кантиске. Вот бы их там и встретить! А ведь с учетом ветров, дующих весной вдоль побережья, вполне можно успеть, если выйти из Идаконы на этой кварте, но это невозможно, пока здесь торчит Марциал.

Конечно, его можно попробовать разбить. Феликс и Сезар — отменные полководцы, да и сам он чего-то да стоит. Если б исход войны решался этим сражением, его нужно было принять, но, перейдя в наступление, они при самом лучшем раскладе потеряют добрую половину людей и вряд ли смогут с ходу ввязаться в новую битву. Да и Годой, без сомнения,

узнает обо всем. А не будет внезапности — не будет и победы.

Можно попробовать обмануть Марциала, заставив его осаждать пустые укрепления! Но это слишком рискованно, узнай арцийцы, что Аденский вал оставлен, они не мешкая ворвутся в Эланд и пойдут вперед под барабанный бой.

Рискнуть Внутренним Эландом и затвориться на Старой границе? Братний перешеек — сотворенный самой природой прекрасный оборонительный рубеж, который можно штурмовать до бесконечности. Чтобы его оборонять, достаточно нескольких тысяч и снятых с кораблей пушек. Голод защитникам не грозит, так как за спиной море. Это самое разумное с военной точки зрения... Будь это обычная война, Рене бы так и поступил. Риск оправдывал себя. Марциал мог долго оставаться в счастливом неведении, но даже узнай он об уходе защитников вала, он оказался бы обладателем болот и редких деревушек, а Идакона и другие города Старого Эланда оставались бы недоступными...

Увы, нынешняя война не была обычной. Пустить Марциала за Аденоу означало впустить «рогоносцев» за Явеллу. Рене видел, что творят ройгианцы, и не сомневался, что население будет истреблено под корень, дабы напитать силой чудовищную тварь, которой сломить оборону на перешейке будет не труднее, чем ему разрушить замок из мокрого песка, построенный малышом. Да и обрекать на жуткую смерть тысячи беззащитных людей, которых при всем желании не вывести за оставшееся время из их лесных деревень... Нет, увести армию к Кантиске, оставив Внутренний Эланд без защиты, нельзя. Но и дожидаться, пока Михай Годой захватит Святой престол, тоже нельзя...

Говорят, Антипод сбивает с пути истинного, предлагая помощь в обмен на душу. Окажись Враг рода человеческого сейчас возле герцога Арроя, он бы, без сомнения, заключил сделку на самых выгодных для себя условиях, так как Рене с готовностью пожертвовал бы и душой, и жизнью, лишь бы найти выход из безвыходного положения... Великие Братья! Если б можно было сделать так, чтобы армия Марциала исчезла...

Рене бездумно следил, как извивалась и дрожала в воде залива огромная рыжая луна. Гверганда спала настороженным, чутким сном, но герцог отвернулся от темнеющих на фоне облитого луной моря силуэтов зданий. Первый Паладин Зеленого Храма смотрел в сторону Идаконы, такой близкой и такой далекой, представляя, как на рейде выстроились корабли, которым, если война будет безнадежно проиграна, принимать на борт женщин и детей.

Очевидно, он все же задремал, потому что странным образом почувствовал себя парящим над устьем Агаи. Безумная река несла свои мутные воды к морю, которое (Рене это чувствовал совершенно отчетливо) принимало их с отвращением. Герцог словно впервые смотрел на серые зыбучие пески, тускло мерцающие в свете ущербной луны.

Странное это было место. словно какой-то сумасшедший великан разгреб в противоположные стороны прибрежные скалы, но для кораблей это было едва ли не самое опасное место на всем побережье. Устье реки все время менялось, огромные массы песка блуждали по заливу, чуть ли не после каждого шторма «радуя» моряков новыми мелями. Неимоверно широкая, но мелкая Агая разбивалась на множество рукавов и рукавчиков, перемычки между которыми изобиловали зыбунами. Река обладала еще и прескверной привычкой, чуть задует западный ветер, выходить из берегов, заливая плоскую широкую равнину, и, в довершение всего, ее устье, любовно прозванное местными рыбаками Обманка, славилось своими туманами, которые, казалось, можно резать ножом, как лучшую арцийскую сметану.

Единственным надежным клочком суши в этом плывущем, предательском месте была Волчья Голова — каменный остров посередине реки, на котором стоял Злой маяк, предупреждающий красными огнями о грозящих неосмотрительным опасностях. У его подножия лепилось несколько домов, в которых испокон веку жили смотрители маяка, заодно несшие службу лоцманов. Никто, кроме них, не знал, да и не мог знать предательницу-Агаю, так как они чуть ли не дважды в день с шестами в руках проверяли, где появилась новая отмель, где, наоборот, промоина или яма и какой из рукавов проходим. Остров и маяк на нем были единственным, что приковывало взгляд в царстве воды, песка и

неба. В погожие дни Обманка превращалась в царство пронизанной золотом сини, в ненастье удручала беспросветно-серыми оттенками.

Рене прекрасно знал все арцийское побережье, а эти места тем паче. Собственно говоря, лучше его здесь ориентировались лишь старожилы. Ко всему прошлым летом адмирал самолично облазил междуречье Адены и Агаи, пытаясь на местности просчитать действия арцийцев, но сейчас Обманка неуловимо изменилась.

Рене не просто видел Злой маяк, искривленные стволы деревьев, взбаламученную воду, но и ощущал чье-то присутствие, давящее, отвратительное, опасное. Здесь кто-то был, кто-то древний и недобрый, отвергаемый и землей и морем... Рене ЗНАЛ, что Он тут... И еще как могло случиться, что прошло больше кварты? Герцог готов был поклясться, что нынче полнолуние, а сейчас от луны остался лишь узкий серп...

— Адмирал!

— Да, Ягоб? Прости, задремал...

— Когда ты последний раз ложился?

— Неважно. Ты что-то хотел сказать...

— Они перебрались в летний лагерь. Проклятый, как же здесь сейчас мелко.

Оба маринера уже лет десять понимали друг друга с полуслова. Вот и сейчас Ягобу не нужно было объяснять, что если б позволила глубина, лагерь арцийцев можно было бы разнести из корабельных пушек, но в эту пору у Гверганды можно брести ору по щиколотку в воде, к берегу не то что большой корабль, баркас — и тот не подойдет. Вот если б поднялся хороший шторм, такой, какие раз в десять или пятнадцать лет накатывают в месяце Волка, когда бесчисленные водяные горы заливают пляжи, с легкостью перекидывая подвернувшиеся бревна и выворачивая имевшие глупость вырасти слишком близко от берега деревья, и докатываются до Зимней гряды!

— Чего б я ни дал за хороший шторм, — проворчал Ягоб.

— Погоди, — Рене потряс головой, — тут что-то есть!

— Что тут может быть, — махнул рукой маринер, — шторм как баба, приходит, когда ей приспичило, а не когда тебе нужно. Разве что попроси своего попа, авось намолит...

— Слушай, Ягоб, — голос Рене странно зазвенел, — мне сейчас надо побыть одному...

Капитан «Осеннего Ветра» молча кивнул и исчез. Он знал Арроя и понял, что Счастливчику в голову пришла какая-то мысль. Скорее всего безумная, а это значит, что у них появился шанс.

Рене подождал, пока затихли шаги, и негромко окликнул:

— Флорентин, ты мне нужен!

— Разумеется, — отозвался жаб, — что бы ты без меня делал?

— Послушай, — адмирал был не склонен вступать в длительный кокетливый разговор ни о чем, каковые философский жаб обожал всеми фибрами своей души, — что ты знаешь об Агае?

— Об Агае? — кажется, Жан-Флорентин соизволил удивиться. — Зачем это тебе?

— Я не знаю, — отозвался адмирал, — но с ней связано что-то очень важное. Давай вспоминай!

— Откуда у тебя подобные сведения? — жаб был настроен весьма сварливо.

— Не знаю. Я, кажется, задремал и вдруг оказался там, но отчего-то видел все сверху, словно у меня появились крылья. И еще луна вдруг оказалась на ущербе, и свет ее был каким-то мертвенным. Жан, я чувствовал присутствие какого-то существа и отвращение моря и земли к этому существу.

— Что?! — воскликнул жаб, придя в неподдельное волнение. — Так вот это где, оказывается...

— Что именно?

— Я слышал, что после битвы, в которой погибли прежние боги Тарры, их дети и их воины, у новых хозяев этого мира возникли трудности с телами. Они боялись предать их земле, которая была с ними связана, равно как и море, и воздух, и даже огонь. Светозарные

не хотели рисковать, так как боги обладают удивительной способностью к самопроизвольной регенерации, именуемой обычно непосвященными воскресением, — жаб посинел, видимо, ему было весьма неприятно говорить, — наконец было решено вызвать из ведомых Светозарным миров некое существо, пожиравшее трупы. Говорили, что по каким-то причинам новые боги не стали отсылать его обратно, а усыпили. Возможно, намеревались при необходимости использовать снова. Тем не менее Тарре это создание отвратительно, и потому в месте его упокоения идет вечный спор между водой и землей, каждая из стихий стремится избавиться от чудовищного груза, но не может.

— Значит, вот что прячется в устье Агаи...

— Видимо, да, — согласился жаб. — Ландшафт полностью отвечает заданным условиям. А то, что ты почувствовал это, в этом нет ничего удивительного. В тебе есть кровь старых богов, значит, это создание даже сквозь сон чувствует тебя, а ты его.

— Слушай, Жан! — Рене яростно сверкнул глазами. — Если так, то я его разбужу!

2230 год от В.И.

Вечер 4-го дня месяца Медведя.

Таяна. Гелань

Несмотря на события двух последних лет, «Коронованная Рысь» оставалась уютным местечком, в котором обитатели окрестностей иглеция Марии Снежной все еще могли промочить горло да почесать языки. Последнее, впрочем, делали вприглядку. Длинный язык приводил к еще более длинной дороге, а то и к рыночной площади, на которой каждую кварту примерно наказывали уличенных в злословии против Его Величества императора Благодатных земель Михая Первого со чады и домочадцы, Его Высокопреосвященства кардинала эландского и тарскийского Тиберия, доблестных тарскийских воинов и всех жителей Гелани, процветающей под мудрой десницей вышеупомянутого Михая Годоя.

И все равно люди злословили. По Гелани бродили слухи один другого невразумительней и неожиданней. Говорили, что Тиберий никакой не кардинал, а самозванец, а Годоя предали анафеме, а во Фронтере идет настоящая война. Болтали, что Рене Аррой похитил дочку Годоя и держит ее в заложницах, а потому Михай не нападает на Эланд. Про бледных обитателей Высокого Замка было абсолютно точно известно, что те продали души Проклятому, а тот за это научил их добывать золото из грязи, а про Анну-Илану рассказывали, что та родила ребенка с волчьими зубами и что кормят его кровью других младенцев.

Когда же из Гелани спехом ушла большая часть тарскийцев, прихвативших с собой остатки таянской кавалерии и изрядную часть легких пушек, жители города совершенно обоснованно решили, что те двинулись на помощь Годю, потому как воевать в самой Таяне было не с кем. Нельзя сказать, чтобы геланцы вздохнули полной грудью, но чужих ушей стало много меньше, и языки развязывались, особенно после кружки доброго вина.

Родольф Глео просиживал в «Рыси» целыми вечерами. Дома Глео было делать нечего, тем паче что когда-то чистый и ухоженный домик Симона за год с небольшим превратился в неопрятное логово, где вперемешку валялись залитые вином и жиром книги, битая посуда, скомканные тряпки и просто всяческий мусор, неизбежно появляющийся там, где хозяева забывают о венике. Серые валики пыли, перекатывающиеся по комнате от сквозняка, заставляли поэта кашлять, но не убирать. Дом для него служил лишь местом ночлега и источником вещей, которые можно продать, а жил Глео в «Рыси», куда приходил к открытию и откуда его за полночь выпроваживал сердобольный вышибала. Обычно Родольф просто тихо напивался, глядя все более оловянным взглядом в закопченный потолок и бормоча себе под нос какие-то вирши, но порой на поэта находило, и он приставал с малопонятными разговорами и рассуждениями к ни в чем не повинным людям, если же его пытались вывести, начинал упираться, как кот, который знает, что его сейчас ткнут носом в сотворенное им безобразие. Хозяин «Рыси» живо смекнул, что куда проще сунуть выпивохе

под нос стакан с самой паршивой царкой, после чего тот просто уснет, а назавтра покорно включит пропитое накануне в стоимость очередной принесенной вещицы. Короче, Глео никому особенно не мешал, и, когда дверь распахнулась и в «Рысь» ввалилось человек восемь тарскийцев и спутавшихся с ними таянцев, хозяин и не подумал выставить поэта.

Вновь вошедшие шумно уселись за лучший стол и потребовали вина. По всему выходило, что они намерены гулять всю ночь — сигнал «тушить огни» на них явно не распространялся. Харчевник разрывался между желанием не ударить лицом в грязь перед столь значительными гостями и боязнью, что те, именно из-за своей значительности, уйдут не заплатив. Рассудив, однако, что, будучи недовольны, годоевцы запросто могут спалить заведение, а его самого повесить, бедняга решил рискнуть царкой, а не головой. Гости пили и становились все шумнее.

— Да здравствует Годой, — заорал один, высокий и плечистый.

— Виват! — грохнули остальные. — Мы еще вздернем этого маринера на его собственной мачте!

— Вверх ногами, — добавил вертлявый таянец, услужливо подливая своим приятелям старой царки.

— Не смей трогать Рене! — внезапно взревел поэт, грохнув кружкой об стол. Обожженная глина треснула, и дешевое красное вино разлилось по скатерти.

— Чего? — тарскийцы обалдели от подобной наглости. Увы, они были слишком пьяны, чтобы уразуметь, что Глео вряд ли соображает, на каком он свете. — А ну повтори!

— И повторю! — Глео был решителен и отважен. — Вы? Вы, отребье, вздернете Рене Арроя?! — поэт громко и оскорбительно захохотал, и хохот этот раздался в полной тишине. Все собравшиеся в «Коронованной Рыси» за исключением двух жизнерадостных веселых мух замерли, но поэту море было по колено. — ВЫ? — повторил он еще раз. — Да Рене из вашего поганого Годоя рыбный суп сделает! Нашли, на кого хвост поднимать!

— Я сейчас заставлю этого пьяницу съесть его собственный язык! — плечистый тарскийец поднялся со своего места, но Глео с неожиданной ловкостью вспрыгнул на стол, но этого ему, видимо, показалось недостаточно, и он, широко шагая и почти не качаясь, прошелся по шести столам, расшвыривая тарелки и опрокидывая бутылки, и перебрался на высокую стойку, где возвел очи горе и, завывая, продекламировал:

Ужель великая Таяна
Во власти гнусных чужаков?
Пусть я первой жертвой стану,
Но я восстану на врагов.
Меня убьют, но кровь поэта
Разбудит спящие сердца.
Во имя вольности и света
Мы будем биться до конца...

Прозвучал одинокий выстрел: пришедший с тарскийцами услужливый таянец разрядил пистоль Родольфу в грудь. Тот пошатнулся, но выпрямился и неожиданно чистым звенящим голосом выкрикнул:

— Стреляете? Значит, боитесь! Люди! Они боятся! Меня! Вас! Гелани! Нас больше! Всех им не перестрелять! Рене придет! Бейте их... бейт... — последнее слово захлебнулось в крови, хлынувшей у Родольфа изо рта на выдавшую виды рубаху. Он пошатнулся и мешком свалился на пол. И тут высокий нескладный парнишка, разносивший кружки с вином и заказанную снедь, поднатужившись, поднял тяжелый казан с кипящим жирным супом и с криком: «Ребята! Бей!» — выплеснул обжигающее варево в лицо убийце. Тарскийцы схватились за шпаги, но парень отскочил в сторону, а двое дожидавшихся своей похлебки возчиков с ревом подхватили дубовую скамью и обрушили на головы годоевцев, а разошедшийся поваренок выскочил на улицу и завопил: «Люююююди! Сюдаааа!!!»

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ ВОЛЧЬЯ ЗВЕЗДА

*О в знойной пустыне холодный родник,
О хлеба последняя корка,
О буйного ястреба яростный крик,
О смерть, стерегущая зорко!*
Р.Киплинг

Глава 29

**2230 год от В.И.
Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.
Аденский рубеж**

Гиб боялся, но шел. Рене чувствовал напряжение Водяного Коня. Это странное создание следовало за ним по собственной воле. Уздечка, с помощью которой Сумеречная удерживала Гиба, Рене была нужна разве что для того, чтоб вызвать черного скакуна, непонятно почему признавшего в эландском герцоге хозяина.

Если верить Жану-Флорентину, то некогда существовавшие в достаточном количестве соплеменники Гиба умели принимать любое обличье, в том числе и человеческое, со всеми вытекающими из этого последствиями. Философский жаб полагал, что дар речи был отобран у прародителей Гиба, большинство из которых сгинуло во время битвы Первых богов Тарры со Светозарными, не в наказание за какую-либо провинность, а чтоб они не выболтали некую доверенную им тайну. Так оно было или нет, Рене не знал, но в том, что Водяной Конь прекрасно понимает, что происходит, был убежден. Именно поэтому, вызвав Гиба, Аррой заговорил с ним так, как говорил со своими маринерами, предлагая им отправиться в очередной отчаянный поход. Огромный черный жеребец слушал, склонив белогривую голову, и в зеленых глазах с узкими кошачьими зрачками вспыхивали и гасли искры.

Жан-Флорентин, высказав ряд ехидных замечаний в адрес некоторых склонных к авантюризму политиков, молчал, и Рене пришлось объясняться с Гибом самому. Видимо, ему это удалось, так как конь, резко вскинув белогривую голову, огласил берег рокочущим криком и враз ударил обоими передними копытами, что означало одобрение и согласие. Рене взлетел на блестящую черную спину и огляделся. Луна уже поднялась высоко и утратила свой зловещий оранжевый оттенок. Море лениво шумело, накатывая на пустынный берег. Их никто не увидит.

Гиб взял с места в карьер и понесся вдоль полосы прибоя к устью Агаи, где, если только они с Жаном не ошибаются, уже несколько тысячелетий смотрит свои отвратительные сны Могильщик, вызванный явившимися от Престола Света победителями. Если в жилах Рене и вправду течет кровь прежних богов Тарры, то тварь должна его учуять, тем паче под ним Водяной Конь, существо, принадлежавшее Старой Тарре и пронесшее сквозь тысячелетие верность прежним богам. Правда, Рене и раньше неоднократно бывал у агайских зыбунов и ничего необычного там не чувствовал. Место было скверным, особенно в пасмурную погоду, но не более того. Тем не менее герцог был убежден, что дело было во всеобщей летаргии, охватившей Благодатные земли. Теперь же, когда прошлое с чудовищной силой вламывается в Настоящее и грозит пожрать Будущее, спящее между двух вод чудище очнется. Дальнейшее зависело от копыт Гиба. Главное — увлечь неведомую тварь за собой навстречу воинству Марциала. Что будет дальше, Рене не представлял, но какое-то даже не шестое, а седьмое чувство твердило ему, что принятое им решение

единственно правильное. Счастливчик был уверен в победе, а это чувство еще никогда его не подводило! Вот в собственном возвращении он подобной уверенности не испытывал, но это было не так уж и важно, если они с Гибом уничтожат вражескую армию. Старый Эрик уже вывел в море корабли, на которые под прикрытием эльфийской магии в полном порядке погрузилась армия. Старый маринер, как только убедится, что Марциал уже не принесет вреда, доставит войско к небольшой арцийской деревушке в устье Канна, откуда до Святого города всего четыре дневных перехода. А дальше уж дело Мальвани и Феликса. Эти не подведут, да и барон Шада из крепости поможет. Но это все потом, сейчас главное — Марциал, обустроивающийся в летнем лагере на побережье. Еще день-два, и он возобновит атаки на Аденский вал, с которого нынче ночью сняли все пушки. Но этих дней у него не будет! Если он, Рене, разбудит Могильщика...

Луна сдвинулась совсем ненамного, когда они оказались на пустынном безнадежном берегу. Рене придержал Гиба. Агая медленно, словно бы нехотя вползала в залив, где отродясь не водилось ни рыбы, ни даже ракушек. Только в конце лета ленивые, пахнущие гнилью волны выносили на берег грязно-зеленую тину. Море брезговало водами Агаи, и причина могла быть только одна. Рене прислушался. Было тихо, очень тихо, но он не сомневался, что его услышали. Он успел вовремя — древняя тварь уже не спала, подхваченная той же магической круговертью, что и вся Тарра. Не приди сегодня за ней Рене, она все равно бы поднялась и отправилась бы утолять свой голод, и одни Великие Братья ведают, куда бы ее занесло! Гиб втянул ноздрями сырой, пахнущий чем-то неприятным воздух и громко закричал. Ударил о слежавшийся песок полупрозрачным копытом и закричал снова. Или Рене показалось, или он почувствовал, как по широко разлившейся воде пробежала дрожь. А Гиб словно бы отплясывал какой-то чудовищный танец — прыжок, удар копытами, крик, еще прыжок в сторону. Снова удар и крик, и так до бесконечности. Однако в прихотливых прыжках и воплях черного жеребца чувствовался какой-то будоражащий ритм, подчиняясь которому волны Агаи то убыстряли свое течение, то словно бы отступали от залива. А Гиб стоял на границе реки и моря и звал, звал, звал...

Как всегда именно то, что казалось самым надежным, таило в себе угрозу. Скала, на которой стоял Злой маяк, задрожала. Гиб в последний раз испустил пронзительный вопль и, отпрыгнув по-кошачьи, боком, замер, нехорошо косясь на исхлестанный ветрами камень. Рене с каким-то отстраненным интересом наблюдал за тем, как от подножия скалы отхлынули воды, вопреки извечному закону, повелевающему речным водам стремиться к морю, а морским штурмовать сушу. Обнажилось ровное дно, покрытое слоем вязкой грязи. В свете обезумевшей луны тени, отбрасываемые камнями, казались нарочито четкими и черными, а зыбучие пески, грязно-серые днем, светились серебром. На какое-то время все замерло, а затем у подножия скалы вздулся и с громким шумом лопнул отвратительный пузырь, образовавшуюся каверну тут же затянуло, но рядом набрякали несколько новых пузырей.

Вязкая жижа кипела, как каша в казане, распространяя запах гниющих водорослей, к которому чем дальше, тем больше примешивался какой-то другой, острый, отдаленно напоминавший смесь мускуса и прогорклого сала. Гиб вздрогнул всем телом, фыркнул и сделал шаг назад, но потом, видимо устыдившись, продвинулся вперед на два шага.

— Сохранить хладнокровие в критической ситуации — сделать первый шаг к победе, — уверенно пояснил Жан-Флорентин.

Гиб фыркнул еще раз, на этот раз обиженно. Рене промолчал, не отрывая взгляда от бурлящей грязи. В свое время адмиралу приходилось иметь дело с самыми разными тварями, многие из которых по праву считались смертоносными. Повидал он и кое-какие чудеса, но разбудить чудовище, пожравшее тела Первых богов этого мира, даже для Арроя было слишком. Он не представлял, на кого будет походить шевелящаяся в зыбуне тварь. Отчего-то казалось, что Могильщик — это огромная змея, серая и безглазая, но при этом отнюдь не слепая. Жан-Флорентин имел на сей счет собственное мнение, каковое и огласил, хотя его никто об этом не спрашивал.

— Исходя из специфики своего предназначения, — убежденно объявил жаб, — Могильщик должен обладать всеми признаками, присущими животным, питающимся падалью.

Рене промолчал, Гиб тоже. Жан-Флорентин собрался было развить тему, но в кипящей песчаной каше мелькнуло что-то темное. Спустя несколько мгновений стало ясно, что ужас, много веков скрывавшийся в устье Агаи, вот-вот вырвется наружу. Рене невольно сжал зубы — какой бы тварь ни оказалась, игра будет смертельно опасной. Чудище бодро лезло на поверхность, расшвыривая во все стороны брызги грязи. Сначала показалась плоская клиновидная голова с наростом-нашлепкой и огромным жабым ртом, затем длинная тощая шея, поросшая редкими длинными волосами, а затем наружу выбрался весь Могильщик, и Рене подумал, что на месте Светозарных, чьими подданными были прекрасные эльфы, он бы даже под страхом гибели не стал бы связываться с подобной тварью.

Она была не столь уж и велика. Чуть больше лошади и более всего напоминала уродливую птицу, по недосмотру обзаведшуюся еще и обезьяньими лапами. Длинные голенастые ноги заканчивались четырехпалыми когтистыми ступнями, кожистые крылья и длинный крысиный хвост тварь явно не украшали, но всего хуже были редкие каштановые волосики, сквозь которые просвечивала нечистая кожа. Чудовище ошалело вертело башкой, что было вполне естественно для существа, тысячелетиями не вылезавшего на поверхность. Судя по всему, монстра мало интересовали такие вещи, как звезды или море. Он хотел есть, а рядом была пища. Причем пища привычная и вкусная. Тварь, принохиваясь, повернула уродливую голову в сторону Рене, и тот увидел тусклые большие глаза. Сначала медленно, а затем все быстрее Могильщик засеменил к предполагаемой добыче. Гиб, оправившийся от первого испуга, приплясывал на месте, выказывая свое презрение к врагу. Рене же испытывал сильнейшее разочарование. Вряд ли этот драный страус представляет какую-то опасность. Рене ЗНАЛ, что Гиб разделается с ним одним копытом, да и сам эландец чувствовал, что спалить трупоеда в том же черном огне, в котором сгорели стрелы синяков, ничего не стоит.

Аррой вспомнил прекрасные строгие черты Всадников и призрака из топи. Неужели высшие силы могли докатиться до того, чтобы бросить тела поверженных врагов на съедение столь жалкому и отвратительному созданию? Омерзение переполняло адмирала, омерзение и мучительная жалость к тем, кто был погублен тысячелетия назад, не получив даже посмертия. Гиба била дрожь, но не от страха, а от желания растоптать ковыляющую к ним изголодавшуюся нечисть. Рене отстраненно наблюдал за нелепыми и какими-то дергаными движениями Могильщика, но глаза маринера — это глаза маринера. Адмирал привык замечать все и увидел, что море словно бы пятится назад от Отвратита (как адмирал мысленно прозвал тварь), обнажая серый песок, затонувший корявый пень, какие-то обглоданные кости. Само присутствие выходца из царства мертвых оскорбляло вольную стихию. Рене показалось, что море внезапно превратилось в разумное, чувствующее существо, обуреваемое отвращением и яростью. Сейчас отвращение перевесит, и оно отодвигается от мерзостного создания, но вскоре перевесит ярость, и тогда... То ли подсказала древняя кровь, кровь создателей этого мира, бегущая в жилах Арроя и все громче заявляющая о себе, то ли помогло то, что под ним был Водяной Конь, но Рене понял, что происходит, а поняв, не медлил.

— Гиб, — черный скакун напрягся, как струна, — вперед!

Водяной Конь рванул с места. Могильщик, увидев, что вожаемая пища убегает, припустился за ней по обнаженному морскому дну, поблескивающему лужицами воды. Гиб мог легко оторваться от преследователя, а мог его уничтожить, но Рене заставлял его бежать перед самым носом оголодавшего за века гада. Тот, кстати, оказался неплохим бегуном. Будь на месте Водяного Коня даже эльфийский скакун, Могильщик его бы настиг. Об опасности Отвратит не думал, видимо, испытывать какие-то чувства, кроме голода, это создание было не в состоянии. Длинными, вроде бы неуклюжими прыжками оно мчалось за всадником и не могло догнать, Гиб всякий раз слегка прибавлял шаг, и клацающие челюсти хватили воздух в

какой-то ладони от роскошного белого хвоста.

Погоня неслась на юг, постепенно забирая в глубь продолжающего отступать моря. Рене знал здесь каждый мыс, каждую скалу, каждый извив побережья. Герцог не сомневался ни в себе, ни в Гибе. Сейчас, когда все уже случилось, он успокоился и думал только о том, что должен сделать. Впереди показалась Ветровая Башня, откуда до лагеря Марциала нет и весы... Но что же, во имя Проклятого, медлит море! Вода отступила до самого горизонта. Озадаченные морские обитатели, оказавшиеся на мели, жалко трепыхались среди бурых и зеленых водорослей. Копыта Гиба и растопыренные пальцы Могильщика топтали застигнутых врасплох рыбин и не успевших убраться с дороги крабов. При желании тварь могла бы нажраться до отвала, но ее манила древняя кровь.

Рене бросил еще один взгляд через плечо. Отвратит по-прежнему неся за ними, смешно вытянув шею в тщетной надежде дотянуться. Солнце давно встало, обезумевшие от обилия пищи морские птицы с криками кружили над внезапно пересохшим заливом.

Гиб на бегу обернулся, победно сверкнув зеленым глазом. Наконец-то! На горизонте стремительно выростала гигантская водяная стена. Море собралось с силами, вознамерившись навсегда избыть осквернившую Тарру мерзость. Могильщик не смотрел на горизонт, его интересовала лишь добыча. Рене в последний раз взглянул в тупые и жадные глаза твари и больше уже не отрывал взгляда от приближающейся волны. В этот миг они с Гибом стали единым целым, древним и могущественным существом, призванным оборонить этот мир. Гиб победно заржал, и ответом ему был грохот океана. Стена воды стремительно неслась вперед, отвесная, увенчанная роскошной клубящейся гривой. Гиб сделал чудовищный прыжок и понесся к лагерю арцийцев, с каждым шагом отдаляясь и от ставшего приманкой обреченного преследователя, и от взбесившегося моря. Могильщик же, с пробуждением лишившийся поставленной Светозарными защиты, так и не заметил своей гибели. Чудовищный вал подхватил отвратительное тело и, желая от него избавиться, повлек к берегу. Кружащиеся в небе морские птицы видели, как стена воды, сметая все на своем пути, ударилась в Зимнюю гряду, выламывая из нее огромные куски. За первой волной последовала вторая, третья... А когда выплеснувшее свою ярость море отступило, на мокром песке остались причудливые нагромождения камней, кучи водорослей да тины, какие-то деревянные обломки и десятка полтора искореженных арцийских пушек, напоминавших о том, что еще вчера здесь был лагерь семидесятитысячной армии.

2230 год от В.И.

Ночь с 4-го на 5-й день месяца Медведя.

Таяна. Высокий Замок

— Что-то случилось! — Илана, пытавшаяся светски беседовать с двумя, лично ей отвратительными нобилями, бросилась к окну. Дувший со стороны Гелани сильный ветер принес тревожный колокольный гул. За всю свою двадцатилетнюю жизнь Ланка не слышала ничего подобного. Кажется, все городские иглеции сошли с ума. Это не был ни торжественно-радостный перезвон престольных праздников, ни угрюмое гуденье погребальных колоколов, раздававшееся, когда хоронили короля и принцев. Казалось, в колокола колотили люди, не имеющие никакого понятия об этом искусстве, главное, чтоб было громко.

Братья Цокаи, стоявшие за креслом супруги Годоя, переглянулись. Илана поймала их взгляд.

— Сходите и узнайте! — Братья шелкнули каблуками и вышли. Придворные помалкивали, втянув голову в плечи, очередной порыв ветра донес не только все усиливающийся перезвон, но и запах дыма. Неужели Гелань горит?! Но совсем недавно были дожди, дома в городе все больше каменные... В прежние времена Ланка уже была бы на конюшне, оседлывая коня, чтобы мчаться в город, но сейчас ее словно к месту приковало. Господин Рунна, последний из оставшихся в Высоком Замке бледных, казался еще бледнее и

раздраженнее обычного. Сквозь открытое окно было видно, как в небе мечутся перепуганные голуби и вороны, колокола гудели не переставая, где-то рядом на крепостной стене ударила пушка, очевидно кто-то не выдержал. Наконец дверь распахнулась и вошел младший из Цокаи и, хвала святой Циае, Уррик!

— Ваше Величество, — Цокаи был серьезен, — в Гелани бунт. Чернь бьет тарскийцев и жжет дома горожан, замеченных в верноподданнических чувствах к Его Величеству. Командир гарнизона просит помощи. В городе осталось слишком мало солдат. Я взял за смелость пригласить сюда гоблинских вождей.

Он сделал все правильно. Ей оставалось лишь формально подтвердить это решение, но именно этого Илана не могла сделать. Не могла, и все тут!

Нет, она не сомневалась в верности гоблинов и в том, что они железной поступью пройдут по улицам Гелани. Против них горожанам не выстоять. Но Илана все же принадлежала к роду Ямборов, гордившихся тем, что Гелань ни разу не была взята врагом. Но разве гоблины враги? Они союзники, а в городе бесчинствуют бунтовщики. И в старые годы в столице Гелани то и дело вспыхивали бунты — серебряный, масляный, дровяной... Били арцийских купцов, били в недобрые чумные времена медикусов, якобы не желающих остановить заразу, как-то разнесли по кирпичику дом эркарда, самочинно поднявшего свечной налог... И всегда бунты умирляли, зачинщиков и просто попавшихся под руку колесовали, вешали, клеймили раскаленным железом... Правда, на памяти Ланки такого не было — король Марко был слишком сильным и умным правителем, чтоб позволить взбунтоваться жителям собственной столицы. А она, выходит, не умная и не сильная? Чего же она медлит!

— Ваше Величество, — второй из братьев Цокаи был слегка возбужден, — прибыл кардинал Тиберий.

— Пусть войдет, — как хорошо, что можно оттянуть решение, и потом, Церковь... Она должна сказать свое слово, это несправедливо, если гоблинов на Гелань спустит только она.

Тиберий вошел как-то боком, и Ланка отчего-то вспомнила, как в детстве Рене Аррой ей объяснял, как ходят крабы... Рене... Свидятся ли они хоть когда-нибудь? Принцесса выпрямилась в своем кресле.

— Ваше Высокопреосвященство, нам нужен Совет Церкви Единой и Единственной. Должны ли мы посылать в Гелань горные полки? Или, возможно, Церковь сможет остановить бунтовщиков святым Словом?

Вопрос был чисто риторическим. Если под словом «Церковь» подразумевался кардинал Тиберий, то он не мог бы внятно сказать «мама», не то чтобы остановить Словом бунт или тем паче усмирить Огонь и Воду...

Ланка обернулась. Господин Рунна куда-то исчез, из окна по-прежнему тянуло дымом, хорошо хоть колокола стали звонить пореже, видно, уши и головы горожан оказались не железными. Принцесса собралась с силами и произнесла недрогнувшим голосом:

— Не думаю, что наше вмешательство будет своевременным. Бунт уже разгорелся, и мы еще выясним, кто это допустил. Пока же следует выждать. Пусть эти купцы и повара остановятся, протрезвеют и ужаснутся делу рук своих. К этому времени вернется граф Варшани, и будет справедливо, если он сам исправит собственную оплошность. Нужно было оставить в городе достаточно солдат для предотвращения подобного, — Илана выдержала паузу и возвысила голос: — Горные полки остаются в Замке. Они нам нужны для настоящей войны. О, господин Рунна. Вы, как и ваши предшественники, всегда исчезаете и появляетесь неслышно. Для чего вы отлучались на этот раз?

— Для того, — бледный почтительно поклонился, — чтобы узнать весьма неприятную новость. Наши войска потерпели сокрушительное поражение от резестантов, на стороне которых, по утверждению немногих уцелевших, сражались гоблины. Мне весьма неприятно сообщать подобное известие, но армии графа Варшани не существует, а объединенная армия резестантов и гоблинов движется к Гелани, не встречая никакого сопротивления.

— Что ж, — Илана поднялась, — тогда прочие разговоры излишни. У нас есть лишь

один выход. Запереться в Высоком Замке и ждать возвращения моего супруга. Успокойтесь, Ваше Высокопреосвященство, — дочь Марко с трудом сумела скрыть свое отвращение, — Вам ничего не грозит. Высокий Замок неприступен.

Эстель Оскора

Я стояла на смотровой площадке Герцогского Замка и смотрела на море, в котором затерялись ушедшие ночью корабли. Я знала, куда они ушли. После того как взбесившееся море слизнуло армию Марциала, руки Рене были развязаны. Правда, очень немногие знали, что пушки с Аденского вала были возвращены на корабли ДО того, как стихия столь властно вмешалась в войну смертных. Я подозревала, что здесь не обошлось без Гиба, но подозрение не есть уверенность, тем паче я сама скрывала слишком многое.

Флот ушел к устью Канна, откуда армия Мальвани и Феликса должна скрытно пройти к осажденной Кантиске. Сам же Рене вместе с Эмзаром намеревался пробраться в город. Адмиралу, видимо, было мало того, что уже выпало на его долю, ему нужно было еще и еще искушать судьбу. Рене вбил себе в голову, что Годой, узнав о том, что в Святом городе в Светлый Рассвет¹²⁴ состоится коронация короля Таяны, постарается ее сорвать и пойдет на штурм, а тем временем Мальвани ударит ему в спину. Я молила всех богов и святых, чтобы так и было, но мне было очень страшно за тех, кто ушел, и я была наедине со своими страхами. Говорить в Идаконе о возможных трудностях нельзя — маринеры, смелые до безрассудства, отличаются суеверностью, так что единственной моей утешительницей стала Белка, свято уверенная, что Рене размажет Годоя по стенам Святого города. Жизнерадостности дочки Шандера хватило бы на сотню человек, и я была ей за это очень благодарна.

Солнечный зайчик прыгнул мне в лицо, и я отвернулась. Не тут-то было, пятнышко слепящего солнечного света не отставало, я попробовала прикрыться ладонью, но оно с проворством таракана скользнуло под моей рукой и принялось плясать у меня на лице, норовя попасть в глаза. Более того, к нему присоединились другие, как светлые, так и темные. Сначала это меня взбесило — бесплотные зверята совсем обнаглели, но потом я задумалась. Мои маленькие приятели из света и тени никогда не позволяли себе подобных выходок. Неужели они хотят мне что-то сказать?

Я посмотрела туда, куда меня пытались развернуть, — ничего особенного: море и небольшая лодочка, уходящая в сторону Гверганды. Новая вспышка заставила меня обернуться. Теперь черные и белые пятнышки образовали дорожку, ведущую вниз. Подхлестываемая любопытством и, что скрывать, беспокойством, я пошла вниз. Поняв, что я уразумела, что от меня хотят, слепить меня прекратили и проводили до дверей в комнату Белки. Разумеется, она была не заперта. Я вошла. Дочка Шани никогда не считала нужным поддерживать у себя образцовый порядок, но подобный кавардак она могла устроить, лишь куда-то спешно собираясь. Куда? Я ничего не понимала. Преданный, который после отплытия Рене не отходил от меня ни на шаг, принюхался, коротко и взволнованно рыкнул и, тихонько схватив меня зубами за руку, потащил к двери. Его явно что-то беспокоило. Великие Братья! Куда могла подеваться эта разбойница?

Стражник у двери охотно объяснил, что девочка прибежала около оры назад, страшно взволнованная и сияющая, промчалась наверх и почти сразу же выскочила назад, одетая в парадное платье, и убежала в сторону порта. Я ничего не понимала, но происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Что делать, я не знала, но тут мне на глаза попался Ри. Сын Рене шел по двору, о чем-то оживленно беседуя с высоким маринером. Я бросилась к нему. Внешне совершенно не похожий на своего отца, Рене-младший быстротой ума явно

¹²⁴ Светлый Рассвет — рассвет самого длинного дня в году, отмечающийся Церковью как праздник, символизирующий торжество Творца над Антиподом.

удался в него, связав в уме исчезновение Белки, тревогу Преданного и лодку в море — про поднявших тревогу зверят я, естественно, ничего не рассказала.

Совершив отчаянное умственное усилие, я послала вместе с Ри Преданного, а сама вернулась на башню. Толку от меня не могло быть никакого, так зачем путаться под ногами?

Только бы с Белкой ничего не случилось! Я искренне любила этого бесенка в юбке, и потом, мне страшно было подумать, что станет с Шани, потеряй он еще и дочку. Рене рассказал мне о Лупе. Я не желала зла ни маленькой колдунье, ни ее новому возлюбленному, но как она могла? Хотя чем лучше я сама?! Я забыла Стефана еще быстрее, чем Лупе забыла Шандера. Более того, мне теперь даже не верится, что когда-то я любила таянского принца, а ведь память мне говорит, что любила. Отчего же я не могу воскресить в себе хотя бы слабый отзвук этого чувства?

Все, что было до Убежища, меня не трогало... Нет, пожалуй, все началось еще в Таяне, в домике Симона и Лупе... Там я пришла в себя, там же поняла, что втянута в какую-то адскую круговорот. Потом был Астени. Эту боль я, наверное, буду носить в себе до конца своих дней, затем в мою жизнь вошел Рене, и я твердо знала, что навсегда. В моей душе не осталось места для Стефана, как же я могу винить Лупе? И все же я не могла ее простить, может быть, потому, что это я убила пожиравших Шани тварей, я крикнула ему «встань и иди», мне он рассказал о своей любви к маленькой колдунье. И чем я лучше ее? Куда ушла моя первая любовь?

«Просто иногда вы меняете души, а не тела, — густой низкий голос раздался где-то совсем рядом, — не думай об этом, не беспокойся за девочку, ей уже ничего не грозит. И готовься к бою. Скоро придет твоя очередь...»

Я пока еще не сошла с ума и видела, что на площадке никого нет. Глаза говорили одно, но я ощущала чье-то присутствие, мощное, но не подавляющее. Это ощущение продолжалось не дольше мгновения, а потом все пропало. Я недоуменно огляделась вокруг. Все было прежним — море, небо, в котором не спеша плыл огромный орел, город внизу...

Странно, но я сразу же поверила сказанному моим незримым собеседником. Белка вне опасности, скоро меня ждет битва — это было понятно, но вот что он имел в виду, говоря, что мы меняем души? То, что жизнь, как взбалмошный кузнец, кует из нас сначала одно, а потом — другое, или же он имел в виду нечто иное? Нет, эта задачка была не для моего ума... Вот каменная жаба, с которой ходит Рене, наверняка имела свое мнение по этому поводу, но она была далеко, и как бы я хотела быть там же. Увы, это невозможно.

Когда Рене пришел попрощаться, я чудом не кинулась ему на шею, и сейчас мне казалось, что он не оттолкнул бы меня. Только бы он вернулся! Больше мне в этой жизни ничего не было нужно...

Я так и не ушла с башни до вечера, когда вернулся Ри. Он таки нашел Белку и теперь воспитывал ее на весь замок. Мои зверушки не зря подняли тревогу, уж не знаю, как они сообразили, что происходит что-то не то. Возможно, потому, что и Свет, и Тьма одинаково враждебны Туману, а дочку Шани выманили именно с помощью магии Ройгу. В городе к ней подошел кто-то, чье лицо казалось лицом одного из «Серебряных», и сообщил, что граф Гардани вернулся и приглашает ее на корабль, чтобы вместе войти в порт, и что это будет для всех сюрпризом. Разумеется, она согласилась.

Не знаю, как Ри умудрился найти и догнать в море нужную ему лодку. У маринеров свои секреты, а Ри был сыном Первого Паладина Зеленого Храма. Белка с восторгом пересказывала свои ощущения, происходящее ее даже не напугало. Похитители, видимо, решили держать девочку в неведении как можно дольше, а когда над бортом оказался форштевень «Акме» и, не дожидаясь людей, в лодку прыгнула огромная рысь, Белку это лишь рассмешило. Зато потом ей стало не до смеха. Ри орал на нее так, как может орать только... любящий человек, боящийся потерять дорогое существо. Самым же мерзким было, что целью похитителей была я. Они совершенно правильно рассудили, что ради дочки Шандера я готова на многое, и я бы наверняка пришла за ней туда, куда мне велели, но вот смогли бы они меня взять?

Глава 30

2230 год от В.И.

12-й день месяца Медведя.

Таяна. Высокий Замок

— Они можуть тут цельный год сидеть, — Рыгор раздумчиво тронул пальцем длинные усы, — на такие стены лезть — лучше сразу в Рысьву вниз головой...

— А кому они тут мешают? — Луи залихватски тряхнул кудрями. — Пусть их сидят! Гелань наша. Таяна наша. Фронтера тем более наша! Оставим их здесь под присмотром — и вперед!!!

— То було б добро, когда б не було б погано, — хмыкнул бывший войт. — Шоб их тут держать, надо и руки, и голову... Иначе они такого тут понаделают... Там одних гоблинов тьма, а ще геланьска шелупонь да тарскийцы з ихними подлыми подковырками... К таким только спиной повернися, враз без хвоста останешься...

— Это так, — подтвердил Роман, — но и караулить их тут мы не можем. Мы нужны в Арции... Конечно, — эльф нахмурился, — есть еще подземные галереи, если их не завалили, но это вряд ли возможно... Во всяком случае, тот ход, которым пользовался Стефан, вряд ли знает еще кто-то, кроме меня и Уррика...

— Дак у чему тогда справа?! — Рыгор приосанился. — Под утро и вдарим. Главное — до замка вломиться...

— Не скажи, — протянул Луи, отучившийся от чрезмерного лихачества, — в таком Замке с бою придется брать каждую лестницу... Мы положим половину людей.

— Луи прав, — подытожил Рамиэрль, — я немного знаю Высокий Замок. Это еще та мышеловка. Попасть внутрь — еще не значит победить... К тому же не нравятся мне эти тарскийские сюрпризы. Я не уверен, что один смогу справиться со всеми бледными, так что положеньице у нас аховое, хоть и у них не лучше...

— В любом случае нужно предложить им сдаться, — вздохнул Луи.

— Ты рехнулся, — сплюнул фронтерец, — так ти упырины тоби и согласятся...

— Не согласятся, — кивнул молодой полководец, — но там дама. Кодекс Розы нас обязывает.

— Он прав, — эльф на мгновение задумался, — мы должны воевать по-рыцарски, когда Луи предъявит свои права на корону, он должен быть безупречен... К тому же... К тому же это может и выгореть, по крайней мере если Илана по-прежнему... — эльф прервал себя на полуслове, — короче, мы должны предъявить им ультиматум.

— Ну зовсим обалдели. Вас там пулями-то утыкают, — постановил недоверчивый Рыгор, — да ну вас, нобилей, впертые, як пни...

— Насчет пуль не беспокойся, защитит десять человек я пока еще в состоянии. И вот еще что... Возьмем с собой наших корбутских друзей.

Рэннок согласился сразу же. Бывший вогораж не хотел проливать кровь соплеменников с севера, хоть и полагал это неизбежным. Он прямо-таки ухватился за идею их образумить... Юный Греддок, разумеется, был во всем согласен с приемным дедом и побратимом, а их соплеменники, поверив раз и навсегда в то, что Михай разбудил не Изначальных Созидателей, но древнее проклятие, шли за своими вождями молча и до конца. Если б было нужно, они бы умирали от рук таких же, как и они, горцев и убивали бы сами, пока не взяли бы твердыню, и тогда страшен был бы жребий уцелевших защитников. Но если заблудших удастся вернуть на путь истинный, орки были бы искренне рады.

Выслушав Рэннока, горские вожди единодушно решили, что разговор нужен. Неожиданно вышла заминка с Кризой, заявившей, что будет сопровождать Рамиэрля. Вообще-то девушке влезать в мужские дела не пристало, но поскольку существовал

молчаливый уговор, что во всем, что касается Кризы, последнее слово принадлежит Рамиэрлю, орка добила своё и, ступая след в след за бардом, с бешено колотящимся от волнения сердцем подошла к Нижним воротам Высокого Замка.

Зная почти детскую впечатлительность гоблинов, скрывающуюся под внешней немногословностью и нарочитым безразличием к собственной судьбе, эльф постарался придать себе наиболее располагающий с точки зрения горцев вид. Именно поэтому он отказался от столь презираемых северными орками лошадей. В орлиной лапке, венчающей горский шлем эльфа, были зажаты принесенные им с Седого поля странные, похожие на седые волосы стебли, все еще сохранившие шелковистость и блеск...

Роман шел быстро и уверенно, зная, что за ним легким охотничьим шагом скользит Криза, а чуть подальше плечом к плечу идут Луи Арцийский и командир немалого таянского ополчения Дьердь. В том, что за каждым их шагом напряженно следят из-за стен, бард не сомневался. Защитники Высокого Замка не стреляли — возможно, просто хотели подпустить их поближе, но эльф увидел в этом определенные добрые предзнаменования. Наконец он остановился в десяти шагах от ворот и поднял руку. Простенькое заклинание — и на его ладонь села белая ласточка — символ мира и у гоблинов, и у таянцев (засевших в замке тарскийцев Роман в расчет не принимал, этих можно только убивать). Затем эльф заговорил, и усиленные магией слова во внутренних дворах были слышны ничуть не хуже, чем у первого вала.

Если у кого-то и оставались сомнения в том, что Роман Ясный был великим бардом, то его выступление у стен Высокого Замка их развеяло. Либр находил такие слова, которые, не оскорбляя и не склоняя к предательству, заставляли думать и сомневаться. Он не давил, не угрожал — а просто и спокойно рассказывал о том, что знал сам. О том, что Михай не стоит крови тех, кто за него воюет, что слова регента были лживыми, а цель — грязной. Эльф рассказал о Седом поле и о Ночной Обители, о Стражах Горды и о Сумеречной, о Герике, бывшей Эстель Оскорой, и о Рене Аррое, в котором течет кровь Инты и Омма. Об эльфийских родичах Герики, равно как и Михая, Рамиэрль благоразумно умолчал. О победе у Тахены сказал мимоходом, но так, что осажденные поняли: на стороне пришедших не только правда, но и сила.

— Клянусь извечным Светом, из которого я вышел и в который я вернусь, и кровью Звезд, текущей в моих жилах, что я сказал правду. Было время, мой народ принес вам немало зла, но те, кто сделал это, уже давно ушел на Закат, мы же остались, чтобы исправить то, что еще можно исправить. Клятва, полученная обманным путем, тает, как снег под лучами солнца. Михай Годой лгал, обещая вернуть в мир навсегда ушедшее и оплаканное, ибо это невозможно, но он разбудил Древнее Зло, некогда побежденное Великим Оммом, и оно пожрет всех и все, если мы его не остановим.

Клянусь поседевшей травой и слезами Инты, клянусь своей дружбой с детьми вашего племени, что я не лгу! Задумайтесь, кому и чему вы служите! За что жертвуете своими жизнями! За то, чтобы тварь, некогда обузданная теми, кого вы называете Созидатели, восторжествовала с вашей же помощью?!

...Говорили, что Проклятый мог убедить даже камень. Было ли это умение сгнувшего мага волшебным и вложил ли он его в черный перстень, или же Рамиэрль из Дома Розы овладел искусством уговаривать самостоятельно? Может быть, на защитников Замка произвели впечатление южные орки, невозмутимо стоявшие рядом с людьми и эльфом, или же знаменитая седая трава, о которой слышали все, но нашел ее тот, кто считался злейшим врагом? А вернее всего, справедливые по натуре гоблины уже и сами понимали, что, идя за Михаем, они не найдут ничего достойного и настоящего? Как бы то ни было, вслед вестникам мира не было сделано ни единого выстрела. Рамиэрль и его свита медленно отошли от замковой горы к своим разноцветным полкам. Никто не расходился. Люди и гоблины в беспокойном ожидании не сводили взгляда с тяжелых ворот. Если за ними еще чтят Кодекс Розы или неписанные законы гор, им ответят... Если же отравы, сваренная Годоем и его бледными то ли хозяевами, то ли, наоборот, рабами, сделала свое дело, ответа

не будет. Или же последует какое-то очередное вероломство.

Солнце весело светило с ясного темно-голубого неба, всюду стрекотали кузнечики, радостные и равнодушные к делам тех, кто отчего-то возмнил себя разумным и великим, остро пахло созревшими травами.

Только спустя ору узкая — на одного, и то боком, — железная дверца, злобно лязгнув, приоткрылась, выпустив одинокого воина, затянутого в черную кожу. Сердце Рамиэрля бешено заколотилось от радости — он узнал Уррика! Неужели удастся обойтись без крови?

Гоблин шел неспешной упругой походкой, и эльф успел заметить жесткие складки у рта и наметившуюся морщину между широкими изломанными бровями — верный знак того, что в последнее время Уррику приходилось много размышлять и думы его вряд ли были радостными и светлыми. Все: и фронтерцы, и таянское ополчение, и горцы — напряженно следили за парламентом, на локте которого трепетал шарф цветов Ямборов. Что ж, это было куда лучше тарскийского «Ангела» или ройгианских рогов... Оружия у Уррика не было, и Рамиэрль быстро отцепил шпагу и, передав ее Луи, пошел навстречу налегке. Арциец сделал было попытку пойти за ним, но Рэннок остановил его — на доверие следует отвечать доверием. Однако один сопровождающий у эльфа все же был. Криза! Орка ловким кошачьим движением сбросила пояс с ножом и решительно двинулась за Романом.

Парламентеры хорошо рассчитали свой шаг — они встретились ровно на полпути между замком и позициями резистантов. Рамиэрль протянул руку, и Уррик с готовностью пожал ее.

— Да уйдешь ты в славе, — старинное гоблинское приветствие в устах эльфа явно произвело впечатление на орка, а Рамиэрль слегка помолчал и добавил: — Эмиго.

Черные глаза широко открылись. Эльф понял, что сказал что-то необыкновенно важное, но так и не понял, что именно.

— Да будешь ты гордостью своих друзей и ужасом своих врагов, — орк произнес ответную фразу, не скрывая дружелюбия, — ты говорил, мы слышали и решили продолжить разговор.

— Вы поверили тому, что я говорил?

— МЫ, — Уррик подчеркнул это «мы» так, что не оставалось сомнения, что речь идет о гоблинах, — поверили, но в Замке есть и другие. Один из них хотел тебя убить, и мне пришлось напоить ятаган недостойной кровью.

— Благодарю, — слегка наклонил голову Роман, умолчав о том, что был не столь уязвим, как это казалось со стен.

— Это не может стоить благодарности. Послы неприкосновенны, я спасал не твою жизнь, а нашу честь. Но я пришел сказать о другом. Мы присягали регенту Михаю на верность. То, что произошло, доказательства, которые ты привел, освобождают нас от этой клятвы. Мы не можем отстаивать порочное дело, но мы не вправе и встать под ваши знамена. Нас посылали жрецы-старейшины, и без их решения мы не поднимем оружие... Но мы спросим с Белых Жрецов за ложь.

— Я понимаю, — спокойно сказал Рамиэрль. — Это много больше того, на что я надеялся. Уходите! Возвращайтесь в горы. Никто не посмеет причинить вам вред по дороге домой.

— Нам трудно причинить вред, — по-волчьи улыбнулся гоблин.

— Но можно, — просто сказал бард, — люди устали бояться. Таянцы думают только о мести и не могут трезво судить, кто проливал кровь детей и женщин, а кто честно сражался с мужчинами. Ты знаешь, что творилось в Гелани, и так повсюду. Михай слишком понадеялся на колдовство, и, когда оно его подвело, земля под ним загорелась. Вас много, вы вооружены, но до Корбута дойдет в лучшем случае треть. Вам придется идти по колено в крови тех, кто справедливо хочет отомстить за жертвоприношения Годоя. Мы же проводим вас до предгорий, и вам не придется браться за оружие.

Орк задумался, затем вздохнул совсем по-человечески и признал:

— Ты прав, наши воины уйдут тихо, но сделай так, чтобы их пропустили. Но наш уход

не означает сдачу Замка. Госпожа наша, — он с вызовом взглянул в бездонные эльфийские глаза, — не совершала ничего недостойного и останется правительницей Таяны, пока сюда не придет герцог Рене.

— Означает ли это, что Илана готова сдаться герцогу?

— Она будет говорить с ним и после этого решит. Пока же мы должны быть уверены, что штурм не будет. От клятвы защищать госпожу Илану мы не отрекаемся. И еще. Те, кто в Замке. Они недостойны ходить под этим небом, но они есть, и у них есть наше слово. Оставляя их без наших мечей, мы должны знать, что их судьбу решит только господарь Рене, а не геланские люди с веревками и ножами. Я должен получить доказательство, достаточное для их спокойствия, так как крыса, чующая свою смерть, столь же опасна, как волк...

Потому я и те, кто любит меня, останутся, чтобы охранять госпожу Илану от тех, кто зовет себя ее подданными, но могут вонзить ей нож в спину. Нас будет не более сотни, и мы не представляем угрозы для Гелани. Остальные уйдут сегодня же, если ты дашь достойное доказательство вашей искренности.

— Я, — прерывистый девичий голос прервал разговор столь неожиданно, что Уррик и Рамиэрль вздрогнули. Криза умоляющими глазами смотрела на них обоих, — я... я пойти в замок и остаться. Меня все знать. Если я ходить в замок, они должны верить? Так ведь?

— Мне это не нравится, волчонок! Мысль неплоха, но я не верю тарскийцам. Ты женщина, ты не должна рисковать, мы найдем других заложников.

— Нет, — черные глаза подозрительно заблестели. Рамиэрль внимательно посмотрел на девушку и все понял. Юная орка — сильная, смелая, веселая — ничем не походила на бедняжку Мариту, но этот взгляд, взгляд, которым девушки смотрят на пленившего их воображение рыцаря... Роман помнил, какими глазами смотрела на него дочка покойного эркарда, это же обожание было написано на лице его отважной спутницы. Уррик оставался в Замке, и она хотела быть рядом с ним. Сердце сжало незнакомой доселе болью, но эльф безмятежно улыбнулся. — Что ж, Криза, если ты решила твердо и твой брат скажет «да».

— Он скажет, — радостно крикнула девушка...

— Уррик, — Роман теперь обращался к гоблину, — Криза мне больше чем сестра, тем более что моя сестра — женщина недостойная и злая. Криза стоит сотни принцесс, обещай мне, что ты защитишь ее.

— Клянусь, — Уррик был заметно взволнован, — ее жизнь — это и моя жизнь. Залог драгоценен, и я его сохранию.

А через четыре оры знаменитые ворота нехотя распахнулись, прутья органки¹²⁵ пошли вверх, и гоблины своим походным волчьим шагом, не оглядываясь, темным потоком устремились на восток. Рамиэрль на Топазе следил, как северян окружили три сотни фронтерцев. Что ж, эскорта хватит, чтобы остановить даже самых неразумных таянцев, буде те пожелают напасть на уходящих. Скоро уйдут и южные гоблины. Они встанут лагерем у истоков Рогга, перекрыв дорогу на Тарску, и будут ждать до осени. Если Прядущие Судьбу отвернутся от справедливых и будут милостивы к Годю, Ночной Народ придет на помощь крови Инты. Если же воля Изначальных восторжествует, воины Рэннока вступят во владения Михая, и горе тем, кто попытается остановить их. Это решение устраивало всех. Таянцы привыкли видеть в горах вернейших слуг узурпатора и с трудом скрывали страх и неприязнь. Луи и Рыгор ничего не имели против орков как таковых, но понимали, что нельзя ни в чем уподобляться Годю. Так что пусть уходят, им хватит дела и в Последних горах, а Благодатные земли должны справиться сами... Тем более что резервов Годой теперь не дождется.

С надвратной башни в спину соплеменникам смотрел Уррик, и сердце его рвалось на куски. Он тоже мог бы шагать навстречу родному горному ветру, освобожденный от ненавистой службы, ничем себя не запятнавший. Ничем, кроме нелепой и горькой любви к

¹²⁵ Органка — подъемная решетка из полых металлических труб, напоминающих трубы органа.

человеческой женщине, жене негодяя и обманщика. Илана стояла тут же, теребя тонкими пальцами вишневый шелк накидки. Отпуская гоблинов, она бросила на кон все. Теперь в замке оставались лишь люди, которые сделали слишком много страшного, чтобы рассчитывать на милость Рене, и верный Уррик... Его любовь грела душу, но горчила как полынь, потому что она была ее недостойна.

Не было в ней, Илане Таянской, той силы и безгрешности, которой обладали героини легенд. Она виновата, очень виновата, и она вопреки всему продолжает любить Рене. Все, кто остался в замке, — заложники этой любви, ибо если Рене ее примет, она без колебаний отдаст всех в его руки и спокойно будет смотреть, как их поведут на казнь, так как за то, что они сотворили, кто по подлости, кто по слабости, земного прощения нет и быть не может. Пока, впрочем, об этом ее плане знал лишь Уррик. Остальным она объяснила, что гоблины после того, как к резистантам примкнули их соплеменники, стали ненадежны и лучше от них отделаться, выговорив себе время, и дожидаться Годоя. Бледный, как ни странно, не спорил. Видимо, тоже опасался тех, кто еще месяц назад казался надежнее скал. Что ж, ждать осталось не так уж и много. Она знает тайные выходы из замка, она сдаст замок Рене и заслужит его прощение, а возможно, и нечто большее.

Принцесса задумчиво смотрела вслед уходящим горцам, а Криза... Криза смотрела на Уррика...

2230 год от В.И.

22-й день месяца Влюбленных.

Арция. Аббатство святого Мартина

Вечерело. На колокольне прозвонили к молитве, и братия под бдительным присмотром старших пастырей направилась в основной храм. Скрамная эрастианская часовня на монастырском кладбище не годилась для торжественных молебнов. Конечно, ее содержали в порядке (аббатство было богатым и ухоженным), но не более того. И все-таки именно у этого скромного строения, в глубине которого благочестиво преклонил колени мраморный Эрасти Церна, стояли те, в руках которых находилась судьба Благодатных земель.

— Если кто узнает о моем преступлении, — Архипастырь натянуто рассмеялся, — я предскажу вам свое будущее...

— А разве может кто-то дать Агва Закта Архипастырю, ведь он превыше суда церковного и светского? — подивился Мальвани.

— Превыше, — подтвердил Феликс, — но для того, чтобы убить, не обязательно судить.

— Верно, — признал Рене, хитро улыбнувшись, — но смерть от яда нам в ближайшее время не грозит. Однако пора. Максимилиан обещал молиться подлиннее, но все же стоит поспешить.

Феликс кивнул и, пройдя в глубь часовни, опустился на колени перед Эрасти. Однако, несмотря на молитвенную позу, Архипастырь был весьма далек от дел небесных. Внимательно прищурившись, он что-то выискивал на постаменте статуи и, видимо, нашел, так как Эрасти медленно и грустно посторонился, открывая узкий проход, из которого потянуло подвальной затхлостью.

— Сколько лет сюда никто не заходил? — поинтересовался Мальвани.

— На моей памяти и даже на памяти Филиппа им не пользовались. Тайну этого хода знает только Архипастырь и его душеприказчик, который должен ее открыть вновь избранному главе Церкви. Впрочем, последние четыреста лет душеприказчики или становились Архипастырями, или быстро уходили в мир иной... Но хватит об этом. Вам пора, друзья мои.

Глава Церкви Единой и Единственной и не подумал благословить тех, кто должен был спуститься в старинный ход. Да и то сказать, зачем благословение эльфам, да и эландцы шарахались от церковных церемоний. Провожаящий и уходящие расстались не как пастырь

и паства, а как соратники и друзья.

Первым в сырую тьму ступил Эмзар. Рене знал, до какой степени эльфы не переносят темноту и замкнутые пространства, и лишний раз подивился самообладанию короля-Лебедя и тех, кого он взял с собой. Затем настала очередь самого Рене и полутора десятков морских стрелков. Рене в последний раз вдохнул свежий воздух побережья и решительно шагнул вниз. Им предстояло пробраться в Кантиску подземными тропами, остальных же во главе с Мальвани и Феликсом ждал беспримерный пеший марш через поля и виноградники Западной Арции к Коретскому лесу, за которым лежала Кантиска. Там должны ждать эльфы и несколько Хозяев, которые уже будут знать, какими силами располагает Годой.

Мальвани и Феликс атакуют узурпатора во время штурма, предварительно согласовав время с осажденными. Эмзар и эльфийские маги должны будут нанести неожиданный для Годоя удар из крепости, чтобы тот напрочь забыл обо всем остальном. Тогда внезапность компенсирует численный перевес. Конечно, существовала опасность, что разведка Годоя обнаружит чужую армию, но идти решено было по ночам, а Клэр и Нидаль обещали прикрытие и содействие Хранителей и Хозяев. К тому же Годой должен думать, что Мальвани с Феликсом все еще торчат у Гверганды. Должен, но думает ли? Тарскиец хитер и непредсказуем. Он все время творил почитаемое невозможным и выигрывал, Аррой и сам был таким.

Узкий покатый ход шел вниз и вниз. Кто бы его ни проложил, он не слишком заботился об удобстве и уж точно не предполагал, что этой душной щелью одновременно попробуют пройти много людей. Именно поэтому пришлось отказаться от столь привлекательной идеи провести в Кантиску подкрепление. Здесь могла пройти сотня человек, не более... Ноздреватый, словно бы плачущий камень нависал над головами, люди шли молча, наступая на пятки друг другу, понимая, что обратно дороги нет. Каждый второй нес светившийся голубым эльфийский шарик, слегка разгонявший тьму. Время как будто остановилось. Казалось, они идут вечность и всегда будут так идти, видя лишь плечи и голову шагающего впереди и ощущая на затылке чужое дыхание. Хорошо хоть пол вскоре выровнялся и оказался не скользким.

Рене молча шел за эльфами, на всякий случай отставая от них на несколько шагов, чтобы, если что, дать идущим впереди хоть какую-то свободу маневра. Страшно маринеру не было, скорее тоскливо. Три дня дороги в затхлой темноте, лишь едва разгоняемой светом эльфийских шаров, три дня без солнца, неба, ветра... Только звук своих и чужих шагов, молчание и мысли. О том, правильно ли они поступают, о том, что было когда-то и что будет потом, удастся ли их замысел и так ли велик военачальник Годой. И еще отчего-то он думал об Эстель Оскоре. Не как о сильной фигуре на эрметной доске и не как о последней надежде в схватке с Ройгу, а как об одинокой и гордой женщине, которую адмирал Аррой хотел еще увидеть в этой жизни.

Глава 31

2230 год от В.И.

27-й день месяца Влюбленных.

Святая дорога

Было тихо и тепло, пахло мятой и отцветающим красульником. До Кантиски оставалось еще несколько дней езды, и Роман торопился.

Местные хозяева были беспечны и глупы, но все же от них удалось добиться относительно связного рассказа о том, как Святой дорогой проходила армия Годоя. Хвала Великому Лебедю, никакого Осеннего кошмара лесные духи не учуяли, а значит, Михай понадеялся на свою военную силу. Что ж, на этот раз тарскийский господарь может нарваться. Прашинко уже наверняка успел сообщить Рене о разгроме тарской армии и

уходе гоблинов. Жаль, конечно, что нельзя привлечь горцев к арцийской войне, но политика есть политика. Гоблины в глазах арцийцев и фронтерцев намертво связаны с узурпатором, и нельзя показывать, что защитники правого дела черпают из той же чаши...

Роман достаточно знал Рьего, чтобы понимать: тот не станет сидеть и ждать, когда Годой приберет к рукам Святую область и Кантиску. Эльфу было интересно, как герцог умудрился уничтожить армию Марциала, но Пылевичок не отличался любопытством и о подробностях не расспросил. Впрочем, это уже дело прошлое. Сейчас главное — Кантиска! Только бы город продержался до подхода Северной армии! Хотя почему бы ему и не продержаться? Стены сработаны на совесть, пушек и защитников хватает. Правда, клирики не очень любят, когда по ним стреляют, наверняка найдутся такие, что пожелают сдаться... Во все века предательство было главной причиной падения казалось бы неуязвимых крепостей, хотелось бы верить, что Кантиска окажется исключением.

Рамиэрль не сомневался, что ему удастся так или иначе пробраться в осажденный город. Он полагал, что небольшие чудеса, которые он намеревался устроить, поднимут дух защитникам, да и побывать в храме Эрасти не мешало, вдруг Церна приготовил еще какой-то сюрприз? На последнее, впрочем, бард не слишком рассчитывал, он и так больше года гонялся за миражами в детской надежде отыскать кого-то сильного и мудрого, кто с ходу победит всех врагов или, на худой конец, хотя бы научит, что и как делать. Увы... Эрасти оказался недоступен, хотя по некоторым признакам действительно мог сладить с ройгианской напастью. Пустышкой оказалась и Ночная Обитель. Да, теперь Роман знал, почему Светозарные покинули Тарру и что двое из них не хотели ее бросать на произвол судьбы и предприняли кое-что для защиты оставляемого мира... Спасибо им, конечно, но тень Ангеса ничего не знала о последних событиях и могла лишь вздыхать о прошлом... Смешно, но самое главное, а именно кольцо Эрасти, Роман нашел в начале своего пути, а потом словно бы в насмешку отправился на край света, чтобы вернуться, твердо зная, что ни боги, ни маги Тарре не помощники.

Правда, совсем уж зряшным Роман свой поход не считал. Он обрел союзников, позволивших очистить Таяну от годовоевской нечисти, нашел и похоронил Уанна, побывал на том поле, где некогда его предки покрыли себя славой, обернувшейся позором... Седое поле жило своей особенной жизнью, и, похоже, оно признало его. Как бы то ни было, белые птицы помогли ему убедить гоблинов в своей правоте, хотя сначала он повел себя не лучшим образом. Если бы не Криза... Эльфу очень хотелось знать, как она там, в Высоком Замке, рядом с предметом ее девичьих грез. Уррик слишком влюблен в Илану, чтобы обратить внимание на свою соплеменницу, нужно что-то совершенно необычное, чтобы его гоблинский знакомец заметил очевидное!

Странное дело, Роман негодовал на слепоту Уррика и вместе с тем отчаянно не хотел, чтобы тот преподнес Кризе расшитый бисером платок, как того требовали горские обычаи. И вообще, лишившись своей спутницы, Рамиэрль из Дома Розы почувствовал себя странно одиноким. Наверное, все дело было в том, что ни с кем он еще не проводил столько времени, да еще наедине. Зима в горах на двоих сблизит не только эльфа с орком, но и оленя с волком... Роман усмехнулся, представив себе, что сказала бы по этому поводу Криза, так и не научившаяся нормально связывать слова. Впрочем, ей это шло... Роман очень надеялся, что в Высоком Замке с девушкой ничего не случится, но все равно не нужно было там ее оставлять. Он бы ее и не оставил, если бы не дурацкая гордость и боязнь... Боязнь чего? Того, что она догадается, что он не хочет оставлять ее с Урриком?! И из-за этого он бросил ее одну в этом гадючьем гнезде, где собрались твари, залившие Таяну кровью?! Хорошо хоть бледные оттуда убрались, вопрос — куда?

Роман проехал через всю южную Таяну и нигде не почувствовал признаков ройгианской магии. Это настораживало. Куда они попрятались? Почему молчат?

Резистанты, прежде чем подойти к Высокому Замку, проутюжили степную часть страны вдоль и поперек и не обнаружили даже следов «жнецов». Конечно, те могли уйти в Арцию, ведь Стражей Горды больше не было. Роман долго стоял на том холме, где они с

Герикой разговаривали со Всадниками. О них теперь напоминала лишь причудливая груда оплавленных камней, из которой струился поток солоноватой, как слезы или кровь, воды. Роман, в который раз за последнее время, отдал последний долг погибшим соратникам. Темно-лиловые траурные выюнки оплели черные блестящие камни, большего Роман сделать не мог, разве что приложить все свои силы и умение для того, чтобы Белая Тварь издохла окончательно и бесповоротно.

Здесь, у холма Всадников, Роман расстался с резистантами, которые двигались слишком медленно, а Роман торопился. Рыгора и Луи ждала своя война. Теперь, когда из Таяны не ожидалось никакого подвоха, а Тарску сторожили гоблины Рэннока, можно было очистить Фронтеру и идти на Мунт. Именно об этом и мечтал Луи, с таким жаром рассказывавший о столице Арции, что Роман от души пожелал жителям империи увидеть его на троне. Луи и Рене отлично поладят, хотя что это он делит шкуру неубитого Годоя? Сначала надо победить и выжить, а для этого все, или, вернее, почти все, средства хороши. Интересно все же, на каких тропах Ангес нашел камень, вставленный им в кольцо, магия которого так отличается от эльфийской, черпающей силу в Свете, и куда сейчас забросила судьба взбунтовавшихся Светозарных?

Кольцо Эрасти... С ним ясно далеко не все. Для начала не мешало бы узнать, что за перстень подарил Анхель побратиму, ведь тогда черное кольцо еще было у Ларэна. Или не было? Тогда каким образом оно попало к Анхелю? Похоже, на этот вопрос может ответить лишь Проклятый.

Странные все же узоры сплетает судьба, играя и богами, и эльфами, и людьми... Взять хотя бы всех втянутых в нынешнюю круговерт. Все начиналось во Фронтере в ныне несуществующем Белом Мосту. Судебный маг Гонтран Куи пытался осудить за Недозволенную магию знахарку Лупе, за которую вступились эландский герцог и эльфийский разведчик. А затем тот же самый Куи, жертвуя жизнью, спасает эту ведьму, которая вместе с бывшим войтом и арцийским принцем бросает вызов самозваному императору-колдуну. Кто бы мог подумать, что Рыгор окажется прекрасным полководцем, а маленькая колдунья в один прекрасный день, возможно, станет императрицей? Луи, похоже, не смущает ни то, что Лупе его старше лет на десять, ни то, что она деревенская знахарка, хотя Шандера это тоже не волновало. Бедный Шандер, судьба опять ударила его по самому больному... Роман не стал рассказывать Лупе, что граф жив, зачем вносить сумятицу в еще одну душу, сейчас она счастлива, и слава Вечным Звездам, ведь счастье людей столь кратко, хотя на войне жизнь может быть еще короче счастья...

Топаз и Перла легко пробирались среди расступавшихся перед ними деревьев — Роман предпочитал ехать лесом, так как на тракте можно было встретить не того, кого хотелось бы, а отводить глаза в стране, где заправляет ройгианец высокой степени посвящения, приручивший синяков, было бы весьма опрометчиво.

**2230 год от В.И.
28-й день месяца Влюбленных.
Рунский лес.**

— Дальше идти не стоит, — Сезар Мальвани неодобрительно покосился на лесную опушку, через которую просвечивало поле, — никогда не нужно полагать себя самым хитрым. Если Годой догадается, где мы...

— Не догадается, — махнул рукой Архипастырь, — и вовсе не потому, что мы такие умные. Лес нас не выдаст. Рене говорил, что это так, значит, это так...

— Феликс, ты совсем не изменился, — хохотнул командор, — только при Авире ты говорил: «Эллари говорил, что это так, значит, это так...»

— Хочешь сказать, что я был не прав? — улыбнулся и Архипастырь. — Был бы Эллари жив, в Арции и духу бы Годоя не было...

— Его бы духу не было, даже будь живы Франциск или Стефан Ямбор... А теперь вот

живы мы и все зависит от нас. Ох, не нравится мне, что Арроя понесло в Кантиску, нечего ему там делать!

— Он полагает, что Годой в узел завяжется, чтоб не допустить коронации, и что лучшего времени для удара нам не придумать.

— Да, кабы нам самих себя не перехитрить, — проворчал Сезар и крикнул: — Анрио!

— Здесь! — корнет Мальвани изо всех сил делал вид, что они с командором вовсе не отец и сын.

— Где таянцы?

— Купают коней, тут неподалеку озеро.

— Пригласите ко мне Роцлава!

«Серебряный» появился почти тотчас — его темные волосы блестели от воды, видимо, лейтенанта вытащили прямо из озера.

— Вы хорошо поняли приказ Рене Арроя? Когда вы начинаете?

— Как только из крепости ударят по заречным укреплениям и Годой бросит туда хотя бы часть резервов.

2230 год от В.И.

Вечер 29-го дня месяца Влюбленных.

Таяна. Высокий Замок

Криза с ненавистью смотрела на дубовую панель, за которой скрывался тайный ход, в котором исчезли сначала Илана, а затем и Уррик. Девушка прекрасно понимала, ЧТО там сейчас происходит, и ей хотелось быть в голос. Уррик с самого начала относился к ней по-братски, но ни разу не взглянул на нее так, как глядел на рыжую принцессу, и вообще обращался с ней как с несмышленищем. Орка все чаще жалела, что, поддавшись порыву, осталась в Высоком Замке ради воина, которого видела в первый раз в своей жизни... Ведь тогда, у Ночной Обители, это был не Уррик, а Роман, изменивший свое лицо. Он шутил, как Роман, советовался с ней, как Роман, доверял ей, как Роман, и она, дурочка, решила, что и настоящий Уррик будет таким же. Как же, разбежалась! Он не видел никого, кроме своей рыжей... Вместе с обидой и ревностью орку мучила еще и совесть, ведь она по сути предала друга, осталась здесь в безопасности, а он продолжает воевать. И... они ведь даже не попрощались как следует.

В ушах орки словно бы вновь прозвучало: «А теперь, волчонок, вперед!» Сколько раз за прошедший год она слышала эту фразу и еще: «Этот мир стоит того, чтобы за него драться!» Роман сейчас дрался, а она сидела и смотрела на стенку, за которой уединились Уррик с Иланой.

Вот другие гоблины, те точно обрадовались ее появлению. Криза не сомневалась, что двое или трое готовы предложить ей на празднике Осенних Песен расшитый платок, но Кризу это лишь злило. Разве они не видят, что не нужны, что их глупые ухаживания ее бесят, а якобы «случайные» встречи в коридорах замка вызывают желание бежать куда подальше. Нет! Зря она пришла сюда, возможно, после войны Уррик увидел бы в ней великую воительницу, а так... Разве станет он обращать внимание на девчонку с выселок, даже если та умеет говорить по-арцийски и побывала на Седом поле.

Скрипнула панель, и Криза юркнула за портьеру. Первым вышел Уррик, и на его обычно непроницаемом лице застыло выражение тревоги и вместе с тем решимости. Появившаяся позднее принцесса Илана была бледна и спокойна. Криза сразу поняла, что между ними был серьезный разговор. О чем? Орка не могла себе этого даже представить, но ей отчего-то расхотелось покидать Высокий Замок.

2230 год от В.И.
Ночь на 1-й день месяца Лебеда.
Малахитовый лагерь

Ночь с двадцать девятого дня месяца Влюбленных на первый день месяца Лебеда — самая короткая в году. Таянцы и эландцы считают ее праздником и веселятся вовсю, а вот Церковь Единая и Единственная подобных гульбищ не одобряет, хоть прямого запрета и нет. Церковь чтит следующий за короткой ночью Светлый Рассвет, провозглашенный одним из великих праздников, именно в этот день пастыри Божии коронуют земных владык.

В позапрошлом году Михай Годой рассчитывал, что Светлый Рассвет 2230 года станет днем его славы, но все пошло не так, и теперь за высокими стенами клирики собирались возложить корону на голову Рене Арроя, провозгласив его королем Таяны и Эланда.

Для Годоя это оказалось полной неожиданностью. Он совершенно точно знал, что Рене в Гверганде, по крайней мере был до того, как войско самозваного императора окружило святой город. Летать при всех своих талантах эландец не умел, значит, был какой-то тайный проход, неизвестный ни прознатчикам Годоя, ни заигрывающим с ним клирикам. Вообще-то Михай не собирался сразу же штурмовать город, следовало как следует напугать клириков, а затем измотать их блокадой, пушечным огнем, подкопами, и лишь когда они не смогут за ночь починить разрушенное днем, когда в ныне целых и невредимых стенах образуются бреши, кое-как заваленные бревнами и битым камнем, вот тогда им следует предъявить окончательный ультиматум, после которого пойти на штурм. Годой полагал, что месяца осады и двух или трех приступов будет достаточно, Канн это не Адена, Кантиска — не Гверганда, а засевшие в Святом граде кардинал Иоахиммиус и какой-то барон — не Феликс с Арроем. Если бы все шло как задумано, к середине месяца Дракона город был бы взят, и осенью можно было бы принять корону из рук нового Архипастыря.

В данном случае арцийский казус, отличающий империю от прочих государств Благодатных земель, играл Годоем на руку. Со времени Анхеля Светлого арцийские императоры могли короноваться не только в Светлый Рассвет, но и в день поминовения великомученика Эрасти, приходящийся на пятнадцатый день месяца Зеркала. Годой, казалось, действовал наверняка, но все словно бы сговорились нарушить его планы.

Сначала на голову Михая свалились Союзники, перехватившие его еще в Мунте и пожелавшие принять непосредственное участие в войне. Правда, им хватило ума выдать себя за клириков, но суть их притязаний это не меняло. Господин Шаддур требовал немедленно покончить с Кантиской и уничтожить Рене. Ему не было никакого дела до того, что скажут о Годое его подданные: глава ройгианцев хотел получить все и сразу. Михай не сомневался, что подлинная цель бледного — Эстель Оскора, и досадовал на то, что ройгианцам удалось прорваться через Горду. Терпеть Союзников становилось все труднее, но Годой все же добился отсрочки, дабы успеть с помощью нескольких чудес и знамений доказать осажденным, что ему покровительствует сама святая Циала и что она явилась ему во сне и повелела возглавить Церковь и искоренить эландскую ересь. Брать же с помощью магии город он не хотел, но господин Шаддур настаивал на своем. Они проспорили всю дорогу, но каждый остался при своем. Все решили догнавшие их вести: Варшани потерпел сокрушительное поражение, гоблины оказались изменниками, Таяна и Гелань в руках резестантов, дорога в Тарску перекрыта намертво, и, в довершение всего, кто-то (судя по всему, эльфы) разрушил Малый храм в Лисьих горах, надолго оставив ройгианцев с пустыми Чашами.

В этих условиях Годоем была нужна немедленная победа. Любой ценой, пока другие, не обладающие столь надежными и необычными источниками, не узнают, что у императора больше нет резервов. В этой ситуации помощь Равноапостольной Циалы, которая сокрушит гнездо ереси и заблуждений, каковым становилась Кантиска, была нужна как воздух. Да и армию теперь приходилось беречь: потеряв Таяну и Тарску, Годой не мог жертвовать своими людьми и пушками. Вчерашнее же известие о том, что Рене Аррой в сопровождении каких-

то странных нобилей, в которых тарский господарь без труда угадал проклятых эльфов, появился в Кантиске, положило конец колебаниям, благо все подготовительные работы были закончены. Обычно спорящие до хрипоты Шаддур и Годой были едины в том, что разрушение Малого храма было очередной эскападой Счастливики, спевшегося с Перворожденными. Их нужно было остановить во что бы то ни стало.

Именем Равноапостольной Циалы Годой потребовал открыть ворота Кантиски не позднее Светлого Рассвета, а Рене Арроя, прибывшего вместе с ним рыцаря Эмзара, а также кардинала Кантисского Иоахиммиуса и исполняющего обязанности командора барона Шаду выдать законному императору и главе Церкви. Годой не сомневался, что ему откажут, да еще достаточно оскорбительно. И вот тогда вмешается святая Циала, и гнев ее будет страшен.

Господин Шаддур клялся, что собранной им силы хватит, чтобы сокрушить Кантиску и погасить магическое сопротивление Рене и эльфов. Годой был склонен ему верить, но червячок сомнения продолжал тревожить тарскийца. Даже прежних выходов эландца хватало, чтоб трижды задуматься, прежде чем бросать ему вызов, а уничтожение храма в Лисьих горах свидетельствовало о том, что Рене и его союзники поняли, где и как черпают силу их противники, и нанесли удар. Правда, Шаддур утверждает, что все дело было в неожиданности и в том, что в Храме не оказалось никого из высших адептов, а против Чаши из Вархи в руках самого главы ордена им не устоять...

— Ваше Величество! — Годой с ненавистью посмотрел на появившуюся фигуру в монашеском балахоне — на людях Шаддур с присными были сама почтительность, но наедине начинали вести себя как хозяева. Однако делать было нечего, и тарский господарь милостиво кивнул вошедшим:

— Вы что-то хотели, святые отцы?

Глава 33

2230 год от В.И.

Ночь на 1-й день месяца Лебеда.

Святой город Кантиска

— Что-то случилось?

— Думаю, что да, — в глазах Эмзара застыла безнадежность. — Разве ты сам не чувствуешь?

— Мне кажется, к утру разразится гроза.

— Гроза? Да, ощущение довольно похожее... Но это не гроза, эриано,¹²⁶ это, если мы ничего не предпримем, гибель Тарры.

Рене ничего не ответил — ожидал продолжения.

— Боюсь, крепость придется сдать. У Годоя что-то произошло, и он призвал на подмогу своего демона. Мы ошиблись, думая, что он попробует победить обычным или почти обычным путем.

— Кого на нас спустят, неужто самого Оленя? Но ведь что-то наверняка можно сделать, или он непобедим?

— Трудно сказать, — Эмзар пожал плечами. — Защитники города отважны, а сама Кантиска стоит на любопытном месте, здесь веками молились то одним богам, то другим, и стены города исполнились силы. Взять их непросто, да и у нас в запасе есть кое-что.

— Тогда я совсем уж ничего не понимаю.

— Я тоже, — эльф попробовал улыбнуться, — вернее, не понимаю причин происходящего, но вот последствия считаются без труда. Ты сам мне рассказывал, как от

¹²⁶ Эриано — брат (эльф.).

берега отхлынуло море, и ты понял, что оно вернется и остановится, лишь дойдя до гор. Сейчас отхлынуло другое море...

— Но даже с морем можно бороться...

— Да, — кивнул Эмзар, — и, если не будет другого выхода, мы попробуем. Возможно, вновь объявится тот, кто за Явеллой избрал тебя своим мечом. Тебя это скорее всего убьет, но тогда у нас появится шанс остановить потоп.

— Тогда моего согласия никто не спрашивал, — адмирал пожал плечами, — но я готов его дать. И все же почему ты заговорил о сдаче?

— Когда пущены в ход сильные заклатья, их всегда можно отследить. Мы с Клэром уверены — Годой и бледные пустили в ход все, что им подвластно. Как я понимаю, создается фантом Ройгу, с помощью которого они хотят вломиться в город. Возможно, этот безумец, объявивший себя главой Церкви, хочет выдать его за знамение собственной святости. Ведь, если я не ошибаюсь, какая-то из ваших святых часто изображается с оленем?

— Да, святая Циала, — кивнул Рене, — ты прав, явление Оленя потрясет многих, но защитники города убеждены, что с ними святой Эрасти, так что все не так уж и безнадежно, особенно если мы сдержим фантом. Или я что-то упустил?

— Упустили прежде всего они. То ли в их заклинания вкралась ошибка — как-никак ничего подобного не делали тысячи лет, то ли кто-то очень тонко и умело подправил заклатье и теперь оно направлено не против стен Кантиски и рассудка его защитников, а на разрушение Великого Барьера.

— Что это значит?

— Нас учили, что Великий Барьер появился много раньше всего Сущего, тогда же, когда Свет был отделен от Тьмы, и что его суть познать невозможно, но если его проломить или обойти, в мир ворвется нечто, не совместимое с самим его существованием. Так ли это, никто не знает — проверять это утверждение, хвала Великому Лебедю, еще не приходилось.

Вы, люди, привыкли относить к Запретной магии все, что не укладывается в Кодекс Циалы, но это лишь отзвук древнего великого Запрета, наложенного на те области знания, овладев которыми безумец или глупец мог преодолеть Барьер...

— Ты допускаешь?

— Я не допускаю, я уверен. Михай, думая, что ударит по Кантиске, ударит по Барьеру, и никто не знает, к чему это приведет.

— Значит, нужно сдаваться, хотя смерть — это только смерть, жизнь под игом бледных много хуже.

— Для тебя, для меня, но не для звезд, деревьев и птиц, которые знать не знают о наших терзаниях. Но я не думаю, что нам оставят жизнь, мы слишком опасны.

— Сегодня мы сдадимся, а завтра Годой переругается с бледными, замахнется на Идакону или Атэв и все равно пустит в ход Оленя.

— Ты ошибаешься, уж не знаю, к счастью или нет. Нам нужно пережить лишь сегодняшний день, день Светлого Рассвета, затем все вернется на круги своя. Не стану читать тебе лекцию по Запретной магии, так что поверь на слово. Для того чтобы обойти Барьер, нужно, чтобы в одной точке сошлось множество дорог и тропинок от положения звезд до человеческих снов. Только тогда такая относительно слабая Сущность, как на время обретший что-то похожее на тело один из старых богов одного из миров, сможет пробить преграду, поставленную чуть ли не самим Творцом, и туда устремится нечто, губительное и для Тарры, и для других миров. Да, да! Поглотив наш мир, чуждое рано или поздно прорвется в другие. Так уж вышло, что мир без богов и без магии оказался самым слабым звеном Барьера. Именно об этом и предупреждает Пророчество, жаль, что мы слишком поздно это поняли.

— И сколько времени нам будет грозить это самое чуждое?

— Искажающее заклатье, открывающее ему пути, проживет до захода солнца, не долее, после чего Олень снова подчинится тем, кто питает его. Он и его хозяева по-прежнему будут опасны, но с ними можно и нужно будет бороться. Та же Герика, Эстель Оскора... Она

должна остановить Оленя, возможно, она смогла бы что-то сделать даже сейчас, но до Идаконы слишком далеко даже для Гиба. Да и слишком драгоценна она, чтобы рисковать ее жизнью сегодня и сейчас.

— Что ж, война с нашей смертью не кончится, — на лице Арроя не дрогнул ни один мускул, но Эмзар понял, что тот принял решение и не отступится, — Феликс — хороший Архипастырь, Мальвани — готовый маршал, а Шани — таянский король. Хорошо, что он пока в безопасности. Так же, как и Роман.

— Рамиэрль мой наследник, — Эмзар сказал это так, что герцог понял — уговаривать эльфа исчезнуть из обреченной крепости бессмысленно, — он не станет прятаться в болотах и не даст тем, кто с ним пришел. Ты сможешь остановить армию Мальвани?

— Конечно, не беспокойся, но не лучше ли тебе...

— Не лучше, — Эмзар гордо вскинул голову, — иногда смерть короля нужнее его жизни, к тому же, если нас не убьют до вечера, мы и в плену сможем что-то сделать. Годой знает, кто сейчас в Кантиске, если он кого-то не найдет, он пустит по следу своего монстра, а этого допустить нельзя.

— А он не отправит его за Герикой?

— Нет, так как Пророчество утверждает, что их силы равны.

— Да, пожалуй, держа нас в руках, он попытается поторговаться с теми, кто остался в Эланде.

— Ты решил?

— Да, я выеду навстречу Годой, а те, кому я верю, откроют ворота. Мы сделаем это в последний момент. Люди готовы к битве, рассчитывают на победу и могут расправиться с «предателями» на месте.

— Согласен. Ты сам объяснишь все Шаде и Иоахиммиусу?

— Да, но сначала я хочу собраться с мыслями.

— Что ж, я тоже хочу вспомнить обо всем, что нужно и не нужно. Встретимся на рассвете у Малахитовых ворот.

Эльф бесшумно исчез в зарослях монастырского сада — стройная, легкая тень, порожденная благоуханной летней ночью. Рене какое-то время смотрел ему вслед, затем негромко окрикнул:

— Жан-Флорентин, ты все слышал?

— Разумеется, — последовал незамедлительный ответ, — мой слуховой аппарат хоть и не столь совершенен, как, скажем, у обыкновенной кошки, но все же много лучше, чем у почитающих себя венцом мироздания двуногих существ...

— И что ты скажешь?

Философский жаб перебрался с браслета на рукав и, забравшись по нему наверх, устроился на краю воротника, задумчиво скрестив лапы.

— Логика подсказывает, что Эмзар верно оценил обстановку. Завтра нас ждет не бой с Михаем Годоем за власть над Арцией, а конец Света, инспирированный не идентифицированными на данный момент силами. Сработал тот самый неизвестный фактор, о котором я неоднократно предупреждал, так как, исходя из причинно-следственной связи...

— Жан, — прервал его адмирал, — у нас слишком мало времени и слишком многое нужно сделать. Я хочу попросить тебя об одной вещи.

— К вашим услугам, — жаб изобразил нечто, долженствующее, по-видимому, изображать рыцарский поклон.

— Вы ведь ладите с Гибом?

— Настолько, насколько можно ладить с созданием, живущим одними эмоциями и не способным думать о Вечном. Впрочем, это не его вина, так как вся история этих существ...

— Сейчас не до родословной Водяных Коней. Нужно предупредить Мальвани, и сделать это, кроме тебя, никому.

— Нет! — жаб категорично рубанул воздух лапой, оставив за собой огненную черту. — Я поклялся не оставлять тебя, и я сдержу слово.

— Ты пойдешь, — устало повторил Рене, — потому что больше некому.

— Не пойду!

— Пойдешь! Я приказываю тебе, ты присягнул мне как своему сюзерену, и твой рыцарский долг повиноваться.

— Да, действительно, — жаб вздохнул, приняв оттенок красной яшмы, — я присягал, и рыцарский долг меня обязывает. Я сделаю так, как ты хочешь.

— А хочу я многого. Ты передашь Мальвани, чтобы он ни в коем случае не пытался нас спасти. Его забота — армия и беженцы. Он должен вместе с уцелевшими эльфами запереться за Аденой и ждать. Мое завещание у Герики Ямборы, пусть она отдаст его Шандеру, когда тот вернется. Надеюсь, он привезет подписанный договор. Майхуб понимает больше, чем хочет показать, и потому исполнит обещанное, даже без меня. А теперь главное. Мальвани и Шани сделают все, что в человеческих силах, но от вас с Гибом потребуется больше. Вы должны спрятать Герику так, чтобы ее никто не нашел. Если она Эстель Оскора...

— Все можно подвергать сомнению, но не это...

— Михай не должен ее получить. Когда она будет укрыта, вы найдете Романа — он жив, я в этом уверен. Дальше все будет зависеть от вас. Эстель Оскора, кольцо Проклятого, Водяной Конь и твои мозги — этого должно хватить для победы, потому что это все, что осталось у Тарры.

— Я понял, — жаб был на удивление краток, — и я исполню.

— Не будем откладывать, — Рене поднял руку, и Жан-Флорентин вновь привычно устроился на браслете. Цвел жасмин, и его аромат мешал думать о смерти как о чем-то неизбежном. В дальнем конце сада бил небольшой источник, заботливо обрамленный резным белым камнем. За источником в стене виднелась полукруглая ниша, из которой выступала сделанная с немалым искусством фигура какого-то арцийского святого, сзади которой хитрый мастер поместил большое, слегка помутневшее зеркало, так что пришедшие к водоему паломники видели себя как бы идущими по стопам святого. Рене ухмыльнулся, подумав о том, что многочисленные святые и угодники, якобы хранящие эту землю, давно должны были бы вмешаться и покончить с Годоем и его колдунами. Вместо этого узурпатор при полном попустительстве небес объявил себя главой Церкви и в таковом качестве осаждал Святой город... Что ж, если боги и святые отвернулись, придется рассчитывать на эльфийскую магию и копыта Гиб.

Водяной Конь появился сразу — видно, болтался где-то поблизости. Рене в который раз убедился, что Гиб понимает все или почти все. На сей раз он не ржал, не рыл копытами землю, а тихо стоял, опустив голову, пока Жан-Флорентин переползал на шею скакуна и цеплялся за спутанную гриву.

— Клянусь честью, — философский жаб сделал правой лапой жест, похожий на гвардейское приветствие, — ваша жертва будет не напрасной. Потомки узнают, кому они обязаны жизнью. Никто не будет забыт, и ничто не будет забыто!

— Главное, чтобы они были, эти потомки, — отмахнулся Рене, — ну, вперед! Прощайте! — Гиб черной молнией рванулся куда-то вбок и ввысь, лишь слегка тронув копытами сонную воду. Рене, хоть и не раз ездил на черном жеребце, так и не понял, какими путями тот иногда ходит, да это было и неважно, главное, сооруженный осаждающими двойной вал для него не помеха. Не пройдет и оры, как он доберется до лагеря Мальвани.

Странное дело, Жан-Флорентин бывал порой совершенно невозможным, но, расставшись со своим многословным спутником, Рене почувствовал себя невыносимо одиноким. Оно, наверное, было и к лучшему, с учетом того, что адмиралу предстояло завтра. Одинокие могут себе позволить быть стойкими, ничего не бояться и ни о чем не жалеть. Хорошо, что Герика в Эланде и Годой знает об этом, иначе он потребовал бы и ее, а Рене не мог поручиться, что отдал бы Геро Михаю, даже зная, чем грозит неповиновение... И Шандер... Как удачно вышло, что он отправил его в Эр-Атэв, избавив от ужаса повторного плена. Шани был откровенен с Арроем настолько, насколько в подобных вещах можно быть

откровенным, так что адмирал насчет собственной участи не обольщался...

Эландец машинально поднял взгляд к луне, исходившей неистовым серебряным светом, казалось, она понимала, что эта ночь может оказаться последней. Птицы молчали, в застывшем воздухе стоял дурманный аромат... Праведник провел бы такую ночь в молитвах, воину более приличествовало отдать ее какой-нибудь случайной подруге... Но подруги не было, и искать ее не хотелось, а молиться, просить упорно молчавшего все это время Творца о помощи? Зачем? Если тот всезнающ, всеблаг и всемогущ, это излишне, а если нет, то бесполезно.

Аррой присел на край бассейна, повернувшись спиной к гроту святого, чье имя он запаматовал, и опустил руку в воду. Он не молился в прямом смысле этого слова, повторяя красивые заученные слова, но мысленно обращался к любым высшим силам, если таковые все-таки где-то есть. Герцог заранее соглашался на любую жертву, пусть только эта луна и завтра отразится в прохладной воде и над ней склонятся распутившиеся к ночи цветы. Этот мир должен жить, и если за это он должен положить жизнь, разум, душу, то, что клирики называют вечным спасением, то он сделает это без колебаний.

Усыпанные звездами небеса молчали, молчал и тот, кто некогда столь щедро поделился с Рене силой, чуть этим его не прикончив. Не раздавался Трубный Глас, не спускался с горных высей воин в сверкающей броне, в кустах не вспыхивал негасимый огонь, белоперый голубь Творца не садился на плечо... Да и пропахший серой и нечистотами Антипод не спешил забрать душу адмирала в обмен за помощь. Не случилось ничего, что обычно происходит в легендах в ответ на отчаянный и искренний призыв смертного. Высшие силы безмолвствовали, только луна скрылась за горизонтом — ее время истекло. Небо быстро светлело, скоро поднимется солнце, и в храмах слитно ударят колокола, возвещая приход Светлого Рассвета, с которым истечет и срок ультиматума. Если Рене и Эмзар ответят отказом, Годой бросит против них своего монстра и тем подпишет приговор Тарре, так как остановить Оленя ни Михай, ни его бледные не в состоянии, хоть и не знают об этом. Правду им не объяснить.

— Ваше Высочество, вы тут? — кардинал Иоахиммиус торопливо пробирался по узкой тропинке, опираясь на свой цветущий посох.

— Да, знаете ли, захотелось вспомнить, какими бывают летние ночи, — Счастливчик Рене встал, повернулся и быстро пошел навстречу кардиналу Кантисскому, — что-то случилось?

— Да, хоть этого и следовало ожидать, да мы и ожидали, зная, сколь вероломен узурпатор. Он не стал дожидаться оговоренного срока, а напал прямо сейчас. Видимо, понимал, что мы не собираемся сдаваться, и решил застать нас врасплох. И, — кардинал с явным усилием произнес отвратительное слово, — он пустил в ход магию. Они собрались за Канном и начали какой-то омерзительный ритуал... Со стены видно.

Рене, не дослушав, бросился из сада, сразу же опередив осанистого клирика. Он думал, что у него есть выбор, что своей головой он выкупит передышку... Выбора не было.

Эстель Оскора

Белка весело трещала, в очередной раз передразнивала старую няньку жены Рене, которую здесь считали ведьмой. На самом деле старуха не заколдовала бы и ежа, но ей нравилось представлять себя опытной колдуньей, благо синякам в Эланд хода не было, а опасливое почтение окружающих и перепадающие время от времени подарочки бабку вполне устраивали.

Как-то так вышло, что дочка Шани возненавидела все, что было связано с Ольвией Арройей, и своих чувств не скрывала. Старуха огрызалась, Белка не отступала, и вскоре война между дочкой уважаемого всеми Шани Гардани и старой ведьмой стала любимым развлечением обитателей герцогского дворца. Я смеялась вместе со всеми, хоть и с оттенком грусти. Старуха из кожи вон лезла, чтоб прослыть ведьмой, не будучи таковой, я же, будучи

нелюдью, изо всех сил скрывала свою сущность. Великие Братья, как же мне это надоело! Скорей бы вернулся Рене, будь что будет, я почти решилась рассказать ему всю правду, тем паче что если я буду молчать, это рано или поздно сделают эльфы. А может, уже сделали. Хотя вряд ли. Наверняка все их мысли занимает предстоящее сражение. Они должны победить, только бы Луи Арцийский не пропустил к Годую резервы! Я мало что смыслила в военном искусстве, но понимала, что общий расклад пока был не в пользу Мальвани, хотя играть было все-таки можно.

Белка замолчала, раздались привычные взрывы смеха. Идакона жила обычной жизнью. Похоже, здесь не сомневались в конечной победе, особенно после того, как взбесившееся море уничтожило чуть ли не до последнего человека армию Марциала, не тронув при этом побережье севернее Адены. Мне же казалось, что здесь, как бы ни благодарил за чудо Творца кардинал Максимилиан, что-то не так. Конечно, гибель армии здорово улучшила наше положение и развязала руки Феликсу и Мальвани, но, захоти Всевышний вмешаться и защитить нас от еретика-узурпатора и его чудовищных подручных, он бы прежде всего поразил главного виновника несчастий, а не губил бы тысячами людей и гоблинов, не дав им даже возможности покаяться.

Скорее уж я была готова поверить в пресловутых Великих Братьев, опекавших Эланд. Эти могли утопить чужаков, не позволив при этом чудовищным волнам обрушиться на побережье хранимой земли. Только вот что-то не слышала я преданий о вмешательстве в дела эландцев высших сил; маринеры всегда гордились тем, что отвечали за себя сами, а Братьев поминали скорее наперекор Церкви, чем ожидая от них помощи.

Теплый ветер бросил мне в лицо пригоршню белых лепестков. Весной всегда очень хочется жить, и я не была исключением. Хотелось забыть о зиме, Годое, войне, о собственной порченой крови и просто слушать шепот ветра да любоваться на море. Я решила подняться на башню, но перед этим зашла к себе оставить сдуру захваченную с утра теплую накидку. Голос Рене застал меня врасплох. Умом я понимала, что герцога в Идаконе нет. Нет и быть не может, но я слышала, как он произнес «Герика», а потом его голос сменился другим — знакомый тяжелый бас веско произнес: *«Иди к нему»*. Я потрясла головой, отгоняя наваждение.

Вроде ничего не изменилось. Преданный дремал, валяжно раскинувшись в центре солнечного пятна. На раскрытом окне стоял кувшин с зелеными ветками, солнечные лучи высвечивали подушки на креслах, брошенную шаль, Книгу Книг с богатыми гравюрами, которую мне подарил Максимилиан и которую я из политических соображений держала на столе. Разумеется, в комнате не было ни Рене, ни басовитого незнакомца, но я готова была поклясться, что СЛЫШАЛА их. Я уже ничего не понимала. Как человек, находящийся за тридевять земель, мог называть меня по имени и уж тем более как я могла отправиться к нему? Куда? В Кантиску? Дальше? Где тот безумный капитан, который вопреки приказу Рене беречь меня как зеницу ока возьмет меня на борт? Как мы проберемся в осажденный город?

Ни на один из вопросов не было ответа, но я уже знала, что должна идти и пойду. Не так давно вместе с Преданным мы пересекли чуть ли не всю Арцию, но это было совсем другое дело. Тогда время ждало. Стоп, а откуда я знаю, что теперь промедление смерти подобно?! Басовитый мне ничего не сказал? Или же сказал все?!

Я постаралась взять себя в руки. Прежде чем пускаться в дорогу, нужно узнать, где сейчас Рене. Хорошо бы мне удалось еще раз взнудать зеркало, через которое на меня пытался напасть Пустоглазый. Удирая, он не успел оборвать магические нити, и я по его следам овладела единожды подчиненным стеклом.

Правда, в магии я оставалась совершенным ребенком. Первый раз все вышло случайно, я увидела Рене на Гибе и с ним эльфов. Мне даже как-то удалось отдать герцогу часть переполнявшей меня силы. Второй раз я по просьбе адмирала попыталась открыть окно в тонкий мир и открыла его, но сама ничего, кроме дурацких глаз, не увидела.

Будь Шани в Идаконе, я бы позвала и попросила его помочь — посмотреть в стекло,

пока я буду удерживать токи силы, но Шандер еще не вернулся от атэвов. Что ж, придется все делать самой, не выйдет — обращусь к Белке! Хотя впутывать в такие дела девчонку последнее дело, но больше мне довериться некому. До возвращения Рене никто не должен знать, кто я.

Я закрыла глаза, собираясь с мыслями и стараясь представить себе Арроя таким, каким видела его в последний раз, когда он, прежде чем встать к рулю «Созвездия», обернулся и махнул рукой остающимся. Неужели он меня действительно звал?! Ведь ни разу после нашей поездки на разлив он не показал, что я ему хоть немного нужна не как вдовствующая королева Таяны, а как женщина или, на худой конец, как друг. Что же с ним случилось, если он вспомнил обо мне? Если Годой (отцом эту тварь назвать у меня язык не поворачивается) причинил зло Рене, я доберусь до него, стереги его хоть тысяча Оленей! Ярость меня захлестнула бурно и неожиданно, страхи и сомнения, терзавшие меня, отступили перед одной мыслью — что с Рене?!

То ли голова у меня закружилась, то ли комната, небо, дерево за окном и с ними все сущее совершили почетный круг вокруг моей особы. Я пошатнулась, но удержалась на ногах и уставилась в зеркало. Клянусь, в моей голове не оставалось ни одной мысли, только стремление добраться до Рене.

Зеркальная гладь пошла рябью, мне в лицо ударил порыв ледяного ветра. Стекло исчезло. Я стояла перед странной пульсирующей дверью, за которой не было ничего, кроме Тьмы. Страх спеленал меня отвратительной мокрой простыней, я отшатнулась от черного провала, и тут в моих ушах вновь гроыхнуло: *«Ну же, иди к нему! Поторопись!»*

Я шагнула вперед, как прыгают в ледяную воду, и ничего не произошло. Только сверкнули впереди те же проклятые глаза, что и в прошлый раз, да раздался за спиной какой-то хрустальный звон. Я стояла в пещере или гроте, впереди маячила какая-то малосимпатичная одеревеневшая спина, а дальше виднелись деревья и кусты, яростно раскачиваемые ветром. Приглядевшись, я поняла, что от бури меня загораживает каменная статуя какого-то святого. В следующее мгновение я поняла, какого именно. Это был знаменитый Мавриций Праведный, изображение которого я видела в Книге Книг, а его кантисское изваяние было знаменито на всю Арцию. Значит, я все же попала в Святой город, и Рене наверняка где-то рядом! Я бросилась вперед, промозглый ледяной ветер немедля вцепился мне в волосы и чуть не содрал с меня слишком легкую для такой погоды одежду, но какая это была ерунда в сравнении с тем, что я в мгновение ока перенеслась за невесть сколько диа. Впрочем, размышлять о чудесах мне долго не пришлось. В Кантиске происходило что-то невероятное и очень нехорошее.

Небо, казалось, вспучивалось и трещало, как готовая сбросить ледяную шубу река. Иногда в клубящихся лиловых облаках образовывались провалы, но не черные, а какие-то белесые, выпускавшие тонкие длинные нити-щупальца, тянущиеся к земле. Я словно бы собственной кожей ощущала их липкую, холодную, ненасытную природу. Уши заложило, перед глазами мельтешили какие-то блестящие мухи, но я все же могла держаться на ногах и даже идти.

Прошла вечность, прежде чем я выбралась из сада на какую-то площадь, с одной стороны ограниченную величественным храмом, с другой — крепостной стеной. Здесь было полно народу, и я поняла, что переношу это светопреставление куда лучше других. Даже сильные мужчины в муках падали на четвереньки, катались по земле, пытаясь зажать уши руками, а я бестолково топталась на месте, соображая, куда идти и что делать.

Одна, особо длинная белесая плеть хлестнула по стене и словно бы слизнула несколько человек, но затем ее конец полыхнул летней синевой и рассыпался. Визг и вой стали не то чтобы тише, но не столь мучительны, я попробовала поднять голову, и мне это удалось. Небо стало словно бы повыше, белые проплешины частью затянулись, частью стали меньше. Люди вставали на ноги, самые сильные или самые смелые обнажали оружие и, шатаясь, брели на стены.

Я была предоставлена сама себе, но любопытство, как известно, сгубившее кошку,

заявило о себе в полный голос, и я, вместо того чтоб укрыться в храме, как следовало благородной даме, поднялась на стену, благо до меня не было никому никакого дела. Будь я нормальной женщиной, то, что я увидела, заставило бы меня взвыть в голос, а я лихорадочно соображала, что же мне делать, вслушиваясь, не подняла ли во мне голову моя Сила. Увы, именно сейчас она меня оставила, пришлось спешно вспоминать ту малость эльфийской магии, которой обучил меня Астени. Все лучше, чем ничего, потому что происходящее не было природным катаклизмом. Это была волшба. Древняя, страшная и безжалостная.

На другом берегу неширокого Канна рыла копытом землю та самая тварь, что гналась за нами в Таянских холмах. Но как же она выросла и окрепла! Она по-прежнему походила на гигантского оленя, но была куда выше и мощнее некогда остановивших ее Всадников. Таращились мертвые глаза, ветвистые рога чуть ли не касались нависших облаков. Кишащие у столпообразных ног твари люди казались в сравнении с ней муравьями. Видимо, там шло какое-то ритуальное действие, потому что воины Михая Годоя и не пытались наступать, наблюдая ройгианское камланье. «Рогоносцы» сновали с места на место, бросались на колени, вскакивали, некоторые оставались лежать на земле, другие, не замечая этого, проходили по неподвижным телам. И с каждым их движением Белый Олень обретал все большую силу, я кожей чувствовала, как она вливалась в него.

Наконец монстр вновь издал тот самый повергающий в ужас высокий протяжный визг, который я слышала еще в монастырском саду, и, поднявшись на дыбы, словно бы пропорол небо мерзкими рожищами. На миг голова чудища скрылась в облаках, затем над ним образовалось белесое пятно, от которого стремительно разбегалась сеть трещин. Через них вползали, просачивались смертельные щупальца. И снова ударил синий огонь, заставив их — нет, не убраться, но все же отпрянуть, хотя дыр на сей раз осталось поболее...

Я наконец догадалась оглянуться. Так и есть. Эльфы. Несколько взявшихся за руки Лебедей во главе с Эмзаром сдерживали магию монстра, но мне было очевидно, что силы неравны. Да уж, не уйди Преступившие и Роман на поиски Эрасти, уцелей Астени, окажись Эанке существом пусть бессердечным, но хотя бы способным понять происходящее, все могло быть иначе. Вместе они еще могли бы отбиться, но теперь...

Не соображая, что я делаю, я быстро побежала по стене к тому месту, где кто-то озаботился пристроить к ней широкий деревянный пандус, по которому могло пройти в ряд человек пятьдесят. Меня никто не останавливал, люди в ужасе таращились кто на Оленя, кто на ставшее таким опасным небо. Наверное, только я понимала, что смотреть надо на горсточку эльфов, что только от того, на сколько их хватит, зависит, жить нам или не жить. То есть что не жить — было очевидно, дело было лишь в том, сколько этой жизни еще оставалось.

Я добралась до места, когда Олень малость поутих, а его прислужники засуетились, накачивая тварь новыми и новыми силами, которые, разумеется, отбирали у жертв, согнанных сюда из окрестных деревень. Пытались отдышаться и эльфы. Я оказалась как раз над ними и с какой-то спокойной горечью поняла, как они измотаны. И как их мало. Эмзар и Клэр стояли впереди, обняв друг друга за плечи, словно готовясь исполнять Осенний Танец. Остальные преклонили колени за их спинами, окружив тлеющий голубым костер. Нет, не костер. Я догадалась, ЧТО это было, и подивилась Эмзару, не пожалевшему ради спасения нашего мира главного талисмана клана. Моих знаний в магии хватило на то, чтобы понять: в общей сумятице, когда защита Тарры ломалась изнутри и снаружи, Лебеде со своим Камнем получали хороший шанс вырваться и уйти к своим собратьям. А вот поди ж ты... Пришли умирать вместе со всеми. Если у людей еще теплилась хоть какая-то надежда, то эльфы понимали все. Я видела, как они отдавали свои силы талисману, который, в свою очередь, поддерживал заветы Эмзара.

На этот раз им удалось устоять. Я с отвращением посмотрела на ройгианцев — похоже, те придумали что-то новенькое — щупальца исчезли, но из пробитого рогами отверстия в наш мир врывал отвратительный толстый столб, который на конце начал раздуваться, растягиваться, превращаясь в гигантский перевернутый гриб. Его «шляпка» тянулась к

защитникам. Теперь над Эмзаром зависло некое подобие перевернутого блюда, края которого начали стремительно заворачиваться внутрь, пытаясь накрыть эльфов. Эмзар и остальные вскинули руки, их окружило ярко-синее кольцо, и белая муть остановилась, но не исчезла. Я поняла, что она будет ждать, пока силы Перворожденных не будут вычерпаны до конца, после чего слизнет их вместе с их талисманом и возьмется за смертных. А слабели Лебеди быстро, очень быстро. Белый пласт начал медленно, почти незаметно опускаться, но внезапно резко подскочил вверх. Сначала я не поняла, что произошло, а поняв, не могла не удивиться.

Уж во что во что, а в Творца, как его представляла Церковь Единая и Единственная, я не верила, ибо, признав, что Он есть, приходилось признать, что и все безобразия и подлости творятся с Его ведома, а по мне уж лучше думать, что мы одиноки и свободны. Разумеется, в магические способности адептов Церкви я тоже не верила, и, как оказалось, совершенно зря.

Кто-то седой и осанистый, в полном кардинальском облачении привел на помощь к несуществующим или же богомерзким эльфам целую толпу верующих. Конец света Его Высокопреосвященство встречал во всеоружии и по всем правилам. В парадном одеянии цвета лучшего корбутского малахита, с увитым белыми сияющими цветами Посохом и отливающим всеми цветами радуги драгоценным наперсным Знаком,¹²⁷ он был просто великолепен. Рядом шли несколько клириков разного возраста и положения, в том числе и четверо кардиналов. Слуги Церкви, как и простые смертные, воспринимали творящийся кошмар по-разному — кто-то стоял до конца и делал что мог, кто-то забился в щели... Тем не менее десятка два собратьев кардинал с цветущим посохом присобрал, сотворив, наверное, самый странный за всю историю Церкви Небесный Ход.¹²⁸ К нему примкнули тысячи верующих, истово молящих Творца о спасении. Люди пытались петь молитвы, в руках многих мерцали свечи, прикрываемые ладонями от порывов взбесившегося ветра. Похоже, изначально процессия двигалась к храму, но затем седой кардинал повел свою паству на стены.

Увидев эльфов, клирик, видимо, все понял, а поняв, не колебался. Знаком показав прочим остановиться и продолжать молитву, кардинал подошел к Клэру и возложил холеную руку на его плечо. Я ничего не ждала от этой манипуляции, хотя мужество церковника и вызывало уважение. Я ошибалась. Посох Его Высокопреосвященства воссиял глубоким зеленым светом, а висевший над площадью белый блин отвратительно задрожал, как задрожала бы огромная медуза, вздумай ее кто-нибудь как следует тряхануть, и нехотя пополз вверх. Увидев это, многие молящиеся попадали на колени, истово простирая руки к такому жуткому небу, и, словно в ответ на их призывы, зеленый свет полыхнул ярче, а студенистая мерзость наверху отступила еще немного. Что ж, приходится признать, Церковь оказалась неплохим аккумулятором магической энергии, капля которой есть в каждом живом существе, будь то человек или, к примеру, корова. Молитвенный экстаз ее усиливал многократно, а возглавивший Небесный Ход клирик вбирал в себя сотни маленьких искр и отдавал их возводящему защитные барьеры Эмзару...

И все равно этого было недостаточно. Какой бы сильной и искренней ни была вера, только Святые, если предположить, что они существуют, могут благодаря лишь ей творить чудеса, преодолевающие грязную магию смерти и мучений. Неожиданная задержка лишь

¹²⁷ Знак — символ Церкви Единой и Единственной, выполненный в виде нагрудного украшения, носимого клириками на массивной металлической цепи. По Знаку можно судить о положении данного клирика в церковной иерархии.

¹²⁸ Небесный Ход — торжественная церковная процессия, когда верующие во главе с клириками выходят из храма и совершают круг вокруг него, а в особо торжественных случаях по улицам или же вокруг населенного пункта. Небесный Ход — неперенный атрибут большинства признаваемых Церковью праздников, однако может быть проведен и в экстраординарных случаях, сопровождая молитвы «О победе», «О прекращении Великого Зла» или «О мире и благодати».

распалила ройгианцев, гнавших на убой новых и новых заложников, чьи страдания питали Белого Оленя. Один за другим четверо эльфов медленно опустились на колени, так и не разорвав живой цепи, — их силы были на исходе. Белесый блин это сразу же учуял и рывками начал спускаться к защитникам, и тут события понеслись с быстротой бурного весеннего потока.

Сначала словно бы из ниоткуда появились трое — старая женщина и двое молодых людей. Я никогда не видела ни эту старуху с летящими белыми волосами, ни ее спутников, один из которых, стройный и гибкий, обхватил плечи кардинала. Седая и ее спутники встали плечом к плечу, заменяя собой упавших, и белая смерть снова отпрянула.

Дико, странно, нелепо, но мне все это напомнило старую добрую игру, когда два отряда перетягивают веревку с закрепленным посередине диском-меткой. Так Олень и Перворожденные с их неожиданными союзниками тянули друг на друга незримый канат, посередине которого была гибель. Гибель, которая неотвратимо приближалась. Талисман эльфов вспыхнул неправдоподобно ярко и погас. Он исчерпал себя. Все было окончено — Ройгу одержал победу!

И в это время я наконец ощутила Силу, которая стремительно затопляла все мое существо. Это было как и в прошлый раз, но намного сильнее, пронзительнее. Магическая энергия переполняла меня, словно каждое заклинание, каждая выпитая жизнь, доставшиеся Оленю, питали и меня, а скорее всего так оно и было. Мгновение назад я была одинокой, приготовившейся к неизбежному концу женщиной. О том же, чем я стремительно становилась сейчас, странно и страшно было даже думать. И тут я услышала зов. Голос, который слышала только я, звучал уверенно и самодовольно. Меня прощали. Мне приказывали воссоединиться с породившей меня силой, немедленно идти к Нему, ведь я изначально ему принадлежу... Я была посвящена Ему при рождении, меня растили, готовя к Великой Миссии, которую я чуть было не погубила. Но еще не поздно. Я еще исполню свой долг и буду вознаграждена. Мои ноги сами понесли меня вперед. Я шла, нет, не шла, летела туда, где только и могло быть мое место... Но меня остановили.

Кто-то обхватил меня за плечи, и я обернулась. Рене! Герцог, хоть лицо его и было искажено болью, на ногах держался, и держался твердо. Так мы и замерли рядом, в одной руке он держал обнаженную шпагу, а другой обнимал меня за плечи, прижимая к себе в извечном мужском желании защитить.

Нет, он, конечно же, не понял, не мог понять, что со мной творится; меня нынешнюю он совершенно не знал, а та женщина, которую он оставил в Идаконе, видимо, могла сделать только одно — кинуться в отчаянье вниз с крепостной стены. Герцог схватил меня за плечи и хорошенько встряхнул. Кажется, он велел мне немедленно прийти в себя, и... я это сделала. Переполнявшей меня силы хватило бы для того, чтобы и от самого Рене и от всех, кто стоял с ним рядом, не осталось ничего... Голос приказывал мне именно это — уничтожить Рене, потому что это было необходимо Ему. Я больше не чувствовала своего тела, оно казалось мне таким же орудием смерти, как кинжал или шпага. Рене еще раз потрянул меня, я вскинула голову и встретила с его яростными и несчастными глазами... Взгляды наши скрестились лишь на какую-то долю секунды, надсадный визг пронесся прямо над нашими головами, и Рене толкнул меня в нишу между двумя каменными зубцами, прикрывая собой. Белесый отросток, видимо, был голоден и безмозгл, ему было все равно, кого тянуть в небытие — герцога Арроя или незадачливого аюданта, рысцей бегущего вдоль стены. Человек исчез, словно его и не было, а щупальце... Опаленное лиловым огнем, оно нехотя отдернулось. Руки Рене разжались, и я смогла увидеть, что творится на площади. Синий эльфийский свет угас, живая стена рассыпалась, теперь на ногах оставались лишь трое — сам Эмзар, давешняя старуха и... клирик с увитым цветами посохом. За рекой бесновался Белый Олень. Было очевидно, что еще одна-две атаки — и последние защитники не выдержат.

— Бей, — прозвучало в моем мозгу, — уничтожь их и иди сюда, к нам... к нам... к нам... ты наша...

Я вырвалась из рук адмирала и так же легко, как кошка пересекает лунный луч, не разбирая дороги, не думая, что будет, если я покажу, кто же я на самом деле, бросилась вперед... Голоса что-то бубнили, но совершенно спокойно, видимо не сомневаясь, что я выполняю их приказ. Рене что-то закричал мне вслед. Нет, это мне показалось — не мог он говорить сейчас о любви...

Белая Тварь выжидала, зачем ей было тратить свои драгоценные силы, если я — ее создание, ее послушное орудие — была в крепости. Зверюга гордо и нагло высилась на противоположном берегу, ожидая, когда верная раба закончит столь успешно начатое... Что ж, она дождалась. Я остановилась как раз напротив твари и с маху ударила всей отмеренной мне силой. Трудно описать, что я при этом чувствовала... Эанке, Гончие Тумана, гнусные финусы, все, кого я прикончила раньше, были лишь слабенькими огоньками, погасить их было так просто.

Эстель Оскора, подруга Древнего Бога, сама не знала пределов своего могущества, а оно оказалось равным Силе ее господина. Огонь гасят огнем. Только я могла остановить пожар, зажженный Ройгу, и, клянусь Великими Братьями, я творила невозможное.

Я никогда не была ни особо удачливой, ни особенно умной, но сейчас у меня получилось все. Закрыв астральным щитом тех, кто стоял сзади, я лупила всем, что было во мне, по Оленю и по тем, кто бесновался у его ног. Внутренним взглядом я видела то, что мои земные глаза не могли рассмотреть. Я видела, как два вихря — черный, как сама Тьма, и нестерпимо блестящий, как солнечная дорога на озерной глади, — повинаясь моей воле, ринулись вперед. Свет накрыл клубок тел, катавшийся у ног исполина, а Тьма обвила его шею чудовищным арканом. Я душила эту мерзость, ощущая ее удивление, негодование, ярость и, наконец, страх и отчаянье. Олень бился и хрипел, а я всей своей волей тащила на себя сотканный из Тьмы канат, затягивая его, держа тварь на ремне, как это делают жители Эр-Атэва с дикими ослами. Мне было не по силам придушить ее окончательно, но и она не могла освободиться. Я не знаю, сколько я так стояла. Мне казалось, целую вечность, но для тех, кто смотрел на нашу схватку живыми глазами, похоже, все произошло мгновенно. Наконец аркан лопнул, меня швырнуло на колени, и сквозь волну непередаваемой, неистовой боли я — нет, не увидела, а почувствовала, как Олень, обретший свои обычные размеры, вытянув рогатую голову, стремительно удирает на юго-восток...

Глава 34

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Кантиска

Чудовище не выдержало. Рене, с трудом стоя на трясущихся ногах, смотрел на улепетывающего монстра, не веря, что все кончилось. Кончилось?! Ничего подобного, все еще только начинается. Сейчас этим, за рекой, еще хуже, чем в Кантиске, и этого нельзя упустить. Но сначала Герики... Когда герцог, преодолев слабость, подбежал к ней, ее уже уносили двое кстати подбежавших клириков. Рене, переживший бой у Червонного кряжа, представлял, что с ней творилось... Увы, он не мог остаться с ней, как бы ни желал этого. Теперь, когда монстр удрал и Тарре не грозит никакая потусторонняя погань, нужно поговорить по душам с Годоем.

Тряхнув белыми волосами, словно отгоняя все лишние мысли и чувства, Аррой бросился к пушкам, оглядываясь в поисках людей, не утративших способности действовать. К счастью, барон Шада оказался поблизости, и на красной физиономии не было ни растерянности, ни страха.

— Рад вас видеть, барон, — кивнул Рене и заорал на пушкарей: — Чего ждете? Заряжай, живо! — Солдаты забежали, как посланные, а Рене вновь обернулся к барону: —

Ваши люди не рехнулись со страху?

— Я им рехнусь, — рявкнул Шада, — что, пощиплем этих злыдней заречных?

— Самое то, — кивнул адмирал.

— Как решили давеча: тысячу конных и три пехоты?

— И быстрее, пока они не очухались...

— Станут чесаться — поотрезаю, скажем, носы, — заверил барон, — через четверть оры будут у Речных ворот.

— Мне коня тоже оседлайте.

— А стоит ли? — старый вояка в упор взглянул на Рене.

— Стоит! За крепостью ты углядишь.

— Надо быть, — согласился Шада и, не дожидаясь ответа, принялся спускаться. Рене махнул ему рукой и повернулся к пушкам.

Среди многочисленных талантов Счастливчика Рене числилась и стрельба без промаха. Адмирал прошел мимо всех четырнадцати стоявших здесь пушек, слегка подправляя наводку. Фитили были поднесены одновременно, и выстрелы грянули разом. Рене лишний раз подтвердил свою репутацию человека, который ни слов, ни пороха даром не тратит. Арцийские земляные туры рвались и валились, одна из пушек развалилась на куски, еще две опрокинулись. Бестолковая беготня и вопли и без того растерянной прислуги вызвали на стенах Кантиски злорадный хохот, но умчавшийся к Речным воротам Рене его уже не услышал.

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Малахитовый лагерь

Как ни странно, посрамление Белого Оленя Михая Годоя не очень расстроило. Напротив, тарскиец углядел в происшедшем уйму новых возможностей. Еще до того, как господин Улло и господин Шаддур сначала с радостью, а потом с ужасом произнесли имя его дочери, Михай обо всем догадался. Рене опять всех обошел, притащив девчонку в Кантиску, и она сыграла свою игру.

На какое-то время и о Герике, и о Белом Олене как о магическом оружии следует забыть. Нужно наполнить не одну Чашу, чтобы Ройгу вновь обрел тело и способность сражаться, а на это уйдет не менее месяца. Ну а пока бессилён Олень, бессильна и его строптивая супруга, и Кантиску защищает лишь небольшая армия. Подмоги им ждать неоткуда, значит, нужно брать город, и чем скорее, тем лучше. Конечно, не сегодня. Неудачу Оленя и то, что ожидаемое чудо не только провалилось, но и отнюдь не выглядело как Божия помощь, придется как-то объяснять. Но он сегодня же выдаст армии жалованье и выкатит бочки с вином, а вечером начнет обстрел Кантиски. Стены города не столь уж и крепки, особенно с той стороны, где он предусмотрительно разместил лагерь.

Нет, какой он все-таки молодец! Хоть господин Шаддур и вынудил его брать город в день Светлого Рассвета с помощью магии, он все же озаботился провести все земляные работы. Теперь Кантиска по всем правилам военного искусства окружена двойным земляным валом, внутреннее кольцо предназначалось для осады, внешнее — на тот (совершенно немыслимый с точки зрения самозванного императора) случай, если бы на помощь осажденным подошла какая-то армия.

Опытный интриган, Михай понимал, что армию до Светлого Рассвета нужно чем-то занять и что солдаты должны быть уверены, что им предстоит разгрызть твердый орешек. Тогда чудо в праздник Светлого Рассвета будет оценено по достоинству, и никто не посмеет сказать, что все подстроено. В самом деле, какой безумец станет бесцельно переворачивать горы земли?! Впрочем, вал не помешает в любом случае, ибо когда Кантиска падет, в ней наверняка останутся сумасшедшие, которые во главе с герцогом Рьего, против которого магия может оказаться бессильна, постараются вырваться из крепости... И Годой тщательно

следил за земляными работами, лично проверяя, как расставлены и защищены пушки, надежны ли переправы через Канн, наведенные в двух местах, и хорошо ли стоит тын в укрепленном лагере напротив Малахитовых ворот.

Случившееся подтвердило, что никакая сделанная на совесть работа не пропадает зря. Появление призванного ройгианцами чудища теперь никоим образом не припишут императору, который воевать намеревался честно и свое намерение исполнил. Более того, не далее чем вечером по армии поползет слух, что именно Годой изгнал монстра, призванного колдуном Арроем и его сподвижниками, выдававшими себя за святых людей. Конечно, Шаддуру нынче же ночью придется убратся восояси, но оно и хорошо. Бледные Годой больше не нужны! Пусть зализывают раны, а он и так возьмет город и вместе с ним Герику.

Главное, чтобы Рене не увел девчонку через подземный ход. Увы! Лучшие прознатчики не смогли узнать, где он начинается и куда выходит, ну да Рене не из тех, кто бежит с поля боя, и он вряд ли отошлет от себя Эстель Оскору. Нет, положительно, все не так уж и плохо.

От размышлений самозваного императора отвлек один из отправленных за реку аюдантов. Молодой южанин четко вскинул руку к легкому шлему и доложил, что Кантиска открыла огонь, батарея северного берега совершенно расстроена, а из Речных ворот крепости вышел отряд конницы, под прикрытием крепостных пушек перешел Канн и захватил подготовленные для будущего штурма связанные лодки. Пока одни конники рубили растерявшихся арцийцев, другие со знанием дела принялись наводить мосты, так что, видимо, вскоре следует ожидать вылазку пехоты.

Годой быстро встал, отшвырнув ногой ни в чем не повинный барабан. Рене угодно навязывать ему сражение? Он полагает, что император растерян и расстроен и не ждет удара?! Ну что же, владыка Эланда! Ты хочешь боя, ты его получишь! Жаль, конечно, что он опрометчиво отправил большинство гоблинов на север, ну да арцийцы тоже на что-то да годятся.

Годой жестом подозвал двух коронелей и командора.

— Поднять «Буйволов», «Удалых» и «Женихов». Форсированным маршем через западную переправу. Отрезать этих свиней от реки и уничтожить. Пленных не брать... Или нет, возьмите, но не больше двух десятков. Живо!

Первыми, как и следовало ожидать, были готовы «Женихи Смерти». Сыновья многочисленных южных дворянчиков жаждали покрыть себя славой и получить награду и земельный надел. Впрочем, «Удалые» и «Красные Буйволы» отстали ненамного. Не прошло и полуоры, как десять тысяч отборных головорезов покинули лагерь и скорым шагом двинулись к реке.

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебедя.

Северный берег Канна

Все шло хорошо. Даже слишком. И вместе с тем все было очень плохо. Хорошо, потому что расстроенные прицельным огнем и совершенно не готовые к атаке арцийцы оказались не волками, а овцами в мундирах. Они бестолково метались по берегу и даже не пытались организовать хоть какое-то сопротивление. Люди Шады быстрехонько навели переправу, и две с половиной тысячи мушкетеров, пикинеров и орудийной прислуги, бегом пробежав по шатким мосткам из связанных лодок, выскочили на берег и принялись разворачивать уцелевшие пушки в сторону, с которой к арцийцам могло подойти подкрепление. Кавалеристы же в это время уничтожали наведенную годоевцами загодя переправу, охрана которой пребывала в блаженном неведении о происшедшем у Речных ворот. Все было чудесно и замечательно, но Аррой понимал, что это ненадолго.

Слишком мало было в крепости людей, чтобы справиться с приведенной лжеимператором ордой. Если бы все шло, как они задумали вначале, то узурпатора вынудили бы ввязаться в драку с немногочисленными защитниками крепости, имевшими

глупость высунуться из-за прикрытия стен, за чем последовала бы серия тщательно продуманных вместе с Мальвани и Феликсом сюрпризов, но увя... Северная армия ушла, и теперь ножки приходилось протягивать по одежке.

— Рафал!

— Да, монсигнор, — коронный лейтенант вытянулся в струнку.

— Следить за дорогой. Мы не должны зарываться. Как только Годой навалится со всей силы — отойдем.

— Есть следить за дорогой, — офицер дал шпоры коню и исчез.

Аррой оглянулся — схватка догорала. Ошеломленные сначала появлением монстра, а потом его бегством, арцийцы не горели желанием умирать за новоявленного императора. Впрочем, здесь, где городская стена была всего выше и к тому же перед ней текла река, Годой поставил не лучших своих людей. Штурмовать город с этой стороны он не собирался, а на то, что осажденные окажутся столь наглыми, что нападут сами, он не рассчитывал. Рене усмехнулся — пусть не сегодня, но им не миновать генерального сражения, в котором все и решится. Магии, слава Великим Братьям, больше не будет, а в битве, даже если на одного северянина придется трое годоевцев, выиграть можно, тем паче гоблинской пехоты у мерзавца почти не осталось.

Пушки в крепости замолчали — стрелять пока было не в кого, люди Рене устроились поудобнее и в ожидании противника оживленно и весело переговаривались. Легкая победа, как известно, окрыляет. Пленные были разоружены и со смешками выставлены за пределы внешнего вала, возиться с ними было некогда, а потеряв оружие и продув стычку, горе-вояки наверняка предпочтут Михаю не попадаться и просто разбредутся куда глаза глядят.

Запел совершенно неуместный жаворонок, и герцог глянул на небо. Солнце даже еще не поднялось как следует, самый длинный день в году только начинался...

Залихватское громкое ржанье заставило Рене обернуться. Перед ним стоял Гиб собственной персоной, глаза коня горели изумрудами, он отплясывал какой-то варварский танец, видимо выражая радость по поводу встречи и готовность к дальнейшим подвигам. Люди Рене, без сомнения, заметили Водяного Коня, но адмирала это не заботило. После сегодняшнего чудища какая-то лошадь вряд ли сойдет за исчадие ада.

— Поднявший меч от меча и погибнет, — восседавший на шее огромного жеребца жаб горел нестерпимым золотом, — так будет с каждым, кто покусится...

— Погоди, Жан, — одернул приятеля Рене, — никто еще не погиб, нам еще драться и драться... Где Мальвани?

— В настоящее время он выдвигается на заранее обусловленные позиции, — охотно пояснил жаб, занимая свое привычное место на руке Арроя.

— Как? Разве он не ушел?

— Я внес в твой приказ коррективы, продиктованные развитием событий, — Жан-Флорентин гордился собой и не скрывал этого, — надо извлечь максимум выгоды из своего положения. Эльфы наладили неплохой контакт с местными Хозяевами и Хранителями, так что Мальвани с Архипастырем отошли в глубь леса, именуемого отчего-то Королевским, чтобы дожидаться вечера. Мы посовещались и решили, что несколько часов, с учетом того, что эльфы откроют для них Лесной коридор, особой роли не сыграют.

— Вы поняли, что случилось?

— Да, мы почувствовали магическое напряжение и смогли реконструировать события, — воспоминание, видимо, было не из приятных, потому что Жан-Флорентин на мгновение посерел, — силы, использованной ройгианцами, хватило бы, чтобы сокрушить любой Барьер, но, к счастью, она была погашена. Как я понимаю, Эстель Оскора?

— Да, — кивнул Рене.

— Свершилось, — благоговейно произнес жаб, — твоя любовь спасла мир...

— О любви потом, — Рене был собран, как тигр перед прыжком, — что Мальвани?

— Как только мы поняли, что Ройгу отброшен, я, — жаб снова полыхнул червонным золотом, — отдал приказ действовать соответственно первоначальному плану и отбыл

сообщить тебе об успехе выполненной миссии, — в тоне философа был явный намек, и Рене, сдерживая одновременно нетерпение и смех, осыпал своего вассала благодарностями и повернулся к коню.

— Гиб, — черный жеребец лихо ударил копытом, — во-первых, спасибо, а во-вторых, я должен попросить тебя об одной услуге.

Гиб стукнул копытом еще раз.

— Друг дорогой, отвези Эмзара и Клэра к эльфам. Знаю, что вы враги, но это очень нужно.

Конь фыркнул и пару раз хлестанул себя хвостом по бокам.

— Он согласен, — перевел жаб, — Гиб свободное создание, но он понимает, что свобода — это осознанная необходимость...

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Малахитовый лагерь

Михай Годой в окружении сигурантов и нескольких клириков неторопливо шел по лагерю, весело и небрежно отвечая на приветствия выстроенных в боевом порядке войск. Все в порядке. Рене получит свой бой. Не исключено, что проклятый эландец затеял всю эту катавасию у Речных ворот, чтобы отвлечь внимание от Малахитовых, где и стена пониже и послабее, и реки нет... Ну что ж, в таком случае он тем более был прав, послав за Канн десять тысяч. Пусть Рене решит, что его затея удалась, и увязнет в сражении за стенами крепости. Похоже, он вытащил наружу половину того, что имел. Отчаянно и не так уж глупо, но не с таким противником, как господарь Тарский. Возможно, он и проигрывает адмиралу в умении владеть шпагой, но никак не в стратегическом таланте.

— Ваше Величество, — арциец в запыленной одежде (видимо, только что соскочил с коня) вытянулся в струнку.

— Слушаю, — махнул рукой Годой.

— Мы не можем перейти реку. Переправа разрушена, а с крепости и из-за реки бьют пушки.

— Для моих солдат нет слова «не можем», — брови императора слегка сдвинулись. — Если кто-то думает, что, оставшись на этом берегу, сохранит себе жизнь, он ошибается. Так и передайте. Повторите.

— Если кто-то думает, что, оставшись на этом берегу, сохранит себе жизнь, он ошибается.

— Правильно. Исполняйте.

Гонец, видимо кто-то из полковых аюдантов, бегом бросился к своему коню.

— Турни, — грузный человек со смышленными глазами подошел поближе, — конный полк и шесть, нет, восемь орудий им в помощь.

Годой присел на услужливо подставленный большой барабан и, постегивая хлыстиком по голенищам щегольских красных сапог, дождался доклада о том, что резервы выступили. Оставалось немного выждать и подать сигнал к началу штурма. Но не прошло и полуоры, как молоденький аюдант из числа пришедших с Годоем тарскийцев срывающимся голосом доложил:

— Ваше величество! У восточного прохода снаружи «Серебряные!»

Михай удивленно приподнял бровь и якобы нехотя поднялся, хотя спокойствие давалось ему с большим трудом. Все, что напоминало о Шандере и Стефане, будило в тарском господаре дикую ярость, непонятную ему самому. Однако на холеном лице императора не отразилось ничего, разве что нижняя губа слегка выпятилась, демонстрируя презрение и скуку. Поднявшись на небольшую сторожевую вышку, Годой с удивлением рассматривал около сотни всадников в знакомых черных с серебром доломанах, гарцевавших на знаменитых таянских дрыгантах. Им, дрыгантам, взяться было совершенно

неоткуда. Можно было предположить, что Рене протащил через подземный ход сотню-две своих людей, но лошади?! А таянцы между тем затеяли своеобразную игру. Несколько всадников стремительно подлетали к внешнему валу на пистолетный выстрел и, ни мгновения не оставаясь на одном месте, выкрикивали оскорбления в адрес Годоя, сопровождая их красноречивыми жестами, понятными солдату любой армии, и возвращались на безопасное расстояние.

Особенно усердствовал худенький юноша с каштановыми волосами. Годой узнал его — Стах Гери, любимчик Шандера Гардани... И знал этот Сташек вещи, которые воинам императора Михая Годоя слушать было совершенно не обязательно...

— Эй, вы! «Дети империи», — ветер, как назло, дул к лагерю, и можно было разобрать каждое слово, — и как оно там, под горным кабаном?

— Михай. Тебе твои крысы все отгрызли, или что-то еще осталось?!

— Что ж ваш император жену в Таяне держит? Он не может, или она не хочет?

— Михай, а правда, что ты в сапогах копыта прячешь?

— Копыта прячешь, а рога на всю Арцию видны!

— Ну, арцийцы, ну, молодцы! Нашли себе хозяина. Он вас научит...

— Ага, научит! Вчетвером сзади на одного!

— Э-ге-гей! Годой! Привет тебе от Шандера Гардани, давно он что-то тебе морду не чистил! Соскучился? ...плешивый!

— Выходи, сто смелей тебе в нос!

— Лучше ниже!

— ..! ..!

— Ну и войско, гляньте только. Со всей Арции шваль собрали!

— Небось все помойки обегали!!!

Несколько десятков южан не выдержали и, вскочив на коней, вылетели в поле. Однако гнев плохой советчик. Гвардейцы Годоя пошли за шерстью, но оказались стриженными. Может быть, эльфы и были лучшими наездниками, чем «Серебряные», а атэвы управлялись со своими поджарыми конями не хуже таянцев, но других соперников у личной гвардии наследников Ямборов в Благодатных землях не было. Южане, безусловно, были неплохими конниками, но в схватке один на один у них не было никаких шансов. Впрочем, таянцы и не думали убивать своих противников, они, похоже, задались целью довести их и так немалую ярость до иступления. Ловко уворачиваясь от сгоряча выпущенных пуль, «Серебряные» словно бы исполняли какой-то причудливый танец, когда человек и лошадь составляют единое целое. Как будто вернулись легендарные времена, когда по холмистым степям нынешних Таяны и Фронтеры, еще не разгороженных Лисьими горами, разгуливали тысячи странных созданий полулюдей-полуконей.

Не прошло и десятинок, как арцийцы впустую разрядили свои пистолы, а их лошади ошалели, не поспевая за понуканиями седоков, пытавшихся угнаться за своими верткими противниками, не перестававшими осыпать этих «мулов, по недомыслию вскарабкавшихся на лошадей» насмешками одна гнусней другой.

Наблюдавшие за позором своих товарищей из-за земляного вала арцийцы и тарскийцы только кулаки сжимали, а «Серебряные», словно бы всех предыдущих унижений было мало, схватились, нет, не за палаши, а за плетки, которыми владели в совершенстве.

Арцийцы и не представляли, на что способно это на первый взгляд несерьезное оружие в руках мастера своего дела. Впрочем, таянцы не собирались калечить своих противников, вместо старинных боевых плетей с вплетенными в кожу кусками свинца они прихватили так называемые мухобойки, которыми наездники, выхваляясь друг перед другом, на полном скаку сбивали с заборов и стволов мух и ос. «Серебряные» явно щадили лица и глаза противников, зато плечам, рукам и спинам несчастных южан, а также крупам их коней доставалось по первое число, и арцийцы не выдержали. Под насмешливые напутствия салютующих им плетями таянцев они бросились под защиту своих пушек.

Годой понял, что южная гвардия не простит, если он позволит нахамить безнаказанно

уйти. Он знал, что совершает ошибку, но не совершить ее не мог. Ворота открылись, и восемь сотен конных бросилось на пять или шесть десятков «Серебряных», которые и не думали принимать боя, а, пришпорив своих дрыгантов, понеслись назад. Разъяренные имперцы бросились в погоню. Похоже, таянские лошади начали уставать. То одна из них спотыкалась, то другая, всадники нещадно понукали коней, но расстояние между преследователями и преследуемыми неуклонно сокращалось. Несшийся последним Стах Гери, чей белоногий, похоже, вымотался больше других, опережал передних всадников не более чем на два корпуса. Всадники вихрем пролетели мимо небольшого леса и теперь неслись между неглубокими, но крутыми оврагами. Странное дело, стоило последним преследователям проскочить росший чуть в стороне от своих собратьев высокий каштан, как таянцы резко осадил коней и повернулись лицом к противникам, выхватив из седельных сумок пистолы, а из-за деревьев вылетело не меньше тысячи «Серебряных» и «Золотых». Тех, кто, не приняв Михая, ушел в Эланд позапрошлой осенью.

Наблюдавший за происшедшим в окуляр Годой грязно выругался. Он должен был догадаться! Сам мастер расставлять другим ловушки, он, как мальчишка, попался на самую простую приманку. Новоявленный император не мог допустить, чтобы на глазах у него и у всей армии рубили в капусту его гвардейцев. В конце концов, «Серебряных» даже в лучшие их дни было не больше тысячи, а имперская кавалерия насчитывала в двадцать раз больше. Что ж, он остался сегодня без штурма и наверняка потеряет десятую часть своих кавалеристов, но Рене потеряет всех. И Годой скомандовал: «Кавалерия, пошла!»

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Святая дорога

Роман сразу понял, что означает одинокая туча за лесом, неподвижная и тяжелая. В той стороне была Кантиска, там несомненно шел бой. Магический удар немыслимой силы, который Рамиэрль почувствовал на рассвете, мог означать все, что угодно, но самым логичным было предположить, что города больше нет. То, что после этого заговорили пушки, обнадеживало.

Эльф свернул с дороги в услужливо расступившиеся заросли орешника. Там он быстро снял ненужные в бою выюки. Буде он уцелеет и они ему понадобятся, он всегда отыщет это место. На мгновение на точеном лице изобразилось раздумье, но потом Рамиэрль из Дома Розы решил. По рождению эльф, он прожил жизнь либром Романом Ясным, и если ему предстоит умереть, то он умрет, как жил... Не нужно ему ни сверкающих белых одежд, ни иллюзорных крыльев за спиной. Роман быстро переоделся в чистый костюм эландского маринера, тот самый, в котором он был на созданном Эанке Светлом Совете и который он зачем-то таскал с собой по горам и долам. Как и все его соотечественники, бард недолюбливал огнестрельное оружие, но пистолы — подарок Луи — в бою будут не лишними. Жаль, он так и не озаботился подыскать себе шпагу получше, хотя...

Вынув из ножен наследство Уанна, эльф с удивлением обнаружил, что был несправедлив. При всей внешней неказистости и отсутствии украшений клинок был безупречен. Что ж, тем лучше. Кинжалы тоже при нем.

Эльф прикрепил уздечку Перлы к седлу, чтоб ненароком в гуще боя не ухватился кто-то чужой. Кобылица последует за Топазом хоть в пекло, а иметь запасную лошадь никогда не помешает. Самым трудным было решить, что делать с кольцом. Рисковать талисманом было преступно, но, с другой стороны, если Годой пустит в ход свою поганую магию, перстень Ангеса будет незаменим. Роман не думал, правильно ли он поступает, рискуя и кольцом, и собственной головой, в которой хранились важнейшие сведения. Когда-то не выдерживает самый выносливый. Рамиэрль из Дома Розы хочет драться, и он будет драться.

Последний взгляд на небо, и он уже в седле. Топаз, которому передалось настроение хозяина, оказавшись на тракте, пошел легким, стремительным галопом, который унизил бы

даже гепарда. Земля словно бы сама стелилась под ноги эльфийскому скакуну, но Роману все равно казалось, что они стоят на месте.

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Овражное поле**

Даже когда Таяна и Тарска были друзьями и никому в самом страшном сне не могло присниться, что династия Ямборов исчезнет и на трон взберется тучный тарскиец, господарь Годой и граф Шандер Гардани не ладили. Разумеется, Михаю и в голову не приходило сопровождать Гардани на Конское поле, где капитан «Серебряных» и его додеканы до двадцатого пота гоняли своих подчиненных. Если бы Михай там бывал, он бы вряд ли стал так рисковать...

Девятнадцать тысяч арцийских конников — южане, гвардейцы, дружины присягнувших новому императору самозванных баронов — дружно устремились вперед. Земля гудела под копытами коней, дождей давно не было, и поднятое ими облако пыли издала могло сойти за дым. Разумеется, таянцы вовремя заметили опасность и, бросив на произвол судьбы изрядно поредевший отряд противника, понеслись вдоль оврага. Тот, кто знал повадки таянской конницы, понял бы, что «Серебряные» придерживают лошадей, хотя несведущие были бы уверены, что кони несутся в полную силу. И то сказать, обогнать таянских дрыгантов могли лишь эльфийские иноходцы... Таянцы мчались вперед красиво и слаженно, ровно по столько в ряд, чтобы не путаться друг у друга под ногами и при необходимости меняться местами. Овраг кончился, и таянцы вылетели на покрытое зеленеющим овсом поле, с одной стороны которого виднелись знаменитые кантисские фруктовые сады, а с другой текла небольшая — воробью по колено — речонка, берег которой порос барбарисом. И тут бравый Войцек поднес к губам свой знаменитый горн и коротко протрубил. Повинуясь сигналу, «Серебряные» осадили лошадей и с ходу перестроились. Вылетевшие преследователи были встречены пулями. В свое время Рене Аррой подметил, что от множества легких пушек на корабле зачастую больше толка, чем от нескольких крупных. «Серебряные» не взяли с собой мушкетов: слишком заметно, слишком неудобно, да и десять выстрелов лучше одного. Зато за поясом и в седельных сумках таянцев у каждого было по десятку заряженных пистолей, а стрелками люди Гардани были отменными. Падали кони, перелетали через их головы незадачливые всадники, а многочисленные лошади, продолжавшие скакать, уже лишившись своих наездников, изрядно усугубляли сумятицу. Разрядившие пистолы таянцы умело отворачивали в сторону, давая дорогу своим товарищам. Увы! Арцийские кавалеристы набрали слишком большой разгон и не могли остановиться, тем паче что сзади преследователей на дороге взметнулась странная сероватая фигура, более всего похожая на пылевой смерч. Видимо, она обладала какой-то властью над лошадьми, потому что бедняги потеряли со страха голову и кинулись вперед, вынуждая скакавших впереди поторопиться.

Лавина арцийской конницы продолжала нестись, то ли преследуя таянцев, то ли убегая от самих себя. Стремительный бег, однако, был остановлен кинжальным огнем еще недавно украшавших верхние палубы эландских кораблей легких пушек, для которых хватало пары лошадей. Когда тысяча «Серебряных», разрядив пистолы, исчезла в лесу и речных зарослях, а арцийцы не успели даже понять, что с ними происходит, им в лицо и в спину ударили неведь откуда выскочившие пушки, плюнули смертью и куда-то умчались, а из леса и со стороны речонки дружно грянули мушкеты, и тотчас в бок сбившимся в кучу ошалевшим кавалеристам ударили свежие конные тысячи, а сзади уже отрезали путь к лагерю выскочившие из леса пешие копейщики. Их было меньше, чем арцийцев, но они знали, что делали. Мальвани и Феликс чуть ли не год по минутам разбирали Лагское побоище и постарались учесть все. Помог и рассказ Рене о том, как он в свое время обошелся с

ортодоксами.¹²⁹ Более громоздкие и тяжеловооруженные, к тому же не ожидавшие подвоха, те продолжали скакать вперед за якобы удирающей жертвой. В последний момент Рене резко ушел вбок, а преследователи на полном ходу налетели на подводную гряду. Тогда маринеры со смешками и подначками выуживали из воды незадачливых блюстителей веры, теперь время шуток миновало. В войне с Годоем места жалости не было и быть не могло...

Имперская кавалерия бестолково металась по полю, мешая сама себе, теснимая со всех сторон передвижной артиллерией, конниками Архипастыря, «Серебряными» и северянами Мальвани. Только немногие из офицеров Годоя настолько владели собой, что пытались найти выход из ловушки. Один из них углядел на противоположном берегу речонки довольно высокий холм, напоминающий формой лошадиную подкову, на плоской вершине которого виднелось нечто, напоминающее загородку для скота. Когда никто не знает, что делать, первый решившийся хоть на что-то, сам того не замечая, становится вождем. Неизвестный офицер был не в великих чинах, но его люди стойко держались рядом, оберегая командира и одновременно смотря на него с отчаянной надеждой. Офицер привстал на стременах и рывкнул:

— Прорываемся к холму!

Противники, видимо, не ожидали такого поворота, потому что между арцийцами и речушкой оказалась лишь пара рядов «Серебряных», давших по врагу нестройный залп и отступивших. Им на помощь уже мчались пушки, но было поздно. В нащупанную брешь устремились десятки, сотни, тысячи кавалеристов, и остановить их было невозможно.

Глава 35

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Опушка Колокольного леса

Сезар Мальвани отбросил в сторону переломленный хлыст и про себя выругался — нельзя столь явно высказывать свои чувства. Нельзя? А если в это мгновение решается судьба сражения, а заодно и судьба Арции? Не угодно ли вам сохранять спокойствие? А может быть, вы желаете помолиться? Командор с трудом удерживал себя от дурацкого вопроса, не вернулись ли наблюдатели. Можно подумать, что те забудут доложить, что видели, и завалятся спать...

Последнее дело, когда полководец нервничает, суетится, гоняет туда-сюда аюдантов, проверяет то, что уже трижды проверено. Вот Феликс, тот даже умудряется делать какие-то записи. Пристроился, мерзавец, на пеньке и малюет себе в сафьяновой тетрадке... Хотя что взять с клирика, даже с самого лучшего? Наверняка ему уж за столько-то лет втемяшили в башку, что все в руце Божией...

Мальвани понимал, что он несправедлив, что Феликс прекрасный друг и замечательный полководец, но напряжение требовало хоть какого-то выхода. Сезар обвел глазами аюдантов, среди которых особенно выделялся юный Анрио, пожиравший отца умоляющими глазами. Дескать, сколько можно? Другие дерутся, а мы?! Ну пошли меня, пошли куда-нибудь, пожалуйста... Может, в самом деле его послать к этому холму? Ну и названьице! Поганая Подкова, это надо же, и такое безобразие в полувесе от Святого града! Мальвани нервно хихикнул. Бой у Поганой Подковы... Интересно, что напишут об этом летописцы? Уж наверняка перезовут несчастную горюшку в какую-нибудь Грозную гору

¹²⁹ Ортодоксы — представители образованных Равноапостольной Циалой воинских формирований Церкви, призванные следить за соблюдением Запретов, в частности за тем, чтобы корабли не пересекали Запретную черту, а путешествующие не пытались преодолеть Последние горы и Темную реку Пантаны.

или Святой холм... Чтоб красиво было...

Простучали копыта, и молодой офицер в некогда черном с серебром, а сейчас сером от пыли доломане, прыгнув со взмыленного дрыганта, пошатнулся, но удержался на ногах. Еще до того, как парень открыл рот, по светящимся глазам Мальвани понял — все идет как надо.

— Монсигнор, — Стах Гери сорвал голос, дразня арцийцев, и теперь шипел, как простуженный кот, — монсигнор. Мы все сделали. Дали им прорваться, они теперь у холма. Поднялись до половины, и тут по ним и ударили сверху из пушек и мушкетов, а там и мы подоспели. Они в ловушке.

— Не вырвутся?

— Не должны. Там Диман и Рафал.

— Тогда действительно не вырвутся, но...

— Монсигнор, мы не забыли. Человек двадцать усакало, за ними гнались, но не очень.

— Будем надеяться, что хотя бы один доберется до Годоя...

— Монсигнор!

— Да?

— Разрешите вернуться?

— Не разрешаю, — отрезал Мальвани, — садитесь и отдохните. Вы мне понадобится позже.

Понурившийся Сташек отошел к томящимся аюдантам, которые принялись его тормошить, расспрашивая про бой, в котором им пока не привелось участвовать.

Мальвани устало прикрыл глаза — пусть думают, что он дремлет, но мозг лихорадочно работал. Выйдет ли Годой из лагеря? Он должен прийти на помощь гибнущей кавалерии, иначе конец ему как полководцу...

То, что произошло сейчас, хорошо, очень хорошо, но это только первый шаг к победе или поражению... Если Годой клюнет на приманку, то и так не шибко великие силы придется разделить. Феликс должен захватить оставленный лагерь, а он вряд ли будет совсем уж пустым, ну а ему предстоит сцепиться с теми, кто идет на помощь прижатой к Поганой Подкове кавалерии, а сбрасывать ее со счета рановато, хотя милейшие бароны и наступили на те же грабли, что и на Лагском поле, хоть и под другими знаменами...

Конечно, поможет Рене, да и Эмзар обещался, но станет ли кто-то из них той песчинкой, которая перетянет чашу весов... Мальвани был опытным военачальником и понимал, что исход боя не ясен никому.

Наверху что-то зашуршало — любопытная белка с интересом наблюдала за заполонившими ее перелесок пахнущими железом людьми. Видимо, в Святой области белок не стреляли (правду сказать, шкурки у них в отличие от их северных сестричек были не ахти), и зверьки жили себе в полном уюте. Вот и эта даже не думала пугаться, а устроилась на ветке прямо над командором и начала охорашиваться... А ведь судьба этой зверушки тоже зависит от того, кто победит...

Время не текло, оно ползло, как пьяная улитка. Наконец юноша в черно-зеленом плаще Святого воинства привез долгожданное известие. Из лагеря выступили пехота и конная артиллерия. Идут четырьмя колоннами, с ними и гоблины, обычно охраняющие узурпатора. Надо полагать, Годой почтит битву личным присутствием.

Мальвани встал, поправил нагрудник, хотя толку-то от него, если, скажем, пуля... Ну да где наша не пропадала. Прежде чем сесть на коня, командор подошел к Феликсу, которому предстояло выступить чуть позже.

— Пожелайте мне удачи, Ваше Святейшество!

— Зачем так официально? — тонкие губы бывшего рыцаря тронула нечастая усмешка. — Перед Авирой мы вели себя иначе...

— Прости, — улыбнулся Мальвани, — я немного не в себе, до последнего боялся, что они не клюнут...

— Правду сказать, и я тоже, — неожиданно рассмеялся Феликс, — меня просто бесило

твое проклятое спокойствие...
Теперь смеялись уже оба.

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Подходы к холму Поганая Подкова**

Гоблины могли бы идти еще быстрее, но приходилось соразмерять шаг с людьми и лошадьми, с трудом тянувшими тяжелые пушки. Истосковавшиеся по настоящему делу, раздраженные жарой, горцы рвались вперед. То ли дело было в прошлом году, когда они, выдержав неистовые атаки баронской конницы, пошли вперед, сметая все на своем пути. Тогда казалось, что их осеняет благословение Истинных Созидателей, что не за горами предреченный Час Справедливости, когда Вернувшийся будет карать предателей и награждать верных... Увы, победа над Арцией была всего лишь победой над Арцией. Понадобился год, чтобы Годой набрался смелости и решился наконец ниспровергнуть эту подленькую человеческую Церковь...

Разрушить капища лжебога, пройти по головам его презренных служителей — ради этого стоит жить! Жаль только, что большинство соплеменников застряли на севере. Четыре тысячи гоблинов, оставленные в Мунте, дабы охранять особу императора, по осени завидовали своим соплеменникам, уходящим в бой, но Созидатели справедливы, и именно им выпала честь смести с лица земли обитель лжи и предательства.

Гоблины мерно печатали шаг, окружая неспешно ехавшего на вороном жеребце Михая Годоя и трусивших рядом с ним Белых Жрецов. Известие о том, что конница угодила в ловушку, горцев не удивило. Лошадям доверять нельзя, а тем, кто связал себя с этими глупыми, легко впадающими в безумие, дурно пахнущими тварями, тем более. Эти же самые арцийцы у Лага, удирая, передавили собственных пехотинцев, а потом, вместо того чтобы покончить с собой от такого позора, дружно перешли под знамена победителя. По мнению орков, Годойу незачем было принимать их к себе: во-первых, предатель всегда предатель, во-вторых, от таких вояк одна маета... Вот и сейчас вместо того, чтоб штурмовать город, приходится выручать этих недоумков...

Впрочем, это казалось нетрудным. Слишком неравны были силы. Похоже, противник был занят тем, что не давал прижатой к холму кавалерии вырваться из ловушки, на другое его просто не хватало. Около полутысячи все тех же изрядно умученных «Серебряных» и десятка два легких конных орудий, вот и все, что они смогли выставить против целой армии. Правду сказать, действовали эти смертники умело и отчаянно, используя превосходство в скорости и маневренности, но десятки, сотни, даже тысяча или две убитых и раненых годоевцев не меняли соотношения сил.

Армия узурпатора, несмотря на комариные укусы, целеустремленно перла вперед. Окутанный дымом и пылью возделенный холм был уже четко виден...

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Окрестности Малахитового лагеря**

Когда делили силы, Феликсу досталась меньшая часть Северной армии, и это было правильно: удача в захвате лагеря зависела от внезапности, а никак не от числа нападавших. Пять тысяч церковных воинов и пять тысяч арцийцев — вот и все, что было решено выделить под это дело.

Все: и Рене за рекой, и Шада в крепости, и они с Мальвани в поле — понимали, что главная тяжесть свалится на Северную армию, которой предстоит схватиться с пехотой и передвижной артиллерией Годоя. Даже лишенная кавалерии и лагерных пушек, арцийская армия была грозным противником. При самом лучшем раскладе, а пока — тьфу-тьфу

(Архипастырь воровато оглянулся и сплюнул через левое плечо, как простой солдат, боявшийся сглазить) — им все удастся, — и то соотношение один к трем, и не в пользу Сезара.

— Монсигнор, — арцийский коронэль по возможности старался сдерживать раскаты своего могучего голоса. — Мы на месте.

— Зажигай, — кивнул Архипастырь.

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Святой город Кантиска

— Сигнал, — завопил аюдант, чьей почетной обязанностью было наблюдать в окуляр, не потянется ли в небо столб белого дыма, возвещая, что Годой убрался из лагеря, а Феликс вышел на исходные позиции.

— Александр! Вы... — барону Шаде не хотелось оскорблять сына недоверием, но напомнить ему о некоторых вещах не мешало...

— Да помню я, — откликнулся Шада-младший, — не волнуйтесь, отец, мы им наkostenяем.

— Постарайтесь, — буркнул ветеран, скрывая тревогу — сыну второй раз за день предстояло выводить свою дружину в бой. Там, у Речных ворот, парень справился неплохо, но там был Счастливчик... За рекой и сейчас идет бой. Годоевцы — первые, которых выманили из лагеря, все еще пытаются отбить собственные укрепления, где засели две тысячи Рене. И те и другие, похоже, готовы бодаться до посинения. Что ж, так и задумано...

Дружно бахнули крепостные пушки, колья органки поползли вверх, и Малахитовые ворота, краса и гордость Кантиски, привыкшие к паломникам и чинным клирикам, растворились, выпуская бешено мчавшихся конников. Всадники мчались наметом, над их головами свистели крепостные ядра, сшибая и корежа орудия на внешнем валу вражеского лагеря.

Зазевавшиеся годоевские артиллеристы кинулись к орудиям, но жерла были нацелены на крепостные стены, которые еще пробивать и пробивать, а не на поле возле собственных укреплений. Пока до орудийной прислуги дошло, что к чему, кантисские конники уже оказались в мертвой зоне. Впрочем, кавалерийская атака на укрепления редко бывает удачной и защитникам вала особой опасностью не грозит. Ну побузят конники, погарцуют под стенами, и толку-то... Хуже, что за кавалеристами из крепости выскочило несколько передвижных орудий, а затем показалась пехота, тащившая штурмовые лестницы.

В лагере тревожно запел горн, и все оставленные там отряды, побросав ложки и миски — нападение пришлось akurat на обед, — бросились к внутренней стене, у которой творилось нечто несусветное. Кавалеристы оказались не столь просты, они и не думали палить по глиняному валу из пистолетов, обратив свои усилия на трое ворот, сделанных на предмет будущего штурма. Кантиссцы озаботились прихватить с собой глиняные пивные кружки и с помощью пращей, которыми они владели весьма искусно, забрасывали ими деревянные створки и стоящий на валу тын. Разбиваясь при ударе, кружки истекали черной вонючей жидкостью. Затем просвистело несколько горящих стрел, и облитые странной текучей дрянью ворота запылали, как сухая солома. Привезенные же орудия к этому времени уже развернулись, и по горящему дереву забарабанили небольшие, но меткие ядра.

Этого оказалось довольно. Деревянные створки не были рассчитаны на такое. Их ставили те, кто собирался нападать, а не отражать нападение, ворота же делались из расчета пропустить колонну по двадцать пехотинцев в ряд. Или двенадцать всадников, каковые и не преминули ими воспользоваться, дабы проделать ту же операцию с воротами второго вала. Не предвидя подобной наглости, арцийские саперы исходили из удобства организации собственной атаки и поместили вторые ворота напротив первых, за что и поплатились.

Впрочем, немного пришедшие в себя защитники, возможно, и сумели бы отбить

нападение, но в это время Феликс подал сигнал, и десять тысяч человек бросились на оставшиеся без защитников укрепления с противоположной от города стороны.

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Берег Канна**

Топаз вынес хозяина на северный берег Канна как раз напротив Речных ворот, эльф полагал, что пробраться в крепость оттуда будет проще. Если Годой осадил Кантиску, он наверняка выберет для штурма Старый город и Малахитовые ворота, перед которыми, как назло, такое поле, хоть маневры проводи... Однако то, что увидел Роман, выехав из ореховой рощи, не походило на приступ, уж скорее наоборот. Бой шел на северном берегу, и эльф не сразу сообразил, с кем дерется большой отряд под арцийскими имперскими консигнами. Кто-то, засев между двумя явно свеженасыпанными валами, весьма успешно отбивался от наседавшей имперской пехоты, а значит, был другом. Наметанный глаз эльфа углядел связанные цепями лодки, по которым защищающиеся, если бы у них возникло такое желание, вполне могли, оставив у пушек небольшой заслон, переправиться через не столь уж широкий и полноводный Канн и укрыться за крепостными стенами, но отчего-то они этого не делали.

— Подождите-ка меня здесь, ребятки, — шепнул Роман лошадям и, перебегая от дерева к дереву, бросился в сторону вала. От кромки кустов до него было не более полусотни локтей, которые эльф преодолел за считанные мгновения, но его все же заметили.

— Проще дана Романа! — этот вопль мог издать только Зенек. Эльф, с облегчением вздохнув, кошкой взлетел на глиняную насыпь.

— Проще дана! Вот не чекали... Ну й денек сегодня!

— Где Рене?

— Тама, собирается... Мы сейчас годойцев дурить будем...

Рене отыскался на берегу, где несколько дюжих пехотинцев сталкивали в воду становившиеся ненужными пушки. При виде эльфа глаза адмирала ярко вспыхнули, но он ограничился тем, что крепко сжал руку друга. Лицо эландца было напряжено, и Роман понял, что недалек тот час, который выпадает раз в тысячелетия и от которого зависит, как жить, если жить, внукам и правнукам тех, кто удостоился присутствовать при переломе. Долгие разговоры — это потом, это если оба уцелеют и победят. И эльф, слегка улыбнувшись, спросил:

— Куда мне становиться и что делать?

— Оставайся со мной. Где твои кони?

— Здесь, неподалеку. Могут пригодиться?

— Более чем. Сейчас наше дело отойти, причем так, чтоб эти погнались нас подальше от крепости...

— Понял, — кивнул Роман.

— Мы выходим помаленьку за вал, а ты давай за лошадьми, — и, уже не глядя на друга, крикнул своим: — Собирайся, хватит спать...

Мушкетеры и пикинеры привычно и споро занимали места в строю. Немногочисленные упряжки с пушками были загнаны в середину отряда, лошадей с заслонками на глазах держали под узды опытные возницы, ради такого случая спустившиеся с облучков на землю. Отряд медленно отошел, Рене махнул рукой, и тут наспех сооруженная глиняная стена поползла и рухнула вместе с пушками. Образовался пролом, куда смело могло пройти стадо коров. Все было сделано без сучка без задоринки. Сторонний наблюдатель нипочем не догадался бы, что осажденные обрушили стену сами.

Разумеется, озверевшие от множества неудач, подгоняемые в спину тарскийскими соглядатаями арцийские мушкетеры не усомнились в том, что небо услышало их молитвы, и бросились в образовавшуюся дыру. Немногочисленные защитники укреплений, хоть и не

растерялись и сохранили некое подобие боевого порядка, начали торопливо отходить в единственно возможном направлении.

Арцийская пехота уверенно теснила огрызающегося врага в направлении второй переправы, где тем не миновать было попасть под огонь тяжелых, не чета стоявшим здесь, орудий.

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Лес у Хомячьего поля**

— Отец! — Анрио не выдержал, хоть и поклялся себе молчать и ждать приказаний. — Скоро?

— Еще не время, — ворчливо отозвался командор, но, взглянув в расстроенное лицо сына, пояснил: — Мы должны подождать, пока Рене заманит сюда арцийскую пехоту. Да не страдай ты так, сегодня на всех хватит. Мало нам не покажется. Не понимаешь?

Анрио действительно не понимал, да и не мог понять. В его возрасте ждать не умеют и не хотят... Как расскажешь мальчишке, что даже в лучшем для них случае им предстоит схватка с армией, превосходящей их по численности в несколько раз. Их единственный козырь внезапность. Кто его знает, как обстоят дела у Феликса, надо надеяться на лучшее, но занять и удерживать неприятельский лагерь — затея непростая, да и Рене... Не следовало бы ему лезть в битву самому, но такого не удержишь.

— Идут! — аюдант был еще моложе Анрио и так же сгорал от нетерпения.

Показавшаяся из-за леса колонна не походила на бегущих. Огрызающееся огнем каре быстро и умело уходило на север. Не могло быть сомнений — кантиссцы намерены прорываться через Канн. Преследователи не очень наседали, от десяти тысяч, вышедших утром из лагеря, осталось не боле двух третей, и они явно не стремились к ближнему бою. Их дело загнать врага под пушки. Вот потом они отыграются за все сегодняшние неприятности и унижения.

Поравнявшись с двумя высокими тополями, отступавшие остановились.

Мальвани глянул на небо. Неужели только около двух? Как же еще далеко до ночи....

— Анрио! — корнет Мальвани вытянулся в струнку. — Сигнал!

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Холм Поганая Подкова**

Поганая Подкова словно бы самой природой была предназначена для того, чтобы стать могилой отважной, но не шибко умной кавалерии, угодившей под перекрестный огонь загодя установленных на вершине холма орудий, засевших в полуразрушенном загоне мушкетеров, передвижной артиллерии и конных стрелков внизу. Одного взгляда Годой было достаточно, чтобы понять: спасать, в общем-то, и некого. В мертвой зоне на вогнутой стороне холма сгрудилось две-три тысячи всадников, видимо, примерно столько же сумело выскочить из ловушки, но цвет арцийской конницы poleg у Поганой Подковы.

Годой взял окуляр и огляделся. Подвижной вражеской артиллерии видно не было, только на флангах нагло гарцевало около сотни «Серебряных». Пушки на вершине холма молчали — видимо, артиллеристы не собирались тратить зря порох. Надо полагать, основные силы противника где-то рядом, но где? Михай задумался. С одной стороны, следовало наказать дерзкую батарею на вершине, с другой — штурм обернется новыми потерями, но, видимо, все же придется рискнуть. Без победы, даже не несущей никакого стратегического или тактического смысла, возвращаться в лагерь нельзя. Любопытно, как дела у тех, кто был послан прикончить переправившихся через Канн? В поднявшейся суете он как-то позабыл о них, а зря.

Войска Годоя начали деловито разворачиваться, готовясь к штурму и одновременно к отражению атаки с фланга, буде она последует. Будь у императора те гоблины, которых он отправил к Адене, Поганая Подкова не продержалась бы и оры, но люди более осторожны и менее выносливы. Несчастные кавалеристы, увидев подмогу, возликовали и сотворили то, что ни в коем случае не должны были делать. Дав шпоры не поенным с самого утра лошадям, они бросились вниз по склону, стремясь как можно быстрее проскочить простреливаемое пространство. Пушки наверху ударили, но как-то вяло и нестройно, не причинив удиравшим конникам особого ущерба, а те неслись, словно за ними гнался Белый Олень. Так уж вышло, что спасители подошли со стороны речки, а очумевшие от жары, грохота, порохового дыма и жажды лошади видели только одно — воду — и рвались вперед.

Михай Годой наступил на те же грабли, которые он услужливо подложил на Лагском поле воинству Базилека. Правый фланг арцийцев был расстроен и смят их же собственной конницей, а левый... На левом творилось что-то странное. Из-за деревьев высыпала толпа людей, смутно напоминавшая военное соединение, они мчались как зайцы, чуть ли не свернув головы назад. Годой не столько узнал, сколько догадался, что это остатки тех самых полков, которые он послал за реку и на плечах которых висела теперь вражеская конница. Они действительно оттеснили врага до охранявших северную переправу тяжелых батарей, да вот сами батареи к тому времени уже были в руках церковников, а все артиллеристы были втихую вырезаны. Неожиданные залпы почти в упор расстроили арцийские колонны, а якобы отступавшие кантиссцы ударили по ним вместе с выскочившим из засады отборным конным полком. В довершение же всего закрутившийся на ровном месте вихрь, поднявший тучу песка, мелких острых камешков, сухих веток и листьев, обрушился на арцийскую пехоту, запорашивая глаза, забивая ноздри и судорожно разинутые рты...

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Хомячье поле

— А вот теперь, — сказал Сезар Мальвани, — нам, как говорится, или в стремя ногой, или в пень головой.

— Пора, — согласился и Рене, вскакивая в седло. Гиб где-то шлялся, но это было не так уж и страшно, Водяной Конь был со странностями, от Перлы же никаких сюрпризов не ожидалось.

Кстати поднявшийся ветер развеивал три знамени — Эланда, Арции и Святой области. Двадцать две тысячи готовились схватиться с шестьюдесятью, но они знали, что защищают и на кого идут. Все тот же Воцек протрубил знаменитое «Вперед! Не плачьте об уходящих в бой», и объединенная армия бросилась на врага.

Сначала Роман был возле Рене, но потом кровавая круговерть их разметала. Адмиралу нечего было делать в бою, его место было на командном пункте, но, похоже, большую часть здравого смысла Счастливчик растратил, когда вместе с Мальвани и Феликсом придумывал, как обмануть Годоя, а остатки улетучились утром, когда от армии Годоя целенаправленно отгрызали кусок за куском.

Все эти дни Рене был воплощением сдержанности, но когда все, что должно, он сделал, эландец превратился в сумасшедшего вольного капитана. Даже если его убьют, останутся Ри, Шандер, Сезар, Феликс... Будет кому и править, и воевать... Кто-то из вождей все равно должен быть впереди и на виду. Так почему не он?! Тем паче голова Мальвани куда лучше приспособлена для наземных сражений, а рисковать Архипастырем и вовсе безумие! Пусть они принимают донесения и рассылают аюдантов, место же Рене с «Серебряными».

Таянская тысяча рвалась в бой, словно бы и не было утомительной утренней погони. Добраться до Годоя и схватить его за холеную бороду — вот о чем мечтали гвардейцы Стефана. И вместе с тем головы они не теряли. Впрочем, годоевцы тоже. Коса нашла на камень. Никогда еще Хомячье поле не видело такого. Солнце померкло, остро пахнущий

дым выедал глаза, редкие порывы жаркого сухого ветра разгоняли тяжелые клубы, и тогда можно было разглядеть то ошестинившееся пиками и плюющееся огнем каре, то бешено несущуюся конницу, то раскаленные жерла орудий. Годую удалось завладеть Поганой Подковой, но назвать это выдающимся успехом можно было лишь с большой натяжкой. Крутые склоны были покрыты трупами мушкетеров и пикинеров, а проклятая батарея у вершины оказалась с чертовщинкой. Выпустив последний залп чуть ли не в упор, она снялась с места и по удобной пологой тропе с другой стороны холма спустилась вниз, где и затерялась на какое-то время. Видимо, еще объявятся и ударят во фланг, подгадав момент, когда арцийцы собьются в кучу, чему весьма способствовали два развернутых в несколько шеренг отряда пехоты, что прикрывали Поганую Подкову с флангов. Не давая ее обойти, они мгновенно перестроились в треугольники и с обеих сторон ударили по наступающим. Одновременно, обходя пехоту с флангов, пошла в атаку таянская кавалерия под сигной покойного Стефана. Усугубляя сумятицу, то сбоку, то впереди отряда неся огромный вороной конь без всадника, оглашая воздух яростными, совсем не лошадиными криками и с яростью весеннего паводка круша все, что попадалось на его пути.

Земля стонала под тысячами ног и копыт, люди глохли, в дыму и пыли стало трудно различать, где свои, а где враги. Пехотинцы, всадники, артиллеристы — все они казались тенями, утратившими лица, ни у кого не было ни прошлого, ни будущего, только безумное настоящее.

Роман видел, как убивали, и убивал сам. Осатаневший Топаз перелетал через зарядные ящики, брошенные орудия, трупы людей и лошадей, яростно крича и кусая чужих лошадей не хуже Гиба. Шпага Уанна словно бы сама искала жертв. Зря он грешил на найденное оружие, странно, но предназначенная для пешего боя шпага оказалась удивительно удобной при конной схватке. Впрочем, эльфу было не до того, чтоб задумываться о такой мелочи. Вокруг падали свои и чужие всадники. Роман увидел, как сын Сезара Мальвани припал к гриве коня, шальное ядро разворотило мальчишке ногу ниже колена. Подхватив корнета в седло и мимоходом сбив грудью коня какого-то арцийца, Роман вынес юношу из боя, передал с рук на руки кому-то из аюдантов и бросился назад.

Где-то слева атаковала конница, впереди лоб в лоб сошлись две пешие колонны. Противно просвистело ядро над самой головой. Совсем рядом с Романом какой-то южанин выпрыгнул с пистолем из-под прикрытия своих пикинеров и разрядил пистолет в коронэля, возглавлявшего атаку церковников. Как бы быстро ни летела пуля, кто-то из солдат успел-таки заслонить командира. А коронэль ударом шпаги заколол убийцу и повел своих людей вперед. Роман отвлекся, схлестнувшись с двумя оторвавшимися от своих кавалеристами, одного из них эльф застрелил в упор, второй принял смерть от шпаги Уанна.

Изнутри грохочущего, дымного ада Роман не мог понять, чья же берет. Но не могли этого понять и не участвовавшие в схватке напрямую Мальвани с Годоем. Битва дошла до той стадии, когда все повисает на волоске, обе стороны бросили на весы все, что имели, и теперь даже гарга, и та бы не взялась предсказывать исход.

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Излучина Канна**

— Даже гарга, или как там ее, и та бы не взялась предсказать исход боя, — Клэр улыбнулся, но в спокойных серых глазах смеха не было, только решимость.

— Гарга — нет, а я — да, — король-Лебедь потрепал шею вновь обретенного Опала, — после поездки на водяном страшилище Эмзар при всем своем самообладании все еще чувствовал себя неуютно.

— И чем же все закончится? — Нидаль Рябиновая Гроздь спросил только для того, чтобы не молчать.

— Нами, — отозвался Эмзар, — мы последнее, что осталось у Тарры. Вы не

чувствуете?

Нидаль покачал головой, а Клэр в упор взглянул на Лебединого владыку:

— Они вновь принимаются за свое?

— Похоже! Оленя им сейчас, конечно, не вызвать, но остановить их необходимо. Я думаю, они спрятались за спинами гоблинов.

— Где ж еще, — пожал плечами Клэр, — черное к черному...

Эмзар оглянулся на своих подданных: сколько их вернется в Убежище? Сто? Двадцать? Или вообще никто?

Владыка Лебедей поднял руку:

— Да поможет нам Свет! Во имя Звезд, вперед!

Его слова подхватили дециэны.¹³⁰ Лес серебряных копий склонился к конским головам, и две с лишним сотни светящихся всадников почти неслышно двинулись вперед...

Со времен Войн Монстров, когда в последней битве poleg цвет воинства двух кланов, Дети Звезд не обнажали мечи, и вот пришел великий час. С места взяли рысью, но шагов через двести Эмзар коротко бросил: «Вскачь». Эльфы слегка пригнулись в седлах, и кони понесли их на врага. Дети Великого Лебеда, они шли в свой последний бой, как в старину. Ветер, как по заказу, разогнал пыль и дым, и эльфийские воители предстали во всей своей красоте, ослепительной и страшной.

Их кони летели со скоростью степного пожара, нестерпимо сверкали на солнце латы, мечи и копья, а за плечами всадников грозно вздымались серебряные крылья. Лебеди мчались вперед почти бесшумно, их кони словно бы плыли по воздуху, но отчего-то становилось ясно — если даже крылатые всадники не ударят в мечи, они все равно рассекут надвое любую армию, как добрая сталь рассекает подброшенный шелковый платок.

Те, кто видел атаку эльфов, так и не поняли, сколько те скакали от опушки леса до усеянного трупами поля, где всюду кипело сражение. Скорее всего это были мгновения, но казалось, что все длилось века. Наконец сблизилась, сшиблись.... Мало кто рисковал поднять копье или мушкет на божественных воителей. Кто-то тонким голосом вопил: «Чудо!» Кто-то благодарил святого Эрасти. Там, где проходили эльфы, кровавое море словно бы расступалось, чтобы с новой яростью сомкнуться за последними всадниками, а Дети Звезд рвались к одной-единственной цели. Им нужен был Годой. Даже не Годой. А те, кто был рядом с ним...

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Излучина Канна

Надежно защищенный гоблинами и южной гвардией, Михай Годой, стиснув зубы, ожидал исхода битвы. Больше ему ничего не оставалось. Тарский господарь был не из тех, кто бросает в бой последний резерв, а именно — самого себя. С началом всеобщей свалки Поганая Подкова как батарея потеряла всякое тактическое значение, но зато оказалась превосходным командным пунктом, не достижимым для вражеских ядер и пуль и дающим хороший обзор, разумеется тогда, когда порывы ветра на время разгоняли дымную тучу.

Обе армии дрались с яростью осенних кабанов. К сожалению, эландские мерзавцы явно превосходили в артиллерии, и потому единственно верным было навязать им рукопашную, когда пушки становятся бесполезными. К счастью, у нападающих подходили к концу боеприпасы, и это было хорошим знаком. Годой знал, что его коронэли и командоры не щадят ни себя, ни людей, добывая своему императору победу. Да, она будет нелегкой, но она будет...

— Всех пленных отдам тебе, — бросил тарскиец господину Шаддуру, — наполнишь

¹³⁰ Дециэн — десятник (эльф.).

свою Чашу.

— И всех жителей города, — холодно добавил тот, — хранить нашу тайну далее нет никакого смысла.

— Посмотрим, — пожал плечами Годой.

Господин Шаддур хотел что-то возразить, но осекся на полуслове, впившись взглядом во что-то сверкающее, показавшееся у кромки леса. Годой поднес к глазам окуляр и увидел то, чего боялся и неосознанно ждал все это время. Из-под прикрытия деревьев вылетела крылатая конница. Последние всадники были скрыты в облаке пыли, по размеру которого становилось понятно: проклятых эльфов никак не меньше тысячи. Впереди на белоснежном коне мчался воин с высоко поднятым сверкающим мечом, за его спиной вздымались белоснежные лебединые крылья. Почему-то это обстоятельство повергло тарского господаря в полный ужас, и он не сразу понял, что к нему обращаются.

— Очнитесь, Михай, — господин Шаддур настойчиво тряс Годоя за плечо, — нужно действовать.

— Что я, во имя Проклятого, могу сделать, — прорычал лжеимператор, — не ты ли утверждал, что эльфы покинули Тарру вместе со своими богами?

— Я ошибался, — холодно отвечал бледный, — но теперь эту ошибку следует исправить. Соблаговолите, Ваше Величество, последовать за мной внутрь этого сооружения.

Разумеется, Годой соблаговолит. Господин Улло, лицо которого стало еще бледнее, чем обычно, хотя это казалось невозможным, едва переставляя ноги, поплелся за ними.

Внутри глинобитной хижины, в мирные годы, видимо, служившей приютом пастухов, было пусто и темно. Пахло пылью и мышами. Пробившийся сквозь заколоченное окно тоненький лучик предзакатного солнца выхватил треснувшую миску, брошенную на некрашеной столешнице. Годой налетел бедром на какую-то деревяшку и зашипел от неожиданной боли.

— Что все это значит, господин Шаддур? Мы могли бы говорить об эльфах и на свету.

— Мы не будем говорить об эльфах, — голос главы ройгианцев напоминал шелестение змеиной чешуи по мозаичному полу, — эту битву мы проиграли. Нужно уходить.

— Уходить?! — Годоя аж передернуло от злости. — Как и куда?! Я не могу покинуть армию на глазах у всех. До Таяны тридцать шесть дна, и там хозяйничает этот пащенок Эллари! Мунт не предназначен для обороны, да и войск там почти нет. До Марциала тоже не добраться! Южане и бароны ради меня не станут рисковать своими тупыми башками... А гоблинов у меня только тысяча.

— Отправлять горцев к Адене было недальновидно, — пожал плечами Шаддур.

— Сам знаю, — огрызнулся Годой, — но глупее всего было связываться с вами. Марко был моим другом, и...

— Зачем оплакивать разбитые яйца, когда ты уже съел яичницу. — Бледный был совершенно спокоен. — Да, ты проиграл эту войну, но ты можешь выиграть другую...

2230 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Окрестности Малахитового лагеря

Их оставалось не больше тысячи, и они ничего не могли сделать. Проклятые крылатые уроды не оставили им ни единого шанса. Горцы могли лишь умереть, и они умирали, зажатые между ненавистными эльфами, городом и захваченными Феликсом лагерными пушками, размеренно и жестоко бившими по своим. Гоблины умирали молча, огрызаясь из последних сил. У презренных предателей не хватило мужества и чести схватиться врукопашную, позволив врагу с честью уйти по Темной тропе.

— Это кара, — тихо сказал соседу высокий воин в шлеме, украшенном орлиной лапой, — помнишь Высокий Замок?

Тот кивнул. Да, тогда один воин из рода людей в одиночку дрался с сотнями. Он

должен был погибнуть с честью, но господарь Тарски приказал, и гоблины выполнили приказ. Храбреца подбили стрелой, как весеннего глухаря. Дети Ночи поступились честью, что ж, кара их настигла.

Очевидно, нападавшие приволокли еще несколько пушек, так как ядра стали сыпаться чаще. Упал сосед воина с орлиной лапой на шлеме, следующее ядро унесло аж троих. Всклипнув напоследок, замолкла волынка, но барабанщик с залитым кровью лицом все еще бил обтянутыми войлоком колотушками в свой барабан. Жизнь кончалась. Гоблины умирали на равнине среди роскошного южного лета в день, почитаемый предателями праздником...

Они остались одни. Люди, как и положено предателям, кто сдался, кто бежал, хотя они лишь уподобились Михаю Годю, исчезнувшему, когда еще можно было хоть что-то спасти... Даже атака крылатых всадников, при всей своей кошмарной неожиданности, и та могла бы быть отбита, если б приведший их сюда тарский господарь повел себя как должно! Но он бежал, бежал каким-то странным способом. Никто не видел, как он садится на коня, он не взял никого с собой. Просто вместе с двумя Белыми Жрецами вошел в хижину, и больше его не видели. Прискакавший со срочным донесением аюдант рискнул навлечь на себя императорский гнев и вошел в лачугу. Там лежали трупы обоих Белых Жрецов, а Годя простыл и след...

Оставшиеся без вождя люди принялись бестолково метаться. Лучшим оказался командор-южанин, принявший на себя командование. Он приказал прорываться к лагерю, и это было разумно. Именно тысяча гоблинов стала наконечником копья, пробившего брешь в рядах наступающих.

Тогда арцийцы, хоть и уставшие и вымотанные, еще держались. Враги висели у них на плечах, но они, умело отбиваясь, все же преодолели полторы весы, отделявшие от относительно безопасного убежища, в котором под защитой пушек и каких-никаких стен можно было перевязать раны, выпить воды или вина, собраться с силами и решить, что делать дальше. Преследователям тоже досталось, так что ожидать, что те бросятся на штурм, не приходилось.

Увы! Вместо отдыха и покоя их встретила смерть. Тот, кто прядет нити судьбы, словно бы в насмешку заставил армию Годя пройти тем же путем, что и арцийцев на Лагском поле. Усталых, но все еще не сломленных воинов встретил огонь пушек, еще утром бывших своими. Однако южанин не дрогнул и тут. Сожженные ворота, кое-как заваленные всяческим хламом, казались доступными. Нужно было ворваться в лагерь до того, как основные силы преследователей выдвинут вперед передвижную артиллерию.

Отчаянный штурм завершился успехом. Им удалось прорваться за внешний оборонительный вал, но во время штурма погиб новый командир, и это стало концом. Подоспевшая таянская конница и конная артиллерия сделали свое дело. Армии Годя больше не существовало. Арцийцы и южане тысячами бросали оружие и валились в ноги Архипастырю. Не сдались только южные гвардейцы и гоблины, попытавшиеся вырваться из мышеловки. Ставшие живым тараном горные стрелки пробили брешь в обороне церковников, но старались они для южан, не преминувших воспользоваться приближающейся ночью. Судьба спасителей их не интересовала... А тем оставалось лишь с честью умереть, умереть без надежды на то, что об их последней битве узнают в родных горах.

Свистнула белооперенная стрела — кто-то из эльфов внес свою лепту в избиение. Пожилой гoblin, известный тем, что каждое свободное мгновение вырезал из кусочков древесины фигурки зверей и птиц, рухнул с пробитым горлом. Образовавшуюся брешь тотчас заступили. Горцы стояли нерушимо и спокойно, как каменная скала. Нет, как льдина, которая таяла, таяла, таяла...

**2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебедя.
Поганая Подкова**

Из девяти с лишним сотен «Серебряных» и «Золотых», бросившихся утром в битву, уцелела едва ли половина, да и те с трудом держались в седлах от усталости. Сташек пропал, его белоногий дрыгант прибежал с залитым кровью седлом, Воцеку выбило глаз, но он еще ухитрялся шутить, утверждая, что трубить он смог бы и без обоих глаз, а уж с одним-то и вовсе все в порядке. Роцлаву в живот угодила мушкетная пуля, и его на плаще утащили к эльфийским целителям — вдруг помогут. Голова Бласко была так замотана, что видны были лишь блестящие глаза, но «Серебряный», шепелявя, продолжал рассказывать всем и каждому, как они довели арцийских индюков до белого каления, заставив их броситься в ловушку.

Свежий ветерок обдувал разгоряченные лица, наиболее запасливые вытаскивали флаги с водой или царкой и пускали по кругу. Вдалеке еще гремели выстрелы — церковники и эльфы добивали гоблинов, но люди Рене слишком устали, чтобы вновь идти в бой, исход которого и так очевиден. Да, скорее всего все закончится до того, как они доберутся к Малахитовому лагерю.

Теперь, когда битва осталась позади, Рене сам не верил, что они победили. То, что произошло у Кантиски, было столь же маловероятно, как большинство великих побед прошлого. Если рассуждать с точки зрения военных мыслителей из Академии, шансов у них практически не было. Впрочем, в свое время не было их ни у Анхеля Светлого, ни у самого великого Воля... Хотя их победы были окончательными, а вот им, пока жив Годой, думать о покое не придется.

Рене побывал там, где тарскийского господаря видели в последний раз. Отступавшие с Поганой Подковы арцийцы бросили все как есть, и Аррой получил сомнительное удовольствие обозреть два трупа. Под монашескими капюшонами оказались нечесанные серые патлы, свидетельствующие о принадлежности покойников к сообществу ройгианцев. Преодолев отвращение, Рене перевернул тела. Один был умело заколот, и к тому же на его шее виднелась отметина, свидетельствующая, что кто-то с силой сорвал с убитого цепочку, на теле же второго не было ничего, свидетельствующего о насильственной смерти, однако на лице застыло выражение смертного ужаса.

— Яд? — Рене скорее утверждал, нежели спрашивал.

— Отнюдь нет, — ответил Жан-Флорентин, — не представляю, от чего умер этот человек. Это лишний раз свидетельствует, сколь несовершенны наши знания. Но он умер первым.

— Мне тоже так кажется, — согласился Рене, — а вот второго наверняка прикончил наш тарскийский друг. Вопрос, куда он делся...

— Магия, — охотно пояснил жаб, — очень неприятная к тому же. Видимо, жизни этих двоих пошли на то, чтобы обеспечить Годой возможность бегства. Скажу к тому же, что чем сильнее убитый маг, тем большая магическая энергия высвобождается, когда жизнь его покидает, а эти двое, судя по всему, принадлежат к элите ордена...

— Хвала Великому Лебедю, ты жив! — показавшийся в дверном проеме Роман был весь в пыли и крови, мало чем отличаясь от измотанных «Серебряных».

— Хвала Великим Братьям, и ты тоже, — улыбнулся Рене, — вот думаю, что тут произошло.

— Ничего хорошего, как я понимаю, — заметил Роман, — ты знаешь, что Добори погиб?

— Нет, — покачал головой Рене, — Феликсу будет его не хватать. Рафал еще молод, хотя война, похоже, кончается. Луи не сегодня-завтра возьмет Мунт, Высокий Замок нам не опасен, хотя тянуть с ним не стоит. А потом нам, похоже, придется ловить Годоя, знать бы еще, куда и как он удрал.

— Постараемся проследить, — сощурился эльф, — думаю, мои соплеменники в этом помогут. Ты не знаешь, где они сейчас?

— Насколько мне известно, вместе с клириками добивают гоблинов... Эй! Ты куда?!

2230 год от В.И.
1-й день месяца Лебеда.
Окрестности Малахитового лагеря

Всадник появился неожиданно. Он пронесся бешеным галопом мимо стоявших насмерть орков, что-то взволнованно крича на чужом языке. Странно, но эльфы тотчас же опустили луки, а наездник, одетый в черное, уже развернул своего коня и стрелой понесся назад. Обойдя по широкой дуге обреченных, он оказался между ними и лагерными пушками и, подняв коня на дыбы, снова закричал, на этот раз по-арцийски.

Это было невероятно, невозможно, но орудия перестали изрыгать смерть. А всадник спрыгнул с коня, бросил на землю шпагу и кинжалы и пошел к гоблинам, вытянув руки в извечном жесте мира.

Заходящее солнце полыхнуло на золотых волосах незнакомца. Чем ближе он подходил, тем меньше оставалось сомнений. Перед гоблинами стоял эльф, извечный враг. Кое-кто из молодых поднял арбалеты, но старики их осадили. И дело было не в том, что появление этого эльфа остановило бойню. Он шел один, он шел безоружным, и не было большего греха, чем убить его. А странный эльф остановился в нескольких шагах от передней шеренги и заговорил. По-гоблински!!!

Глава 36

2230 год от В.И.
Вечер 1-го дня месяца Лебеда.
Хомячье поле

Рене в сопровождении нескольких молчаливых эльфов сосредоточенно шагал по сухой траве, по возможности обходя лужи крови и перешагивая через валяющиеся тела. Трупы, трупы лежали грудami — люди, гоблины, эльфы, — все вперемешку, как их застала смерть. Впрочем, адмирал сейчас был далек и от жалости, и от ужаса, он слишком устал, чтобы думать или переживать. Если бы не необходимость отдать долг предводителю эльфов, Рене отложил бы все разговоры до завтра, но не узнать о состоянии Эмзара герцог не мог. К счастью, рана оказалась неопасной, разумеется, по эльфийским меркам. Человека, получившего пулю в грудь, уже бы отпевали, владыка же Лебедей сидел, опираясь на подушки.

Странно, но Рене никак не мог отогнать от себя мысль, что эльф, раненный мушкетером, — нелепость. Крылатые всадники явились из какого-то странного мира, где нет места столь грубым вещам, как порох, пушки, мушкеты. Там сражаются утонченными заклинаниями и сверкающими мечами, там все исполнено глубочайшего смысла, девы прекрасны, воины доблестны и даже цветы пахнут сильнее и тоньше. Однако эти дивные существа пришли и помогли, оставив на Хомячьем поле пять или шесть десятков жизней. Когда Рене встретился с Детьми Звезд в Приграничье, он был очарован ими, сейчас же его одолевала совершенно неуместная грусть о навеки ушедшем.

Усилием воли адмирал вернулся к закончившемуся разговору. Теперь Рене знал, что говорить потрясенным людям, которые ждут объяснений. Феликс, к счастью, жив, вместе с ним и Иоахиммиусом они справятся. Но сначала он найдет Герику, потерявшуюся во всей этой круговерти. Найдет и скажет... Нет, лучше не загадывать! Только бы с ней ничего не случилось, ведь, когда обессиленный Олень удрал в свое логово, она стала обычной женщиной. Хоть бы брат Парамон не растерялся и позаботился о ней как следует...

Кстати, а как тут оказалась Герика? Капитану, который ее взял на борт, голову свернуть мало! Да и аббату тоже, хотя прошла же она в одиночку пол-Арции, почему бы и ей не

пройти подземным ходом.

Великие Братья, сколько всего предстоит! Сколько же всего нужно сделать. В свое время адмирал понял, что победить в сражении — полдела, главное начинается после. Хотя о какой победе можно говорить, если Годой удрал, и еще каким-то немыслимым способом, но даже будь он мертв... Слишком часто те, кто выигрывал войну, проигрывали мир, тонули в навязанных выжидавшими, чья возьмет, договорами, увязали в нескончаемых переговорах с теми, кто называл себя союзниками, а на деле предпочитал таскать из огня каштаны чужими руками. Рене не сомневался, что в самые ближайшие дни ему предстоит разбираться с арцийским посольством, эмиссарами Килона, а когда вернется Шани, и с посланцами Эр-Атэва. Последних, впрочем, адмирал хотел бы видеть как можно скорее. Сама мысль о договоре между Рысью и Львом должна сделать арцийских нобилей нежными и ласковыми.

Жаль, что большинство эльфов уходит этой же ночью, крылатые всадники должны стать легендой, свидетельством Божьего Промысла, без этого не обойтись. Останутся разве что Эмзар с Клэром и Роман. Да уж, удружил он всем с этими гоблинами. Куда их теперь девать прикажете? Эльф — предводитель гоблинов! Рене, несмотря на всю свою усталость, которая, впрочем, начинала отступать — видимо, сказывалось эльфийское питье, — рассмеялся: чего только не бывает...

— Не вижу повода для смеха, — Жан-Флорентин был неумолим. — Впереди большая работа, нам нельзя расслабляться...

— Я не собираюсь расслабляться, дорогой, — заверил приятеля Рене, — просто я подумал о том, как все в этой войне перепуталось. Эльфы и гоблины, святой и Проклятый...

— Да, — с готовностью подхватил тему Жан-Флорентин, — на первый взгляд это вещи несовместные, но если посмотреть глубже...

Глубже Рене смотреть не стал, слушая в четверть уха убаюкивающее жабье бормотание, он шел, думая о своем, то сожалея о Мальвани, сын которого, похоже, останется калеккой, если не произойдет чуда, чуда, на которое не способны даже эльфы, то прикидывая, куда и как поместить пленных гоблинов, чтобы они не мозолили глаза и чтобы фанатики не потребовали их немедленной казни. Интересно, Луи и Рыгор уже возле Мунта? Судя по всему, да... Надо будет им сообщить о разгроме Годоя. Думать о тарском господаре адмирал не мог, у каждого человека есть свои пределы. Годой — это завтра, а сегодня неотложное и Герика! Он, в конце концов, потребует у нее ответа. Почему она его все время избегает, чем он ее обидел и когда обидел: теперь или тогда, в Таяне...

Хомячье поле наконец осталось позади. Стемнело, легкий ветер разогнал пороховой дым и принес из дальней рощи запах цветущих акаций, акаций, которые будут цвести и тогда, когда никого из пришедших к излучине Канна не будет в живых. Акации, чье право цвести они отстояли...

А его, оказывается, ждали, хоть он, уходя с молчаливым Клэром, не сказал, ни куда идет, ни когда вернется. Вездесущий Зенек умудрился разыскать своего сигнора и привести ему нормальную лошадь.

Аррой кивнул Зенеку и вскочил в седло. Вороной, переступив с ноги на ногу, пошел размашистой иноходью. Зенек на своем буланом пристроился рядом.

— Надеюсь, клирики делают все, что нужно? — герцог в этом не сомневался, но уточнить всегда полезно.

— Так, проше дана, но схоронить всех будет тяжело... Сейчас шукаем своих, кто запропал. Дан Архипастырь всех своих погнал сюда, — Зенек одобрительно хихикнул, — сказал, что те «должны возрадоваться, ибо им предстоит богоугодное дело». Особоливо те, хто с Годоем замиряться хотел... О как! Толстопузые с радости той аж зелеными стали... Побитых таскать — не поклоны бить...

— Bravo, Его Святейшество, — хохотнул и адмирал, почему-то представив осанистого Тиверия, зажимающего нос платком и пробирающегося меж убитых лошадей, — надо будет туда же и фискалов наладить... Пусть гоблинов хоронят, авось прекратят ябеды писать.

— То не прекратят, проше дана. Скорше кошку отучить за мелкими тварюшками

охотиться. Так и дана Герика порешила...

— Что Герика?

— А то, — Зенек был слишком молод, чтоб читать в чужих глазах, а потому продолжал совершенно спокойно: — То она поехала себе. Велела кланяться вам и всем. Казала, что теперь она не нужна, а з-за нее только хлопот много будет. Опять же и синяки, и наследство всякое...

— Когда уехала? Куда?

— Не знаю, проше дана, — до Зенека наконец дошло, что с герцогом что-то не так... — Дорога та, что с Малахитовых ворот... А уехала, еще светло было. Она хотела вас найти, а вы как раз до эльфов пошли. Сказала только, что то — судьба и что так, выходит, и нужно.

Рене уже не слушал. Он дал шпоры коню, тот ответил обиженным ржанием, но тут же честно перешел в галоп. Ветер донес слова адмирала — он велел Зенеку возвращаться в город.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ РАННИЙ ВЕЧЕР

*Слишком долго мы были затеряны в безднах,
Волны-звери, подняв свой мерцающий горб,
Нас крутили и били в объятьях железных
И бросали на скалы, где пряталась скорбь.
Но теперь, словно белые кони от битвы,
Улетают клочки грозových облаков,
Если хочешь, мы выйдем для общей молитвы
На хрустящий песок золотых островов.*

Н. Гумилев

Глава 37

2230 год от В.И.

Ночь с 1-го на 2-й день месяца Лебеда.

Таяна. Высокий Замок

Было жарко и душно. Слишком жарко и душно, чтобы спокойно, безмятежно спать. Ланка и не спала. В последнее время ночи для нее стали пыткой, и молодая женщина ору за орой просиживала на окне, глядя, как пляшет в водах Рысьвы звездный свет, или бродила в сопровождении следующей в отдалении гоблинской охраны по стенам. Раньше, когда она проводила ночи с Урриком, вычерпанная его неиссякаемой страстью, она все же умудрялась засыпать до рассвета, но сейчас она не могла себе этого позволить, слишком много чужих и враждебных глаз следило за каждым ее шагом, а готовясь исполнить задуманное, она не могла рисковать. Бледные, Тиберий, тарскийцы и те из таянских нобилей, кто частью из трусости, частью из жадности связал себя с Михаем Годоем, должны были видеть в ней свою до мозга костей, повязанную с самозванным регентом не только кровью, но и постелью. Только в этом случае она сможет быстро и бескровно сдать Замок Рене, в чьей победе над Михаем она не сомневалась с того самого момента, как узнала, что Эстель Оскора выскользнула из рук ее супруга и оказалась в Эланде.

Ланка презрительно скривилась — Герика Годоя была воспитана в тупой покорности, ей было все равно, кто за нее думает и решает — отец, очередной жених или любой чужак с сильной волей. Михай, готовя дочь для достижения одной-единственной цели, жестоко просчитался. Он слепил орудие само по себе надежное, но полностью послушное воле того, кто им владеет. Случайно освободившись из рук Годоя, Герика именно благодаря своей

безответности и безволию стала ему смертельно опасна. «Что ж, так ему и надо! — жестко подумала принцесса. — Если глупая курица по приказу Рене прикончит собственного отца, это будет вполне заслуженно...» Принцесса пошире распахнула окно и, наполовину высунувшись наружу, принялась рассматривать расшитое созвездиями небо. Еще неделя или две, и наступит время падающих звезд, время загаданных желаний, а у нее желание единственное — Рене Аррой. Он должен прийти за ней, ее же дело дожидаться... Конечно, было бы неплохо, окажись с ней сегодня Уррик, но об этом лучше забыть. К тому же орк сейчас или проверяет посты, или болтает со своей соплеменницей.... Как ее? Кажется, Криза... Красивое имя, куда красивее всех этих благословенных Церковью Митт и Агилин...

Девочка влюблена в Уррика, а ему с ней пока просто легко и спокойно. Но когда гоблин вернется в свои горы, из этой дружбы может что-то выйти. Они прекрасная пара, а Уррик достоин того, чтоб его любили по-настоящему.

Криза нравилась Илане, нравилась, несмотря на то что орка чутьем, присущим любой влюбленной женщине, сразу же угадала в жене регента соперницу, и соперницу счастливую. Девчонка дичилась, смотрела рысьими глазами, отказывалась отвечать и... до боли напоминала дочери Марко ее самое год назад, когда ее затопила любовь к эландскому герцогу. Оставалось надеяться, что Криза не натворит таких бед, как она. Принцесса еще раз вздохнула и решила все же заставить себя заснуть, как вдруг что-то словно бы опалило ее. Невольно прижав тонкие руки к вискам, женщина пыталась отдышаться, понять, что же происходит, однако ничего не получалось — подскочившее к горлу сердце билось неровными толчками, липкий холодный пот струился по спине, в ушах стоял звон. Ланка поняла одно — происходит что-то страшное.

Вжимаясь в стену, дочь Марко с ужасом следила, как большое зеркало, с незапамятных времен стоявшее в ее спальне, перестало отражать что бы то ни было. Изнутри стекла всплывали мутно-серые клубы, казалось, там кто-то стирает отвратительно грязное белье. Илана, то ли связанная каким-то гадким заклинанием, то ли просто смертельно перепуганная, не могла даже глаза закрыть и ошалело смотрела в ополоумевшее стекло, которое принялось колебаться и вспучиваться, повторяя движения серого марева, а затем слилось с ним в одно целое. И когда белесая мгла потекла в комнату, вместе с ней вперед шагнула знакомая грузная фигура. Хозяин Высокого Замка явился домой, и тотчас все стало на свои места. Зеркало опять было зеркалом, в котором честно отражалась противоположная стена и интимные мелочи, разложенные на туалетном столике.

Ланка, с трудом скрывая отвращение, приветствовала супруга. Несколько помятый и еще более обрюзгший, чем в прошлый раз, но живой и здоровый, Годой был явно доволен собой.

— Я тебя напугал, детка, что поделать, я не могу открыть тебе все свои секреты, хотя ты у меня и умница, — регент подошел к жене, взял ее униженной перстами рукой за подбородок и какое-то время рассматривал, словно бы в первый раз.

— Хороша, — удовлетворенно произнес он наконец, — именно то, что нужно после дальней дороги, — и решительно подтолкнул женщину к застеленной кровати. Илана не сопротивлялась: зачем? Он все равно с ней так или иначе справится и при этом испытает дополнительное удовольствие. Принцесса покорно и равнодушно предоставила себя набросившемуся на нее бородатому упитанному мужчине, пытаясь про себя представить — нет, не Рене — это было бы просто кощунством, но хотя бы Уррика. Увы! Годой оставался Годоем, хорошо хоть, что он был слишком занят собой, чтобы следить за женой, которая, теребя зубами подушку, лицом в которую ее ткнул охваченный страстью супруг, лихорадочно соображала, что же ей сейчас делать.

2230 год от В.И.

Утро 2-го дня месяца Лебедя.

Святая дорога

Рене остановил коня только к полудню. Рунское нагорье давным-давно скрылось из глаз, дорога петляла среди зеленеющих кленов и буков и была совершенно пуста. С точки зрения Арроя. Беспристрастный наблюдатель, напротив, отметил бы, что на обычно тихой дороге слишкомлюдно. Прохожие с удивлением оглядывались на герцога — некоторые знали, каков из себя эландский вождь, но не могли сразу сообразить, кто же этот одинокий всадник на дрожащем от усталости вороном коне. По всему выходило, что настоящему Рене Аррою здесь делать нечего, но черная цепь на шее, седые волосы, темные брови и борода... Такое не перепутаешь! Пока никто с вопросами не приставал, но остатки здравого смысла заставили свернуть в лес. Что делать дальше, адмирал не знал — здесь, у Ящеричной горы, в Святую дорогу вливался Лесной тракт, от которого, в свою очередь, отходили дороги на Пантану и Грэнби, один из самых крупных городов Срединной Арции. Герики могла свернуть куда угодно... У нее были в запасе три или четыре оры, и она, в отличие от него, была вольна делать, что хотела.

Рене лихорадочно пытался угадать, куда же двинулась эта непостижимая ведьма. Вообще-то будущего короля Эланда такой ее поступок должен был радовать, но вот Рене Аррой — человек и мужчина — примириться еще и с этой потерей не мог.

— Ну и что ты собираешься делать? — знакомый менторский голос оторвал адмирала от лихорадочных расчетов. — Искать женщину, когда она не хочет, чтобы ее нашли, труднее, чем верблюду пройти через игольное ушко. Кроме того, Герики Годой поступила логично и обоснованно. Наличие в Идаконе Эстель Оскоры, даже если она утратила свою Силу, создаст общий дискомфорт, — Жан-Флорентин с удовольствием произнес заковыристое слово, — нельзя забывать и о том, что Годой является дочерью и наследницей злейшего врага Благодатных земель и вдовствующей королевой Таяны, что создает определенный юридический казус. А посему ее добровольный уход облегчает нашу, — жаб особо подчеркнул последнее слово, — геополитическую задачу. Нет человека — нет вопросов!

— Уймись, — отмахнулся Рене, — я ее все равно найду. Даже если придется пешком добираться до Эр-Атэва.

— Это несерьезно, — Жан-Флорентин от возмущения стал отливать фиолетовым, — государственный ум должен отбрасывать второстепенное ради приоритетного.

— Я и не зову тебя с собой, — адмирал спрыгнул с коня и поднял тому переднюю ногу, внимательно осмотрев подкову. — Проклятье, скоро придется менять. Что ж, Жан, я должен тебя поблагодарить и, наверное, отвезти домой. Тем более Герики вполне могла направиться в Пантану, ну а потом... Феликс и Мальвани, а Ри — славный паренек, так что и за Арцию и за Эланд я спокоен.

— Это как сказать, — Жан-Флорентин был искренне расстроен. — Годой бежал, и он все еще весьма опасен, возможно, даже опаснее, чем был. Эмзар очень обеспокоен тем, как ему удалось исчезнуть. Но даже если война закончится, авторитет Церкви в Эланде держится только на твоём авторитете, а Совет Паладинов может без тебя совершить ряд ошибок... Нельзя забывать и о судьбе пленных, они сдавались, рассчитывая на твоё слово, а в твоё отсутствие их судьба может оказаться плачевной. Зрелище победы бывает страшнее зрелища поражения. И потом, ты же дал обет принять в Светлый Рассвет корону.

— Да, я дал обет, — нехотя подтвердил Рене, — но сейчас я дал себе другой, не менее важный — найти ее, хотя бы чтобы проститься.

— Вот оно, — вздохнул жаб. — Вот любовь, которая должна спасти мир.

— Мир уже спасен, ты сам говорил. И спасла его не моя любовь, а Герики... Об этом нам и толковали Прежние, а мы не понимали.

— Чем больше я обдумываю случившееся, тем больше склоняюсь к тому, что все еще только начинается, — Флорентин прервал сам себя. — Ты твердо решил ее искать?

— Да! — тряхнул серебряной головой Аррой.

— Тогда ты должен сделать это в кратчайшие сроки.

— Я бы и вовсе предпочел сделать это сегодня и сейчас, но, боюсь, я буду рыскать по

Арции не один месяц...

— Неужели ты не понимаешь, что можешь отыскать ее в два счета! Нет, эти люди невозможны и непонятливы, даже лучшие из них!

— ?!

— А Гиб-то на что? Он же видит и знает все, что хоть раз отразилось даже в капле воды. Он тебя любит... Так, разумеется, как могут любить эти твари. Искать твою женщину для него будет игрой, но он ее найдет.

— И ты говоришь мне это только теперь?!

— Я надеялся тебя образумить с помощью логики и напоминаний о твоём долге перед Благодатными землями. Но ты обезумел, а если нельзя убедить, остается согласиться и помочь.

Последних сентенций Рене не слышал — в густых зарослях отцветшей черемухи журчала невидимая речушка. Адмирал бросился к воде, шепча истинное имя Водяного Коня. Гиб не заставил себя ждать. Лоснящийся скакун с шумом выскочил на берег, стряхивая радужные брызги и нехорошо скалясь на лошадь из плоти и крови.

— Гиб, — Аррой говорил спокойно, но в его голосе было что-то звеняще-напряженное, — Гиб, Жан-Флорентин говорит, что ты можешь найти Герику?

Водяной Конь взвизгнул и топнул полупрозрачным копытом о землю. Затем замер, пригнув голову к земле и словно бы принюхиваясь. Все стихло на лесной полянке, а затем капли ночной росы вспыхнули ослепительным светом, конь еще раз ударил копытом, призывно и громко заржал и вновь замер, вбирая черными ноздрями воздух. Затем Гиб вскинулся на дыбы, молотя пустоту передними копытами, что всегда у него означало, что он собой очень доволен, и повернулся к Рене, оскалив драконьи зубы.

— Узнал? — вопрос, впрочем, был излишним. Адмирал быстро привязал своего коня — потом он кого-нибудь за ним пришлет — и взлетел на спину водяному монстру. Как всегда бешено заколотилось сердце, и все существо эландца охватило ликование. Видимо, неистовая любовь к морю не только делала адмирала столь желанным спутником всяческих водяных тварей, но и помогала ему чувствовать их радость и силу, как свои.

А Гиб уже мчался неистовым галопом прямо по руслу лесного ручейка, время от времени скидывая голову и оглашая округу радостными воплями...

Эстель Оскора

Я сидела и тупо созерцала лягушку. Лягушка была маленькая и зеленая, и расположилась она совсем близко. До меня ей никакого дела не было. До меня дела не было вообще никому. Еще вчера от того, брошусь я на помощь эльфам или нет, зависело все. Я сделала то, что сделала, и оказалась в шкуре «Звездного древа»¹³¹ в первый день месяца Иноходца, если, разумеется, предположить, что кора и есть шкура...

Нет, я не жалела ни о чем. В конце концов, этот мир при всех его недостатках был не так уж плох. И потом, все, или почти все, остались живы, а Рене... Что ж, он будет лучшим из королей! Ведь все равно между нами ничего не могло быть. Адмирал слишком хорошо помнил ту безответную дуришу, какой я была когда-то. И, похоже, та ему нравилась куда больше, чем я теперешняя. Оно и немудрено: настоящий мужчина всегда готов спасти эдакое тепличное растение, но признать, что обязан победой женщине, что она может оказаться сильнее хоть в чем-то... Разумеется, Рене меня не боялся — он не боялся ничего и никого, но и нежности никакой у него ко мне не было. Разве что тогда, на берегу моря...

Но тогда он видел во мне лишь влюбленную в Стефана девочку. Ему было меня жаль, и

¹³¹ «Звездное древо» — неперенный атрибут празднования Нового Года — молодое хвойное дерево, увенчанное звездой и украшенное специальными символами и значками. Украшается в канун Нового Года, а следующим утром выносятся вон из дома и вывозятся за пределы деревни или города. Считается, что за ним уходят все беды и напасти минувшего года.

у него уже давно никого не было, а значит, милейший герцог вполне искренне был готов меня утешить. И себя заодно.

Вот чего я не могла перенести! Он не знал, не желал знать, что со мной происходило, потому что его вполне устраивала беспомощная тарскийская курица. Его жена казалась умной и властной, Ланке тоже характера хватало на троих, а Рене, как и Стефан с Шандером, обожали защищать, утешать, прощать. Я для этого больше не годилась, так как еще вчера сама могла кого хочешь спасти. Или убить.

Лягушка куда-то убралась, видимо, поскакала по своим делам. Вместо нее появилась большая золотая стрекоза, удобно расположившаяся на узком, гибком листке. Сама не знаю зачем, но я прогнала ее, машинально провела рукой по болотной траве и почувствовала боль. Осока. Живой нож, рожденный из земли... При всех своих новоявленных талантах я пока еще оставалась существом из плоти и крови. Почему-то мне нравилось, что у меня красная кровь, что я могу чувствовать физическую боль. Залечить порез ничего не стоило, но я предпочла сунуть руку в прохладный ручей. Интересно, много ли осталось от моей Силы после того, как чудище, взламывавшее небо, убралось восвояси...

Ответа на сей вопрос я не знала, ведь я так и не научилась подчинять свою Силу. Та вскидывалась во мне, когда меня охватывали страх или ярость, но вызвать ее специально я не могла. Так что сейчас я располагала только теми штуками, которым меня научил Астени. Вот уж кто не боялся ни моей Силы, ни моей души... Но Астени остался навсегда в Южной Босхе. И в моей памяти, разумеется. Интересно, будь он жив, сошла бы я с ума при виде Рене или же адмирал стал для меня не более чем другом. Впрочем, врать себе — занятие неблагодарное. Это Астен был другом, к которому меня иногда тянуло. В конце концов, он был мужчиной, я — женщиной, и нас связывало слишком многое — Роман, общие тайны, дорога, стихи, а более всего — одиночество. Рене же... Рене был для меня всем.

Хотелось бы знать, заметил ли он мое исчезновение? Что подумал? Обрадовался, что я сама так решила и он избавлен от тяжелого разговора? Или все же сожалеет, но о чем? Благородство этого человека могло довести его до того, что он примется меня искать. Как же — спасительница, он, чего доброго, постарается вручить мне тарскийскую корону. Ужас! Нам пришлось бы встречаться во время официальных церемоний, я писала бы ему письма о гоблинах и белом дубце... Не исключено, что он озабочился бы найти мне очередного мужа. Нет уж, спасибо! Даже если моя Сила покинула меня навсегда, я не смогу жить размеренной пустой жизнью, с короной ли или без нее.

Циалианский монастырь, куда уходят знатные дамы, желающие покинуть сей бранный мир, тоже не для меня. Остается одно — Последние горы! Роман так и не вернулся, о чем в этой адской круговерти как-то забыли. Удайся их поход к Эрасти, война пошла бы иначе и мне бы не надо было демонстрировать свои проклятые таланты. Видимо, что-то случилось, а значит, я должна пройти путем Романа и найти его, живого или мертвого. Это, в конце концов, мой долг перед Астеном, и это, чего уж врать, для меня единственный выход, хоть какая-то цель, хоть какой-то смысл...

2230 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Срединная Арция

Гиб несся вперед, вроде бы не разбирая пути, но при этом бережно избавляя своего наездника от ударов самых толстых веток. Рене, уже приноровившийся к своему скакуну, почти не следил за дорогой. Впрочем, разглядеть хоть что-то со спины несущегося во весь опор Водяного Коня было непросто — деревья мелькали так быстро, что казались сплошной малахитовой стеной. Наконец черный лоснящийся скакун плавно затормозил на краю довольно широкой прогалины.

— Ну, вот и она, — удовлетворенно констатировал Жан-Флорентин. — Иди, объясняйся, — и сердито переполз с руки Рене на голову Гибу. — С нашей стороны было бы

бестактно подглядывать. Вы, люди, почему-то предпочитаете решать свои личные проблемы индивидуально и конфиденциально. Мы вернемся к вечеру.

Гиб негромко фыркнул и, обернувшись, скосил на герцога влажный зеленый глаз, можно было поклясться, что водяной демон улыбается...

— Он говорит, что не подпустит никого из двуногих ближе, чем на пятьсот его шагов, — пояснил Жан-Флорентин. Конь, позволив герцогу сойти, прынул назад, и достойная парочка тут же скрылась из глаз. Герцогу, впрочем, до нее уже не было никакого дела — он увидел Герику.

Та сидела на берегу небольшой затоки, образованной какой-то речушкой или просто большим ручьем, обхватив руками колени. Отросшие волосы трепал легкий ветер. Издали она казалась совсем беззащитной, кто бы мог подумать, что по воле этого существа могли рушиться скалы и гаснуть звезды.

— Герика, — Рене позвал еле слышно, но та вздрогнула и сразу же обернулась. В серых глазах полыхнули удивление, радость и, наконец, отчаянье. Затем погасло и оно. Когда герцог подошел ближе, лицо Герики было холодным и бесстрастным, как предзимняя вода.

— Вы зря искали меня, Ваше Высочество. Я благодарна вам за заботу. Но я способна постоять за себя сама.

Герцог молчал. Просто стоял и смотрел на светловолосую тарскийку. Возле щеки пронеслась неосторожная стрекоза, на лету зацепив человека, но Рене даже не пошевелился. Легкий ветер растрепал гриву осоки, стряхнул с какого-то отцветающего куста белое душистое облако. Мужчина и женщина молчали, глядя друг на друга. Она опомнилась первой. Может быть, потому, что в мыслях вела подобный разговор всю ночь и весь день после своего бегства. Вела, не надеясь на встречу. Рене же некогда было думать, что он скажет, — бешеная скачка не располагает к раздумьям.

— Герцог, — Герика была совершенно спокойна. — Я понимаю, что вы человек благородный, но, уверяю вас, ни вы, ни кто другой ничем мне не обязаны. Я в этом мире совершенно чужая. Я не человек, не эльф и даже не гоблин. Я отзвук того, чего больше нет и быть не может. Мне пришлось искупать грехи своих предков. Я это сделала и теперь никому и ничего не должна. Прошу вас, возвращайтесь в Эланд, там вас ждут неотложные дела. Помните, вы, именно вы — победитель и будущий король, ваше место на троне, мое — в Последних горах!

— Так вот ты куда собралась, — Рене через силу улыбнулся, — искать Романа, я полагаю...

— Да, — с вызовом сверкнула серыми глазами Герика.

— Я тоже думал об этом, и, полагаю, мы нашли бы его...

— Мы?!

— Разумеется. Неужели ты думаешь, я мог бы оставить друга, — голос Рене звучал насмешливо и грустно, — в Эланде такого не прощают.

— Монсигнор, — Герика явно давала понять, что не желает продолжения разговора. — Ваша дружба с Рамиэрлем — это ваше дело, а моя дорога — это моя дорога. Наши пути расходятся, и лучшее, что мы можем сделать, это пожелать друг другу удачи. Порождение Зла и король Трех Земель не должны иметь ничего общего.

— Проклятый! Какая же ты дура! — взорвался Рене. — Посмотрел бы я на того, кто бы посмел советовать мне с кем и что иметь. Моя дружба с Романом, который, кстати, жив и здоров, чего и тебе желает, это моя дружба с Романом. А ты — это ты! Ты спасла нас всех, и... я не хочу тебя терять! Ты нужна мне, и мне нет дела до того, чье ты порождение.

— Зато мне есть дело, — упрямо прошептала Герика, — ты можешь заткнуть всем рот, но ты не запретишь им думать обо мне, как о чудовище, да ты и сам, случись что... Я действительно нелюдь, Рене, — ее голос сорвался на крик, — нелюдь! И оставь меня в покое!

— Какая же ты дура! — еще раз повторил Аррой с невыразимой нежностью в

голосе. — Ты же любишь меня. Знаю, что любишь. И я тебя люблю. А остальное, поверь мне, ерунда.

— Я не люблю вас, монсигнор, — губы Герики дрожали, но отчаянной решимости, застывшей в ее глазах, хватило бы на отряд гоблинов-смертников, — и никогда не любила. Если вы расцениваете то, что я вам позволяла в Гелани, как любовь, вы ошибаетесь. Я выполняла приказание своего супруга. Вы же для меня как мужчина никто. Да, я любила Стефана, но он умер. И вы никогда не займете его место.

— А я и не хочу занимать его место, — живо откликнулся Рене. — Ты очень изменилась, Герика. Весной, на прогулке, ты наверняка ее помнишь, я понял это окончательно. В Гелани мне было тебя жаль. А сейчас, сейчас я люблю тебя. И не лги, ты вовсе не думаешь о Стефане, я знал женщин, которые не могли забыть погибших. У них совсем другие глаза... Им не надо говорить, что они помнят, — достаточно видеть, как они говорят, как ходят, как улыбаются... Они — отражение прошлого, а ты — живая, настоящая...

— О да! В женщинах вы разбираетесь почти так же, как в морских делах...

— Хуже, — сверкнул зубами Рене, — ни разу в море я не попадал в такую переделку, как с тобой. Но если ты думаешь, что я тебя отпущу, ты ошибаешься.

— Интересно, что вы мне можете сделать, — голос Герики дрогнул то ли от негодования, то ли от извечной женской слабости, — я способна себя защитить от кого угодно.

— А от себя? — он сделал шаг вперед.

Герика вскинулась, лицо ее побледнело.

— Не приближайтесь ко мне. Еще один шаг, и вы умрете.

— Пусть! — кивнул он. — Если, как ты говоришь, никакая опасность Тарре больше не грозит, я могу и умереть. В конце концов, рано или поздно мне придется это сделать.

— Не подходи, — она отступила еще на шаг, выставив впереди себя руку. Рене видел, как вызванная подобным жестом сила укротила казавшееся неборимым чудовище, но все равно прыгнул вперед.

Герика сопротивлялась бешено, она действительно могла за себя постоять, — но магией тут и не пахло. Женщина извивалась, царапалась, пыталась кусаться. Рене не хотел причинять ей боль, и ему пришлось постараться, прежде чем он все же бросил ее на мягкую летнюю траву, а Герика упрямо продолжала отбиваться, пока он разрывал прочную дорожную одежду, пока...

Лес и озеро были полны радостной летней жизнью. Тихо шелестели листья, пчелы и шмели торопливо сновали над пестрыми цветами, на высоком яворе драли горло вылупившиеся позавчера птенцы, требуя пищи. И им, и их озабоченным родителям не было никакого дела до тех, кто был внизу.

Зато с пьянчужкой из лесной деревеньки, собравшимся половить рыбку в безымянном озерце, произошла странная история. Не успел бедняга пройти опушку, как из кустов высунулась оскаленная лошадиная морда, черная как сажа, и человеческим и очень сварливым голосом объявила, что сегодня посторонним вход воспрещен, после чего поведала о том, к каким пагубным последствиям приводит пьянство. Несчастный, не оборачиваясь, бежал до ближайшего кабачка. Там, несмотря на все клятвы, что он с утра ни в одном глазу, ему никто не поверил, зато арцийский язык обогатился выражением «допился до говорящего жеребца».

Пугнув непрошеного гостя, Гиб и Жан-Флорентин вновь скрылись в зарослях, и стороннему наблюдателю и в голову бы не пришло, что обычный перелесок сейчас недоступнее зачарованного замка. Впрочем, желающих забраться туда больше не нашлось, летним днем у крестьян другие заботы. Весть о Кантисской битве до этого захохотала еще не докатилась — это где-то там, за большими дорогами, скакали лошади, стреляли пушки, падали убитые, а здесь косили траву и собирали черешню...

...Правду сказать, некоторые участники вчерашнего сражения напрочь о нем позабыли.

Для этих двоих не существовало ни Годоя, ни Белого Оленя, ни гоблинов с эльфами...

— Никогда не насиловал женщин, — Рене вроде бы был серьезен, но в голубых глазах плясал целый сонм дьяволят, — даже в юности...

— Для первого раза ты неплохо справился, — Герика счастливо засмеялась, — теперь мне придется навсегда остаться в этом лесу.

— Почему это? — герцог был сама невинность.

— Потому что показаться в том, что ты оставил от моего платья, нельзя даже ночью.

— Ну почему, почему, почему все женщины думают только о тряпках, — сильная рука ласково сжала обнаженное плечо подруги, — без них намного лучше, чем с ними... Хотя, если ты хочешь, я тебя завалю платьями. Давай устроим набег на Эр-Атэв и отберем у калифа его шелка...

— Издеваетесь, сударь.

— Издеваюсь, — согласно кивнул Рене, — впрочем, раз это платье никуда не годится, его надо выкинуть, и немедленно...

Дальнейшие действия Счастливого показали, что его слова никогда не расходятся с делом. Герика отбивалась, на этот раз смеясь и, к ее собственному удовольствию, безуспешно. Роскошный летний день клонился к вечеру, отцветающая калина стряхивала белые лепестки в прохладную воду, в ее ветвях негромко перекликались какие-то птицы.

Глава 38

2230 год от В.И.

12-й день месяца Лебедя.

Арция, Мунт

Несмотря на то что за последний год Рыгор Зимный насмотрелся всяческих чудес, увиденное поразило его в самое сердце. Пока Луи че Лагг не затащил его на колокольню собора Святого Доминуса, бывший войт и подумать не мог, что бывают такие большие города. Мунт лежал под ними — огромный и плоский, разделенный почти надвое широкой медленной Льюферой. Приближалась обычная в это время года гроза, и река отливала тем же тяжелым свинцом, что и низкое небо. Первые порывы ветра уже взметали и кружили пыль на широкой площади, здесь же на высоте птичьего полета ветер разошелся вовсю, ему подвернулся плохо закрепленный лист железа, и ветер колотил в него, как в бубен, не забывая рвать с плеч забравшихся наверх людей тяжелые плащи. Люди, впрочем, откровенно наслаждались приближающимся ненастьем.

После того как воинство Луи без боя овладело столицей, принц прямо-таки светился от счастья. Мунт для него был не просто городом, он был его религией, его личной сказкой, а изгнание — самой страшной бедой. Больше всего Луи боялся, что придется драться за каждую улицу, разрушая совершенные творения великих зодчих, проливая кровь горожан. Пронесло! Доказательства преступлений Михая, память об Эллари и, главное, разгром узурпатора у Кантиски, о котором узнали накануне, и полная невозможность оборонять огромный, разбросанный по холмам город, заставили гарнизон открыть символические ворота. И вот Луи третий день носился по своей столице, отдавая приказания, обнимаясь со старыми и новыми друзьями, хватаясь за сотню дел одновременно. О том, что он заберется на колокольню святого Доминуса, принц говорил все месяцы своего изгнания, но осуществить мечту смог только теперь. Зимный был весьма польщен, что будущий император взял его с собой, но, замороженный открывшимся перед ним зрелищем, забыл даже о Луи. Прошло какое-то время, прежде чем принц нарушил молчание.

— Рыгор, я решил объявить Фронтеру свободной землей. Теперь все села будут вольными. Вы ведь, — принц рассмеялся, — вряд ли после всего отдадите оружие и разойдетесь по прежним хозяевам.

— Оно так, — согласно кивнул головой беломостец, — стать воякой тяжело, но перестать им быть не можна.

— И я о том же. Короче, Фронтера теперь принадлежит фронтерцам, если, разумеется, вы поклянетесь не пропускать через свои земли никакую нечисть. И если Арции понадобится ваша помощь...

— Только кликни, и мы уж тут! Мне такое любо, и усем нашим, я так разумею, такоже. Ежли кто с баронов не обложався зараз, да еще и живой или же наследник у его есть, то мы их не обидим... Выкуп с чего платить маем, багато добычи взяли, и, поможет святой Эрасти, ище возьмем. Тарску — то розкурочить треба, чтоб с того гадючего кубла погонь всякая не напозла. Зараз к осени идет, и тут еще дел до горла, а вот весной стаеет снег, и двинем туды... Разом ивдаримо, мы спереду, орки сзади... Доки я Михая мертвым не побачу... Да шо там не побачу, доки не потрогаю, не заспокоюсь.

— Правильно, — обрадовался Луи. — Так просто я вас и не отпущу. Я тут многим как кость в горле. Те, кому я мог доверять, почти все погибли, а сволочь всякая отсиделась под кустами, а сейчас захочет свое урвать.

— Не дозволим, — отрезал фронтерец, — кто что потопал, той то и полопает. Ты вот шо скажи, ваше высокоство, что с Лупе делать будешь? Она ж любит тебя, тут и до гадалки ходить не треба. А ты ж принц, а незадолго емператором станешь!

— А я на ней женюсь, — сообщил принц, — и пусть удавятся! Она тысячи знатных шлюх стоит!

— Оно так, — протянул Рыгор, — да шо про то скажут. Емператор, он же должен себе равню взять!

— А кого мне спрашивать? Тех, кто с Михаем заигрывали да под кроватями прятались? Лупе с нами все от и до прошла, она настоящая... И роду она очень хорошего, а что орать будут, то не без этого, да на мой счет всегда орали. Беды-то! Главное, она бы согласилась, а то гордость раньше ее родилась.

— Да поломаеся трохи, да и согласится. А не, то я ее...

— А ты посаженным отцом будешь?

— Я? — Рыгор оторопел. — То я ж простой мужик...

— Ты мой друг! И потом, ты отныне... герцог Фронтерский, мой полномочный наместник...

— Я герцог?!

— Именно! Ломать, так все! Ты ж и так всю Фронтеру в руках держишь, тебе и я верю, и люди твои. Тебе и на Тарску идти, тебе и герцогом быть! Все, и не спорь! Я «емператором» буду, мне и решать! А Архипастырь и Аррой меня поддержат, они от этих тухлых нобилей сами натерпелись. Да, надо собрать наконец Генеральные Штаты и все им выложить. И про вечный мир с Эландом, и про Фронтеру, и про то, что прощать предателей на радостях я и сам не буду, и другим не дам...

— Ото правильно, — кивнул Рыгор, — самое дурное, что только придумать можно, то упырей всяческих на свободу отпускать. Тут только зазеваешься, они тебе и нож в спину... Нет! Усих до единого выловим!!!

2230 год от В.И.

12-й день месяца Лебеда.

Таяна. Высокий Замок

Михай Годой хозяйничал в Высоком Замке десятый день. Как ни странно, он пребывал в отличнейшем расположении духа, словно бы и не было ни сокрушительного поражения у Кантиски, ни выскользнувшей из рук Таяны. Годой подолгу пропадал на стенах, разглядывая то разноцветную летнюю Гелань, то поле у подножия замковой горы. Укрывшиеся от гнева горожан за стенами замка остатки тарскийцев и те таянцы, кто слишком пытался угодить узурпатору, чтоб рассчитывать на прощение, тоже приободрились, зато Анна-Илана совсем

пала духом.

Она не понимала, что происходит, но видела, что супруг доволен жизнью и наверняка затевает какую-нибудь страшноватенькую каверзу. Посоветоваться было не с кем: Уррик вместе с десятком особо доверенных тарскийцев безотлучно находился при особе Годоя, а Кризе Ланка доверяла не до конца, да и что ей могла присоветовать дикая девчонка?

Илана лихорадочно думала, но ничего, объясняющего радость Годоя, ей в голову не приходило. Решительная по натуре, принцесса не могла долго оставаться в неведении и наконец, загнав подальше неизбежное отвращение, решила применить извечный женский способ. Вызвать у супруга прилив желания оказалось проще простого, но Анна-Илана отнюдь не ставила своей целью исполнение супружеских обязанностей. Оттолкнув, но не слишком сильно, распалившегося Михая, Ланка сквозь зубы процедила:

— Какой же я была дурой, когда связалась с тобой. У тебя хватило наглости бодаться с Рене и не хватило ума его забодать. Ты обещал мне четыре короны, а что теперь? Сидим, как волки за красными метками! Уж лучше бы я уехала в Эланд! — Ланка капризно закусила губку, сорочка съехала, обнажив плечо... Разумеется, Годой не устоял. Конечно, иногда приятно взять женщину силой. Но такую, как Илана, приятнее ошеломить, заставить признать свое превосходство. Годой довольно засмеялся:

— Ты слишком рано загрустила, дорогая! Я обещал тебе четыре короны? Ты их получишь, а в придачу получишь еще и бессмертие!

— Как?! Что?! — Илана не притворялась, она и вправду была потрясена, а довольный Михай, потянувшись, как раскормленный трактирный кот, пояснил:

— Дорогая моя, вы будете хозяйкой Арции, да что там Арции, всех Благодатных земель.

Ланка растерянно молчала, и Годой, купаясь в собственном величии, объяснил. Надо отдать должное тарскому господарю, вещи, от которых у членов Академии ум зашел бы за разум, он объяснял не только со знанием дела, но и весьма понятно. Главное, во всяком случае, Ланка усекла, а как Годой будет это делать, ее не очень-то и занимало. Она видела, что он не лжет, и этого было довольно.

Оказывается, незачем воевать с Эландом, ловить сбежавшую Герику, враждовать с Церковью. Проще и уместнее выждать, когда враги спокойно проживут отмеренный им срок и отойдут в мир иной. Через двести-триста лет Благодатные земли позабудут обо всем, и вот тогда придет их с Михаем звездный час! Господин Шаддур мертв, а место его занял Годой. Так повелось: смерть главы ройгианцев — это рукоположение его преемника. Тарскийский господарь понял, что и как делал Шаддур, вбирая силу Улло, чтобы перенестись вместе с Годоем в Высокий Замок. Годой был ему нужен, так как в нем текла древняя кровь и от его семени должна была родиться новая Эстель Оскора, когда Герику свое проживет.

Судя по всему, эландская ветвь вызывала у бледного глубочайшее отвращение и недоверие, Годой же, как ему казалось, был в его руках. Но тарскиец не желал быть быком-производителем, которого постараются убрать, как только он сделает свое дело. Шаддур был сильным магом, может быть, самым сильным из живущих, но все же он был уязвим. Когда вся его мощь была нацелена на то, чтобы протащить их сквозь пространство, против него обернулось все: бессильная ненависть Улло, присутствие поблизости эльфов и Черного Коня, поражение фантома Белого Оленя, отзывающееся у главы ордена нестерпимой болью. Из этих страданий и неуверенности и из смертной муки Улло Годой и свил свой аркан, разорвать который Шаддур не смог. Зачем тарскиец ударил кинжалом уже мертвое тело, он и сам не знал. Сказалась, видимо, привычка добивать поверженного противника. Зато знак верховной власти ордена теперь в руках Годоя, и он не расстанется с ним так глупо и бездарно, как покойный. А вместе с этим знаком к Годоем перешло одно из самых тайных закланий. Правду сказать, тарскиец и раньше знал о его существовании и даже бился над его расшифровкой, но безуспешно.

Было в Тарре несколько мест Силы, которые в свое время не раз почитали присутствием боги, использующие их кто как Врата, кто как точку опоры. В свое время

Ройгу открылось одно из свойств подобных мест. Оказалось, что, приложив не столь уж большое усилие, можно превратить их в некий камень на дне Реки Времени, когда снаружи будут течь год за годом, сливаясь в века и тысячелетия, а внутри пройдут минуты и часы. Именно это заклятье и намеревался пустить в ход Михай Годой. Все было очень просто. Жизненной силы тех, кто находился в Высоком Замке, хватит, чтоб захватить смертной петлей Гелань, вычерпав которую можно наполнить Чашу до краев, и этого достанет для исполнения задуманного. Высокий Замок с его оставшимися обитателями канет на дно Реки Времени.

Годой собирался проделать это завтра, но сначала он желал развлечься.

— Дорогая, — тарскиец положил тяжелую руку на колено собеседнице, — я мог бы тебя наказать за недоверие, но я тебя временно прощаю...

Илана потрясенно молчала. Сначала ей показалось, что муж играет ею, как кошка мышонком, что он разгадал ее замысел и, по своему обыкновению, глумится над жертвой. Но, глядя в масляные глаза Годоя, она поняла, что это не так. Супругу и в голову не приходило, что она замышляла измену...

Ланка кокетливо улыбнулась, заметив, что, прежде чем умолять о пощаде, она нальет вина, и, шлепая босыми ногами, подбежала к резному шкафчику. Оглянулась. Муж следил за ней взглядом осеннего кабана, ему доставляло откровенное удовольствие ее разглядывать, и Илана последовала его примеру, переводя взгляд с больших короткопалых рук на смятую расстегнутую рубашку алого шелка, черную бороду, влажный красный рот.

Да, он был сильным колдуном, умелым политиком и редкостным подонком, но, самое главное, он был смертным. Конечно, ожидай Годой подвоха, справиться с ним было под силу разве что Роману, но сейчас мысли тарскийца были заняты супругой, каковую он почитал своей союзницей. Ланка поняла, что, если она не сделает этого теперь, будет поздно. Последняя из Ямборов глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. Хорошо, руки не дрожат, а куда ударить, она, хвала святому Эрасти, знает. Шани Гардани в свое время неплохо обучил сестру своего друга тому, что та страстно желала знать, в том числе и обращению с кинжалом.

Илана, якобы разливая вино, наклонилась и нажала потайную панель, за которой хранился изящный стилет. Сейчас от нее зависит жизнь Гелани... В городе, конечно, ненавидят и презирают «шлюху Годоя» и никогда не поверят тому, что именно она их спасет, но... Но это не повод для того, чтобы позволить всех умертвить, а из их смертей сварить жизнь для горстки мерзавцев.

Странно, неужели это она всего год назад согласилась с убийством единственного любимого человека?! Надо же, прошло всего ничего, а она отказывается от почти бессмертия и власти над всеми Благодатными землями, чтобы спасти ненавидящих ее горожан, большинство из которых и в глаза не видела... Принцесса ловко изобразила атэвскую танцовщицу, которая, как известно, подает вино своему повелителю, держа поднос на кончиках пальцев одной руки, а вторую изящно заводит за спину. Подойдя танцующей походкой к Годою, Ланка опустила на одно колено, не расплескав при этом ни капли вина. Михай потянулся к бокалу, и тут Анна-Илана Ямбора с силой вогнала нож в короткую крепкую шею...

**2230 год от В.И.
13-й день месяца Лебедя.
Арция, Мунт**

— Дане атамане! Швыдше! Беда! — Рыгор, улучивший минутку, чтобы посидеть с Гвендой за чаркой царки и обрисовать ей блестящее будущее, которое их ожидало, аж подскочил, расплескав драгоценный напиток:

— От олух скаженный! И шо там у тебе трапилось?!

— Да не в мене! — широкоскулый фронтерский парнишка с трудом перевел дух. — То

с даном Луи. Поранили его.

Рыгор, с ревом опрокинув тяжеленный резной стул, бросился вон из дому. На ходу посланец рассказал, что знал. Все было просто, как огурец. Когда принц, выйдя из ратуши, где встречался с цеховыми старейшинами, садился на коня, с крыши в него выстрелили из арбалета. Стрелявший был схвачен на месте, им оказался один из городских стражников, причем убийца не пытался ни отрицать свою вину, ни скрыться. Похоже, он не в себе. Луи тяжело ранен, но в сознании. Дело плохо, но принц никого к себе не подпускает, требует Рыгора.

Фронтерец бегом мчался по мощенной мрамором южных морей Корабельной улице, и высыпавшие на улицу прохожие торопливо расступались перед хмурым атаманом. В голове Рыгора яростно билась мысль — не уберег, дурак! Не допер, а оно ж коню понятно было — не позволят нобили Луи все перевернуть... Понимать надо было, охрану приставить, в три, в четыре глаза следить. А он рассиропился — дескать, война кончилась, можно к бабе на перину...

Вторая мысль, которую Зимный старательно гнал как мелкую, гаденькую и неуместную, была произвольная тоска о поманившей и исчезнувшей герцогской короне. В сравнении с болью потери это было ерундой, пшиком, а, поди ж ты, было жалко!

Луи он нашел в вестибюле ратуши. За неимением лучшего, принца положили на огромный, затянутый зеленым сукном стол, куда до войны складывали прошения, поступающие на рассмотрение магистрата. С первого взгляда войту стало ясно, что дело хуже не придумаешь. Он сразу же признал тарскийскую арбалетную стрелу с раздвоенным зазубренным наконечником. Такую не выдерешь, да и угодили туда, где у человека станова жила проходит. Тут только тронь — и все! Был бы здесь Роман Ясный, может, и сделал бы чего, да либра, как на грех, унесло в Кантиску. Рыгор, с трудом напустив на себя лицемерно бодрый вид, склонился над своим принцем, и тот с облегчением улыбнулся посиневшими губами.

— Ты пришел... Это... хорошо.

— Куда б я от вас подевался, хотел бы я знать, — нарочито грубовато откликнулся фронтерец, — но ты не шибко говори, а то тебе не добре будет.

— Мне все недобре... Я воин, Рыгор... я все понимаю... Лупе, позаботься о ней... И об Арции... На тебя... остается... Кардинал... где кардинал? И эркард?

— Тут, тут... — клирик, каким-то непостижимым образом успевший переодеться в приличествующие печальному событию одежды, и по-аистинному худой и голенастый эркард торопливо протиснулись сквозь толпу и склонились над умирающим.

— Слушайте мою волю, — голос Луи был тих, но глаза смотрели осмысленно, а слова звучали четко. — Я, Луи Арцийский, законный наследник арцийского престола, находясь в здравом уме и твердой памяти, назначаю регентом... находящегося здесь Рыгора... и повелеваю... ему... собрать Генеральные Штаты... завтра же... Я жалую ему титул герцога Фронтерского... со всеми привилегиями... и назначаю его маршалом Арции... Герцог, возьмите императорское кольцо... Так... хорошо... Вы слышали? Объявить всем... Сейчас же...

Дюжий коронэль, последний из «Котов», на бегу подозрительно протирая кулачищами глаза, бросился к выходу, и почти сразу же надсадно завывала труба городского глашатая...

— Хорошо, — улыбнулся Луи, — мы все-таки успели... Рыгор... Остальное ты знаешь... Лупе... Я тебе... верю...

— Все, — старенький медикус пощупал жилку на шее Луи, — кончено.

Рыгор неловко бухнулся на колени, шепча молитву, которой его научила еще бабка. Из-под стола раздался жалобный, протяжный вой — Гайда, как могла, оплакивала своего хозяина. Запахло церковными куреньями и воском — клирики споро взялись за привычное дело. Новоиспеченный регент безуспешно пытался совладать одновременно с обуревавшими его эмоциями и разбегавшимися, как потревоженные тараканы, мыслями. Два важных нобили, спехом нацепившие траурные одеяния, с вкрадчиво-почтительными лицами встали

за спиной Рыгора, сзади маялось несколько других, не столь расторопных. Атаману захотелось выхватить плетку и разогнать этих равнодушных людей, изо всех сил пытающихся показать, что они испытывают какие-то чувства, кроме озабоченности по поводу собственного будущего. Но это-то как раз было невозможно — Луи оставил Арцию на него, Рыгора, и он просто обязан был справиться.

Нужно было созывать эти самые Штаты, искать законного наследника, хоронить, короновать, воевать... И все это было на нем.

— Монсигнор! — Рыгор спервоначалу даже не сообразил, что это обращение и воинский салют со стороны капитана императорской гвардии относятся к нему. — Эта женщина... Леопина. Мы нашли ее...

Рыгор оглядел собравшихся арцийцев и рявкнул:

— Прошу всех выйти вон! Сейчас не время для чужих... И для дел тоже. Завтра в Львином зале... Собрать всех, кто в тих... Штатах болтается. Кто не придет — без него порешаем... Никто не придет — сами с гвардейцами дела поведем... А теперь тут будут только ближайшие.

Капитан еще раз отдал честь. Как остававшиеся в столице гвардейцы, набранные из младших ветвей известнейших родов, восприняли самозваного императора, было не ясно, но вот их отношение к родственникам Базилека и Бернара да и вообще ко всем придворным шаркунам секретом не являлось. Бравые ребята в черно-синих с золотыми нарциссами плащах быстро вытеснили из ратуши посторонних.

**2230 год от В.И.
12-й день месяца Лебедя.
Святой город Кантиска**

— Проклятый! Как же я рад тебя видеть, Шани, — герцог Аррой, смеясь, стиснул плечи Шандера.

— А вот я на тебя в обиде, — Гардани попытался нахмуриться, но у него ничего не вышло, — кто-то мне обещал, что я успею к самому интересному!

— Кто ж его знал, — махнул рукой Рене, — Годой оказался наглее и глупее, чем мы думали.

— Где он?

— Как сквозь землю провалился, боюсь, мы с ним еще наплачемся... Что там наш друг Майхуб?

— Знаешь, он мне даже понравился. Жестокый, собака, но по-своему честный... Я тут приволок к тебе целую стаю атэвов, так что насладишься.

— Стаю?

— Ну, полстай, другая, узнав о твоей победе, не сходя на берег помчалась докладывать «Льву Атэва» о деяниях «Волка Эланда»...

— Ты совсем атэвом заделался, остаться там не хочешь?

— Упаси Проклятый, там от жары десять раз сдохнешь...

— Выходит, вы о победе прямо в море и узнали?

— Ну да! Столкнулись с «Акме» прямо у входа в бухту, как я понимаю, на ней прибыло твое семейство...

— Да уж, — Рене разом помрачнел, — не было печали... Клирики правы, когда говорят, что полного счастья на земле быть не может. Не успел я налетаться, как Проклятый... Да какой там Проклятый?! Эрасти на такое не способен. Не иначе, эта стерва Циала принесла Ольвию... Та, видите ли, вознамерилась занять место рядом с законным супругом, потому как супруга должны короновать... Впрочем, я и сам хорош, попросил Прашинко порадовать Эрика и не догадался попросить его как следует запереть эту драную кошку! Ладно, хватит о грустном! С твоими атэвами я вечером поговорю.

— Моими?!

— Хорошо, не твоими. Майхубовыми. Кого с тобой послали, кстати?

— Спроси что проще, у них там такие титулы... Говоря по-нашему, за старшего был брат матери нынешнего калифа, но он помчался в Эр-Иссар, а здесь отец любимой жены повелителя повелителей и матери его наследника. О как! Затем парочка евнухов, которые этим чуть ли не гордятся, и до сотни всяких носителей да держателей...

— Эх ты их, — к Рене, казалось, вернулось хорошее настроение...

— У атэвов, безусловно, имеются определенные этнографические особенности, но они обусловлены их историей и спецификой Сура, в частности жарким климатом и отсутствием воды.

— Жан-Флорентин, — Шандер Гардани прямо-таки расцвел, — это ты?!

— Естественно, — кивнул философский жаб, — ты несколько возбужден и потому нелогичен. Однако я так понимаю, что ты рад меня видеть и подобным образом выражаешь свои чувства.

— Я чертовски рад тебя видеть, дружище, и я скучал по тебе!

— Приятно слышать, — промурлыкал жаб, — ибо забывать друзей свойственно человеческой природе.

— Что ты, Жан! — черные глаза Шандера стали очень серьезными. — Я никогда не забываю друзей, да и что мы без них!

— В юности я полагал, что самое главное — это поиск истины, — жаб вздохнул, вспоминая минувшее, и принял оттенок темного янтаря, — но сейчас я убедился, что эмоциональная связь с другими думающими существами не менее важна.

— Жан недавно совершил подвиг, — улыбнулся Рене, — думаю, он тебе все подробно расскажет, но тебе все же следует с дороги отдохнуть...

— Я и собирался, — не стал спорить Гардани, — только скажи, где Белка и не слышно ли чего о...

От необходимости держать ответ Рене избавила дочка Шандера, оказавшаяся легка на помине. Дверь распахнулась, и девочка с радостным криком повисла на шее у отца. Шандер со счастливым смехом подхватил родимое детище на руки.

**2230 год от В.И.
14-й день месяца Лебедя.
Арция. Мунт**

Рыгор с тоской глядел на дверь, за которой его ждали первые нобили Арции. Еще вчера он думать не думал об этой встрече, не его это было дело — пусть с господами господа и разбираются. Вот если бы в Мунте объявился отряд гоблинов, останавливать их пришлось бы фронтерцам, но надевать на себя всяческие шелка да велюры и париться в жаркой зале... Конечно, атаман резестантов Рыгор Зимный понимал, что ему не отвертеться — Луи наверняка заставит стоять рядом, грозно сдвинув брови, но все остальное было не его заботой. Теперь же он остался один, а Генеральные Штаты собрались.

Несмотря на свое весьма смутное восприятие политики, фронтерец не сомневался, что всю ночь различные кланы, партии и фамилии без устали делили шкуру убитого вчера медведя. Будь жив Луи, они бы и пикнуть не посмели, а теперь вся эта свора двоюродных племянников и троюродных дядьев будет рвать на куски ничейную корону и Арцию в придачу. Ему же, регенту-атаману, который и читать-то как следует не научился, будет не понять, кто же из них прав, кто нет... Хоть бы Роман помог, но бард, видно, носится по Последним горам вместе со своими клыкастыми приятелями.

От Лупе и вовсе толку никакого не было. Она второй день сидела у изголовья Луи и молчала, совсем как позапрошлой весной, когда Роман и Рене вызволили ее из лап синяков. Как давно это было, неужели прошло лишь два года с небольшим!

— Атаман, — Юрек старательно щелкнул каблуками, — они все собрались в ихней главной залке и ждут на вас.

— Что они делают? — спросил Рыгор, оправляя перед высоким зеркалом изукрашенную бирюзой атэвскую саблю — подарок Луи.

— Глядят друг на друга, как собаки с разных сел, — сочувственно вздохнув, объявил Юрек, — кожный себе кусок отодрать хочет, сейчас до драки дойдет.

Атаман тяжело вздохнул и твердым шагом направился к выходу.

2230 год от В.И.

14-й день месяца Лебеда.

Святой город Кантиска

— Представляешь, Рене, — Шандер Гардани с трудом сдерживал улыбку, — Белка становится взрослой, гадать начала, а это верный признак, по сестрам знаю. Как начинают с картами по темным углам прятаться — все. Девицы уже!

— А вот тебе, Шани, и гадать незачем, — засмеялся Рене, — тебя ждет дальняя дорога.

— Что? Опять атэвы? — возопил Шандер. — Не поеду! Хватит! Не могу я смотреть на женщин, у которых лица закрыты, а животы голые...

— Ну и не смотри, раз не нравится, хотя некоторым дамам я бы тоже посоветовал закрывать лица, а заодно и рты. К сожалению, сие невозможно. Нет, у Майхуба тебе делать нечего, ты нужен в Таяне. Я сейчас не могу оставить Кантиску, так что поедешь как мой полномочный представитель.

— Когда ехать?

— Чем скорее, тем лучше. Думаю, лучше всего через квартиру.

— Годится, — Шандер улыбнулся, — но Илана откроет ворота Высокого Замка только тебе.

— Тогда ей придется подождать, тут дел невпроворот, раньше начала осени мне не вырваться. Атэвы, клирики... Луи нужно до коронации довести, мало ли что, в Мунте шелупони хватает. Да и в Эланде я должен появиться... А ты в это время моим именем будешь править в Гелани. На Замок наплюй, пусть себе стоит, хотя, если ты договоришься с Иланой, будет очень хорошо. Разумеется, всем говори, что ее околдовали...

— А эту возможность не стоит исключать, — встрял Жан-Флорентин, — я уже говорил тебе, что женщины обычно ставят любовь превыше власти, особенно женщины импульсивные, молодые и привлекательные. С точки зрения женской психологии поведение Иланы необъяснимо, а мы знаем, что Годой экспериментировал на людях, пытаясь добиться полного подчинения их воли...

— Жан, — откликнулся адмирал, — я хотел бы, чтобы ты был прав, но мы с Шани ее видели той осенью. Если она и была околдована, то иначе, чем бедняга Койла. Ладно, сейчас это уже не имеет никакого значения.

— Не имеет, — согласился жаб, — потому что ты обрел свою любовь, а вместе с ней и проблему. Твои отношения с Герикой весьма отличаются от отношений с другими женщинами. Ты намерен что-то предпринять?

— Намерен, — огрызнулся Рене.

— Я в этом и не сомневался, — удовлетворенный ответом жаб спрыгнул на стол, — насколько я знаю обычаи людей мужского пола, вы с Шандером должны по этому поводу выпить, и не этого церковного безобразия, — Жан-Флорентин кивнул на стоящий на столе старинный кувшин, — я думаю, лучше всего подойдет царка. К тому же надо отметить и отъезд Шандера, и его вступление в должность наместника.

— Мне кажется, что на этом месте должен быть ты, — засмеялся Гардани.

— К сожалению, не могу, — ответил Жан-Флорентин, — я обладаю специфической внешностью, которая не позволяет мне открыто править существами не моего вида. Я могу делать это лишь инкогнито, посредством тех, кого я направляю на великие и разумные дела и предостерегаю от ошибок, — жаб прервал свою речь и вплотную занялся кувшином. Рене с Шандером переглянулись и рассмеялись звонко и молодо, как

бродячие студиясы.

**2230 год от В.И.
14-й день месяца Лебеда.
Арция. Мунт**

...Когда-то, еще до того, как безумный пророк Баадук посмел усомниться в учении Церкви Единой и Единственной и, объединив вокруг себя разрозненные кочевые племена, создал могущественное государство, один из атэвских вождей прислал «закатному калифу» найденные им в пустыне статуи, изображавшие рычащих львов. За них кочевник хотел получить несколько белокожих красавиц, дабы подарить их своему сыну и наследнику. История умалчивает, как вышли из положения имперские дипломаты. Возможно, несколько смазливых девчонок из портовых кварталов, переодетые в вышедшие из моды придворные туалеты, и отправились на далекий юг. Как бы то ни было, но черные каменные львы надолго обосновались в самом большом зале императорского дворца, поражая воображение тех немногих, кому удавалось попасть в святая святых империи.

Поговаривали, что один из императоров подумывал о том, чтобы сменить в своем гербе надоевшие и ничего в общем-то собой не представляющие нарциссы на царственных зверей. И только все громче звучащий шепоток о том, что мунтские Волинги никакие не Волинги и только эландская ветвь ныне имеет право называть себя потомками легендарного короля, заставила императора отказаться от львиной идеи. Как бы ни были прекрасны гигантские кошки, смена герба в глазах народа означала бы признание своей худородности, так что нарциссы уцелели. Император же отыгрался на убранстве зала, выдержанного в черно-золотых тонах.

Пол, подножие трона и колонны были из лучшего идаконского обсидиана, стены покрывали гобелены, выдержанные в золотых тонах, изображающие триумф императорского дома. Золотом отливали и капители колонн, и карнизы, с которых свисали черные, шитые золотом портьеры. Вызолоченная люстра была из черного хрусталя, черным с золотом был и трон, стоявший под алым балдахином, казавшимся особенно ярким на общем фоне.

Зимному Львиный зал не нравился, слишком уж нарочитым, лезущим в глаза было богатство, вынуждающее признать превосходство императоров над простыми смертными. Сидеть здесь мог лишь император, все остальные вынужденно толкались вдоль стен. Для этого были предусмотрены широкие, пологие ступени, расположенные таким образом, что задние могли смотреть поверх голов передних. Говорят, во время больших приемов в Зале могло собраться до тысячи человек. Сейчас их, благодарение святому Эрасти, было поменьше. Всего сотни три-четыре. Причем представители цехов и магистрата и выборные от провинций играли роль статистов, раз и навсегда приписанных к одной из четырех враждующих группировок. Хорошо, что Луи во время их совместных походов успел вкратце попросить атамана, кто есть кто, иначе тот вовсе бы запутался.

Новоиспеченный герцог Фронтерский из всех сил пытался следить за доводами сановных говорунов, которые лезли из кожи вон, доказывая правомерность своих притязаний. Впрочем, началось все еще вчера, когда к Рыгору начали приставать многочисленные члены императорской фамилии или же почитавшие себя таковыми. За грубой лестью, которой они пытались купить поддержку «селянского герцога», как его сразу же окрестили местные острословы, чувствовалось плохо скрытое презрение. Не будь за спиной у Зимного многотысячной армии и не поддержи его гвардия, все эти герцоги и маркизы вряд ли пустили бы фронтера дальше черного двора, но сейчас с ним приходилось считаться. Более того, именно от него во многом зависело, кто в конце концов заполучит Арцию. И гордые аристократы из всех сил обхаживали неотесанного хама.

Хама, впрочем, это только бесило. Слишком уж нарочиты были заискивания и не похожи на то, что фронтеец видел, общаясь с Луи, Романом или же герцогом Арроем... Те не льстили, но и не презирали. «Эх, нема на тих ублюдков эландцев, — проворчал про себя

Рыгор, пытаясь поймать ускользающую от него нить очередной речи, — а собственно говоря, почему нема?!»

То, что сотворил селянский герцог, повергло окружающих в шок. Расправив богатырские плечи, атаман уперся руками (каждая толщиной с хорошую ляжку) в бедра и голосом, вполне уместным в бою, но никак не во дворце, рявкнул:

— А ну, тихше!

Все оторопело замолкли, а Зимный медленно поднялся по ступеням, ведущим к трону, но садиться не стал, а, обернувшись лицом к собравшимся, произнес речь, достойную самого Жана-Флорентина:

— Я вас тут целый день слухав и от шо урозумел. На Арцию и на всех нас вам, данове, прошу простить, начхать. И смотрите вы на власть як та кошка на сало. Когда тут людей резали, де вы были? А когда мы с косами да вилами палачуг бить начали? Хто по углам сидив, а хто с Годоем ручкался! Да Луи никому з вас руки не подавав, и вы хотите его святу корону в свои поганые лапы прибрать? Та не будет вам того. Я как РЭГЕНТ (умное слово Рыгор произнес четко и совершенно правильно, видимо, тренировался) усим вам, данове, заявляю.

В Арции нема никого, хто б мог стать дельным емператором! А посля Луи жаба на троне никому не потребна. Усистыся на трон вы ще можете. Да не задержитесь на нему, свои ж гвардейцы або ж горожане попрут. Так шо слушайте мое слово.

В усих Благодатных землях е только один круль, кого вси поважают та й любят. И кровь в його настояща. И сын в него есть, и Архипастырь його объявил крулем таянским да эландским. А сколько можно нам наши земли на куски дерти? Шоб нас ежли ни ти чорные с-за гор, то атэвы зйилы?!

Церков у нас одна, язык не то шоб вовсе один, но разумеет один одного. Я эландца пойму, арцийцы — тарскийцев, таянцы пантанцев. Так шо хватит дурью маяться. Луи перше шо хотив зробити, то подписать нотацию¹³² с Рене Арроем. А я так разумею, что тепер нам никак иначе нельзя, кроме как просить Рене стать емператором. Його предки з Мунта, так шо пусть возвращается и правит!

Все! А кому не нравится — никого не держу. Хуч в Последни горы. Хуч к калифу, йому, говорят, люди нужны баб стерегти. Правда, наперед з медикусами ихними надо словом перемолвиться. Короче. Завтра я посылаю ДЕПУТАЦИЮ до Рене Арроя. А доки он не ответит, буду стрегти Мунт, шоб какой пакости не учудили...

Рыгор закончил, и стало слышно, как пытаются вырваться на свободу ошалевшие от жары мухи. Затем с задних рядов, где сидели выборные от цехов, кто-то тонко и радостно завопил: «Виват!» Это послужило сигналом. Недовольные физиономии утонули среди разбушевавшихся выборных, радующихся то ли унижению тех, на кого и взглянуть было страшно без должной почтительности, то ли тому, что они, как бы то ни было, вручат корону первому рыцарю Благодатных земель. А через некоторое время восторженный рев донесся и с площади — кто-то озаботился донести до жителей Мунта сногшибательную новость. Вскоре по всему городу слышались крики. Луи умер, да здравствует Рене!!!

Глава 39

Эстель Оскора

— Ведьма! — я не видела, кто произнес это слово, но не сомневалась, что слетело оно с языка старой Зенобии, то ли няньки, то ли дуэньи жены Рене. Эта костлявая карга с усами, достойными тарскийского арбалетчика, который день кряду шипела мне вслед. Видимо,

¹³² Договор, коммюнике.

старуха специально поджидала меня везде, где только могла, чтобы брякнуть что-то, по ее мнению, обидное. Воображением она не блистала, так что вскоре я ознакомилась со всем ее репертуаром. Не могу сказать, что он доставлял мне удовольствие, но и вреда не причинял. В том состоянии, в котором я находилась, меня нельзя было ни испугать, ни унижить. Я была счастлива в первый и, видимо, в последний раз в своей жизни, и все склочные старухи мира могли повредить мне не более, чем устрица «Созвездию Рыси».

На все потуги Зенобии вывести меня из себя я решила не обращать никакого внимания и неукоснительно этому следовала. Но на сей раз избежать свары не удалось, так как у меня обнаружились защитники. Белка выросла в Таяне, где ужасно любят «отстаивать свою честь» и где, в отличие от Эланда, в котором считают, что слова — ничто, поступки — все, из-за необдуманного слова можно получить хороший удар шпаги. Дочка Шандера, несмотря на свои мальчишеские привычки, была истинной таянской ноблеской, готовой разорвать на куски каждого, кто чем-то заденет ее или того, кто ей дорог. Меня же после того, как я вылечила Шани (уж не знаю, откуда она об этом узнала, сам граф клялся, что никому не рассказывал о нашем с ним секрете), Белка боготворила. Подлило масла в огонь и то, что ее не слишком приветливо встретила жена Рене, которой девчонка чем-то помешала, а может, Ольвию всполошила явная симпатия между дочкой Шани и ее собственным сыном и наследником. Правда, Рене-маленький пока видел в Белке только забавную, отчаянную девчонку, отличавшуюся непосредственностью и дерзостью от его благонравных единоутробных сестер, девиц и дам, которыми себя окружала герцогиня.

Ольвия была по-женски весьма наблюдательна и сразу же поняла, что через два-три года Белинда Гардани затмит всех местных красоток, а зарождающаяся между таянкой и ее сыном дружба вполне может перейти в нечто другое. Как я успела понять супругу моего возлюбленного, она рассчитывала отыграться за счет будущей невестки, которую намеревалась подобрать сыну сама. Это был ее единственный шанс получить хоть какую-то власть. А тут появилась Белка! У герцогини не хватило ума понять, что ее нелюбезность к гостям мужа заставит сына, обожающего отца, сделать все от него зависящее, чтобы исправить материнскую грубость и неприветливость. Так и вышло. Когда же Белка переселилась в семью сестры Димана, ее дружба с Рене-маленьким, поощряемая Рене-большим и всеми маринерами, обожавшими отчаянную девчонку, только окрепла.

Теперь же Зенобия пожинала то, что посеяла Ольвия. Белка не просто защищала меня, она наконец получила возможность поквитаться за старые обиды. Скандал разгорался отменнейший, и я почла своим долгом вмешаться, так как Белка проявила изобретательность и изощренность в выражениях, достойную старого маринера. К тому же девчонка подозрительно много знала о личной жизни Ольвии, а та, какой бы она ни была, оставалась женой моего капитана и будущей королевой Эланда и Таяны, так что перечислять ее прегрешения при всем честном народе было не обязательным.

Белка как раз пересчитывала родинки Ганков на щеках младших детей Ольвии, так что было самое время ее остановить.

— Белинда, — я изо всех сил старалась быть серьезной и строгой, — я тебе благодарна, но, если я ведьма, я сама смогу себя защитить, превратив своих врагов, скажем, в жаб. Если же у меня это не получится, значит, я никакая не ведьма и все поймут, что на меня возводят напраслину...

Кажется, мне удалось именно то, что я хотела, — вокруг засмеялись, но Белка сдаваться не желала.

— А чего их превращать в жаб, коли они и так жабы и... — она подумала и уточнила: — Незаконные дочери жабы и крысы!

Вышедшие на шум люди Шады грохнули, а юная нахалка, распаленная успехом, добавила:

— И ничего смешного тут нет. Рыцари должны защищать дам, а если тут позволяют этой... этой старой змеище поднимать хвост на Герику, то я...

— Белка, — я довольно сильно обняла ее за плечи, но она принялась выкручиваться,

как кошка, которую насильно взяли на руки, — нечего меня защищать. Защищают от серьезных противников, а тут...

— Да нет, она права! — откуда здесь взялся Рене, я так и не поняла, но более неуместного момента он выбрать не мог. Герцог решил, что меня оскорбляют и что он должен вмешаться. С одной стороны, это было чудесно, но с другой... Ему только семейных ссор посреди Кантиски не хватало! А в воздухе совершенно очевидно запахло жареным. Старуха от ненависти, казалось, пускала искры, лицо Рене побелело так, что мне стало страшно. К счастью, появился встревоженный Зенек, что-то вполголоса шепнувший Рене, после чего тот не терпящим возражений тоном велел всем идти к себе.

**2230 год от В.И.
20-й день месяца Лебеда.
Святой город Кантиска**

«...И те Генеральные Штаты уразумели, что, кроме вас, проше дана герцога, императором Арции быть некому. Луи, вечная ему память, то же самое сказал бы, как бы успел, а тому, как он назначил меня регентом, то я за него вас прошу. И вся Арция просит. Берите нас с усима потрохами, иначе нам вовсе худо будет. Никого иного не хотим.

На том и порешили.

Рыгор Зимный, регент Арции, герцог Фронтерский. Атаман и войт».

— Великие Братья! Этого еще не хватало, — на побледневшем лице Рене ярко горели голубые эльфийские глаза. — Семь бурь обойти и у самого дома на дно...

— Убийцу поймали, — напомнил Максимилиан.

— Да какое это имеет значение, — махнул рукой Аррой, — Луи погиб, Арция опять без головы.

— Ты не хочешь смириться с очевидным, — Роман смотрел на Арроя с неподдельным сочувствием, — но выхода у тебя нет. Ты примешь эту корону. Потому что больше некому.

— Это так, — кивнул Максимилиан, — сказано же: «Творец возлагает на плечи каждого тот груз, который он может нести».

— Шандер, а ты что скажешь? — Рене взглянул в сторону графа Гардани.

— А что я могу сказать, — вздохнул тот, — выхода-то нет. Нельзя оскорбить арцийцев отказом, нельзя допустить на трон нового Базилека. Мы не знаем, где Михай, возможно, нам еще воевать и воевать... Мне, наверное, стоит повременить с отъездом...

— Да нет, Шани, — голос Рене был тверд, хоть и звучал как-то тускло, — теперь тебе тем более следует ехать, потому что сам Великий Дракон не скажет, когда я смогу выбраться в Таяну. Посмотришь, что там и как, что из Тарски слышно и так далее, сделаешь самое неотложное, а там посмотрим. Только сначала надо будет с Рыгором встретиться.

— Так ты согласен?

— Не знаю еще, — эландец пожал плечами, — в Мунт мне придется ехать в любом случае, хотя бы для того, чтоб присутствовать на церемонии прощания. Так что выедем вместе...

— И я с вами, — живо откликнулся Роман, — я знал Луи, да и в Таяну стоило бы наведаться. Не говоря уж о том, что Годоя выслеживать придется мне, а он наверняка рванул в Северный Корбут... В Тарске-то теперь Рэннок распоряжается.

— Значит, едем, — подвел итог Аррой. — Проклятый! Как бы я хотел, чтоб все было иначе...

— Вообще-то, — откашлялся Максимилиан, — если сердце Рене Эландского столь сильно противится власти над Арцией, есть другой выход. Рене может остаться королем Эланда и Таяны, к которой отойдет Фронтера, а Средняя и Южная Арция станут Святой областью, управляемой Церковью. Кантиска недалеко от Мунта, оскверненного ересью Годоя. Страна была затоплена Недозволенной магией, а фискалы, кто из страха, кто из корысти, смотрели на это сквозь пальцы. Нужно раз и навсегда передать дела о

Недозволенном колдовстве в руки одного из кардиналов, назначаемых Архипастырем, только тогда мы искореним это зло и сделаем невозможным возвращение Годоя и иже с ним.

Арция как никогда нынче подобна больному, нуждающемуся в Посохе. А им может стать только Церковь, тем паче наш друг Рене не желает принимать императорскую корону. Других же достойных претендентов нет и быть не может, а если владыки светские отказываются от непосильной ноши, то долг Церкви...

Шандер, не отрываясь, следил за лицом герцога Арроя. Если в самом начале речи Максимилиана в глазах Рене блеснули отчаянная надежда и нетерпение, то затем их сменил тот острый и холодный блеск, который так хорошо знали ходившие с адмиралом в море или в бой. Дослушав до конца, герцог гордо вскинул седую голову.

— Я не привык отказываться от ноши, сколь тяжела бы она ни была. Вы устыдили меня, Ваше Высокопреосвященство, это была минутная слабость. Церкви незачем беспокоиться. Я принимаю корону Арции и не отказываюсь от прав на Эланд и Таяну. Единственное, на чем я настаиваю, это чтобы присутствующего здесь графа Шандера Гардани утвердили в правах Великого герцога Таянского, каковая Таяна войдет в состав Благодатной империи на тех же правах, на которых некогда вошла Мирия и другие южные королевства. Эланд же останется независимым герцогством, управляемым великим герцогом, чьи полномочия подтверждает Совет Паладинов. Если Церковь согласна на это, я готов принять корону в середине осени, так как раньше Шандер не успеет съездить в Таяну и вернуться.

— Но, мой друг, — Максимилиан не собирался отступать, — разумно ли это? Ведь вы уже не столь молоды, и...

— Он знает, что делает, — в обычно спокойном голосе Архипастыря зазвучала сталь, — да будет так, как ты сказал, Рене. Церковь тебе поможет...

— Арде, — с чувством произнес молчавший доселе кардинал Иоахиммиус.

**2230 год от В.И.
22-й день месяца Лебеда.
Арция. Мунт**

— То я не знаю, Рыгор, где она девалась, — Гвенда чуть не плакала, — я й выходила-то всего ничего до кухни. Здешние куховарки... Одно слово, что емператору готовили, а ничего толком не умеют. Я быстро сходила, кошка лапу облизнуть не успела бы... Лупе спала, я смотрела. Ну, думаю, оно и хорошо, что спит. Сон, он лечит ведь... А прихожу, ее и нет, и никто не видел, шоб она с дворца выходила.

— Удивила, она ж того... Ведьмачка, хоть и добра. Куда ж она пошла? Хоч бы до Льюферы не сиганула...

— Не сиганет, — неожиданно твердо сказала Гвенда, — як сразу не сиганула, то будет жить. Просто не хочет никого видеть. И то верно. Шо она без Луи? Коханка убитого принца, то не жинка емператора чи герцога...

— Да помню я, Гвенда, — новоиспеченный герцог пожал могучими плечищами, — вот тр... труар по Луи отбудем, да клирики нас и окрутят, думаю, самого кардинала попрошу. Мы ж теперь...

— То ты теперь. А я как была баба з Белого Моста, так и осталась, — повела крутыми плечаи Гвенда, — ой дивись, Рыгоре, як знайдешь якуюсь герцогиню...

— Да потрибен я герцогиням, — смущенно хихикнул в усы Рыгор, — им же, как его... политес нужен, а я шо, кабан лисовой...

— Да якої до беса бабам политес нужен?! — Гвенда уперла руки в боки. — Бабам мужик нужен, да шоб сильный бул, и ще в голове и за душой щось було... А ты политес. Що я не видела, как та кошка весенняя на тебе висла...

— Да то родичка Луи...

— Знаю я таких родичок... Ой смотри, Рыгоре! Поймаю, я не твоя покойна жинка, я вас

обоих...

— Ну развоевалась, — заржал войт и осекся, — что за глупости мы тут з тобою порем, Луи ще не похоронен, от Рене ответа нема, да й Лупе пропала...

**2230 год от В.И.
22-й день месяца Лебеда.
Святой город Кантиска**

Рене досадливо пожал плечами — он так и не привык к столь уважаемой Церковью ритуальной роскоши. Ну что с того, что он пришел на бдение одетый по-походному? Та же Церковь все уши пастве прожужжала, что богатства мирские есть суета сует и суета всяческая, а принц, пришедший просить благословения перед Первым Бдением,¹³³ оказывается, должен разрядиться, как павлин. Разумеется, Феликсу было абсолютно безразлично, что было на Рене, но слетевшаяся в Кантиску стая высоких клириков была бы весьма недовольна подобным поведением Рене из рода Арроев, которого некоторые церковники в глубине души продолжали считать еретиком.

Что ж, свои ошибки надо признавать и исправлять, и Рене заверил впавшего в истерику брата Фиделиуса, что не пройдет и трети оры, как он вернется во всем великолепии, и поспешил к себе. Он собирался сменить платье и, может быть, выпить стакан вина, но, оказавшись свидетелем сцены в собственной спальне, изменил свои намерения и стал с интересом слушать.

Его благоверная воспользовалась случаем, чтобы сквитаться с соперницей, но Герика оказалась ей не по зубам. Богатая приключениями жизнь герцога тем не менее проходила вдали от женских ссор, и воображение Первого Паладина Зеленого Храма Осейны не было столь буйным, чтобы представить себе подобное. Во всяком случае, если Герика не до конца утратила свои пугающие способности, то ее следовало назвать образцом выдержки, так как он, Рене Аррой, будь его воля, немедленно превратил бы бушующую Ольвию в стул, стол или что-нибудь еще столь же спокойное и молчаливое. За восемнадцать с лишним лет своего, так сказать, супружества маринер впервые увидел жену в бешенстве, которое ироничное спокойствие Герики только подстегивало. До сего дня Рене лишь посмеивался, слушая рассказы и сетования своих приятелей на жен и любовниц, но сейчас ему стало не до смеха.

Ольвия кричала, что намерена искать защиты своего супружеского очага у Церкви, а времена сейчас изменились. Если недавно перед лицом общего врага Святой престол был готов поддерживать эландского властителя во всем, то теперь Кантиска укрепила свое положение, в том числе и чудесами, якобы совершенными по воле Творца. Рене был согласен с тем, что объяснять людям появление эльфов, силу, так кстати овладевшую Герикой, и вообще всю подноготную закончившейся войны излишне — не поймут. Но, подтвердив версию Максимилиана и согласившись принять таянскую корону из рук самого Архипастыря, Рене невольно поставил себя в зависимость от церковной морали, которая требовала нерушимости семейного очага. Ольвия знала, куда идти. Рене не сомневался, что Церковь если и согласится замять скандал, то потребует взамен ответного дара, что еще сильнее привяжет Эланд к Святому престолу.

Конечно, пока его занимает Феликс, в этом не будет ничего страшного, но что-то подсказывало герцогу, что рыцарь на пастырском троне — скорее исключение, продиктованное военным временем, нежели правило...

2230 год от В.И.

¹³³ Ритуальное уединение в храме будущего короля или императора, через три месяца после которого происходит миропомазание.

27-й день месяца Дракона. Фронтера

Шандер без труда нашел место, где когда-то стоял Белый Мост. Теперь от деревни осталось пепелище, да и то успело покрыться буйно разросшимися свечами лета.¹³⁴ Уцелевшие кусты смородины казались иссиня-черными от никому не нужных ягод. На освещенной солнцем площади, где когда-то стоял иглестий, грелся кошачий выводок, и это, похоже, были единственные обитатели сожженного села. Лупе здесь, разумеется, не было, и быть не могло. О том, что маленькая колдунья жива, была с резистантами и исчезла после убийства Луи, Гардани узнал три кварты назад, когда заезжал в Мунт с письмами от Рене (герцог изменил свои намерения и остался в Кантиске, и Шандер догадывался почему, Ольвия намеревалась просить защиты у Церкви, а Аррой хотел встретить удар грудью и не позволить впутать в это дело Герику). Очередное исчезновение Леопины Шандера не испугало. Он знал ее бешеную гордость и боязнь, что кто-то вспомнит о ее прошлом. Хотя какое сейчас это имеет значение? Все, что было до войны, осталось в прошлой жизни, надо смотреть вперед, а не назад. От Романа, также оставшегося с Рене, Шани знал, что Родольф погиб, причем так, как дай бог всякому. Нелепая жизнь поэта завершилась яркой вспышкой, надо полагать, не пройдет и нескольких лет, как клирики вылепят из Глео праведника в белых одеждах, так что Лупе еще будут завидовать... Но где же все-таки она?

Шандер Гардани вздохнул и велел своим людям двигаться дальше. Оставаться среди пламенеющих от малиновых цветов развалин никому не хотелось, так что воины, с трудом скрывая облегчение, заворачивали коней. Шандер на всякий случай проехался в оба конца по тому, что некогда было главной улицей, встретил еще нескольких кошек, ошалело на него уставившихся, а затем юркнувших в развалины. Граф постарался убедить себя, что Лупе скорее всего вернулась в Гелань на Лисью улицу, где он ее и обнаружит. Шандер вздохнул и, сорвав с ближайшего куста кисточку темных кислых ягод, тронул поводья.

Говорить и даже думать не хотелось. Он молча ехал позади молодого воина с орифламмой, хотя смотреть на эту самую орифламму было некому. Тени становились длиннее, приближался вечер... Внезапно мышастый иноходец Шандера вскинулся на дыбы, звонко заржал и, сделав неожиданный прыжок в сторону, вырвался из шеренги и бросился в лес. Гардани был прекрасным наездником, но все произошло слишком неожиданно, и ко всему поводья арцийской работы не выдержали и лопнули. В таком положении всаднику остается лишь следить, чтобы низкие ветки, протянувшиеся поперек тропы, не выбили его из седла, и надеяться на то, что обезумевшая лошадь рано или поздно остановится.

Конь, видимо, неся по кабаньей тропе, вскоре глухой стук копыт сменился чавканьем, местность явно понижалась, затем лес расступился, и перед Шандером раскинулась бугристая ярко-зеленая равнина — знаменитые Кабани топи. Конь сломя голову мчался прямо в самую их сердцевину, и Шандер понял, что назад дороги не будет. Стоило пережить плен, Адену и Кантиску, чтобы найти дурацкую, случайную смерть в болоте... Только вот серый неся по бездонным топям, как по лучшему лугу, стелилась под копытами ядовито-зеленая болотная трава, сверкали брызги да взлетали с треском разьевшиеся летние утки. Наконец сумасшедший бег замедлился, и графу удалось ухватить обрывки поводьев. Впереди темнели кусты, указывающие то ли край трясины, то ли относительно сухой островок, и Шани послал лошадь туда. Та, тяжело поводья взмыленными боками, повиновалась. Стена сплетенных ветвей расступилась и вновь сомкнулась, и они въехали на небольшую поляну, посреди которой возвышался серо-лиловый валун, на котором сидела худенькая женщина в ярко-зеленой тунике. Шандеру показалось, что он сходит с ума, а она повернула к нему обрамленное пепельными волосами личико, украшенное огромными

¹³⁴ Травянистое растение с высокими малиновыми соцветиями, название, видимо, происходит от того, что цветение выпадает как раз на конец лета, которое как бы «сгорает» на его огне.

глазами, когда-то напоминавшими по цвету камень-лиственник, но сейчас более похожими на весеннюю листву, просвеченную солнцем.

— Лупе! — Шандер бросился вперед, но она быстро отступила за камень.

— Прости, что позвала тебя таким образом. Я не хочу, чтоб меня видели твои друзья...

— Но... Позвала? Ничего не понимаю? Как, ты в лесу?! Одна? — граф сделал шаг вперед, и женщина, останавливая его, протянула вперед узкие ладони.

— Шандер! Остановись и выслушай.

— «Слово дамы — закон для нобили!» — ничего лучшего, чем эта цитата из Кодекса Розы, в голову не пришло...

— «А для дамы закон — честь!» — бездумно ответила Лупе и опустила голову. — Я не знала, что ты жив...

— Я сам себя почти похоронил, — Шандер больше не пытался подходить, пораженный ее отрешенным тоном.

— Как ты спасся?

— Меня сначала спасли Рамиэрль и один гоблин, а потом — Герика.

— Да, про нее я все знаю, — серьезно кивнула маленькая колдунья, — она и есть Королева Осени... И Эстель Оскора. Я гадала в прошлом году... То, что уже случилось, теперь понятно, но, к несчастью, понимание пришло слишком поздно...

— Лупе, но, может, продолжим этот разговор в другом месте?

— В другом не получится. Я теперь живу здесь.

— Здесь?! — у него не было слов. — Но здесь только утки да кабаны, как же ты...

— Они ничем не хуже большинства людей...

— Я готов согласиться, что лучше многих, — разговор начинал его тревожить все сильнее, на смену первой радости пришло предчувствие беды, — но это не место для женщины... Ты уже не единожды пыталась бежать от себя, разве это помогло?

— Нет, — согласилась она, — не помогло.

— Лупе, — граф говорил быстро, комкая слова, словно боясь, что не успеет, — Лупе, возвращайся. Я все время думал о тебе... Когда я узнал, что ты была в Мунте, что мы разминувшись только на несколько дней, я чуть с ума не сошел. Почему-то подумал, что ты вернулась в Белый Мост. Я был там, но там только кошки и летние свечи. Я надеялся найти тебя в Гелани, и вдруг такое чудо... Я ведь люблю тебя, я это понял уже давно... Помнишь, как мы прощались у Симона? Ты ведь тоже? Правда ведь? Ты сейчас свободна, Глео погиб, война кончена, впереди все новое. Настоящее. Давай вместе забудем то, что было...

— Нельзя, — она сказала очень тихо, почти прошептала, но Шандер осекся, словно налетел на невидимую стену. — Нельзя, Шандер... Мы потеряли друг друга, когда расстались прошлой осенью, — она задумчиво накрутила на палец легкую пепельную прядку. Мы действительно почти полюбили друг друга... Меня мучило, что я замужем, что я тебе не ровня, но я была влюблена, я даже осмелилась на Большой Расклад, и О сказали мне, что у нас может быть будущее... Но «может быть» не всегда становится «есть»...

Долго рассказывать, что со мной было. Ты погиб — это было известно всей Гелани. Я ушла из города, встретила... Нет, это потом... Мы дрались с годовевскими убийцами, я, и Хозяин пуши, и другие, мы помогали Рыгору и его людям. А потом появился Луи... Я тебя уже оплакала и не думала, что что-то может еще быть... И не было бы, если бы не смерть, которая торопила нас... Шани! Я полюбила Луи... Родольф, он был моей выдумкой, ты — мечтой, а Луи... Он стал для меня... всем.

— Понимаю, — кивнул Шандер, кусая губы, — то, что я слышал о нем... Он был достоин тебя... Ты права, любовь всегда права... Но ты не можешь здесь оставаться! Я готов стать твоим другом. Клянусь, я больше тебе ничего не скажу, пока ты не успокоишься... Я могу долго ждать... Если нужно, всю жизнь.

— Зачем, — она подняла глаза, — у тебя еще все случится... Я тоже думала, когда узнала про тебя, что это конец... Но конца, пока мы живы, быть не может. Просто у тебя теперь своя дорога, а у меня своя.

— Нет, у нас одна дорога! Проклятый меня побери! В Гелань или, еще лучше, в мои владения. Я не дотронусь до тебя, я даже приезжать туда не буду, если ты не позволишь. Но я буду за тебя спокоен! Буду знать, что ты есть, что тебе ничего не грозит.

— А мне и так ничего не грозит, — улыбнулась Леопина, — все, что могло со мной случиться, уже случилось, и ни ты, ни кто другой ничего не изменит...

— Но не можешь же ты жить одна, в лесу?

— Могу. Только это я сейчас и могу, Шани... Не знаю, что бы было, если бы ты застал меня в Мунте. Сердце, оно ведь непредсказуемо. Счастье это нам бы вряд ли принесло, но без счастья живут почти все. Может, я и пошла бы с тобой, просто чтобы куда-то идти... Но тебя не было, и я решила...

— Но... разве тут есть циаалианская обитель? Или ее будут строить?

— Нет! Пока я жива, ИХ, — она произнесла это с неожиданной яростью, — здесь не будет! Шани. Я больше не человек. Кэриун... Не знаю, тебе Рене или Роман рассказывали?

— Да, — он медленно кивнул.

— Тогда ты поймешь... Кэриун позвал меня, и я согласилась. Прежняя Хранительница топей погибла, и ее заменила я. Даже захоти я теперь все изменить, это ничего бы не значило. Я привязана к Кабанным топям, я их часть, а они — часть меня... Я — Хранительница, Шани. Причем ставший Хранителем человек, в отличие от эльфа, не может покинуть места, которому он дает обет... наверное, мне не следовало с тобой встречаться, но ты должен понять, что я — прошлое. Твоя жизнь теперь намного короче моей, и ты не должен ее тратить, догоняя вчерашний день. Для тебя меня нет, пойми это и прими...

— Нет! — крикнул Шандер.

— Да...

2230 год от В.И.

2-й день месяца Собаки.

Святой город Кантиска

Рене пошевелил губами, продолжая в мыслях разговор с женой, и быстро прошел к Его Святейшеству.

Феликс принял герцога более чем официально, и причина была очевидна — рядом с архипастырским креслом с видом оскорбленной в лучших чувствах добродетели стояла Ольвия, предусмотрительно закутанная в скромную темно-серую одежду, а три резных седалища у стены занимали Максимилиан, духовник Ольвии Назарий, какового она притащила с собой в Святой город, и какой-то незнакомый Рене клирик. Что ж, пить, так пить... Рене отвесил пастырям полагающийся по канонам поклон и почтительно поцеловал перстень с изумрудом, решив про себя, что если церковники станут уж слишком наседать, он, Рене, прощаясь, «нечаянно» оговорится и поклянется Великими Братьями, дав понять, что Эланд отнюдь не является вотчиной Церкви Единой и Единственной.

Максимилиан оглядел герцога с ласковой укоризной и возвестил:

— Рене из дома Эландских Волингов! Твоя супруга перед Творцом и людьми обратилась к Церкви с жалобой на тебя и находящуюся с тобой в прелюбодейной связи дочь тарского господаря Герику. Так ли это? Признаешь ли ты свою вину?

— Да, это так, — Рене гордо вскинул белую голову: слова были произнесены, а играть в открытую было ему всегда легче. — Я люблю Герику, она любит меня. Перед Богом и людьми она свободна, я же вины своей перед этой женщиной не признаю, так как брак наш был устроен по политическим соображениям и она с самого начала оговорила себе полную свободу.

— Так ли это, дочь моя? — удивленный и обеспокоенный тон кардинала мог ввести в заблуждение кого угодно, но Рене прекрасно знал, что клирик давно и во всех подробностях осведомлен о личной жизни эландских властителей.

— Ваше Высокопреосвященство, — Ольвия немного замаялась, из чего Рене понял, что

она не ожидала такого поворота дел, — я была выдана замуж за стоящего здесь Рене совсем юной девушкой, и я была ему достойной женой. Не скрою, — герцогиня потупилась, — нравы эландского двора в силу его удаленности от Святого престола несколько более свободны, чем хотелось бы. Но теперь, когда супруг мой должен принять корону из рук Церкви, я намерена искоренить распушенность, дабы таянский двор стал одним из самых благолепных дворов Благодатных земель.

Умно, мысленно одобрил супругу Рене, списать все на прошлые заблуждения и обещать Церкви усиление ее позиций. Тем более Ольвия не очень-то и рискует. Ее любовник вряд ли последует за ней в Гелань, а искать себе нового поздравителя, так что будущей королеве самое время начинать думать о добродетели. По крайней мере, он, Рене, не намерен мешать ей спасти душу путем плотского воздержания.

Максимилиан, казалось, обдумывал услышанное.

— Ты права, дочь моя, что нравы эландского двора лучше оставить в Эланде, Церковь не склонна напоминать людям о свершенных ошибках, если те покаются и попросили прощения, но люди не столь склонны забывать чужие грехи. Королева же должна быть вне подозрений, как никто другой.

— Брат Назарий, — бархатный взгляд клирика обратился к низенькому седому духовнику Ольвии, — исповедовалась ли ваша духовная дочь в грехе прелюбодеяния, и дано ли ей отпущение? Или же она не знает за собой подобной вины?

Назарий робко заморгал подслеповатыми глазками и сообщил, что его духовная дочь в совершенном грехе не каялась...

Ольвия наградила старика грустной и ласковой улыбкой и подтвердила, что вины за собой не знает.

— Что ж, — вздохнул Максимилиан, — добродетель должна занять причитающееся ей место. Я слышал, что твоя кормилица, дочь моя, недавно пыталась защитить твою честь, но была осмеяна?

— Да, — скорбно опустила голову Ольвия, — неразумные и злые над ней жестоко насмеялись.

— Тот ли человек Зенобия, словам которого можно доверять?

— Да, — с трудом скрывая торжествующую улыбку, твердо произнесла герцогиня.

— В таком случае мы хотели бы ее выслушать.

— Она здесь, Ваше Высокопреосвященство, — с чувством произнесла истица, — Зенобия никогда не оставляет меня надолго.

— Пригласите ее.

Рене с возрастающим интересом наблюдал за тем, как разворачиваются события. Он достаточно хорошо знал Максимилиана, чтобы понять, что тот что-то затевает, но что? Впрочем, как бы то ни было, от Герики он не откажется.

Зенобия вошла с сознанием собственной значимости, и Рене запоздало пожалел о том, что за девятнадцать лет знакомства у него не нашлось свободной минутки, чтобы придушить мегеру. Максимилиан, выждав, пока кормилица оглядится, важно ее благословил и попросил рассказать все, что она знает. Баба затараторила, как стая сорок, жалуюсь одновременно на всех. Похоже, старая ведьма была истинным кладезем сплетен и имела глаза на затылке и уши на животе, как раз на уровне замочных скважин. Рене от отвращения передернуло, но Максимилиан слушал старуху с невозмутимым лицом, не останавливая, но и ни о чем не спрашивая. Постепенно словесный шторм начал спадать, и Зенобия, растерянно поморгав лишенными ресниц хитрыми глазками, остановилась.

— Поклянешься ли ты, дочь моя, именем Господа, что все сказанное тобой правда и то, о чем я тебя спрошу, также будет правдой?

Женщина, окинув недобрым взглядом Рене, истово приложила руки к костлявой груди, где под платьем находилась надетая при именовании восьмилучевая Звезда с Именем Творца.

— Хорошо, дочь моя. А теперь отвечай, кто является отцом второго сына и дочерей

твоей госпожи?

Казалось, Зенобия онемела, а кардинал, не отрывая от старой сплетницы внимательных глаз, внезапно ставших жесткими, задавал вопрос за вопросом:

— Как давно Ольвия Арройя вступила в прелюбодейную связь с Огистом Ганком? Как часто потворствовала ты ей в этом, передавая письма и обустроивая и оберегая места свиданий? Принимала ли ты подарки от Ганка за эти услуги? Как давно исповедовалась своему духовнику в этом грехе?

Старуха дрожала крупной дрожью, но молчала. И тогда клирик, тяжело привстав, вызвал храмовую стражу.

— Что ж, если ты, дочь моя, не желаешь говорить правду служителям Творца нашего, придется передать тебя в руки Скорбящих Братьев, ибо я имею точные сведения, что ты занимаешься Недозволенной ворожкой...

Адмирал с удивлением слушал, как Максимилиан перечислял прегрешения старухи, и в устах клирика невинная торговлишка противозачаточными зельями и гадание на обычных простеньких картах (об О Зенобия, видно, не имела и понятия) разрастались до размеров чудовищного святотатства. Будь на месте обвиняемой кое-кто другой, Рене бы искренне возмутился и не преминул бы заявить, что в Эланде, хвала Великим Братьям, покуда обходятся без синяков, но происходящее слишком живо касалось самого адмирала, и тот промолчал. Свидетельница же под тяжестью возведенных на нее обвинений неуклюже рухнула на колени и, безобразно голая, поползла к Феликсу, явно намереваясь облобызать архипастырскую мантию. Архипастырь нетерпеливым жестом остановил грешницу...

— Я готов поверить в твоё раскаяние, если ты честно ответишь на заданные вопросы.

Зенобия затравленно глянула сначала на побледневшую Ольвию, потом на Рене, затем снова на герцогиню и тихо произнесла:

— Огист Ганк первый раз взял ее на семнадцатом году...

— То есть за три года до свадьбы? — деловито уточнил кардинал. — И все это время она находилась с ним в связи?

Старуха вздохнула и, стараясь не смотреть на свою воспитанницу, кивнула головой.

— А Огист Ганк к тому времени уже был женат, и твоя госпожа это знала?

Зенобия вновь согласно склонила голову...

— Жена Огиста Ганка — родная тетка по матери твоей госпожи?

Этот вопрос в ответе не нуждался, но свидетельница ответила. Наступила напряженная тишина, затем Ольвия порывисто бросилась вперед, намереваясь что-то сказать, но Архипастырь остановил ее властным жестом, и та покорно отступила на указанное ей место. Феликс еще немного помолчал, обведя строгим взглядом присутствующих. Странно, но даже не слишком почтительно относящийся к Церкви Рене в этот момент невольно признал за бывшим рыцарем духовную власть и право судить и вынести приговор. Наконец клирик заговорил:

— Я выслушал жалобу Ольвии, супруги присутствующего здесь Рене. Я выслушал объяснение Рене. Я выслушал свидетеля и властью, данной мне Церковью нашей Единой и Единственной, объявляю свое решение.

Дана Ольвия виновата в глазах Творца нашего в прелюбодеянии, обмане Церкви и кровосмешении, ибо, вступая в брак с присутствующим здесь Рене, она находилась в преступной связи с другим мужчиной, связи, которую она не прервала, и к тому же она лгала, принося клятву перед лицом Церкви и Господа. Вину ее усугубляет то, что ее сожителем был женатый мужчина и член ее семьи. Кроме того, прижитые с ним дети обманно получили достойное и уважаемое в Эланде и за его пределами имя и, не зная о своем истинном происхождении, могут невольно впасть в грех кровосмешения.

Рене лишь оставалось подивиться осведомленности главы Церкви — о симпатии, возникшей между младшей дочерью Ольвии и одним из сыновей Огиста Ганка, знали немногие...

— Исходя из услышанного и оглашенного, — Его Святейшество возвысил голос, — я

устанавливаю, что брак присутствующих здесь Рене и Ольвии с самого начала был незаконным и объявляю о его расторжении. Единственный прижитый в этом союзе общий сын может носить имя отца и ему наследовать, но лишь если на то будет воля Рене Арроя. Присутствующую же здесь Ольвию я признаю виновной в тяжких грехах и во имя спасения ее души призываю добровольно уйти от мира, передав часть принадлежащего ей состояния в один из циаалианских монастырей, и вступить туда кающейся послушницей.

Самого же Рене, живущего во грехе со вдовой короля Таяны Герикой, обязую освятить сей союз перед Творцом нашим, как только истечет королевский вдовый срок. Объявляю приговор законным и обязательным. Арде!

— Арде! — ошеломленно произнесли большинство присутствующих, а в голове Рене пронеслась еретическая мысль о том, что лучше иметь Церковь другом, чем врагом, но всего лучше вообще быть от нее подальше...

**2230 год от В.И.
2-й день месяца Собаки.
Старая Таянская дорога**

— Сигнор Гардани, впереди отряд!

Шандер тряхнул головой, словно отгоняя докучливый сон:

— Какой еще отряд?

— До сотни всадников, какие-то повозки, рассмотреть пока не удастся...

— Далеко? — голос графа звучал чуть устало.

— С четверть весы, — в глазах молоденького аюданта горело предвкушение схватки.

— Хорошо, посмотрим...

Эти места Шандер Гардани знал, как эфес своей шпаги. Чуть впереди дорога делала резкий поворот, огибая довольно крутой одинокий холм; здесь водоносный слой подходил близко к поверхности, и у подножия било несколько ключей, питавших небольшое, но глубокое озеро, из которого брала начало речка Гусинка. Лучшего места для того, чтобы рассмотреть хорошенько тех, кто двигался навстречу, оставаясь до поры до времени невидимыми, нельзя было и желать. Шандер велел большей части своего отряда отойти под прикрытие прибрежных зарослей, а сам с двумя десятками всадников поднялся вверх по склону холма, где в незапамятные времена кто-то расставил огромные бурые камни, за самым маленьким из которых могла укрыться пара всадников.

Оглядевшись, Шани мысленно себя похвалил — дорога просматривалась отлично, причем их присутствие для проезжающих должно было стать полной неожиданностью, хотя он, Шандер Гардани, на месте командира неизвестного отряда, безусловно, отрядил бы кого-то проверить Ключевой холм. Что ж, посмотрим, кого Проклятый несет...

Внизу бежала дорога — грязно-белая лента среди золотистой перезрелой травы, а дальше маячили вершины пирамидальных тополей, отмечая, где еще недавно были Гусинки, село, давшее название речушке. Сейчас там, как и в Белом Мосту, как в десятках других фронтерских и таянских деревень, жили лишь вовремя удравшие кошки, вернувшиеся после ухода убийц на привычное место. Попытка усиления фантома Ройгу, вливанием в него новых и новых сил, обернулась жуткой смертью для тысяч людей. Причем Михаю и его приспешникам было все равно, кого убивать — арцийцев, таянцев, тарскийцев... Шандер невольно передернул плечами, вспомнив магию «Ожидающих», едва не стоившую ему жизни и рассудка. Что ж, они научили его ценить жизнь и свободу. Во всяком случае, смерть от несчастной любви ему не грозит! Он нужен Рене и Белке, и, в конце концов, без любви живут девять из десяти. Граф проверил, как ходит в ножнах шпага. Пистолы трогать не стал — на Марко, сменившего сгинувшего Сташека, можно положиться. Любопытно, кого все-таки сюда несет?

Облако пыли, появившееся на северо-востоке, двигалось очень медленно. Это не была походная рысь конницы, а скорее медленная, сонная поступь воловьего обоза. Что ж, тем

лучше. Шандер был бы не прочь помахать шпагой, сбрасывая напряжение и боль последних дней, но сейчас драка была нежелательна. Война закончена, и нужно быть предельно осторожным, чтобы еще тлеющие угли погасли окончательно... Но что же это за обоз?!

Граф поднес к глазам подаренный Рыгором окуляр — сам бывший войт относился к подобным игрушкам с суеверной крестьянской опаской и, хоть и признавал, что от них есть польза, предпочитал обходиться без них. Зато Шани выдумка некоего магистра точных наук пришлась очень по душе. Пыльная гусеница неторопливо ползла по дороге, и Шандер с удивлением разглядел, что впереди на толстой гнедой лошади едет клирик с кардинальской орифламмой.

Максимилиану тут делать явно было нечего, да он и не мог бы его обогнать. Других же клириков столь высокого ранга после смерти Иннокентия в этих краях не водилось. Тем не менее за сигноносцем двигались пара десятков человек в черно-зеленых одеяниях Церковной Стражи, затем тащился возок, запряженный четверкой мулов, опять же с кардинальскими знаками на дверях и крыше, а за ним две воловьих упряжки тащили нечто, напоминающее клетку на колесах, по краям которой также трусили черно-зеленые. Затем ехали всадники в дорожных одеждах, явно не воины и не церковники, замыкали же процессию повозки с поклажей и пять или шесть десятков воинов.

— Что бы это могло быть? — пробормотал Шандер, опуская трубу. Как бы то ни было, но клирики вряд ли могли представлять опасность, к тому же численное превосходство Шандера было очевидным. Граф дождался, когда замыкающий отряд поравнялся с высоким явором, росшим на берегу Гусинки, и, махнув Марко, выехал из-за прикрывавших его камней. Это послужило сигналом. «Серебряные» четко и быстро окружили незнакомцев. Они не проявляли враждебных намерений, но каждый мало-мальски сведущий в воинском деле человек понимал, что любая попытка к сопротивлению равнозначна смертному приговору. Впрочем, путники и не думали сопротивляться. Сначала они оторопело остановились, а затем дверца переднего возка отворилась, на дорогу прыгнул молоденький клирик, который помог сойти тучному человеку в зеленых кардинальских одеждах.

Шандер не поверил собственным глазам — перед ним был Тиберий! Самозванец также узнал графа, и на холеном лице с бегающими глазками появилась самая медоточивая из всех возможных улыбок. Он явно вознамерился благословить чадо, и Шандеру пришлось действовать быстро и решительно — сама мысль о прикосновении этой ядовитой жабы вызывала ни с чем не сопоставимое отвращение.

Гардани дал знак, и «Серебряные», на лицах которых читалось полное соответствие с чувствами, обуревавшими их капитана, обнажили оружие.

— Тиберий, — Шани слегка замялся, не зная, как обращаться к расстриженным клирикам, — бывший епископ Таяны и Тарски, вы виновны в государственной измене и ереси, и именем короля и Архипастыря я вас арестовываю!

Улыбка Тиберия стала еще слаще. Видимо, он готовился к подобному разговору, так как ответил не задумываясь, громко и внятно. Хорошо осведомленный о трусости клирика, Шандер насторожился: столь спокойное и уверенное поведение ничего хорошего не предвещало.

— Сын мой, — объявил самозванный кардинал, — в тебе говорит излишнее усердие и гнев, застилающий твои глаза. Ведаю, что я был оклеветан в глазах Его Святейшества, — заплывшие глазки попытались подняться к небу, — и Его Величества Рене, да продлит Творец их дни, но я, скромный служитель Церкви нашей Единой и Единственной, не ропщу, но с кротостью принимаю клевету и попреки. Сам же, как пчела, неустанно ношу мед свой в улей общего нашего дела.

Да будет тебе известно, что я, недостойный сын Всеобщего Отца нашего, с Его помощью и по Его велению открыл врата Высокого Замка, этого оплота ереси, чернокнижия и злонравия, и низверг нелюдей и богомерзких еретиков, его захвативших, — Тиберий перевел дух, заодно пытаясь понять, какое впечатление произвели его слова, но строгое лицо Шандера оставалось спокойным, как изображение на старинной эльфийской медали,

расстрига набрал воздуха и продолжал еще более проникновенно: — Я, молясь неустанно о здравии Славы и Надежды Благодатных земель Благочестивого и Победоносного Рене из рода Волингов и его воинства, внес посильную лепту в победу над самозванным регентом Михаем Годоем и его сподвижниками-еретиками. Но, будучи скромным служителем Церкви нашей Единой и Единственной, я не считал для себя возможным воспользоваться плодами сей победы и в сопровождении верных сынов Церкви решил отправиться к престолу Архипастырскому, дабы передать в руки Его Святейшества Феликса Первого ключи от Высокого Замка, а также то, что сейчас с видимым удовольствием передаю в ваши руки. Ибо я, человек мирный, с невольным страхом думал, удастся ли мне доставить то и тех, что я везу, в Кантиску. Я немолод, — Тиберий горестно вздохнул, — и нездоров, — ты же есть первый из воинов Его Величества...

— Рене Аррой еще не коронован, — оборвал затянувшийся монолог Шандер Гардани, — а ты решением Архипастыря, подтвержденным конклавом, лишен сана и объявлен предателем и преступником.

— Ведаю о том, — скорбно кивнул Тиберий. — Но безгрешных на грешной земле нет и не может быть. Даже владыки мирские, даже князья Церкви и те ошибаются... Я прошу тебя пройти со мной, и ты поймешь, что оклеветанный и оказавшийся в логове зверя, я, с Божией помощью, одержал победу над Антиподом и прошу лишь о праве сложить ее к ногам Архипастыря...

— Хорошо, я посмотрю, — кивнул Шандер, — но сначала ваши люди сложат оружие.

— Да будет так, — значительно кивнул толстяк, — они сделают это с радостью, ибо вооружились токмо по моей просьбе, дабы сопровождать меня через дикие и опасные земли. Под защитой же ваших мечей, сын мой, мы чувствуем себя в безопасности.

Шандер не ответил, но «Серебряные», ловко и споро перемешавшиеся с обозниками, быстро сделали свое дело. Отряд Тиберия был разоружен. Граф, наблюдая за происходящим, заметил странное, граничащее с ужасом выражение на лицах некоторых воинов, но на худом лице по-прежнему не отразилось ничего — в застенках у Михая Шандер научился владеть собой.

Граф спешил, бросив поводья подбежавшему Марко, и неторопливо пошел за переваливающимся Тиберием. Тот прошествовал через строй клириков с напряженными лицами к сооружению на колесах, которое Шандер заметил еще с холма. Это действительно была клетка, водруженная на большой соляной воз, более того, Шани ее узнал по особым образом изогнутым прутьям. Когда-то в прежние времена она стояла в замковом зверинце. Теперь же в ней находились два живых человека и одна голова.

Как Шандер ни владел собой, но, столкнувшись с остекленевшим тяжелым взглядом Михая Годоя, он побледнел. Сколько раз, прикованный к постели, он представлял себе встречу с магом-регентом, сколько раз во сне и в мечтах всаживал ему в горло клинок и вот теперь встретился с ним на пыльной дороге. Страшный Михай, таинственный Михай, непобедимый Михай был мертв и являлся всего лишь разменной монетой, за которую его жалкий сообщник хотел купить себе прощение и, возможно, даже награду...

Наверное, потому, что взгляд Годоя слишком долго преследовал Шани по ночам, граф видел только голову своего мучителя, и Тиберий, явно озадаченный и недовольный затянувшимся молчанием, вмешался:

— Человек, возомнивший себя равным Творцу нашему и поднявший руку на святую Церковь и властителей земных, мертв, но его ближайшие приспешники предстанут перед судом духовным и светским. Вот они — блудница и злокозненный язычник, упорствующие в своих многомерзких грехах!

Шандер с трудом оторвал взгляд от мертвой головы и попал из огня да в полымя, столкнувшись с тяжелым, нехорошим взглядом гоблина. Шандер окаменел, словно Годой снова наложил на него свои чары. Пленник медленно отвел глаза, даже не попытавшись заговорить. Ни гневных обличений, ни просьб о пощаде не было. Воины умирают молча. Уррик дал клятву хранить тайну, и он ее хранил. Шандер такой клятвы не давал. Выхватив

из кучи отобранного оружия алебарду, граф с силой рубанул по замку, даже не подумав спросить о ключе. Лезвие со звоном отскочило. Шани ударил еще и еще, вкладывая в эти удары всю свою прежнюю и нынешнюю боль и ярость. Гоблин с каменным лицом следил за руками Шандера, но женщина, лежащая ничком на дне клетки, даже не обернулась на шум.

Тиберий пытался что-то бормотать, Шандер в ответ удостоил его лишь одним взглядом, но таким, что расстрига то ли пискнул, то ли хрюкнул и постарался спрятаться за спинами своих подручных, однако «Серебряные» решительно вытолкнули его назад. Замок наконец поддался, и Шандер рывком распахнул дверь.

— Выходите!

Пленник не пошевелился.

— Выходите! — повторил Шандер.

— Ты забываешься, граф, — завизжал Тиберий. — Это — преступники и еретики...

— Кто бы они ни были, — отрезал Шандер, — они не звери, чтоб возить их в клетках. А вот ты, — лицо Шандера скривилось от отвращения, словно он наступил босой ногой на что-то мерзкое, — ты жрал из рук Михая, принял от него фальшивый сан, благословил на войну... Пока он ходил в победителях, он для тебя еретиком не был. Ты двойной предатель и, если это будет выгодно, будешь предавать и дальше. Неужели ты думаешь, что Архипастырь или Рене после всего примут тебя с распростертыми объятиями?!

— Как бы то ни было, именно я победил еретика и схватил его приспешников! И мои заслуги будут оценены по достоинству. — Тиберий еще что-то говорил, но Шандер его не слышал, так как в растрепанной, прятавшей лицо женщине, с трудом вылезавшей из клетки, он узнал Ланку. Ланку, которую он пытался спасти перед тем, как угодить в плен! Ланку, которую он когда-то учил скакать верхом и держать шпагу. Сестру его друга и сюзерена и... жену Михая Годоя!

— ...сообщница богомерзкого еретика, чьи руки по локоть в крови невинных жертв, — бубнил Тиберий. Воины затаили дыханье. Ланка молчала, опустив голову, и только безуспешно пыталась стянуть на груди разодранное платье, а Уррик как мог прикрывал ее от посторонних взглядов.

— ...за преступления перед Церковью Единой и Единственной, запрещенное ведовство и непотребную связь, — зудел Тиберий. Шандер отвел глаза от Иланы и поднял их к небу. Оно было огромным, чистым и равнодушным. Ему явно не было дела до того, что творится на грешной земле.

— ...как ведьму! — конечный взвизг лжекардинала вернул Шандера к действительности. Никогда и никто, включая Михая Годоя, не вызывал у графа Гардани такого отвращения. Но Тиберий был прав. Вдова Михая и командир гоблинской стражи были ценной добычей, а взятие Высокого Замка и уничтожение владеющего магией Годоя — заслугой, за которую можно простить многое. Но Шандеру Гардани отчего-то не хотелось благодарить толстого клирика. Напротив!

Молчание затянулось. Нужно было что-то делать. Собственно говоря, все казалось очевидным. Пленных вместе с Тиберием, которому следовало выразить благодарность — как же, политика, Проклятый бы ее побрал! — надо было отправить в Кантиску в сопровождении сотни-другой «Серебряных», ему же надлежало мчаться в Гелань и принимать дела, но душа графа к столь очевидному решению не лежала.

Шандер был воином, а не интриганом, и победа, одержанная при помощи подонка и предателя, его не только оскорбляла, но казалась чем-то неправильным и опасным. Тем не менее в одном Шандер был уверен — к женщине, в каком бы преступлении она ни обвинялась, нельзя относиться по-скотски. Может, не Расскажи ему в свое время Рене о судилище в Белом Мосту, затеянном синяками, он бы и повел себя иначе, хотя вряд ли... Граф Гардани был воспитан в убеждении, что врага следует убить, но не издеваться, и что глумление над тем, кто не может себя защитить, унижает не слабого, а сильного. Это все и решило.

— Бласко! — Молодой додекан появился немедленно. — Командуйте привал. Вон там,

на лугу у озера. Выше Высочество, — он решительно поклонился Ланке, — я сожалею, что вынужден задерживать вас, вашу судьбу будут решать другие, но я выражаю свое сожаление о том, что с вами так обращались. Вы немедленно получите все необходимое. Ваш телохранитель может оставаться с вами и далее, впрочем, это как вам будет угодно! Да, Коста?

Темнобровый «Серебряный» что-то прошептал графу на ухо, и тот стремительно пошел за ним, велев Бласко приглядывать за Тиберием и его людьми.

Вернулся он быстро и совсем в другом настроении — мир вновь стал с головы на ноги и делился на порядочных людей и подлецов, с которыми можно было не церемониться.

— Где тут Гонза Когуть, клирик, известный под именем Евлалия, и братья Цокаи?

Двое названных, зябко поводя плечами, вышли вперед, третий попробовал затеряться в кучке черно-зеленых, но был ими вытолкнут. Люди Тиберия явно не относились к тем, кто будет закрывать собой товарища.

— Признаете ли вы, — Шандер говорил тоном, не допускающим возражений, — что доносили на недовольных Михаем Годоем, получая за это вознаграждение, а Евлалий к тому же нарушал тайну исповеди?

Трое молчали, причем физиономия Гонзы стала багрово-красной, а клирик и Курай смертельно побледнели.

— Что вы можете сказать в свое оправдание? Ничего? Повесить их. Немедленно.

Если «Серебряные» и удивились, то виду не показали. Трое были немедленно схвачены, и начались те жуткие приготовления, без которых не обходится ни одна война.

Обезумевший Имре Цокаи тщетно пытался вырваться из схвативших его сильных рук, а Гонза и Евлалий громко завопили, и из их воплей явствовало, что творили они все по приказу и с благословения Тиберия и прочих, что в доносах и прочих непотребствах виновны не только и не столько они... Имена сыпались, как горох. Выходило, что почти все шедшие с обозом, кроме, пожалуй, рядовых стражников, доносили, пытали, грабили, участвовали в казнях. Все что-то получили из рук Годоя и Тиберия или же присвоили сами... Они жили в домах погубленных ими людей, ходили в их драгоценностях, насиловали их жен и дочерей. Они доносили друг на друга и выхвалялись друг перед другом, проталкиваясь поближе к трону Годоя, и они же решили откупиться головой вчерашнего повелителя... Евлалий и Гонза не собирались умирать в одиночку и бросались все новыми и новыми подробностями, от которых лицо Тиберия позеленело, а клирик грохнулся на пыльную дорогу.

— Хватит! — поднял руку Шандер Гардани. — Что ж, не в моей власти судить тех, кто отмечен Церковью. Это дело Архипастыря и конклава. Зря я сломал клетку, похоже, это единственное место, достойное такой твари, — и граф брезгливо отодвинулся от туши лжекардинала. — Значит, так, ребята. Клириков придется гнать в Кантиску, другого выхода у нас нет. Но эти, — он обвел взглядом остальных пленных, — ответят здесь и сейчас. Церковь велит прощать своим врагам, но я не намерен прощать тех, на чьей совести сотни чужих жизней.

— Но, сигнор, — Бласко посмотрел на графа, словно видел его впервые, — может быть, не все они виноваты одинаково?

— Да, не все... Но жизнь у них одна, — Шандер словно бы сразу постарел, но лицо его выражало непоколебимую уверенность в своей правоте, — впрочем, сейчас мы все узнаем. Уррик пад Рокэ! — Гоблин, бесстрастно созерцавший предыдущую сцену, наклонил голову в знак того, что слышит. — Можешь ли ты поклясться честью, что кто-то из присутствующих здесь невиновен в убийствах и доносах?

— Нет, — последовал четкий ответ, — я могу поклясться честью только в том, что видел собственными глазами. Я могу назвать тех, в делах которых не сомневаюсь.

— Назови, — потребовал Шандер. И Уррик назвал. — Что ж, эти умрут здесь и сейчас. Клириков — в Кантиску. Те, чья вина не подтверждена, поедут с нами в Гелань. Если до конца месяца не найдутся свидетели их преступлений, они будут отпущены. Ее Высочество

и ее телохранителя также необходимо доставить в Кантиску, и сделать это придется вам, Бласко. Выедете утром. Я еще должен написать письма Его Святейшеству и Его Величеству... Да, голову Годоя надо куда-то положить... Я бы ее вовсе сжег, но тут нужен совет кого-то, сведущего в магии. Как бы то ни было, ее тоже придется взять с собой. Что вы стоите? Выполняйте!

— Но, сигнор, вы всерьез полагаетесь на слово этого гоблина?

— Да. Он поклялся честью. Гоблины не лгут, а этого к тому же я знаю лично. Он назвал только тех, в чьей вине уверен, и я не собираюсь продлевать их пребывание в этом мире. Вы видели Белый Мост, впереди лежат Гусинки, и таких гусинок по Благодатным землям не счесть. И все по милости подобных тварей. Михай был страшен, но эти... эти еще страшнее. Потому что они всегда есть и всегда будут, и стоит только появиться кому-то в силе и свистнуть, как они бросятся предавать и душить... Так вот эти больше ничего подобного не сделают. И не смотрите на меня так, я отвечаю за свое решение и перед людьми, и перед королем, и перед тем, кто над нами. Если он, конечно, есть!

Глава 40

2230 год от В.И.

Ночь со 2-го на 3-й день месяца Собаки.

Старая Арцийская дорога

Криза облегченно вздохнула, увидев лагерь. Все в порядке, она не отстала, хотя повозки тащились с такой скоростью, что за ними бы угнался и пеший человек, чего уж говорить о молодой сильной орке, подгоняемой любовью и отчаяньем.

Дочка Гредды шла за караваном Тиберия от самой Гелани. Шла ночами — ее специфическая внешность на степном тракте вынуждала прятаться от людских глаз. Слишком много северные недоумки натворили здесь бед, а расхлебывать пришлось другим. В том числе и Уррику, за которого Криза была готова умереть, хотя прежде следовало попробовать его освободить. И Илану, разумеется, потому что Уррик ее не бросит. Правду сказать, при всей своей нелюбви к принцессе юная орка отдавала ей должное, та повела себя достойно.

Лежа от восхода и до заката в придорожных оврагах, Криза придумывала план освобождения. Нужно было как-то подобраться к клетке, открыть ее и вывести пленных. Хорошо бы, это удалось сделать без боя, но на всякий случай нужно добыть оружие для Уррика — Илана, судя по всему, была слишком измотана, чтобы драться.

В одном орка не сомневалась — бежать нужно, когда караван окажется поблизости от перевала. Найти гоблинов в горах то же, что рыбу в реке... А потом нужно вернуться к своим. Уррик и Илана останутся под покровительством деда, а она найдет Романа и расскажет ему все, а ей было что рассказать...

После убийства Годоя в Замке все изменилось. Набившиеся туда мародеры, доносчики и подхалимы Михая столь откровенно тряслись за свои никчемные шкуры, что, казалось, их страхом провоняли даже стены. Криза знала, что такие люди, как крысы, будучи загнаны в угол, постараются загрызть, а у засевших в Высоком Замке двуногих крыс к тому же было оружие, и они умели с ним обращаться.

Старая Катриона, нянька Иланы, первой учуяла опасность. Она уговаривала принцессу бежать вместе с малышкой Ларой и теми немногими, на кого можно рассчитывать, но Илана понадеялась на своих головорезов. Вдова Годоя хотела во что бы то ни стало дожидаться таянского герцога, и Криза была готова поклясться, что это не просто так. Только счастливая любовь ослепляет, неразделенная же заставляет подмечать малейший вздох, незаметную дрожь в голосе, слегка дрогнувшие веки. Орка не сомневалась — Илана ждет, потому что любит и надеется. Вместе с ней ждала и надеялась и Криза: пусть этот северный герцог, про

которого с такой теплотой говорил Роман, придет и заберет принцессу. Тогда Уррик останется один, и кто знает...

Но вместо герцога Рене вбежала старая Катриона. Те, на кого надеялась Илана, предали первыми: сговорившись с Тиберием, они решили выкупить свои поганные жизни головами Иланы и Уррика. Весть о мятеже застала всех троих в малом кабинете Королевской Башни, откуда не было потайного выхода. Илана стиснула зубы, но ничего не сказала, только выхватила из ножен кинжал, с которым последние дни не расставалась, и бросила Катрионе, а сама взяла одну из висевших на стене шпаг. Криза тоже вытащила свой охотничий нож, но Илана покачала головой:

— Девушка, о тебе в суматохе наверняка позабыли, им нужны мы с Урриком. Тут есть ниша, спрячься в ней и пережди, потом... Ты знаешь мои старые покои, вот ключи. Там есть потайная лестница...

Криза знала эту лестницу. Ревность смотрит десятью глазами... К счастью, объяснять, откуда ей известен секрет принцессы, не понадобилось. Ланке было довольно, что она знает.

— Запоминай! В круглой комнате за занавесом часовня, там икона, ну, картина, там изображена женщина в белом. Надави на мизинец, откроется ход... Уходи...

— Нет, — огрызнулась Криза.

— Уходи, — голос Иланы предательски дрогнул, — и постарайся спасти девочку, пока ее не хватились. Я обещала ее матери, что она будет принцессой, а тут...

Криза понимала, что спасти ребенка ее долг, но Уррик!!! Оставить его на растерзанье этой своре. А в дверь уже колотили кулаки...

— Прячься, — крикнул и Уррик.

— Я не уйду от тебя! — не выдержала Криза. — Я люблю тебя.

— Если любишь — уйдешь, — отчаянно выкрикнул воин, — спаси Лару, а нет, так не дай им откупиться нашими головами, ты им этого не позволишь. Расскажи все Рене!

— Все? — прошептала она.

— Если я говорю все, значит, все. Прячься! Они сейчас вломятся.

Дочка Гредды в последний раз стрельнула глазищами в сторону любимого и, засунув нож за пазуху, скользнула за занавес. В тот же миг дверь не выдержала. Уррик, Ланка и старуха бросились вперед, вон из комнаты, и орка понимала почему — они хотели увести предателей подальше от нее. Шум вскоре затих, но орка выждала еще с пол-оры, прежде чем выскользнуть из ставшей ловушкой комнаты. Капли крови на лестнице говорили о том, что здесь дрались, но ни мертвых, ни живых вокруг не было.

Ларуна преспокойно спала в комнате Катрионы, ее, видно, еще не хватились, и Криза без помех вынесла человеческого детеныша из замка. Без помех, если не считать того, что ребенка приходилось кормить, переодевать, успокаивать... К счастью, девушка побывала в Гелани с Романом и даже помнила старую Терезу, которая ее и приютила вместе с девочкой. Старуха охотно возилась с Ларуней, а орка с кошачьим упорством караулила вокруг Замка, при этом умудряясь не попадаться на глаза людям. А потом из ворот выехал обоз. Растерявшиеся горожане не посмели остановить Тиберия, предъявившего им столь веское доказательство своей правоты, как голова Годоя и схваченный предводитель гоблинских наемников. Единственное, на что сподобился новый эркард, это отправить с обозом десятка два эркардных стражников,¹³⁵ которые тут же заробели и понуро плелись в хвосте у процессии.

Нет, Криза не сомневалась в справедливости северного герцога, потомка Инты. Она боялась, что ему предъявят не одну, а три отрубленные головы, а потому решила действовать на свой страх и риск... До гор оставался один дневной переход, но Криза, прежде чем окончательно успокоиться, решила посмотреть на лагерь вблизи. Там на засохшем дереве мерно покачивались два тела. Сердце девушки подскочило к горлу, потом провалилось вниз,

¹³⁵ Эркардная стража — городская стража.

вновь вернулось на свое место и затрепыхалось, как пойманный воробей. С трудом сглотнув, она подошла поближе. Хвала Великому Омму! Это не Уррик! Это братья Цокаи... Не выдержав, орка подскочила и хлопала в ладоши.

Видимо, те, кто повесил братцев, были хорошими охотниками. Две высокие молчаливые фигуры выросли как из-под земли. Девушка выхватила нож, намереваясь защищаться.

— Бласко, глянь-ка, девка. Да чудная какая!

— А она с тех, с горных, видать... Эй там, — воин крикнул во тьму, видимо, там были еще воины, — позовите-ка дана Гардани.

— Шандера Гардани? — пискнула Криза.

— Шандера, — удивленно подтвердил названный Бласко, — да ты, девка, его никак знаешь?

— Знаю, — со вздохом облегчения проговорила Криза и разжала ладони. Нож с тихим стуком упал на землю.

2230 год от В.И.

3-й день месяца Собаки.

Старая Арцийская дорога

— Я пришел проводить вас, Ваше Высочество. Может быть, у вас есть какие-то пожелания?

— Вас? Ваше Высочество? — негромко переспросила Ланка... — Раньше ВЫ, граф, меня так не называли... По крайней мере наедине.

— Раньше было... раньше, — пожал плечами Шандер, — мы все стали другими за эти два года.

— Что ж, я в любом случае благодарю... вас за то, что вы избавили меня от этой мерзкой клетки. Я знаю, что снисхождения не заслуживаю, но есть вещи страшнее смерти.

— Есть, — согласился Шандер, — я это знаю очень хорошо.

Офицерская палатка, в которой разместили пленницу, роскошью не отличалась, но она хотя бы прятала от посторонних глаз то, что скрывает любая дама. У Ланки в распоряжении была целая ночь и сколько угодно воды и мыла, так что сидящая перед Гардани женщина больше не напоминала безумную нищенку. Дамского платья в отряде, разумеется, не нашлось, но Ланке не привыкать было носить мужскую одежду.

— Мы нашли ваши рубины.

— У Тиберия?

— Разумеется.

— Что с ним будет?

— Не знаю, но, думаю, Феликс и Максимилиан воздадут ему по заслугам. Я предложил Уррику свободу. В конце концов, он всего лишь гоблинский наемник, а Рене разрешил горцам беспрепятственно вернуться к себе домой.

— Он всегда был дальновиден, — кивнула дочь Марко, — их слову можно верить, к тому же они сражались бы до последнего бойца, а у вас вряд ли много лишних людей!

— Вы правы! — подтвердил Шандер. — То, что затеял Михай, Благодатным землям обошлось дорого, хотя все кончилось не так страшно, как могло бы...

— Да. — Она снова кивнула. — Уррик, конечно, отказался?

— Отказался. Я ничего другого и не ожидал.

— Я тоже. Он настоящий... друг. Что со мной будет?

— Думаю, все не так страшно. — Шандер пристально взглянул в печальные глаза. — Очень многое, если не все, зависит от Рене, а он не будет мстить, особенно вам.

— Как он? — голос Иланы впервые слегка дрогнул. — Здоров?

— Да, с ним все в порядке. Он принял корону Эланда, но это еще не все...

— Разумеется, корона Таяны по закону переходит к нему или его сыну...

— И корона Арции.
— Что?!
— Арция хочет видеть его своим императором.
— И он согласен. А мунтские Волинги?
— Луи убит, остальные короны не стоят.
— Значит, так все и вышло... Император Рене. А Ольвия — императрица...
— Не обязательно, — начал Шандер и отчего-то замолчал. Рассказывать Ланке про Герику было бы слишком жестоко. Узнает сама... Со временем.

Илана снова опустилась на скамейку, сжав виски тонкими руками. Графу было жаль ее, но он старался ничем не выдать своих чувств. Как унизительна и невыносима чужая жалость, он испытал на себе.

— Ты, — он сам не понял, как с его губ сорвалось это обращение, — не хочешь видеть Уррика?

— Хочу, — в золотисто-карих глазах вспыхнуло сначала удивление, а затем радость, — но разве это можно?

— Почему нет? — пожал плечами Шандер. — Если он твой друг...

— Он больше чем друг, — с горечью сказала Ланка, опуская голову, — он все, что у меня осталось, остальное я погубила...

— Ну, зачем ты так, — дочка Марко с детства скрывала слезы именно таким образом, а они со Стефаном... Шандер присел на корточки и снизу вверх посмотрел в лицо принцессе, соорудив забавную гримаску... — Э, и кто это у нас тут намокает, а?

Женщина вздрогнула, как от удара, и наконец расплакалась совершенно по-детски, вздрагивая всем телом и широко раскрывая рот. Гардани вдруг вспомнил, как старый Лукиан на охоте, не заметив принцессы, перерезал горло переломавшей ноги лошади. Тогда девятилетняя Ланка точно так же ревела в голос, а он, в ту пору всего лишь виконт де Лара, другар наследника, уволок девочку в малинник и там утешал, угощая с ладошки спелыми ягодами... Нет, все-таки прошлое держит всех железной хваткой. Шандер бережно взял обеими ладонями лицо принцессы и большими пальцами вытер слезы.

— Не надо плакать, мы живы, и это главное... Всем нам было плохо, да и сейчас... — он оборвал сам себя — не хватало еще рассказать ей о Лупе, — ну, успокойся же, не может ведь быть все время плохо, должен же в конце концов поменяться ветер...

— Ты стал совсем эландцем. — Ланка сквозь слезы попробовала улыбнуться. Нельзя сказать, чтобы ей это удалось, но безнадежности в ее глазах больше не было. — Знаешь, Шани, — она назвала его прежним именем, — гоблины говорят, что жизнь дается нам для того, чтобы мы могли подготовиться к смерти, которая только и позволяет судить, кем ты был...

— Не думаю... — Шандер уселся на полу, взяв Илану за руки, помолчал и повторил: — Нет, не думаю... Жизнь и нам, и всем остальным от деревьев до этой вот комашки, — граф щелчком сбил небольшого красного жучка с рукава, — дается просто потому, что дается. А смерть, смерть нужна для того, чтобы те, кто в состоянии думать и чувствовать, могли оценить жизнь... В конце концов, она стоит того, чтобы за нее, если нужно... пожертвовать жизнью...

— Ты странно говоришь, — все еще всхлипывая, пробормотала Ланка, — но ты не так уж и не прав... Жизнь — это такое дорогое, что единственная ее цена — она сама...

Эстель Оскора

Белка вытащила меня из постели еще затемно. В сегодняшней церемонии дочке Шандера была отведена почетная роль моей подруги, тем паче других подруг у меня ни здесь, ни где бы то ни было не имелось. Я безумно боялась, что мне навяжут Илану, и, как выяснилось, совершенно зря. Таянская принцесса должна была принести присягу новому императору и королю и, согласно этикету, не могла исполнять никаких иных обязанностей.

Странно, что когда-то Ланка мне покровительствовала, а я ее любила и почитала за высшее существо. Мы встретились не просто как чужие, а как враги.

Рене и Феликс сочли за благо объявить всем, что Илана подпала под чары тарского господаря и была не палачом, а жертвой. Возможно, так оно и было, но глаза у принцессы были несчастными и злыми, как у кошки, из когтей которой вырвали воробья. Я бы хотела ее пожалеть и ей поверить, но увы... Всепрощения и кротости во мне было мало, да и возлюбить того, кто тебя столь явно ненавидит, трудновато, что бы там ни говорили клирики. Похоже, общество Иланы тяготило не только меня. Уцелевшие «Серебряные», арцийцы, даже эландцы — все они старательно избегали вдову Годоя, да и она платила им той же монетой.

Впрочем, я должна была быть благодарна Ланке хотя бы за то, что она вытеснила мою скромную особу из центра внимания всяческих сплетников и сплетниц, каковых хватало и среди нобилей всякого ранга, и среди клириков, и среди горожан.

Вдова страшного Годоя и ее действительные и мнимые прегрешения занимали этих бездельников куда сильнее вещей действительно важных. Дошло до того, что я своими ушами слышала, как две целомудренные девы-циалианки в белых одеждах прямо во храме шепотом обсуждали подробности супружеской жизни пособника Антипода и утверждали, что дочь Иланы появилась на свет с зубами. Представляю, в какой бы восторг пришли эти ханжи, узнай они правду об Уррике...

Вот кого мне было жаль. Оказавшись в Кантиске, Илана дала своему любовнику, не жалевшему ради нее ни жизни, ни чести, полную отставку, даже на глаза к себе не пускала. По лицам гоблинов трудно понять, что у них на душе (хотя тот же Уррик объяснил вездесущей Белке, что у гоблинов души нету), но мне было его безумно жаль. Хорошо хоть бедняга нашел себя в служении «крови Инты», к каковым относились я и Рене.

Несмотря на настойчивые протесты Максимилиана, Рене принял сдавшихся гоблинов к себе на службу, организовав из них нечто вроде личной охраны. Горцы к своей новой службе относились страшно серьезно, и теперь под нашими окнами постоянно торчали молчаливые воины с обнаженными ятаганами. Выглядело это весьма внушительно и интригующе. Я довольно быстро привыкла к этим созданиям, отличавшимся от людей разве что чуть более длинными клыками да узкими глазами, способными видеть в темноте. Это была красивая раса, на гербе которой лично я бы изобразила рысь...

Гоблины мне изрядно напоминали Преданного, которого я бросила на произвол судьбы в Эланде. Хорошо хоть Ягоб Лагар догадался привезти моего кота сюда, а то мне его изрядно не хватало. Кстати, Преданный сразу же нашел общий язык с моими новыми стражами, да и они, похоже, признали его за своего. Вообще на подворье Архипастыря собралась престранная компания, и не будь заслуги Феликса столь очевидны, а сан высок, бедняге не миновать бы обвинения в ереси и Недозволенном колдовстве. Я уж не говорю о такой вещи, как оскорбление целомудрия!

Да, Его Святейшество поселил нас с Рене не просто в разных комнатах, а на разных этажах, но потайной ход, известный лишь одному Архипастырю, превращал наши спальни в одно целое, так что ночи были нашими, зато дни мы проводили в скучнейших церемониях и встречах. У Рене хотя бы были минуты уединения с умными и нужными людьми, а вот на мою долю выпало убажение целой своры куриц и кошек, прибывавших в Кантиску, дабы участвовать в беспримерном событии — коронации первого императора Благодатных земель.

К концу дня я начинала чувствовать себя попугаем из Эр-Атэва, бесконечно повторяющим дурацкие любезные фразы. Если бы не Белка, я бы точно рехнулась, но дочка Шани всегда умудрялась мне вовремя шепнуть нечто такое, что единственной моей заботой становилось не рассмеяться. Белка была счастлива и довольна, а вот ее отец... Я с трудом узнала Гардани, когда тот вернулся из Таяны. Нет, Шани оставался все таким же — задумчивым, молчаливым и красивым, в Таяне он сделал все как надо, но, когда он переставал говорить о делах, его глаза казались пустыми и выгоревшими, как дом после

пожара. Я понимала, что это связано с Лупе, но боялась спросить его напрямую, тем паче он старательно избегал оставаться со мной наедине. Видимо, наше с Рене счастье, хоть и изрядно отравленное коронами и дураками, напоминало ему о его потере. Зато он накрепко сошелся с Урриком. Это была дружба двоих мужчин в лучшем и высшем смысле этого слова, мужчин, которые спасли друг друга и к которым судьба была не слишком добра. И все же мне казалось, что эти двое еще будут счастливы, хотя, скажи я им об этом, они бы решили, что я просто хочу их утешить.

И все равно, их горе, если можно так выразиться, было живым. Они могли думать, чувствовать, вспоминать; им было больно, но это было лучше спокойной улыбчивой тоски Клэра. Осенний Рыцарь вместе с Эмзаром и Романом тоже был здесь. Гости на коронации, князя из таинственного Озерного края, в которых стараниями клириков никто не узнавал крылатых всадников, чье внезапное появление предопределило победу на Хомячем поле, ныне именуемом Святым. А на Поганой Подкове начали строить храм в память о всех погибших. Это было, безусловно, благим делом, но мне отчего-то оно было не по душе...

На колокольне главного храма Кантиски басовито ударил Великий колокол. До церемонии оставалось не больше оры. Влетела Белка и немедленно принялась меня отчитывать за то, что я еще не готова. Хвала Великому Орлу, малый траур, который все еще я носила, избавлял меня от экзекуции в руках императорских камеристок и куаферов, каковых понаехала в Святой город тьма-тьмущая. Вопреки их настояниям я надела то же платье и драгоценности, что были на мне в день, когда Рене принимал Базилека у Башни Альбатроса. Как же давно это было...

— А ты красивая, Геро! — заметила Белка, придирчиво меня разглядывая. — Я тоже хочу такой быть. Только вот волосы у меня черные... А правда, что черные волосы притягивают светлые, а черные отталкивают? И что мальчик всегда любит таких девочек, как его мать?

Так, дожили... Ох, неспроста она это спрашивает.

— Белка, откуда ты взяла такую чушь?

— Из «Книги Прелести».¹³⁶ Мне одна дама дала почитать...

Таких дам убивать мало... Тем паче Белка, похоже, удалась в свою мать, а вернее, в свою несчастную тетку, хотя слово это к Марите ну никак не подходило. Шандер был красив резковатой, мужской красотой, а вот Белинда... Ей шел пятнадцатый, и в ней уже угадывалась будущая красота, достойная эльфийской принцессы...

— Геро! Правда это или нет?

— Вранье, Бельчонок! Твой отец выбрал твою мать, а они оба черноволосые. А Рене-младший никогда не взглянет на женщину, похожую на Ольвию Аррою... «Книга Прелести» написана для тех, у кого никогда никакой прелести нет и не будет.

— А у меня она будет?

Великий Лебедь. Как же ей объяснить, что она уже есть!

Торжественный стук в дверь прервал мои размышления. Брат Фиделиус заявился проверить, готовы ли мы, и, к счастью для нас с Белкой, оказался удовлетворен увиденным...

2230 год от В.И.

22-й день месяца Зеркала.

Святой город Кантиска

Илана еще раз взглянула в старинное зеркало. Лиловая траурная одежда ей, в отличие от Герики, удивительно не шла. Странно, дочери Марко казалось, что внутри ее все выгорело дотла, а вот, подишь ты, подобные мелочи продолжали вызывать почти физическую боль.

¹³⁶ «Книга Прелести» — популярное сочинение Хустара Арцийского, печатного мага-медикуса и известнейшего парфюмера, дававшего в ней советы по изготовлению и применению косметических и парфюмерных средств.

Она не обманывала себя, всему виной была ее нескладная любовь к герцогу... нет, теперь уже к императору Арции и королю Эланда, Таяны и Тарски. Если бы Рене ненавидел ее, если бы ее унизили, бросили в темницу, выставили к позорному столбу, ей, наверное, было бы легче. Но Рене и Феликс предпочли считать ее еще одной жертвой Михая, вынужденной выполнять его страшные требования. О суде не было даже разговора, напротив, ее окружили бережным почетом, и это-то и было непереносимо!

Непереносимо было есть за одним столом с Рене и Геригой, которые не скрывали своей любви, непереносимо было ходить в трауре по человеку, которого она убила, и носить в себе свои тайны... Неperеносимо было смотреть то в лицемерно-сладкие физиономии арцийских нобилей, то в хмурые лица выживших «Серебряных». Несколько раз она порывалась рассказать о том, что видела и что сделала, но не могла переступить через себя. Рассказать о Михе, умолчав о том, что он проделывал с ней и с другими, было невозможно, точно так же было не избежать рассказа о мерзостях, творившихся в Гелани, которым она не только потакала, но и сама творила. И что это на нее накатило?

Если б Рене ее любил, она, может быть, когда-нибудь и призналась бы ему во всем, но теперь ее рассказ только вызвал бы у эландца отвращение. Так что пусть уж думает, что Михай и его свора погибли, потому что были слишком тесно связаны с Белым Оленем и, когда тот был уничтожен, сгинули и его адепты... Хотя это только возвеличивало Герику, которую Илана продолжала яростно ненавидеть, потому что не могла признаться даже себе, что тарскийка выдержала там, где она, Илана, всегда гордившаяся своей смелостью и мужским складом ума, сломалась.

Если бы она могла по-прежнему презирать дочь Годоя! Но та, пройдя все круги ада, стала такой, какой Ланка хотела бы видеть себя. И она заслуженно заняла ее, Иланы, место — и в сердце Рене, и на троне... Если бы это было ошибкой, глупостью, несправедливостью, еще можно было бы бороться. Но в глубине души пугающе честная принцесса признавала, что все правильно. Герика выиграла, Илана безнадежно проиграла, но от этого было только больнее....

Сегодняшний же день обещал быть особенно страшным. В Кантисском храме святого Эрасти при огромном стечении народа из рук Архипастыря получит корону Арции новый император — Рене Аррой Эландский, и здесь ж будет оглашена его помолвка с вдовствующей королевой Таяны и герцогиней Тарски Геригой Ямборой, которая от имени горного герцогства присягнет в верности новому императору. Она же, Анна-Илана Годоя, должна также при всех присягнуть в том, что признает Рене своим сюзереном и не претендует ни на таянский, ни на эландский престолы. После этого она может идти куда глаза глядят. Только вот идти ей, похоже, некуда. Она во всем зависит от милости Рене, и это и есть самое ужасное...

Ланка еще раз посмотрела на себя. Проклятье! Ей всегда шло или охотничье платье, или яркие роскошные туалеты, а в этом вдовьем балахоне она будет просто уродиной, особенно в сравнении с Геригой, которой траур, наоборот, придает какую-то загадочность... Эстель Оскора! Эта тарскийка словно была рождена для того, чтобы отбирать у Иланы все, что ей предназначалось...

Да, в своих рубинах она бы выглядела иначе... В своих? Но ведь это был подарок Герики... Странно, как же она об этом забыла. Мы вообще предпочитаем не помнить о том, что нам неприятно....

— Сударыня, — Шандер Гардани в строгом черном, отделанном серебром платье стоял у двери, — я должен сопровождать вас...

Ей показалось, или в глубине темных глаз Шани было сочувствие и понимание? Все-таки один друг у нее оставался.

— Я готова, — Ланка без колебаний подала затянутую в серую перчатку руку и опустила серую же вуаль, прикрепленную к узкому золотому ободку, какой испокон века носили вдовеющие женщины дома Ямборов. Тарскийки же, наоборот, ходили с непокрытой головой...

Шандер вежливо поклонился. Опираясь на его руку, Илана Годоя спустилась по лестнице и пересекла двор. Она старательно смотрела вперед, но почти ничего не видела, зато прекрасно слышала приглушенные голоса у себя за спиной. Как же, вдова Михая Годоя, любовница гоблина, колдунья... Хоть Тиберий и получил свое, его вопли, когда обезумевшего лжекардинала выводили из здания конклава, чтобы отправить в отдаленный дюз, слышали слишком многие... Илана тоже слышала...

Двери в храм были распахнуты, но пускали внутрь не всех. Сначала должны были пройти и должным образом расположиться особы королевской крови и знатнейшие нобили, а также иноземные послы, хоть и не принадлежащие к Церкви Единой и Единственной, но имевшие право увидеть, как принимает корону новый император, дабы во всех подробностях отписать об этом событии своим государям. Затем будет разрешено войти и тем, кому так или иначе посчастливилось пробиться на монастырский двор...

Ланка и Шандер прошли между стоящих плечом к плечу «Серебряных», императорских гвардейцев и Церковной Стражи и заняли место, указанное переживающим свой звездный час братом Фиделиусом. Перед глазами принцессы все плыло, сливаясь в какой-то разноцветный, невнятно бормочущий океан. Пахло горящим воском, церковными курениями и неуместными в храме благовониями, которыми немилосердно поливали себя арцийские аристократки. Ноги принцессы дрожали, и она помимо воли все сильнее опиралась на руку Шандера Гардани — спасательный круг в океане одиночества.

Но, доведя ее до предназначенного ей места, граф с поклоном отошел, и она осталась одна среди всей этой разряженной и гадающей о будущем толпы. Изо всей церемонии, продолжавшейся ору с четвертью, таянка смогла запомнить только выход Рене и собственную присягу, так как саму церемонию загораживал находящийся прямо перед ней здоровенный кованый подсвечник с высокими витыми свечами. Конечно, передвинься она чуть в сторону, и действие стало бы вполне доступным, но ей, наверное, этого не хотелось. Слишком часто в своих мечтах она представляла себе коронацию, взволнованные лица и Рене... На него она все же взглянула, когда весь в алом, с непокрытой серебряной головой, он легко и уверенно шел мимо нее по проходу навстречу Архипастырю, а следом за королем и будущим императором шествовали кардинал Таяны и Тарски Максимилиан и Герика с черными бриллиантами на золотых волосах в сопровождении дочери Шандера Гардани, чье сходство с Маритой оказалось еще одной болью. Ланка словно бы сквозь туман видела, как мимо нее проходили регент Арции Рыгор Фронтерский, маршал Арции Сезар Мальвани, двое немыслимо прекрасных мужчин в изысканных одеяниях, напоминавших лицами Романа Ясного, и сам Роман вместе с такими неуместными в этом храме орками, среди которых был и... Уррик! Женщина с трудом сдержала крик, а они уже прошли, и теперь затаенная в черную кожу спина гоблина была закрыта роскошными парчовыми одеяниями атэвских послов, поразивших вчера Кантиску богатством привезенных даров...

Ланка отвернулась и принялась старательно изучать резьбу на подсвечнике, пытаясь пересчитать бронзовые листочки, все время сбиваясь со счета и начиная сначала. В носу и глазах неприятно пощипывало, но женщина упрямо твердила себе, что это от курений, которые она никогда не переносила. За происходящим она не следила совершенно и вздрогнула, когда брат Фиделиус с написанной на щекастой физиономии досадой возмущенным шепотом объявил ей, что она всех задерживает... Слова присяги, которые она старательно выучила, почему-то напрочь выпали из памяти, и она, лихорадочно пытаясь их вспомнить, пошла по белой ковровой дорожке мимо подсвечника с так и не досчитанными литыми завитушками, повернула направо по другому ковру — зеленому с золотом — и оказалась лицом к лицу с новоиспеченным императором. На серебряных волосах Рене уже покоилась усыпанная сверкающими драгоценностями корона Арции, а на лбу Арроя Ланка заметила блестящую полоску, оставленную освященным маслом, навеки отделившую бывшего мореплавателя и воина, а ныне миропомазанника, от прочих смертных. В руках Рене держал усыпанный бриллиантами шар с тремя нарциссами наверху и короткий широкий меч, не годящийся для боя, но считавшийся обязательным атрибутом

императорской власти.

Илана, как того требовалось, преклонила колени и подняла лицо к тому, кто и без короны и меча всегда был ее императором. Слова присяги так и не вспомнились, пауза затягивалась. Рене ждал, и она, борясь с наплывающей тошнотой, просто сказала:

— Ваше Величество! Я отказываюсь от всех прав на Тарску и Таяну и клянусь в верности вам и вашим наследникам! Пусть все те, кто еще любят меня и верят мне, знают, что, служа вам, они делают счастливой меня...

Что о такой вопиющей вольности подумал брат Фиделиус, она так и не узнала, потому что огромная круглая люстра, несущая несколько сотен свечей, вдруг превратилась в стремительно вращающееся огненное колесо, затем мир сжался в одну светящуюся точку, взорвавшуюся со страшным блеском, и все исчезло...

Эстель Оскора

Наверное, я должна была быть в этот день на седьмом небе. Все осталось позади — война, смерти, сплетни, страх. Мой возлюбленный — император Арции, король Таянский и Эландский, а я герцогиня Тарская и его невеста. Годой уничтожен, Белый Олень исчез, и можно надеяться, что навсегда. Мерзавцы наказаны, мертвые оплаканы и похоронены, а живые сидят и пьют. Я видела их всех здесь и сейчас за праздничным столом. Уж не знаю, как отнесся бы великомученик Эрасти к пирушке, которую устроил Архипастырь в старинной зале под его храмом (я сильно подозревала, что когда-то, когда Церкви еще не было и в помине, она служила именно для пиров), но это было единственным местом, где мы могли быть сами собой и могли быть вместе. И, наверное, это было в последний раз. Скоро эльфы вернутся в свои леса, а гоблины уйдут в Последние горы, уезжавший в Гелань Шандер скорее всего отправится с ними, мне и Рене предстоит обжиться в Мунте, а морякам любоваться, как зимнее море бьется о скалы бухты Чаек... Здесь же останутся только Иоахиммиус с Феликсом, которому придется забыть о том, что он был воином, и вновь стать главой Церкви Единой и Единственной.

Бездымное белое пламя эльфийских факелов, которые зажег Эмзар, тянулось к расписанному цветами и странными птицами потолку. Звенели кубки и высокие стаканы из алого и лилового драгоценного стекла, рекой лились старинные вина, но никто не пьянел... Так вот какая она, победа... Неудивительно, что сказки кончаются свадьбами да коронациями, потому что за ними идет пустота. Мы вычерпали себя до дна в этой борьбе. И дело даже не в том, что я сожгла свою Силу, я не жалела о ней. Совсем не жалела, больше всего я хотела оказаться вместе с Рене в Идаконе, слушать, как стучится в окно ледяной осенний дождь, смотреть на огонь в камине и не думать ни о чем, но это счастье было сейчас от меня куда дальше, чем тогда, когда мы висели между победой и небытием.

Рене тихонько сжал мне руку, мне показалось, что мы думали об одном и том же. Он сменил свой роскошный коронационный наряд на привычный черный колет, на эту ночь став таким, каким я его увидела в комнате больного Шани. И Феликс был не в бело-зеленом архипастырском облачении, а в платье военного покроя, и он был заметно пьян, так же, как и красавец Мальвани, сыну которого так и не смогли помочь ни эльфы, ни клирики.... Совершенно трезвый Шандер смотрел куда-то вдаль, его темные глаза под соболиными бровями казались еще грустнее, чем обычно, и я знала почему — Прашинко не относился к тем существам, которые имеют свои тайны и умеют хранить чужие.

Каюсь, я испытывала облегчение от того, что с нами не было Ланки. Ей стало плохо в храме, и она не пришла, хотя Рене и посылал за ней Шандера. Нет, я не ненавидела бывшую соперницу, я даже ей сочувствовала, но от знания того, что принцесса где-то рядом, что она потеряла все и что я заняла ее место в жизни Рене и на Таянском и тарском престоле, мне становилось не по себе.

Рыгор Зимный, огромный, как сытый осенний медведь, поднялся с полным кубком и провозгласил здравицу в честь присутствующих дам — где только научился. Дамы — то есть

я, Гвенда и Криза, старательно кутающаяся в роскошную атэвскую шаль, — пригубили свое вино, в то время как мужчины, встав, выпили до дна. А затем Роман взял гитару.

Я не слышала, как он играет, целую вечность. С того самого дня в Убежище, когда он отправился вместе с Примеро на поиски Проклятого. Пошел за одним, а нашел другое. Если б не северные гоблины, в Кантиске сейчас мог бы сидеть мой покойный родитель с Миттой, которая наконец-то, похоже, обрела, что ей всю жизнь не хватало, в лице атэвского посла...

Впрочем, все мои мысли, как умные, так и не очень, враз испарились, стоило только Роману взять первый аккорд. То, что он играл, столь же отличалось от его прежних мелодий, изысканных и четких, как мы теперешние от тех, кем мы были до тех пор, пока Война Оленя не разорвала нашу жизнь напополам. Не знаю, где он научился этому, за Последними ли горами или же у своих друзей-орков, но эта музыка не имела ничего общего ни с человеческой, ни с эльфийской.

Странные, тревожные аккорды били по нервам, рвали сердце на куски, уводили, уносили вдаль, завораживая и подчиняя рваному, пульсирующему ритму. Музыка билась, как бьется на земле подстреленная птица. А потом Рамизэрль запел на чужом языке, гортанном и звонком. В этой песне, казалось, не было гармонии, это были скорее крики, так кричат ястребы, выющиеся над вечерней степью, так ревет пламя пожара, так шумит по ночам ветер в кронах промокших деревьев. Голос и руки, казалось, существовали сами по себе, вели свои мелодии, которые и мелодиями-то назвать было трудно, но сумасшедший бой гитары и протяжные горловые крики странным образом дополняли друг друга и околдовывали. Я поймала себя на том, что, подчиняясь немыслимому ритму, бью в ладоши. И не только я, но и Рене, Феликс, Рыгор, даже Шандер...

Роман требовательно тряхнул золотой головой, и Криза вскочила с места, отбросив свою шаль. Такой я ее еще никогда не видела. Нет, она оставалась оркой, но все присущее ей, и только ей, было подчеркнуто с эльфийской утонченностью. Девушка рывком распустила иссиня-черные волосы, окутавшие ее грозovým облаком, и, заломив точеные руки, вышла на середину зала. На мгновение ее глаза встретились с глазами Романа, в глубине которых вспыхнули сапфировые молнии, и орка начала танец.

Это было немыслимо! Она почти стояла на месте, только метались, как тени от костра, руки и распущенные волосы, дрожали на груди и у пояса багряные цветы каделы, которые должны были бы увянуть в тот же момент, как были сорваны, а ноги, обутые в изящные сапожки на каблуках, выбивали тот же неистовый ритм, что и гитара Романа. Танец был продолжением музыки, а музыка — тенью танца. Девушка то отступала назад, гордо вскинув голову, то шла вперед, навстречу нам, а потом замирала, на миг склонив голову, после чего резко отворачивалась, а черные пряди окутывали ее не хуже отброшенной шали. Это было как пожар в степи, как удар молнии, как звездный дождь в месяц Зеркала...

Когда отзвучал последний аккорд, замерла и Криза, безвольно опустив руки, и наступила невероятная тишина. Все смотрели только на нее, а вот я, я успела заметить два взгляда — восхищенный, горящий взгляд Уррика и отрешенный Романа, Рамизэрля, ставшего в этот миг страшно, пугающе похожим на Астени, которого я, не успев полюбить, не забыла и не забуду никогда...

**2230 год от В.И.
Утро 23-го дня месяца Зеркала.
Святой город Кантиска**

— Не знаю, Шани... — император совсем не царственно примостился на подоконнике, оглядывая золотистый город с рвущимися в небо шпилями и куполами, — наверное, для кого-то это предел мечтаний, а для меня пожизненное заключение.

— Но ты мог отказаться...

— Сам знаешь, что не мог.

— Люди делятся на две категории, — вмешался Жан-Флорентин, — те, которых

заставляют что-то делать другие, и те, которые заставляют себя сами. Император, — жаб с видимым удовольствием произнес титул своего друга, — принадлежит к тем, кто сам решает, что, сколько и кому должен...

— Слышал? — невесело рассмеялся Рене. — Он прав, я себя приговорил к этой короне, к городу, из которого не видно моря, к людям, в сравнении с которыми даже покойный Годой покажется находкой. Он хотя бы был настоящим врагом, а эти... клопы в постели. Таяна, Тарска, Эланд, с этим я еще смирился, но Арция... Правильно сделал мой предок, когда удрал отсюда.

— Ты можешь перенести столицу в Идакону...

— Могу, наверное, — Рене привычно отбросил со лба прядь волос, — но мне жаль Эланд, куда ринется вся эта свора, а потом, стоит мне уехать из Мунта, клопы попробуют стать скорпионами... Нет, раз уж я впрягся, придется везти до конца.

— Феликс поможет, и я, конечно...

— Ладно уж, монсигнор герцог, — Аррой еще раз улыбнулся, на этот раз удивительно светло и открыто, отчего его лицо стало совсем молодым и необыкновенно привлекательным, — когда мне будет немого, я буду удирать в Таяну заниматься с тобой государственными делами... А вот что до Феликса, — лицо адмирала посерьезнело, — мне не нравится, что мы стали врать во славу Церкви, да и коронация эта... И больше всего меня бесит, что, по сути, я плачу им за помощь с Ольвией...

— Но...

— Они прекрасно знают, что я не возьму больше, чем смогу отдать. Я не мог потерять Герику, не мог мучить ее всеми этими сплетнями, пересудами. И я не мог бросить все и увезти ее за море, как мне хотелось больше всего на свете. Я должен оставаться здесь, потому что многое только начинается... А Максимилиан нашел выход, я в него вцепился, а в итоге император теперь по уши в долгу у Архипастыря... Пришлось врать насчет помощи святого Эраста и Вестников...

— Ты защищал Герику.

— И защитил, Проклятый меня побери! Теперь ее никто не посмеет назвать ведьмой...

— Она больше ничего не может?

— Похоже, да, — Рене повертел обручальное кольцо на пальце, — и мы об этом не жалеем... Конечно, некоторые эльфийские штучки у нее получаются, — он неожиданно хитро взглянул на Шандера, — да и у меня тоже! Но она больше не Эстель Оскора.

— Что же теперь будет?

— Политика, Шани, — вздохнул Аррой, — политика. Сколько раз бывало, что кто-то выигрывал войну и напрочь проигрывал мир. Нужно договориться с атэвами, нужно так повести себя с гоблинами, чтобы никому и в голову не пришло потом, что с ними можно воевать. Да и Арция — одно слово, что империя, а один край другой сожрать готов. Ну и ройгианцы, разумеется, со своей магией никуда не делись, рано или поздно вылезут. Прошлый раз они умудрились уничтожить неугодного им Архипастыря даже без магии...

— Знаешь, я думаю, мне с «Серебряными» пока лучше остаться здесь!

— Нет, Шани, — голос Рене звучал устало, видимо, они не раз спорили по этому поводу и уже высказали друг другу все, что могли, хоть и остались каждый при своем, — ты Великий Герцог Таянский, и ты должен сделать так, чтобы Таяна и Тарска не стали придатком к Империи и Церкви, а в любой момент смогли отгородиться от них и, если нужно, вызвать подмогу...

— Из Эланда?

— Из Эланда и... из Корбута.

— Чего ты боишься? — прямо спросил герцог Гардани.

— Не знаю! Потому и боюсь. Люди склонны забывать и путать, а империя слишком велика, чтобы долго прожить... Если же Церковь вообразит, что она может вертеть императором... Мы сделали страшную ошибку, когда скрыли, чем и как именно нам помогли эльфы и Ушедшие. Представляю, что об этом будут говорить через сто лет, когда ни

тебя, ни меня не будет, а Церковь останется... Ну да ладно, сам не знаю, что со мной такое, — никогда не думал о возможных несчастьях, а теперь из головы не идут... Старость, наверное...

— Скорее бремя власти. Так ты действительно не хочешь, чтобы я остался?

— Очень хочу, но ты ДОЛЖЕН ехать, и как можно скорее. За Эланд я не боюсь, Тарска — отрезанный ломоть, да и гоблины с нее глаз не спустят, а вот Таяну Максимилиан попробует перевернуть по-своему... Ты обдумал мое предложение?

— Да, — Шандер вздохнул, — я согласен, хотя Белка — единственное, что у меня есть... И, — Гардани гордо вскинул голову, — поэтому я согласен ее оставить. Не хочу превращаться в сумасшедшего отца, ненавидящего всех, кто может увести его дочь. Она должна быть свободна, и незачем ей видеть... видеть то, к чему может привести любовь.

— Шандер!

— Прости... Я рад за вас с Герикой. Честное слово рад. И за Кризу с Урриком тоже, но я все еще живой, и иногда это очень больно. Не отвечай ничего.

— Не отвечаю. Тебе налить?

— Налей...

— Царки или вина?

— Царки.

— Правильно, это куда лучше. Твое здоровье, Шани. Я очень хочу, чтобы у тебя все было хорошо, и отчего-то я уверен, что так и будет. А вот теперь ты не отвечай.

— Не отвечаю, — Шани улыбнулся и приподнял стопку. — Ты обещаешь, что последнее слово останется за Белкой? Если она и Ри... Если она выберет кого-то другого.

— Будет, как захочет она. Неужели ты думаешь, что твою дочку можно заставить сделать то, что она не хочет? И потом, я еще не забыл Ольвию. Белка моя гостья, по крайней мере пока Высокий Замок не перевернут до последнего камня. Проклятый знает, какая дрянь могла там остаться, а твоя дочь слишком лакомый кусок для этой бледной погани. Может, попросишь Ланку рассказать тебе поподробнее, что там у них творилось?

— Кстати, Рене, — Шандер слегка смутился, — Ланка хотела бы поговорить с тобой наедине.

— О чем?

— Бедная девочка, — вздохнул Шандер, — бедная, потому, что ты не понимаешь...

— Ты хочешь сказать, что она до сих пор?!

— Да, и даже сильнее, чем раньше...

— Тогда я не буду с ней разговаривать. Обижать я ее не хочу, а помочь ей не в моих силах.

— Ты сам себе противоречишь, мой друг, — опять вмешался жаб, — философия учит, что чем раньше покончишь с неприятным разговором, тем меньше он будет иметь печальных последствий. Или, — Жан-Флорентин переполз по рукаву с браслета на плечо своему патрону, — доверь свои мысли бумаге, а я готов тебе помочь...

— Представляю, что у нас получится, — фыркнул маринер, — нет уж, лучше я объяснюсь с ней сам...

2230 год от В.И.

Утро 23-го дня месяца Зеркала.

Святой город Кантиска

— Сегодня?! Сейчас?! — Илана начала лихорадочно собираться. К Проклятому этот вдовый балахон, она наденет... Она попросит у Шани одежду «Серебряного», это будет просто замечательно. Рене никогда не жаловал расфуфыренных светских красоток, так что даже хорошо, что у нее больше нет тарскийских рубинов. Незачем напоминать о Михе. И краситься она не будет, с кожей и глазами у нее, слава святой Циале, все в порядке, а мужской наряд это только подчеркнет...

В конце концов, не мог же он совсем ее забыть! Герика, что ж, Шани ей рассказал все... Он благодарен ей, потом, должен же у него кто-то быть, а Рика, пусть не по своей воле, но и раньше была его любовницей... Потом прошла пол-Арции, отыскиала его. Разумеется, он оценил. Но вот любит ли он Герика? Конечно, по династическим соображениям она ему очень даже нужна, и она освободила его от Ольвии, но страсти это не заменит. Она же, Илана Ямбора, если так нужно, останется в тени. В конце концов, ей будет очень хорошо в Оленьем Замке, а он будет весной и осенью приезжать в Таяну. Только и всего, на большее она не рассчитывает, а Шани — он хороший друг, он их не выдаст. Сейчас она расскажет Рене, как спасла Гелань, а может, не только Гелань. Он поверит, потому что знает то, чего не знают другие. Он будет благодарен ей и забудет то, что она натворила из-за этого господина Бо...

Илана одернула черный с серебряным шитьем мундирчик, несколько тесный в груди, и, подумав, расстегнула верхний крючок, выпустив на волю кружевную фронтерскую рубашку. Очень хорошо! И никаких драгоценностей не надо, только ее удивительные медные локоны и оправленный в серебро кинжал.

— Я готова! — возвестила она, сияя глазами. Сердце Шандера сжалось от жалости, когда он представил ее возвращающейся, но герцог ничего не сказал, а только учтиво придержал дверь.

...Рене сидел за столом в небольшом угловом кабинете, когда-то принадлежавшем Бернару. Илана, бойко переступившая порог, неожиданно оробела, а Рене смотрел на нее загадочными голубыми глазами. Внезапно она поняла, что произнести вслух столько раз проговоренные про себя слова безумно тяжело. Император, видимо, это понял и пришел на помощь.

— Ты хотела меня видеть? Я тоже, но как-то не получалось... Дело в том, что нашли твои рубины и я хочу их тебе вернуть, — он открыл бюро черного дерева и вытащил плоский ящичек. — Тиберий хотел их присвоить, не удалось. Вот они.

Ланка с восторженным писком, вызванным как неожиданным обретением утраченного, так и тем, что Рене вернул рубины не Герике, а Ей, откинула крышку. Темно-красные огни по-прежнему завораживали, манили причудливой игрой и, казалось, жили своей собственной жизнью...

— Я почти забыла, какие они, — прошептала Илана.

— Изумительное зрелище, — подтвердил Рене, — изумительное, но пугающее. Я понимаю, почему Герика от них отказалась...

— Герика? Отказалась? Ах да, она же мне их подарила в Гелани...

— Она и сейчас отказалась, — удивленно уточнил Рене, — когда Шандер нашел эти камни в тайнике у Тиберия и узнал их, он привез их Герике... Хотя, если они действительно принадлежали Циале, Церковь была бы счастлива их заполучить...

— А Герика? — прошептала Илана.

— Она их отчего-то боится, — неохотно пояснил Рене, — хотя вообще-то она не из робких...

Илана вздрогнула не столько от его слов, сколько от интонации, с которой Рене произнес имя соперницы. Все было кончено, он действительно любил тарскийку. На всякий случай, чтобы продлить агонию, она спросила:

— Ты ее очень любишь? Почему?

— Не знаю, — он задумался, — но это навсегда, и ты... — закончить он не успел. Илана с грохотом поставила шкатулку на стол.

— Я думаю, лучше отдать эти драгоценности циалианкам. Они действительно имеют на них все права. Надеюсь, это будет достаточным вкладом для вступления в их сообщество?

— Ты хочешь уйти в монастырь? — Рене явно опешил. — Но я так понял, что... Но ты слишком молода, у тебя впереди целая жизнь...

— Ваше Величество, — голос женщины был тусклым и невыразительным, — мне надо замаливать грехи. И свои, и чужие.

— Какие грехи, да никто тебя ни в чем не винит. Ни я, ни Герики...

Это было уже слишком!

— Вы, может, меня и не вините, — в ее голосе послышались те же нотки, что и тогда, в Оленьем Замке, — но я-то вас ненавижу! Ненавижу! Вы отняли у меня все, а теперь пытаетесь меня купить этими камнями и всякими глупостями... Да будьте вы оба прокляты, — она вихрем вылетела из комнаты, но еще успела услышать последние слова Рене:

— Будь по-твоему. Я сегодня же отошлю камни циалянкам...

2230 год от В.И.

24-й день месяца Зеркала.

Святой город Кантиска

— Ну, что ж, добрый путь, светлая дорога!

Роман поставил чашу на поднос.

— Странное чувство, обычно уходил я, а другие оставались....

— Ты можешь не уходить. — Рене Аррой улыбнулся. — Я был бы этому рад... мы были бы рады...

— Не могу, я должен побывать на могиле отца и вернуться в Убежище вместе с Эмзаром, где он объявит меня главой Дома Розы и своим наследником. Глава Дома... Глава самого себя! Больше не осталось никого, — Роман взглянул на черное кольцо, — разве что Геро. Ведь она теперь мне сестра. Настоящая сестра...

— Я знаю, что она носит знак Лебеда, — кивнул Рене, — я не знал Астена. Жаль.

— Жаль, — повторил Роман, — но отца больше нет, так же, как и Уанна. И что-то мне не верится, что я надолго задержусь в Убежище. Весной я вернусь в Мунт...

— Слово чести? — император смотрел так же пристально и серьезно, как некогда в таинском монастыре святого Эрасти.

— Слово чести, — подтвердил Роман и, заметив, что Рене поднялся, покачал головой: — Не провожай меня, провожать того, кто возвращается домой, плохая примета. По крайней мере, когда-то была таковой...

— Хорошо, не буду, — согласился Рене, — смотреть вслед уходящим, что может быть горше...

— Разлука всегда действует угнетающе, друзья мои, — сообщил Жан-Флорентин.

— Воистину, — эльф громко, слишком громко рассмеялся и, не оглядываясь, вышел.

Эмзар и Клэр уже были в седлах. Солнце еще не взошло, на траве и цветах лежала роса, с реки тянуло мятой. Три всадника и одна неоседланная кобылица видениями из прекрасного девичьего сна проплыли по сонным улицам. Малахитовые ворота медленно и торжественно распахнулись, эльфы понеслись навстречу ясному осеннему рассвету. Ехали молча, каждый думал о своем. На обычно отрешенном лице Клэра застыло сосредоточенное выражение, видимо, художник в нем все же не умер окончательно, и когда отступила война, голову Рыцаря Осени заполонили пока еще смутные образы. Эмзар сосредоточенно смотрел вперед. В голубых глазах короля Лебедей не было ни радости победы, ни покоя, а лишь мучительная попытка понять нечто очень важное. А Роман, Роман вспоминал последний разговор с Герики. Они оба были слегка пьяны. Роман отложил гитару и вышел на галерею, и тут чья-то ладонь легла ему на плечо, и эльф невольно вздрогнул. Обычно он чувствовал чужое присутствие, но Герики подошла тихо, как рысь, а он слишком замечтался.

— Почему, Роман?

— Что «почему»?

— Почему ты сделал это?

— Но это же очевидно, — эльф слегка улыбнулся, — чтобы помочь девочке.

— Но, Рамиэрль, — тарскийка присела на узенький диванчик, — я же не спрашиваю, как и для чего, это и так понятно. Ты знал, что музыка и танец открывают глаза самым

незрячим, а то, что ты сделал с горскими мелодиями... Вы долго готовились. Научить орку эльфийскому искусству, вместе с тем оставаясь самой собой. Тебе пришлось потрудиться.

— Это было интересно, а Криза способная ученица.

— Более чем, — кивнула подруга Рене, — я думаю, скоро то, что теперь называется оркскими танцами, покорит всю Арцию. Разумеется, если Криза не станет танцевать только для Уррика... Но я спрашивала не об этом. Почему ты ее отдаешь?

Он постарался удивиться, но сам понял, что ничего не вышло. В неистовом свете осенней луны лицо Герики казалось старинной иконой. Они помолчали, а потом Роман тихо сказал:

— Я испугался... Сейчас я еще могу уйти. У меня останется память о боли, которая станет светом.

— Но откуда ты знаешь, что ей дороже — лицо Уррика или твое сердце? — Герики говорила печально и недоуменно. — Ведь она увидела это лицо, когда оно было лишь твоей маской...

— Потому я и ухожу, что она не знает и потому примет то, что ей оставлено. Я делаю этот выбор за нее, а выбор — это самое страшное, что может быть...

— Нет, Романе, — та, что была Эстель Оскорой, покачала головой, — самое страшное, это когда выбирают за тебя для твоего же блага.

— Станный у нас разговор, Геро. Наверное, я все же пьян.

— Ты не пьян, Роман, вернее, не так пьян, чтобы не понимать, ЧТО ты сделал, но ты так и не сказал почему?

— Почему? Это очевидно, Геро. Так будет лучше для всех. Они с Урриком будут счастливы, а я, я буду спокоен. Бессмертные должны любить лишь бессмертных, Герики, или же не любить вообще, потому что страшно идти по вечности со сгоревшим сердцем. Счастливы смертные, которых миновала чаша сия.

— Ты прав, Роман, что боишься... Я бы тоже боялась...

Над далеким лесом поднималось солнце, горизонт был ясен и чист. В Эланде уже шумели злые холодные дожди, а здесь осень давала о себе знать лишь тяжестью плодов и ягод, в этом году небывало густо усыпавших ветви, да редкими алыми и золотыми прядями, вплетенными в сочную, густую зелень. Эльфийские кони легко бежали по проселочной дороге, все дальше и дальше от Святого города, от забитого людьми и повозками тракта, от закончившейся войны...

2230 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Святой город Кантиска

— Монсигнор, — слуга принял плащ и шляпу и распахнул тяжелую дверь, пропуская герцога таянского. Илана была одна. Белое просторное платье и вуаль, прикрывавшая все еще неприлично короткие для циаианки волосы, не то что бы ей совсем не шли, но напроочь перечеркивали памятный Шандеру с юности живой и отчаянный образ. Герики из безнадежной овцы стала дикой рысью, Анна-Илана, похоже, изо всех сил старалась стать овцой. Впрочем, какое ему было до этого дело?

— Ваше Высочество хотели меня видеть.

— Да, Шан... герцог, — Ланка повернула к нему исхудавшее лицо, — когда вы возвращаетесь в Гелань?

— Завтра.

— Я хотела бы выехать вместе с вами.

— Ничего нет проще. Вы будете путешествовать в карете или верхом?

— В карете... — Шандер ее прекрасно понимал, праздное любопытство, с которым обыватели будут таращиться на дочь короля Марко и вдову страшного Годоя, перенести было бы трудно, но Ланка и карета...

— Мы выедем затемно, стража откроет нам ворота. Ночевать, видимо, будем уже в Фианге.

— Мой путь куда ближе, герцог. Я попрощаюсь с вами в Фей Вэе.

— Там?!

— Да. Что мне еще остается, — в припухших глазах мелькнула стремительная золотая искра, напомнив о прежней неистовой Ланке. — Куда бы я ни направилась, мне в спину станут показывать пальцами. Те, кто не доволен, что корона досталась Рене, будут стараться перетянуть меня к себе. Каким бы император ни был благородным, он не может оставить меня без присмотра. Война кончена, я знаю Рене, уж он-то постарается, чтобы на дорогах никто не буянил, так что стать разбойницей у меня тоже не выйдет. Сменить имя? Я для этого слишком горда... А в Таяну мне дороги нет, люди слишком хорошо помнят, что там творилось...

— Но ведь ты их спасла...

— Они этого не знают, и им это не понравится. Вы можете это повторять сколько угодно, но все решили, что мир спасли Рене, Герику и Церковь, их никто не разубедит, потому что им приятно так думать. В Тарске мне появляться нельзя, потому что я дала клятву верности Рене, а там... там мне пришлось бы или ее нарушить, или меня бы просто убили за измену Михая. Ройгианцы попрятались по щелям, но скоро они начнут выползать по ночам и кусаться. Жизнь свою, особенно такую, какой она стала, я не ценю, но от ИХ рук умирать противно. У меня один выход — циаианство...

— Илана, — Шандер внимательно на нее посмотрел, — но единожды пришедшего к ней Церковь не отпускает. Может быть, стоит подождать? Ты молода, да и Рене...

— ...постарается выдать меня замуж?! Вот что я не в силах перенести — его благородства! О, он найдет мне отменного мужа. Который из преданности императору возьмет в жены еретичку и убийцу и честно сделает ей пятерых детей, всякий раз сверяясь с астрологом, чтобы лишний раз к ней не притрагиваться. А Рене будет присылать мне раз в год письма и подарок, чтобы все знали, что он не держит зла на дочь короля Марко, которому наследовал... Ну уж нет!

— И все же ты торопишься!

— Я тороплюсь?! — она вскочила, неловко задев инкрустированный перламутром атэвский столик, и цветные нитки и бисер, которым она пробовала шить — она, с семилетнего возраста отказывавшаяся брать в руки иглу, — рассыпались по ковру. — Я тороплюсь?! Да мне некуда больше идти! Разве в Рысьву вниз головой, как Марита! И я сделала бы это, если б не начали судачить, что это от несчастной любви к Рене или же от нечистой совести! — Испуганная собственной вспышкой, женщина отскочила к окну и отвернулась, старательно рассматривая черепичные крыши.

— У тебя есть еще один выход, Ланка, — неожиданно для самого себя сказал Шандер, — выйти за меня замуж.

— Что?! — она резко обернулась и ошалело уставилась на герцога. — Ты сошел с ума! И я уж как-нибудь без твоего великодушия обойдусь!

— Ты сядь, — сказал он тихо и устало, — мне пришло это в голову только сейчас. И я понял, что это спасенье для нас обоих.

Она недоверчиво сверкнула глазами, но села, положив руки на колени, и приготовилась слушать.

— Ты в меня не влюблена, я в тебя тоже, — начало прозвучало достаточно нелепо, но на лице Ланке появилось подобие интереса, — и мы это знаем, значит, нам не нужно лгать друг другу. Когда-то мы с тобой были очень дружны, потом мы любили, и мы оба в любви проиграли. Рене достался Герику, Ванда умерла, а Лупе... Лупе не досталась никому. Не знаю, как ты, но в моей жизни вряд ли будет еще одна любовь, но я теперь великий герцог Таяны, я должен иметь семью. Что мне прикажешь делать? Жениться на какой-нибудь влюбленной в меня девочке — как же, герой! Друг Рене! Герцог Таянский! И испортить ей жизнь, потому что я не смогу ей отплатить за любовь любовью. Сговориться с расчетливой

сукой вроде Ольвии? Чтобы она гуляла направо и налево, а я гадал, мой ли сын унаследует мой трон? Я не хочу этого!

Ты любишь Таяну и знаешь ее. Ты мне, смею надеяться, друг. Я тебе тоже. Мы можем помочь друг другу. Нужно будет решать что-то с Тарской, договариваться с гоблинами, да мало ли чего... Ты мне нужна, Ланка. И мне, и Таяне. И если я тебе не противен...

Анна-Илана долго и внимательно смотрела в темные глаза.

— Ты говоришь правду?

— Клянусь. Счастьем Белки. Памятью о Лупе клянусь. Пусть со мной опять случится то же, что было той осенью, если я лгу. Илана, поверь мне и помоги...

— Хорошо, — в негромком голоске звучала решимость, — я согласна...

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ СЛЕД ЗА КОРМОЙ

Он избрал себе дорогу, смяв минувшие года.

То ли к черту, то ли к богу, а быть может, в никуда.

Г. Букалова

Глава 41

2231 год от В.И.

20-й день месяца Агнца.

Арция. Мунт

Зенек так и не избавился от своего ужасающего фронтерского выговора, но это не мешало ему оставаться любимым аюдантом нового императора. Рене, относясь приветливо и внимательно ко всем своим новым подданным, не торопился менять окружение и привычки. Императорский дворец ему не нравился, но строительство нового сожрало бы уйму денег, необходимых для того, чтобы залечить нанесенные войной раны, и к тому же обидело бы арцийцев, полагавших резиденцию Анхеля Светлого одним из чудес света и красивейшим дворцом Благодатных земель.

Рене Аррой, ныне официально именуемый Рене Четвертым, а в просторечье Рене Счастливым или Счастливчиком, смирился с неизбежным и по возможности поддерживал сложившиеся веками императорские традиции, большинство из которых ему казались ненужными и откровенно глупыми. Однако были и исключения — так, освященный тысячелетиями запрет беспокоить императора три послеобеденные оры оказался для Арроя истинным подарком.

Другое дело, что большинство прежних арцийских владык предавалось в это время перевариванию поглощенной во время трапезы пищи, Рене же тратил это время на встречи с теми, про кого придворным было знать необязательно. Купцы и ремесленники, авантюристы и клирики, атэвы и гоблины, для прикрытия по-прежнему именуемые горцами, попадали в кабинет императора через потайной ход и покидали его, унося кто золото, кто грамоту с печатью, а кто — уверенность в успехе, казалось бы, безнадежного дела. Как-то так случилось, что старый Замок открыл Аррою тайны, напрочь забытые его последними обитателями, — потайные проходы, камеры для подслушивания и подглядывания, секретные тайники, наполненные то старинными монетами и драгоценными камнями, то заросшими пылью и паутиной бутылками с лучшим атэвским вином, а то и с документами, заключавшими в себе смертельные тайны давно почивших людей.

Чем больше Рене узнавал свое новое жилище, тем больше он с ним мирился: владея тайнами прежних императоров, мог чувствовать себя почти свободным — приходить и

уходить, минуя толпящуюся в парадных приемных толпу, узнавать о планах заговорщиков и интриганов и избегать якобы случайных встреч с теми, кого не хотелось видеть. Разумеется, большинством своих достижений новый император был обязан Жану-Флорентину, обладавшему нюхом на всяческие старинные проделки и к тому же не поленившемуся еще в Эланде разобраться в бумагах, оставшихся от бежавшего из Мунта принца Руиса. Поиски тайных дверей стали для жаба любимым развлечением, и Аррой не единожды благодарил про себя старую болотницу, навязавшую ему в спутники это удивительное существо.

Ко всему находки Жана-Флорентина заставили сначала дворцовых слуг, а затем и весь Мунт заговорить о том, что Счастливчик «знает Слово», которым полоумный Базилек и его выводок не владели. А значит, все по закону и по чести и эландец «принят Анхелем». Сам Рене смирился с неизбежным, но волчья тоска, и так накатывавшая на него осенью и весной, то есть в ту пору, когда корабли уходят за море, на сей раз дала себя знать с особенной силой. Нет, он не запил и не закутил с местными красотками, да и бессонница и дурное настроение, срываемое на тех, кто подвернется под руку, были не для него. Он сам себя приговорил к ненавистой короне и должен был тянуть и терпеть, потому что, кроме него, было некому. Из всех желающих завладеть Арцией не было никого, кому было бы можно ее доверить хотя бы на час. И Рене терпел, тоска же давала о себе знать лишь каким-то обостренным восприятием происходящего — в глаза бросался каждый новый желтый лист на огромных каштанах, украшавших императорский парк, а крики пролетающих над Мунтом птичьих стай отзывались почти осязаемой болью. Он хотел уйти вслед за ними, но не имел на это права. Иногда ему казалось, что Геро все понимает, но молчит, чтобы не разбередить рану еще сильнее, но потом он приходил к выводу, что ему все же удастся скрывать свои чувства... А дни шли, складывались в недели и месяцы. Накатила, а затем состарилась небывало холодная по арцийским меркам зима, зазвенела капель, дни становились длиннее, а тени на подтаявшем снегу стали отливать темно-синим. Рене все чаще слышал над собой тревожно-счастливые крики возвращающихся птиц, и все его существо рвалось за ними на север.

Иногда тоска по несбывшемуся захватывала императора с такой силой, что он использовал священные послеобеденные часы не для тайных переговоров, а для того, чтобы постоять у окна в башне Анхеля, бездумно следя за проплывающими облаками. Не пригласил он к себе никого и в этот день, а потому шум отодвигаемой потайной панели заставил его резко обернуться и схватиться за шпагу, с которой император никогда не расставался. Однако оружие не понадобилось — в узком дверном проеме, щуря глаза от яркого света, стоял Зенек, обожающий Арроя сверх всякой меры, но так и не выучившийся обращению с коронованными особами. Что, впрочем, лишь укрепляло взаимную приязнь императора и молодого фронтерца.

— Проше дана, — Зенек был заметно взволнован и, разумеется, сбился на простонародный говор, — проше дана, то ельфы до вас приехали... Кажуть, дело... туи цыри... цури... ну тот, главный за те дурные разговоры, их у Зеленую приемную видвив...

— Иду, — быстро встал Рене.

...Они стояли у окна, отказавшись от предложенных кресел, — стройные, легкие, изысканные — и слегка улыбались... Эмзар в белом и серебряном, Клэр в осеннем золоте и Рамиэрль, вновь одетый как арцийский бард.

Разряженные нобили, чьи вычурные туалеты словно бы внезапно потускнели и стали особенно нелепыми, с робким любопытством смотрели на странных гостей своего странного императора.

Рене почти вбежал в Зеленую приемную, то ли забыв об этикете, то ли не считая необходимым его соблюдать, когда речь шла о Детях Звезд. Любопытствующие имели возможность увидеть, как Рене Аррой обнимается с Романом Ясным, но затем их безо всякой жалости выставили вон. Эльфы с сочувствием всматривались в уставшие глаза императора, и это не оскорбляло. Наоборот.

— Я рад вас видеть, — Аррой довольно быстро справился со своими эмоциями, — все

ли в порядке в Убежище?

— Разумеется, — Эмзар слегка приподнял бровь, — там, где ничего не может происходить, ничего и не происходит... Впрочем, Клэр попытался воссоздать образы Всадников Горды, и у него почти получилось... В свою очередь мы спрашиваем, как империя?

— О ней можно говорить сутками, но лучше вообще не говорить, — махнул рукой Рене.

— А Герика, мы ее увидим?

— Разумеется, она будет вам рада не меньше, чем я... Но сначала, я думаю, поговорим о главном, — он почти с надеждой посмотрел на Эмзара, — что-то случилось?

— О, — эльф улыбнулся, — наше дело может ждать еще день, год, век... Но, боюсь, если мы его отложим, то уже никогда его не выполним. Рене, мы пришли к тебе как к другу, с просьбой. Это очень важно.

— Ко мне? — Рене был искренне озадачен. — Все, что в моих силах! Но что могу я сделать для Перворожденных?

— То, на что мы сами не способны уже много веков, — Эмзар опустил на атэвский диван. — Ты знаешь, что после того, как ушли Светозарные и наши соплеменники, в Тарре остались два клана — клан Лебеда и клан Серебряной Луны, который, как считали подобные Эанке, пошел по темному пути. Между нами и Лунными случилась война, в которой многие погибли и никто не победил, после чего мы разошлись, казалось, навсегда...

— Да, — Рене ничего не понимал, — Рамиэрль мне об этом говорил...

— А теперь мы хотим встретиться с нашими родичами. Время гасит самую яркую вражду. Почти никого из тех, кто помнит Войну Монстров, не осталось в живых. Даже я с трудом вспоминаю подробности... Нас мало, очень мало, мы прикованы к Тарре, зачем нам враждовать, ведь когда-то Луна и Лебедь любили друг друга...

— Рене, — голос Эмзара зазвенел, — помоги нам найти остатки клана Серебряной Луны. Мы знаем, что они ушли за море, мы знаем, что ты встречал, по крайней мере, некоторых из них. Эландцы ходят за Запретную черту, у вас есть корабли, которых больше нет у нас. Рамиэрль готов отправиться на поиски, помоги ему, найди капитана, который согласится пройти по твоим следам, расскажи ему, куда плыть... Поверь, это не наша прихоть, хотя положить конец нелепой и ненужной вражде дело святое, я уверен, что Лунные знают то, что должны знать и мы!

Рене на мгновение опустил голову. А когда поднял ее, на эльфов смотрел совсем другой человек — молодой и красивый.

— Разумеется, я помогу! Есть корабль, лучший по эту сторону моря. Есть и капитан, которому не нужно объяснять дорогу — он ее знает. Через десять-двенадцать дней «Созвездие Рыси» к вашим услугам.

Клэру и Эмзару название ничего не сказало, но Рамиэрль прямо глянул в лицо императору.

— Ты не можешь оставить Мунт надолго.

— Очень даже могу, — в смехе Арроя звучала непоколебимая решимость, — мы уйдем в начале месяца Агнца и к осени вернемся. За это время станет ясно, чего я достиг, — если все делалось правильно, недолгое отсутствие императора ни на чем не скажется. Эрик и Шандер в Идаконе и Гелани, Рыгор во Фронтере, Феликс в Кантиске, мой сын с Диманом и Герикой здесь! Станет ясно, чего все они стоят... Пусть и ройгианцы и сторонники Бернара уразумеют — даже если меня не будет, им ничего не обломится... Ну а ошибки, если они будут, исправим осенью... К тому же я как раз успею к собственной свадьбе, а так... Жить рядом, но не вместе — слишком тяжелое испытание для нас обоих.

— Ты твердо решил? — Клэр впервые после приветствий подал голос.

— Да, — не терпящим возражения тоном подтвердил Рене, — мне и идти, больше некому. Я не уверен, смог бы я объяснить даже Ягобу все, что нужно знать, чтобы добраться туда...

2231 год от В.И.
12-й день месяца Иноходца.
Таяна. Гелань

В Арсенальном саду Высокого Замка цвели сливы, и горный ветер разносил тысячи белых лепестков по внутренним дворам, устилал ими подоконники и галереи. Шандер Гардани, герцог Таянский и наместник тарскийский бездумно смотрел на кружевную ароматную метель и улыбался. Из всех времен года Шани больше всего любил позднюю весну. Он и раньше-то пьянел от голоса птиц и ясной нежной зелени, а уж после того, как чуть было не лишился всего этого навсегда, его любовь к весне стала и вовсе неистовой. Даже боль, свившая в душе бывшего капитана «Серебряных», а ныне правителя Таяны уютное гнездышко, и та на время отступала под лучами весеннего солнца.

— Монсигнор, — молодой Марко, как всегда, выглядел слегка смущенным, он не любил отрывать своего герцога от размышлений, — прибыл эркард¹³⁷ Гелани, а с Горного тракта доносят, что посольство гоблинов прибудет сегодня к вечеру...

— Хорошо, — кивнул аюданту Гардани и легко и стремительно сбежал со стены. День только начинался, длинный весенний день, в который нужно успеть так много. Герцог проходил мимо обитателей замка, занятых привычными делами, и люди радостно улыбались, приветствуя своего сигнора. Те, кому посчастливилось пережить владычество Годоя или же удалось вовремя бежать, а после победы вернуться, приняли нового герцога всей душой. Шандера и раньше любили, особенно воины и горожанки, которых до слез трогала преданность капитана «Серебряных» покойной жене-простолюдинке. А воскресение графа из мертвых с последующим возвышением Гелань восприняла не просто радостно, а с восторгом.

Таянцы приветствовали все, что делал или говорил их новый герцог, к слову сказать, показавший себя толковым и решительным правителем. Даже договор с гоблинами, и тот не вызывал протестов: соседи есть соседи. Впрочем, горцы из окружения Годоя в самой Гелани ничего плохого не творили, их призывали для войны и охраны коронованных особ, а не для утеснения горожан, благо этим с удовольствием занимались тарскийцы. Зато в армии Романа Ясного, разбившей проклятых годоевцев, гоблины были, так за что ж их было ненавидеть добрым горожанам? Нет, переговоры герцога Гардани с горными вождями никого не оскорбляли! Единственное, в чем подданные не одобряли Шандера, была его женитьба.

Анну-Илану Гардани Гелань ненавидела и презирала, а та ничего не делала, чтобы изменить положение. Она нечасто показывалась среди людей, но от женщин Высокого Замка было известно, что со слугами принцесса заносчива и резка, мужу частенько грубит, да и живет с ним розно, Гардани же стоически сносит выходки супруги. В укор Илане ставили и то, что Белка не пожелала вернуться в Гелань. Разумеется, без мачехи здесь не обошлось.

Люди судачили, безоговорочно вынося приговоры и разводя руками чужие беды. Им казалось, что все предельно просто: преданность Гардани Ямборам заставила его жениться на Илане, иначе при живой принцессе он не мог бы принять власть над Таяной даже из рук Рене. К слову сказать, воцарение эландца в Арции таянцы воспринимали как свою личную заслугу, с восторгом обсуждая в тавернах и кабаках, что именно Альбатрос и Рысь подарили Благодатным землям двух великих императоров — Анхеля Светлого и Рене Счастливого, и вообще надо еще посмотреть, где провинция, а где центр мироздания. Шандер написал об этом Рене, которого сии настроения, похоже, позабавили не меньше, чем самого Гардани. А вот с Ланкой действительно было плохо.

Они обвенчались еще в Кантиске, и, пока ехали домой, все было хорошо. Оба скучали по родным местам и часами вспоминали прошлое и строили планы на будущее. Превращать

¹³⁷ Эркард — бургомистр.

их договор о взаимопомощи в брак со всеми вытекающими последствиями Шандер не спешил, полагая, что в Высоком Замке все произойдет куда проще. И, разумеется, просчитался. Родной дом встретил Ланку неласково. Ее терпели, но только из любви к Шандеру, и принцесса не могла этого не понять. Она хотела стать помощницей мужу, а оказалась в роли камня на его шее. Гордая и научившаяся скрывать свои чувства, Илана ушла в себя, часами просиживая у окна или же пропадая на оружейном дворе, где «Серебряные», повинувшись негласному приказу обожаемого вождя, тренировались с герцогиней на шпагах. За пределы Замка Ланка и вовсе носу не казала, а ее разговоры с Шандером ограничивались односложными ответами.

Дело с каждым днем становилось все хуже, порой у Шандера опускались руки, но новый герцог был не из тех, кто отступает. Сделав Илане предложение, он, возможно, поторопился, поддавшись минутному порыву, но теперь он в ответе за эту женщину перед своей совестью и никогда ее не предаст...

От невеселых размышлений герцога отвлек гость. Новый эркард Гелани, к слову сказать, близкий друг первого свекра Гардани, был человеком деловым и умным. За ору с небольшим они решили уйму важных дел, после чего герцог пригласил дана Казимежа отобедать с ним в малой столовой. Эркард с радостью согласился. Илана к обеду не вышла, но сотрапезники великолепно провели время, а на прощание Казимеж, немного смутившись, попросил передать даненке Белинде подарок от дочерей эркарда. Шани тепло поблагодарил, проводил гостя до двери, где сдал его с рук на руки неизбежным придворным, и, обернувшись, столкнулся с яростным взглядом Ланки.

— Что такое? — Шандер действительно растерялся.

— Зачем?! — в глазах женщины дрожали злые слезы. — Зачем ты притащил меня сюда? В благородство играл?! Боялся взять корону при живой Ямборе?! Ну, так я тебя скоро освобожу...

— Ты что, с ума сошла?!

— Наоборот, набралась ума, — Ланка подошла к нему вплотную, так что было видно, как дрожат у нее губы, — вы с Рене два сапога пара. Ваше благородство хуже убийства! Все эти гоблины, мужики, купцы для вас друзья, а меня вы стыдитесь... И Рене, и ты. Как же, не сажать же твоих драгоценных горожан за один стол со шлюхой Годоя.

— Стыжусь? — Шани совсем растерялся. — Ты же сама не вышла.

— А как я могла выйти?! — она уже кричала, и Шандер не придумал ничего более умного, чем прикрыть поплотнее дверь, не хватало еще, чтоб придворные услышали эти крики. — Меня здесь все ненавидят! Они-то все чистенькие, только б где они были, если бы не я... Где бы вы все были, победители... А теперь оставьте меня в покое! Все!

Шандер видел, что она дошла до последней крайности и сама не понимает, что несет. В дверь заскреблись, Марко пришел удивительно не вовремя, хотя почему это не вовремя?! Шани с силой встряхнул жену за плечи, и когда ее глаза стали осмысленными, голосом, не терпящим возражений, произнес:

— Пол-оры на сборы. Умойся, переоденься. Лучше в красное. Мы едем встречать посольство гоблинов. Ты мне нужна. И вообще с сегодняшнего дня изволь сопровождать меня везде, — и, не дав ей опомниться, Гардани вышел.

**2231 год от В.И.
15-й день месяца Иноходца.
Эланд. Идакона**

Это прохладное весеннее утро словно бы само звало в дорогу за горизонт, туда, куда улетали, подгоняемые свежим ветром, жемчужные облака, сами похожие на корабли под парусами.

В порту было некуда яблоку упасть — казалось, вся Идакона вышла проводить своего Паладина в далекие края. Корабли стояли на ближнем рейде — «Созвездие Рыси» — весь

черный с золотистой полосой вокруг корпуса и слегка наклоненными назад мачтами — казался стройным и сильным, как породистая лошадь. Темно-серый с серебром «Осенний Ветер», более приспособленный для боев, нежели для погони за Неведомым, рядом с собратом выглядел цевским иноходцем в одной упряжке с эльфийским рысаком. Свежий ветер лихо посвистывал в снастях, играя императорским штандартом и консигнами на мачтах...

Эмзар и Клэр стояли в окружении маринеров. Эландцы привыкли к эльфам — к красоте вообще привыкают быстро — и не скрывали своих дружеских чувств, обходясь, однако, без того панибратства и заискивания, которое так раздражало в жителях империи. Герику, кутаясь в легкий эльфийский плащ, стояла с Детями Звезд — из всех приглашений, которые получила невеста императора, наиболее приемлемым для нее казалось Убежище, где можно было оставаться самой собой и при этом совершенствоваться в эльфийской магии. Лицемерие и шум императорского дворца раздражали тарскийку, родовое гнездо Годоев было разрушено гоблинами Рэннока, да и привязанности к нему в ее душе не было, а в Высоком Замке хозяйничала молодая герцогиня. Появление Герики напомнило бы Ланке о том, о чем напоминать ни в коем случае не стоило...

Конечно, можно было остаться в Идаконе, поднимаясь с зарей на Башню Альбатроса, день за днем ожидая, когда же над горизонтом появятся долгожданные паруса. Героини старинных баллад и преданий поступали именно так, но Герику следовать их примеру не хотела. Эстель Оскора отпускала своего адмирала с улыбкой, а не со слезами, что бы там ни творилось у нее в душе, но остаться в опустевшей без него Идаконе было бы слишком тяжело. Она и так держалась из последних сил.

Рене умчался на свой корабль еще затемно, сбросив с плеч десять лет и тысячу забот. В сущности, они простились ночью, и герцогиня Тарская не собиралась выказывать посторонним, среди которых оказалась и замотанная в черное до самого носа старая Зенобия, своих чувств. Не прийти же в порт она не могла — это оскорбило бы эландцев. Так заведено — женщины провожают корабли и ждут. Мужчины машут им с палубы и уходят, чтобы, если повезет, вернуться...

— Идут! — разумеется, первой оповестила о том, что от «Созвездия» отвалил баркас, Белка, не пожелавшая возвращаться с отцом и молодой мачехой в Гелань. Впрочем, маринеры уже считали дочку Шандера Гардани своей и к тому же почти невестой младшего Рене. И сам новоиспеченный таянский герцог, и его наследница вызывали в Эланде самые горячие симпатии. Белка же, с раннего детства возненавидевшая всяческие придворные церемонии, направо и налево заявляла, что жить можно только здесь, на севере. Герику прекрасно понимала девочку, она и сама бы дорого дала, чтоб никогда в жизни не видеть напыщенной роскоши мунтских дворцов, кисло-сладких физиономий нобилей, наглых столичных нищих и раздувшихся от сознания собственной значимости академиков... Именно весь этот сброд и заставил Рене почувствовать свои годы, превратив победу если и не в поражение, то в какую-то мелочную ежедневную возню.

Если б можно было вернуться к тому, с чего они начинали, — к свободе, осознанию того, что каждый миг может стать последним, а значит, нельзя его пропустить. Впрочем, Рене сумел-таки погнать время вспять, и его подруге грех на это сетовать. Пусть уходит и возвращается таким же, каким он был, когда она впервые пришла в Идакону...

Солнечный луч скользнул по белым волосам, превратив их в эльфийское серебро, и у Герики, следившей за приближающимся баркасом, сжалось сердце. Старый эландский обычай возвращаться перед дальней дорогой на берег, чтобы еще раз сказать тем, кто остается, слова любви и надежды, клирики называли пережитком ереси, но для моряков это было куда важнее церковного благословения.

Умный Максимилиан решил, что если что-либо нельзя уничтожить, это нужно использовать в своих целях. Облеченный в парадные одежды, кардинал с присными торжественно вышли на причал, явно намереваясь напутствовать уходящих. Клэр слегка подтолкнул Герику, указав ей чуть в сторону от святых отцов, и тарскийка помимо воли

усмехнулась. Соседями клириков оказались гоблины, возглавляемые Урриком.

Как ни странно, добровольно принявшие на себя обязанности телохранителей императора горцы и маринеры прекрасно ладили — здравый смысл, природная порядочность и уважение к чужой отваге взяли верх над фанатизмом и предубеждениями. В Арции Ночной Народ ко двору не пришелся, а в Таяне слишком свежи были воспоминания о Михеае Годое, но в Эланде корбутцы нашли добрых друзей. Впрочем, Шани твердо решил убедить своих подданных в том, что гоблины столь же виноваты в преступлениях ройгианцев, как сами таянцы в подлости Тиберия. Зная волю и упорство нового таянского правителя и любовь, которую к нему питали в Гелани, Герику не сомневалась, что между Рысью и Зубром вскоре наступит самый что ни на есть долгий и приятный мир.

А мир, похоже, пришел в Благодатные земли всерьез и надолго. Атэвы и те прекратили набеги на южные города и выказывали не свойственное им дружелюбие. В Арции по всем статьям начинался золотой век, и трудно было понять, отчего на душе было тревожно, пусто и мутно...

Баркасы — сначала с «Созвездия», затем с «Ветра» — причалили. Гребцы опустили весла и приготовились ждать возвращения капитанов. Рене, сбросивший пышные императорские одежды и с наслаждением надевший простое платье маринера, впрочем, необыкновенно ему идущее, прыгнул на землю первым. За ним последовал Ягоб. Несмотря на то что поход обещал стать просто приятной прогулкой, Герику была бесконечно благодарна зятю Димана за настырность, с которой тот навязал Рене свое общество.

Запретить вольному капитану идти туда, куда он хочет, нельзя, и Рене, хоть и сквозь зубы (раздражала излишняя заботливость), согласился с тем, что «Осенний Ветер» пойдет к неведомым землям вместе с ним. И вот сегодня Ягоб, как всегда затянутый в серое, весело улыбался провожающим, подмигивая хорошеньким женщинам. Рене тоже слегка улыбался, но по сторонам не глядел. Легкой, почти эльфийской походкой, так не похожей на обычную моряцкую развалочку, император приблизился к старому Эрику.

Герику знала, что сейчас произойдет. Глава Совета Маринеров примет из рук уходящих символические ключи от якорных цепей, которые будут храниться в зале Совета до того дня, когда «Созвездие Рыси» вновь войдет в родную гавань, или же вечно, если корабль не найдет дороги домой. Возлюбленная Рене видела такие ключи, укрепленные на черной каменной доске, где выбивались название корабля, имя капитана и год, месяц и число, когда он в последний раз покинул Идакону. Под черной доской стоял массивный стол с гематитовой крышкой, именно на нее Эрик сегодня на закате водрузит бережно принятые им ключи с «Созвездия» и «Осеннего Ветра».

Рене встал на одно колено и протянул старейшине узкую шкатулку, которую тот и принял, произнося известные каждому маринеру слова: «Уходи и возвращайся, что бы ты ни встретил на пути». В ответ Рене, глядя в глаза Эрика, отчеканил ответную фразу: «Я вернусь, потому что меня ждут».

После этого наступало время прощания с близкими, но на сей раз все пошло иначе. Первым нарушил обычай Максимилиан, по знаку которого причал огласило торжественное и строгое пение. Как бы ни относились маринеры к Церкви Единой и Единственной, не почувствовать торжественности и уместности этой суровой музыки они не могли. Когда отзвенели последние звуки, усиленные водой, кардинал произнес короткую проповедь, которая не вызвала восторга, но и отторжения не последовало. Люди согласились с тем, что поп во многом прав и к тому же желает путникам удачи, а от этого еще никому худо не было. Зато то, что случилось потом, внесло сумятицу не в одну душу.

Рене Аррой, получив напутствие Эрика и благословение Церкви, подошел к своему сыну, стоявшему рядом с Белкой. Следующей должна была стать Герику, после чего на площадь выкатят бочонки с атэвскими винами и все выпьют за удачу и возвращение... Однако пронзительный кликушествовавший вопль, раздавшийся над пристанью, мало напоминал пожелание счастливого плавания.

Старая Зенобия пришла отнюдь не из любопытства. Нянька Ольвии, пронзительно

крича, тыкала скрюченным пальцем в сторону Рене, а с уст ее срывались проклятия. Сотни людей на площади Альбатроса ошалело слушали разносящиеся далеко слова. Старуха знала, куда бить, и была наотмашь.

— ...чтоб ты ждал смерти и не мог дожидаться, чтоб тебе стать защитником своих врагов и губить своих друзей, и чтобы ты никогда не вернулся к своей шлюхе, чтобы вы бежали друг за другом и не догнали! Да не найдется такого камня, где б ты мог преклонить свою голову, пусть не будет у тебя могилы ни в море, ни на земле, пусть твоя память станет пыткой, а память о тебе — позором... Чтоб увидел ты, как твое семя уничтожает друг друга, а твой дом зарастает волчцами, пусть... — старуха схватилась за горло и, испустив короткий глупый звук, завалилась за спину; тяжелая юбка задралась, и стало видно, как конвульсивно дергаются иссохшие ноги. В шее Зенобии торчал кинжал с роговой рукояткой.

Люди растерянно оглядывались, но Роман, стоявший сзади Рене, сразу понял, в чем дело, и бросился к кучке гоблинов. Криза дерзко взглянула в глаза эльфу:

— Разве ты не знаешь... Проклятье не жить, если убивать ведуна, пока он не кончатся... Вы чуть не опоздать!

— А ведь она дело говорит, — пожилой маринер вздохнул с явным облегчением, — так оно и должно быть: нет колдуна, нет и колдовства...

— Вот ведь гадина, — в сердцах плюнула какая-то женщина... — Сама шлюхой была, шлюху воспитала, и туда же... Да любой другой вместо капитана эту Ольвию еще пятнадцать лет назад...

Поступок Кризы вызвал живейшее одобрение, и покрасневшая от смущения орка в конце концов спряталась за спину Уррика со словами: «Мне они нравятся... Оба. Капитан и невеста. Я хочу, чтобы они встречаться и жить вместе! Старая мешать...»

— Так и будет! Спасибо тебе! — Рене уже стоял рядом. — Хотя убивать ее вряд ли стоило, старая ведьма совсем рехнулась!

— Она не была безумна, — Максимилиан не замедлил сказать свое веское слово, — то, что она делала, совершенно очевидно являлось Запретной магией, причем направленной на то, чтобы нанести смертельный вред. По закону это преступление, карающееся смертью. Да, эта девушка поспешила, но лишь потому, что сочла необходимым остановить смертельно опасное колдовство. Именем Церкви нашей Единой и Единственной я, ее смиренный слуга, свидетельствую и утверждаю, что именуемая Кризой невиновна и поступок ее угоден Творцу нашему!

На сей раз выступление клирика было встречено восторженным ревом. «Вот так и завоевывают сердца и души», — подумал Рене и столкнулся взглядом с Герикой.

Тарскийка слышала все слова, произносимые Зенобией. Видимо, странный и опасный дар действительно покинул ее, так как волна Силы, которая смела бы с лица земли мерзкую старуху, не поднялась. Просто сердце женщины сжала ледяная чудовищная лапа, а ноги словно бы приросли к земле. К действительности ее вернули слова, которыми вполголоса обменялись Клэр и Эмзар.

— Мне это не нравится, — голос владыки Лебедей был тревожен, — не могу понять, в чем дело, но что-то произошло...

— Я почувствовал, — Клэр выглядел до предела озабоченным, — их надо остановить...

— Поздно, — прошептал Эмзар, — они все равно уйдут, они должны уйти... Это та судьба, против которой нельзя бороться, именно потому, что ее можно победить. А затем... Затем наступит конец всему...

Дальше Герика не слушала. Сжав зубы, она стремительно пробивалась к Рене, и люди с готовностью расступались перед ней. Император стоял рядом с гоблинами, рядом маячил Максимилиан, из-за плеча Арроя сверкнули синие очи Романа, но дочери Годоя не было никакого дела до того, слышит ли ее кто-нибудь.

— Рене! — она бесстрашно взглянула ему в лицо. — Или убей меня здесь и сейчас, или возьми с собой.

Ей не было никакого дела до восторженно-одобрительных взглядов, которыми обменялись люди на площади. Ей вообще не было ни до чего дела. Она видела только своего адмирала, который со смехом прижал ее к себе.

— Ну, разумеется, ты поедешь со мной. Назло всем пророчествам мира! Как я теперь могу тебя отпустить?!

— Правильно! — просияла Криза. — Это нужное дело. Нельзя расставаться, если можно потом теряться! Я так хочу для тебя счастье!

— Спасибо, плясунья. — Рене положил руки на плечи девушке. — Вот, возьми на счастье мое оружие... — и протянул побледневшей орке свою шпагу, а потом звонко расцеловал девушку в обе щеки. — Ты ведь теперь моя сестра. Сестра по оружию.

— Мы всегда быть тебе и твоим потомки сестра и брат, — Криза протянула обе руки к Рене, а Уррик громко добавил:

— Клянусь именем Истинных Созидателей, орки Юга вечно будут друзьями и союзниками Арроев. В беде и радости!

— В радости и беде! — подтвердил герцог, а Герика, лихорадочно сорвав с руки браслет из темного металла, протянула его гоблину.

— Уррик! Это тебе от меня. На память обо всем, что было... Обо мне, о Шандере, и, — она улыбнулась, — о Преданном.

Гоблин молча взял шелковую ленту, служившую женщине поясом, и поднес к губам:

— Я сохраню подарок той, в ком течет кровь Инты...

2231 год от В.И.

20-й день месяца Иноходца.

Арция. Мунт

— Здоровье императора! — Жюльен-Огурец поднял пивную кружку. — Какое счастье, что Рене Счастливый распустил эту мразь — я имею в виду тайную канцелярию. Только я бы на его месте посадил бы всех синяков на кол, а доносчиков бы утопил в Люффере.

— И не говорите, — хозяин «Счастливой Свиньи» был не менее решителен и кровожаден, — сколько достойных людей сгубили эти мерзавцы.

— А вы слышали, — Жюльен тоненько хихикнул, — что случилось с бывшим любимчиком Бернара, этим ре Прю?

— А, помню, чернявый такой красавчик...

— Уже не чернявый! — прыснул Огурец. — И не красавчик! Его моль сожрала!

— Чего?

— Чего-чего! Моль! Так что теперь у него ни усов, ни волос... Гол, как тыква. Бровей и тех нет. И не растут... Мало того, как он где объявится, вся окрестная моль к нему слетается...

— Твое здоровье, — толстяк Жан-Аугуст, давась от смеха, подлил мазиле свежего пива, — как же это так вышло?

— А поделом мерзавцу! Он сцепился с другим фискалом, и тот на него наслал моль. Синяки-то даром что объявили себя врагами Запретной магии, а колдовством баловались направо и налево. Это нам было ничего нельзя, а сами... — Огурец возмущенно стукнул опустевшей кружкой по столу, и хозяин поспешил ее наполнить.

— И что дальше, почтенный?

— Дальше? Ну, Прю грохнулся в обморок, и пока он так валялся, моль его и отдала...

— Уж больно скоро.

— А это была какая-то непростая моль! Представляешь, она все сожрала! Этого... вообще нашли в чем мать родила. Из синяков он, конечно, вылетел. И волосы у него расти перестали...

— Ой, насмешил, — толстый трактирщик схватился за бока, — а ты-то откуда знаешь?

— Люди рассказывают, — неопределенно пожал плечами мазила, скромно умолчав о том, что среди тех, кого он предлагал утопить в Льюфере, была и его скромная персона. Правда, ему повезло. Покойный Куи был человеком аккуратным и, даже умирая, озаботился уничтожить все свои бумаги, дядюшка Шикот помер два года назад, а Арман Трюэль, унюхав, что дела Годои плохи, решил, что с молодым и глупым Луи и бешеным Рене ему не сговориться, и исчез. Огурец остался без присмотра и благоразумно стал дожидаться победителей. Когда в Мунт вошли резестанты, мазила выполз на свет божий, напоминая всем и каждому о своей былой смелости. Сие возымело успех, тем паче что Мунт был изрядно прополот господами фискалами и отыскать в нем настоящих резестантов было бы трудновато. Огурец же со своим длинным языком и умением без мыла влезать в любую дыру на второй день после входа Луи в город уже малевал победителей, рассказывая им всяческие ужасы про годоевские времена. И все же, все же зря он рассказал трактирщику про ре Прю, ведь о его позоре, равно как и о том, что он оказался единственным, кого извлекли из-под обломков живым, знали только фискалы! Художник со вздохом взглянул на полупустой пивной бочонок:

— Ну, спасибо, почтенный Жан-Аугуст, пошел я, забегу к тебе как-нибудь.

— Заходи, почтенный, — улыбнулся трактирщик, — хоть ты сейчас и в гору пошел, но такой свининки, как у меня, вряд ли где еще попробуешь. Ты где сейчас?

— Личный живописец графов Батаров...

— Как же тебе удалось?

— Старый граф сам разыскал меня, — скромно потупился Огурец. — Помнишь, я приводил к тебе зимой женщину, она приходила в город от принца Луи, вечная ему память.

— Вечная память, — вздохнул трактирщик, вновь наполняя кружки.

— Так вот она приходила к Батарам, за домом которых эти проклятые синяки следили. Я едва успел увести бедняжку, правду сказать, я не думал тогда, что она из резестантов... Просто побоялся, что она как кур в ошип попадет — ведь эти мерзавцы всех без разбора хватили — и детей, и женщин... Твое здоровье! О чем бишь я? Ах да... Когда принц взял город, вернулись и уцелевшие Батары, и Луи им рассказал об услуге, которую я оказал госпоже Леопине. Принц хотел лично меня поблагодарить, но эти недобитые негодяи...

— Негодяи, — эхом повторил Жан-Аугуст, подливая гостю пива.

— Проклятые годоевцы убили нашего Луи, — всхлипнул Огурец, — какая потеря для бедной Арции! Подумать страшно, что могло бы с нами быть, если бы не Рене Эландский... Ну, мне пора...

Огурец, насвистывая, вышел из «Свиньи» и скрылся за углом. Добрый трактирщик так и не узнал, что больше года ходил по тонкому льду и, будь он хоть немного поприжимистей, а его стряпня похуже, не миновать бы ему Замка Святого Духа. К счастью для болтливового толстяка, любивший покушать и выпить на дармовщину Жюльен счел, что хозяин «Счастливой Свиньи» стоит дороже тех пятнадцати аргов, которых ему платила канцелярия за каждого крамольника...

2231 год от В.И.

5-й день месяца Медведя.

Арция, дорога в Пантану

— Вот и все, — Клэр потрепал гриву своего коня, — дальше я не поеду.

— Ты окончательно решил?

— Да, — Рыцарь Осени улыбнулся, напомнив прежнего Клэра, — мне теперь люди близки и понятны. И, в конце концов, моя прежняя жизнь ушла, как вода в песок... Но, Эмзар, скажи, что же будет дальше?

— Дальше? — Лебединый владыка задумался. — Что-то будет, я полагаю... Особенно если они не вернуться.

— А ты думаешь именно так?

— Да, — кивнул Эмзар, — именно. Я достаточно хорошо помню... свою мать, и я много узнал про Ларэна. Они бы не стали прятаться столько лет. Другое дело, если они что-то там обнаружили.

Я уверен, крушение корабля Рене никоим образом не связано с кланом Серебряной Луны. Спасли же его, без сомнения, Лунные, которых мы из-за старых обид стали называть «темными». Но что они делают за морем? Я склонен думать, что Ларэн нашел там источник опасности и как может оберегает от него остальной мир. Не забывай и то, что и мы, и гоблины, у которых нет души, но есть сердце и ум, почувствовали на пристани. И эта отвратительная старуха, она ведь вряд ли выкрикивала собственные слова, похоже, кто-то заговорил ее устами... Видно, надеялся остановить Арроя.

— Но, может, лучше эту тайну не трогать, пусть себе лежит на морском дне до скончания времен. Я видел, что ты хотел остановить Рене. Но передумал.

— До скончания времен... — задумчиво повторил Эмзар, — боюсь, это невозможно. Что-то и раньше будило Древнее Зло... Я не верю, что Белый Олень уничтожен. Мы его не слышим, это да. Но мы его не слышали и раньше, пока он не вырвался на волю. Нет, Клэр, нынешняя победа — это не более чем передышка, и чем длиннее она будет, тем больше окрепнет и Олень, и то, что с ним связано, и о чем мы еще не знаем. Если Рене не сумеет узнать, в чем дело, и если мы не справимся с этой напастью сейчас, придется готовиться к худшему...

— Но не лучше ли было рассказать Рене все.

— Он и так это узнает. Не забывай, что с ним Рамиэрль. Если Лунные все еще там, они поймут друг друга и решат, что делать дальше.

— Разве это не очевидно? Мы должны объединиться и покончить с угрозой раз и навсегда.

— Ты действительно стал похож на человека, Клэри... Олень и его клеветы — тут, непонятное зло — за морем, а нас слишком мало, но мы бессмертны. Лунные, будь они в силах что-то сделать, давно бы это сделали. Если мы погибнем, а передышка между двумя нашествиями будет достаточно долгой, чтобы смертные вновь все позабыли, кроме нас, открыть им глаза будет некому. Рене, Роман и Герики избраны, им и идти. А нам ждать и готовиться к новым битвам, — Эмзар откинул со лба прядь волос жестом, до боли напоминающим жест Рене Арроя, — я очень рассчитываю на гоблинов, Клэр. Они не имеют души и потому менее уязвимы для магических атак, чем люди.

То, что сотворил Годой с графом Койлой и Зеноном, с ними не пройдет. Что-то мне подсказывает, что Уррик недолго останется офицером на арцийской службе. Он вернется в горы, и скорее всего южные гоблины признают в нем вождя, а его сын, если, конечно, пойдет в отца, может стать и первым горным королем... Я не знаю, кто по сути сын Уррика и Иланы — гoblin или человек, но хотелось бы, чтобы он знал и ценил не только отца, но и мать.

— Ты много думаешь о Благодатных землях, — тонкое лицо Клэра осветила нечастая улыбка, — почему же тебя удивляет мое желание остаться с наследником Рене? — Осенний Рыцарь резко сменил тему. — О судьбе Нанниэли ничего не известно? Может быть, она все же отыскала Дорогу?

— Вряд ли, — Лебединый король задумчиво обвел глазами зеленеющие поля, — я не знаю, что с ней, но отчего-то мне кажется, что она погибла. А Дорога, что ж, возможно, когда-нибудь мы ее и найдем...

— И, если это случится, ты расскажешь об этом клану?

— Да, — твердо ответил Эмзар. — Мы выполнили свой долг перед Рассветными землями и вольны уйти. Впрочем, решать буду не я, а все, кто бросил на весы в этой войне свою жизнь и свою душу. Я же только их первый слуга. Хотя я надеюсь, что теперь Лебеди по-настоящему выросли в Арцию и не покинут ее даже ради прежних богов...

— Может, и так, — Клэр потрепал Топоза по золотистой шее, — но даже если все уйдут, я останусь. И Рамиэрль, я уверен, тоже. Прощай, Эмзар...

— Прощай, — Лебединый король стиснул тонкие пальцы скульптора, ставшего

рыцарем, — если б я решал только за себя, я бы решил так же...

**2231 год от В.И.
10-й день месяца Влюбленных.
Последние горы**

Быстрые холодные реки, запах смолы и хвои, непорочная чистота эдельвейсов, громкие крики синих птиц, облака, лежащие у твоих ног... Разве может быть что-то прекраснее гор?!

Уррик и Криза, держась за руки, стояли на вершине Гиаты¹³⁸ и следили, как утренний туман под лучами солнца откатывался вниз, расползаясь по долинам. Наконец-то они были дома! Свободные, счастливые, исполненные уверенности в своей правоте! Как бы ни был красив Мунт, какими бы смелыми и честными ни оказались некоторые из встреченных ими «других», по-настоящему счастливыми можно быть только здесь. Солнечные лучи рассыпью брызнули на склон, и роса запылала сотнями бриллиантов, а бриллианты на вплетенной в черную косу Кризы неувядаемой белой розе — подарке Рамиэрля — засверкали подобно росе...

— Я знаю, что я сделаю, — Уррик сжал руку подруги, — но об этом будут знать только избранные!

— О чем ты?

— О клятве, которую я принес. Клятве верности крови Омма...

— Но Рене вовсе не просил тебя об этом, — возразила Криза.

— Плоха та клятва, которую вымогают, господарь Рене сам принял свой обет, и сам его исполнит... Исполнят и те, кто пошел за ним... Никто не заставит нас делать больше, чем мы сами. Ты убила старуху, но не ее Слово! Я знаю это, и ты знаешь. А значит, рано или поздно кровь Омма вновь призовет нас, и мы должны быть готовы. Я расскажу старшим мужчинам Юга все, и пусть те, кто хочет, подтвердят мою клятву. Это знание будет передаваться из рода в род, от отца к сыну, пока не придет время спуститься с гор и исполнить ее.

— Потому ты и решил вернуться? Но мы же обещали Рамиэрлю, что не оставим сына императора?

— Ты достойная женщина, Криза, — Уррик ласково улыбнулся, — и знаешь, что мужчина решает, а женщина идет за ним не спрашивая. Но лучше бы ты спросила, а не мучилась всю дорогу. Мы не нарушим слово, нет. Мы проводим этот год с родными. Я возьму своего сына и тех, кто поклянется охранять императора, и мы вернемся. Я говорил с Клэром из клана Рамиэрля, он останется рядом с сыном Рене, пока мы его не сменим, а может быть, и дольше...

— Клэр знает, зачем мы ушли?

— Да. И повелитель Лебедей, брат отца Романа. Он и укрепил меня в моем решении. Те, кто искупил свой грех, говорят, что беда уснула, но может проснуться.

— Они так говорят? — в глазах Кризы промелькнул чисто женский испуг. — Неужели все начнется снова...

— Нет, — подумав, ответил Уррик, — не снова, оно начнется там, где кончилось сейчас, и никто не знает, какой дорогой и когда придет наша судьба. Но мы должны быть готовы...

Глава 42

**2231 год от В.И.
27-й день месяца Медведя.**

¹³⁸ Гиата — самая высокая из гор Малого Корбута.

Серое море

Бесконечная водная равнина слегка волновалась, издавая приглушенный гул, к которому так легко и сладко привыкнуть. Вечный ропот волн был здесь каким-то нежным и умиротворенным, как мурлыканье огромной кошки, находящейся в добром расположении духа.

Эти широты эландские маринеры — единственные, кто рисковал прорываться через Запретную черту и Бешеное море, — не зря прозвали Ласковыми... Рене, в молодости бывавший здесь, пожалуй, чаще других, оказавшись на берегу, нет-нет, да и вспоминал плавание в теплом и удивительно спокойном море, напоминающее долгий и добрый сон. Многие годы в минуту безнадежной усталости и тоски ему снились прихотливые прыжки летучих рыбок, серебристыми искрами взлетающих над ровно и спокойно дышащим морем, гребни волн, соперничающие белизной с крыльями изредка пролетающих альбатросов, сверкающие на солнце светло-синие волны, неспешно и плавно догоняющие друг дружку.

Даже ветер в здешних местах мог служить образцом постоянства. Ровный и сильный, он дул в одном и том же направлении, освобождая моряков от множества забот и тревог... А что для океана, неба и ветра два десятка лет? Треть человеческой жизни для них даже не мгновение. Со времен молодости Рене Арроя ничего не изменилось — та же завораживающая синь, белые альбатросы, башни облаков на горизонте, закаты, обливающие то киноварью, то зеленью...

«Созвездие Рыси» и «Осенний Ветер», необыкновенно красивые со своими тремя мачтами, сверху донизу покрытыми парусами, быстро шли на юго-запад, слегка покачиваясь на океанской зыби, уходя все дальше от серых эландских скал, угрюмых, но родных и надежных. О досадном случае на берегу по молчаливому уговору никто не вспоминал — мало ли что наболтает злобная, выжившая из ума баба. Если кого и встревожили проклятья Зенобии, то это держали при себе — маринеры не склонны вслух обсуждать возможные неприятности, полагая, что таким образом их можно «приманить». Что до прочих обитателей «Созвездия», то Жан-Флорентин дулся на весь мир, чего Рене и Герики, полностью отдавшиеся своей любви, которой немало способствовала окружающая корабль сверкающая синева, не замечали, а о чем думал Рамиэрль, никто не знал — эльф в компании Преданного часами простаивал на корме, глядя, как тает пенный след. Зато когда на бархатное темное небо рука ночи выбрасывала пригоршни сверкающих бриллиантов, бард приходил на бак, трогал струны, и над морем разносились песни — радостные и печальные, созданные людьми и Перворожденными, они словно бы связывали затерянных в море скитальцев с Вечным. Единственное, чего он не пел, как его ни упрашивали, это горские баллады. Роман отшучивался, говоря, что в море невежливо петь о горах.

Разумеется, вечерние песни собирали на баке всех свободных от вахты, а иногда послушать Романа Ясного приходили и гости с «Осеннего Ветра», а бывало, что и Рамиэрль перебирался на соседний корабль. Его любили, и он знал это.

Дни шли за днями, ничего не происходило, корабли уверенно приближались к цели, до которой оставалось совсем немного. Если Эмзар был прав в своих расчетах и странный ветер, отгонявший незваных гостей, был плодом эльфийской магии, то вскоре лунные затворники узнают о визите соплеменников. Уж об этом-то Роман позаботился. Оставалось совсем немного, и все равно либра терзало любопытство. Кроме того, совсем не мешало что-то узнать о тех, с кем ему предстоит встретиться. Так отчего бы не расспросить Рене, благо старая клятва теперь лишалась всякого смысла? Было во всей этой истории что-то, что изрядно беспокоило барда, а почему, он и сам не знал. Как не знают кошки, отчего им иногда хочется выбраться из теплого уютного дома и бежать, бежать, бежать...

Эта ночь выдалась особенно роскошной. Ярко светила луна, мерно шумели волны, над горизонтом поднималась голубая Амора, а в зените мерцала багровым светом Волчья Звезда. Моряки, разогнанные боцманом, уже разошлись, и на палубе, кроме вахтенных, остались только Рамиэрль с неизменной гитарой и Рене, задумчиво глядевший в небо.

— Странно, — Аррой говорил словно бы сам с собой, — я ни разу не видел Волчью Звезду такой яркой. Даже прошлым летом, хотя ее и считают звездой войны.

— До Исхода это знаменовало бы бурный год, — медленно проговорил эльф, словно бы кого-то цитируя, — но теперь это просто звезды, и не стоит читать по ним волю Богов.

— Прости, — в голосе Рене послышалось удивление, — не понял.

— Эмзар недавно рассказал мне об этом. И то только потому, что я отправлялся в путь. Тайны тут никакой нет, да и смысла, похоже, не осталось, но тебе это может быть интересно. Тех, кто привел нас сюда и уничтожил здешних богов, было семеро. И с их победой на небе и появилось семь блуждающих звезд, каждая из которых была посвящена одному из Светозарных. Может быть, поэтому их так и называли. Затем боги ушли, а звезды, когда-то знаменовавшие их волю, остались, хоть у них и появились новые имена.

Астрологи по-прежнему пытаются по ним читать судьбу, и кое у кого это даже получается... Та звезда, на которую ты смотришь и которую ты знаешь как Волчью, а умники из Академии как Ангесу, была посвящена Богу Войны, покровителю клана Серебряной Луны. Одного из двух эльфийских кланов, оставшихся после Исхода. А нашей звездой была Адена, Лебединая Звезда. Вот она...

— Амора?

— Да. Амора. Звезда Любви... Наши кланы всегда были союзниками, а потом, после ухода Богов, стали врагами, — Рамиэрль взял гитару и стал наигрывать какой-то медленный, хватающий за душу мотив, — они были Возлюбленными — Адена и Ангес, Воин и Дева... И они не хотели оставлять Благодатные земли на произвол судьбы. Может быть, поэтому их звезды до сих пор светят ярко, а другие едва заметны...

— Ты считаешь, они нам помогут?

— Спроси у любого астролога, и он скажет, что звезды помогают только тому, кто помогает себе сам... Рене, — эльф прижал руками враз смолкнувшие струны, — раз у нас случился такой странный разговор... Когда-то ты не захотел рассказать о ТОМ (он подчеркнул это слово) своем путешествии... Но с тех пор произошло столько всего, ты не изменил свое решение?

— Не знаю, стоит ли об этом рассказывать. Если нас пропустят, ты все увидишь и узнаешь сам. Тот поход был не самым приятным в моей жизни...

— Возможно, и увижу, — негромко, но настойчиво сказал Роман, — но я хотел бы знать, КАК ты попал на остров темных эльфов. Или, вернее было бы сказать, на остров Ангеса.

— Вот этого-то как раз я сказать и не могу, — откликнулся Аррой. — Корабль налетел на скалы и затонул, меня сбросило в воду, прежде чем я потерял сознание, я успел привязаться к обломку мачты... Очнулся я уже на берегу, сначала в какой-то палатке, затем в доме. Знаешь, — Рене поднялся, — мне очень не хочется вспоминать об этом...

— Ну, как знаешь, — Рамиэрль вновь взялся за гитару, — но мне все же кажется, что в твоих приключениях было нечто, о чем нужно поговорить... И это «нечто» вряд ли связано с нашим народом...

Рамиэрль был прав. Уж кто-кто, а сам Рене Аррой в этом не сомневался. Все, что произошло со старым «Созвездием», было неправильным и невероятным. Потому-то адмирал и не любил вспоминать ту экспедицию, закончившуюся гибелью всех его спутников. Он, славящийся своей отвагой, так никогда и не решился вернуться туда, где их подхватил тот проклятый шквал.

Бешеные широты, стаи кэргор,¹³⁹ многопушечные корабли ортодоксов, проклятые рифы Гиблого моря, зыбучие мели сурианского побережья — все это вместе взятое не пугало

¹³⁹ Кэргора — агрессивное крупное морское животное, обладающее природным костяным тараном. Крупные стаи кэргоров представляют опасность и для больших морских судов. Церковь утверждает, что эти животные поставлены Творцом охранять Запретную черту, однако у маринеров бытует суеверие, что в кэргор превращаются погибшие в морских сражениях, если победители не жертвуют часть добычи Зеленому Храму.

Арроя и вполтину так сильно, как некий ветер, показавшийся ему живым, разумным и злым... Адмирал не хотел об этом говорить, но помнил-то он все. Рамиэрль затронул больную струну, она зазвучала, и этот звук не мог заглушить ни ровный ласковый пассат, ни атэвское вино, ни поцелуи и счастливый смех ждавшей внизу Герики.

Ночь лениво пересыпала бриллианты созвездий, но Рене, вновь вышедший на палубу, не замечал этого великолепия. Рамиэрль давно ушел к себе, Герика спала, а вот он не мог. Прошное властно захватило адмирала, и он вновь во всех подробностях переживал самые страшные дни своей молодости.

...Сначала ничто не предвещало беды. Подгоняемый ровным пассатом корабль нес все паруса, практически бесшумно скользя по океану и делая гед¹⁴⁰ по восьми. И небо, и море были чистыми и какими-то нежными. Впередсмотрящие, однако, осматривали горизонт с неусыпной бдительностью, потому что море — великий обманщик. Даже здесь, в Ласковых широтах, на горизонте может возникнуть маленькое серое пятнышко налетающего шквала, который нужно переждать с оголенными мачтами и задраенными люками.

Кто-то, кажется одноухий Ренар, вовремя заметил приближение непогоды, и Рене решил встретить шторм только под штормовыми парусами. Марсовые быстро полезли по веревочным лестницам. Достигнув марсов, они, как диковинные насекомые, расползлись по раскачивающимся под ударами ветра и дождя реям. Но удержаться было не все, главным было убрать паруса, что приходилось делать одной рукой, держась другой за рею. Хвала Великим Братьям, они успели! Когда клубящаяся серая гора закрыла солнце, а ветер, ставший порывистым и страшным, попытался завалить судно набок, паруса были убраны.

Ударили первые струи дождя, сшивая свинцовое небо с потемневшим морем, зарокотал гром. Вроде все было как всегда, и все же... все же Рене этот ливень сразу не понравился. Странно холодный для этих широт, он хлестал немилосердно, забирался под плащи, просмоленные куртки, шляпы, косынки, стекал холодными струйками по спине, заставляя вздрагивать даже самых стойких. И он не думал кончаться, хотя обычно не проходило и оры, как солнце вновь заливало мгновенно высыхающую палубу, горизонт становился прозрачным, а шквал, радостно громыхая, уносился дальше и дальше, пока не иссякал где-то у островов Сиреневых Птиц. Но на этот раз минула ора, и вторая, и третья, а неистовый ветер все гнал и гнал корабль на закат с упорством своры гончих, загоняющих оленя.

Моряки столпились на шканцах и на юте, держась за протянутые леера. Отсиживаться в темной нижней палубе, вздрагивая от ударов и гадая, что же творится наверху, не хотел никто... Все они нет-нет да и поглядывали на своего капитана, а он, казалось знавший о море все, ничего не понимал.

Стемнело, затем вновь рассвело, а непогода и не думала стихать. Самым же мерзким было то, что даже сквозь пелену дождя Рене было видно, что горизонт чист. Проклятая туча висела именно и только над кораблем. Счастливчик Рене благодарил судьбу за то, что глаза других моряков отчего-то уступали его собственным и не могли разглядеть сверкающее солнечное кольцо на границе бури.

Будь Аррой порелигиозней, он наверняка бы решил, что Творцу надоело терпеть его выходки и что странный шквал — кара Господня святотатцу за нарушение Запретной черты. Однако маринер клирикам никогда не верил, а что до Творца, то если и готов был согласиться, что таковой где-то и обретается, то занят чем-то более важным, нежели подсчеты грехов и грешков смертных и мелочной мстью за нарушение каких-то малопонятных запретов. Зато странные легенды, передаваемые маринерами и атэвами из уст в уста, Аррой помнил прекрасно и полагал, что дыма без огня не бывает.

Он знал, что где-то в этих краях находится таинственный Берег Золотых Пчел, называемый также Берегом Алых Роз, и это самое прекрасное место в мире, но добраться туда невозможно, потому что землю обетованную стерегут девять раз по семь ветров,

¹⁴⁰ Гед — мера скорости, принятая у маринеров, приблизительно равная земному узлу.

отбрасывающих смельчаков назад. Рене же давно искал волшебный край, где дно ручьев выстлано сапфирами и аметистами, в водах лагуны спят раковины с огромными черными жемчужинами, а над алыми розами реют золотые пчелы.

Счастливику везло, и он то и дело находил острова, населенные наивными смуглыми людьми в юбочках из травы. Там росли яркие тропические цветы и шумели высокие пальмы. Были там и жемчуга, и маленькие, похожие на ожившие драгоценности птицы; попадалось и золото, но все это было не то... Рене совсем уже начал склоняться к тому, что Берег Золотых Пчел — выдумка морских скитальцев, чей-то приукрашенный рассказ об островах Великой Черепахи или атолле Двойной Горы, но все же решился еще на один поход. Да, странный шквал вполне мог бы быть подтверждением старой легенды, если бы отогнал «Созвездие» назад, но он яростно гнал несчастный корабль вперед, в неизвестность.

«Созвездие» пока держался, то взлетая на волны, то проваливаясь вниз, в страшные мертвые провалы между водяными чудовищами. Судно билось и скрипело, как от боли. Двух шлюпок как не бывало, борта кое-где были проломлены, но мачты из корбутских сосен стояли. Рене не было страшно, но происходящее угнетало. Эта буря, казалось, была наделена собственной злой волей, которой было нечего противопоставить. Хмурые лица и недоуменные взгляды, которыми обменивались моряки, говорили о том, что и они ничего не понимают.

Время шло, а буре не было видно конца, и Рене, изнемогая от усталости, все же спустился к себе и сразу же провалился в глухой, тяжелый сон. Сколько ему удалось проспать, он так и не узнал, разбуженный криком вбежавшего матроса.

Аррой бросился на палубу и увидел смерть. Сзади море с однообразным шумом катило темные волны, увенчанные седыми пенистыми гривами, впереди же вода кипела вокруг подводной гряды. Острые каменные клыки, окруженные грозными бурунами, торчали так близко друг от друга, что было невыносимым провести между ними не только большой корабль, но даже самую утлую лодчонку. Ни отвернуть, ни бросить якорь не успели. Раздался зловещий треск, и «Созвездие» забился на камнях...

Последующие оры превратились в сплошной кошмар. Глядя невидящими глазами в бархатное южное небо, Рене Аррой, император Арции, король Таяны, господарь Тарски, Великий герцог Эланда и прочая, и прочая, и прочая словно бы вновь слышал отчаянный скрип мачт, грохот волн, скрежет днища о камни... Он так и не понял, как долго продолжалась агония. Спасения не было и не могло быть, но для эландцев бороться до конца всегда было делом чести. К тому же полоса рифов вполне могла быть предвестником какого-то острова. Паники не было. Маринеры знают, что, уходя в море, они рано или поздно не вернуться. Этот миг настал, и надо было встретить его достойно. Спустить уцелевшие шлюпки в их положении и при таком ветре было почти невозможно, но им все же это удалось. Впрочем, и шлюпок, и людей на корабле заметно поубавилось. Рене, как водится, должен был покинуть гибнущий корабль последним, но не успел. Огромная черная волна ударила в правый борт, и одна из мачт наконец не выдержала и рухнула. Вторая волна, еще выше и злее, увенчанная клубящимся гребнем, подхватила Арроя и швырнула его в воду. Ему удалось выплыть, но почти сразу же какой-то обломок сильно его ударил. Чувствуя, что ранен, и ранен серьезно, он ухитрился привязаться к обломку той самой мачты и потерял сознание. Что с ним случилось дальше, Рене не помнил. Он пришел в себя в шелковой золотистой палатке, сквозь ткань которой просвечивало солнце. Над ним склонялось лицо столь невыносимой красоты, что Аррой в первый и последний раз в своей безумной жизни чуть не уверовал в Творца и его вестников.¹⁴¹

Незнакомец что-то спросил, но Рене не понял ни слова. Голова его раскалывалась от боли, лицо наверху то появлялось, то исчезало в дрожащей дымке. Маринер попытался

¹⁴¹ Вестник — посланец Творца, ангел. Изображался в виде прекрасного юноши в светлых одеждах и венке из плюща.

спросить об остальных, но разбитые губы не слушались. Затем на лоб ему легла чья-то прохладная рука, и женский голос произнес странные властные слова. Туман внезапно рассеялся, и Рене смог поднять глаза, чтобы увидеть женщину с прекрасным, но бесконечно чужим и холодным лицом. Она внимательно, но равнодушно смотрела ему в глаза, и этот взгляд потом долго его преследовал. Женщина что-то негромко сказала, и в ответ раздался второй голос, молодой, взволнованный, явно принадлежащий мужчине. Женщина возразила — резко и повелительно. Юноша разразился длинной звонкой тирадой. В это время опять нахлынула боль и Рене, застонав, провалился в небытие.

Когда он очнулся, рядом никого не было. Тело все еще болело, но такую боль можно было легко пережить. Он попробовал сесть, и это ему удалось. Его руки были покрыты багровыми кровоподтеками, а это означало, что со времени крушения прошло несколько дней. Маринер огляделся по сторонам. Он лежал в небольшой, удивительно красивой комнате с полукруглым потолком и окном во всю стену, доходящим до самого пола. Вдоль стены шел низкий диван, чем-то смахивающий на атэвский, обитый переливчатой синей тканью в тон длинным занавесям и пологу кровати. Пол был покрыт изысканной бело-синей мозаикой, с потолка свешивался изящный серебряный светильник в виде грозди цветов. К кровати заботливо придвинули низкий столик, на котором стоял прозрачный кубок с каким-то тонко пахнущим напитком и тщательно сложенное одеяние насыщенного синего цвета. Рене развернул его и присвистнул от удивления — ни в Арции, ни у атэвов — нигде, куда его заносила прихотливая судьба, мужчины не носили ничего подобного. Кое-как одевшись, Рене подошел к висевшему на стене овальному зеркалу в причудливой раме. Из таинственно мерцающего стекла глядел совершенно седой незнакомец с неправдоподобно огромными голубыми глазами на исхудавшем лице...

— Что с тобой? — от неожиданности он вздрогнул и вернулся на землю — Герика в кое-как зашнурованном платье смотрела на него встревоженно и грустно.

— Ничего, — он ласково коснулся теплой щеки, — я просто вспоминал то, чего лучше не вспоминать...

**2231 год от В.И.
6-й день месяца Влюбленных.
Фронтера**

Люди в чем-то сродни кошкам, они привязываются к месту. По крайней мере, Рыгор Зимный, став герцогом Фронтерским, не мыслил себя вне Белого Моста. Пусть село было разрушено, но руки и головы у фронтерцев есть, деньги тоже, а хорошего дерева в пуще завались. Места, по которым прошлась своим страшным плугом Война Оленя, оживали на глазах.

Зимный всегда был дельным войтом, но, как выяснилось, для него это был не предел. Став повелителем целого края, Рыгор не заважничал, но и вожжи из рук не выпустил, по-прежнему оставаясь атаманом для бойцов своей армии, хоть те и вернулись к земле. Рыгор, несмотря на свалившиеся ему на голову титул и власть, остался самим собой, хотя ему и пришлось, приноравливаясь к своему новому положению, отгрохать домину, в которой не стыдно принимать высоких гостей. Гвенда же отдала должное своему новому положению, нашив себе прорву ярких платьев и юбок, которые теперь лежали в сундуках, бережно переложенные сушеной лавандой и полынью. Впрочем, во всем остальном прекрасная корчмарка осталась верна себе. Лишенная возможности держать харчевню (герцогиня как-никак!), она целыми днями пропадала в просторной кухне, не доверяя прислуге, и собственноручно готовила не только для своего супруга, но и для его многочисленных гостей со всех концов Фронтеры.

Сегодня Красотка превзошла себя самое. Великий герцог Таяны, посетивший чету Зимных, прилюдно признал, что поварихам Высокого Замка далеко до хозяйки Беломостья (так Гвенда и Рыгор называли свое новое обиталище). Гвенда кокетливо опустила глаза, но не

удержалась и рассмеялась в полный голос. Гость ей нравился, и даже очень, — высокий, темноволосый и темноглазый, он не чинился и не чванился, отдавая должное и царке, и закуске. И он так напоминал погибшего Луи...

Ужинали вчетвером — в Беломостье гостям прислуживала сама хозяйка. Рыгор и Шандер уже обсудили дела и теперь перескакивали с новостей на воспоминания о недавних событиях и обратно. Гвенда суежилась вокруг стола, все время что-то унося или, наоборот, подавая и не забывая принимать участия в разговоре и поглаживать лежащую у огня Гайду. Илана ничего не ела, молча глядя в стакан с царкой.

Наконец Рыгор поправил усы, откашлялся и встал.

— Любые гости, — атаман сдерживал голос, но все равно его было слышно на лестнице, а то и во дворе, — спасибо за то, что зайихали. Не сомневаюсь, что вместе мы много доброго сотворим. Но останнюю чашу я поднимаю, уж пробачьте, не за ваше здоровье и не за свою хозяйку. И даже не за победу, за нее мы вже пили и кожний год пить будьмо. Я пью и до дна (нехай мне Гвенда хоч словечко скажет — убью!) за тех, кто зараз в море. За Рене, його невесту и его маринеров. Пускай они найдут, что ищут, и повернутся до нас, як мы их ждем и любим!

Атаман поднял обеими руками немалый сосуд и, не поморщившись, осушил до дна. Шандер с очень серьезным лицом поднял кубок и последовал его примеру. Гвенда не отстала и при этом пристально посмотрела на молчащую Илану. Та вздрогнула, торопливо и неловко выпила свою царку и закашлялась.

— Ото добре! — провозгласил герцог Фронтерский. — А теперь, гости дорогие, дозвоьте вас отвести в вашу спальню, — Рыгор взял подсвечник, сработанный местными искусниками, и, тяжело ступая, пошел впереди. Шандер подал руку Илане, и та поднялась, слегка пошатнувшись. Видимо, выпитая почти натошак царка сделала свое дело.

Зимний распахнул дверь в просторную комнату, пол которой устилали медвежьи шкуры, а в углу стояла здоровенная кровать, явно заказанная у арцийского краснодеревщика. Пожелав гостям доброй ночи, радушный хозяин проверил, есть ли на столе царка и яблоки, и удалился, старательно прикрыв за собой дверь.

Илана затравленно огляделась и присела на краешек арцийского чудища. Шандер зачем-то подошел к окну и посмотрел на высокие тополя, облитые лунным светом.

— Илана!

Она подняла голову:

— Да, Шандер...

— Помнишь, о чем мы говорили, когда ты согласилась выйти за меня замуж?

— Помню...

— Что я, Проклятый меня побери, сделал не так?!

— Ты ничего, — Илана подняла глаза, — все дело во мне, я тебя не стою, это же очевидно.

— Кому очевидно? — Гардани пересек комнату и устроился на медвежьей шкуре рядом с кроватью. — Мне очевидно только одно: в Таяну ты вернешься, став наконец моей настоящей женой.

— Шандер!

Эстель Оскора

В темно-синих волнах мелькнула черная спина играющего кита, отнюдь не показавшегося мне красивым. Впрочем, самые большие и сильные твари, как правило, весьма нелепы, хоть и впечатляют размерами и мощью. Эта живая, обитающая в море громадина размером чуть ли не с наш корабль уступала блестящим грациозным дельфинам в той же мере, в какой слон уступал лошади... Хотя где они, эти лошади... Я уж и забыла, когда видела их в последний раз. Интересно, тоскует ли Рамиэрль по своим красавцам? По его лицу, как всегда, невозможно ничего понять, хотя, немного пожив среди эльфов, я

поняла, что они отнюдь не безмятежны, просто им свойственно уметь властвовать собой. Как, впрочем, и гоблинам. Вот мы, люди, частенько даем волю свои чувствам, и я бы не взялась утверждать, что это нас украшает.

И все же, все же, все же... Я была почти уверена, что Роман чем-то озабочен, чем-то, что, возможно, не совсем понятно ему самому. Зато все остальные откровенно наслаждались путешествием, а для меня так оно и вовсе стало возвращением в рай. К морю я привыкла быстро, оно меня не пугало, напротив, от темно-синей воды веяло свежестью и каким-то странным, трудноуловимым запахом, горьковатым, здоровым, манящим... Раньше все разговоры о прелести «запаха моря» мне казались досужими выдумками тех, кто, сидя в Мунте или Гелани, не имел счастья обонять груды выброшенных на берег водорослей и уснувших рыб... Я ошибалась. Запах гниения присущ берегу, а море пахнет свежестью и... надеждой, если, конечно, у надежды может быть запах.

Мне казалось, что в конце пути нас ждут невиданные чудеса, и вместе с тем мне хотелось остановить время и вечно плыть к прекрасной, но недостижимой земле, слушать музыку волн и песни Романа, любить и быть любимой... Однако всякая дорога рано или поздно кончается.

Я следила взглядом за улетающим темным фрегатом и увидела других птиц — розовых, длинношеих и длинноногих, летевших длинной цепочкой. Мне это ничего не сказало, но молоденький матрос, пробежавший по палубе по каким-то своим делам, остановился, открыв рот, а затем заорал радостно и пронзительно: «Земля близко!»

И действительно, неуместные в океане розовые птицы показали нам дорогу к берегу. До вечера было еще далеко, когда на горизонте появилась легкая волнистая полоса. Был ли это пресловутый Берег Золотых Пчел или просто какой-то остров в океане, но корабли решительно повернули к нему. Земля приближалась, выступая из серебряной дымки, вспыхивая яркими неожиданными красками. За белой полосой прибоя поднималась высокая стена розоватых скал, увенчанная шапкой зелени, а позади к небу рвались горы. Изумрудные у основания, посередине перерезанные вереницей белоснежных облаков, они врезались в сверкающее небо прихотливыми башнями, столь же причудливыми и неповторимыми, как колокольни главных орденов храмов в Кантиске.

Мы подходили все ближе и ближе, одновременно выискивая удобное место для высадки. Остров, если это был остров, окружал коралловый риф, невысокие волны накатывались на него, вскипая изящными пенными гребешками, словно кто-то невидимый бросал в воду венки из одуванчиков. Корабли легко обошли торчащие клыки и колонны и вошли в лагуну напротив реки, разрывавшей скальную стену. С плеском в спокойную воду обрушились якоря, но суматоха продолжалась.

Я стояла и смотрела, как спускают шлюпки, что-то подвязывают, что-то убирают. Моряки весело и громко переговаривались, гадая, куда же нас занесло. Заправлял всем этим, разумеется, Рене, которому по вполне понятным причинам было не до меня. Это было не страшно, я уже привыкла к тому, что иногда лучше его не трогать — будет нужно, отыщет сам.

Весла вспенили воду, и две шлюпки одна за другой двинулись к берегу. Первая подошла вплотную к берегу, и те, кто в ней был, по колено в воде развернули ее носом к морю и только после этого вышли на берег. Что ж, если там прячется враг, они без промедления вернутся на корабль под прикрытием мушкетов и арбалетов второй шлюпки. Мне эта предосторожность казалась излишней — берег выглядел мирным и безмятежным, но у маринеров на сей счет было свое мнение. Разведчики побродили по берегу около оры и, похоже, ничего не нашли. И тут Рене не выдержал. Я не стала проситься на капитанский баркас — это было бы слишком, но зато я получила прекрасную возможность увидеть, как Рене легко выпрыгнул в оставленный волной пенный след и тут же, словно по волшебству, расступились сплетенные ветви, пропустив несколько гибких высоких фигур. Лиц я, разумеется, рассмотреть не могла, но по походке, изящной и упругой, по легким одеждам чистых и ярких цветов я без труда узнала эльфов... Так вот кому принадлежал легендарный

заморский край!

**2231 год от В.И.
17-й день месяца Лебеда.
Серое море. Лунный остров**

Рене с первого взгляда узнал прихотливо изрезанную сверкающую горную цепь. Что ж, их пропустили. Эмзар все рассчитал верно. Адмирал, сердце которого бешено колотилось, ничем не выдал своего волнения. Высадка шла по раз и навсегда заведенному в Эланде закону. Зеленый полог леса оставался неподвижным, и Рене подумал, что эльфы вполне могли уйти отсюда. Отчего-то стало очень жаль. Его жизнь с Перворожденными не была особо радостной — какая может быть радость у капитана, потерявшего корабль и оказавшегося среди малопонятных существ, в сравнении с которыми Первый Паладин Зеленого Храма казался полным несмышлеником. И все равно Рене было бы безмерно жаль, если бы Берег Золотых Пчел превратился в простой необитаемый остров.

Эландец с трудом дождался возвращения разведчиков, но далее пребывать в роли наблюдателя не смог. Берег манил с небывалой силой. Баркас ткнулся в песок, крупный, отливающий старым золотом. Капитана окружили забытые, но незабываемые запахи — цветущего жасмина и маленьких алых роз, горьких перистых трав и меда. А потом из чащи вышли эльфы, впереди которых шел улыбающийся Логриэль Норгэрэль.

— Я рад, что ты вернулся, и не один! — что ж, спаситель не забыл за эти годы языка спасенного.

— Я пытался вернуться раньше, — Рене с радостью пожал протянутую руку, — но, похоже, меня не хотели видеть.

— Да, моя мать до недавнего времени полагала это ненужным...

**2231 год от В.И.
17-й день месяца Лебеда.
Лунный остров**

Вот и настал тот час, которого Залиэль ждала так долго, что уже перестала ждать. Собственно говоря, ради этой встречи она и жила все эти годы и столетия. Странно только, что в первый раз она ничего не поняла и ничего не почувствовала. Ее сын, заметивший в море привязанного к мачте смертного, спас его из простого милосердия, а ей, ей это показалось отвратительным. Как «этот» посмел вернуться живым, если Ларэн пропал, так и не разгадав проклятую тайну. Залиэль прекрасно помнила день, когда, уступая настойчивым просьбам Логриэля, склонилась над умирающим моряком, поднявшим на нее затуманенные глаза — глаза Эмзара... Разумеется, она спасла его и постаралась не замечать, что Логриэль обучает его языку и магии. Уже тогда Залиэль показалось, что что-то с этим человеком не так... Было в нем нечто трудно уловимое, опасное и чужое. Но была в нем и ее кровь — кровь Звездного Лебеда! Залиэль до сих пор не знала, чувствовал ли это ее сын или же просто шел по стопам сгинувшего отца, всегда сострадавшего людям. В этом Ларэн мало отличался от своего божественного покровителя. Впрочем, она сама была не лучше, когда после первой и последней битвы с былыми богами пропустила маленькую смертную на запретное поле.

Тот, кто любит сам, покровительствует и чужой любви и невольно сверяет свои деяния по деяниям и мыслям возлюбленного. Ларэн, безусловно, помог бы Инте, и Залиэль поступила так же. Это стало ее маленькой тайной, которой она в глубине души гордилась и иногда порывалась рассказать ему, но всякий раз что-то мешало. А потом уже стало некому рассказывать... Разве что этому смертному с глазами эльфа и скрытой внутри странной силой, природы которой она не могла понять, пока не начало исполняться Пророчество, о чем ей услужливо поведало ее озеро... То, от чего она бежала, о чем думала забыть, всегда

догоняло ее.

Так вышло и с озером-глазом в Убежище, некогда созданным ею самой, затем надолго забытым и вновь разбуженным Преступившими магами. В своем озере здесь она видела все отражавшееся в темной воде далекого пантанского пруда. Конечно, можно было не смотреть, но Залиэль Ночная Фиалка знала, что должна испить чашу до конца. Знала, что грядет Нечто, что Ларэн, нет, не по приказу, — по просьбе великого Ангеса хотел предотвратить. Теперь это придется сделать ей. И какая-то изначальная справедливость была в том, что случившееся стало следствием ее давнего неразумного поступка.

А ведь еще недавно, когда Логриэль предложил странному смертному остаться с ними, а тот отказался, Залиэль Ночная Фиалка испытала чувство, похожее на облегчение. Пусть уходит в свой жестокий и грубый мир и не напоминает ей о том, что где-то за морем есть и другая жизнь, жизнь, которую Ларэн пытался защитить! О, она слишком хорошо помнила, как однажды ее возлюбленный нашел в дальних горах — тогда они еще не ушли за море — истекающего кровью человека. Эрасти, так его звали... Эрасти Церна... И билась в нем невыносимая любовь к жизни, к этому миру, к тем, кто живет, дышит, чувствует... За любовь эту он заплатил дорого — предательством лучшего друга, разбитыми надеждами и отрубленными руками.

Ларэн, используя талисман Ангеса, вылечил странного смертного и попробовал обучить его магии. Странно, но спасенный вскоре кое в чем превзошел своего учителя. Лунный король так и не смог понять почему, но для него это было неважно, он и раньше с готовностью помогал смертным магам, или, как их называли соплеменники, Преступившим, полагая, что каждый, в ком горит огонь познания и жертвенности, имеет право овладеть Силой. Залиэль всегда смеялась над этим утверждением, напоминая о множестве тех, кто готов принести в жертву сотни миров, лишь бы кому-то что-то доказать или что-то для себя получить. Ларэн с ней не спорил, но продолжал поступать по-своему.

Как бы то ни было, но Эрасти Церна показался Лунному королю именно тем, кого он столь долго искал, исполняя волю Ангеса, а именно плотью от плоти Рассветных земель, способным взвалить на свои плечи ношу, брошенную Светозарными. Церна должен был стать первым в плеяде великих магов, хранителей и повелителей свободного мира. Не смог. Сгинул вместе с переданным ему Ларэном Наследством, про которое сама Залиэль когда-то не желала ничего знать, а теперь узнать было просто не у кого. Тот, ради кого она сначала обманула, а затем и бросила свой клан, исчез за Жемчужными рифами.

Что-то нашептало Лунному королю, что средоточие Зла, погубившего Церну и готовящегося поглотить все Рассветные земли, лежит на закате за Серым морем. И Ларэн увел тех, кто еще шел за ним, на эти острова. Остаток клана Серебряной Луны, уставший от скитаний и войны с уцелевшими сородичами из клана Лебедя, охотно отгородился от бывшего бесконечной морской гладью и кольцом ветров, отгонявших от островов не в меру любопытных. И только Залиэль знала, что Ларэна привело сюда не желание обрести столь желанный остальным покой, но потребность быть ближе к неведомой угрозе. Потянулись странные годы, когда Лунный король, читая по звездам и раковинам, вслушиваясь в голос волн, склоняясь над созданным ею зачарованным озером в кратере вулкана, пытался постичь природу опасности. Не постиг. И решил отправиться туда сам на единственном уцелевшем с прежних времен корабле. «Лунный Зверь» с тремя десятками самых верных ушел и не вернулся.

Она звала и искала, но не могла докричаться и найти ни среди живых, ни среди мертвых. С тех пор в клане Серебряной Луны не строили больших кораблей и не покидали своих островов, а легкие лодки, огражденные защитными заклятиями, сиротливо лежали на золотом песке, пока морское течение не вынесло к рифам обломок мачты с привязанным к нему человеком.

Теперь этот человек вернулся. И не один. Залиэль вздрогнула, увидев стоящего с ним плечом к плечу золотоволосого эльфа, как две капли воды похожего на Ларэна. А еще с ними была женщина — странное существо, отмеченное печатью чудовищной силы, женщина,

связанная неразрывными узами с голубоглазым моряком. Залиэль хорошо знала Пророчество и все поняла сразу же. Вот она, Эстель Оскора, та, что может разорвать смертный круг. Теперь или она, Залиэль, вместе с этими тремя свершит то, что не удалось Ларэну с Эрасти, или же этот мир и все они вместе с ним стремительно понесется к страшному концу, потому что Хозяин судеб и времен уже отпустил поводья и теперь оставалось или попробовать остановить мчавшихся лошадей, или же погибнуть под его стремительной колесницей.

Что ж, за века одиночества она смогла понять и узнать достаточно, чтобы попробовать сделать то, что не удалось Ларэну. Конечно, жаль сына Астени, жаль и этого смертного со смешанной кровью, который вряд ли вновь увидит родные скалы, но всего жальче эту женщину и ее любовь, потому что отныне ей придется бесконечно идти босыми ногами по битому стеклу, как это делала она сама...

Залиэль еще раз оглядела гостей своего острова. Что ж, приговоренные к самому страшному имеют право на маленькие радости! Две-три кварталы на островах подарят им столько счастья, сколько они смогут перенести. А потом, потом каждый вступит на свою дорогу и пройдет по ней до конца... И она сама наконец уйдет к своему королю, исполнив долг и обретя взамен высшую свободу!

**2231 год от В.И.
17-й день месяца Лебеда.
Арция. Мунт**

— Сейчас они должны быть где-то возле островов Сиреневых Птиц, — Рене че Ри указал кончиком кинжала место на выдавшей виды карте, которую он не отдал бы за все сокровища мира, так как это был подарок отца, — как бы я хотел быть с ними!

— Все бы хотели, — заметила Белка, внимательно наблюдавшая за манипуляциями своего приятеля, — на корабле интереснее, чем в этом дурацком дворце. Его даже замком не назовешь — ни оружейного двора, ни зверинца, ни башен... Одна позолота да тряпки, — девочка неодобрительно взглянула на шпалеры с какими-то фантастическими деревьями, — глупость какая, не может на розах виноград расти...

— Это так называемый «стиль Шабо», — вздохнул Рене-младший, — конец прошлого века... Мне отец велел разобраться в арцийском искусстве, вот я и разбираюсь.

— Бедняга, — посочувствовала Белка и тут же переключилась на другое: — А у меня скоро брат будет. То есть, может, и сестра, но брат полезнее... Мне отец написал...

— Так прямо и написал, что полезнее? — поддразнил Ри.

— Нет, — честно призналась дочка Шандера, — он спросил, хочу ли я, чтобы... Ну, то, что они всегда в таком случае спрашивают. Можно подумать, я ничего не понимаю.

— Ну и что ты сказала?

— Конечно, то, что отцу понравится, как я рада и так далее, — Белка деловито записнула высунувшегося было у нее из-за пазухи хомяка Фиделиуса, пойманного на поле боевой славы и торжественно нареченного в честь толстого и нужного брата-церемониймейстера. — Отцу здорово досталось. Я хочу, чтобы у него все было хорошо, он заслужил. Да и Ланка раньше ничего была. Она хотя бы шпагу в руках держать умеет и в тряпки не кутается. Но Герика, когда поумнела, стала лучше...

— Мне Геро тоже нравится... Хоть бы они возвращались поскорее!

— Вернутся, — утешила Белка, — твой отец всегда возвращается, когда нужно. А Геро без него никуда. Да ты никак чего-то боишься?

— Нет! То есть да! Вдруг они... Ну не то чтобы совсем не вернутся, но задержатся... Куда-нибудь еще нужно будет сходить...

— Значит, сходят! — девочка пожала плечами. — Пусть уж лучше все как следует разужнают.

— Ты ничего не понимаешь, — Ри отложил свою карту, — если отец не вернется к осени, что мы будем делать?

— То, что нужно, — отрезала Белка, — ты сын Рене, значит, будешь править. А я тебе помогу.

Глава 43

2231 год от В.И.

14-й день месяца Дракона.

Лунный остров

— Итак, время для серьезного разговора наступило? — Рене Аррой спокойно и серьезно взглянул в светло-зеленые глаза Залиэли. — Как я понимаю, дела не слишком хороши?

— Я рада, что мой сын спас тебя, — задумчиво ответила эльфийка, — сначала я решила, что он поступил опрометчиво, но оказалось, что ты — последняя надежда этого мира.

— Что ж, — Рене не казался ни удивленным, ни взволнованным, — мне это уже говорили, и не раз... Но я так и не понял, что мне нужно сделать, чтобы надежда стала действительностью.

— Что МЫ должны сделать, — поправила Залиэль и надолго замолчала. Адмирал ее не торопил. Кто знает, возможно, в глубине души он уже догадывался о том, что ему предстоит, и не спешил услышать роковые слова. Глядя на нежное и строгое лицо королевы Лебедей, Рене думал о том, что вечная жизнь и даже вечная молодость далеко не столь великое счастье, как это представляется смертным. Эльфы, по крайней мере те из них, с кем его сводила судьба, были прекрасны и могущественны, но счастливыми их не назвал бы никто. Интересно было бы обсудить это с Жаном-Флорентином, подумал эландец, с трудом подавив улыбку, можно только гадать, в какие философские дебри занесет милейшего жаба, если тому подкинуть тему бессмертия и счастья...

— Рене Аррой, — мелодичный голос вырвал герцога из задумчивости. — Я должна рассказать тебе все, что знаю сама и что уже известно Рамиэрлю. Он посоветовал мне говорить с тобой откровенно, но я не сразу решилась на это. Жизнь людей и так коротка, и мы не вправе требовать от них сделать ее еще короче...

— Моя жизнь была бы короче на двадцать лет, если бы не Логриэль и ты, — усмехнулся Рене, — не скрою, в последнее время я стал ею дорожить много больше, но, насколько я понимаю, ставки тоже поднялись.

— Мне трудно судить, — эльфийка подняла бледную руку и какое-то время любовалась игрой камней на запястьях, — ты, твой сын и даже твои внуки и правнуки скорее всего смогут наслаждаться прелестями этого мира. Им ничто не будет грозить, разве что обычные людские неприятности — войны с себе подобными, моровые поветрия, бури на море, засухи или, наоборот, наводнения. Одним словом, ничего, с чем нельзя справиться. Более того, все идет к тому, что твои наследники смогут сделать то, что в этом мире не удавалось никому, — объединить всю вашу расу в единую империю и договориться с гоблинами на востоке и атэвами на юге. Похоже, Тарру ожидает золотой век...

— Век? — маринер пристально посмотрел в зеленые глаза. — Но каким бы золотым и длинным он ни был, он наверняка кончится...

— Верно, — она опустила руку, изумруды вспыхнули, как кошачьи глаза в ночи, — вопрос в том, стоит ли тебе, императору и королю, бросать на весы свою жизнь и свое счастье из-за того, что произойдет через тысячу лет, а может быть, еще позже. Тогда будут новые владыки, призванные защитить свой народ. Ты и так сделал много больше, чем кто-либо до тебя. Ты ничего не должен этому миру, это он обязан тебе и твоей любви!

— Погоди, — Рене потряс головой, пытаясь осознать услышанное, — если я понял тебя правильно, то пройдет около тысячи лет и Белый Олень вернется?! То есть все начнется

сначала?

— Если бы сначала... Все начнется с того места, на котором ты и Герика его остановили... Но, боюсь, новая Эстель Оскора не сможет воспротивиться Зову Ройгу. Они не повторяют прежней ошибки, не выпустят ее из рук. Да и вождя, подобного тебе, найти будет непросто...

— Эстель Оскора? Да, понимаю... Герика смертна, как и я...

— В жилах вас обоих течет смешанная кровь, и наша, — эльфийка вздохнула и решительно закончила: — И тех, кто был здесь раньше нас и кто, собственно говоря, и обуздал Ройгу и заточил его. Очень долго эта кровь спала, но сейчас она проснулась и позволила Герике устоять против Зова, а тебе выжить там, где обычного человека ждала более чем смерть. Думаю, ваша совместная жизнь с Герикой будет счастливой и длинной, гораздо более длинной, чем отпущено людям, но рано или поздно вы уйдете.

И тогда на пути Белого Оленя препятствий не останется. Всадники мертвы, Сумеречная — тоже. Нас, Первороденных, очень мало, к тому же Эмзар, — она назвала своего сына по имени, как чужого, — рано или поздно сможет открыть Дверь Арцея, и Лебеди уйдут. Это не их мир, и свой долг ему они отдали, — она опять помолчала, а когда заговорила, голос зазвучал ровно и четко: — Рене Аррой! В этом мире по воле Светозарных почти не осталось магии, а тысяча лет — большой срок для смертных и даже для нас, эльфов, но для высших сил это миг, и его недостаточно, чтобы земля сама породила своих защитников, рассчитывать же на помощь извне...

— Я никогда не рассчитывал на помощь извне, — перебил ее Рене, — я тебя понял, королева. Или мы найдем Ройгу сейчас и уничтожим его навсегда, или спустя тысячу или более лет, но он добьется своего. Я согласен на драку. Что нужно делать, и, — он все же запнулся, — какие шансы вернуться?

— Я не знаю, что нужно делать, или, — Залиэль грустно улыбнулась, — почти не знаю. Только сделав первый шаг, мы поймем, каким должен быть следующий. Может быть, мы и победим, в смысле добьемся своего, но скорее всего ценой собственных голов.

— Что ж, если ты ошибаешься, то в худшую сторону. Я пойду до конца.

— Мы пойдем вместе. Мне терять нечего уже давно, и потом, без меня ты ничего не сделаешь, так же, как и я без тебя...

— Я готов, — Рене наклонил серебряную голову. — Но Герика не должна пока ни о чем знать. Когда мы погибнем, если погибнем, все раскроется, а пока пусть думает, что... В общем, я придумаю, что ей сказать.

— Ты прав. Она должна остаться здесь, хотя бы для того, чтобы не попасться тем, кто стоит за Ройгу, — теперь Залиэль говорила быстро, опустив глаза и не глядя на собеседника. — Сила Темной Звезды, к сожалению, исчезает вместе с силой ее, скажем так, супруга, уж прости меня за эти слова. Но ее жизнь по-прежнему бесценна, ибо, пока жива Герика, Ройгу не обрести устойчивого материального воплощения.

Хотя я должна тебе сказать, — Залиэль склонила голову еще ниже, — что если Эстель Оскора в точный срок будет принесена в жертву на алтаре Ангеса, высвободившиеся при этом силы станут страшным оружием не только против Ройгу, но и того, кто стоит за ним!

— Это невозможно, — Рене вскочил, словно подброшенный пружиной, — скорее я...

— Скорее ты разнесешь этот остров на куски, — нехорошо усмехнулась Залиэль, — разумеется, никто не тронет даже волоса на ее голове. Хотя бы потому, что смерть Эстель Оскоры поможет, только если с точностью до мгновения угадать время. Если пожертвовать ею слишком рано, ройгианцы немедленно узнают об этом и не примут боя, так как меча, подвешенного над их головой, больше не будет. Они отступят, запутают следы и затаятся, пока не найдут замену Герике и не случится то, чего мы больше всего опасаемся. Если же она погибнет, когда бой так или иначе, но закончится, это будет бессмысленным и жестоким в случае нашей победы и смертельной ошибкой, если мы проиграем. Нет, Темная Звезда должна остаться здесь. Лунный остров — закрытое место, те, кто, без сомнения, за вами следит, не дотянутся сюда. Более того, они не могут даже видеть, что здесь происходит.

— Хорошо, — Рене снова опустился в кресло, но теперь его поза была позой рыси, готовой в любой момент к прыжку. — Герика должна жить. А что должен я?

— Ты? Заменить ее, — Залиэль сжала тонкую руку так, что ухоженные ногти стали белыми. — Слушай меня, Рене, слушай внимательно! То, что вы называете Запретной чертой, — глупая сказка, придуманная то ли вашими клириками, то ли кем-то еще. Но не так далеко отсюда есть истинная «Запретная черта». Ты о ней знаешь, потому что твой корабль двадцать лет назад разбился именно там. Мы наткнулись на нее случайно, когда искали тихое место, в котором можно было начать все сначала, — глаза эльфийки на мгновение затуманились, но она быстро справилась со своими чувствами, хотя взгляд больше не поднимала. — Наши корабли наткнулись на барьер небывалой силы, ни с чем подобным мы никогда не сталкивались. Мы повернули назад, нашли эти острова.

Все складывалось удачно, но не только в смертных живет тоска по неведомому и несбывшемуся. Несколько раз мы пытались прорваться в те области и всякий раз едва удавалось вернуться живыми. Наконец, мы объявили путь к Жемчужному рифу запретным. Но... — она вновь запнулась, — Ларэн, Лунный король, не выпускал это место из виду. Он был сильным магом, пожалуй, лучшим из тех, кто оставался в Рассветных землях. Правда, он искал не там, где искали наши мудрые, его путь лежал в стороне, там, где действовала магия прежних хозяев этой земли.

Я не знаю как, но Ларэн понял, что на Закате лежит место Силы, причем чужой, как нам, так и тем, кто создавал Рассветные земли и владел ими до прихода Светозарных. Эта сила непонятна, разумна, жестока и необычайно велика. Она словно злой, воспаленный, изощренный разум, который, к счастью, не имеет рук. Ларэн полагал, что этому разуму каким-то образом удалось привлечь на свою сторону одного из прежних богов этого мира.

— Значит, то, о чем писал калиф, все-таки правда! Впрочем, я в этом и не сомневался, просто было не до этого. Шла война, из Последних гор пытался вырваться Ройгу...

— Ройгу... Отвратительное имя... Хорошо, что Ларэн так и не услышал его. Слушай дальше. Даже если ты все знаешь, не мешает сравнить наши знания. Старые боги, к счастью, сумели обуздать отступника. Затем явились Светозарные, и случилось то, что случилось. Шло время. Неведомый — так его назвал Ларэн и так называю я — ждал своего часа, и час этот пробил, когда пришел срок, и Ройгу вырвался из своей тюрьмы. Связь между ними, видимо, сохранилась. Ройгу полагает Неведомого советчиком, но на самом деле Белый Олень давно уже орудие Неведомого, о чем, конечно же, не догадывается. А тот каким-то образом сумел вызвать своего подданного из почти что небытия, передав часть своих знаний смертным и заставив тех работать на освобождение своего кумира.

— Ройгианцы? — отрывисто спросил Рене.

— Они. Я не совсем понимаю, как он действует. Просто в один прекрасный день человеку, недовольному своим местом в этом мире и готовому посему воспринять чужое Слово, в голову приходят мысли, которые он почитает своими собственными. От них и начинается его путь к Белому Оленю и дальше... Да, сейчас сам Ройгу отброшен, его материального воплощения по-прежнему не существует, а ряды его адептов изрядно поредели, но на силе Неведомого это не сказалось. Он слегка переждет, нащупает слабое место и вновь вмешается в дела Благодатных земель, исподволь готовя возвращение своего раба, а значит, и свое. У этой сущности тоже есть избранники. Я знаю двоих...

— Михай Годой и Циала Благословенная?

— Ты действительно знаешь почти все. Самым страшным для нас стала потеря Эрасти, ведь он был тем мечом, который мы готовили, чтобы уничтожить не следствие, но причину, то есть Неведомого. Увы! Эрасти при помощи этой... Циалы, — видно было, что эльфийка хотела произнести иное слово, — был выведен из игры. Найти ему замену нельзя, этот меч был откован из единственного куска металла... Если бы Роману удалось освободить Церну, он стал бы Гибелью Неведомого, но это, по-видимому, невозможно. По крайней мере, для нас.

Каким-то немыслимым образом Неведомому с помощью Ройгу удалось перекрыть

дорогу в башню Адены, где и исчез Эрасти. Я не знаю, как снять или обойти это заклятье, я даже его природы постичь не могу. Не утратить Герику свою Силу, она, возможно, смогла бы освободить Эрасти, пройдя через поле Ройгу, так как является его отражением, обретшим собственную волю и собственную Силу. Но сейчас Эстель Оскора слабее слепого котенка. Получается заколдованный круг. Когда Ройгу повержен, лишается силы и Эстель Оскора, а когда он обретает мощь, ее силы нужны в другом месте...

— Ты отвлеклась. Говори дальше, — потребовал Аррой, не отрывая напряженного взгляда от собеседницы.

— Изволь. После победы над Эрасти Неведомый довольно успешно начал готовить то, что и должно было случиться прошлой осенью. Он прекрасно знал, когда истекает срок заточения Ройгу, и постарался встретить его во всеоружии. Из всех возможных орудий для его целей лучше всех подходил честолобивый и умный тарский господарь, и adeпты Неведомого легко склонили его на свою сторону призраком абсолютной власти. Его дочь, в чьих жилах текла кровь Прежних (а это неперменное условие. Впрочем, потомков Инты не так уж и мало), с рождения предназначалась для того, чтобы стать Эстель Оскорой. И я, признаться, не понимаю, как случилось, что она вышла из повиновения. Вся история с ее родами и возвращением из-за Порога темна и неясна. Мне кажется, вмешались какие-то силы, хотя этого просто не может быть. Как бы то ни было, Неведомый чуть было не добился своего...

— Я понял, — Рене потер виски, — ты хочешь сказать, что ту тысячу лет, которую Ройгу будет зализывать раны, его хозяин будет трудиться не покладая рук, или что там у него есть. И к тому времени, когда тварь войдет в силу, Арцию не мытьем так катаньем доведут до того, что драться с Оленем и присными будет некому?

— Скорее всего! — подтвердила Залиэль.

— Значит, их надо добить сейчас. Но как мы это сделаем, если даже эльфы не могут пробиться к Неведомому. Судя по тому, что ты говоришь, и по тому, что видел я, это не только мозг, но и руки, и клыки...

— Пожалуй, я погорячилась... Но я говорила об Арции, а там единственным оружием Неведомого является мысль. Здесь же, в Сером море, он у себя дома. А мы даже не знаем, что за Запретом — остров, Врата, подобные Вратам Ангеса, или же он укрылся под толщей воды...

— Значит, нужно узнать, но как?

— Все очень просто. В тебе течет та же кровь старых богов, что и в Герики. Вы — потомки Инты, аура древней силы у вас одна. О твоём происхождении Неведомый не знает, почитая тебя просто удачливым эльфинитом. Когда он соизволил обратить на тебя пристальное внимание — а это было после Кантиски, ты ни на миг не расставался с Герикой, и поэтому он не заметил, что источников старой крови не один, а два. С другой стороны, Неведомый не так уж и неуязвим, если застать его врасплох.

— Ты так полагаешь?

— Да, я так полагаю, потому что противостоять Светозарным он даже не пытался, затаившись на все те века, пока те были хозяевами Тарры. Значит, моя магия, магия Ангеса и Адены, усиленная талисманом, который я могу создать на краткое время, сможет нанести этому существу серьезный ущерб, а в идеале — уничтожить. Но для этого мы должны подобраться как можно ближе к его логову.

— И ты знаешь, как это сделать, — Рене не спрашивал, а утверждал.

— Да, — жестко сказала женщина. — Туда отправится «Созвездие Рыси», на котором поплыву и я. Неведомый наверняка учует древнюю кровь, узнает твой корабль и, решив, что Эстель Оскора с тобой, постарается заманить вас как можно глубже в свои владения. Не забывай, он по-прежнему считает Герику жалкой куклой в чужих руках и уверен, что если она попадет к нему, то станет послушным и полезным орудием. И вот когда Неведомый протянет лапу к якобы Герики, я ударю. Думаю, моей силы хватит, чтоб его уничтожить даже без того, — она хищно улыбнулась, — чтобы сжечь в этот момент в огне талисмана

настоящую Эстель Оскору.

— Знаешь, — Рене внимательно посмотрел в лицо эльфийке, — я начинаю верить не умом, а сердцем, что мы родичи. Этот план безумен, и именно поэтому он должен сработать. Когда отплываем?

— Мне надо подготовиться. Для того чтобы создать талисман Силы, нужно дождаться рождения луны, а потом мне нужно будет отдохнуть...

— Значит, у меня еще есть какое-то время.

— Да, есть. Ты намереваешься его как-то использовать?

— Я намереваюсь его прожить, Залиэль, — улыбнулся Рене, — и прожить счастливо... Прощай!

Эландец поклонился и быстро вышел. Ему было просто необходимо увидеть Герика.

...Терраса, на которой он нашел ее, нависала над морем, переливавшимся всеми оттенками синего и голубого. Ползучие растения, усыпанные гроздьями бледно-желтых цветов, в чарующем аромате которых проступала нотка полынной горечи, создавали ажурный шатер, защищавший от горячего солнца. Остров с высоты казался сказочной миниатюрой в старинной рукописи и, как и положено зачарованной земле, выглядел совершенно безлюдным. Только в вышине парил серебристый орел, как и все его собратья не боявшийся глядеть на солнце, да звенели в траве большие зеленые кузнечики. Ни эльфов, ни моряков не было видно — и люди, и Перворожденные предпочитали коротать послеобеденные часы под прикрытием зелени в южной части острова.

Здесь же, в Белых скалах, обитала только Залиэль, но она, расставшись с Рене, направилась к небольшой базилике, возведенной у подножия господствовавшей над островом горной цепи. Рене не сомневался, что эльфийка пробудет там до вечера, а значит, они с Герикой сейчас одни, если не считать Преданного, развалившегося в тенечке. Рысь, лениво приоткрыв желтые глаза, следила за человеком, не выказывая ни малейшего желания встать. Хорошо все-таки, что у Герики останется такой страж, когда его не будет... Стоп, последнее дело загодя себя хоронить! В Эланде даже кошки знают, что маринер утонет, только если раньше времени утопит сам себя! Целый месяц можно не думать ни о чем, наслаждаясь жизнью, как он и сказал эльфийской колдунье. Ну а потом, потом увидим...

Герика улыбнулась и перевернулась на другой бок, отросшие за полтора года разноцветные волосы сбились на сторону, обнажив точеную шею. Было странно думать, что совсем недавно одним мановением руки эта женщина могла уничтожить целую армию... Рене легонько коснулся раздумывавшейся щеки, тарскийка снова улыбнулась, но глаз не открыла — видимо, Залиэль позаботилась, чтобы их разговору никто не помешал.

Странно, но Рене почти никогда не видел Герика спящей, она спала очень чутко, так что адмирала, даже если его поднимали в самый глухой час ночи, провожали тревожные серые глаза. Эта ее привычка смотреть так, словно он уходит навсегда, вызвала у него странную смесь нежности и раздражения, но теперь, увидав ее спящей среди бела дня, он отчего-то почувствовал легкую обиду. Разумеется, он не собирался ей рассказывать о разговоре с Залиэлью, ее это не касалось. Пока. У него остается еще один месяц на этом колдовском острове, а затем... Вполне возможно, эльфийская волшебница справится с этим... Неведомым. Будь он таким уж всемогущим, не действовал бы чужими руками и не прятался за Запретной чертой, а нагло и открыто, как пристало уверенному в себе завоевателю, предъявил права на Благодатные земли. Ройгу же сейчас отлеживается в своем логове в Последних горах и не сможет прийти на помощь хозяину, а голова... Что ж, ум — дело хорошее, но без рук, без ног он беспомощен.

Рене решительно отказывался замечать противный холодок, помимо воли угнездившийся в сердце. Странно, но он всегда знал, что подобный день придет. В конце концов, ему слишком долго везло, а судьба всегда хранит человека для дела, которое, кроме него, сделать некому. Уж это-то герцог Рене Аррой знал совершенно точно. Известно ведь, что судьба сорок с лишним лет старательно оберегала Воля, в каких бы передрыгах он ни оказывался, а потом... потом была битва на Рунском поле, выигранная ценой жизни

великого короля. У каждого — свое Рунское поле. Раньше ему казалось, что судьба хранила его, чтобы он принял на себя заботу об Эланде, затем он решил, что все дело в Белом Олене, но все это были лишь цветочки. Ягодки же, как и напророчила старая Зенобия, поджидали во время заветного путешествия, о котором он, бродяга и искатель, мечтал столько лет. Что ж, вот он и оказался перед той чертой, переступив через которую вряд ли сможет вернуться...

Герика наконец соизволила проснуться и, с недоумением оглядываясь по сторонам, произнесла сакраментальную фразу, которую наименее умные барды вкладывают в уста своих героинь:

— Ой, я и не заметила, что уснула. Ты давно на меня смотришь?

— Нет, — улыбнулся герцог, — я пришел совсем недавно. Залиэль опять отправилась на свою гору.

— Она рассказала тебе что-то важное?

— Так, догадки всякие. Но, наверное, следует проверить. Думаю, схожу с ней вместе на «Созвездии»... На один островок неподалеку.

— Когда?

— Да уж не сейчас, — Рене рассмеялся. Сжимавшая сердце холодная лапа отпустила. — Я тебе говорил, что я тебя люблю?

— Нет, — широко открыла глаза Герика, — ты говорил, что никогда не насиловал женщин. И еще чтобы я не говорила всякой чепухи.

— Ну, если не говорил, то теперь самое время сказать. Я тебя люблю, Геро, и очень хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я и так счастлива, — серые глаза глядели правдиво и безмятежно, — очень счастлива, что встретила тебя, что мы победили, что моя проклятая Сила куда-то делась, и хорошо бы навсегда... Но, Рене, что-то все-таки произошло?

— Просто я увидел тебя спящей и умилился. Ты такая молодая, и у тебя такие дивные волосы...

— Должно же у меня хоть что-то быть красивым, — тряхнула упомянутыми волосами тарскийка, — хотя ради тебя я с удовольствием бы стала красавицей. Такой, как Залиэль...

— А вот этого не надо! — с испугом вскрикнул адмирал. — Мне в Мунте еще оживших статуй не хватало! Изволь оставаться такой, какая ты есть.

— Ну, если ты настаиваешь, — Герика приподнялась, и маринер немедленно заключил женщину в объятия.

— Еще как настаиваю, — подтвердил он, развязывая ее пояс. Счастье продолжалось...

Эстель Оскора

Я никогда не любила лгать, а уж Рене и подавно, но сейчас я врала без колебаний — уверенно и нагло. Он поверил. Он вообще мне верил, к тому же обмануть человека, который сам пытается лгать тебе, дело нехитрое. Говори то, что он хочет, чтоб ты сказала, — и готово! Рене не знал, с чего начать разговор, и обрадовался, увидев, что я сплю. Я дала ему время собраться с мыслями, хотя, Проклятый свидетель, не знаю, как я выдержала его взгляд и не выдала себя.

Клирики — ослы, и причем жестокие ослы! Их рассуждения о том, что ложь по определению грех и зло, — чушь! Ложь смягчает боль, помогает сохранить рассудок и лицо, спасает от бессмысленных и непереносимых страданий. Ну что, скажите, было бы хорошего, если бы Рене узнал, что я все слышала, что я знаю, что он отправляется на смерть?!

Мы бы просто мучили друг друга. Он бы все равно пытался меня обмануть, с нарочито бодрым видом рассуждая о победе, а я его с дурацкой улыбкой заверяла бы в том, что не сомневаюсь в этом. Или если мы смогли бы отбросить ложь, мы бы месяц кряду держали друг друга за руки и с надрывом прощались, прощались, прощались... Легче бы от этого не стало никому, напротив, вымотанный ежедневной пыткой, он бы в решительный момент мог ошибиться. А так, так мы сумеем урвать у смерти месяц, а потом...

Все-таки я не зря чему-то училась у Астени. Залиэль, конечно, сильная волшебница, но ее сыновья тоже кое-чего стоили. К тому же я заглядывала в глаза такой беде, что научилась понимать многое с полуслова и полувздоха.

Эльфийская королева проговорила, что если меня принести в жертву на алтаре Ангеса, ее силы многократно возрастут, а если это произойдет в решающий момент битвы с Неведомым, то бой скорее всего будет выигран.

Я не сомневалась — знай красавица, как это сделать, она без колебания пожертвовала бы мной, точно так же, как жертвовала собой (ее право) и Рене, с чем я не могла смириться! Но остановить его я не могла. Он всегда выбирал свою дорогу сам. В конце концов, короли для того и предназначены, чтоб в решительный момент выкупать своей кровью и своей душой кровь и души своих подданных. Жаль только, что многие монархи об этом не догадываются, ну да пусть им... А вот Рене не колебался. И ни я, ни кто другой его не остановит. Он уйдет и погибнет, если Залиэль не совладеет с Неведомым, а она, похоже, не очень-то уверена в своих силах. Они все погибнут, если...

Вот именно! Рене может распоряжаться своей жизнью и приносить ее в жертву. Но ведь и я могу то же самое! Он собрался умирать ради Благодатных земель, я на это неспособна, но вот за него... В конце концов, это моя жизнь, и я вольна делать с ней что захочу. Смерть на алтаре Ангеса не хуже любой другой. Надо только найти этот алтарь, хотя где же ему быть, как не в той базилике, куда так часто уходит Залиэль. Наверняка свой талисман она сотворит там же — самое подходящее место.

Я знала о подобных вещах. Любой маг может создать некое овеществленное воплощение собственной силы, многократно усиливающее его мощь и одновременно делающее его более уязвимым, если кто-то догадается и сумеет нанести удар не по самому волшебнику, а по его талисману.

Если я не ошибаюсь, Эмзар отказался от этого средства именно потому, что в Убежище еще оставались те, кто поддерживал Эанке в ее притязаниях. Залиэль же, похоже, ничем не рисковала. На одиноком острове у нее врагов не было. Лунные эльфы были некогда связаны с Ангесом, а значит, самое подходящее место для того, чтобы создать талисман, — его алтарь, пусть бог и покинул Тарру, но какая-то часть его силы наверняка осталась в его храме. Итак, алтарь Ангеса, талисман Залиэли и моя жизнь... Все сходится, и я знаю, где искать.

Но это потом, а пока я буду жить. Месяц счастья не так уж мало, а жизнь не столь уж и дорогая цена за любовь, если это настоящая любовь, а ведь Эаритэ нагадала Рене именно такую!

Стоп! Вот оно, окончательное доказательство того, что я все поняла правильно. Рене было предсказано, что его любовь спасет этот мир. Я приношу себя в жертву не ради людей, которых я никогда не узнаю, не ради того, что случится через тысячу лет — я просто не могу загадывать так далеко, а ради Рене! Сумеречная сказала, что любовь спасет этот мир. Спасет! Значит, они победят и все будет не зря. Его дорога в море — моя в белую базилику под горой...

2231 год от В.И.

19-й день месяца Дракона.

Эланд. Идакона

Лето кончалось, рябины сгибались под тяжестью алых ягод, сулящих морозную зиму, юные чайки парили в прозрачной синеве, выхваляясь друг перед другом и перед стариками стремительностью и изяществом. Лето кончалось, и это лето было последним летом старого Эрика. Он чувствовал это, как чувствуют звери, когда уходят умирать подальше от чужих глаз. Старый маринер не боялся. Он прожил долгую жизнь и повидал все, что должен повидать мужчина. Теперь моря бороздили его сыновья и внуки, а лучший и любимейший ученик стал спасителем Благодатных земель и их императором. Старому Эрику было с чем вступить в

Зеленый Храм! И все же, все же ему казалось, что он может и должен сделать что-то еще, что-то очень важное, то, что за него не сделает никто.

С трудом — а ведь когда-то он взлетал по этим ступеням, как на крыльях, — Старейшина Совета Паладинов поднялся на площадку Башни Альбатроса и все еще зоркими глазами вгляделся в серебряную даль. Море было спокойным и безмятежным, этим летом спокойным и безмятежным было, кажется, все. Война кончилась, и все спешили жить и любить... Столько свадеб за один год в Эланде давно не играли, да и во множестве уже сложившихся семей ожидалось прибавление. Это хорошо, когда люди настолько не боятся будущего, что готовы вручить ему свою плоть и кровь. Вот и у самого Эрика позавчера появился очередной правнук, а через несколько кварт ожидается еще один... Знать бы, что их ждет... Знать бы... Вот оно!

Глаза паладина Зеленого Храма блеснули из-под белых бровей! Он наконец понял, что должен сделать!

Эстель Оскора

Я была права, когда не стала пить присланное вино, хотя вкус, цвет и запах его дразнили и чуть ли не сводили с ума. Возможно, ему действительно было тысяча лет, но почтенный возраст ему пошел на пользу. И тем не менее я себе в этом удовольствии отказала, угостив божественным нектаром росший рядом куст, усыпанный гроздьями белых цветов, похожих на нарциссы, но размером с хорошую тарелку.

Преданный, возмущенный таким моим поведением, принялся слизывать золотистые брызги с блестящих широких листьев, а я села и задумалась. Что-то было не так, словно бы весь этот чудесный остров напрягся и затаился, как кошка, следящая за птицей. Даже солнечные пятна, и те, казалось, чувствовали это и то замирали, то начинали двигаться какими-то лихорадочными скачками. И потом, еще это вино... С какой стати Залиэль принесла его именно сегодня, прекрасно зная, что Рене вместе с Ягобом и другими маринерами отправился на морскую охоту и не вернется еще два или три дня? Странно, когда человек старается вести себя как обычно, он начинает делать вещи, которые как раз никогда бы не сделал.

Я чувствовала, что у него не было ни малейшего желания гоняться за несчастными нарвалами, но он решил, что, откажись он, Ягоб о чем-то догадается. И пошел, а ведь не имея он, что скрывать, просто хлопнул бы приятеля по плечу и попросил бы передать морским зверюгам от него привет... Хотя, не зная я, что с ним такое, я тоже ни о чем бы не догадалась и скорее всего напросилась бы с ними, хотя охота, тем более охота морская, меня никогда не привлекала. Теперь же я увидела в этом возможность пробраться в базилику, тем более что наступало новолуние и именно сегодня Залиэль, если она была искренней, должна создать свой талисман. Присланное вино только подтвердило мои догадки!

Я окликнула Преданного, тот поднял на меня узкие золотые глаза и зевнул во всю свою немалую пасть. Ему было жарко и скучно. Что ж, придется идти одной, тем более что купание в море рысь не привлекало — соль портила пышную шубу и, видимо, была отвратительной на вкус, а избавиться от нее иначе, как вылизываясь, бедняга, разумеется, не мог. Что ж, хочет валяться под кустами, пусть валяется. Я отправилась к заливу, с наслаждением ощущая босыми ногами горячий песок.

День клонился к вечеру, но солнце еще не зашло, и море сверкало, как расплавленное серебро. Я вошла в воду и медленно побрела вдоль берега по колени в теплой воде. Бояться было нечего — эльфы предусмотрительно поставили барьеры против всяческих морских чудовищ. Вот за дальними рифами, там шла обычная морская жизнь. Воду вспарывали треугольные плавники гигантских акул, под водой колыхали крыльями шипохвостые скаты, за внешнюю сторону подводных скал цеплялись ядовитые морские хризантемы и львиные гривы, в щупальцах которых находят смерть зазевавшиеся ловцы жемчуга. Здесь же, кроме разноцветных рыбок и причудливых раковин, не было ничего... Я добралась до своего

излюбленного места, где над белым пляжем ввысь взмывала стена из твердого серебристо-серого камня, и, оставив одежду на кусте чудом зацепившегося за скалы шиповника, доплыла до камня, похожего на поднявшую голову черепаху. С моря дул свежий ветер, и волны лениво перекатывались через ее выпуклый панцирь. Я пристроилась на шее каменной зверюги и закрыла глаза. Солнце припекало, тихо плескалась вода, незаметно текло время. Наконец тень от скал упала мне на лицо. Небо и море уже приняли лиловато-синий вечерний оттенок, что ж, похоже, пора... Я погладила каменную черепаху по морщинистой безобразной голове и спрыгнула в теплую воду. Волны сами вынесли меня на пляж. Отряхнув брызги с волос, я мимоходом отметила, что отсутствие кос иногда бывает весьма полезным. Хотела бы я знать, как долго бы сохла моя грива, не отрежь ее Лупе той проклятой осенью.

В ветках кустов пряталась темнота, а цветы стали пахнуть совсем уж головокружительно, когда я добралась до нашей террасы. Рене не возвращался, а Преданный безмятежно спал под кустом. Видимо, ему что-то снилось, потому что он то слегка подергивал лапой, то тихонечко порывивал. Я его окликнула, но он и ухом не повел. Я опустилась на корточки и запустила пальцы в густую шерсть. Ничего. Что ж, похоже, я правильно догадалась насчет вина. Кому-то очень хотелось, чтобы я в это новолуние крепко спала, а я очень не люблю, когда решают за меня. Я немного посидела на террасе, наблюдая, как на темнеющем небе проступают роскошные южные звезды. Ночь, как и всегда здесь, пришла сразу, сумерки, столь привычные нам, северянам, здесь отсутствовали начисто. Тревожно и таинственно шелестело в зарослях, подала голос какая-то птица.

Я не знала, когда они начнут, и на всякий случай решила поторопиться. Конечно, если кому-то придет в голову проверить, сплю я или нет, все раскроется. Но вряд ли Залиэль снизойдет до такого.

Свои действия я обдумала загодя, решив подойти к базилике со стороны олеандровых зарослей. Видимо, я пришла первой — в храме было еще темно. С некоторым волнением я поднялась на верхнюю галерею. В мире людей меня бы наверняка окликнул часовой или же путь преградила бы запертая дверь, но Лунным эльфам хватало какого-то внутреннего запрета. Это было место поминовения, и никто без необходимости не стал бы тревожить его покой.

Легкая узорчатая калитка открылась не скрипнув, и я вошла в сад. Не знаю, была ли тут какая-то магия, или разлитая в воздухе грусть была отражением чувств тех, кто сюда приходил. У входа в базилику горел одинокий светильник, в свете которого кружились длиннокрылые бабочки. Пахло ночными фиалками и еще какими-то цветами с бархатистыми темно-синими, почти черными лепестками, казалось сотканными из ночной синевы. Я была уверена, что меня никто не видит, но на всякий случай старалась держаться в тени. Дверь была открыта и здесь, и я быстро поднялась на хоры и легла на прохладный мраморный пол.

Ждала я недолго. Стукнула дверь, и сразу же стены базилики засветились мягким голубоватым светом. Я невольно задержала дыхание, пораженная светлой и трагической красотой этого храма. Люди никогда не научатся так строить! Стройные колонны отбрасывали резкие черные тени, так что символическая усыпальница Лунного короля — я знала, что тело его покоится в волнах Серого моря, — казалась серединой непостижимого черно-белого цветка. Над самым алтарем в куполе было отверстие. Днем три ряда белоснежных колонн поддерживали пронизанную солнцем синеву, а сейчас на них бархатными лапами опиралась ночь. Я почувствовала себя здесь совершенно неуместной, но назад пути уже не было — любое движение могло меня выдать.

Залиэль преклонила колени перед фигурой лежащего воина и, осыпав его лепестками каких-то цветов, поцеловала в мраморный лоб. В базилике было абсолютно тихо, но темные волосы Лебединой королевы развевались словно бы от ветра. Женщина встала и подошла к алтарю — прекрасная и невыносимо одинокая в своих белоснежных одеждах. Обычно она, как и Клэр, ходила в осеннем золоте, цветах невосполнимой утраты, но магические ритуалы требуют точного соблюдения множества условий, которые непосвященным представляются

глупыми или ненужными, но не исполнив которые в лучшем случае рискуешь провалить все дело, а в худшем — потерять жизнь, а то и душу. Я имела очень слабое представление о том, что же именно будет делать Залиэль, но я знала, что из ныне живущих способен на подобное был разве что Эмзар...

Эльфийка подняла лицо вверх, и я смогла рассмотреть, как шевелились ее губы, шепча непонятные слова. Затем, протянув руки, словно слепая, она, не опуская головы, пошла вперед, туда, где перед гробницей Ларэна стоял восьмиугольный темно-синий камень, в глубине которого, казалось, пульсирует живая искра. Видимо, это и был алтарь Ангеса. Залиэль подошла к нему и замерла, словно чего-то ожидая. Может быть, ожидание длилось мгновение, а может быть, вечность — я не поняла. Стены храма погасли, и все окутала темнота, не просто тьма южной ночи, а глубокая, древняя, великая... И только в глубине алтаря теплилась живая искра. Мне показалось, что я пребываю вне времени и вне мира, повиснув в пустоте между прошлым и будущим. А затем в алтарный камень ударил яркий луч, алый, как дымящаяся кровь. Я не сразу сообразила, что это странным образом усилившийся свет Волчьей Звезды. Алый луч, отразившись от темного камня, выхватил из тьмы фигуру Залиэль, застывшую с поднятыми вверх руками. Эльфийка ждала, а вместе с ней ждала и я. И вот с алым светом смешался голубой — взошла Цэрида, Лебединая звезда, Звезда Любви...

Залиэль стояла как раз в перекрестье их лучей, и на ее белых одеждах плясали алые и синие огни, то сливаясь в лиловые россыпи, то вновь разбегаясь. Постепенно их хоровод становился все более упорядоченным и быстрым, разноцветные искры кружили вокруг женщины все быстрее, это уже не были отблески звездного света, а искры самого настоящего огня. Залиэль произнесла длинную певучую фразу на языке, похожем на эльфийский, но не на эльфийском. А может быть, Лунные когда-то знали другой язык. Сверху в алтарь ударил луч лунного света — прямой и острый, как клинок. В новолуние это было невозможно, и тем не менее это было так. Лунный свет заливал темно-синий камень алтаря, изнутри которого навстречу белому лучу рванулся лазоревый. Два потока света то переплетались, как переплетаются в поле побеги выюнков, то расходились. И когда синяя и белая змеи в очередной раз отпрянули друг от друга, между ними бросилась женщина в своих объятых звездным пламенем одеждах. Раздался высокий чистый звон, словно на гигантской гитаре оборвалась струна, и Залиэль исчезла в чудовищном водовороте света. Никакие глаза не могли бы это выдержать, и я невольно закрыла лицо руками. Через мгновение я справилась с собой, но было поздно.

Залиэль в изнеможении опустила руки у камня, на котором переливался всеми оттенками синего и голубого столб пламени. Это был именно столб или колонна, потому что мельчайшие язычки огня были устремлены вверх так точно, словно их направлял какой-то свихнувшийся на геометрии маг. Разумеется, на небе не было никакой луны, Волчья Звезда стояла в зените, но ее свет больше не казался нестерпимо алым, а голубая Церида и вовсе скрылась из глаз.

Все тело от лежания на камне у меня затекло, но я не могла уйти, пока Залиэль оставалась в храме. Я скорее бы позволила себя убить, чем призналась бы в своем любопытстве. Эльфийка же внизу, кажется, устала так, что не могла заставить себя пошевелить ни рукой, ни ногой. Просто стояла и бессмысленно глядела в зажженный ею колдовской огонь. Если бы мне не было так мучительно стыдно, я бы сошла вниз и отвела бы ее домой. Наверное, в конце концов я бы так и поступила, не раздайся стук приоткрывшейся двери.

Вошедший, в котором я узнала Романа, приблизился к застывшей фигуре в белом. Я не слышала, о чем они говорили, если они вообще говорили. Лунная королева тяжело и неграциозно оперлась на руку своего внука, и они ушли. Я немного подождала, чтобы убедиться, что никто не вернется. Можно было возвращаться, но меня тянула к себе синяя колонна, и я, спустившись вниз, подошла почти к самому алтарю.

Рассмотреть как следует собственную смерть заранее дано немногим. Атэвы считают,

что мы сами определяем свой конец, каждый раз из двух или трех дорог, предложенных нам судьбой, выбирая одну, и в конце последней нас ждет именно то, к чему мы стремились. Возможно, они правы и свобода воли, свобода выбора в конце концов сводится к праву самому выбирать свою смерть!

Я стояла среди легких белоснежных колонн в шаге от заветного круга. Пока все складывалось хорошо, даже слишком хорошо. Меня никто не заметил, да и кто стал бы за мной следить на этом заповедном острове, превращенном его хозяевами в такой же земной рай, каким было Убежище. Деться отсюда я никуда не могла — все знали, что мои силы исчезли после изгнания Оленя, и я была не больше чем женщиной с примесью эльфийской крови и способностью к плохонькому колдовству. Что ж, так оно и было во всем, кроме одного. Я все еще оставалась Эстель Оскорой, и моя жизнь стоила дорого. Достаточно, чтобы выкупить другую, куда более ценную и для меня, и для Арции.

Глава 44

2231 год от В.И.
21-й день месяца Дракона.
Святой город Кантиска

Архипастырь с сожалением взглянул на Иоахиммиуса.

— Нам будет вас не доставать, отче.

— Нам? — на полном благообразном лице кардинала Кантисского мелькнула лукавая усмешка. — Да половина конклава будет счастлива от меня избавиться... Другое дело, что дальнейшее возвышение Максимилиана их не обрадует, но тут уж я ни при чем...

— Сдаюсь, — наклонил голову Феликс, — не нам, МНЕ будет вас не хватать...

— Вот в это, мой друг, я охотно верю, — Иоахиммиус сложил руки на объемистом животе, — но разрешение калифа на строительство нашей обители в местах, святых для каждого последователя Церкви нашей, требует немедленного отклика. Нужно успеть, пока атэвы не забыли о наших блестящих победах и пребывают в уверенности, что император вот-вот вернется.

— А вы на это разве не надеетесь?

— Именно что надеюсь... Надежда странное чувство, она овладевает нами тогда, когда разум говорит, что дело плохо, и сердце это знает, но не хочет смириться с неизбежным. Вот и получается надежда... — Иоахиммиус шумно вздохнул, — я хочу, чтобы Рене и Герику вернулись, но... Было в том, как они уходили, нечто, что, по крайней мере меня, заставило попрощаться с ними навсегда...

— Жаль, что я не выбрался в Идакону, — вздохнул Феликс, — но кто ж мог знать... Мне тоже тревожно, хоть я и не понимаю почему...

— Понимаете, только не берете себе за труд назвать вещи своими именами, а может, и не хотите этого делать, — кардинал с сочувствием посмотрел на Архипастыря. — Творец в великой мудрости своей заповедал своим смертным детям брать от жизни все, что они пожелают, но платить за это полной мерой... А теперь представь, какую цену должен заплатить Рене Аррой за победу. За три короны. За прекрасного сына и надежных друзей. За Герику, которую он, без сомнения, любит великой любовью и которая любит его. Если ценой будет только его жизнь, я скажу, что небеса к нему неслыханно милосердны...

Но я хотел говорить не об императоре, да будет над ним благословение Творца и всех добрых сил, как бы они себя ни называли. То, что я и три сотни монахов и послушников решили уйти в пустыню Гидал, называют подвигом во славу Божию... Может, для тех мальчиков, которые идут за мной, оно и так, но не для меня...

— Я понимаю, — бывший рыцарь вздохнул. — Вы устали от интриг, суеты, лицемерия, вы ищете свободы и успокоения. И вы заслужили их. Я и сам с радостью навсегда ушел бы

отсюда, но не в пустыню, а во Фронтерские леса. Но не могу.

— Нет, причина не в этом, хотя я действительно не терплю многих своих собратьев, но я скорее бы постарался убрать их из Кантиски, а не бежать от них. Вся беда, — кардинал смежно наморщил лоб, — что вы слишком поздно пришли в Церковь и продолжаете все измерять мирской мерою. Надо же, о покое заговорили. И с кем?! Со мной! Покой, конечно, вещь достойная, тем более война позади, но нам нужно думать о будущем.

— А, — с облегчением вздохнул Архипастырь, — вы говорите о вере атэвов, придуманной этим их пророком... Да, она рассчитана на завоевателей. Будь наше рыцарство более молодым и голодным, а края поскуднее, она бы и у нас привилась, но у нас и так слишком мало людей и слишком много земли, особенно в Таяне и Пантане, так что Баадуково учение у нас вряд ли приживется...

— Ты прав, мальчик, — Иоахиммиус, отбросив все церемонии, заговорил с Архипастырем как старший, и тот принял это с благодарностью, — выдумки Баадука хороши для атэвов и не нужны арцийцам, поэтому я и не боюсь их. Им не укорениться в наших землях, так же как пальмам из сада Майхуба не расти в Эланде... Нет, я говорил о другом. Что ты думаешь о циалянских сестрах?

— Ничего, — признался Феликс, — а почему я должен о них думать? Орден как орден. Конечно, раз его покровительница женского пола, в отличие от всех остальных, он богаче и многочисленнее многих. Отчаявшихся встретить в миру счастье женщин всегда было больше, чем мужчин, к тому же люди всегда готовы жертвовать на нужды циалянок, когда речь идет о здоровье детей, замужестве и прочих делах, за которые, если верить Роману, когда-то отвечала, скажем так, представительница высшей силы... Смертные же, как выразился наш эльфийский друг, — просто перенесли то, с чем они обращались к старой богине, на святую Цялу... Вот и все.

— Ты прав и не прав. Прав, когда этим объясняешь нынешнюю популярность и многочисленность циалянского ордена. Не прав, когда преуменьшаешь его значение. Уже сейчас Цяла с помощью своих духовных дочерей затмила остальных святых, кроме, пожалуй, Эрасти. Влияние ордена растет. Да, туда идут женщины, не нашедшие личного счастья и покоя, но их самолюбие и жажда власти очень часто не уступают мужским.

Теперь, после войны, когда осталось множество вдов и невест, женихи которых погибли, циалянки еще более усилятся. Ты этого не увидишь, а я тем более, но пройдет сто или двести лет, и они будут оспаривать первенство в Церкви, а затем, боюсь, постараются прибрать к рукам и светскую власть. Я приветствовал объединение Благодатных земель под рукой Рене Арроя, потому что это обещает золотой век, но к чему это приведет? Одна Церковь, одно государство, одна династия — это опасно, очень опасно... У Рене хорошая кровь и изумительный сын, который, похоже, женится на достойной девушке, но уже за их внуков я не поручусь точно так же, как не поручусь за нашего друга Максимилиана...

— О чем вы, отче?!

— Постарайся понять... Жажда власти, если человек ее ощутил, рано или поздно заставляет его действовать. Сейчас Максимилиан — верный друг, готовый за тебя умереть, но я не знаю, каким он будет через двадцать лет. Кардинальский посох может ему показаться слишком легким. Когда стихают великие бури, люди склонны заниматься своими делишками, которые в их глазах вырастают до размеров великих дел. Неизбежно начинаются интриги, обиды, предательства...

— Странно, вы говорите о неизбежном, словно можете что-то этому противопоставить.

— Могу, — заверил старый клирик, и лицо его словно бы осветилось изнутри. — Я говорил тебе о том, чего я боюсь. Я боюсь усиления циалянства, я боюсь будущих междоусобиц и интриг, я боюсь, что, когда придет очередная беда, не найдется никого, равного Рене Аррою, герцогу Шандеру и тебе.

И потому я хочу, чтобы новый монастырь, который не будет подчиняться никому, кроме своего настоятеля, стал хранителем знаний и правды. А то, что он будет возведен на землях калифата, защитит его от давления и Мунта, и, прости меня Творец, Кантиски. Когда

будет нужно, братья Гидалского монастыря пойдут к людям и расскажут ту правду, которую они сохраняют.

И поэтому я прошу тебя поручить моим заботам некоторые из реликвий, которые хранятся в Кантиске...

— Я, кажется, понимаю, о чем идет речь... Я познакомился с Романом Ясным, когда он явился к Филиппу, чтобы спросить о Пророчестве, которое мы так до конца и не поняли... Что ж, все, что хранил в тайной комнате Филипп, отныне принадлежит монастырю в Гидале, и я не вижу необходимости делиться этой новостью с кем бы то ни было...

— Хвала святому Эрасти, — кардинал Иоахиммиус, казалось, перевел дух, — я надеялся, что ты поймешь...

2231 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Лунный остров. Серое море

Белая бухта осталась позади, «Созвездие» быстро шел вдоль острова на юго-запад. Мимо проплывали золотые пляжи, роскошные шапки зелени, венчавшие бело-розовые обрывы, причудливые скалы, похожие то на замерших перед прыжком зверей, то на плакальщиц в тяжелых покрывалах, то на головы увязших по шею в земле исполинов.

Рене уверенно выводил корабль в море, но сердце его впервые рвалось не вперед, а назад. Раньше Счастливчик думал только о подстерегающих его за Запретной чертой тайнах да о попутном ветре. Сейчас он не мог выбросить из головы Берег Золотых Пчел, который на самом деле звался Лунным островом. Берег, к которому его, умирающего, прибило много лет назад, берег, куда он вернулся и где оставил женщину, которую полюбил. Теперь он уходил навсегда и знал это. Себе Рене Аррой не врал никогда, зачем? Согласившись с планом Залиэли, он подписал приговор и себе, и всем, кто пошел за ним.

Странно, раньше он никогда не думал о смерти, ничего не боялся и ни о чем не жалел. Хотя ни о чем не жалеть и противно человеческой природе, как наверняка сказал бы покинутый им Жан-Флорентин. В том походе, который они затевали, маленькому философу было нечего делать. И, кроме того, Рене хотел, чтоб и после его гибели на земле жило ворчливое невозможное существо, изрекающее великие истины так, что они становились похожими на шутки, и в шутку говорящие вещи, от которых становилось зябко.

Прощание вышло душераздирающим. В отличие от ничего не подозревающей Герики, знающий обо всем Жан-Флорентин отстаивал свое право на смерть яростно и настойчиво. Только совместная атака Рене и Романа вынудила философа смириться и согласиться присмотреть за Герикой. Говорят, уходящему всегда легче, чем остающемуся, но Рене был бы до смерти рад, если бы над его ухом раздался знакомый назидательный голос, изрекающий что-то вроде того, что главное — чистая совесть или же что смерти, в сущности, не существует. Утешать себя подобным образом сам Рене не умел.

— Мой капитан, — Габор, средний сын Димана, смущенно окликнул адмирала, — там, на скале... мне кажется, вам надо видеть.

В сущности, стоять рядом с рулевым было вовсе не обязательно, Рене взялся сам вывести «Созвездие» за барьерный риф только для того, чтобы чем-то привычным занять голову и руки. Предоставив корабль старшему помощнику, капитан, стараясь не показывать волнения, посмотрел в указанную сторону. На высокой белой скале, напоминавшей башню, застыли три фигуры. Они были вместе, и вместе с тем каждая была сама по себе. Если бы Клэр был тут, он, без сомнения, попробовал бы остановить это мгновение, но Рене не нуждался в художнике, чтобы запомнить... Он смотрел на Герику, вытянувшегося в струнку Преданного и стоявшего на другом, чуть более низком выступе Романа. Смотрел так, словно бы хотел унести эту картину с собой в ту бездну, куда уходил навеки.

Когда корабль поравнялся с ними, Рене, не понимая сам, что делает, выхватил из-за пояса пистоль и выстрелил. Двое на скале, видимо, услышали звук — в океане солнечного

света заметить огонек выстрела вряд ли смог бы даже эльф. Роман вскинул руку в торжественном жесте — так эльфы приветствовали тех, кого признавали владыками, а Герику, Герику порывисто бросилась к краю обрыва, и эландец испугался, что она сорвется вниз. Но нет, пронесло. Женщина застыла на самой кромке, протянув руки к кораблю. Еще утром Рене был готов поклясться, что она ничего не знает, но кто может прочесть сердце женщины, особенно если она любит...

Адмирал с трудом сглотнул, но не отрывал синего взгляда от удаляющегося берега, пока тот не превратился в призрачную серебристую дымку на горизонте, схожую с грядой легких предвечерних облаков. Вот и все... Прошное растаяло за горизонтом, будущего же, судя по всему, у него почти не оставалось, только очень немного настоящего. Аррой привычно потряс головой, отгоняя ненужные сейчас мысли, — от этой юношеской привычки он так и не сумел избавиться, и, пройдя на мостик, стал смотреть вперед.

И небо, и океан, казалось, старались перешеголять друг друга синевой... «Созвездие» шел легко и грациозно, слегка наклонясь подветренным бортом, с мягким плеском рассекая волнорезом невысокие волны, нежно-голубые у вершин и таинственно-синие в глубине. За кормой тянулась широкая, сверкающая на солнце серебром полоса вспененной воды, постепенно сходящая на нет...

Эстель Оскора

Он ушел, я осталась, и потекли медленные, жаркие дни, полные пряного травяного запаха, щебета птиц, шума прибоя. Я ждала. Страху не было, ведь я умерла в тот день, когда паруса «Созвездия» исчезли за горизонтом. Не знаю, чувствует ли что-то рыба, идущая по течению реки вверх на нерест, знает ли, что ее дорога имеет только один конец? Вряд ли, ведь рыба она и есть рыба. Безмозглое существо с холодной кровью. Но я стала такой же — бесчувственной и равнодушной. Конец был неизбежен. Я его не торопила, но и не молила каждое утро судьбу подарить мне еще один день. Казнь не может быть отменена, только отсрочена, все мы с рождения приговорены к смерти, и дело лишь в том, как и какими она нас застанет.

Я была готова и потому не боялась. Мой срок придет когда следует, и я отдалась на волю времени, как оторвавшаяся лодка отдается течению реки...

Мне никто не мешал. Эльфы, кроме Рамиэрля, после отплытия Залиэли и Рене перебрались на соседний остров, где, по-видимому, и было их основное поселение. Ушел и Логриэль, он даже не попрощался, и я понимала, что причиной тому был отнюдь не недостаток вежливости. Сын Залиэли боялся проговориться, а лучший способ не сделать это — вообще не разговаривать. Зато маринеры спокойно ждали возвращения адмирала — им и в голову не приходило, что он может не вернуться. Подобная прогулка для Первого Паладина Зеленого Храма Осейны была детской забавой. Здешные широты славятся своим спокойствием, а Рене для эландцев был чем-то вроде земного бога, раз за разом доказывавшего, что он непобедим и чуть ли не бессмертен. Вот люди Ягоба и не ушедшие с адмиралом моряки с «Созвездия» и охотились за черными крокодилами, в изобилии водившимися в заболоченной внутренней части острова. Эти бронированные чудовища, особенно старые самцы, были противниками, достойными самого Великого Дракона, а за их шкуры (на континенте эти твари были много мельче) атэвские вельможи отдадут столько золота, что достанет снарядить несколько новых кораблей. Да и сама охота была наслаждением для скушающих средь тропической роскоши трех сотен мужчин, привыкших жить бок о бок с опасностью.

Крокодилы, впрочем, показали себя достойными противниками — один матрос погиб на месте от удара гигантского хвоста, несколько были ранены, но это только раззадорило охотников. Нас же с Преданным предоставили самим себе, что было мне на руку. Я купалась в лагуне, забиралась на прибрежные скалы и следила за морем, равнодушным, изменчивым и прекрасным. Иногда я слушала Рамиэрля, но он пел редко. Я его понимала — бард, в

отличие от эландцев, знал, на что шли Рене и Залиэль...

Я так и не смогла до конца поверить, что эта женщина, в сравнении с которой даже Эанке казалась дурнушкой, приходилась барду бабушкой, уж больно не вязалось это слово с обликом эльфийской красавицы. Впрочем, у Перворожденных, как я поняла, поколениями считается не принято. Став взрослым, эльф мог спокойно взять в жены ровесницу своей прабабки, если та, разумеется, была свободна. Для бессметных это, видимо, естественно и правильно. Неудивительно, что Рамиэрль и Залиэль сразу же стали друзьями — того, что их связывало, хватило бы на четыре дружбы.

Вынужденное безделье мучило Романа, я же боялась, что он догадается о моих замыслах, и поэтому не слишком надоедала ему своим обществом, да и он меня сторонился. Я понимала, в чем дело, — он не сомневался, что Рене грозит смертельная опасность, но поклялся молчать. Если бы он мог предположить, что я подслушала их разговор... Но эльф не должен был об этом знать, так как мог обо всем догадаться и помешать. Только бы он не вздумал вновь надеть свое кольцо.

Еще в самом начале нашего пребывания на Лунном острове в ответ на мой вопрос, почему он расстался со своим талисманом, Роман ответил, что в нем заключена сила, чуждая этому острову, и поэтому здесь его лучше не носить. Залиэль же проболталась, что кольцо это многократно усиливает силы его надевшего. То есть если в человеке есть магии на арг, то черный перстень превратит этот арг в аур. Конечно, будь я на месте матери Астена, я бы не преминула воспользоваться талисманом в бою, но та, видимо, была слишком разборчива, а может быть, кольцо было ей столь чуждо, что она просто не могла его надеть... Хотя Роман-то носил его спокойно.

Проклятый этих эльфиек разберет, даже самых лучших. Главное, черный перстень был здесь и я могла его стащить. Когда все закончится, Роман меня поймет, должен понять. Я очень надеялась на то, что он поможет Рене обходиться без меня, по крайней мере первое время. В любви своего единственного и неповторимого я не сомневалась, как, впрочем, и в том, что он довольно скоро успокоится. Слишком много было в нем жизни, чтобы долго предаваться горю!

Конечно, он меня не забудет. Я не сомневалась, что в роду Арроев обязательно появится девочка по имени Герики. А может, и две, если Рене в конце концов надумает снова жениться. Я, впрочем, этого уже не узнаю... И хорошо, так как вряд ли смогла бы с умилением взирать с облачка на Рене, обнимающего другую женщину. Хотя, возможно, он и не скоро найдет себе постоянную подругу. Заботы императора, корабли, поиски ответов на вечные вопросы — все это вполне могло заменить ему жену, а наследник у него уже был. Для меня же это ничего не меняло, я оставалась спокойной, очень спокойной...

А еще я была очень рада, что Преданный не оставил меня, когда я в порыве благодарности отдала Уррику браслет. Видимо, Роман ошибался, Преданного и меня связывала не магическая цепь, а любовь. Возможно, все и началось с заклатья, но потом на смену ему пришло нечто иное, куда более прочное. Астен говорил мне, что мой кот уже не зверь, оставалось надеяться, что и он сможет перенести мою гибель. Роман и Рене позаботятся о нем, может быть, он вернется в лес или же его приютит Шандер, к которому Преданный был привязан почти так же сильно, как и ко мне.

А дни шли. Белые душистые цветы стали сначала сиреневатыми, потом темно-лиловыми, почти черными. Серебристые пестики уродливо вытянулись, превратившись в толстые волосатые стручки, из которых эльфы делали снадобье, уводящее в мир грез. Запоздалые цветы на ставших неприятными кустах казались кошунством. Как монахини в «веселом доме».

Золотистые курочки высидели своих бестолковых птенцов, так что ходить приходилось очень внимательно, чтобы не наступить ненароком на зазевавшуюся «жар-птицу». Море лениво плескалось о розоватые и черные скалы, в прозрачной воде лежали огромные раковины, каждая из которых могла бы служить блюдом на дворцовом пиру. Красота этого места утомляла своей слащавой пышностью. А может, все дело было в том, что и цветы, и

птицы, и морские твари блаженствовали и им не было никакого дела до того, какую цену мы платили за то, чтобы небо и дальше оставалось синим и высоким, а море теплым и полным жизни. Если церковники правы и рано или поздно к нам явится мессия и ценой своих страданий выкупит вечную жизнь для остальных, как же гадко будут выглядеть эти остальные, жрущие, ссорящиеся, спящие, в то время как за них кто-то пойдет на муки! Но я не верила в то, что мессия придет. И Рене не верил. Потому и пошел сам.

Почему он и Залиэль решили, что разгадка всех тайн и средоточие всех бед лежит за Серым морем, мне было непонятно, но они, похоже, не сомневались. И, судя по всему, были правы, так как я почувствовала неладное именно тогда, когда «Созвездие» должен был миновать Жемчужную гряду, о которой рассказывали эльфы и из-за которой мало кому удавалось вернуться.

Глава 45

**2231 год от В.И.
21-й день месяца Собаки.
Серое море**

Небо заволочло темными клубящимися облаками, бешено несущимися в одном направлении. Сбросил сон и океан, представ во всем своем грозном величии. Вокруг, сколько хватал глаз, бесновались высоченные, увенчанные пенными коронами водяные горы. Несущиеся во весь опор водяные кони с визгом сталкивались грудь в грудь и гибли, смешавшись седыми гривами, но их место тотчас занимали другие, бросившиеся вдогонку за обреченным кораблем, они на глазах вырастали.

Рене встретил шторм в бейдевинд с почти оголенными мачтами. «Созвездие», то проваливаясь в ущелья между двумя водяными громадами, то взлетая на самый гребень, настырно пробивался вперед. Озверевший ветер срывал пенные гребни волн, выл и кричал в снастях, пытаясь своротить и разорвать все, что попадалось на его пути, и негодуя на то, что убранные вовремя паруса не дают ему опрокинуть судно и переломать мачты.

Раскачиваясь, кажется, во все четыре стороны одновременно, корабль старательно поднимался на волну, иногда разрезая ее, иногда зарываясь носом. Тогда часть волны попадала на бак, а другая с дикой яростью разбивалась о крепкие борта, обдавая их солеными брызгами. Иногда, после особенно сильного порыва ветра, корабль черпал бортом, а верхушки волн бросались на палубу, опадали, и вода, шипя, выливалась через противоположный борт в шпигаты.

Матросы, надевшие просмоленные парусиновые куртки поверх своих обычных свободных рубах, были собраны и молчаливы. Время шуток и смеха миновало. Люди держались за снасти, время от времени поглядывая то на море, то на своего капитана и отряхиваясь от воды, которой щедро окатывал их разбушевавшийся океан.

Боцман хмуро сообщил, что палубы и трюм в порядке, орудия наглухо закреплены, все задраено и течи пока, хвала Великим Братьям, нет. Когда были поставлены штормовые паруса, Аррой самым будничным и равнодушным голосом велел дать знать ему, если что случится, и не зевать на руле и спустился вниз, пройдя по сразу ставшей сырой и душной жилой палубе. Все люки были наглухо задраены, свежий воздух вниз не проникал, и маринер поймал себя на том, что если уж погибнуть, то на ветру, а не как крыса в бочке. Мимоходом подмигнув пробежавшему мимо матросу, адмирал быстро прошел в свою каюту, где с неожиданной для себя самой яростью зашвырнул роскошными перчатками из буйволиной кожи в стену...

Эстель Оскора

Нарастало это постепенно, как начинающаяся лихорадка. Сначала мне показалось, что я слишком долго сидела на солнце и смотрела на море, отчего у меня перед глазами замелькали разноцветные круги. Потом я поняла, что солнце ни при чем. Лицо у меня горело, голову стянул тугой обруч, во рту ощущался противный металлический привкус. Вот оно, началось! Не знаю, почувствовала бы я, что с Рене не все в порядке, без краденого талисмана или же нет. Мне кажется, что почувствовала бы, но нам свойственно переоценивать свои возможности и принижать то, что сделано другими. Как бы то ни было, но я поняла, что ждать осталось недолго. Признаки, правда, были еще слабыми, и я без труда сохраняла контроль над собой, а значит, и Рене находился вне серьезной опасности.

Рисковать все же не стоило, и я напоследок оглядела горизонт — небо было затянуто облаками, но в них был причудливой формы разрыв, сквозь который к земле устремлялись немыслимо яркие лучи — серебряные полосы на фоне сине-серых моря и неба. Что ж, земля прощалась со мной весьма торжественно. Я решительно повернулась спиной к берегу и пошла вперед. Преданный, разумеется, шел за мной как пришитый. С ним придется что-то делать, привязать скорее всего...

Я не раз ходила этой узкой белой дорожкой, обсаженной высокими розовыми кустами — алыми и белыми, но на этот раз все было особенным. По-особому гудели пчелы, по-особому пахли цветы и плясали по мрамору ставшие более четкими и темными тени. С моих глаз словно бы спала пелена, и мир стал ярче и праздничней. Тошнота и звон в ушах прошли, я ощущала прилив сил, словно выпила холодной зимой подогретого вина.

Подъем мне дался без труда, я даже не запыхалась, когда вошла в прохладную после жаркого дня каплицу Ларэна. Столб синего огня — овеществленный талисман Залиэли, во много раз увеличивавший ее силу, рвался к куполу; его мерцающее сияние причудливо сливалось с разноцветными лучами солнца, льющимися сквозь витражи. На мгновение мне показалось, что в каплице кто-то есть, но это была всего лишь тень от колонны. Я знала, что теперь уже недолго.

Преданный ткнулся мордой мне под руку, я машинально погладила пушистый мех — в последний раз — и велела ему сидеть на месте, что бы ни случилось. О привязи я так и не позаботилась, а ничего подходящего с собой у меня не нашлось. Мы стояли и ждали. Холодный голубой огонь таинственно мерцал, блики носились по мраморным стенам, и было тихо. Неимоверно тихо. Звуки остались за стенами — здесь, на пороге жизни и смерти, было не до них.

Я попыталась представить, где теперь Рене. Разумеется, можно было только гадать, что он делает, — стоит ли у штурвала, подает ли команды своим людям, ведет ли их в бой, обнажив шпагу... Вряд ли у него было время подумать обо мне, я чувствовала, что он уже начал свою битву, но я все же попрощалась, повторив ему мысленно то, что только однажды в нашу самую первую ночь произнесла вслух.

Пламя стало темнеть. К чистому небесно-синему тону, тону васильков во ржи или осеннего арцийского неба, стали подмешиваться коричневые и лиловые пятна. Ровная огненная колонна дрогнула и осела, превратившись в растрепанный костер, заполнивший собой почти всю среднюю часть каплицы. Лепестки огня бестолково метались, то обретая прежний небесный цвет, то становясь тусклыми и неприятными. Преданный дернулся и рыкнул, и я страшным голосом велела ему сидеть.

Видимо, Залиэль сражалась неистово. Колонна вновь полыхнула васильковой синевой и устремилась ввысь, но ненадолго. Отвратительный буро-желтый язык словно бы расколол ее на две части и начал пригибать к земле. Медлить было нельзя, я сжала зубы и, выставив вперед руку с украденным кольцом Проклятого, бросилась вперед, но меня опередил Преданный, оттолкнувший меня и исчезнувший в магическом огне. Последним же, что я увидела в этой жизни, стала чья-то метнувшаяся из угла тень...

Серое море

«Созвездие» мотало из стороны в сторону, водяные горы с ревом перекатывались через палубу. Гром грохотал не переставая, и отличить его раскаты от рева взбешенного океана стало невозможно. На мгновение становилось черно, как в угольной пещере, а потом очередная ветвистая молния раздирала на куски тяжелые тучи, заливая ослепительным мертвенным светом обезумевший океан и маленький корабль с проломанными в нескольких местах бортами...

Рене стоял у штурвала рядом с шестью рулевыми и отрывисто указывал, что и как им делать. Зеленоватые молнии то и дело высвечивали его страшно серьезное, собранное истомленное лицо. В стройной неподвижной фигуре не было и тени страха или неуверенности. Это нечеловеческое спокойствие перед лицом усиливающейся угрозы казалось вызовом, дерзким и надменным. Счастливчик стоял непоколебимо, слегка расставив ноги в высоких черных сапогах, держась одной рукой за поручни мостика.

Огромный свинцово-серый вал, казалось, настиг «Созвездие», встав мерцающей стеной над опустившейся кормой, намереваясь со всей силы обрушиться на корабль и утащить в глубину вместе с двумя сотнями его обитателей, но украшенный вздыбившейся рысью нос к этому времени наклонился вниз. Корабль начал спуск с предыдущей волны, высоко задрав корму, ставшую недоступной для волны-преследователя, с бессильной злобой разбившейся о кормовую доску с изображением все той же рыси. На мгновение выглянуло солнце, зажегшее оранжевыми и зелеными огнями летящие брызги и высветив лицо адмирала, показавшееся старше, чем обычно, но по-прежнему спокойное и решительное, хоть Рене и не спал вторую ночь.

И все это время Залиэль, закутавшаяся в белоснежный шелковый плащ, вопреки погоде и здравому смыслу остававшийся сухим, молча стояла рядом, глядя в беснующиеся волны. Злобный ветер яростно трепал кудри королевы Лебедей, но красавица, казалось, не обращала на него никакого внимания, вглядываясь вперед. Внезапно эльфийка вскрикнула и протянула руку, на что-то указывая. Рене, получивший в наследство от Перворожденных небывало острое для человека зрение, проследил ее взгляд, и то, что он там увидел, ему страшно не понравилось.

Среди кипящих черных туч виднелось большое круглое слепое пятно. Грязно-белый цвет в последнее время не вызывал у Арроя ничего, кроме тревоги. Бледные советники Михая, уничтоженные деревни, отвратительное безумие в глазах Зенона и Зенобии, Белый Олень, наконец, — все это было связано с колдовским туманом. И вот, похоже, они наконец нашли средоточие всех бед, только не окажутся ли они в положении незадачливого охотника, поймавшего медведя...

Залиэль окликнула его. Магия позволяла расслышать ее слова сквозь шум бури:

— Мы пришли, дальше идти нельзя. Остаемся здесь.

— Что там?

— Не знаю ничего, кроме того, что мы нашли то, что искали, — Залиэль повернулась, давая понять, что разговор окончен. Рене не стал настаивать. Во-первых, потому, что не мог, а во-вторых, потому, что знал, что нельзя мешать делающему то, что за него не сделает никто. Лунная королева на короткий миг закрыла глаза, словно бы помолилась своему ушедшему Богу, и резким повелительным жестом подняла руки. «Созвездие» вздрогнул, его бег сначала замедлился, а затем и остановился, несмотря на ветер. Еще никто из моряков не мог видеть смертного, слепого пятна, но маринеры поняли, что происходит что-то очень важное. Люди с молчаливого разрешения капитана и боцмана сгрудились у борта, наблюдая за небывалой схваткой тоненькой колдуньи с морем, которое не желало отдавать добычу.

После четырех налетавших друг за другом жестоких шквалов — каждый последующий был сильнее предыдущего — заревел такой шторм, что в сравнении с ним все пережитое могло сойти за легкий бриз. Рене повидал всякое, но то, что творилось с морем и небом на этот раз, смутило даже его.

Низкие черные облака неслись со страшной скоростью, как уходящий от степного пожара обезумевший табун. Несмотря на приближающийся полдень, стояли сумерки. Иногда черная, клубящаяся масса, не выдержав напора ветра, рвалась, на мгновение являя глазу безмятежную небесную синеву, но края разрывов смыкались, и голубые лоскутки исчезали в свинцовой мгле. Море обезумело так же, как и небо. Водяные горы с яростью налетали друг на друга, бросая в небо белой пеной, которую ветер разрывал на тысячи тысяч мелких и крупных брызг. Ветер и волны рычали и взвизгивали, как сцепившиеся в смертельной схватке чудища, внезапно объединившиеся, чтобы уничтожить вторгшийся в их владения корабль.

Залиэль отчаянно сопротивлялась, сдерживая «Созвездие» в его опасном беге навстречу неведомой угрозе. Эльфийке приходилось тяжело. Шторм, хоть это и казалось невозможным, все крепчал, и корабль, несмотря на все усилия, стал заметно дрейфовать.

Рене хмуро оглядел бушующее море и вдруг приказал бросить якорь. Боцман при всей своей невозмутимости не мог скрыть удивления — под ними наверняка лежала бездна темной воды, — но приказ выполнил. Каково же было удивление морского волка, когда якорь достиг дна. Теперь, когда к усилиям Залиэли добавилась крепость цепи, выкованной подгорными кузнецами, «Созвездие» остановился и даже немного подался назад, подальше от неведомой опасности.

Аррой прекрасно понимал, что эта передышка ненадолго, но это была передышка, особенно для Залиэли, которая, вскинув руки над головой, удерживала корабль на месте. Спрашивать о том, не пора ли наносить пресловутый удар, император не стал. Если сможет — она сделает все как надо. Это ее битва, его же дело по возможности облегчить ее нелегкий труд, управляясь с кораблем, что он и делал. Попытки помочь эльфийке магией он сразу же оставил — слишком неравны были силы, к тому же это потребовало бы от него полного сосредоточения, а ему приходилось следить и за морем, и за командой. Разумеется, он ни на мгновение не забывал ни о странном месте, куда буря толкала корабль, ни о Залиэли. Зато для всего остального места просто не оставалось. Рене освободил свой мозг от любви, от памяти, от надежды — от всего, что отвлекает от борьбы. Пока они держались, и это было хорошо, а потом случились две вещи одновременно. Он словно бы ощутил чужой ужас и решимость. Казалось, его самого захватило и повлекло куда-то, где нет ничего, или, вернее, есть НЕЧТО, абсолютно чуждое тому, что составляло смысл жизни адмирала. Это ощущение исчезло так же стремительно, как и накатило, и одновременно в глазах Залиэли сверкнуло торжество и на лице ее отразилось немыслимое облегчение. Нет, эльфийка по-прежнему сражалась с ветром и морем, ни на мгновение не ослабляя магическую защиту корабля, но это была совсем другая женщина — не настороженная, ожидающая, надеющаяся на лучшее, но готовая и к худшему. Лицо Лебединой королевы напоминало сейчас лицо воина, только что осознавшего, что битва выиграна. Пусть сеча еще продолжается, пусть он сам еще сотню раз может сложить голову, но он знает, что все было не зря, что если он и не увидит победы, она неизбежна, и это самое главное.

Адмирал никак не связал внезапную пустоту в собственном сердце с торжеством Залиэли. Не успел. Ветер неожиданно стих, и волнение улеглось, хотя этого и не могло быть. Впрочем, если буря была не простой, а магической, в чем Рене и не сомневался, и если удар, нанесенный матерью Эмзара, достиг своей малопонятной цели, могло случиться и не такое.

Яркий свет невидимого солнца прорвался сквозь отверстие в иссиня-серых облаках, заливая все расплавленным серебром, и Рене, благоговей, увидел, как по лучу, словно по тропе, к ним идет стройный воин в развевающемся плаще, несомненно, эльф. Залиэль вскрикнула и бросилась навстречу. Рене промедлил лишь секунду и кинулся следом. Поздно. Наваждение исчезло, озверевший ветер вновь трепал стоящий на якоре корабль, а за бортом, куда шагнула эльфийка, среди волн мелькнула аспидно-черная туша кэргоры.

Кто бы ни поднял эту странную бурю, он знал, что делает. Лишенный магической защиты корабль долго не продержится. Они обречены. Единственным утешением было выражение, мелькнувшее на лице Залиэли до того, как ее заставили кинуться в море, показав

ей образ Ларэна. Если ее торжество было вызвано заблуждением, миражом, то весь их поход оказался страшной, губительной ошибкой, но Рене отчего-то казалось, что одно с другим не связано. Да, Залиэль обманули, и она погибла, но перед ее смертью произошло что-то очень важное, что-то, заставляющее думать о победе, которую — Первый Паладин Зеленого Храма Осейны отдавал себе в этом полный отчет — он увидит вряд ли. Выстоять против такого шторма было бы не просто, даже окажись они далеко от гиблых мест и будь неистовый ветер просто обычным ветром.

Рене уже несколько раз казалось, что дальше некуда, но шторм продолжал крепчать. Ветер, равного которому никто не мог припомнить, бросался на отчаянный корабль с какой-то осмысленной яростью, достойной живого и разумного существа, он выл и свистел в такелаже и мачтах, гнул стеньги, тряс и пытался сорвать шлюпки. Приходилось потравливать якорные цепи, натягивавшиеся при сильных порывах в струну. «Созвездие» при этом подавался назад, по направлению к странному, лишенному волн месту, и моряки подсчитывали время, остававшееся до того, как корабль сорвется с натянувшихся гудящих цепей и ринется навстречу неизбежному. Мотало все сильнее и сильнее. К реву ветра и волн примешивался тревожный жалобный скрип: несчастный корабль то уходил носом в воду, то выныривал, отряхиваясь при подъеме, как гигантская утка.

Рене стоял на мостике, цепко держась одной рукой за поручни, в другой у него был рупор. Ветер бил в лицо, пронизывая до костей небывалым для этих широт могильным холодом, но адмирал, казалось, этого не чувствовал. Он был серьезен, сосредоточен и внешне совершенно спокоен. Аррой не раз штормовал в открытом море и видывал бури, не так уж и уступавшие нынешней. Если бы не магия, не это проклятое пятно неподвижного тумана, к которому шторм изо всей силы толкал корабль, он был бы почти спокоен. «Созвездие» делали лучшие мастера, и корабль был приспособлен к тому, чтобы сутками с задраенными люками и под штормовыми парусами носиться по беснующемуся морю, будучи столь же непотопляемым и вертким, как хорошо закупоренный бочонок.

Любой шторм рано или поздно стихает — уж это-то знает любой моряк, «Созвездие» был готов к схватке с ветром и морем, но это белесое неподвижное око несло в себе угрозу непонятную и скорее всего неотвратимую. Рене все чаще оборачивался и смотрел туда, где среди беснующегося моря клубилось неподвижное, словно стоявшее на мертвом якоре облако.

— Запасной якорь готов?

Налетевший порыв ветра, сопровождающийся надсадным скрипом мачты, почти заглушил голос, но боцман понял и кивнул.

— Как цепи?

— Вытравлены. В струну, как бы не лопнули, — проорал Теодор, сопоставивший странное пятно впереди, тревожные взгляды адмирала и то обстоятельство, что Рене даже не пытается штормовать, как полагается в открытом море.

— Когда лопнут, тогда и думать будем, — огрызнулся Аррой. Старый волк не обиделся, но сердце его нехорошо сжалось. Боцман не боялся ни воды, ни ветра, но всяческой нечисти в последнее время навидался и давно уже сообразил, что в этом шторме есть что-то неправильное и что капитан знает куда больше и просто не хочет раньше времени пугать людей.

То, что на «Созвездии» пошла только половина команды и что Рене оставил на Лунном почти всех семейных, убедило Теодора в том, что они могут и не вернуться. Однако красная обветренная физиономия оставалась невозмутимой. Слегка переваливаясь, он отошел, испустив привычный хриплый рев: «На баке! За канатом смотреть!» Прошла неимоверно долгая для Рене четверть оры, «Созвездие», несмотря на все усиливающийся ветер, держался на якорях и не дрейфовал. Но рано или поздно поддается даже гномья работа! После очередного порыва корабль вздрогнул и рванулся вперед. С бака донесся мерзкий отрывистый лязг, и примчавшийся оттуда матрос, перекрывая рев бури, доложил об очевидном.

Корабль, точно обрадовавшись долгожданной свободе, резво понесся по ветру. Немедленно брошенный запасной якорь выдержал и того меньше. «Созвездие» ненадолго остановился, неистово дергаясь, и цепь лопнула, словно срезанная ножом.

Теперь совсем беспомощный без якорей и магической защиты корабль стремительно несся к проклятому белесому пятну. Не было произнесено ни слова, да и вряд ли что-то можно было услышать в издевательском реве бури, но все как-то сразу поняли и почувствовали неминуемость гибели, которая была много страшнее обычной смерти в океане. Отступившиеся от эландцев морские духи с бесстрастной жестокостью глядели на горстку обреченных моряков, затерянных среди высоких черно-свинцовых волн, которые, как стадо гончих вокруг загнанного зверя, прыгали вокруг обреченного корабля, валяя его с боку на бок и то и дело вкатываясь своими верхушками на палубу. Ужас застыл на обычно спокойных лицах маринеров, чьи глаза в какой-то безумной, исступленной надежде были устремлены на капитана.

Рене озирался, словно затравленный волк, но самообладания все еще не терял. Он точно прирос к мостику, лихорадочно выискивая возможность спасения людей и корабля. Выхода не было, да и не могло быть. Прошлый раз его спасло чудо, но другие погибли, и он поклялся себе никогда не приближаться к этому проклятому месту! И сунулся в самую преисподнюю, да еще и не один. То, что именно он стал убийцей всех этих людей, с отчаянной мольбой смотревших на него, было невыносимым. Единственное, что он мог сделать для них и для себя, — это приблизить неизбежное и чем-то занять их руки и головы в последние мгновения. И действовать нужно было немедленно, потому что отчаянье и тоска охватывали души. Гибель в открытом море не страшила бы маринера, если бы только не этот проклятый туман! Если бы корабль сидел на камнях или был бы переломлен гигантской волной! Если бы только в глаза смотрела честная смерть, а не эта слепая неизвестность!

Один из моряков, обычно веселый и смелый, вдруг громко вскрикнул, рассмеялся каким-то нехорошим, не похожим на его обычный добродушный хохот смехом и, нелепо размахивая руками, бросился к борту, вскочил на сетки и все с тем же диким выражением прыгнул в воду. Другой, тоже обезумевший, с диким воплем бросился за первым, но получил оплеуху от боцмана и, закрыв лицо, подвывая, рухнул ничком на мокрую палубу..

Те, кто был постарше, как-то совладали с собой и, обменявшись понимающими взглядами, стали по очереди спускаться вниз на жилую палубу и возвращаться переодетыми во все лучшее и чистое. Начался дождь, и текшие по некоторым лицам слезы были неотличимы от дождевых капель.

Молодой Этьен, всегда глядевший на Рене со скрытым обожанием, с перекошенным от ужаса лицом вдруг нехорошо ослабил и устремился к мостику, боцман рванулся следом, но корабль очередной раз трянуло, оторвавшийся бочонок покатился по палубе, и старый Теодор вынужденно подался назад. Этьен же пробирался вперед, ничего не видя, кроме Рене, и в кариx глазах юноши восхищенная преданность уступила место ненависти.

— Будь ты проклят! — крик моряка услышали разве что ветер, море и тот, кому предназначалось проклятие. — Ты завел нас сюда! Ты и твоя ведьма! А теперь мы погибли! Будь ты трижды проклят! Старуха не зря сказала...

Рене рванул из-за пояса пистоль и выстрелил в упор. Юноша, не охнув, свалился у ног капитана, а тот громовым голосом, перекрывшим и ветер, и море, приказал ставить все паруса.

— Да поторапливайтесь, дорог каждый миг!

— Давай, песьи дети, два хвоста четыре уха! — радостно заорал Теодор, вновь становясь самим собой.

Матросы, охваченные неистовой надеждой, даже не попытались понять, зачем и кому это нужно. Не рассуждая, не думая, они бросились к мачтам. Выполняя приказ, они не смотрели по сторонам, торопясь отвязывать марселя и вязать рифы.

Корабль лихорадочно одевался парусами, продолжая нестись к страшному слепому пятну, на которое больше не глядел никто, кроме капитана. Рука Рене почему-то потянулась

к шпаге — прощальному подарку Рамиэрля. Наверное, встречать смерть с оружием в руках было у Арроев в крови, потому что ничем иным объяснить необоримое желание ощутить в руке эфес было нельзя. Почти все паруса были поставлены, когда прямо перед фигурой вздыбившейся рыси поднялась чудовищная волна, но не воды, а чего-то похожего и не похожего на туман, грязно-белая и плотная, как предвесенний снег. Рене молча стиснул зубы, и в следующую секунду белесая мгла поглотила корабль.

Глава 46

Эстель Оскора

В моих ушах еще стоял страшный крик гибнущей рыси, а меня уже тащило куда-то, и не было силы, которая могла бы остановить это движение. Я летела вниз и вниз, земля под мной разверзлась, и я оказалась в какой-то узкой трубе с радужными стенами. Я проваливалась в пустоту, чувствуя касание этих стен, блестящих и гладких, словно бы стеклянных. Впрочем, даже будь они из гранита, это ничего не изменило бы — мои руки были вытянуты над головой, бедра касались стен туннеля, движение становилось все быстрее и быстрее. Я не могла ничего предпринять, разве что закинуть вверх голову и смотреть на стремительно уменьшающееся черное пятно — отверстие, в которое я провалилась. Оно сжималось, превращаясь в темную точку, казавшуюся на фоне ярких, меняющих свет стен звездой... Темной звездой! Потом погасла и она, и семицветный змей окончательно поглотил меня.

Не знаю почему, но я не догадалась закрыть глаза, и чудовищная пляска цвета выжигала ум и память. Исчезали и недавние воспоминания, и страхи, и туманные детские впечатления. Лица, звуки, жесты, ощущения боли и наслаждения — все вымывалось мерцающим потоком, а тонкий омерзительный свист на пределе человеческого восприятия сводил с ума.

Бравурное безумие поглощало меня, и вскоре в моей бедной голове осталась только одна мысль. Рене! Я жива. Он тоже жив. Я должна вернуться к нему! Я должна его найти! Я вернусь, вернусь, вернусь...

Свист неожиданно прекратился, пульсирующие стены расступились и погасли. Падение продолжалось, но на смену семи цветам — если я выпутаюсь, клянусь носить только черное и белое — пришла благословенная тьма, прерываемая редкими сполохами. Затем огней и огоньков стало больше, они сходились и расходились, принимая самые прихотливые очертания.

Все вместе напоминало старинные астрологические карты, когда звезды соединяют золотым пунктиром в прихотливые рисунки. Где, когда я видела нечто подобное?! Не помню! Но именно эти очертания были мне неизвестны.

Чудовищная тварь с клешнями, тремя парами ног и изогнутым хвостом пронеслась мимо, а с другой стороны уже разевал пасть безумный лев и наклонял рогатую голову огромный бык, один глаз которого мерцал странным двойным блеском. Сверкающая сеть окружила меня со всех сторон. Птица с изогнутым носом, размером с ее собственное тело, уставилась на меня, молча разева и закрывая чудовищный клюв. Гончие псы, медленно и плавно выбрасывая в беге длинные лапы, гнали призрачную дичь... Колесом прокатилась обреченная неведомым владыкой корона...

Я уже ничего не понимала. То ли я пронеслась мимо звездных чудовищ, то ли висела во тьме, а они, не замечая меня, следовали своим путем. Потом появились Другие. Я пока не могла их видеть, но ощущала чье-то присутствие — ледяное, безжалостное и безмозглое. Им нужно было мое тепло, хоть оно не могло ни насытить их, ни согреть. Это была гибель, и гибель отвратительная и окончательная. А я не могла позволить себя убить! Я должна была куда-то вернуться. И я была готова драться за это свое право, хотя нигде не сказано, как

можно бороться с теньями, с тем, чего нет, и что одновременно есть до такой степени, что хочет и может тебя сожрать.

Мой полет продолжался, но медленнее, чем нужно, голодные сущности приближались, и их парализующее присутствие уже обволакивало, леденило, связывало волю... Нет! Проклятье! Нет! Я должна вернуться, и они меня не получают. Иначе все было зря! Что было? Не помню! Но я должна вернуться! Это очень важно! Неужели мне никто не поможет? Неужели нет никакой управы на это голодное ничто...

И все же я им не досталась! Трудно было что-то углядеть в кромешной темноте, но я все же увидела, как на меня взглянул странный глаз — то ли синий, то ли золотой, то ли зеленый, но с несколькими узкими змеиными зрачками. Это вполне могло сойти за предсмертный бред, если бы бестелесные не шарахнулись в стороны. Глаз мелькнул и пропал, как и не было. Зато мне померещилось, что меня прикрывают огромные крылья. Не могу поклясться, но мне показалось, что это какая-то птица — вроде гигантского орла. Мне даже почудился разгневанный клекот и отвратительный чмокающий звук, словно на части рвали нечто студенистое и упругое одновременно, а затем мой полет вновь обрел стремительность. На смену радужным стенам пришли серебряные, сияющие столь ярко, что я все же закрыла глаза. И сознание покинуло меня окончательно...

2231 год от В.И.

21-й день месяца Собаки.

Лунный остров. Каплица Ларэна

Роман стоял над мертвым алтарем. Погасший огонь мог означать лишь одно — Залиэли больше нет. Будь она ранена, в плену, без сознания, колдовское пламя продолжало бы гореть. Пусть не столб синего огня, а тоненький язычок, как у грошовой церковной свечечки, но он бы мерцал, бился, жил. Рамиэрль слишком много видел и знал, чтоб позволить ложной надежде убаюкать себя. Залиэль погибла, и скорее всего Рене тоже. Без эльфийской магии «Созвездие» не продержится в таком гиблом месте и десятички. А вот он, Роман, совершенно неожиданно уцелел и теперь не знал, что с этим делать.

Все последние дни он провел в ожидании своей смерти, которая бы выкупила для Герики проход в иные миры. Цена, назначенная тем, кто по своей воле желал оставить Тарру, была высока. Обойти запрет Светозарных можно было лишь ценой добровольно отданной жизни. Из двух вступивших во Врата проходил лишь один, причем ключом, открывающим ему дорогу, служила жизнь второго.

Рамиэрль родился и вырос в мире без богов, и потому в его голове до сих пор не укладывалось, как высшая сила сумела навязать свои условия двум кланам эльфов. Хотя, если взглянуть правде в глаза, сделано это было во имя благих целей. Неведомая Рамиэрлю, но хорошо памятная Залиэли Адена, про которую та говорила одновременно с благоговением и злостью, не желала бросать Тарру без защиты. Она прекрасно знала эльфов и нашла способ заставить их сражаться за мир, к которому Перворожденные были, в общем-то, достаточно равнодушны. Эльфы с готовностью ушли бы за своими богами, мимоходом погрузив о судьбе покидаемых ими земель, но они (по крайней мере, лучшие из них) не стали бы платить жизнями своих близких за право преклонить колено перед престолом Света.

На то, что любимые дети Творца захотят остаться по собственной воле, дабы охранить покинутые Светозарными Рассветные земли, Адена в отличие от Ангеса не рассчитывала. Правы же оказались оба. Просто Воин думал о таких, как Ларэн и Эмзар, а Дева о таких, как Эанке. Рамиэрль из Дома Розы прекрасно помнил свою сестру, воспитанную в лучших традициях былого величия, и понимал, что в канун охватившей Тарру междоусобицы таких, как Аутондиэль, было большинство.

Что ж, затея двоих из семерых Светозарных удалась, хоть и не в полной мере. Клан Луны раскололся на две части. Тех, которые решили остаться, и тех немногих, кто ушел,

бросив жребий, кому жить в Свете, а кому послужить для этого живым мостом. С Лебедями было иначе. Их королева по ведомой лишь ей причине скрыла тайну Врат. Сделать же так, чтобы ее клан не успел уйти с пятью другими, ей ничего не стоило. И Лебеди опоздали, причем даже муж Залиэли не узнал истинной причины. Права ли она была, сейчас не смог бы сказать никто. Во всяком случае, Рамиэрль не рискнул судить неожиданно-негаданно отыскавшуюся мать своего отца.

Лебединая королева дорого заплатила за свое решение, он же, Рамиэрль, скорее всего поступил бы на ее месте точно так же. И не только потому, что самое страшное право — право решать, кому умирать, а кому радоваться жизни за чужой счет! Рамиэрль Звездный Дым был еще и либром Романом Ясным, любившим исхоженную им землю и считавшим, что ее стоит защищать любой ценой. Да, Адена поступила жестоко, но, по большому счету, благородно, хотя ему ближе был искренний и порывистый Ангес. Поэтому Роман без колебаний согласился на план Залиэли, казавшийся единственно возможным.

Чтобы обезопасить Тарру от нового воплощения Ройгу и в конце концов вернуть Проклятого, нужно было сберечь Герику, Эстель Оскору, устоявшую в схватке с Ройгу благодаря своей любви. Но в этом мире до нее бы рано или поздно добрались или уцелевшие ройгианцы, или адепты Неизвестного, а значит, ее нужно было отправить за пределы Тарры, причем как можно дальше. Сама Герика никогда бы на это не согласилась, но, если она будет думать, что спасает Рене, пойдет на все. Дело же Романа — открыть Врата.

Один должен сгореть, чтоб другой прошел, и этим «вторым» может быть только он, Рамиэрль из Дома Розы. Эта жертва, этот выбор должен быть добровольным и осмысленным, и сделать его может лишь тот, в чьих жилах течет кровь Звезд.

Роман не колебался, хоть и любил жизнь. Если насчет Рене и Залиэли у него еще были кое-какие надежды — вдруг вернуться, ведь никому так и не удалось узнать, что же кроется за Жемчужным рифом, — то свою участь бард знал совершенно точно. Судьба же в лице Преданного распорядилась иначе.

Рысь опередила его, и — он не поверил своим глазам — Врата приняли жертву. Видимо, благодаря эльфийскому ошейнику. Роман своими глазами видел, как пламя охватило рысь, которая на миг зашлась в жутком смертном крике и рассыпалась сверкающими звездочками, как рассыпается испепеленная бумага. А затем в пламени возник овал, сверкнувший зеркальным блеском, расколовшимся на семь радужных цветов. В эту радугу и вступила Герика. Силуэт женщины окружили два ореола — темно-синий и черный, а потом тарскийка исчезла, а радуга погасла. Остался мечущийся на алтаре костер, то взлетающий к потолку, то прижимающийся к мраморному основанию, но потом погас и он. Дальний бой был окончен.

Итак, главное им удалось. Герика далеко и вне опасности. Силы, направленные на то, чтобы уничтожить Залиэль, подняли такую эфирную бурю, что никто и никогда не сможет проследить путь Эстель Оскоры. Теперь остается уповать лишь на ее стремление вновь обрести Рене, для чего Герики придется осмыслить и подчинить своей воле как всю доставшуюся ей от Преподанных Силу, так и мощь взятого ею тайно кольца Эрасти.

Тайно... Как он боялся, что тарскийка не догадается, не поймет, не клонет на приманку! Теперь Эстель Оскора, если она уцелеет в своих скитаниях и вернется, сможет дать бой Ройгу и проторить дорогу к Проклятому, без которого Тарру не спасти. В чем, в чем, а в том, что древний бог тумана был лишь первым звеном в цепи, Рамиэрль не сомневался. Так же как и в том, что все отныне зависело только от тарскийки. Залиэль утверждала, что Темная Звезда способна выжить практически везде и что ее сила, хоть и полученная изначально от Ройгу, никуда не исчезает, а может лишь уснуть. Более того, сила эта меняется вместе с самой Эстель Оскорой, и никто не знает, ЧЕМ в конце концов станет тарскийская девочка... В том же, что счет ее годам не отмерен, хоть она, как и эльфы, может быть убита, по крайней мере в начале своей дороги, Залиэль была уверена.

Как бы то ни было, но пока Герика бродит по иным мирам, Ройгу и его Хозяин не добьются своего. Даже если Геро погибнет, им ничего не светит, ибо Тарра может породить

новую Эстель Оскору, лишь приняв в свое лоно останки прежней. Конечно, ройгианцы и без материального воплощения Ройгу могут натворить бед, особенно на пару со своим заморским советчиком, но с этим все же можно бороться, хотя сын Астена полагал, что этим займутся уже другие.

Рамиэрль не задумывался о том, что именно случится потом, потому что его собственная жизнь должна была закончиться на алтаре Ангеса, и дальнейшее к нему не имело никакого отношения. Единственное, чего он боялся, это не успеть отшвырнуть на безопасное расстояние оставленный ему Рене браслет с Жаном-Флорентином. Маленький философ не заслуживал небытия...

Оставшись же живым и невредимым, эльф растерялся. Он молча смотрел на темно-синий остывающий камень, отчего-то чувствуя себя предателем. Слишком памятен был тайный разговор, когда он и Залиэль решали, каким образом спрятать Герику, чтобы никто не только не мог пройти по ее следу, но даже догадаться, куда же она делась. Залиэль предложила путь двойного обмана, а он, Рамиэрль, скрепя сердце согласился. Они словно бы заключали договор — три жизни в обмен на надежду для Тарры. И вот оказалось, что его вклад не нужен.

Чем ему заняться теперь, бард не представлял. Конечно, в этом мире оставалось много дел, но ничего такого, с чем не справились бы те, кому это было по чину. Феликс будет укреплять свою Церковь и бороться с нарождающейся циалинской ересью, а сын Рене с помощью Мальвани и Димана править Благодатными землями. Шани и Ланка наверняка уже забыли ужасы, омрачавшие их прошлое, и гоняют настоящих — не белых! — оленей в таянских лесах, торгуют с гоблинами и любят друг друга. Рыгор вернулся во Фронтеру, новоиспеченный герцог еще не стар, и Гвенда наверняка подарит ему полдюжины сыновей; Лупе отрешилась от своего горя, окунувшись с помощью Кэриуна в зеленую магию, а Криза... Криза с Урриком счастливы друг с другом, и хватит об этом!

Рамиэрль из Дома Розы не сомневался, что его друзья будут рады его визиту, но что ему с ними делать? Петь песни? Помогать? Но они обойдутся и без него. Конечно, оставалась Башня Ангеса, но без кольца он мог войти туда, но не выйти. А права на покой он еще не заслужил, да и не хотел он покоя. Увы! Простая жизнь была для сына Астена слишком предсказуема и скучна, а великие тайны оказались не по зубам. Единственной мыслью, которая не пришла в голову Рамиэрлю, была та, чтобы навсегда вернуться в Убежище. Он, конечно, заглянет туда, расскажет все Эмзару и уйдет.

Его дом — Благодатные земли, и покинуть их для него было бы столь же странно, как для дельфина искать удачи на суше. Жаль только, что море нынче стремительно превращалось в болото...

Что ж, займемся самым простым. Для начала нужно что-то сказать людям Ягоба, подготовить их к тому, что на сей раз Счастливчик Рене не вернется.

— И долго ты собираешься предаваться столь бессмысленному занятию, как самобичевание? — Жан-Флорентин заговорил как всегда неожиданно. Философский жаб выглядел неважно, видимо, разлука с Рене повлияла на него больше, чем он хотел показать, но своей способности к максимам он не утратил. — Главное, — жаб поднял вверх изрядно усохшую и потускневшую лапку, — примириться с тем, что ты не можешь изменить, если уж ты не смог изменить то, с чем ты не в силах примириться. К тому же в происшедшем есть глубокий сакральный смысл. Вы, разрабатывая ваш план, совсем забыли о том, что Герику, когда она вернется (а она должна вернуться, так как в противном случае все случившееся было бы бессмысленным, а мироздание не терпит бессмысленности), нужно встретить.

Так вот, — Жан-Флорентин издал короткий писк, равнозначный откашливанию для двуногого оратора, и продолжил: — Совершенно очевидно, что Герику возвратится. Своевременно или несколько позже. И кто-то должен ее дожидаться, ибо Эстель Оскора, не зная, что случилось за время ее отсутствия, может совершить непоправимые ошибки. А кто предупрежден, тот вооружен. И, разумеется, очень удачно, что ты — эльф, следовательно, практически бессмертен. Иначе тебе бы пришлось жениться, завести наследника, воспитать

его, передать ему тайну, затем внушить ему, что он точно так же должен передать ее своему сыну, и так далее.

Это очень неудобно, особенно с учетом того, что людям свойственно забывать самое важное, сосредоточиваясь на второстепенных деталях, а также исправлять по своему усмотрению прошлое. Нет, очень удачно, что ты бессмертен...

Роман молча смотрел на маленького философа. В первый раз в жизни ему не было смешно от жабьих сентенций.

**2231 год от В.И.
22-й день месяца Собаки.
Последние горы**

— Я не понимаю, что с ним, — Гредда озабоченно склонилась над плачущим ребенком.

— Когда это началось? — Рэннок, спехом вызванный с Совета Старейшин, пощупал лоб маленького Стефана-Уррика. — Холодный...

— С самого рассвета — я проснулась от его крика. Рэннок! Дети так не кричат. Что-то случилось... Может, его отец или мать? Что-то с ними произошло? А вдруг Криза?!

— За девчонку не волнуйся, — буркнул старый вогораж, — она, хоть Уррик ее и взял, малому не родная кровь, да и с Урриком все должно быть в порядке... А женщину ту я не так уж давно видел. Она жена Шандера Таянского, с ней беды не должно быть. И, однако, это все неспроста.

Рэннок поднял плачущего малыша и принялся его раздевать.

— Гредда, ты сняла подарок Уррика?

— Какой? — женщина недоуменно подняла глаза. — Не понимаю.

— Черный браслет. Уррик получил его от дочери Инты и оставил своему сыну.

— Я ничего не трогала, — пробормотала Гредда, — да и как бы я могла!

— Посмотри, — Рэннок поднял ручку ребенка, — браслет исчез, но остался след...

Действительно, на нежной коже явственно проступало темное родимое пятно, охватывающее запястье...

**2231 год от В.И.
22-й день месяца Собаки.
Эр-Атэв, Эр-Иссар**

— Я выслушал тебя, пастырь хансиров, — смуглая рука лениво потянулась к блюду невиданных в Арции фруктов, — ты получишь все, что просишь, и даже более того.

— Творцу угодно добро в отношении его смиренных слуг, — Иоахиммиус сохранял свою всегдашнюю доброжелательность и невозмутимость, хотя присутствие последователя безумного Баадука, к тому же непонятного, непредсказуемого и могущественного, не могло не смущать. Калифа же, похоже, общество клирика забавляло, во всяком случае, Иоахиммиус и последовавшие за бывшим кантисским кардиналом монахи вторую квартиру сидели в Эр-Иссаре, окруженные вопиющей, по их мнению, роскошью, назойливо отвлекающей от молитв и праведных рассуждений. Майхуб и не думал отпускать гостей, заваливая их неуместными дарами, а самого кардинала удостаивая ежевечерней беседы. Однако на сей раз повелитель атэвов был несколько рассеян.

Иоахиммиус за проведенные среди князей Церкви годы научился распознавать настроение собеседника по едва заметным признакам. Кардинал не сомневался — мысли собеседника заняты чем-то очень важным. Майхуб коснулся пальцами кисти винограда, глядя куда-то вдаль, а потом подался вперед неожиданным резким движением. Полусонные глаза вспыхнули, безупречные брови сошлись на переносице; изнеженный красавец исчез, перед Иоахиммиусом сидел вождь — сильный, умный и безжалостный.

— Раскрой свои уши шире, пастырь хансиров, — Майхуб свободно говорил по-арцийски; в сочетании с сурианской витиеватостью в речах это пугало и сбивало с толку, — я берег эти слова для дея Арреджа, да освежит ветер его лицо, но следы Волка Эланда смыли волны, и я говорю тебе. Миджед не был предсказанной бедой, ибо родился глупцом, обманувшим себя самого, а глупый враг — не враг. Миджед стал кучей навоза, на которой взойдут семена истинного зла, — калиф вскочил и принялся расхаживать по затянутому белым переливчатым шелком покою.

Воистину, как лев в клетке, подумалось Иоахиммиусу, но слова атэва были разумны. Слишком разумны.

— Смрад этой кучи, — в Атэве царила летняя жара, но слова Майхуба обдавали зимним холодом, — покроет весь Север и достигнет Сура. Ты чувствуешь смрад и бежишь от него, пастырь хансиров. Не лги ни себе, ни мне. Бежишь, как бежит из города, куда прибило чумной корабль, умная мать, прижимая к груди младенца. Бежит, пока глупцы и скареды щупают ядовитые шелка и пьют смертоносное вино. Ваша победа отравлена. Дей Арредж понимал это, его сын слишком юн. Я протяну ему руку дружбы, но я не могу выжечь заразу, затаившуюся за проливом.

— Лев Атэва проницателен, — вставил Иоахиммиус, потому что было нужно сказать хоть что-то.

— Даже слепой фаррак¹⁴² чует, когда надвигается шарк¹⁴³ и забивается под камни, потому что песок перестает быть защитой. Я знаю то, что я знаю. Дей Арредж не вернется, языком безумной старухи говорило Зло. Я два дня и две ночи провел с тем, что сотворил ваш пророк.¹⁴⁴ Даже младший помощник презреннейшего из золотарей поймет, КОГО судьба привела на корабль, уходящий в бездну. То, что предсказано, свершится. Придет то, что придет, и будет новый бой. Мы должны встретить врага с наточенными клинками, но сказано, что нет оружия смертоноснее знания, а ты — хранитель его.

Сегодня я отпускаю тебя и твоих слуг. Как только милосердное солнце отвернет свой лик от дороги, десять сотен всадников и десять по десять сотен черных рабов выйдут из Желтых ворот с караваном, в середине которого пойдут двадцать верблюдов, нагруженных золотом. Если рабы умрут, их сменят другие, но дом твоего бога будет построен. Пока в нем живет Знание, он неприкосновенен — никто не войдет в него без разрешения твоего или же того, кого ты избереешь преемником.

— Благодарю повелителя атэвов, — наклонил голову кардинал, — но Церковь требует, чтобы обитель Творца создавали верующие в Него с радостью в сердце, а не под свист бичей. Мы не можем принять твой дар.

— Я ничего не даю вашей Церкви, пастырь хансиров, — пожал плечами Майхуб, — мне нет дела, сколько раз в день вы возносите свои несправедливые молитвы. Но я знаю, что придет время и то, что ты привез, станет костром в ночи и родником в пустыне. Ты строишь не дом своего бога, но сокровищницу, в которую не войдет никто без твоего ведома и к которой не подойдет никто без моего согласия. Звездочеты сулят мне долгое царствование, а моим сыновьям и сыновьям моих сыновей удачную судьбу...

Не знаю, кто из них увидит, как из семян, оброненных презренным Миджедом, взойдет и упрется в Небо дерево Ада, и, — калиф пинком отбросил подвернувшийся кальян, — страшнее и темнее бесконечных пещер Гаджары судьба тех, кто будет рубить его, чтобы его ветви не затмили солнце навеки. Мы должны передать им острый топор.

¹⁴² Фаррак — большая пустынная ящерица (атэв.).

¹⁴³ Шарк — ураган в пустыне (атэв.).

¹⁴⁴ Речь идет о хранившейся ранее в Кантиске гравюре работы Эрасти Церны, изображающей предполагаемый конец света.

Нареченный Джахим. Ты возьмешь рабов, воинов и золото. Ты уйдешь в глубь желтой пустыни Эр-Гидал, и ты построишь там крепость. Я сказал, а ты выслушал.

**2231 год от В.И.
22-й день месяца Собаки.
Святой город Кантиска**

— Я не могу этого сделать! — Архипастырь с ужасом смотрел в глаза старого маринера.

— Вы сделаете это, Ваша Святость, — Эрик Коннак глянул на главу Церкви так, как некогда смотрел в око бури, — сделаете, потому что мы должны знать!

— Это невозможно!

— Почему? Я не доживу до весны, за моей спиной хорошая жизнь, что бы ни толковали ваши клирики о смирении, я ею доволен и не скрываю этого. А теперь я могу еще и своей смертью дело сделать. Агва Закта¹⁴⁵ дарит умирающему пророческий дар?

— Господин Эрик!

— Да или нет?!

— Да, Проклятый меня побери, — не выдержал бывший рыцарь.

— Вот и хорошо, наконец-то ты как человек заговорил, — удовлетворенно вздохнул старейшина Совета Паладинов. — А раз так, я узнаю то, за что не жалко жизни, тем более осталось-то ее всего ничего. Да не смотри на меня так, Великие Братья меня не осудят, а до твоего Творца нарисованного мне дела нет. Не верил я в него всю жизнь и напоследок верить не собираюсь. И не пытайся в угоду своей совести нужное дело загубить. Чистеньким нужно в лесу жить да грибами питаться, а если уж взялся других в бой водить, без крови не обойтись...

— Ты прав, — лицо Феликса стало жестким. — Принимаю на себя всю ответственность.

— Ну, это ты загнул, — старый безбожник подмигнул главе Церкви, — всю не нужно. Только половину. За себя я уж как-нибудь отвечу сам, ежели кто вдруг спросит. А ты отвечаешь за то, чтоб из того, что я узнаю, толк вышел. Хотел я не к тебе с этим делом обратиться, а к Шани Гардани, да раздумал. Он-то уж точно себя бы потом заел, а вы объявили себя всеобщими пастырями да молещиками за чужие грехи, вот и отдувайтесь.

— Хорошо, — кивнул Архипастырь, — клянусь сделать все, чтобы помочь Рене и Благодатным землям. Когда ты...

— Да прямо сейчас, — перебил старик, — с морем и кораблями я попрощался, за правнука выпил, а в вашем сухопутье мне смотреть нечего. Есть тут у тебя место, где нам не помешают?

— Есть, — Феликс встал и открыл ту самую дверцу, в которую не столь давно его предшественник провел Романа Ясного. Убранство потайного кабинета Архипастыря не изменилось, и Эрик опустился в то самое кресло, в котором сидел бард.

— Подходит, из такого не свалишься. Пожалуй... Сначала выпьем с тобой вина, а потом и делом займемся. Давай два кубка.

Феликс покорно разлил темно-красную тягучую жидкость, которой, случалось, заливал свою тоску и одиночество. Маринер посмотрел вино на свет.

— Добрая лоза! Помню, как-то взяли мы атэвский корабль с таким же... Только его ненадолго хватило. Вся Идакона пила. Ну, Твоя Святость! Пью за тех, кто остается. За тех, кто в море и на земле будет идти до конца против ветра. Удачи вам. Уж не знаю, встречу ли я на Далеких Берегах тех, кого мы потеряли, но пусть им в Вечности, где бы они ни были,

¹⁴⁵ Агва Закта — сильнодействующий яд, используемый Церковью для казни еретиков и отступников из числа бывших клириков. Доказано, что умирающие от агва закта обретают пророческий дар.

тепло будет! Пей, Феликс! Тебя ведь Феликсом зовут?

— Да!

— Тогда за удачу и за победу, Феликс. Арде!

— Арде!

Эрик поставил пустой кубок на столик, еще раз обвел глазами полутемную комнату и просто сказал:

— Пора.

Клепсида на столе самоуверенно и равнодушно отсчитывала время. Эрик и Феликс беседовали. Архипастырю было не по себе, а старый маринер ждал конца совершенно спокойно. Более того, он рассказывал главе Церкви вещи, которые должны были тому пригодиться. Так продолжалось довольно долго, затем моряк прервал себя на полуслове. Лицо его оставалось спокойным, только руки судорожно сжали подлокотники.

— Нужно ждать, — голос старого моринера стал ровным, спокойным и сильным, — ждать, даже когда это будет казаться безумием. Ждать и помнить. В землю упали зерна. Им нужно время. Придет год Трех Звезд, и поднимет меч Последний из королей. Голубая Звезда канет в море, Алая вернется на небо, Темная не погаснет. Она зажжена Избранным, но озарит путь Последнему, предвещая победу. Не бойтесь Ночи, не бойтесь Дня. Тьма защитит от Тьмы, Свет от Света. Не плачьте об уходящих в бой.

Старый маринер осекся. Голова его упала на грудь. Феликс бросился на колени перед умирающим, и ему показалось, что он разобрал смутный шепот: «Созвездие Рыси... Темная Звезда... Им не сойтись, но сиянье их вечно...»

Эстель Оскора

Это здание, несомненно, было храмом. Высокие своды, расписанные немыслимыми растениями и нелепыми летающими существами — не то юношами, не то девушками в бесформенных белых балахонах и отчего-то с большими крыльями, более всего смахивающими на голубиные. Это было смешно и глупо, но не отвратительно. Кто бы ни изобразил этих трогательных уродцев, он вряд ли поклонялся злу. Скорее всего его небогатое воображение так представляло существ высших и совершенных. Что ж, не каждому художнику удастся понять, что совершенство в отсутствии лишнего, а не в соединении несоединимого...

Стоп! Хороша же я, однако, — стою не знаю где и рассуждаю об искусстве, а ведь мне надо идти. Меня ждут! Уж в этом я была уверена, но вот кто меня ждет и куда я должна идти, забыла напрочь.

Я потрясла головой, словно это могло помочь собраться с мыслями. Как ни странно, помогло — с мыслями было все в порядке, они скакали бойко, как белки. Беда была в другом — я ничего не помнила. Ни-че-го-шень-ки! Зато я твердо знала, что должна куда-то вернуться. Но вот куда и как?

В храме пахло горелым воском, увядающими цветами странного вида и какими-то благовониями. Слишком приторными на мой взгляд. Сквозь цветные витражи лился свет, и причудливые яркие пятна плясали на белых мраморных колоннах. Мне не было страшно, но было унижительно и обидно чувствовать себя бессмысленной тварью, не имеющей никакого понятия не только о том, куда ее занесло, но и о том, откуда она сама. То, что тут я чужая, было для меня очевидно. Я никогда не видела таких строений, не чувствовала таких запахов, не слышала сказаний, по мотивам которых неизвестный художник разрисовал стены и потолок. Но как я здесь оказалась? Я должна была вспомнить!

Я закрыла глаза и уселась прямо на ступеньках, ведущих к разделяющим храм на две части узорчатым воротам, изукрашенным яркими изображениями неведомых мне святых и богов. Хотелось спать, но место было для этого явно неподходящим. Я еще раз обвела глазами здание. Все же оно было красивым, хотя, на мой взгляд, излишне вычурным. Приглядевшись, я увидела, что подставками под свечи, горящие возле икон, служили

большие зеркала. Когда храм был весь в огнях, это, наверное, было очень красиво, но меня волновало другое. Я должна была увидеть собственное лицо!

В ближайшем ко мне углу ютилась какая-то святая — маленькая, горбатенькая, в серой латаной юбке. Бедняжке никто не поставил ни одной свечи; я подошла и заглянула в сверкающий круг. Зеркало было так себе и изрядно заляпано воском, но все же я смогла рассмотреть растрепанные разноцветные волосы, серые глаза, крупный рот. Лицо это я знала. Это, без сомнения, было именно мое лицо, даже две родинки — на виске и на щеке — были на месте. Хуже было с именем. Оно осталось в моем непостижимом прошлом, так как, судя по непонятным надписям возле икон, здешнего языка и грамоты я не понимала.

Я вздохнула и отошла от зеркала. Святая в латаной юбке укоризненно взглянула на меня, и я, решив, что от ее товарищей не убудет, прошлась по храму, забирая по одной-две свечки от других икон. Одно из изображений — осанистый чернобородый мужчина в красном — мне отчего-то страшно не понравилось, и я обобрала его подчистую. Укрепив свечи на зеркальной подставке, я задумалась о том, что неплохо бы их зажечь. Увы! Высечь огонь было нечем. Я стояла, тупо уставившись на восковые столбики, и сначала один из них, а затем другой, третий стали вспыхивать сами собой. Моя святая в их неверном свете показалась удивленной и какой-то помолодевшей. Что ж, значит, я могу взглядом добывать огонь. Неплохо! Возможно, это не единственное мое умение. Но все же кто я такая?

Я ничего не помнила, но не сомневалась, что впереди меня ждет долгая дорога домой. Долгая и трудная. Но я все равно вернусь куда-то, или, вернее, к кому-то... Это не было ни мыслью, ни воспоминанием... Просто мне показалось, что по моему сердцу скользнул солнечный зайчик. Скользнул и исчез, оставив уверенность, что где-то есть место и для меня. Когда-нибудь я вспомню. И когда-нибудь я найду. Пока же у меня осталось мое лицо, умение зажигать огонь и странное кольцо на среднем пальце. Оно было мне великовато, а значит, это была находка или чей-то подарок. Кольцо было единственным, что меня связывало с прошлым и будущим, так как я должна добраться туда, откуда пришла. И лучше не медлить! Я вздохнула и направилась к выходу.

Разумеется, двери были тщательно заперты снаружи. Но меня это не смутило. Раз уж я, глядя на потухшие свечи, думала об огне и он зажегся, то если я посмотрю повнимательнее на двери...

Расчет оказался верен. Тяжелые створки с мягким звоном распахнулись, и я шагнула на залитую солнцем площадь. К несчастью, был день, и там бушевало что-то вроде ярмарки. Коренастые темноволосые люди, задрапированные в яркие шелка, что-то покупали, меняли, продавали.

Храм стоял как раз в центре огромной площади, и, когда его двери неожиданно распахнулись, сотни глаз уставились на меня. То, что произошло потом, было и смешным, и противным. Толстенная тетка в темно-синем, тащившая за собой сухонького старичка в маленькой желтой шапочке, в свою очередь ведшего на ремне занятое животное, ушастое и серое, поменьше лошади, но побольше овцы, вдруг остановилась, показала на меня пальцем и заголосила, бухнувшись на колени. Как ни печально, ее примеру последовало большинство присутствующих.

Я стояла в проеме храмовых дверей и не знала, что делать. Видимо, они принимали меня за кого-то очень важного. Возможно, за какую-то из их святых. Они смотрели на меня, я на них. Вдруг ко мне бросилась худая женщина с гнилыми черными зубами и неожиданно прекрасными оленьими глазами и протянула изъязвленного орущего младенца. Мне действительно было их жаль, но отвратительные болячки и материнские зубы вызвали бы желание бежать куда подальше и у настоящего святого. Я затравленно огляделась. Мать продолжала совать мне ребенка, я от нее отмахнулась, страстно желая, чтоб она от меня отстала. Видимо, от жары мне показалось, что вокруг меня все стремительно крутанулось и только я сама осталась на месте.

Дикий рев толпы заставил меня еще раз взглянуть на надоедливую женщину. Так и есть: и мать, и ребенок больше не казались выходцами из чумного города. Никаких язв и ран,

а зубы матери сделали бы честь крокодилу... Женщина, завывая, бухнулась в пыль у моих ног. Тут же, оттирая ее, ко мне бросилось еще несколько уродов. Больше всего на свете я захотела никогда больше не видеть этого грязного майдана и его истеричных обитателей. Мир опять обернулся вокруг меня и остановился.

Я стояла в лесу на краю заросшего желтыми цветами пруда. Вечерело, от воды тянуло прохладой. Я спустилась к самому берегу и уселась на камень, обхватив колени. На мгновение мне показалось, что из воды на меня смотрят какие-то странные глаза — огромные, глубокие, как бездна в ночи, и о четырех зрачках каждый. Потом иллюзия исчезла. Я сидела, глядя в темнеющую глубину, смутно вспоминая, что когда-то и где-то уже сидела подобным образом и пыталась решить, что же мне делать дальше...

**2231 год от В.И.
22-й день месяца Собаки.
Таяна. Гелань**

Алый с темно-красными прожилками лист, танцуя свой первый и последний танец, медленно спускался к мощеному двору. Герцог Шандер, изогнувшись с рысиной грацией, поймал лепесток осеннего пламени и, смеясь, вплет в медные кудри Ланки. Дочь Марко ответила ему обожающим взглядом.

— Не жалеешь о своих рубинах, кицюня?¹⁴⁶

— Нисколечко, — тряхнула головой герцогиня, — ничего хорошего они мне не принесли, да и всем остальным тоже. Пусть ими монашки утешаются, у них в жизни только это и остается...

— Орка рыжая! — счастливо засмеялся Шандер. — Как это не принесли?! Мы живы, мы вместе, а все остальное... — Шани задумался, но ничего более умного, чем старая сентенция Жана-Флорентина, в его голову не пришло, — а остальное — вода...

— Ага, — легко согласилась Ланка, пытаясь поймать еще один кружащийся кленовый листок.

На крепостном дворе было тихо, слепящее солнце озаряло ставшие ослепительно-белыми стены, разноцветные плети дикого винограда, карабкавшиеся по шпильям, пожелтевшую траву, пробивающуюся между каменными плитами. Ласточки еще не улетели и черными искрами проносились над самой землей, к вечеру, видимо, должен был пойти дождь. Ланка наконец поймала свой лист и теперь несла его Шандеру на широко раскрытой ладони. Жизнь была так чудесна и щедра, какой только она одна и может быть. И в этот миг сердце герцога Таянского застонало от неожиданной отчаянной боли. Ощущение было мгновенным, но неправдоподобно, немислимо острым, он словно бы услышал крик, исполненный безысходного, непередаваемого отчаяния.

Наваждение оставило его столь же стремительно, как и накатило, но Ланка что-то заметила. Во всяком случае, она тут же оказала рядом, обхватив любимого не по-женски сильными руками.

— Что с тобой?

— Со мной, — кривовато улыбнулся Шани, — со мной все замечательно. — Он привлек ее к себе. Какое-то время они стояли, обнявшись, затем он тихо сказал: — Помнишь, ты как-то сказала, что Герики вечно занимает твое место?

— Говорила, — подтвердила женщина, — я тогда была дурой, — она подумала и решительно добавила: — Причем злобной дурой.

— Ланка, она действительно заняла твое место. И благодари всех святых, если они где-нибудь еще остались, что она это сделала. Не спрашивай только, откуда я это знаю. Знаю, и все!

¹⁴⁶ Кицюня, Кюцюню — киска, кошечка (фронтерск.).

— Они не вернуться? — В глазах Иланы метнулся с трудом сдерживаемый ужас.

В ответ герцог прижал жену к себе так крепко, словно кто-то собирался ее отнять у него.

— Кто знает, кицюню... Может, и вернуться, но когда, как и какими... Мы вряд ли это увидим.

Ланка не ответила. Солнце заливало землю прямыми ясными лучами. А на казавшихся в его свете ослепительно-белыми каменных плитах лежал маленький кленовый лист. Словно пятнышко живой крови.

Серое море

Странный узор из сероватых, голубоватых и розоватых разводов, создающий иллюзию игры света на замерзшем стекле, был ему откуда-то знаком. Но откуда? Рене знал, что спит и обязательно должен проснуться, потому что должен успеть что-то сделать. Успеть, пока Герика досматривает утренний сон.

Какие странные обычаи у атэвов — они заставляют своих женщин закрывать волосы и нижнюю часть лица. Глупо и некрасиво. Калиф подарит ему свою лучшую саблю, если арциянки будут тоже носить покрывала, серебристые покрывала с переливчатым рисунком... Но зачем ему еще одна сабля? Да и Роман недавно подарил ему шпагу. Сговорились они, что ли...

Нет, он все-таки спит, но надо просыпаться, он не может опоздать, Эрик за него поручился... Он докажет, что третий сын герцога может стать настоящим маринером, но для этого нужно заставить себя встать.

Ох, не нужно было вчера столько пить, это вино слишком сладкое, а от сладкого вина всегда хочется спать. Он и сейчас спит, знает, что спит и должен проснуться. Если этот проклятый монах застанет его спящим, он донесет отцу. Ведь он так и не выучил урок, хотя зачем ему это теперь? Он давным-давно не учится ни у какого монаха, и отец его мертв уже много лет. Просто он спит и видит сон, но нужно заставить себя проснуться. И все же он пьян, иначе почему голова стала такой тяжелой, а глаза не открываются? Они с Марко вчера слишком много пили за Герику, но теперь все в порядке — она принадлежит только ему одному. Понять бы еще, откуда здесь эти серебряные разводы... А, это же плащ Залиэли, значит, где-то и она сама...

Ей не понравится, что он спит на ее плаще, ведь в ее жизни больше не может быть мужчин. Да и ему это не нужно, у него есть Герика, не мог же он, в самом деле, остаться с Залиэлью, да еще и забыть об этом! Если Герика увидит его с этим плащом! Но нет, она ведь теперь далеко...

Но нужно проснуться, будет плохо, если их накроют сонными! Интересно, какая сейчас ора, утро или вечер? Почему ничего не видно? Ах да, он же в пещере, и сейчас сюда придет Илана.

Илана? Его племянница? Чего ей от него нужно, ведь она вышла замуж за Годоя? Да, он совсем сошел с ума, ведь идет война и он должен идти на стену! Вчера они отбили пять приступов, потому-то он так и устал. Неужели его все же ранило? Да нет, иначе Феликс сказал бы. Уже, наверное, поздно, почему Зенек его не будит, а может, мальчишка тоже проспал и его уже ждут?

Хотя кто его может ждать, кроме Герики?! Великие Братья, ну и ночь, ни звезды нет, ни луны... Только это дурацкое мерцание перед глазами. А может, ну его, когда надо — разбудят, а сейчас он никому не нужен и может отдыхать! Ну, нет, император отдыхать не должен. Нужно встать и идти. Нужно встать! Встать! Проснуться и встать!

Рене с трудом поднял голову и обвел мутными глазами низкое черное небо. Голова кружилась, в горле сидел отвратительный скользкий ком, а по вискам мерно и настойчиво били молоты. Герцог стиснул зубы и приподнялся на локтях. Палуба «Созвездия» тускло мерцала серовато-серебристым светом. Он протянул вперед руку и осмотрел пальцы, затем

ощупал голову, шею, грудь и снова поднес пальцы к глазам. Крови не было. Значит, он не ранен, скорее всего его просто стукнуло во время шторма по голове. Шторма? Разве был шторм? Ах да, была какая-то магическая круговерть, с которой сражалась Залиэль, а его делом было удерживать корабль. Адмирал скрипнул зубами, подавив стон, и попробовал сесть. Это удалось, хоть и не сразу. Глаза упрямо отказывались смотреть вперед. Стоило оторвать взгляд от руки или досок палубы, как горло сжимало и все начинало плыть. Некоторое время Рене просидел с закрытыми глазами, прислушиваясь. Скрипели снасти, хлопала провисшая парусина, что-то слегка потрескивало...

Интересно, где они? Куда их вынесла поднятая кем-то буря, слишком непохожая на те, что он видел раньше? На все, кроме одной, но об этом лучше пока не думать, хотя зачем лгать самому себе? И буря, и проклятый водоворот, в который они чуть было не сорвались, были непростыми. Хорошо, что ему удалось удержать корабль. Он попробовал открыть глаза. Молоты сразу же принялись за работу, но это было не так уж и страшно. Рене попробовал посмотреть вверх. Странно, почему снасти светятся, надо спросить у Залиэли, чего это она удумала, хотя так, конечно, красиво, но их же увидят...

Аррой, борясь с наползающей тошнотой, заставил себя смотреть на небо. Так, похоже, их все же здорово снесло к югу. Сколько ж гед они выбирали? При таком ветре никак не менее четырнадцати... Сейчас ночь, а когда все началось, только что рассвело...

Надо все же добраться до носа и посмотреть, которая ора. Ну не могло их так снести, чтобы не было видно Змеедеву?!¹⁴⁷ Рене попробовал подняться, но сразу же снова рухнул на светящиеся доски. И тогда он пополз. Ему было плохо, но он отчего-то не догадался позвать на помощь, он вообще не мог ни о чем думать, кроме поставленной цели — добраться до рулевого колеса и узнать, которая ора. Все еще оставаясь между явью и сном, Рене Аррой пока еще не задался вопросом, где все остальные и почему корабль, истрепанный жестоким штормом, сух и прибран, словно неделю болтался в мертвых широтах. Странное свечение его раздражало, но не более того. Путь от места, где он очнулся, до штурвала растянулся на столетия, но он все же добрался. Звездное небо продолжало свое извечное кружение, и созвездие, давшее имя его кораблю, ярко сияло на черном небосводе.

Корабельный хронометр куда-то исчез, но это отчего-то перестало волновать капитана. Теперь его возмущало, что рулевые куда-то ушли... Предприняв еще одно усилие, он встал на трясущиеся ноги и положил обе ладони на штурвал.

Корабль вздрогнул и прыгнул вперед, как неожиданно прищипоренный конь. Паруса взметнулись, как крылья, и «Созвездие», подгоняемый сильным, свежим ветром, полетел, легко убегая от попутной волны, навстречу своему звездному тезке.

Стихия успокаивалась. Водяные горы стали пологими и низкими, хриплый надсадный рев перешел в уставшее ворчанье. Вспышка бешеной ярости сменялась просто дурным настроением, которое постепенно перейдет в глубокий, ровный сон. «Созвездие Рыси» несло вперед, и не было в мире ничего более одинокого, чем этот корабль в океане...

ЭПИЛОГ

- Слишком жестоко...
- Странно ты заговорил, брат... Тебя никогда не волновали такие мелочи.
- Я стремлюсь познать все, и мое знание говорит, что им выпало то, что смертным не вынести. О бессмертных я и вовсе не говорю.
- Это ИХ выбор. Признаюсь, был миг, когда я решил, что игра проиграна. Они казались слишком счастливыми. Я готов был простить их и начать в третий раз.
- Но не ты ли утверждал, что медлить нельзя?

¹⁴⁷ Змеедева — экваториальное созвездие.

— Было нельзя, но они УЖЕ завоевали отсрочку. Даже если они не свершат большего, мы победили. У нас появилось время.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Светозарные

Адена — одна из Семи Светлых Богов Тарры. Покровительница искусств, удовольствий и любви ради любви. Символ — Лебедь.

Агайя — один из Семи Светлых Богов Тарры. Владыка вод и песен. Символ — Водяной Конь.

Ангес — один из Семи Светлых Богов Тарры, Бог Войны, железа и прощения. Символ — Волк.

Арцей — глава Семи Светлых Богов Тарры, Бог Солнца, Молний и Пламени. Символ — Кондон и Лев.

Арра — одна из Семи Светлых Богов Тарры. Богиня земли и плодородия. Символ — Павлин.

Аэй — один из Семи Светлых Богов Тарры, Повелитель Воздуха и мысли. Символ — Альбатрос.

Арэн — один из Семи Светлых Богов Тарры, Бог Времени и Судьбы. Символ — семь Змей.

Люди

Амалия — императрица, супруга Базилека.

Амброзий — кардинал Гэзский, считавшийся преемником Филиппа.

Ангуар Восьмой — отец Базилека, император Арции.

Анн по прозвищу Сивый — старый бард, учитель Романа.

Антал — один из «Серебряных».

Антось Моравик из Укропных Выселок — житель Фронтеры, крепостной бара Кузерга.

Анхель Светлый — легендарный император Арции, символ доброго и мудрого правителя.

Арнэ Лагара — дочь Димана, жена маринера Лагара.

Аррой, Рене-Аларик-Руис ре Аррой, герцог и Рьего сигнор че Вьяхе — Первый Паладин Зеленого Храма Осейны. Фактический правитель Эланда, дядя герцога Рикареда.

Аррой Стефан-Рене-Аларик, сигнор че Ри — старший сын Рене.

Арройя Ольвия — жена герцога Рене.

Баадук — почитается в Эр-Атэве пророком, основателем религии.

Базилек — император Арции в 2196–2229 гг.

Бернар — канцлер при дворе Базилека, второй муж дочери императора Валлы.

Бласко Радек — «Серебряный».

Вайцки Симон — сводный брат первого мужа Лупе. Медикус в Гелани.

Валла — дочь Базилека.

Ванста — шпион на службе у Годоя.

Варухи Ян и Яцек — селяне из Белого Моста, отец и сын.

Вилизарий — настоятель Олецкого дюза.

Вильчуковска Гвенда по прозвищу Красотка Гвенда — хозяйка корчмы «Белая Мальва» в Белом Мосту, позднее одна из вождей восстания.

Вильчуковский Зенек — племянник Красотки Гвенды, юноша из Белого Моста, ставший аюдантом герцога Арроя.

Винсен — аюдант Шарля Матея.

Вуар — эркард Олецьки.
Вэлдовна Марита — младшая дочь эркарда Гелани.
Вэтрон Раймон — арцийский нобиль.
Евлалий — Арцийский кардинал, член конклава.
Ганк Огист — эландский нобиль, по общему мнению, любовник Ольвии Аррой.
Гардани Белинда-Лара-Эттина (Белка, Бельчонок) — дочь Шандера.
Гардани Шандер — командир «Серебряных», граф, близкий друг Рене Арроя.
Герар Паол — моряк из вольных капитанов, поступивший на службу императору Базилеку. Командовал флагманом арийского флота «Корона Волингов».
Гери Стах — сначала воин из числа «Серебряных», затем один из аюдантов Рене Арроя.
Гийом — воин из отряда Луи, гонец в Мунт.
Глео Родольф — муж Лупе, поэт, сводный брат медикуса Симона.
Годой Монтайя Михай-Эсейб-Удад — господарь Тарски, герцог.
Годоя Мария-Герика — единственная дочь Михая Годоя, наследница Тарски, впоследствии королева Таяны.
Датто Рой — командор Церковной Стражи, маршал Арции, победитель в битве при Агосте.
Диман Гоул — член Совета Паладинов, коронэль герцога Арроя и его старый друг.
Дворга — знатная фронтерская фамилия.
Добори Габор — капитан Церковной Стражи, впоследствии командор Церковной Стражи.
Жак-Здоровяк — командор «Дранных Котов», офицер Луи Арцийского.
Жером — вице-маршал Арции.
Жиль по прозвищу Кривой — ординарец маршала Ландея.
Зимный Рыгор — сначала войт вольного села Белый Мост, затем вождь антитарскийского восстания во Фронтере.
Иннокентий — кардинал Таянский (2219–2227).
Инта (гоблинская транскрипция имени Линета) — легендарная возлюбленная сына Омма.
Иоахиммиус Рэггский — сподвижник Филиппа и Феликса, один из самых влиятельных кардиналов, впоследствии кардинал Кантиски и настоятель Великого монастыря святого Эрасти.
Катриона — нянька Ланки и Лары.
Койла Фредерик — граф, арцийский дипломат.
Куи Гонтран — Печатный маг на службе тайной канцелярии.
Кэрль — маг из числа Преступивших. Целитель.
Лагар — маринер, член Совета Паладинов.
Ландей Франциск — маршал Арции, друг юности принца Эллари.
Ласли Габор — лейтенант «Серебряных».
Ласло — аюдант Добори.
Луи че Лагг, Луи Арцийский — сын старшего брата императора Базилека Эллари. Изгнан вследствие интриг Бернара.
Лупе (Мона Леопина Ирэна рэ Клэ) — знахарка из села Белый Мост.
Майхуб — калиф Эр-Атэва.
Максимилиан — кардинал Эланда, один из самых активных сторонников Феликса.
Мальвани Сезар — маршал Арции, друг принца Эллари.
Марциал Этьен-Виктор-Одуа — младший брат Бернара.
Матей (Шарль че Матей) — друг старшего брата императора Базилека, принца Эллари, погибшего в битве при Авире.
Митта-Марина-Анна-Елизавета — племянница Базилека, разведенная супруга Стефана Таянского.

Ноэль — воин из отряда Матея.
Нурниг — граф, посол по особым поручениям императора Базилека.
Нэнна — старшая кухарка в Высоком Замке.
Оловська Катря — крестьянка из Белого Моста.
Парамон — архивариус Архипастыря Филиппа и секретарь Архипастыря Феликса.
Примеро — маг, глава Преступивших.
Пурина — император Арции, славящийся своей жестокостью. Свергнут Анхелем Светлым.
Рауль че Гинтэ — маринер, член Совета Паладинов.
Рафал — коронный лейтенант.
Рикаред — Великий Герцог Эланда.
Риче — воин из отряда Луи, гонец в Эланд.
Бродерик — жених Инты.
Руис Аррой — мятежный арцийский принц, родоначальник династии Арроев Эландских.
Стефан Старый — третий король из династии Ямборов.
Суон Триго Старший — знаменитый Кантисский иконописец.
Таусий — настоятель храма св. Цялы в Гелани.
Тео — воин из отряда Луи, гонец в Кантиску.
Тео — боцман на «Созвездии».
Терен — легендарный родоначальник маринеров.
Тиберий — епископ в Гелани.
Толстяк — прозвище Амбруаза, славящегося своей худобой воина из отряда Луи, одного из гонцов в Мунт.
Уанн — маг-одиночка. Хранитель Меча.
Ультим — маг из числа Преступивших.
Феликс I — Архипастырь, наследовавший Филиппу.
Фиделиус — клирик-церемониймейстер при особе Архипастыря.
Филипп XI — Архипастырь Церкви Единой и Единственной (2204–2227).
Фома Роканский — монах-эрастианец, изобретший порох.
Церна (Кэрна) Эрасти-Аларик-Филипп — друг и сподвижник императора Анхеля, впоследствии злодейски убитый. Причислен к лику святых.
Циала Тарская, Циала Благословенная, Равноапостольная Циала — дочь Тарского господаря, единственная в истории Церкви Архипастырь-женщина, сокрушившая Проклятого. Причислена к лику святых.
Шама — придворный медикус в Высоком Замке.
Шада — барон, сосед Феликса по отцовскому имению.
Эллари Арцийский — наследный принц Арции, отец Луи.
Ягоб — маринер, член Совета Паладинов.
Ямбор Маркус-Ян-Иоахимм, старый Марко — король Таяны.
Ямбор Стефан-Аларик-Кенстин-Тейни — наследник таянского престола.
Ямбор Зенон-Орест — средний из принцев Ямборов.
Ямбор Марко-Антон — младший из принцев.
Ямбора Анна-Илана — младшая дочь Марко и Акме.
Ямбора Лара-Мария — старшая дочь Марко и Акме.
Ямбора Марина-Митта — бывшая жена Стефана, племянница императора Арции.

Ушедшие

Эаритэ Сумеречная — младшая жрица храма О, затем — Хранительница Кабаньих топей во Фронтере.
Эгор — всадник Горды.

Эон — всадник Горды.

Эльфы

Клан Лебеда

Эмзар Снежное Крыло — местоблюститель Лебединого трона, старший сын последних Лебединых владык.

Залиэль Ночная Фиалка — последняя из Лебединых королев, мать Эмзара и Астена.

Дом Розы

Глава — *Астен Кленовая Ветвь* .

Затем его сын — *Нэо Рамиэрль, Нэо Звездный Дым ака Роман Ясный (Роман-Александр че Вэла-и-Пантана)* .

Нанниэль Водяная Лилия из Дома Лилии — его жена.

Эанке Аутондиэль, Эанке Падающая Звезда — его дочь.

Дом Журавля

Глава — *Клэр Утренний Ветер* .

Его жена — *Тина Последняя Незабудка* из Дома Ивы.

Дом Ивы

Глава — *Нидадь Рябиновая Гроздь* .

Ариэн Нарсиэль, Ариэн Ольховая Серезжа — младший из племянников Нидаля, сначала воин в охране Эмзара, затем — командующий легкой эльфийской конницей.

Элзар — один из воинов, охраняющих Лебединый трон.

Дом Иволги

Глава — *Тамиона Лагариэль, Тамиона Лунная Бабочка, вдова Айлэ Золотого Листа* .

Ее сестры — *Лиа Танцующая Стрекоза* и *Вардис Роза на Траве* .

Дом Ириса

Глава — *Антэл Золотой Тростник* .

Дом Лилии

Глава — *Фэриэн Весенний Рассвет* .

Дейре Осенний Сон .

Веол Туманный День .

Геден Виноградная Гроздь .

Илад Клеверная Дымка .

Дом Мотылька

Амэл Прохладное Утро .

Клан Серебряной Луны

Логриэль Норгэрэль — сын Ларэна и Залиэли.

Ларэн Лунный Свет — Лунный король.

Хозяева

Кэриун-а-Роэбл-а-Дасто — Хозяин Ласковой пущи.

Прашинко — Хозяин дороги в Таяне.

Гоблины

Граанч пад Никор Ранна — Верховный жрец-старейшина южных гоблинов.

Грэдда аха Ладда — мать Крезы и Грэддока.

Грэддок пад Козэй-Ладда — молодой охотник.

Кадэррок пад Ухэр — жрец-старейшина родного села Рэннока.

Криза нида Козэй-Ладда — сестра Грэддока.

Кроэрк — муж Грэдды.

Нкрдич пад Угор — капитан гоблинской стражи.

Рэннок пад Козэй — отшельник в Корбутских горах, приемный отец Крезы и Грэддока.

Уррик пад Рокэ — воин, возлюбленный Иланы.

Твари и Существа

Андриаманзака-Ракатуманга-Жан-Флорентин — философская жаба, спутник Рене Арроя.

Бо — «Ожидающий» — советник Михая Годоя, уничтоженный герцогом Рене.

Гиб — Водяной Конь.

Поррак — «Ожидающий», погибший в кантисском храме Св. Эрасти.

Преданный — рысь.

Уло — «Ожидающий», один из советников Михая Годоя.

Шаддур — «Ожидающий», один из советников Михая Годоя.